This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slaw 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

26 May — 25 Jun, 1897.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLIX. — 1/13 МАЯ 1897.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 2.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

Digitized by Google

P Slav 176.25
~~Slav 30.2~~

1894 Jan 26 — Jan 25.
Sever fund.

2543

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1897.

Стр.

I.—НИКОЛАЙ ХРИСТІАНОВИЧЪ БУНГЕ. — Біографическій очеркъ. — 1823-1895 гг.—**Евг. Э. Картавцова**. 5

II.—ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.—Голоса Ночи.—Перев. **А. М. Осдорова** 40

III.—ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО. — VIII. Отношеніе новоселовъ къ старожиламъ. — IX. Переселенческій вопросъ въ будущемъ. — Окончаніе. — **О. Г. Тернера**. 53

IV.—НАЧАЛО КОНЦА.—Повѣсть.—**Вл. Тихонова**. 86

V.—ПАВЕЛЪ I и ГУСТАВЪ IV.—1796-1800 гг.—По документамъ стокгольмскаго архива.—IV-VII.—Окончаніе.—**А. Брикнера** 147

VI.—ИЗЪ М. ГЮЙО.—I. Моменты вѣры.—II. Симпозіонъ.—Перев. **И. Тхоржевскаго**. 171

VII.—ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПЕЛОПОННЕСА.—XI. По Лакедемоніи.—XII. Спарта средневѣковая и Спарта классическая.—XIII. Триполица.—**Евг. Л. Маркова**. 173

VIII.—ДОЧЬ СВОЕГО ВѢКА.—I-VI.—Перев. съ англ.—**А. Б—г-**. 211

IX.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГР. А. К. ТОЛСТОГО.—1856-1863 гг. 261

X.—ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ, въ 1697-1698 гг.—**А. П.** 298

XI.—ХРОНИКА. — По исполненію государственной росписи на 1896 годъ.—**О.** 324

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Именной Высочайшій указъ 27-го марта.—Высочайшій рескриптъ 13-го апрѣля.—Положеніе дворянства въ до-реформенную, реформенную и по-реформенную эпохи.—„Московскія Вѣдомости“ о „возстановленіи государственныхъ полномочій дворянства“. — Ссылка на „мудрые совѣты“ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ. — Что понимать подъ именемъ возвращенія къ прошедшему?—Вопросъ о судѣ присяжныхъ, общемъ и спеціальномъ, въ коммиссіи, пересматривающей судебные уставы.—Столѣтіе Удѣльнаго вѣдомства. 335

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Греко-турецкая война и ея возможныя послѣдствія.—Побѣдоносная Турція и великія державы.—Дипломатическія недоразумѣнія.—Недовольство европейскою дипломатіею во Франціи и Англіи.—Туркофильство въ нашей печати. — Сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею 357

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Собраніе сочиненій Н. Н. Наумова.—Г. Могра, Послѣдніе дни одного общества.—**Т.**—Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, соч. Де-Фо. Лазарильо изъ Тормесъ, и его удачи и неудачи.—**А. П.**—Р. Сенкевичъ, Quo vadis, ром. изъ временъ Нерона.—**Д.**—Новыя книги и брошюры. 379

XV.—ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА, вновь изданныя.—**Т.** 386

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. J. Legras, Henri Heine, Poète.—**З. В.**—II. Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours, par A. Brandar.—**Л. С.** 397

XVII.—ОБЫВАТЕЛИ ЛОНДОНА И ИХЪ БЫТЪ.—Ch. Booth, Life and Labour of the People, V-VIII t. Письмо изъ Англіи.—**С. И. Раппопорта**. 406

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Ростущая литература по университетскому вопросу.—Статьи „Одного изъ многихъ“, кн. С. Н. Трубецкого и А. Ф. Филиппова; брошюра Н. Карѣева.—Пріостановка „Луча“.—По поводу 50-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.—Юбилей А. А. Потѣхина.—Письмо въ Редакцію А. А. Поджіо, по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго. . . 417

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Совѣта Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ.—II. Отъ общества борьбы съ заразными болѣзнями.—III. Отъ Спб. Общества: „Помощь къ чтенію больнымъ и бѣднымъ“. 433

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ, К. Скальковскаго.—Духовныя основы жизни. Владиміра Соловьева. Изд. 3-е.—Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Н. Карѣева.—Курсъ физики, О. Д. Хвольсона. Т. I.—Самуилъ Гапеманъ. Очерки его жизни и дѣятельности. Д-ра мед. Л. Е. Браіоля.—Поэзіи, Думы и Пѣсни. В. К. Булгакова.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

Digitized by Google

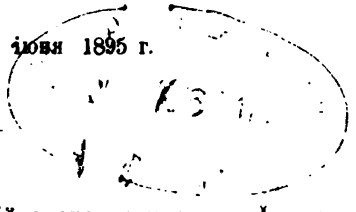
Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

НИКОЛАЙ ХРИСТІАНОВИЧЪ

БУНГЕ

Біографическій очеркъ.

11 ноября 1823 г. — 3 іюня 1895 г.



Настоящій краткій біографическій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Николая Христіановича Бунге не затрогиваетъ многихъ вопросовъ очень большой важности, потому что въ сферѣ вопросовъ этихъ покойный соприкасался—то въ качествѣ союзника, то явнымъ противникомъ—съ дѣятельностью и взглядами многихъ еще здравствующихъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Характеристики и указанія, касающіяся всѣхъ ихъ, сдѣланныя покойнымъ Николаемъ Христіановичемъ, прольютъ въ свое время много свѣта на ходъ политической дѣятельности Россіи съ 1880 по 1895 годъ, но пользоваться матеріаломъ этимъ теперь, конечно, очень еще неудобно.

Чтобы читатель имѣлъ какое-нибудь представленіе о физической, нравственной и умственной личности человѣка, которому посвященъ настоящій очеркъ, и объ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ его, позволю себѣ прежде всего въ нѣсколькихъ словъ обрисовать его съ этихъ именно сторонъ.

Digitized by Google

I.

Николай Христіановичъ Бунге былъ человѣкъ очень небольшого роста, сильно сутуловатый и крайне худощавый; черты лица его были неправильны, подбородокъ нѣсколько широкъ, носъ прямой, продолговатый и заостренный; его большіе прекрасные глаза, живые и свѣтящіеся, такъ привлекали къ себѣ, что совсѣмъ заслоняли лицо; очень хороша также была и улыбка, удивительно тонкая, соединявшая съ юморомъ и много доброты. Большую часть жизни Николай Христіановичъ брилъ усы и бороду и очень напоминалъ собою Вольтера, только въ улыбкѣ его было меньше сарказма и гораздо больше мягкости. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, уступая симпатіямъ покойнаго государя, онъ отпустилъ усы и бороду и, по правдѣ сказать, много потерялъ во внѣшней привлекательности, потому что свѣтившіеся умомъ и чувствомъ глаза при бородѣ и усахъ стали занимать какъ бы гораздо меньше мѣста, и все лицо лишилось своей характерности.

Здоровья онъ всегда былъ очень слабаго и вѣчно долженъ былъ лечиться; жизнь же велъ очень правильную. Во время пребыванія въ Петербургѣ вставалъ въ пять часовъ утра и принимался сейчасъ же за работу; часовъ въ $10^1/_2$ или 11 выходилъ гулять, примѣрно на часъ; завтракалъ въ двѣнадцать, а съ часу принималъ доклады; около пяти, опять отправлялся на прогулку, обѣдалъ въ шесть и, если у него были гости, сидѣлъ съ ними часовъ до восьми, а позднѣе этого рѣдко кого удерживалъ. Въ половинѣ десятаго засыпалъ въ креслѣ на полчаса, проснувшись читалъ еще полчаса и въ одиннадцать укладывался спать. Только лѣтомъ, живя въ Царскомъ Селѣ или за границей, отнималъ онъ у работы часа три, которые посвящалъ прогулкамъ. Зимой работалъ какъ администраторъ, лѣтомъ же—преимущественно надъ изданными имъ въ послѣдніе годы книгами и брошюрами, а также надъ лекціями, которыя читалъ, съ 1886 по 1889 годъ, по политической экономіи и финансамъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору.

II.

Нравственный обликъ покойнаго Николая Христіановича представляетъ собой нѣчто совсѣмъ исключительное въ средѣ крупныхъ государственныхъ дѣятелей; до послѣдняго своего дня

Digitized by Google

сохранилъ онъ кристальную чистоту души, рѣдкую скромность и чрезвычайную деликатность.

Чистота души—явленіе не частое среди видныхъ государственныхъ дѣятелей гдѣ бы то ни было. Оно и понятно: добраться до вершинъ общественной лѣстницы трудно безъ борьбы, безъ уступокъ въ мнѣніяхъ, безъ сдѣлокъ съ совѣстью; люди, происхожденіемъ и средствами своими поставленные высоко, еще легче могутъ не идти на уступки, выжидать и достигать многаго; люди же, выходящіе изъ общихъ рядовъ, проходятъ такой тяжелый искусъ и путь, въ которыхъ у большинства изъ нихъ мало-по-малу слабѣютъ иногда лучшія чувства, великодушнѣйшія мысли и стремленія.

Николай Христіановичъ ничего этого не растерялъ на жизненномъ пути своемъ. 22-лѣтнимъ преподавателемъ нѣжинскаго лицея и семидесятилѣтнимъ предсѣдателемъ комитета министровъ, онъ былъ равно чистъ и молодъ душой, одинаково воспріимчивъ ко всему доброму, честному и благородному. Въ вопросахъ морали, по отношенію къ себѣ лично, онъ не зналъ уступокъ и соглашеній. Онъ никогда не женился—„чтобы не ввести новую хозяйку въ домъ любимой матери“, какъ выражался онъ, и въ то же время не имѣлъ никакихъ романическихъ приключеній,—по крайней мѣрѣ, память людей, которымъ теперь уже около шестидесяти лѣтъ, не сохранила даже намека на что-нибудь подобное. Между тѣмъ, общества женщинъ онъ вовсе не избѣгалъ, и нерѣдко, во время жизни его въ Кіевѣ и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Петербургѣ, обѣдали у него и проводили часокъ послѣ обѣда женщины и пожилыя, и совсѣмъ еще молодыя.

Говорить о безусловной честности и порядочности Николая Христіановича—значило бы повторять общія мѣста. Но онъ шелъ далѣе обыденной общественной морали—онъ никогда не говорилъ неправды, даже въ сношеніяхъ оффиціальнаго характера; изъ десяти случаевъ, быть можетъ, въ семи, восьми онъ не соглашался съ собесѣдникомъ, и такъ какъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы минувшаго царствованія, не считалъ удобнымъ высказывать дѣйствительное мнѣніе свое, то или отмалчивался, или, пользуясь рѣдкой своей находчивостью, отдѣлывался какой-нибудь шуткой, а еще чаще переводилъ разговоръ на другіе предметы, преимущественно въ сферѣ литературной, задавая совсѣмъ неожиданно вопросъ въ родѣ такого: „Ну, а читали вы послѣднюю вещь Гюи-де-Мопассанъ... Не правда ли... какая сила“! Душевная чистота Николая Христіановича была удивительно свое-

Digitized by Google

образна. Почти всегда люди чистой души очень плохо понимаютъ людей вообще и совершенно не въ состояніи выяснить себѣ дурные инстинкты и заднія мысли другихъ. Николай Христіановичъ въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія, пока дѣло касалось женщинъ, которыхъ понималъ онъ вообще очень мало и среди которыхъ рѣдко могъ отличить вполнѣ порядочныхъ и цѣнившихъ его только какъ человѣка отъ ловкихъ комедіантокъ, искавшихъ въ знакомствѣ съ нимъ—сановника съ вѣсомъ и вліяніемъ. Не скажу также, чтобъ онъ вообще понималъ людей—тутъ у него также бывали промахи. Но какъ только Николай Христіановичъ сталкивался съ государственнымъ дѣятелемъ, онъ съ удивительной быстротой и ясностью схватывалъ и выяснялъ себѣ нравственный его обликъ и понималъ всѣ самые скрытные мотивы мнѣній имъ высказанныхъ, поступковъ имъ сдѣланныхъ и цѣлей имъ преслѣдуемыхъ.

Деликатность Николая Христіановича вошла въ пословицу; она была существомъ его природы, и, я думаю, онъ не смогъ бы и не съумѣлъ бы быть неделикатнымъ и мало-мальски невнимательнымъ къ знакомому или просителю; въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ различія ни по поламъ, ни по возрастамъ, ни по общественному положенію человѣка—съ министромъ и членомъ государственнаго совѣта онъ былъ тотъ же, какъ съ самымъ мелкимъ канцелярскимъ служителемъ или съ курьеромъ своимъ. Но и въ деликатности Николая Христіановича, какъ и въ его душевной чистотѣ, была своеобразная черта. Деликатные люди легко конфузятся, теряются, и на нихъ вовсе не трудно бываетъ насѣсть. Николай Христіановичъ конфузился тоже нерѣдко, но каждая конфузливость моментально вызывала реакцію; онъ очень энергично парировалъ сдѣланный на него натискъ, и заставить его поступить, или высказаться, взявъ его, такъ сказать, нахрапомъ, было почти невозможно. Однако, все-таки деликатность эта много повредила ему, какъ общественному дѣятелю. Проводя крупныя реформы, нарушавшія многіе и важные интересы, онъ долженъ былъ быть бойцомъ и при дѣлаемыхъ на него нападеніяхъ не только отражать ихъ, но и самъ наносить удары; деликатность мѣшала этому—онъ отражалъ удары, но самъ не наносилъ ихъ, а при такихъ условіяхъ долго побѣждать невозможно.

Была въ характерѣ Николая Христіановича одна черта, которую много и сильно критиковали—не посторонніе, а ближайшіе друзья его и родственники, это—его большая сдержанность и замкнутость. Бывали, напримѣръ, случаи, что онъ разсказывалъ какое-нибудь рѣшеніе крупнаго государственнаго вопроса со вся-

Digitized by Google

кими оговорками и недомолвками, а на слѣдующій день собесѣдникамъ его приходилось читать соотвѣтственное правительственное сообщеніе, напечатанное въ оффиціальномъ органѣ. Но особенно не любилъ онъ передавать содержаніе разговоровъ и докладовъ своихъ какъ покойному Государю Александру Александровичу, такъ и нынѣ царствующему Государю Императору. Пишущій эти строки разъ предложилъ ему вопросъ по этому предмету и получилъ такой отвѣтъ: „Вы знаете, что съ вами я откровеннѣе, чѣмъ съ большинствомъ друзей и знакомыхъ: вамъ иногда передаю я, что́ докладывалъ и говорилъ Государю; но съ пріѣзда своего въ Петербургъ я никогда и никому не передавалъ *сужденій*, выраженныхъ мнѣ Государемъ. Я передавалъ категорическія приказанія или подлежавшія исполненію указанія, но никогда и никому—*сужденія:* не дѣлалъ я этого и дѣлать не буду".

Сдержанность и замкнутость Николая Христіановича имѣли послѣдствіемъ то, что мало знавшіе его считали его сухимъ, мало впечатлительнымъ и неотзывчивымъ человѣкомъ. И какъ ошибались такіе люди! Онъ былъ человѣкъ на рѣдкость добрый. Весьма значительная часть собственныхъ доходовъ и министерскаго жалованья шла у него на дѣла благотворенія. Никто никогда не слышалъ у него о томъ, что къ нему обращаются за помощью, и что онъ не отказываетъ въ ней, а между тѣмъ дѣлалъ онъ это всегда и въ широкихъ размѣрахъ. Пока онъ былъ въ Кіевѣ, помощь его шла прямо изъ рукъ его, или черезъ приходское лютеранское попечительство; когда онъ перешелъ въ Петербургъ, то, заваленный дѣлами большой государственной важности, передалъ дѣло благотворенія своему секретарю, человѣку феноменальной молчаливости, и эта сторона его натуры обнаружилась лишь случайно, уже послѣ выхода его изъ министерства финансовъ.

Рядомъ съ добротой души шла отзывчивость не только ко всему хорошему и доброму, но и просто интересному. Кто могъ бы, напримѣръ, подумать, что ученѣйшій экономистъ Россіи, одинъ изъ самыхъ занятыхъ государственныхъ людей, является въ то же время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ не только русской, но и французской литературы и поэзіи. Въ такіе моменты, какъ, напримѣръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ государственная роспись расходовъ и доходовъ на слѣдующій годъ, и когда министры финансовъ обыкновенно утомлены и раздражены въ величайшей степени, Николай Христіановичъ находилъ возможнымъ зайти къ Мёлье, выбрать нѣсколько новыхъ французскихъ романовъ и быстро проглотить ихъ. Когда его спраши-

Digitized by Google

вали, какъ успѣваетъ онъ это дѣлать, онъ отвѣчалъ: „Да какъ же иначе! Я работаю часовъ десять, одиннадцать; сплю часовъ шесть, семь; гуляю два часа, да на туалетъ идетъ около получаса. Что́ же дѣлать остальное время! Вѣдь въ гости, вы знаете, кромѣ воскресныхъ утреннихъ визитовъ, я ѣзжу рѣдко; у себя принимаю не долго. Вотъ я и читаю; чтеніе освѣжаетъ меня, оживляетъ утомленный мозгъ; въ чтеніи—мой отдыхъ, мое единственное удовольствіе; какъ же могу я не интересоваться тѣмъ міромъ, въ который вводитъ онъ меня, тѣми образами, которые рисуетъ оно мнѣ"! И Николай Христіановичъ дѣйствительно интересовался всѣми отдѣлами литературы русской, французской, нѣмецкой и англійской; съ итальянской знакомъ онъ былъ слабѣе; скандинавамъ же сочувствовалъ мало.

Читая все новое и интересное, онъ въ то же время перечитывалъ старое, и въ этомъ отношеніи вкусъ его удивительно подходилъ къ основѣ его государственной дѣятельности—къ нему, какъ реформатору по существу. За послѣдніе три года жизни онъ прочелъ почти цѣликомъ Жоржъ-Зандъ и Бальзака и ни строки не пропустилъ въ полномъ собраніи сочиненій Щедрина-Салтыкова. Къ другимъ отдѣламъ искусства онъ относился гораздо равнодушнѣе, и сужденія по музыкѣ, живописи и скульптурѣ отъ него слышали очень рѣдко, хотя вовсе нельзя сказать, чтобы онъ лишенъ былъ способности видѣть и цѣнить цвѣта и краски; онъ прямо любилъ природу и наслаждался ею въ уединенныхъ прогулкахъ по южной Германіи, по Швейцаріи и на итальянскихъ озерахъ. Стоило заговорить о Белладжіо—глаза его начинали свѣтиться, и онъ принимался разсказывать. Въ 1893 году встрѣтились мы въ Интерлакенѣ. Николай Христіановичъ жилъ въ „Hôtel-Jungfraublick'ѣ, въ нумерѣ, прямо повернутомъ на гору. Какъ-то зашелъ я къ нему около пяти часовъ. Онъ стоялъ у открытаго окна и смотрѣлъ на гору.

— Что́ подѣлываете, Николай Христіановичъ?—спросилъ я.

— То же, что́ и всегда въ эту пору—любуюсь вѣчной красавицей Юнгфрау. Смотрите, какой переливъ цвѣтовъ и красокъ... — и съ оживленіемъ юноши онъ сталъ описывать мнѣ, какъ передъ солнечнымъ закатомъ идетъ освѣщеніе Юнгфрау, какъ набѣгаютъ тѣни, какъ переливаются цвѣта.

Вообще Николай Христіановичъ представлялъ собою очень крупную умственную силу и личность такой нравственной красоты, что изъ современныхъ нашихъ политическихъ дѣятелей едва ли кто можетъ сравниться съ нимъ. Дать полную его ха-

Digitized by Google

рактеристику теперь, на нѣсколькихъ страницахъ, я не берусь; надѣюсь сдѣлать это позже.

III.

Названія политическихъ партій перешли къ намъ изъ западной Европы; но такъ какъ самыхъ партій этихъ у насъ нѣтъ, то названія скоро потеряли первоначальное свое значеніе и въ пониманіи ихъ оказалась большая путаница.

Въ виду этого, не подводя общій складъ взглядовъ Николая Христіановича подъ ту или другую кличку, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько указаній на воззрѣнія его по нѣкоторымъ кореннымъ вопросамъ, и читатель самъ увидитъ, къ какому лагерю принадлежалъ покойный.

Николай Христіановичъ, вовсе даже не считаясь съ положеніями дѣйствующаго права, но исходя изъ того, чему учила его исторія наша, и изъ того, что́ видѣлъ онъ въ теченіе пятидесяти-пяти-лѣтней жизни своей въ русской провинціи, былъ убѣжденный и безкорыстный монархистъ; онъ считалъ, что при относительно большей культурности западной половины имперіи, гдѣ въ руководящихъ классахъ преобладаютъ центробѣжныя стремленія, цѣлость и сохранность государства можетъ быть ограждена лишь единствомъ власти; онъ полагалъ, что русскій народъ, по свойствамъ своего характера мало способный къ систематической постоянной мелкой повседневной борьбѣ и усиліямъ, можетъ въ минуты подъема духа дѣлать подъ руководствомъ единой твердой власти такіе шаги и успѣхи, которые граничатъ съ чудесами. Николай Христіановичъ указывалъ на большую аналогію въ распредѣленіи работы крестьянина въ теченіе года и работы политической жизни нашей народности. Въ теченіе всей зимы, значительной части осени и весны, крестьянинъ, особенно центральной черноземной Россіи, дѣлаетъ очень мало; за то въ страдную пору онъ трудится нерѣдко по 18 часовъ въ день, исхудаетъ, истощится, но произведетъ такую работу, которая совершенно не по силамъ западному европейцу, не выработавшему приспособленности къ тому, чтобы однимъ махомъ сдѣлать то, что́ гораздо легче дается путемъ болѣе слабыхъ, но въ то же время правильнѣе распредѣленныхъ усилій. Такую же работу страдной поры видѣлъ Николай Христіановичъ и въ политической жизни нашей—стоитъ только назвать реформы Петра Великаго и Александра II. Николай Христіановичъ вовсе не на-

Digitized by Google

ходилъ, чтобы такое движеніе толчками было лучше или просто предпочтительнѣе западно-европейскаго систематическаго движенія; но какъ усилія нашего крестьянина въ страдную пору—результатъ климатическихъ и почвенныхъ условій страны, такъ и нервные, страстные періоды реформъ — результатъ особенностей нашего характера, выработаннаго и почвой, и климатомъ, и исторіей нашей. Если бы въ эти моменты рѣшительнаго поступательнаго движенія впередъ реформаторъ былъ чѣмъ-нибудь связанъ, или долженъ былъ бы идти работая силами той или другой партіи—получились бы или ужасы французской революціи, или борьба въ родѣ бывшей за освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Русская же верховная власть можетъ дѣлать великое, намѣченное ею дѣло, „безстрастно зря на правыхъ и виновныхъ".

Николай Христіановичъ былъ горячій русскій патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію его, Россія должна была принадлежать русскимъ. Заимствуя выраженіе это изъ Америки, онъ разъяснялъ его тѣмъ, что въ Россіи должны *господствовать:* русская государственность, т.-е. русская государственная власть и русскія учрежденія (на окраинахъ, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ), русская народность, русскій языкъ какъ общегосударственный и уваженіе къ вѣрѣ, исповѣдуемой русскимъ народомъ и его Государемъ.

Я подчеркнулъ выше слово „господствовать", потому что господствовать не значитъ только одному господствующему имѣть право на существованіе. Свое выраженіе „господствовать" Николай Христіановичъ понималъ такъ:

1) Государственная власть должна владычествовать надъ иноплеменниками не какъ власть завоевателя, которой повинуются, пока не могутъ ее свергнуть, но такъ, чтобы тѣ изъ иноплеменниковъ, которые сидятъ сплошными населеніями, стали современемъ родными сынами, а не пасынками страны,—а тѣ, которые разсѣяны по ней и не имѣютъ развитой общественности, слились бы съ кореннымъ населеніемъ.

2) Наши государственныя учрежденія и законы не должны насильственно ломать во что бы то ни стало исторически сложившійся строй жизни иноплеменниковъ въ ущербъ ихъ благосостоянію и безъ пользы для всего государства, но должны способствовать сближенію иноплеменниковъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, упрочивать единство государства, укрѣплять уваженіе къ правительству и авторитетъ его.

3) Государственный языкъ долженъ быть господствующимъ,

Digitized by Google

но господство это должно быть послѣдствіемъ общей въ немъ потребности, а не языкомъ, которымъ имѣется въ виду искоренить насильственно другіе языки и нарѣчія.

4) Господствующая церковь должна быть ограждена и уважаема, не стѣсняя свободы совѣсти ни иновѣрцевъ, ни отпавшихъ отъ нея сектантовъ; опираться ей слѣдуетъ на подвижничество ея представителей, а не на полицейскую власть; не силой внѣшнею, а убѣжденіемъ и примѣромъ доблестной жизни духовенства пріобрѣтаются новые сыны церкви и возвращаются отпавшіе въ лоно ея; употребленіе же каръ закона или административныхъ воздѣйствій возбудитъ, какъ указываетъ на то исторія всѣхъ временъ и народовъ, только болѣе энергичное противодѣйствіе и увѣренность, что страдающіе терпятъ за истину.

Вотъ тѣ основныя положенія, которыя много разъ были высказываемы Николаемъ Христіановичемъ, который собирался онъ включить въ политическое завѣщаніе свое, составить которое, къ сожалѣнію, не успѣлъ. Изъ нихъ ясно, что онъ былъ русскій патріотъ, но не квасного пошиба. Всякій, пожелающій вдуматься въ положенія эти, хорошо выяснить себѣ его точку зрѣнія на вопросы: національный, языка и свободы совѣсти; поэтому я не стану дольше останавливаться на нихъ, а перейду къ другимъ, непосредственно съ ними не связаннымъ.

Будучи поклонникомъ твердой власти, Николай Христіановичъ не упускалъ изъ виду, что нельзя хорошо управлять такой, какъ наша, громадною страной, вмѣшиваясь въ мелочные вопросы мѣстной жизни. Онъ былъ поэтому горячимъ защитникомъ децентрализаціи въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго интереса. Еще профессоромъ, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ доказывалъ слушателямъ, что централизація Наполеоновскаго режима приведетъ Францію къ катастрофѣ и добавлялъ: „Починка моста на сумму свыше 3.000 франковъ требуетъ разрѣшенія министра; естественно, что при такихъ условіяхъ министры занимаются не тѣмъ, чѣмъ заниматься имъ слѣдуетъ, и упускаютъ многое изъ того, о чемъ слѣдовало бы хорошенько подумать. Отсюда хромота и бездѣятельность государственной и общественной жизни, что, конечно, къ добру не поведетъ". Событія 1870-го года вполнѣ оправдали его предсказанія. Результатомъ такого взгляда на вопросы мѣстнаго управленія была всегдашняя готовность Николая Христіановича поддерживать права самоуправленія земствъ и городовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не отрицалъ необходимости бо́льшаго, чѣмъ было первоначально установлено,

Digitized by Google

контроля правительства надъ земскимъ и городскимъ управленіями.

Взгляды Николая Христіановича на печать были передовые. Онъ находилъ, что въ самодержавной монархіи, какъ наша, истина далеко не всегда можетъ дойти до слуха царева. Въ виду этого и того, что министры всегда могутъ добиться выраженія пріятнаго имъ мнѣнія со стороны нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, и что, по существу дѣла, сколько-нибудь энергичный министръ можетъ всегда быть „*фабрикантомъ общественнаго мнѣнія*“, разумѣя, конечно, мнѣнія открыто заявляемыя,— Николай Христіановичъ считалъ, что печать у насъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было можетъ оказать пользы, лишь бы ей дана была нѣкоторая свобода обсужденія; слѣдовало бы, по его мнѣнію, установить очень строгія взысканія, но взысканія налагаемыя по суду, оставивъ за администраціей право временной пріостановки изданій въ случаяхъ появленія статей—по выраженію закона нашего—„явно возмутительнаго содержанія“. Степень бережности отношенія Николая Христіановича къ печати видна изъ того, что за шесть лѣтъ его министерства ни одна газета, ни одинъ журналъ, не только не были запрещены по его просьбѣ, но не получили ни предостереженія, ни внушенія. Въ то же время онъ всячески избѣгалъ оповѣщать повременныя изданія, что та или другая мѣра или проектъ министерства не подлежитъ оглашенію или обсужденію.

Какъ далеко шло это нежеланіе воздѣйствовать на печать, можно судить по слѣдующему случаю.

Газета „Гражданинъ“, весьма тогда вліятельная, постоянно нападала на всѣ мѣры Николая Христіановича. Изъ ближайшихъ его сотрудниковъ я пользовался особымъ ея вниманіемъ, и въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ чуть не въ каждомъ нумерѣ подвергались нападкамъ и дѣятельность дворянскаго и крестьянскаго банковъ, и моя лично, какъ ихъ управляющаго. Газета находила, что дворянскій банкъ грабитъ дворянъ тѣмъ, что не всегда выдаетъ ссуды въ тѣхъ размѣрахъ, какіе испрашиваютъ заемщики,—газетѣ не приходило, конечно, въ голову, что преувеличенныя ссуды затянутъ петлю на шеѣ передового сословія имперіи. Видя во мнѣ малоподатливаго противника, она не щадила эпитетовъ, называя меня то—„Робеспьеръ дворянскаго банка“, то „Маратъ крестьянскаго банка“, то „двуликій Янусъ, свѣтлой частью лица обращенный къ крестьянскому, а темной къ дворянскому банку“, то, наконецъ, „новѣйшимъ Іосафатомъ Огризко—дворянскаго и крестьянскаго банковъ“. Въ день одной изъ са-

Digitized by Google

мыхъ забористыхъ выходокъ князя Мещерскаго меня позвали къ министру. Николай Христіановичъ очень рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ спросилъ:

— Читали вы, что̀ сегодня пишетъ про васъ „Гражданинъ“?

— Да... читалъ... по долгу службы.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что́! — взволнованно заговорилъ Николай Христіановичъ: — позоритъ, клевещетъ... Я имѣю полную возможность прекратить все это. Я вполнѣ предоставляю себя въ распоряженіе ваше и не далѣе какъ съ послѣ-завтра имя ваше больше не появится въ „Гражданинѣ“, а о дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ не будетъ болѣе разсужденій. Будутъ факты, но никакихъ разсужденій, понимаете...

— Понимать-то я это понимаю, Николай Христіановичъ. Да что́ толку! Будетъ князь ѣздить по гостинымъ, будетъ разсказывать еще болѣе несообразныя вещи и добавлять: „какое безобразіе, и вывести на чистую воду не могу.—Высочайшимъ повелѣніемъ прикрылись“,—и ложные слухи будутъ доходить до кого слѣдуетъ еще въ болѣе преувеличенной формѣ...

— Такъ вы не хотите...

— Къ чему!..

Николай Христіановичъ почти вскочилъ съ кресла, крѣпко пожалъ мою руку и сказалъ только одно слово: „благодарю“... Но я помню и долго буду помнить тонъ этого слова... Очевидно было—я доставилъ ему большое удовольствіе.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ вопросъ сословный, главнымъ образомъ о преимущественныхъ правахъ и значеніи дворянства, выдвинутъ былъ на первый планъ покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ. Николай Христіановичъ вполнѣ признавалъ заслуги и историческую роль дворянства, думалъ, что оно и теперь имѣетъ огромное значеніе, и былъ увѣренъ, что оно, какъ передовое и наиболѣе образованное сословіе, приспособится къ новымъ условіямъ жизни; тѣ члены его, въ которыхъ нѣтъ достаточной жизнеспособности и жизнедѣятельности, отпадутъ, но само сословіе, уменьшившись численно, много выиграетъ качественно. Поэтому, не сочувствуя въ общемъ такой мѣрѣ, какъ учрежденіе дворянскаго банка, онъ все же не противодѣйствовалъ ей; но за то съ большой энергіей возставалъ противъ того, между прочимъ, пункта правилъ о земскихъ начальникахъ, по которому они назначаются лишь изъ дворянъ, и не безъ колкости указывалъ, что, согласно правилу этому, трое ближайшихъ и талантливѣйшихъ сотрудниковъ Петра I, Екатерины II и Але-

Digitized by Google

ксандра I—Меньшиковъ, Безбородко и Сперанскій—не могли бы быть удостоены званія земскаго начальника.

Николай Христіановичъ былъ также самымъ горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ законности во *всѣхъ* областяхъ государственной и общественной жизни. Почти все время его министерства и когда затѣмъ онъ былъ предсѣдателемъ комитета министровъ, преобладало въ высшихъ правительственныхъ и административныхъ сферахъ теченіе, признававшее, что административная дѣятельность въ большей части случаевъ лучше отражаетъ настроеніе и мысль Монарха, чѣмъ законъ, изданный, быть можетъ, давно и подъ вліяніемъ иныхъ требованій жизни. Николай Христіановичъ всегда и всѣми силами возражалъ противъ такой теоріи. Онъ говорилъ, что при нашемъ государственномъ строѣ, при огромной власти министровъ и возможности полнаго произвола исполнителей, точное и неуклонное исполненіе закона есть единственная серьезная гарантія безчисленныхъ интересовъ и личности; если законъ не соотвѣтствуетъ волѣ или настроенію Монарха—измѣнить его не долго; разъ законъ измѣненъ, всякій знаетъ, въ чемъ заключается перемѣна и его личныхъ правъ, и взглядовъ дѣйствительнаго правительства, и какъ бы ни было непріятно измѣненіе это для отдѣльныхъ интересовъ, они все же имѣютъ возможность приспособиться, будутъ въ то же время сознавать, что все дѣлается по велѣнію власти, а не по капризу исполнителей, и всегда, конечно, предпочтутъ dura lex, sed lex —ничѣмъ не обставленнымъ „усмотрѣніямъ".

Въ сферѣ основныхъ политико-экономическихъ воззрѣній обращу вниманіе читателей на слѣдующіе взгляды Николая Христіановича.

Онъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ частной собственности. Въ эпоху освобожденія крестьянъ онъ представлялъ возраженія противъ предполагавшихся порядковъ общиннаго пользованія землею; но тогда страстныя рѣчи представителей славянофильскаго лагеря, Самарина и Черкасскаго, поколебали его. Въ семидесятыхъ годахъ, въ качествѣ профессора, онъ съ любовью повторялъ намъ слова Юнга: „Дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу—онъ превратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ—онъ обратитъ его въ пустыню"; но при этомъ Николай Христіановичъ не отрицалъ значительныхъ удобствъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и общиннаго пользованія землей. Въ восьмидесятыхъ годахъ точка зрѣнія его измѣнилась, и онъ возвратился къ тому, что́ говорилъ до освобожденія крестьянъ. Практика земельнаго пользованія крестьянъ

Digitized by Google

убѣждала его, что общинное землевладѣніе у насъ теперь непригодно, и онъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами стремился усилить элементъ частнаго владѣнія землей среди крестьянъ. Тутъ встрѣтилъ онъ противодѣйствіе со стороны ближайшихъ сотрудниковъ своихъ; не будучи общинниками, они все же отводили общинному крестьянскому землевладѣнію мѣсто равное съ частнымъ пользованіемъ землею. Но, не смотря на противодѣйствіе ихъ, Николай Христіановичъ настоялъ на проведеніи закона, по которому оброкъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ обращенъ въ выкупные платежи. Въ послѣдніе годы жизни его нельзя почти было касаться въ разговорахъ съ нимъ вопроса объ общинномъ землевладѣніи, такъ какъ, при малѣйшемъ намекѣ на нѣкоторыя выгодныя его стороны, онъ окрещивалъ собесѣдника „общинникомъ“ и переводилъ разговоръ на другой предметъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что и до самаго послѣдняго времени Николай Христіановичъ вовсе не предлагалъ путемъ закона или административныхъ мѣръ не только уничтожать, но даже ломать общинные порядки; онъ возражалъ только противъ всякой искусственной поддержки общиннаго владѣнія и увѣрялъ, что оно распадется очень быстро, если только предоставить дѣло естественному его теченію.

Обращаясь къ той области, гдѣ Николай Христіановичъ былъ хозяиномъ въ теченіе шести почти лѣтъ, слѣдуетъ указать, что онъ очень стоялъ за облегченіе податныхъ классовъ, за то, чтобъ поставить ихъ въ условія болѣе выгоднаго и удобнаго приложенія рабочей силы ихъ; отсюда—рядъ мѣръ, о которыхъ буду говорить я ниже, и извѣстный циркуляръ, забытый потомъ И. А. Вышнеградскимъ, о томъ, чтобы мѣры полицейскихъ взысканій съ крестьянъ принимать не въ началѣ осени, какъ это дѣлалось, а въ соотвѣтствіи съ моментомъ болѣе выгоднаго сбыта произведеній крестьянскаго хозяйства, и чтобъ, затѣмъ, при взысканіяхъ этихъ не подвергать описи и продажѣ лошадей, скотъ и другія орудія производства въ необходимомъ по числу членовъ семьи количествѣ, а также продовольственные запасы въ тѣхъ же предѣлахъ.

Въ дѣлѣ покровительства русской фабричной и заводской промышленности Николай Христіановичъ былъ протекціонистъ, но протекціонистъ умѣренный, всегда сопоставлявшій интересъ промышленности съ нуждой потребителя и готовый поступиться потребителемъ для производителя въ томъ только случаѣ, когда можно было ожидать серьезнаго развитія промышленности и благопріятныхъ для общества результатовъ. Онъ поднялъ многіе та-

Digitized by Google

рифы, но вовсе не сочувствовалъ крайностямъ таможеннаго обложенія, смѣнившимъ потомъ его систему.

Я коснулся только нѣсколькихъ существеннѣйшихъ вопросовъ политическихъ и экономическихъ воззрѣній покойнаго; изложеніе другихъ заняло бы больше мѣста, чѣмъ можетъ быть здѣсь удѣлено...

Перехожу къ біографическому собственно очерку.

IV.

Николай Христіановичъ Бунге родился 11-го ноября 1823 года въ Кіевѣ. Отецъ его былъ докторъ медицины, служилъ въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ, въ духовной академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и оставилъ по себѣ отличную память и какъ человѣкъ, и какъ искусный врачъ, особенно по дѣтскимъ болѣзнямъ. Мать Николая Христіановича—Екатерина Николаевна—была два раза замужемъ; отъ перваго брака дѣтей не имѣла, а отъ второго—только одного Николая Христіановича, который родился притомъ довольно поздно, когда ей шелъ тридцать-седьмой годъ; она, какъ и матери большинства людей, составившихъ себѣ впослѣдствіи громкое имя, выдавалась рѣдкимъ умомъ, прекраснымъ образованіемъ и чрезвычайною начитанностью. Пишущій эти строки помнитъ ее ветхой старушкой, уже не ходившей,—ее возили въ креслахъ,—но вполнѣ сохранившей такую ясность ума, что она нерѣдко поражала насъ, студентовъ, принятыхъ въ ея домѣ.

Имѣя одного только сына, притомъ настолько слабаго, что она почти до двухъ лѣтъ кормила его грудью, Екатерина Николаевна вложила всѣ силы души своей въ дѣло его образованія и воспитанія. Рѣдко встрѣчаются въ жизни отношенія болѣе близкія и сердечныя, чѣмъ бывшія у нея съ сыномъ. Не разъ получалъ Николай Христіановичъ самыя лестныя предложенія, имѣвшія цѣлью перетянуть его въ Петербургъ на постоянную жизнь, но всегда, пока жива была его матушка, онъ отвѣчалъ отказомъ, потому что врачи считали для нея неудобнымъ перемѣну климата, и только послѣ кончины ея онъ принялъ, въ 1880 году, постъ товарища министра финансовъ. Какъ глубоко и какъ долго, въ сущности до послѣдняго своего дня, помнилъ и любилъ Николай Христіановичъ свою мать, служитъ указаніемъ слѣдующее.

Въ послѣдніе годы его жизни однимъ изъ людей, которыхъ онъ

Digitized by Google

всего охотнѣе приглашалъ къ себѣ, былъ сенаторъ и бывшій оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента А. Ѳ. Кони. У Кони были также очень теплыя отношенія съ матерью своею, жившей въ Москвѣ. Мать его умерла въ 1893 году. Послѣ похоронъ, вернувшись въ Петербургъ, онъ долго никуда не выходилъ, но, получивъ какъ-то приглашеніе обѣдать къ Николаю Христіановичу, съ припискою: „кромѣ васъ никого не будетъ", онъ поѣхалъ къ нему. Обѣдъ прошелъ какъ обыкновенно. Послѣ обѣда Николай Христіановичъ въ самой осторожной и деликатной формѣ затронулъ вопросъ о смерти матери своего гостя, началъ съ большимъ, конечно, тактомъ утѣшать его и мало-по-малу перешелъ къ сравненію съ своей матерью; разговоръ очень оживился; рѣчь Николая Христіановича лилась все легче, выраженія становились задушевнѣе, описанія отношеній къ матери все ярче и ярче,—„и вотъ,—разсказываетъ А. Ѳ. Кони,—вообразите мое состояніе—вижу передъ собой семидесятилѣтняго старца; онъ говоритъ о своей матери, и крупныя слезы одна за другой катятся изъ его глазъ".

Въ семьѣ сохранилось мало извѣстій о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Николая Христіановича. Они протекли мирно подъ охраною любящей матери. Помнятъ только, что онъ былъ страстнымъ садоводомъ и имѣлъ особенное пристрастіе къ кактусамъ, въ тѣ времена очень рѣдкимъ въ Кіевѣ, и которыхъ у него была огромная коллекція. Николай Христіановичъ воспитывался въ I-й кіевской гимназіи, а потомъ прошелъ курсъ юридическаго факультета въ Кіевѣ же. Выдающіяся способности, знаніе иностранныхъ языковъ и настойчивость въ работѣ, повели къ тому, что уже въ годъ окончанія имъ университетскаго курса, въ 1845 году, онъ былъ назначенъ преподавателемъ законовъ казеннаго управленія въ нѣжинскій лицей князя Безбородко, представляющій отдѣльный юридическій факультетъ. 22-хъ-лѣтній профессоръ нашелъ среди слушателей своихъ много однолѣтокъ и даже лицъ старше себя. Это обстоятельство сближало его со студентами, чему, конечно, еще болѣе содѣйствовало его умѣніе сдѣлать занимательнымъ предметъ, считавшійся до него самымъ скучнымъ изъ всего курса. Николай Христіановичъ не ограничился тѣмъ, что широко развилъ теоретическую часть преподававшагося имъ предмета и выяснилъ слушателямъ тѣ теоріи и выведенные наукой законы, которые легли или должны были бы лечь въ основу положительнаго права; онъ старался развить самодѣятельность слушателей и расчистить поле для успѣшныхъ занятій ихъ: для этого онъ не останавливался ни передъ какими затрудненіями;

Digitized by Google

такъ, напримѣръ, самостоятельныя занятія многихъ способныхъ слушателей встрѣчали препятствіе въ недостаточномъ знаніи ими новыхъ языковъ, и вотъ Николай Христіановичъ обратилъ кабинетъ свой въ учебный классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ; желавшіе работать слушатели, одни въ одни, а другіе въ другіе дни и часы, являлись къ нему и, въ качествѣ учениковъ, читали, переводили и разъясняли другъ другу подъ его руководствомъ писателей-экономистовъ, отъ Тюрго до Листа включительно.

Но, привлекая къ себѣ студентовъ, Николай Христіановичъ еще болѣе сближался съ передовыми людьми, которыхъ нашелъ онъ въ Нѣжинѣ—Симоновымъ, Туловымъ и Коперницкимъ. Скоро Николай Христіановичъ сталъ душой и главой кружка, горячо сочувствовавшаго проповѣди Грановскаго и Бѣлинскаго,—кружка, не скрывавшаго отрицательное отношеніе свое къ тогдашнимъ язвамъ русскаго общества—крѣпостному праву и взяточничеству —и искавшаго идеаловъ на Западѣ. Направленіе кружка Бунге оказывало вліяніе не только на учащуюся молодежь, но и на педагогическія сферы Нѣжина вообще, и еще усилилось послѣ того, какъ Николай Христіановичъ, защитивъ магистерскую диссертацію: „Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго“, былъ назначенъ, въ 1847 году, профессоромъ лицея. Но что всего удивительнѣе, это—рѣдкій тактъ Николая Христіановича.

Наступило тяжелое время—реакція конца сороковыхъ годовъ, вызванная событіями февральской революціи; передовые бойцы за освобожденіе крестьянъ и за попранныя права человѣчества были кто сосланъ, кто вынужденъ къ молчанію, а Николай Христіановичъ, не скрывавшій своихъ взглядовъ никогда, не былъ заподозрѣнъ въ „неблагонадежности“. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи помогла самая глушь того мѣста, гдѣ дѣйствовалъ онъ, но всего вѣрнѣе—главную роль сыграла чистота души его и прямота, при отсутствіи духа прозелитизма.

Въ 1850 году, Николай Христіановичъ былъ переведенъ въ Кіевъ и вступилъ, такимъ образомъ, на вторую арену своей дѣятельности, на которой, хотя и съ перерывами, суждено ему было оставаться почти 30 лѣтъ.

Здѣсь онъ не измѣнилъ своимъ правиламъ и пріемамъ дѣйствій. Поочередно преподавалъ политическую экономію, статистику, финансы и полицейское право (науку объ управленіи). Какъ только въ какомъ-нибудь курсѣ выяснялись студенты, желавшіе серьезно работать, онъ звалъ ихъ къ себѣ, превращался

Digitized by Google

изъ строгаго и требовательнаго преподавателя въ старшаго товарища, никогда не спускавшагося до уровня младшихъ, но всегда умѣвшаго поднять ихъ до себя, всегда дававшаго широкій просторъ свободѣ обсужденія и умѣвшаго никого не подавлять своимъ авторитетомъ.

Въ 1852 году, Николай Христіановичъ получилъ высшую ученую степень—доктора политическихъ наукъ, за сочиненіе свое: „Теорія кредита". Съ этой же поры, кромѣ дѣятельности педагогической—профессора въ университетѣ и преподавателя географіи въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ — начинается и другая—практическая его дѣятельность въ коммиссіи по описанію губерній кіевскаго учебнаго округа, гдѣ Николай Христіановичъ былъ сначала секретаремъ, а потомъ вице-предсѣдателемъ. Ординарнымъ профессоромъ Николай Христіановичъ былъ утвержденъ въ 1854 году—сначала по каѳедрѣ политической экономіи на историко-филологическомъ факультетѣ, а потомъ на юридическомъ—по каѳедрѣ полицейскаго права.

V.

Въ 1859 году, Николай Христіановичъ выдвигается въ рядъ наиболѣе видныхъ дѣятелей. Во-первыхъ, онъ назначается ректоромъ университета и, во-вторыхъ, привлекается къ дѣлу, о которомъ мечталъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ—къ участію въ Петербургѣ въ работахъ редакціонныхъ коммиссій, задачей которыхъ была выработка правилъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и законовъ, на основаніи которыхъ затѣмъ должны были жить 20 милліоновъ „свободныхъ сельскихъ обывателей". Многіе и долго работали надъ этимъ вопросомъ, но главными исполнителями и кодификаторами воли государя были Николай Милютинъ, князь Черкасскій, Юрій Самаринъ, Яковъ Соловьевъ и Николай Бунге. Послѣднему принадлежитъ всецѣло планъ выкупной операціи и положеніе о выкупѣ.

Русская исторія неизгладимыми чертами записала на скрижаляхъ своихъ эти имена, и какъ объ Екатеринѣ II нельзя думать и говорить, не вспоминая Потемкина, Безбородко и Бецкаго, такъ и образъ Царя-Освободителя пополняется и вырисовывается во всей красѣ именами Милютина, Самарина и Бунге.

Окончивъ работу свою въ Петербургѣ, Николай Христіановичъ вернулся въ Кіевъ, къ исполненію обязанностей своихъ, какъ ректора университета. Время наступило тяжелое, и до сихъ

Digitized by Google

поръ еще не оцѣнена достаточно и не описана подробно дѣятельность его въ эти годы. Надвигалось польское возстаніе. Сказанныя въ 1859 году государемъ Александромъ II въ Варшавѣ полякамъ слова: „point de rèveries"—повели среди поляковъ къ мысли добиться при содѣйствіи Европы силой того, чего не хотѣлъ дать государь по доброй волѣ; заигрыванія Наполеона III подливали масла въ огонь. Кіевъ былъ средоточіемъ края русскаго по массѣ населенія, но землевладѣльческій классъ котораго былъ тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ, преимущественно польскій; поляки же своимъ богатствомъ и связями играли главную роль среди городского населенія и всегда встрѣчали поддержку въ евреяхъ, коммиссіонерахъ и поставщикахъ своихъ. Болѣе половины студентовъ кіевскаго университета были поляки. Естественно, что варшавскія волненія скоро отразились въ Кіевѣ, и университетъ, средоточіе горячей молодежи, сталъ центромъ волненій поляковъ — мѣстомъ столкновенія студентовъ — поляковъ и русскихъ. Много нужно было ума и такта, чтобы не внести политику въ педагогическую сферу и въ то же время устранить всякій упрекъ въ поблажкѣ; послѣдующее показываетъ, какъ искусно вышелъ изъ тяжелаго положенія своего Николай Христіановичъ. Поляки недолюбливали Николая Христіановича, но всегда относились къ нему съ уваженіемъ и всегда говорили, что въ тяжелую минуту начала повстанья кіевскій ректоръ былъ безусловно корректенъ. Но, при корректности по отношенію къ полякамъ, легко было навлечь на себя неудовольствіе администраціи или обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма; Николай Христіановичъ—нѣмецъ по фамиліи, лютеранинъ по религіи, либералъ по убѣжденіямъ—съумѣлъ однако упрочить репутацію свою, какъ глубоко русскаго, вѣрнаго слуги своего отечества и чистѣйшей души человѣка.

Съ уходомъ изъ Кіева многихъ студентовъ-поляковъ въ банды, университетъ значительно опустѣлъ, и положеніе дѣлъ очень упростилось. Но отдыхъ не сужденъ былъ Николаю Христіановичу—его вытребовали опять въ Петербургъ, гдѣ составлялся министерствомъ А. В. Головнина новый университетскій уставъ, давшій самоуправленіе нашимъ ученымъ коллегіямъ,—и виднѣйшимъ дѣятелемъ по его составленію былъ Николай Христіановичъ.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ преподавалъ, во второй половинѣ 1863 и въ первой половинѣ 1864 года, науку финансовъ тогда наслѣднику престола, скончавшемуся черезъ два года потомъ въ Ниццѣ, великому князю Николаю Александровичу. Николай Хри-

Digitized by Google

стіановичъ говорилъ не разъ, что мало имѣлъ онъ за 35 лѣтъ своей преподавательской дѣятельности слушателя такого воспріимчиваго и талантливаго, и никогда преподаваніе ему не приносило такой радости и даже наслажденія, какъ время, посвященное великому князю Николаю Александровичу.

VI.

Конецъ шестидесятыхъ и всѣ семидесятые годы были временемъ наиболѣе скромной, малозамѣтной для публики, но тѣмъ не менѣе весьма плодотворной дѣятельности Николая Христіановича.

Обстоятельства сложились такъ, что главнѣйшіе дѣятели великихъ реформъ или сошли со сцены, какъ, напр., Николай Алексѣевичъ Милютинъ, или оставались въ тѣни, напр. Самаринъ, Бунге и князь Черкасскій.

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ началась, а въ семидесятыхъ годахъ ясно выразилась реакція противъ времени реформъ. Начало движенію этому положило польское возстаніе, глубоко оскорбившее русское общество и вызвавшее въ немъ порывъ національнаго чувства. Во главѣ новаго движенія стали люди, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ реформахъ; они тѣмъ самымъ отодвинули реформаторовъ на второй планъ; затѣмъ подняла голову стародворянская партія, временно подавленная громомъ освобожденія; окончательное торжество реакціи наступило уже послѣ покушенія Каракозова 4-го апрѣля 1866 года. Съ этого момента явно взяли верхъ въ политической жизни нашей совсѣмъ другія теченія, и потому естественно, что Николай Христіановичъ, дѣятель другой нивы, оставался какъ бы забытымъ въ Кіевѣ.

Здѣсь работалъ онъ въ трехъ различныхъ областяхъ — въ сферѣ кредита, въ городскомъ управленіи, особенно же въ дѣлѣ воспитанія юношества.

Еще въ 1862 году, Николай Христіановичъ принялъ на себя обязанности управляющаго кіевской конторой государственнаго банка. Контора эта передъ тѣмъ давала убытки, и дѣла ея шли очень плохо; со вступленіемъ Николая Христіановича, она сдѣлалась одной изъ самыхъ прибыльныхъ въ Россіи и образцовой по своему устройству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Христіановичъ очень содѣйствовалъ возникновенію частныхъ кредитныхъ учрежденій, а кіевское общество взаимнаго кредита всецѣло обязано

Digitized by Google

ему, какъ учрежденіемъ своимъ, такъ и блестящимъ ходомъ дѣлъ, такъ какъ онъ многіе годы былъ хоть и даровымъ, но тѣмъ не менѣе самымъ опытнымъ совѣтчикомъ и душою дѣлъ общества. Позже, въ семидесятыхъ годахъ, при его же содѣйствіи возникъ кіевскій коммерческій банкъ и другія кредитныя учрежденія.

Съ самаго введенія въ Кіевѣ городского управленія, давшаго большой просторъ мѣстной иниціативѣ, Николай Христіановичъ вошелъ въ число гласныхъ и до самаго назначенія своего товарищемъ министра финансовъ оставался гласнымъ, самымъ притомъ дѣятельнымъ посѣтителемъ засѣданій думы, участникомъ многихъ коммиссій, разрабатывавшихъ тѣ или другіе вопросы городского хозяйства, и предсѣдателемъ, да и не только предсѣдателемъ, но душой и рабочей силой финансовыхъ коммиссій, вырабатывавшихъ городскія смѣты и слѣдившихъ за исполненіемъ ихъ.

Положеніе управляющаго конторой государственнаго банка и руководителя общества взаимнаго кредита дало Николаю Христіановичу возможность ознакомиться на практикѣ съ условіями торгово-промышленной дѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, а дѣятельность въ качествѣ гласнаго думы и предсѣдателя ея финансовыхъ коммиссій выяснила ему множество вопросовъ мѣстнаго хозяйства; обѣ же дѣятельности эти привели его къ знакомству съ огромнымъ числомъ людей самаго различнаго экономическаго и общественнаго положенія. Во всѣхъ областяхъ дѣятельности своей, Николай Христіановичъ успѣлъ снискать всеобщее довѣріе и уваженіе, и потому естественно, что городская дума не разъ просила его занять мѣсто кіевскаго городского головы, но Николай Христіановичъ, зная, что мелочныя заботы повседневнаго управленія не могутъ не пойти въ ущербъ дѣлу преподаванія, всегда отказывался отъ предложеній думы и главную часть труда своего посвящалъ наукѣ, чтенію лекцій и студентамъ.

VII.

Въ періодъ семидесятыхъ годовъ онъ всего ярче выяснился какъ преподаватель и воспитатель юношества.

Какъ преподаватель, Николай Христіановичъ отличался удивительной ясностью изложенія, полнымъ отсутствіемъ лишнихъ фразъ и большимъ недружелюбіемъ ко всякаго рода риторикѣ. Излагая предметъ, онъ стремился не только сдѣлать его понятнымъ слушателямъ, но выяснить его со всѣхъ сторонъ. Всякое

Digitized by Google

положеніе, всякая теорія получали въ устахъ его разносторонюю и безусловно безпристрастную оцѣнку; онъ указывалъ въ каждомъ писателѣ слабыя и сильныя его стороны; въ каждомъ политико-экономическомъ актѣ, какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и новѣйшаго времени, онъ отмѣчалъ благія и дурныя его послѣдствія, вѣрныя и ошибочныя положенія, полезные или вредные для различныхъ интересовъ результаты. Николай Христіановичъ не имѣлъ пристрастія къ тѣмъ или другимъ писателямъ или теоріямъ; въ каждой—самой даже ложной теоріи, въ родѣ коммунистическихъ и соціалистическихъ, онъ отмѣчалъ то зерно истины, которое было въ ней, подчеркивалъ то, что было справедливо или соотвѣтственно христіанскому чувству и морали, и, въ то же время, безпощадно разбивалъ утопіи, обращалъ вниманіе слушателей своихъ на несоотвѣтствіе теорій съ требованіями людской природы или съ условіями жизни, въ которыя поставлены человѣческія общества. Передъ слушателями его проходили меркантилисты, физіократы, школа Смита, Мальтусъ, Рикардо, соціалисты, коммунисты, школа гармоніи интересовъ, историки съ Рошеромъ во главѣ, „катедеръ-соціалисты“ и другіе, и у каждаго изъ нихъ Николай Христіановичъ находилъ достойныя вниманія, изученія и разработки мысли, и у всякаго—ошибки, отъ повторенія которыхъ онъ усердно предостерегалъ насъ.

Два, три года слушали студенты преподаваніе его, и каждый, въ соотвѣтствіи съ симпатіями и со складомъ ума своего, причислялъ его къ тому или другому лагерю, но ни одинъ никогда не могъ доказать, что онъ поборникъ даннаго именно ученія или теоріи.

Удивительная способность Николая Христіановича видѣть разныя стороны вопросовъ и теорій отразилась на всей его жизни и дѣятельности. Ею объясняется то, что онъ не оставилъ и не могъ оставить школы своихъ послѣдователей. Среди лучшихъ учениковъ его были и есть поклонники гармоніи интересовъ и явные соціалисты, поборники свободы торговли и ярые протекціонисты, монометаллисты и биметаллисты, и т. д. Та же особенность ума отразилась и на дѣятельности его какъ министра финансовъ,—она дала ему возможность затронуть самые коренные и разнообразные вопросы, но она же въ значительной степени подрывала настойчивость въ проведеніи его плановъ; встрѣчая энергичную, враждебную своему проекту аргументацію, онъ очень ясно сознавалъ силу возраженія и слабыя стороны собственныхъ предложеній, и во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ другой, менѣе разносторонній умъ, менѣе привыкшій взвѣшивать всѣ стороны

Digitized by Google

вопроса человѣкъ пошелъ бы на проломъ, разъ-другой побѣдилъ бы противниковъ и тѣмъ расчистилъ бы путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ,—Николай Христіановичъ колебался, нерѣдко уступалъ, а уступивъ разъ, другой, ослаблялъ вѣру въ себя союзниковъ и усиливалъ ряды противниковъ, къ которымъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, примыкали многіе колеблющіеся.

Но это свойство ума, вредное, быть можетъ, въ государственномъ дѣятелѣ, призванномъ къ осуществленію практическихъ задачъ, было драгоцѣнно въ преподавателѣ. При немъ мысль слушателя не направлялась непремѣнно въ одну сторону, врожденные вкусы не насиловались, умъ работалъ самостоятельно, безъ ломки и насилія надъ нимъ, и то, что̀ являлось послѣдствіемъ мозговой работы, было чѣмъ-то слившимся, сросшимся съ человѣкомъ. Вотъ почему слушатели Николая Христіановича, я говорю о болѣе способныхъ и долго остававшихся въ сферѣ экономическихъ вопросовъ и дѣятельности, десятки лѣтъ работали въ томъ направленіи, по которому пошли еще до окончанія университетскаго курса.

Лекціями Николай Христіановичъ не ограничивался. Въ Кіевѣ, какъ и въ Нѣжинѣ, онъ привлекалъ слушателей своихъ къ практическимъ занятіямъ тѣми предметами, которые преподавалъ. На практическихъ занятіяхъ аудиторія его особенно полна не была, такъ какъ разъ, что человѣкъ начиналъ заниматься у него, онъ требовалъ занятій внимательныхъ и постоянныхъ. Помню очень хорошо такой случай: началъ къ намъ на занятія ходить одинъ товарищъ мой, сдѣлавшій потомъ блестящую карьеру въ области чисто-юридической; Николай Христіановичъ предложилъ ему какъ-то вопросъ; отвѣтъ обнаружилъ, что слушатель не бралъ книги въ руки; Николай Христіановичъ ничего не сказалъ; недѣли черезъ двѣ, онъ задалъ новый вопросъ—послѣдствіе то же: Николай Христіановичъ поморщился; черезъ нѣсколько времени третій вопросъ—и тотъ же результатъ; съ самой пріятной, добродушной улыбкой выслушалъ его Николай Христіановичъ и, постоявъ минуту, спросилъ: „Не думаете ли вы, что практическія занятія наши есть способъ... заявить о своемъ существованіи“? Намекъ былъ понятъ, и получившій его никогда больше не являлся на практическія занятія по политической экономіи.

Студенты, принимавшіе участіе въ нихъ, очень привязывались къ Николаю Христіановичу и до конца дней оставались его горячими поклонниками. Но чтобъ любила его масса студентовъ—я не скажу; на массы онъ не могъ дѣйствовать, потому

Digitized by Google

что всякій „блескъ и громъ рѣчей“ были ему противны, потому что всякое исканіе популярности претило ему, потому что онъ былъ строжайшимъ исполнителемъ долга своего, какъ преподавателя и ректора, а понятіе долга молодежью въ смутное, пережитое нами въ семидесятыхъ годахъ, время было совсѣмъ не то, на которомъ стоялъ Николай Христіановичъ; наконецъ, молодежь приводилъ нерѣдко въ трепетъ острый языкъ его. Но если нельзя сказать, что масса молодежи любила Николая Христіановича, за то уважали его безгранично, и это уваженіе сыграло огромную роль въ исторіи кіевскаго университета первой половины семидесятыхъ годовъ. Въ это время Николай Христіановичъ былъ ректоромъ по выбору. Молодежь знала, что этотъ ректоръ всегда выслушаетъ, наставитъ, направитъ и поможетъ; знала, что, давъ обѣщаніе, онъ всегда его исполнитъ, что онъ всегда заступится и всякому поможетъ въ трудную минуту. На репутаціи его не было ни малѣйшаго пятнышка, и въ то же время знали (по направленію тогдашней русской молодежи, это имѣло огромное значеніе), что онъ къ администраціи не льнетъ, никогда къ начальству безъ дѣйствительной надобности не забѣгаетъ и обращается къ нему только тогда, когда это необходимо для университета или того или другого студента, или же когда сама администрація ищетъ совѣтовъ его. Глубокое уваженіе къ личности Николая Христіановича,— сказалъ я,— сыграло огромную роль въ исторіи кіевскаго университета въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, и вотъ какъ. Въ это время, среди русской молодежи пріобрѣли огромное распространеніе революціонныя ученія; началось такъ называемое „хожденіе въ народъ“—пропаганда среди народныхъ массъ. Въ то же время истинные вожди агитаторовъ считали полезнымъ постоянно волновать студентовъ, чтобъ держать администрацію въ нервномъ состояніи, а общество—въ постоянномъ недовольствѣ, возбуждавшемся множествомъ высылокъ студентовъ административнымъ путемъ. Въ этотъ же періодъ временно закрываемы были одинъ за другимъ всѣ университеты, въ которыхъ русскіе преобладали надъ другими національностями; петербургскій, московскій, казанскій, харьковскій и одесскій, и только кіевскій не подвергся этому за время ректорства Николая Христіановича. Но—почему? Элементовъ агитаціи въ кіевскомъ университетѣ было болѣе, чѣмъ въ другихъ; среди насъ дѣйствовали лица, которыя позже доставили большой контингентъ эмигрантовъ за границу; среди насъ было не мало мужчинъ и женщинъ, позднѣе, въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, сосланныхъ въ Сибирь и даже

Digitized by Google

казненныхъ. Но у насъ былъ ректоромъ Николай Христіановичъ, и онъ умѣлъ вести дѣло. Во-первыхъ, онъ не вгонялъ болѣзнь внутрь; онъ никогда не разрѣшалъ ни сходки, ни открытіе особыхъ студенческихъ столовыхъ и читаленъ (то и другое въ то время преслѣдовалось администраціей); но онъ зналъ о нихъ и постоянно настаивалъ передъ администраціей (тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ и попечителемъ Антоновичемъ), чтобъ на столовыя, читальни и сходки смотрѣли сквозь пальцы, ручаясь при этомъ, что онъ, Николай Христіановичъ, лично отвѣчаетъ за порядокъ. И сходки бывали у насъ бурныя, и не разъ приходили мы къ рѣшенію поддержать протестомъ своимъ то петербургскихъ, то харьковскихъ, то другихъ пострадавшихъ товарищей; и поддержали бы, конечно, и выслали бы сотни изъ насъ въ архангельскую, олонецкую и прочія прохладныя губерніи, но Николай Христіановичъ умѣлъ остановить все—и во-время не допустить волненія. Очевидно, онъ былъ всегда въ курсѣ дѣлъ нашихъ. Едва затѣвалось что-нибудь, какъ наиболѣе непримиримые и въ то же время вліятельные студенты, человѣкъ десять, двѣнадцать, никогда болѣе и никогда менѣе, получали приглашеніе утромъ въ такомъ-то часу „пожаловать“ къ г. ректору. Уже въ пріемной всѣ чувствовали себя неловко. Во-первыхъ, всѣ приглашенные понимали, что ихъ именно дѣятельная роль была замѣчена и что, слѣдовательно, въ случаѣ безпорядковъ они должны будутъ пострадать прежде другихъ; съ другой стороны, находчивость и исключительная колкость языка ректора были всѣмъ извѣстны. Вотъ выходилъ Николай Христіановичъ. Приступали къ объясненіямъ; кто-нибудь начиналъ увлекаться, заговариваться; Николай Христіановичъ сейчасъ находилъ слабое мѣсто и острымъ словомъ рѣзалъ его; товарищи смѣялись, и сконфуженный ораторъ отступалъ на задній планъ. Полчаса такой бесѣды обезоруживали вожаковъ и, какъ послѣдствіе этого, успокоивали волненіе. Такъ было, пока Николай Христіановичъ оставался ректоромъ. Но ушелъ онъ, и очень скоро университетъ былъ закрытъ, потому что ректоръ, превосходный ученый и популярнѣйшій изъ профессоровъ, А. М. Матвѣевъ, не слѣдовалъ пріемамъ дѣйствій Николая Христіановича.

Я въ послѣдніе годы жизни Николая Христіановича предложилъ ему какъ-то вопросъ, почему въ такихъ случаяхъ вызывалъ онъ десять, двѣнадцать человѣкъ, не болѣе и не менѣе. И Николай Христіановичъ объяснилъ мнѣ, что причина тому —„чисто психологическая“. „Вы знаете,—сказалъ онъ,—что сту-

Digitized by Google

денты относились ко мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ; если я зову 10—12 человѣкъ—всѣ на виду, словно каждаго слышно; я могъ быть увѣренъ, что никакое оскорбленіе не сорвется съ языка; при толпѣ же, изъ толпы могутъ крикнуть что-нибудь несообразное; пусть даже всѣ не раздѣлятъ это, но впечатлѣніе все же останется; престижъ, если не на этотъ, то на другой разъ, будетъ ослабленъ; вотъ почему я никогда не звалъ къ себѣ много лицъ. По психологическимъ же соображеніямъ, я никогда не звалъ менѣе десяти; когда студентовъ мало, то объясненія принимаютъ слишкомъ домашній характеръ; при разговорѣ съ десяткомъ лицъ, двѣ стороны ярко ограничены—я и они; съ тремя же, четырьмя, скоро завязывается общій разговоръ. Не забывайте также силу, значеніе и впечатлѣніе смѣха; осаживая колкимъ замѣчаніемъ заговорившагося оратора, я возбуждалъ смѣхъ; но смѣхъ двухъ, трехъ товарищей совсѣмъ не производитъ такое дѣйствіе, какъ дружный веселый смѣхъ десятка молодыхъ сильныхъ голосовъ; наконецъ, если я убѣдилъ трехъ, четырехъ, и они выйдутъ къ товарищамъ, ихъ не трудно провозгласить отступниками, измѣнниками,—съ десяткомъ или дюжиной вожаковъ сдѣлать это куда труднѣе".

И вотъ такимъ-то образомъ, снисходя къ слабостямъ студентовъ, тщательно слѣдя за настроеніемъ ихъ и авторитетнымъ словомъ уважаемаго ректора дѣйствуя на вожаковъ, умѣлъ оградить и охранить насъ покойный Николай Христіановичъ.

VIII.

Въ началѣ 1880 года, какъ извѣстно, графъ Лорисъ-Меликовъ облеченъ былъ исключительными полномочіями. Онъ находилъ, что государственное хозяйство вообще и податное дѣло въ особенности требовали такихъ рѣшительныхъ реформъ, на которыя вовсе неспособенъ былъ тогдашній министръ финансовъ С. А. Грейгъ, человѣкъ безспорно талантливый, образованный, но не прошедшій серьезной школы и, быть можетъ, слишкомъ самонадѣянный. Открылась вакансія товарища министра. Грейгъ предлагалъ покойнаго Цимсена, но государь, подготовленный графомъ Лорисъ-Меликовымъ, отвѣчалъ министру вопросомъ: „Отчего не хочешь ты взять Бунге"? Грейгъ ничего не сказалъ, но въ слѣдующій докладъ свой привезъ указъ о назначеніи товарищемъ Цимсена. „Я тебѣ сказалъ—назначить Бунге",—недовольно замѣтилъ ему государь:—„телеграфируй ему немедленно,

Digitized by Google

что *Я* желаю видѣть его твоимъ товарищемъ". Соотвѣтственная телеграмма была, конечно, сейчасъ же послана, и Николай Христіановичъ, матушка котораго скончалась года за три передъ тѣмъ, принялъ новое назначеніе и переселился въ Петербургъ.

Между тѣмъ, обстоятельства измѣнялись. Одни вліянія усиливались, другія ослабѣвали, и графъ Лорисъ-Меликовъ долженъ былъ искать себѣ союзниковъ. Бунге, скромный и давно не жившій въ Петербургѣ, не могъ служить для графа сильной поддержкой, и потому постъ министра финансовъ былъ предложенъ А. А. Абазѣ, безспорно талантливѣйшему изъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, человѣку притомъ съ огромнымъ вліяніемъ въ административныхъ и придворныхъ сферахъ. А. А. Абаза—министръ, и Н. Х. Бунге—его товарищъ, составили рѣдкую пару. Широта воззрѣній и огромное вліяніе министра соединились съ глубочайшими знаніями, превосходнымъ перомъ и исключительнымъ трудолюбіемъ его товарища, а если прибавить къ этому выдающійся умъ обоихъ, то неудивительно будетъ, что нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстной дѣятельности ихъ окажутся, быть можетъ, самымъ блестящимъ моментомъ исторіи нашихъ финансовъ. Выработанъ былъ проектъ пониженія выкупныхъ платежей, отмѣненъ соляной налогъ, приступлено къ серьезному улучшенію денежной системы, прекрасно переработано обложеніе сахара. При такихъ главахъ министерства, какъ Абаза и Бунге, при безусловномъ довѣріи къ нимъ монарха и при рѣшимости его серьезно идти по пути широкихъ финансовыхъ реформъ—дѣлу улучшенія народнаго благосостоянія предстояло блестящее будущее. Но все остановило злодѣйское преступленіе 1-го марта.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ отъ начала новаго царствованія, какъ А. А. Абаза и графъ Лорисъ-Меликовъ должны были оставить руководство дѣлами. Въ обществѣ нашемъ ходили различныя объясненія этого факта. Дѣйствительность, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что два предположенія, на которыхъ они настаивали, не были одобрены государемъ... Какъ сказано въ манифестѣ 29-го апрѣля, покойный государь рѣшилъ самъ „бодро стать на дѣло правленія". Графъ Лорисъ-Меликовъ и А. А. Абаза были уволены, а Николай Христіановичъ, какъ непричастный къ предположеніямъ ихъ, назначенъ министромъ финансовъ.

Съ большой неохотой принялъ онъ свою новую высокую должность. Да оно и понятно. Онъ съ первыхъ же шаговъ становился въ щекотливое положеніе. Онъ призванъ былъ изъ Кіева какъ реформаторъ, какъ дѣятель, принимавшій участіе въ дѣлѣ

Digitized by Google

освобожденія крестьянъ, какъ человѣкъ, не разъ заявлявшій о несостоятельности тогдашней податной системы и о необходимости болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между плательщиками. Между тѣмъ, было ясно, что верхъ брали элементы враждебные реформамъ. Принявъ министерство, Николай Христіановичъ понималъ все это и въ первые же дни управленія своего сказалъ нѣсколькимъ знакомымъ: „Калоши и зонтикъ мои въ порядкѣ—я готовъ уйти отсюда въ каждую минуту".

Въ дѣятельности Николая Христіановича какъ министра наиболѣе плодотворны были первые годы. Тутъ сдѣлалъ онъ такъ много, что исторія, конечно, ярко отдѣлитъ время *до* и *послѣ* его управленія.

Финансы наши были построены на началахъ крайней неравномѣрности обложенія; десятки лѣтъ твердили о необходимости измѣнить порядки взиманія подушной подати съ крестьянъ, которая съ богатаго, имѣвшаго нѣсколько работниковъ, взималась нерѣдко въ меньшей суммѣ, чѣмъ съ голяка, не имѣвшаго семьи и еле-еле въ состояніи бывшаго вести хозяйство.

Николай Христіановичъ началъ съ пониженія выкупныхъ платежей за землю, мѣры, задуманной и въ первоначальномъ видѣ проведенной еще въ министерство Абазы. Достигнувъ такимъ образомъ нѣкотораго уравненія поземельнаго обложенія разныхъ отдѣловъ крестьянъ по губерніямъ, а въ одной и той же губерніи по качеству и доходности земли, онъ перешелъ къ подушной подати, но не къ реформѣ ея, а къ полной ея отмѣнѣ. Его не остановило то, что изъ бюджета доходовъ уходили такимъ образомъ 50 милл. рублей, доставлявшихся ею ежегодно; онъ смѣло шелъ на встрѣчу дефицитамъ, твердо вѣря, что они исчезнутъ съ поднятіемъ уровня благосостоянія массъ, съ облегченіемъ и уравненіемъ лежавшаго на нихъ бремени.

Затѣмъ, учрежденъ былъ крестьянскій поземельный банкъ, глубокая идея и польза котораго еще недостаточно оцѣнены; банкъ этотъ долженъ былъ не только облегчать покупки земель крестьянами, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывались очень обостренныя отношенія между землевладѣльцами и малоземельными крестьянами, давать возможность покупокъ при содѣйствіи правительства и тѣмъ самымъ служить предохранительнымъ клапаномъ, ограждавшимъ отъ взрыва. Эта цѣль была вполнѣ достигнута банкомъ; до учрежденія его всюду въ Россіи шли между крестьянами слухи о новыхъ надѣлахъ, объ отрѣзкѣ земли у помѣщиковъ; но стоило въ какой-нибудь мѣстности начать дѣйствовать банку, и слухи эти замирали, массы переставали на-

Digitized by Google

дѣяться на даровое и полунасильственное пріобрѣтеніе земли и начинали мечтать о законномъ пріобрѣтеніи ея путемъ покупки.

Въ законодательствѣ нашемъ до Николая Христіановича не было ограниченій ни относительно числа часовъ работы на фабрикахъ и заводахъ, ни урегулированія труда женщинъ и дѣтей, ни обязательности обученія дѣтей рабочихъ, ни, наконецъ, порядка надзора за этими учрежденіями.

Эти вопросы были широко поставлены Николаемъ Христіановичемъ. Государственный совѣтъ далеко не принялъ всего имъ предложеннаго, но основныя главныя требованія вошли въ законъ, фабричная инспекція была создана, и послѣдующіе министры финансовъ постоянно шли и идутъ по намѣченному имъ пути.

Прежде, наслѣдства, какъ бы велики они ни были и къ какимъ бы отдаленнымъ родственникамъ ни переходили, не облагались ничѣмъ. Николай Христіановичъ добился того, чтобъ при переходѣ имуществъ, по наслѣдству или путемъ даренія, взималась пошлина, возрастающая въ соотвѣтствіи съ дальностью родства правопреемника, такъ что опредѣлено было взимать съ родныхъ дѣтей 1% съ цѣны переходящаго имущества, а при самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства или при переходѣ имѣнія къ постороннимъ завѣщателю лицамъ—до 9% стоимости имущества.

Доходы съ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ правительствомъ, а также съ акцій и облигацій частныхъ обществъ никакому налогу не подлежали. Тѣ и другія были привлечены къ обложенію.

Здѣсь не мѣсто, конечно, разбирать и перечислять даже самыя крупныя реформы финансовой системы нашей, сдѣланныя Николаемъ Христіановичемъ. Въ общихъ чертахъ, политика его сводилась къ уравненію податного бремени, къ обложенію налогомъ капитала, движимаго и недвижимаго, и въ привлеченіи къ платежамъ богатыхъ классовъ общества, до тѣхъ поръ вовсе отъ нихъ свободныхъ. Всего яснѣе сказалось все это въ законопроектѣ о подоходномъ налогѣ, отринутомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе противодѣйствія А. А. Абазы. Обращу еще вниманіе на то, что, реформируя финансы, Николай Христіановичъ не скрывалъ отъ взглядовъ публики мѣры имъ задуманныя. До него всеподданнѣйшіе доклады министра финансовъ, сопровождавшіе росписи, были обыкновенно перечисленіемъ сухихъ цифръ. Онъ придалъ имъ иной характеръ, сохранившійся къ счастью и донынѣ; онъ сталъ излагать въ нихъ взгляды свои на основ-

Digitized by Google

ные экономическіе вопросы и мѣропріятія минувшаго года и предположенія на будущій смѣтный періодъ, а также нерѣдко и начала, руководиться которыми предполагало финансовое управленіе.

Совокупность вышеуказанныхъ законоположеній и еще болѣе общій складъ его политики создали, конечно, Николаю Христіановичу безчисленныхъ и весьма вліятельныхъ враговъ. Число ихъ еще болѣе увеличивалось отъ того, что по рѣдкой чистотѣ души онъ, въ вопросахъ болѣе или менѣе личныхъ, вовсе не шелъ на компромиссы.

Яркій примѣръ этому представляютъ его отношенія къ издателю „Москов. Вѣдомостей" М. Н. Каткову. Когда въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Катковъ былъ англоманъ, они были съ Николаемъ Христіановичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Потомъ нѣсколько разошлись. Когда же Катковъ сдѣлался представителемъ крайностей націонализма, проповѣдникомъ самаго неограниченнаго административнаго произвола, въ ущербъ законности, и глашатаемъ исключительныхъ интересовъ крупной фабричной и заводской промышленности—Николай Христіановичъ сталъ воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Со вступленіемъ Николая Христіановича въ министерство, Катковъ предложилъ ему соглашеніе, при которомъ министръ гарантировалъ бы рядъ мѣръ преимущественно въ области таможенной политики, а публицистъ обязывался щадить всѣ остальныя мѣры его и поддерживать въ тѣхъ случаяхъ, когда Николай Христіановичъ признаетъ это необходимымъ. Но Николай Христіановичъ отклонилъ это предложеніе, говоря, что не вѣритъ прочности соглашенія съ противникомъ по кореннымъ вопросамъ государственнаго управленія, хотя бы они и не касались финансовъ, и ожидаетъ болѣе благопріятныхъ результатовъ отъ поддержки слабыхъ единомышленниковъ, но постоянно бывшихъ людьми того же направленія, чѣмъ отъ могущественнаго трибуна, но человѣка многократно мѣнявшаго основныя воззрѣнія свои.

Прямота характера и чистота души не позволяли Николаю Христіановичу прибѣгать также къ тѣмъ мѣрамъ, которыми во всѣ времена и во всѣхъ странахъ бываютъ иногда такъ сильны министры финансовъ—къ системѣ „do ut des", иначе говоря—свои мѣры проводилъ онъ только аргументами, а не обѣщаніями болѣе снисходительнаго отношенія къ спорнымъ вопросамъ смѣтъ другихъ министерствъ.

Я говорилъ выше, что всего болѣе сдѣлано было Николаемъ

Digitized by Google

Христіановичемъ въ первые годы его министерства, пока предсѣдателемъ департамента государственной экономіи былъ графъ Барановъ. По смерти послѣдняго, назначенъ былъ на его мѣсто А. А. Абаза. Когда состоялось назначеніе это, Николай Христіановичъ былъ за границей: помня недавнее прошлое и блистательный ходъ дѣлъ въ то время, когда Абаза былъ министромъ, а Николай Христіановичъ—его товарищемъ, я поздравилъ его письменно съ тѣмъ, что въ предсѣдатели департамента выбранъ человѣкъ его направленія, человѣкъ къ нему расположенный, съ огромнымъ вліяніемъ и умомъ. Каково же было мое удивленіе, когда Николай Христіановичъ, несмотря на всю осторожность свою въ письмахъ и опасеніе чужого любопытства, отвѣчалъ мнѣ, что далеко не раздѣляетъ моихъ восторговъ; что прежде былъ департаментъ, съ которымъ онъ ладилъ, а теперь будетъ одинъ Абаза, безъ котораго обойтись будетъ нельзя. Возвратясь въ Петербургъ, Николай Христіановичъ выяснилъ мнѣ то, чего не понималъ я. „Вы знаете, — говорилъ онъ, — что Абазу не любятъ, что его считаютъ конституціоналистомъ, что Абаза жилъ все время за границей. Какъ же могъ попасть онъ въ предсѣдатели департамента государственной экономіи — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ постовъ имперіи? Его устроили въ департаментъ наши общіе недруги. Государю они говорили, что для того, чтобъ дѣятельность министерства финансовъ была плодотворна, нужно, чтобы предсѣдатель департамента государственной экономіи былъ одного съ нимъ направленія, а про себя думали другое. Они видѣли, что большинство государственнаго совѣта идетъ со мной; нужно было разбить сплоченную группу— divide et impera. Абаза—теперь одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей; ни одинъ бывшій министръ не питаетъ добрыхъ чувствъ къ непосредственному своему преемнику. Абаза—человѣкъ вліятельный, но руководящійся совсѣмъ другими, нежели я, стремленіями; онъ поведетъ за собой группу людей, которая лишитъ министерство финансовъ не только сплоченнаго сильнаго большинства, но и какого бы то ни было большинства".

Послѣдующія обстоятельства показали, что Николай Христіановичъ былъ совершенно правъ.

IX.

Расколъ въ такъ называемой либеральной партіи, нападки Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", инсинуаціи въ „Граж-

Digitized by Google

данинѣ" расшатывали и затрудняли положеніе Николая Христіановича; но покойный государь вѣрилъ ему.

Монархъ ясно понималъ чистѣйшую душу Николая Христіановича, и уйти послѣднему не удавалось.

Помню, какъ сейчасъ, одинъ разговоръ мой съ Николаемъ Христіановичемъ. Въ декабрѣ 1885 года обсуждали мы положеніе дѣлъ, и я горячо доказывалъ, что волна враждебнаго ему направленія поднимается все выше и выше, что не долго еще—и она захлеснетъ его, и что ему слѣдуетъ уйти изъ министерства, не дожидаясь намека свыше. Онъ улыбался долго своею милою доброю улыбкой, и, наконецъ, взявъ меня за обѣ руки, сказалъ: „Оставимъ это... я говорилъ вамъ чрезъ два, три дня по назначеніи меня министромъ—калоши и зонтикъ мои на-готовѣ,—я готовъ уйти въ каждую данную минуту и ушелъ бы, милый другъ мой, да малаго не хватаетъ... нужно, чтобъ отпустили".

И еще цѣлый годъ послѣ разговора этого, самый тяжелый годъ своей жизни, Николай Христіановичъ оставался министромъ.

X.

Велико было ликованіе недруговъ, когда стало извѣстно, въ ноябрѣ 1886 года, что Николай Христіановичъ нанялъ себѣ квартиру въ Царскомъ Селѣ. Но новогодній указъ, освободившій его отъ обязанности министра, принесъ врагамъ его непріятный сюрпризъ—онъ назначенъ былъ не только членомъ государственнаго совѣта, какъ этого всѣ ожидали, но вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ комитета министровъ, на смѣну совсѣмъ ослѣпшаго М. Х. Рейтерна.

Положеніе предсѣдателя комитета министровъ совсѣмъ особое.

Постоянныхъ докладовъ у государя онъ не имѣетъ, и иниціативы законодательныхъ мѣръ ему не предоставлено; поэтому непосредственнаго личнаго вліянія на ходъ администраціи онъ не имѣетъ. Но всѣ энергичные и подготовленные предсѣдатели, когда предстоитъ разсмотрѣніе въ комитетѣ спорнаго или очень серьезнаго дѣла, изучаютъ его и, прежде разсмотрѣнія въ засѣданіи, ѣздятъ съ всеподданнѣйшими докладами.

Поэтому, если извѣстно, что государь предсѣдателю комитета довѣряетъ, то министры рѣдко рѣшаются вступать въ пререканія съ нимъ. Такимъ образомъ, предсѣдатель комитета, не имѣя возможности видоизмѣнить *общее* направленіе политики того или другого министра, а тѣмъ менѣе всѣхъ министровъ, можетъ, въ

Digitized by Google

каждомъ отдѣльномъ случаѣ, весьма рѣшительно вліять на подробности мѣропріятій и законовъ. Въ такихъ предѣлахъ оставался Николай Христіановичъ отъ дня назначенія своего предсѣдателемъ комитета и до послѣднихъ дней жизни почившаго государя.

Новый министръ финансовъ, И. А. Вышнеградскій, отлично зналъ, что Николай Христіановичъ не любитъ его, не сочувствуетъ ему, и что онъ даже явно показывалъ это въ прежніе годы. Поэтому Вышнеградскій, въ началѣ своего управленія, стремился всячески досадить Николаю Христіановичу,—постоянно вносилъ представленія по разнымъ возбужденнымъ еще въ управленіе предшественника вопросамъ, давая имъ разрѣшеніе противоположное тому, которое указано было Николаемъ Христіановичемъ, и въ то же время громко въ залахъ государственнаго совѣта и комитета министровъ критиковалъ его мѣры и пріемы дѣйствій. Весьма высокопоставленныя лица совѣтовали Николаю Христіановичу „оборвать“ его; но Николай Христіановичъ только улыбался и молчалъ. Не сочувствуя Вышнеградскому какъ человѣку, онъ помнилъ трудность положенія его какъ министра, не хотѣлъ еще болѣе усугублять ее и имѣлъ свой планъ.

Когда въ концѣ декабря 1887 года слушался въ государственномъ совѣтѣ первый бюджетъ Вышнеградскаго и на него напали со всѣхъ сторонъ, Николай Христіановичъ выступилъ съ такой энергичной защитой своего преемника по министерству, что Вышнеградскій былъ прямо пораженъ. Онъ сразу смягчилъ свой тонъ. Прошелъ еще годъ. При разсмотрѣніи бюджета на 1888 г. повторилось то же, что и за годъ передъ тѣмъ, и Вышнеградскій убѣдился окончательно, что въ трудныя минуты онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на поддержку Николая Христіановича.

Пріемы его значительно измѣнились, и скоро онъ сталъ вносить въ высшія государственныя учрежденія законопроекты, легко укладывавшіеся въ русла, подготовленныя дѣятельностью Николая Христіановича. Постороннимъ наблюдателямъ сначала это было незамѣтно; но когда дѣло дошло до податной и фабричной инспекціи, всѣ стали понимать это. Въ началѣ управленія своего Вышнеградскій не разъ повторялъ, что податная и фабричная инспекція не только не нужны, но прямо вредны,—и что же?—смѣнены были одно изъ начальствующихъ лицъ да четыре—пять податныхъ инспекторовъ, а затѣмъ измѣнилось отношеніе къ Николаю Христіановичу, и Иванъ Алексѣевичъ сталъ требовать кредитовъ на расширеніе инспекціи...

Digitized by Google

Послѣ одного частнаго разговора по этому вопросу, но въ довольно многочисленномъ обществѣ, Николай Христіановичъ, обратясь къ ближайшему изъ собесѣдниковъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Помните ли, вы не разъ говорили мнѣ, что я долженъ „оборвать“ Ивана Алексѣевича. Но, скажите, теперь... Не правда ли пріятно чувствовать, что человѣкъ, не хотѣвшій и слышать о предлагавшейся мною задачѣ, потихоньку-полегоньку втянутъ въ нее, самъ запрегся въ возъ мой и везетъ его отлично,—вотъ гдѣ моя месть“...

Сдержанная и всегда примирительная политика Николая Христіановича скоро привела къ тому, что во многихъ случаяхъ онъ явился посредникомъ между неладившими другъ съ другомъ министрами. Особенно сказалось это въ распрѣ, болѣе двухъ лѣтъ тянувшейся между Вышнеградскимъ и министромъ путей сообщенія. Кромѣ того, въ концѣ прошлаго царствованія, на Николая Христіановича возлагались отдѣльныя очень серьезныя порученія, и рѣдкій тактъ его принесъ огромную пользу дѣлу. Для примѣра можно привести вопросъ о пересмотрѣ финляндскихъ законовъ. Иниціаторы дѣла этого стремились повернуть его такъ, что Финляндія могла бы стать для насъ второю Польшей. Николай Христіановичъ, ни на іоту не поступаясь ни истинно русскимъ чувствомъ, ни правомъ верховной власти, направилъ дѣло такъ, что ясно далъ финляндцамъ понять широту правъ по отношенію къ нимъ общаго монарха нашего и выяснилъ имъ, что при недружелюбныхъ съ ихъ стороны отношеніяхъ мы найдемъ средства и безъ большого шума многое перемѣнить въ организаціи управленія и жизни ихъ. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ и не ломая основъ самоуправленія страны, дано было дѣятелямъ ея серьезное предостереженіе, а также время изыскать пути для соглашенія и почву для взаимныхъ уступокъ.

Въ настоящемъ очеркѣ жизни Николая Христіановича нельзя останавливаться подробно на дѣятельности его въ послѣдніе годы жизни,—нельзя потому, что всѣ почти руководители министерствъ, съ которыми соприкасался онъ, живы и здравствуютъ.

Скажу только, что со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора дѣятельность Николая Христіановича приняла болѣе активный характеръ. Не разъ слышали министры отъ него: „нельзя такую мѣру принимать въ началѣ царствованія молодого Государя“,—и мнѣніе такое брало обыкновенно верхъ, и онъ все чаще и чаще сталъ ѣздить къ Государю съ докладами. Въ Россіи, въ особенности въ земской

Digitized by Google

Россіи, съ трепетомъ и надеждой слѣдили за Николаемъ Христіановичемъ. Тамъ помнили, что онъ былъ дѣятелемъ освобожденія крестьянъ, что при немъ сняты подушныя; тамъ помнили это и надѣялись, что и въ третій разъ онъ выдвинется въ томъ же направленіи и въ той же области. Но судьба рѣшила иначе,—и Николая Христіановича внезапно не стало.

XI.

Въ послѣдніе годы своего министерства и почти все время предсѣдательствованія въ комитетѣ министровъ, Николай Христіановичъ ѣздилъ лѣтомъ мѣсяца на два, на три отдохнуть за границу. Послѣдній разъ былъ онъ тамъ въ 1893 году и, возвращаясь домой, нѣсколько дней проболѣлъ въ Берлинѣ.

Врачи не выяснили ему суть болѣзни; но ее знали близкіе люди и родные; это была закупорка мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ—признакъ въ его годы возможности быстраго склероза сосудовъ. Послѣ этой болѣзни Николай Христіановичъ нашелъ, что ему пора перестать ѣздить по Европѣ, и лѣто 1894 года прожилъ въ Царскомъ Селѣ, наслаждаясь его дивнымъ паркомъ.

Кончина императора Александра III сильно поразила Николая Христіановича, лично очень къ покойному государю привязаннаго. А между тѣмъ при новомъ царствованіи, видя довѣріе молодого Монарха и сознавая, что довѣріе это налагаетъ на него еще бо́льшую противъ прежняго отвѣтственность, Николай Христіановичъ сталъ волноваться болѣе прежняго. Каждое серьезное дѣло — а ихъ шли десятки—озабочивало его; каждое изучалъ онъ съ рѣдкимъ рвеніемъ, а крайне слабое отъ природы здоровье, переутомленіе и семьдесятъ лѣтъ—сдѣлали свое дѣло.

3-го іюня, въ четыре часа дня, пошелъ Николай Христіановичъ гулять въ паркъ, почувствовалъ себя нехорошо и черезъ полчаса вернулся домой.

Послали за врачами. По лицамъ ихъ онъ угадалъ, что дѣло серьезно, распорядился дать знать Государю, вызвать управляющаго дѣлами Комитета, а затѣмъ сказалъ врачамъ: „Теперь пожалуйста не безпокойтесь—я понимаю, что дѣло идетъ къ концу; смерти я не боюсь и только молю Бога, чтобъ страданія мои не были очень продолжительны...“ И Господь внялъ молитвѣ его. Не прошло трехъ часовъ—и его не стало.

Digitized by Google

Вскрыли оставленное имъ на случай смерти письмо. Нѣсколько мелкихъ, но необходимыхъ распоряженій, указаніе, гдѣ найти духовное завѣщаніе, и выраженіе желанія быть погребеннымъ въ Кіевѣ рядомъ съ могилой дорогой и незабвенной матери...

Воля покойнаго была, конечно, свято исполнена.

Евг. Картавцовъ.

Digitized by Google

ИЗЪ
ЛОНГФЕЛЛО

ГОЛОСА НОЧИ.

Прелюдія.

Отрадно,—если лѣсъ въ листвѣ
И вѣтеръ мягокъ, тихъ,—
Лежать въ дубравѣ на травѣ,
Гдѣ мракъ тѣней и свѣтъ лучей
Чредой блуждаютъ межъ вѣтвей
И длинныхъ и густыхъ;

Иль тамъ, гдѣ роща разрослась,
Отъ глазъ скрывая свѣтъ,
И гдѣ листва переплелась
Въ зеленый сводъ; гдѣ тишь и лѣнь,
И, чуть видна, проходитъ тѣнь,
Какъ ласковый привѣтъ.

Подъ деревомъ столѣтнимъ я
Лежу, и сотней рукъ
Сѣдыхъ, обросшихъ, тѣнь меня
Благословляетъ, и всѣ въ ладъ,
Какъ руки, листья чуть шуршатъ...
Протяжный, чудный звукъ!

Онъ полонъ тихихъ вешнихъ сновъ,
Онъ рѣетъ въ тишинѣ...
Не крылья ль это мотыльковъ?

Digitized by Google

Иль чуткій колоколъ, дремля,
Звенитъ, и слушаетъ земля
Въ блаженномъ полуснѣ?

Мечты и грезы о быломъ,
О вѣчномъ, вновь пришли.
Какъ будто мысль меня крыломъ
Одѣла... Я смотрѣлъ въ лазурь,
Гдѣ плыли облака безъ бурь,
Какъ въ морѣ—корабли.

Мечты для счастія даны,
Когда въ душѣ весна.
Легенды древнія и сны,
Преданья, притчи мудрецовъ,
Сказанья въ инеѣ вѣковъ—
Святая старина!

Я эти вымыслы люблю.
Средь шумной суеты
Ручьевъ прохладу я ловлю:
Они текутъ въ зеленыхъ мхахъ
То въ сѣткѣ тѣней, то въ лучахъ,
Міръ пѣсенъ и мечты!

День Троицы... Весну въ цвѣтахъ
Онъ вводитъ къ намъ, какъ въ храмъ.
Всѣ почки на своихъ вѣтвяхъ
Расправить старый лѣсъ готовъ—
Онѣ—что крылышки птенцовъ!
И я, гляди, ужъ тамъ.

О, какъ мнѣ шопотъ лѣса милъ,
Свистъ птичекъ, гулъ ручья!
Ребенкомъ съ ними я дружилъ,
И на меня, какъ въ дѣтства дни,
Смотрѣли весело они,
Какъ будто не жилъ я.

Шептали тихо, кротко такъ:
„Прійди, ребенкомъ будь!“
Кивали, звали въ глубь и мракъ,

Digitized by Google

И простирали руки мнѣ...
И въ чащу я, какъ въ сладкомъ снѣ,
Направилъ снова путь.

На вольный, радостный просторъ,
Гдѣ нѣтъ ни зла, ни мукъ.
Тамъ было тихо. Мнилось, взоръ
Поднявши къ небу и склоня
Колѣни, на закатѣ дня
Молился лѣсъ вокругъ.

Какъ на молитвѣ я стоялъ
Средь сосенъ, и сплелись
Ихъ вѣтви роемъ опахалъ,
И тамъ, гдѣ солнце словно жаръ
Горѣло, блѣдно-синій паръ
Вился струею въ высь.

И мой усталый мозгъ будя,—
Какъ дождь, весны мечты
Слетѣли вновь. Но звукъ дождя,
Упавшаго на зрѣлый плодъ,
Не тотъ, когда тотъ плодъ цвѣтетъ
И полонъ красоты.

Видѣнья дѣтства! О, молю,
Останьтесь!.. Но, грустя,
Я чьи-то голоса ловлю:
„Нѣтъ, нѣтъ, они уйдутъ! уйдутъ,
Стиховъ иныя тэмы ждутъ.
Ты больше не дитя!

Ты—пѣсенъ дивная страна,
Гдѣ плещутся ручьи.
Твоя фантазія сильна:
Она—ворота въ райскій садъ,
Гдѣ мысли звѣздами горятъ
И плачутъ соловьи.

Тебѣ не пѣть, въ строфахъ стиховъ,
Ни гордыхъ снѣжныхъ горъ,
Ни моремъ стонущихъ лѣсовъ,

Digitized by Google

Ни быстрыхъ рѣкъ, куда въ грозу
Глядится лѣсъ, чтобы внизу
Узрѣть небесъ просторъ.

Есть лѣсъ, гдѣ слышится вѣка
Вѣтвей желѣзныхъ громъ.
Въ лѣсу—бездонная рѣка,
И кто въ нее заглянетъ, тотъ
Увидитъ черный небосводъ...
Ей нѣтъ границъ кругомъ.

Межъ вѣчно трепетныхъ вѣтвей
Лучъ взглянетъ, какъ любовь.
Но, глядь,—затмилъ его Борей.
Какъ листья, рой надеждъ опалъ:
„Минуло,—кто-то прошепталъ,—
Мы не вернемся вновь!“

Взгляни же въ сердце и пиши:
Жизнь—море подъ грозой!
Весь свѣтъ и мракъ твоей души
И всѣ ночные голоса,
Что страхъ несутъ и чудеса,—
Вотъ что отнынѣ пой“!

I

ГИМНЪ НОЧИ.

Я слышалъ: ночь, о мраморъ шелестя,
По заламъ ткань влачила.
Я видѣлъ: въ складкахъ траурныхъ блестя,
Небесъ сіянье стыло.

Я чувствовалъ: со мной слилась она
Волшебной, тайной властью,
Какъ существо любимое сильна
Призывомъ къ жизни, счастью.

Внималъ я въ хорѣ—радости, тоски
Живые переливы.

Digitized by Google

Они чертогъ наполнили, легки,
Какъ риѳмы и мотивы.

Изъ родниковъ воздушныхъ всей душой
Я пилъ успокоенье:
Въ нихъ мира ключъ, безсмертный и святой,
И таинство забвенья.

Святая ночь! Учусь я у тебя
Сносить покорно муки.
Къ устамъ заботъ перстомъ коснись, любя,
И стихнутъ стоновъ звуки.

Миръ, миръ!.. Тебѣ я приношу, грустя,
О, ночь, мои моленья!
Сойди, слети, одеждой шелестя,
На крыльяхъ вдохновенья!

II.

ПСАЛМЪ ЖИЗНИ.

Не скорби на звучной лирѣ,
Что вся жизнь—подобна снамъ.
Сонный мракъ—душа, и въ мірѣ
Все не то, что мнится намъ.

Не темница ей могила;
Жизнь не грёза и не ложь.
Не о ней твердятъ уныло:
„Въ прахъ изъ праха ты уйдешь“.

Не къ блаженству, не къ кручинѣ,
А къ труду насъ путь ведетъ,
Чтобъ отъ *завтра* наше *нынѣ*
Далеко ушло впередъ.

Время—мигъ, искусство вѣчно,
Сердце смѣло и сильно.
Погребальный гимнъ безпечно
Бьетъ и бьетъ въ груди оно.

Digitized by Google

На широкомъ бранномъ полѣ,
На бивакѣ жизни встань
Не скотомъ въ ярмѣ неволи,
А бойцомъ, подъявшимъ длань!

Не ввѣряйся тьмѣ грядущей,
Мертвымъ прошлое оставь.
Дѣйствуй, дѣйствуй въ жизни сущей,
Съ бодрымъ сердцемъ Бога славь!

Жизнь великихъ—назиданье:
Для величья жизнь дана.
На пескѣ временъ призванье
Всѣхъ оставить имена.

И, быть можетъ, погибая
На затерянномъ пути,
Узритъ ихъ нашъ братъ, блуждая,
И по нимъ рѣшитъ идти.

Будемъ бодро ждать, трудиться
И, мирясь съ судьбой своей,
Какъ въ глухую осень птица,
Къ свѣту двинемся скорѣй!

III.

ЗВѢЗДНЫЙ СВѢТЪ.

Настала ночь. Плыветъ луна
И свѣтитъ, какъ сквозь сонъ.
Безмолвно внизъ скользитъ она
За блѣдный небосклонъ.

Темно на небѣ и землѣ,
Безжизненъ звѣздный хоръ.
Планета Марсъ въ вечерней мглѣ
Свершаетъ свой дозоръ.

Кто ты? Звѣзда ль счастливыхъ встрѣчъ,
Мечтаній и любви?

Digitized by Google

О, нѣтъ, то блещетъ съ неба мечъ,
Холодный мечъ въ крови.

И мысль суровая уму
И сердцу говоритъ,
Когда гляжу я въ высь, во тьму,
То вижу мечъ и щитъ.

Звѣзда могущества! Тебѣ
Гнетъ мукъ моихъ смѣшонъ.
Рукой въ кольчугѣ ты къ борьбѣ
Зовешь, и я силенъ.

Въ моей груди одни лучи
Холодныхъ звѣздъ... У скалъ
Я смѣну первую въ ночи
Предъ Марсомъ простоялъ.

О, воли яркая звѣзда!
Въ груди моей она
Блеститъ, спокойна и горда,
Свѣтла и холодна.

И ты, кто бъ ни былъ ты, мой братъ
И другъ безвѣстный мой,
Когда надежды отлетятъ,
Будь смѣлъ и твердъ душой.

Будь смѣлъ, и скоро будешь знать,
Что въ этомъ мірѣ—благъ
Нѣтъ выше, чище, какъ страдать
Съ улыбкой на устахъ.

IV.

ЖНЕЦЪ И ЦВѢТЫ.

Есть въ мірѣ жнецъ; своимъ серпомъ
Онъ съ каждымъ взмахомъ жнетъ
Колосья и цвѣты гуртомъ.
„Смерть“—міръ жнеца зоветъ.

Digitized by Google

Онъ говоритъ: „Иль рожь одну
Мнѣ жать! Люблю цвѣты.
Я ихъ опять землѣ верну
Въ расцвѣтѣ красоты.

На трудъ свой жнецъ взглянулъ. Въ глазахъ
Блеснули капли слезъ.
Цвѣты душистые въ снопахъ
Онъ въ рай Господень несъ.

„Цвѣты Господь нашъ любитъ!—такъ
Съ улыбкой онъ сказалъ: —
То вѣсть земли, гдѣ Онъ, бѣднякъ,
Дитятею блуждалъ.

„Ихъ въ рай пересажу я самъ,
Малютки зацвѣтутъ,
Святые ими нѣжно тамъ
Одежды обовьютъ".

Цвѣты любимѣйшіе мать
Съ слезами отдаетъ:
Она вѣдь знаетъ, что опять
Ихъ въ небесахъ найдетъ.

Въ тотъ день сошелъ онъ съ высоты
Ни гнѣвенъ, ни жестокъ.
То ангелъ былъ. Онъ несъ цвѣты
И самъ былъ какъ цвѣтокъ.

V.

СЛѢДЫ АНГЕЛОВЪ.

Если дня часы въ исходѣ,
Но свѣтила ночь таитъ, —
Голосъ ночи на свободѣ
Души лучшія живитъ.

И. подобно привидѣньямъ,
Отъ камина по стѣнѣ

Digitized by Google

Скачутъ тѣни,—льнутъ съ волненьемъ
Грезы прошлаго ко мнѣ.

Рой видѣній, рой священный
Въ мой слетается пріютъ:
Вотъ онъ, сильный, вдохновенный,
Какъ святыню чтившій трудъ.

Утомленный, на дорогѣ
Онъ упалъ... погибъ... А вотъ
Та толпа, что вѣкъ въ тревогѣ
Крестъ страданія несетъ.

Руки слабыя скрещённы,
Сжаты кроткія уста,
Съ ними образъ окрылённый—
Весь любовь и чистота.

Ей любимъ былъ я когда-то...
Вонъ—въ небесной вышинѣ,
Тихой святостью объята,
Вижу, шествуетъ ко мнѣ.

И садится за спиною,
И даетъ мнѣ руку вновь,
И въ глаза глядитъ съ тоскою,
Вся—надежда и любовь.

Смотритъ въ душу благодатно,
Какъ лучами звѣздъ святыхъ...
Молчалива, но понятна
Мнѣ, какъ день, молитва ихъ.

И упрекъ въ благословенье
Выливается въ устахъ...
Пусть гнететъ уединенье
Позабытаго въ цѣпяхъ,—

Весь мой страхъ растаетъ дымомъ,
Если только вспомню тѣхъ,
Что въ пути неутомимомъ
Поборoли жизнью грѣхъ.

Digitized by Google

VI.

ОСАЖДЕННЫЙ ГОРОДЪ.

Въ старинныхъ сказкахъ я сыскалъ
Таинственную сагу,
Какъ сонмъ видѣній осаждалъ
Въ глухую полночь—Прагу.

Тамъ, гдѣ роптalъ Молдавы валъ,—
Какъ въ сновидѣньѣ странномъ,
Рой блѣдныхъ призраковъ стоялъ
И мѣсяцъ плылъ надъ станомъ.

И, какъ прикованный къ землѣ
Туманъ,—войска бѣлѣли.
Съ глубокой грустью въ мутной мглѣ
Струи рѣки шумѣли.

Ни звука больше: ни шаговъ,
Ни боя барабана!
Подобно стаѣ облаковъ,
Вились знамена стана.

Но старый колоколъ вздохнетъ,
Сзывая на молитву,
Тревожный воздухъ всколыхнетъ—
И, забывая битву,

Дрожатъ войска... Знамена въ прахъ
Летятъ... Какъ смерчъ въ пустынѣ,
Враговъ безмолвныхъ гонитъ страхъ;
Звѣзда восходитъ въ небесахъ.

Мнѣ въ сердцѣ у людей читать
Пришлось легенду вѣка,
Гдѣ осаждала духовъ рать,
Какъ городъ—человѣка.

Зловѣще въ сумракѣ ночномъ,
При трепетѣ туманномъ

Digitized by Google

Живой фантазіи,—кругомъ
Потока жизни, станомъ

Расположилися войска
Гигантскихъ тѣней въ полѣ.
Съ глубокимъ шопотомъ рѣка
Межъ нихъ течетъ на волѣ.

Ни словъ призыва не слыхать,
Ни звука не трепещетъ.
Могильной тишью вѣетъ рать,
Лишь жизнь струею плещетъ.

Но только колокола звонъ
Молитвой въ грудь повѣетъ,
Дрожитъ полночный легіонъ
И духовъ сонмъ блѣднѣетъ,

И вдоль равнины слезъ бѣжитъ,
И падаетъ, и таетъ.—
И вѣра, какъ звѣзда, блеститъ,
И ужасъ исчезаетъ.

VII.

ПОЛУНОЩНАЯ МЕССА УМИРАЮЩЕМУ ГОДУ.

Годъ состарился; его
Меркнетъ тусклый взглядъ уныло.
Близко смерти торжество.
Вотъ она его схватила.
Больно! Больно!

Листья все летятъ, летятъ
Тихо, медленно, невольно.
Кр... кр... кр... Грачи кричатъ.
Этотъ крикъ терзаетъ больно.
Больно! Больно!

По тропинкамъ горъ, лѣсовъ
Вѣтры съ силою побѣдной

Digitized by Google

Мчатся съ хоромъ голосовъ.
„О душѣ молитесь бѣдной!
О, молитесь“!

Какъ монахи, облака
Дождь роняютъ, словно четки,
И звучатъ издалека
Вновь молитвы тихи, кротки...
Тщетно! Тщетно!

Вотъ стоитъ онъ тамъ, глупецъ,
Старъ и нищъ, въ грозу, въ ненастье.
Дикій тернъ его вѣнецъ.
Онъ, какъ Лиръ, лишенъ участья.
О, король!

Наступаетъ лѣтній день;
На него весельемъ вѣетъ:
То послѣдняя ступень
И его, любя, лелѣетъ
Голосъ нѣжный.

Умеръ день и съ нимъ тепло.
Онъ застылъ въ объятьяхъ года
И не дышетъ на стекло
Голубого небосвода—
Тамъ пустынно.

Тутъ конецъ и старику,
И по немъ лѣса рыдаютъ,
Точно души, что тоску
Въ ревѣ бури заглушаютъ.
„Не тревожьте духа“!

И тогда летятъ, гудя,
Съ Лабрадора ураганы.
Тучи льдистаго дождя,
Бури, вѣтры и туманы—
Все смѣшалось.

Вѣтеръ злой, изъ лѣса въ ночь
Ты уносишь листъ багряный.

Digitized by Google

О, когда бъ вы, ураганы,
Весь мой грѣхъ умчали прочь!
Вонъ изъ сердца!

Знаю: будетъ день чудесъ;
Вихрь завоетъ, небо хмуря,
И мирьяды звѣздъ съ небесъ
Унесетъ, какъ листья, буря.

„Кирiе элейсонъ!
Кирiе элейсонъ“!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вы, голоса, что встаете
Ночью и сердцу поете
Тихую пѣснь бытія,
Къ тѣмъ, кто измученъ, идите,
Тѣмъ, кто печаленъ, скажите:
„Веселы будьте, друзья“!

Звуки, что въ царствѣ зеленомъ
Кажетесь мыслямъ безсоннымъ
Ангельскимъ пѣньемъ псалмовъ,—
Къ рощамъ ступайте сосновымъ,
Слейтеся съ вѣчно суровымъ
Пѣньемъ дремучихъ лѣсовъ.

Вы, голоса прожитого,
Къ жизни возставшіе снова,
Словно святые огни,
Вы мнѣ свѣчой погребальной
Въ холодѣ жизни печальной
Свѣтите сердцу одни!

А. М. Ѳедоровъ.

Digitized by Google

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

Окончаніе.

VIII.—Отношенія новоселовъ къ старожиламъ [1]).

Установленіе справедливыхъ отношеній новоселовъ къ старожиламъ, не только по отношенію къ киргизскому населенію, но и вообще, представляетъ очень трудный и сложный вопросъ, насколько онъ касается земельныхъ надѣловъ.

Въ началѣ имѣлось въ виду по возможности не стѣснять коренного населенія старожиловъ, сохраняя за ними всѣ земли, которыя находились въ ихъ фактическомъ владѣніи, отводы же участковъ сосредоточить исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ дѣйствительный избытокъ земли, чтобы не нарушать бытовыхъ условій старожилаго населенія. При недостаткѣ свободныхъ, незанятыхъ земель оказалось, однако, невозможнымъ провести это начало безусловно вслѣдствіе разбросанности участковъ и значительнаго пространства земли, захваченнаго старожилами въ разныхъ мѣстахъ.

При существовавшемъ до послѣдняго времени въ Сибири земельномъ просторѣ, пользованіе землею слагалось тамъ въ крайне неопредѣленныя и своеобразныя формы.

Самою первобытною формою владѣнія землей представляется *заимочно-захватное* пользованіе. Сущность его заключается въ неограниченномъ для каждаго отдѣльнаго лица правѣ обращать въ свое исключительное пользованіе количество земли, со-

) См. выше: апр., 425 стр.

Digitized by Google

отвѣтствующее его хозяйственнымъ силамъ. Благодаря бывшей массѣ свободныхъ земель, каждый желающій могъ выбрать себѣ наиболѣе удобное на его взглядъ мѣсто, селиться и строиться, распахивать и косить по своему усмотрѣнію, большею частію никого не спрашивая и ничьихъ правъ не нарушая. Такіе обособленные участки земли носятъ въ Сибири названіе *заимокъ*.

Особенностью заимочнаго хозяйства является возможность отсутствія жилья на заимкѣ, вслѣдствіе опасности жизни въ одиночку среди сибирской тайги и присущаго русскому населенію стремленія къ скученности.

При отсутствіи жилья на заимкѣ, земледѣлецъ ведетъ хозяйство изъ деревни *по-россійскому*, т.-е., пріѣзжаетъ сюда на всѣ сельско-хозяйственныя работы ежедневно, возвращаясь при томъ домой, чтобы завтракать и обѣдать. Такое хозяйство ведется всѣми тѣми земледѣльцами, которые имѣютъ участки по близости отъ селенія, верстахъ въ двухъ, трехъ, много четырехъ.

Въ случаѣ бо́льшаго разстоянія участка отъ селенія, на немъ устраивается жилище, при чемъ мѣсто для него выбирается подлѣ рѣчки, ручья или озера. При избахъ часто имѣется скотный дворъ и другія хозяйственныя приспособленія. Заимки-постройки бываютъ наѣздныя, лѣтнія и постоянныя. Первые два рода заимочнаго строенія предназначены только для временного пребыванія въ нихъ хозяина. Постоянныя же заимки-избы представляютъ собою цѣльное и полное домообзаведеніе. Здѣсь, кромѣ теплаго и удобнаго дома, возводятся и всѣ службы, устраивается огородъ и па́скотина, куда гоняется скотъ для пастьбы. Какъ владѣлецъ заимки, такъ и вся семья его живетъ въ этомъ случаѣ на постоянной заимкѣ и зиму, и лѣто, но въ то же время сохраняется домообзаводство и въ деревнѣ, такъ что заимщику приходится надзирать за двумя хозяйствами и жить на два дома. По мѣрѣ развитія хозяйства на заимкѣ, жизнь на два дома дѣлается для заимщика затруднительной, и онъ обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что продаетъ свой домъ въ деревнѣ и порываетъ всѣ связи съ своимъ роднымъ обществомъ.

Постоянныя заимки рѣдко ста́вятся въ одиночку, но почти всегда *сгрудившись другъ съ другомъ*, отчего онѣ получаютъ видъ небольшой деревеньки. Въ концѣ концовъ, когда къ данной заимкѣ приселится достаточное число дворовъ, возникаетъ новая деревня, вполнѣ независимая отъ стараго селенія. Отсюда, какъ изъ центра, населеніе снова начинаетъ расползаться по территоріи, строить новыя заимки, расширяя колонизацію края и спо-

Digitized by Google

собствуя разселенію мѣстнаго населенія по обширнымъ пространствамъ Сибири.

Заимочное право, включая даже право наслѣдованія и продажи, признается всѣми и строго охраняется волостными судами. Но это существуетъ только до тѣхъ поръ, пока населеніе рѣдко и пока право заимщиковъ не стѣсняетъ права на пользованіе землей другихъ членовъ общины. По мѣрѣ сгущенія населенія, въ средѣ общины начинается движеніе противъ заимочно-захватной формы пользованія землей, и она перерождается постепенно въ форму *вольнаго пользованія*. При вольномъ пользованіи каждому общиннику предоставляется право распахивать землю на любомъ мѣстѣ, но пашня остается въ его пользованіи только до тѣхъ поръ, пока онъ вкладываетъ въ нее свой трудъ; въ противномъ случаѣ она можетъ быть захвачена и распахана всякимъ другимъ, кто найдетъ выгоднымъ завладѣть ею. При этой формѣ пользованія уже возникаетъ воззрѣніе, что вся земля, состоящая во владѣніи отдѣльныхъ членовъ общины, принадлежитъ исключительно общинѣ, что если ею и допускается захватъ *пустующей* земли, то только до той поры, пока эта земля не нужна ей, для ея собственныхъ цѣлей. При такомъ взглядѣ общины, каждая новая заимка стоитъ уже на счету у того міра, къ которому принадлежитъ основатель заимки, и можетъ быть отнята или урѣзана въ случаѣ потребности въ ней остальныхъ общинниковъ. Ревнивымъ охранителемъ новаго начала въ помощь общинѣ является тотъ же волостной судъ, недавно еще бывшій на сторонѣ заимщиковъ.

Когда было приступлено къ образованію участковъ для новоселовъ, оказалось, что на практикѣ совершенно не касаться заимокъ невозможно. Несомнѣнно, на каждую заимку уже положенъ нѣкоторый трудъ, хотя часто и не особенно большой трудъ, заслуживающій уваженія, но съ другой стороны, какъ видно изъ вышеприведеннаго, пользованіе землею въ Сибири разбросалось такъ широко и такъ безпорядочно, что большею частію было бы невозможно образовать надлежащіе участки для новыхъ поселенцевъ, не трогая заимочныхъ земель; водвореніе новыхъ переселенцевъ встрѣтило бы такимъ образомъ существенныя препятствія.

Поэтому, пользуясь существующимъ уже въ мѣстномъ населеніи понятіемъ, что при сгущеніи населенія необходимо отказаться отъ чисто заимочнаго хозяйства, пришлось включать и часть заимочной земли въ новые участки; но вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты всевозможныя мѣры для того, чтобы не стѣс-

Digitized by Google

нить этимъ сверхъ мѣры старожиловъ и оградить сколько возможно ихъ насиженныя права, и въ этихъ видахъ признано было цѣлесообразнымъ избѣгать водворенія новыхъ поселенцевъ въ волостяхъ, въ которыхъ земельное довольство селенія сравнительно невелико, допуская отводы земли для переселенцевъ только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ на каждую наличную душу въ волости приходится болѣе пятнадцати десятинъ удобной казенной земли. Затѣмъ, къ числу угодій, которыя безусловно подлежатъ оставленію за старожилами, были причислены усадебныя земли, пашни, огороженныя паскотины, заказныя рощи и покосы, передѣляемые по душамъ. Вообще за владѣльцами заимокъ полагалось сохранять всѣ раздѣленныя угодья, не разбросанныя клочками, т.-е. тѣ земли, къ которымъ они дѣйствительно приложили серьезный трудъ. Но, съ другой стороны, двойного владѣнія землею было рѣшено уже не допускать впредь, предоставляя заимщику, сохранившему свой участокъ въ деревнѣ, отказаться или отъ послѣдняго, или отъ заимки. При этомъ имѣлось въ виду оставить заимки только за лицами прочно на нихъ утвердившимися; можно было предполагать, что тѣ крестьяне, интересъ коихъ сосредоточенъ главнымъ образомъ на общественныхъ земляхъ и для коихъ заимка составляетъ лишь добавочную доходную статью, предпочтутъ отказаться отъ послѣдней; напротивъ того, лица, сохранившія только внѣшнюю связь съ обществомъ, для коихъ заимочное хозяйство служитъ главнымъ средствомъ существованія, останутся на своемъ заимочномъ хозяйствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что при необходимости воспользоваться излишними казенными землями, находящимися въ пользованіи старожиловъ, слѣдуетъ по возможности принимать въ соображеніе ихъ заявленія о тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ они находятъ болѣе безобидною для себя отрѣзку земли. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда отрѣзка излишней земли будетъ встрѣчать затрудненіе, вслѣдствіе ея расположенія среди другихъ земель, было предположено предоставлять на выборъ старожиламъ, вмѣсто отрѣзки земли, приселеніе новоселовъ къ ихъ обществу, для совмѣстнаго пользованія всею находящеюся въ ихъ владѣніи землею.

Наконецъ, было предположено еще предоставить старожиламъ право пользоваться подлежащими отрѣзкѣ участками въ теченіе двухъ лѣтъ, если это старопахотныя земли, и пяти лѣтъ, если это лѣсныя расчистки, считая съ года перваго посѣва или скоса травы.

Доказательствомъ, что всѣ вышеизложенныя предположенія

Digitized by Google

вполнѣ ограждаютъ интересы старожиловъ, можетъ служить то обстоятельство, что по отводу участковъ новоселамъ до сихъ поръ не возникало какихъ-либо серьезныхъ жалобъ со стороны коренного населенія, уже свыкшагося съ мыслію, что при сгущеніи населенія приходится уступить часть земли народившемуся или приселившемуся избытку населенія [1]).

За разрѣшеніемъ вопроса объ отводѣ участковъ, было далѣе обращено вниманіе на устройство переселенцевъ на мѣстахъ, на снабженіе ихъ необходимыми средствами въ пути и на оказаніе имъ врачебной помощи.

Рѣшено было выдавать переселенцамъ ссуды, какъ на путевое довольствіе, такъ и для устройства на мѣстахъ, и по этому предмету составлены особыя правила, утвержденныя въ 1894 году.

На основаніи этихъ правилъ нуждающимся семействамъ, переселяющимся съ установленнаго разрѣшенія въ Сибирь и степное генералъ-губернаторство, можетъ быть оказываемо пособіе отъ правительства: а) выдачею путевыхъ ссудъ во время слѣдованія къ мѣстамъ водворенія; б) выдачею денежныхъ ссудъ на хозяйственное устройство и домообзаведеніе; в) выдачею натурой или деньгами ссудъ на посѣвъ и продовольствіе, не ожидая перечисленія переселенцевъ и приписки ихъ къ сельскому обще-

[1]) Объ отношеніяхъ новоселовъ къ старожиламъ мы находимъ интересныя данныя въ сочиненіи г. Станкевича:

„Нерѣдко,—говоритъ онъ,—старожилы, при отводѣ новоселамъ земли по ихъ сосѣдству, и которою они прежде сами пользовались, принимаютъ въ началѣ новоселовъ недружелюбно, стараясь пугать ихъ преувеличенными разсказами о мошкѣ и о трудностяхъ мѣстнаго хозяйства; но года черезъ два или три они обыкновенно обживаются съ новыми поселенцами и становятся къ нимъ уже въ хорошія отношенія. Споры изъ-за земли служатъ несомнѣнно причиной частыхъ раздоровъ между тѣми и другими и влекутъ за собою иногда довольно обостренныя отношенія; но съ теченіемъ времени эти раздоры утихаютъ. Во многихъ случаяхъ старожилы даже съ самаго начала оказываютъ всякую помощь новоселамъ, облегчая имъ первые шаги на новыхъ мѣстахъ, разумѣется, и не безъ выгоды для себя. Главное, въ чемъ нуждается только-что прибывшій новоселъ — это пристанище; его и доставляютъ старожилы новоселамъ, нанимая ихъ въ батраки, или за работу даютъ имъ въ наймы помѣщенія. Бываютъ даже случаи, что старожилы давали новоселамъ ссуды на обзаведеніе—деньгами, орудіями и сѣменами. Нѣкоторые поселенцы отзываются о сибирякахъ какъ о самыхъ великодушныхъ и заботливыхъ сосѣдяхъ. Когда новоселовъ поражаетъ какое-либо бѣдствіе, неурожай или пожаръ, что случается довольно часто, то иногда цѣлыя села въ теченіе всей зимы кормятся Христа ради у сосѣднихъ сибиряковъ. Кромѣ того, старожилы служатъ для пришельцевъ какъ бы учителями въ дѣлѣ приспособленія къ непривычнымъ сибирскимъ условіямъ; у нихъ они заимствуютъ пріемы веденія хозяйства, мѣстныя орудія и учатся нѣкоторымъ спеціальнымъ сибирскимъ промысламъ“.

Digitized by Google

ству, и г) безвозмезднымъ отпускомъ изъ казенныхъ дачъ лѣсного матеріала для возведенія усадебныхъ построекъ.

Выданныя ссуды составляютъ долгъ всѣхъ членовъ получившей ссуду семьи. На ссуды не могутъ быть обращаемы какія бы то ни было казенныя или частныя взысканія. Никакихъ процентовъ, ни пеней по ссудамъ не начисляется.

Выдача путевыхъ ссудъ производится, при слѣдованіи переселенцами въ мѣста, установленныя правительствомъ, чрезъ чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ; ссуды не должны превышать 50 р. на семью; переселенцы же въ иркутское генералъ-губернаторство и приамурскій край могутъ получить еще дополнительную ссуду въ томъ же размѣрѣ.

Ходатайства о выдачѣ ссудъ на хозяйственное устройство и домообзаведеніе заявляются переселенцами, не позднѣе трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія, устно или письменно, мѣстному учрежденію, вѣдающему крестьянское дѣло; послѣднимъ такія ходатайства сообщаются немедленно въ подлежащій губернскій совѣтъ или областное правленіе и разсматриваются тамъ внѣ очереди. Ссуды на домообзаведеніе и хозяйственное устройство, не свыше ста рублей на семью, разрѣшаются постановленіями означенныхъ губернскихъ и областныхъ учрежденій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда исключительное положеніе переселенческой семьи потребуетъ ссуды въ усиленномъ размѣрѣ, подлежащее учрежденіе, не останавливаясь выдачею ссуды въ обыкновенномъ размѣрѣ, входитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи дополнительной ссуды.

На такомъ же приблизительно основаніи могутъ быть выдаваемы и ссуды на посѣвъ и продовольствіе. Размѣръ первой изъ нихъ не долженъ превышать необходимаго для каждой семьи для посѣва на двѣ десятины. Размѣръ ссудъ на продовольствіе опредѣляется на основаніи нормъ, дѣйствующихъ по отношенію къ старожиламъ. Когда на переселенческихъ участкахъ не имѣется лѣса въ количествѣ достаточномъ для построекъ, переселенцамъ могутъ быть отпускаемы безмездно лѣсные матеріалы изъ казенныхъ дачъ не свыше 200 строевыхъ деревъ, 50 жердей на дворъ и сверхъ того для бань до 20 и для гумна и риги до 60 деревъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по сосѣдству не имѣется казенныхъ дачъ, переселенцамъ могутъ быть выдаваемы на пріобрѣтеніе необходимыхъ для постройки матеріаловъ денежныя ссуды на общемъ основаніи.

Возвратъ ссудъ производится по истеченіи трехъ льготныхъ лѣтъ (для путевыхъ ссудъ—со времени водворенія переселенца, а

Digitized by Google

для остальныхъ—со времени выдачи) въ теченіе десяти слѣдующихъ лѣтъ, срочными въ равныхъ частяхъ ежегодными платежами; при выдачѣ дополнительныхъ ссудъ могутъ быть назначаемы болѣе продолжительные сроки. Въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, возвратъ ссуды можетъ быть разрѣшенъ на сроки до 20 лѣтъ. Срочные платежи, не внесенные въ теченіе года, зачисляются на заемщикѣ недоимкою и взыскиваются полицейскими мѣрами.

Всѣ вышеизложенныя правила отличаются замѣчательною практичностью и простотою; льготность продолжительныхъ сроковъ для возврата ссудъ послужитъ несомнѣнно значительнымъ облегченіемъ для поселенцевъ, для которыхъ постепенный возвратъ ссудъ по истеченіи льготнаго трехлѣтія не будетъ представлять затрудненія. Единственное замѣчаніе, которое можно бы сдѣлать, это то, что слѣдовало бы предоставить мѣстнымъ чиновникамъ по переселенческому дѣлу, въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства, напр. въ моментъ наступленія времени посѣва, разрѣшать собственною властію, безъ всякаго отлагательства, ссуды хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, до полученія разрѣшенія отъ мѣстныхъ губернскихъ или областныхъ учрежденій.

Выдача ссудъ уже получила обширное примѣненіе, между тѣмъ какъ въ первое время послѣ изданія закона 1884 г. вся сумма, которая ассигновалась на переселенческое дѣло, не превышала 20.000 р.—въ 1895 г. на выдачу ссудъ израсходовано значительно болѣе полумилліона рублей.

Чтобы вполнѣ оцѣнить благодѣтельное вліяніе выдачи ссудъ на переселенческое дѣло, нужно дать себѣ отчетъ, въ какихъ условіяхъ оно происходило до того. Переходъ въ разныя мѣстности Сибири изъ Россіи обходится обыкновенно крестьянскому семейству отъ 75 до 115 рублей. Необходимыя для перехода средства переселяющіеся крестьяне снискивали обыкновенно путемъ продажи, передъ уходомъ, усадебныхъ строеній, скота, разной ненужной въ пути рухляди, а иногда и путемъ отдачи своего надѣла въ аренду. Средняя сумма, которую выручало такимъ образомъ каждое семейство, составляла отъ 100 до 200 рубл.; въ рѣдкихъ случаяхъ, болѣе богатымъ крестьянамъ удавалось выручить свыше 200 рублей, но нерѣдко они выручали и менѣе 100 рублей; очень многіе пускались въ путь съ пятидесятью рублями; масса крестьянъ уходила съ недостаточными средствами, и потому претерпѣвала въ пути разныя невзгоды и страданія. При такихъ условіяхъ всякое пособіе, получаемое въ пути со стороны правительства, должно приносить существенную пользу.

Digitized by Google

Еще меньшее число крестьянъ по приходѣ на мѣсто обладали достаточными средствами для перваго обзаведенія, истративъ обыкновенно весь свой незначительный капиталъ на расходы въ пути. Въ четырехлѣтній періодъ, отъ 1890 до 1893 года, въ Томскѣ было опрошено 14.509 семей, изъ которыхъ оказалось, по прибытіи въ Томскъ, у 265 семействъ болѣе 300 рублей, у 800 семействъ отъ 100 до 300 рублей, у 1.021 семейства отъ 50 до 100 рублей, у 3.327 семействъ отъ 10 до 50 рубл. и, наконецъ, у 9.026 семействъ, составляющихъ болѣе половины всѣхъ опрошенныхъ переселенцевъ, менѣе 10 руб., то-есть они приходили на мѣсто почти безъ всякихъ средствъ. Поэтому, до введенія новаго порядка, они не могли и помышлять о заведеніи своего хозяйства и должны были, чтобы снискивать себѣ пропитаніе, поступать къ старожиламъ въ рабочіе.

Изъ исторіи образованія отдѣльныхъ поселковъ видно, какъ цѣлыя партіи переселенцевъ, покидая насиженныя мѣста, шли, не зная въ точности, куда они отправляются. Они руководствовались, главнымъ образомъ, письмами ранѣе поселившихся односельчанъ и разсказами уже побывавшихъ въ Сибири ходоковъ, и пускались въ путь, не справляясь о томъ, есть ли незанятыя земли, и подойдутъ ли новыя условія жизни къ ихъ привычкамъ. По прибытіи въ Сибирь, партіи такихъ поселенцевъ оказывались въ самомъ печальномъ положеніи. Земли, про которыя имъ говорили ходоки, оказывались уже занятыми, и дѣваться имъ было некуда; приходилось искать свободныхъ пространствъ — иногда на это шло нѣсколько лѣтъ,—другіе принуждены были проживать первое время у старожиловъ... Зачастую бывали случаи, что партія не имѣла силъ дойти до мѣста назначенія, и осѣдала на пути; другіе хотя и доходили до мѣста назначенія, но, долго блуждая до того, разорялись окончательно. Тяжелѣе всего приходилось переселенцамъ существовать въ первые годы устройства на новыхъ мѣстахъ. Были случаи, что, дойдя до мѣста назначенія, но не умѣя устроиться и устрашенныя неудобствами мѣстнаго образа жизни, нѣкоторыя семейства возвращались обратно.

Теперь же, напротивъ того, переселенецъ отправляется по желѣзной дорогѣ удешевленнымъ проѣздомъ, въ случаѣ нужды получаетъ въ пути ссуду, а по прибытіи на мѣсто находитъ готовый отводъ земли и получаетъ пособіе деньгами и лѣсомъ, на первое обзаведеніе и на посѣвъ. При такихъ условіяхъ переселенецъ съ самаго начала можетъ обзаводиться хозяйствомъ.

Но и духовныя потребности переселенцевъ не были упущены изъ виду: по мѣрѣ возможности для нихъ устраиваются церкви

Digitized by Google

и школы. Церкви предположено сооружать преимущественно на станціяхъ желѣзной дороги, которыя сдѣлаются въ будущемъ центрами накопленія пришлаго русскаго населенія. Въ 1895 г., на средства, ассигнованныя казною и собранныя путемъ частныхъ пожертвованій, уже приступлено къ постройкѣ девятнадцати церквей и четырнадцати школъ. Кромѣ того, и въ уссурійскомъ краѣ уже въ нѣкоторыхъ поселенческихъ мѣстностяхъ начаты постройки церквей.

По устройству санитарной помощи переселенцамъ въ пути, т.-е. установленію врачебныхъ и продовольственныхъ пунктовъ, примѣнены слѣдующія мѣры:

Переселенческое движеніе въ Сибирь направлялось до сихъ поръ двумя главными путями.

Во-первыхъ, по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, и по уральской желѣзной дорогѣ до города Тюмени—и, во-вторыхъ, чрезъ Самару и Уфу, по сибирской желѣзной дорогѣ.

Изъ Тюмени они слѣдовали далѣе на пароходахъ по рр. Турѣ и Тоболу до Тобольска, а отъ Тобольска нѣкоторые шли вверхъ по Иртышу до пристани Карташевой и городовъ Омска и Павлодара. Другіе спускались до впаденія Иртыша въ Обь, слѣдовали затѣмъ по Оби до Томска, а оттуда въ восточныя и южныя округи томской губерніи, въ иркутское и приамурское генералъ-губернаторство. Водворяющіеся въ тобольской губерніи и западныхъ округахъ томской продолжали свой путь отъ Тюмени и пристани Карташевой на лошадяхъ.

Главное движеніе направлялось до сихъ поръ, такимъ образомъ, черезъ тобольскую губернію, гдѣ центральнымъ пунктомъ скопленія всѣхъ переселенцевъ служилъ городъ Тюмень, черезъ который проходило до 70% всѣхъ переселенцевъ. Для томской губерніи центральнымъ пунктомъ передвиженія являлся городъ Томскъ. Здѣсь также прибывшіе на пароходахъ переселенцы пріобрѣтали лошадей и телѣги для слѣдованія далѣе по грунтовымъ дорогамъ въ маріинскую и кузнецкую округи и далѣе на востокъ. Независимо отъ сего, многіе изъ водворившихся уже въ краю заходятъ въ Томскъ для полученія необходимыхъ свѣдѣній и указаній отъ чиновниковъ по переселенческому дѣлу.

По всѣмъ этимъ направленіямъ уже разбросаны нынѣ врачебные и продовольственные пункты и устроены пріюты для проходящихъ переселенцевъ.

Въ Тюмени и Томскѣ устроены бараки — въ первомъ изъ нихъ на 5.000 человѣкъ, съ больничнымъ пріютомъ на 150 больныхъ. Въ тобольской губерніи по сухопутному тракту отъ

Digitized by Google

Тюмени до Томска устроено девять врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, въ которыхъ переселенцы находятъ какъ медицинское пособіе, такъ и—нуждающіеся изъ нихъ—пособіе продовольствіемъ, горячую пищу, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже необходимые припасы по заготовительнымъ цѣнамъ. Замѣчательно, что оказываемая переселенцамъ продовольственная помощь не имѣла на нихъ развращающаго вліянія. Даромъ кормились лишь бѣднѣйшіе; остальнымъ и хлѣбъ, и всѣ нужнѣйшіе припасы отпускались за деньги [1]), при чемъ главная забота распорядителей была обращена на доброкачественность и дешевизну продуктовъ.

По водному пути тюменскіе пароходовладѣльцы содержатъ еще на собственный счетъ одиннадцать врачебныхъ пунктовъ, въ мѣстахъ остановки пароходовъ. Кромѣ того, пароходы и баржи сопровождались фельдшерами и фельдшерицами, могущими подавать помощь заболѣвающимъ въ пути. Въ 1895 г., въ видахъ сопровожденія возможно большаго числа пароходовъ врачебнымъ персоналомъ, было признано, кромѣ того, необходимымъ составить санитарный летучій отрядъ изъ 50 фельдшеровъ. Въ тобольской губерніи по рѣкамъ устроено десять врачебныхъ пріютовъ: пять на Иртышѣ, четыре на Оби и одинъ на р. Турѣ. Въ томской губерніи тоже учреждено девять врачебныхъ пунктовъ. Въ иркутскомъ ген.-губернаторствѣ устроено тридцать-шесть врачебно-продовольственныхъ пунктовъ. Въ Степной области открыты становища въ Омскѣ, Челябинскѣ, Петропавловскѣ и Павлодарѣ, и кромѣ того близъ города Омска устроено становище изъ ста киргизскихъ юртъ, въ которыхъ можетъ помѣщаться до двухъ тысячъ человѣкъ.

Полезныя послѣдствія подобнаго устройства врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ не только въ главныхъ пунктахъ скопленія народа, но и по протяженію всего пути, выразились немедленно вслѣдъ за введеніемъ этой организаціи; процентъ заболѣваній и смертности понизился въ 1893 г. весьма значительно. Но уже въ слѣдующемъ, 1894 году высказались печальныя явленія, указывающія на недостаточность вышеуказанныхъ мѣропріятій.

Дѣло въ томъ, что удовлетворительное санитарное состояніе переселенцевъ зависитъ не только отъ размѣра врачебно-продовольственной помощи, которую они находятъ въ пути и въ главныхъ пунктахъ скопленія, но и отъ скорости и безостановоч-

[1]) Только въ тобольской губ. при расходованіи средствъ частной благотворительности допущена была безплатная раздача пищи всѣмъ переселенцамъ, въ мѣстностяхъ, пораженныхъ эпидеміями.

Digitized by Google

ности самаго передвиженія. Малѣйшая задержка въ пути этихъ двигающихся массъ народа имѣетъ самыя гибельныя послѣдствія. Вызывая непредвидѣнное скопленіе большого количества переселенцевъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ пунктахъ, особенно въ гор. Тюмени, черезъ который проходило до 70% всѣхъ переселенцевъ, притекающихъ въ Сибирь,—всякая непредвидѣнная остановка влекла за собою развитіе среди нихъ болѣзней, вслѣдствіе оказывающейся при такихъ условіяхъ недостаточности помѣщенія, уже не говоря о томъ, какъ разорительно дѣйствуютъ подобныя остановки въ пути на скромныя средства переселенцевъ.

Несмотря на увеличеніе въ 1893 и 1894 году числа судовъ, плавающихъ по Оби и Иртышу, которыя, отправляясь на востокъ за хлѣбными грузами, попутно брали въ прежнее время переселенцевъ за дешевую цѣну,—въ 1894 году большинство пароходовъ и притомъ наиболѣе сильные отказывались отъ перевозки переселенцевъ, такъ какъ они были заняты болѣе выгодною для нихъ транспортировкою грузовъ для сибирской желѣзной дороги. Вслѣдствіе того переселенцы принуждены были, въ ожиданіи мѣстъ на судахъ, оставаться въ Тюмени по двѣ недѣли и болѣе, вмѣсто трехъ-четырехъ дней, какъ это было въ минувшіе годы. Первымъ послѣдствіемъ столь неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ было скопленіе въ Тюмени, гдѣ имѣются бараки всего на 5.000 человѣкъ, до 18.000 переселенцевъ. Легко себѣ представить, какія это должно было имѣть для нихъ пагубныя послѣдствія. Чрезвычайная скученность народа вызвала усиленное заболѣваніе и смертность: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изъ числа 57.000 переселенцевъ, прошедшихъ черезъ Тюмень, тамъ похоронено 893 человѣка. Но задержки начались еще раньше. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", доставка переселенцевъ и ихъ багажа по Волгѣ и Камѣ задержала ихъ въ Саратовѣ четыре дня, въ Нижнемъ и Казани три недѣли и столько же въ Перми. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ 40% всѣхъ переселенцевъ пробыло лишнихъ полтора мѣсяца въ пути; болѣзненность между ними развилась въ усиленныхъ размѣрахъ—корь, скарлатина, дифтеритъ, оспа и диссентерія унесли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 1.500 человѣкъ. Не въ лучшихъ условіяхъ происходило и дальнѣйшее движеніе переселенцевъ по рѣкамъ Сибири. Менѣе сильные пароходы, которые одни только и принимали переселенцевъ, употребляли гораздо болѣе времени для буксированія баржъ, вмѣсто обычныхъ семи, десяти дней для прохода пути изъ Тюмени въ Томскъ и Барнаулъ; нѣкоторые пароходы шли 25 дней,—вслѣдствіе чего и на этомъ пространствѣ пути

Digitized by Google

смертность среди переселенцевъ, отправившихся водою, достигла 4%.

Столь печальныя явленія указали на настоятельную необходимость, кромѣ устройства врачебной части, обратить особенное вниманіе на регулированіе передвиженія переселенцевъ, для достиженія своевременной эвакуаціи.

Чтобы ускорить передвиженіе переселенцевъ и ихъ эвакуацію изъ Тюмени, въ 1895 г. были ассигнованы значительныя средства на дополнительную фрахтовку пароходовъ. Кромѣ того, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ переселенцы начинаютъ гужевое передвиженіе, были сдѣланы запасы лошадей и телѣгъ; а именно въ Тюмени было заготовлено пятьдесятъ телѣгъ и триста лошадей для распродажи ихъ переселенцамъ; нѣкоторое количество телѣгъ было заготовлено также въ Омскѣ, до котораго переселенцы слѣдуютъ водянымъ путемъ, такъ какъ въ Омскѣ, по отсутствію вблизи деревенскихъ поселеній, трудно добывать телѣги.

Но всѣ эти мѣры могли имѣть только палліативное вліяніе, достигнувъ на первое время нѣкотораго ускоренія эвакуаціи переселенцевъ изъ Тюмени. На предложеніе правительства предоставить пароходы подъ перевозку переселенцевъ, главнѣйшія фирмы, обезпеченныя болѣе выгодными грузами для сибирской желѣзной дороги, отвѣчали отказомъ. Изъ числа второстепенныхъ фирмъ, четыре согласились предоставить правительству для этой цѣли пять малосильныхъ пароходовъ. На этихъ пароходахъ и буксируемыхъ ими баржахъ можно было отправить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ начала навигаціи до 30.000 человѣкъ. Въ теченіе этого времени прибыло въ Тюмень до 45.000 человѣкъ,—остальныхъ 15.000 человѣкъ по разсчету можно было отправить на лошадяхъ. Но относительно ускоренія дальнѣйшаго движенія по рѣчному пути удовлетворительныхъ результатовъ еще не было достигнуто, такъ какъ слабосильные пароходы, которые удалось зафрахтовать, употребляютъ, какъ выше указано, на прохожденіе пространства отъ Тюмени до Томска и Барнаула около 25 дней. Между тѣмъ какъ на болѣе сильныхъ пароходахъ этотъ путь можетъ быть совершенъ въ какіе-нибудь семь, десять дней.

Съ открытіемъ движенія по западной сибирской желѣзной дорогѣ всѣ эти неудобства устранятся, однако, сами собою, потому что въ настоящее время прежній путь уже утратилъ свое значеніе, большинство переселенцевъ направляется по самаро-

Digitized by Google

златоустовской желѣзной дорогѣ на Челябинскъ и оттуда перевозится по западно-сибирской линіи.

Пользуясь при такомъ направленіи почти все время услугами желѣзныхъ дорогъ, они выигрываютъ на сокращеніи времени въ пути и не тратятъ лишнихъ силъ на преодолѣніе разныхъ дорожныхъ страданій; они являются на новыя мѣста болѣе бодрыми и болѣе способными сразу же приняться за тяжелую работу по устройству новаго хозяйства. Кромѣ сокращенія времени, преимущество этого пути заключается еще въ сравнительной дешевизнѣ, такъ какъ, благодаря установленію особаго переселенческаго тарифа, путевыя издержки по желѣзной дорогѣ сокращаются для переселенцевъ до минимума. Крестьяне прекрасно сознаютъ всѣ эти выгоды и преимущества желѣзно-дорожнаго передвиженія, а потому большинство ихъ и стало пользоваться этимъ путемъ.

Съ отклоненіемъ большинства переселенцевъ отъ прежняго пути, Тюмень и Томскъ совершенно потеряли значеніе главныхъ центровъ переселенческаго движенія, а потому уже нельзя опасаться, что въ этихъ мѣстностяхъ будетъ происходить прежнее скопленіе переселяющагося народа; при значительно меньшемъ движеніи не трудно будетъ устроить и безостановочную эвакуацію. Небольшое число переселенцевъ, которые пойдутъ еще старымъ путемъ, не трудно будетъ размѣстить на пароходахъ, ускоривъ ихъ движеніе по водному пути.

Главная выгода новаго направленія заключается въ томъ, что при безостановочномъ слѣдованіи переселенцевъ по желѣзной дорогѣ почти до мѣста назначенія, легче будетъ устроить правильность движенія и устранить застои въ узловыхъ пунктахъ, которые до сихъ поръ имѣли столь гибельное вліяніе на гигіеническія условія. Но и этого нельзя было достигнуть съ перваго же раза. Въ 1896 году, вслѣдствіе значительнаго наплыва переселенцевъ на желѣзную дорогу, и на этомъ пути произошли еще остановки. Движеніе усилилось до того въ 1896 году, что по 1-е іюля по желѣзнымъ дорогамъ перевезено было до 150.000 человѣкъ; при столь громадномъ движеніи, котораго нельзя было предвидѣть, пришлось по необходимости установить очередь перевозки по желѣзной дорогѣ; для ожидающихъ очереди были установлены на мѣстахъ остановокъ шатры и заготовлены продовольственные запасы. Несмотря, однако, на такое замедленіе движенія переселенцевъ, значительная масса ихъ стала скопляться въ Челябинскѣ. Въ маѣ ихъ находилось тамъ по временамъ отъ десяти до одиннадцати тысячъ душъ, такъ какъ по самаро-

Digitized by Google

златоустовской дорогѣ прибывало ежедневно до 5.000 душъ переселенцевъ, между тѣмъ какъ западно-сибирская желѣзн. дорога могла ихъ отправлять ежедневно не болѣе 3.000 по недостатку вагоновъ. Для размѣщенія переселенцевъ, ожидавшихъ отправки, кромѣ существующихъ уже въ Челябинскѣ бараковъ, были раскинуты еще шатры, но далеко не въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ въ нихъ могло помѣщаться только отъ 500 до 800 человѣкъ; остальнымъ приходилось располагаться подъ открытымъ небомъ, что, при холодныхъ ночахъ, не могло не способствовать развитію болѣзней, особенно между дѣтьми. Санитарная часть въ Челябинскѣ хорошо устроена, такъ что съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, можно было сдѣлать многое для облегченія положенія переселенцевъ, но при подобныхъ условіяхъ и медицинская помощь не можетъ сдѣлать всего; между дѣтьми особенно свирѣпствовалъ дифтеритъ.

Такого рода остановки устранить, однако, гораздо легче, чѣмъ ввести безостановочное движеніе по прежнему направленію. Все будетъ зависѣть отъ соотвѣтствующаго оборудованія желѣзной дороги вагонами. Недостаточно, впрочемъ, обратить исключительно вниманіе на удовлетворительное устройство движенія по сибирской линіи; необходимо кромѣ того устранить задержки, которыя, какъ мы видѣли, происходили до сихъ поръ въ движеніи переселенцевъ еще и по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ европейской Россіи. Пока эта часть не будетъ урегулирована, нельзя ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Главная причина задержекъ на этой части пути заключалась главнымъ образомъ въ несвоевременной доставкѣ переселенческаго багажа, котораго переселенцамъ приходилось ждать по недѣлямъ въ Саратовѣ, Нижнемъ, Казани и Перми; а потому для устраненія этого весьма существеннаго неудобства было бы желательно устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы багажъ переселенцевъ былъ отправляемъ въ одномъ съ ними поѣздѣ.

Въ видахъ правильнаго урегулированія переселенческаго движенія было признано необходимымъ сдѣлать еще два распоряженія: во-первыхъ, измѣнить моментъ выдачи проходного свидѣтельства и, во-вторыхъ, узаконить установившееся обычаемъ отправленіе *ходоковъ* для развѣдки на мѣстахъ, куда направлялись переселенцы.

Практикою переселенческаго дѣла выработанъ особый документъ, выдаваемый переселенцу въ удостовѣреніе его правъ на переселеніе, дѣйствительный въ теченіе двухъ лѣтъ и содержа-

Digitized by Google

щій въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для причисленія его къ мѣсту новаго водворенія, а равно и указаніе маршрутовъ. До сихъ поръ этотъ документъ, называемый проходнымъ свидѣтельствомъ, выдавался переселенцамъ лишь по продажѣ ими своего имущества, что вело нерѣдко къ значительнымъ неудобствамъ. Въ случаѣ промедленія высылки бумаги, крестьянинъ распродавшій свое имущество и отказавшійся отъ надѣла, принужденъ былъ, за неполученіемъ свидѣтельства, оставаться иногда еще цѣлый годъ на мѣстѣ родины и тѣмъ самымъ поставлялся въ крайне безвыходное положеніе, принужденный тратить на содержаніе семьи деньги, скопленныя для пути. Поэтому было признано болѣе цѣлесообразнымъ слить моментъ разрѣшенія съ моментомъ выдачи свидѣтельства, съ тѣмъ, чтобы переселяющіеся могли ликвидировать свои имущественныя отношенія къ мѣсту приписки уже послѣ полученія проходного свидѣтельства.

Лица, намѣревающіяся переселиться, обыкновенно собираютъ свѣдѣнія о новыхъ мѣстахъ посредствомъ переписки съ родными и земляками, ранѣе ихъ переселившимися въ Сибирь. Свѣдѣнія, добытыя этимъ путемъ, не отличаются, однако, большою точностью, а между тѣмъ ошибочныя свѣдѣнія отзываются всегда тяжело на дальнѣйшей судьбѣ переселенцевъ,—и вотъ почему, въ видахъ полученія болѣе точныхъ свѣдѣній, лица, намѣревавшіяся переселиться, стали нерѣдко посылать предварительно ходоковъ, для ознакомленія съ условіями жизни въ Сибири и для выбора самаго мѣста новой осѣдлости. Ходачество не было предусмотрѣно въ нашихъ законахъ, и въ недавнее еще время ходокъ признавался администраціей весьма опаснымъ элементомъ и потому подвергался даже преслѣдованіямъ.

Только въ 1894 году министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило циркулярно мѣстнымъ властямъ, что посылка ходоковъ, правильно избранныхъ и утвержденныхъ земскими начальниками, какъ весьма желательное явленіе, заслуживаетъ не преслѣдованія, а поощренія. Въ этихъ видахъ ходокамъ были предоставлены даже льготы по передвиженію, установленныя для переселенцевъ, такъ какъ значеніе ходачества вполнѣ выяснилось, и польза этого пріема уже не могла возбуждать никакихъ сомнѣній. Съ узаконеніемъ этого явленія народной жизни вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено должное вниманіе на то, чтобы выборъ ходоковъ былъ обставленъ условіями, которыя могли бы обезпечивать надежность избраннаго лица; такъ было постановлено, чтобы ходокъ избирался непремѣнно изъ среды лицъ, намѣревающихся переселиться, а не изъ постороннихъ людей; чтобы избраніе его под-

Digitized by Google

лежало утвержденію должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ было признано цѣлесообразнымъ утверждать на извѣстный срокъ участки, выбранные ходоками, за ихъ довѣрителями. Наконецъ, въ самое послѣднее время предварительная посылка ходоковъ была сдѣлана даже *обязательною* для каждой партіи, желающей переселиться, прежде отправленія въ путь.

IX.—Переселенческій вопросъ въ будущемъ.

Ознакомившись всесторонне съ ходомъ переселенческаго дѣла по настоящее время, остается окончательно еще отвѣтить на два вопроса. *Во-первыхъ*, какое дальнѣйшее развитіе ожидаетъ переселенческое движеніе въ будущемъ, т.-е. можно ли ожидать дальнѣйшаго постояннаго роста этого движенія, и, *во-вторыхъ*, какія послѣдствія переселеніе должно имѣть для тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ уходятъ переселенцы.

Еще недавно много говорили и писали о необъятныхъ пространствахъ земли, пустующихъ въ Сибири; повидимому, казалось, что трудность заключается не въ пріисканіи удобныхъ мѣстъ для переселенцевъ, а въ заселеніи столь громаднаго пространства.

Ближайшее изслѣдованіе и ходъ переселенія въ послѣднее время привели, однако, къ совершенно противоположному заключенію. Не только не существуетъ уже въ настоящее время никакого избытка свободной земли, но, напротивъ того, недостатокъ наличнаго запаса для удовлетворенія въ ближайшіе годы всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ представляется несомнѣннымъ. Изслѣдованія послѣдняго времени окончательно убѣдили, что въ мѣстностяхъ, куда въ послѣднее время направлялось переселенческое теченіе, свободной земли остается уже немного. Приходится отъискивать новыя пространства, разработывать тайгу, осушать Барабу, обводнять Ишимскую степь [1]). Притомъ же устройство хозяйственной жизни на этихъ новыхъ пространствахъ потребуетъ гораздо болѣе труда, энергіи и выносливости, чѣмъ поселеніе на прежнихъ привольныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, и вотъ почему при отводѣ участковъ, особенно въ тайгѣ, необходимо поступать крайне осторожно; при поселеніи на нихъ новоселовъ придется, по крайней мѣрѣ на первое время, наблю-

[1]) При такомъ положеніи дѣла особенно необходимо обратить серьезное вниманіе на Алтай, гдѣ, при болѣе правильномъ распредѣленіи земли, еще окажется не мало пространства для заселенія.

Digitized by Google

дать за ними и оказывать имъ всякую помощь, потому что первое устройство въ тайгѣ представляетъ необычайныя трудности. В. Н. Назарьевъ, близко знакомый съ ходомъ переселенческаго дѣла въ симбирскомъ уѣздѣ, описываетъ весьма темными красками бытъ симбирскихъ новоселовъ, осѣвшихъ въ тайгѣ [1]). Слѣдуетъ надѣяться, что это не вездѣ такъ, и что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ переселенцамъ приходится съ трудомъ уживаться на первое время, перенося разныя невзгоды и лишенія, они современемъ обживутся, свыкнутся съ мѣстными условіями жизни и достигнутъ соотвѣтственной степени благосостоянія, — но во всякомъ случаѣ нельзя не имѣть въ виду, что вновь отводимые участки будутъ находиться уже въ совершенно другихъ, несравненно менѣе благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ, что на нихъ уже нельзя ожидать того богатства мягкихъ земель, которое встрѣчалось на прежде-заселенныхъ участкахъ, и что потому и обработка ихъ, гораздо болѣе трудная, потребуетъ и другихъ людей, обладающихъ и большею энергіею, и большею выносливостью. Съ новыми условіями хозяйства справится не каждый крестьянинъ.

Несомнѣнно, что въ будущемъ, при дальнѣйшемъ развитіи производительности края, въ Сибири найдетъ мѣсто еще не одинъ милліонъ жителей, но въ настоящее время, при культурѣ, требующей надѣла по крайней мѣрѣ по 15 десятинъ на муж. п. душу, заселеніе всѣхъ свободныхъ земель можно считать уже почти завершеннымъ. Для новыхъ поселенцевъ уже не приходится просто отводить земли, а приходится приготовлять участки,

[1]) Вотъ что пишетъ г. Назарьевъ („Нов. Вр.“): „Изъ разсказовъ почти поголовно возвратившихся переселенцевъ настоящаго года, крестьянъ с. Ново-Никулина, с. Хохловки, с. Чуфарова, с. Чирикова и мн. др., я пришелъ къ заключенію, что наши переселенцы, попавшіе въ ново-тоснинскую волость томской губерніи, тотчасъ же почувствовали себя совершенно потерянными среди дремучей тайги, тучи губительной мошкары и разбросанныхъ по лѣсу клочковъ, твердой, какъ камень, глины, вмѣсто обычнаго чернозема. Прежде всего они были испуганы положеніемъ своихъ бывшихъ односельцевъ, уже два года сидѣвшихъ на новой землѣ и вмѣсто пятистѣнныхъ избъ, о которыхъ они писали, бѣдствовавшихъ въ землянкахъ или крошечныхъ кельяхъ безъ крышъ и дворовъ, и тотчасъ же признавшихся, что если они и писали на родину о всякихъ привольяхъ сибирской жизни, то только для того, чтобы вызвать побольше своихъ земляковъ, съ которыми все же пріятнѣе мыкать горе на чужой сторонѣ. Всѣ старые переселенцы, по словамъ возвратившихся, извелись до неузнаваемости отъ жестокаго климата, мучительной мошкары, въ теченіе короткаго лѣта не дающей покоя ни людямъ, ни животнымъ, отъ непривычной, вредной для питья воды, плохихъ урожаевъ и, наконецъ, вслѣдствіе отсутствія безопасности среди дѣйствительныхъ или воображаемыхъ медвѣдей и злыхъ людей, будто бы не дозволяющихъ ходить по одиночкѣ“.

Digitized by Google

прилагая къ нимъ разныя предварительныя приспособительныя мѣры, чтобы сдѣлать ихъ доступными заселенію. Свободныхъ земель, годныхъ непосредственно подъ поселеніе, почти уже не оказывается.

Въ виду непрерывнаго сокращенія пространства годныхъ для заселенія земель, притокъ переселенцевъ въ Сибирь долженъ бы соотвѣтственно сокращаться; на дѣлѣ же происходитъ противное—параллельно съ уменьшеніемъ свободной земли, приливъ новыхъ переселенцевъ все усиливается и ростетъ со стихійною силой. Въ 1896 году, въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ, число переселеній въ Сибирь достигло 180.000 об. п. душъ. Снисходительное отношеніе, въ послѣднее время, правительства къ самовольнымъ переселенцамъ и облегченіе выдачи разрѣшеній лицамъ, желавшимъ переселяться съ разрѣшенія правительства, повело къ искусственному поощренію переселенія вообще; оно было понято въ смыслѣ приглашенія, обращеннаго правительствомъ къ крестьянамъ, недостаточно надѣленнымъ землею, переселяться на новыя мѣста. Пока отведенныхъ для переселенія участковъ хватало на всѣхъ прибывающихъ въ Сибирь, и самое качество этихъ участковъ не подавало повода сомнѣваться въ возможности безъ особенныхъ затрудненій поселить на нихъ сравнительно бѣдныхъ и не очень энергическихъ хозяевъ, какими являются обыкновенно самовольные выходцы,—до тѣхъ поръ занятіе этихъ земель переселенцами, прибывшими безъ разрѣшенія, не представляло особенныхъ неудобствъ и потому могло быть допускаемо. Но съ уменьшеніемъ свободныхъ земель, когда даже для выходцевъ, переселяющихся въ Сибирь съ разрѣшенія правительства, едва хватаетъ отвода соотвѣтственныхъ участковъ, очевидно, уже не окажется возможнымъ предоставлять заготовляемые участки самовольнымъ переселенцамъ.

Итакъ, ясно, что, въ виду уменьшенія свободныхъ земель, необходимо сдерживать переселенческое движеніе, сокращая его въ соразмѣрности.

Но какимъ образомъ этого достигнуть?

Опытъ предшествующихъ лѣтъ достаточно убѣдителенъ въ томъ отношеніи, что, путемъ запрещенія, самовольнаго переселенія остановить невозможно.

Закономъ 1889 года всякое переселеніе безъ предварительнаго разрѣшенія было признано дѣйствіемъ запрещеннымъ; самовольные переселенцы подлежали возврату на прежнее мѣсто жительства, а по закону 5-го іюня 1894 г. самовольные переселенцы лишались правъ на полученіе ссудъ какъ путевыхъ, такъ

Digitized by Google

и на обзаведеніе, и не должны были разсчитывать на отводъ имъ надѣла.

Всѣ эти коэрцитивныя мѣры не достигали однако своей цѣли. Самовольное переселеніе продолжалось по прежнему; къ концу 1895 года въ Сибири уже находилась масса непристроенныхъ еще самовольныхъ переселенцевъ. Пришлось по необходимости озаботиться о ихъ окончательномъ водвореніи, и потому, по иниціативѣ „Сибирскаго Комитета", было испрошено разрѣшеніе на устройство переселенцевъ, прибывшихъ съ 1893 по 1895 годъ въ Сибирь и Степное генералъ-губернаторство, безъ установленнаго разрѣшенія, на переселенческихъ участкахъ съ отводомъ имъ казенной земли на общихъ основаніяхъ и распространеніемъ на нихъ правилъ о ссудахъ.

Вопросъ о томъ, какъ предупредить или, по крайней мѣрѣ, значительно сократить на будущее время самовольное переселеніе—оставался открытымъ. Формальное воспрещеніе и угроза обратнаго водворенія на прежнее мѣсто жительства оказывались, какъ выше замѣчено, безсильными въ этомъ отношеніи. Крестьяне, не получившіе по какой-либо причинѣ установленнаго разрѣшенія на переселеніе, имѣли возможность уходить съ мѣста жительства съ временнымъ видомъ, для отлучки на заработки, и такимъ образомъ обходить существующее запрещеніе. Возвратъ же самовольно отлучившихся на прежнее мѣсто жительства по разнымъ причинамъ большею частію оказывается практически неисполнимымъ [1]).

При такихъ условіяхъ, обсуждая мѣры, которыми самовольное переселеніе могло бы быть дѣйствительно предотвращено на будущее время, необходимо было обратиться къ корню вопроса и изслѣдовать—чѣмъ преимущественно вызывается это столь нежелательное явленіе.

Стремленіе къ переходу на новыя мѣста вытекаетъ главнымъ образомъ изъ потребности улучшенія экономическаго положенія мѣстнаго населенія, стѣсненнаго въ земельномъ довольствѣ; самовольность же переселенія объяснялась большею частію медленностью и несвоевременностью выдачи разрѣшеній. Вслѣдствіе этого, семьи, коимъ разрѣшалось переселеніе, нерѣдко не могли уже воспользоваться предоставленнымъ имъ разрѣшеніемъ въ

[1]) Сибирскій Комитетъ пришелъ къ справедливому заключенію, что возвращеніе самовольно отлучившихся, разъ они уже двинулись въ путь, распродавъ на мѣстѣ все свое имущество, вообще нежелательно, такъ какъ они будутъ составлять только обузу для своихъ прежнихъ односельчанъ, а потому всякое насильственное обратное водвореніе должно быть безусловно отмѣнено.

Digitized by Google

томъ же году и принуждены были откладывать свой выходъ изъ мѣста приписки до слѣдующей весны. Другія же, напротивъ того, и при томъ самыя неблагоразумныя, отправлялись въ путь поздней осенью, въ крайне неблагопріятное время, и вслѣдствіе того подвергались тяжкимъ лишеніямъ и трудностямъ какъ въ дорогѣ, такъ и по прибытіи на мѣсто зимою, когда уже нельзя было ни избрать участка, ни приступать къ устройству своего хозяйства. Понятно потому, отчего многіе, не ожидая разрѣшенія, уходили самовольно. При такихъ условіяхъ могло казаться, что борьба противъ самовольнаго переселенія должна быть направлена къ возможному устраненію причинъ, вызывающихъ это явленіе путемъ своевременной и ускоренной высылки отвѣтовъ на поступающія ходатайства. Доказательствомъ, что этимъ путемъ можно достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, долженъ былъ повидимому служить опытъ 1895 г., когда разрѣшеніе было дано 137.000 переселенцамъ, изъ коихъ дѣйствительно переселившимися оказалось только 108.000, и вмѣстѣ съ тѣмъ число самовольныхъ переселенцевъ, составлявшее въ 1890 г. около 75% всѣхъ переселеній, упало въ 1895 до 24%.

Такіе результаты достигались, однако, при своевременномъ и при широкомъ разрѣшеніи поступающихъ просьбъ; между тѣмъ въ настоящее время наступаетъ необходимость сокращать число переселеній, такъ что далеко не всѣмъ желающимъ можно будетъ разрѣшать переселеніе.

Относительно лицъ, желающихъ переселиться съ разрѣшенія правительства, будетъ нетрудно достигнуть сокращенія числа переселеній,—придется только сокращать число выдаваемыхъ разрѣшеній, сообразуя число ежегодныхъ выдачъ съ числомъ казенныхъ участковъ, которое можно будетъ ежегодно заготовлять. Если, вмѣстѣ съ тѣмъ, желающимъ переселиться будетъ установлена очередь, такъ что неполучившіе разрѣшенія переселиться немедленно будутъ имѣть увѣренность, что это разрѣшеніе наступитъ черезъ годъ или два, и что при томъ раньше заявившіе о своемъ желаніи будутъ получать разрѣшеніе передъ тѣми, которые заявили послѣ нихъ, то можно надѣяться, что такой порядокъ будетъ дѣйствовать успокоительно на населеніе, побуждая желающихъ переселиться—ожидать спокойно очереди. Въ томъ же смыслѣ будетъ дѣйствовать требованіе, чтобы каждая партія, прежде чѣмъ рѣшиться на переселеніе, высылала ходоковъ для выбора мѣста. Чрезъ посредство этихъ посыльныхъ крестьяне будутъ освѣдомляться, что свободныхъ земель остается уже немного, и вслѣдствіе того приходить къ убѣжденію, что

Digitized by Google

необходимо выжидать, пока заготовится достаточное число казенныхъ участковъ.

Но все же нельзя скрывать отъ себя, что подобное необходимое замедленіе выдачи разрѣшеній можетъ вызвать усиленіе самовольнаго переселенія, какъ было въ 1893 и 1894 годахъ, когда, вслѣдствіе пріостановленія выдачи разрѣшеній, число самовольныхъ переселенцевъ достигло максимальной цифры 78%.

Для удержанія самовольныхъ переселеній остается только одно средство—сколько возможно широкое разглашеніе по всѣмъ деревнямъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ идетъ переселеніе, о всѣхъ тѣхъ облегченіяхъ и преимуществахъ, которыхъ лишаются самовольные переселенцы; прежде всего имъ должно быть оповѣщено, что впредь самовольнымъ переселенцамъ участковъ отводимо не будетъ, и что потому, по прибытіи въ Сибирь, если имъ не удастся приписаться къ какому-либо селенію старожиловъ, имъ останется только снискивать свое пропитаніе, поступая въ работники къ мѣстнымъ поселенцамъ. Не получая участка земли, они вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ имѣть и права на полученіе ссуды на устройство и домообзаведеніе. На нихъ не будетъ распространяться также ни освобожденіе отъ накопившихся на нихъ недоимокъ, ни льготы по воинской повинности, ни, наконецъ, право на удешевленный провозъ по желѣзной дорогѣ льготнымъ переселенческимъ тарифомъ.

Это послѣднее, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что имъ уже нельзя будетъ разсчитывать на отводъ участка земли, сильнѣе всего будетъ сдерживать самовольное переселеніе.

Недоимки на нихъ тяготѣютъ и на прежнемъ мѣстѣ жительства, а потому переводъ на нихъ недоимокъ, особенно при предоставленіи нѣкоторой разсрочки въ уплатѣ ихъ,—никого не будетъ особенно устрашать. Точно также—и лишеніе льготы по отбыванію воинской повинности. Они ее отбывали бы дома, а теперь будутъ отбывать ее на новомъ мѣстѣ поселенія; въ этомъ отношеніи ихъ положеніе нисколько не ухудшается, хотя они и будутъ поставлены въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ лица, переселившіяся съ разрѣшенія правительства. Но лишеніе права удешевленнаго провоза по желѣзной дорогѣ съ самаго начала отправленія въ путь выяснитъ имъ всю невыгоду самовольнаго ухода. когда имъ придется дороже платить за билетъ, чѣмъ сосѣдямъ, отправляющимся въ путь съ разрѣшенія правительства; несомнѣнно—это одно обстоятельство будетъ многихъ удерживать отъ самовольнаго переселенія.

Слѣдуетъ затѣмъ замѣтить еще, что въ началѣ, при первомъ

Digitized by Google

облегченіи, переселенческое движеніе всегда получаетъ въ разныхъ мѣстностяхъ неурегулированный, стихійный характеръ; но мало-по-малу оно обыкновенно переходитъ въ болѣе спокойную, болѣе правильную форму, и тогда уже становится гораздо легче руководить имъ и направлять его. Въ опубликованныхъ отчетахъ предсѣдателей отдѣленій крестьянскаго банка, предсѣдатель рязанскаго отдѣла сообщаетъ, что переселенческое движеніе, охватившее въ девятидесятыхъ годахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ южныхъ уѣздахъ рязанской губерніи, вслѣдствіе постепеннаго ухудшенія экономическихъ условій ихъ жизни, не коснулось бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые продолжали спокойно сидѣть на мѣстахъ. Причину этому онъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что у бывшихъ государственныхъ крестьянъ переселенія начались уже давно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и что эти крестьяне потому уже пережили тотъ періодъ стихійнаго движенія, въ которомъ находились въ то время бывшіе помѣщичьи крестьяне. Въ томъ же отрезвляющемъ смыслѣ будетъ несомнѣнно дѣйствовать на мѣстное населеніе и возвращеніе переселенцевъ, не нашедшихъ—гдѣ поселиться. Г-нъ Назарьевъ, о корреспонденціи котораго мы уже упоминали выше, пишетъ о симбирской губерніи: „выслушавъ множество обратныхъ переселенцевъ, яркими красками описывавшихъ свои печальныя похожденія во время долгаго пути и на мѣстѣ, я могу увѣрить, что, по крайней мѣрѣ относительно нашей симбирской губерніи, никакихъ запрещеній или мѣръ, чтобы остановить переселенческое движеніе, не потребуется, и что съ нынѣшняго года Сибирь не только потеряла для крестьянъ нашей губерніи всякое обаяніе, но представляется имъ какимъ-то наводящимъ ужасъ страшилищемъ".

Итакъ, слѣдуетъ предполагать, что стремительность переселенческаго движенія уляжется сама собою, и что черезъ годъ или два, благодаря всѣмъ вышеизложеннымъ мѣропріятіямъ, оно войдетъ въ регулярное, спокойное движеніе, которое будетъ поддаваться направленію начальства, причемъ число ежегодныхъ переселенцевъ, за немногими исключеніями, уже не будетъ превышать числа заготовляемыхъ участковъ. Мы говоримъ о немногихъ исключеніяхъ потому, что самовольные переселенцы, стремящіеся непремѣнно попытать счастья, въ ожиданіи чего-то особеннаго, всегда останутся, но число ихъ приметъ совершенно незначительные размѣры, такъ что они никакой роли играть не будутъ; не находя готовыхъ участковъ, они будутъ пристраиваться, такъ или иначе, къ мѣстнымъ старожиламъ.

Digitized by Google

Все вышеизложенное представляетъ однако только одну сторону переселенческаго вопроса; этотъ вопросъ имѣетъ еще и другую сторону. Переселеніе должно служить не только для улучшенія быта лицъ, оставляющихъ свои родныя мѣста, но и содѣйствовать улучшенію быта остающагося на мѣстахъ населенія.

Поэтому слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какимъ путемъ можетъ быть достигнуто улучшеніе быта мѣстнаго населенія, въ какой мѣрѣ переселеніе можетъ содѣйствовать сокращенію численности малонадѣленнаго сельскаго населенія въ Россіи, и, наконецъ, коснуться еще вопроса,—не будетъ ли переселеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредно отзываться на мѣстныхъ интересахъ, уменьшая предѣльное число рабочихъ рукъ?

Малоземельные крестьяне представляютъ собою слабый, малопроизводительный элементъ, который нерѣдко бываетъ даже въ тягость государству.

При такихъ условіяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду не только интересъ выселяющихся семей, но и интересъ общества, изъ котораго выходятъ переселенцы. Желательно направить переселеніе такимъ образомъ, чтобы выселялись преимущественно изъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ наиболѣе неблагопріятномъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы при посредствѣ выселенія удовлетворительно устроить остающуюся часть населенія.

Откуда же въ настоящее время преимущественно идутъ переселенцы?

Въ описаніи г. Станкевича показано, изъ какихъ мѣстностей вышли поселенцы, образовавшіе описанные имъ сибирскіе поселки. Если на основаніи этихъ данныхъ составить таблицу губерній по числу поселковъ, въ образованіи коихъ участвовали ихъ выходцы, то окажется слѣдующее.

Восемь губерній участвовали въ образованіи десяти и болѣе поселковъ, а именно въ 33 поселеніяхъ имѣются выходцы курской губерніи; въ 15 селеніяхъ—выходцы орловской и вятской губерніи; въ 14 селеніяхъ—выходцы пермской губерніи; въ 12—выходцы рязанской и тамбовской; въ 10—выходцы черниговской и казанской губерній. За исключеніемъ сѣверовосточныхъ: вятской, пермской и казанской, страдающихъ отъ плохого качества почвы и частью неурожаевъ, все это—центральныя, густонаселенныя и малоземельныя губерніи. Затѣмъ слѣдуютъ семь губерній: пензенская, харьковская, воронежская, саратовская, полтавская, симбирская и минская, выходцы изъ которыхъ встрѣчаются въ четырехъ—восьми селеніяхъ. Выходцы изъ нижегородской и

Digitized by Google

вологодской губерніи находятся въ трехъ селеніяхъ. Наконецъ, слѣдуетъ двѣнадцать губерній, принимающихъ незначительное, какъ бы случайное участіе въ переселеніи; выходцы изъ нихъ встрѣчаются только въ какомъ-нибудь одномъ или двухъ поселкахъ. Это—губерніи: уфимская, самарская, витебская, гродненская, кіевская, оренбургская, костромская, калужская, владимірская, херсонская, виленская и подольская.

Такимъ образомъ, болѣе половины европейскихъ губерній (29) принимаютъ въ настоящее время уже участіе въ переселеніи.

Что же заставляетъ главнымъ образомъ людей покидать родныя мѣста? Въ опубликованныхъ въ настоящее время описаніяхъ 11 волостей, каинской, маріинской и томской округи, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворяемыхъ на казенныхъ земляхъ томской губерніи", заключается обзоръ 3.537 домохозяйствъ. Изъ показаній этихъ крестьянъ о причинахъ, побудившихъ ихъ отправиться въ поиски за счастьемъ на новыя мѣста, оказывается, что въ 1.690 случаяхъ это было дурное качество и недостатокъ земли, соединенные съ трудностью аренды; въ 531 случаѣ—недостатокъ выгоновъ, усадьбы и лѣса; въ 321—несоотвѣтствіе надѣла составу семьи; и въ 211 случаяхъ—неурожаи; въ остальныхъ случаяхъ указывалось на невозможность существованія безъ объясненія причинъ, на желаніе работать на себя, на исканіе лучшаго и т. п. случайныя причины. Итакъ, несомнѣнно—первое мѣсто занимаетъ недостаточность земельныхъ угодій, но затѣмъ весьма важную роль играетъ спеціально недостатокъ выгоновъ, а иногда и неблагопріятное распредѣленіе земельнымъ угодій. Послѣднее обстоятельство встрѣчается особенно часто въ орловской, казанской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Неудобство расположенія заключается главнымъ образомъ въ невозможности удобрять дальніе участки и обработывать ихъ какъ слѣдуетъ, особенно при необходимости покупать деньгами или работой у частныхъ владѣльцевъ право проѣзда на участокъ или прогона скота на свои земли, расположенныя за крестьянскими угодьями; иногда, во избѣжаніе потравъ, приходится водить скотъ на привязи. Въ книгѣ: „Общинное землевладѣніе", проф. Посниковъ замѣчаетъ, что во всѣхъ такихъ случаяхъ крестьяне терпятъ страшное стѣсненіе. Это больное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и въ этомъ обстоятельствѣ, по его словамъ, можно видѣть въ будущемъ своего рода закрѣпощеніе крестьянъ.

Какъ въ курской, такъ и въ большей части другихъ губерній, выселяющихъ крестьянъ въ Сибирь, среднимъ числомъ душе-

Digitized by Google

вой надѣлъ—около двухъ десятинъ. Такъ что можно предположить, что вездѣ, гдѣ душевой надѣлъ не достигаетъ трехъ десятинъ, проявляется потребность переселенія. Есть впрочемъ и исключенія: съ одной стороны, есть малоземельныя мѣстности, гдѣ при существованіи хорошихъ заработковъ экономическое положеніе крестьянъ довольно удовлетворительно. Такъ, въ кіевской губерніи, гдѣ приходится земли только 1,7 дес. на душу—выселеніе незначительно. Съ другой стороны, выселеніе проявляется и въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ губерніяхъ. Въ воронежской и саратовской губерніи приходится надѣльной земли сверхъ 3 дес. на душу, въ вятской и пермской сверхъ 4, въ нижегородской и самарской сверхъ 5, въ уфимской сверхъ 7 и въ оренбургской даже до 22 дес. на душу. То, что̀ заставляетъ крестьянъ переселяться изъ этихъ губерній, очевидно, не малоземелье, а—или худое качество земли, какъ въ вятской, пермской и вологодской губерніяхъ (не говоря о бывшемъ горновладѣльческомъ населеніи, у котораго надѣлы незначительны), или рядъ неурожайныхъ годовъ, истощившихъ, при совершенномъ отсутствіи посторонниихъ заработковъ, силы крестьянъ и побуждающихъ ихъ искать новаго благодатнаго края; сюда относятся губерніи воронежская, саратовская, самарская, нижегородская, уфимская и оренбургская.

Положеніе дѣла еще болѣе выясняется сравненіемъ податныхъ недоимокъ, накопившихся въ различныхъ мѣстностяхъ.

Въ кіевской губерніи, въ которой приходится менѣе 2 десятинъ на душу, недоимка составляетъ всего около 4,4% оклада у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2,7% у бывшихъ государственныхъ, а на бывшихъ удѣльныхъ совсѣмъ не имѣлось недоимки. Напротивъ того, въ воронежской губерніи при среднемъ надѣлѣ въ 3,3 десятины на душу, на бывшихъ крестьянахъ накопилось 177% недоимки и на государственныхъ—162%. Въ саратовской губерніи при 3,5 дес. надѣлѣ на помѣщичьихъ крестьянахъ считается 127%, на казенныхъ 121%, и, что̀ болѣе всего удивительно, даже на удѣльныхъ крестьянахъ 142% недоимки. Въ нижегородской губерніи при трехдесятинномъ надѣлѣ недоимка составляетъ 323% на помѣщичьихъ, 307% на казенныхъ и 215% на бывшихъ удѣльныхъ крестьянахъ. Въ самарской губерніи при почти шестидесятинномъ надѣлѣ недоимки числится на помѣщичьихъ крестьянахъ 410%, на бывшихъ казенныхъ 343% и на удѣльныхъ 302%. Въ уфимской при 7½-десятинномъ надѣлѣ 479% на помѣщичьихъ, 300% на казенныхъ и 72% на бывшихъ удѣльныхъ; наконецъ, въ

Digitized by Google

оренбургской губерніи при 22-десятинномъ надѣлѣ 665% на помѣщичьихъ, 495% на казенныхъ и 649% на бывшихъ удѣльныхъ крестьянахъ.

Итакъ, губерніи, главнымъ образомъ изъ которыхъ идутъ переселенцы, можно рѣзко раздѣлить на двѣ группы. Во-первыхъ, губерніи, въ которыхъ неудовлетворительное положеніе крестьянъ, побуждающее ихъ къ выселенію, вызывается недостаткомъ земли при отсутствіи заработковъ, невыгоднымъ расположеніемъ земли, недостаточностью спеціально выгоновъ и т. п. Во-вторыхъ, на губерніи, гдѣ разстройство экономическаго положенія крестьянъ, при значительномъ земельномъ надѣлѣ, вызвано другими, случайными причинами,—преимущественно рядомъ неурожаевъ. Первая группа составляетъ естественный, нормальный районъ переселенческаго движенія; что же касается второй группы, то, при достаточности надѣла, выселеніе составляетъ тамъ явленіе анормальное, и весьма желательно найти средства возстановить въ этихъ губерніяхъ благосостояніе населенія другими путями, не поощряя ихъ къ оставленію родныхъ мѣстъ.

Затѣмъ остается вопросъ: выселеніе какой именно категоріи домохозяевъ желательно въ каждой мѣстности? Въ интересахъ мѣстностей, откуда направляется переселеніе, очевидно, желательно, чтобы изъ нихъ уходили люди, не могущіе прокормить себя при существующихъ условіяхъ. Съ выселеніемъ этихъ лицъ, однообщественники ихъ, болѣе зажиточные, получаютъ возможность приложить свои запасные, остающіеся до того безъ примѣненія, трудъ и средства къ обработкѣ покинутаго земельнаго фонда и тѣмъ поднять благосостояніе своего общества. Съ другой стороны, мѣстности, куда идетъ переселеніе, открывая широкое поле свободному проявленію самостоятельнаго хозяйства переселенцевъ, желали бы получить людей, возможно болѣе способныхъ выполнить задачу быстрой и привольной колонизаціи края, т.-е. хорошихъ, старательныхъ хозяевъ. Въ этомъ случаѣ общій государственный интересъ заключается въ примиреніи этихъ двухъ, повидимому, противоположныхъ мѣстныхъ потребностей. Если бѣдность переселенца не можетъ быть свойствомъ, способствующимъ дѣлу колонизаціи, то тѣмъ болѣе выселеніе изъ Европейской Россіи лицъ болѣе зажиточныхъ, съ оставленіемъ на мѣстахъ экономически слабыхъ однообщественниковъ, врядъ ли можетъ быть желаемо для страны и заслуживать поощренія со стороны правительства. Съ государственной точки зрѣнія наиболѣе желательно, чтобы выселялись лица, нуждающіяся въ улучшеніи своего благосостоянія, но въ то же время

Digitized by Google

не утратившія своей хозяйственной самостоятельности, т.-е. лица, ведущія хозяйство на своихъ или арендованныхъ земляхъ, такъ какъ можно опасаться, что лица, добывающія себѣ средства существованія наймомъ на работы, при первыхъ же затрудненіяхъ, неизбѣжныхъ при воздѣлываніи нетронутыхъ земельныхъ пространствъ, бросятъ отведенные имъ участки и вернутся къ привычному имъ труду. Правительство, конечно, не имѣетъ возможности примѣнять какія-либо принудительныя мѣры, въ смыслѣ удаленія изъ переселенческаго теченія элементовъ нежелательныхъ, т.-е. какъ лицъ зажиточныхъ, такъ и лицъ совершенно неимущихъ; подобныя мѣры вызывали бы лишь усиленіе самовольнаго переселенія. При томъ же нѣтъ правила безъ исключенія: могутъ быть случаи, когда переселеніе зажиточнаго лица даже выгодно для общества, а съ другой стороны, были случаи, когда батраки, переселившіеся въ Сибирь, заводились тамъ хорошимъ хозяйствомъ. Это, однако, исключенія,—въ общемъ нельзя желать переселенія ни тѣхъ, ни другихъ. Не стѣсняя свободы переселенія, правительство можетъ оказывать при переселеніи большее пособіе лицамъ тѣхъ категорій, выселеніе коихъ особенно желательно, т.-е. категоріи *нуждающихся землехозяевъ*, чтобы предоставить остающимся, болѣе сильнымъ хозяевамъ, просторъ и возможность дѣйствительно окрѣпнуть на мѣстѣ.

Для достиженія этой послѣдней цѣли, однако, еще недостаточно нѣкотораго увеличенія земельнаго простора; большею частію необходимо еще оздоровить финансовое положеніе остающагося населенія, потому что именно въ мѣстностяхъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ выходятъ переселенцы, общества подавлены бременемъ тяжкихъ, часто неоплатныхъ недоимокъ. Въ доказательство тому можно привести примѣръ орловской губерніи. Корреспондентъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ сообщаетъ изъ Ельца, „что въ послѣдніе два года въ елецкомъ уѣздѣ чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе начавшагося въ этой мѣстности переселенческаго движенія въ Сибирь, а между тѣмъ серьезныхъ побудительныхъ причинъ къ переселенію въ наличности не имѣется. Правда, своей земли у крестьянъ мало, но въ послѣдніе годы они имѣли полную возможность арендовать сколько угодно земли у помѣщиковъ, и при томъ по очень дешевымъ цѣнамъ. Говорятъ, что многихъ гонитъ къ переселенію задолженность казнѣ и земству. Что крестьянская задолженность здѣсь мѣстами достаточно велика, это вѣрно; есть дворы, за которыми недоимокъ числится по 200 и 300 рублей. Печально въ данномъ случаѣ то, что оставшіяся послѣ переселен-

Digitized by Google

цевъ земли остаются заброшенными, такъ какъ сельскія общества не принимаютъ ихъ въ свое пользованіе, по невозможности платить за владѣльцевъ покинутыхъ земель недоимки, сумма которыхъ значительно превышаетъ стоимость этихъ земель. Вслѣдствіе того въ нашемъ уѣздѣ образовались разбросанные повсюду клочки земель, хотя и плодородныхъ, но поросшихъ бурьяномъ, запущенныхъ"...

Хотя корреспондентъ и прибавляетъ, что трудно допустить, чтобы задолженность была главною причиною переселенія, но между тѣмъ изъ сообщаемыхъ имъ же данныхъ вытекаетъ, какъ велика эта задолженность, и во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были причины переселенія, несомнѣнно, и онъ самъ на это прямо указываетъ, что недоимочная задолженность препятствуетъ обществамъ, изъ которыхъ выселилась часть членовъ, пользоваться освободившимися вслѣдствіе того землями.

Вышеприведенный примѣръ лучше всего доказываетъ, какъ важно въ видахъ улучшенія быта остающагося населенія освобожденіе его отъ бремени прежде накопившихся недоимокъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти недоимки достигли значительнаго размѣра.

Наши законодательныя постановленія послѣднихъ лѣтъ нѣсколько разъ мѣняли воззрѣніе по отношенію къ недоимкамъ, лежащимъ на выселяющихся крестьянахъ.

По Положенію 1881 года, недоимки должны были переводиться на переселенцевъ, по новому ихъ мѣсту жительства. Такимъ образомъ, съ остающагося общества снималась всякая отвѣтственность за недоимки, накопившіяся на ихъ выселившихся односельчанахъ. Такое положеніе дѣла значительно облегчало устройство остающагося на мѣстахъ населенія, не ложась особенно тяжкимъ бременемъ на переселенцевъ, которые обыкновенно послѣ двухъ-трехъ лѣтъ устраивались въ Сибири хорошимъ хозяйствомъ, такъ что взносъ разсроченной на нѣсколько лѣтъ недоимки не могъ ихъ особенно обременять.

Положеніемъ 1889 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ въ корнѣ. На основаніи статьи 13-ой этого Положенія, невыкупленные окончательно крестьянскіе надѣлы, освобождающіеся вслѣдствіе переселенія крестьянъ, остаются въ составѣ земель тѣхъ обществъ, къ которымъ переселенцы принадлежали. Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти общества переводятся какъ лежащіе на ихъ надѣлахъ выкупные платежи, такъ и всѣ недоимки въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ, состоящія на выбывающихъ членахъ.

Такимъ образомъ, переселенцы освобождаются отъ всѣхъ прежъ-

Digitized by Google

нихъ обязанностей, и вся недоимочная тягота ложится на остающееся общество. Уже не говоря о томъ, что подобное положеніе именно должно стѣснять въ значительной мѣрѣ удовлетворительное переустройство мѣстнаго населенія, его нельзя считать и справедливымъ. Возложить на общество тяготу платежей, за остающуюся въ его рукахъ землю, на будущее время, совершенно естественно, но едва ли можно считать справедливымъ понужденіе общества къ уплатѣ всѣхъ недоимокъ, которыя накопились на переселенцахъ, т.-е. заставлять общество платить за неисправность вышедшихъ изъ его состава членовъ общества за такое время, въ теченіе котораго общество еще не пользовалось землею, находившеюся въ рукахъ будущихъ переселенцевъ. Наконецъ, по Положенію 1896 г. введено нѣчто среднее.

Числящіяся за лицами, переселяющимися съ установленнаго разрѣшенія, недоимки остаются на обществѣ, согласно съ Положеніемъ 1887 года, и правительство предоставляетъ себѣ только слагать съ сельскихъ обществъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ, причитающіяся съ нихъ, за переселенцевъ, недоимки.

Состоящія же на лицахъ, переселяющихся въ Сибирь безъ установленнаго разрѣшенія, недоимки переводятся на нихъ по мѣсту новаго водворенія, съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за эти недоимки отвѣтственности и съ возложеніемъ ихъ непосредственно на самихъ переселенцевъ. Уплата недоимокъ можетъ быть имъ, однако, разсрочена до десяти лѣтъ.

Освобожденіе переселяющихся съ установленнаго разрѣшенія отъ всѣхъ недоимокъ должно, очевидно, имѣть цѣлью поощреніе законныхъ—и стѣсненіе самовольныхъ переселеній. Переселенецъ желаетъ освободиться отъ недоимки, и потому, очевидно, безъ разрѣшенія уходить не будетъ. Но, съ другой стороны, общество, остающееся на мѣстѣ, точно также должно желать освобожденія отъ недоимокъ, и поэтому съ своей стороны будетъ всякими мѣрами поощрять самовольные выходы. Переселенцу, отправляющемуся въ путь, прежде всего важно удовлетворительно кончить свои разсчеты съ обществомъ, т.-е. получить хорошую цѣну за свои усадебныя постройки и, можетъ быть, даже еще нѣкоторое вознагражденіе за оставленную имъ обществу землю, и такимъ образомъ запастись достаточно деньгами на путевые расходы; между тѣмъ, обязательство разсчитаться впослѣдствіи на мѣстѣ новаго поселенія, въ теченіе десяти лѣтъ, со старыми недоимками, его особенно страшить не будетъ, а потому слѣдуетъ опасаться, что такое положеніе дѣла можетъ привести къ результатамъ прямо противоположнымъ тому, что имѣлось въ

Digitized by Google

виду. Предоставленіе правительству—въ особо уважительныхъ случаяхъ слагать недоимку съ общества, въ виду своей неопредѣленности, органическаго значенія имѣть не можетъ, хотя и послужитъ, въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, къ улучшенію быта остающихся на мѣстахъ обществъ.

Затѣмъ, ни въ одномъ изъ этихъ Положеній не затрогивается вопроса о вознагражденіи выходцевъ за оставляемую ими землю. Между тѣмъ они въ теченіе многихъ лѣтъ вносили за нихъ выкупные платежи, и потому соотвѣтственная сумма, за вычетомъ изъ нея лежащихъ на нихъ недоимокъ, по справедливости должна бы составлять ихъ достояніе.

Такой болѣе справедливый взглядъ на дѣло уже вырабатывается во многихъ мѣстностяхъ самою жизнью. Предсѣдатель рязанскаго отдѣленія крестьянскаго банка, въ донесеніи, на которое мы уже выше указывали, сообщаетъ, по мѣстнымъ изслѣдованіямъ, что во многихъ обществахъ государственныхъ крестьянъ рязанской губерніи выработалась организованная система помощи переселенцамъ, состоящая въ томъ, что имъ предоставляется право сдавать свою надѣльную землю въ аренду на извѣстный срокъ, съ полученіемъ арендной платы впередъ. На этотъ срокъ общество принимаетъ на себя уплату всякихъ лежащихъ на землѣ повинностей, а по истеченіи срока аренды земля поступаетъ въ распоряженіе общества.

Итакъ, несомнѣнно желательно, съ одной стороны, освободить общество отъ отвѣтственности за недоимки, которыя накоплялись на выселяющихся членахъ, а съ другой стороны, вознаградить въ нѣкоторой мѣрѣ выселяющихся за покидаемую ими землю, за которую они многіе годы вносили выкупные платежи.

То и другое могло бы быть достигнуто распространеніемъ на эти земли ссудъ изъ крестьянскаго банка, какъ на это указываетъ предсѣдатель рязанскаго отдѣла. По его словамъ, сама жизнь намѣтила тотъ путь помощи, которая могла бы быть оказываема въ дѣлѣ переселенческаго движенія, по случаю малоземелья. Крестьянскому банку можно бы оказывать помощь въ той роли, которую въ настоящее время играютъ арендаторы покидаемой земли. Подъ землю переселенца, передаваемую послѣднимъ въ собственность остальнымъ членамъ общества, могла бы быть выдаваема ссуда, въ размѣрѣ стоимости земли; изъ этой ссуды одна часть шла бы на погашеніе выкупа, тамъ, гдѣ онъ еще не законченъ, а другая—на пособіе переселенцамъ. Казалось бы,—прибавляетъ онъ,—такимъ способомъ могла бы быть оказываема дѣйствительная помощь бѣднымъ обществамъ крестьянъ. Пересе-

Digitized by Google

ленцы, самые бѣдные члены общества—распродавъ усадьбу, постройку, рухлядь, получивъ отъ банка стоимость земли, а отъ правительства землю въ новомъ мѣстѣ за обременительныя повинности, съ нѣкоторыми льготами на первое время,—имѣли бы возможность переселиться и со временемъ улучшить свое экономическое благосостояніе. Остающіеся же члены общества, какъ болѣе состоятельные, расширивъ свои землевладѣнія, сдѣлались бы исправными плательщиками.

Предсѣдатель рязанскаго отдѣла не касается вопроса о недоимкахъ, но и послѣдній могъ бы разрѣшиться вышеуказаннымъ путемъ. Изъ ссуды, выданной подъ залогъ земли, оставляемой переселенцами своему обществу, могли бы вычитаться не только остающіеся еще ко взносу выкупные платежи, но и накопившіяся на выселяющихся недоимки; остальная же часть могла бы быть имъ выдаваема въ видѣ пособія на переселеніе.

Такимъ образомъ разрѣшались бы всѣ стороны вопроса. Переселенцы получали бы справедливое вознагражденіе, недоимки, уплачиваемыя изъ ссуды, не тяготѣли бы на обществѣ, а послѣднее, получая добавочную землю съ обязательствомъ платить за нее умѣренные взносы по ссудѣ, полученной изъ банка,—причемъ (на основаніи новѣйшаго постановленія) собственные выкупные платежи общества могли бы быть также отсрочены, а недоимки его разсрочены,—превратилось бы со временемъ изъ малоземельнаго, разореннаго, захудалаго общества—въ общество состоятельныхъ домохозяевъ.

Но въ какихъ размѣрахъ можно ожидать отъ переселенія улучшенія условій нашей сельской жизни,—въ какой мѣрѣ, путемъ переселенія, можетъ быть достигнуто подобное возстановленіе нормальныхъ предѣловъ хозяйственныхъ единицъ и сокращенія малонадѣльныхъ хозяйствъ въ нашихъ густонаселенныхъ губерніяхъ?

Сообразивъ все вышеизложенное, нельзя не придти къ заключенію, что переселеніе можетъ дѣйствовать только палліативно; какого-либо рѣшительнаго переворота въ отношеніяхъ мѣстнаго населенія къ землѣ отъ выселенія ожидать никакъ нельзя. Въ послѣдній годъ, переселеніе, достигшее наибольшаго развитія, дошло почти до 200.000 душъ; но опытъ показалъ, что такого числа переселенцевъ Сибирь на будущіе годы уже не будетъ въ состояніи поглощать. При сокращеніи свободныхъ участковъ, придется сокращать и движеніе переселенцевъ: ихъ цифра упадетъ до 150.000, до 100.000 и можетъ быть даже еще ниже.

Что означаетъ ежегодное уменьшеніе мѣстнаго населенія отъ

Digitized by Google

100 и даже до 200.000 душъ, при нынѣ уже существующемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ избыткѣ рукъ и при постоянномъ ростѣ населенія, въ виду того, что пространство земли не расширяется, не ростетъ? Избытокъ свободныхъ рукъ, не могущихъ найти занятія у себя дома, исчисляется въ настоящее время, по разнымъ разсчетамъ, то въ 800.000 душъ, то въ милліонъ и даже до двухъ милліоновъ. Принявъ только первую цифру—800.000 душъ,—на переселеніе этого избытка потребовалось бы по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ, а въ теченіе этого времени народонаселеніе будетъ рости, и приростъ его дастъ новые милліонные избытки. Итакъ, надѣяться возстановить въ Россіи повсемѣстно, путемъ переселенія, удовлетворительное отношеніе между сельскимъ населеніемъ и его земельнымъ надѣломъ, значило бы предаваться чистой иллюзіи. Несомнѣнно, мѣстами послѣдуетъ нѣкоторое разрѣженіе населенія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже временно можетъ проявиться недостатокъ въ рабочихъ, какъ на то уже слышны были жалобы въ орловской и воронежской губерніяхъ; но это будутъ случайныя и преходящія явленія,—въ общемъ переселеніе никогда не сдѣлается панацеей, всеобщимъ лекарствомъ для всѣхъ нашихъ сельскохозяйственныхъ болѣзней. Кромѣ переселенія въ Сибирь можетъ еще развиться переселеніе на Кавказъ; во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи еще возможно мѣстное разселеніе изъ одной губерніи въ другую, — но все это вмѣстѣ взятое хотя и можетъ нѣсколько уменьшить численность малоземельныхъ крестьянскихъ надѣловъ въ густонаселенныхъ центрахъ Россіи, но совершенно устранить малоземелья и пріостановить дальнѣйшее его распространеніе въ будущемъ оно не въ состояніи. Послѣднее можетъ быть сдержано только однимъ средствомъ—положеніемъ предѣла крайнему дробленію крестьянскихъ участковъ, чтобы тѣмъ самымъ сохранить надѣлы земли отдѣльныхъ дворовъ въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ разумное хозяйство оказывается еще возможнымъ.

Если же нельзя помышлять о разселеніи всего существующаго избытка рабочаго населенія, то, очевидно, не представляется и повода опасаться, чтобы выселеніе могло уменьшить предложеніе рабочихъ рукъ во вредъ сельскому хозяйству;—повторяемъ, случайное и временное разрѣженіе населенія до этой степени можетъ произойти въ видѣ исключенія въ какой-либо мѣстности, при усиленной изъ нея эмиграціи въ данную минуту, но какъ общее и постоянное явленіе—это немыслимо.

Уравновѣшеніе предложенія и спроса на рабочія руки мо-

Digitized by Google

жетъ совершаться только постепенно подъ вліяніемъ цѣлой совокупности факторовъ, въ числѣ коихъ переселеніе будетъ представлять только одинъ изъ элементовъ. И аренда, и отхожіе промыслы, и переселенія, будутъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи совокупно, одно будетъ поддерживать другое, переселеніе будетъ улучшать условія арендованія и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ приложеніе труда къ обработывающей и фабричной производительности, по мѣрѣ развитія послѣдней, будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, и такимъ образомъ со временемъ будетъ поглощаться тотъ избытокъ рукъ, который не можетъ найти занятія около земли.

Ѳ. Тернеръ.

Digitized by Google

НАЧАЛО КОНЦА

ПОВѢСТЬ.

I.

Вѣра Александровна порывисто вбѣжала къ себѣ въ комнату, схватилась руками за голову—и замерла на мѣстѣ. Ея большіе сѣрые глаза смотрѣли почти безумно, не видя ничего передъ собой; поблѣднѣвшія губы нервно вздрагивали.

— Боже мой! Боже мой! Да что же это? Что же это?— шептала она, все сильнѣе и сильнѣе стискивая ладонями себѣ виски.

То, что она сейчасъ увидала, было ужасно. Ужасно—вслѣдствіе полной неожиданности. Ея мужъ, Дмитрій Платоновичъ, только за минуту вышедшій изъ ея спальни и передъ уходомъ простившійся съ ней съ обычной лаской, прошелъ въ дѣтскую, чтобы поцѣловать на прощанье сына—каждый день, отправляясь на службу, Дмитрій Платоновичъ неизмѣнно дѣлалъ это. Только-что онъ вышелъ изъ комнаты, какъ Вѣра Александровна спохватилась, что забыла предупредить мужа, что у нихъ сегодня обѣдаютъ Ходовскіе. Она торопливо пошла за нимъ и застала его еще въ дѣтской. Дмитрій Платоновичъ, видимо, только-что поцѣловавшій сына — двухлѣтняго Митю — при ея входѣ цѣловалъ Эльзу, бонну, и Эльза отвѣчала ему поцѣлуемъ привыкшей уже къ его ласкамъ женщины. Лѣвой рукой обвила она шею Дмитрія Платоновича, а правой держала за ручку стоявшаго возлѣ Митю. И Дмитрій Платоновичъ цѣловалъ Эльзу не нервно, не сконфуженно, а тѣмъ шаблоннымъ, обычнымъ поцѣлуемъ, которымъ онъ цѣловалъ и жену.

Digitized by Google

Вѣра Александровна быстро отшатнулась отъ двери дѣтской и бросилась къ себѣ въ комнату. Видѣли ли они ее? Она не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, они должны были замѣтить, что кто-то промелькнулъ мимо двери. Кажется, они отскочили другъ отъ друга... Ахъ! развѣ это не все равно! Важно, что она видѣла. Она теперь знаетъ, и все, все кончено. Ударъ упалъ оттуда, откуда она меньше всего могла ожидать.

— Боже мой! Боже мой! — шептала она, мало-по-малу замѣчая, что изъ большого зеркала смотритъ на нее ея блѣдное, вытянувшееся лицо съ сѣрыми испуганными глазами.

Поза, въ которой она разглядѣла себя въ зеркалѣ, показалась ей неестественной и театральной. Она стояла вытянувшись впередъ и перегнувшись нѣсколько вправо. Вѣра Александровна отвернулась отъ зеркала и, сдѣлавъ шага два, опустилась на маленькій диванчикъ. Холодъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу, зубы лихорадочно стучали.

— Боже мой, Боже мой! Что же дѣлать?—повторяла она.— Это ужасно! Это ужасно!

Да, да, ударъ свалился оттуда, откуда она могла менѣе всего ожидать его. Эту Эльзу она нашла сама и сама выбрала. Дмитрій Платоновичъ даже противился, находя, что для мальчика лучше бы было взять русскую няню, но Вѣра Александровна боялась „нечистоплотности“ русскихъ, а эта швейцарка Эльза такъ ей понравилась! Высокая, статная, съ красивымъ и пріятнымъ лицомъ,—даже не столь красивымъ, какъ съ чистымъ лицомъ,—съ доброй и мягкой улыбкой. Она не брезговала, когда Эльза цѣловала ея мальчика,—такъ чиста она казалась ей... И вдругъ!.. Ахъ, не то! Не то! Что Эльза? Она—дрянь, самка... Нѣтъ, какъ онъ могъ такъ унизиться, такъ упасть!.. Правда, случалось, что она ревновала его, ревновала безъ всякаго повода, безъ всякой причины, но ревновала глухо, про себя, никогда не давая ему это замѣтить. Ей казалось, что всѣ женщины на него засматриваются, завидуютъ ей и готовы отнять ея счастье. Она боялась, что рано или поздно онъ можетъ не устоять и полюбить другую. Правда, онъ почти никакого вниманія не обращалъ ни на одну изъ ихъ знакомыхъ женщинъ, т.-е. былъ ласковъ, привѣтливъ, но всегда холоденъ и спокоенъ—и вдругъ простая бонна! Тупая, глупая швейцарка съ большимъ, неуклюжимъ станомъ, съ глупыми, плоскими глазами... Ахъ, не все ли равно? Швейцарка, русская, бонна, дама... Важно, что онъ ее не любитъ больше!..

Въ передней хлопнула дверь, и горничная Саша быстро прошла по корридору.

Digitized by Google

„Значитъ, онъ только-что уѣхалъ! Уѣхалъ, не зайдя къ ней... Стало быть, онъ не видалъ ее въ дверяхъ дѣтской... Но что же дѣлать? Что же дѣлать"?—шептала она, плотно прижимаясь къ спинкѣ дивана, а зубы ея нервно стучали и руки были холодны какъ ледъ.

Ей казалось, что въ комнатѣ стало сѣро и сумрачно, что дневной свѣтъ почти не проникалъ въ большое, завѣшанное тюлевой занавѣской окно. Въ домѣ все замерло и затихло. Что-то тяжелое давило Вѣру Александровну и прижимало ее къ спинкѣ дивана. Мысли вдругъ остановились и она совсѣмъ машинально повторяла:

— Боже мой, что же дѣлать? Что же дѣлать?

Она даже закрыла глаза и вся съёжилась. Ей бы хотѣлось собраться совсѣмъ въ маленькій комокъ и укутаться, потому что какой-то странный холодъ проникалъ въ нее и охватывалъ со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ со двора, куда выходило окно ея комнаты, раздался громкій грохотъ выѣхавшей телѣги и звучный мужской голосъ крикнулъ:

— Степанъ! Степа-анъ!

Вѣра Александровна порывисто вскочила съ дивана и начала ходить взадъ и впередъ, спотыкаясь и задѣвая за мебель. Въ вискахъ ея опять застучало, и она опять стиснула ихъ ладонями.

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь такъ нельзя!—заговорила она сама съ собой.—Такъ нельзя—это надо кончить! Но какъ кончить? Что сдѣлать? Уйти?.. Уйти отъ этой грязи, отъ этой подлой грязи... Никогда не видѣть больше его. Онъ ей гадокъ, ненавистенъ... Боже мой, какъ гадокъ! Ей кажется, что онъ запятнанъ этими грязными поцѣлуями... И все, все въ немъ теперь ненавистно... И лицо, и голосъ, и каждое движеніе! Она никогда не въ состояніи будетъ прикоснуться къ нему... Какой ужасъ!.. Какъ поздно разглядѣла она этого человѣка!.. Вѣдь если онъ могъ теперь... значитъ, онъ всегда былъ такой!..

— Всегда, всегда!—настойчиво повторила она.

Ей стали припоминаться его взгляды, которые онъ бросалъ то на ту, то на другую женщину, даже на горничныхъ. Взгляды, которые она случайно ловила и, правда, которымъ она не придавала никакого значенія, а просто объясняла особымъ выраженіемъ его всегда нѣсколько блестящихъ, острыхъ глазъ, но теперь она видитъ, что всѣ эти взгляды были грѣховны, грязны, и что онъ всегда, всегда былъ такимъ... И она могла его любить... Могла ему вѣрить...

Digitized by Google

Чувство злобы, чувство ненависти вдругъ закопошилось въ сердцѣ Вѣры Александровны противъ этого такъ нагло обманувшаго ее человѣка.

„О! Если бы она могла ему отомстить!.. Да, она и отомститъ ему!.. Чѣмъ? Какъ? Она еще не знаетъ, но отомститъ!.. О! Онъ увидитъ... Онъ увидитъ! Низкій, дрянной человѣкъ“!...

По корридору пронесся топотъ дѣтскихъ ножекъ и веселый, громкій смѣхъ Эльзы. Вѣра Александровна вся задрожала. Она бросилась къ кнопкѣ электрическаго звонка и надавила ее до боли въ пальцѣ.

— Гадкая!.. Грязная!..—прошептала она и надавила кнопку еще разъ, два, три...

Въ комнату вбѣжала горничная Саша.

— Что же вы... не идете, когда васъ зовутъ? — осипшимъ голосомъ обратилась къ ней Вѣра Александровна.

— Я, барыня, сейчасъ... Вы только-что позвонили...

— Хорошо,—перебила горничную Вѣра Александровна.— Ступайте, одѣньте сейчасъ Митю... Теплое пальто... И приведите его сюда... Да сами приведите... Слышите! сами, а не Эльза!.. И мнѣ дайте одѣваться!..

Горничная вышла, а Вѣра Александровна подсѣла къ своему письменному столику и нервными, трясущимися руками стала перебирать и прятать въ ящикъ какія-то бумаги. Листки вываливались у нея изъ рукъ, падали на полъ—она неловко поднимала ихъ и все что-то искала и искала.

На ея письменномъ столѣ стояли портреты сына и мужа. Съ ненавистью взглядывала она на красивое, выразительное лицо Дмитрія Платоновича, и еще неостывшіе отъ гнѣва глаза переводила на бѣлокурую головку Мити.

— Бѣдный! Бѣдный мальчикъ!—шептали ея губы.

Наконецъ, она забыла, что хотѣла найти въ столѣ, и, закрывъ ящикъ, заперла его на ключъ. Потомъ, перейдя къ туалетному столику, стала поправлять свою прическу.

— Какъ я блѣдна!—прошептала она, вглядываясь въ свое лицо.

И ей сейчасъ же представились пухлыя, румяныя щеки Эльзы, ея сочныя губы и вѣчно блестящій изъ-за нихъ рядъ бѣлыхъ зубовъ. Вѣра Александровна тряхнула даже головой—такъ гадко показалось ей лицо этой „швейцарской коровы“.

Дверь отворилась, и горничная Саша внесла на рукахъ ребенка, одѣтаго въ теплое, пушистое пальто. Вѣра Александровна бросилась къ нему, схватила его на руки и принялась цѣловать.

Digitized by Google

— Бѣдный мой, милый мой мальчикъ, родной мой!—И слезы впервые брызнули изъ ея глазъ.

— Саша, мнѣ одѣваться! — проговорила она, не отрываясь отъ сына.

— Какое платье, барыня?—испуганнымъ голосомъ спросила Саша, сразу почувствовавъ, что въ домѣ произошло что-то неладное..

— Нѣтъ, не платье... Я въ этомъ поѣду... А пальто!.. Да нѣтъ, не пальто, а ротонду...—сбивчиво приказывала Вѣра Александровна, все крѣпче и крѣпче прижимая къ груди сына.

Ребенокъ, сначала веселый, но потомъ увидавшій, что его мама плачетъ, вдругъ отпустилъ нижнюю губку, собираясь тоже расплакаться.

— Митя, милый, милый, не плачь!—заторопилась Вѣра Александровна, покрывая поцѣлуями и моча своими слезами личико сына.—Мы сейчасъ поѣдемъ кататься!... Мы поѣдемъ къ Колѣ, къ Ниночкѣ... къ тетѣ Зинѣ поѣдемъ,—уговаривала она, торопливо надѣвая шляпку и накидывая поданную ей въ ея комнату ротонду.—Ну, несите, Саша, Митю... Идемте, идемте!—волновалась она.—Да хорошо онъ одѣтъ? Гамашки надѣты? Шапочка-то, шапочка какъ подвязана!

И Вѣра Александровна дрожащими пальцами поправляла шапочку сына.

— Ну, пойдемте, пойдемте скорѣй, а то ему будетъ жарко! Да дайте мнѣ его сюда на руки, а сами идите впередъ, скажите швейцару, чтобы извозчика...

Вѣрѣ Александровнѣ казалось, что она уѣзжаетъ сама и увозитъ своего сына изъ этого дома навсегда, и что нужно это сдѣлать какъ можно скорѣе, чтобы кто-нибудь не остановилъ, не вернулъ ихъ. Проходя въ переднюю, она боялась, какъ бы не встрѣтиться съ Эльзой, а на лѣстницѣ ей казалось, что тутъ гдѣ-то ее поджидаетъ мужъ, и только уже усѣвшись въ дрожки и завернувъ въ ротонду и безъ того тепло закутаннаго Митю, она глубоко вздохнула и опять заплакала.

II.

Ѣхать нужно было довольно далеко, но Вѣра Александровна не замѣчала дороги. Она не могла бы сказать, по какимъ улицамъ они ѣдутъ. Высокіе, коричневые, сѣрые дома мелькали мимо нея; сѣрый осенній свѣтъ; мелкій осенній дождикъ. На встрѣчу ей

Digitized by Google

ѣхали другіе извозчики, проходили люди. Вѣра Александровна глубоко забилась подъ верхъ дрожекъ и крѣпко прижимала къ себѣ сына, а Митя все что-то разговаривалъ и старался выпутаться изъ теплой ротонды.

— Милый, не разговаривай! Сиди смирно, простудишься!— упрашивала его Вѣра Александровна и въ то же время соображала, что они ѣдутъ къ Батулинымъ, т.-е. къ сестрѣ Зинѣ; что она тамъ оставитъ Митю, а сама поѣдетъ къ отцу и все, все скажетъ. Отецъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ и устроить ея дальнѣйшую жизнь.

Вдругъ Вѣра Александровна вздрогнула: ей показалось, что на встрѣчу ей проѣхалъ мужъ.—Такое же пальто,—лица она не могла разглядѣть изъ-подъ приподнятаго верха извозчичьихъ дрожекъ.

„Куда же это онъ? Вѣдь онъ долженъ быть на службѣ теперь. Если домой, что-жъ, тѣмъ лучше... Пусть узнаетъ, что я уѣхала“... Но вотъ опять проѣхалъ какой-то господинъ въ такомъ же пальто и даже въ такой же шляпѣ, какъ у ея мужа. Теперь она разглядѣла и лицо. „Нѣтъ, не онъ... Ахъ, такія пальто и шляпы, какъ у него, кажется, всѣ носятъ“... И почему-то рѣшила, что и первый встрѣтившійся былъ не Дмитрій Платоновичъ. „Надо отомстить... отомстить“... замелькало у нея въ головѣ. „Я и отцу скажу, что надо отомстить“... „Вѣдь онъ убилъ меня, убилъ физически и нравственно... Осквернилъ, оплевалъ, опозорилъ... Онъ не пожалѣлъ даже сына... потому что изъ-за сына-то, конечно, она больше всего и страдаетъ. Не будь ребенка, она бы совсѣмъ просто ушла отъ него, полюбила бы другого человѣка и стала бы счастлива. Но теперь, теперь подобный реваншъ съ ея стороны былъ бы вдвойнѣ унизительнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, она никогда не сдѣлаетъ этого, потому что она мать... Она никогда не опозоритъ своего ребенка“.—Вѣра Александровна крѣпко и нѣжно прижала къ себѣ Митю...—„А не потому! А не потому“! — вдругъ насмѣшливо зашепталъ въ ней какой-то второй голосъ.—„А потому, что ты мужа любишь“!

Вѣра Александровна стиснула зубы и сердито посмотрѣла на улицу.

„Отецъ все рѣшитъ... Я все скажу отцу... Боже мой, какъ хорошо еще было вчера! Какъ хорошо и ясно“!.. И всѣ ея прошлыя огорченія, и всѣ ея печали показались ей такими маленькими, ничтожными, по сравненію съ сегодняшнимъ громаднымъ, ужаснымъ горемъ.... Вѣдь сегодня она все потеряла... все кончено... И ей показалось, что и она, и Митя, такъ вотъ навсегда

Digitized by Google

и останутся на улицѣ и будутъ все ѣхать на извозчикѣ, и будетъ моросить дождикъ, а мимо мелькать мокрые, усталые люди, мокрые, угрюмые дома; что исхода нѣтъ—вопросъ рѣшить нельзя...

— Налѣво, налѣво къ подъѣзду!—торопливо крикнула она извозчику, разглядѣвъ домъ, въ которомъ жила ея сестра.

Извозчикъ остановился. Подбѣжалъ швейцаръ и отстегнулъ фартукъ у дрожекъ. А Вѣра Александровна съ трудомъ протискалась между верхомъ и козлами и, бережно кутая Митю, прошла въ подъѣздъ.

Дверь, на ея звонокъ, отворилъ самъ Василій Ивановичъ Батулинъ, мужъ Зины. Въ передней было почти темно, и Вѣра Александровна очень обрадовалась этому. Она не хотѣла, чтобы теперь кто-нибудь разглядѣлъ ея лицо.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ. Я къ вамъ Митю привезла, — торопливо заговорила она: — пусть поиграетъ съ дѣтьми... А мнѣ еще нужно къ папѣ... Скажите Зинѣ, что я потомъ заѣду.

— Ахъ, Боже мой! — суетился Батулинъ. — Да, Вѣра Александровна, погодите, я сейчасъ скажу Зинѣ... Да гдѣ же Даша? Даша! — уже громко закричалъ онъ куда-то во внутреннія комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ивановичъ, вы сами отведите его въ дѣтскую... Тамъ его и раздѣнутъ... А мнѣ некогда, я тороплюсь.

И Вѣра Александровна поставила Митю на полъ, наклонилась надъ нимъ и, нѣсколько разъ перекрестивъ, крѣпко поцѣловала.

— Ну, Митюша, будь паинька, не шали. Мама скоро пріѣдетъ,—говорила она, еле сдерживая слезы.

— Да погодите же, Вѣра Александровна, я скажу Зинѣ,— настаивалъ Батулинъ.

— До свиданія, мнѣ некогда.

И даже не пожавъ зятю руки, она быстро выскользнула изъ передней. Слезы, стоявшія у самаго горла, какъ бы отошли. Она усѣлась опять на того же извозчика и поѣхала дальше. Теперь ей стало просторнѣе въ дрожкахъ, а воображеніе ея рисовало, какъ Митя теперь вошелъ въ дѣтскую къ Батулинымъ, какъ его раздѣваютъ, а онъ что-то разсказываетъ. Какъ туда же пришла Зина, конечно еще не чесанная и въ капотѣ, и говоритъ: „Ахъ, эта Вѣра, она всегда такъ: пріѣдетъ, ничего путемъ не скажетъ и ускачетъ“. А Митя ужъ тянется къ игрушкамъ... И черезъ минуту дѣти даже успѣютъ перессориться и расплакаться.

Digitized by Google

Справа раздался пронзительный лошадиный визгъ. Вѣра Александровна выглянула изъ-подъ верха дрожекъ: двѣ ломовыхъ лошади, стоявшія у какихъ-то воротъ, прижавъ уши, визжали и хватали другъ друга зубами.

„Изъ-за чего онѣ ссорятся?—подумала Вѣра Александровна.—Стоитъ двумъ лошадямъ остановиться рядомъ, онѣ сначала миролюбиво начнутъ нюхать другъ друга, но не пройдетъ и минуты, какъ уже взвизгнутъ и оскалятъ зубы... Изъ-за чего? Собаки, такъ тѣ иногда прямо бросаются грызться, даже не разглядѣвъ хорошенько другъ друга. Изъ-за чего? И у людей тоже бываетъ... Особенно у простонародья — встрѣтятся и подерутся“. И ей вспомнилось, какъ у нихъ въ деревнѣ кучеръ Максимъ билъ свою жену. Ужасно, звѣрски билъ. Бѣдная женщина всегда ходила съ синяками и кровоподтеками, и никто не могъ понять, за что Максимъ бьетъ эту смирную, безотвѣтную Дарью. Тѣмъ болѣе, что и Максимъ-то съ другими былъ всегда и ласковъ, и обходителенъ. А Дарья переносила побои и не уходила отъ мужа, хотя ихъ ничто и не связывало—дѣтей у нихъ не было, а Дарья была хорошая пряха и могла бы жить одна. Въ дворнѣ говорили, что за то и билъ, что дѣтей не было... Развѣ это причина?.. А вотъ Дмитрій Платоновичъ не только никогда не билъ ее, но никогда даже рѣзко не крикнулъ, только ворчалъ иногда да изрѣдка хмурился... Ребенокъ у нихъ есть, а... приходится уходить!..

— Да, да, непремѣнно уходить, уходить, уходить!—настойчиво повторяла она и ясно вспомнила сцену, какъ мужъ цѣловалъ Эльзу.

Его лица она не видѣла, онъ стоялъ спиной къ ней, но лицо Эльзы было животно-довольное и, какъ ей показалось, даже торжествующее: полуоткрытыя полныя губы, маслянистые глаза. Когда Вѣра Александровна увидала это, она почему-то почувствовала себя вдругъ высокой, сухой и тонкой... Когда она бросилась назадъ, она не слыхала своихъ шаговъ, ей казалось, что у нея не было совсѣмъ никакого тѣла, а только одна страждущая душа, оскорбленная, ушибленная... Еслибъ теперь Дмитрій Платоновичъ подошелъ къ ней, захотѣлъ бы ее обнять, ей бы показалось, что отъ него пахнетъ Эльзой, ея теломъ, тѣмъ самымъ теломъ, которое было даже пріятно Вѣрѣ Александровнѣ, когда Эльза подходила къ ней съ Митей на рукахъ, а теперь казалось такимъ тяжелымъ, такимъ животнымъ... И Вѣра Александровна поняла, что въ ней самой нѣтъ этого тепла, что она чиста, но что ей холодно. А Дмитрій? Какъ нравилась ей его статная,

Digitized by Google

мужественная фигура, его мускулистыя, но красивыя руки, его сочныя, свѣжія губы. Какъ хорошо чувствовала она себя, когда онъ крѣпко обхватывалъ ее этими руками и прижималъ къ своей груди, широкой, горячей; какъ согрѣвалъ ее его поцѣлуй... И все это теперь отвратительно, отвратительно!.. Грязно, грѣховно!.. Ей стыдно своихъ прежнихъ ласкъ... Она была такая же, какъ Эльза, такая же самка... Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Вѣры Александровны, и она плотно запахнула свою ротонду. Ей опять хотѣлось теперь сдѣлаться совсѣмъ незамѣтной, съёжиться, запрятаться куда-нибудь въ уголокъ, чтобы вся эта жизнь неслась мимо нея, не задѣвая, не прикасаясь къ ней... Ей казалось, дѣйствительно, что стоитъ только къ ней прикоснуться, чтобы она закричала отъ боли... Вотъ, вотъ сейчасъ встрѣчный извозчикъ чуть не задѣлъ колесомъ за дрожки, на которыхъ она ѣхала, и она почти съ ужасомъ съёжилась, нервы болѣзненно напряглись и заныли... А вотъ и подъѣздъ отца...

И Вѣра Александровна должна была тяжело и глубоко вздохнуть прежде, чѣмъ приказать извозчику остановиться.

III.

Голова ея была тяжела и туманна, а ноги дрожали, когда она входила въ кабинетъ отца.

Александръ Павловичъ, высокій, сѣдой старикъ, съ красивымъ лицомъ—изъ тѣхъ лицъ, что хорошѣютъ только подъ старость—ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, лѣниво пошаркивая правой ногой.

— А! Вѣруша! Здравствуй!—привѣтливо проговорилъ онъ, цѣлуя дочь.—Что скажешь?

— Папа, я къ тебѣ по дѣлу, т.-е. не по дѣлу, а... мнѣ нужно...—сбивчиво проговорила Вѣра Александровна, прижимая къ губамъ бѣлую, съ длинными, красивыми пальцами руку Александра Павловича.

Отецъ тревожно взглянулъ на дочь. Онъ замѣтилъ, что лицо ея черезчуръ блѣдно и какъ-то нервно напряжено.

— Что случилось, голубушка? Да ты сядь, сядь! Вотъ сюда!—заговорилъ онъ, заботливо усаживая ее въ мягкое кресло возлѣ письменнаго стола.—Что случилось, милая?

— Папа, я ужасно несчастна!—произнесла Вѣра Александровна и вдругъ, кинувшись на грудь къ отцу, зарыдала.

Digitized by Google

— Голубка, да что же случилось-то? Что же случилось-то?

— Папа, мнѣ измѣнилъ мужъ.

Александръ Павловичъ вздрогнулъ и опустилъ голову.

— Измѣнилъ мужъ?—тихо переспросилъ онъ.—Что жъ, онъ бросилъ тебя? Ушелъ? Ушелъ съ какой-нибудь другой женщиной?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то, папа!—И Вѣра Александровна принялась торопливо передавать утреннюю сцену.

Разсказывая, она какъ будто старалась сгущать краски, часто употребляла слова: „ужасно, отвратительно, гадко"!—и ей все-таки казалось, что сцена эта въ передачѣ не производитъ такого возмутительнаго впечатлѣнія, что отецъ ея, только-что почти съ испугомъ спросившій ее: „Что же онъ бросилъ тебя? Ушелъ съ какой-нибудь другой женщиной"?—теперь какъ будто успокаивается. И тутъ она спохватилась, что забыла сказать, какъ Эльза держала Митю за ручку, въ то время, какъ цѣловала ея мужа, и стала особенно сильно напирать именно на это.

— Пойми, отецъ, вѣдь при ребенкѣ, при сынѣ! — горячо говорила она.—Дѣлать сына свидѣтелемъ такихъ грязныхъ, гнусныхъ сценъ! Вѣдь это ужасно! Это отвратительно! Митѣ два года—онъ такой развитой мальчикъ, онъ можетъ все понять уже!

„Ахъ, не то! Совсѣмъ не то!—думала она въ то же время про себя.—Гдѣ же я сама-то? Мои-то чувства гдѣ же"?

— Да, это гадко! это гадко!—почти машинально повторялъ Александръ Павловичъ, гладя рукой свѣтло-пепельные волосы дочери.

— Скажи же, отецъ, что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? — выговорила, наконецъ, Вѣра Александровна и, закрывъ лицо руками, откинулась на спинку кресла.

Александръ Павловичъ опять зашагалъ взадъ и впередъ по кабинету, какъ-то тупо глядя себѣ подъ ноги и перебирая пальцами свою длинную сѣдую бороду. Наступило продолжительное молчаніе.

„Не знаю"!—чуть не вырвалось у него на послѣдній вопросъ дочери. Но онъ остановился и подумалъ:—„Что жъ ей, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать? Все это очень индивидуально...—соображалъ онъ.—Одна женщина въ этихъ случаяхъ падаетъ въ истерику, другая надаетъ пощечинъ и на томъ успокоится... Третья можетъ отравиться... Все это очень индивидуально... Тутъ надо считаться и съ темпераментомъ, и съ воспитаніемъ... Да, это ужасно"... И Александръ Павловичъ тяжело опустился на кресло, стоявшее въ противоположномъ отъ письменнаго стола углу. Онъ

Digitized by Google

поднялъ глаза и взглянулъ на дочь. Вѣра Александровна сидѣла съ склоненной нѣсколько на бокъ головой и съ упавшими по бокамъ руками. На щекахъ ея блестѣли еще слѣды слезъ, но теперь ужъ она не плакала и даже, какъ будто, не дышала.

„Какъ она похожа на мать!—подумалъ Александръ Павловичъ. — Такая же стройная, такая же блѣдная! И та тоже въ минуты тяжелыхъ домашнихъ сценъ также склоняла на бокъ голову и роняла руки“... И онъ вспомнилъ, что тоже нѣсколько разъ измѣнялъ своей женѣ, и что та въ концѣ концовъ также узнала объ этомъ, и между ними произошло тяжелое объясненіе. Послѣ этого съ годъ они жили другъ съ другомъ какъ чужіе, а потомъ все сладилось и вошло въ свою колею.

А почему онъ измѣнялъ своей женѣ?... Женѣ, которую онъ такъ всегда горячо любилъ, такъ глубоко уважалъ? Уважалъ,— повторилъ онъ еще разъ про себя. — Да, гораздо больше уважалъ, чѣмъ любилъ. Онъ уважалъ ее за безукоризненную нравственность, за чистоту ея взглядовъ, за святое исполненіе материнскихъ обязанностей, но ласки жены казались ему всегда холодны, сухи. А онъ былъ человѣкъ несомнѣнно чувственный... и животное брало въ немъ иногда верхъ надъ человѣкомъ... И онъ тоже измѣнялъ ей съ разными Эльзами, съ такими же тупыми самками... хотя эти Эльзы и были дамами изъ общества; онъ измѣнялъ ей, ни на минуту никѣмъ не увлекаясь, но ища и находя только одну чувственность,—чувственность, которой совсѣмъ не было въ его женѣ. Онъ не любилъ этихъ самокъ, но ихъ ласки бодрили его плоть, и послѣ нихъ онъ относился къ женѣ еще нѣжнѣе, еще любовнѣе... Когда его измѣна была однажды открыта, онъ почти цѣлую ночь простоялъ на колѣняхъ передъ кроватью жены, клялся ей въ своей глубокой любви и старался объяснить, что между любовью и чувственной страстью нѣтъ ничего общаго. Что любить женщину плотски — это значитъ оскорблять высокое чувство любви, а награждать женщину чувственными ласками, только потому, что глубоко уважаешь и чисто любишь ее—значитъ дразнить животное въ человѣкѣ... Въ то время онъ говорилъ ей все это совершенно искренно и думалъ, что она пойметъ все это. Но она не только не понимала, а оскорблялась, приходила въ ужасъ отъ его словъ. Сказать же ей прямо, откровенно: „Дорогая моя, я люблю тебя чистою, прекрасною любовью! Я уважаю въ тебѣ честную, высоконравственную женщину, никого на свѣтѣ я не любилъ такъ, но ты не зажигаешь во мнѣ огня страсти... Ты наскучила мнѣ, и, ласкаясь, я на самомъ дѣлѣ оскорбляю тебя, такъ какъ

Digitized by Google

дѣлаю это почти насильно, изъ чувства обязанности, а не по влеченію",—сказать это ей прямо, откровенно, онъ не рѣшался, потому что зналъ, какимъ тяжелымъ ударомъ будетъ это для нея, потому что зналъ, что, несмотря на всю возвышенную ея чистоту, она все-таки женщина, а не какая-нибудь фея, безплотный духъ... И она не понимала его. Она не понимала, какъ можно раздѣлить два чувства, какъ могутъ жить эти два чувства одно безъ другого,—и не поняла никогда, и умерла, не понявъ. А онъ, какъ ни старался оправдываться въ своихъ глазахъ, чувствовалъ себя вѣчно виновнымъ передъ нею и проклиналъ въ себѣ животное, мѣшавшее ему быть вполнѣ человѣкомъ... И какъ Вѣра похожа на мать"...

— Вѣра, сколько тебѣ лѣтъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Вѣра Александровна вздрогнула.

— Двадцать-шесть, — тихо отвѣтила она, и потомъ, словно угадавъ мысли отца, вдругъ спросила: — Скажи, отецъ, я некрасива?

Болѣзненно сжалось сердце отъ этого вопроса въ груди Александра Павловича, и онъ понялъ, что и эта женщина также никогда не пойметъ, какъ можно раздѣлить два чувства, и будетъ такъ же страдать, какъ страдала его покойница жена.

„Красива ли она? Но развѣ мать ея не была прекрасной? Эти большіе сѣрые задумчивые глаза, этотъ нѣжный овалъ блѣднаго личика, эта стройная, гибкая фигура, все это она унаслѣдовала отъ матери, но... ахъ, не въ красотѣ тутъ дѣло! Животное, проклятое животное сидитъ въ человѣкѣ"...

— Вѣра, я не судья твоей красотѣ. Ты для меня прекрасна! Когда ты родилась, Вѣра, когда я впервые увидалъ твое красненькое, сморщенное личико, съ большимъ ртомъ, опухшими глазами, съ конической, какъ у всякаго только-что родившагося ребенка, головкой, я уже понялъ, что ничего въ мірѣ нѣтъ болѣе красиваго для меня! Ты вѣдь мой первенецъ! Я любилъ уже тебя, когда не было тебя и на свѣтѣ... Ты знаешь, какъ я любилъ вашу мать, ты такъ похожа на нее... Такъ какъ же я тебѣ могу отвѣтить на вопросъ: красива ли ты?

— А почему же ты, отецъ, спросилъ меня, сколько мнѣ лѣтъ?

Александръ Павловичъ насупился и промолчалъ. Онъ не хотѣлъ ей солгать, но не могъ сказать и правды.

Опять наступила долгая пауза. Вѣра Александровна не только не хотѣла говорить, но не хотѣла и думать. Она ждала всего отъ отца. Онъ долженъ былъ рѣшить, и какъ рѣшитъ онъ, такъ и будетъ... Впрочемъ, нѣтъ. Она, можетъ быть, и не въ состоя-

Digitized by Google

ніи будетъ подчиниться его рѣшенію, и тогда... Что же тогда? Двадцать-шесть лѣтъ... Зачѣмъ онъ спросилъ объ этомъ? А воображеніе ея почему-то рисовало фигуру ея мужа, этого красиваго, плотнаго брюнета, съ мужественнымъ и свѣжимъ лицомъ, съ упругими движеніями, съ такимъ ровнымъ, красивымъ голосомъ... Она знала, что мужъ ея красавецъ, и что всѣ его считаютъ такимъ. Она знала, что не одна женщина завидовала ей, тѣмъ болѣе, что репутація Дмитрія Платоновича, какъ мужа, была безукоризненна... И вдругъ онъ оказался такимъ грязнымъ, такимъ ничтожнымъ... Онъ, этотъ изящный и духовно, и физически человѣкъ, унизился до какой-то Эльзы... Ну, увлекись онъ еще женщиной, стоящей на высшемъ нравственномъ уровнѣ, увлекись онъ умомъ, душою, талантомъ, а то увлечься кухаркой, горничной... вѣдь Эльза такая же кухарка, горничная, только говорящая по-французски... Вотъ это-то и гадко! Это-то и омерзительно... Три года, какъ она за нимъ замужемъ. Въ эти три года она замѣчала иногда, что мужъ какъ будто начиналъ охладѣвать къ ней, и воображеніе ея подсказывало ей возможность измѣны; ей казалось, что она обдумала и передумала все... Въ сердцѣ своемъ она рѣшала, что когда она убѣдится, что мужъ ея полюбилъ другую, она подойдетъ и совсѣмъ просто скажетъ ему: „Ты нашелъ болѣе достойную женщину,—что же, будь счастливъ съ ней... Я не эгоистка! Я не хочу жертвъ! Иди къ своей избранницѣ, будь счастливъ съ нею, а я посвящу всю свою жизнь сыну, потому что всякая другая жизнь для меня кончена“. И она уйдетъ, гордая исполненнымъ долгомъ, она не унизится ни до слезъ, ни до пошлыхъ сценъ,—она не самка, не жалкая женщина, а прежде всего женщина-человѣкъ... А что теперь она можетъ сказать мужу? „Иди къ своей Эльзѣ и цѣлуйся съ ней! А я, я тебя презираю за то, что ты осквернилъ во мнѣ любовь мою, что, любя тебя такъ чисто, такъ сильно, я любила грязное животное съ самыми низменными инстинктами, животное безъ убѣжденій, безъ догмата, безъ идеала, что, можетъ быть, ты отравилъ своею кровью и кровь моего сына... Бѣдный ребенокъ понесетъ на себѣ твой грѣхъ“! Оставь онъ ее для лучшей женщины, она не перестала бы его уважать, она не стала бы стыдиться своей прошлой любви къ нему, а теперь, теперь... кого она любила“!

— Вѣра, поговоримъ о твоемъ мужѣ.—произнесъ вдругъ изъ своего угла Александръ Павловичъ.

Вѣра подняла глаза на отца, а тотъ всталъ и опять зашагалъ по кабинету.

Digitized by Google

— Вѣра, ты вышла замужъ не ребенкомъ. Тебѣ уже было двадвать-три года, когда твой выборъ остановился на Корецкомъ. А вѣдь и до него жениховъ было не мало. Тебя не соблазнилъ даже примѣръ младшей сестры, Зины, на семнадцатомъ году выскочившей за Батулина. Зина уже была матерью, когда ты строго обдуманно рѣшила сдѣлать этотъ шагъ. Я согласился на свадьбу Зины, потому что видѣлъ въ Батулинѣ мягкаго, симпатичнаго человѣка; а когда Корецкій попросилъ твоей руки, ты знаешь, что я сказалъ: „Вѣра не сдѣлаетъ дурного выбора". Три года ты жила съ мужемъ, и никогда я не слышалъ отъ тебя ни одного слова раскаянія, или даже просто недовольства, тогда какъ Батулины, то одинъ, то другой, то-и-дѣло ѣздятъ ко мнѣ жаловаться другъ на друга. У нихъ вѣчно какой-то сумбуръ, вѣчно какія-то недоразумѣнія. И вотъ ты представь себѣ, что за Зину я совершенно спокоенъ, а за тебя... я всегда какъ-то... боялся —и... именно за тебя, Вѣра, а не за Корецкаго...

— Что жъ ты думалъ, что я могла измѣнить мужу?—сухо спросила Вѣра.

— О, нѣтъ! Сохрани Богъ! Нѣтъ, но мнѣ казалось, что ты слишкомъ... какъ бы это сказать?.. строга къ жизни... Тебѣ недоступенъ никакой компромиссъ...

— Отецъ, а кто...

— Знаю, знаю, голубка моя, что ты скажешь!—остановилъ Александръ Павловичъ Вѣру.—Знаю, что я старался воспитать тебя именно такою. И именно о компромиссѣ-то я и говорилъ тебѣ всегда, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ компромиссы... Что сегодня сдѣлаешь маленькую уступку, завтра сдѣлаешь уступку, а тамъ, смотришь, отъ идеала-то ничего и не осталось. Знаю, что я самъ тебѣ говорилъ, что жизнь безъ всякаго догмата—не жизнь, а жалкое прозябаніе... Вѣра! но пойми ты, что меня самого всегда заѣдалъ рефлексъ! Что я всю жизнь садился между двухъ стульевъ, и мнѣ такъ не хотѣлось, чтобы дѣтей моихъ постигла та же печальная участь. И я всѣми силами старался создать вамъ нѣчто ясное, опредѣленное... догматъ! понимаешь, хоть маленькій, но опредѣленный догматъ!.. И ты, Вѣра, была толковой ученицей. Зина—какъ тебѣ сказать?—та житейскій человѣкъ.

— А я, стало быть, не приспособлена къ жизни?—грустно проговорила Вѣра.

Александръ Павловичъ началъ ерошить рукой свои сѣдые волосы.

— Нѣтъ, не то! Это не такъ,—заговорилъ онъ, помолчавъ немного.—Компромиссовъ дѣлать не слѣдуетъ, но... и людей, съ

Digitized by Google

которыми мы сталкиваемся, съ которыми мы живемъ, надо принимать таковыми, какъ они есть... Надо считаться съ ихъ слабостями, съ ихъ недостатками... Надо, понимаешь, быть толерантнымъ... Не къ себѣ, а къ людямъ... Къ себѣ надо быть строгимъ, а къ другимъ—снисходительнымъ.

— Стало быть, надо все простить?

— Понять надо, Вѣра, *понять*! — проговорилъ Александръ Павловичъ, и тутъ сейчасъ же вспомнилъ, что самъ-то онъ уже давно рѣшилъ, что люди никогда не поймутъ другъ друга, что самые близкіе, самые родные люди, а всегда говорятъ на разныхъ языкахъ; если бы можно было проговорить съ кѣмъ-нибудь хоть сто лѣтъ, а договориться до чего-нибудь все-таки нельзя, такъ какъ каждый понимаетъ все по-своему. И вѣчное недоразумѣніе есть общій удѣлъ людей... Шестнадцать лѣтъ онъ прожилъ съ своей женой, женщиной развитой и умной, а уходя въ другой міръ, она такъ и не узнала, что онъ хотѣлъ сказать. И онъ не могъ понять: какъ это она не понимаетъ его... Что же онъ теперь скажетъ дочери? Дочери, которой онъ столько лѣтъ прививалъ чистые идеалы, строго-этическія правила... Чистые идеалы, которыхъ самъ не держался!—не могъ держаться, какъ онъ объяснялъ самъ себѣ правила, которыя онъ подходя нарушалъ. Да вотъ хоть бы теперь... Что особеннаго произошло? Мужъ ея, человѣкъ вообще безукоризненный, честный, умный, любящій, сошелся съ бонной... Можетъ быть, не сегодня, не вчера, а уже давно... И ничего она этого не знала, стало быть, связь эта нисколько не отражалась на немъ въ отношеніяхъ къ женѣ, къ семьѣ... Конечно, это гадкая, грязная связь... Но не наткнись она на эту скверную сцену въ дѣтской, и она жила бы въ счастливомъ невѣдѣніи, покамѣстъ эта бонна не надоѣла бы самому мужу, и онъ не отдѣлался бы отъ нея какимъ-нибудь путемъ... Конечно, все это грязно, гадко! Но ей это уже представляется страшнымъ преступленіемъ, катастрофой... Ей кажется, что вся уже жизнь разбита, что простить этого нельзя, и человѣкъ, котораго она вчера еще такъ сильно и страстно любила, сегодня сталъ ей чужимъ, совсѣмъ чужимъ... Для нея не существуетъ компромисса, нѣтъ оправданія, потому что сама она никогда бы не нарушила своего супружескаго долга, а между тѣмъ... А что между тѣмъ"?—вдругъ остановилъ онъ себя.—„Не потому ли я такъ снисходителенъ, что самъ, самъ нарушалъ этотъ долгъ... И нарушалъ, можетъ быть, хуже и чаще, чѣмъ ея мужъ... Не къ себѣ ли я снисходителенъ? И не она ли права, вполнѣ, безусловно права? Вѣдь если бы Корецкій сдѣлалъ какое-нибудь

Digitized by Google

преступленіе, проворовался, что-ли, сдѣлалъ бы какой-нибудь мошенническій подлогъ, т.-е. совершилъ бы что-нибудь такое, чего я самъ не совершалъ и не могъ совершить—также ли бы былъ я снисходителенъ? Не потребовалъ ли бы я, чтобы моя дочь бросила опозорившаго себя мужа? Не возмутился ли бы я противъ нея самой, если бы она простила ему тотъ проступокъ, совершенный не только не противъ нея, но, можетъ быть, даже ради нея, ради семьи. А теперь, когда на грѣхъ Корецкаго, какъ эхо, отзываются мои прошлые грѣхи, я готовъ оправдать его... простить...

— Вѣра,—повернулся онъ вдругъ къ дочери.—Я не могу рѣшить твоего вопроса.

— Отецъ!—почти вскрикнула Вѣра Александровна и поднялась съ мѣста.—Какъ не можешь? что же мнѣ дѣлать?

Она чувствовала теперь, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ и непремѣнно кѣмъ-нибудь другимъ, а не ею.

— Отецъ! что же мнѣ дѣлать?—повторила она.

— Не знаю,—глухо проговорилъ онъ и опять опустился на кресло.

Вѣра подошла къ нему и остановилась испуганная, трепещущая.

— Но я брошу его! Я уйду! Я возьму сына,—угрожающе проговорила она.

— Твое дѣло... Твое дѣло. Мой домъ всегда открытъ для тебя, Вѣра,—глухо отвѣтилъ онъ, говоря въ то же время себѣ: „А можетъ быть, она и права... Можетъ быть, прощать этого нельзя, не слѣдуетъ. И люди были бы лучше, если бы были строже, и къ себѣ, и къ другимъ.

— Твое дѣло,—повторилъ онъ опять и поцѣловалъ склонившуюся къ нему Вѣру.

„Такъ вотъ онъ, вопросъ, и рѣшенъ... Я ушла, ушла совсѣмъ... Прошлаго нѣтъ, а есть только будущее и Митя“... думала Вѣра Александровна, но думала какъ-то холодно, безучастно.

Она стояла на колѣняхъ передъ кресломъ отца и задумчиво разсматривала узоръ лежавшаго подъ ногами ковра.

— Я пройду къ тетѣ, папа!—проговорила она черезъ минуту, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

Она чувствовала усталость, и словно что-то давило ей на плечи.

— Поди, поговори съ ней,—сказалъ Александръ Павловичъ.

Вѣра вышла изъ кабинета, а онъ остался въ своемъ креслѣ задумчивый, грустный.

Digitized by Google

IV.

Екатерина Павловна, сестра Александра Павловича, сидѣла въ своемъ любимомъ уголку, что-то вязала и ворчала на компаньонку, Глафиру Ивановну. Екатеринѣ Павловнѣ было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Лицо ея очень напоминало лицо ея брата, только безъ его старческой красоты. Ея большіе, выпуклые глаза смотрѣли на всѣхъ вопросительно и удивленно. Она обладала нѣкоторыми странностями и привычками, вообще свойственными всѣмъ старымъ дѣвамъ. Такъ, она любила комнатныхъ собачекъ, и возлѣ нея всегда хрипѣлъ старый мопсъ, ворчала облѣзлая крысоловка, а на диванчикѣ, подъ теплымъ платкомъ, дрожала мелкой дрожью отвратительная собачонка, лишенная всякой шерсти, такъ называемой африканской породы.

Екатерина Павловна курила длинныя, тоненькія папиросы, при чемъ пепелъ съ нихъ стряхивала въ одну пепельницу, а окурки и спички складывала въ другую. Одѣвалась она довольно небрежно, голову чесала совсѣмъ гладко и терпѣть не могла никакихъ чепцовъ. При поверхностномъ знакомствѣ она производила впечатлѣніе особы недалекой, но несомнѣнно любящей пооригинальничать. Насмѣшливая улыбка почти не сходила съ ея полуоткрытыхъ поблекшихъ губъ.

— А! Вѣрочка, здравствуй! Какимъ вѣтромъ тебя занесло?— привѣтствовала она вошедшую къ ней племянницу.

Екатерина Павловна сразу разглядѣла, что Вѣра Александровна сильно разстроена, что лицо ея блѣдно, и что она пришла съ „серьезнымъ разговоромъ", но сдѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ этого.

— Садись, садись! Гостьей будешь!—продолжала Екатерина Павловна, очищая отъ разныхъ тряпокъ, мотковъ шерсти и корзиночекъ стоявшее возлѣ нея кресельце. — Глафира Ивановна, благоволите удалиться!—повернулась она къ компаньонкѣ.

Глафира Ивановна сдѣлала обиженное лицо и беззвучно, на цыпочкахъ, вышла.

— А у меня вчера Зина была, весь вечеръ сидѣла,—продолжала Екатерина Павловна.—На мужа пріѣзжала жаловаться! Потѣха! Я ужасно люблю, когда она на мужа жалуется. И чего только не наговоритъ! Совсѣмъ какъ романъ читаешь... А ея Василій Ивановичъ—настоящій теленокъ... Вотъ, смотри, сегодня онъ пріѣдетъ, будетъ на жену жаловаться. А завтра оба съѣдутся и цѣловаться начнутъ. Безъ нихъ мнѣ бы скучно было.

Digitized by Google

— А я къ вамъ тоже на мужа жаловаться, — съ кривою улыбкой выговорила Вѣра и вдругъ почувствовала, что обидѣла сама себя этимъ несвойственнымъ ея положенію тономъ.

— Вотъ какъ? — насторожилась Екатерина Павловна, но сейчасъ же почти совсѣмъ равнодушно прибавила:—Что-жъ, жалуйся, я люблю это. Глафира Ивановна прескверно читаетъ, а у меня самой глаза слабы. Ну, а, какъ старая дѣва, романы я люблю.

— Тетя, у меня не романъ, — серьезно, почти строго проговорила Вѣра.

Екатерина Павловна перемѣнила тонъ и тоже сдѣлалась серьезна.

— Что случилось?—тихо спросила она.

— Дмитрій мнѣ измѣнилъ,—съ трудомъ выговорила Вѣра Александровна.

Екатерина Павловна схватила вязанье и быстро-быстро принялась шевелить спицами.

— Я рѣшила оставить мужа, взять сына и жить одна,—продолжала Вѣра.

— Съ кѣмъ? — коротко спросила Екатерина Павловна, не отрывая глазъ отъ работы.

— Я буду жить пока съ вами,—не понявъ вопроса, отвѣтила Вѣра Александровна.

— Не то... Съ кѣмъ измѣнилъ-то?

— Съ Эльзой.

Екатерина Павловна положила вязанье на столикъ и, широко открывъ глаза, уставилась на племянницу.

— Это съ нѣмкой-то?—переспросила она.

— Она не нѣмка, швейцарка,—поправила Вѣра.

— Все равно... Прогони ее!—совсѣмъ просто сказала Екатерина Павловна и опять принялась вязать.

Теперь Вѣра Александровна, въ свою очередь, удивленно посмотрѣла на тетку.

— Какъ! только?

— А развѣ ты въ состояніи сдѣлать что-нибудь большее?

— Я вамъ сказала, что я уйду отъ него.

— А ты любила, т.-е. любишь своего мужа?

— Да, я его любила,— горячо заговорила Вѣра Александровна.—Я его любила такой сильной любовью, такимъ чистымъ, святымъ чувствомъ!.. Но теперь, теперь онъ мнѣ ненавистенъ, гадокъ, теперь одна мысль о немъ уже вызываетъ во мнѣ отвращеніе...

Digitized by Google

— Когда это случилось?

— Т.-е., что „это"?

— Ну, когда ты узнала, что онъ измѣняетъ тебѣ?

— Сегодня утромъ.

— А! — И спицы опять быстро забѣгали въ рукахъ Екатерины Павловны.

Вѣра Александровна сидѣла и молча смотрѣла на тетку. Она теперь уже жалѣла, что заговорила съ ней объ этомъ. Она чувствовала, что горе ея не встрѣтило здѣсь надлежащаго отклика, что оно оскорблено этимъ невниманіемъ; что тетка, всегда относившаяся къ ней съ такой любовью и даже какъ бы уваженіемъ, ставитъ ее теперь на одну доску съ Зиной. Она сама, одна, должна была рѣшить свой вопросъ, а не метаться, не бѣгать, не спрашивать, какъ поступить ей.

— Скажи, пожалуйста, тебя мужъ никогда не билъ?—вдругъ совершенно неожиданно спросила Екатерина Павловна.

— Что вы?! что вы говорите. тетя?!—задыхаясь, переспросила Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, я такъ. Ты думаешь, что мужья никогда не бьютъ женъ? Еще какъ бьютъ-то! Представь себѣ, Зина увѣряетъ, что ее мужъ билъ два раза! Только я этому не вѣрю. Я думаю, что она сама его скорѣй поколотила, а сгоряча подумала, что это онъ ее бьетъ... У Зины бываютъ самыя неожиданныя представленія.

— Къ чему вы все это говорите, тетя?

— Такъ, ни къ чему... Твой мужъ, вѣроятно, любитъ много разговаривать? Ты знаешь, мужчины вообще гораздо больше разговариваютъ, чѣмъ женщины. Женщины просто болтаютъ и иногда ужасно много, вотъ какъ я... А мужчины все разговариваютъ, все разговариваютъ... впрочемъ, не съ женами. Мужья съ женами не разговариваютъ, а все объясняются. Лѣтъ двадцать другой разъ объясняются. Дуются, дуются, а потомъ вдругъ: „Нѣтъ, такъ невозможно! Давайте, объяснимся наконецъ рѣшительно разъ навсегда"! И пойдутъ объясняться. Объясняются, объясняются, а потомъ опять надуются. А потомъ вдругъ неожиданно поцѣлуются и цѣлуются до тѣхъ поръ, пока не начнутъ объясняться... Это тѣ, которые любятъ другъ друга. А которые не любятъ—молчатъ, молчатъ, да и подерутся—и дерутся до тѣхъ поръ, пока не разойдутся окончательно... Впрочемъ и любящіе иногда дерутся. Но зато потомъ и ревутъ же! На колѣняхъ другъ передъ другомъ ползаютъ, прощенья просятъ... Зина всегда у мужа на колѣняхъ прощенія проситъ... А потомъ и Василій Ивановичъ передъ ней на колѣни бухнется... И оба плачутъ...

Digitized by Google

Такіе забавные! Я всегда ему говорю: Василій Ивановичъ, не вставайте передъ Зиной на колѣни, не просите у нея прощенія, зачѣмъ вы ее несчастной дѣлаете? Потому, что женщина, какъ только почувствуетъ, что она права и что передъ ней кто-нибудь виноватъ, въ своей винѣ сознаётся и прощенья проситъ,— она ужасно несчастна дѣлается. Первое удовольствіе для женщины—быть жертвой. Женщина, что карась — любитъ, чтобы ее „жарили въ сметанѣ". Безъ тирана женщина жить не можетъ. Безъ тирана женщина, какъ Зина, все будетъ плакать, да жаловаться, да своего Василія Ивановича по головѣ туфлей бить за то, что онъ ее не тиранитъ...

— Почему же вы, тетя, замужъ не вышли, если считаете, что для женщины такъ необходимъ тиранъ?

— Не взялъ никто, матушка! А то бы вышла, конечно! Но безъ тирана и я жить, какъ всякая женщина, не могу. Вотъ мои тираны!—И она указала рукой на собачонокъ. — И вѣдь какая дрянь-то! Особенно вотъ этотъ, Абрикосъ!—И она слегка толкнула ногой хрипѣвшаго на коврѣ мопса. Мопсъ сердито заворчалъ и злобно схватилъ ее за туфлю. — Видишь! Видишь! хорошо, что онъ теперь беззубый, а прежде, бывало, до крови пробусывалъ. И вотъ представь себѣ, что его-то я больше всѣхъ и люблю. Посмотри ты, какія собаки у мужчинъ бываютъ. Въ глаза хозяину смотритъ, ластится, и чѣмъ больше онъ ее бьетъ, тѣмъ больше она его любитъ. А у насъ, у старыхъ дѣвъ, собачонки презлющія, надменныя, погладить себя не позволитъ, а блоха его укуситъ, такъ подходитъ и требуетъ, чтобы ты его мизинцемъ почесала; а какъ надоѣстъ ему, тебя же за палецъ схватитъ... Ты видала, какъ старыя дѣвы по саду съ собачкой гуляютъ? Не собака за ней, а она за собакой. И чѣмъ вотъ этакая дрянь больше капризничаетъ, тѣмъ больше она нашему сердцу пріятна, потому что тиранъ, а безъ тирана намъ и жизнь не въ жизнь. Ну, вонъ, посмотри на Аидку. Лежитъ она цѣлый день на диванѣ подъ теплымъ платкомъ, да и то дрожитъ. Ни красы, ни радости. Конечно, люблю я ее, но больше изъ сожалѣнія, и не столько люблю, сколько сочувствую ей, потому что и мнѣ годъ отъ году все холоднѣе становится и я все въ платки кутаюсь... А вотъ Абрикосъ! Совсѣмъ другое дѣло! Абрикосъ деспотъ, Абрикосъ мой повелитель... Абрикосъ! Абрикосикъ! Абрикосинька! Поди сюда! Поди, миленькій!—начала Екатерина Павловна ласково манить мопса; но тотъ сначала сердито зарычалъ, а потомъ поднялся на ноги и направился, неуклюже переваливая свое жирное туловище, совсѣмъ въ противоположный

Digitized by Google

отъ хозяйки уголъ комнаты. — Видишь, видишь, я его къ себѣ зову, а онъ нарочно отъ меня уходитъ! Абрикосинька! голубчикъ, да поди сюда!—продолжала она.

Но мопсъ, видимо выведенный изъ терпѣнія ея приставаніями, злобно посмотрѣлъ на нее своими черно-желтыми глазами и хрипло залаялъ.

Вѣра Александровна не могла удержаться отъ улыбки.

— Что же вы всѣмъ этимъ хотите сказать, тетя?—спросила она, немного помолчавъ и дѣлаясь снова серьезной.

Екатерина Павловна закуривала въ это время свою длинную папиросу.

— Что же вы хотите сказать?—продолжала Вѣра:—что женщина должна находиться всегда въ подчиненіи у мужчины? Что женщина—раба даже по самой натурѣ своей? Что женщину нужно бить? Но вы забываете, что женщина — мать, что женщина воспитываетъ своихъ дѣтей; а какое же воспитаніе можетъ дать загнанная, забитая раба? Кого, кромѣ рабовъ же, можетъ и воспитать она? Это, что-ли, вы хотите сказать, тетя?

— Ахъ, какая ты, Вѣра, умная! Какъ мнѣ всегда пріятно тебя слушать! — проговорила Екатерина Павловна, пуская тонкую струйку дыма.—Дѣйствительно, какъ подумаешь, что у каждаго мужчины была мать... Знаешь, Вѣруша, одна старушка пришла разъ на Марсово-поле, а тамъ въ это время какой-то смотръ съ церемоніей происходилъ... Солдатъ, солдатъ тысячи... Смотрѣла, смотрѣла она, всплеснула руками да и спрашиваетъ у одного изъ землячковъ: „Солдатушки-батюшки! Неужели у каждаго изъ васъ по матушкѣ“?.. А вотъ ты сказала, что рабыня можетъ воспитать только раба. Я, Вѣруша, плоха въ исторіи, но все-таки мнѣ помнится, что не мало великихъ людей, не мало грозныхъ деспотовъ были сыновьями рабынь... Да чего далеко ходить! Вѣдь Абрикоса-то я сама воспитала... Ты прости, Вѣра, я все пустое болтаю,—тебя, можетъ, это раздражаетъ въ твоемъ положеніи?

— Нѣтъ, тетя, не раздражаетъ, но въ вашихъ словахъ я не вижу отвѣта на мой вопросъ.

— Т.-е. на какой вопросъ, Вѣруша? Что женщина всегда должна находиться въ подчиненіи у мужчины? Что женщину нужно бить? На эти, что-ли, вопросы, Вѣруша? Такъ я всю жизнь свою никогда не знала, что должно быть и что нужно? Я знала только, что бываетъ и что дѣлается, а что должно, что нужно—это ужъ не моего ума дѣло.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не на этотъ вопросъ, тетя. Вы мнѣ не отвѣтили, какъ должна поступить я въ моемъ настоящемъ положеніи?

— Не знаю, голубушка, — грустно отвѣтила Екатерина Павловна и стряхнула пепелъ въ одну изъ пепельницъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — почти простонала Вѣра и, поднявшись съ кресла, принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Никто ничего не знаетъ. Никто ничего не хочетъ сказать! Ни отецъ, ни вы!..

— Никто не можетъ сказать, Вѣруша, потому что это вопросъ чувства, а чувства не разсудишь.

— Но послушайте, послушайте!—заговорила Вѣра, останавливаясь передъ теткой. — Мой мужъ, котораго я такъ чисто, такъ горячо любила, мой мужъ, котораго я считала такимъ прекраснымъ, идеальнымъ человѣкомъ, вдругъ оказывается грязнымъ, мелкимъ пошлякомъ, потому что кто же, кромѣ грязнаго пошляка, можетъ упиваться ласками всякой кухарки, всякой горничной!.. Вѣдь, тетя, поймите! Вѣдь это чувство постыдное, грязное, дрянное! Вѣдь эти отношенія унизительны для человѣка!

— Ахъ, милая, перестань, пожалуйста!—перебила ее вдругъ тетка съ напускной брезгливостью.—Не забывай, что я дѣвушка! Про любовь я готова говорить сколько угодно, а ужъ отъ этихъ гадостей ты меня уволь! Будемъ говорить про любовь.

— Но, тетя, тутъ нѣтъ никакой любви! Тутъ только одно...

— А если нѣтъ никакой любви, такъ про что же мы разговариваемъ?

Вѣра какъ будто растерялась и вопросительно посмотрѣла на тетку.

— Да, да, милая! Тутъ грязь, а... а про грязь не разговариваютъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, если меня окунули въ эту грязь?— почти крикнула Вѣра.

— Хорошенько вымыться.

— Тетя, не говорите со мной такимъ тономъ! Ради Бога, не говорите! Неужели вы не понимаете, какъ я страдаю! Пожалѣйте меня!

— Вѣруша, поди сюда! Сядь здѣсь, поближе!—тихо проговорила Екатерина Павловна и, положивъ окурокъ въ пепельницу, подвинулась слегка на диванчикѣ. Вѣра опустилась рядомъ съ ней.

Екатерина Павловна нѣжно обняла ея плечи и, прижавъ ее къ своей груди, любовно поцѣловала ея бѣлый лобъ.

— Вѣруша, милая,—тихо заговорила она.—Неужели ты ду-

Digitized by Google

маешь, что я тебя не жалѣю! Да не одну тебя я жалѣю! И тебя, и мужа твоего, и твоего отца, и всѣхъ, всѣхъ людей... Во мракѣ мы, Вѣруша! И всю-то жизнь мы живемъ въ туманѣ. Все-то мы стараемся запутать, затемнить, и чѣмъ больше рѣшаемъ какой-нибудь вопросъ, тѣмъ сильнѣе его запутываемъ... Когда ты, Вѣруша, замужъ выходила, вѣдь тебѣ это казалось страшно серьезнымъ... А почему это было серьезно — ты не могла бы дать отчета... А когда Зина выходила замужъ — всѣмъ это казалось ужасно несерьезно, и всѣ мы тогда покачивали головами, и ты въ томъ числѣ, и всѣ твердили одно и то же: „Ахъ, Боже мой! Какъ это она такъ дѣлаетъ? Да слѣдуетъ ли это допускать? Да можно ли соглашаться на свадьбу, которая устраивается такъ несерьезно“! А Зина кричала, плакала: „Хочу замужъ! Хочу замужъ“! И вотъ ты вышла серьезно, а она несерьезно, а результатъ одинъ и тотъ же получился. И ты замужемъ, и она замужемъ. И у тебя ребенокъ, и у нея дѣти... А потомъ Зина сколько разъ прилетала вотъ сюда и кричала: „Нѣтъ, кончено! Я больше жить съ мужемъ не буду! Я брошу его“! И ревѣла, и головой—объ мягкую, впрочемъ,—спинку дивана билась, а мы всѣ улыбались... Знали, что это не серьезно. Знали, что завтра же она будетъ цѣловаться съ своимъ Василіемъ Ивановичемъ и обожать его пуще прежняго... И вотъ ты сегодня пріѣхала и говоришь совершенно уже серьезно, что хочешь бросить своего мужа... Почему ты тогда не вѣрила? Почему ты знала, что Зина Василія Ивановича не броситъ, а только прическу себѣ объ диванъ растреплетъ?

— Да потому, тетя, что я знала, что Зина любитъ своего мужа.

— А ты развѣ своего мужа не любишь?

— Но Василій Ивановичъ никогда ни въ чемъ не былъ виноватъ передъ Зиной.

— Ну, а еслибъ онъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ? Тогда бы ты сказала сестрѣ: „Зина, брось своего мужа и уйди отъ него“?

Вѣра отшатнулась отъ тетки и серьезно проговорила:

— Да, сказала бы, тетя.

— Что жъ? Тогда брось своего мужа и уйди отъ него,—почти холодно проговорила тетка.

— Я такъ и сдѣлаю.

— А потомъ выростетъ твой сынъ и тоже въ чемъ-нибудь провинится противъ тебя, и ты тоже бросишь и уйдешь отъ него... И всѣ люди мало-по-малу передъ тобой провинятся, —

Digitized by Google

потому что мы всѣ виноваты другъ передъ другомъ,—и ты отъ всѣхъ людей уйдешь, и будешь ты жить чистая, непорочная, святая, среди этихъ скверныхъ, дрянныхъ, грѣшныхъ людей... А Зина будетъ жить съ людьми въ любви да въ согласіи. Помни, Вѣра, „полюби міръ—и онъ весь твой"; полюби одну себя—и ты всѣхъ потеряешь...

— Тетя! Вы проповѣдуете всепрощеніе, мало того, вы хотите примирить съ грѣхомъ и порокомъ... Да имѣемъ ли мы право это дѣлать, если наша мысль, наше нравственное чувство возмущается противъ всего этого?

На этотъ разъ уже Екатерина Павловна не знала, что сказать, и закурила новую папиросу.

— Твое дѣло, Вѣра, твое дѣло! — закончила она тѣми же словами, которыя вырвались и у Александра Павловича въ концѣ разговора съ дочерью.

„Ну, вотъ вопросъ и рѣшенъ!.. Стало быть, я ухожу отъ мужа... Стало быть, я остаюсь одна, съ сыномъ"...—опять думала Вѣра, совершенно машинально гладя шаршавую кожу Аидки, вылѣзшей изъ-подъ платка и забравшейся къ ней на колѣни.

Наступило продолжительное молчаніе, и тишина нарушалась только храпомъ спавшаго въ углу мопса да чуть слышнымъ постукиваніемъ маятника старыхъ каминныхъ часовъ.

V.

Дверь слегка пріотворилась, и компаньонка, Глафира Ивановна, просунула свою голову.

— Кататься не поѣдете?—спросила она.

— Нѣтъ, не поѣду,—разсѣянно отвѣтила Екатерина Павловна и потомъ, взглянувъ въ окно, добавила:—вонъ, дождикъ какой идетъ! Куда теперь кататься? Не поѣду.

Вѣра встрепенулась и встала съ дивана.

— До свиданія, тетя,—проговорила она, наклоняясь и цѣлуя тетку.

— Ты куда же?—спросила та.

— Къ Митѣ. Онъ теперь у Батулиныхъ,—отвѣтила Вѣра Александровна и неторопливо вышла изъ комнаты.

По дорогѣ она зашла въ кабинетъ къ отцу. Александръ Павловичъ сидѣлъ у письменнаго стола и что-то писалъ.

— До свиданія, папа!—сказала Вѣра, цѣлуя отца въ голову.

— Ты домой?—спросилъ тотъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, къ Батулинымъ. Тамъ Митя. Я, вѣроятно, сегодня же переѣду къ вамъ. Вещи можно будетъ и послѣ, а я съ Митей переѣду сегодня, — стараясь придать твердость голосу, заключила Вѣра и пошла изъ кабинета.

Александръ Павловичъ глубоко вздохнулъ.

Сырой, холодный воздухъ охватилъ ее, когда она вышла изъ подъѣзда. Моросилъ мелкій дождь, налетали маленькіе вихри вѣтра и хлестали, брызгали водою. Опять лихорадочная дрожь пробѣжала по спинѣ Вѣры Александровны, когда она, завернувшись въ ротонду, усѣлась въ извозчичьи дрожки.

„Никто ничего не отвѣтилъ, никто ничего не сказалъ"... думала она. Впрочемъ, нѣтъ!.. Они говорили, но никто изъ нихъ не подтвердилъ ея рѣшенія, не поддержалъ ее. „Твое дѣло... Твое дѣло..." вотъ что говорили они... Да почему же они ее считаютъ такой большой, серьезной, что не хотятъ вмѣшаться въ ея дѣло, помочь ей, подтвердить, что она права? А ей такъ это нужно... Она знаетъ, что она права, но услыхать подтвержденіе—о! какъ бы она желала, чтобы кто-нибудь изъ близкихъ или изъ любящихъ сказалъ ей:—да, ты права, поступай такъ!—И вдругъ ей вспомнилась ея свадьба. Она уже цѣлый годъ была знакома съ Корецкимъ, когда онъ, наконецъ, рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Именно рѣшился... Она видѣла, что онъ давно уже любитъ ее, но сомнѣвается во взаимности... И она любила его, но ей хотѣлось хорошо, точно провѣрить свое чувство. Когда онъ приходилъ, она радовалась. Когда его долго не было, ей было не по себѣ. Другіе люди мало-по-малу утратили для нея всякій интересъ, и оживлялась она только съ нимъ однимъ... Для него она думала, для него запоминала свои мысли... У него искала отвѣтовъ и находила ихъ... Наконецъ, она почувствовала, что съ сердцемъ ея творится что-то необычное. Когда онъ бралъ ея руку, она вся вздрагивала, и она начала уже терять способность говорить съ нимъ... А его взглядъ, страстный, влюбленный, заставлялъ ее трепетать... И она поняла, что любитъ его, и что теперь или она должна стать его женою, или не видѣть его никогда уже больше, такъ какъ встрѣчи ихъ пріобрѣли какой-то странный, грѣховный оттѣнокъ... И онъ понялъ это и сдѣлалъ ей предложеніе. Она помнитъ, какъ она вся похолодѣла, услыхавъ рѣшительное слово, но въ то же время почувствовала, что жить безъ него уже не можетъ, и сказала: да... И тогда, какъ и теперь, всѣ вдругъ стали уклончивы. Когда она объявила отцу, онъ какъ будто испугался, долго ничего не могъ отвѣтить, а потомъ тоже сказалъ: „Твое дѣло, Вѣра, твое

Digitized by Google

дѣло". И тетка какъ-то вся съёжилась, бросила свои шутки и тоже твердила: „Твое дѣло... твое дѣло"! А она отлично знала, что Корецкаго и любятъ, и уважаютъ въ ихъ домѣ. И они—т.-е. она и мужъ—сами сдѣлали свое дѣло... Совсѣмъ не такъ было съ Зиной. Когда Батулинъ сдѣлалъ предложеніе, а Зина, и плача, и смѣясь, заявила, что она непремѣнно хочетъ за него замужъ, начались аханья, разговоры, пересуды... Всякій высказывалъ свое мнѣніе: кто говорилъ, что Зина еще молода, а у Батулина нѣтъ прочнаго положенія; кто говорилъ, что ждать особенно нечего, потому что парочка хоть куда; кто говорилъ, что у Батулина слишкомъ мягкій характеръ, а Зину надо держать въ рукахъ; а кто утверждалъ, что у Зины такое доброе сердечко, что съ нею всякій мужъ будетъ счастливъ... Зина все время ревѣла, Батулинъ ходилъ какъ въ воду опущенный, но въ общемъ ни для кого это не казалось особенно серьезнымъ... Даже когда ихъ вѣнчали, то всѣмъ казалось, что это не въ самомъ дѣлѣ, а такъ —какая-то дѣтская игра... Даже отецъ сконфуженно улыбался. А когда послѣ вѣнца Зина бросилась къ нему на шею, онъ заплакалъ и совершенно искренно проговорилъ: „Господи Боже мой! Да что мы надѣлали? Что бы сказала покойница ваша мать, если бы видѣла все это"? Батулинъ глупо сіялъ отъ счастья, Зина ревѣла и хохотала вперемежку, и все это у нихъ творилось какъ-то наружу... И визиты они на другой день дѣлали препотѣшные, глупые, и всѣ смѣялись, и всѣмъ еще казалось, что это нарочно. Даже мадамъ Девисъ, ихъ гувернантка, долго еще утверждала, что каждое утро, просыпаясь, она думала, что вотъ сейчасъ ей придется везти Зину въ гимназію... А когда она, Вѣра, выходила замужъ, какъ были всѣ серьезны! Отецъ тоже заплакалъ, но при этомъ сказалъ что-то очень умное, дѣльное... И вотъ Зина живетъ со своимъ Василіемъ Ивановичемъ, у нихъ уже двое дѣтей, а сами они все еще такія же дѣти... Но въ домѣ у нихъ весело, шумно, оживленно, и всѣ почему-то такъ охотно идутъ къ нимъ... И сама Вѣра, пріѣзжая къ Батулинымъ, всегда почему-то начинаетъ смѣяться... Возвращаясь же къ себѣ, она сейчасъ же становится серьезна, и всѣ у нихъ серьезны... И все солидно, порядочно... Когда у Зины рождались дѣти — всегда происходила какая-нибудь суматоха, путаница, и ребенокъ являлся словно сюрпризомъ, несмотря на то, что Зина еще за девять мѣсяцевъ принималась болтать всѣмъ о пеленкахъ, о свивальникахъ, о томъ, какъ она будетъ одѣвать своего будущаго ребенка, и всѣ смѣялись, и всѣ шутили... Совсѣмъ не то было у нея, у Вѣры... Рожденіе Мити явилось цѣлымъ событіемъ. Все было

Digitized by Google

обдумано, предусмотрѣно... Обдумано серьезно, предусмотрѣно основательно, и казалось, что все у нихъ въ жизни съ мужемъ было устроено такъ прочно, незыблемо... И вотъ вдругъ все теперь это разлетѣлось прахомъ... И отчего? Оттого, что она не знала своего мужа! Оттого, что онъ оказался не такимъ, какимъ представляла она себѣ его... И когда надъ ея головой ударилъ громъ, всѣ такъ же, какъ и тогда, говорятъ: „Твое дѣло! Твое дѣло"!

— А когда такъ, такъ я же сама его и сдѣлаю!—почти вслухъ проговорила Вѣра Александровна и даже выпрямилась на сидѣньѣ дрожекъ.

„Всѣ мы во мракѣ,—сказала тетя,—всѣ мы ходимъ въ туманѣ"... Пусть они ходятъ въ туманѣ, а я хочу видѣть все ясно, опредѣленно.

Мужъ ее обманулъ, и она не можетъ, не станетъ жить больше съ мужемъ! Она не Зина, чтобы забавляться глупыми ссорами, ребячьими сценами... Жизнь не шутка, не кукольная комедія. Нельзя жить безъ догмата, спустя рукава, кое-какъ... Пусть Зины и Васильи Ивановичи прошалятъ всю жизнь, а она не имѣетъ права этого дѣлать, да и не можетъ... Не надо ей словъ подтвержденія! Не надо ей сочувствія и совѣтовъ; она сама знаетъ, что̀ нужно и что̀ должно. Она не только женщина, но она и мать! Для сына она должна сберечь себя чистой, честной и непреклонной"...

Дрожки остановились у крыльца. Вѣра Александровна быстро вышла изъ нихъ, торопливыми шагами поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ и энергично дернула звонокъ у квартиры Батулиныхъ.

— Что̀ Митя? — первымъ дѣломъ обратилась она къ отворившей ей горничной.

— Не могу знать, они въ дѣтской.

— Что̀ это такое? Чей это велосипедъ?—спросила она вслѣдъ затѣмъ, разглядѣвъ въ углу передней новенькія, блестящія колеса бициклѐта.

— Баринъ купили, ѣздить хотятъ,—усмѣхаясь, отвѣтила горничная.

„Какъ это глупо"!—почему-то подумала Вѣра Александровна.

— Ты это, Вѣра, про велосипедъ спрашиваешь?—заговорила вышедшая въ переднюю Зинаида Александровна.—Это Вася купилъ. Ты знаешь, я тоже хочу учиться на велосипедѣ? Честное слово! Только теперь неудобно, а вотъ, какъ переѣдемъ лѣтомъ на дачу, такъ я тоже буду. Вася обѣщалъ мнѣ купить.

Digitized by Google

— Здравствуй, Зина! — проговорила Вѣра Александровна, снявъ шляпу и оправивъ свою прическу.

— Ахъ, прости, голубушка! Я и забыла, что я тебя сегодня еще не видала.

И сестры поцѣловались.

Зина была нѣсколько ниже ростомъ и значительно полнѣе Вѣры Александровны. И волосы у нея были темнѣе, а черты лица какъ-то мягче и расплывчатѣе. Ее нельзя было даже назвать красивой, но личико ея было миловидно, свѣжо и дышало здоровьемъ. Одѣта она была въ капотъ, порядочно-таки поношенный и даже кое-гдѣ въ пятнахъ. Густые волосы, небрежно закрученные на затылкѣ, мѣстами выбивались вьющимися прядками.

— А твой Митя спитъ. Онъ покушалъ прекрасно...

— Какъ спитъ?—удивилась Вѣра Александровна.—Да который же теперь часъ?—спросила она, хватаясь за поясъ и видя, что, уходя изъ дому, забыла надѣть часы.

— Право, не знаю. Даша, который часъ?—крикнула Зина горничной.

— Да ужъ четвертый, барыня, — откликнулась та изъ передней.

— Такъ когда же вы его уложили?—забезпокоилась Вѣра Александровна.

— Да недавно. Онъ только-что уснулъ. Игралъ, игралъ, потомъ попросилъ покушать, а потомъ его на Ниночкину кроватку уложили, онъ и уснулъ.

Вѣра Александровна, ничего не сказавъ сестрѣ, быстро пошла въ дѣтскую. Режимъ ребенка былъ нарушенъ. Митя обыкновенно завтракалъ въ двѣнадцать часовъ и спалъ послѣ этого до двухъ. А теперь четвертый часъ, а его только-что уложили.

— Что, няня, Митя спитъ?—спросила Вѣра Александровна встрѣтившуюся у самой дѣтской пожилую и очень добродушную на видъ нянюшку.

— Спитъ, барыня, только-что уснулъ,—отвѣтила та, почтительно кланяясь.

Вѣра Александровна поняла, что поправить дѣло уже нельзя. На цыпочкахъ прошла она къ кроваткѣ, въ которую уложили ея Митю. Ребенокъ спалъ уже крѣпко и не слыхалъ приближенія матери. Одна ручка лежала поверхъ одѣяла, другую, сжатую въ кулачокъ, онъ неудобно подоткнулъ себѣ подъ щеку. Вѣра Александровна осторожно поправила головку сына и обдернула на немъ одѣяльце. Постоявъ съ минуту и полюбовавшись на хорошенькое личико Мити, уже каждой своей черточкой порази-

Digitized by Google

тельно напоминавшее лицо его отца, Вѣра Александровна вышла изъ дѣтской и направилась въ комнату сестры.

Тамъ, на мягкомъ коврѣ, между ворохомъ разныхъ, на половину поломанныхъ, игрушекъ, возились Коля и Ниночка. Колѣ шелъ уже пятый годъ, Ниночка была ровесница Митѣ. Увидавъ тетю Вѣру, ребятишки вскочили на ноги и бросились къ ней на шею.

— Тетя, Митя сегодня съ лошадки упалъ и плакалъ,—торопливо заговорилъ Коля, хватая за платье Вѣру Александровну.

— И плакалъ,—шепеляво подтвердила Ниночка.

— Онъ сѣлъ на лошадку верхомъ назадъ, спиной, и сталъ хватать за хвостъ, а потомъ упалъ.

— А потомъ упалъ.—какъ эхо отзывалась Ниночка на слова брата.

— Митя не ушибся?—цѣлуя дѣтей, спросила Вѣра Александровна сидѣвшую тутъ же Зину.

— Нѣтъ, такъ, пустяки! Его няня подхватила.—отвѣтила та.

— Няня подхватила, на ручки,—подтвердилъ Коля.

— На ручки,—повторила опять Ниночка.

Вѣра Александровна, перецѣловавъ дѣтей и отеревъ платкомъ себѣ щеки, которыя они страшно замуслили, усѣлась на диванѣ рядомъ съ сестрой.

— Я ихъ сюда перевела, чтобы они Митѣ спать не мѣшали,—сказала Зина, отталкивая ногой какую-то подкатившуюся подъ ея платье игрушку.

— Mercі,—машинально отозвалась Вѣра Александровна.—А Василій Ивановичъ дома?—спросила она, немного помолчавъ.

— Не знаю... Кажется, дома,—отвернувшись въ сторону, отвѣтила Зина. — Впрочемъ, это теперь мнѣ совершенно все равно... Онъ можетъ быть дома, гдѣ ему угодно, меня это не касается.—сейчасъ же заговорила она, опять поворачиваясь къ сестрѣ.

— Вотъ какъ?—усмѣхнулась Вѣра Александровна.

— Да, и ты совсѣмъ напрасно улыбаешься. На этотъ разъ это уже совершенно серьезно. Я еще вчера была у тети и сказала ей, что мы съ мужемъ теперь совсѣмъ чужіе люди... Конечно, мы не можемъ разойтись, потому что насъ связываютъ дѣти...

— А ты бы вотъ при дѣтяхъ-то не говорила этого,—остановила ее Вѣра Александровна.

— А все равно! Должны же они рано или поздно узнать настоящую правду... А впрочемъ...

Digitized by Google

И Зина, вскочивъ съ дивана, отворила дверь въ сосѣднюю комнату.

— Даша,—крикнула она,—позовите няню... Впрочемъ, нѣтъ! Няня пусть возлѣ Мити... Подите сюда сами... Возьмите дѣтей... Идите играть съ ними въ столовую. Дѣточки, идите играть въ столовую!

— Мамочка, а съ попкой можно играть? — спросилъ Коля, забирая игрушки.

— Нѣтъ, съ попкой нельзя, попка пальчикъ укуситъ... Даша, да возьмите же игрушки, что вы стоите?

— Мамочка, пойдемъ съ нами!—прошепелявила Нина, еще не совсѣмъ на твердыхъ ножкахъ подковылявъ къ матери.

— Нѣтъ, милая, нѣтъ! Иди съ Дашей, а мнѣ съ тетей поговорить надо,—цѣлуя дочку и въ то же время отирая ей губки, сказала Зинаида Александровна.

— Какъ она у тебя плохо ходитъ!—замѣтила Вѣра, когда дѣти, вмѣстѣ съ горничной, вышли изъ комнаты.

— Толстушка, потому и ходитъ плохо.

— Мой Митя...

— Такъ что-жъ твой Митя? — перебила сестру Зина.—Ты возьми-ка Митю на руки, да Ниночку, такъ увидишь какая разница... Митя передъ ней пушинка! Потому онъ и на ножкахъ крѣпокъ... А Коля въ это время еще хуже ходилъ. Ты посмотри, какъ мои ѣдятъ! Любо-дорого!

— Да хорошо ли такъ кормить дѣтей?—проговорила Вѣра Александровна.

— Ну, ужъ не знаю, голубушка, только я своихъ голодомъ морить не стану. Пусть тамъ другіе какъ хотятъ, а по мнѣ чѣмъ сытѣе, тѣмъ лучше!

„Какая она насѣдка!.. Какая курица"!—думала Вѣра Александровна, глядя на сестру.—И выраженія-то у нея какія! Особенныя какія-то... Чѣмъ сытѣе, тѣмъ лучше"...

— Однако, ты хотѣла мнѣ сказать что-то о мужѣ? — проговорила она уже вслухъ, замѣтивъ, что Зина какъ будто на слова ея немного надулась.

— Да что тутъ говорить? Сказано, что между нами все кончено, вотъ и все,—неохотно отозвалась та.

— Однако, есть же какая-нибудь причина? — настаивала Вѣра.

— Ахъ, милая, причинъ пропасть, причинъ безъ конца... И не сегодня, не вчера это началось. Я прежде только молчала, просто притворялась, что я счастлива,—начала Зина, под-

Digitized by Google

бирая на диванъ ноги и подкладывая подъ локоть шитую подушку. — Я знаю, что вы всѣ считаете этого Василія Ивановича милѣйшимъ человѣкомъ... Ахъ, да, дѣйствительно, онъ очень милѣйшій для другихъ и при другихъ... а такъ... во-первыхъ, онъ ужасно упрямъ... Недаромъ его мать была изъ черниговской губерніи... А затѣмъ, онъ ехиденъ... Начнетъ говорить и все съ язвинкой, все съ язвинкой... Да-съ, онъ ехиденъ! Не удивляйся, пожалуйста!

Но Вѣра совсѣмъ не удивлялась. Она уже не слушала сестру и вся ушла въ свои мысли. Она сейчасъ вспомнила, что у нихъ сегодня должны обѣдать Ходовскіе, и что она не только не сдѣлала никакихъ распоряженій дома, но не успѣла предупредить и мужа, чтобы онъ вернулся со службы пораньше— Ходовскіе обѣщали пріѣхать въ четыре.

„Если я сейчасъ поѣду домой,—думала она,—я успѣю еще пріѣхать до нихъ и кое-чѣмъ распорядиться... Но стоитъ ли ѣхать? Чтобы разыграть послѣдній разъ комедію супружеской жизни? Не все ли равно, что Ходовскіе узнаютъ днемъ раньше, днемъ позже? Къ чему эти глупыя кривлянья и ломанья? Я не Зина, которая, рѣшивъ безповоротно порвать съ мужемъ, мечтаетъ о томъ, что весной онъ ей купитъ велосипедъ".

Потомъ она вспомнила, что сегодня выходной день Эльзы, и опять дрожь негодованія охватила ее. Она не могла бы и выразить, какъ противна, какъ отвратительна ей эта толстая, румяная швейцарка... И мужъ ей вспомнился почему-то толстымъ и румянымъ... И блескъ его глазъ казался ей теперь грязнымъ, маслянымъ... И между ними это длилось вѣроятно уже давно, а она жила, ничего не вѣдая, въ смѣшномъ положеніи обманутой жены... Именно въ смѣшномъ... Эльза съ ней разговаривала, называла ее: madame, а въ тайникахъ своей грязной души улыбалась, торжествуя побѣду.

Обида и злость закипѣли въ сердцѣ Вѣры Александровны. Ей опять захотѣлось отомстить, жестоко отомстить своимъ обидчикамъ. Но чѣмъ отомстить? У нея было одно средство — уйти и взять сына. Но для Эльзы развѣ это не все равно? Она сейчасъ же найдетъ новое мѣсто — тѣ же Ходовскіе возьмутъ... А для мужа? Но если онъ ея не любитъ, то онъ будетъ только радъ этому. А если онъ не любитъ ея, то онъ не любитъ и сына. Развѣ можетъ такой отецъ любить своего ребенка? Еслибъ любилъ, онъ жилъ бы для него, забылъ бы о себѣ и все, все принесъ бы въ жертву... вотъ, какъ она... Вся ея жизнь—въ Митѣ... Ей ничего больше не надо... А Дмитрію Платоновичу

Digitized by Google

нужны еще разныя Эльзы... Ну, пусть онъ съ ними и остается... Но развѣ же это месть? А чѣмъ, чѣмъ она еще можетъ отомстить ему? Вотъ, еслибъ она сама полюбила кого-нибудь, увлеклась бы, измѣнила бы мужу, тогда бы онъ понялъ, какъ это ужасно... Но ей никого не надо, кромѣ Мити... А Митя еще этого не понимаетъ, не цѣнитъ... Боже мой, какъ она несчастна!

— Да, да, представь себѣ, что онъ ревнивъ, — продолжала между тѣмъ Зина, вполнѣ увѣренная, что сестра ее внимательно слушаетъ. — И какъ ревнивъ? Дрянно, гадко! Къ кому только онъ меня не ревновалъ!.. Представь себѣ, что онъ меня ревновалъ даже къ твоему мужу!

— Что такое? — встрепенулась Вѣра Александровна!

— Да, да! Онъ ревновалъ меня къ Дмитрію Платоновичу. Это было года два тому назадъ... Ну, не сумасшедшій ли? Ну, стала ли бы я отбивать мужа у моей сестры?

Вѣра Александровна сдѣлала презрительную гримасу. Слова Зины ей показались оскорбительными.

„Она—отбивать у меня мужа! — повторяла она про себя.— Она, неряха, курица“! Но сейчасъ же вспомнивъ объ Эльзѣ, Вѣра Александровна съежилась и вздохнула. Жуткая мысль пришла ей вдругъ въ голову. „А что, если я хуже всѣхъ? Что если я только вообразила про себя, что я и умна, и хороша... Вѣдь если Василій Ивановичъ ревновалъ, такъ. стало быть, были же какія-нибудь основанія? А меня всѣ обманули... А я мечтала, я думала про себя Богъ знаетъ что“...

— Зина,—вдругъ повернулась она къ сестрѣ.—Зина, скажи мнѣ: измѣнялъ тебѣ когда-нибудь мужъ?

Зина растерялась и быстро-быстро замигала глазами.

— Не... не знаю! — выговорила она наконецъ, краснѣя до корня волосъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи откровенно, какъ сестрѣ, скажи просто! — настаивала Вѣра Александровна. взявъ Зину за обѣ руки.

А та опустила голову и вдругъ горько-горько, какъ ребенокъ, заплакала.

— Измѣнялъ! — зашептала она, прижимаясь мокрымъ лицомъ къ груди старшей сестры. — Измѣнялъ. Вѣрочка, милая! Только я никогда никому этого не говорила... Я все говорила и все неправду, я нарочно все про него выдумывала: онъ прекрасный человѣкъ, и не ехидный, и не упрямый... А этого-то я никому не говорила, что онъ измѣнялъ...

Digitized by Google

— И ты осталась съ нимъ жить? Ты не ушла отъ него?— спросила Вѣра, пытливо глядя на затылокъ склонившейся къ ней сестры.

— Какъ же я могла уйти, когда у насъ дѣти? — всхлипывала та. — Вѣдь у насъ двое дѣтей, а я еще жду третьяго... Какъ же я могу уйти?

— Ты могла бы уйти съ дѣтьми. Намъ есть куда уйти. У насъ есть отецъ, который никогда не прогонитъ насъ.

— Вѣрочка, но какъ же я могла отнять отца у моихъ-то дѣтей? Вѣдь и онъ ихъ, и они его такъ любятъ, такъ любятъ...

— Но постой, ты вѣдь нѣсколько разъ собиралась бросить мужа?

— Собиралась, Вѣрочка, постоянно собиралась... Какъ, бывало, рѣшусь, бросить, такъ сейчасъ и поѣду или къ папѣ, или къ тетѣ... А по дорогѣ ужъ, пока ѣду, знаю хорошо, что не брошу... А все-таки, пріѣду и скажу, что брошу... Все-таки, какъ будто легче, когда скажу... И онъ испугается, и ему это наука... Вѣдь стоитъ мнѣ только сказать ему, что я его брошу, онъ совсѣмъ какъ въ воду опущенный ходитъ, потому что вѣритъ, что я могу бросить...

— Часто онъ тебѣ измѣнялъ?—спросила опять Вѣра.

— Нѣтъ, не... не очень часто,—совсѣмъ какъ-то ужъ по-дѣтски пролепетала Зина.

И вдругъ Вѣрѣ Александровнѣ показалось, что все это ужасно не серьезно, и не только Зинино, но и ея собственное горе какъ-то вдругъ потеряло свой острый, серьезный характеръ... Вѣдь, вотъ, можно же съѣздить къ тетѣ да къ папѣ, сказать, что бросишь мужа, да на этомъ и успокоиться... А вѣдь если бы она не знала сегодня, если бы она не наткнулась на эту гадкую сцену, вѣдь жила же она по-прежнему... По прежнему же считала бы своего мужа и умнымъ, и честнымъ... И была бы счастлива, и гордилась бы своимъ счастіемъ... А теперь вдругъ все это разбито... Потеряно...

Вѣра Александровна поднялась съ дивана и, пройдясь раза два по комнатѣ, остановилась у окна и стала смотрѣть на улицу.

„Зачѣмъ, зачѣмъ все это случилось“?—думала она.

Наступило недолгое молчаніе.

— Зина, а я тоже хочу бросить мужа,—тихо проговорила она и сейчасъ же, словно поймавъ себя, удивилась, зачѣмъ она сказала: „хочу бросить“, а не сказала: „уже бросила“.

Зина широко раскрыла свои заплаканные глаза.

Digitized by Google

— Да, я хочу бросить мужа, — повторила Вѣра Александровна, повернувшись къ сестрѣ и пытливо глядя на нее.

— Ты, Вѣрочка, хочешь бросить Дмитрія Платоновича? — испуганно переспросила Зина и даже слегка поблѣднѣла.

Вѣра молча утвердительно кивнула головой.

— Вѣрочка, нѣтъ! Какъ же это? Нѣтъ, не надо... А Митя? Но какъ же?

— Митю я возьму съ собой!

— Да нѣтъ, а какъ же онъ безъ отца-то? Да, постой! За что же ты хочешь бросить?

— Онъ мнѣ измѣнилъ, — помолчавъ немного и съ трудомъ выговорила Вѣра Александровна.

— Постой... Да нѣтъ, можетъ быть это еще невѣрно? Ты откуда взяла это? — говорила Зина и, быстро вставъ съ дивана, подошла къ сестрѣ.

— Я сама, своими собственными глазами видѣла, какъ онъ цѣловался съ Эльзой,—ясно выговаривая каждое слово, проговорила Вѣра Александровна.

— Съ Эльзой? — повторила Зина, и глаза ея опять быстро-быстро замигали. — Вѣрочка, не надо! Не бросай мужа... Прогони Эльзу!—почти вскрикнула она, и опять слезы градомъ посыпались у нея по щекамъ.

— Вѣрочка! Прогони Эльзу, но не бросай мужа! Боже мой! Да еслибъ мой Вася съ кѣмъ угодно цѣловался, я бы никогда его не бросила! Развѣ можно? Вѣдь онъ мужъ, онъ отецъ твоихъ дѣтей! Развѣ можно? Нѣтъ, такъ нельзя... Постой!

И она, быстро разжавъ руки, которыми только-что обнимала Вѣру, бросилась вонъ изъ комнаты и, бѣгомъ пробѣжавъ столовую, гдѣ играли дѣти и гдѣ она, споткнувшись на какую-то игрушку, чуть не полетѣла на полъ, гостиную, гдѣ она сшибла маленькій стуликъ передъ диваномъ, какъ сумасшедшая вбѣжала въ кабинетъ къ мужу.

VI.

Василій Ивановичъ Батулинъ, средняго роста худощавый, лѣтъ тридцати человѣкъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, когда вбѣжавшая Зина схватила его за плечи.

— Вася, Вася, знаешь ли что? Большое несчастіе! — заговорила она, тряся мужа. — Ужасное несчастіе! Вѣрочка хочетъ бросить Дмитрія Платоновича! Онъ ей измѣнилъ, цѣловался съ Эльзой... она поймала... И теперь хочетъ бросить...

Digitized by Google

Василій Ивановичъ сидѣлъ какъ ошеломленный и испуганно глядѣлъ своими голубыми, близорукими глазами на топтавшуюся передъ нимъ Зину.

— Вася, поди, скажи ей, что этого нельзя! Пойми ты, вѣдь она серьезно, вѣдь она не такъ, какъ я... Она его дѣйствительно броситъ!.. Вася, ради Бога, скажи ей... Я такъ, такъ за нее боюсь... Что же это въ самомъ дѣлѣ? — И Зина вдругъ опять заплакала.

Василій Ивановичъ притянулъ къ себѣ голову жены и началъ нѣжно ее цѣловать.

— Успокойся, успокойся, Зинуша! Не волнуйся, голубчикъ, вѣдь тебѣ нельзя въ твоемъ положеніи... Я пойду... я сейчасъ... Я ей все скажу, только ты успокойся... Мы это все сдѣлаемъ, она не броситъ... Мы уговоримъ,—торопливо и испуганно говорилъ онъ.— Ты говоришь, что она сама поймала?

— Сама, Вася, своими собственными глазами.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!—прошепталъ Василій Ивановичъ, съ тоской покачивая головой.—Ну, хорошо, успокойся, голубчикъ, и успокой ее... А потомъ я уже поговорю... Знаешь что? Давайте сначала обѣдать. Теперь уже безъ четверти пять... Давайте, пообѣдаемъ сначала, а потомъ будемъ говорить... Дмитрій Платоновичъ знаетъ объ этомъ?

— Не знаю.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Ну, поди, скажи, чтобъ обѣдать.

— Вася, ты поговоришь съ ней?

— Поговорю, поговорю, только ты успокойся, голубчикъ! Давайте сначала обѣдать,—настаивалъ Василій Ивановичъ.

— Васенька! Миленькій! Я гадкая, я знаю это! Я гадкая, дрянная, испорченная! Прости ты меня! Сдѣлай ты со мной что хочешь, только уговори Вѣрочку!

И Зина, схвативъ шею мужа руками, крѣпко, крѣпко прижалась къ нему.

— Милочка! Ей Богу, я все сдѣлаю! Только не волнуйся! —упрашивалъ Василій Ивановичъ.

— Вася, я знаю, что я гадкая, что я не стою тебя! Но ты, ты такой добрый, ты умный... Вѣдь пойми, что это ужасно, если она его броситъ...

— Не броситъ, только давайте сначала пообѣдаемъ, — растерянно повторялъ Василій Ивановичъ.

— Васенька, а я даю тебѣ слово, что никогда, никогда

Digitized by Google

больше не буду говорить разныхъ глупостей!—уже успокаиваясь и вытирая слезы, проговорила Зина.

— Не только говорить, голубчикъ, думать не надо, главное, думать!—поправилъ ее Василій Ивановичъ.

— И думать не буду, никогда! Никогда! Вотъ запомни,—съ этого дня никогда больше!.. Только ты прости меня гадкую, дрянную...

— Ну, полно, полно! Какая ты гадкая! Хорошая ты моя, милая ты моя!—цѣлуя жену, повторялъ Василій Ивановичъ.

И Зина, почти совсѣмъ уже успокоенная, тщательно вытерла себѣ глаза и вышла изъ кабинета.

А Василій Ивановичъ, оставшись одинъ, забѣгалъ взадъ и впередъ по этой маленькой комнаткѣ.

„Да, вотъ какія дѣла! Вотъ какія дѣла-то“! — повторялъ онъ, съ удивленіемъ замѣчая, что никакъ не можетъ думать о предстоящемъ разговорѣ съ Вѣрой.—Да-съ, вотъ какія дѣла-то“!

Въ кабинетѣ ему показалось тѣсно. Онъ выбѣжалъ въ гостиную и, потолкавшись тамъ изъ угла въ уголъ, очутился какимъ-то образомъ въ передней. Стоявшій подъ вѣшалкой велосипедъ сразу приковалъ его вниманіе. Онъ присѣлъ передъ нимъ на корточки, потрогалъ тонкія спицы колеса, потомъ стукнулъ ладонью по гуттаперчевой двойной педали, и та быстро, быстро завертѣлась, а Василій Ивановичъ все повторялъ:—Да-съ, вотъ какія дѣла-то! Не хорошо, не хорошо!

Онъ зналъ теперь, что ему предстоитъ объясненіе съ Вѣрой Александровной, съ этой умной и серьезной женщиной, которую онъ не только любилъ, но и уважалъ. И онъ боялся этого объясненія. Онъ обѣщалъ Зинѣ поговорить съ ней обо всемъ и сказать ей все, но что онъ могъ сказать Вѣрѣ, онъ не зналъ. Зина считаетъ его умнымъ. Конечно, онъ, вѣроятно, не глупъ, можетъ быть даже и уменъ, но говорить, вообще разговаривать объ этакихъ серьезныхъ вещахъ, право, такъ щекотливо.

Василій Ивановичъ приподнялся, досталъ изъ сумочки масленку и принялся смазывать и безъ того съ избыткомъ промасленный велосипедъ.

А Зина у него прелесть! Зину онъ ужасно любитъ! Какое у нея доброе сердечко! Какъ она ко всѣмъ горячо и сочувственно относится!.. Только вотъ ея ревность... Ахъ, зачѣмъ она ревнуетъ!.. И главное дѣло безъ всякой причины... Не только онъ ей никогда не измѣнилъ, но даже малѣйшаго повода къ ревности не далъ... Вотъ эта только глупая фраза разъ

Digitized by Google

у него сорвалась: „Не ревнуй меня, Зина, не наталкивай меня сама на измѣну“... Ну, вотъ она къ ней и прицѣпилась...

Василій Ивановичъ приподнялъ нѣсколько велосипедъ и привелъ въ вращательное движеніе переднее колесо. Спицы быстро, быстро замелькали у него передъ глазами.

„А можетъ быть и не броситъ, — думалъ онъ: — Зина тоже, вѣдь, постоянно грозится, а еще ни разу не бросила и не броситъ никогда моя милая Зинушечка... Мой милый Зиночекъ“...—повторялъ онъ и соображалъ, что хорошо смазанное и пригнанное колесо должно само вертѣться по крайней мѣрѣ сорокъ-пять секундъ.

— Баринъ, пожалуйте кушать!—перебила его размышленія горничная, отыскавшая его въ передней.

— А, кушать? Сейчасъ, сейчасъ!

И Василій Ивановичъ пошелъ-было въ столовую, но по дорогѣ спохватился, что руки у него всѣ выпачканы въ маслѣ, свернулъ въ ванную, гдѣ стоялъ умывальникъ, и принялся мыться. Онъ зналъ, что ему сейчасъ предстояло свиданіе съ Вѣрой, и онъ почему-то боялся этого.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!—твердилъ онъ, намыливая и ополаскивая руки.

Когда онъ вошелъ въ столовую, и Зина, и Вѣра Александровна, сидѣли уже за столомъ. Зина разливала супъ и какъ-то сконфуженно поглядывала на мужа. Вѣра, блѣдная, но съ серьезнымъ, почти съ спокойнымъ лицомъ, протянула Василію Ивановичу руку и тихо проговорила:

— Здравствуйте.

Василій Ивановичъ почему-то даже шаркнулъ ногой и, почтительно поцѣловавъ руку свояченицы, сѣлъ напротивъ нея.

Разговоръ не завязывался. Первая нарушила молчаніе Вѣра.

— А вы себѣ велосипедъ купили? — спросила она Василія Ивановича.

— Да, да,—заторопился тотъ.—Знаете, это прекрасная машина! И удивительно гигіенична! Я уже не говорю объ удобствахъ, т.-е. о сокращеніи всякихъ разстояній, но и для организма это очень важно... Это приводитъ въ гармоническое сочетаніе всѣ мышцы и заставляетъ ихъ функціонировать...

На словѣ „функціонировать“ Василій Ивановичъ запнулся и выговорилъ его какъ-то совсѣмъ иначе, потомъ поправился, повторилъ его и продолжалъ дальше объяснять разныя свойства и достоинства велосипеда.

„А вѣдь они счастливы,—думала Вѣра, глядя то на сестру,

Digitized by Google

то на ея мужа и замѣчая, какими ласковыми и нѣжными взглядами перекидываются они.—Они счастливы въ этомъ безпорядкѣ, въ этомъ хаосѣ жизни... въ своей буржуазной обстановкѣ, среди своихъ мелкихъ, буржуазныхъ интересовъ... А могла ли бы она быть такъ же счастлива съ какимъ-нибудь Василіемъ Ивановичемъ? Не права ли Зина? Не ей ли лучше живется? „Блаженни нищіе духомъ“... И вдругъ ей вспомнился текстъ о птицахъ, что не сѣютъ, не жнутъ,—текстъ, который повторялъ иногда ея мужъ,—и она почувствовала, что краска бросилась ей въ лицо при воспоминаніи о мужѣ и о той неприличной фамильярности, которую онъ иногда позволялъ въ разговорахъ съ нею... „Воображаю, какой вздоръ эти между собой болтаютъ“! — сейчасъ же подумала она, какъ бы въ оправданіе себѣ.

А Василій Ивановичъ продолжалъ все еще разсказывать о велосипедѣ, предсказывалъ ему какую-то особенную будущность и, кажется, говорилъ даже о томъ, что соціальный строй самой жизни долженъ нѣсколько измѣниться при распространеніи этой машинки. Зина слушала и была видимо довольна краснорѣчіемъ своего мужа; а когда Василій Ивановичъ заговорилъ о воздухоплаваніи и о томъ міровомъ переворотѣ, который вызоветъ оно, почти совершенно уничтоживъ значеніе границъ между государствами, Зина даже расцвѣла и съ нѣкоторой гордостью поглядывала то на мужа, то на сестру.

Вѣрѣ стало скучно.

Когда кончился обѣдъ и подали кофе, Зина встала и подъ какимъ-то предлогомъ вышла изъ столовой, значительно взглянувъ на Василія Ивановича.

Оставшись вдвоемъ съ Вѣрой, Василій Ивановичъ прежде всего страшно переконфузился, потомъ усиленно принялся размѣшивать ложечкой у себя въ чашкѣ и только послѣ болѣе или менѣе значительнаго колебанія рѣшился заговорить:

— Вѣра Александровна,—началъ онъ нѣсколько глухимъ и сдавленнымъ голосомъ.—Я, право, этому не хочу и вѣрить...

— Чему это вы не хотите вѣрить?—холодно переспросила Вѣра.

— А вотъ тому, что мнѣ сказала Зина... Что вы хотите оставить вашего мужа.

— Напрасно вы этому не хотите вѣрить.

— Вѣра Александровна! Да неужели же, неужели же вы рѣшитесь разрушить семью... бросить мужа и только изъ-за...— Василій Ивановичъ, начавшій-было очень горячо и даже съ нѣкоторымъ паѳосомъ, вдругъ замялся.

Digitized by Google

— Изъ-за чего?—холодно и язвительно переспросила Вѣра.

— Да вы сами знаете. Зачѣмъ же повторять? — сконфуженно пробормоталъ Батулинъ.

— Совершенно вѣрно. Не только повторять, но и говорить объ этомъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе вамъ. Ни вы, ни Зина, мнѣ не судьи въ данномъ случаѣ... Зина вольна переносить и прощать все, что ей угодно, это дѣло ея взглядовъ и ея совѣсти, а вы, какъ человѣкъ—сами не вполнѣ безупречны...

— Что-съ? Я? — всполошился Батулинъ и даже отодвинулъ отъ себя чашку.—Я? Это вамъ Зина наговорила? А вы сейчасъ же и повѣрили? Нѣтъ-съ, извините меня, я былъ, есмь и буду всегда вѣренъ моей женѣ... Я даже въ помыслахъ моихъ никогда передъ нею не прегрѣшилъ ничѣмъ... А это она въ своей необузданной ревности выдумываетъ Богъ знаетъ что! Она меня готова приревновать къ кому угодно! Такъ, ни съ того, ни съ сего! Просто ей взбредетъ фантазія, она и примется меня мучить... Вы знаете, она меня даже къ вамъ ревновала! Такъ что же это, правда, что-ли?

И Василій Ивановичъ, разгорячившись, вскочилъ со стула и началъ ходить взадъ и впередъ по столовой.

Вѣра не выдержала и нервно разсмѣялась.

— Да, вы правы, Василій Ивановичъ! Простите меня, что я позволила себѣ хоть на минуту усомниться въ вашей порядочности. Я просто забываю иногда, что Зина большая фантазерка... Простите меня! Вамъ я вполнѣ вѣрю, но не будемъ больше говорить объ этомъ. Повѣрьте, что никакіе разговоры ни къ чему не приведутъ. Мегсі, — закончила она, вставая изъ-за стола.— Я пройду въ дѣтскую, посмотрю, не проснулся ли Митя? Намъ пора и ѣхать.

И пожавъ руку Василію Ивановичу, Вѣра пошла въ дѣтскую. А тотъ, растерянно и тупо посмотрѣвъ ей вслѣдъ, вдругъ энергично принялся ерошить свою прическу и даже дергать себя за волосы.

— Ну, что я надѣлалъ? Ну, что я надѣлалъ? — бормоталъ онъ про себя, почти бѣгомъ уходя къ себѣ въ кабинетъ.—Зина просила объясниться, а я съ мѣста принялся на нее же жаловаться!

Митя только-что проснулся. Онъ сидѣлъ въ своей кроваткѣ и немножко капризничалъ, когда Вѣра Александровна вошла въ дѣтскую. Увидавъ мать, онъ вдругъ заплакалъ и весь потянулся къ ней.

Digitized by Google

— Милый мой, хорошій! О чемъ ты? — заговорила Вѣра Александровна, беря сына на руки.

— Не во-время спалъ, вотъ и капризничаетъ, — замѣтила бывшая тутъ же нянюшка.

— Успокойся, мой родной сынокъ! Мама твоя съ тобою и никогда, никогда не уйдетъ отъ тебя... Ты вѣдь одинъ у меня на свѣтѣ, и весь свѣтъ мой въ тебѣ,—шептала Вѣра Александровна, лаская и цѣлуя ребенка.

А Митя все плакалъ.

VII.

У Дмитрія Платоновича Корецкаго весь день сердце, что называется, было не на мѣстѣ, и еще не было полныхъ четырехъ часовъ, когда онъ вышелъ изъ департамента и поѣхалъ домой. Дѣло въ томъ, что, цѣлуясь сегодня утромъ съ Эльзой, онъ слышалъ, какъ сзади кто-то слегка вскрикнулъ и бросился бѣжать, а Эльза увѣряла даже, что она видѣла край мелькнувшей темной юбки. Кто это былъ, кто это могъ быть? Или жена, или горничная Саша. Въ первомъ случаѣ ужасно, во второмъ—все-таки скверно.

„Впрочемъ, еслибы это была жена,—успокаивалъ онъ себя,—то бѣжать бы она не бросилась, а тутъ же на мѣстѣ началось бы объясненіе, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы оно окончилось. Если же это была Саша, то можно какъ-нибудь умаслить эту дѣвчонку... подкупить и потомъ сплавить. Во всякомъ случаѣ, положеніе непріятное и даже трагическое, принимая во вниманіе характеръ и взгляды Вѣры Александровны“...

И Корецкій раздраженно понукалъ извозчика, какъ-то испуганно озирался по сторонамъ и сидѣлъ на дрожкахъ въ самой неудобной позѣ, словно готовился спрыгнуть на мостовую при первой возможности.

„Спросить или не спросить швейцара“?—подумалъ онъ, подъѣзжая къ крыльцу дома, въ которомъ жилъ.

И рѣшивъ, что этого ни въ какомъ случаѣ дѣлать не слѣдуетъ, сейчасъ же совершенно машинально спросилъ:

— А что, барыня дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхали-съ,—почтительно отвѣтилъ тотъ.

Дмитрій Платоновичъ похолодѣлъ.

— Куда? — уже растерявшись, задалъ онъ опять вопросъ.

— Не могу знать-съ... Должно быть къ папенькѣ. Потому въ эту сторону. А на извозчика садились, ничего мнѣ не сказали.

Digitized by Google

Но Дмитрій Платоновичъ уже не слушалъ. Торопливо отперевъ висѣвшимъ у него на цѣпочкѣ ключикомъ англійскій замокъ двери, онъ вошелъ въ переднюю и самъ снялъ съ себя пальто.

Изъ корридора выскочила горничная Саша.

— Барыня дома? — спросилъ онъ опять ее, чувствуя, какъ въ груди у него что-то сжимается.

— Уѣхали-съ,—растерянно сказала Саша, и сейчасъ же прибавила:—И Митеньку съ собой увезли... Что-то разстроены...

— А Эльзы тоже нѣтъ?—проговорилъ онъ, помня, что сегодня выходной день бонны.

— Нѣтъ, она дома-съ. Не ушла.

— Не ушла? Почему не ушла?

— Не могу знать. Васъ, должно быть, дожидается.

Дмитрій Платоновичъ пристально посмотрѣлъ на Сашу. Что-то странное послышалось ему въ звукѣ ея голоса.

— А вамъ тутъ письмо есть. Отъ Ходовскихъ принесли.

— Какое письмо? Почему отъ Ходовскихъ? — растерянно спрашивалъ Дмитрій Платоновичъ, проходя въ кабинетъ.

— Позовите mam'selle Эльзу! — рѣшительно крикнулъ онъ Сашѣ.

„Что такое? Ходовскіе извиняются. Обѣдать не могутъ... Дѣти заболѣли подозрительно,—соображалъ онъ, читая поданное ему письмо. — Да развѣ они хотѣли сегодня обѣдать?.. И что значитъ: „дѣти заболѣли подозрительно“? Ахъ, это вѣроятно что-нибудь въ родѣ дифтерита. И не мудрено! Ужасная погода... А она въ эту погоду повезла Митю“!..

— Ахъ, это вы, Эльза?—сказалъ онъ по-французски, повернувшись къ вошедшей въ кабинетъ боннѣ.

Эльза на цыпочкахъ приблизилась къ нему и заговорила шопотомъ.

— Madame видѣла! Это была она, это была, конечно, она. Только вы уѣхали, она схватила маленькаго и убѣжала. Она кричала, чтобы Саша подала ей, чтобы я не смѣла показываться... Что дѣлать?

— Сегодня вашъ выходной день? Отчего вы не ушли?— почти спокойно спросилъ Дмитрій Платоновичъ.

— Я не рѣшалась... Я хотѣла дождаться васъ.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что: идите въ отпускъ и переночуйте гдѣ-нибудь у вашихъ знакомыхъ, не возвращайтесь сегодня. Можете, наконецъ, ночевать въ отелѣ. А когда вернетесь завтра утромъ, все выяснится.

Digitized by Google

— Monsieur!.. — жалобно и съ навернувшимися слезами на глазахъ, проговорила Эльза.

— Не безпокойтесь, дурного ничего не можетъ быть... Идите и вернитесь не раньше, какъ завтра утромъ. Вамъ, можетъ быть, нужны деньги?

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня есть. Мегсі.

И Эльза, помявшись нѣсколько на мѣстѣ,—„не поцѣлуя ли она ждетъ?“ мелькнуло въ головѣ у Дмитрія Платоновича,—нерѣшительно вышла изъ кабинета.

„Да, такъ какъ же теперь поступить? — соображалъ Дмитрій Платоновичъ, стоя около письменнаго стола и постукивая пальцемъ по бювару.—Ходовскіе не пріѣдутъ... Нѣтъ, это не то... Она уѣхала къ отцу... И, конечно, все сказала... Глупо и гадко... Но тѣмъ не менѣе нельзя киснуть, не надо, не слѣдуетъ“... И Дмитрій Платоновичъ быстрыми и рѣшительными шагами прошелъ въ уборную и началъ переодѣваться. Сбросивъ вицъ-мундиръ, онъ тщательно вымылъ руки, перемѣнилъ рубашку и одѣлся въ темную пиджачную пару. Дѣлалъ онъ все это быстро, но неторопливо, съ удовольствіемъ замѣчая, что руки у него не трясутся и лицо спокойно, только немного блѣднѣе обыкновеннаго.

„Да, да! волноваться не слѣдуетъ,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Міръ еще не провалился, и ничего ужаснаго не произошло... А главное, самое главное, надо любить свою свободу такъ же сильно, какъ и свою жену... Теряя жену, я пріобрѣтаю свободу; теряя свободу, я получаю жену... А развѣ нельзя то и другое вмѣстѣ? Конечно, можно... еслибъ только Вѣра была умнѣе... Т.-е., не то что умнѣе, а еслибъ она понимала все... Она умная женщина, но есть вещи, которыхъ она органически усвоить не можетъ... Да, такъ я прямо все это и скажу ей... Надо, наконецъ, заговорить рѣшительно и просто. Теперь все равно, теперь иначе и говорить нельзя“...

— Пальто! — крикнулъ онъ громко горничной, проходя изъ уборной въ переднюю.

Взглянувъ на Сашу, онъ подумалъ:

„Теперь эту вотъ подкупать не надо... А главное дѣло—не надо хитрить и притворяться... Хитрить и притворяться—гадко и унизительно... Да, свобода и жена равно дороги... А сынъ?—вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.—Что-жъ сынъ? Сынъ мой, и что бы ему тамъ ни говорили, онъ рано или поздно пойметъ меня и... оправдаетъ. Вѣдь я ихъ не бросилъ и не брошу... Зато я теперь могу и долженъ говорить всю правду, какъ бы рѣзка эта правда ни была“.

Digitized by Google

Дмитрій Платоновичъ вышелъ на крыльцо, сѣлъ на извозчика и велѣлъ ѣхать на Николаевскую, гдѣ жилъ его тесть. Онъ зналъ, что ему предстоитъ сейчасъ непріятная встрѣча съ Александромъ Павловичемъ. Но что-жъ? Тотъ человѣкъ умный и мужчина... Онъ пойметъ... А если не пойметъ, тѣмъ хуже для него. Это будетъ родительское лицемѣріе...

„Да, наконецъ, что я сдѣлалъ такого? Развѣ я не люблю свою жену?—спрашивалъ себя Дмитрій Платоновичъ, посматривая по сторонамъ.—Развѣ я не люблю Вѣру"?... Конечно, онъ любитъ ее, и любитъ именно той хорошей, умной любовью, которою долженъ любить мужъ жену, и любилъ бы еще болѣе, еслибы... еслибъ она понимала все... Онъ не бабникъ, онъ никогда не гонялся за женщинами. И всегда мечталъ и думалъ о такой женѣ, которая замѣнила бы ему всѣхъ другихъ женщинъ... Вѣра умна, красива, она хорошая мать, но... она черезчуръ суха и строга... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ проходить всю жизнь въ корсетѣ высоконравственныхъ принциповъ... Нѣтъ, она этого никогда не пойметъ... Сколько разъ собирался онъ заговорить съ ней, что онъ вовсе уже не такой безупречный и идеальный мужчина, какимъ она его себѣ представляетъ. Онъ даже пробовалъ дѣлать намеки, какъ бы говоря о другихъ и оправдывая ихъ грѣшки, но Вѣра всегда останавливала его и ставила въ примѣръ ихъ сожительство, безупречное, чистое... А когда онъ начиналъ говорить яснѣе, она улыбалась и думала, что онъ просто наговариваетъ на себя... Конечно, съ его стороны это было малодушно, что онъ не говорилъ и не дѣйствовалъ болѣе рѣшительно.

Звонки конокъ заставили его встрепенуться и поднять голову. Онъ переѣзжалъ въ это время какъ разъ черезъ Невскій проспектъ. На углу Николаевской какая-то переходившая черезъ улицу молоденькая дама, съ высоко подобранными юбками, вызывающе взглянула на него и улыбнулась.

„Какая хорошенькая"!—подумалъ Дмитрій Платоновичъ, машинально отвѣчая улыбкой на улыбку. „А вотъ, еслибы Вѣра была не такой, какая она есть, т.-е. не совсѣмъ такой",—поправилъ онъ себя,—„я не сталъ бы улыбаться постороннимъ женщинамъ... Да, но какъ ей это объяснить?.. Какъ растолковать ей, что она въ своей высокой роли матери должна стоять выше всей той грязи... и... и оставить ее намъ, мужчинамъ, что-ли?"—закончилъ онъ и самъ внутренно разсмѣялся.

„Однако, какая подлая логика"!—поймалъ онъ себя.—„Вѣдь такъ и она можетъ сказать, что я въ благородной роли отца долженъ тоже стоять выше всякой грязи... Сказать, конечно,

Digitized by Google

все можно, но... въ жизни бываетъ иначе, а противъ жизни ничего не подѣлаешь",—легкомысленно успокоилъ онъ себя, останавливая извозчика у крыльца дома, въ которомъ жилъ тесть.

— Александръ Павловичъ дома?—спросилъ онъ у старика лакея, входя въ переднюю.

— Дома-съ, пожалуйте,—отвѣтилъ тотъ, снимая съ него пальто.

— А Вѣра Александровна здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Были, но уѣхали. Съ часъ времени, какъ уѣхали-съ.

— Куда?—изумился Дмитрій Платоновичъ.

— Къ Зинаидѣ Александровнѣ проѣхали-съ.

„Зачѣмъ же я сюда попалъ? Что же дѣлать теперь? Не войти ужъ нельзя, а войти—совершенно лишнія объясненія будутъ", размышлялъ Корецкій, протирая свое черепаховое пенснэ.

А лакей, между тѣмъ, отворилъ передъ нимъ дверь кабинета и еще разъ повторилъ:

— Пожалуйте.

Александръ Павловичъ стоялъ посреди комнаты и какъ-то сконфуженно протянулъ руку вошедшему зятю.

— А я за Вѣрой, думалъ, что она здѣсь,—стараясь быть развязнымъ, заговорилъ Дмитрій Платоновичъ.

— Нѣтъ, она была, но уѣхала къ Зинѣ,—конфузясь еще болѣе, отвѣтилъ старикъ.

„Теперь мнѣ можно повернуться и уйти",—подумалъ Корецкій, но не повернулся и не ушелъ, а, какъ-то криво улыбнувшись, проговорилъ:

— У насъ вышло маленькое недоразумѣніе... Вѣра, должно быть, вспылила... Надо выяснить все это...

— Да, она мнѣ говорила объ этомъ,—тихо произнесъ Александръ Павловичъ, все еще стоя посреди комнаты и не приглашая Корецкаго садиться.

— Непріятная исторія... Конечно, я... во всемъ виноватъ, но... не настолько, чтобы... дѣлать изъ этого grand cas...—зачѣмъ-то потирая себѣ руки, говорилъ Корецкій.

— Однако, что же мы стоимъ?—спохватился Александръ Павловичъ.—Садитесь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я ужъ лучше прямо поѣду къ ней,—запротестовалъ-было Дмитрій Платоновичъ, но потомъ, словно одумавшись, вынулъ портсигаръ и сталъ закуривать папиросу у свѣчки, горѣвшей на маленькомъ курительномъ столикѣ.

Digitized by Google

Александръ Павловичъ въ это время прошелъ къ своему креслу и сѣлъ.

„Зачѣмъ я его остановилъ"?—подумалъ онъ, чувствуя, что какая-то глухая непріязнь пробуждается въ немъ къ этому красивому, самоувѣренному человѣку.

— Ужасная погода!—заговорилъ Корецкій, усаживаясь на другое кресло, напротивъ старика.

— Да, барометръ страшно низко,—подтвердилъ Александръ Павловичъ, опуская голову и стараясь не глядѣть на Корецкаго.

Одно и то же чувство стыда охватило ихъ обоихъ. У Корецкаго къ стыду примѣшивалось еще скрытое раздраженіе.

„Что это я какъ мальчишка?—думалъ онъ.—Чего я боюсь? Что меня развѣ въ уголъ поставятъ? Высѣкутъ? Развѣ я не такой же отецъ"?

„Ахъ, хоть бы онъ ушелъ... Зачѣмъ онъ тутъ"?—мелькало въ головѣ Александра Павловича, и чувство непріязни къ этому совершенно чужому для него, но механически съ нимъ связанному человѣку, тоскливо сжимало ему сердце. „Онъ сидитъ передо мной, словно моя совѣсть... И какая дрянная, самоувѣренная совѣсть"!—продолжалъ онъ думать, а образъ его дочери, этой чистой, нравственной, но гордой Вѣры, вставалъ передъ нимъ, какъ бы требуя защиты. А изъ-за Вѣры смотрѣла ея мать. Нѣмой упрекъ читалъ онъ на этихъ двухъ дорогихъ лицахъ, вызванныхъ его воображеніемъ.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Александръ Павловичъ взглянулъ на Корецкаго. Его красивое, здоровое лицо, его непринужденная, но изящная поза до боли покоробили его. Александру Павловичу захотѣлось сказать что-нибудь рѣзкое, грубое, обидное. Ему хотѣлось сказать, что онъ никогда не любилъ своего зятя, что въ душѣ своей онъ всегда былъ противъ этого брака, что онъ заранѣе чувствовалъ, что Вѣра будетъ несчастна и что они оба, т.-е. и самъ Александръ Павловичъ, и Корецкій—дрянные, негодные люди, недостойные такихъ чистыхъ женщинъ, какъ Вѣра и ея мать. Онъ уже готовъ былъ открыть ротъ, когда Корецкій, вдругъ какъ-то дрянно и фамильярно улыбнувшись, проговорилъ:

— Кто Богу не грѣшенъ?! Но женщинамъ ужасно трудно растолковать это.

Александръ Павловичъ стиснулъ зубы и опустилъ голову.

„Ничего, ничего не могу я ему сказать... Пусть только поскорѣе уходитъ",—думалъ онъ, нервно вертя въ рукахъ костяной разрѣзательный ножикъ.

Digitized by Google

Но Корецкій неторопливо курилъ свою папиросу, покачивалъ ногой и продолжалъ улыбаться.

— Главное, я боюсь, чтобы она не простудила Митю... Что, вы не знаете, она въ каретѣ поѣхала?—спросилъ онъ Александра Павловича.

— Не знаю,—сухо отвѣтилъ тотъ.

— Такая погода, что добрый хозяинъ собаки не выгонитъ изъ дому...

„Какъ могла его Вѣра выбрать? Какъ могла его полюбить“?—думалъ старикъ и вдругъ облегченно вздохнулъ: Корецкій всталъ съ кресла и протягивалъ ему руку.

— Ну, поѣду за женой... Надо же ее успокоить,—проговорилъ онъ.

Александръ Павловичъ проводилъ зятя до передней.

„Нѣтъ, зачѣмъ я нервничаю? Зачѣмъ я волнуюсь и держу себя такъ отвратительно?—думалъ Дмитрій Платоновичъ, опять ѣдучи на извозчикѣ.—Можно подумать, что я совершилъ какое-нибудь преступленіе, а на самомъ дѣлѣ я сдѣлалъ только то, что дѣлаютъ девяносто-девять изъ ста мужей“.

И онъ сталъ перебирать въ головѣ своихъ знакомыхъ мужчинъ, которые измѣняютъ женамъ. Про нѣкоторыхъ онъ зналъ навѣрное, о нѣкоторыхъ догадывался, а тѣ, что безусловно вѣрны своимъ женамъ, оказывались или какими-то холодными, безстрастными существами, ничѣмъ не волнующимися и не интересующимися въ жизни, или простодушными божьими человѣчками, въ родѣ Василія Ивановича.

„Стало быть,—успокаивалъ онъ себя,—преступленіе мое не такъ велико, какъ оно можетъ казаться экзальтированной Вѣрѣ Александровнѣ“.

Но когда извозчикъ остановился у подъѣзда Батулиныхъ, сердце Корецкаго дрогнуло и замерло.

Теперь ужъ онъ навѣрное зналъ, что встрѣтитъ жену и будетъ объясняться съ нею.

VIII.

— Вѣра здѣсь?—по возможности равнодушно спросилъ онъ вышедшаго къ нему въ переднюю Василія Ивановича.

— Здѣсь, голубчикъ, здѣсь!.. Но пойдемте сначала ко мнѣ въ кабинетъ... въ кабинетъ пойдемъ!—сконфуженно и растерянно забормоталъ тотъ.

— Да постойте! Дайте же мнѣ сначала раздѣться!—улыб-

Digitized by Google

нулся Корецкій, снимая пальто и отирая платкомъ свое мокрое отъ дождя лицо.

И этой улыбкой, и тономъ голоса, онъ какъ бы хотѣлъ дать понять Батулину, что ничего ужаснаго не произошло и что волноваться совершенно не изъ-за чего.

Но Василій Ивановичъ видимо не понималъ этого и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Пойдемте въ кабинетъ... Пойдемте въ кабинетъ!—настаивалъ онъ.

И Корецкій, улыбнувшись еще разъ, прошелъ за нимъ въ его маленькую рабочую комнатку.

— Садитесь, пожалуйста, садитесь! Вотъ, курите!—хлопоталъ Василій Ивановичъ...

— Нѣтъ, постойте, постойте!—остановилъ его Корецкій.— Прежде всего мнѣ нужно видѣть Вѣру. Пожалуйста, подите и скажите, что я хочу съ ней поговорить.

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ... вотъ тутъ папиросы... Только будьте всегда увѣрены, что я вамъ во всемъ сочувствую.

И, крѣпко пожавъ Корецкому руку, Василій Ивановичъ вышелъ изъ кабинета.

„Божій человѣкъ“,—подумалъ Дмитрій Платоновичъ, глядя ему вслѣдъ.

— Вѣра Александровна, вашъ мужъ пріѣхалъ!—робко просовывая въ дверь дѣтской голову, прошепталъ Василій Ивановичъ.

— Ну, такъ что же?—спросила Вѣра, уже одѣвавшая въ это время все еще капризничавшаго спросонья Митю.

— Онъ хочетъ съ вами поговорить.

Вдругъ ребенокъ, какъ-то понявшій, что рѣчь идетъ о его отцѣ, замахалъ ручками и пронзительно закричалъ:

— Къ па-апѣ! Къ па-апѣ!

Вѣра Александровна вздрогнула, и сердце ея сжалось.

— Молчи, милый, молчи! Мы сейчасъ къ дѣдушкѣ поѣдемъ,— успокаивала она сына.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не хочу къ дѣдушкѣ... Хочу къ папѣ!— не унимался тотъ, вырываясь изъ рукъ матери.

— Миленькій!.. Митя, миленькій! Да постой же, я тебя сначала одѣну,—совсѣмъ растерялась Вѣра Александровна.—Скажите, сейчасъ приду!—крикнула она все еще выглядывавшему въ дверь Василью Ивановичу.

Василій Ивановичъ покрутилъ головой и почти бѣгомъ побѣжалъ въ кабинетъ, затворяя по пути всѣ двери.

Digitized by Google

— Къ папѣ, къ папѣ, къ па-а-пѣ!—доносился до него пронзительный крикъ ребенка.

— Сейчасъ придетъ... Сказала, что сейчасъ придетъ,—почему-то задыхаясь, проговорилъ онъ, входя въ кабинетъ.

Корецкій сидѣлъ на оттоманкѣ въ лѣнивой, даже небрежной позѣ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—заговорилъ Василій Ивановичъ, останавливаясь передъ нимъ.—Эти женщины просто ужасны!—Онѣ никогда ничему не хотятъ вѣрить и постоянно сцены, сцены, сцены... Ну, вотъ, хоть бы Зина... Еслибъ вы знали, какъ она меня ревнуетъ... Просто ужасъ! А что я могу сдѣлать! Я знаю, что я самъ виноватъ... Надо быть рѣшительнѣе, надо быть построже... А какъ тутъ будешь построже, когда она то беременна, то кормитъ... Ну, и молчишь... А это вѣдь портитъ характеръ ея... входитъ въ привычку... А Вѣра Александровна не беременна?—вдругъ спросилъ онъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Корецкій, удивленный неожиданностью вопроса.—Едва ли.

— Навѣрное, беременна,—махнулъ рукой Василій Ивановичъ.—Когда онѣ беременны, имъ всегда вотъ этакое представляется... Вы подумайте только,—и Василій Ивановичъ съ ногами взобрался на оттоманку, рядомъ съ Корецкимъ.—Вы подумайте, когда Зина носила Ниночку, она приревновала меня даже къ Вѣрѣ Александровнѣ... Да вѣдь какъ приревновала-то! Въ серьёзъ... Стала увѣрять, что у насъ съ ней тайныя свиданія! Что мы цѣлуемся за каждой дверью... Ну, а потомъ, какъ родила—все и прошло. Прощенье просила, клялась, что никогда не будетъ... Ну, а теперь вотъ опять и опять началось... Но теперь ужъ и не къ Вѣрѣ Александровнѣ, а Богъ знаетъ, къ какому-то миѳическому существу. И имя даже этому существу выдумала: Ольга. Увѣряетъ, что я во снѣ какъ-то проговорился... что сказалъ: Ольга! Очень можетъ быть, что я сказалъ: „только", а она не разслышала и пошла сочинять... Смотрите, Дмитрій Платоновичъ, смотрите, Вѣра Александровна навѣрное беременна, а то съ чего же это могло ей представиться?

Дмитрій Платоновичъ слушалъ и улыбался.

„А что,—думалъ онъ,—взять да и сказать этому агнцу, что Вѣрѣ ничего не представилось, а что дѣйствительно я въ связи съ Эльзой... То-то уморительную рожицу сдѣлаетъ"!

Желаніе озадачить Василія Ивановича было въ Корецкомъ такъ велико, что онъ, пожалуй, и привелъ бы его въ исполненіе,

Digitized by Google

если бы въ это время дверь не отворилась и сама Вѣра Александровна не вошла въ кабинетъ.

Батулинъ быстро вскочилъ съ оттоманки и, пробормотавъ что-то, юркнулъ изъ комнаты.

Корецкій всталъ медленно и даже лѣниво.

— Что вамъ угодно отъ меня?—холодно, но вся поблѣднѣвъ, спросила Вѣра Александровна.

— Я пріѣхалъ за вами, чтобы отвезти васъ домой,—спокойно отвѣтилъ Дмитрій Платоновичъ.

— Въ вашъ домъ я больше не поѣду,—словно давно заученную фразу, отчеканила Вѣра.

— Почему?

— Вы сами хорошо знаете почему, и подобный вопросъ излишенъ.

— Нѣтъ, говоря по совѣсти, я не знаю, почему вы не можете ѣхать въ домъ, т.-е., вѣрнѣе, въ квартиру вашего мужа и вашего сына?

— Вы больше не мужъ мнѣ.

— По закону я все еще вашъ мужъ, Вѣра Александровна.

— А сына у васъ нѣтъ, это мой сынъ!—продолжала Вѣра, какъ бы не слушая Корецкаго.

— И мой также,—не только спокойно, но даже съ легкой ироніей проговорилъ Дмитрій Платоновичъ.

Вѣра злобно улыбнулась. Она словно ждала этого и заранѣе уже была готова къ отвѣту.

— Ребенокъ остается у правой стороны, а не у виновной. Это тоже по закону, Дмитрій Платоновичъ.

— Да, но въ данномъ случаѣ законъ еще не вступилъ въ свою силу,—начиная уже забавляться раздраженіемъ жены, замѣтилъ Корецкій.

— Однимъ словомъ, ни я не поѣду, ни Митю вамъ не дамъ!—уже выходя изъ холоднаго тона, проговорила Вѣра Александровна и сдѣлала два шага къ двери.

— Послушайте, Вѣра Александровна! Не будемъ глупо препираться на этой „законной“ почвѣ. Тѣмъ болѣе, пока еще мое преступленіе не доказано, законъ весь на моей сторонѣ. Поговоримъ лучше просто какъ порядочные люди. Вы рѣшили оставить меня, уйти... Что жъ, воля ваша! Пользоваться моими прерогативами мужа я не стану, конечно... Вы можете оставить, уйти, однимъ словомъ, поступить, какъ вамъ угодно... Но, во-первыхъ, нельзя же этого дѣлать такъ... мм... ну, по-мѣщански, что-ли... Такъ по-мальчишески, скандально... Схватить ребенка,

Digitized by Google

сѣсть и уѣхать... Это шагъ настолько серьезный, что и сдѣлать его надо серьезно. Ваша выходка такъ мало похожа на васъ, что, право, я ее менѣе всего могъ ожидать...

— А ваша выходка, Дмитрій Платоновичъ, — начала-было Вѣра, но мужъ остановилъ ее.

— Постойте, Вѣра Александровна, обо мнѣ тутъ говорить нечего... Я вѣдь не оправдываюсь, не извиняюсь и не раскаиваюсь... Я даже не говорю, чтобъ вы не должны были меня бросить... Я только говорю о томъ: какъ бросить? То, что продѣлали вы—недостойно разумной, гордой и порядочной женщины... Вы считаете, что между нами нужно все покончить... Хорошо, я допускаю это... Но вспомните, какъ серьезно и обдуманно вступали мы въ бракъ, и не откажитесь такъ же серьезно и обдуманно этотъ бракъ расторгнуть.

— Я поступила совершенно серьезно и обдуманно,—рѣзко проговорила Вѣра, положивъ руку на скобку двери.

— Но неприлично,—тихо замѣтилъ Корецкій.

— Почему неприлично?

— А потому, что смѣшно. Смѣшно разбирать свое грязное бѣлье передъ цѣлой улицей... Предоставьте это другимъ, а мы съ вами можемъ сдѣлать это и съ глазу-на-глазъ... безъ ненужныхъ и постороннихъ свидѣтелей.

— Кого я сдѣлала свидѣтелями? Отца, сестру?

— Горничную, швейцара, однимъ словомъ—весь домъ.

— Все равно, дѣло сдѣлано.

— Сдѣлано скверно, и его нужно поправить. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, вы говорите, что поступили серьезно и обдуманно, но вы совсѣмъ не подумали о сынѣ...

— Я вамъ сказала, что я беру его себѣ,—настойчиво повторила Вѣра.

— А сказалъ ли я вамъ, что я его отдамъ?

Вѣра вспыхнула.

— Какъ? Неужели вы будете настолько низки и подлы?!— горячо заговорила она, дѣлая шагъ къ мужу.—Неужели вы, опозорившій домашній очагъ, не пощадившій ребенка, сдѣлавъ его свидѣтелемъ вашихъ грязныхъ сценъ, неужели вы рѣшитесь воспользоваться вашими правами законнаго мужа, правами пока неосужденнаго преступника, чтобы отнять у меня сына?

— Если я увижу, что мои права попираются такъ безцеремонно, такъ дерзко, то очень возможно, что я и воспользуюсь этими правами.

Вѣра вдругъ закрыла лицо руками и заплакала.

Digitized by Google

— Этого-то... Этого-то ужъ я отъ васъ не ожидала!—проговорила она и опустилась на оттоманку.

— Вѣра Александровна, вы знаете меня три года какъ мужа, да около двухъ лѣтъ знали меня какъ жениха... Вы знаете, что я мягокъ и уступчивъ, когда со мной вѣжливы и когда просятъ меня. Но вы такъ же хорошо знаете, что я становлюсь настойчивымъ и непреклоннымъ при малѣйшемъ насиліи съ чьей-либо стороны,—началъ-было Дмитрій Платоновичъ, но Вѣра вдругъ опять вскочила на ноги и съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, почти крикнула мужу:

— Такъ знайте же и вы, дрянной вы человѣкъ, что и я настойчива и непреклонна! Что я скорѣй отравлю себя, чѣмъ соглашусь продолжать нашу позорную жизнь!

Корецкій вздрогнулъ и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Успокойтесь! Никто, а я менѣе, чѣмъ кто-либо другой, буду настаивать на нашемъ сожительствѣ,—проговорилъ онъ.

— Чего же вы хотите отъ меня?

— А то, чтобы разрывъ нашъ былъ произведенъ не только обдуманно и серьезно, но и прилично.

— Вы хотите, чтобы я вернулась въ вашъ домъ?

— Да, хотя на нѣкоторое время.

— Зачѣмъ?

— Да для того, чтобы спокойно обдумать наши будущія отношенія и размежевать права на сына.

— Размежевать права на сына!.. Вы говорите о ребенкѣ какъ о какой-то вещи!—съ горькой ироніей проговорила Вѣра Александровна.

— Я говорю какъ благоразумный отецъ, желающій устроить будущность сына наилучшимъ образомъ.

— Онъ будетъ жить у дѣда, съ матерью... Чего же еще лучше?

— Вѣра Александровна, вѣдь лишить сына моей фамиліи вы не можете, а потому и рѣшать его судьбу такъ легко вы не должны. Да и подумайте,—немногаго я отъ васъ прошу: прилично вернуться домой, спокойно и неторопливо обсудить наши отношенія, и потомъ, если вы пожелаете, разойтись.

— Не все ли равно, если мы разойдемся сейчасъ же?

— Нѣтъ, не все равно, потому что теперь выйдетъ разводъ со скандаломъ, а не торопясь можно устроить все гораздо лучше. Я могу перевестись изъ Петербурга... Куда-нибудь на окраины... Въ такое мѣсто, куда мнѣ неудобно будетъ тащить за собой семью, и вы, какъ бы волей-неволей, должны будете переселиться

Digitized by Google

къ вашему отцу. Наконецъ, почему вы такъ боитесь вернуться домой? Вѣдь вы, надѣюсь, настолько уже знаете меня, что не можете предположить съ моей стороны какого-нибудь насилія.

— Насилія?—повторила Вѣра и презрительно улыбнулась.— Я не боюсь никакого насилія.

— Зачѣмъ же тогда дѣло стало?

— Но я не могу вернуться въ тотъ домъ... Я не могу быть подъ одной крышей...—начала она и вдругъ остановилась, какъ бы не въ силахъ выговорить всей правды.

— Вы боитесь сказать, что не можете быть въ одной квартирѣ съ Эльзой,—помогъ ей Дмитрій Платоновичъ. — Такъ не бойтесь, ея нѣтъ больше у насъ... Я ее уже уволилъ... Завтра утромъ только она явится за вещами, но это сдѣлается такъ, что вы ее не увидите и не узнаете... Стало быть, и этого препятствія не существуетъ... Итакъ?..

Вѣра Александровна стояла задумчиво опустивъ голову и молчала. Она теперь и сама уже хорошенько не понимала—что ей дѣлать? Мысль о томъ, что теперь, вечеромъ, ѣхать съ Митей къ отцу, устраиваться съ нимъ кое-какъ, безъ необходимыхъ для ребенка вещей, наконецъ просто нервировать этимъ Митю—онъ такой чуткій, болѣзненный даже мальчикъ—пугала ее. Но, съ другой стороны, уступить такъ прямо мужу ей почему-то казалось постыднымъ...

„Но вѣдь онъ сдѣлалъ же мнѣ уступку. Онъ выгналъ же эту тварь"!—уговаривала она себя и тутъ же представляла себѣ, какъ жутко ей будетъ вдвоемъ въ квартирѣ съ этимъ чужимъ, даже ненавистнымъ ей человѣкомъ.

— Хорошо, я поѣду домой,—проговорила она, наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія.—Я дѣлаю это для Мити, но вы знайте разъ навсегда, что между нами все, все кончено.

Дмитрій Платоновичъ покорно склонилъ голову.

— Я велю послать за каретой,—проговорилъ онъ при этомъ.

— Хорошо,—подтвердила Вѣра Александровна и пошла въ дѣтскую.

IX.

— Ну, что?—заботливо спросилъ появившійся въ кабинетѣ Василій Ивановичъ.

— Ничего, мы ѣдемъ сейчасъ домой. Будьте такъ добры, пошлите нанять карету!—почти спокойно сказалъ Корецкій.

— Ну, слава Богу, слава Богу!—растроганнымъ голосомъ

Digitized by Google

заговорилъ Василій Ивановичъ и совершенно неожиданно для Корецкаго обнялъ и поцѣловалъ его.—А за каретой я сейчасъ пошлю... За каретой я пошлю...—добавилъ онъ и, выбѣжавъ изъ кабинета, закричалъ громкимъ и повеселѣвшимъ голосомъ:—Даша! Даша!

„Первый шагъ сдѣланъ, — думалъ Дмитрій Платоновичъ, — а съ нею важно добиться только первой уступки. Теперь, можетъ быть, уладится и все остальное".

Черезъ полчаса Вѣра Александровна, уже въ ротондѣ и съ одѣтымъ въ теплое пальто Митей на рукахъ, вышла въ гостиную, гдѣ ихъ дожидался Дмитрій Платоновичъ. Увидѣвъ отца, Митя радостно взвизгнулъ и потянулся къ нему.

Вѣра Александровна сначала, было, инстинктивно прижала сына къ себѣ, но сейчасъ же, словно одумавшись, передала его отцу.

Мальчикъ обвилъ ручонками шею Дмитрія Платоновича и, лепеча что-то, принялся его цѣловать. А Дмитрій Платоновичъ почувствовалъ, что горло его стиснула какая-то спазма, и слезы готовы брызнуть изъ глазъ.

„И я его могъ потерять"!—подумалъ онъ, почему-то вполнѣ увѣренный, что теперь все уже устроится благополучно.

Крѣпко прижавъ сына къ груди и наскоро простившись съ Батулиными, онъ вышелъ первымъ изъ передней. Вѣра Александровна шла за нимъ грустная, задумчивая. Она чувствовала себя побѣжденной какой-то фатальной невѣдомой силой.

Василій Ивановичъ выскочилъ провожать ихъ на лѣстницу, и когда они повернулись къ нему спиной, торопливо и украдкой покрестилъ имъ вслѣдъ. „Дай Богъ! Дай Богъ"!—шепталъ онъ.

Вернувшись въ комнаты, онъ схватилъ стоявшую еще въ гостиной Зину за руки и потащилъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Зиночекъ, миленькій, родной мой, давай больше не ссориться! — ласково заглядывая женѣ въ глаза, пролепеталъ онъ.

Зина обвила шею мужа руками и, цѣлуя его, твердила:

— Не будемъ, Вася, не будемъ.

— А знаешь, Зина, Вѣрочка беременна! — сейчасъ же сообщилъ онъ ей.

— Можетъ ли быть?—удивилась Зина.—Она мнѣ ничего не говорила. Тебѣ Дмитрій Платоновичъ сказалъ?

— Да... т.-е. нѣтъ... Но это навѣрное такъ. Иначе почему бы она стала все это выдумывать?

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ,—подтвердила Зина.

И молодые супруги, усѣвшись на оттоманку и нѣжно при-

Digitized by Google

кавшись другъ къ другу, стали по-своему обсуждать только-что происшедшее на ихъ глазахъ событіе.

Вѣра Александровна и Дмитрій Платоновичъ всю дорогу до дому не проронили ни одного слова. Только Митя, сидѣвшій на рукахъ у отца, нѣсколько разъ принимался разсказывать о томъ, какъ онъ упалъ съ лошадки. Видя, что его плохо слушаютъ, онъ для того, чтобы обратить на себя вниманіе, подергивалъ Дмитрія Платоновича за бороду. А тотъ, тихо улыбаясь, нѣжно цѣловалъ маленькую ручку сына.

Саша, кажется, была не мало изумлена, когда господа вмѣстѣ вернулись домой. Вѣра Александровна прошла прямо въ дѣтскую и сейчасъ же распорядилась перенести Митину кроватку и кое-какія необходимыя вещи въ свою смежную съ дѣтской спальню и наглухо заперла соединявшую эти комнаты и ранѣе всегда открытую дверь. Кровать Эльзы, съ ея чистой, кокетливой постелью, стоявшая въ дѣтской, производила на Вѣру Александровну гадливое, почти страшное впечатлѣніе.

„Завтра все это вынесутъ и вымоютъ. Потомъ я переставлю всю мебель“,—утѣшала она себя, сама руководя переноской Митиной кроватки.

Дмитрій Платоновичъ, прошедшій прямо къ себѣ въ кабинетъ, вспомнилъ, что онъ сегодня не обѣдалъ. Ѣсть ему не хотѣлось, но для того, чтобы не нарушать порядка, онъ прошелъ въ столовую и велѣлъ себѣ подать чего-нибудь.

На душѣ у него было какъ-то спокойно. Онъ былъ увѣренъ, что Вѣра, сдѣлавшая первую уступку, пойдетъ и дальше. Вѣдь должна же она понять, что тутъ главный вопросъ не въ нихъ, а въ сынѣ.

Часовъ въ девять вечера, когда Митю уже уложили спать, Дмитрій Платоновичъ прошелъ къ комнатѣ своей жены и, остановившись у двери, сказалъ, что онъ желалъ бы поговорить.

Къ себѣ въ комнату Вѣра Александровна его почему-то не впустила, но обѣщала придти къ нему въ кабинетъ. Дмитрій Платоновичъ вернулся къ себѣ и сталъ ждать жену. Онъ зналъ, что теперь предстоитъ серьезное объясненіе, но не загадывалъ впередъ о томъ, что будетъ онъ говорить, и онъ былъ спокоенъ, потому что заранѣе рѣшилъ говорить только одну правду, какъ бы горька и неприглядна она ни была.

Вошла Вѣра Александровна и молча сѣла въ кресло, возлѣ письменнаго стола. Дмитрій Платоновичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вѣра Александровна,—заговорилъ онъ первый, послѣ не-

Digitized by Google

большой паузы. — Давайте объяснимся, наконецъ, рѣшительно разъ и навсегда!

Вѣра горько усмѣхнулась. Ей вспомнилось, что эту же самую фразу она слышала сегодня отъ тетки, комически имитировавшей объясняющихся супруговъ.

Но Дмитрій Платоновичъ не замѣтилъ этой улыбки и продолжалъ:

— Вѣра Александровна, три года мы живемъ вмѣстѣ. Неужели за это время мы не успѣли хорошенько узнать другъ друга? Давайте, приподнимемъ занавѣску недоговоренности и выяснимъ наши отношенія. Вы...—и онъ началъ объяснять Вѣрѣ, что она за женщина. Онъ отдавалъ должное и ея уму, и ея характеру, ея высокой нравственности. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ слегка льстить, но не удерживалъ себя, считая нужнымъ позолотить пилюлю, которую готовился поднести.

А Вѣра Александровна слушала и думала, что она слышитъ это уже далеко не въ первый разъ.

„А вѣдь главнаго-то, главнаго не скажетъ“,—говорила она себѣ и боялась, какъ бы онъ дѣйствительно не сказалъ это главное. Да и зачѣмъ говорить? Развѣ она сама не знаетъ? Развѣ не понимаетъ она, что ея обаяніе на него, какъ женщины, просто какъ женщины, уже утратило свою силу. Его ласки, прежде хотя и сдержанныя, но горячія и страстныя, теперь стали совсѣмъ не тѣ. Ему не надо болѣе сдерживаться — онъ остылъ. Но неужели же, неужели для него все заключается въ страсти? Неужели эта страсть нужна ему всю жизнь, и онъ не можетъ преодолѣть ее? Это недостойно, недостойно человѣка“!—думала она и ждала, что Дмитрій Платоновичъ, вотъ-вотъ, сейчасъ ей скажетъ „самое главное“.

А Дмитрій Платоновичъ, подходя къ „пилюлѣ“, заминался и чувствовалъ себя не въ силахъ сказать этой, въ сущности, любимой имъ женщинѣ непріятную правду. И онъ обошелъ „пилюлю“ и заговорилъ самъ о себѣ. Тутъ онъ вначалѣ не жалѣлъ самыхъ мрачныхъ красокъ. Да, да, онъ вовсе не таковъ, какимъ воображала его Вѣра Александровна. Конечно, онъ честенъ, онъ не сдѣлаетъ никакой подлости, но онъ человѣкъ и... даже... дрянной человѣкъ,—съ усиліемъ выговорилъ онъ.—То-есть рабъ страстей, можетъ быть даже жертва ихъ... Но что дѣлать? И воспитаніе, вѣроятно, и предки, заразили его кровь. Онъ самъ знаетъ, что это гадко, низко, недостойно человѣка... Онъ тяготится этимъ и радъ бы побороть въ себѣ звѣря—и конечно будетъ стараться побороть его въ себѣ, и, можетъ быть, даже поборетъ...

Digitized by Google

„Зачѣмъ все это я говорю"? — думалъ онъ въ то же время. —Вѣдь это же раскаяніе, которое насъ заведетъ опять въ прежній лабиринтъ недоразумѣній. Вѣдь слѣдовало бы сказать совсѣмъ иное... Вѣдь слѣдовало бы и ей предоставить такую же полную свободу, какой хочу пользоваться и я"... Но что-то мѣшало ему сказать это, и онъ заговаривалъ о сынѣ. Говорилъ, что ихъ будущая жизнь должна слиться въ немъ, что нужно сдѣлать этого ребенка лучше его родителей, т.-е., по крайней мѣрѣ, лучше его грѣшнаго отца.

И тутъ у него мелькала счастливая мысль, и онъ цѣпко хватался за нее.

Онъ говорилъ, что его грѣхи и особенно ясное познаніе этихъ грѣховъ поможетъ не допустить въ сынѣ развиться тѣмъ же порокамъ. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ можетъ подмѣтить въ самомъ зародышѣ дрянныя стороны своей натуры и искоренять ихъ въ сынѣ. Разойтись имъ не слѣдуетъ, нельзя... И ради Мити надо принести жертвы.

— Хорошо, — перебила его Вѣра Александровна. — Ради Мити я останусь. Я принесу жертву, я буду жить съ ненавистнымъ теперь мнѣ человѣкомъ. А какую жертву принесете вы, Дмитрій Платоновичъ?

Корецкій сначала растерялся, но потомъ сейчасъ же и разсердился на ея слова.

„А вѣдь она завидуетъ, — подумалъ онъ. — Она честна, нравственна, потому что не можетъ быть иной. И вотъ она тяготится своей честностью и нравственностью—и завидуетъ".

И ему ужасно захотѣлось сказать, что и онъ принесетъ жертву, тоже будетъ жить съ ненавистной ему теперь женщиной, но онъ удержался—„ради Мити", мелькнуло у него въ головѣ, и, не отвѣтивъ прямо на ея вопросъ, заговорилъ о материнствѣ и о томъ, что между женщиной и мужчиной, въ сущности, страшная разница. Что со стороны мужчинъ является только проступкомъ—въ женщинѣ это уже преступленіе. Ну, да, ну, да! Потому что женщины лучше мужчинъ, что онѣ чище ихъ, что любовь ихъ охватываетъ всецѣло и подчиняетъ себѣ страсти; что мужчина заурядъ самецъ, тогда какъ женщина-самка—явленіе болѣе или менѣе исключительное.

„И все это неправда! — сердился онъ самъ на себя. — И женщина такая же самка... Только въ ней больше хитрости и каверзничества"...

И не сдержавшись, вдругъ заговорилъ откровеннѣе.

— Видишь ли, Вѣра, мужчина можетъ обладать женщиной

Digitized by Google

и не любя ея, и совершенно искренно въ этомъ признаться. Женщина—не то: понравится женщинѣ мужчина просто такъ, физически, она сейчасъ же и пускаетъ въ ходъ свою чисто-женскую логику. „Ахъ, этотъ мужчина мнѣ нравится, — думаетъ она,—но я не могу отдаться безъ любви... Ну, чтожъ? Я возьму и влюблюсь въ него"!

Вѣра Александровна сдѣлала брезгливую гримасу.

— Да, да, Вѣра Александровна, это такъ, это правда, и никто отъ этого такъ сильно не страдаетъ, какъ сами же женщины. У женщинъ нѣтъ мужества называть вещи своими именами, и потому онѣ всегда бродятъ въ лабиринтѣ недомолвокъ и недоразумѣній. Но дѣло не въ этомъ; перейдемъ къ нашему вопросу. Вы спрашиваете, какую жертву принесу я въ обмѣнъ на вашу жертву? Съ моей стороны, конечно, жертва будетъ не велика, потому что я люблю васъ и... уважаю. И мнѣ, вѣроятно, не такъ трудно жить съ вами, какъ вамъ со мной, но вы и сами, конечно, не откажете мнѣ въ томъ, что я былъ всегда любящимъ и заботливымъ отцомъ.

— Вы забылись до такой степени, что въ присутствіи сына... —заговорила Вѣра Александровна, но Дмитрій Платоновичъ сейчасъ же остановилъ ее.

— Знаю, знаю—и это мое самое главное преступленіе. Повѣрьте, что я страшно въ немъ раскаиваюсь, и никогда этого больше не повторится.

У Вѣры Александровны больно сжалось сердце.

„Стало быть, онъ раскаивается только въ томъ, что сдѣлалъ это въ присутствіи сына",—подумала она, съ трудомъ подавляя готовый вырваться вздохъ, и поднялась съ кресла.

— Довольно, Дмитрій Платоновичъ,—тихо, но рѣшительно заговорила она.—Довольно! Сколько бы мы ни говорили, мы все равно не договоримся ни до чего. А вопросъ, между тѣмъ, выясняется совершенно просто: мы съ вами больше не мужъ и не жена, а только отецъ и мать. Я обдумала: я не въ силахъ отнять у Мити отца, не въ силахъ лишить его вашего вниманія и заботливости... Я остаюсь здѣсь... Я легко принесу эту жертву для сына и не потребую отъ васъ взамѣнъ никакой даже жертвы. Развѣ только соблюденія самаго простого приличія, т.-е. попрошу васъ въ домѣ не заводить вашихъ грязныхъ шашней, да и внѣ дома быть осмотрительнѣе и осторожнѣе, чтобы ваше поведеніе не легло пятномъ на семью. Но мы съ вами уже чужіе люди —и навсегда. Надѣюсь, вы даже будете довольны той свободой,

Digitized by Google

которую я предоставляю вамъ? А затѣмъ, не будемъ больше объясняться; я устала, да и Митя одинъ въ моей спальнѣ.

И Вѣра Александровна медленными шагами вышла изъ кабинета.

Дмитрій Платоновичъ стоялъ нѣкоторое время какъ пришибленный. Дѣйствительно, вопросъ выяснился очень просто и ясно, но ему было и стыдно, и больно. Онъ готовъ былъ броситься за Вѣрой, встать передъ ней на колѣни, цѣловать ея ноги и молить о ея любви. Вѣдь онъ любилъ ее всегда, а въ настоящую минуту она показалась ему прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, но онъ зналъ, что всѣ мольбы его будутъ напрасны, а всѣ обѣщанія—неискренни. Онъ зналъ, что Вѣра останется всегда такою, какая она есть, а онъ, какія бы ни давалъ онъ клятвы, рано или поздно, но нарушитъ ихъ. Вѣдь не измѣняетъ же Василій Ивановичъ своей женѣ! Можетъ же онъ быть вѣренъ своей Зинѣ! „Отчего же я... я... отчего же я хуже его“?—выговорилъ, наконецъ, онъ.

Въ кабинетъ, въ это время, вошла горничная Саша и стала стлать ему постель на диванѣ.

Дмитрій Платоновичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и время отъ времени бросалъ сердитые взгляды на горничную.

Вѣдь, вотъ, онъ засматривался и на эту дѣвчонку, а что въ ней хорошаго? И не подвернись Эльза,—можетъ быть, и Саша была бы осчастливлена его ласками... Какая грязь, мерзость, какое униженіе!.. Неужели нельзя отдѣлаться отъ всего этого? И онъ вспомнилъ, что лѣтъ пять тому назадъ, когда онъ только-что познакомился съ Вѣрой Александровной, онъ вдругъ рѣзко и круто бросилъ пить вино, а до этого времени онъ пилъ и пилъ много и даже иногда напивался пьянъ. Когда же онъ рѣшилъ бросить, онъ боялся одного только, что безъ вина ему станетъ скучно. Скучно будетъ сидѣть въ товарищеской компаніи съ пустымъ стаканомъ, скучно будетъ передъ обѣдомъ не выпить двухъ-трехъ рюмокъ водки, скучно будетъ время отъ времени не впадать въ то одурѣлое и блаженное состояніе, въ которое его приводила лишняя бутылка вина. Но онъ бросилъ и не почувствовалъ скуки... Не то же ли самое и это? Его взгляды на хорошенькихъ женщинъ—не тѣ же ли двѣ-три рюмки передъ обѣдомъ? Не лучше ли, не спокойнѣе ли станетъ у него на душѣ, если онъ окончательно побѣдитъ въ себѣ животное? Вѣдь какъ много выигралъ онъ въ своихъ глазахъ, бросивъ пить!..

И ему захотѣлось вдругъ пойти къ Вѣрѣ и сказать ей все это. Но онъ удержался, рѣшивъ, что нужно дѣлать, а не говорить...

Digitized by Google

X.

Вѣра Александровна, войдя въ свою спальню, почувствовала себя вдругъ дѣйствительно разбитою и усталою.

Митя спалъ спокойно въ своей постелькѣ. Перекрестивъ сына, она неторопливо и, какъ всегда, безъ помощи горничной, стала раздѣваться. Горькая усмѣшка не сходила съ ея губъ.

„Вотъ все и рѣшено"... думала она. — Вотъ чѣмъ разрѣшились всѣ ея муки и страданія... И не нужно было ѣздить ни къ отцу, ни къ теткѣ, ни къ сестрѣ, потому что разрѣшилось все это не сегодня, не вчера, а можетъ быть въ самый день ихъ свадьбы... Были иллюзіи и разбились... Жизнь грубою рукою сорвала занавѣску и показала изнанку...

Раздѣвшись, Вѣра Александровна потушила свѣчу и улеглась въ постель. Спальня освѣщалась только слабымъ свѣтомъ ночника. Ровное дыханіе Мити успокоительно дѣйствовало на Вѣру Александровну. Усталыя руки и ноги непріятно ныли. Она то закрывала, то открывала глаза, а мысли все лѣзли и лѣзли въ ея голову.

Весь промелькнувшій день ясно, ясно вспоминался ей. И ей стало обидно, что въ ея горе вкрадывался все какой-то смѣшной элементъ. Что-то недомысленное, что-то несерьезное мѣшало ей страдать, и горе ея тлѣло и угасало отъ прикосновенія другихъ людей, отъ ихъ словъ... Да въ чемъ же все-таки горе-то ея? Вѣдь если отбросить чисто-животную боль, боль низкую, некрасивую, то останется... что? Чувство утраты... Но утраты того, чего на самомъ-то дѣлѣ не было... Разсѣялась иллюзія, пропалъ человѣкъ, котораго она сочинила, и остался, который былъ на самомъ дѣлѣ... всегда... Но утраченъ человѣкъ, котораго она любила, а остался чужой, несимпатичный ей мужчина... Съ какимъ удовольствіемъ, бывало, слушала она горячія, интересныя рѣчи своего мужа... А вѣдь очень часто онъ говорилъ то же самое, что говорилъ и сегодня. А какъ непріятны, какъ оскорбительны казались ей сегодня его слова... И самъ Дмитрій Платоновичъ казался ей не тѣмъ умнымъ и честнымъ человѣкомъ, котораго она выдѣляла изъ толпы, а однимъ изъ тѣхъ красивыхъ, но совершенно чуждыхъ ей мужчинъ, мимо которыхъ она проходила, не удостоивая ихъ своего вниманія... Ей обидно и больно, больно до слезъ, потому что она хорошо знаетъ, что уже никогда не вернется прежняя иллюзія...

Вдругъ взглядъ Вѣры Александровны упалъ на бѣлѣвшую

Digitized by Google

въ углу кафельную печку. Темная полоса между печкой и стѣной ясно, ясно напомнила ей ужасъ одной ночи. Это было съ годъ тому назадъ. Вѣра Александровна такъ же лежала въ постели и о чемъ-то думала. И спальня, какъ теперь же, слабо освѣщалась маленькимъ ночникомъ, и вдругъ Вѣра Александровна почувствовала, какъ дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, какъ болѣзненно напряглись волосы на головѣ и ужасъ сковалъ ей руки и ноги: между печкой и стѣной она ясно разглядѣла высокую, худую женщину, съ блѣднымъ и злымъ лицомъ, съ блестящими глазами. Вѣрѣ Александровнѣ показалось даже, что женщина эта нерѣшительно протягиваетъ къ ней руки и вотъ-вотъ готова броситься на нее.

Какъ безумная вскочила она съ постели и съ крикомъ выбѣжала изъ спальни.

Дмитрій Платоновичъ еще не спалъ, но совсѣмъ уже раздѣтый лежалъ у себя въ кабинетѣ и читалъ какую-то книгу. Онъ бросился на крикъ жены, а Вѣра Александровна, упавъ къ нему въ объятія, долго не могла отъ страха произнести ни одного слова. Успокоивъ ее немного, Дмитрій Платоновичъ пошелъ обратно съ ней въ спальню и смѣло приблизился къ таинственному углу. Дѣло объяснилось очень просто: не освоившаяся еще съ обычаями дома, только въ этотъ день нанятая горничная, зачѣмъ-то нашла нужнымъ повѣсить между печкой и стѣной старый, кашемировый шлафрокъ Вѣры Александровны, а надъ нимъ сѣтку съ губкой и бѣлой мыльницей изъ ванны. Колеблющійся свѣтъ ночника и нѣсколько напряженные нервы Вѣры Александровны—у нея въ тотъ день съ утра болѣла голова—создали иллюзію. И странно: когда она потомъ легла опять въ постель, то какъ ни напрягала она своего воображенія, но вызвать фигуру женщины, такъ страшно напугавшей ее, уже не могла. Она видѣла свой шлафрокъ, сѣтку, мыльницу, губку, и все это ничуть не напоминало ни тонкой женской фигуры, ни блѣднаго, злого лица, съ блестящими глазами.

Дмитрій Платоновичъ, оставшійся на нѣкоторое время у нея въ спальнѣ, сдѣлалъ по этому поводу довольно остроумное обобщеніе.

„Такъ, Вѣра, въ жизни бываетъ и съ людьми,—сказалъ онъ.—Долго, долго иногда видишь передъ собой человѣка, говоришь съ нимъ, даже уважаешь его, а потомъ подойдешь къ нему случайно шага на два, на три поближе, и вдругъ убѣдишься, что совсѣмъ это не человѣкъ, а пустой, старый сюртукъ, который какой-то неряха-камердинеръ забылъ на вѣшалкѣ. И по-

Digitized by Google

томъ, какъ уже ни отходи на прежнее разстояніе, какъ ни напрягай своего воображенія,—прежняго человѣка ты передъ собой не увидишь, а все передъ тобой будетъ болтаться этотъ сюртукъ. Да, иногда одинъ маленькій шагъ разрушаетъ самыя большія иллюзіи".

„Не то же ли самое произошло сегодня со мной?—думала Вѣра Александровна.—Иллюзія разбилась, и теперь, вмѣсто человѣка, котóраго я такъ уважала, къ словамъ котораго я такъ прислушивалась, вмѣсто мужа, котораго я такъ горячо любила, будетъ болтаться обыкновенный, пустой сюртукъ... Иллюзія разбилась, а впереди еще цѣлая жизнь... Жизнь совмѣстная, ради сына, ради его будущности... И каждый новый день этой жизни будетъ отдалять насъ другъ отъ друга все дальше и дальше, пропасть будетъ расширяться, а надъ этой пропастью надо создать мостъ для сына. Завтра всѣ узнаютъ, и папа, и тетя, и сестра Зина съ ея Василіемъ Ивановичемъ,—всѣ узнаютъ, что я одумалась и осталась. И всѣ облегченно вздохнутъ и скажутъ: „ну, и слава Богу, что все это такъ кончилось". Для нихъ это будетъ „кончилось", а для меня... это только еще начало конца"...

Митя завозился въ своей кроваткѣ. Вѣра Александровна повернулась къ нему и, не вставая съ постели—кровати ихъ стояли совсѣмъ рядомъ,—стала поправлять сбившееся на сынѣ одѣяльце.

„Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ,—думала она, грустно всматриваясь въ милое личико сына.—Что тебя ждетъ впереди? Какія раны готовитъ жизнь твоему сердечку? Выйдешь ли ты изъ борьбы побѣдителемъ, или жизнь раздавитъ и тебя"?

Ей стало страшно. Долго, долго она еще сидѣла надъ кроваткой сына, почти ничего не думая и не замѣчая даже, какъ слезы то-и-дѣло набѣгали на ея рѣсницы...

Влад. Тихоновъ.

Digitized by Google

ПАВЕЛЪ I и ГУСТАВЪ IV

1796—1800 гг.

По документамъ стокгольмскаго архива.

Окончаніе *).

IV—Прекращеніе переговоровъ о бракѣ.

Попытка заставить Густава IV исполнить требованія русскаго двора заключаетъ въ себѣ доказательство, что родители великой княжны Александры Павловны не теряли надежды на благопріятный исходъ переговоровъ о бракѣ.

Около этого же времени въ Петербургъ возвратился изъ Стокгольма графъ Головкинъ, миссія котораго могла считаться вполнѣ неудачною. Этотъ дипломатъ считался человѣкомъ остроумнымъ и образованнымъ, но въ то же время вѣтреннымъ и неопытнымъ въ дѣлахъ. Серьезныхъ переговоровъ онъ не могъ вести въ Стокгольмѣ уже потому, что центръ тяжести всего дѣла находился въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе онъ, какъ кажется, ожидалъ благопріятнаго исхода дѣла. Когда онъ прибылъ въ русскую столицу, въ самыхъ плѣнительныхъ краскахъ онъ описалъ императору расположеніе шведскаго двора, сообщая пышныя фразы короля, которыя, несмотря на то, что состояли только изъ общихъ мѣстъ, были истолкованы имп. Павломъ въ смыслѣ угодливости, оказываемой ему. Лестныя слова, переданныя Головкинымъ, повліяли на императрицу еще живѣе, чѣмъ на имп. Павла.

*) См. выше: апр., 556 стр.

Digitized by Google

И Стединкъ, и Клингспоръ, въ своихъ депешахъ къ королю, сообщаютъ разныя данныя о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ разсказами графа Головкина въ Петербургѣ. Павелъ былъ очень доволенъ обращеніемъ Густава IV съ этимъ дипломатомъ, и надежда на уступки со стороны короля усилилась. Клингспоръ писалъ, что со времени возвращенія Головкина съ нимъ обращаются особенно радушно. Его приглашали на музыкальные вечера, устраиваемые Маріею Ѳедоровною, и онъ восхищался пѣніемъ и игрою на арфѣ великой княжны Александры Павловны.

Но настроеніе государя было подвергнуто колебаніямъ. Однажды, въ это же время, онъ вспыхнулъ, узнавъ о полученіи шведскимъ дипломатомъ въ Константинополѣ, Мураджэю, письма отъ Густава IV, въ которомъ было сказано, что отношенія между Швеціею и Россіею не могутъ считаться благопріятными, и объ отзывѣ этого же дипломата, что бракъ между Густавомъ и Александрою Павловною не состоится. Къ тому же, Павлу сообщали о стараніяхъ Мураджи настраивать Оттоманскую Порту противъ Россіи. Не будучи въ состояніи сдерживать своего гнѣва, онъ въ обращеніи съ барономъ Стединкомъ началъ обнаруживать нѣкоторое раздраженіе.

Около этого же времени въ Швеціи ходили слухи объ интригахъ Англіи, Пруссіи и Даніи, направленныхъ противъ брака короля съ великою княжною. Разсказывали, что будто русское духовенство, подкупленное этими государствами, не соглашалось на принятіе Александрою Павловною лютеранской вѣры, и что такимъ образомъ противники Швеціи надѣялись помѣшать сближенію послѣдней съ Россіею.

Павелъ однажды заговорилъ съ Клингспоромъ объ этихъ интригахъ датскаго дипломата въ Петербургѣ. Послѣ обѣда въ Эрмитажѣ онъ сказалъ Клингспору: „Ваши сосѣди стараются внушить мнѣ, что вашъ король не питаетъ столь искренняго желанія заключить со мною союзъ; но я надѣюсь, что они ошибаются, и что наше дѣло состоится, несмотря на козни нашихъ недруговъ.“

Въ Швеціи тѣмъ временемъ, именно около 1-го февраля, была составлена коммиссія, состоявшая изъ трехъ высшихъ сановниковъ, для обсужденія вопроса о бракѣ короля съ Александрою Павловною. Немного позже въ Швеціи разсказывали о твердомъ рѣшеніи короля жениться на великой княжнѣ, причемъ онъ будто изъяснилъ готовность не настаивать на принятіи ею лютеранской вѣры.

Digitized by Google

Слухи объ уступчивости короля оказались лишенными основанія. Сообщая барону Спарре о намѣреніи русскаго двора отправить вновь Головкина въ Стокгольмъ, Клингспоръ писалъ, что нельзя надѣяться на успѣхъ безъ исполненія требованій Павла. Далѣе Клингспоръ замѣтилъ: „Что же касается до молодой принцессы, то я вполнѣ увѣренъ, что она готова сдѣлать *все*, *я говорю—все*, чтобы угодить королю, и что ея образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи не повлечетъ за собою войны". Въ то же время Клингспоръ выставлялъ на видъ, что нужно оказать въ Швеціи Головкину, въ случаѣ его вторичнаго прибытія туда, особенно радушный пріемъ, такъ какъ Швеція обязана Головкину благопріятною перемѣною въ образѣ мыслей Павла.

Публика въ Швеціи со вниманіемъ слѣдила за ходомъ переговоровъ. Въ февралѣ 1797 г. распространился тамъ слухъ о покушеніи на жизнь Густава IV, котораго, будто, хотѣли отравить. Разсказывали, что прежде всего узнали объ этомъ въ Россіи, и что цѣль отправленія секретаря шведскаго посольства Зеннингса въ Стокгольмъ заключалась именно въ предостереженіи короля. Обо всемъ этомъ не упомянуто въ депешахъ Стединка и Клингспора.

Зеннингсъ, какъ извѣстно, повезъ въ Швецію послѣднее слово Павла,—требованіе толкованія термина: „liberté de conscience", т.-е. рѣшенія вопроса о часовнѣ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого разсказывали въ Швеціи, что Густавъ IV былъ разстроенъ, и что онъ не желаетъ брака съ Александрою Павловною. Зеннингсъ искалъ средствъ уничтожить затрудненія, но безуспѣшно. Напрасно и великій канцлеръ Спарре, который до сихъ поръ противился сближенію съ Россіею, указывалъ королю на бракъ съ великою княжною какъ на комбинацію, по обстоятельствамъ весьма желательную для Швеціи.

Оставалось надѣяться на миссію Головкина.

По возвращеніи въ Петербургъ, графъ Головкинъ былъ назначенъ сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ. Нужно было избрать предлогъ для его отправленія въ Швецію; ему поручили возвратить Густаву IV знаки ордена Серафимовъ, которые носила покойная императрица. При этомъ онъ долженъ былъ по вопросу о бракѣ получить отъ Густава IV категорическое *да* или *нѣтъ*.

О миссіи Головкина мы знаемъ почти исключительно изъ бумагъ семейнаго архива Будберга, извлеченіе изъ которыхъ было издано въ Сборникѣ Историческаго Общества. Онъ оставался недолго въ Стокгольмѣ, въ концѣ февраля и въ мартѣ 1797 г.

Digitized by Google

Графъ Головкинъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Густава исполнить требованіе Павла. Разсказываютъ, будто король, показавъ ему письмо архіепископа Тройля къ его дядѣ, герцогу, сталъ доказывать и невозможность, и опасность брака, если королева не будетъ принадлежать къ лютеранскому исповѣданію. Мало того, король однажды дошелъ до того, что сказалъ, что всѣ эти предложенія *неприличны и оскорбительны для его достоинства.* Головкинъ съ наивностью спросилъ его, долженъ ли онъ передать эти выраженія императору? Но они были объяснены незнаніемъ французскаго языка, и на этомъ дѣло остановилось.

Однажды вечеромъ, когда Головкинъ настаивалъ на требованіи Павла, король разгорячился и коротко и ясно объявилъ, что не согласится жениться на княжнѣ православнаго исповѣданія, и прибавилъ къ этому слова Пилата, которыя еще прежде были сказаны Екатеринѣ II: „Что сказалъ, то сказалъ, что написалъ, то написалъ". Наконецъ, онъ, не стѣсняясь, объявилъ Головкину, что не желаетъ болѣе брака съ великою княжною. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ въ Швеціи ему послѣ могли бы сдѣлать упрекъ за то, что онъ упустилъ случай сближенія съ Россіею, то онъ желаетъ снять съ себя эту отвѣтственность и поэтому предоставляетъ Павлу взять на себя починъ разрыва.

Головкинъ, зная нравъ своего государя, понималъ, что съ нимъ надобно принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, и рѣшился написать отъ себя письмо къ королю, въ которомъ онъ просилъ категорическаго письменнаго отвѣта на предложенія, сдѣланныя ему словесно. На этотъ запросъ король отвѣчалъ уклончиво, продолжая увѣрять въ своемъ желаніи сблизиться съ царствующимъ домомъ Россіи, но въ то же время совершенно отказывался отступиться отъ своихъ требованій, то-есть, не желалъ принимать никакихъ условій относительно религіи будущей шведской королевы.

Головкинъ немедленно послалъ курьера въ Петербургъ увѣдомить Павла о всѣхъ своихъ разсужденіяхъ съ королемъ и изложить ему положеніе дѣла. Король тѣмъ временемъ одумался. Онъ почувствовалъ, что сказалъ графу Головкину слишкомъ многое, и что нужно смягчить рѣзкія слова, сорвавшіяся у него въ пылу разговора. Онъ тотчасъ послалъ Зеннингса въ С.-Петербургъ съ предложеніемъ отложить окончаніе переговоровъ о бракѣ до личнаго свиданія, будущею весною, когда императоръ будетъ производить смотръ войскамъ своимъ въ Карелiи и король будетъ въ своемъ финляндскомъ лагерѣ.

Digitized by Google

Донесеніе Головкина прибыло въ Петербургъ въ первыхъ числахъ марта и положило конецъ переговорамъ о бракѣ. Въ стокгольмскомъ архивѣ находится записка графа Безбородко къ Клингспору отъ 5-го марта ст. ст., въ которой сказано: „Получивъ депеши графа Головкина, изъ которыхъ видно, что дѣло приняло неблагопріятный оборотъ, я спѣшу увѣдомить васъ, что Его Императорское Величество считаетъ удобнымъ окончить это дѣло возвращеніемъ графа Головкина сюда и разрѣшеніемъ вамъ прощальной аудіенціи до отъѣзда Его Величества въ Москву. Вы можете явиться ко двору завтра же, тѣмъ болѣе, что письмо къ королю уже подписано".

Положеніе барона Клингспора было крайне затруднительно. Его обласкали при русскомъ дворѣ; его пригласили въ Москву присутствовать при коронаціи; нѣкоторыя приготовленія къ отъѣзду туда уже были предприняты имъ; теперь же ему было сдѣлано внушеніе оставить по возможности скорѣе Россію. Въ письмѣ къ барону Спарре онъ замѣтилъ, что сдѣлалъ все отъ него зависящее для избѣжанія размолвки, но что всѣ его старанія оставались безуспѣшными, „благодаря упорству императора". Впрочемъ Клингспоръ не терялъ надежды на возобновленіе переговоровъ. Въ его письмѣ къ барону Спарре сказано: „Императрица въ отчаяніи, также какъ и молодая принцесса, и она употребляетъ всевозможныя усилія для того, чтобы избѣгнуть разрыва. Нужно задержать Головкина, по крайней мѣрѣ до прибытія сюда Зеннингса. Безбородко, дѣйствующій за-одно съ императрицею, единственный человѣкъ, который пользуется довѣріемъ Павла. Никто не можетъ предвидѣть, до чего можетъ дойти раздраженіе императора".

Стединка въ это время не было въ Петербургѣ. Онъ уже былъ на пути въ Москву, такъ какъ ему во всякомъ случаѣ приходилось присутствовать при коронаціи. Клингспору предстояло покинуть Россію. Однако онъ медлилъ отъѣздомъ. Онъ и въ другомъ письмѣ къ барону Спарре упоминаетъ о стараніяхъ Маріи Ѳеодоровны уладить дѣло и о ея надеждѣ на „доброе сердце и благородство души короля". Однако, во-первыхъ, она была связана своимъ обѣщаніемъ, даннымъ Павлу, не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло, а во-вторыхъ, предстоявшій отъѣздъ двора въ Москву препятствовалъ продолженію переговоровъ. Несмотря на все это, Клингспору все-таки удалось избѣгнуть окончательной размолвки.

Безбородко показалъ Клингспору донесеніе графа Головкина. Значитъ, шведскій дипломатъ могъ убѣдиться въ томъ, что въ

Digitized by Google

сущности Густавъ IV былъ виновникомъ неблагопріятнаго оборота дѣла. Тѣмъ не менѣе онъ въ письмѣ въ Спарре отъ 10 (21) марта приписывалъ размолвку „горячему и нетерпѣливому нраву государя". Впрочемъ онъ надѣялся, что развлеченія во время коронаціи посодѣйствуютъ къ укрощенію гнѣва Павла.

На предложеніе, сдѣланное ему Безбородкою, покинуть Петербургъ, Клингспоръ сначала отвѣтилъ, что станетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній Густава IV, и что онъ уѣдетъ тогда, когда ему заблагоразсудится. Къ тому же въ донесеніи Головкина заключалось опять-таки указаніе на обѣщаніе короля, данное Екатеринѣ по вопросу о религіи, и Клингспоръ воспользовался этимъ, выставляя на видъ, что въ сущности это заявленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ желанію Павла уладить дѣло „de souverain à souverain". Однако Безбородко настаивалъ на томъ, что Павелъ имѣетъ право требовать категорическаго отвѣта на условія, имъ предложенныя.

Такимъ образомъ, Клингспоръ долженъ былъ проститься формально съ царскою фамиліею. Павелъ при этомъ случаѣ обнаруживалъ холодность; императрица и Александра Павловна казались глубоко тронутыми. Отобѣдавъ у государя, Клингспоръ побывалъ у Безбородки. Туда явился камеръ-пажъ съ извѣстіемъ, что государь желаетъ еще разъ побесѣдовать съ Клингспоромъ. Бесѣда въ кабинетѣ Павла не представляла собою значенія. Государь пожелалъ барону счастливаго пути и выразилъ въ учтивыхъ фразахъ свое сожалѣніе о прекращеніи переговоровъ о бракѣ. Затѣмъ Клингспоръ побывалъ еще частнымъ образомъ у императрицы Маріи Ѳедоровны, которая говорила о своемъ горѣ, прибавляя, что все еще питаетъ надежду на родство съ королемъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, Клингспоръ получилъ обычный подарокъ, т.-е., тысячу червонцевъ, и кромѣ того перстень съ особенно цѣннымъ камнемъ. Сыну его подарили табакерку.

Судя по дневнику Гіельшера, Клингспоръ прибылъ въ Швецію въ апрѣлѣ. Изъ бумагъ его видно, что онъ лѣтомъ этого же года, пребывая въ Финляндіи, переписывался съ Нелидовою по вопросу о бракѣ короля.

V.—Донесенія Стединка въ 1797—1800 гг.

Между тѣмъ дворъ переселился въ Москву, гдѣ происходила коронація. Оттуда Стединкъ доносилъ королю о холодномъ обращеніи съ нимъ Павла вслѣдствіе прекращенія переговоровъ о

Digitized by Google

бракѣ. „Даже императрица,—писалъ онъ 11 (22) апрѣля,—потеряла всякую надежду. Что же касается до великой княжны, то она глубоко потрясена; хотя она все еще хороша, но видно, что она сильно страдаетъ, и это даже отзывается на ея здоровьѣ. Все это заставляетъ всѣхъ любить ее еще болѣе прежняго. Однако вниманіе къ ней усиливаетъ общее нерасположеніе къ намъ и ту національную ненависть, которую бракъ Вашего Величества устранилъ бы навсегда. Особенно же я опасаюсь возвращенія графа Головкина, который, въ досадѣ по случаю неудачи переговоровъ, станетъ обвинять въ этомъ Ваше Величество и министровъ. Никто не повѣритъ, что въ эпоху, когда, въ виду важнѣйшихъ интересовъ страны, не нужно было настаивать на сохраненіи законовъ, опрокинутыхъ во время славнаго царствованія отца Вашего Величества, эти законы противодѣйствовали счастію и чувствамъ Вашего Величества и интересамъ народа; они были плодомъ той нетерпимости, которая содѣйствовала опустошенію всей вселенной. Русскіе не могутъ свыкнуться съ этимъ: къ тому же всѣ убѣждены въ томъ, что великая княжна, сдѣлавшись шведскою королевою, не замедлила бы принятіемъ вѣры ея супруга и ея дѣтей. Чѣмъ болѣе царская фамилія надѣялась на успѣхъ во время пребыванія здѣсь барона Клингспора, тѣмъ сильнѣе она огорчена и оскорблена. Я не могу предвидѣть, что̀ изъ всего этого выйдетъ. Пылкій нравъ и увлеченіе императора не допустятъ, чтобы онъ скоро успокоился. Менѣе всего вѣроятно, чтобы прежняя дружба и нѣжная привязанность были замѣнены равнодушіемъ; можно думать, что онѣ скорѣе превратятся въ противоположныя чувства. Опасаясь этого со стороны императора и императрицы, я долженъ сказать, что сердце великой княжны Александры недоступно чувству ненависти. Сдѣлавшись жертвою своей нѣжности, она окончитъ свои дни въ глубочайшей скорби. Если же ее заставятъ выйти за другого, она предоставитъ своему супругу раздѣлять негодованіе своихъ родственниковъ“.

Положеніе шведскаго посла было очень неловкое. Стараясь узнать причину столь неожиданнаго отъѣзда Клингспора, онъ бесѣдовалъ объ этотъ съ Безбородкою и съ Румянцевымъ. Безбородко при этомъ говорилъ о письмѣ упсальскаго епископа, которое король показывалъ Головкину и въ которомъ была рѣчь о незаконности и опасности брака короля съ иновѣрною принцессою. Къ тому же Зеннингсъ возвратился въ Россію съ прямымъ объявленіемъ короля, что онъ не соглашается на сохраненіе невѣстою своей вѣры.

Digitized by Google

Безбородко увѣрялъ, что Павелъ не можетъ согласиться на свиданіе съ королемъ, потому что нужно было предпринять разныя путешествія, между прочимъ въ Казань, въ южныя губерніи, въ Лифляндію и въ Ревель. Но, замѣтилъ Безбородко, можно бы устроить свиданіе въ августѣ. Къ этому, однако, онъ прибавилъ, что подобныя встрѣчи рѣдко бываютъ полезными, особенно при существующемъ въ данномъ случаѣ разногласіи. Впрочемъ Безбородко увѣрялъ Стединка, что Павелъ, при всемъ раздраженіи, готовъ выслушать новыя предложенія короля.

Стединкъ узналъ далѣе, что Павелъ въ предложеніи свиданія видѣлъ лишь желаніе Густава затянуть дѣло и что государь особенно былъ огорченъ гласностью, которую имѣли переговоры. Онъ жаловался на это одному изъ иностранныхъ дипломатовъ. „Несмотря на все это,—сказано въ донесеніи Стединка,—Ваше Величество можете каждую минуту жениться на великой княжнѣ, лишь бы ее не сосватали за другого. Я молю Бога внушить Вашему Величеству твердое рѣшеніе положить конецъ всѣмъ этимъ колебаніямъ".

Между тѣмъ, съ графомъ Головкинымъ въ Стокгольмѣ случилась непріятность. Ему было приказано Павломъ возвратиться въ Россію. Прощальная аудіенція ему была назначена 16 (27) марта; по правиламъ этикета онъ вмѣстѣ съ Будбергомъ, послѣ аудіенціи, долженъ былъ отправиться въ канцелярію, гдѣ великій канцлеръ долженъ былъ вручить ему подарокъ, табакерку, украшенную брилліантами. Уже многіе послы протестовали противъ этого обычая, который обязывалъ ихъ отправляться въ канцелярію, вмѣстѣ съ низшими придворными чинами и писцами, присутствовать при этой церемоніи.

Головкинъ, досада котораго соотвѣтствовала неудачѣ его миссіи, объявилъ, что онъ отказывается принять какой-либо подарокъ отъ Густава IV. Это обстоятельство произвело весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Король считалъ себя оскорбленнымъ отказомъ Головкина. Великій канцлеръ жаловался Будбергу, который тщетно старался уладить дѣло.

Павелъ, узнавъ объ этомъ, былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій Головкина и чрезъ графа Безбородко послалъ ему строгое внушеніе, приказывая принять подарокъ.

Изъ дневника Гіельшера видно, что этотъ эпизодъ былъ предметомъ разговоровъ въ стокгольмскомъ обществѣ. Стединкъ изъ Москвы доносилъ королю, что Павелъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, изъявлялъ свое сожалѣніе по поводу этого случая, такъ что швед-

Digitized by Google

свій дипломатъ былъ глубоко тронутъ прямотою характера и благородствомъ образа мыслей государя.

Тѣмъ не менѣе положеніе Стединка оставалось затруднительнымъ. Изъ депешъ прусскихъ дипломатовъ, находившихся въ это время въ Россіи, Брюля, Бегенера и Тауенцина, видно, что русскій дворъ былъ сильно раздраженъ противъ Швеціи. Бегенеръ писалъ о „разстройствѣ Павла, походящемъ на гнѣвъ", о томъ, что великая княжна Александра Павловна заболѣла и о крайней печали Маріи Ѳедоровны.

Свидѣтельствомъ раздраженія Павла служилъ слѣдующій эпизодъ, случившійся въ русской части Финляндіи. Внезапно тамъ былъ арестованъ шведскій пасторъ Цигнеусъ. Разсказывали, будто онъ позволилъ себѣ нѣкоторое замѣчаніе по поводу проекта брака Густава IV съ Александрою Павловною. Быть можетъ, онъ при этомъ коснулся вопроса о религіи невѣсты. По другимъ извѣстіямъ, Цигнеусъ провинился посѣщеніемъ своего отца, проживавшаго у самой границы шведской Финляндіи. Благодаря заступничеству шведскаго посольства, дѣло уладилось—и Цигнеусъ остался безъ наказанія.

Судя по депешамъ Вегенера, еще лѣтомъ 1797 г. считали весьма вѣроятнымъ, что бракъ короля съ великою княжною состоится. Брюль писалъ о стараніяхъ Нелидовой устроить это дѣло. Баронъ Клингспоръ, находясь лѣтомъ 1797 г. въ Гельсингфорсѣ, получилъ въ іюнѣ письмо отъ Нелидовой, которая сообщала, что раздраженіе Павла улеглось, и что можно надѣяться на личное свиданіе императора съ королемъ. Клингспоръ обратился къ королю съ просьбою дозволить ему переписываться и далѣе съ Нелидовою и предписать ему, въ какихъ терминахъ онъ долженъ писать къ ней. При этомъ Клингспоръ выразилъ надежду на сохраненіе благопріятныхъ отношеній между Швеціею и Россіею и въ томъ случаѣ, когда бракъ не состоится. Въ другомъ письмѣ, отъ 23 іюня (4 іюля), Клингспоръ изъявляетъ готовность отправиться въ Петербургъ для возобновленія переговоровъ о бракѣ. „Я тамъ могу быть полезенъ, — писалъ онъ барону Спарре, — я могу содѣйствовать сохраненію союза между обоими государствами; но я даже считаю возможнымъ, что и другое дѣло еще уладится". Сообщая великому канцлеру о слухѣ предстоящаго пріѣзда Павла въ Свенсзундъ и Фридрихсгамъ послѣ пребыванія государя въ Ревелѣ, Клингспоръ вѣроятно надѣялся на устройство свиданія короля съ Павломъ въ Финляндіи.

Публика въ Швеціи не теряла надежды на бракъ Густава

Digitized by Google

съ Александрою Павловною. Гіельшеръ узналъ въ концѣ мая о частностяхъ бесѣды доктора богословія Флодина съ королемъ объ этомъ предметѣ. Флодинъ убѣждалъ Густава не откладывать женитьбы и рѣшиться на бракъ съ великою княжною, чѣмъ легче всего можно было отвратить опасность кровопролитія и пріобрѣсти значительныя выгоды пріобрѣтеніемъ расположенія могущественнаго сосѣда. Густавъ возразилъ, что съ его стороны было сдѣлано все возможное для достиженія этой цѣли, но что, видно, Провидѣнію не было угодно допустить этотъ бракъ.

Мѣсяцемъ позже, баронъ Сильвергіельмъ, занимавшій видное мѣсто въ шведскомъ войскѣ, разсказывалъ Гіельшеру, что теперь можно надѣяться на устройство брака короля въ томъ смыслѣ, что великая княжна сохранитъ свое исповѣданіе. При этомъ онъ замѣтилъ, что неудача въ этомъ дѣлѣ должна была бы считаться величайшимъ несчастіемъ для Швеціи.

Въ іюлѣ говорили объ отъѣздѣ короля въ Карлскрону и считали вѣроятнымъ, что оттуда онъ отправится моремъ въ Ригу для свиданія съ императоромъ; по другимъ извѣстіямъ, встрѣча съ Павломъ должна была произойти въ Ревелѣ. Все это казалось Гіельшеру тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ это же время ему было поручено сдѣлать переводъ съ датскаго языка на шведскій брачнаго договора Густава IV. Однако вскорѣ оказалось, что этотъ трудъ былъ нуженъ для проекта брака короля съ другою принцессою.

Между тѣмъ, Стединкъ не переставалъ бесѣдовать съ русскими сановниками о возможности возобновленія прежняго дѣла. Особенно любопытенъ его разговоръ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, о которомъ Стединкъ доносилъ королю 8 (9) іюня 1797 г. Была рѣчь о возобновленіи договора, заключеннаго въ 1791 г. въ Дротнингольмѣ. Панинъ замѣтилъ, что съ Павломъ нельзя говорить объ этомъ, такъ какъ онъ не надѣется болѣе на заключеніе брака. Всѣ русскіе государственные люди раздѣляли мнѣніе, что политическія отношенія между Швеціею и Россіею обусловливались, благодаря нраву Павла, исключительно рѣшеніемъ вопроса о бракѣ. Стединкъ выставлялъ на видъ, что государственные интересы должны въ сущности оставаться въ полной независимости отъ личныхъ интересовъ и занимать первое мѣсто. Панинъ отвѣтилъ на это, что въ принципѣ это совершенно вѣрно, но что въ примѣненіи принциповъ къ практикѣ выходитъ совершенно иное, и что въ Россіи личные интересы стоятъ на первомъ планѣ—наоборотъ. Сообщая объ этой, имѣвшей вполнѣ частный характеръ, бесѣдѣ съ Па-

Digitized by Google

нимъ, Стединкъ прибавилъ, что графъ не пользуется расположеніемъ Павла, но все-таки оказываетъ сильное вліяніе на дѣла.

Другой разъ Стединкъ бесѣдовалъ объ этихъ же вопросахъ съ княземъ Куракинымъ, который находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Павломъ и его супругою. Оказалось, что государь и Марія Ѳедоровна поручили Куракину возобновить переговоры о бракѣ, избѣгая впрочемъ вида, что русскій дворъ въ этомъ дѣлѣ имѣлъ инициативу. Стединкъ сказалъ Куракину, что единственнымъ средствомъ достиженія цѣли было бы согласіе Павла довольствоваться общимъ объявленіемъ о свободѣ совѣсти, заключавшемся въ запискѣ короля, представленной имп. Екатеринѣ. Куракинъ возразилъ, что эта записка двусмысленна. Стединкъ на это отвѣтилъ, что никакой двусмысленности не можетъ быть въ заявленіи столь благороднаго монарха, каковъ Густавъ IV. Куракинъ выразилъ надежду что король не откажется согласиться на то, чтобы при королевѣ, „если она этого пожелаетъ“, состоялъ православный священникъ, и чтобы она имѣла „незамѣтную ни для кого иного, маленькую подвижную часовню“.

Между тѣмъ, Клингспоръ писалъ къ графу Панину о необходимости устроить свиданіе между Павломъ и королемъ. Панинъ, говоря объ этомъ съ Стединкомъ, совершенно справедливо замѣтилъ, что, напротивъ, личное свиданіе, въ случаѣ несогласія, легко можетъ повлечь за собою самыя пагубныя послѣдствія. Этой неудачи особенно опасалась императрица, все еще разсчитывавшая на то, что бракъ состоится.

По случаю неоффиціальнаго обрученія короля съ великою княжною въ сентябрѣ 1796 года они обмѣнялись кольцами. Понятно, что послѣ размолвки Марія Ѳедоровна, возвративъ Стединку кольцо невѣсты, требовала возвращенія кольца Густава IV. Однако до лѣта 1797 года Стединкъ медлилъ отдачею кольца, и Марія Ѳедоровна не настаивала на этомъ. И съ Клингспоромъ императрица говорила объ этомъ предметѣ, при чемъ проглядывало ея желаніе, чтобы кольцо не было возвращено. Стединкъ писалъ объ этомъ королю 8 (19) іюня, выражая надежду, что дѣло еще уладится, и обѣщая сообразоваться съ обстоятельствами.

Скоро послѣ этого послѣдняя надежда на бракъ короля съ великою княжною исчезла.

Digitized by Google

VI.—Помолвка Густава IV съ баденскою принцессою.

29-го іюня стараго стиля, Стединкомъ было получено запечатанное письмо короля Густава IV къ Павлу. Не подозрѣвая содержанія этого письма, онъ передалъ документъ Куракину, который немедленно передалъ его государю.

Въ письмѣ короля было сообщено о намѣреніи короля пріискать себѣ другую невѣсту. Можно представить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ; въ донесеніяхъ Стединка къ королю и въ его письмахъ къ барону Спарре встрѣчаются подробности этого дѣла. Павелъ, принимая письмо, спросилъ Куракина о его содержаніи; однако Куракину ничего не было извѣстно; ожидая совсѣмъ иныхъ сообщеній, государь прочиталъ письмо, тотчасъ же далъ прочесть его Куракину и послалъ его за императрицею. Затѣмъ родители послали за дочерью и сообщили ей, что послѣ столь открытаго заявленія короля нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что онъ ее разлюбилъ, что онъ болѣе о ней не думаетъ, и что поэтому нужно будетъ пріискать ей другого жениха. Куракинъ, бывъ свидѣтелемъ этой сцены, описывалъ волненіе и смущеніе родителей и дочери, и самъ не могъ успокоиться, горько жалуясь на то, что долженъ былъ передать роковое письмо, не зная о его содержаніи. Къ тому же былъ праздничный день и былъ пріемъ при дворѣ. Ни Павелъ, ни его супруга, не могли скрывать своего гнѣва.

Императрица начала съ того, что чрезъ Куракина вытребовала вышепомянутое кольцо у Стединка. Получивъ незадолго до этого въ подарокъ отъ короля Густава IV пачку шведскихъ перчатокъ, она поспѣшила возвратить ихъ Стединку, объявляя при этомъ, что можетъ получать подарки лишь отъ близкихъ родственниковъ. Впрочемъ она не возвратила другихъ перчатокъ, которыя ей подарила герцогиня Зюдерманландская. Стединкъ, сообщая объ этомъ, замѣчаетъ, что изъ всего этого видно, до чего доходитъ огорченіе императрицы.

Несчастный шведскій посолъ, находившійся въ затруднительномъ положеніи, въ свою очередь горько жаловался на то, что ему не дали знать о содержаніи письма. По его мнѣнію, избѣжаніе внезапнаго разочарованія смягчило бы ударъ, нанесенный царской фамиліи. По мнѣнію Стединка, раздраженіе императрицы превосходило гнѣвъ Павла. Онъ опасался желанія противниковъ Швеціи воспользоваться этимъ настроеніемъ русскаго двора для козней противъ Густава, и ожидалъ, что Будбергъ будетъ ото-

Digitized by Google

званъ немедленно, и что ему самому придется скоро покинуть Россію. Даже была рѣчь о возможности войны. Однако въ письмѣ Стединка къ барону Спарре, отъ 6/17 іюля, сказано: „Императоръ останется вѣрнымъ своей системѣ мира; его добродѣтели не допустятъ кровопролитія изъ-за чисто-личной распри. Онъ будетъ дуться нѣкоторое время, а затѣмъ успокоится. Раздраженіе императрицы, вліявшей на дѣла, пройдетъ не такъ скоро; однако, какъ скоро для ея дочери окажется другой женихъ, и она одумается, и дѣла примутъ прежнее теченіе".

Стединкъ сообщилъ далѣе, что Павелъ не видѣлъ никакой надобности со стороны короля написать ему это письмо, подозрѣвая, что Густавъ тѣмъ самымъ хотѣлъ развѣ положить предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ переговорамъ объ Александрѣ Павловнѣ. „Дѣло въ томъ, — продолжалъ Стединкъ, — что каждый разъ, когда прерывались переговоры по этому вопросу, питали надежду на ихъ возобновленіе, и лишь послѣднее письмо Его Величества окончательно уничтожило всѣ надежды. Такимъ образомъ, ударъ былъ особенно чувствителенъ. Теперь всѣ министры объявляютъ, что возобновленіе союзнаго договора невозможно". По мнѣнію Стединка, его положеніе въ Россіи было гораздо хуже положенія Будберга въ Стокгольмѣ.

Павелъ далъ знать шведскому послу чрезъ графа Безбородко, что едва ли король Густавъ IV станетъ ожидать отвѣта на это письмо, и что ни въ качествѣ отца, ни въ качествѣ государя, онъ не считаетъ себя обязаннымъ поздравить короля съ другою невѣстою, а далѣе, что о союзѣ нельзя говорить въ то время, когда ему нанесено оскорбленіе, относящееся къ страстно любимой дочери.

Напрасно Стединкъ, въ бесѣдѣ съ Безбородкою, выставлялъ на видъ, что такъ какъ бракъ короля съ великою княжною оказался невозможнымъ, то нѣтъ никакой причины удивляться тому, что король думаетъ о другомъ бракѣ. Краснорѣчіе посла не имѣло успѣха. Не считая вѣроятною войну, Стединкъ все-таки совѣтовалъ королю принять нѣкоторыя мѣры для обороны Швеціи, такъ какъ положеніе дѣлъ ему казалось крайне критическимъ, и нельзя было надѣяться на успѣхъ въ какихъ бы то ни было переговорахъ. „Ваше Величество лишили себя могущественнаго союзника. Теперь не такъ скоро можно думать о благопріятныхъ сношеніяхъ между Швеціею и Россіею", — сказано въ письмѣ Стединка къ королю.

Прусскій посланникъ Грёбенъ около этого времени писалъ о холодности, съ которою дворъ относился къ Стединку. Когда Зен-

Digitized by Google

нингсъ, секретарь посольства, отправился въ Швецію и выразилъ желаніе проститься съ государемъ, ему отвѣчали, что эта аудіенція считается лишнею. Такъ какъ въ тотъ же самый день былъ пріемъ другихъ лицъ, то отказъ былъ тѣмъ болѣе оскорбителенъ. Стединкъ говорилъ Грѣбену о томъ, что вѣроятно самъ скоро покинетъ Россію, и предлагалъ прусскому посланнику купить его экипажи и нанять занимаемую имъ въ Петербургѣ квартиру. Въ письмѣ Стединка къ барону Спарре, отъ 7/18 августа, сказано, что Павелъ ограничивается по случаю оффиціальныхъ пріемовъ самыми краткими вопросами о его здоровьѣ, и что императрица, говоря съ нимъ, обнаруживаетъ нѣкоторое волненіе и смущеніе.

Стединкъ, получивъ въ концѣ іюня ст. ст. роковое письмо Густава къ Павлу, не зналъ о намѣреніи короля жениться на баденской принцессѣ Фридерикѣ, сестрѣ супруги великаго князя Александра Павловича. Въ Швеціи узнали объ этомъ не раньше какъ въ концѣ августа нов. ст. Въ дневникѣ Гіельшера сказано: „Говорятъ, что помолвка короля съ баденскою принцессою состоялась съ согласія русскаго двора, и что благодаря этому мы не имѣемъ основанія опасаться войны". Также и графъ Н. П. Панинъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, донося о прибытіи короля Густава въ прусскую столицу, писалъ Павлу: „Шведскій король бесѣдовалъ съ прусскимъ королемъ лишь о своей женитьбѣ на баденской принцессѣ. Упоминая при этомъ о Вашемъ Имп. Величествѣ, онъ сказалъ, что все улажено съ вами самымъ удачнымъ образомъ, съ чѣмъ прусскій король его и поздравилъ".

Эти разсказы о согласіи русскаго двора были лишены всякаго основанія. Напротивъ того, какъ скоро въ Петербургѣ узнали о томъ, что выборъ короля остановился на баденской принцессѣ, Безбородко въ частной бесѣдѣ съ Стединкомъ убѣждалъ его въ необходимости избѣгнуть оффиціальнаго сообщенія о предстоящемъ бракѣ короля. Русскій министръ при этомъ указалъ на случай съ шведскимъ дипломатомъ Шверином, котораго шведское правительство въ 1795 г. отправило въ Петербургъ съ извѣстіемъ о помолвкѣ Густава IV съ мекленбургскою принцессою, и которому на пути изъ Выборга въ русскую столицу дали знать, что онъ вовсе не будетъ принятъ императрицею Екатериною. Безбородко далъ понять шведскому послу, что Павелъ еще болѣе, нежели его мать, руководствуется не разсчетомъ политики, а личными соображеніями, такъ что въ случаѣ такого оффиціальнаго сообщенія могъ бы выйти скандалъ. Хотя

Digitized by Google

Безбородко увѣрялъ Стединка, что эти заявленія основаны лишь на его собственныхъ соображеніяхъ, шведскій посолъ былъ убѣжденъ въ томъ, что самъ Павелъ выразился въ этомъ смыслѣ въ бесѣдѣ съ Безбородкою, и что благодаря этому министръ желалъ для своего государя и для отечества избѣгнуть столкновенія.

Совершенно справедливо прусскій дипломатъ Грёбенъ доносилъ въ это время королю Фридриху Вильгельму II, что извѣстіе о помолвкѣ Густава IV на баденской принцессѣ надѣлало много шуму въ Петербургѣ, и что поэтому нельзя думать, чтобы это дѣло состоялось съ согласія Павла. „Я, напротивъ, знаю,— писалъ Грёбенъ, — что государь крайне озадаченъ этимъ, и я увѣренъ, что эта помолвка будетъ имѣть слѣдствіемъ натянутыя отношенія между Россіею и баденскимъ домомъ".

За годъ до этого разсказывали по поводу пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ, будто Густавъ IV влюбился въ супругу Александра Павловича, которая воспользовалась этимъ, чтобы обратить его чувства на свою сестру. Такимъ образомъ объясняли себѣ нѣкоторое равнодушіе короля къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Какъ бы то ни было, желаніе короля жениться на баденской принцессѣ Фридерикѣ поставило супругу наслѣдника въ чрезвычайно неловкое положеніе. Стединкъ доносилъ Густаву IV, что „Павелъ позволялъ себѣ по этому поводу рѣзкія и колкія выходки противъ снохи, и что Марія Ѳедоровна также сильно раздражена противъ несчастной великой княгини, которая, разумѣется, тутъ не при чемъ". „Вообще, — продолжаетъ шведскій посолъ,—императрица гораздо болѣе раздражена противъ Вашего Величества, нежели государь; люди, коротко знающіе ее, меня увѣряли, что она выходитъ совершенно изъ себя, какъ скоро идетъ рѣчь о бракѣ Вашего Величества. Впрочемъ, она иногда говоритъ со мною, тогда какъ государь, съ тѣхъ поръ, какъ разнесся слухъ о помолвкѣ Вашего Величества, не говоритъ мнѣ ни слова и сохраняетъ тотъ строгій видъ, который столь хорошо знакомъ и Вашему Величеству. Однако я слѣдую Вашему примѣру, не замѣчаю этого и сохраняю свое достоинство".

VII. — Положеніе Стединка въ 1798—1800 гг.

Шведскій посолъ считалъ, однако, свое положеніе небезопаснымъ. Онъ легко могъ подвергнуться непріятностямъ, унизительнымъ для достоинства Швеціи. Нравъ Павла давалъ просторъ сильнымъ

Digitized by Google

выходкамъ. Однажды на придворномъ балѣ англійскій посланникъ Витвортъ былъ приглашенъ танцовать съ великими княжнами, тогда какъ на Стединка никто не обращалъ вниманія. Тогда великая княгиня Елизавета Алексѣевна, къ общему удивленію всѣхъ присутствующихъ, смѣло подошла къ нему, пригласила его танцовать съ нею и бесѣдовала съ нимъ весьма любезно. Выказанное ею при этомъ мужество, быть можетъ, очень не понравилось Павлу и Маріи Ѳедоровнѣ, однако весь дворъ былъ въ восхищеніи отъ этого, и разныя лица наговорили Елизаветѣ Алексѣевнѣ множество комплиментовъ.

Грёбенъ въ это время доносилъ своему королю, что холодность, господствующая между Швеціею и Россіею, чрезвычайна, и что благодаря этому Стединкъ предпочитаетъ жить на дачѣ и по возможности не показываться при дворѣ.

Къ тому же происходили разныя мелкія столкновенія. Однажды братъ секретаря посольства, Зеннингсъ, побывалъ какъ-то на верфяхъ въ Кронштадтѣ. Павелъ, узналъ объ этомъ, вспыхнулъ и строго запретилъ посѣщеніе иностранцами верфей. Разсказывали объ умноженіи русскихъ войскъ близъ шведской границы и обсуждали вопросъ о намѣреніи Павла отмстить Густаву за то, что онъ не женился на Александрѣ Павловнѣ. Въ концѣ сентября нѣсколько русскихъ военныхъ на границѣ были арестованы и уведены въ Ловизу. Павелъ, узнавъ объ этомъ, былъ крайне раздраженъ. Безбородко, и письменно, и устно, въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ, очевидно благодаря личному внушенію государя, требовалъ отъ Стединка объясненій. Стединкъ вслѣдствіе всего этого былъ до того разстроенъ, что въ письмѣ къ великому канцлеру выразилъ желаніе, послѣ „семилѣтней тревоги“ въ Петербургѣ, покинуть Россію, гдѣ каждую минуту могла вспыхнуть какая-либо катастрофа, и гдѣ онъ самъ считался какъ бы ненавистнымъ „trouble-fête“.

Случай на границѣ Финляндіи, надѣлавшій много шума и едва не имѣвшій слѣдствіемъ объявленіе войны, оказался незаконнымъ поступкомъ русскихъ военныхъ, такъ что образъ дѣйствій шведскихъ властей былъ совершенно правиленъ. Однако, до разъясненія этого эпизода, опасность окончательнаго разрыва была велика. Безбородко объявилъ, что не ручается за сохраненіе мира, и говорилъ о раздраженіи Павла. Русское судно было временно конфисковано шведами не безъ основанія, такъ какъ экипажъ нарушилъ правила, признанныя и русскими, и шведами, за что офицеръ, командовавшій судномъ, былъ наказанъ впослѣдствіи самимъ русскимъ правительствомъ. Но Павелъ сна-

Digitized by Google

чала объявилъ, что Швеція напала на Россію, которая должна защищаться, что русскій флагъ оскорбленъ и т. п. Стединкъ при этомъ обнаруживалъ хладнокровіе, доказывалъ, что не было никакого повода къ упрекамъ, сдѣланнымъ шведамъ, и выставлялъ на видъ, что такія придирки (tracasseries) несносны, требовалъ прекращенія этихъ вспышекъ неумѣстной горячности и выказывалъ удивленіе, что всѣ эти непріятности въ сущности состоятъ въ связи съ злосчастнымъ дѣломъ о брачномъ проектѣ. Шведскій посолъ даже далъ понять графу Безбородкѣ, что въ данномъ случаѣ шведское правительство могло бы требовать отъ Россіи удовлетворенія.

По случаю этого эпизода Стединкъ жаловался королю на слабость характера Безбородки, который боялся говорить откровенно съ государемъ и увѣрялъ Стединка, что Павелъ, обиженный рушеніемъ брачнаго проекта, мало-по-малу успокоится. „Была сильная буря, и война была легко возможна“, писалъ Стединкъ барону Спарре, а въ письмѣ къ королю онъ прямо говорилъ, что при такихъ постоянно повторяющихся непріятностяхъ силы ему измѣняютъ.

Русскій дворъ, однако, счелъ себя обязаннымъ измѣнить временно суровое обращеніе съ Стединкомъ. На придворномъ балѣ въ началѣ ноября Павелъ особенно любезно разговаривалъ съ нимъ. Также и императрица Марія Ѳедоровна, хотя не безъ нѣкотораго смущенія, бесѣдовала съ шведскимъ посломъ, котораго пригласили къ ея карточному столу вмѣстѣ съ бывшимъ польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ и англійскимъ дипломатомъ Витвортомъ. Затѣмъ онъ былъ удостоенъ чести танцовать съ великими княжнами, и, ко всеобщему удивленію, особенно Александра Павловна относилась къ нему благосклонно и разговаривала съ нимъ безъ всякаго стѣсненія.

Впрочемъ настроеніе государя оставалось подвергнутымъ случайнымъ колебаніямъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1797 г. онъ не удостоивалъ Стединка ни одного слова, ни одного взгляда, потому что шведское правительство не признавало гарантіи Россіи вестфальскаго мира. Стединкъ писалъ къ королю, что такое обращеніе государя съ иностранными дипломатами случается весьма часто и всѣ къ нему привыкли, такъ что на эту строгость и холодность никто не обращалъ болѣе вниманія. Къ тому же эта „bouderie“ Павла не мѣшала Александру Павловичу и его супругѣ обнаруживать особенную любезность въ разговорахъ съ шведскимъ посломъ. Немногимъ позже, лѣтомъ 1798 г., Павелъ, узнавъ о прибытіи въ Стокгольмъ французскаго дипломата,

Digitized by Google

опять-таки обнаружилъ раздраженіе, такъ какъ, по его мнѣнію, сношенія съ революціонною Франціею могли считаться чуть ли не преступленіемъ. За то осенью этого же года государь обласкалъ Стединка и разговаривалъ съ нимъ столь радушно, что всѣ иностранные министры удивлялись, не имѣя возможности объяснить себѣ эту внезапную перемѣну.

Въ февралѣ 1799 года состоялось обрученіе великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ-палатиномъ Іосифомъ. Она при этомъ объявила, какъ доносилъ Стединкъ, что не чувствуетъ отвращенія къ этому жениху и готова исполнить желаніе родителей, выходя за него. Однако Іосифъ не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на русскій дворъ, и Стединкъ увѣрялъ короля, что въ Петербургѣ всѣ сохраняютъ память о немъ и о его пребываніи въ 1796 году.

Осенью 1799 г. происходили переговоры о шведско-русскомъ договорѣ. Отношенія между обоими государствами были благопріятными: однако Стединкъ писалъ королю, что Павелъ каждую минуту можетъ превратиться изъ друга Швеціи въ опаснаго непріятеля, и что съ нимъ, благодаря его мнительности, нужно дѣйствовать крайне осторожно.

Весною 1800 г. Стединкъ былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе по случаю слѣдующаго эпизода. Въ мартѣ этого года Павелъ черезъ Кутайсова пригласилъ шведскаго посла на секретное совѣщаніе у Кутайсова, гдѣ говорилъ о распространившемся яко бы въ Финляндіи революціонномъ духѣ и о необходимости принятія мѣръ для предотвращенія опасности. При этомъ онъ объявилъ, что отдаетъ для этой цѣли въ распоряженіе короля 9.000 чел. войска подъ командою великаго князя Константина Павловича. Государь говорилъ съ увлеченіемъ о дружбѣ съ шведскимъ королемъ, со слезами обнимая Стединка и увѣряя его въ своемъ личномъ расположеніи. Явился и Константинъ Павловичъ для прочтенія Стединку документа, продиктованнаго ему самимъ государемъ.

Въ этомъ документѣ, подписанномъ тутъ же Павломъ, была изъявлена готовность вступить съ войскомъ въ Финляндію для сохраненія порядка въ этой шведской провинціи. Далѣе было выражено желаніе, чтобы Стединкъ находился при этомъ войскѣ въ качествѣ свидѣтеля благороднаго и открытаго дѣйствія Павла на пользу шведскаго короля.

Стединкъ былъ сильно озадаченъ этимъ предложеніемъ Павла, который приставалъ къ нему съ вопросомъ: соглашается ли онъ на это? Противорѣчить Павлу было опасно. Не соглашаться на

Digitized by Google

предложеніе значило навлечь на себя и на Швецію гнѣвъ Павла. Скрывая свое смущеніе, Стединкъ замѣтилъ, что основные законы Швеціи требуютъ обсужденія такихъ вопросовъ на сеймѣ, что нужно прежде всего отправить документъ Павла къ королю, и что онъ глубоко тронутъ этимъ свидѣтельствомъ искренней дружбы Павла къ Густаву. Въ то же время, однако, шведскій посолъ не могъ не удивляться странности столь неожиданнаго поступка Павла, который настоятельно требовалъ, чтобы Стединкъ тотчасъ же подписалъ означенный документъ. Къ тому же, какъ говорилъ Павелъ, все это должно было оставаться тайною. Никто, кромѣ Павла, Константина Павловича и Стединка, не долженъ былъ знать объ этомъ проектѣ похода въ Финляндію. Никто изъ русскихъ министровъ не былъ посвященъ въ эту тайну.

Стединкъ всѣмъ этимъ былъ крайне смущенъ. Онъ, разумѣется, понималъ, что въ Финляндіи никакихъ революціонныхъ элементовъ не было и не могло быть, тогда какъ Павелъ уже началъ обсуждать редакцію манифеста для обнародованія въ Финляндіи въ минуту вступленія русскихъ войскъ въ эту провинцію. Понятно, что Швеція не могла желать такой помощи, и что она скорѣе нуждалась въ денежной субсидіи, чѣмъ въ чужомъ войскѣ. Стединкъ, при горячности Павла, считалъ легко возможнымъ, что Павелъ, получивъ еще кое-какія ложныя извѣстія о настроеніи умовъ въ Финляндіи, двинетъ туда свои войска, и въ такомъ случаѣ положеніе дѣла становилось чрезвычайно опаснымъ. Павелъ требовалъ немедленнаго отправленія курьера къ Густаву IV и для этой цѣли велѣлъ принести изъ своего кабинета бланкъ паспорта для этого курьера. Кромѣ того, однако, Стединкъ долженъ былъ немедленно же согласиться отъ себя на предложеніе Павла. Избѣгнуть этого было невозможно, и Стединкъ тотчасъ же редактировалъ и подписалъ заявленіе, въ которомъ онъ, „отдавая полную справедливость великодушію“ Павла, обѣщалъ согласиться на исполненіе проекта, имѣвшаго цѣлью сохраненіе порядка въ Финляндіи, въ случаѣ безпорядковъ въ этой провинціи.

Сообщая обо всемъ этомъ королю, Стединкъ увѣрялъ, что не было возможности хотя бы сколько-нибудь противорѣчить Павлу, и что нужно было во что бы то ни стало выиграть время, чтобы дать Павлу возможность успокоиться и отказаться отъ этого страннаго проекта. Посолъ совѣтовалъ королю отклонить предложеніе Павла въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ.

Свиданіе Стединка съ Павломъ въ квартирѣ Кутайсова про-

Digitized by Google

исходило 3 (14) марта 1800 г. На другой день Стединкъ, въ бесѣдѣ съ Константиномъ Павловичемъ, выставлялъ на видъ, что король Густавъ IV не станетъ нуждаться въ русскомъ войскѣ, и что слухи объ опасномъ настроеніи умовъ въ Финляндіи лишены основанія, съ чемъ великій князь вполнѣ соглашался. Немногимъ позже, самъ Павелъ сказалъ Стединку, что и онъ убѣдился въ томъ, что въ Финляндіи все спокойно, сознаваясь въ томъ, что разгорячился понапрасну.

Такимъ образомъ кончился этотъ эпизодъ, характеризующій нравъ Павла и опасность положенія дѣлъ вообще. Какъ бы то ни было, любезность государя въ обращеніи съ шведскимъ посломъ не знала предѣловъ. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ часто наединѣ, самымъ откровеннымъ образомъ, о всевозможныхъ предметахъ, требуя отъ Стединка сохраненія въ глубочайшей тайнѣ его заявленій. Такъ, напр., Павелъ, когда зашла рѣчь о субсидіяхъ, въ которыхъ нуждалась Швеція, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о расточительности своей матери, о расходахъ на содержаніе фаворитовъ, о разстройствѣ финансовъ и т. п. Въ другихъ бесѣдахъ Павелъ говорилъ о своей ненависти къ Англіи, объ австрійскомъ министрѣ Тугутѣ, о французской революціи и т. д. Эти разговоры происходили въ глубочайшей тайнѣ. Кутайсову было поручено служить посредникомъ каждый разъ, когда Стединкъ желалъ видѣть Павла. Въ такихъ случаяхъ шведскій посолъ ходилъ къ государю по тайной лѣстницѣ, ведущей прямо въ кабинетъ Павла.

Чрезвычайно справедливо Стединкъ писалъ королю, что эти бесѣды не могутъ оставаться тайною, и что особенно Ростопчинъ, узнавъ о нихъ, будетъ сильно огорченъ ролью, которую разыгрывалъ при этомъ Кутайсовъ. Такъ и случилось. Слухъ о тайныхъ свиданіяхъ Павла съ Стединкомъ распространился быстро. Благодаря этому, Ростопчинъ выказывалъ холодность въ обращеніи съ Стединкомъ. Витвортъ требовалъ по этому предмету объясненій отъ Панина, который обратился съ вопросомъ объ этомъ къ Стединку, а такъ какъ Стединкъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Панинымъ, то онъ и сообщилъ ему разныя данныя о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ государемъ.

Послѣ одной изъ этихъ интимныхъ бесѣдъ съ государемъ Стединкъ сказалъ ему: „Я чувствую себя такъ хорошо у Вашего Величества, что не уйду, пока вы меня не прогоните“. Павелъ возразилъ: „Я васъ не прогоню никогда“.

Скоро послѣ этого, обстоятельства положили конецъ неожиданной привязанности Павла къ Стединку.

Digitized by Google

VII. — Пріѣздъ Густава IV въ Петербургъ въ 1800 г.

Между Швеціею и Россіею 4 (16) декабря 1800 г. былъ заключенъ договоръ, по которому оба государства обязывались оказывать другъ другу помощь для огражденія свободы на морѣ. Къ этому договору присоединились Пруссія и Данія. Во время переписки, предшествовавшей этому союзу, король шведскій выразилъ желаніе лично явиться въ Петербургъ, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ съ императоромъ. Павелъ отвѣчалъ приглашеніемъ короля пріѣхать въ Россію, и Густавъ IV прибылъ въ Петербургъ 29-го ноября въ сопровожденіи генерала Толля и другихъ придворныхъ лицъ.

Было зимнее время. На пути въ русскую столицу король былъ встрѣченъ на границѣ генераломъ Кутузовымъ. Вездѣ король находилъ отряды гвардіи, которые его сопровождали; вдоль всей дороги до самой столицы были зажжены огни; дворцовая прислуга и кухня были въ распоряженіи короля съ той самой минуты, какъ онъ вступилъ во владѣнія императора. Едва только прибылъ онъ въ столицу, гдѣ онъ остановился у своего посла, барона Стединка, какъ Павелъ сдѣлалъ ему первый визитъ. Король счелъ себя обязаннымъ отдать ему визитъ тотчасъ же, въ то время, когда онъ былъ въ театрѣ Эрмитажа, что̀ уже, повидимому, не понравилось Павлу. Тѣмъ не менѣе король былъ принятъ имъ на другой день со всѣми выраженіями полнѣйшей дружбы. Оба государя обѣдали вмѣстѣ, какъ въ этотъ, такъ и во всѣ слѣдующіе дни.

Въ началѣ императоръ казался совершенно расположеннымъ къ королю. Затѣмъ, однако, нѣкоторыя замѣчанія Густава не нравились Павлу, и наконецъ онъ почувствовалъ къ королю полнѣйшее отвращеніе.

Такъ, между прочимъ, однажды, на третій день по пріѣздѣ въ Петербургъ, по случаю балета въ театрѣ Эрмитажа, гдѣ двѣнадцать дѣвушекъ были въ красныхъ шапкахъ, Густавъ сказалъ, что это „шапки якобинцевъ“.—„Можетъ быть,—отвѣчалъ императоръ,—онѣ существуютъ въ другихъ государствахъ, но у меня ихъ нѣтъ“,—и рѣзко повернулся къ нему спиною.

Едва лишь непріятное впечатлѣніе, произведенное на Павла этимъ необдуманнымъ словомъ, стало изглаживаться, какъ молодой король предложилъ императору навѣстить его въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ хотѣлъ показать Павлу свою гвардію, выразивъ этимъ сомнѣніе насчетъ совершенства русскихъ гвардейцевъ. Государь былъ сильно возмущенъ этимъ предложеніемъ.

Digitized by Google

Въ другой разъ король, замѣтивъ на парадѣ, что полки, носившіе обыкновенно черныя гамаши (guêtres), въ этотъ разъ имѣли бѣлыя, спросилъ о причинѣ этой перемѣны у Павла, который отвѣчалъ, что это по случаю праздника при дворѣ. „У меня этого не водится“, возразилъ король.

Что еще сильно повредило молодому королю, такъ это была его упорность, его постоянная натянутость, часто даже въ самыхъ неважныхъ, обыденныхъ случаяхъ, и наружный видъ, холодный и отталкивающій, котораго онъ не покидалъ никогда. Такъ напр., когда великій князь Александръ Павловичъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ во главѣ гвардейскихъ полковъ, и когда вслѣдъ затѣмъ императоръ занялъ его мѣсто, чтобы лично отдать честь высокому гостю, послѣдній отвѣчалъ на эту вѣжливость легкимъ наклоненіемъ головы.

Нерасположеніе императора усилилось еще болѣе по случаю отказа короля принять письмо, которое вручилъ ему отъ имени Павла графъ Ростопчинъ, и въ которомъ забыли дать ему титулъ *норвежскаго наслѣдника*. Несмотря на всѣ доводы, графу Ростопчину не удалось убѣдить Густава IV не обращать вниманіе на это неважное упущеніе.

Наконецъ, еще слѣдующее обстоятельство довершило разладъ между королемъ и императоромъ. Разставшись съ Густавомъ со всѣми внѣшними знаками взаимнаго уваженія, Павелъ на другой день послалъ къ нему графа Ростопчина просить орденъ Серафимовъ для графа Кутайсова. Король отказалъ ему подъ тѣмъ предлогомъ, что графъ не имѣлъ еще ордена Св. Андрея. Тогда Павелъ, въ высшей степени разгнѣванный этимъ отказомъ, въ ту же минуту велѣлъ возвратиться придворной кухнѣ, приказалъ остаться всѣмъ русскимъ генераламъ, состоявшимъ при королѣ и назначеннымъ провожать его до границы, отмѣнилъ всѣ приготовленія, сдѣланныя для удобства короля въ пути, наконецъ заставилъ его облечься такимъ полнымъ инкогнито, что безъ помощи одного пастора въ Финляндіи шведскій король и его свита не имѣли бы даже пропитанія.

Понятно, что за все время пребыванія Густава IV въ Россіи нѣтъ донесеній Стединка. Такимъ образомъ мы лишены возможности провѣрить вышеизложенныя частности, почерпнутыя изъ русскаго источника. Однако эти разсказы очевидца подтверждаются нѣкоторымъ образомъ письмами Стединка, сопровождавшаго короля до Гельсингфорса и вернувшагося въ Петербургъ. Изъ этихъ писемъ видно, что положеніе шведскаго посла опять-таки сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Расположеніе Павла къ

Digitized by Google

нему исчезло. Онъ сталъ какъ бы опальнымъ. Какъ видно, даже возвращеніе шведскаго дипломата въ Россію встрѣтило затрудненія. Онъ доносилъ королю изъ Гельсингфорса 23 декабря 1800 г. (4 января 1801 г.): „Наконецъ мнѣ дозволено вернуться въ Россію. Раздраженіе Павла не имѣло тѣхъ послѣдствій, какихъ я опасался и которыя я, въ мрачномъ моемъ настроеніи, предсказывалъ. Можно думать, что письмо Вашего Величества успокоило императора. Я надѣюсь, что возстановятся прежнія отношенія". Вернувшись въ русскую столицу, Стединкъ однако писалъ, что отношенія его ко двору далеко не удовлетворительны. „Ваше Величество пробыли здѣсь слишкомъ долго", сказано далѣе въ донесеніи шведскаго посла; „вслѣдствіе этого императоръ чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ. Онъ не можетъ притворяться къ тому же англичане были недовольны путешествіемъ Вашего Величества: далѣе, Кутайсовъ напрасно надѣялся на шведскую ленту, чѣмъ усилилось нерасположеніе государя. Павелъ жаловался на холодность и на сдержанность Вашего Величества. Затѣмъ другою причиною неудовольствія было слишкомъ продолжительное пребываніе Вашего Величества у великаго князя Александра Павловича наканунѣ отъѣзда, между тѣмъ какъ императоръ хотѣлъ побывать у Васъ, предварительно объявивъ о своемъ визитѣ. Министры недовольны тѣмъ, что договоръ былъ подписанъ безъ ихъ вѣдома. Они считаютъ соглашеніе обременительнымъ для Россіи и желаютъ раздора. Разсказываютъ о неудовольствіи императора благодаря тому, что въ письмѣ, которое Ваше Величество написали ему изъ Фридрихсгама, лишь однажды было употреблено выраженіе: *Императорское Величество*. Я считаю это выдумкою, такъ какъ Вашему Величеству было угодно дать мнѣ прочесть это письмо, и въ немъ ничего недоставало. Императору сообщили, что Ваше Величество и вся свита за столомъ въ Линдулѣ [1]) были веселы и много смѣялись, и что развѣ только я оставался серьезнымъ, очевидно потому, что мнѣ приходилось возвратиться въ Петербургъ. Такая веселость, говорятъ, очень не понравилась государю. Однимъ словомъ, нѣтъ конца неблагопріятнымъ толкамъ объ этомъ путешествіи".

Изъ этого же донесенія Стединка видно, что когда онъ доѣхалъ до столицы, ему у заставы сдѣлали непріятность изъ-за паспорта и изъ-за подорожной. Ростопчинъ, къ которому онъ отправился, принялъ его чрезвычайно холодно; бесѣда съ нимъ была очень вялою и онъ ни слова не сказалъ о письмѣ Гу-

[1]) За Парголовомъ, имѣніе Салтыкова.

Digitized by Google

става къ Павлу. Къ тому же тутъ еще случился Колычевъ, присутствіе котораго еще болѣе мѣшало оживленію бесѣды. Стединкъ считалъ вѣроятнымъ, что нерасположеніе Павла къ Швеціи содѣйствовало рѣшенію его сблизиться съ Франціею, на которую онъ разсчитывалъ для нанесенія удара на Англію.

Въ это время бывали случаи внезапнаго удаленія Павломъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, напр., датскій дипломатъ Розенкранцъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга; такъ и англійскій посланникъ Витвортъ подвергся этой же участи. Стединкъ со дня на день ожидалъ такого же приказанія для себя. Дипломатическій корпусъ состоялъ къ концу царствованія Павла изъ весьма лишь немногихъ лицъ, за которыми строго присматривали и которыхъ ко двору почти вовсе не приглашали. Къ тому же шведскій консулъ въ Ригѣ пострадалъ за то, что онъ не препятствовалъ отъѣзду одного шведскаго корабля въ Англію. Корабль съ грузомъ былъ конфискованъ; имѣніе шведскаго консула было также конфисковано. Было запрещено вывозить изъ Риги хлѣбъ въ Швецію. Стединкъ ожидалъ дальнѣйшихъ крутыхъ мѣръ вслѣдствіе пребыванія короля въ Россіи. Однако положеніе шведскаго посла вскорѣ улучшилось. Ростопчинъ обращался съ нимъ вѣжливѣе прежняго. Онъ былъ приглашенъ на балъ въ Эрмитажъ. Благодаря стараніямъ Палена, сдѣлавшагося министромъ иностранныхъ дѣлъ послѣ удаленія Ростопчина, исчезли послѣдніе слѣды недовѣрія къ Стединку русскаго правительства. Обо всемъ этомъ онъ доносилъ королю Густаву IV $^{3}/_{15}$ марта 1801, за нѣсколько дней до перемѣны на престолѣ.

А. Брикнеръ.

Digitized by Google

ИЗЪ М. ГЮЙО

I.

МОМЕНТЫ ВѢРЫ.

1.—За чтеніемъ Фихте.

Реальны только мысль, желанье и любовь!
Матерія—лишь тѣнь, лишь слово; плоть и кровь
Даетъ ей наша мысль: и небеса, и воды —
Созданія людей, ихъ внутренней свободы.
И если наше *я*, какъ въ тѣсной клѣткѣ птица,
Здѣсь бьется, думая, что міръ—его темница,
Оно всегда свободно: цѣпи—заблужденье!
Весь міръ—моей души великой порожденье,
И неизбѣжность, рокъ—созданія моей
Всегда свободной воли. Пусть судьба надъ ней
Какъ будто празднуетъ порой побѣду злую:
Не вѣрю я въ судьбу,—и вѣчно торжествую!

Сомнѣнье ль, вѣру ли—я властенъ выбирать,
И властенъ въ мысли я кумиръ себѣ создать.
Такъ свято жъ буду я хранить свою свободу:
Въ себя хочу я вѣрить больше, чѣмъ въ природу.

2.—За чтеніемъ Канта.

Да! я провижу смыслъ и цѣли міроздавья,
Гдѣ и добро, и зло, и счастье, и страданья,
Ошибки, истина,—смѣшалось все въ хаосъ,
Гдѣ вѣчно ставитъ намъ природа свой вопросъ.

Digitized by Google

Лишь испытаньемъ счесть должны мы здѣсь сомнѣнье,
И съ вѣрой, видя зло, принять должны рѣшенье, —
Хоть небеса отъ насъ навѣки мракъ застлалъ, —
Что болѣе, чѣмъ жизнь, реаленъ идеалъ!..

II.

СПИНОЗА.

Любовь и ненависть.

Пойми,—и ненависть пройдетъ какъ сновидѣнье!
Всегда стремлюсь понять поглубже я людей.
Мы такъ похожи всѣ! я вижу, въ изумленьи,
Лучъ дорогого мнѣ—и въ низкомъ преступленьи,
И низость—въ фарисейской гордости моей.
Мнѣ сердца ненависть давно уже не давитъ,
А съ ней въ душѣ моей исчезъ презрѣнья слѣдъ.
Нѣтъ въ мірѣ гнуснаго,—случайнаго въ немъ нѣтъ!
И то, что̀ мнѣ теперь порою жизнь отравитъ,
Меня лишь удивитъ да вдуматься заставитъ.
Вся жизнь въ моихъ глазахъ той ясности полна,
Какую ей даетъ даль прошлаго одна:
Въ минувшемъ, въ томъ, что̀ есть,—смыслъ видитъ всюду тотъ,
Кто ищетъ на землѣ причинъ, а не явленій,
И ясный умъ, съ своихъ заоблачныхъ высотъ,
Умѣетъ видѣть все на равномъ отдаленьи"...
Я вѣрилъ этому разумному покою;
Но говоритъ во мнѣ сомнѣніе порою.
Тотъ, кто съумѣетъ все понять и все простить,
Кто ненависти чуждъ,—тотъ можетъ ли любить?
Любовь, какъ ненависть, такъ часто ускользаетъ
Отъ строгихъ мудрецовъ, и можетъ быть,—кто знаетъ!—
Чтобъ душу всю отдать,—не нужно ль глазъ закрыть?..

И. Тхоржевскій.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННАГО

ПЕЛОПОННЕСА

XI. — По Лакедемоніи *).

Чѣмъ глубже мы врѣзаемся въ Лаконскій заливъ, чѣмъ ближе подходимъ къ Гитейону, тѣмъ чаще виднѣются на берегу селенія майнотовъ, тѣмъ больше долинъ и ущелій открываютъ свои устья на морѣ. Однако и здѣсь ни садовъ, ни виноградниковъ, какъ и въ остальной Майнѣ, единственной странѣ Греціи, не знающей хмельного гроздія.

На кораблѣ нашемъ ѣдетъ цѣлый отрядъ эвзоновъ — мѣстнаго войска, замѣняющаго въ здѣшнихъ горныхъ дебряхъ полицію и жандармовъ. Все это, какъ на подборъ, рослые и статные молодцы, черноглазые, черноволосые, съ едва пробившимися усиками, длинноносые, какъ всѣ греки; одѣты они очень щеголевато, во всемъ бѣломъ: бѣлыя фустанеллы, бѣлыя рубахи съ широкими раструбами рукавовъ, бѣлыя ноговицы, бѣлыя курточки съ закинутыми назадъ албанскими рукавами, расшитыя чернымъ шнуркомъ и украшенныя, кромѣ краснаго воротника, еще двумя рядами мѣдныхъ пуговицъ. Только и есть на нихъ чернаго — это кожаные пояса съ патронами, да башмаки съ загнутыми кверху носками, на которыхъ, по мѣстному обычаю, непремѣнно болтаются красные шерстяные махры. На головахъ красныя круглыя ша-

*) См. выше: стр. 627 и слѣд.

Digitized by Google

почки съ черными кистями, — нарядъ вполнѣ народный и удобный для движенія по горамъ.

Я съ искреннимъ удовольствіемъ любовался, какъ эти сильные, легкіе и проворные юноши, широкіе въ плечахъ и тонкіе въ станѣ, съ мускулистыми голенями, весело играли другъ съ другомъ, боролись и прыгали какъ молодые львята, пѣли дружнымъ хоромъ свои родныя пѣсни, или безпечно спали на вѣтру и припекѣ солнца, повалившись въ небрежно живописныхъ позахъ, кто какъ и куда попалъ, прямо на палубу, на тюки товаровъ, на жесткіе свертки каната.

Какая разница—видѣть греческаго воина въ этой красивой, сродной ему, національной одеждѣ, или въ жалкомъ мундирчикѣ, списанномъ съ баварскаго и датскаго солдата, стѣсняющемъ всякое движеніе его и отнимающемъ у грека его природную греческую физіономію!

Кромѣ этихъ милиціонеровъ, ѣхало съ нами нѣсколько офицеровъ разныхъ военныхъ частей, артиллеристы и кавалеристы, дамы, чиновники,—вообще довольно публики перваго класса. Мы успѣли и позавтракать, и пообѣдать, и напиться чаю на пароходѣ, — безъ table d'hôte, впрочемъ, а по карточкѣ, что здѣсь выходитъ значительно дороже. Греки очень вѣжливы и привѣтливы съ нами, какъ иностранцами, а можетъ быть, и какъ съ русскими.

Недалеко отъ Гитеона, отъ майнскаго берега выступаетъ въ море довольно длинный полуостровъ, на которомъ маленькій городокъ и живописный средневѣковый замокъ съ башнею, безъ сомнѣнія венеціанскій. Это Мавро-Вуніонъ. Здѣсь голыя горы совсѣмъ уже отступаютъ отъ берега, отдѣляясь отъ него зелеными холмами, и весь береговой пейзажъ замѣтно измѣняется.

Передъ самымъ Гитеономъ, тоже у лѣваго берега, островокъ, соединенный съ берегомъ длиннымъ моломъ. Красивая семи-этажная башня маяка весело бѣлѣетъ на концѣ островка, внутри котораго тоже что-то въ родѣ крѣпостцы или блокгауза съ зубчатыми стѣнами. Этотъ воинственный на видъ островокъ Маратонизи, давшій свое имя и всему Гитеону, тотъ самый древній Краноэ, пріютъ страстной любви, гдѣ Парисъ, похитивъ у Менелая Елену, по пути въ Трою, праздновалъ съ нею свою свадьбу.

На горѣ Ларизіонъ, у подошвы которой расположенъ Гитеонъ, въ древности тоже были святилища во имя Діонисія, или Вакха, бога веселья и жизненной радости. Немного странно это сосѣд-

Digitized by Google

ство Киѳеры, Краноэ, Ларизіона, посвященныхъ любви, красотѣ и веселью, съ угрюмою горною пустынею Майны...

Теперешній Гитеонъ, или Маратонизи,—грязноватый и тѣсный городокъ, но расположенъ довольно красиво по пятѣ одиноко-стоящей голой горы, одни дома на крышахъ другихъ. Лодка подвезла насъ съ парохода прямѣхонько къ „Xenodokion ton Kalamaton"—гостинницѣ „Каламаты" на набережной моря. Въ гавани нѣсколько кораблей и пароходовъ, снуютъ лодки; носильщики и уличные мальчишки оглушаютъ васъ своими криками и рвутъ изъ рукъ вашихъ багажъ,—словомъ, тѣ же сцены, что и вездѣ въ подобныхъ мѣстахъ. Комнатку отвели намъ маленькую и изрядно скверную; рыбы на берегу этого „рыбообильнаго моря" для нашего ужина никакой не оказалось, хотя по дорогѣ въ Лимени намъ предлагали какую-то отличную на видъ жирную и крупную рыбу „рофосъ",—стало быть, при небольшой заботливости хозяевъ гостинницы, не трудно было бы имѣть ее для проголодавшихся путешественниковъ. Пришлось и тутъ прибѣгнуть къ спасительному русскому чаю, для котораго требовалась только одна горячая вода.

Экипажа въ Спарту, на который мы такъ твердо разсчитывали по легкомысленному увѣренію нашего корфіота-драгомана, тоже не оказалось. Омнибусъ въ Спарту долженъ былъ отойти завтра въ два часа дня, но онъ забираетъ много товару и публики всякаго разбора, такъ что бываетъ набитъ какъ боченокъ сельдями, а сверхъ того, ночуетъ по дорогѣ въ очень непривлекательномъ ханѣ. По совѣту опытныхъ людей, мы телеграфировали въ Спарту, чтобы выслали къ утру экипажъ за установленную таксу 50 франковъ. Въ ксенодокіонѣ стучали, кричали, ходили и бѣгали до глубокой ночи. Народъ здѣсь очень безцеремонный и очень шумливый, какъ подобаетъ истинной демократіи. Нельзя сказать, чтобы это особенно помогало мирному сну путешественниковъ. Утромъ я убѣдился, что въ гостинницѣ нашей много большихъ и свѣтлыхъ комнатъ, въ комнатахъ хорошія желѣзныя кровати, масса матрацевъ, ковровъ, подушекъ, одѣялъ теплыхъ и холодныхъ, комнаты полны всевозможною мебелью и вещами, но ни одна комната не метется, ни одна постель не убирается, пыль не стирается; соръ и грязь вездѣ невообразимые; клопы и блохи и разная гадость заѣдаютъ живьемъ человѣка. По серединѣ дома—такая лабораторія нашатырнаго спирта, что сразу угорѣть можно. Вышелъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ,—смотрю: длиннѣйшая, широкая и крутая лѣстница поднимается съ улицы въ видѣ бокового проулка прямо ко второму этажу гостинницы.

Digitized by Google

Крошечныя дѣтишки, чуть не грудные младенцы, одни-одинёхоньки, полуголые, карабкаются и пачкаются, толкая другъ друга на ступеняхъ этой лѣстницы, скатиться съ которой внизъ и расшибиться какъ сырое яйцо—для нихъ одна минута. Но ни отцы, ни матери не обращаютъ на эти пустяки никакого вниманія. Вѣроятно, въ новой Спартѣ тоже придерживаются старой спартанской педагогіи.

Я послалъ своего Дмитрія на базаръ купить намъ на дорогу свѣжей провизіи. Но, къ разочарованію нашему, въ этомъ торговомъ городѣ, служащемъ главнымъ мѣстомъ вывоза для всей Лаконіи, не нашлось рѣшительно ничего другого, кромѣ тѣхъ же яицъ и овечьяго сыра, которые мы доставали почти въ каждой деревнѣ.

Пока приходилось ждать отвѣта изъ Спарты насчетъ экипажа, отправились, не теряя времени, осмотрѣть немногіе, уцѣлѣвшіе остатки стараго лакедемонскаго города Гитейона, тутъ же рядомъ съ новымъ Гитейономъ. У туземцевъ онъ зовется, конечно, „Палеополисъ“, какъ у насъ на Руси остатки всѣхъ старыхъ городовъ зовутся „городищами“.

Камней, основаній фундаментовъ, откопано довольно много и, безъ сомнѣнія, будетъ впослѣдствіи откопано еще гораздо больше, потому что всѣ береговые холмы, къ востоку отъ теперешняго города были въ древности застроены. У подножія одного такого холма расчищенъ отлично сохранившійся небольшой амфитеатръ въ 8 рядовъ сидѣній, вырѣзанныхъ вмѣстѣ со спинками изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора; сквозь сидѣнья эти — обычныя лѣстницы снизу вверхъ, одна по срединѣ, двѣ по сторонамъ, тоже, конечно, мраморныя. Полукруглая площадка для хора и жертвенника, продолговатый четырехугольникъ сцены, два ряда маленькихъ комнатокъ для актеровъ за сценою и особое отдѣленіе съ залою и какими-то тѣсными келейками, можетъ быть замѣнявшее наши нынѣшнія фойе, въ нижнихъ своихъ частяхъ уцѣлѣли вполнѣ, такъ что получаешь совершенно ясное представленіе объ архитектурѣ и внутреннемъ устройствѣ древняго театра.

На сценѣ валяются куски разбитыхъ колоннъ и карнизовъ, а по срединѣ выкопанъ большой круглый колодезь невѣжественными обитателями современнаго Гитейона, для которыхъ ведро свѣжей воды гораздо дороже смутныхъ воспоминаній древности. Двѣ смуглыя красавицы, съ черными жгутами косъ, засучивъ могучія руки, спокойно полощутъ грязное бѣлье около этихъ античныхъ реликвій.

На самомъ краю морского берега, у круглой каменной мель-

Digitized by Google

ницы безъ крыльевъ, построенной на четырехугольномъ основаніи, залитомъ водою моря, лежитъ на половину ушедшій въ землю открытый мраморный саркофагъ съ крупными скульптурными украшеніями по наружнымъ стѣнамъ, а сейчасъ же за мельницею идетъ въ море, залитая его водами, древняя стѣна изъ крупныхъ тесаныхъ камней, образующая собою четырехугольный подводный фундаментъ какой-то исчезнувшей теперь обширной постройки. Стало быть, въ древности море было дальше отъ берега и теперь заливаетъ прибрежную полосу стараго города, какъ это случилось и у насъ въ Баку съ Каспійскимъ моремъ. Во времена древней Спарты, Гитіумъ, или Гитеонъ, былъ сильно укрѣпленнымъ торговымъ пунктомъ и въ просторной гавани его стоялъ обыкновенно весь лакедемонскій флотъ. Очень можетъ быть, что залитыя водою основанія стѣнъ принадлежали къ бывшимъ береговымъ укрѣпленіямъ, защищавшимъ эту военную гавань Спарты. Стоя среди обломковъ старой греческой жизни и глядя издали на нынѣшній грязный и скудный городокъ, я съ изумленіемъ думалъ, какая неизмѣримая разница между мраморными театрами и смѣлою торговою дѣятельностью этого далекаго уголка былой Греціи и теперешнимъ мѣщанскижалкимъ существованіемъ Гитеона, несмотря на то, что на его сторонѣ два лишнихъ тысячелѣтія труда, опыта и всѣхъ завоеваній человѣческой культуры! Видно, одно и то же имя далеко не всегда выражаетъ собою одно и то же понятіе, и творческій геній того эллина, что̀ съумѣлъ создать въ темную эпоху младенчества Европы первую науку, первую философію, первое искусство, первую промышленность, первое общественное устройство, не повторился ничѣмъ въ духѣ новаго грека, воспитаннаго столѣтіями рабства и всякихъ злополучій. Только щедрая мать-природа по прежнему осѣняетъ эти могильные холмы прошлаго обиліемъ и красотою своихъ даровъ. Всѣ холмы кругомъ развалинъ Палеополиса—сплошные сады спѣлыхъ лимоновъ, яркоцвѣтущихъ гранатниковъ, смоковницъ, шелковицъ, масличинъ и кактусовъ. Новая жизнь вторглась въ эту давно замолкшую могилу еще и трубами двухъ своихъ заводовъ, что̀ дымятъ на окраинѣ города. Это паровыя мельницы для пшеницы; а на берегу моря, у античнаго саркофага, современный промышленникъ выкопалъ четыре неглубокихъ выложенныхъ камнемъ колодца, въ которыхъ, ничто же сумняся, изготовляетъ столь популярную въ Греціи „мастику“ для своихъ любезныхъ соотечественниковъ, не особенно разборчивыхъ насчетъ чистоплотности.

Digitized by Google

Свободнаго экипажа не оказалось, къ нашему несчастію, и въ Спартѣ. Омнибусъ, который отходилъ въ этотъ день въ славную отчизну Леонида, оказался большою нѣмецкою телѣгою, или, пожалуй, жидовскимъ фургономъ съ плоскимъ зонтомъ сверху и очень напомнилъ мнѣ тотъ мучительный дилижансъ, который пересчитывалъ намъ когда-то ребра по камнямъ и рытвинамъ священной дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ. Отъ кулей пшеницы, ящиковъ съ лимонами и тюковъ табаку въ немъ осталось весьма сомнительное пространство для помѣщенія изрядной толпы греческихъ гражданъ и гражданокъ, цивильныхъ и военныхъ, самаго демократическаго разбора. По дорогѣ онъ ночуетъ и въ Спарту прибудетъ только завтра къ обѣду. Чтобы не дожидаться до завтра, намъ оставалось принять предложеніе одного обладателя просторной нѣмецкой телѣги въ четыре мѣста на двухъ огромныхъ колесахъ, но уже безъ зонта. Малый вызывался, покормивъ только одинъ часокъ въ пути, доставить насъ къ вечеру въ Спарту. Эта перспектива улыбалась намъ, а ясное южное утро и чудныя дали горъ сулили намъ непрерывный рядъ новыхъ и сладостныхъ впечатлѣній. Къ тому же въ Спартѣ нужно поступать по-спартански. И вотъ я, по выраженію Гомера,

> Далъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
> Быстроколесную; будетъ при ней для клажи и коробъ...
> Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу,

и мы, аккуратно уложившись и перекрестившись, съ радостнымъ сердцемъ начали свой давно желанный путь—

> Въ Лакедѣмонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый
> Царствовалъ...

Проѣхали концомъ города. Вездѣ фундаментъ одного дома выше трубы другого; вездѣ между домами широкія каменныя лѣстницы далеко въ гору; балкончики въ цвѣтущихъ пеларгоніяхъ, подъ сѣнью виноградныхъ лозъ, цѣпляющихся за жердочки навѣсовъ. У круглыхъ каменныхъ колодцевъ классической формы, подъ темною тѣнью платановъ и шелковицъ—женщины съ кувшинами на головахъ, на плечахъ. Въ Гитеонѣ я насчиталъ пять церквей, и самая древняя и маленькая изъ нихъ—среди мусора Палеополиса, словно его могильная часовня. Кругомъ—сады на цѣлыя версты, въ цвѣтахъ, въ плодахъ. Потомъ на нѣсколько верстъ граціозные разнообразные холмы, выстланные зеленою муравою, покрытые маститыми, свободно разбросанными дубами. Это скорѣе огромный паркъ для прогулокъ, чѣмъ дубовый лѣсъ. Пріятель

Digitized by Google

мой, нижовскій купецъ Силай Лаптевъ, что сводитъ у насъ въ уѣздѣ, какъ онъ самъ хвастается, двадцать-пятую рощу, не нашелъ бы здѣсь любимыхъ своихъ „стяжненькихъ дубочковъ", годныхъ „на столбочки или на поштву", но зато Каламъ или нашъ несравненный Шишкинъ на каждомъ поворотѣ дороги отыскали бы дорогой матеріалъ для своихъ художественныхъ пейзажей.

Мнѣ было пріятно увидѣть Спарту именно дубовою. Мессенѣ идетъ дерево мира—скромная масличина, а Спартѣ дубъ—дерево силы и мужества. Не видавшій этихъ дубовыхъ ландшафтовъ Пелопоннеса,—не имѣетъ понятія объ ихъ оригинальной красотѣ.

Хлѣба, цвѣты, луга—постоянно подъ вѣтвями дубовъ; вѣроятно, это вызывается сухими лѣтними жарами Греціи. А гдѣ рытвина, низина, болотцо или ручей—непремѣнно олеандры въ роскошнѣйшихъ розовыхъ шапкахъ. Олеандръ—краса Греціи и характерная черта ея пейзажа. Мѣстами въѣзжаешь въ сплошные сады ихъ, которымъ конца нѣтъ.

Когда дорога выбирается изъ узкаго глубокаго корыта горной долинки, горизонты раздвигаются, дубовые холмы уходятъ дальше къ горамъ, а на пологихъ припухлостяхъ земли стелются виноградники, огороды, шелковичныя плантаціи; отовсюду смотрятъ на васъ съ вершинъ пригорковъ хуторки, фермы, деревни, а нерѣдко и замки своего рода, окруженные пристройками башни. Хлѣба совсѣмъ уже спѣлы, несмотря на половину мая. По обрывамъ разсыпаны стада свѣтлобурыхъ и темнокоричневыхъ козъ съ оригинальными витыми рогами, а еще выше ихъ торчатъ, опершись на длинные посохи, красавцы-пастушата, съ платочками на головѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ круче подъемы и спуски. Иногда тянемся вверхъ по цѣлому часу. Тутъ вездѣ шоссе и прочные каменные мосты на аркахъ, иногда очень высокихъ.

Между тѣмъ жена моя давно уже безпокойно поглядывала на облака и предсказывала скорый дождь, хотя возница нашъ, такой же легкомысленный, какъ и нашъ драгоманъ Дмитрій, съ непоколебимою самоувѣренностью отвергалъ даже отдаленную возможность дождя.

— Будьте покойны, мадамъ, онъ здѣшній человѣкъ, какъ же ему не знать? Каждый день по дорогамъ ѣздитъ, отлично понимаетъ всякую примѣту,—поддерживалъ его, съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ неразумію русской госпожи, нашъ многоопытный драгоманъ.

Digitized by Google

Дождь, однако, пошелъ гораздо скорѣе, чѣмъ мы ожидали, и наша открытая телѣжка, полная багажа, начинала обнаруживать всю непригодность свою въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

— Не безпокойтесь, мадамъ, это такъ, только немножко побрызгаетъ... туча пройдетъ сейчасъ...—успокаивалъ насъ Дмитрій. Но дождь словно смѣется надъ нимъ и, очевидно, зарядилъ на цѣлый день. Тайгета давно уже не видно; даже ближнія горы спрятались въ облака.

„Воздымающій тучи Кроніонъ, молніеносный отецъ чернооблачный", грозно рокочетъ теперь въ омрачившихся высяхъ неба. Вѣтеръ дѣлается все яростнѣе и холоднѣе; широко-шумныя дубравы подняли кругомъ свой немолчный ропотъ.

Божества надъ землею быстро текли,
И отъ стопъ ихъ — дубравъ потрясались вершины...

Изрѣдка только попадаются на встрѣчу захваченные дождемъ верховые, укутанные въ толстыя свитки съ башлыками, да укрывшіеся подъ деревья пастухи.

По-спартански встрѣчаетъ насъ суровая Спарта.

Въ Тарапсѣ мы должны были покормить часа полтора лошадей. У хана уже стояла почтовая кочъ—карета, отправлявшаяся въ Гитіонъ, съ которою мы завтра могли бы спокойно доѣхать до Спарты; но судьба рѣшила иначе, и вотъ намъ теперь приходится изучать болѣе близко деревенскія дороги и деревенскіе нравы Лаконіи. Въ верхней свѣтлицѣ хана мы застали вокругъ стола многолюдную компанію пьющихъ и жующихъ туземцевъ, безбожно засорившихъ не только столъ, но и всю комнату, какъ умѣютъ засаривать только греки. Насъ встрѣтило общее любопытство этой демократической публики, которая сейчасъ же очень любезно уступила намъ единственный столъ. Хозяинъ сварилъ намъ турецкаго кофе, принесъ молока и хлѣба; Дмитрій выложилъ купленные въ Гитіонѣ запасы, и вотъ мы, въ упованьѣ на скорый отъѣздъ, —

„Подняли руки къ приготовленной сладостной пищѣ".

Но дождь и гроза на дворѣ не собирались стихать, а дѣлались все сильнѣе. То-и-дѣло мелькали на улицѣ мимо хана, мѣся копытами бѣлую глинистую грязь, измокшіе и иззябшіе ослики съ клажею, и за ними босые погонщики, натянувъ на головы свои свитки. Промокшіе насквозь прохожіе завертываютъ въ заѣзжіе домики деревушки, гдѣ можно отогрѣться стаканомъ

Digitized by Google

вина и чашкою кофе, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лавочка всякихъ простыхъ деревенскихъ товаровъ. Противъ насъ, подъ навѣсомъ одной лавчонки, даже развели маленькій костеръ, вокругъ котораго столпилась босоногая кучка. Солдатикъ, въ бѣлыхъ намокшихъ панталонахъ, обратившихся совсѣмъ въ сѣрыя, весело шутитъ надъ собою и надъ товарищами, отогрѣвая по очереди обѣ босыя ноги...

Вотъ уже мы просидѣли въ ханѣ и полтора, и два часа, а возница нашъ даже не появляется у своей телѣги. Почтовая карета спокойно покатила по дорогѣ въ Гитеонъ, возбуждая нашу искреннюю зависть. Добыли кое-какъ черезъ хозяина—своего Дмитрія, черезъ Дмитрія—и заспаннаго возницу. Оказалось, что онъ не спалъ всю предъидущую ночь, будучи въ отъѣздѣ, и оттого-то въ продолженіе всей нашей дороги поминутно засыпалъ сидя, клюя носомъ и чуть не падая съ козелъ, такъ что лошадьми гораздо больше правилъ не онъ, а сидѣвшій съ нимъ рядомъ Дмитрій. Вѣроятно, страстное желаніе спокойно выспаться въ ханѣ повліяло больше всего на его настроеніе духа, потому что онъ рѣшительно возсталъ противъ выѣзда нашего въ такой дождь и такую грязь. Дмитрій и хозяинъ хана усердно поддерживали его.

— Помилуйте, господа, теперь такая вода въ ложбинахъ, такая грязь на крутыхъ подъемахъ и спускахъ, что лошади никакъ не выдержатъ... Да и тяжесть какая для колесъ... — увѣряли насъ всѣ они черезъ словоохотливаго нашего драгомана. — И вамъ-то самимъ какая же охота подъ дождемъ мокнуть, и вещи свои портить!.. Къ вечеру еще холоднѣе станетъ, вѣтеръ съ горъ поднимется, того и гляди простудитесь, а въ Спарту все равно нынче не доберемся по такой дорогѣ; придется все равно гдѣнибудь въ ханѣ заночевать; тутъ по крайней мѣрѣ ханъ большой и хозяинъ — знакомый человѣкъ...

Мы сразу не сдались, торговались сначала на томъ, чтобы обождать дождь, выѣхать попозднѣе, а потомъ, когда убѣдились, что дождь сталъ обложнымъ и затянулъ на цѣлый день, покорились своей участи и рѣшились заночевать въ Тарапсѣ. Несмотря на дождь, я одѣлся въ свою непромокайку и пошелъ осмотрѣть нашъ ханъ и деревеньку. Нижній этажъ хана — открытая наружу кофейня и винная лавочка, всегда полная праздная народа. Въ задней комнатѣ—кухня для рабочихъ. Ходъ наверхъ—по наружной тесовой лѣсенкѣ. Тамъ свѣтлица для гостей съ балкончикомъ, гдѣ мы помѣщаемся въ настоящую минуту,— за нею комната, наполненная сундуками и матрацами, а еще дальше отдѣляется отъ нея плетеною камышевою перегородкою

Digitized by Google

просторный гинекей, семейная комната, полная дѣтей, женщинъ, всякаго домашняго скарба и невообразимой грязи. Здѣсь единственный въ домѣ очагъ — каминъ, вокругъ котораго грѣются зимою домочадцы хана. Нигдѣ нѣтъ потолковъ,—вездѣ прямо надъ головою камышевая подстилка черепичной крыши, кроквы и переметы, которые замѣняютъ кстати собою полки и вѣшалки. Доски половъ расходятся такъ, что въ иномъ мѣстѣ руку можно просунуть, вездѣ щели, вездѣ дуетъ; оконныхъ рамъ слѣда нѣтъ нигдѣ. Въ вѣтеръ и дождь или холодъ отверстія оконъ простонà-просто закрываются деревянными, плохо сбитыми и еще плоше прилаженными, ставнями, сквозь которыя вѣтеръ и холодъ проходятъ почти безпрепятственно, и которыя запираются очень ненадежно. Для зимы тоже нѣтъ никакихъ приспособленій, кромѣ очага, поближе къ которому всякій старается усѣсться. Конюшня хана за то гораздо лучше: просторныя стойла, удобныя ясли. Тутъ же рядомъ и кузня для ковки лошадей. При мнѣ, однако, пользуясь свободнымъ временемъ, кузнецы чинили и лудили старые котлы. Деревушка занята однимъ промысломъ: гончарными издѣліями и черепицею. У нашего хозяина печь для обжиганія черепицы сейчасъ же за дворомъ; она совсѣмъ первобытной формы, въ видѣ шалаша, какою навѣрное видѣлъ ее еще Одиссей. Такія же печи и въ другихъ дворахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ наготовлено много огромныхъ каменныхъ бочекъ-горшковъ для вина и масла, такихъ же какъ „кѣвы“ грузинъ и имеретиновъ, только не гладкихъ, а рубчатыхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хана и старая церквочка, построенная въ видѣ сарая, даже безъ крестика на крышѣ. Одна досчатая дверочка, одна ставенка у отверстія окна. Внутри темнота, бѣдность, полная мерзость запустѣнія. Вмѣсто алтаря придѣлана какая-то полукруглая крошечная коморка. На каменной арочкѣ, надъ входомъ, виситъ маленькій колоколъ въ родѣ тѣхъ, которыми сзываютъ на обѣдъ рабочихъ въ скромныхъ деревенскихъ хозяйствахъ. Подивился я на чисто спартанскую выносливость этихъ сыновъ Спарты. Парни, мальчишки, дѣвушки преспокойно караулятъ лошадей, ословъ и овецъ цѣлый день подъ дождемъ, шлепая босыми ногами въ ручьяхъ и лужахъ, одѣтые въ насквозь промокшія легкія бумажныя одежды, не чувствуя, повидимому, никакой потребности просушиться и согрѣться. Да и всѣ тутъ нисколько не стѣсняются холода и дождя; сидятъ себѣ, горя мало, на открытыхъ галереяхъ и балкончикахъ, стоятъ по цѣлымъ часамъ на сквозномъ вѣтру въ дверяхъ кофеенъ и лавочекъ. Право, эти южане, не знающіе зимы, гораздо менѣе зябки, чѣмъ мы, сѣве-

Digitized by Google

ряне, выросшіе на двадцати-градусныхъ морозахъ; это я замѣчалъ уже не первый разъ.

Послѣ шести часовъ вечера дождь нѣсколько утихъ, и хозяева домовъ вышли съ кирками на улицу — направить внизъ дождевые потоки, грозившіе залить ихъ дворы. Сухое ложе ручья обратилось теперь въ бѣшено-ревущій водопадъ. Мы съ женою чувствовали себя чрезвычайно непріятно въ этой безотрадной и неудобной обстановкѣ. Черный кофе, которымъ однимъ только и могъ угостить насъ хозяинъ, напомнилъ намъ собою не столько ароматическій плодъ Аравіи, сколько черную спартанскую похлебку, по всей вѣроятности унаслѣдованную современными спартанцами отъ суровыхъ временъ Ликурга. Отовсюду тянуло на насъ сыростью, грязью, холодомъ; вездѣ глазъ оскорбляла окружавшая насъ нечистоплотность и безпріютность; въ комнатѣ стояло всего два узенькихъ деревянныхъ диванчика, похожихъ на лавки, и два расшатанныхъ деревянныхъ стула. На этихъ жесткихъ ложахъ приходилось устраивать себѣ постели. Ночью вѣтеръ отчаянно стучалъ ставнями и сорвалъ висѣвшую на одной петлѣ дверку балкона, наполнивъ всю комнату своимъ сырымъ и холоднымъ дыханіемъ. Я долженъ былъ, раздѣтый, привязывать ремнями оторванную дверь, чтобы сколько-нибудь защитить себя отъ ночной бури. Въ одиннадцать часовъ ночи насъ разбудилъ стукъ и шумъ на дворѣ; въ 12 часовъ—новые отчаянные крики и стукъ въ дверь; въ часъ ночи—опять. Это все измокшіе и усталые проѣзжіе ломились ночевать въ нашъ ханъ. Поднялись мы, почти не спавши, въ 4 часа утра. Не умываясь, не пивши кофе, одѣлись какъ могли теплѣе, въ плэды, въ непромокайки и двинулись въ путь. Особеннаго холода не чувствовалось, и уже все кругомъ было хорошо видно. Ѣхали бойкою рысью, почти все время скатываясь внизъ по шоссе. Тарапса оказалась на вершинѣ перевала своего рода, и оттого холодъ и вѣтеръ въ ней давали себя знать сильнѣе, чѣмъ здѣсь.

Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая буря;
Скоро явилась заря, розоперстая вѣстница утра...
Гелiосъ съ моря прекраснаго всталъ и понесся по своду
Неба съ тѣмъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.

Тайгетъ, однако, продолжалъ враждебно куриться дымомъ своихъ курчавыхъ облаковъ, все еще упорно тая отъ насъ свой таинственный ликъ, точно воспѣтая Гомеромъ—

Киммеріянъ—печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лицо лучезарнаго Феба.

Digitized by Google

Съ Склавохори и Мехметъ-бея начинается широкая и привольная равнина. Одиссей не даромъ называетъ Спарту „широкоравнинною". Равнина эта тѣсно прилегаетъ къ пятамъ Тайгета; она вся зеленая, вся—сплошной садъ масличинъ, шелковицъ, смоковницъ, кактусовъ, алоя и кипарисовъ. Подъ садами много совсѣмъ спѣлыхъ хлѣбовъ и только-что вспаханныхъ подъ хлѣбъ полей.

Склавохори, такъ выразительно напоминающій своимъ именемъ былое пребываніе въ равнинахъ Лакедемона нашихъ славянскихъ предковъ, также какъ Мехметъ-бей напоминаетъ о недавнемъ турецкомъ рабствѣ свободолюбивой Спарты, занимаютъ теперь мѣсто одного изъ древнѣйшихъ городовъ Пелопоннеса—Амиклы, существовавшаго еще до Спарты и бывшаго столицею этой земли. Въ обоихъ селеніяхъ отыскиваются еще археологическія находки. Надъ Склавохори, на голомъ, неприступномъ обрывѣ, высится старинная сторожевая башня, а еще выше ея нацарапана свѣтлыми рѣзкими зигзагами чуть не по отвѣснымъ кручамъ головокружительная дорога на вершины Тайгета. Тайгетъ задвигаетъ все слѣва насъ своими темно-лиловыми пирамидами, господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ. Кромѣ укутанныхъ облаками вершинъ своихъ, онъ виденъ намъ отсюда, отъ самаго своего основанія: кругомъ его пяты улеглись, будто отдыхающія стада, лѣсныя и зеленыя предгорья, увѣнчанныя на каждой макушкѣ своей, на каждомъ выдающемся обрывѣ, иногда Богъ знаетъ на какой высотѣ, всякими agios Elias, agios Georgios, ag. Panagia...

Справа отъ насъ видна вдали другая цѣпь возвышенностей, провожающая собою извилистое теченіе Эвротаса, классической рѣки спартанцевъ.

Много народу ѣдетъ и идетъ въ Спарту и намъ на встрѣчу изъ Спарты, пѣшкомъ и верхами на лошадяхъ и осликахъ. Спартанцы укутались, ради холоднаго утра, въ толстые, сваленные изъ грубой шерсти, бурнусы съ капишонами, черные и бѣлые, напоминающіе черкесскія бурки, но при этомъ большая часть ихъ ѣдетъ или вовсе безъ шапокъ, или еле повязавъ головы легонькой ситцевой косыночкой; туфли почти у всѣхъ на босу ногу.

За Склавохори, налѣво на холмикѣ, возница показалъ намъ старинную церквочку agios Кучіаку, гдѣ въ древнія времена стоялъ языческій храмъ Аполлону и происходили священныя празднества. Нынѣшній городъ Спарта тоже, можно сказать, у ногъ всеобъемлющаго и всеосѣняющаго здѣсь „пятиглаваго Тайгета", хотя отъ нея до подошвы горъ добрыхъ десять, двѣнадцать верстъ.

Digitized by Google

XII.—Спарта средневѣковая и Спарта классическая.

Спарта кажется очень яркою, новенькою и хорошенькою, вырѣзаясь своими желтокрасными домиками и своимъ огромнымъ храмомъ изъ темной рамки окружающихъ ее садовъ. Гомеръ такъ и величаетъ ее—„веселою Спартою". Она производитъ впечатлѣніе настоящаго города, хотя и не особенно большого; скорѣе всего напоминаетъ своими постройками и скромностью своего торговаго движенія порядочный уѣздный городъ Россіи. Домики ея небольшіе, довольно общей архитектуры; только нижніе этажи всѣ арками, и подъ арками—лавки, по южному обычаю совсѣмъ открытыя. Лавки, базарчики, кофейни—не важные, но зато многочисленные. Вездѣ троттуары, и мостовыя, все сравнительно чисто. Дома окружены садиками, изъ которыхъ смотрятъ на васъ золотыя яблоки апельсинъ и лимоновъ, горятъ своимъ кровавымъ багрянцемъ цвѣты гранатника, поднимаются уродливыя лапы кактусовъ и мясистые букеты алоя; торчатъ туго свернутые темные зонтики кипарисовъ; на балконахъ всякіе цвѣты, навѣсы надъ террасами увиты кудрявыми лозами винограда.

„Xenodokion ton Xenon", гдѣ мы остановились, тутъ же на вывѣскѣ переводитъ свое греческое имя на французскій языкъ: „Grand Hôtel des Etrangers". Рядомъ съ нимъ такой же неважный другой—„Grand Hôtel de la Couronne". Хотя и невозможно ждать ничего особеннаго отъ всѣхъ этихъ самозванныхъ Grands Hôtels маленькихъ городковъ Греціи, но все же это гостинницы, устроенныя мало-мальски на европейскую ногу, а не тѣ возмутительныя таверны, которыми угощали насъ разные Гитеоны и К°.

Внизу нашей гостинницы—просторный ресторанъ со множествомъ столиковъ, и на каждомъ изъ нихъ уже готова ваза только-что сорванныхъ апельсиновъ, еще на вѣточкахъ и съ зелеными листьями.

Напившись вдоволь чаю, мы наняли открытое ландо парою и поспѣшили въ Мистру. Проѣхали мимо новаго собора Спарты, огромнаго дома безъ стиля, въ родѣ лютеранской церкви, увѣнчаннаго посерединѣ не высокою башнею, съ окнами изъ круглыхъ глазъ, которыя намъ уже случилось видѣть въ монастырѣ Вуркано.

Хорошее шоссе ведетъ сквозь сплошные оливковые сады черезъ рѣчку Магулу въ деревню Парори у подножія Тайгета. Тайгетъ все время виденъ отлично, какъ картина въ рамѣ. Мы ѣдемъ прямо на него. Это не одинокая гора, а цѣлая цѣпь горъ, за-

Digitized by Google

двинувшая горизонтъ. Теперь онъ открытъ передъ нами до послѣдней своей макушки. Густыя облака ушли за него, и онъ еще рельефнѣе вырѣзаетъ теперь свои яркіе снѣга на ихъ темномъ фонѣ. Тайгетъ назывался у древнихъ грековъ „пента дактилосъ"—пятипалый, или пятивершинный; но онъ распадается собственно на три крупныхъ группы, и средняя изъ нихъ. agios Elias,—увѣнчанная заоблачною часовнею св. Ильи, а въ древности, конечно, храмомъ „Кроніона—молній метателя",—самая высокая и эффектная изо всѣхъ. На боковыхъ группахъ тоже часовни наверху. Я насчиталъ въ вершинахъ Тайгета 15 отдѣльныхъ зубцовъ, всѣ издали одинаковой высоты, кромѣ вершины св. Ильи, немного повыше и сплошь бѣлой, какъ нашъ Эльборусъ.

Этотъ рядъ зубцовъ, вѣнчающихъ скалистые обрывы, сообщаетъ Тайгету видъ титанической крѣпости, защищающей Спарту, скромно пріютившуюся у ея ногъ. Но передъ снѣговою громадою толпятся еще, сдвинувшись плечомъ къ плечу, будто вѣрная рать титановъ, охраняющая своего вождя, другія каменныя громады, обрывистыя, угловатыя, неуклюже нагроможденныя, отколотыя другъ отъ друга глубокими пропастями, недоступныя, кажется, ни съ какой стороны.

Въ горахъ для меня всегда есть что-то живое. Каждая изъ нихъ, несмотря на общее сходство, имѣетъ свою физіономію, свой особый характеръ. А тутъ еще на каждой изъ нихъ непремѣнно бѣлѣетъ наверху чуть замѣтною точкою какой-нибудь agios съ человѣческимъ именемъ и даетъ своей горѣ въ устахъ и въ воображеніи народа свое имя святого Ильи или Георгія, Василія или Дмитрія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ случайной складкѣ какого-нибудь уступа зеленѣетъ деревенька съ садиками, словно раскрашенная игрушка на колѣняхъ великана. Вся окрестная страна, вся эта широкая равнина садовъ, полей и селеній составляетъ только подножіе величественнаго заоблачнаго престола Тайгета,—этого древняго владыки Лаконіи. Пропасть, раскалывающая горныя громады надъ Парори,—одна изъ поразительнѣйшихъ по своей дикой живописности. Сквозь ея колоссальную трещину видна глубоко вдаль постепенно замирающая перспектива горныхъ пирамидъ и обрывовъ, сначала синезеленыхъ, потомъ лилово-голубыхъ, потомъ воздушно-дымчатыхъ, что спускаются чередующимися рядами гигантскихъ ступеней съ снѣговыхъ вершинъ Тайгета до садовъ Парори, эффектно оттѣненныя облитыми солнцемъ красноватыми скалами перваго плана...

Селеніе Мистра—уже на предгоріи Тайгета, немного правѣе и выше Парори. Оно тонетъ въ лимонныхъ, гранатныхъ и ту-

Digitized by Google

товыхъ садахъ. Въ узкихъ гористыхъ переулочкахъ подъ тѣнью этихъ садовъ—отрадная прохлада. На площади, на улицахъ, у кофеенъ—вездѣ толпы сановитыхъ усатыхъ спартанцевъ, щегольски разодѣтыхъ въ свои фустанеллы, ноговицы и расшитыя безрукавки; на многихъ вмѣсто обычныхъ красныхъ шапокъ съ кистью—черныя гарибальдійки, той же формы, какъ шапочки черногорцевъ. Въ Спартѣ фустанеллы уже на всѣхъ. У народа побѣднѣе онѣ очень напоминаютъ бѣлыя рубахи русскихъ мужиковъ, а у богатыхъ это цѣлые накрахмаленные кринолины, пышные какъ павлиньи хвосты.

Коляска наша остановилась у подножія горы, въ тѣни деревьевъ, а мы, взявши въ проводники одного изъ доблестныхъ сыновъ Спарты, полѣзли пѣшкомъ наверхъ.

Мистра была неясно видна намъ еще издали, скоро послѣ Склавохори, а теперь вдругъ вырѣзалась надъ нашими головами, будто какая-нибудь фантастическая театральная декорація.

Цѣлый большой городъ полуразрушенныхъ домовъ, полуосыпавшихся стѣнъ, растрескнувшихъ башенъ, дворцовъ, храмовъ, сквозящихъ, будто странное каменное кружево, рядами своихъ выбитыхъ оконъ, проломовъ и арокъ, лѣпится по обрывамъ крутой пирамидальной скалы, вспалзывая на кручи, вися надъ бездною, спускаясь въ пропасти, торча высоко на макушкѣ... Всѣ эти дома, башни и стѣны сложены изъ желтоватаго камня, переслоеннаго въ разныхъ мѣстахъ рядами красныхъ кирпичиковъ, и этотъ разноцвѣтный каменный узоръ еще болѣе сообщаетъ полуразрушеннымъ постройкамъ города ихъ оригинальный кружевной видъ. Высокія толстыя стѣны, укрѣпленныя башнями, опоясываютъ городъ и снизу, и въ разныхъ мѣстахъ по уступамъ горы. Да тутъ впрочемъ каждый домъ—башня своего рода, квадратный въ разрѣзѣ, въ четыре и въ пять ярусовъ. Городъ по истинѣ неприступный. Не легко подниматься въ него даже и мирному туристу, не обремененному оружіемъ и не обязанному брать силою каждый вершокъ. Въ началѣ идешь еще довольно свободно, потому что между домами сохранились узкіе ступенчатые проходы, но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе тропа засыпана камнями, тѣмъ круче подъемъ. Взглянете внизъ—вамъ видно, какъ съ птичьяго полета, нутро всѣхъ этихъ распахнутыхъ настежъ, вывернувшихъ свое нутро, старыхъ домовъ съ ихъ перегородками, каминами, подвалами; видны подъ вашими ногами зубцы тѣхъ самыхъ плющомъ увитыхъ башенъ, которыя только сейчасъ торчали высоко надъ головою вашею, пока вы карабкались внизу. Поднимете глаза наверхъ—тамъ нависли надъ вами по самымъ краямъ

Digitized by Google

обрыва колоссальные скелеты разрушенныхъ дворцовъ и замковъ своими чуть держащимися стѣнами, изъѣденными временемъ, расшатанными землетрясеніями, одни надъ другими, все выше и выше, до уходящей подъ облака, на самую макушку этой сахарной головы, обширной и крѣпкой цитадели. Въ ней еще хорошо сохранились зубцы стѣнъ и амбразуры башенъ, круглыхъ и четырехугольныхъ, изъ-за которыхъ внушительно выглядываетъ спрятанный въ кольцѣ этихъ стѣнъ неприступный замокъ.

Къ цитадели нужно карабкаться, пройдя весь городъ, по отвѣснымъ обрывамъ, черезъ развалившіяся стѣнки, колючки и осыпи камней. Въ жаркій день и съ непривычки это очень трудно, особенно женщинѣ. Но мы одолѣли этотъ подъемъ, чтобы полюбоваться широкою панорамою окрестностей, видной на огромное разстояніе.

Однако, довольно труда и времени приходится отдать и на осмотръ самаго города, если хотите добросовѣстно обрыскать всѣ любопытные уголки его.

„Дворецъ принцессы", съ многоярусными рядами своихъ оконъ и арокъ, величественъ даже и въ развалинахъ. Мы пробрались къ нему черезъ нѣсколько крѣпостныхъ воротъ, заваленныхъ обрушившимися камнями, слазивъ мимоходомъ въ подземелье старой темницы, въ былыя времена самой близкой сосѣдки дворцовъ. Дворецъ стоитъ на отвѣсномъ обрывѣ, откуда виденъ какъ на ладони „царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый". Опустѣвшій дворецъ его заросъ цѣлымъ лѣсомъ бурьяновъ, среди которыхъ то-и-дѣло натыкаешься на огромные тесаные камни цоколя и карнизовъ, разбросанныхъ здѣсь землетрясеніемъ. Темно-зеленый плющъ великодушно прикрылъ своимъ пышнымъ пологомъ оголенныя стѣны былого чертога владыкъ. Вокругъ многихъ оконъ и входовъ его еще замѣтны высѣченныя изъ камня украшенія. Немного дальше этого дворца, на такомъ же открытомъ, надъ всѣмъ господствующемъ уступѣ скалы—громадныя, многоэтажныя развалины другого царственнаго дворца, точно также устланныя съ пяты до макушки сплошными панелями плюща.

Мистру, называвшуюся прежде Мизитрой, можно назвать средневѣковою Спартою. Ее построилъ въ XIII вѣкѣ одинъ изъ вѣнценосныхъ грабителей византійской имперіи, французскій рыцарь Гильомъ-де-Вильгардуинъ, который сдѣлался „княземъ Морей" послѣ разгрома грековъ латинцами въ 4-мъ крестовомъ походѣ. Древняя Спарта была уже давно разрушена, да и въ тогдашнія времена кулачнаго права и кулачной расправы резиденціи на-

Digitized by Google

сальственныхъ владыкъ не могли ограждаться, какъ нѣкогда въ „широкоравнинной Спартѣ“ Леонида и Агиса, вмѣсто стѣнъ, грудью своихъ гражданъ. Необходимо было взбираться на неприступныя скалы, окружать себя стѣнами и башнями, чтобы царить надъ чужимъ народомъ и безнаказанно грабить его. Эту новую Спарту скоро отняли у авантюриста-рыцаря византійскіе императоры, настроившіе въ ней православныхъ храмовъ, а черезъ 200 лѣтъ греческаго владычества — турки, завладѣвшіе всѣмъ наслѣдіемъ разгромленной ими Восточной имперіи, посадили въ укрѣпленной Мизитрѣ своего пашу, управлявшаго всею Мореею, пока греческое возстаніе не изгнало турокъ изо всѣхъ насиженныхъ ими уголковъ.

Разрушеніе Мистры, стало быть, очень недавнее, какъ это и видно по ея хорошо уцѣлѣвшимъ развалинамъ.

При Екатеринѣ II горсть нашихъ храбрецовъ, предводимыхъ Барковымъ, съ помощью толпы маніотовъ, какъ я уже разсказалъ раньше, еще брали Мистру какъ крѣпость, защищаемую довольно значительнымъ гарнизономъ.

А извѣстный французскій писатель и путешественникъ Шатобріанъ, посѣтившій Грецію въ началѣ нашего столѣтія, незадолго передъ возстаніемъ, еще гостилъ въ Мизитрѣ, какъ главномъ городѣ Лаконіи, у тамошняго паши Ибрагимъ-бея. При немъ, правда, часть Мизитры, именно еврейскій кварталъ, была совершенно разрушена хищными албанцами, но двѣ другія части Мизитры, ближайшія къ теперешней деревнѣ Мистрѣ, были еще тѣсно населены; въ турецкой, серединной, части стояли мечети, торговали на базарахъ и въ лавкахъ и красовались ярко раскрашенные турецкіе дома. Въ городѣ жило много левантинцевъ, итальянцевъ, грековъ, французовъ; даже существовала „англійская гостинница“, „auberge anglaise“, гдѣ можно было съѣсть кусокъ ростбифа и выпить стаканъ портвейна. Но верхняя цитадель, которую Шатобріанъ величаетъ готическимъ замкомъ, уже была заброшена, оставаясь безъ часовыхъ, безъ пушекъ и даже безъ воротъ. Теперешнее окончательное разрушеніе Мистры, начатое возставшими греками, завершено сильными землетрясеніями, уничтожившими въ разное время не одинъ городъ Греціи.

Мистра для любителей средневѣковой архитектуры — настоящій кладъ. Врядъ ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ найдется столько характерныхъ и хорошо сохранившихся образчиковъ подлиннаго византійскаго зодчества самой, такъ сказать, чистой воды. Я говорю про старинныя церкви Мистры. Ихъ тутъ довольно много; всѣ онѣ не особенно большія, нѣкоторыя даже совсѣмъ

Digitized by Google

маленькія, но архитектура ихъ въ высшей степени типична и изящна. Осмотрѣвъ внимательно одну, вы уже понимаете ихъ всѣ. Мы посѣтили шесть изъ нихъ, подревнѣе и позамѣчательнѣе другихъ.

Я не археологъ и не архитекторъ, но я съ наслажденіемъ любовался на эти оригинальные храмики, со всѣхъ сторонъ очерченные круглыми линіями, придающими имъ какой-то особенно мягкій и кроткій характеръ: круглые, скромно приниженные, купольчики наверху, круглыя благородныя арки фронтоновъ, круглые тройные выступы алтарныхъ придѣловъ, круглыя колонны на галерейкахъ...

Это впечатлѣніе чего-то мягкаго и смиреннаго, такъ подобающаго православному храму, усиливается еще необыкновенно пріятнымъ, ласкающимъ глазъ цвѣтомъ этихъ церквей: почти всѣ онѣ изъ желтоватаго камня, искусно переслоеннаго полосами красныхъ кирпичиковъ, которые разрисовываютъ своимъ никогда не блекнущимъ узоромъ всѣ карнизы, арочки, наличники, плинтусы и панели наружныхъ стѣнъ.

Меньше всѣхъ и, кажется, изящнѣе всѣхъ — это церквочка Перилептосъ, въ самомъ началѣ города; она спряталась въ низко опущенномъ дворикѣ, такъ что съ улицы въ нее приходится спускаться. Внутри—поразительное изящество и строгость линій; тутъ все арочки, купольчики, своды надъ алтаремъ, надъ боковыми придѣлами, въ центральномъ нефѣ, на хорахъ. Размѣръ и отношеніе всѣхъ архитектурныхъ частей сразу радуютъ глазъ, прежде даже чѣмъ успѣешь вглядѣться хорошенько. На стѣнахъ—сплошныя фрески, уже сильно выцвѣвшія отъ сырости и времени, осыпавшіяся, исковырянныя оружіемъ турокъ. Въ деревянномъ иконостасѣ образа писаны по золотому фону наивною, до уродливости неумѣлою рукою. Но это уже, повидимому, работа позднѣйшаго времени. Въ разныхъ мѣстахъ видны еще скудные остатки прежнихъ мраморовъ. Въ маленькомъ видѣ церковь эта — та же св. Софія Кіева и Новгорода, тотъ же Успенскій соборъ Москвы, но только несравненно изящнѣе и геометричнѣе ихъ. Въ Перилептосѣ мы застали двухъ работавшихъ тамъ французовъ, присланныхъ парижскимъ археологическимъ обществомъ. Знакомство съ общительными европейцами заключено было въ одну минуту. Археологъ, подмостившійся довольно комфортабельно къ верхнимъ сводамъ церкви, помогъ мнѣ взобраться по лѣстницѣ на свои мостки, гдѣ у него прилаженъ былъ и столъ, и стулъ, и всякіе чертежи и книги. Онъ сталъ съ увлеченьемъ объяснять мнѣ значеніе полустертыхъ фигуръ и

Digitized by Google

сценъ, которыя онъ тщательно калькировалъ уже нѣсколько дней на свои картоны, и увѣрялъ меня, что подобнаго археологическаго сокровища не найдешь въ цѣлой Европѣ. Храмъ, по его изслѣдованіямъ, построенъ не при Гильомѣ Вильгардуинѣ, а спустя два вѣка, въ XV столѣтіи, византійцами. Онъ собирается вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ издать фрески этого храма и подробные архитектурные чертежи всѣхъ его частей; товарищъ его архитекторъ, показывавшій въ это время внизу моей женѣ строительныя достопримѣчательности храма, занимается тщательнымъ копированіемъ линій и размѣровъ его. Оба ученые собираются пробыть здѣсь для этой цѣли по крайней мѣрѣ еще съ мѣсяцъ.

Побесѣдовавъ съ ними съ полчаса, мы пожелали имъ всякаго успѣха и отправились осматривать другія церкви.

Пантанасса уже много обширнѣе и богаче Перилептоса, и цѣлѣла гораздо лучше. Но общій характеръ ихъ тотъ же. У входя въ ея пустынный дворикъ двѣ греческія бабы, весьма непредставительные потомки прекрасной Елены, разматывали на мотовилѣ грубую шерстяную пряжу. Мнѣ припомнились странныя сужденія Шатобріана о византійскомъ стилѣ мизитрскихъ храмовъ. Какъ будто глазъ латинца-католика потерялъ способность ощущать впечатлѣнія православно-греческой красоты.

Куполъ, по его мнѣнію, возникъ въ Византіи во времена упадка искусства; „онъ не имѣетъ ни смѣлости готики, ни мудрой красоты античнаго. Онъ еще довольно величественъ, когда онъ огроменъ; но тогда онъ раздавливаетъ собою зданіе, которое держитъ его. Когда же онъ малъ, то онъ не что другое, какъ неблагородная ермолка, не подходящая ни къ одному архитектурному члену зданія, поднимающаяся надъ строеніемъ нарочно для того, чтобы нарушить гармоническую линію его вершинъ".

Въ Пантанассѣ пять низенькихъ куполовъ, какъ и въ русскихъ соборахъ, и кругомъ портикъ изъ мраморныхъ колоннъ. Въ трехъярусной колокольнѣ опять мраморныя колонки съ острыми арочками въ родѣ мавританскихъ. Такія же мраморныя колонны съ арками внутри церкви, по три съ каждой стороны. Это обиліе колоннъ—явное наслѣдіе эллинскаго искусства; русскій церковный стиль, подражавшій во всемъ остальномъ византійскому типу, почему-то не усвоилъ себѣ этихъ античныхъ колоннадъ. Мраморовъ въ Пантанассѣ вообще сохранилось довольно много: мраморный полъ съ слѣдами цвѣтной мозаики, мраморные карнизы алтаря, мраморныя колонны. Фрески—сплошныя какъ обои, на всѣхъ стѣнахъ, сводахъ, парусахъ, въ алтарѣ и на хорахъ, и

Digitized by Google

уцѣлѣли лучше, чѣмъ въ Перилептосѣ. На паперти—въ каменной рамѣ портретъ Михаила Ласкари, строителя церкви. Надписей множество подъ каждою фрескою и подъ каждою иконою. Иконы той же дѣтской живописи по золотому фону. Царскія врата безъ дверей, завѣшаны до половины своей высоты висящею иконою Спасителя очень плохого письма на холстѣ, безъ рамы, на грубомъ подрамникѣ. Послѣ я видѣлъ часто въ бѣдныхъ греческихъ церквахъ такой оригинальный и неудобный способъ закрывать царскія врата. Но несмотря на бѣдность и грубость теперешнихъ украшеній этой нѣкогда богатой церкви, неподражаемая прелесть ея архитектурныхъ линій невольно чаруетъ глазъ. Пантанасса и снаружи—самая эффектная изо всѣхъ церквей Мистры; она занимаетъ видное мѣсто въ центрѣ города, на обрывистомъ уступѣ горы, и первая бросается въ глаза.

Къ маленькой церкви евангелистовъ, очень напоминающей Перилептосъ, пришлось уже спускаться по обрывамъ внизъ. Въ пустынномъ, заросшемъ травою дворикѣ мирно паслась лошадь; тутъ же въ дворикѣ домъ, обитаемый многолюдною семьею бабъ и дѣтишекъ. Такіе жилые домики—при каждой церкви; въ нихъ пускаютъ какого-нибудь нуждающагося старика караулить, взамѣнъ квартирной платы, древнюю святыню. Вообще, среди развалинъ Мистры попадаются кое-гдѣ дома, еще не совсѣмъ разрушенные и кое-какъ приспособленные къ жилью. Тутъ селится свободно всякій, кто хочетъ и гдѣ хочетъ, дѣлаясь собственникомъ заброшенныхъ развалинъ безъ всякихъ купчихъ и вводовъ. Больше всего тутъ, конечно, поповъ; они не покидаютъ кормящихъ ихъ алтарей, куда по старой привычкѣ еще продолжаютъ приходить на праздники окрестные греки.

Церковь св. Ѳеодора еще ниже, но въ ней уже службъ не бываетъ. Куполъ ея давно провалился, и осталась только восьмигранная башня церкви, поражающая красотою и смѣлостью своихъ линій. По обломкамъ мраморовъ, наполняющихъ ея внутренность, видно, что въ свое время она была сдѣлана очень богато.

Когда мы собирались спуститься отсюда къ митрополіи, я увидѣлъ вдругъ въ сторонкѣ, уступомъ ниже насъ, полуразрушенный храмъ удивительной красоты. О немъ не упомянуто ни у Бедекера, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ путеводителяхъ и путешествіяхъ по Греціи. Проводники назвали намъ эту церковь „Зоодехусъ-пигисъ“. Это безспорно самый изящный и самый обширный изъ всѣхъ прекрасныхъ византійскихъ храмовъ, которыми мы любовались въ Мистрѣ. Сверху онъ уже разрушенъ; уцѣлѣли только

Digitized by Google

боковые его купольчики; но размѣры и формы его—самаго благороднаго стиля. Внутренность его та же, что и въ Пантанассѣ: по три мраморныя колонны по бокамъ, частью уже выбитыхъ, и вездѣ слѣды мраморовъ. На мраморной гробовой плитѣ—имя какого-то „Кроніосъ Александріе", можетъ быть—строителя. Въ темномъ придѣльчикѣ всѣ стѣны отъ потолка до полу покрыты греческими надписями; проводники увѣряли, будто это записаны многочисленныя жертвы въ пользу храма византійскихъ императоровъ. Сзади церкви такая же высокая колокольня, какъ и у Пантанассы, и кромѣ того цѣлая галерея примыкала къ церкви, образуя собою ея дворикъ.

По узкой, щебнемъ заваленной тропинкѣ спустились мы еще ниже, въ митрополію. Это—цѣлое обширное подворье, окруженное стѣнами, съ большими жилыми зданіями, висящими надъ неприступнымъ обрывомъ. Въ случаѣ нужды, можно здѣсь выдерживать хоть какую осаду. Чтобы дойти до храма и покоевъ митрополита, нужно пройти три дворика, изъ которыхъ каждый отдѣленъ отъ другого высокою, толстою стѣною. Во второй дворъ нужно лѣзть черезъ ворота-лѣстницу. Тамъ въ сторонкѣ фонтанъ съ мраморнымъ саркофагомъ, благоразумно обращеннымъ въ корыто для лошадей иословъ. Съ третьяго дворика поднимаются лѣстницы на галереи монашескаго жилья, въ которомъ и обычный пріютъ для достаточныхъ путешественниковъ и богомольцевъ. Мы опять встрѣтили здѣсь нашихъ знакомцевъ французовъ-археологовъ, которые нанимаютъ себѣ помѣщеніе и столъ у одного изъ здѣшнихъ поповъ.

Въ былыя времена Шатобріанъ тоже воспользовался гостепріимствомъ здѣшняго греческаго архипастыря и даже нашелъ у него, къ утѣшенію своего авторскаго самолюбія, среди другихъ переводовъ съ французскаго, переводъ своего „Атталы".

Тутъ же и входъ въ митрополичью церковь. Самъ хозяинъ митрополіи отсутствовалъ, поэтому мы ограничились осмотромъ церкви. Она—большая и высокая, съ мраморнымъ мозаиковымъ поломъ и колоннами, съ мраморнымъ карнизомъ алтаря, но совсѣмъ неинтересная въ архитектурномъ отношеніи, безъ фресокъ, безъ боковыхъ купольчиковъ и двойныхъ арокъ; колонны ея какія-то разнородныя,—видно, что выломаны зря изъ разныхъ развалинъ древней Спарты, которыя вообще служили въ теченіе многихъ вѣковъ каменоломнею своего рода для дворцовъ и храмовъ Мистры.

Мистру даже ученые изслѣдователи Греціи очень долго принимали за преемницу древней Спарты, возникшую на самомъ

Digitized by Google

прахѣ ея, хотя туземный народъ не могъ забыть мѣста славнаго города и, если бы даже забылъ его, не могъ не видѣть его камней и развалинъ, погребенныхъ подъ безчисленными курганами истинной Спарты, которую этотъ народъ до послѣдняго времени называлъ: „Палеохорисомъ", т.-е. „древнимъ городомъ", или „городищемъ". Забавно читать въ „Itinéraire" Шатобріана, какъ онъ разубѣждался на мѣстѣ въ своихъ археологическихъ заблужденіяхъ, и послѣ скольких заботъ и хлопотъ онъ случайно только натолкнулся на останки настоящей древней Спарты, которую, кажется, такъ нетрудно было бы признать, еслибы ученые путешественники прежняго времени болѣе полагались на свидѣтельство своихъ собственныхъ очей, чѣмъ на сомнительныя и запутанныя книжныя свѣдѣнія или на болтовню невѣжественныхъ драгомановъ.

Древности Спарты еще не дождались своего Шлимана или *Каввадіи* и бо́льшею частью еще погребены подъ земляными насыпями, которыя разбросаны на большомъ пространствѣ по садамъ, дворамъ и окрестностямъ нынѣшняго города Спарты. Только небольшая часть ихъ открыта въ разныхъ мѣстахъ за послѣднее время усиліями греческаго археологическаго общества. Осмотрѣть ихъ не легко, вслѣдствіе разбросанности ихъ, и потому, что въ экипажѣ невозможне проѣхать во всякій садъ и огородъ, среди которыхъ онѣ случайно откопаны. Да къ тому же спартанскія древности не представляютъ собою ничего особенно интереснаго въ сравненіи съ глубоко поучительными раскопками Микенъ, Олимпіи, Тиринѳа, Эпидавра, Элевзиса или Дельфъ. Однако мы заѣхали въ Грецію для того, чтобы видѣть все, что только можно въ ней видѣть, поэтому наняли себѣ опять коляску и отправились разыскивать останки старой спартанской исторіи.

Извозчикъ нашъ остановился у чьего-то масличнаго сада и предложилъ намъ прогуляться въ него пѣшкомъ. Кромѣ нашего оффиціальнаго драгомана Дмитрія, знавшаго о спартанскихъ и всякихъ другихъ развалинахъ Греціи столько же, сколько знаетъ любой щигровскій гражданинъ, не имѣющій въ себѣ ни единой эллинской капли крови,—насъ провожаютъ теперь еще и два мѣстныхъ добровольца, несомнѣнные, надѣюсь, знатоки древностей, по крайней мѣрѣ спартанскихъ, которыя для нихъ обратились невольно въ древности ихъ сосѣдей и пріятелей, какого-нибудь Анастаса или Василипуло, во дворѣ или въ саду которыхъ они отысканы. Послѣ дождей послѣднихъ дней глубоко взрытая глинистая почва сада мало поощряетъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ, и дамскому платью достается особенно. Насъ подводятъ къ ямѣ,

Digitized by Google

въ которой видны четыре ряда ступеней изъ громадныхъ черныхъ камней,— что-то похожее на нижній уголъ какого-то зданія. Рядомъ, въ другой ямѣ, большая мраморная колонна. Насъ увѣряютъ, будто это гробъ Леонида... Конечно, надо вѣрить, ибо несомнѣнно, что прахъ Леонида, трупъ котораго былъ распятъ Ксерксомъ на крестѣ, черезъ 40 лѣтъ, послѣ термопильскаго боя, былъ перенесенъ въ Спарту, гдѣ ему была воздвигнута гробница, и гдѣ впервые написаны были на особой колоннѣ, на память вѣкамъ грядущимъ, имена 300 сподвижниковъ Леонида. Правда, Павзаній видѣлъ эту гробницу во II-мъ вѣкѣ нашей эры около театра, а не здѣсь, но въ археологіи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, слѣдуетъ держаться правила: „блаженны вѣрующіе“!

Черезъ вспаханное поле, черезъ другіе оливковые сады приходится шагать по грязи къ развалинамъ этого театра. По дорогѣ то-и-дѣло попадаются обломки античныхъ колоннъ сѣраго мрамора, обрывки разрушенныхъ стѣнъ, даже цѣлыхъ зданій; но все это не изъ тесаныхъ камней, какъ строили въ эллинское время, а изъ булыжника, прослоеннаго кирпичиками, что прямо указываетъ на византійскую или римскую эпоху.

Безъ сомнѣнія, это остатки средневѣковаго города Лакедемоніи, унаслѣдовавшаго на нѣкоторое время древней Спартѣ и потомъ также разрушеннаго.

Театръ Спарты, по описанію древнихъ, былъ у подножія холма Акрополя, какъ и въ Аѳинахъ. Стало быть, и мы теперь топчемъ своими грязными сапогами этотъ священный холмъ, вокругъ котораго были расположены въ древнее время, какъ лучи отъ центра, пять отдѣльныхъ другъ отъ друга поселковъ, населенныхъ пятью племенами спартіатовъ и составлявшихъ всѣ вмѣстѣ городъ Спарту, совсѣмъ непохожій въ этомъ отношеніи на другіе греческіе города. Но теперь, къ сожалѣнію, холмъ этотъ уже не въ многолюдномъ центрѣ города, какъ былъ нѣкогда, а въ просторѣ полей, гдѣ на насъ безъ всякаго стѣсненія нападаютъ собаки сосѣдняго пастуха, теперешніе законные хозяева былого Акрополя и его театра. Театръ, по обычаю грековъ, былъ прислоненъ спиною къ холму, по скатамъ котораго шли его полукруглыя ступени; ступеней теперь не видно, а обнаружена только у краевъ ихъ кладка изъ очень крупныхъ тесаныхъ камней, да раскопано углубленье сцены и хора.

Немного дальше, у другого холма, откопанъ уголъ какого-то зданія съ ступенями изъ тесаныхъ камней, гдѣ нашли статуи и другія находки, снесенныя теперь въ музей; еще дальше, ви-

Digitized by Google

денъ фундаментъ обширнаго круглаго строенія, повидимому храма, гдѣ тоже найдены статуи... Куда ни пойдешь, куда ни взглянешь, во рвахъ, въ ямахъ, въ хлѣбахъ, подъ деревьями сада, вездѣ видишь или кусокъ стѣны, иногда на порядочномъ пространствѣ, или обломки колоннъ, или торчащіе изъ земли тесаные камни. Въ одномъ мѣстѣ намъ встрѣтился цѣлый длинный рядъ каменныхъ сводовъ, провалившихся сверху и открытыхъ спереди. Увѣряютъ, будто это тюрьма спартанцевъ. На девять верстъ кругомъ тянулась древняя Спарта, и теперь весь новый городъ—на ея прахѣ и изъ ея камней. Но теперь все такъ расхищено, уничтожено, завалено, что отгадать вѣрно, даже по удивительно точному и подробному описанію Павзанія, гдѣ именно и что было, — совершенно невозможно, хотя, конечно, гадаютъ очень смѣло и увѣренно, и тѣмъ смѣлѣе и увѣреннѣе, чѣмъ меньше знаютъ... Проводники наши намъ тоже указывали съ чужого голоса и „дромосъ“, и „платанисту“, гдѣ въ тѣни платановъ упражнялись въ играхъ спартанскіе юноши, и гдѣ спартанскія дѣвы рвали цвѣты, чтобы украшать ими волосы прекрасной Елены; и историческій ручей Кнакіонъ, и древній мостъ „Бабику“, въ пространствѣ между которыми Ликургъ повелѣлъ собираться народнымъ собраніямъ. Но убѣдительнаго въ этихъ указаніяхъ ровно ничего, а интереснаго еще меньше, потому что кромѣ почтенныхъ названій, освященныхъ исторіею, предъ глазами вашими почти нѣтъ ничего реальнаго. Въ 1806 г., едва не за цѣлое столѣтіе до теперешнихъ археологическихъ раскопокъ, Шатобріанъ видѣлъ здѣсь гораздо болѣе сохранившихся остатковъ древней Спарты: хотя онъ при всемъ стараніи своемъ не могъ отыскать ни гробницы Леонида, ни гробницъ Менелая и Лизандра, но за то въ его время холмъ Акрополя еще былъ обнесенъ толстыми стѣнами, вокругъ которыхъ Шатобріанъ могъ сдѣлать болѣе 1.500 шаговъ; пологія ступени, шириною въ 70 футовъ, еще вели въ равнину съ высоты этого холма, а на самой вершинѣ холма еще видны были развалины фундамента знаменитаго храма Аѳины-Халкіекосъ, „обитающей въ бронзовомъ жилищѣ“, какъ и Аполлонъ Дельфійскій, въ которомъ могъ находить неприкосновенное убѣжище всякій преступникъ, и въ рощѣ котораго укрывшійся отъ злобы спартанцевъ Павзаній умеръ съ голоду. Аѳина впрочемъ разгнѣвалась на такое нарушеніе своей святыни и устами оракула повелѣла спартанцамъ воздвигнуть Павзанію около своего алтаря даже не одну, а цѣлыхъ двѣ статуи...

Но и Шатобріанъ не могъ разобраться въ окружавшемъ его

Digitized by Google

каменномъ прахѣ, позволяя себѣ только фантазировать о томъ, въ какой сторонѣ возвышались нѣкогда древніе памятники Спарты, всѣ эти безчисленные алтари и статуи, посвященные страннымъ образомъ не столько людямъ и даже богамъ, сколько сну, смерти, красотѣ, страху, смѣху и проч. Впрочемъ, по разсказамъ Павзанія (не полководца, а путешественника, конечно), спартанцы воздвигали среди своихъ бѣдныхъ маленькихъ хижинъ роскошныя общественныя зданія и статуи прославленнымъ своимъ людямъ, но только гораздо чаще побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ, чѣмъ великимъ воинамъ, для которыхъ считалось достаточнымъ одно уваженіе ихъ согражданъ. Между прочимъ въ Спартѣ былъ построенъ въ память побѣды при Платеѣ оригинальный портикъ, крыша котораго вмѣсто колоннъ поддерживалась рядами колоссальныхъ мраморныхъ персовъ, одѣтыхъ въ длинныя мантіи... Можетъ быть, дальнѣйшія, пока еще слишкомъ безплодныя раскопки археологическаго общества подарятъ насъ когда-нибудь одною изъ этихъ любопытныхъ древнихъ каріатидъ...

Чтобы дополнить наше археологическое знакомство съ Спартою, необходимо было заглянуть въ публичный музей, котораго скромный домикъ помѣщается на площади, у въѣзда въ городъ. Открытъ онъ бываетъ только по четвергамъ и воскресеньямъ, а въ остальные дни ключъ отъ музея хранится у директора мѣстной гимназіи, по здѣшнему „гимназіархоса“, и желающіе осмотрѣть музей обыкновенно посылаютъ за нимъ изъ гостинницы такъ-называемаго phylax'a, что̀ мы, разумѣется, и исполнили въ точности. Намъ было назначено придти въ семь часовъ вечера, такъ что, пообѣдавши и отдохнувши, мы съ женою и драгоманомъ отправились пѣшкомъ по совершенно уже обсохшимъ улицамъ Спарты. Площадь музея—широкая и зеленая, безъ всякихъ цвѣтниковъ и деревьевъ, скорѣе выгонъ, чѣмъ площадь. Солнце уже сѣло за горы и въ воздухѣ стоялъ тихій и ясный вечеръ. Тайгетъ подошелъ теперь своими потемнѣвшими и затуманившимися бархатистыми громадами вплотную къ городу, охватилъ его со всѣхъ сторонъ дружиною своихъ каменныхъ титановъ. Только верхніе снѣга его еще горѣли огнями уже невиднаго намъ солнца, и въ этой электрической яркости освѣщенія съ поразительной отчетливостью была видна на одномъ изъ снѣжныхъ пиковъ даже крошечная точка agios Elias. Городъ кажется теперь стоящимъ у самой подошвы Тайгета, на темномъ фонѣ котораго красиво вырѣзаются облитые закатомъ бѣлые и желтые дома. А въ пол-

Digitized by Google

день, когда освѣщенныя солнцемъ горы тонутъ въ знойномъ туманѣ, онѣ кажутся гораздо дальше, отодвигаются отъ насъ назадъ, будто живые исполины.

Городъ Спарта—еще совсѣмъ молодой, современникъ греческаго освобожденія отъ турокъ. Когда Шатобріанъ бродилъ въ 1806 году по развалинамъ древней Спарты, кругомъ ихъ не было еще ни одной хижины, ни одного деревца, даже плугъ не проводилъ еще по нимъ ни одной борозды; только лошади сосѣдней деревушки паслись кое-гдѣ на скудныхъ, солнцемъ выжженныхъ пастбищахъ, да ящерицы ползали по горячимъ камнямъ.

Глядя на теперешній городъ, полный жизни и движенія, лавокъ, домовъ, церквей и садовъ, не вѣрится, чтобы ему было всего немного болѣе полустолѣтія. Пока мы гуляли, любуясь городомъ, явился гимназіархосъ и, сообразивъ, что мы-то и есть любознательные ученые иностранцы, любезно представился намъ и повелъ насъ въ свой музей, увѣряя, что немножко знаетъ по-французски. Это „немножко“ оказалось, однако, такимъ маленькимъ, что сейчасъ же пришлось прибѣгнуть къ легкомысленному нашему корфіоту, который послѣ этого счелъ себя чуть не за профессора французскаго языка. Музей занимаетъ три залы и интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ древности его добыты въ самой Спартѣ. Онъ открытъ всего лѣтъ десять тому назадъ, но, благодаря общему интересу къ нему жителей, постоянно обогащается новыми приношеніями. Всякій, кто выкопаетъ изъ земли что-нибудь старинное, сейчасъ же несетъ въ городской музей, безъ всякихъ просьбъ и принужденій. Не успѣлъ гимназіархосъ отворить дверь музея, какъ уже въ него набѣжала, словно по чутью, цѣлая толпа. Всякій, кто видѣлъ издали его открытую дверь, спѣшилъ воспользоваться случаемъ. Больше всего набралось студентовъ аѳинскаго университета на побывкахъ въ Спартѣ, а вслѣдъ за ними ворвалась цѣлая толпа мальчугановъ-школяровъ. Видно, вкусъ къ античному искусству и къ своей родной исторіи очень живъ въ греческой молодежи. Одинъ изъ студентовъ порядочно говорилъ по-французски и былъ, повидимому, знакомъ съ памятниками музея; замѣтивъ полное банкротство бѣднаго директора гимназіи и по части лингвистики, и по части археологіи, онъ взялся объяснять намъ все, что было здѣсь позамѣчательнѣе.

Большинство предметовъ—примитивной архаической школы, еще очень близкой къ неподвижнымъ формамъ египетской скульптуры. Особенно интересна вчера только принесенная въ музей каменная доска съ горельефными изображеніями младенческой

Digitized by Google

простоты и статуйка сидящаго на тронѣ Плутона, которую смѣло можно было бы помѣстить въ музей египетскихъ древностей. Археологовъ особенно интересуетъ въ этомъ музеѣ очень древняя спартанская стелла (каменная скрижаль своего рода), на обѣихъ сторонахъ которой представлены сцены изъ исторіи Клитемнестры, Ореста и проч.

Гимназіархосъ посовѣтовалъ намъ посмотрѣть также на замѣчательныя мозаики, уцѣлѣвшія въ одномъ изъ садовъ Спарты. Одинъ изъ школяровъ былъ посланъ за ключомъ на домъ къ директору, а другой данъ намъ въ провожатые. Но провожать насъ пустилась и вся шумная ватага мальчугановъ, которая возилась раньше у большихъ древнихъ мраморовъ, лежавшихъ около музея. Выбитыя стекла во всѣхъ окнахъ музея, навѣрное, тоже не миновали ихъ рукъ. Мы должны были пройти по узкимъ переулочкамъ чуть не черезъ весь городъ въ такой торжественной процессіи, сопровождаемые своею крикливою непрошенною свитою; на насъ, какъ на невиданныхъ звѣрей, выглядывали изо всѣхъ оконъ и дверей гречанки и гречата.

Проворная стая мальчугановъ вспорхнула вслѣдъ за нами въ отпертую калиточку раньше, чѣмъ ее успѣли захлопнуть передъ ними, и мы опять-таки всею многочисленною компаніею очутились передъ павильономъ, прикрывающимъ уже углубленный теперь въ землю круглый мозаиковый полъ, удивительно хорошо сохранившій и весь свой рисунокъ, и всю яркость своихъ красокъ. На мозаикѣ этой, въ рамкѣ очень оригинальной каймы, крупная нагая фигура дебелой Европы на спинѣ похитившаго ее быка-Зевса, и надъ ними два купидона съ крылушками, пляшущіе отъ радости при видѣ такого счастливаго событія.

Судя по всему, это—мозаика римскаго, а не эллинскаго времени.

Вечеромъ мы долго сидѣли въ обширномъ ресторанѣ съ стеклянною стѣною на улицу, отдыхая за чаемъ и ужиномъ и присматриваясь къ туземному люду и туземнымъ нравамъ. Черной спартанской похлебки, слава Богу, теперь въ Спартѣ не подаютъ, юноши и дѣвы ея не пляшутъ больше голыми на глазахъ публики, а все происходитъ какъ и вездѣ въ однообразной демократической Европѣ. Лунная ночь была такъ заманчива, что, несмотря на усталость, мы пошли побродить по улицамъ Спарты и полюбоваться на облитые сіяньемъ мѣсяца снѣга Тайгета. Невольно вспоминались мнѣ стихи Гомера, воспѣвшаго Тайгетъ

Digitized by Google

именно въ тотъ моментъ его, когда на него спускается дѣвственная богиня луны:

Тамъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ...

Улицы хотя стихли, но еще полны гуляющаго народа; все это почти однѣ фустанеллы и короткія мантіи, и здѣсь, какъ вездѣ, бросается въ глаза, что люди въ фустанеллахъ, иными словами сказать, люди простыхъ и здоровыхъ привычекъ стараго времени, всѣ почти рослы и могучи на видъ, чего уже нельзя сказать объ обитателяхъ Спарты, прикоснувшихся къ трактирно-клубной цивилизаціи. Потомки Геркулеса въ цилиндрахъ и жакеткахъ, съ крахмальными воротничками, сидящіе въ многочисленныхъ аптекахъ, магазинахъ и погребкахъ своего города, приводятъ мечтательнаго путешественника въ окончательное разочарованіе. Спартанцевъ привыкли воображать себѣ не иначе какъ съ могучими торсами Леонидовъ и Менелаевъ, въ живописной драпировкѣ бѣлыхъ мантій, съ ремнями сандалій на голыхъ ногахъ, и вдругъ—крахмальныя рубашки, запонки и тросточки изъ дешевыхъ еврейскихъ магазинчиковъ Вѣны!..

XIII.—Триполица.

Въ Триполицу можно уже проѣхать въ экипажѣ, что̀ насъ искренно утѣшило. Какъ ни почтенна, съ нравственной точки зрѣнія, суровая закаленность духа и тѣла, которую такъ безпощадно воспитывала въ своихъ гражданахъ древняя Спарта, однако намъ, избалованнымъ дѣтямъ XIX-го вѣка, эта школа жизни и не подъ силу, и не по вкусу. Дмитрій нашъ нанялъ намъ коляску до Триполицы значительно дороже, чѣмъ показано въ путеводителѣ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ съ нами. У него всегда на это отговорка: въ Гитеонѣ будто бы всего-на-все одна телѣжка; въ Спартѣ всего-на-все одна коляска, а потому, дескать, выбора нѣтъ—покоряйтесь запрошенной цѣнѣ или оставайтесь себѣ на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, это не только недорого, а удивительно какъ дешево. Съ финансовой стороны, это—вѣрный союзникъ всѣхъ кучеровъ, гостинницъ и хановъ...

Встали въ пять ч. утра и выѣхали въ шесть послѣ кофе. День ясный, но холодный. Нужно было надѣть драповыя пальто и

Digitized by Google

укрыть ноги плэдомъ, хотя выносливые спартанцы ѣдутъ верхами въ однѣхъ рубахахъ. Кучеръ нашего ландо—громадный и широкоплечій дѣтина славянскаго типа, изъ котораго выкроишь четырехъ тщедушныхъ Дмитріевъ. Славянство тутъ сильно примѣшано къ греческому элементу. Въ странѣ Спарты и Триполицы былъ самый центръ его. Изъ разговоровъ съ этимъ огречившимся землякомъ сейчасъ же выяснилось, какъ и слѣдовало ожидать, что въ Спартѣ не только не одна карета, какъ вралъ намъ нашъ Дмитрій, а у одного только хозяина нашего кучера ихъ цѣлыхъ три! Точно такимъ же вздоромъ оказалось и донесеніе злосчастнаго корфіота, будто въ Спартѣ вовсе нѣтъ апельсиновъ, такъ какъ, къ посрамленію его, весь базаръ, при выѣздѣ изъ города, какъ нарочно, былъ ими заваленъ... Вмѣсто двухъ условленныхъ лошадей въ коляску оказалась впряженною третья лошадь, за которую намъ слѣдовало приплатить.

„Пуръ марсѐ плю бьенъ“,—объяснилъ намъ на своемъ самобытномъ французскомъ языкѣ потѣшный корфіотъ. Вѣроятно, тоже „pour marcher plus bien“, посадили намъ на козлы и какого-то невѣдомаго юношу, съ котораго, безъ сомнѣнія, взяли установленную плату вдобавокъ къ нашимъ 60-ти франкамъ. Но Дмитрій успокаивалъ насъ, что это—хозяйскій сынъ.

Мы впрочемъ съ полнымъ благодушіемъ встрѣчали всѣ эти своеобразныя проявленія туземныхъ нравовъ.

Отъ Спарты до исторической рѣки Эвротаса, славной памяти,—сплошной оливковый садъ. „Дерево мира“ прикрыло своею тихою сѣнью могильный прахъ города-властолюбца и насильника, сурово царившаго нѣкогда надъ Пелопоннесомъ, и труженическій заступъ садовника восторжествовалъ въ концѣ концовъ, къ счастью человѣчества, надъ мечами и стрѣлами, такъ много и долго шумѣвшими здѣсь...

Послѣ дождей Эвротасъ надулся изрядно и катилъ свои мутныя воды словно и настоящая большая рѣка. Русло его, занесенное галькой, разметалось безпорядочно и широко. Отличный желѣзный мостъ перекинутъ черезъ рѣку и за нимъ начинается искусно проведенное и хорошо содержанное шоссе, безъ выбоинъ и угрожающихъ кучъ щебня, вьющееся многочисленными крутыми петлями по скатамъ горъ. Съ горъ этихъ открывается вся долина Лаконіи и весь хребетъ Тайгета. Нынче онъ безъ тѣни облачка. Тайгетъ особенно эффектенъ тѣмъ, что его видишь весь какъ на блюдѣ, съ пяты до макушки. Отсюда уже нельзя сомнѣваться, что Лаконія—только подножіе Тайгета, что Тайгетъ тутъ господствуетъ надъ всѣмъ, что Тайгетъ—тутъ все.

Digitized by Google

Ничтожное разстояніе, отдѣляющее отъ него столицу Лаконіи, съѣдается далью, и отсюда маленькая желтокрасная Спарта, потонувшая въ своихъ зеленыхъ садахъ, кажется прямо подъ нимъ. Пирамидальная скала Мистры, вблизи такая высокая и крутая, теперь представляется игрушечнымъ холмомъ у пяты горнаго великана. Переѣзжаемъ почти безводное русло Келефены и двигаемся надъ глубокими оврагами вдоль скатовъ горъ. Всѣ эти овраги, рытвины, ложа ручьевъ, полны цвѣтущихъ олеандровъ, которые веселятъ пустынный пейзажъ, какъ улыбающійся ребенокъ сѣдыхъ стариковъ... Въ сторонѣ надъ нами—селенье св. Іоанна Богослова, а на самой дорогѣ въѣзжаемъ въ красивое мѣстечко Вутинію; кипарисовая аллея вьется наверхъ холмика, гдѣ толпится цѣлая траурная рощица кипарисовъ и среди нея деревенская церковь. Террасы горы обращены въ огородъ, сплошь засаженный артишоками. Цѣпь Тайгета дѣлается все ниже и все менѣе живописною, и все болѣе удаляется отъ насъ по мѣрѣ нашего приближенія къ Аркадіи. Мѣстность дѣлается глуше. На скатѣ этой цѣпи горъ видна намъ Георгевица, богатое село, славящееся своими виноградниками. Но кругомъ насъ все только желтыя поля хлѣбовъ, усѣянныя оливковыми деревьями. По дорогамъ постоянно встрѣчается народъ, особенно вблизи Спарты: спѣшатъ на базаръ пѣшкомъ и верхами, на ослахъ, на лошадяхъ. Мужчины все больше въ безрукавкахъ, похожихъ на наши поддевки, съ малиновою опушкою, малиновыми кантами, малиновыми махрами на тальѣ, совсѣмъ напомнившими мнѣ нарядъ малоруссовъ Червленой Руси, т.-е. Галиціи. На женщинахъ—такія же безрукавки. Мальчишки и парни почти всѣ ѣдутъ безъ шапокъ, защищая свои головы отъ южнаго солнца только густою копною черныхъ какъ смоль волосъ.

Въ ханѣ Вурлія мы остановились на часокъ передохнуть и позавтракать. Тамъ мы застали одного по-европейски одѣтаго господина, выѣхавшаго очень рано верхомъ изъ Триполицы и порядкомъ утомленнаго; два кованные желѣзомъ сундука его багажа были безцеремонно перекинуты по обоимъ бокамъ навьюченнаго ослика, за что этотъ ушатый звѣрь врядъ ли былъ ему особенно благодаренъ. Господинъ этотъ сообщилъ намъ, что въ Триполицѣ теперь большой съѣздъ, по случаю всенароднаго греческаго праздника Константина и Елены, совпадавшаго на этотъ разъ съ праздникомъ св. Троицы, и что поэтому нельзя достать ни одного экипажа. Насъ впрочемъ это не особенно встревожило, потому что отъ Триполицы до Аргоса уже ходитъ желѣзная дорога.

Digitized by Google

Потянулся теперь безлюдный и прозаическій пейзажъ. Все одни безплодные, растреснувшіеся камни, кое-гдѣ поросшіе мелкимъ колючимъ кустарникомъ, колючими травами. Кустарники эти—одичавшій гранатикъ, одичавшій лавръ, падубъ, тамариксъ... Деревень по дорогѣ нѣтъ. Хлѣбовъ и виноградниковъ нѣтъ. Если бы не покойное шоссе, на которомъ ни толчка, ни выбоинки, по крутымъ петлямъ котораго катишься себѣ мягко и гладко будто на салазкахъ съ ледяной горки, то было бы, пожалуй, и скучно. Одно только плохо, что даже на самыхъ крутыхъ поворотахъ надъ пропастями, провожающими шоссе, нѣтъ никакихъ оградъ, такъ что въ темную ночь или въ сильный дождь, при малѣйшей неловкости возницы, ничего не стоитъ слетѣть внизъ.

До большой равнины, что стелется у Триполицы, только и встрѣтился намъ одинъ маленькій ханъ Бахуни, гдѣ извозчикъ далъ еще разъ отдохнуть лошадямъ, а мы еще разъ подкрѣпили себя чѣмъ Богъ послалъ изъ своихъ дорожныхъ куржинъ.

Равнина начинается отъ селенія Капарелли. Это очень обширная плодородная низина, мѣстами даже болотистая; цѣлое озеро виднѣется намъ слѣва. Хлѣбныя нивы тутъ зелены, густы и рослы, какъ у насъ на Руси. Отлично воспитанныя шелковичныя деревья во множествѣ усѣиваютъ эти поля. Вездѣ работаютъ и на всемъ слѣды настойчиваго труда и вниманія. Повсюду торчатъ колеса и приводы оросительныхъ колодцевъ. Плуги здѣшніе такъ легки, что пахарь шутя переноситъ его на своемъ плечѣ. Это широкое отрадное поле мирнаго труда, словно по насмѣшкѣ судьбы, послужило въ исторіи Греціи полемъ многихъ великихъ битвъ, иногда рѣшавшихъ судьбу здѣшнихъ маленькихъ инородцевъ и маленькихъ царствъ... Эта древняя Тегейская равнина составляетъ въ сущности прямое продолженіе Мантинейской равнины, что охватываетъ Триполицу съ сѣвера. Знаменитая битва ѳиванцевъ съ спартанцами, гдѣ палъ Эпаминондъ, и другая позднѣйшая битва при той же Мантинеѣ, гдѣ Филопеменъ, во главѣ ахейскаго союза, разбилъ войско спартанцевъ, разразились на этихъ поляхъ. Немного раньше, около хана Вурліи, мы проѣхали мимо поля еще одной важной исторической битвы при Селлазіи, гдѣ спартанская сила была окончательно сокрушена македонянами и ахейцами... Наконецъ, въ дни освобожденія Греціи на этихъ поляхъ, окружающихъ Триполицу, происходила ожесточенная борьба греческихъ повстанцевъ съ турками, у которыхъ они вырвали изъ рукъ Триполицу, главный очагъ турецкой власти и турецкой силы въ Пелопоннесѣ.

Digitized by Google

Триполица уже видна намъ отсюда, тоже на равнинѣ, подъ грядою голыхъ холмовъ. Правѣе ея на пригоркѣ—селеніе Епископія, гдѣ сверкаетъ своимъ голубымъ куполомъ настоящая русская церковь. Церкви Триполицы тоже смотрятъ совсѣмъ по православному. Триполица — названіе чисто славянское; греки называютъ ее оффиціально греческимъ именемъ Триполисъ, но народъ удерживаетъ старинное историческое имя. Славяне, вторгшіеся въ Пелопоннесъ въ первые вѣка христіанской эры, повидимому, угнѣздились здѣсь крѣпче, чѣмъ гдѣ-нибудь, если даже такой значительный городъ унаслѣдовалъ славянское названіе. А ужъ селеній съ славянскими именами тутъ не перечесть, несмотря на позднѣйшія искаженія многихъ такихъ именъ. Вблизи Триполицы вы найдете, напр., Еленицу, Савицу, Антрицу, Доляну, Верену, Малево, Сицову, Луку, Дуру, Вервицу, Глогову, Колпаки...

Триполисъ—значитъ, по-гречески, три города. Этотъ сравнительно новый городъ возникъ уже во времена турецкаго владычества на мѣстѣ трехъ древнихъ эллинскихъ городовъ: Мантинеи, Тегеи и Паллантіона, скудныя развалины которыхъ теперь окружаютъ Триполицу всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея.

Турки сдѣлали Триполицу—вслѣдствіе ея серединнаго положенія на перепутьи изъ Спарты въ Элладу, изъ Элиды и Мессеніи въ Аргосъ и Коринѳъ — резиденціею морейскаго паши и правительственнымъ центромъ всего Пелопоннеса. Поэтому-то взятіе Триполицы паликарами Колокотрони и Мавромихали было едвали не самымъ рѣшительнымъ событіемъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи. Колокотрони, можетъ быть, самый типическій изъ героевъ греческаго возстанія. Отецъ его, такой же отчаянный клефтъ, былъ убитъ турками, и Колокотрони посвятилъ всю свою жизнь непримиримой борьбѣ съ ними, смертельной ненависти къ нимъ. Хотя онъ больше скрывался на Іоническихъ островахъ, нанимаясь у англичанъ въ ряды тамошняго войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ то-и-дѣло появлялся въ горахъ Пелопоннеса, наводя такой ужасъ на турокъ, что они нерѣдко откупались отъ его набѣговъ значительными суммами денегъ.

При первомъ извѣстіи о возстаніи, Колокотрони тотчасъ же явился на берегахъ Мореи во главѣ вооруженнаго отряда. Хотя онъ былъ безграмотенъ и необразованъ, какъ простой пастухъ, но самые неукротимые клефты покорялись его желѣзному характеру, не знавшему пощады. Онъ и держалъ себя съ грубою простотою горца, говорилъ со всѣми прямо и рѣзко, нисколько не стараясь смягчать деликатностью формы суровость своихъ су-

Digitized by Google

жденій и приговоровъ. Умный отъ природы, рѣшительный, беззавѣтно храбрый, съ могучимъ организмомъ, способнымъ вынести всякіе труды и лишенія, Колокотрони былъ естественнымъ главаремъ отчаянной партизанской войны и волей-неволей заслонялъ въ глазахъ народнаго воинства своею эпическою фигурою гораздо болѣе образованныхъ и родовитыхъ вождей возставшей Греціи, Ипсиланти, Маврокордато и другихъ.

Но клефтъ,—сынъ разбоевъ,—не переставалъ жить въ немъ даже и тогда, когда событія исторіи обратили его въ „великаго архистратига всѣхъ греческихъ силъ". Грабежъ былъ едва ли не такимъ же могучимъ стимуломъ для его геройства, какъ любовь къ родинѣ и заклятая ненависть къ туркамъ.

Такою же беззавѣтно храброю, прямодушно-грубою и вмѣстѣ жадно-корыстною была и другая героиня греческаго освобожденія, прославленная Клориндою и Іоанною д'Аркъ Греціи—знаменитая Бабелина. Она вмѣстѣ съ Колокотрони ограбила сожженную и разрушенную Триполицу, продавая жизнь и свободу еврейскимъ и мусульманскимъ богачамъ цѣною громаднаго выкупа. Я читалъ подробное описаніе взятія Триполицы одного образованнаго французскаго офицера, горячаго друга Греціи, который былъ очевидцемъ и участникомъ этого взятія въ отрядѣ европейскихъ добровольцевъ и котораго безпристрастіе поэтому нельзя заподозрить. Майноты вели открытую торговлю съ осажденными, доставляя имъ за деньги припасы, а когда двухмѣсячное обложеніе крѣпости подорвало въ конецъ силы турокъ голодомъ и заразою, и греки почти безпрепятственно ворвались внутрь города, то никакіе приказы и угрозы не могли удержать торжествующія шайки повстанцевъ отъ повальной рѣзни и повальнаго грабежа жителей. Бросали свои караулы и посты, бросали пушки, оставляли пустымъ весь свой лагерь, и кидались въ какомъ-то опьяненіи злобы, все разрушая, грабя, все предавая огню и мечу.

Улицы были буквально завалены трупами и отрубленными головами; изъ оконъ на всякомъ шагу выбрасывали женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей, которыхъ топтали, рубили, кололи, бросали живыми въ огонь пробѣгающіе мимо остервенѣлые воины. Пощады никто не давалъ, никто и не просилъ. Даже убитыхъ терзали и разсѣкали на части, разбрасывая ихъ куда попало; вырывали даже трупы турокъ, похороненныхъ на кладбищѣ, чтобы отомстить за смерть замученныхъ ими греческихъ заложниковъ и плѣнниковъ. Городъ плавалъ въ крови; евреевъ не оставили въ живыхъ ни одного; почти всѣ они погибли въ пламени, куда ихъ бросали живьемъ разъяренные греки, не забывшіе ихъ истя-

Digitized by Google

заній христіанъ въ Константинополѣ и ихъ издѣвательствъ надъ тѣломъ убитаго патріарха Григорія. Къ довершенію этихъ сценъ ужаса, среди горѣвшихъ и рушившихся домовъ, среди залитыхъ кровью и заваленныхъ трупами улицъ, многочисленныя стаи бродячихъ собакъ, которыми всегда кишатъ базары турецкихъ городовъ, опьяненныя кровью, также какъ люди, носились слѣдомъ за греческими воинами, раздирая трупы убитыхъ и раненыхъ, жадно лакая свѣжую кровь.

„Въ этомъ аду кромѣшномъ, я въ первый разъ увидѣлъ человѣка-тигра!"—въ ужасѣ записывалъ въ своей книгѣ очевидецъ-французъ, не первый разъ видѣвшій и войну, и кровь.

Другой французъ, извѣстный ученый археологъ и путешественникъ Пуквиль, въ своей „Исторіи возрожденія Греціи" такъ выразился о взятіи греками Триполицы: „Читатель можетъ выбрать по своему желанію самый ужасный изъ разсказовъ, которые намъ оставили лѣтописцы о разгромѣ городовъ въ библейскіе вѣка, когда вырѣзывали все живущее, не исключая животныхъ, —и онъ составитъ себѣ вѣрную картину взятія Триполицы".

Трудно, конечно, строго осуждать грековъ за эти взрывы дикой кровожадности, которая воспитана была въ нихъ вѣками такой же безпощадной кровожадности и необузданно-дикаго насилія со стороны поработителей ихъ — турокъ, нерѣдко кончавшихъ свои расправы съ непокорными „христіанами-собаками"— полнымъ опустошеніемъ цѣлой страны... Ненависть имѣетъ свои роковые законы и свои роковыя права, какъ все на свѣтѣ.

Какъ бы то ни было, а торжественный разгромъ главной турецкой твердыни былъ ошеломляющимъ громовымъ ударомъ для Турціи, и въ душѣ возставшихъ грековъ онъ раздался какъ вдохновенная труба архангела Божьяго, призывавшаго ихъ къ свободѣ...

Старый городъ Триполица, съ своими стройными минаретами, съ куполами своихъ богатыхъ мечетей, съ своею крѣпостною стѣною, башнями и цитаделью,—какимъ еще видѣли его путешественники въ началѣ нашего столѣтія, какимъ описываетъ его Шатобріанъ, — погибъ въ крови и огнѣ, и теперешняя Триполица выстроена вся заново, на прахѣ ненавистнаго турецкаго города-тюрьмы, не напоминая ничѣмъ былой мусульманской столицы Мореи...

Вездѣ—праздничный шумъ, движеніе; веселый, досужій людъ кишитъ на площадяхъ и улицахъ. Улицы Триполицы — это не-

Digitized by Google

скончаемый рядъ лавчонокъ, кофеенъ, кабачковъ; порядочнаго магазина — ни одного, все грошевое, все для демократической толпы; толпа здѣсь царитъ, и кромѣ нея, кажется, никого и ничего. Но ей за то, кажется, здѣсь привольно и весело. Площадь, тротуары сплошь заставлены стульями и столиками, за которыми прежніе аркадскіе пастушки, а теперешніе свободные граждане эллинскаго королевства, наслаждаются за нѣсколько лептъ чашкою кофе, блюдечкомъ мороженаго или рюмкою мастики. Крики, разговоры, веселый смѣхъ, пѣсни, толкотня на площади, вокругъ огромнаго величественнаго собора, высоко поднимающаго свои два „красныя крыльца“, свою куполомъ увѣнчанную башню. За то внутри собора—мертвая пустыня. Невозможно представить себѣ, что это канунъ великаго христіанскаго праздника Троицына дня, престольнаго праздника этого собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго національнаго праздника всего греческаго королевства, — св. равноапостольныхъ Константина и Елены. Пять—шесть стариковъ въ фустанеллахъ сиротливо прячутся кое-гдѣ по уголкамъ огромнаго пустого храма. Одинъ священникъ служитъ у алтаря; одинъ причетникъ тянетъ свои заунывныя ноты на клиросѣ, другой—на другомъ. Въ Триполицѣ—резиденція архіепископа, но насъ увѣряли, что въ Греціи архіереи почти никогда не служатъ. Дѣйствительно, ни на Вознесеніе въ Корфу, ни подъ Троицынъ день въ Триполицѣ мы не видѣли не только архіерейской, но даже хотя бы соборной службы двухъ-трехъ священниковъ.

Соборъ грандіозный снаружи, повидимому, не оконченъ внутри, хотя построенъ уже 16 лѣтъ. На выбѣленныхъ известью стѣнахъ совсѣмъ нѣтъ живописи, полъ деревянный, не крашенный, вѣроятно временный; даже колонны еще безъ капителей и паруса не оштукатурены, такъ что видны голые камни, изъ которыхъ сложенъ храмъ. Стало быть, „пороху не хватаетъ“ у гражданъ Триполицы завершить какъ слѣдуетъ возведенную постройку. Свѣчей къ образамъ тутъ богомольцы не ставятъ, но я видѣлъ, какъ одинъ мальчуганъ принесъ и поставилъ на солею подъ образа иконостаса тарелку, полную чего-то, и воткнулъ въ ея середину темно-желтую свѣчку. Принесла потомъ что-то подобное же и старуха, и тоже воткнула свѣчку и приткнула подъ иконостасъ.

— Что это они ставятъ?—спросилъ я у провожавшаго насъ Дмитрія.

— А это значитъ—завтра именины ихъ; у насъ каждый

Digitized by Google

именинникъ приноситъ что-нибудь съѣдобное и свѣчку зажигаетъ своему угоднику,—сообщилъ мнѣ Дмитрій.

Мы съ трудомъ нашли маленькій нумерокъ съ двумя кроватями въ Xenodokion tu Stammeron, т.-е. Hôtel de la Couronne. Всѣ отели и заѣзжіе дома были биткомъ набиты пріѣзжими.

Къ вечеру еще ждали множество гостей изъ Патраса, для которыхъ были заказаны нумера. Какъ разъ противъ нашихъ оконъ—отдѣланный мраморомъ домъ съ колоннами, Demarchion, нѣчто въ родѣ городской управы или думы. Мы, конечно, не стали сидѣть въ своей тѣсной кельѣ, а отправились странствовать по городу. Узенькія улицы его разодѣлись по праздничному. Вездѣ бѣло-голубые флаги, воткнутые цѣлыми букетами въ карнизы домовъ, въ балконы, надъ входами; всевозможныя надписи на разноцвѣтной бумагѣ, китайскіе фонари; черезъ улицы перекинуты веревки, холсты, гирлянды зелени, балконы обтянуты коврами и матеріями; особенно разукрашены бумажными цвѣтами, фонарями, флагами, яркимъ коленкоромъ безчисленныя здѣшнія лавки. Здѣсь нѣтъ дома безъ балконовъ, и на всѣхъ балконахъ сидятъ, любуясь сверху на толпу, разодѣтыя дамы во всѣхъ цвѣтахъ радуги. На улицахъ греческія женщины показываются мало. Зато мужчинъ и дѣтишекъ тутъ тучи. Наѣхавшіе изъ деревень крестьяне расхаживаютъ цѣлыми шеренгами, захватывая всю ширину улицы. Важные сѣдоусые фустанеллы величественно засѣдаютъ у кофеенъ. Въ каждой мелкой лавчонкѣ толкотня, вездѣ покупаютъ, вездѣ пьютъ и ѣдятъ. Всѣ оживлены и веселы какъ дѣти. Экипажей почти не видно, демократическая Грецiя веселится и гуляетъ на собственныхъ своихъ рысакахъ. Въ одной улицѣ, пройдя очень красивую церковь изъ бѣлаго тесанаго камня съ высокою колокольнею и изящными чугунными рѣшетками на окнахъ и дверяхъ, мы наткнулись на оригинальную процессію: человѣкъ двѣсти маленькихъ дѣтишекъ, построенныхъ въ колонну, съ бѣлоголубыми и бѣлозелеными знаменами, съ букетами цвѣтовъ и длинными свѣчами въ рукахъ, многіе всѣ въ бѣломъ, съ бѣлоголубыми шолковыми перевязями черезъ плечо, шли довольно стройнымъ маршемъ подъ предводительствомъ своего директора или учителя, распѣвая хоровыя пѣсни.

— Что это за дѣтки и куда ихъ ведутъ? — спросилъ я Дмитрія.

Корфіотъ нашъ побесѣдовалъ съ однимъ благообразнымъ прохожимъ и немедленно донесъ намъ:

— Это, киріе, ученики здѣшнихъ школъ. Они ѣздили, два

Digitized by Google

мѣсяца тому назадъ, на праздникъ въ Патрасъ, по приглашенію тамошнихъ учениковъ, а теперь школьники Патраса ѣдутъ къ нимъ на праздникъ, отдать имъ визитъ,—такъ вотъ они встрѣчаютъ ихъ и поютъ народныя греческія пѣсни...

Часа черезъ два, когда мы отдыхали въ ресторанѣ своего отеля за позднимъ обѣдомъ, запивая его вкуснымъ мантинейскимъ виномъ, безъ всякой примѣси смолы,—эта мальчишечная колонна бурею пронеслась мимо насъ, ликующая, отчаянно крича свои пѣсни, окруживъ своихъ патрасскихъ гостей такимъ тѣснымъ роемъ, что ихъ нельзя было и разсмотрѣть. Долго еще и потомъ, когда мы уже ложились спать, раздавались издали въ разныхъ концахъ города неистовыя ура и пѣсни, пальба изъ ружей, не перестававшая бѣготня взадъ и впередъ по ярко иллюминованнымъ улицамъ.

Въ десятомъ часу вечера этотъ общій неопредѣленный шумъ и суета разразились вдругъ цѣлою стройною процессіею, которая невольно подняла насъ съ постелей къ открытымъ окнамъ. По большой улицѣ, отъ соборной площади двинулась какъ разъ къ нашей гостинницѣ, а можетъ быть къ демархіи, стоявшей напротивъ насъ, колонна очень стройной военной музыки, окруженная по сторонамъ большими фонарями на палкахъ, знаменами и густыми толпами народа. Тутъ уже была и хорошо одѣтая городская публика, барышни, офицеры, щегольскія фустанеллы. За толпою полила опять дѣтская рать, вся съ горящими свѣчами въ рукахъ, махая шляпами и знаменами, распѣвая пѣсни. Публика, набившаяся въ магазины и кофейни, на балконы и тротуары, встрѣчала громкими взрывами ура и музыкантовъ, и расходившихся дѣтишекъ. Эти нахлынувшія толпы залили всю улицу между демархіей и нашею гостинницею. Давали ли они привѣтственную серенаду почтеннымъ архонтамъ городского управленія или патрасскимъ гостямъ, пріютившимся въ нашей гостинницѣ, мы такъ и не разузнали. Съ балконовъ нашей гостинницы ихъ все время не переставали освѣщать магніемъ и бенгальскими огнями всѣхъ цвѣтовъ.

При фантастическомъ освѣщеніи красныхъ огней бѣлые рукава и фустанеллы воинственныхъ сѣдоусыхъ паликаровъ въ красныхъ шапкахъ казались облитыми кровью и невольно рисовали въ моемъ воображеніи тотъ грозный и роковой день, когда ихъ отцы, сподвижники Колокотрони, Мавромихали и Анагностари, на тѣхъ же улицахъ Триполицы купались въ крови избиваемыхъ турокъ...

Дѣти кричали до хрипоты, до одурѣнія, уходили куда-то и

Digitized by Google

опять возвращались, и наконецъ вся процессія, пѣвцы и музыканты, съ тѣми же огнями и знаменами, съ тѣмъ же громомъ и шумомъ, схлынула назадъ къ площади. Это общее искреннее участіе всѣхъ жителей въ праздничномъ веселіи, это кочеванье цѣлаго города на улицахъ до полуночи, на югѣ—вещь совсѣмъ обычная. Нашъ братъ сѣверянинъ не умѣетъ веселиться такъ просто и легко. Но, кромѣ того, тутъ никто не мѣшаетъ народному веселью; никакой полиціи, никакихъ властей, „пущающихъ и непущающихъ", не видно нигдѣ. Демократическая свобода жизни придаетъ этому народному веселью тотъ характеръ беззаботнаго увлеченія, ту увѣренность въ своемъ правѣ веселиться такъ именно, какъ мнѣ хочется, безъ которыхъ всякое празднество кажется чѣмъ-то вынужденнымъ и натянутымъ...

Евг. Марковъ.

Digitized by Google

ДОЧЬ СВОЕГО ВѢКА

„A daughter of to-day". A novel, by S. J. Duncan *) (Ev. Cotes).

I.

Въ ожиданіи появленія хозяйки дома, миссисъ Лесли-Белль, гостья ея, опустилась въ кресло и вытянула впередъ свои маленькія запыленныя ножки, сложивъ ихъ крестъ-на-крестъ. Обдумывая еще разъ цѣль своего прихода и все, что ей придется сказать, миссъ Кимсэй съ чувствомъ полнаго удовлетворенія прислушивалась къ торопливымъ шагамъ, раздававшимся у нея надъ головой. Миссисъ Белль просила обождать немного, и гостья ничего не имѣла противъ того. Она все сидѣла и думала о предстоящемъ свиданіи съ миссисъ Лесли Белль.

Гостья имѣла видъ весьма рѣшительной особы. Вся фигура ея шла какими-то прямыми линіями подъ прямымъ угломъ; ея плечи, не спускавшіяся, а срѣзанныя, были угловаты. Подбородокъ также былъ у нея какой-то прямоугольный, плоскій; несмотря на свои тридцать-пять лѣтъ, она казалась моложе. благодаря мягкимъ взбитымъ кудряшкамъ бѣлокурыхъ волосъ, осѣнявшихъ ея миніатюрное личико. Въ общемъ, можно было смѣло угадать по всей ея фигуркѣ, по выраженію лица, платью и манерѣ держаться, что она—типъ учительницы Новой-Англіи.

И въ самомъ дѣлѣ, миссъ Кимсэй давала уроки: такова была профессія, которую она избрала и исполняла добросовѣстно. Она

*) Сара Дунканъ извѣстна въ Америкѣ, какъ авторъ многихъ бытовыхъ романовъ, между которыми пользуются извѣстностью: „A social Departure"; „An american Girl in London"; „The simple Adventures of a Memsahib" и др.

Digitized by Google

родилась, выросла и жила теперь своимъ трудомъ въ городѣ Спартѣ, штата Иллинойсъ. Несмотря на свои ежедневныя занятія въ высшей школѣ, она, какъ женщина съ чуткой совѣстью, находила еще возможнымъ три раза въ недѣлю обучать мальчишекъ въ „вечернихъ школахъ", куда она являлась аккуратнѣйшимъ образомъ, какъ бы ни было вѣтряно и холодно. Вотъ ужъ одиннадцатый годъ, какъ она учитъ „англійскимъ наукамъ" молодежь города Спарты и добросовѣстнѣйшимъ образомъ переводитъ съ ними Чосера. Въ числѣ ученицъ ея была и Эльфрида Белль, по поводу которой совѣсть побудила ее придти съ визитомъ къ ея матери, миссисъ Лесли Белль.

Собственно она не была съ нею, какъ говорится, знакома,— онѣ только знали другъ друга. Обѣ дамы, сверхъ того, встрѣчались на разныхъ благотворительныхъ базарахъ и концертахъ и были сочленами такъ называемаго „клуба Броунингъ", предсѣдательницей котораго была миссисъ Белль; но дальше этого ихъ близость (по крайней мѣрѣ, со стороны миссисъ Белль) не пошла, хотя кой-какіе изъ родныхъ миссъ Кимсэй и были весьма почтенныя, и даже довольно значительныя особы... Бѣдная учительница вовсе не скучала, разглядывая гостиную, увѣшанную тенденціозными картинами, разукрашенную тщательно подобранными альбомами и книгами самаго разнообразнаго характера. Но уютности этой гостиной не хватало; не было въ ней ни занавѣсокъ, ни портьеръ.

„Она считаетъ себя выше подобныхъ мелочей",—подумала миссъ Кимсэй въ то время, какъ взглядъ ея скользнулъ по нумерамъ: „Revue des deux Mondes", „Academy Notes", „Nineteenth Century".

Было уже темно, и учительница не могла разглядѣть на журналахъ ни мѣсяца, ни числа. Не могла она также знать, что эти журналы играли здѣсь одинаково обстановочную роль вмѣстѣ съ оригинальнымъ изданіемъ Данте въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ... Ту же цѣль преслѣдовали и романы, разложенные тутъ же.

Золоченые каминные часы показывали, что миссъ Кимсэй ждетъ уже съ четверть часа, когда въ комнату вошла, наконецъ, миссисъ Белль,—женщина высокая, худощавая, съ узкими темными глазами, вокругъ которыхъ шли многочисленныя морщинки; когда она улыбалась, около ея губъ также появлялись складки, которыя, смотря по смыслу ея улыбки, должны были изображать особую привѣтливость или нѣчто тому подобное. Такъ было и на этотъ разъ, когда она, желая оказать гостьѣ особую ласку,

Digitized by Google

начала извиняться, что заставила ее ждать, но въ то же время не желала подвергать себя необходимости отдать ей визитъ.

— Да нѣтъ же, миссисъ Белль! Право, я вовсе не скучала,— съ кисло-сладкой улыбкой отвѣчала гостья.—И, наконецъ, такъ еще рано: я просто забѣжала мимоходомъ изъ школы,—прибавила она, какъ бы желая подыскать оправданіе промедленію хозяйки дома.

Она опять усѣлась, и обѣ дамы съ увлеченіемъ заговорили о погодѣ, о ея измѣненіяхъ и совершенствахъ.

— Такъ, вотъ, я и забѣжала мимоходомъ...—начала опять миссъ Кимсэй.

— Да?!..

— Поговорить съ вами кой о чемъ, что̀ мнѣ пришло на мысль... по поводу Эльфриды!

Лицо миссисъ Белль приняло болѣе сдержанное и выжидательное выраженіе.

— Надѣюсь, однако...—начала миссисъ Белль.

— Не безпокойтесь, пожалуйста: ваша дочь занимается прилежно...

— Ну, это утѣшительно; только я знаю, что математика ей не дается.

— Меня математика не касается, миссисъ Белль: въ старшихъ классахъ я преподаю только англійскій языкъ; и м-ръ Джэксонъ не жалуется на Эльфриду. Я, собственно, пришла... Миссисъ Белль!— вдругъ приступила она прямо къ дѣлу, чувствуя, что не можетъ больше оттягивать рѣшительный моментъ:—Миссисъ Белль! Въ своемъ сочиненіи Эльфрида приводила выдержки изъ Руссо... и я подумала, что вамъ это слѣдуетъ знать.

— И приводила—въ оригиналѣ? Я даже не ожидала, что она настолько сильна во французскомъ языкѣ.

— Нѣтъ: въ переводѣ. Она говоритъ: „Какъ повѣдалъ талантливый Жанъ-Жакъ въ своихъ „Confessions“ всему міру“... дальше я не припомню. Впрочемъ, меня это мѣсто больше всего поразило: очевидно, она читала его сочиненія!

— Весьма возможно: Эльфрида подписалась въ библіотекѣ. Конечно, такой выборъ доказываетъ вкусъ въ чтеніи, который гораздо выше, чѣмъ у другихъ дѣвочекъ въ ея годы; не такъ ли, миссъ Кимсей? Ей еще только пятнадцать лѣтъ.

— Я никогда не читала Руссо!—твердо возразила учительница.—Вѣдь это атеистъ, миссисъ Белль?

Хозяйка дома нѣсколько приподняла брови, выпятила губы, услышавъ такое сужденіе, и проговорила:

Digitized by Google

— Онъ *былъ* геній, миссъ Кимсэй! Или, вѣрнѣе: онъ былъ, есть и будетъ геній, потому что геніи не умираютъ! Во Франціи даже домъ его чтутъ, какъ святыню...

— О!—возразила гостья:—Но чтутъ *французы*!

— Да; и французы считаютъ для себя особенно счастливой возможность охранять и всячески соблюдать память геніальныхъ людей,—замѣтила миссисъ Белль.

— Ну, вы меня простите, миссисъ Белль; я слышала, что вы придерживаетесь довольно либеральныхъ взглядовъ, но не знала, что они распространяются даже на Руссо! Немногіе слѣдуютъ прогрессу до того, чтобы...

— Но знаю, многіе идутъ впередъ,—сухо возразила хозяйка дома:—впрочемъ, Эльфрида вообще много читала и вообще у нея замѣчательный складъ ума (простите мнѣ мою материнскую смѣлость!); я затруднилась бы сказать, когда и какъ она научилась читать, и потомъ во многомъ она напоминаетъ мнѣ описанія юности знаменитыхъ людей. Я бы ничуть не удивилась, еслибъ она впослѣдствіи прославилась чѣмъ-нибудь. Я *сама* желала бы имѣть ея способности!

— Она у васъ очень хорошѣетъ,—замѣтила миссъ Кимсэй, перемѣняя предметъ бесѣды.

— Да; у нея интересное лицо,—согласилась мать:—вотъ ея послѣдній портретъ.

На кабинетной карточкѣ, какъ живые, глубокимъ взглядомъ смотрѣли впередъ большіе темные глаза дѣвушки-подростка, и какой-то особенно-чуткій и красивый оттѣнокъ придавала всей головкѣ ея полунаклоненная поза. Носъ былъ немножко тяжеловато очерченъ, но ротикъ—подвижной и мягкій; поворотъ шеи огруглялъ линію подбородка, и выраженіе лица какъ нельзя лучше подходило къ тому.

— Сколько чувства! какъ у Рашель; очень ее напоминаетъ! — подхватила миссъ Кимсэй. — Впрочемъ, она, кажется, всецѣло предается живописи?

— Да. Не знаю, какъ сложится ея каррьера, но мнѣ иногда думается, что Эльфрида найдетъ свое призваніе именно въ искусствѣ. М-ръ Белль со мной не согласенъ: онъ только о томъ и думаетъ, чтобы она вышла замужъ, какъ и всѣ другія.

— И не замедлитъ выйти, если будетъ все больше хорошѣть! А вы развѣ хотѣли бы этому воспрепятствовать, миссисъ Белль?

— Собственно говоря, я ничего не имѣла бы противъ того; но, мнѣ кажется, моя дочь могла бы достигнуть чего-нибудь луч-

Digitized by Google

шаго. Пожалуй, и ее засосетъ тина супружеской жизни, какъ она засосала... *другихъ*...

Миссъ Кимсэй, которую „супружеская жизнь не засосала", встала въ эту минуту, чтобы проститься и уйти.

Послѣ ея ухода, миссисъ Белль раскрыла одинъ изъ „Revue", пробѣжала строчки двѣ-три о климатѣ и почвѣ въ царствѣ польскомъ и положила книгу обратно, аккуратнѣйшимъ образомъ, какъ книжка и раньше лежала.

„Руссо?! — сказала она про себя. — C'est un peu fort, mais..."—и остановилась—по всей вѣроятности для того, чтобы подвергнуть болѣе зрѣлому обсужденію конецъ своей мысли прежде, нежели окончательно формулировать ее.

— Признайся, .Iесли, вѣдь ты, въ сущности, въ восторгѣ, что она такъ похорошѣла!—говорила миссисъ Белль, а мужъ ея слѣдилъ за ухищреніями, къ которымъ она прибѣгала, чтобы съ помощью ручного зеркальца увидать, хорошо ли легъ у нея на затылкѣ модный узелъ прически. Ей пришлось повторить вопросъ:

— Ну, развѣ ты не въ восторгѣ отъ Эльфриды? Пребываніе въ Филадельфіи принесло ей пользу, которая, конечно, превзошла твои ожиданія.

— Ты знаешь, я никогда не находилъ, что Эльфрида можетъ быть красивѣе и лучше, нежели она была въ пять лѣтъ, милая Магги!—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Всегда прошу васъ говорить мнѣ: *Маргарита!*—жалобно протянула миссисъ Белль, которую эта манера мужа раздражала вотъ уже двадцать-первый годъ подъ-рядъ.

— Все равно, голубушка, я никогда объ этомъ самъ не вспомню... вотъ развѣ только при гостяхъ. Ну да; Эльфрида очень выросла за это время и, пожалуй, переросла тебя, Маг... Маргарита.

— Только-то всего? Вы ничего больше въ ней не видите?— трагически вскинула глазами на мужа миссисъ Белль.

— Ну да, она похорошѣла, конечно, похорошѣла; и по мнѣнію профессоровъ не теряла даромъ ни времени, ни денегъ. Но цѣлый годъ вѣдь провели мы, Магги, безъ нея... цѣлый годъ! Надѣюсь, ей больше не взбредетъ на умъ бросить насъ опять однихъ.

— Да и не броситъ, если это не будетъ необходимо для ея жизненныхъ стремленій...

— Ну, конечно, не будетъ! Ей уже девятнадцать лѣтъ, и

Digitized by Google

мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она окончательно устроилась здѣсь, у насъ, въ своемъ родномъ городѣ. Живопись будетъ всегда для нея привлекательна, а еслибы ее заставила нужда, она могла бы даже и сама давать уроки. Вотъ какова была моя цѣль, когда я давалъ ей образованіе.

— Устроилась?! — переспросила мать. — А позвольте спросить, кто здѣсь есть изъ молодыхъ людей?..

— Кто? Да всѣ! Ну, многіе, по крайней мѣрѣ. У насъ здѣсь даже больше завидныхъ жениховъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

Миссисъ Белль стояла у окна, прислонившись къ косяку, и въ эту минуту одинъ изъ этихъ самыхъ „завидныхъ жениховъ“ раскланивался съ нею.

— Нѣтъ, Боже упаси! — воскликнула она выразительно: — Ты, Лесли, ничего не понимаешь.

— Не знаю,—смиренно согласился м-ръ Белль.—Только я думаю, послѣ обѣда надо непремѣнно открыть ящикъ: мнѣ очень хочется взглянуть на ея картины. Пойдемъ! Да застегни хорошенько свою брошку: она чуть не упала...

И въ самомъ дѣлѣ, цѣлый годъ—долгій, долгій годъ!—провела Эльфрида Белль въ Филадельфіи. Слушая теперь неоднократныя упоминанія отца о томъ, какъ время для нихъ медленно тянулось, она очень часто думала, что для нея оно тянулось несравненно дольше. Ей казалось, что въ ея родномъ городѣ оно какъ бы обѣгало всѣ незаполненные въ немъ пробѣлы; люди дѣлили день свой на отдѣльныя доли, скачки между которыми не давали останавливаться на пустотѣ незаполненныхъ ничѣмъ промежутковъ. Весь годъ дѣлился здѣсь, на родинѣ, на части, осѣненныя красноватой, осеннею листвой, то благоухавшія весеннимъ ароматомъ, то обуреваемыя зимнимъ дуновеніемъ вѣтра... Въ г. Спартѣ (штата Иллинойсъ), такимъ образомъ, было четыре отдѣльныхъ времени года; а Эльфрида говорила себѣ, что, вѣроятно, иныхъ подраздѣленій и не существуетъ; и, вѣроятно, дни больше нигдѣ не имѣютъ никакой иной окраски. Но въ Филадельфіи она поняла, что день можетъ быть и длиненъ, какъ цѣлая недѣля, и разнообразенъ, и полонъ трудовыхъ хлопотъ. Тамъ иной разъ часы казались ей безконечны, судя по той массѣ чувствъ и впечатлѣній, которую приносилъ съ собою каждый часъ. Въ дѣйствительности же, ея жизнь въ Филадельфіи текла довольно скучно и однообразно; но она въ нѣкоторомъ отношеніи удовлетворяла Эльфриду, а воображеніе разукрашивало ея будничныя стороны. Объ этихъ

Digitized by Google

сторонахъ, т.-е. собственно о матеріальной ихъ подкладкѣ, она впервые подумала, когда сѣла уже въ вагонъ на обратный путь, домой, въ чикагскомъ вокзалѣ въ Филадельфіи. Эта мысль не-оставляла ее, пока она (уже дома) обнимала отца и мать и выслушивала восторженные планы м-ра Белля о томъ, какъ она будетъ теперь „выѣзжать"; эта мысль парализовала даже предвкушеніе удовольствія при неизбѣжномъ восторгѣ знакомыхъ и родныхъ передъ сокровищами ея искусства, таившимися въ глубинѣ большого ящика. Впрочемъ, вся Спарта, конечно, и не можетъ иначе, какъ восхищаться ими, если ужъ въ Филадельфіи они заслужили одобреніе. Положимъ, Эльфрида все-таки не забывала, что та же Спарта ростила и образовывала ее и сдѣлала ее тѣмъ, чѣмъ она стала въ восемнадцать лѣтъ; и та же Спарта впервые вселила въ ней сознаніе, что она—человѣкъ *не* заурядный; и за это Эльфрида была ей глубоко благодарна.

„Я скорѣе согласилась бы не быть красивой, нежели не быть умной"!—говорила она сама себѣ, зачастую смотрясь въ зеркало тамъ, въ Филадельфіи.

Она говорила только „умной", но хотѣла большаго, нежели ума:—она хотѣла таланта въ искусствѣ. Эльфрида замѣтила за собой это стремленіе не сразу. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше производили на нее впечатлѣніе предметы искусства; тѣмъ больше развивалась въ ней наклонность находить эстетическія стороны въ картинахъ осенней природы, среди которой ей нравилось одной углубляться въ созерцаніе ея красотъ, нравилось прогуляться подальше и вернуться домой разрумяненной, съ чудеснымъ аппетитомъ. Ея ночныя мечтанія надъ книгой длились иной разъ за полночь, и не разъ, замѣтивъ изъ-подъ двери свѣтъ, отецъ стучался къ ней, говоря, что уже поздно, пора спать.

Эльфрида не перечила ему и отвѣчала неизмѣнно:

— Хорошо, папа!—Но, правду говоря, большею частью онъ стучалъ понапрасну, и чѣмъ покорнѣе звучалъ отвѣтъ дочери, тѣмъ дольше горѣлъ газъ въ ея комнатѣ.

Впрочемъ, она всегда старалась быть ласкова съ отцомъ, съ которымъ вообще ей было пріятно поддерживать неизмѣнно самыя мягкія отношенія, тѣмъ болѣе, что въ томъ мірѣ, который она считала артистическимъ, сыновнія чувства къ родителямъ причисляли къ разряду наименѣе объяснимыхъ; а ей доставляло удовольствіе поступать именно не такъ, какъ всѣ.

Эльфрида, напримѣръ, стояла, сидѣла и ходила, а даже иной разъ и думала съ чувствомъ одобренія своимъ мыслямъ и поступкамъ. Самосознаніе было ея выдающимся, главнымъ

Digitized by Google

свойствомъ, и явилось оно въ ней—она даже не могла припомнить, когда. Это чувство было для нея источникомъ неизсякаемыхъ наслажденій: то она любовалась сама со стороны, какъ посторонній, своей красотою; то ея вниманіе привлекалъ румянецъ, разгоравшійся на щекахъ, или блескъ темныхъ глазъ, въ которыхъ ей отрадно было видѣть отраженіе быстрой и живой мысли. И она, конечно, не сочла бы постыднымъ для себя въ этомъ признаться откровенно.

Когда ей было скучно, она не задумываясь находила себя некрасивой; ея отвращеніе къ безобразію и скукѣ было въ самой тѣсной связи съ нею самой. Въ каждой чертѣ своего лица, стана, характера, Эльфрида находила нескончаемый поводъ къ изученію и усердно за собою наблюдала, какъ самый добросовѣстный изслѣдователь. Но совершенно уже нелѣпо было для такой молодой и красивой дѣвушки простаивать по ночамъ на колѣняхъ у открытаго окна, на вышкѣ и, поднявъ къ небесамъ восторженно мечтательное лицо, обрамленное распущенными волосами, декламировать Россетти при романическомъ освѣщеніи серебристой луны... единственно для самой себя! Въ умолкшемъ, цвѣтистомъ, зеленомъ садочкѣ не было ни души, и въ своемъ странномъ стремленіи Эльфрида повиновалась единственно желанію поддаться глупому романическому настроенію, навѣянному сознаніемъ, что ея глаза дѣйствительно мечтательно-прекрасны и блестятъ при лунномъ свѣтѣ; что садъ теперь особенно хорошъ, а стихи Россетти превосходны. Ложась спать, она на мигъ заглядывала на себя въ зеркало и, прежде чѣмъ задуть свѣчу, посылала себѣ воздушный поцѣлуй. Личико, смотрѣвшее на нее, было, дѣйствительно, такъ прелестно, такъ полно поэзіи и луннаго свѣта, что она не могла отъ этого удержаться. Засыпала Эльфрида счастливымъ, крѣпкимъ сномъ и просыпалась поздно.

Пребываніе въ Филадельфіи еще болѣе обострило всѣ особенности характера молодой дѣвушки, и только тамъ поняла она, что главнымъ ея влеченіемъ является живопись. Цѣль ея была достигнута: она поняла, что не будетъ писать ни оперъ, ни романовъ, а будетъ писать—картины. Но, возвращаясь домой, Эльфрида спрятала въ шкатулочку, подъ ключъ, цѣлую пачку своихъ юношескихъ стихотвореній.

„Только бы не попались мамѣ на глаза эти порывы къ стихоплетству“!—думала она; но порвать, уничтожить ихъ, все-таки, не рѣшалась.

Эльфридѣ было жутко подумать, какъ могутъ раскритиковать ея картины мать и отецъ, и она хотѣла бы какъ можно дольше

Digitized by Google

отложить вскрытіе ящика; однако, когда отецъ уже приготовился расколачивать его, она съ очаровательной любезностью сама опустилась передъ ящикомъ на колѣни.

М-ръ Белль началъ разбирать картины и разставлять ихъ вдоль по стѣнѣ, съ видимой надеждой, что ему будетъ поводъ ими любоваться; но вскорѣ уже онъ не могъ скрыть своего разочарованія, когда ихъ длинный рядъ оказался чѣмъ-то страннымъ.

— А ты, кажется, много успѣла набросать этихъ... гм! эскизовъ?—замѣтилъ м-ръ Белль.

— О, папа! это не эскизы: это мотивы и снимки съ рельефныхъ образцовъ и съ моделей. Они написаны углемъ.

— И дѣлаютъ тебѣ честь... я увѣренъ, что они дѣлаютъ тебѣ честь!—говорилъ онъ.—Только всѣ они такъ похожи одинъ на другой... нельзя будетъ повѣсить ихъ больше, чѣмъ по два въ каждой комнатѣ. А что, медаль ты получила вотъ за „это“?—и м-ръ Белль указалъ на изображеніе Психеи.

Написана она была довольно неумѣло, но нѣжно; натянуто, но не безъ тонкаго чутья, которое безспорно ее оживляло.

— Это положительно прелестная вещица! — искренно похвалила миссисъ Белль, возсѣдавшая на диванѣ.—И, конечно, достойна медали!

Эльфрида промолчала. На рамкѣ висѣлъ билетикъ, по которому не трудно было объ этомъ догадаться.

— А! Вотъ и масляныя краски! — возгласилъ отецъ, извлекая изъ нѣдръ ящика продолговатую картинку съ зеленой травою и голубымъ небомъ. Перевернувъ ее вверхъ ногами, онъ принялся вторично разглядывать ее.

— Не такъ, папа: сначала вы держали вѣрно, — замѣтила Эльфрида, съ трудомъ преодолѣвая желаніе свалить всѣ свои „знаменитыя“ произведенія въ кучу и захлопнуть ихъ въ ящикъ покрѣпче.

— А эта—просто восторгъ!—похвалила ее миссисъ Белль.

— Одна изъ самыхъ худшихъ,—лаконически оборвала дочь. М-ръ Белль, повидимому, только-что облегченно вздохнулъ.

— Ну, если ужъ таково твое собственное мнѣніе, такъ и я скажу, что по мнѣ она не особенно хороша: какъ будто ты писала ее, писала и, наконецъ, устала стараться... А эта вотъ—гораздо больше мнѣ пришлась по вкусу! — и онъ остановилъ взглядъ на изображеніи старушки-торговки съ яблоками.—Положимъ, что жъ я за судья, а только она мнѣ нравится, смѣло могу сказать!

— Прелесть, что за оттѣнки!—замѣтила мать, и Эльфрида

Digitized by Google

наградила ее за это горячей улыбкой и признательнымъ поцѣлуемъ:

— Благодарю, мама!

Ящикъ былъ, наконецъ, совсѣмъ опустошенъ.

— Всю эту кучу мы развѣсимъ по стѣнамъ въ столовой, заговорилъ м-ръ Белль,—а эти эскизы, „blanc et noir", лучше всего подойдутъ къ обоямъ въ гостиной.

— Хорошо, папа.

— Надѣюсь, ты не обидишься, Эльфрида: я обѣщалъ пожертвовать одну или двѣ изъ твоихъ картинъ въ пользу базара, который устраивается для воскресной школы.

— О, нѣтъ, папа! Я очень рада.

Эльфрида сидѣла на диванѣ, рядомъ съ матерью; сѣлъ рядомъ съ ними и отецъ. А передъ ними вдоль стѣны прислонились всѣ картины въ своихъ позолоченныхъ рамахъ.

Глядя на нихъ, Эльфрида разсмѣялась и, къ великому удивленію своихъ родителей, смѣялась чуть не до слезъ. Потомъ вдругъ какъ-то оборвала себя и, поцѣловавъ ихъ, ушла къ себѣ наверхъ.

— Боюсь я, что ты задѣлъ ея самолюбіе, Лесли,—замѣтила мужу миссисъ Белль. Но самолюбіе Эльфриды, въ сущности, не было задѣто; только, оставшись одна, она боролась съ искушеніемъ описать подругѣ въ эпистолярной формѣ всю эту юмористическую сценку. И, конечно, раздумала: слишкомъ ужъ это было бы обиднымъ для нея.

II.

— Pas mal, parbleu!—замѣтилъ художникъ Люсьенъ, подобравъ губы и проводя рукой по своимъ чернымъ, жесткимъ волосамъ.

Онъ остановился у станка своей молодой ученицы, Нади Палицкой, которая встала при его приближеніи. Палицкая обернулась и пытливо заглянула прямо въ глаза своему учителю, хоть этотъ учитель и былъ парижской знаменитостью.

— Шея написана у васъ грубыми, но превосходными штрихами! — продолжалъ онъ. — Вообще, mademoiselle, въ лицѣ вашемъ я нахожу полное разногласіе вашихъ чисто-женственныхъ свойствъ съ артистическими. Это—великое преимущество, это—сила въ искусствѣ! Я пріобрѣтаю все большую увѣренность въ вашемъ дарованіи: вы не только чутки и умны,—въ васъ есть много такого, чему никто васъ не научитъ... Вы это кончили?

Digitized by Google

Я понесу внизъ, показать, въ мужскую мастерскую, и обѣщаю вамъ, что тамъ глумиться надъ нею не будутъ.

— Cher maître!.. Неужели?!

— Несомнѣнно.

Дѣвушка подала ему свою работу, млѣя отъ восторга. Никогда еще не говорилъ съ нею такъ долго ея прославленный учитель. Онъ уже шелъ впередъ, какъ всегда торопливо пробираясь между стѣнками и стульями многолюдной „женской" мастерской, а Надя тихонько опустилась на стулъ, мысленно выражая надежду, что не всѣ слышали расточаемую ей похвалу.

„Только бы моя американочка не слыхала"!—думала она тревожно.

Но ея пріятельница „американочка" (на цѣлую голову выше нея ростомъ) ужъ и безъ того достаточно была разочарована въ своемъ дарованіи и съ трагическимъ постоянствомъ цѣплялась за послѣднія его крупицы. Эльфрида, конечно, все слышала, потому что жадно ловила каждое слово Люсьена, обращенное къ ея сосѣдкамъ по мастерской. Увидя, что онъ унесъ картину внизъ показать „мужчинамъ",—этимъ полу-звѣрямъ, картины которыхъ онъ часто поднималъ къ нимъ наверхъ, поученія ради,—американка такъ страшно побѣднѣла, что ближайшая изъ ученицъ, шведка съ соломеннаго цвѣта волосами, спросила:—не дурно ли ей?

— Это все проклятая печка виновата! — говорила она и подставляла сосѣдкѣ подъ носъ свой карманный флакончикъ солей.—И вѣчно ее черезчуръ нажарятъ!

Эльфрида рукой отвела прочь флаконъ: Люсьенъ шелъ уже мимо нея. Невольно она встала, заслыша его неопредѣленный возгласъ: — Гм!

Ея движеніе его остановило. Онъ слегка сдвинулъ брови и посмотрѣлъ еще разъ на ея рисунокъ, запустивъ руки въ карманы.

— Надо васъ посадить поудобнѣе, mademoiselle; здѣсь вы ничего не добьетесь, такъ близко отъ „натуры".

Какъ ни старался онъ избѣгать ея взглядовъ, а все-таки одинъ изъ нихъ—особенно умоляющій—заставилъ его продолжать; но онъ ужъ началъ раздражаться.

— Mademoiselle! Все равно, ничего новаго я вамъ не скажу. Ваша манера писать слишкомъ женоподобна, хоть краски и красивы; но, sapristi, вѣдь вы же проработали у меня цѣлый годъ!.. А все-таки, если принять во вниманіе ваше неудобное мѣсто... плечи еще вовсе не такъ дурны... Continuez, mademoiselle, continuez!

Digitized by Google

Не отрывая глазъ отъ работы, Эльфрида сѣла и продолжала водить кистью по полотну; но румянецъ стыда разгорался у нея на щекахъ.

Люсьенъ уже стоялъ около шведки и круто выговаривалъ ей за то, что ему „приходится въ ней разочароваться"...

„А я-то! *Я* никогда не могла бы его *раз*-очаровать"!—съ горечью въ сердцѣ думала она и всѣми силами старалась подавить въ себѣ чувство глубокой обиды, которое ее душило: она не могла не замѣтить, что Надя Палѣцкая нарочно дѣлала видъ, что смотритъ въ окно, лишь бы не дать замѣтить подругѣ, что она все видѣла и слышала прекрасно. Еслибы Надя засмѣялась прямо ей въ лицо, Эльфридѣ, кажется, это показалось бы менѣе обидно!

Цѣлый годъ миссъ Эльфрида Белль жила уже въ Парижѣ, въ знаменитомъ Латинскомъ кварталѣ, и какъ ни дико было ей очутиться среди такихъ странно упрощенныхъ нравовъ, она все же не безъ любопытства присматривалась къ нимъ. Мало того, съ бѣдностью и своеобразно кипучей трудовой дѣятельностью учащейся молодежи она освоилась уже настолько, что ей казалась эта жизнь вполнѣ естественной и понятной. Жизнь же въ Спартѣ, наоборотъ, уже окончательно перестала манить ее обратно: до того она ей казалась теперь бѣдной и безцвѣтной. Все ея вниманіе, весь интересъ, были сосредоточены на живописи, на кипучемъ трудѣ, котораго она требовала на первыхъ порахъ. И это время было дѣйствительно самымъ блестящимъ для нея. Ученица она была образцовая, а ея умѣнье быстро схватывать и усвоивать сказанное преподавателемъ не только поражало всѣхъ окружающихъ, но и ее убѣждало въ существованіи въ ней нѣкоторыхъ способностей къ техникѣ живописи; въ этомъ могла ей позавидовать даже Надя Палицкая, которую такъ хвалилъ Люсьенъ. И она, эта Надя, была тоже не такая, какою казалась на первый взглядъ; несмотря на свой блѣдненькій и тихій видъ, она была вполнѣ дитя Латинскаго квартала.

Однажды, бросивъ Эльфридѣ взглядъ какъ-то искоса, она рѣшила ей признаться и вдругъ окликнула ее, пуская клубы дыма изъ своей папироски:

— А что, petite, ужъ не пора ли мнѣ признаться вамъ, что я... Никому это неизвѣстно, даже нашему Люсьену: тотъ ужъ навѣрное поднялъ бы на смѣхъ! Я... у меня есть сожитель, un brave garçon! Мы съ нимъ рѣшили сообща, что бракъ — нелѣпость и жениться было бы смѣшно. Вы его знаете, конечно; но еслибы это вамъ было не все равно...

Digitized by Google

— Absolument égal!—поспѣшно, полная гражданскаго мужества, возразила юная американка и впослѣдствіи съ особеннымъ самодовольствомъ вспоминала, что даже не измѣнилась въ лицѣ при такомъ неожиданномъ открытіи.

Другая шероховатость на общемъ фонѣ ея ровной, однообразной трудовой жизни касалась единственно ея работы. Эльфрида почему-то была убѣждена, что Люсьенъ, еслибы поговорилъ съ нею немножко, — посмотрѣлъ бы иначе, а не поверхностно, на ея картины. Ей казалось, что онъ просто недостаточно вникаетъ въ мелочи, которыя и составляли въ ея глазахъ достоинство ея работы; ей хотѣлось вѣрить, что въ ней есть задатки истиннаго таланта; она была готова стоять за нихъ горой.

Классы окончены; пора и по домамъ. Но Эльфрида спѣшитъ пробраться къ Надѣ, которая нарочно стоитъ въ кучкѣ товарищей и подругъ, чтобъ только ея *американочка* не заговорила съ нею.

— Послушайте, Палѣцкая!—и американочка уже трогаетъ ее за локоть: — Пойдемте мы вмѣстѣ пообѣдать... Ну, хоть къ Babaudin: тамъ вкусно кормятъ. И шампанское будетъ, и вашъ André вмѣстѣ съ вами.

— Ну, зачѣмъ къ Babaudin? André говоритъ, что тамъ дорого и общество не изъ лучшихъ.

— Вотъ еще, пустяки! Вовсе не такъ ужъ дорого, а общество тамъ—англичане, которые ведутъ себя вполнѣ благопристойно. Не безпокойтесь: я при деньгахъ, право. Идемъ поскорѣй, да не тревожьтесь!..

Надя заглянула ей въ лицо и весело разсмѣялась въ знакъ согласія.

„Знаю я, въ чемъ штука,—думала она:—моя американочка начинаетъ понимать, чего ей, при всемъ ея стараніи, не хватаетъ. Ей хочется теперь, чтобъ я ей помогла распутаться въ ея догадкѣ... Ну ужъ нѣтъ, извините! Лучше направлю я ее къ Джону Кендалю: тотъ хоть убьетъ ее, а только не солжетъ. Чего только не принесутъ въ жертву своей совѣсти эти англичане“!

„Три мѣсяца еще, только три мѣсяца!—разсуждала сама съ собой Эльфрида, наблюдая въ то же время за яйцомъ, которое варилось въ смятку на миніатюрной керосиновой кухонкѣ.—Три мѣсяца поработать покрѣпче, а тамъ—прежде чѣмъ Кендаль успѣетъ уѣхать, я узнаю непремѣнно его мнѣніе! Что, если у него такъ

Digitized by Google

же мало найдется для меня утѣшительнаго, какъ вчера вечеромъ у Нади?.. А, вотъ и письма"!

Въ дверь постучались и подали... одно единственное письмо; и, собственно говоря, даже не подали, а просунули снизу, изъ-подъ двери. Эльфрида подняла его и вскрыла конвертъ, радуясь заранѣе присылкѣ обычной суммы денегъ; тѣмъ болѣе, что за этотъ мѣсяцъ она успѣла задолжать (о, сущую бездѣлицу: какихъ-нибудь пятьдесятъ франковъ), а должать она страшно не любила. Но въ открытомъ конвертѣ не оказалось обычнаго банковскаго билета; ничего, кромѣ четырехъ мелко-исписанныхъ страничекъ. Это писала миссисъ Лесли.

Эльфрида знала, что пропусти она еще хоть полминуты — и яйца перейдутъ, а крутыхъ она совсѣмъ не ѣла. Поэтому она сначала отложила въ сторону письмо и занялась яйцомъ. Завтракъ ея былъ весь тутъ, на столѣ: золотистое абрикосовое варенье въ старинномъ синемъ блюдечкѣ; молочный хлѣбецъ къ кофе и масло; ароматный кофе... И кушала Эльфрида не безъ эстетическаго наслажденія.

Прошло полчаса и—Эльфриду не узнать: рѣшительно трудно было себѣ представить, чтобы она могла до такой степени вдругъ подурнѣть!

Молча, насупившись, сидѣла она неподвижно, и глаза ея выражали не то страхъ, не то какое-то ожесточенное упорство; между бровей явились глубокія морщинки, губы подобраны, ротъ опустился; поворотъ шеи, головы—рѣзкій и неизящный; руки вытянуты впередъ, на колѣняхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она все прочла, она не шевельнулась.

Вѣсти были не изъ веселыхъ: страховое общество „Иллинойсъ" лопнуло, м-ръ Белль разоренъ и высылать дочери больше ничего не можетъ; мать увѣдомляла ее, что запоздавшая получка будетъ, по возможности, увеличена, но за то она будетъ уже послѣдняя и должна будетъ хватить на переѣздъ обратно. Впрочемъ, не это огорчало Эльфриду. Ей было обидно за своихъ стариковъ при мысли, что имъ, конечно, придется выѣхать изъ своего дома на Коксъ-Стритѣ. Обидно и то, что мать (бѣдная идеалистка!) все еще вѣрила въ ея талантъ и высказывала надежду, что, даже живя въ своемъ „простоватомъ", но родномъ Иллинойсѣ, Эльфрида будетъ развивать свои разностороннія дарованія.

„Бѣдная мама! Какъ она въ нихъ вѣритъ!—подумала дочь: —надо еще, чтобы я сначала доказала, что они у меня есть"!

Невольно ея взглядъ упалъ на нумеръ газеты „Спарта", въ которомъ, много мѣсяцевъ тому назадъ, стараніями м-ра и миссисъ Белль,

Digitized by Google

было напечатано почти все цѣликомъ ея письмо изъ Парижа. Горькая улыбка скользнула по ея губамъ.

„Только мои милые старички могли вообразить, что у меня есть талантъ и къ печатному слову! — подумала она.—А впрочемъ... вотъ вѣдь Франкъ Паркъ, парижскій корреспондентъ „Циферблата“ какъ-то разъ въ обществѣ намекнулъ мнѣ вскользь, что я, пожалуй, могла бы писать“...

И ея самолюбіе уже нашептывало ей предположеніе, что можетъ быть и есть, на самомъ дѣлѣ, на это основаніе, если такъ выразился такой извѣстный публицистъ, послѣ какого-нибудь получасового разговора съ нею?

„Въ сущности, пожалуй, и двадцати минутъ не длился этотъ разговоръ, и могу ли я на немъ основывать свои надежды?— возражала Эльфрида сама себѣ:—журналистика такое же искусство въ своемъ родѣ, какъ и всякое другое, какъ моя живопись, которая для меня священна, и посягать на него, съ цѣлью извлечь личную для себя пользу, я не имѣю права“.

Вотъ въ силу какихъ разсужденій Эльфридѣ пришлось вступить въ сдѣлку со своей совѣстью, когда она рѣшилась все-таки попытать счастія на этомъ новомъ поприщѣ. Она прямо направилась къ кафе, въ которомъ, какъ всѣмъ было извѣстно, ежедневно обѣдалъ Франкъ Паркъ, англичанинъ по происхожденію, но гордившійся тѣмъ, что его принимали за американца и даже за чистокровнаго нью-іоркца.

— Monsieur! — начала, подходя къ нему, молодая дѣвушка, хотя и не собиралась вести разговоръ на французскомъ діалектѣ. Ей просто казалось наиболѣе умѣстнымъ обращеніе: Monsieur, какъ наиболѣе растяжимое и подходящее къ мужчинамъ всѣхъ возрастовъ и національностей.

— А! миссъ Эльфрида! Радъ васъ видѣть!—перебилъ онъ ее, здороваясь одной рукою, а другой вынимая часы и справляясь по нимъ.—Я счастливъ, что могу вамъ удѣлить цѣлыхъ пятнадцать минутъ: долженъ спѣшить къ министру, который, конечно, хоть самого чорта заставитъ быть аккуратнымъ. Пойдемъ пѣшкомъ, пройдемся или поѣдемъ?.. Ну, чѣмъ могу служить?

Мысленно онъ уже рѣшилъ, что деньгами и даже прикинулъ приблизительно сумму, которою онъ можетъ снабдить это „милое дитя“. Это „приблизительно“ равнялось половинѣ того, что выклянчила у него mademoiselle Кнайкъ, тоже ученица-художница. Онъ вообще любилъ слыть щедрымъ и любезнымъ въ художественныхъ мастерскихъ.

Между тѣмъ Эльфрида не выказывала, да и не чувствовала ни

Digitized by Google

тѣни той стыдливой неловкости, которая весьма естественна въ вышеприведенномъ случаѣ. Она собралась съ мыслями, собралась съ духомъ и твердо начала:

— Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ сентябрѣ, у Нади Палицкой (вы, конечно, забыли, и это весьма понятно), вы мнѣ сказали, что я могла бы попробовать... писать.

Убѣдительная серьезность ея тона тронула его.

— Прекрасно помню!—проговорилъ онъ.

— Je m'en félicite! Я не смѣла надѣяться... Обстоятельства такъ сложились, что я должна или писать, или стирать. Но стирка портитъ руки и вдобавокъ не даетъ такого заработка. Вотъ я пришла просить васъ сказать мнѣ откровенно, серьезно ли вы тогда говорили, или нѣтъ? Знаю, что это съ моей стороны ужасная неловкость приставать, но вы же понимаете, что я иначе не могу!

Ея большіе темные глаза смотрѣли на него съ такой твердостью, какъ будто бы Эльфрида въ этомъ взглядѣ хотѣла выразить свою неустрашимость передъ волею судьбы, а эта судьба была не кто иной, какъ онъ—Франкъ Паркъ.

— О, да, совсѣмъ серьезно!—проговорилъ онъ, подумавъ:— По тому, какъ человѣкъ говоритъ, можно часто съ достовѣрностью сказать, есть ли у него способности къ литературному труду. Но для этого надо взвѣсить еще много другихъ условій.

— Знаю, знаю! И, вдобавокъ, надо имѣть что-нибудь сказать и умѣть передать это въ интересной формѣ. Въ этомъ отношеніи я за себя не могу поручиться. Но въ журналистикѣ, вѣроятно, должна же быть своего рода черная работа; не пригодилась бы я на нее?

— Все-таки, это не такое дѣло, въ которое вы можете пуститься очертя голову,—отрывисто прозвучалъ отвѣтъ.—Пробовали вы когда-нибудь хоть что-нибудь писать въ газетахъ?

— Одну или двѣ замѣтки въ нашей мѣстной газетѣ.

— И вамъ за нихъ уплатили гонораръ?

Эльфрида отрицательно качнула головою.

— Ну, вотъ видите!.. Въ томъ-то и штука.

— Я бы хотѣла писать хронику для „Raffini“,—порывисто начала дѣвушка. — Вы знаете издателя, конечно; вы со всѣми знакомы... Не замолвите ли за меня словечко? Скажите также, что я согласна работать за полцѣны и постараюсь писать какъ можно занятнѣе.

Журналистъ усмѣхнулся.

— Вы, право, очень смѣлый человѣкъ, миссъ Эльфрида! Эту работу исполняетъ у нихъ женщина, которая бываетъ лично

Digitized by Google

приглашена всюду и всегда и знаетъ „tout Paris“, какъ свои пять пальцевъ. Она, кажется, участница въ изданіи, да впрочемъ и безъ того издатели скорѣе согласились бы удвоить ея гонораръ, нежели взять другую и лишиться ея сотрудничества. Вамъ было бы легче оттягать мѣсто автора передовыхъ статей.

— Мнѣ было бы жаль „оттягать“ у кого-либо что бы то ни было!—съ достоинствомъ возразила миссъ Белль.

— А какъ же иначе, если вы намѣреваетесь дѣлать ту же работу, но лучше и дешевле, чѣмъ другіе?

Эльфрида призадумалась на мигъ и въ знакъ полной своей невиновности въ злостныхъ замыслахъ передернула плечами.

— Ну, тогда научите, что мнѣ дѣлать?—спросила она.

Въ глубинѣ души просвѣтитель американскихъ подписчиковъ „Циферблата“ искренно пожалѣлъ, что вопросъ идетъ не о займѣ какихъ-нибудь двухсотъ или трехсотъ франковъ.

— Къ сожалѣнію, я, право... я не вижу, какой собственно совѣтъ могъ бы вамъ пригодиться. Но... но развѣ вы оставили Люсьена?

— Нѣтъ. Только мнѣ... приходится теперь самой добывать средства, чтобъ платить ему.

— О!.. Изъ дому не высылаютъ?

— Мои родные потеряли все свое состояніе и сами могутъ только едва-едва существовать.

— Да!.. Это не легко!

— Мнѣ это очень, очень больно; но этого мало! Я должна чѣмъ-нибудь помочь и не быть хоть въ тягость своимъ старикамъ. Работаетъ же въ главной газетѣ женщина и даже болѣе, чѣмъ недалекая, право; а платятъ ей, ну, страсть—какъ дорого!

— Я не хочу васъ огорчать, но, право, вамъ много опытности еще не хватаетъ для настоящаго репортерства; чтобы писать бойко о парижской жизни, вамъ пришлось бы еще лѣтъ пять знакомиться съ нею поближе, нежели вы успѣли познакомиться до сихъ поръ. Да и то вамъ пришлось бы (не забудьте!) соперничать съ людьми болѣе опытными и уже составившими себѣ извѣстность... Если жъ я могу вамъ помочь, „en camarade“... напримѣръ, чтобъ доѣхать домой...

— Благодарю; но я не собираюсь! Если нельзя писать, буду стирать или дѣлать что-нибудь такое,—Эльфрида протянула ему руку: — мнѣ кажется, ужъ вамъ немного остается изъ вашихъ пятнадцати минутъ. Благодарю васъ за... за постоянство въ вашемъ мнѣніи, хоть оно и было вами высказано лишь съ теоре-

Digitized by Google

тической точки зрѣнія. Когда мнѣ, наконецъ, удастся чего-нибудь добиться, я вамъ сообщу.

Довольно смущенно поглядывалъ знаменитый корреспондентъ на свои часы.

— Еще поспѣю,—процѣдилъ онъ сквозь зубы:—знаете, что я вамъ скажу? Сколько времени дѣло терпитъ?

— Да не больше недѣли.

— Ну, такъ вотъ что. Попробуйте что-нибудь написать и какъ только съумѣете живѣе; доставьте мнѣ денька этакъ черезъ три, а я посмотрю — нельзя ли будетъ помѣстить въ „Raffini". Конечно (понимаете?) я не могу ручаться, что они прочтутъ непремѣнно...

— Какъ вы добры! — воскликнула Эльфрида, видя, что ему и въ самомъ дѣлѣ пора торопиться. — Такъ что-нибудь въ родѣ жизнеописательныхъ картинокъ? Мнѣ думалось иногда, что наша мастерская была бы подходящей тэмой...

— Прекрасно! Да, прекрасно! Только берегитесь личностей и тому подобнаго. „Raffini" не долюбливаетъ ничего щекотливаго для другихъ... А пока—до свиданія!.. Эй, извозчикъ!..

III.

Товарищи-художники во всемъ и всегда подчинялись мнѣнію Кендаля; въ одномъ только они съ нимъ не могли согласиться. Онъ проработалъ больше трехъ лѣтъ у Люсьена, получилъ на выставкѣ двѣ медали, удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ критики и печати, а все-таки неутомимо повторялъ, что истый англичанинъ по совѣсти обязанъ вернуться на родину, писать свою, родную, англійскую природу и выставлять свои картины въ англійской академіи художествъ.

— Я его понимаю, — говаривалъ не разъ Андрэ Ванберѣ, пріятель Палицкой.—И для насъ, художниковъ, нѣтъ иного отечества, кромѣ *„Франціи милой"*. Но мнѣ также досадно, что свой талантъ, свой выдающійся талантъ онъ въ концѣ концовъ будетъ тратить понапрасну на пресловутые виды англійской природы, на которые я не могу взглянуть безъ того, чтобы не перевести мысленно каждую пядь земли на деньги. Очень ужъ практичный народъ эти англичане!

Но когда сдѣлалось окончательно извѣстнымъ, что Джонъ Кендаль уѣзжаетъ въ февралѣ и въ этомъ году ничего не пошлетъ на выставку въ „Salon",—всѣ его друзья и товарищи

Digitized by Google

(они же горячіе почитатели его таланта) просто волосы на себѣ рвали отъ горя и отчаянія.

Парижъ и его легкомысленные нравы мало имѣли вліянія на строго-выдержаннаго британца. Невозмутимо относился онъ къ ихъ наружному отчаянію и внутреннему довольству, что опасный соперникъ сходитъ прочь съ дороги. Одинъ только Люсьенъ плакалъ совершенно искренними слезами, умоляя своего любимца не покидать его. Тѣмъ болѣе суровый бриттъ не считалъ себя вправѣ сживаться съ народомъ, которому такъ легко даются слезы.

— Моя обязанность—смотрѣть на жизнь серьезно! — напоминалъ онъ подчасъ самъ себѣ, какъ бы боясь возможности увлечься обратнымъ.

Еслибъ онъ дольше остался въ Парижѣ, весьма возможно, что вліяніе Люсьена отчасти сказалось бы на немъ; онъ сдѣлался бы знаменитымъ художникомъ-реалистомъ и даже, чего добраго, писателемъ-беллетристомъ. А пока что, его главнымъ удовольствіемъ было—изучать людей, по возможности избѣгая съ ними особой близости.

Не было ея и въ отношеніяхъ его къ Эльфридѣ Белль; а между тѣмъ всѣ видѣли, что онъ особенно охотно бесѣдуетъ съ нею по-товарищески. И это ее радовало; она гордилась тѣмъ, что именно съ нею находилъ о чемъ поговорить это свѣтило мастерской знаменитаго Люсьена. Она высоко ставила его, какъ даровитаго художника; какъ о человѣкѣ вообще, — она думала съ улыбкой, что онъ, по всей вѣроятности, не лучше и не хуже другихъ!

Если она вызывала въ немъ менѣе восторженныя чувства, то вѣроятно потому, что онъ привыкъ къ поклоненію женщинъ. Однако все, что онъ зналъ или слышалъ про Эльфриду, было ему симпатично. Ему нравилось, что она сторонилась свободныхъ нравовъ и обычаевъ Латинскаго квартала; нравилось, что она съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ цѣлыхъ три недѣли ходила за Надей Палѣцкой, когда та лежала въ дифтеритѣ; нравилось, наконецъ, водить съ нею дружбу на правахъ добраго товарища-художника и „птицы небесной“, — какими здѣсь были почти всѣ учащіеся. Многія набивались къ нему въ друзья; но ясно было, что съ ихъ стороны это лишь притворство и разсчетъ; Эльфриду же онъ считалъ вполнѣ чистосердечной.

Что же касается успѣховъ „американочки“ въ живописи, то за послѣднее время Люсьенъ нашелъ бы ея работу ниже всякой критики, еслибы ему вздумалось обратить на нее вниманіе. Эльфрида вся была поглощена своимъ новымъ занятіемъ и, разма-

Digitized by Google

шисто водя кистью по холсту, только о томъ и думала, какъ бы уйти изъ мастерской пораньше да взяться за перо, на которое возлагала теперь свои главныя надежды. Въ такихъ заботахъ она даже не особенно чувствовала невниманіе къ ней Люсьена, и за нее гораздо больше обижалась Надя. Воображеніе Эльфриды, между тѣмъ, работало усердно, и, сначала несмѣлая, она настолько уже расхрабрилась, что успѣхъ казался ей несомнѣннымъ.

Ей живо представлялись ея „бойкія строки“ на столбцахъ (цѣлыхъ два съ половиной: она ужъ разсчитала!) „Raffini“. Ей уже слышались возгласы удивленія парижскихъ американцевъ:

— Кто это пишетъ?.. Кто бы это могъ быть?

Въ субботу, когда, отославъ свою первую пробу, она уже была поглощена второй, она вышла изъ мастерской вмѣстѣ съ Кендалемъ и, вмѣстѣ съ нимъ направляясь домой, только и думала:

„Какъ бы мнѣ имъ хорошенько отвѣтить, если будутъ допытываться“?—А Кендаль, который замѣтилъ уже не сегодня, что работа Эльфриды намалевана ниже всякой критики, шелъ молча рядомъ съ нею и мысленно радовался, что она не мучаетъ его своими разспросами: чего ей въ живописи не хватаетъ? какъ это уже было съ нимъ разъ или два.

„Нѣтъ, слава Богу, она занята совсѣмъ другимъ“!—думалось ему, слушая оживленную болтовню „американочки“ о совершенно постороннихъ предметахъ: о балахъ, о палатѣ депутатовъ, о новомъ посланникѣ и т. п.

Дойдя до дому, Эльфрида радушно пригласила его зайти къ себѣ, и онъ не могъ удержаться, чтобы не придти въ такой же искренній восторгъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, при видѣ необыкновенно привлекательной и изящной обстановки ея скромной квартирки, которая поражала своей уютностью даже въ отсутствіе ея хозяйки.

Въ то время, какъ онъ молча задумался, эта самая хозяйка обратилась къ нему съ вопросомъ:

— А какъ вамъ кажется: неужели человѣчество дѣйствительно начинаетъ вырождаться?

Кендаль вскочилъ на ноги и, мигомъ очнувшись, сталъ прощаться, говоря:

— Ну, это вы, значитъ, начитались старыхъ-престарыхъ нумеровъ „Nineteenth Century“!

Эльфрида пообѣщала вернуться къ обычнымъ тэмамъ будничнаго разговора, и онъ усѣлся, совершенно успокоенный, на мѣсто.

Digitized by Google

— Смотрите, что за прелесть почеркъ у этой княгини Бабаловой!—замѣтила она, подавая ему изящную записку.—Это приглашеніе на вечеръ, но, конечно, я не пошла.

— Приглашеніе? Такъ это она не сама писала: это почеркъ ея бѣдной родственницы-приживалки, которая пишетъ за нее все, что слѣдуетъ. Позволите ли закурить?

— Курите, пожалуйста... Надо вамъ сказать,—продолжала она, вспыхнувъ,—что я получила туда приглашеніе черезъ нашу общую товарку, богачку ванъ-Кампъ: она очень дружна съ княгиней... И вообще балы не въ моемъ вкусѣ.

— Еслибъ я зналъ, что вы должны тамъ быть, мнѣ было бы очень чувствительно ваше отсутствіе.

— Благодарю. А было весело? Или хоть интересно?

— Ничего себѣ. Были и знаменитости, Лоти, Саржанъ и другіе.

— И ужинъ былъ?—саркастически спросила миссъ Белль.

— Одно разочарованіе! Плохъ, какъ только можно себѣ вообразить!

— Положимъ, и Лоти, и всѣ знаменитости тоже не пошли бы, еслибъ возможно было этого избѣжать. Но они не принадлежатъ себѣ: ихъ жизнь—достояніе общества. Вотъ и вы уже себѣ не принадлежите, вы *должны* были тамъ показаться, вы уже становитесь знамениты.

Лицо Кендаля вытянулось. Онъ не могъ допустить, чтобы подобныя вещи говорились въ лицо безъ намѣренія польстить; ему, какъ чопорному англичанину, это и въ голову не приходило.

— Нѣтъ, я шелъ туда единственно въ надеждѣ на хорошій ужинъ и на пріятное общество...—возразилъ онъ довольно сдержанно.

— А не забыли вы, что я давно ужъ возлагаю большія надежды на ваше искреннее мнѣніе?—подхватила Эльфрида.

— Я думаю, что нѣтъ, что долженъ бы о нихъ не забывать...—проговорилъ Кендаль.—Мнѣ кажется, собственно говоря, жаль, что вы тратите и силы, и старанье на работу здѣсь, когда вамъ болѣе подъ стать были бы другія...

— Объ этихъ *другихъ* смутно намекали мнѣ уже не разъ и прежде, но что именно *вы* считали бы этимъ *другимъ*?—спросила молодая дѣвушка, съ трудомъ стараясь скрыть волненье въ голосѣ.

Джонъ Кендаль уже раскаявался, что началъ.

Digitized by Google

— Я собственно не знаю, что̀ именно такое; но что-нибудь да должно же быть!—болѣе твердо заключилъ онъ.

Эльфрида оперлась локтями на столъ и опустила на руки лицо, такъ чтобы скрыть его отъ зоркихъ взглядовъ гостя.

— Но вотъ что̀ хотѣлось бы уяснить себѣ,—тихо начала она:—почему же я такъ охотно, съ такимъ горячимъ рвеніемъ продолжаю работать, не щадя никакихъ жертвъ, ни трудовъ, если... если мои труды, все равно, безнадежны?

Настроеніе Кендаля опять увлекло его въ сторону полной откровенности, и это придало ему неожиданную рѣшимость.

— Мнѣ кажется, я знаю почему,—сказалъ онъ, не сводя съ нея глазъ.

Эльфрида опустила руки на столъ и молча перевела на него свой напряженный взглядъ.

— Вамъ хочется вѣдь не усовершенствоваться, а имѣть успѣхъ!—продолжалъ онъ.

Въ комнатѣ водворилось полное молчаніе.

Его прервали легкіе шаги и стукъ въ дверь. Вошла Палѣцкая, въ какой-то оригинальной курткѣ, которая была бы уродлива на всякой другой, но Палицкая сама была прелестна и сіяла улыбкою и внутреннимъ довольствомъ.

— C'est parfait!—проговорилъ съ поклономъ англичанинъ, какъ бы отдавая дань совершенству ея костюма.

— Monsieur всегда шутитъ! Monsieur вѣчно расположенъ шутить!—замѣтила Надя.—Но то, что̀ я сейчасъ скажу, вы примете серьезно.

— Вотъ какъ! Что̀ же это такое, Надя?—заинтересовалась и Эльфрида, но въ душѣ чувствовала нѣкоторую тревогу: до того торжественъ былъ ликующій видъ ея подруги.

— Ecoutez!—возгласила та.—Въ этомъ году я посылаю въ „Салонъ“ двѣ картины, и мнѣ сказали, что безъ сомнѣнія,—безъ *всякаго* сомнѣнія!—онѣ будутъ замѣчены... Ну, поздравляйте, что же вы? Не то я вамъ задамъ! Честное слово, я и не думала дождаться такъ скоро, въ этомъ же году.

— Тысяча поздравленій и одно!—отозвался Кендаль, избѣгая глядѣть на Эльфриду.—Если вы не думали объ этомъ, то повѣрьте, mademoiselle, вы были единственная, ничего не понимавшая въ вашей работѣ!—весело закончилъ онъ.

— Ну, а затѣмъ прощайте! Поѣду прокатиться въ Булонскомъ лѣсу и постараюсь представить себѣ заранѣе картину, какъ это будетъ, когда изящные наѣздники и богачи будутъ указывать другъ другу на меня и говорить: — Смотрите, смотрите!

Digitized by Google

Это Палѝцкая! ея картина куплена на выставкѣ для дворца въ Люксембургѣ!..

Она умолкла и, взглянувъ попристальнѣе на свою подругу, забѣжала позади кресла, на которомъ та сидѣла.

— Embrasse-moi, chérie! — съ дѣтской игривостью попросила она, приникая, какъ птичка, своимъ лицомъ къ лицу Эльфриды.

Кендаль замѣтилъ, какъ это ни было мимолетно, нервное движеніе со стороны Эльфриды, которая оттолкнула подругу:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—порывисто воскликнула она. Что̀ за ребячество! Мы съ вами никогда вѣдь не цѣлуемся. Ну да, понятно, я очень, очень за васъ рада! Только теперь у меня мигрень, понимаете, мигрень! и я васъ обоихъ, обоихъ прошу уйти, оставить меня одну!..

Въ голосѣ ея былъ чисто-истеричный оттѣнокъ, и гости въ самомъ дѣлѣ поспѣшили удалиться. Спускаясь внизъ по лѣстницѣ, Надя замѣтила Кендалю.

— Очевидно, она хотѣла добиться отъ васъ правды и добилась? Будемъ надѣяться, что она не бросится въ Сену!

— О, нѣтъ! Какъ ей ни больно, все-таки я радъ, что въ ней нѣтъ склонности разыгрывать трагедію,—довольно мрачно возразилъ англичанинъ.—Ей, вѣрно, кто-нибудь ужъ не сегодня высказалъ всю правду.

Какихъ-нибудь полчаса спустя, Эльфрида получила письмо отъ м-ра Парка, а вмѣстѣ съ нимъ и большой пакетъ съ рукописью.

Письмо было длинное, внимательное, ласковое и весьма сочувственное по отношенію къ достоинствамъ перваго писательскаго опыта молодой дѣвушки.

„Я предложилъ его „Raffini“,—писалъ онъ,—и они, по моей рекомендаціи; конечно, могли бы его напечатать. Но, очевидно, и этой рекомендаціи недостаточно для того, чтобы заставить ихъ заплатить за него. А по моему, что̀ сто̀итъ появленія въ печати, то сто̀итъ и денежнаго вознагражденія. Итакъ, я возвращаю вамъ рукопись съ пожеланіемъ ей бо̀льшаго успѣха въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ я не сомнѣваюсь! Но я не забылъ нашего разговора и думаю, что могу осмѣлиться высказать вамъ свою мысль. Здѣсь, въ Парижѣ, слишкомъ большая для васъ конкурренція; въ Лондонѣ вы скорѣе чего бы нибудь добились: тамъ множество газетъ и журналовъ, издаваемыхъ дамами (жаль только, что не знаю никого изъ нихъ!); тамъ вашъ оригинальный и живой

Digitized by Google

слогъ найдетъ должную оцѣнку. Повѣрьте мнѣ, поѣзжайте въ Лондонъ,—тамъ вы скорѣе проложите себѣ дорогу".

На придачу, м-ръ Паркъ сообщалъ адресъ меблированнаго дома около Флитъ-Стрита, гдѣ она будетъ, такъ сказать, въ самомъ центрѣ печатнаго міра.

„Черезъ три мѣсяца я вернусь опять въ Парижъ, а теперь уѣзжаю, и надѣюсь, что вы любезно напишете мнѣ изъ Лондона сюда", стояло въ концѣ письма, которое въ общемъ достигло своей цѣли: оно ободрило бѣдную дѣвушку и убѣдило ее, что Франкъ Паркъ дѣйствительно считаетъ ее способной подвизаться на литературномъ поприщѣ.

„Рѣшительно незрѣло и преждевременно было съ моей стороны останавливать свой выборъ на живописи",—подумала она и машинально принялась мыть и складывать свои кисти и палитры, и только удивлялась, что ей такъ легко и просто досталось разставанье со своими многолѣтними мечтами...

Первымъ ея порывомъ послѣ того было тотчасъ же приняться за укладку, но она ее отложила до завтра, а вмѣсто того сѣла писать письма.

Первое изъ нихъ, коротенькое и своеобразное, было къ Джону Кендалю.

„Прошу васъ вѣрить въ мою искреннюю признательность за вашу откровенность. Мнѣ теперь самой странно, какъ я была до сихъ поръ слѣпа! Но я вполнѣ съ вами согласна: должно же быть для меня на свѣтѣ что-нибудь *другое*, и я постараюсь его найти! Если мои поиски увѣнчаются успѣхомъ, дамъ вамъ знать; но только никогда ужъ больше не представится вамъ случай указать мнѣ на какой-либо промахъ.

„Эльфрида Белль".

Второе—предназначалось „м-ру и миссисъ Белль, Спарта, Иллинойсъ", и когда дошло до нихъ, то они признали, что оно весьма симпатично и мило написано. (Впрочемъ, можетъ быть, имъ просто хотѣлось другъ отъ друга скрыть смутное сознаніе, что на послѣдней его страницѣ мало чувствовалось теплаго, дочерняго чувства).

„Въ виду того, что теперь ваши средства, какъ вы пишете, крайне ограничены, я увѣрена, милая мама, что вы вполнѣ поймете мое нежеланіе пользоваться ими, что было бы, конечно, неизбѣжно, если бъ я къ вамъ вернулась, согласно вашему письму. Я увѣрена, что могу прокормить себя, и потому предпочитаю пока не возвращаться домой. А для того, чтобы вамъ больше не да-

Digitized by Google

вать повода повторять вашъ напрасный призывъ, я такъ рѣшила, что лучше я до тѣхъ поръ не буду вамъ писать, пока мнѣ не удастся достигнуть совершенно независимаго положенія. Скажу вамъ только, что уѣзжаю изъ Парижа и что никакія письма не будутъ мнѣ доставлены по этому адресу. Всей душой надѣюсь, что вы не будете безпокоиться обо мнѣ; право же, увѣряю васъ, на это нѣтъ ни малѣйшаго повода!.. Любящая васъ обоихъ, ваша искренно преданная дочь Эльфрида.

„P. S. Надѣюсь, астма по-прежнему уступаетъ леченію д-ра Пэлэй?“

IV.

Въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ въ Лондонѣ къ улицѣ Флитъ-Стритъ, въ меблированномъ домѣ м-съ Джорданъ, въ одной изъ его многочисленныхъ комнатъ, былъ слышенъ безпорядочный шумъ и стукъ около третьяго часу ночи.

По этому шуму Эльфрида могла догадаться, что вернулся домой м-ръ Голайтли-Тиккъ изъ „Criterion“—ресторана, гдѣ онъ, еще начинающій актеръ, ужиналъ на счетъ уже давно утвердившейся на сценѣ актрисы Фелицы Фэнъ; ей было жаль его отъ души. Высокій, бѣлокурый, непонятый большинствомъ людей, этотъ джентльменъ былъ счастливымъ обладателемъ прямого и тонкаго носа, который какъ нельзя лучше гармонировалъ съ костюмомъ вельможи среднихъ вѣковъ. „Филли“ Фэнъ, какъ называла себя эта сердобольная особа, неоднократно ему повторяла и доказывала на дѣлѣ, что не было и не будетъ у него болѣе вѣрнаго друга, нежели Филли Фэнъ! И въ самомъ дѣлѣ: она замолвила за него слово директору театра; она же указывала на его маленькія роли репортерамъ, чтобы тѣ хоть словечкомъ его помянули. Она любезно посылала ему въ подарокъ какіе-нибудь пустячки, въ родѣ сигаръ, мыла, духовъ и т. п.

По мѣрѣ того, какъ стукъ кэба удалялся, шумъ около комнаты все возросталъ. При свѣтѣ своей тусклой свѣчи, скудно освѣщавшей ея чердачное помѣщеніе, Эльфрида писала, но тутъ она положила перо и прислушалась:

— Что за нелѣпый мальчишка! — прошептала она.—Онъ, кажется, намѣревается заночевать у себя въ каминѣ!

Положимъ, онъ былъ пьянъ, но все же не настолько, чтобы принять каминъ за свою постель. И, несмотря на свои слабости, онъ все-таки былъ настоящій джентльменъ; это знала Эльфрида съ самой той минуты, какъ м-ръ Тиккъ однажды вошелъ къ ней

Digitized by Google

незваный-непрошеный и, улыбаясь довольно-сконфуженной улыбкой, попросилъ у нея листокъ почтовой бумаги и конвертикъ, какъ бы извиняясь:

— Боюсь, что я—кочевая „богема"!

— Боитесь?—привѣтливо усмѣхнулась въ отвѣтъ Эльфрида. Этимъ она окончательно плѣнила своего новаго сосѣда, и между ними установились самыя дружественныя отношенія.

Впрочемъ, теперь, сидя одна въ своей комнаткѣ, нагнувшись надъ работой, она не особенно останавливалась мыслью на возвращеніи домой м-ра Голайтли. Да и не до того ей было! Въ комнатѣ, низкой, но довольно большой, было такъ холодно, что пальцы у Эльфриды коченѣли и судорожно сжимали перо; она сидѣла въ длинномъ пальто, а на ногахъ лежало выше колѣнъ теплое одѣяло. Оторвавшись на минуту отъ своей рукописи, молодая дѣвушка принялась ихъ растирать, чтобы согрѣть немного.

— Не бѣда!—вызывающе сказала она вслухъ и еще усерднѣе потерла пальцы.

Оттолкнувъ свои новые листы, она поглядѣла на кипу старыхъ рукописей и, на удачу выдернувъ оттуда двѣ-три страницы, пробѣжала ихъ глазами.

Съ особой лаской скользнулъ ея взглядъ по ихъ ровнымъ, красивымъ строкамъ.

„Желала бы я знать, почему ихъ нигдѣ не приняли?—думала она.—Сколько въ нихъ остроумнаго, правдиваго! И мѣткаго, оригинальнаго... да: *оригинальнаго*,—много такого, чего до тѣхъ поръ никто еще не говорилъ! Ну, право же, никто! А между тѣмъ, издатель „Аѳинянина" вернулъ мнѣ эту рукопись съ печатной благодарностью и отказомъ: на это у него есть готовые печатные бланки. „Десятилѣтіе" вернуло мнѣ,—но съ литографированнымъ отказомъ; это уже все-таки нѣсколько полегче. „Сторонникъ" говоритъ прямо, безъ обиняковъ: „съ благодарностью, возвращается рукопись такая-то".

Въ сущности, Эльфрида была не особенно опечалена этими отказами. Она была къ нимъ готова и не унывала: не удалось въ одномъ мѣстѣ, попробуемъ въ другомъ!

„Если они потрудились прислать мнѣ рукописи назадъ, то вѣрно ужъ онѣ достойны такого вниманія,—думала она.—Попробую статью, возвращенную „Аѳинянином", предложить теперь „Стороннику", а статью, побывавшую у „Сторонника"—„Десятилѣтію", и т. д."!

Собственно говоря, такія пробы и неудачи составляли какъ бы необходимую принадлежность и живописную сторону ея новой

Digitized by Google

жизни за эти послѣднія шесть недѣль пребыванія ея въ Лондонѣ. Она считала все-таки, что и такою жизнью стоитъ жить; что эта жизнь—жизнь борьбы и стремленій — удовлетворяетъ ея внутреннимъ потребностямъ: она живетъ сама для себя, въ себѣ и про себя! Нигдѣ и ни откуда, за эти шесть недѣль, ни проблеска надежды на успѣхъ: но считать себя побѣжденной, отступать—она и думать не хотѣла!..

Собравъ отдѣльные листки одной изъ отвергнутыхъ статей, Эльфрида сложила ихъ вмѣстѣ и, перечитывая, снова ободрилась, невольно увлекаясь бойкостью слога и любопытной тэмой. Ей вспомнилось, что Кендаль говорилъ, будто бы издателя газеты „Консулъ“ зовутъ: „Джорджъ Альфредъ Куртисъ“.

— Какъ же лучше надписать ему конвертъ? Просто: „г-ну издателю“, или выписать его имя полностью? Можетъ быть, скорѣе обратятъ вниманіе, если назвать его по имени: все-таки тамъ въ редакціи подумаютъ, что я хоть сколько-нибудь съ нимъ знакома? Или нѣтъ! Лучше ужъ просто, безъ фамильярностей— „издателю“, и конецъ! Это, пожалуй, даже какъ-то благороднѣе,— разсудила Эльфрида и съ облегченнымъ сердцемъ запечатала пакетъ.

Шелъ четвертый часъ ночи. Туманъ сгустился и сырость проникала въ комнату. Самоваръ, любезно отданный въ ея распоряженіе хозяйкой, со свистомъ усердно кипѣлъ и манилъ выпить горячаго чаю. Эльфрида погрѣла около него свои застывшія руки и съ аппетитомъ покушала сладкихъ сухариковъ, запивая ихъ горячимъ чаемъ. Затѣмъ, закуривъ папиросу, съ наслажденіемъ, углубилась въ чтеніе стараго-стараго, но милаго для нея письма, отъ котораго словно вѣяло свѣже-скошеннымъ сѣномъ полей Барбизона.

Складывая его, она коснулась губами его милыхъ строкъ и, словно оживая, подумала:

— Скоро... да, можетъ быть, скоро буду я въ состояніи смотрѣть спокойно на ликующее личико Нади Палѣцкой!..

На утро, по обыкновенію, въ опредѣленный часъ, въ дверь постучала трижды м-съ Джорданъ и у порога въ комнату Эльфриды на полу оставила ея завтракъ. Такого рода требованіе со стороны жилицы смущало эту почтенную особу. Положимъ, миссъ Белль ни съ кѣмъ не сближалась, ни съ кѣмъ не входила въ интимныя сношенія; но такая таинственность можетъ хоть кого смутить!

Digitized by Google

— Помилуйте!—восклицала м-съ Джорданъ, обращаясь къ м-ру Тикку, дверь котораго, наоборотъ, стояла всегда чуть не настежъ.—Да она вѣрно просто та самая героиня разводнаго процесса, которую никакъ не могутъ накрыть; иначе, чего бы бояться пускать къ себѣ въ комнату порядочныхъ людей? Тутъ что-нибудь да не спроста, смѣю васъ увѣрить! Да только нѣтъ, врядъ ли она та самая особа: вѣдь я глазъ не спускаю съ улицы и съ нашего подъѣзда, а никакого газетнаго репортера еще не видала. Безъ репортера же никакъ тутъ невозможно!.. А впрочемъ, ну ее! Мнѣ надоѣло голову ломать. Лишь бы она не вздумала въ одинъ прекрасный день тамъ, у себя за дверью, уморить себя съ помощью жаровни, какъ та бѣдняжка-поэтесса, что вчера стояла въ газетахъ!..

Эльфрида кончила свой завтракъ, и черезъ полчаса его убрали, такъ же постучавъ въ дверь, какъ и въ началѣ. Но прошло еще полчаса, и снова стукъ! Эльфрида догадалась, кто идетъ, и крикнула: войдите! Въ комнатѣ у нея было прибрано и чисто, мило, уютно, какъ она одна умѣла все устроить. Нигдѣ ни лифа не брошено, ни воротничка; вся обстановка своей аккуратностью отнюдь не давала предположить, что обладательница ея—женщина. Дверь осторожно отворилась, въ ней показался м-ръ Тиккъ и, осторожно подойдя къ столу, отвѣсилъ молодой дѣвушкѣ сценически-торжественный поклонъ.

— Простите, что обезпокоилъ! А вотъ и мое извиненіе.—И онъ подалъ ей письмо. На конвертѣ стоялъ штемпель „Георгіевской газеты“. Очевидно, отказъ; но Эльфрида поборола смущеніе и премило въ свою очередь извинилась:

— И вы изъ-за этого взбирались ко мнѣ!.. Ну, какъ сошло вчера?

— Въ общемъ, спектакль прелестный! Зала биткомъ набита, даже стояли; а ложи разбирались за недѣлю. Теперь я ужъ освоился со своей маленькой ролью и (насколько мнѣ кажется) былъ очарователенъ, какъ настоящій клэркъ Джемсъ Джонсъ. Какъ только я въ ударѣ, я забываю все и всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ своей роли... Но вотъ бѣда, мнѣ модный хлыщъ (по пьесѣ) предлагаетъ сигару и, какъ богатый, свѣтскій человѣкъ, долженъ бы, кажется, курить самую лучшую, а далъ мнѣ... препротивную! Я этого не ожидалъ, и *не могъ* ожидать, ну, за то... смутился! Прошу васъ, не стѣсняйтесь, можете прочитать при мнѣ.

— Благодарю, я и такъ знаю. Это мнѣ рукопись вернули.

— А мнѣ третьяго дня вернули мою пьесу, не читая! Я знаю это достовѣрно; я предварительно нарочно склеилъ двѣ-

Digitized by Google

три страницы такъ, чтобы нельзя ихъ было прочитать, не расклеивши. Онѣ такъ склеенными и вернулись!.. Только такимъ скотамъ и живется хорошо на свѣтѣ! Право же, миссъ Эльфрида!

— Не надо принимать все къ сердцу,—возразила та.

— Положимъ, очень ужъ противно окунуться въ грязныя струи воды подъ мостомъ Ватерлоо!..

— Нѣтъ, зачѣмъ же! У меня есть средство получше и вѣрнѣе; вотъ въ этомъ колечкѣ!—И она показала ему на свой мизинецъ, гдѣ красовался неуклюжій серебряный перстень съ четырехугольной серединкой.

— Боже мой! Ядъ?

— Да. Что жъ такое? Когда мнѣ будетъ уже не подъ силу терпѣть неудачи, я, вѣроятно, прибѣгну къ нему и умру тихо, безъ страданій. Въ Персіи еще дѣлаютъ такіе превосходные яды. Тутъ хватитъ на троихъ; если вамъ вздумается, м-ръ Тиккъ, я не прочь подѣлиться съ вами... А что, вы не возьметесь забросить мнѣ этотъ пакетъ въ почтовый ящикъ? Это рукопись „Консулу“.

— А, значитъ, адресовано Куртису? Ну, знаете, лучше подите вы сами: онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ, чему примѣръ даже моя кузина. Пишетъ она порядочную дребедень, а принимаютъ и печатаютъ исправно, потому что она прехорошенькая.

— Такая же хорошенькая, какъ я?—спросила просто изъ любопытства Эльфрида.

— Ну, нѣтъ! — горячо возразилъ онъ.—Говорю вамъ, по почтѣ это все равно, что швырнуть вотъ сейчасъ обратно на этотъ самый столъ!—и въ самомъ дѣлѣ, онъ швырнулъ пакетъ на столъ движеньемъ, полнымъ драматизма.—Пока вы еще не добились извѣстности, нельзя такъ разбирать!.. Ну, до свиданья; а все-таки, я вашего пакета не возьму!.. Кстати, нѣтъ ли у васъ тутъ лишней папироски?—и, поблагодаривъ, м-ръ Тиккъ удалился.

Эльфрида разсердилась на него.

„Парижскіе, разнузданные взгляды!.. Не люди, а скоты“!—думала она и принялась, однако, размышлять на гэму, такъ неожиданно заданную ей маленькимъ актеромъ.

Эльфрида не хотѣла передъ собой хитрить; не хотѣла усыплять своей совѣсти доказательствомъ, что совершенно невинный способъ—вручить рукопись издателю лично, а не по почтѣ,—что такъ дѣлаютъ всѣ... большинство! Наоборотъ, она сознательно разбирала всѣ неприглядныя стороны такого маневра и въ концѣ

Digitized by Google

концовъ, несмотря на всю свою мучительную пытливость, вынуждена была счесть этотъ маневръ въ порядкѣ вещей; вынуждена даже находить какое-то мучительное удовольствіе въ сознаніи, что и она, Эльфрида, если хочетъ добиться успѣха, должна этому порядку подчиниться.

Совершенно сознательно обдумывая и примѣряя, что̀ ей болѣе всего къ лицу, она одѣлась и пошла сама въ редакцію газеты „Консулъ".

Это было такъ близко, что, экономіи ради, можно было пройтись пѣшкомъ; погода, кстати, стала суше и яснѣе.

Входная дверь вела на лѣстницу. Тамъ было тихо и темно. Наверху—еще дверь, и на ней, на матовомъ стеклѣ, большими черными буквами стояло: „Консулъ". Эльфрида хотѣла постучаться, но раздумала и вошла безъ доклада.

Въ комнатѣ, пропитанной запахомъ свѣжихъ оттисковъ и пылью, цѣлыми годами лежавшей на рядахъ картонокъ и бумагъ, возсѣдалъ за конторкой низенькаго роста, круглый человѣчекъ,—очевидно, не издатель Джорджъ Куртисъ.

Его взглядъ не имѣлъ ничего привѣтливаго.

— Я къ м-ру Куртису,—начала миссъ Белль.

— Его здѣсь нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это жаль! Но когда же онъ будетъ?

— Бываетъ онъ здѣсь только разъ въ недѣлю, а часъ опредѣлить я не берусь и не имѣю права! Онъ *самъ* имѣетъ обыкновеніе назначать пріемные часы... особенно для дамъ!

Мѣра терпѣнія Эльфриды переполнилась, и она не могла ужъ больше вынести подленькой улыбочки круглаго человѣчка.

— Будьте любезны встать, когда я съ вами говорю!—строго и высокомѣрно сказала она.—Я пришла предложить издателю вотъ эту рукопись; судя по содержанію подобныхъ статей въ „Консулѣ", я думала, что моя какъ разъ подойдетъ...

— Да я тутъ не при чемъ...

— Нѣтъ, вы извольте заглянуть сюда! Извольте прочитать хотя двѣ-три строки!..—горячилась возмущенная дѣвушка.—Ну, поняли вы, что-ли?

— Конечно, это очень интересно, но...

— Ну, такъ смотрите же, поймите хорошенько!..—все такъ же горячо заключила Эльфрида и, очутившись за дверью, дала волю слезамъ.

Прислонившись къ холодной стѣнѣ, она плакала такъ, что все ея тѣло трепетало, и долго не могла успокоиться, продолжая

Digitized by Google

обмахивать свое пылавшее лицо своей злополучной рукописью. Прошло еще минутъ десять. Дверь отворилась, и передъ ней очутился самъ м-ръ Куртисъ. Ея трагическая красота бросилась ему въ глаза, растрогала его.

— Могу я вамъ чѣмъ-нибудь служить?—любезно приподнимая шляпу, спросилъ онъ.

— Ничѣмъ, благодарю!—не глядя на него, проговорила прекрасная незнакомка.—Вотъ развѣ вы будете такъ добры, пропустите меня,—и она мимо него вышла въ дверь...

На улицѣ было мокро; шелъ дождь. Эльфрида подобралась и не сдѣлала двухъ шаговъ, какъ въ ужасѣ хватилась за карманъ: ея кошелекъ исчезъ, а въ немъ послѣдніе гроши отцовскихъ денегъ! Больше просить у стариковъ нѣтъ силъ; надобно обернуться какъ-нибудь; слишкомъ ужъ рано признавать себя побѣжденной! Что дѣлать?

— А! Заложить часы!

Эльфрида лихорадочно спѣшитъ къ ближайшему ювелиру и, безъ всякихъ споровъ, принимаетъ первую предложенную сумму. Жаль часовъ, но еще, слава Богу, что смерть не такъ ужъ настоятельна, близка... И Эльфрида бодрѣе зашагала впередъ, пока не наняла извозчика.

„Какая я, право, легкомысленная! — подумала она. — Трачу деньги на вѣтеръ"!—и рада была, наконецъ, когда вошла въ редакцію „Иллюстрированнаго Вѣка".

Она тамъ пробыла не больше двадцати минутъ, но когда выходила, ее любезно провожалъ и отворялъ ей дверь одинъ изъ главныхъ молодыхъ сотрудниковъ,—нѣкто Артуръ Раттрэй, единственно своей энергіей добившійся того, что его замѣтили и отличили. Въ наружности Эльфриды не произошло никакой перемѣны, но въ глазахъ свѣтилось какъ бы отраженіе успѣха.

— Дождь не перестаетъ все лить!—проговорилъ онъ.

— Да, а я—вотъ ужасъ-то!—какъ разъ оставила зонтикъ свой въ кэбѣ!

— Вотъ ужъ дѣйствительно бѣда!—участливо согласился Раттрэй.—Позвольте вамъ позвать другой?

— Благодарю. Я пѣшкомъ пройдусь, тутъ близко!

Но когда онъ позвалъ извозчика, усадилъ ее и самъ сѣлъ рядомъ съ нею, Эльфриду эта любезность отнюдь не удивила.

— А! Вотъ вы гдѣ живете!—проговорилъ онъ, помогая ей выйти изъ экипажа.—Тутъ жительствуетъ также нашъ прелестный Голайтли, м-ръ Тиккъ; вы вѣрно съ нимъ встрѣчались?

Эльфрида отвѣчала утвердительно, благодарила за проводы;

Digitized by Google

но Роттрэй любезно отказывался отъ всякой благодарности и только настоятельно повторялъ ей, прощаясь:

— Помните только, помните хорошенько: не размазывайте красиво, не разводите теоретическихъ разсужденій, а прямо къ дѣлу, къ дѣлу! Я думаю, намъ можетъ пригодиться ваша статейка о Латинскомъ кварталѣ; только побольше юмору и пересыпьте анекдотцами, побольше... Да постарайтесь покороче!

V.

Получивъ отъ Эльфриды коротенькое письмо, Кендаль, остававшійся въ Парижѣ, поспѣшилъ зайти справиться, куда она исчезла.

— Mademoiselle собралась и уѣхала такъ живо,— говорила привратница,—что даже не сказала, куда ей направлять письма. Все-таки, ихъ уже набралось штуки четыре-пять. Не будетъ ли monsieur si aimable, не позволитъ ли препровождать корреспонденцію къ нему?

Но monsieur просто посовѣтовалъ ей подержать ихъ пока у себя, недѣльки двѣ.

— Mademoiselle est allée à la Gare du Nord, — въ заключеніе пояснила дородная привратница, и тѣмъ дала толчокъ воображенію Кендаля, который тщетно старался себѣ представить направленіе, куда исчезла Надина „американочка".

И сама Надя оказалась легка на поминѣ. На другой день она забѣжала къ своему товарищу по искусству, и порывисто стала жаловаться на Эльфриду.

— Cette incomprise d'américaine!.. Она мнѣ тоже вѣдь написала два слова. А я-то ее какъ отъ души любила! Понимаете: *лю-би-ла!* Да нѣтъ! Ужъ гдѣ же вамъ, мужчинамъ, понимать, что такое любовь? А она всегда понимала: я это знала по ея работамъ. Она ужасно мазала свои картины, но въ нихъ была пропасть чувства! Да, я ее любила и она была добра ко мнѣ... а письмо написала какое-то такое, точно совсѣмъ чужая!.. Надѣюсь, что вы не любите ее такъ горячо, какъ я; я даже Господа Бога объ этомъ умоляю въ моихъ „святыхъ молитвахъ"; даже ставлю свѣчи!

— Вотъ какъ? Зачѣмъ же это?

— Затѣмъ, что вы такой звѣрь! — отвѣтила Надя спокойно, оперши свое оживленное личико на ладонь и разбирая глазами его послѣднюю картину.—Ближайшая фигура дѣвушки на-

Digitized by Google

писана у васъ почти прочувствовано. Только покажи вы ее вашимъ англичанамъ, они будутъ скандализованы и схватятся, для виду, чтобы скрыть смущеніе, за свои лорнеты... Чего я съ вами трачу время? Экипажъ у меня взятъ вѣдь на часы! Не стойте вы, право!..—и она мигомъ выбѣжала вонъ.

Кендалю начало казаться, что онъ ужъ вовсе не ощущаетъ такой необходимости въ присутствіи Эльфриды. Положимъ, первые дня два онъ старался себѣ ее представить въ лондонскомъ чопорномъ обществѣ (куда же ей уѣхать изъ Парижа, какъ не въ Лондонъ?); представлялъ себѣ ея стройную, красивую фигуру въ типичной венгерской курткѣ, которую она всегда носила, зная, что она ей идетъ необычайно, и въ одной изъ экстравагантныхъ, грандіозныхъ шляпъ, которыя пристали только ей одной.

„Да, да: съ этимъ придется ей покончить, — думалъ онъ.— Со строгими нравами англичанъ придется ей считаться“!

Но день шелъ за днемъ, и воспоминаніе о ней настолько изгладилось изъ его памяти, что когда онъ позже очутился въ Лондонѣ, тогда только ему пришло въ голову, что уже двѣ недѣли, какъ онъ не вспоминалъ о ней. Однако ему довольно пріятна была мысль, что ей извѣстенъ его адресъ въ Лондонѣ. Его самого особенно не интересовалъ никто изъ его парижскаго общества; да и въ Лондонѣ было всего два такихъ семейства, которыхъ ему было дѣйствительно отрадно вспомнить на чужбинѣ: Кардифы и Галифаксы.

На слѣдующій же день, къ чаю, Кендаль отправился къ Лоренсу Кардифу.

Проходя по узкимъ торговымъ переулкамъ близъ Кенсингтонъ-сквэра, онъ почувствовалъ себя въ той самой средѣ, которую обезсмертилъ великій бытописатель Тэккерей. Рѣшительно, на Кендаля давно Лондонъ ужъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія.

У Лоренса Кардифа онъ засталъ и лэди Галифаксъ съ дочерью; словомъ, тамъ собрались всѣ тѣ, кому (онъ зналъ навѣрное) всегда было пріятно его видѣть. Это было написано и на лицѣ Жанеты Кардифъ, юношески открытыя черты которой не умѣли лгать. Миссъ Галифаксъ была лѣтъ на шесть старше Кендаля и менѣе привлекательной наружности, а потому и сдержаннѣе подруги.

Самъ Кардифъ, отецъ Жанеты, взялъ свою чашку чаю въ другую руку, чтобы поздороваться съ пріятелемъ, и проговорилъ, со своей обычной спокойной улыбкой:

— Значитъ, вы возвратились?

Digitized by Google

— Папа ждалъ, что вы вернетесь очень скоро, — замѣтила Жанета.—Васъ очень ужъ ему недоставало! Онъ составляетъ списокъ „нашихъ второстепенныхъ художниковъ", и положеніе его—ну, просто отчаянное! Уже сорокъ-одно письмо онъ получилъ отъ разныхъ лицъ, предупредительно сообщающихъ ему еще такія имена и подробности, которыхъ бѣдный мой папа не зналъ за всю свою жизнь!

— А про меня онъ уже упомянулъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, значитъ, я ему понадобился въ качествѣ скромнаго художника, который пока еще только думаетъ подняться въ искусствѣ,—вставилъ Кендаль.

— Вамъ нечего и подниматься: вы прямо станете въ разрядъ первостепенныхъ!—съ увѣренностью, дополняя свои слова движеніемъ полной руки, затянутой въ перчатку, проговорила важная и всегда серьезная лэди Галифаксъ.

— Напротивъ! Для забытыхъ въ моемъ спискѣ скоро войдетъ въ моду гордиться тѣмъ, что они туда не попали,—подумалъ Лоренсъ вслухъ и даже съ довольно невеселымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

Тѣмъ временемъ, Кендаль смотрѣлъ на своего друга Жанету и удивлялся мысленно, какъ мало можетъ измѣниться молодое личико въ цѣлыхъ три года.

— А вы-то что подѣлывали сами?—спросилъ онъ.

— Да просто, чудеса!—отвѣтила за нее лэди Галифаксъ:—просто дивиться надо, откуда у нея берутся силы духа и ума? Ну, просто не могу себѣ представить!

— Не можете? — переспросилъ съ комическимъ оттѣнкомъ ея кузенъ Лоренсъ.—Да неужели?!

Онъ былъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ лондонскомъ университетѣ, и если что говорилъ въ комическомъ духѣ, то это выходило еще смѣшнѣе, благодаря его профессорски-серьезному круглому лицу.

Всѣ дружно разсмѣялись; но лэди Галифаксъ продолжала:

— А все-таки, я бы желала имѣть ея способности!

— „А все-таки, я бы желалъ"... посмотрѣть на что-нибудь новое,—замѣтилъ Кендаль.

— Нѣтъ, это *мы* надѣемся, что вы сначала сами намъ покажете много новаго! — возразила внушительно лэди Галифаксъ.

— Когда намъ можно будетъ къ вамъ придти? — спросилъ Кардифъ.

Digitized by Google

— Да приходите всѣ въ четвергъ, пожалуй. Увидите все, что́ я наработалъ.

— И угостите чаемъ?— какъ-то нервно улыбаясь, проговорила миссъ Галифаксъ.

— Конечно; и даже съ лепешками. Удобно вамъ въ четвергъ?

— О, превосходно!—отвѣтила лэди Галифаксъ.

— А намъ рѣшительно неудобно, — возразила Жанета:— помнишь, папа, я тебѣ говорила, что ко мнѣ придутъ именно въ этотъ день? Но не бѣда; лэди Галифаксъ стоитъ всей остальной публики, а мы и въ другой день можемъ придти. Пожалуй, и тогда благоволятъ попотчивать насъ чаемъ? Не забудьте, мы на это будемъ разсчитывать,—съ улыбкой заключила она.

Заговорили о великолѣпныхъ крокусахъ Кенсингтона; о юной знаменитости на драматической сценѣ и пожелали ей успѣха; о новомъ романѣ Фрамлэя, заявлявшаго себя до сихъ поръ лишь на поприщѣ живописи...

— Вотъ интересно-то: какъ онъ будетъ справляться съ перомъ?

— Онъ хорошо умѣетъ опредѣлять характеръ, — сказалъ Кендаль.

— Этого теперь мало, — возразилъ Кардифъ: — можетъ ли онъ, во-первыхъ, прослѣдить, какъ онъ зарождался, какъ развивается и куда стремится? Нѣтъ, нѣтъ: не можетъ изъ Фрамлэя выйти хорошій писатель послѣ того, какъ онъ такъ долго былъ видным художникомъ? Нѣтъ, онъ ничего новаго не скажетъ своимъ современникамъ,—ну, словомъ, ничего такого, чего бы онъ въ тысячу разъ удачнѣе не выразилъ на полотнѣ!

— А что́, пріѣхалъ ли нашъ экипажъ? Я кучера просила проѣздить хорошенько лошадей: плохо онѣ стоятъ на мѣстѣ!— захлопотала лэди Галифаксъ, простилась, и кузенъ вышелъ ее проводить.

Оставшись одни вдвоемъ, Жанета и Кендаль какъ будто вдругъ почувствовали особую близость другъ къ другу и желаніе говорить по душѣ, попросту, безъ прикрасъ или стѣсненій. Уже не сегодня между ними установились дружески-товарищескія отношенія, и оба очень ими дорожили.

Жанета попросила Джона пошевелить огонь въ каминѣ, и онъ изъ этихъ простыхъ словъ вывелъ заключеніе, что она приглашаетъ его говорить о себѣ. Она усѣлась на низенькой табуреткѣ и, обхвативъ руками колѣни, при свѣтѣ огня, казалась ему почти хорошенькой. Но еще пріятнѣе было для него ощущеніе, что ихъ добрыя, товарищескія отношенія опять возобновятся.

Digitized by Google

— Мнѣ до смерти охота все вамъ разсказать! — радушно началъ онъ.

— Да? О Парижѣ?.. А мнѣ до смерти хочется скорѣй послушать про вашего Люсьена! О немъ пишутъ и говорятъ какъ о чемъ-то высшемъ, о какомъ-то божествѣ!.. И въ Барбизонѣ были?..

Другая живо бы прибавила, на ея мѣстѣ:—отчего рѣдко такъ писали?—но что-то словно сковывало уста Жанеты, и она промолчала. Долгое время прежде ему разрѣшалось звать ее попросту „Жанетой“; она же до сихъ поръ чувствовала себя неловко, когда называла его: „м-ръ Кендаль“, а еще хуже было бы для нея сказать: „Джэкъ“ или „Джонъ“. Жанета обходила всѣ эти неловкости съ помощью полу-шутливаго обращенія: то „signor“, то „monsieur“, то даже „м-ръ Джонъ Кендаль“.

И м-ръ Джонъ Кендаль принялся съ увлеченіемъ описывать Парижъ и мастерскую, бульваръ и площади; свѣтское и трудящееся общество Парижа; наконецъ, самого Люсьена и Надю Палицкую; снимки съ ея картинъ онъ присылалъ своимъ лондонскимъ друзьямъ...

Кендаль говорилъ съ увлеченіемъ, и долго засидѣлся въ тотъ день у Кардифа; но объ Эльфридѣ почему-то не обмолвился ни полусловомъ.

„Впрочемъ, — подумалъ онъ: — отложу лучше до другого раза. Слишкомъ много пришлось бы о ней распространяться, а время уже позднее“!..

Каждый изъ академиковъ въ отдѣльности, вѣроятно, призналъ бы работу Кендаля дерзкой, неприличной; но въ общемъ Королевская Академія приняла и выставила у себя въ залахъ произведенія его смѣлой кисти, затая чувство сомнѣнія: слѣдуетъ ли ихъ подвергнуть строгому порицанію, или, напротивъ, ими восхищаться?

Гросвенорцы скромно одобрили его; а *новая школа* приняла его въ свои ряды съ радостью и ликованіемъ и даже была ему за это признательна. Публика усердно смотрѣла и усердно критиковала; но на нее Кендаль мало обращалъ вниманія. Критики и репортеры гораздо больше его интересовали. Ему казалось, наконецъ, какимъ-то позоромъ бродить въ толпѣ зрителей, прислушиваясь къ ихъ беззастѣнчивой или осторожной бесѣдѣ. Онъ бѣжалъ прочь и набрасывался на газеты; но и тамъ только тогда находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, когда о немъ или вовсе молчали, или говорили вскользь, мимоходомъ. Вообще, онъ

Digitized by Google

пришелъ къ такому заключенію, что чѣмъ меньше о немъ толкуютъ, тѣмъ для него лучше.

Но каково же было его удивленіе, когда послѣ двухдневнаго газетнаго молчанія, онъ вдругъ увидѣлъ въ „Десятилѣтіи“ въ рубрикѣ: *Изящныя искусства*, статью, которая доставила ему особое удовольствіе и взволновала его необыкновенно.

Благодаря волненію, отъ его вниманія ускользала мѣстами довольно-неопредѣленная и даже какъ бы недостаточно строгая оцѣнка, а оставался только общій ея обликъ—яркій, блестящій, хвалебный! Какъ только рѣчь заходила исключительно о его картинахъ, въ его глазахъ тонъ статьи принималъ оттѣнокъ какой-то особой ласки и восторженности, какъ будто критику доставляло личное удовольствіе писать эти строки.

— Совсѣмъ новый тонъ! Новые пріемы! И—клянусь Юпитеромъ!—производитъ впечатлѣніе гласа вопіющаго въ пустынѣ. Еслибъ это было написано по-французски, я могъ бы думать, что это пишетъ Вольфъ; но у Вольфа вышло бы суше и подробнѣе съ чисто-технической точки зрѣнія.

Такъ разсуждалъ Кендаль, и въ душѣ его разгоралась жажда къ дальнѣйшимъ успѣхамъ; онъ чувствовалъ приливъ новыхъ силъ. Кажется, никогда еще не бывалъ онъ въ обществѣ въ такомъ ударѣ, какъ въ тотъ вечеръ; но, слушая болтовню барышенъ, польщенныхъ его говорливостью, онъ въ то же время мысленно сравнивалъ ихъ съ живой и остроумной Эльфридой. Ему жаль становилось, что уже много недѣль подъ-рядъ онъ былъ лишенъ удовольствія видѣть и слышать своего изящнаго и красиваго *товарища* по мастерской.

На утро у него работа такъ и закипѣла. Онъ съ увлеченіемъ предавался наслажденію вызывать на полотнѣ новые оттѣнки и образы, какъ вдругъ ему подали чью-то карточку, и онъ еще болѣе насупился, видя, что это дамская.

— Скажите...— началъ-было онъ, но, заглянувъ въ нее, поспѣшно приказалъ:—Просите!

На карточкѣ стояло: „Миссъ Эльфрида Белль“, а внизу, въ уголочкѣ, совсѣмъ мелко: „Иллюстрированный Вѣкъ“. Еще мигъ, и она сама вошла, сіяющая, свѣжая, изящная, съ букетикомъ фіалокъ у пояса. Какъ будто чуть робѣя, подходила она, но съ перваго же взгляда это чувство пропало, и прежнія дружескія отношенія, казалось, водворились между ними.

— Я долженъ бы на васъ дуться,—подавая ей стулъ, началъ Кендаль:—но, такъ и быть, ужъ признаюсь великодушно, что я въ восторгѣ наконецъ повидаться съ вами! Отбросивъ въ сто-

Digitized by Google

рону свое уязвленное самолюбіе, осмѣлюсь васъ спросить: вы изволили пребывать въ Лондонѣ все это время?

— Я? — переспросила Эльфрида, разсѣянно блуждая глазами отъ станка съ картиной по всей комнатѣ.—Въ Лондонѣ?.. Ну, да, я была въ Лондонѣ. А какъ вы измѣнились къ лучшему!—замѣтила она, прямо смотря на него, какъ смотрѣла бы на понижающійся термометръ. Но увѣрены ли вы, что эта перемѣна такъ при васъ и останется? Что вы не сдѣлаетесь такимъ же человѣкомъ торговли, какъ и всѣ?

— Прежде всего, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы сѣли!—перебилъ ее Кендаль съ укоризной. Мнѣ бы, пожалуй, не были такъ чувствительны и ваши слова, еслибъ вы сѣли, наконецъ, спокойно. Что же касается моей виновности въ занятіи живописью въ Лондонѣ, я полагаю, и на васъ можно возложить въ этомъ вину.

— Я вѣдь сюда пріѣхала не для того, чтобы писать картины!—съ живостью возразила Эльфрида.—Давно уже я отрѣшилась отъ этой безумной мечты: я такъ вѣдь и писала вамъ, передъ отъѣздомъ. Но, кромѣ живописи, есть на свѣтѣ много и „другого“... Помните, вы сами думали тогда, что есть?

— Да, помню, — подумавъ, припомнилъ Джонъ Кендаль и, взявшись опять за ея карточку, посмотрѣлъ пристальнѣе на мелко-отпечатанную строчку въ лѣвомъ уголкѣ. — Припоминаю, но не понимаю! — признался онъ. — Или это и есть то самое *другое*?

Какой-то отзвукъ въ его голосѣ побудилъ Эльфриду подумать, что вовсе уже не такъ важно ея званіе и работа, какъ ей казалось до сихъ поръ, и она покраснѣла.

— Да!.. То-есть, это собственно необходимо для... для постороннихъ... Но не для васъ же! Это страшно неделикатно съ моей стороны такъ заявлять о себѣ... Дайте же мнѣ ее назадъ! Пожалуйста, отдайте!..

Она схватила злополучную бумажку и разорвала ее въ мельчайшіе клочки.

— Простите меня, еще разъ! — проговорила она. — Но мы вѣдь не въ Парижѣ, а я подумала, что у васъ могъ быть кто-нибудь чужой... И, наконецъ, все-таки эта подпись вамъ поясняетъ, что я за птица.

— Я бы для васъ пожелалъ скорѣе какого-нибудь лучшаго журнала, газеты...

Но Эльфрида даже ему не возражала, поглощенная другими мыслями...

— Я должна написать... мнѣ теперь заказана большая

Digitized by Google

статья,—заговорила она; — издатель хочетъ ее озаглавить: „По мастерскимъ художниковъ", или тамъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Я должна описать подробно и самихъ художниковъ, и ихъ манеру писать, ихъ мастерскія со всей обстановкой, и ихъ личныя воззрѣнія... Вотъ мнѣ и пришло въ голову,—если вы ничего противъ этого не имѣете, съ васъ именно и начать мое описаніе.

— Нѣтъ, да вы что это? Серьезно? Вы когда-нибудь уже писали въ этомъ родѣ? — въ чистосердечномъ порывѣ участія забросалъ ее разспросами Кендаль.—Какъ вамъ это пришло на мысль?!.. Ну, да, конечно, можете говорить обо мнѣ все, рѣшительно все, что вашей душѣ угодно, хоть я считаю съ вашей стороны измѣной искусству вашу перебѣжку въ лагерь журналистовъ. Боюсь я только, что здѣсь для васъ врядъ ли найдется много художественныхъ матеріаловъ... Вамъ, къ сожалѣнію, скоро придется убѣдиться на дѣлѣ, что Лондонъ — не Парижъ. Сами увидите!

— Ну, конечно, увижу,—согласилась Эльфрида, пройдя молчаніемъ его разспросы и, оглянувшись на столъ, взяла въ руки нумеръ газеты „London Magazine", въ которой лэди Галифаксъ синимъ карандашемъ отмѣтила для него статью Жанеты Кардифъ.

Эта статья „о сравнительномъ стихосложеніи во времена Геррика" уже привлекла вниманіе Эльфриды, и она въ своемъ „Вѣкѣ" откликнулась оживленнымъ разборомъ ея.

— Ну, понимаете, я и не думаю остановиться на такомъ... заурядномъ родѣ журнальной работы,—заговорила она опять.— Я стремлюсь къ лучшему, къ чему-нибудь въ родѣ, напримѣръ, вотъ этой статьи. Счастливица! Она печатается на одномъ листѣ со Свинбёрномъ!

— Ну, счастья у нея и безъ этого довольно, — возразилъ Кендаль.

— Вы ее знаете? Какая она? Вы часто видитесь? Скажите ей, пожалуйста, что есть на свѣтѣ женщина, которая ловитъ съ наслажденіемъ каждое ея слово, появляющееся въ печати!—порывисто воскликнула Эльфрида.—Впрочемъ, ей вѣрно все равно, она привыкла... Сколько ей лѣтъ?

Кендаль продолжалъ водить кистью по натянутому холсту, но тутъ остановился.

— Какъ я могу вамъ ее описать?.. Ростомъ она почти съ васъ, но нѣсколько худѣе. Волосы и глаза—красивые...

— Какіе? Темные?

Digitized by Google

— Кажется, темно-карiе, съ красивыми... да, съ особенно красивыми бровями!

— И... ей много за-тридцать?

— О, Боже мой, ей нѣтъ и тридцати! Ей, кажется, всего двадцать-четыре года.

На лицѣ молодой американки отразилось глубокое разочарованiе.

— Двадцать-четыре?! А мнѣ уже двадцать! Никогда мнѣ не дойти въ четыре года до такого совершенства! Я была такъ увѣрена, что она старая или среднихъ лѣтъ особа, и приготовилась особенно любить ее и почитать... И вдругъ... красивые глаза и брови, и двадцать-четыре года!..

Кендаль разсмѣялся.

— Если ужъ вы такой ярый критикъ, взгляните на эту статейку. Какъ не похоже на обычный тонъ „Десятилѣтiя“; не правда ли?

— Она вамъ нравится?

— Ужасно!

— А... миссъ Кардифъ не спрашивала, не интересовалась знать, кто ее написалъ?

— Наоборотъ, она просила меня даже разузнать, кто этотъ рецензентъ и, если это человѣкъ приличный, привести его къ ней... Но пусть на это не разсчитываютъ: слуга покорный! Кардифы не разъ ужъ обжигались на такихъ „таинственныхъ талантахъ“, и мнѣ бы не хотѣлось прикладывать руку къ такому дѣлу.

— А!.. Значитъ, вы такъ и не будете искать?.. — спросила Эльфрида, чувствуя неописанный восторгъ отъ этой заглазной похвалы, которая, по ея мнѣнiю, была дороже всякихъ другихъ похвалъ, печатныхъ или устныхъ;—значитъ, вамъ и не хочется узнать?—прибавила она, совершенно для себя неожиданно, такимъ тономъ, что Кендаль догадался.

— Вы?! Неужели это вы?!—изумился онъ.

— Ну, критикуйте же!—не давая ему припомнить, что онъ такое говорилъ, нетерпѣливо потребовала молодая дѣвушка.

— Я могу только посовѣтовать вамъ слѣдовать своему же примѣру,—серьезно проговорилъ онъ.—Мѣстами вы даже бываете жестоки... Мнѣ, по всей вѣроятности, слѣдовало бы благодарить васъ за все хорошее, что вы про меня сказали...

— Ахъ, нѣтъ; пожалуйста, не надо!—полупрезрительно пожимая плечами, возразила Эльфрида:—Это ужъ будетъ слишкомъ похоже на другихъ! Но... вотъ что: нельзя ли мнѣ познако-

Digitized by Google

миться... т.-е. нельзя ли узнать: разрѣшитъ ли мнѣ миссъ Кардифъ познакомиться съ нею? Не узнаете ли вы, можно мнѣ къ ней придти?.. Впрочемъ, я забываю, что мы не въ Парижѣ!

Не успѣлъ Кендаль ей отвѣтить, какъ дверь отворилась и внесли легкій завтракъ, состоявшій изъ аппетитныхъ итальянскихъ глазированныхъ пирожковъ, чаю и лепешекъ. Весело принялись за нихъ хозяинъ дома и гостья; весело текла ихъ оживленная бесѣда. Вызывающимъ образомъ болталъ и держалъ себя Кендаль, если принять въ разсчетъ, что передъ нимъ, за записной книжечкой, сидѣлъ грозный интервьюэръ. Но онъ именно и хотѣлъ ей показать, что ничуть ея не боится, и, забывъ это непріятное обстоятельство, они оба мало-по-малу перешли на болѣе серьезныя тэмы.

Эльфридѣ было пріятно чувствовать, что Кендаль, въ разговорѣ съ нею, теперь замѣтно взвѣшиваетъ свои слова и вообще относится къ ней съ большею серьезностью, нежели до ея критической статьи. Ему, наоборотъ, даже какъ будто жаль было подумать, что разница между ними, какъ товарищами, значительно сгладилась, и ему даже начало казаться, что Эльфрида какъ будто стала менѣе женственна, а слѣдовательно и менѣе занимательна для его наблюденій. Ему даже было немного досадно, что, несмотря на это, она все такъ же хороша собою, какъ и прежде.

Эльфрида уже надѣвала перчатки, собираясь уходить, когда опять въ дверь постучали, и чья-то твердая рука отворила ее, не дожидая разрѣшенія. На порогѣ стояла лэди Галифаксъ и спрашивала:—Можно войти?

Въ одно мгновеніе ока, Кендаль взвѣсилъ и перечувствовалъ всесторонне неловкость своего положенія. Грязная посуда на столѣ, присутствіе дамы, его собственная непринужденность за работой—онъ едва успѣлъ придавить ногою на полу недокуренную папиросу—все это, видимо, смутило и вновь прибывшую, которая вмѣстѣ съ дочерью вошла на его приглашеніе войти.

— Отчаянная это лѣстница...—начала-было почтенная лэди и остановилась, увидя въ комнатѣ художника даму:—лѣстница... у васъ...

Кендаль здоровался съ ея дочерью, а она смотрѣла на него вопросительно и требовательно, какъ бы говоря безъ словъ:

— Объясните же!—Познакомьте!..

Но всего ужаснѣе было то, что Эльфрида раздумала, повидимому, уходить и спокойно ожидала съ своей стороны того же. Дѣлать нечего, Кендалю приходилось покориться.

Digitized by Google

— Лэди Галифаксъ! — проговорилъ онъ:—позвольте вамъ представить миссъ Эльфриду Белль, изъ Америки,—моего товарища по мастерской Люсьена, въ Парижѣ. Миссъ Белль, однако, теперь измѣнила живописи и уже въ качествѣ журналиста посѣтила сегодня вашего покорнаго слугу...

— Который очень этого испугался, — пріятнымъ голосомъ, спокойно замѣтила Эльфрида и премило улыбнулась прямо въ лицо лэди Галифаксъ.

— Изъ Америки?—повторила та.—Я увѣрена, что, по нашимъ временамъ, большое преимущество—получить образованіе въ Америкѣ.—Этими словами она деликатнымъ образомъ какъ бы давала Кендалю понять, что она вполнѣ понимаетъ исключительность ихъ отношеній.

Миссъ Галифаксъ внимательно смотрѣла на Эльфриду.

— Вы въ самомъ дѣлѣ журналистъ?—спросила она.—Ахъ, какъ это мило! А я вѣдь думала, что дамы пишутъ исключительно въ модныхъ журналахъ...

Когда миссъ Галифаксъ говорила „мило“, то это съ ея стороны означало весьма сильное одобреніе и любопытство. А тутъ еще, въ лицѣ молодой журналистки, передъ ней вдругъ явилось такое рѣдкое соединеніе ума и красоты! Она рѣшила мысленно, что, въ качествѣ доброжелательницы и поклонницы Кендаля, ей подобало быть великодушной и къ его друзьямъ. Поэтому она весьма благосклонно бесѣдовала съ Эльфридой о печати. Тѣмъ временемъ, мать ея по обыкновенію подробно разсматривала всѣ картины Кендаля, которыхъ она еще не видала.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула вдругъ Эльфрида со своимъ маленькимъ, слегка французскимъ выговоромъ на буквѣ „г“: Я вѣдь страшно передъ мистеромъ Кендалемъ виновата: онъ не ждалъ меня къ себѣ сегодня, а я пришла и всѣ пирожки съѣла, и теперь очень, очень объ этомъ сожалѣю! Право!..—А можно гдѣ-нибудь достать еще такихъ же? — спросила она съ такимъ трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ, что сама разсмѣялась, — а вмѣстѣ съ нею и всѣ остальные.

Затѣмъ она стала прощаться и ушла, а лэди Галифаксъ принялась разспрашивать о ней своего молодого друга.

Кендаль, въ сущности, остался даже доволенъ тѣмъ, что Эльфрида съумѣла показаться такой интересной, и охотно отвѣчалъ на всѣ разспросы.

Digitized by Google

VI.

Обыкновенно отдѣлъ „Изящныхъ искусствъ“ велъ въ „Иллюстрированномъ Вѣкѣ“ Артуръ Раттрэй, но его временное нездоровье дало ему поводъ, такъ сказать, провести въ эту газету Эльфриду Белль, которая „любезно исправляла его должность“ въ его отсутствіе. Но затѣмъ свѣжесть новизны и смѣлость ея слога и воззрѣній съ первой же самостоятельной статьи обратили на себя вниманіе—и, главнымъ образомъ, вниманіе сотрудниковъ, — что особенно въ такомъ случаѣ цѣнно. Раттрэй указалъ на это издателю и предложилъ ему пригласить для особаго и новаго отдѣла въ духѣ этой новой бойкой статьи, какъ отдѣла, исключительно посвященнаго женщинамъ,—миссъ Эльфриду Белль. Издатель дорожилъ Раттрэемъ и принялъ его предложеніе; — однако, съ оговоркой, что больше двухъ фунтовъ въ недѣлю онъ не намѣренъ платить.

— Только скажите ей, что намъ нѣтъ надобности въ какомъ-нибудь „Золá въ юбкѣ“,—заключилъ онъ.

Послѣднія слова, однако, Раттрэй сохранилъ про себя, а Эльфриду порадовалъ только сообщеніемъ о „пробныхъ“ условіяхъ издателя.

„Два фунта въ недѣлю! — Это очень, очень мало; но все-таки это даетъ увѣренность, что есть пока возможность не возвращаться въ Спарту“,— подумала Эльфрида и на другой же день была командирована, въ качествѣ рецензента, на раздачу дипломовъ въ обществѣ „Ученыхъ Нянекъ“, состоящемъ подъ покровительствомъ принцессы Уэльской.

Нѣсколько уже свыкнувшись съ своимъ новымъ положеніемъ въ средѣ тружениковъ печати, Эльфрида получила однажды отъ м-ра Тикка приглашеніе на ежемѣсячный вечеръ литературнаго клуба „Аркадія“, членомъ котораго онъ состоялъ.

— Если вы не противъ того, чтобы я былъ вашимъ кавалеромъ и ввелъ васъ туда, я почелъ бы себя счастливымъ!— прибавилъ онъ.—Въ первой же комнатѣ васъ будетъ ожидать миссисъ Томми Мòрро, въ уваженіе къ общественнымъ воззрѣніямъ, требующимъ отъ женщины женскаго же покровительства. Она—издательница „Будуара“ и пользуется прозвищемъ „Аркадской Принцессы“; манеры у нея прекрасныя.

— А что же дѣлаетъ ея супругъ, м-ръ Томми Мòрро?

Но Тиккъ ничего не могъ сказать, что дѣлаетъ самъ м-ръ Томми Мòрро.

Digitized by Google

Литературный клубъ былъ лишь на половину въ сборѣ, когда дворецкій громогласно возвѣстилъ:—Миссисъ Морро, миссъ Эльфрида Белль и м-ръ Тиккъ. Очутившись въ незнакомомъ обществѣ, Эльфрида была значительно польщена тѣмъ, что на нее внимательно смотрѣли поверхъ (яко бы) красивыхъ плечъ м-съ Морро. Послѣдняя тоже это замѣтила и продолжала торжественно слѣдовать по пути въ главную залу, сама отчасти польщенная этимъ вниманіемъ къ особѣ, которую *она* вводила въ свое общество. Ея шествіе было задержано итальянскимъ теноромъ — знаменитостью—Джеоджіарди,—этой „звѣздой вечера“,—какъ выразился выспренно Голайтли,—и м-съ Морро, съ благосклонной улыбкой, старалась быть съ нимъ особенно привѣтлива. Но бѣдняга затруднялся отвѣчать по-англійски и все краснѣлъ и краснѣлъ, съ каждой минутою все болѣе смущаясь. Эльфрида поспѣшила выручить его вопросомъ на французскомъ языкѣ:

— Какъ понравилась вамъ здѣшняя итальянская опера, signor?

Ея спокойный, тихій голосъ благотворно подѣйствовалъ на бѣднаго чужестранца, который всѣми чертами своего подвижнаго лица выразилъ ей благодарность и пустился въ восторженныя похвалы концертамъ въ „Albert Hall“'ѣ. Сдѣлавъ открытіе, что его собесѣдница не чопорная англичанка, а дочь вольной Америки, онъ сталъ еще болѣе милъ и словоохотливъ. М-съ Морро съ улыбкой послушала немного ихъ оживленную бесѣду, а затѣмъ прошла въ столовую подъ-руку съ Голайтли.

Теноръ почувствовалъ себя еще спокойнѣе и долго не отошелъ бы отъ своей прелестной собесѣдницы, если бы не вернулся м-ръ Тиккъ съ замѣчаніемъ, что многіе хотѣли бы познакомиться съ Эльфридой, но боятся ей помѣшать. Большинство этихъ „многихъ“ оказалось дамами среднихъ лѣтъ, повидимому одинокими и незамужними, которыя тотчасъ же, привычнымъ движеніемъ литературнаго человѣка, доставали свою записную книжку и на ней же, на визитной карточкѣ, „для памяти“ писали на-скоро приглашеніе побывать у нихъ въ тотъ или другой—четный или не-четный—вторникъ. И каждая изъ нихъ непремѣнно говорила:

— Я бы уже давно сотрудничала въ своемъ журналѣ, если бы разрѣшеніе женщинамъ участвовать въ печати не запоздало такъ ужасно!

Эльфрида подумала въ отвѣтъ:

„А интересно бы узнать, чѣмъ они жили до тѣхъ поръ“?

Голайтли всѣмъ и каждому сообщалъ, что она — молодая

Digitized by Google

пріѣзжая американка, — новая сотрудница „Иллюстрированнаго Вѣка", и это имѣло большое вліяніе на ея успѣхъ въ тотъ вечеръ. Этотъ успѣхъ былъ ей пріятенъ; онъ оживлялъ ее, придавалъ ей впервые нѣкоторую самоувѣренность въ ея новомъ званіи; у нея возникала надежда на будущее, а сознаніе, что она „можетъ" пробить себѣ дорогу на жизненномъ пути придавало ей еще больше красоты и прелести.

Одѣваясь, чтобы уходить, Эльфрида очень мило поблагодарила м-съ Морро за ея покровительство на вечерѣ и прибавила, нѣсколько затрудняясь, какую бы сказать еще, хоть избитую любезность:

— Благодарю!.. Очень вамъ благодарна!—Знаете, здѣсь, кажется, женщины выше мужчинъ?

— Да; это ужъ замѣтилъ дю-Морье и не такъ давно упоминалъ въ „Punch" 'ѣ,—согласилась м-съ Томми Морро.

Спускаясь внизъ по лѣстницѣ въ пріемную, гдѣ ее ожидала миссъ Белль, Жанета Кардифъ старалась, насколько возможно, яснѣе возстановить въ своей памяти всѣ черты ея, знакомыя ей по описаніямъ Кендаля. Но все-таки дѣйствительность превзошла ея ожиданія.

Когда она вошла въ пріемную, Эльфрида Белль стояла у открытаго окна и легкій вѣтерокъ тихонько пушилъ ей волосы на лбу. Она медленно обернулась къ хозяйкѣ дома и встрѣтила ее серьезнымъ, тихимъ взглядомъ въ то время, какъ ротъ ея сложился въ какую-то дѣтски-застѣнчивую складку.

— Примите ихъ отъ меня въ знакъ привѣта,—сказала она просто, подавая молодой дѣвушкѣ три дорогихъ, роскошно-распустившихся розы.—Во мнѣ нѣтъ ничего такого выдающагося, что могло бы обратить на меня ваше милое вниманіе. Вотъ мнѣ и вздумалось обратиться для этого къ посредничеству цвѣтовъ.

Хозяйка дома уже готова была еще на порогѣ привѣтствовать свою посѣтительницу стереотипнымъ:—Ахъ, какъ я рада!..—но остановилась и, видимо пріятно-изумленная, радушно взяла ея розы, говоря:

— Какъ это, право, мило съ вашей стороны! Но и за то, что вы пришли, я должна быть особенно вамъ благодарна. Дайте же вашу руку, а не то мы все будемъ чувствовать себя какъ будто еще не совсѣмъ познакомились!

Жанетѣ показалось, что въ ея голосѣ звучали какія-то слегка-покровительственныя нотки, и за это она себя строго осудила.

Digitized by Google

Еслибъ она была внимательнѣе, то, вѣроятно, подмѣтила бы въ улыбкѣ своей новой знакомой подобный же оттѣнокъ.

— Вамъ, вѣрно, уже надоѣло это слышать, а только я во многомъ вамъ обязана,—проговорила Эльфрида, нѣсколько преувеличивая дѣйствительность.

— О, благодарю васъ! — весело, но довольно неискренно воскликнула Жанета.—Напротивъ, я нѣсколько мѣсяцевъ уже не слыхала ничего болѣе пріятнаго!.. А скажите: вы вѣдь американка,—говорилъ мнѣ Кендаль. Положимъ, кажется, не принято жалѣть о томъ, что родишься не въ Америкѣ, но все равно: такой ужъ у васъ, американцевъ, особенный пошибъ! Я бы хотѣла тамъ пожить.

Эльфрида взглянула на этотъ вопросъ серьезно.

— Пожалуй, родиться въ Америкѣ пріятнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чѣмъ гдѣ-нибудь... въ другомъ мѣстѣ; это даетъ вамъ возможность совсѣмъ иначе... какъ-то своеобразнѣе смотрѣть на жизнь. Но зато здѣсь у васъ много такого, чего у насъ вовсе нѣтъ.

— И... что жъ это именно такое?

— Да мало ли что? — затруднилась Эльфрида назвать, не зная, будетъ ли это подходяще, но все-таки рискнула:—Вотъ, напримѣръ, хоть живописное разнообразіе вашего общества: ваши, тамъ, герцогини и мелочныя торговки (и тотчасъ же увидала, что сказала неловкость).

— Въ самомъ дѣлѣ? Весьма понятно, что трудно себѣ представить какую-нибудь герцогиню иначе, какъ въ романѣ, а какую-нибудь торговку иначе, какъ самымъ заурядным существомъ, которыя всѣ на одно лицо.

— Все дѣло въ томъ, что онѣ рѣзко противоположны нашимъ,—возразила Эльфрида.—Наши герцогини еще за два дня передъ тѣмъ были простыми торговками, а наши торговки подписываются на газеты и журналы. У васъ же королева-императрица Индіи шествуетъ во главѣ всѣхъ, а вокругъ нея рыцарски-отважные вельможи, съ мечами на-голо, готовы защищать ее цѣною жизни, по первому ея знаку. Ваши высшіе классы общества разгуливаютъ себѣ по-парно, а средніе—цѣлыми семьями; затѣмъ, за ними ужъ идутъ обитатели бѣднѣйшихъ кварталовъ, вашихъ знаменитыхъ „Hums“—этихъ ужаснѣйшихъ трущобъ! И, наконецъ, еще до нихъ у васъ есть цѣлая, длиннѣйшая вереница интереснѣйшихъ людей, жившихъ уже давно. Вы теперь и похожи, и напоминаете отчасти ихъ; но они еще интереснѣе и, такъ сказать, картиннѣе васъ.

Digitized by Google

— А мнѣ до-смерти хотѣлось бы повидать чудеса вашего „Національнаго Парка“, ваши чудовищные арбузы...

— И Ніагарскій водопадъ?—спросила Эльфрида, улыбаясь.— Боюсь я, что всѣ наши чудеса и рѣдкости исключительно сосредоточены въ царствѣ природы.

— А все же, они—чудеса!.. Ну, а литература ваша, напримѣръ? А ваши воздушныя дороги, статуя Свободы, „Іоанна д'Аркъ“? Вашъ Гауэльсъ? Не говоря уже о цѣлой плеядѣ поэтовъ,—почтенныхъ, сѣдобородыхъ старцевъ и почти юношей—молодыхъ, которыми украшаютъ послѣднія страницы толстыхъ журналовъ „Century“, напримѣръ. О, я ихъ знаю всѣхъ,—такая прелесть! И я увѣрена, что ихъ воззрѣнія присущи и ихъ родинѣ вообще...

— Я очень рада, что они вамъ нравятся,—сказала Эльфрида, чувствуя себя уже нѣсколько увѣреннѣе. — Гауэльсъ геніальный человѣкъ, конечно; но я бы предпочла, чтобъ онъ писалъ въ болѣе реалистическомъ духѣ, чтобы онъ отдался скорѣе такъ называемому „Roman psychologique“. Мнѣ всегда кажется, что его талантъ разгорѣлся бы еще ярче, если бы строгость воззрѣній его не гасила.

— Ну, нѣтъ! Мнѣ кажется, наоборотъ, что Гауэльсъ вполнѣ добросовѣстно поступаетъ со своимъ матеріаломъ. По-моему, онъ человѣкъ видимо искренній, и психологъ, ну и такъ далѣе,—увлекаясь бесѣдою съ новой и интересной знакомой, говорила Жанета.—Я не думаю, чтобы англичане и американцы были способны оцѣнить достоинства „психологическаго“ романа, — этой своего рода вивисекціи! Въ насъ, англичанахъ, нѣтъ того художественнаго чувства, которое скрашиваетъ въ глазахъ француза грязь и животныя стороны въ произведеніяхъ послѣдователей натурализма. И въ этомъ—единственное извиненіе для натуралистовъ!

— Извиненіе?!—переспросила Эльфрида какъ-то удивленно:— Но у васъ есть же вашъ Уэнрайтъ,—поспѣшно спохватилась она.

— Et nous nous en félicitons!.. Онъ существуетъ еще и по сей часъ. Но онъ-то именно подтверждаетъ мое мнѣніе: онъ среди насъ просто феноменъ; а феномены любопытнѣе всего для ученыхъ. Надѣюсь, вы не станете утверждать, что такихъ людей можетъ хоть сколько-нибудь привлекать такого рода литература, которая имѣетъ претензію хоть отчасти считаться художественной.

Обѣ дѣвушки совсѣмъ позабыли, что минутъ двадцать тому назадъ онѣ еще даже не были знакомы, и каждая въ глубинѣ

Digitized by Google

души уже начинала радоваться этому знакомству. Каждая мысленно предвкушала удовольствіе подробнѣе изучить характеръ своей будущей пріятельницы.

— Ахъ, нѣтъ, вы совсѣмъ не то говорите!—окончательно освоившись, возразила Эльфрида.—Все, что художественно, то и правдиво! Истинное искусство не преслѣдуетъ другой цѣли, кромѣ истины. Въ самомъ обыденномъ матеріалѣ непремѣнно есть доля правды, но здѣсь какъ-то все стѣснено условіями...

— О,—воскликнула Жанета:—и сами-то мы народъ условный; да и вы также! Въ какія-нибудь сто лѣтъ не могли же вы особенно рѣзко измѣниться. И наши женщины, если грѣшатъ, такъ какъ-то достойно. Додэ не могъ бы списывать съ нихъ своихъ героинь. Вѣдь, напримѣръ, Сафо...

Миссъ Кардифъ остановилась: раздался звонокъ.

— А, вотъ и папа!—весело пояснила она.—Надѣюсь, вы выпьете съ нами чашку чаю? Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы повидались съ папа.

Лоренсъ Кардифъ, замѣтивъ гостью, смущенно схватился рукой за галстухъ, — удостовѣриться, не забылъ ли онъ его надѣть. У него уже начали проявляться привычки почти-старыхъ людей; но онъ пожалъ руку Эльфридѣ такъ мило, что, глядя на его сдержанную и въ то же время привѣтливую мину, она легко могла (какъ большинство лицъ, видавшихъ его въ первый разъ) составить себѣ о немъ понятіе, какъ о лицѣ болѣе важномъ и таинственномъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Вообще, въ такихъ случаяхъ его почему-то подозрѣвали въ какихъ-то политическихъ интригахъ. Эльфрида, однако, подумала только, что она представляла себѣ совсѣмъ иначе профессора и ученаго,— отца двадцати-четырехъ-лѣтней дочери. Во-первыхъ, онъ былъ худощавъ, держался стройно; взглядъ у него былъ веселый, пытливый; у корня волосъ, откинутыхъ назадъ, виднѣлась чуть пробивающаяся сѣдина; черты лица и всей его фигуры были вполнѣ совершенны и выразительны. Тѣмъ болѣе была озадачена Эльфрида, что она совершенно иначе представляла себѣ ученаго, который занимается откапываніемъ арабскихъ корней и дочь котораго сама съ честью участвуетъ въ извѣстнѣйшихъ журналахъ. Она даже представляла себѣ, что когда она больше сблизится съ семьей Кардифовъ, ей будетъ пріятно оказывать почтенному профессору маленькія услуги, какъ, напримѣръ, передать или найти его стариковскіе очки, газету „Аонянинъ" или подвинуть ему скамеечку подъ ноги... Очевидно, вмѣсто почтеннаго

Digitized by Google

старца, ей придется имѣть дѣло съ далеко еще не старымъ человѣкомъ.

Тѣмъ временемъ, она нѣсколько оправилась отъ нежданнаго смущенія и уже съ болѣе спокойнымъ видомъ слушала похвалы Кардифа ея статьямъ въ „Десятилѣтіи",—чему мысленно порадовалась также и Жанета.

— Вы, кажется, сами художникъ?—спросилъ онъ гостью.

Съ минуту не было отвѣта. Эльфрида стояла, потупивъ глаза; когда же она ими вскинула и посмотрѣла на своего собесѣдника, они были темнѣе обыкновеннаго и подернуты слезами.

— Нѣтъ, я пробовала... писать, но убѣдилась, что... не могу!—проговорила она съ замѣтнымъ усиліемъ.

Лоренсъ отвѣтилъ ей сочувственнымъ молчаніемъ и только пошевеливалъ ложечкой въ чашкѣ, а Жанета подумала, что такимъ именно образомъ слѣдовало бы всѣмъ говорить объ умершихъ, какъ говоритъ Эльфрида о своихъ неудачахъ. Но послѣдняя уже опять оживилась:

— Когда м-ръ Кардифъ вошелъ, вы начали мнѣ говорить, почему Додэ не могъ бы брать своихъ героинь изъ среды англичанокъ. Это было по поводу Сафо...

Лоренсъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ, и Жанета покраснѣла.

„Развѣ она не понимаетъ, что неловко разсуждать на такія тэмы, какъ Сафо, когда тутъ же сидитъ отецъ"?—подумала его дочь, а гостья продолжала:

— Конечно, сколько мнѣ кажется, она составляетъ исключеніе изъ женщинъ своей среды... Но уже одно то, что это *исключеніе*, достойно вниманія...

„Достойно вниманія?! — въ ужасѣ думала Жанета: — Боже мой! Чего только она не способна еще наговорить",—и вслухъ, очертя голову, перебила ее:

— Да, да! А потомъ пришелъ папа, и мы перемѣнили предметъ разговора... Гдѣ вы живете, миссъ Белль?

— Близъ Флитъ-Стрита, — вставая, чтобы ужъ проститься отвѣтила Эльфрида.—Окрестности ея чрезвычайно интересны... Когда у меня выдастся время, я пойду ихъ осматривать. Я могу доставлять доходъ „Римскимъ банямъ", могу завтракать въ любимомъ трактирѣ д-ра Джонсона, или бывать въ соборѣ настоящихъ Тампліеровъ... Это все чудо какъ пріятно! Я, напримѣръ, была тамъ какъ-то разъ, не такъ давно. Вѣрите ли, мнѣ пришлось видѣть... ну, это просто ужасъ!—на ноги прекраснѣйшаго

Digitized by Google

мраморнаго изваянія на гробницѣ кто-то изъ близъ сидѣвшихъ повѣсилъ свою... фуражку!! И вѣдь никто его не остановилъ!..

Когда Белль, наконецъ, ушла, Жанета и отецъ ея переглянулись, улыбаясь другъ другу.

— Ну, развѣ она не находка, папа? — воскликнула дочь.

Отецъ пожалъ плечами безъ особаго восторга; но, видимо, Эльфрида не произвела на него отталкивающаго впечатлѣнія.

— Она „fin de siècle“,—проговорилъ онъ.

— Что-жъ, можетъ-быть... немножко!—согласилась нѣхотя Жанета, поглядывая въ окно.

— А ты замѣтила: она намъ не сказала, гдѣ она живетъ?

— Да!.. Въ самомъ дѣлѣ! Но это вѣдь легко узнать черезъ Кендаля.

А. Б—г—

Digitized by Google

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
Гр. А. К. ТОЛСТОГО
1851—1875 гг.

1856 г.

70 *).

1 января.

....Мы въ Севериновкѣ съ Бобринскимъ, гдѣ мы ночуемъ у Арбузова, послѣ вечера въ честь Новаго года.

Наши больные превосходятъ число 800, и тифъ распространяется между населеніемъ...

71.

5 января.

Еще двое больныхъ: Скуратовъ и Бобринскій. Бобринскій крѣпился, крѣпился да и слегъ; вотъ онъ тутъ лежитъ за мной, и я его сейчасъ поилъ малиной...

Можетъ быть, такъ пройдетъ, а можетъ быть и тифъ—завтра узнаемъ.

72.

12 января.

....Я все еще въ Одессѣ изъ-за Бобринскаго, у котораго тифъ, также какъ у Ольхина, Скуратова, Головина, Арбузова и

*) См. выше: апр., 592.

Digitized by Google

Карпова; у Б... часто бредъ; прошлую ночь онъ послалъ за священникомъ... Онъ очень страдалъ...

73.

16 января, Одесса.

Бѣдному Б... очень плохо; его обливали холодной водой, что его немного привело въ себя...

Самыя утѣшительныя слова докторовъ: „надежда не потеряна".

Какъ я подумалъ о тебѣ сегодня, когда неожиданный лучъ солнца освѣтилъ море—все это время туманы были невыносимые—ничего не было видно за 10 шаговъ. Я пошелъ къ морю; волны разбивались съ трескомъ и шумомъ и обдавали меня мелкимъ бѣлымъ и соленымъ дождемъ...

Я долго на нихъ смотрѣлъ, думая о тебѣ... Иныя волны были огромныя, онѣ какъ будто падали обратно на себя... точно водопадъ... а потомъ маленькія волны, кудрявыя, которыя подбѣгали, точно Андрейка—маленькими шажками... Время отъ времени виднѣется англійскій пароходъ.

Недавно стоялъ одинъ въ портѣ: онъ привезъ нашихъ плѣнныхъ и взялъ своихъ.

Я навѣщалъ плѣнныхъ французовъ и встрѣчалъ ихъ иногда на улицахъ; я съ ними говорилъ и находилъ ихъ учтивыми и приличными, несмотря на то, что они были изъ простыхъ солдатъ. Что же касается до англичанъ, я не понимаю, что мы съ ними такъ церемонимся,—просто безпокойные грубіяны, которыхъ я бы быстро привелъ въ порядокъ, если я былъ бы градоначальникъ.

Турки лучше англичанъ,—и англичане ихъ преслѣдуютъ; эти бѣдняки достали себѣ какую-то жестяную посуду, чтобы черпать воду... Когда англичанинъ встрѣчаетъ турка, онъ вырываетъ у него посуду и давитъ ее ногами.

74.

17 января.

Болѣе чѣмъ половина полка хвораетъ, *гораздо болѣе половины*. Только и слышишь про несчастныхъ больныхъ безъ ухода и умирающихъ по 20 за-разъ.

И къ тому же еще прибавляются слухи о мирѣ, къ счастью неоффиціальные, но всѣ возмущены этими слухами. Миръ теперь былъ бы большимъ несчастіемъ для всѣхъ, если это будетъ не въ такой формѣ, какъ говорятъ; всякій бы готовъ жертвовать *всѣмъ*, чтобы только продолжать войну.

Digitized by Google

Тѣ, которые думаютъ иначе, если они существуютъ—исключенія.

Я сегодня узналъ, что въ строю у насъ теперь 1.500 солдатъ—изъ 3.200, которыхъ мы имѣли при выступленіи.

Администрація отвратительна, возмутительный безпорядокъ. Меня назначили командовать чѣмъ-то въ родѣ образцовой роты, которая должна поставлять стрѣлковыхъ начальниковъ во всѣ полки—эта рота стоитъ верстъ за 40 отъ Одессы, на половину ближе, чѣмъ Катаржи. Я ничего не имѣю противъ этого, но мнѣ бы хотѣлось остаться еще нѣсколько дней здѣсь, чтобы знать, останется ли у меня Бобринскій, или умретъ.

75.

18 января.

Есть лучъ надежды для Боб... онъ чаще приходитъ въ себя...

76.

19 января.

Много говорятъ о мирѣ, но ничего нѣтъ оффиціальнаго; большое было бы несчастіе этотъ миръ.

77.

Одесса, 21 января.

Боб... намъ даетъ много надежды, хотя опасность не миновала! Въ полку плохо идетъ—больные прибавляются... Толкуютъ о переговорахъ насчетъ перемирія.

78.

31 января.

....Мнѣ тяжело говорить о нашихъ страданіяхъ; въ общемъ я тебѣ скажу, что у насъ 28 офиц. больны тифомъ. Одинъ изъ нихъ, котораго ты не знаешь, умеръ, двое умираютъ, одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ. Жемчужникову лучше; Бобринскій совсѣмъ поправляется...

79.

1 февраля.

Иногда у меня бываютъ прозрѣнія безконечнаго счастія, котораго я не съумѣлъ бы назвать, ни опредѣлить, ни дать ему ни цвѣта, ни формы... что-то въ родѣ воспоминаній—или прозрѣнія; но эти рѣдкія явленія приходятъ и исчезаютъ какъ молнія. Иногда же мысль о смерти представляется мнѣ какъ долго ожидаемое

Digitized by Google

и желаемое разрѣшеніе долгаго диссонанса... и кажется, что будто въ смерти найдется совершенное и полное счастье...

....Здѣсь есть барышня Дараганъ; ея отецъ и мать, всѣ трое восторгаются моими стихами, напечатанными въ „Современникѣ“—„Колокольчики“ и т. д.

Не бойся, мнѣ это не вскружитъ голову—я не тщеславенъ... Мы устраиваемъ нашу больницу на 400 человѣкъ, и мнѣ ее поручатъ.

80.

Депеша.

Подано въ Одессѣ... 3 марта 1856 г. 12 ч. 45 м. пополд.
Получено въ Петербургѣ 3 марта 1856 г. 1 ч. 46 м. попл.

Его Императорскому Величеству

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого началась припадками тифоидальной горячки, которые наконецъ достигли самой высокой степени.—Но со вчерашняго вечера болѣзнь значительно измѣнилась къ лучшему; прошедшая ночь была покойнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и больной подаетъ надежду на выздоровленіе.

81.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 4 марта 1856 г. 12 ч. 54 м. пополд.
Получено въ Петербургѣ 4 марта 1856 г. 1 ч. 38 м. попл.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Улучшеніе состоянія болѣзни стрѣлковаго полка Императорской фамиліи маіора графа Толстого продолжается; онъ въ полномъ сознаніи. Ночью показался благодѣтельный потъ, послѣ чего больной спалъ спокойно. Вообще степень болѣзни значительно уменьшилась. У больного проявляется даже аппетитъ.

82.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 5 марта 1856 г. 2 ч. 4 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 5 марта 1856 г. 3 ч. 24 м. пополд.

Его Императорскому Величеству.

Маіоръ графъ Толстой провелъ вчерашній день и ночь спокойно; ночью у него вновь была испарина, обозначившая рѣши-

Digitized by Google

тельный переломъ, и состояніе его улучшилось противъ вчерашняго. Флигель-адъютантъ Арбузовъ.

83.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 6 марта 1856 г. 2 ч. 3 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 6 марта 1856 г. 4 ч. пополудни.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Вчерашній день и нынѣшнюю ночь состояніе здоровья графа Толстого было весьма удовлетворительно.

Сегодня утромъ нѣтъ ничего лихорадочнаго; началось настоящее выздоровленіе.

84.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 8 марта 1856 г. 12 ч. 20 м. пополд.
Получено въ Зимн. дворцѣ 8 марта 1856 г. 1 ч. 45 м. пополд.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого совершенно прошла; остается одна слабость, уменьшающаяся съ каждымъ днемъ.

„Слава Богу! теперь полагаю излишнимъ доносить ежедневно и довольствоваться еженедѣльно по одному разу".

(Собственноручная помѣтка Императора Александра II.)

85.

Москва, 26 августа.

....Все для меня кончено, мой другъ, сегодня моя судьба рѣшилась; сегодня—день коронаціи... Въ этой общей тьмѣ, одна мысль является передо мной лучомъ свѣта; можетъ быть, я съумѣю изъ этой ночи, въ которой всѣ должны ходить съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами, вывести на Божій свѣтъ какую-нибудь правду, идя на *проломъ* и съ мыслью, что *панъ или пропалъ!*

Но если положительно я увижу, что въ будущемъ я ничего не могу сдѣлать,—мнѣ кажется, будетъ грѣшно передъ самимъ собой продолжать жизнь въ направленіи діаметрально противномъ своей природѣ, и тогда, вернувшись къ собственной жизни,

Digitized by Google

я начну въ 40 лѣтъ то, что я долженъ былъ начать въ 20 лѣтъ, т.-е. жить по влеченію своей природы...

Я знаю, что можетъ быть полезно даже ради истины лавировать и выжидать, но я не довольно ловокъ для этого: всякій долженъ лишь дѣйствовать по своимъ *дарованіямъ*, какъ говоритъ Deerslayer; въ моихъ дарованіяхъ я чувствую только одну возможность дѣйствовать—*идти прямо къ цѣли*. Чѣмъ скорѣе я пойму возможность или невозможность мнѣ быть полезнымъ, тѣмъ будетъ лучше.

Что я грустенъ, болѣе чѣмъ когда-либо, нечего тебѣ и говорить!..

86.

7 сентября, Москва, 1856.

....Я былъ сегодня утромъ у *Хомякова*, у котораго я нашелъ *Константина Аксакова*,—достойный человѣкъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ,—и былъ еще тамъ маленькій Поповъ [1]): говорятъ, что онъ славянофилъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, какъ мое самолюбіе было польщено всѣмъ тѣмъ, что они мнѣ сказали насчетъ моихъ стихотвореній... *Хомяковъ* мнѣ сказалъ, что онъ, прочитавъ *Спбсв* и *Колоколъ*, хотѣлъ мнѣ написать письмо,—и они прибавили: „ваши стихи такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что еслибы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народные".

Эти слова для меня—самая лучшая хвала, которую я могъ бы пожелать, и они не эти только два стихотворенія хвалили.

Аксаковъ, увидавъ меня, бросился мнѣ на шею.

Вообще меня гораздо больше знаютъ въ Москвѣ, чѣмъ ты думаешь, и люди, которыхъ я очень мало знаю и даже совсѣмъ не знаю, спрашивали меня:

„Вы ли тотъ, который написалъ то или другое стихотвореніе"?

Какъ объяснить потребность писать, которая мною овладѣваетъ, именно, когда мнѣ всего меньше времени и возможности писать?

....Все, что я чувствую, все, что я думаю—я все выражаю въ стихахъ .....Если успѣю, напишу завтра нѣсколько словъ—я выхожу изъ дому въ 8 утра, потомъ опять въ 12 ч. Завтра

[1]) Александръ Николаевичъ Поповъ, принадлежавшій къ славянофильскому кружку, магистръ московскаго университета и авторъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій, умеръ въ концѣ 70-хъ годовъ.

Digitized by Google

народный праздникъ, чрезвычайно серьезное дѣло — я поговорю о немъ съ тобой въ будущій разъ...

87.

8 сентября.

Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать про народный праздникъ: не думай, что это имѣетъ какую-нибудь важность по отношенію къ освобожденію...

Важность состоитъ въ томъ, что Государь и Его подданные будутъ имѣть случай оцѣнить другъ друга въ этотъ день, — и если устройство будетъ сдѣлано неумѣло, то оцѣнка можетъ быть невѣрная съ обѣихъ сторонъ...

Я отъ всего сердца желаю, чтобы все произошло прилично, спокойно и порядочно; но если будетъ иначе—не народъ будетъ виноватъ, а конечно администрація и полиція...

88.

11 сентября 1856.

.... Я чувствую, что твои слова справедливы; ты убѣждаешь меня не унывать и продолжать прикладывать всѣ старанія, и я это сдѣлаю, пока будетъ силъ; я уже дѣлаю — или, лучше сказать, продолжаю дѣлать все возможное, чтобы доводить правду — до кого слѣдуетъ.

Случаи не часто встрѣчаются, но я пользуюсь малѣйшимъ случаемъ и ловлю его за волосы, даже, пожалуй, вытягиваю за волосы!

89.

Москва, 13 сентября.

....Мало надежды, чтобы я могъ пріѣхать къ тебѣ въ эту осень. Государь не ѣдетъ въ Кіевъ. Онъ скоро возвращается въ Петербургъ, гдѣ опять будетъ торжественный въѣздъ и повтореніе почти что всѣхъ московскихъ празднествъ.

Говорятъ, это начнется 4 октября, а Государь уѣзжаетъ 20 или 21...

....Я вернусь къ тебѣ какъ на родину... Это мое настоящее чувство около тебя, и мнѣ необходимо это чувство, чтобы не заразиться (общимъ духомъ). Впрочемъ, не бойся, не хочу стращать тебя, я не заражусь, а все же надо отдохнуть и подышать съ тобой роднымъ воздухомъ, родными мыслями. А про стихи все ты ни одного слова не говоришь,—стало быть, они тебѣ не нравятся?

Хомяковъ три раза ко мнѣ пріѣзжалъ, чтобы я далъ ихъ

Digitized by Google

въ „Русскую Бесѣду“, и говоритъ, что у меня не только русская форма, но и русскій ходъ мысли...

90.

Петербургъ, 1 октября.

....Я хочу заняться безъ тебя *моимъ искусствомъ* — меня къ нему влечетъ, какъ никогда... На желѣзной дорогѣ я много поправлялъ „the Assyrian“, и я перевелъ „Sun of the Sleepless“.

Мнѣ хочется посмотрѣть, лучше или хуже моего переводъ Фета.

Не знаю, займусь ли я опять Серебрянымъ... но очень хочется...

....Помоги мнѣ жить внѣ мундировъ и парадовъ.

Что касается до серьезной цѣли, которую я себѣ поставилъ, я никогда не потеряю ея изъ вида, и мысль о ней можетъ одна меня помирить съ временнымъ моимъ положеніемъ, въ которомъ все противорѣчитъ моей натурѣ...

Но въ моей личной жизни я хочу жить *искусствомъ* и во имя *искусства*.—Моя натура возмущается при одной мысли, что ее хотятъ вытолкнуть на другую дорогу...

91.

9 октября.

...Я не знаю отчего, но у меня неодолимое желаніе писать,— я начинаю 4 — 5 вещей, всякій день... Чѣмъ больше пишу, тѣмъ болѣе пишется...

Протестъ противъ моего общественнаго положенія.

Панаевъ меня просилъ дать ему нѣсколько стихотвореній...

92.

Петербургъ, 5 октября.

....Я слишкомъ поспѣшилъ, посылая тебѣ *Вѣтку Акаціи*; я ее совсѣмъ передѣлалъ и посылаю ее теперь въ новомъ видѣ... Я увѣренъ, что ты нашла много нехорошаго, и именно это нехорошее я исправилъ — и я буду очень доволенъ, если я тебя угадалъ и опередилъ... Посылаю тебѣ еще маленькую вещицу— шутку, которая не для печати, но которая выражаетъ мою всегдашнюю мысль. Я ее написалъ сегодня утромъ и вѣроятно до почтоваго дня у меня будетъ еще что-нибудь... Я тебѣ все посылаю, какъ есть, но могу все передѣлать, если нужно...

....Я хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ, что такъ пишется теперь, чтобы написать что-нибудь хорошее... Поддержи меня, и

Digitized by Google

у меня удвоится энергія... Ты логична — съ тобой можно разсуждать и спорить обо всемъ, кромѣ Шекспира, о которомъ ты не хочешь разсуждать, а только подтверждаешь...

93.

6 октября.

....Знаешь, — хотя это пріятно и хорошо, но мнѣ часто мѣшаетъ легкость, съ которой мнѣ дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3—4 редакціи той же мысли, той же картины, и мнѣ нужно было бы *свѣжее ухо,* чтобы выбрать одну изъ редакцій той же самой вещи,— и чѣмъ больше мнѣ нравится мысль или картина, тѣмъ болѣе я ее мѣняю и исправляю, такъ что иногда *теряю чутье сужденія.*

Сегодня съ утра я уже перемѣнялъ и измѣнялъ *Вылку Акаціи* такъ много, что я уже не знаю, что надо оставить и что надо выбросить изъ разныхъ варіацій, которыя я написалъ: когда листъ бумаги исписанъ и весь перечеркнутъ, я переписываю заново, начисто, и черезъ нѣсколько времени новый листъ такъ же перемаранъ и перечеркнутъ, какъ первый...

....У меня есть еще нѣсколько вещей, относящихся къ Крыму, которыя я началъ во время нашего путешествія. Однѣ хорошія, другія слабыя, но онѣ всѣ добавляютъ цѣльность картины, и оттого я не рѣшаюсь ихъ уничтожить...

Я уже легъ - было и читалъ спокойно повѣсть Тургенева, но мнѣ опять захотѣлось тебѣ писать... Я ощущаю такую потребность говорить съ тобой о искусствѣ, о поэзіи, подѣлиться съ тобой всѣми моими мыслями и теоріями о искусствѣ, которыя движутся въ моемъ воображеніи.

Все это я чувствую ясно, но не умѣю ясно выразить: знаешь, что я тебѣ говорилъ про стихи, витающіе въ воздухѣ. и что достаточно ихъ ухватить за одинъ волосъ, чтобы привлечь ихъ изъ первобытнаго міра въ нашъ міръ... Мнѣ кажется, это также относится къ музыкѣ, къ скульптурѣ, къ живописи.

....Я думаю, что часто, ухватившись за волосъ одного изъ первобытныхъ произведеній, мы такъ неловко его тянемъ, что у насъ остается въ рукахъ лишь разорванное или изуродованное произведеніе, и что мы продолжаемъ тянуть, тянуть къ себѣ кусокъ за кускомъ, отрывокъ за отрывкомъ, и потомъ мы стараемся все это вмѣстѣ склеить и дополняемъ сами, *изъ своего воображенія,* то, чего недостаетъ; мы замазываемъ то, что мы сами испортили нашей неловкостью, неумѣлостью, и изъ этого

Digitized by Google

происходятъ всѣ наши недостатки, наша нерѣшительность, которые такъ возмущаютъ артистическій инстинктъ...

Тургеневъ написалъ повѣсть, которую я тебѣ пришлю, и задача которой мнѣ кажется легче исполненія; говорится въ ней о женщинѣ 28 лѣтъ, богато одаренной природой, но которая черезъ свое воспитаніе жила всегда далеко отъ всякаго художественнаго занятія и всякаго чтенія, возбуждающаго воображеніе, и которой въ 28 лѣтъ, читаютъ въ первый разъ „Фауста“, о которомъ она никогда ничего не слыхала и никакого понятія не имѣла, также какъ и о Гёте.

....Я не знаю еще, чѣмъ это кончится, но развитіе ея врожденныхъ артистическихъ чувствъ, которыя вдругъ просыпаются, довольно слабо описано...

Повѣсть Тургенева... въ родѣ его апельсина въ *Трехъ встрѣчахъ*.

Ты не знаешь, какъ хорошо я себя чувствую, какъ хорошо любится и разныя вещи пишутся.

Я началъ одну вещь, въ которой я говорилъ объ образахъ, витающихъ въ воздухѣ.,.

Очень странно развивать теорію въ стихахъ. но я думаю, что это мнѣ удастся.

Такъ какъ этотъ сюжетъ требуетъ много анализа, я выбралъ гекзаметръ—самые легкіе стихи... а вмѣстѣ съ тѣмъ это стихотвореніе даетъ мнѣ много труда,—такъ легко впасть въ педантизмъ.

Неужто я себя чувствую больше поэтомъ и художникомъ съ тѣхъ поръ, какъ я ношу платье анти-художественное и антипоэтическое?

94.

10 октября.

Я хочу тебѣ сдѣлать маленькое удовольствіе: я досталъ великолѣпныя фотографіи Толедо, Венеціи, Бургоса и Гренады; ты найдешь ихъ въ рамкахъ на твоихъ стѣнахъ, и, разсматривая въ лупу, ты можешь разобрать: кирпичъ, мохъ, собакъ и испанскихъ мухъ...

95.

Царское-Село, 11 октября.

Какъ я тебѣ буду часто читать свои вещи и заставлять тебя говорить о нихъ... И мнѣ хочется тебя познакомить съ старымъ евреемъ-раввиномъ; онъ крещенъ и занимается трансцендентальными науками; зовутъ его *Левисонъ*; я съ нимъ познакомился на желѣзной дорогѣ,—человѣкъ очень интересный, и съ которымъ намъ можно будетъ говорить объ Элифасъ Леви.

Digitized by Google

Я окончилъ дидактическое стихотвореніе; я тебѣ его пришлю; я не знаю, удалось ли мнѣ оно, но для любопытства я тебѣ пришлю черновые листы—они такъ перечеркнуты и перемараны, что ты ничего не поймешь въ нихъ, но мнѣ хочется, чтобы ты была посвящена и принимала бы участіе во всѣхъ тайнахъ моей мастерской.

96.

14 октября.

...Я читалъ М. мои послѣднія вещи; онъ не любитъ *Вѣтку Акаціи*, но онъ очень восхищался *Всесильной волею Аллаха* и тоже переводомъ изъ *Байрона, Ассиряне шли;* другой переводъ ему не нравится, и мнѣ также, да и оригиналъ мнѣ не очень нравится...

Я переполненъ поэзіей болѣе, чѣмъ когда-либо, *на зло мундиру*. и я тебѣ сейчасъ спишу мою новую вещь, что мнѣ будетъ очень скучно, такъ какъ это будетъ въ 50-й разъ...

М. былъ у меня, и мы вмѣстѣ переписали *Крымскіе очерки*, которые онъ завтра долженъ отнести Панаеву.

97.

Гатчино, 6 октября.

...Я здѣсь съ вечера и на два дня, если не на больше. Государь и Государыня и 30 или 35 дамъ и мужчинъ пріѣхали сюда и меня пригласили...

Завтра будутъ охотиться въ паркѣ; я, кажется, тебѣ разсказывалъ, что это за охоты.

Императрица была очень добра ко мнѣ; она со мной разговаривала цѣлый вечеръ, и пригласила меня ужинать за ея столъ; остальные играли въ разныя игры...

...Да хранитъ Господь Императрицу! Она все дѣлаетъ, что ей позволяетъ ея добрый и мягкій характеръ.

Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ.

Я говорю и повторяю это во всеуслышаніе, и я не боюсь прослыть за льстеца; я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно.

Я перечелъ то, что тебѣ написалъ, и нѣкоторыя вещи зачеркнулъ, потому что я тебѣ писалъ подъ впечатлѣніемъ уныніе: ты найдешь, что я непослѣдователенъ, но мое расположеніе духа измѣнилось къ лучшему, потому что я сегодня вечеромъ нашелъ случай сказать Государю одну вещь, которую необходимо было ему знать, и которую безъ меня онъ не узналъ бы.

Когда это мнѣ случается, я оживаю!..

Digitized by Google

Моя натура такая впечатлительная, что она сохраняетъ долго отпечатокъ; хорошее или дурное—оно остается на мнѣ долго послѣ минуты впечатлѣнія.

Не могу не вернуться къ Императрицѣ и не сказать, что я удивляюсь и любуюсь ею. Откуда она, я не понимаю, можетъ въ своемъ положеніи почерпнуть такія ясныя и широкія мысли въ полномъ смыслѣ этихъ словъ?

Я вижу, какъ она всегда старается смотрѣть и увидѣть насколько можно дальше черезъ стѣну, которая ее окружаетъ; и потомъ у нея большое благородство и великодушіе въ сужденіяхъ, которыя ее заставляютъ смотрѣть очень безпристрастно на вопросы, противъ которыхъ вообще имѣются предвзятыя сужденія.

Да хранитъ ее Господь! повторяю я это отъ всего сердца, всякій разъ, какъ я ее вижу...

98.

Петербургъ, 19 октября.

...Я навязалъ на душу m-lle Д. Ѳ. Т—вой дѣло Р... Она—добрый человѣкъ, и мы съ ней очень симпатизируемъ; на вечерахъ въ Гатчинѣ мы большею частью проводили время вмѣстѣ; она очень торжествуетъ, что я — флигель-адъютантъ Государя... Была бы только причина торжествовать.

Она увѣряетъ, что у меня много общаго съ Аксаковымъ.

Находишь ли ты это?

Мнѣ кажется, что Императрица говорила съ Вяземскимъ о моемъ романѣ; она со мной о немъ говорила съ настоящимъ интересомъ. Я просилъ Д. Ѳ. Т—ву дать мнѣ возможность прочесть нѣсколько стихотвореній Императрицѣ. Я хочу какъ можно болѣе и съ самаго начала поставить себя въ положеніе *художника* или человѣка *анти-практичнаго*...

Есть нѣкоторыя коммиссіи и слѣдствія, которыя я бы съ счастіемъ исполнилъ, если бы Государь захотѣлъ мнѣ ихъ довѣрить... И я сказалъ это Д. Ѳ. Т—вой. Такія дѣла, въ которыхъ не требуются особенныя знанія спеціальныя, но въ которыхъ нельзя допускать никакихъ снисхожденій къ высокопоставленнымъ лицамъ...

И есть теперь такіе случаи...

99.

25 октября, 1856.

Мой другъ!—пойми все, что заключается въ этомъ словѣ. День пришелъ, въ который мнѣ необходима твоя помощь, *чтобы мочь жить*.

Digitized by Google

Ты знаешь, какъ моя жизнь всегда была искривлена,—и теперь болѣе жестокимъ образомъ, чѣмъ когда-либо, самымъ больнымъ способомъ для меня...

Государь, не посовѣтовавшись со мной, хочу ли я этого и *могу ли я*, объявилъ мнѣ сегодня, что онъ мнѣ предписываетъ служебныя занятія, самыя антипатичныя для меня, и къ которымъ я совсѣмъ неспособенъ... дѣло идетъ о сектантахъ! Какъ я ни протестовалъ и ни выражалъ ему, въ самыхъ ясныхъ словахъ, что я не *чиновникъ*, а поэтъ,—ничего не помогло!..

100.

Царское-Село, 25 октября.

...Какую ты огромную перемѣну увидишь во мнѣ... Я и сильнѣе, и слабѣе, чѣмъ былъ... Сильнѣе потому, что я чувствую, что искусство пробуждается во мнѣ со всею силою и мощностью: поэзія постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ... точно приближающійся величавый сильный громъ все ближе и ближе; а проза со всей своей глупостью душитъ меня въ своихъ полипообразныхъ объятіяхъ...

Императрица—ангелъ; когда вы обѣ умрете, вы обѣ вмѣстѣ должны идти—не иначе... Она меня поняла. Она мнѣ помогаетъ; сегодня вечеромъ она заставила меня ей прочесть мои стихотворенія.

Я слѣдилъ за ней, во время чтенія; нѣсколько разъ она облокачивала голову на руку и безмолвно слушала... Она понимала, что я читалъ. Главнымъ образомъ, я слѣдилъ за ней, когда я говорилъ *Въ странѣ лучей*; я нарочно ей прочелъ *Колокольчики* въ цѣльности; въ одномъ мѣстѣ, именно въ томъ, гдѣ заключается вся суть стихотворенія,—она сказала: „Какъ хорошо“! Она очень меня поддерживала и сказала мнѣ, чтобы я ей посвятилъ весь сборникъ; она прибавила: „Я не хочу, чтобы цензура окромсала его! „Je ne veux pas que la censure le rogne“! Она мнѣ сказала, чтобы я еще разъ пришелъ дочитать остальныя мои стихотворенія, и все, что она говорила, имѣло положительное значеніе. Государь прослушалъ все, но ничего не говорилъ; только о Чуфутъ-Кале онъ сказалъ: „Какъ это хорошо“!

101.

26 октября.

....Я легъ и сталъ читать „Онѣгина“ ...Многія страницы были давно мнѣ знакомы, но въ этотъ разъ онѣ мнѣ такъ понравились, что я невольно сказалъ нѣсколько разъ:—Какъ прекрасно!

Digitized by Google

какъ хорошо! ...А когда я дошелъ до описанія зимы въ деревнѣ, у меня брызнули слезы изъ глазъ...

Мои такъ часто льющіяся слезы, можетъ быть, слабость съ моей стороны, и съ другими это бываетъ лишь въ минуты экзальтаціи, большихъ возбужденій, въ минуты апогеи любви и т. д.,—но что же мнѣ дѣлать, если всякая минута моей жизни проходитъ въ экзальтаціи и апогеѣ!

102.

27 октября.

....Сегодня я говорилъ съ знающимъ человѣкомъ о моей теперешней службѣ; онъ меня очень поздравлялъ съ этимъ назначеніемъ.

....Что до меня касается, я очень боюсь, чтобы эти занятія не были совершенно противоположны моей совѣсти...

Эта мысль болѣе мучительна для меня, чѣмъ еслибы мнѣ дали службу только непріятную и не подходящую къ моей природѣ, какъ большею частью административные посты.

....Я изъ-за этого не сплю ночей, не ѣмъ, у меня лихорадка, и мои руки леденѣютъ при одной мысли.

....Увидимъ... но ты знаешь, что если я не могу остаться честнымъ человѣкомъ на этомъ мѣстѣ, я уйду во что бы ни стало, хоть напроломъ!

....Спасибо тебѣ, за доброе, хорошее письмо, а на стихи ты, право, нападаешь...

Ассирьяне хороши; неправда, что они плохи, никто еще не сдѣлалъ такого точнаго перевода, ты предубѣждена противъ меня—больше ничего... И ты изъ чувства долга просишь у меня *Колокольчики*, чтобы позолотить пилюлю... Впрочемъ ты не одна, вчера m-lle Блудова мнѣ сказала: „Я прочла что-то ваше (détestable) отвратительное, а именно *Колокольчики*, въ „Современникѣ“,—а по-моему, это одна изъ моихъ самыхъ удачныхъ вещей.

Я тебя увѣряю,—чтобы публика восхищалась чѣмъ-нибудь, необходимо, чтобы эту вещь хвалили въ журналахъ, или чтобы авторъ былъ высланъ, или разжалованъ... *или чтобы его никто лично не зналъ*,—это самое главное,—и потому у меня больше было успѣха въ Москвѣ.

Вообще люди не могутъ простить человѣку, котораго они давно знаютъ, что онъ—поэтъ... и что прежде этого не знали... Это открытіе всегда производитъ впечатлѣніе...

Нахальство, которое требуетъ строгаго наказанія, и мнѣ слу-

Digitized by Google

чалось видѣть людей, которые думали, что они меня сконфузятъ, говоря со мной о моихъ стихахъ...

Но надо признаться, что никого такъ мало не поддерживали, какъ меня... Я не могу не разсказать тебѣ одно очень серьезное сужденіе, которое мнѣ выразила m-lle T. о Жуковскомъ...

Его послѣднее произведеніе называется *Вѣчный Жидъ*, и я себѣ позволилъ сказать, что я нахожу стиль этого произведенія немного тяжелымъ и утомительнымъ...

„Правда, — сказала она, — я не могла прочесть безъ скуки, но я себя заставила прочесть его пять разъ, и я васъ увѣряю, что на шестой разъ скука была побѣждена".

Я очень любилъ Жуковскаго, но я не преклоняюсь передъ его литературнымъ достоинствомъ, которое необходимо прославлять потому, что онъ былъ преданъ царской семьѣ.

Двѣ противоположности, какъ ты видишь, приводятъ въ различныхъ кружкахъ къ тѣмъ же результатамъ.

103.

Петербургъ, 4 ноября.

....У меня такое *отвращеніе*, именно отвращеніе къ службѣ, какова бы она ни была, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, что даже еслибы я хотѣлъ фокусомъ заставить себя подчиниться этому, я бы никогда не дошелъ до хорошихъ результатовъ, и потомъ—я ставлю *искусство, какъ пользу*, сто разъ выше службы...

....И къ тому же матеріалъ, изъ котораго я сдѣланъ, не можетъ найти здѣсь элемента сроднаго ему.

Что бы ни дѣлали, не найдутъ *цемента*, чтобы связать меня съ массой.

....Убить человѣка дурно, но убить мысль, умъ—хуже.

....Я возвращаюсь съ вечера Императрицы, гдѣ изъ мужчинъ былъ только я одинъ. Государь очень добръ и милостивъ.

....Государь очень добръ къ моему дядѣ; онъ нѣсколько разъ самъ былъ у него, и я ему ежедневно посылаю бюллетени.

104.

Петербургъ, 12 ноября.

....Третьяго дня, въ 11-мъ часу, мой бѣдный дядя скончался. Послѣдніе дни у него пропалъ голосъ, и онъ говорилъ только шопотомъ, и спрашивалъ меня постоянно, удовлетворены ли всѣ люди, которые за нимъ ухаживаютъ.

Digitized by Google

Онъ всѣмъ интересовался, и присутствіе духа не покидало его до конца.

Послѣ завтра его похороны въ Алекс.-Невскомъ; всѣ его жалѣютъ и многіе оплакиваютъ.

Еслибы ты знала, какъ горячо къ сердцу Императрица приняла смерть дяди.

Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно сердечная женщина; ни слова, ни дѣйствія ея не носятъ отпечатка оффиціальности. Она тоже могла бы взять себѣ девизъ: *Не слыть, а быть.*

Христосъ съ ней, она чудесная, прекрасная женщина...

Когда я тебѣ не пишу, я иначе съ тобой, я слушаю звуки стиховъ, которые витаютъ передо мною въ воздухѣ, и я стараюсь ихъ уловить — задержать. Я часто ошибаюсь и пишу не то, что слышалъ, но у меня потребность прислушиваться къ этимъ звукамъ.

Я не знаю, какъ другіе пишутъ, но у меня всего чаще при приближеніи этихъ звуковъ волосы подымаются и слезы брызгаютъ изъ глазъ; никогда это не бываетъ для меня механической работой, никогда—даже при переводахъ.

105.

Царское-Село, 17 ноября.

Господи, Господи, когда же придетъ время, когда мнѣ можно будетъ забыть прошлое и будущее и жить только въ *настоящемъ?—Это—счастье на землѣ.*

Надо все или ничего; надо смотрѣть на прошлое и на будущее, какъ, я думаю, мы будемъ смотрѣть на томъ свѣтѣ, или же не дѣлать никакихъ предположеній на будущее и не имѣть никакихъ воспоминаній о прошедшемъ.

Я понимаю, что время есть лишь ложная или недостаточная идея, происходящая отъ ограниченности нашего ума, который не можетъ понять предметы иначе, какъ въ отдѣльности, и который не можетъ сознать ихъ въ одной цѣльности.

У нашей души только одно окошко, черезъ которое она видитъ предметы, одинъ за другимъ; когда стѣны отпадутъ, видъ откроется на всѣ стороны, и все представится одновременно; все, что казалось противорѣчиво, объяснится самымъ простымъ образомъ, понятнымъ для ребенка; не будетъ больше времени—будетъ вѣчность, будетъ одна общая цѣльность, и слова: время, вѣчность—не будутъ имѣть смысла.

Я все это знаю, я думаю объ этомъ, и все-таки мнѣ думается о всѣхъ диссонансахъ жизни, и мнѣ отъ нихъ больно...

Digitized by Google

Ты и я, мы чувствуемъ *то, что есть*, и оттого мы любимъ искусство, которое есть ступень къ лучшему міру.

Какъ странно, что я такъ хорошо знаю, что̀ такое музыка, и такъ мало ее понимаю. И насколько люди, презирающіе искусство, ограничены, и тѣ люди тоже, которые смотрятъ на эту жизнь какъ на конецъ и на цѣль нашего существованія, и которые относятся къ художникамъ какъ къ людямъ безполезнымъ, а ищутъ хорошихъ отношеній съ такъ-называемыми практическими людьми.

Художники — авангардъ, піонеры, которые идутъ впереди войска, и на которые войско смотритъ съ презрѣніемъ и жалостью.

Но если видишь дальше, чѣмъ масса видитъ,—развѣ, въ угоду ей, надо нарочно дѣлать себя близорукимъ, работать надъ ослабѣваніемъ зрѣнія, чтобы ровно видѣть то только, что̀ видятъ другіе?

Я не вѣрю этому... Я не сотворенъ изъ того же матеріала, какъ масса; можно ли отъ меня требовать тоже, что̀ отъ другихъ?.. Было бы смѣшно требовать отъ Ч*** или отъ Ш*** писать трагедіи или картины—всѣ бы смѣялись.

Но развѣ не такъ же безсмысленно требовать отъ меня, чтобы я былъ *чиновникомъ* или бюрократомъ?

....Но никто не смѣется надъ этимъ, потому что масса состоитъ изъ бюрократовъ, и что у нихъ нѣтъ довольно ума, чтобы понять, что не всякій созданъ по ихъ подобію.

Я перечелъ Гейне и нахожу, что онъ истинный поэтъ и поэтъ замѣчательный—и чрезвычайно оригиналенъ.

Какъ могъ онъ быть дурнымъ человѣкомъ?

Чувства злобы, ненависти и даже самыя низкія встрѣчаются въ его произведеніяхъ рядомъ съ самыми возвышенными и глубоко поэтическими чувствами...

Я еще написалъ маленькую вещь о Лорѣ: *Что ты голову склонила?*

106.

Пустынька, 25 ноября.

....Я тебѣ посылаю нѣсколько стихотвореній въ переводѣ, и не скажу тебѣ, кто авторъ оригиналовъ... Мнѣ хочется увидѣть, догадаешься ли ты? Никогда я не чувствовалъ такую легкость писать...

Еслибы я теперь издалъ свои стихотворенія, вышелъ бы цѣлый маленькій томикъ, включая переводы...

....Я всегда радъ признаваться въ своихъ ошибкахъ: во-

Digitized by Google

образи себѣ, что я сталъ энтузіастомъ Пушкина,—не всего, но извѣстной категоріи его стихотвореній...

107.

1 декабря 1856.

....Чѣмъ ближе я всматриваюсь въ дѣло Комитета, тѣмъ сильнѣе я чувствую, что моя совѣсть смущена, и тѣмъ яснѣе я вижу, откладывая всякія соображенія въ сторону, что я не созданъ для такой службы. Несмотря на это, я не могу все это оставить, прежде чѣмъ во все вполнѣ окунуться, чтобы имѣть право удалиться, вполнѣ зная, въ чемъ дѣло (en connaissance de cause). Это—такое дѣло, въ которомъ не видишь ясно дорогу, по которой слѣдуетъ идти. Мнѣ невозможно выразиться понятнѣе въ письмѣ. Но въ этомъ случаѣ я не согласенъ съ самимъ собою, и Богъ знаетъ, достигну ли я этого примиренія!..

Еслибы, напримѣръ, меня употребили на дѣло освобожденія крестьянъ, я бы шелъ своей дорогой, съ чистою и ясною совѣстью, даже еслибы пришлось идти противъ всѣхъ. Но въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ я нахожусь—совсѣмъ не то, и не могли сдѣлать худшаго выбора.

Богъ со всѣмъ этимъ, *что будетъ, то будетъ!*..

....Всякій день я сильнѣе убѣждаюсь, что моя жизнь пошла по невѣрному пути, и что всѣ мои мысли, 20 лѣтъ тому назадъ, были справедливы, по крайней мѣрѣ что касается самого себя... Если я буду призванъ дать совѣтъ Юрію, я дамъ ему совѣтъ слѣдовать своему призванію, если у него такое будетъ, и не ломать свою природу ....Но въ этомъ онъ счастливѣе меня,—никто и не подумаетъ навязывать ему искусственную природу.

108.

6 декабря.

Ты не можешь себѣ вообразить, какое презрѣніе я чувствую къ тому *презрѣнію,* съ которымъ спрашиваютъ меня или обо мнѣ: „Какъ, неужто вы серьезно собираетесь *сочинять*“? И слово *сочинять* достойно тѣхъ устъ, изъ которыхъ оно исходитъ...

Я доволенъ и гордъ, и торжествую, что ты одобрила мои стихотворенія, особенно дидактическое, къ которому я приложилъ много стараній и вниманія, и которое я люблю, несмотря на его „genre“. Оно, конечно, массѣ не понравится, но оно понравится тѣмъ, которые, какъ я, художники въ душѣ, и только художники...

Ты больше не отчаяваешься во мнѣ... Еслибы я былъ свободенъ, ты увидала бы, какъ бы я оправдалъ твою поддержку, не-

Digitized by Google

смотря на обстоятельства моей частной жизни, которыя такъ мѣшаютъ спокойствію души, столь необходимому для художника...

109.

13 декабря.

Такъ больно, такъ грустно, что мочи нѣтъ.

Какъ оно ни глупо, но попробую поговорить съ тобою о „Серебряномъ". Я не дотрогивался до него, но я его не покинулъ, и очень его люблю...

Правда, что надо его передѣлать, и обдѣлать неровности въ стилѣ, и дать характеръ Серебряному, у котораго никакого нѣтъ, и онъ даже блѣднѣе всякаго jeune-premier. Я часто думалъ о характерѣ, который надо было бы ему дать,—я думалъ сдѣлать его глупымъ и храбрымъ, дать хорошую глупость, но онъ слишкомъ былъ бы похожъ на Митьку.

Нельзя ли было бы его сдѣлать очень наивнымъ... воспользоваться характеромъ Л..., т.-е. сдѣлать человѣка очень благороднаго, не понимающаго зла, но который не видитъ дальше своего носа, и который видитъ только одну вещь за-разъ, и никогда не видитъ отношенія между двумя вещами. Еслибы сдѣлать это художественно, можно было бы заинтересовать читателя подобнымъ характеромъ.

....Вчера я позвалъ къ себѣ на завтракъ Л. Н. Толстого; онъ очень хорошій человѣкъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ съ тобой познакомился...

Толстой написалъ свое *Юношество*, которое появится въ январьскомъ „Современникѣ". Я предвкушаю большое удовольствіе.

Тоже появятся нѣсколько моихъ вещей—и въ „Русск. Вѣстникѣ" также.

110.

13 декабря.

Для „Бесѣды" я берегу вещи болѣе спеціально-національныя; я наконецъ хочу, чтобы на меня обратили вниманіе, и хочу пріобрѣсти право гражданства. Дружининъ меня проситъ дать ему нѣсколько главъ изъ „Серебрянаго", но я ихъ дамъ „Современнику", если дамъ... Чтобы сдѣлать себѣ имя, я тебя увѣряю, нужно брать количествомъ, а не качествомъ, что не доказываетъ, что я могу удовлетвориться именемъ въ родѣ Александра Дюма, несмотря на то, что онъ написалъ *Три Мушкетера*...

Digitized by Google

1857 г.

111.

Петербургъ, 12 мая.

...Вчера я послалъ тебѣ длинное письмо съ дѣтскими письмами въ Парижъ; дѣти всѣ здоровы.

Они чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый...

Они всѣ на меня садятся и дергаютъ меня во всѣ стороны. Андрейка мнѣ разсказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ, и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... И онъ мнѣ разсказываетъ всѣ свои сны и проситъ меня на слѣдующую ночь опять взять его въ Америку...

Онъ хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія, статистическія, объ обезьянахъ и спрашивалъ: „Сколько ихъ всего на свѣтѣ? Будетъ ли 10 милліоновъ или меньше“?

А я, я всякій день его больше и больше люблю. Черезъ два дня они переѣзжаютъ въ очень милую дачу на Крестовскомъ, съ особеннымъ садомъ, отдаленную отъ другихъ.

112.

17 мая.

....Я подтверждаю, что это—совершенная правда:

Андрейка видѣлъ во снѣ лягушку, какъ я ему это обѣщалъ наканунѣ; онъ всегда почти видитъ во снѣ то, что я ему обѣщаю, но иногда онъ меня укоряетъ, что я не сдержалъ обѣщанія. Недавно онъ мнѣ сказалъ: „Ты мнѣ обѣщалъ привезти изъ Америки двѣ лягушки, одну сѣренькую, другую желтенькую—зеленькая была, а сѣренькой не было; вмѣсто сѣренькой была бѣленькая“... Тогда я ему говорю, что онъ дурно видѣлъ, и онъ споритъ со мной: „ахъ нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ была бѣленькая“.

Я ему обѣщалъ вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть обезьяна и играть на скрипкѣ—и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ...

Я написалъ тебѣ нѣсколько стихотвореній въ такомъ родѣ, который ты не будешь критиковать, но сегодня у меня никакой охоты нѣтъ ихъ переписывать... Пароходъ уходитъ сегодня, и мнѣ надо немедленно отправить это письмо на почту...

Digitized by Google

113.

Петербургъ, 5 іюня.

....Бобринскій необычайно добръ и нѣженъ ко мнѣ; такъ какъ онъ не могъ быть на похоронахъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Гатчино; онъ пріѣхалъ ко мнѣ къ Сергію... Я съ нимъ вернулся на другой день, и такъ какъ въ тотъ же день я сказалъ ему, что поѣду на Крестовскій, онъ захотѣлъ самъ со мной ѣхать, безъ моей просьбы; мы отвезли дѣтямъ апельсинъ... Но такъ какъ М. былъ тамъ и Ал. Жем. былъ со мной, и что время подходило къ тому часу, въ который я имѣлъ привычку ходить къ матери — мнѣ такъ страшно было больно, что я уѣхалъ.

Я еще ни одного дня не былъ одинъ съ своимъ горемъ!... Я тебѣ написалъ въ Парижъ нѣсколько часовъ послѣ событія. Ты—*мой другъ* во всѣхъ минутахъ моей жизни...

114.

...Петербургъ, 8 іюня.

....Я спокоенъ, и минутами я почти-что забываю, что случилось, и я жду пробужденія; но дни и ночи проходятъ одни за другими, а я все не просыпаюсь...

Ты теперь мой единственный другъ—въ этомъ мірѣ, гдѣ я чужой...

115.

Петербургъ, 9 іюня.

Я ѣду сегодня вечеромъ въ Сергіевскую: панихида завтра, 9-й день.

....Мнѣ кажется гораздо больше времени прошло... черезъ нѣсколько дней я буду говѣть у Сергія — у меня большая потребность это сдѣлать...

116.

Царское-Село, 10 іюня.

Я здѣсь, чтобы проститься съ Государемъ, который ѣдетъ за границу на мѣсяцъ — да хранитъ Его Господь! Этотъ человѣкъ такъ сильно желаетъ добра, и ему такъ дурно служатъ!...

....Ты знаешь, я не боюсь моральныхъ страданій и я никогда ничего не сдѣлалъ, чтобы ихъ избѣгнуть, но вечеромъ мнѣ невозможно оставаться въ этомъ пустомъ домѣ. Эту ночь я провелъ у Бобринскаго—вчера былъ съ нимъ у дѣтей...

Я былъ на 9-й день на богослуженіи въ монастырѣ; и я тамъ спокойнѣе, но часто, очень часто, у меня является надежда,

Digitized by Google

что все это сонъ, и что я сейчасъ проснусь; я дѣлаю усилія, чтобы прервать сонъ, и мнѣ часто кажется, что я могу дойти до этого... Мнѣ приходитъ мысль, что наша теперешняя жизнь въ самомъ дѣлѣ—сонъ души; можетъ быть, мы видимъ сны, только такіе—одинъ разъ, а можетъ быть эти сны періодическіе, какъ наши...

Бываетъ со мной тоже, что я хочу написать матери — во время церемоніи не одинъ разъ мнѣ хотѣлось подѣлиться съ нею тѣмъ или другимъ случаемъ, который ей могъ бы быть пріятнымъ; какъ только какое-нибудь сочувствіе или сожалѣніе мнѣ кажется искреннимъ, мнѣ хочется ей его передать.

Потомъ мысль о ея смерти исчезаетъ совершенно, и я почти что удивляюсь, когда мнѣ о ней говорятъ.

117.

18 іюня.

....Я получилъ письмо отъ Хомякова, полное такихъ похвалъ, отъ него и отъ другихъ лицъ, что, вообрази себѣ, мнѣ это доставило много удовольствія, несмотря на мое большое горе.

Я тебѣ признаюсь, что я не буду доволенъ, если ты познакомишься съ *Некрасовымъ*. Наши пути разные...

Христосъ съ тобой, единственный мой другъ...

118.

Петербургъ, 4 іюля.

....Я тебѣ пишу всякій день—у тебя есть письмо въ Комо, Веве, Венецію...

Обрати вниманіе на характеръ ломбардскихъ церквей, постарайся изучить физіономію различныхъ архитектуръ.

Поѣзжай въ Верону,—тамъ есть ломбардскій соборъ и римскій амфитеатръ, очень хорошо сохраненный... и потомъ могила Ромео.

До свиданія, Богъ съ тобой.

Дѣти—хорошія дѣти, и я надѣюсь, что мы можемъ ихъ сдѣлать еще лучшими...

119.

30 ноября.

...Я такъ медленно подвигаюсь, что мало вѣроятія, чтобы я пріѣхалъ во-время...

Погода отвратительная, вѣтеръ воетъ, дождикъ идетъ, снѣгъ идетъ и теперь морозитъ...

Digitized by Google

Второе колесо сломалось, и я на одну станцію дальше Серпухова...

Напиши мнѣ два или три слова въ Кременчугъ, а потомъ въ Алушку.

Только я тобой и живу.

120.

Курскъ, 8 декабря.

...Мнѣ остается 500 верстъ до Кременчуга—и тошь кончается... Если снѣгъ выпадетъ, я поѣду на перекладной, но что-то не похоже на это.

Я крѣпко увѣренъ, что я предназначенъ написать что-нибудь хорошее; я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе; но если бы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собой.

Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается, и я себѣ сдѣлаюсь отвратительнымъ.

121.

Николаевъ, 13 декабря.

....Я нашелъ здѣсь записку изъ Петербурга отъ С. П., которая мнѣ передастъ другую, отъ 3-го, изъ Симферополя.

Василію Алексѣевичу, кажется, рѣшительно лучше.

Итакъ, я остаюсь здѣсь часть ночи и потомъ продолжаю путь...

Я написалъ нѣсколько стихотвореній во время тряской дороги... Я исправилъ тѣ, которыя я послалъ изъ Кременчуга, и которыя были совсѣмъ въ первобытной формѣ.

На станціяхъ, пока мѣняютъ лошадей, я записываю то, что произвелъ дорогой.

Осталось еще 400 верстъ до Алушки, а погода все хорошая; о снѣгѣ и помину нѣтъ...

122.

Симферополь, 8 декабря.

....Я имѣлъ извѣстіе о дядѣ въ Перекопѣ, и потомъ я встрѣтилъ, спустя нѣсколько станцій, графа Строганова, который его видѣлъ. Онъ говоритъ, что ему очень плохо, но нельзя опредѣлить, сколько это можетъ продолжиться.

Еслибы ты знала, какъ сжимается сердце при видѣ горъ и Чатыръ-Дага...

Digitized by Google

123.

Алупка, 9 декабря.

....Пройдетъ еще недѣля, прежде чѣмъ я оставлю Крымъ,— моего дядю отнесутъ въ монастырь Св. Георгія, — и потомъ, на одинъ день, самое большое, поѣду въ Меласъ. Монастырь верстъ 60 отсюда, и послѣ-завтра шествіе трогается въ путь.

Мой бѣдный дядя меня очень ждалъ, но онъ записалъ въ книжкѣ, прежде чѣмъ получилъ мою депешу, что онъ проситъ меня не пріѣзжать, чтобы не тревожить меня въ моихъ дѣлахъ, и что между нами не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, и что онъ увѣренъ въ моемъ чувствѣ къ нему—и онъ мнѣ и Борису поручилъ исполненіе его послѣдней воли, что записано было имъ въ той же книжкѣ, въ родѣ завѣщанія.

Онъ сохранилъ присутствіе духа до послѣдней минуты... Онъ два раза причащался и оставилъ самыя трогательныя распоряженія, полныя вниманія для многихъ людей...

Говорятъ, что много розъ въ саду; я еще тамъ не былъ...

....Скорѣй, скорѣй бы все долой съ плечъ и начать жизнь...

124.

Алупка, 11 декабря.

....Сегодня мы отнесли дядю въ церковь; мы несли его на рукахъ; дорога была покрыта зеленью — лавровыя вѣтки, вѣтки розмарина въ цвѣту и разныя другія, совсѣмъ зеленыя вѣтки... Садъ почти весь зеленый; розъ нѣтъ, но много кустовъ, покрытыхъ желтыми цвѣтами; плющъ красивѣе, чѣмъ когда-либо; кипарисы покрыты шишками, и это придаетъ имъ видъ менѣе мрачный, чѣмъ лѣтомъ; есть мѣста въ саду, гдѣ лавровые кусты, простые и розовые, такъ пышны и густы, что можно себѣ вообразить настоящее лѣто...

....Завтра мы идемъ въ монастырь...

Я забылъ тебѣ сказать, что садъ полонъ птицами, которыя щебечутъ; особенно много дроздовъ. Въ лучахъ солнца пляшутъ миріады мушекъ...

125.

21 декабря.

(Какая-то станція 400 верстъ отъ Екатеринослава.)

Ночь темная, и мнѣ пришлось вернуться на станцію, отъѣхавши лишь 5 или 6 верстъ. Ямщикъ изморился—онъ совсѣмъ измерзъ; вѣтеръ ужасный и метель—зги не видать...

....Ты не знаешь, какой громъ риѳмъ грохочетъ во мнѣ, какія волны поэзіи бушуютъ во мнѣ и просятся на волю...

Digitized by Google

Я еще написалъ нѣсколько вещей между станціями и усовершенствовалъ другія...

Погода проясняется, я ѣду дальше...

1858 г.

126.

16 января.

Вчера я обѣдалъ у Государя и сегодня былъ опять; многое, включая литературу, принимаетъ хорошій оборотъ. Дай Богъ Ему здоровья,—я говорю это отъ всего сердца.

1860 г.

127.

Лондонъ, 13 іюня.

....Ложусь теперь спать потому, что не спалъ и эту ночь; а завтра разскажу тебѣ разныя вещи... А теперь скажу только, что я, проходя мимо Hyde Park'a, видѣлъ змѣя (cerf-volant), такого хорошаго, что тотчасъ подумалъ объ Андрейкѣ, и постараюсь ему достать такого. Онъ имѣетъ форму птицы, летаетъ и машетъ крыльями, и потомъ спускается и садится на траву какъ птица, и все машетъ. Еслибы я такого увидѣлъ на охотѣ, непремѣнно выстрѣлилъ бы въ него. Его пускалъ очень толстый и серьезный человѣкъ, для собственнаго удовольствія.

Два часа ночи. Я только-что вернулся отъ Юма, и несмотря на боль, которую причиняетъ мнѣ наша разлука, я не жалѣю о моемъ путешествіи въ Лондонъ, такъ какъ *сеансъ былъ поразительный*.

Боткинъ (В.) увѣровалъ; хочетъ завтра запереться, не выходить цѣлый день, чтобы обдумать все, что онъ видѣлъ...

Насъ было: я, Боткинъ, жена Юма, г-жа Миллеръ-Гибсонъ (жена cabinet-minister), одна дама-компаніонка и потомъ Штейнбокъ. Прежде всего были явленія, которыя тебѣ извѣстны; послѣ этого продолжали въ полутемнотѣ; вся мебель задвигалась, передвинулась; одинъ столъ сталъ на другой, диванъ сталъ посреди комнаты, колокольчикъ гулялъ по всей комнатѣ и звонилъ въ воздухѣ, и т. д. Потомъ произвели полную темноту. Фортепіано заиграли сами собой, браслетъ былъ снятъ съ руки m-me Gibson и упалъ на столъ, *испуская лучи свѣта*. Юмъ былъ под-

Digitized by Google

нятъ на воздухъ, и я щупалъ его ноги, пока онъ леталъ надъ нашими головами. Руки обняли мои колѣни и брали мои руки, и когда я хотѣлъ задержать одну руку, она *растаяла.*

На столѣ лежали карандаши и бумага; одинъ листъ бумаги всунулся самъ мнѣ въ руку, и азбука сказала, что я долженъ его передать Юму; на немъ было написано: „Любите ее всегда. Н. Кроллъ". (Aimez-la toujours, N. Kroll). Почеркъ былъ совершенно схожъ съ почеркомъ матери m-me Юмъ, и мы его сравнивали съ ея письмами. Очень слабый голосъ послышался во время игры на фортепіано. Стукъ сильный, точно удары молотка послышались въ столѣ, подъ руками у Боткина. Подушка упала мнѣ на голову. Что меня всего больше убѣдило, еслибы я не вѣрилъ,—это руки, которыя я чувствовалъ, которыя жали мои руки, хлопали по моимъ рукамъ, и которыя растаяли, когда я хотѣлъ ихъ уловить. Холодный вѣтеръ дулъ очень чувствительно вокруг̀ъ насъ, мы почувствовали ароматы—и у Юма послѣ сеанса руки горѣли и слезы лились изъ его глазъ. Жена его и онъ постоянно видѣли звѣзду на одномъ изъ стульевъ, но я не видалъ ее. *Видимыя* руки скользили около окна; слабо-освѣщеннаго газомъ снаружи. Занавѣси на окнѣ были задернуты. M-me Gibson пригласила меня. завтра вечеромъ къ себѣ, къ новому сеансу, но, къ несчастію, на этотъ разъ Боткинъ не приглашенъ, ради многочисленности гостей.

...Юмъ все цѣловалъ меня, ухвативъ обѣими руками за лицо, и плакалъ горько о своей belle-mère...

128.

Парижъ, 17 ноября.

...Я только-что вернулся отъ к-ни Бутера̀, у которой я, по ея просьбѣ, устроилъ вечеръ съ *Дю Потe* (Du Potet).

Сеансъ былъ *великолѣпный* и не оставляющій мнѣ никакихъ болѣе сомнѣній насчетъ публичныхъ сеансовъ, которые мы вмѣстѣ видѣли.

Ничто не отсутствовало, даже магическое зеркало, и лица, которыя были магнетизированы, внѣ всякаго подозрѣнія сообщества; напр., гр. С. Б., которая заснула, откидываясь на спинку дивана, послѣ 10 пассовъ, и вопреки своему желанію противодѣйствовать.

Двѣ барышни Св... проявили феномены каталепсіи и покоренія воли совершенно удивительныя. Я все тебѣ разскажу въ подробностяхъ... Я думаю, я откажусь отъ поѣздки въ Голландію, чтобы остаться для сеанса Squire, который меня пригла-

Digitized by Google

шаетъ. Ты понимаешь, подобные случаи рѣдко встрѣчаются, а Голландія останется на томъ же мѣстѣ — всегда...

1861 г.

129.

Петергофъ, 27 іюля.

Императрица—да благословитъ Богъ эту великодушную женщину, — узнавши, что я здѣсь, не подождала, чтобы я представился ей, но велѣла меня пригласить на вчерашній вечеръ, на новую ферму. И еслибы мои рѣшенія могли быть разрушены чѣмъ-нибудь, ея встрѣча это сдѣлала бы...

Государь былъ холодно милостивъ...

Многія лица мнѣ говорятъ, что онъ никогда не дастъ мнѣ безсрочный отпускъ. Я хочу предупредить ударъ и написать ему въ Крымъ. Говорить теперь невозможно.

Наслѣдникъ внушаетъ мнѣ огромную симпатію, настоящую симпатію—вотъ такъ бы и кинулся ему на шею!..

130.

Москва, 18 октября.

...Я прочелъ „Донъ-Жуана“ Каткову и Аксакову...

Аксаковъ проявилъ такое негодованіе на поведеніе Донъ-Жуана, что онъ началъ его ругать, и увѣрялъ, что онъ—*тройная перегонка подлеца*, вслѣдствіе чего онъ не достоинъ покровительства ангеловъ. Онъ сдѣлался совсѣмъ красный, и сказалъ, что вообще человѣкъ, который бѣгаетъ отъ одной женщины къ другой — негодяй, а исканіе идеала—лишь предлогъ для такихъ негодяевъ. Такъ я и думалъ, что эффектъ совсѣмъ пропалъ, но на другой день онъ мнѣ сказалъ, что это произведеніе изъ ряду вонъ, несмотря на всѣ недостатки, и что не надо принимать отъ Каткова менѣе 500 руб.

131.

31 декабря.

Я начну чтеніе у Императрицы съ 3-го числа, но не знаю, сколько дней это будетъ продолжаться...

Digitized by Google

1862 г.

132.

4 января.

...Вчерашнее чтеніе имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и предъидущее, съ тѣми же перерывами; сегодня я читаю той же аудиторіи, но у великой княгини Маріи Николаевны. Она меня спросила, что я хочу къ ужину; я ей сказалъ: „картофелю съ лукомъ". Императрица ужасно деликатна; рѣдко обыкновенныя дамы бываютъ такъ деликатны. Она мнѣ оказала, что ей совѣстно меня задерживать такъ долго далеко отъ Пустыньки, куда—она знала — меня тянетъ вернуться... Она меня всякій разъ спрашиваетъ: „*Можете* ли вы придти завтра". Ты понимаешь, что я отвѣчаю, что я вполнѣ къ ея услугамъ...

133.

12 января.

....Мнѣ остается еще одно чтеніе послѣ вторника — будетъ послѣднее. Вчера мнѣнія раздѣлились: Императрица, великая княгиня Марія Николаевна и г-жа Веневитинова—протестовали противъ казни [1]); А. Толстой, Борисъ Перовскій и г-жа Мальцева нашли ее великолѣпной и громогласно просили, чтобы ничего не было измѣнено.

Сцена между старухой и Михеичемъ имѣла большой успѣхъ. Я приглашенъ на балъ въ воскресенье... Мое нездоровье, которое выказалось вчера на чтеніи, меня извинитъ.

134.

4 іюня, понедѣльникъ, Царское-Село.

....Я ѣду въ городъ, гдѣ проведу день между Поповымъ и другими лицами; завтра поѣду въ Пустыньку, а послѣ-завтра, 6-го, ѣду къ тебѣ въ Москву... Я говорилъ кому слѣдуетъ о Муравьевѣ —очень сильное предубѣжденіе существуетъ противъ сына. Я пытался спасти Аксакова, но неудачно.

---

[1]) Дѣло идетъ о чтеніи исторической повѣсти „Князь Серебряный".

Digitized by Google

1863 г.

135.

Шлангенбадъ, гостинница „Викторія", 9 мая.

Здѣсь очень хорошо; кругомъ лѣсъ буковый, и много-много дорожекъ, и вездѣ шумятъ ручьи, какъ въ Дивонѣ, только здѣсь гораздо лучше...

Послѣ того, какъ я тебѣ это написалъ, я пошелъ въ одну деревню, eine Stunde von hier, и шелъ туда все горами и лѣсомъ, и встрѣтилъ три рыжія улитки и одну зеленую ящерицу. У улитокъ у всѣхъ на правомъ боку была дыра, чтобы дышать, а у меня... нѣтъ такой дыры, и я долженъ дышать черезъ горло. И изъ той деревни я еще ходилъ за $1^1/_2$ версты смотрѣть одинъ глупый видъ и потомъ вернулся домой съ легкостью серны... А тотъ человѣкъ, который давалъ мнѣ простокваши, смѣется надъ людьми, которые говорятъ, что Шлангенбадъ простая вода, и называетъ ихъ дураками и свиньями. А я теперь не одинъ здѣсь. Отыскался еще какой-то шальной голландецъ и одна старая русская дама, но я ихъ не видалъ... А вотъ я и еще ходилъ. Пошелъ я по горамъ безъ дорожекъ, и не прошелъ я такъ сто шаговъ, какъ около меня очутилась толстая гнѣдая собака, вся изгрызанная другими собаками, должно быть безпокойнаго характера, но очень учтивая. Она подошла ко мнѣ согнувшись бокомъ и дала почувствовать, что желаетъ показать мнѣ мѣста. Я согласился. Вотъ она и повела меня разными тропинками, вела, вела, оглядываясь и возвращаясь опять (тутъ ли я?), и привела наконецъ въ какой-то храмъ славы; тамъ она легла и, вертя хвостомъ, еще издали смотрѣла на меня съ торжествомъ: „вотъ у насъ каково"?

А въ этомъ храмѣ славы стоитъ жертвенникъ и на немъ изваяны двѣ змѣи, выпивающія чашку съ молокомъ и кроссъ-салатомъ, а надъ ними написано: „Графу Карлу и графинѣ Бетси фонъ-Грюнъ въ благодарность за сезонъ 1830"... Я сегодня былъ три раза въ ваннѣ и чувствую себя такъ хорошо, что хочу ѣхать завтра. Что-то ты, моя бѣдная, болѣзная? Другъ ты мой!..

Пиши въ Eisenach.

136.

Франкфуртъ, 11 мая.

....Я ѣду сейчасъ въ Вольфенбюттель, а оттуда въ Гарцбургъ или въ Дрёмлингъ, гдѣ Wilde Jäger, а оттуда въ Eisenach, гдѣ Wartburg, а потомъ черезъ Weimar въ Дрезденъ.

Digitized by Google

Проѣзжу я дней пять или шесть, чтобы протянуть время и не слишкомъ рано, до твоего пріѣзда, пріѣхать въ Дрезденъ. Душа моя, я знаю и понимаю, что тебѣ хочется посмотрѣть на дѣтей, какъ они будутъ жить одни безъ тебя, особенно маленькій Андрейка.

Я теперь совсѣмъ здоровъ... У каждой улитки есть, кромѣ рта, на правомъ боку дыра, чтобы дышать, а у сына человѣческаго нѣтъ дыры на боку, и онъ дышетъ только черезъ ротъ.

....Пожалуйста, купи себѣ что-нибудь очень хорошее, я послѣ проиграю его тебѣ въ шахматы!

137.

Harzburg, 13 мая.

Я не поѣхалъ къ Wilde Jäger, потому что Drömmling гораздо дальше отъ Брауншвейга, чѣмъ мнѣ сказали.

А завтра поѣду на мулѣ (сынъ осла и лошади) на Blocksberg, а послѣ-завтра вѣроятно въ Eisenach. Только досадно, что придется ѣхать черезъ поганый, скверный, проклятый Kassel! Онъ еще хуже Берлина. Мерзость, просто мерзость!.. Христосъ съ тобой, спать хочу!

138.

Прага. 13 іюня.

....Гагаринъ не далъ мнѣ спать всю ночь, и мы проѣзжали черезъ самыя хорошія мѣста; только вышло, что на Прагу намъ не дорога и мы сдѣлали огромный крюкъ.

Мы рѣшили, что здѣсь жить нехорошо, хотя много интереснаго, и что Дрезденъ лучше Праги!

139.

Carlsbad, 16 іюня.

....Сегодня у меня очень болитъ спина, но я съ 5 часовъ утра до ½ девятаго вечера ходилъ и почти ни разу не сѣлъ.

Теперь ужасно хочется спать.

....Достань какую-нибудь русскую газету,—тамъ есть отличное заявленіе московскихъ студентовъ, напечатанное въ „Днѣ“, по поводу польскихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ учреждаются національныя гвардіи.

140.

Carlsbad, 22 іюня.

....Сегодня я всталъ съ тяжелой головой, но, говорятъ, такъ должно быть, а вообще мнѣ хорошо, и я очень много хожу по горамъ, всякій день верстъ 15.

Digitized by Google

....Здѣсь очень много птицъ, и онѣ никого не боятся.

Намедни я сидѣлъ во время дождя подъ навѣсомъ и пилъ кофе (который здѣсь позволяется), а птица одна маленькая и мокрая прилетѣла и сѣла передо мной на спинкѣ стула. Я далъ ей крошку; она взяла и сѣла подлѣ моей чашки и продолжала ѣсть. Здѣсь есть тоже бѣлки, довольно ручныя, и никакихъ звѣрей никто не обижаетъ.

Нѣкоторыя сидятъ въ гнѣздахъ у самыхъ дорожекъ.

Я уже гораздо лучше дышу и не запыхаюсь на горахъ... Христосъ съ тобой.

Сегодня у меня былъ Seegen и сказалъ, чтобы я не слишкомъ много ходилъ и не выбивался изъ силъ. А я хожу, чтобы не заснуть.

Завтра мнѣ будутъ давать одинъ Mühlbrunn, безъ Schlossbrunn, т.-е. все сильнѣе и сильнѣе, но всего только 6 стакановъ, а въ 1826 году давали больнымъ по 20 стакановъ. Теперь никому столько не даютъ.

Самое лучшее время послѣ воды—часовъ въ 9, когда уже цѣлый часъ человѣкъ ходилъ и можетъ пить кофе; тогда онъ садится въ тѣнь, подъ деревья, и аки левъ бросается на кофе и на тотъ хлѣбъ, который онъ принесъ въ карманѣ, каждый изъ той булочной, которая ему по сердцу. Мы здѣсь нашли такой хлѣбъ, котораго даже нѣтъ и въ Россіи—почти одна корка, золотистая, не сожженная, а такъ и хруститъ, и хруститъ...

Сегодня я ходилъ въ эту булочную, и старая булочница съ сыномъ (очень добрые) давали мнѣ урокъ, какъ его печь, и дадутъ рецептъ и планъ печи.

Ты знаешь, что я очень люблю австрійцевъ, ремесленниковъ и простыхъ; они чрезвычайно живые, добродушные каламбуристы и почти всегда красивые. Съ ними можно говорить всякій вздоръ, и они это очень любятъ. Нѣтъ ничего общаго между ними и сѣверными нѣмцами.

Здѣсь очень много шпіоновъ. Одного мы открыли, и онъ, будучи здоровъ, былъ принужденъ пить Mühlbrunn...

Не знаю, похудѣлъ ли я, но Гагаринъ нисколько, и все тужитъ о ѣдѣ и сердится...

141.

28 іюня.

....Мы съ Гагаринымъ сейчасъ вернулись отъ самой отдаленной и высокой горы, которая называется Aberg, и шли въ сумеркахъ по такимъ прекраснымъ мѣстамъ, что оба ахали отъ

Digitized by Google

удовольствія. Между прочимъ тамъ было одно плоское мѣсто съ лѣсомъ, съ рожью и съ Иванъ-чаемъ, совершенно какъ въ Россіи, и такое прекрасное, что я все думалъ о тебѣ, и какъ оно тебѣ бы понравилось... А одно здѣсь мѣсто есть, на берегу Теплы, за-городомъ, точно какъ Пустыньскій лугъ, который примыкаетъ къ Никольскому, и ростутъ на немъ всѣ тѣ цвѣты, какъ и въ Пустынькѣ, совершенно тѣ же самые, такъ что Гагаринъ и я—мы закричали.

И чеберу здѣсь много, и сѣномъ пахнетъ, и очень, очень хорошо вообще...

Днемъ я такъ глупъ, что для Павловой списываю всякій день только по двѣ страницы 3-го акта. Скоро кончу и пришлю ей. И читать днемъ не могу, а вечеромъ хочу спать...

Мнѣ по Андрейкѣ часто бываетъ скучно,—я его въ *самомъ* дѣлѣ люблю...

Христосъ съ тобой, моя милая...

142.

Карлсбадъ, 30 іюня.

Мы вернулись только-что изъ этого красиваго мѣста, о которомъ я тебѣ говорилъ и которое похоже на Россію... Гористое, все покрытое берестомъ и Иванъ-чаемъ, и сосновый лѣсъ, совсѣмъ черный, выдѣляющійся на прозрачномъ ночномъ фонѣ...

Сегодня мы опять заставили здороваго шпіона выпить стаканъ Мюльбрунна...

Г... нашелъ кусочекъ ветчины въ компотѣ изъ чернослива и страшно кричалъ и ругался...

Король прусскій очень добрый, Богъ съ нимъ! Пусть живетъ.

....Сегодня я наконецъ кончилъ списывать 3-й актъ; я его пришлю тебѣ, а ты дай его Павловой...

143.

Carlsbad, 10 іюля.

....Сегодня я сидѣлъ подъ деревьями и пилъ кофе съ хлѣбомъ на 6 крейцеровъ. Прилетѣло разное птитво, все мелкіе, и начали подходить въ припрыжку, кто въ черномъ жилетикѣ, кто въ пестренькомъ, кто во фрачкѣ, и всѣ бочкомъ, бочкомъ, и смотрятъ мнѣ въ глаза. Я имъ далъ крошекъ, и они съ ними начали возиться, а одинъ былъ такой жадный, что отымалъ у другихъ и хотѣлъ всѣ крошки забрать себѣ въ ротъ разомъ, —жевалъ, жевалъ и наконецъ подавился.

Онъ былъ въ черномъ жилетикѣ.

Digitized by Google

Съ ними здѣсь всѣ безъ исключенія хорошо обходятся,—обходятъ кругомъ, чтобы ихъ не задѣть.

Вообще здѣсь народъ добрый! Только носятся слухи, что поляки хотятъ насъ зарѣзать на Мюльбруннѣ. Это, впрочемъ, я сейчасъ выдумалъ....

144.

Іюля 13, Карлсбадъ.

....И за то, что ты мнѣ не писала, скажу тебѣ, что у меня нога очень болѣла и вчера, и сегодня, и опять нѣмѣетъ, а ходить не мѣшаетъ, и когда сяду, то боль скоро проходитъ. И у Гагарина иногда это бываетъ, и у Ухтомскаго; и сербскій архіерей, очень живописный, намъ тоже разсказывалъ. Ему представлялъ насъ сербскій попъ, и завтра мы пойдемъ къ обоимъ. Попъ говоритъ по-нѣмецки, а архіерей по-русски очень хорошо.

И ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова про „пупъ земли“ (извѣстный ресторанъ въ Карлсбадѣ — „Pupp“)... Очень тяжело рано вставать, когда человѣкъ только-что входитъ въ форсъ сна, и до сихъ поръ я не могу привыкнуть, а Гагаринъ всякій разъ опаздываетъ.

Когда мы были въ Прагѣ, онъ велѣлъ себя разбудить въ 7 ч. А когда пришелъ Lohnbedienter, по имени Joseph, будить его, говоря: „Es ist sieben Uhr“, ему показалось, что это продавецъ спичекъ, который предлагаетъ ему: sieben hundert (700) Zündhölzchen, и онъ сталъ кричать: „Gehen sie zum Täufel“! перевернулся на другую сторону и началъ спать, пока я его не стащилъ за ноги...

145.

16 іюля.

Я усталъ, потому что все ходилъ съ m-me Kalergi, которая разсказывала мнѣ всякую всячину про Польшу.

А передъ тѣмъ далеко, далеко ходилъ съ Гагаринымъ безъ всякихъ дорогъ.

Ужъ мы ходили, ходили, лѣзли, лѣзли, лѣзли, и наконецъ вылѣзли изъ лѣсу, почти къ самому Энгельсгаузу.

Тамъ нашли такое множество полевыхъ цвѣтовъ, что и сказать тебѣ не могу, и опять совершенно русское мѣсто; а когда я увижу что-нибудь хорошее, тотчасъ подумаю о тебѣ, и ничѣмъ порядочнымъ не могу наслаждаться безъ тебя.

Дорогу, по которой мы лѣзли, мы назвали *Чортзнакудитская*...

Теперь весь Карлсбадъ шумитъ на улицѣ, и сейчасъ будетъ Fackelzug для прусскаго короля.

Digitized by Google

А вчера въ концертѣ я сидѣлъ за нимъ и все время видѣлъ его затылокъ, очень бѣлый и гладкій. Камергеръ его сидѣлъ возлѣ него, изъ решпекта не на стулѣ, а промежъ двухъ стульевъ, на пустомъ мѣстѣ, и затылокъ его былъ еще толще королевскаго... У меня всегда на столѣ стоитъ букетъ розъ, а иногда очень хорошихъ бѣлыхъ лилій, которыя отлично пахнутъ. Покупаю я ихъ потому, что мнѣ всякій день предлагаетъ ихъ одна бѣдная и хорошая женщина.

....Достань себѣ бѣлыхъ лилій, онѣ прекрасныя и очень долго держатся. А когда я утромъ хожу пить воду, эта женщина даритъ мнѣ всегда одну розу, которую я втыкаю въ петлицу...

Гагаринъ не умѣетъ завязывать себѣ башмаковъ, — сегодня я ему завязывалъ.

Опять сдѣлалось очень поздно, надо мнѣ спать. Посылаю тебѣ карточку сербскаго архіерея; посади ее въ альбомъ и замѣть, какъ онъ хорошо стоитъ: точно венеціанскій дожъ, написанный Тиціаномъ.

146.

21 іюля.

....Вотъ какъ я поймалъ шпіона: мы разъ вылѣзли изъ карлсбадской дыры на гору, откуда идетъ плоское мѣсто до Энгельсгауза, и тамъ сѣли у самаго лѣса на лужокъ, спиной къ лѣсу, а дорога у насъ осталась далеко направо и къ намъ не было никакой ни дорожки, ни тропинки,—замѣчай!..

....Вотъ, черезъ нѣсколько времени—по той дорогѣ, которая направо отъ насъ, идетъ человѣкъ и входитъ, какъ слѣдуетъ, въ лѣсъ, и полагаемъ мы, что онъ на дорогѣ и продолжаетъ идти лѣсомъ къ Энгельсгаузу. А Гагаринъ между тѣмъ, какъ обыкновенно, пилитъ меня своей тещей, или жалуется на кухню, или, можетъ быть, сердится на что-нибудь изъ всемірной исторіи, только дѣло въ томъ, что болтаетъ. Пока онъ этакъ тонкимъ голосомъ болтаетъ, слышу я, что за нашей спиной въ соснахъ что-то шелеститъ, а онъ-то ничего не слышитъ. Я ему говорю:—Не шевелись, а прислушайся, тамъ что-то шелеститъ. Онъ говоритъ:—Должно быть, звѣрь.—Я говорю:—Нѣтъ, не звѣрь: ты ступай прямо, а я забѣгу впередъ.—Да и забѣжалъ. А лѣсъ-то густой, такъ что за два шага ничего не видать. Какъ забѣжалъ я, тамъ опять зашелестѣло, да ужъ отъ меня. Тутъ я припалъ къ землѣ и вижу сквозь стволья, что отъ меня на четверенькахъ улепетываетъ человѣкъ. Я поскорѣй за нимъ, а онъ припалъ къ землѣ и растянулся какъ лягушка. Я ему:—Was

Digitized by Google

machen Sie hier?—Да и замахнулся на него зонтикомъ. А онъ отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ:—Ich wollte nur einen...

И сдѣлалъ такое жалкое лицо, каналья, что мнѣ стало его жалко, и я, ничего не сообразивъ, отпустилъ его...

Только послѣ ужъ мы увидѣли, когда онъ уползъ, что это былъ тотъ самый человѣкъ, который шелъ по дорогѣ, и розанъ былъ у него—какъ у всѣхъ шпіоновъ, и никакого повода не было ему красться именно за нашей спиной, своротивъ для этого съ дороги, откуда онъ долженъ былъ насъ видѣть. Это именно былъ шпіонъ, самый настоящій, и мнѣ очень жалко, что я не далъ ему никакого порученія.

А того шпіона, котораго мы заставляли пить воду, уже больше не видать на водахъ; иногда только видимъ, какъ онъ идетъ по улицѣ и насъ избѣгаетъ...

147.

22 іюля.

...Я читаю съ большимъ любопытствомъ Ernest Renan, но онъ очень узенькій и говоритъ про Христа съ снисхожденіемъ, извиняя Его временемъ и средой, что Онъ, бѣдный, вѣрилъ чудесамъ. Былъ Онъ, по его мнѣнію, ума не слишкомъ дальняго, довольно перемѣнчивый въ Своихъ мнѣніяхъ, но впрочемъ человѣкъ хорошій. Много Ему повредило знакомство съ Іоанномъ Крестителемъ и къ добру Его не привело, но, къ счастью, Іоанну отрубили голову, и тогда опять все пошло хорошо. Болѣе всего Онъ обязанъ Своимъ развитіемъ галилейскому пейзажу. Еще, говорятъ, явилась очень интересная книга: Relazione degli ambassiadori della respublica di Venezia presso le corte del'Europa.

Достань ее себѣ...

Теперь мы каждый вечеръ пьемъ чай у Мещерскихъ и уходимъ довольно поздно...

148.

Carlsbad, 23 іюля.

...Я читаю Renan и очень его презираю. Это—гадкій католическій попъ, который сбросилъ ризу, но перенесъ въ свои новыя убѣжденія всѣ пріемы и всю недобросовѣстность дурного попа. И даже языкъ его гадкій . . . . . .

149.

26 іюля.

...Это чуть ли не послѣднее письмо, которое я тебѣ пишу. Мы хотимъ ѣхать послѣ-завтра; будемъ ночевать въ Гофѣ...

Digitized by Google

Мнѣ такъ дѣлается весело, что я тебя увижу, что я сказать тебѣ не могу... И я такъ буду счастливъ опять въ моей комнатѣ и работать буду много...

Доказательство, что я умный—то, что намедни былъ концертъ въ Постгофѣ, и я, увидѣвъ на афишахъ Symphonie in C-moll von Beethoven, отправился туда заранѣе одинъ, безъ Гагарина и Вельегорскаго и Мещерскихъ, которые пришли позже, и засѣлъ и выслушалъ ее, а остальное не захотѣлось слушать, и когда пришли другіе, тихонько ушелъ боковой дорогой... Я здѣсь морально усталъ очень, и у меня сильный Heim-Weh.

150.

Карлсбадъ, 5 (17) сентября.

Zum König von Sachsen, et non pas zum Oesterreichischenhof.

...Я вчера пріѣхалъ въ 11 ч. въ Шварценбургъ и могъ бы сейчасъ же уѣхать, если бы какой-то носильщикъ мошенническимъ образомъ не унесъ мой багажъ, подъ предлогомъ мнѣ помочь; у него былъ сдобный голосъ, и онъ отдалъ мой сундукъ и мои шляпные ящики какимъ-то чужимъ людямъ. Возвращеніе себѣ моихъ вещей взяло болѣе часа; въ это время я успѣлъ прочесть на стѣнѣ, что существуетъ новый „Желудочникъ“, лекарство: русское—Russische „Magenbitter“, подъ именемъ *Малаковъ*—безошибочное средство противъ всякихъ желудочныхъ и общихъ недуговъ, выдуманное нѣкіимъ Шульцъ и продающееся въ Шварценбургѣ.

...Вывѣска изображала француза, англичанина, русскаго и турка—всѣ четверо держатся за руки на вершинѣ Малахова Кургана и пьютъ Russisches Magenbitter.

Я пріѣхалъ въ Карлсбадъ сегодня утромъ въ 6 ч. и остановился въ Oesterreichischen Hof, но не остался тамъ, такъ какъ у дѣвушки, которая показывала мнѣ комнаты, были грязныя ноги. У König von Sachsen меня приняли съ радостнымъ возгласомъ и восторгомъ. Пепи бросилась мнѣ въ объятія.

Мнѣ открыли великолѣпную комнату; но такъ какъ она не была убрана, я пошелъ пока къ „Элефанту“ пить кофе, и тамъ тоже меня приняли съ криками радости.

...Все пусто здѣсь; улицы въ 6 ч. утра были совсѣмъ пусты, и когда я сѣлъ пить кофе,—воробьи, бѣдные, худые, голодные, пришли всѣ „пѣтушкомъ“, смотрѣть мнѣ прямо въ глаза...

Я пошелъ къ m-me Bahden, которой я все разсказалъ, и она пошла спросить великую княгиню, когда она хочетъ меня

Digitized by Google

принять, и меня сейчасъ же, тутъ же приняли, въ пальто, безъ всякихъ мундировъ.

Я все разсказалъ великой княгинѣ, и она сказала: „я подумаю“ [1]); я буду у нея опять сегодня вечеромъ въ сюртукѣ, а завтра я у нея обѣдаю...

Я уже готовъ былъ сбрить бороду, но это оказалось ненужнымъ.

Великая княгиня думаетъ, что разрѣшатъ представленіе *Іоанна* (Грознаго)...

151.

19 сентября.

Я открылъ, что настоящій генералъ іезуитовъ—не „August“, но баронъ Х..., съ которымъ я имѣлъ сегодня длинный споръ о соединеніи церквей... Способъ, который онъ употреблялъ, то уступая, то отступая, чтобы потомъ дальше прыгнуть, убѣдилъ меня въ истинѣ моихъ предположеній...

Я прочелъ великой княгинѣ 1-й актъ „Іоанна“, и потомъ я у нея обѣдалъ...

152.

Римъ, 30 декабря.

Какъ только я пріѣхалъ, я напился чаю и поѣхалъ въ колескѣ—не осматривать самые дома, а мѣстность, въ которой они находятся.

Я тебѣ скажу совсѣмъ откровенно, что сегодня впечатлѣніе Рима не было благопріятнымъ: во-первыхъ, холодно и непріятно, къ тому же городъ почти не освѣщенъ, т.-е. одинъ Корсо освѣщенъ; остальныя улицы освѣщаются лишь рѣдкими и дурными фонарями, и много улицъ и даже изъ главныхъ не имѣютъ совсѣмъ фонарей, такъ что отъ Санта-Маріа Маджіоре до св. Іоанна Латеранскаго и оттуда въ Колизей — что должно быть гораздо больше версты — я ѣхалъ въ совершенной темнотѣ; кучеръ сперва не хотѣлъ ѣхать, говоря: — Sa troppo oscuro!—Это уже слишкомъ похоже на Мглинъ!..

[1]) Дѣло идетъ о пенсіи К. П. Павловой.

Digitized by Google

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ЗА ГРАНИЦЕЙ

въ 1697—1698 г.

— М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697 — 1698 г. Москва, 1897. 4°, со многими рисунками.

Авторъ настоящей книги давно извѣстенъ въ нашей исторической литературѣ своимъ чрезвычайно обстоятельнымъ изданіемъ и объясненіемъ „Хожденія“ игумена Даніила въ святую землю, древнѣйшаго памятника русскаго паломничества. Въ настоящемъ случаѣ, онъ далъ менѣе сложное, но столь же внимательно исполненное изслѣдованіе о томъ знаменитомъ путешествіи, въ составѣ котораго Петръ въ первый разъ отправился за границу, скрывшись подъ именемъ десятника, или мелкаго офицера, Петра Михайлова, чтобы лично и безъ помѣхъ познакомиться съ тѣмъ, что на ту минуту его особливо занимало, съ голландскимъ и англійскимъ судостроеніемъ, при чемъ онъ, конечно, присматривался вообще къ тому европейскому быту, который раньше онъ зналъ только по образчикамъ въ московской Нѣмецкой слободѣ. Много было говорено о крупномъ историческомъ значеніи этого путешествія въ развитіи преобразовательной дѣятельности Петра, а также и объ интересѣ его для характеристики самого Петра; не останавливаясь на этомъ, нашъ авторъ намѣренъ былъ разъяснить другую сторону этого путешествія, которая до сихъ поръ передавалась у насъ не вполнѣ точно, и гдѣ нѣкоторыя подробности совсѣмъ не обращали на себя вниманія или замѣчены были мало. А именно, авторъ хотѣлъ указать на основаніи русскихъ

Digitized by Google

и голландскихъ источниковъ, какъ въ этомъ посольствѣ, прибывшемъ въ западную Европу, произошла встрѣча двухъ разныхъ культуръ, какъ русскіе смотрѣли на западную Европу и, въ особенности, какъ тамъ смотрѣли на нихъ самихъ. Дѣло въ томъ, что это посольство было устроено въ Москвѣ еще вполнѣ по старому московскому образцу, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ дипломатическихъ обычаевъ и предосторожностей, какія выработаны были въ Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ начались ея первыя сношенія съ западными государствами. Петръ не мѣшалъ въ этомъ своимъ мудрецамъ стараго посольскаго приказа, но свой способъ дѣйствій онъ предоставилъ себѣ: если въ Москвѣ чины посольскаго приказа приходили въ недоумѣніе о томъ, какъ вмѣстить высокую особу въ церемоніалъ, гдѣ такое необычайное обстоятельство вовсе не было предвидѣно, то и за границей недоумѣвали, какъ быть съ этимъ, для всѣхъ яснымъ, инкогнито, когда притомъ десятникъ Петръ Михайловъ ни мало не стѣснялся превращаться въ русскаго царя, если чѣмъ-нибудь былъ возбужденъ его собственный интересъ или онъ считалъ нужнымъ вмѣшаться. Съ другой стороны, была и еще причина, по которой иностранцы, въ данномъ случаѣ голландцы, были заинтересованы, а наконецъ, и не совсѣмъ довольны посольствомъ. Въ старину путешествіе и пребываніе посольствъ оплачивались тѣмъ государствомъ, къ какому онѣ были направлены, до тѣхъ поръ пока онѣ находились въ его предѣлахъ; обыкновенно эти сроки бывали невелики и дѣло было взаимное; затраты до извѣстной степени вознаграждались привозимыми подарками,—но здѣсь случилось нѣчто иное: посольство шло своимъ чередомъ, но Петру было мало того времени, какого было бы достаточно для исполненія посольскихъ дѣлъ; онъ вошелъ во вкусъ своихъ корабельныхъ работъ, жилъ въ Саардамѣ, ѣздилъ въ Англію, опять вернулся въ Голландію и пребываніе его здѣсь затянулось почти до года. Голландскіе „статы“ этого не ожидали; приходилось увеличить сумму на содержаніе посольства и, наконецъ, пришлось даже ввести для этого новый налогъ.

Поводъ къ изслѣдованію г. Веневитинова былъ нѣсколько случайный. „Въ 1890 г. въ Амстердамѣ, — говоритъ онъ,—мы имѣли случай пріобрѣсти у Фредерика Мюллеръ и К° небольшую брошюрку, заинтересовавшую насъ своимъ заглавіемъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ посѣщенію Голландіи Петромъ Великимъ. Въ послѣдствіи мы убѣдились въ значеніи нашей покупки, указанной каталогомъ Russica въ числѣ рѣдкостей Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ и, какъ оказалось по

Digitized by Google

справкамъ, не обратившей на себя достаточнаго вниманія русскихъ историковъ и біографовъ перваго русскаго императора.

„Въ видахъ ближайшаго ознакомленія русской исторической науки съ нашимъ пріобрѣтеніемъ, мы занялись переводомъ Рѣчи Меермана о первомъ путешествіи Петра Великаго, преимущественно въ Голландію, съ французскаго на русскій языкъ... Но простой переводъ не удовлетворилъ нашего вниманія къ этой интересной книжкѣ: мы нашли нужнымъ провѣрить сообщаемые ея авторомъ факты по даннымъ русской литературы о Петрѣ Великомъ и преимущественно по документамъ великаго посольства 1697—1698 гг., напечатаннымъ въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ державами иностранными". Устряловъ имѣлъ въ рукахъ эти послѣдніе документы, въ то время еще неизданные; но, говоритъ г. Веневитиновъ, „сравнивъ разсказъ Устрялова о великомъ посольствѣ съ его статейными списками и расходными книгами, мы нашли, что авторъ Исторіи Царствованія Петра Великаго далеко не вполнѣ исчерпалъ любопытное содержаніе названныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался въ подлинныхъ рукописяхъ.

„Послуживъ къ расширенію предѣловъ нашей первоначальной задачи, взаимное сличеніе русскихъ и голландскихъ источниковъ по исторіи пребыванія русскаго посольства въ Голландіи вовлекло насъ въ дальнѣйшія разысканія о нашемъ предметѣ и побудило насъ придать нашему труду характеръ юбилейнаго напоминанія о событіяхъ, случившихся ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ. Послѣднее соображеніе тѣмъ болѣе опредѣлило конечную цѣль нашей задачи, что сообщаемые нами факты пріобрѣтаютъ значеніе яркой иллюстраціи тѣхъ результатовъ, которыхъ достигло развитіе Россіи въ теченіе двухъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ описываемой эпохи...

„Счастливая случайность, позволившая намъ ознакомиться въ подлинномъ голландскомъ текстѣ съ нѣкоторыми любопытными изданіями, относящимися къ занимающему насъ предмету, дала намъ возможность приложить къ нашей книгѣ нѣсколько изображеній лицъ, мѣстностей и событій, которыми русская историческая литература о посѣщеніи Петромъ Великимъ Голландіи воспользовалась съ недостаточною полнотою или же не вполнѣ точно".

Небольшая книжка Меермана, изданная въ Парижѣ 1812 г., затерялась для русскихъ историковъ; ея не имѣлъ въ рукахъ ни одинъ изъ русскихъ историковъ Петра Великаго, — хотя, впрочемъ, часть его свѣдѣній они знали черезъ книгу голландскаго

Digitized by Google

историка Схельтемы, который пользовался Меерманомъ. Обративъ вниманіе на книжку, г. Веневитиновъ собралъ свѣдѣнія и о самомъ авторѣ. Меерманъ (1753—1815) принадлежалъ къ извѣстной аристократической фамиліи въ Гагѣ; онъ получилъ очень основательное образованіе, сначала въ знаменитомъ Лейденскомъ университетѣ, потомъ въ Лейпцигѣ и Гёттингенѣ, много путешествовалъ въ западной Европѣ и былъ даже въ Россіи, и много писалъ на голландскомъ и французскомъ языкѣ. По своей общественной дѣятельности онъ не внушалъ особаго уваженія своимъ біографамъ, льстиво относился къ Наполеону, за что и получилъ графское достоинство французской имперіи; но былъ любитель литературы и много работалъ. Ему принадлежатъ многотомныя сочиненія объ исторіи Вильгельма голландскаго и по исторіи дипломатическихъ отношеній разныхъ европейскихъ государствъ, многотомное описаніе его путешествія по сѣверной и сѣверо-восточной Европѣ; наконецъ, онъ остановился на исторіи русскаго посольства въ Голландіи, и это послужило предметомъ его рѣчи, читанной имъ въ голландскихъ литературныхъ обществахъ въ Гагѣ и Лейденѣ, но напечатанной только по-французски.

Главный интересъ сочиненія Меермана заключается въ томъ, что, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, онъ воспользовался нетронутыми до тѣхъ поръ источниками: „Кромѣ главнѣйшихъ печатныхъ источниковъ по исторіи Россіи и кромѣ лучшихъ біографій Петра, которыя я имѣлъ подъ руками, я воспользовался для описанія этого перваго путешествія царя такими данными, почерпнутыми мною въ архивахъ Генеральныхъ Штатовъ, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ оффиціальной достовѣрности“.

„Документы названныхъ архивовъ, — объясняетъ г. Веневитиновъ, — изображаютъ намъ это путешествіе съ той точки зрѣнія, которая недостаточно затронута и вовсе не исчерпана историками Петра, именно со стороны впечатлѣнія, которое появленіе русскаго посольства въ западной Европѣ должно было произвести на страны, рѣзко отличавшіяся своимъ культурнымъ, не останавливавшимся въ своемъ развитіи, складомъ отъ рутинной неподвижности пріемовъ московской дипломатіи и московскихъ нравовъ. Вся брошюра Меермана ярко рисуетъ намъ это впечатлѣніе. Содержаніе ея посвящено, между прочимъ, изложенію тѣхъ предварительныхъ мѣръ, которыми голландцы должны были встрѣтить появленіе въ своей средѣ какихъ-то неизвѣстныхъ имъ дотолѣ полудикарей Востока. Взаимныя сношенія всѣхъ прочихъ дворовъ и государствъ западной Европы уже выработали издавна

Digitized by Google

международную дипломатическую практику и не могли усложнять новыми подробностями кодексъ церемоніаловъ и оффиціальныхъ условій встрѣчи, провода пословъ и т. п. Но русскіе являлись народомъ, которому имена Гуго Гроція, Пуфендорфа и другихъ свѣтилъ международнаго права едва ли могли быть знакомы, а новизна почвы, обусловливающей взаимныя отношенія, вызывала въ головахъ голландскихъ государственныхъ людей особыя усилія для рѣшенія необычайныхъ задачъ дипломатическаго этикета. Трудность положенія еще болѣе усугублялась извѣстіемъ, что Петръ принимаетъ участіе въ своемъ собственномъ посольствѣ въ какомъ-то неясномъ и неопредѣленномъ качествѣ лица, неоффиціально принадлежавшаго къ составу посольской свиты. Такое новое, не укладывавшееся въ традиціонныя рамки условій incognito, положеніе совершенно смущало руководителей политики Генеральныхъ Штатовъ и они бы не знали вовсе, что имъ слѣдуетъ дѣлать, какъ поступать въ подобномъ непредвидѣнномъ случаѣ, если бы они не нашли исхода изъ своего тяжелаго положенія въ опытѣ сосѣднихъ государствъ, чрезъ которыя слѣдовало русское посольство по пути въ Голландію".

Но кромѣ задачъ дипломатическихъ и этикетныхъ былъ еще вопросъ финансовый. „Нужно было опредѣлить срокъ пребыванія посольства въ предѣлахъ Нидерландовъ и, въ зависимости отъ этого срока, установить смѣту расходовъ, вызываемыхъ обязанностями гостепріимства, наконецъ обезпечить необходимыя для того средства. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ со стороны Генеральныхъ Штатовъ оказалось крайне усложненнымъ вслѣдствіе смѣшенія гласныхъ, оффиціальныхъ поводовъ посольства съ негласными, личными цѣлями, преслѣдовавшимися царемъ. Собственно говоря, всѣ оффиціальныя задачи русскихъ пословъ были исчерпаны ими въ теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ предѣлахъ Голландіи, но царю оказалось мало этого срока для выполненія своихъ личныхъ видовъ по изученію кораблестроенія, по найму мастеровъ, окончанію закупокъ и заказовъ для потребностей созидаемаго флота, и русское посольство выѣхало обратно изъ Нидерландовъ лишь десять мѣсяцевъ спустя послѣ своего прибытія туда. Такимъ образомъ русскіе пробыли въ Голландіи почти цѣлый годъ и этимъ временемъ Петръ воспользовался, чтобы провести около трехъ мѣсяцевъ въ Англіи, куда отправился неоффиціально, оставивъ свое посольство въ Амстердамѣ. Голландцы, пораженные такою безцеремонностью, не знали какъ отдѣлаться отъ русскихъ и нетерпѣливо ждали все болѣе и болѣе отдаляемаго срока ихъ окончательнаго отъѣзда".

Digitized by Google

На основаніи документовъ посольскаго приказа, сличаемыхъ отчасти съ показаніями Меермана, авторъ подробно излагаетъ, во-первыхъ, исторію снаряженія посольства, затѣмъ самаго путешествія и особливо пребыванія въ Голландіи. То и другое дѣлалось еще по старымъ обычаямъ посольскаго приказа. Указъ Петра состоялся 6-го декабря 1796; послами назначены были: генералъ-адмиралъ Лефортъ, генералъ-коммиссаръ Головинъ и думный дьякъ Прокопій Возницынъ—къ окрестнымъ государствамъ христіанскимъ, въ Вѣну, Англію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Римъ и Венецію. Приказъ долженъ былъ сочинить для посольства инструкцію и прежде всего позаботился приготовить всѣ необходимые для этого матеріалы и составилъ имъ подробную вѣдомость: въ этой вѣдомости упоминаются всевозможные предметы, напр. выписки о титулахъ московскихъ и иностранныхъ государей, статейные списки прежнихъ посольствъ, могущіе служить образцами, различныя договорныя статьи, выписки изъ прежнихъ трактатовъ, потребныя количества бумаги, чернилъ, камки, шелку, сукна для обертки грамотъ, разсчеты бумаги и ящиковъ, воску, свѣчей, пергамена, ножницъ, тисковъ къ печатямъ и т. д. Все это было готово въ концѣ февраля 1797 года. „Всѣ мѣры по снаряженію посольства,—говоритъ авторъ,—всѣ формальности не только въ титулахъ иностранныхъ государей, но даже въ способѣ прописки ихъ въ грамотахъ, гдѣ слѣдуетъ киноварными, а гдѣ золотыми буквами, соблюденіе условій этикетнаго слога и стиля въ подлежащихъ документахъ, всѣ эти мѣры и формальности были строго соображены съ подлежащими образцами и примѣрами прежнихъ лѣтъ и прежнихъ посольскихъ посылокъ. Отступленія были допущены лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно въ опредѣленіи размѣровъ жалованья самимъ посламъ и ихъ свитѣ. Главное содержаніе наказа посольству, весь духъ входившихъ въ него инструкцій прямо вытекалъ изъ всей московской дипломатической рутины не только XVII-го, но даже и XVI-го вѣка. Снабжая пословъ наказомъ, посольскій приказъ кромѣ того далъ имъ въ пособіе, въ видѣ руководства для справокъ, тридцать три переплетенныхъ книги, содержащія въ себѣ полныя копіи статейныхъ списковъ цѣлаго ряда прежнихъ посольствъ, начиная съ посольства къ папѣ римскому въ 1580—1581 годахъ. Относительно Голландіи въ книгахъ этихъ были подробно перечислены и изложены дипломатическія сношенія съ Нидерландами, имѣвшія мѣсто въ 1646, 1662, 1665, 1676 и 1687 годахъ... Но посольству 1697 года придавало особое значеніе участіе въ немъ самого царя и это-то

Digitized by Google

обстоятельство грозило перевернуть вверхъ дномъ всѣ, установившіяся на почвѣ рутины и традиціи, соображенія и требованія международнаго этикета. Самый же наказъ посольству, вполнѣ игнорируя личность участвовавшаго въ немъ царя, въ своихъ подробностяхъ ничѣмъ не отличался отъ традиціонныхъ формъ и установившагося въ Москвѣ кодекса международныхъ приличій и любезностей".

Затѣмъ наказъ даетъ подробное наставленіе о томъ, какъ послы должны держать себя по прибытіи въ резиденцію иностраннаго государя, какъ держать себя на посольствѣ, какъ читать сполна титулы, какъ поздравить и сказать про царское величество, какъ не допускать въ этикетѣ никакого умаленія и противности принятому обычаю, наконецъ какъ вести себя за оффиціальнымъ обѣдомъ; при этомъ для лицъ посольской свиты дѣлалось особое наставленіе: „А дворяномъ и переводчикомъ и подьячимъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, и не упивались, и словъ непригожихъ между собою не говорили".

Въ церемоніи представленія иностранному властителю бывали разныя отличія: въ большихъ государствахъ послы должны были „идти къ рукѣ", „римскаго папу въ ногу отнюдь не цѣловать, а цѣловать въ руку"; въ Венеціи, съ княземъ (т.-е. дожемъ) и сенатомъ здороваться просто, „витатися, а къ рукѣ къ князю не ходить", „ко князю и къ сенату ѣсть ѣхать чинно"; „у датскаго короля особо быть имъ на посольствѣ передъ королевскимъ величествомъ безъ шпагъ, непокровенными головами".

Главная цѣль въ этихъ случаяхъ заключалась въ строгомъ соблюденіи достоинства московскаго царя и недопущеніи со стороны иностранцевъ никакого умаленія этого достоинства. Отсюда и шли всѣ тѣ подробныя формальности, которыя предписывались наказами русскимъ посламъ. Авторъ справедливо объясняетъ это новостью дипломатическаго положенія тогдашней Россіи между европейскими государствами. Онъ говоритъ: „Мы не должны забывать, что русское государство развилось и окрѣпло внѣ общенія съ западною Европою, по своему собственному историческому ходу, независимому отъ историческаго движенія западно-европейской культуры. И потому понятно, что когда, благодаря своему могуществу, Россія стала выступать съ желательной ей ролью участницы въ общеевропейской исторіи, то желаніе это могло быть выполнено лишь цѣною извѣстныхъ усилій и самостоятельнаго вторженія въ среду западныхъ государствъ, которыя не могли не считать своего восточнаго сосѣда какимъ-то дикимъ

Digitized by Google

краемъ, какимъ-то отрѣзаннымъ, по своему прошлому, ломтемъ, какимъ-то непрошеннымъ гостемъ на своемъ романо-германскомъ пиру. Вотъ почему русскимъ приходилось такъ ревностно добиваться уваженія къ имени и достоинству московскаго царя" (стр. 33). Должно, однако, прибавить, что наказы предвидѣли и другое, какъ, напримѣръ, упомянутое наставленіе посольскимъ дворянамъ не упиваться на оффиціальныхъ обѣдахъ и не говорить непригожихъ словъ: московское правительство начало сознавать грубоватость русскихъ нравовъ и не желало, чтобы царское достоинство умалялось въ глазахъ иностранцевъ и съ нашей собственной стороны.

Начало путешествія сопровождалось нѣкоторыми непріятностями. Въ Ригѣ, которая принадлежала тогда Швеціи, посольство жаловалось на разныя притѣсненія шведскаго губернатора; самъ Петръ писалъ изъ Риги Виніусу: „Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь... съ ящиками нашими за копѣйку лаются и клянутся, а продаютъ втрое. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ, и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны". Поведеніе губернатора Дальберга Петръ принялъ за обиду, и мщеніе за нее было однимъ изъ поводовъ къ войнѣ противъ Карла XII-го. Впослѣдствіи Дальбергъ составилъ подробную записку въ оправданіе своихъ дѣйствій и здѣсь указывалъ между прочимъ, до какой степени было для него стѣснительно то, что среди посольства былъ и самъ царь. Онъ писалъ кромѣ того, что нѣкоторые изъ русскихъ расхаживали по городу, влѣзали на высокія мѣста, чтобы изучить его расположеніе, другіе спускались во рвы и срисовывали карандашомъ планы главныхъ укрѣпленій; Дальбергъ жаловался на это Лефорту, и тотъ извинялся и обѣщалъ, что этого впредь не будетъ. „Напрасно думаютъ, — говоритъ Дальбергъ,—что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ слѣдовало умѣрять строгость моихъ обязанностей изъ почтенія къ государю, который смѣшивался съ толпою посольской свиты. Но какъ же? Долженъ ли я былъ сознаваться въ знаніи мною этой тайны, когда русскимъ, подъ страхомъ смерти, было запрещено проявлять малѣйшіе признаки, по которымъ можно было догадаться о присутствіи царя въ ихъ средѣ? Безъ сомнѣнія, если бы я былъ вполнѣ увѣренъ, что не подвергнусь его гнѣву, обращаясь съ нимъ, какъ слѣдуетъ въ отношеніи къ великому самодержцу, я бы не преминулъ дать ему доказательства всего того почтенія, которымъ я ему обязанъ. Но, запрещая шпіонство за сильными и слабыми сторонами ввѣренной мнѣ крѣпости, я долженъ скорѣе обезпе-

Digitized by Google

чить себѣ уваженіе, чѣмъ презрѣніе со стороны этого государя. По крайней мѣрѣ я такъ понималъ все это дѣло". Меерманъ прибавляетъ, что, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ историковъ, этимъ снятіемъ чертежей занимались самъ Петръ и Меншиковъ. Нашъ авторъ замѣчаетъ, что обо всѣхъ этихъ неудовольствіяхъ со шведами статейный списокъ московскихъ пословъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, точно также какъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на поступки царя; донесенія пословъ адресовались въ Москву на имя самого царя, какъ будто онъ совсѣмъ не выѣзжалъ изъ своего государства.

Гораздо больше царю понравился пріемъ герцога курляндскаго въ Митавѣ и особенно курфюрста бранденбургскаго въ Кёнигсбергѣ: устроены были торжественныя церемоніи при въѣздѣ посольства, и затѣмъ царь, отбросивъ свой псевдонимъ, постоянно видѣлся съ курфюрстомъ. Такой же великолѣпный пріемъ сдѣланъ былъ посольству въ Данцигѣ; затѣмъ посольство раздѣлилось и часть его отправилась прямо въ Голландію, а другая, гдѣ былъ самъ царь, направилась на Любекъ и Гамбургъ. Онѣ соединились только въ концѣ августа. Во время путешествія Петръ, чтобы сохранить свое инкогнито, часто уѣзжалъ впередъ, какъ онъ дѣлалъ потомъ и въ Голландіи. Въ статейномъ спискѣ, между прочимъ, переданы и тѣ пріятныя впечатлѣнія, какія посольство имѣло въ Кенигсбергѣ. „А во время бытія въ курфистровѣ владѣніи отъ Мемля до Кенигсберга даваны подводы и кормы довольные, и готовили ѣсть про пословъ и про дворянъ, и про всѣхъ посольскихъ людей курфистровы служители. А въ Кенигсбергу пословъ и дворянъ съ пріѣзду до отпуску потчивали и кормили курфистровы-жъ служители во всѣ дни съ такою же церемоніею и со всякимъ довольствомъ. А которые дворяне и иные чиновные люди за столъ съ послы не садились, и тѣмъ, и посольскимъ, и дворянскимъ и иныхъ чиновныхъ людей людемъ даванъ кормъ денежный, кромѣ питья... А священника и лекаря Ивана Терманта на тѣхъ дворѣхъ, гдѣ стояли, а пажевъ и лакеевъ на посольскомъ дворѣ кормили съ удовольствомъ; а валентеровъ, Преображенскаго полку начальныхъ людей и солдатъ, при нихъ будучихъ, на курфистровѣ дворѣ, на которомъ они стояли, кормили и покоили со всякимъ же довольствомъ, и въ приставахъ у нихъ былъ комнатный дворянинъ Принцъ съ пажи и съ лекаи (лакеями) и съ иными къ тому належащими служители". Бросается въ глаза, что члены посольства съ такой настойчивостью говорятъ въ особенности о томъ, какъ ихъ кормили и покоили.

Digitized by Google

Посольство ѣхало въ Голландію довольно долго и прибыло къ предѣламъ Голландіи около половины августа. Одна часть посольства направлена была сюда ранѣе подъ начальствомъ пристава Богдана: ему приказано было ждать главнаго посольства въ Амстердамѣ и данъ былъ также надлежащій наказъ. „А буде его Богдана спросятъ о инихъ какихъ большихъ дѣлахъ, которые належатъ къ отвѣту великимъ посламъ, и ему говорить, что онъ человѣкъ служивый и о тѣхъ дѣлахъ говорить онъ не вѣдаетъ; да и всѣмъ государевымъ и посольскимъ людямъ приказать, чтобы они поступали честно и смирно, и никуда безъ указу не ходили; и пьянства бы, и драки, и невѣжества никакого не было и словъ бы лишнихъ никакихъ не говорили, — того ему смотрѣть за всѣми накрѣпко. А буде сверхъ приказу явится кто какой своевольникъ или пьяница, и того смирять по своему разсмотрѣнію, а малыхъ чиновъ людямъ чинить наказанье бить батоги". Въ Голландіи позаботились о пріемѣ, приготовили для посольства помѣщеніе въ лучшихъ гостинницахъ, приняли мѣры къ тому, чтобы хорошо его кормить и покоить, имѣть наготовѣ переводчиковъ и т. д. Въ послѣднемъ нѣмецкомъ городѣ передъ голландской границей, къ посламъ явился уже „амстрадамской житель Захарій Захарьевъ сынъ Диксъ", чтобы отъ имени Голландскихъ Статовъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и заявить, что ихъ ожидаютъ „любительно" и что въ голландскомъ городѣ Нимвегенѣ къ пріему ихъ все готово. На другой же день получено было привѣтствіе отъ самого короля англійскаго, который былъ и голландскимъ штатгальтеромъ. Вильгельмъ, узнавъ о присутствіи царя въ посольствѣ, ожидалъ увѣдомленія объ его намѣреніяхъ. Послы отвѣтили, что „ежели изволитъ имъ королевское величество дать очи свои видѣть, и они то съ радостію хотятъ получить, а великаго государя, Его Царскаго Величества, при посольствѣ нѣтъ, однакоже о томъ, когда очи (короля) увидятъ, сами донесутъ". Царя при посольствѣ дѣйствительно не было, потому что нѣсколькими днями раньше онъ проѣхалъ въ Амстердамъ и въ тотъ же вечеръ отправился въ Саардамъ: такъ, очевидно, велико было его нетерпѣніе увидать верфи, гдѣ онъ хотѣлъ работать.

Въ Нимвегенѣ ихъ встрѣтили торжественно. Въ статейномъ спискѣ записаны всѣ подробности, и москвичи были вѣроятно совершенно довольны. За полмили до перваго голландскаго города, посольство встрѣтилъ представитель Штатовъ гофмейстеръ Герикъ Стабъ, съ тремя каретами о шести возникахъ и во главѣ полсотни горожанъ верхомъ при четырехъ трубачахъ. Пересѣвъ изъ

Digitized by Google

клевскихъ каретъ въ голландскія и поблагодаривъ Стаба, послы въѣхали въ Нимвегенъ при пушечныхъ выстрѣлахъ и при *стойкѣ* мѣщанъ съ ружьями. Шествіе открывалъ гофмейстеръ, а за нимъ ѣхали трубачи, которые все время трубили. Затѣмъ бургомистры угостили посольство въ „кормѣхъ и въ питьѣ довольственно", причемъ играла музыка, трубили на трубахъ и били въ литавры. До Амстердама ѣхали почти двое сутокъ, частію сухимъ путемъ, частію на яхтахъ по каналамъ; здѣсь опять встрѣча была торжественная. „А какъ въѣзжали въ городъ, стояли на *стойкѣ* мѣщане съ мушкеты, въ бѣлыхъ нѣмецкихъ кафтанахъ, и били въ барабаны и стрѣляли изъ пушекъ; посполитаго же народу, какъ мужеска, такъ и женска, для смотрѣнія того посольскаго въѣзду множественное число вездѣ было". Въ первые дни послы осматривали Амстердамъ и конечно наглядѣлись очень любопытныхъ вещей, о которыхъ и прописано въ статейномъ спискѣ. Напримѣръ:

„Августа 17 великіе и полномочные послы по прошенію амстердамскихъ бурмистровъ были въ ратушѣ и смотрѣли строенія ея; да они-жъ были въ разныхъ домѣхъ сиропитательныхъ и наказательныхъ, что всему учинена особая пространная записка. Того жъ числа... послы по прошенію амстердамскихъ бурмистровъ были въ комедіальномъ дому, въ которомъ великая палата, въ ней же отправлялось дѣйство комедіи о Купидѣ, Еллинской богинѣ (sic), и притомъ показываны многіе бои и устрашенія адская, и дивные танцы, и иныя утѣшныя вещи и перспективы; а гдѣ... послы сидѣли, и то мѣсто устлано было коврами и обито сукны, и на столѣ поставлены фрукты и конфекты многіе, и *потчивали* бурмистры великихъ пословъ *прилежно*. Августа въ 19 день по прошенію амстрадамскихъ бурмистровъ великіе и полномочные послы смотрѣли изъ особаго дому нарочныхъ, устроенныхъ для нихъ огнестрѣльныхъ вещей" (т.-е. фейерверковъ)... „А прежъ смотрѣнія той потѣхи... послы у Статъ въ томъ дому ѣли и въ питіи было *довольство большое* и *подчиваны* прилежно. И того жъ числа были послы на Остинскомъ дворѣ Преображенскаго полку у начальныхъ людей для того, что они въ тотъ домъ пріѣхали для ученія морскаго дѣла. Августа въ 22 день... послы были съ бурмистры на морскомъ гаванѣ и въ тое пору наряжены были три яхты противъ воинскаго обыкновенія... И вышедъ въ море учинили межъ собою бой и всѣ знаки, какъ належитъ въ бою на морѣ, знамены (т.-е. сигналами) показывали, котораго поведенія множество въ разныхъ судахъ амстрадамскіе жители и пріѣзжіе смотрѣли. А по времени

Digitized by Google

бурмистры великихъ и полномочныхъ пословъ *потчивали* ѣствою и питьемъ *со всякимъ довольствомъ*"...

Въ другой разъ послы „со приставы своими были въ огородѣ, который огородъ называется гортусъ медикусъ или огородъ лѣкарственный; тотъ огородъ строится всѣмъ Амстердамомъ. Въ томъ огородѣ зѣло многое множество древъ иностранныхъ, а именно изъ Индіи масличныя и коричныя, и померанцевыя, и кипарисы, и цытроновыя и прочія, такъ же многія благоуханныя травы и разныя видами; и устроены тѣмъ древамъ и травамъ изрядныя мѣста, и вносятъ въ холодное время въ амбары, а травамъ сдѣланы мѣста и съисподи печи. Въ томъ же садовомъ дому въ амбарѣ стоятъ многія скляницы, и сулейки и стаканы, а въ нихъ въ спиритусѣ морскія дивы, во всякомъ суднѣ особо, зміи, каркодилы, саламандры и иныя многія. *Подчивали* великихъ и полномочныхъ пословъ въ томъ саду первый амстрадамской президентъ и бургомистры, Николай Витценъ и приставы посольскіе... въ ѣствахъ и питіи *со всякимъ довольствомъ*". Наконецъ на Остъ-индскомъ дворѣ послы смотрѣли слона и были поражены тѣми многими „штуками, удивленія достойными", которыя слонъ показывалъ „по повелѣнію звѣровщикову".

Посламъ предстояло отправиться въ Гагу для представленія „Голландскимъ Статамъ" и для исполненія своего настоящаго посольскаго дѣла, и пока это состоялось, они заняты были соображеніемъ политическихъ обстоятельствъ и собственными русскими дѣлами. Въ это время заключенъ былъ Рейсвикскій миръ, но съ этимъ еще не были улажены восточныя дѣла, которыя были важны и для Россіи. Отношенія между Франціей и Германской имперіей оставались натянутыми вслѣдствіе того, что Франція перестала оказывать поддержку Турціи, а кромѣ того она вмѣшалась въ польскія дѣла. Здѣсь королевскій престолъ остался вакантнымъ по смерти Яна Собѣскаго и въ то время какъ Россія, Австрія и Данія поддерживали саксонскаго курфюрста Фридриха-Августа, Франція поддерживала кандидатуру принца Конти или, какъ у насъ называли его, Деконтія. Поэтому во время пребыванія въ Голландіи русское посольство, вступая въ сношенія съ послами другихъ державъ, сторонилось отъ французскаго посла. Были и свои русскія дѣла. Приходилъ въ посольство за милостыней архимандритъ одного константинопольскаго монастыря; отправляли въ Москву лѣкаря иноземца; приходилъ въ посольство казакъ Яцко Кондратовъ сынъ Цыховскій, посланный отъ малороссійскаго гетмана Мазепы въ турецкій городъ Смирну „для того, что у него тамъ братъ родной служитъ

Digitized by Google

туркамъ за писаря войсковаго, зовутъ Васильемъ, взятъ въ полонъ подъ Чигиринымъ въ 186 (1678) году и тамъ бусурманился"; послы воспользовались случаемъ и поручили Яцку ѣхать въ Царьградъ провѣдать „тамошнее бусурманское намѣреніе и крѣпость того города осмотрѣть", за что ему дали 30 ефимковъ государева жалованья; посольство оставило при себѣ другого запорожскаго казака, взятаго въ плѣнъ 28 лѣтъ тому назадъ и убѣжавшаго изъ турецкой каторги. Особенное вниманіе пословъ обратилъ на себя архіепископъ анкирскій Петръ Павелъ Пальмъ, пріѣхавшій въ Гагу съ цесарскими послами и отправлявшійся чрезъ московское государство въ Персію: онъ предлагалъ себя въ агенты русскаго правительства для возбужденія къ войнѣ съ турками не только шаха Персидскаго, но и Эѳіопіи (!) и Индіи, куда его посылало австрійское правительство. Узнавъ о томъ, что въ Персіи находится особый русскій резидентъ, Пальмъ просилъ пословъ оказать ему содѣйствіе къ проѣзду чрезъ Россію и дать ему грамоту къ шаху; просьба его была впослѣдствіи удовлетворена. Наконецъ, послы выдали въ это время нѣсколько паспортовъ солдатамъ Преображенскаго полка и волонтерамъ, отправлявшимся учиться „морскаго художества и воинскихъ дѣлъ на корабляхъ". Трое изъ нихъ, князь Шаховской, Нестеровъ и Левонтьевъ, посылались для этой цѣли въ Остъ-Индію, а четвертый, другой князь Шаховской, въ восточную Остъ-Индію (стр. 71—72).

Благосклонный пріемъ посольства побуждалъ пословъ искать свиданія съ голландскимъ штатгальтеромъ, королемъ Вильгельмомъ. На просьбу объ этомъ, посланную съ посольскимъ дворяниномъ въ Гагу, полученъ былъ отвѣтъ, что король проситъ обождать малое время, потому что, какъ выражается статейный списокъ, у короля „зашли трудности въ миру съ французскою стороною" по поводу заключенія мира и онъ „тѣмъ нынѣ забавенъ", т.-е. занятъ. Но черезъ нѣсколько дней послы дѣйствительно получили извѣстіе, что король ожидаетъ ихъ посѣщенія частнымъ образомъ въ Утрехтѣ, и свиданіе состоялось перваго сентября. Король самъ пріѣхалъ въ тотъ домъ, гдѣ остановилось посольство. „Согласно частному характеру свиданія, русскіе не встрѣчали Вильгельма, а изъ особой палаты вышли къ нему, когда онъ вступилъ въ комнату, и, кланяясь въ поясъ, благодарили его за двукратное освѣдомленіе объ ихъ здоровьѣ и за то, „что нынѣ его королевскаго величества лицо во здравіи видятъ". О такой милости они обѣщались донести своему повелителю, а между тѣмъ этотъ повелитель былъ тутъ же. Затѣмъ,

Digitized by Google

удалившись въ особую комнату, король бесѣдовалъ съ послами, „имѣлъ разговоръ", о содержаніи котораго статейный списокъ умалчиваетъ, такъ какъ все свиданіе носило частный, неоффиціальный характеръ" (стр. 73). Умолчаніе статейнаго списка можетъ впрочемъ объясняться тѣмъ, что̀ разсказываетъ Меерманъ. „Первое свиданіе съ королемъ Вильгельмомъ,—говоритъ онъ,—состоялось 11-го сентября въ Утрехтѣ, еще до отъѣзда русскаго посольства въ Гагу; Петръ явился туда изъ Амстердама, а король, въ началѣ августа оставившій свою армію, изъ Лоо. Кромѣ одного Лефорта, никто не присутствовалъ при этомъ свиданіи двухъ государей".

Наконецъ, посольство отправилось въ Гагу, гдѣ была резиденція Статовъ. Какъ этотъ переѣздъ и первая встрѣча посольства въ Гагѣ, такъ затѣмъ самая аудіенція вызвали множество вопросовъ и споровъ объ этикетѣ, притомъ не только со стороны русскаго посольства, но и со стороны самихъ голландцевъ. Русскіе по обычаю хлопотали о томъ, чтобы въ этихъ церемоніяхъ поддержать и даже возвеличить царскую честь; они усиленно хлопотали о томъ, въ какихъ каретахъ ѣхать, гдѣ имъ надо было встрѣчать голландскихъ правителей, гдѣ послѣдніе должны были встрѣтить ихъ при аудіенціи и т. д. Переговоры о церемоніалѣ поручены были голландскимъ правительствомъ извѣстному амстердамскому бургомистру Витсену, съ которымъ самъ Петръ вступилъ тогда въ близкія отношенія. „Статы обратились къ великимъ и полномочнымъ посламъ съ просьбою воздать имъ такую же честь, какая воздается имъ со стороны представителей другихъ христіанскихъ государей и, при ежедневныхъ посѣщеніяхъ посольства депутатами отъ Штатовъ, послы должны депутатовъ этихъ встрѣчать у каретъ и провожать до каретъ. Въ подтвержденіе такого требованія Витсенъ ссылался на прежніе примѣры. На это русскіе возражали, „что имъ такихъ встрѣчъ чинить непристойно", потому что даже прежніе царскіе послы, несмотря на то, что „бывали и меньше ихъ особами своими", а все-таки не соблюдали такихъ почестей относительно Штатовъ. Витсенъ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, ссылаясь на то, что такое условіе соблюдается посольствами не только изъ Россіи, но и изо всѣхъ христіанскихъ странъ, и въ доказательство показывалъ взятую имъ изъ канцеляріи „записку прежнихъ царскаго величества пословъ, и цесарскихъ, и французскихъ, что всѣ ихъ Статъ встрѣчаютъ у каретъ и провожаютъ до каретъ же". Въ случаѣ несогласія на это условіе, Витсенъ угрожалъ русскимъ, что депутаты Штатовъ

Digitized by Google

вовсе къ нимъ пріѣзжать не будутъ, такъ какъ уступка со стороны голландцевъ можетъ повліять на другихъ, находящихся въ Гагѣ иностранныхъ дипломатовъ, которые „увидя то, учнутъ имъ ставить въ подозрѣніе большое“. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ русскіе пошли на компромиссъ, однако не безъ затаенной оговорки въ неясной формулѣ, обѣщая, что послы будутъ встрѣчать членовъ Штатовъ „гдѣ пристойно и какъ поспѣютъ, а провожать будутъ съ подобающею же честью“. Такимъ уклончивымъ рѣшеніемъ вопросъ о встрѣчѣ и проводахъ былъ исчерпанъ“.

Но оставалось еще нѣсколько дней до аудіенціи и русскіе послы составили свой проектъ церемоніала: „Чинъ, какъ его Царскаго Величества великимъ и полномочнымъ посламъ на пріѣздѣ у господъ Статъ Голландскихъ быть“, и передали Витсену наканунѣ аудіенціи. Наши послы требовали, чтобы „Статы“ встрѣтили пословъ у каретъ, при появленіи въ залы всѣмъ снять шляпы, затѣмъ Статы въ полномъ составѣ или „нарочитымъ числомъ“ провожали опять пословъ до каретъ. „Поставленныя русскими условія, — говоритъ г. Веневитиновъ, — возбудили между голландцами большія прекеканія, такъ какъ подобной встрѣчи депутатами у дверей залы не давалось никакимъ иностраннымъ посольствамъ, но по многому спору и въ виду явной милости Царскаго Величества, снарядившаго такое великое посольство, было въ концѣ концовъ постановлено, что трое изъ Штатовъ встрѣтятъ русскихъ пословъ у дверей статской палаты, но что другихъ встрѣчъ не будетъ, такъ какъ вмѣсто всякихъ встрѣчъ сами депутаты Штатовъ будутъ присланы за послами приглашать ихъ на аудіенцію. Мотивомъ такого рѣшенія были приведены слѣдующія соображенія: „что де бываютъ въ иныхъ государствахъ посламъ встрѣчи, и то де имъ не въ образецъ, потому что тѣ встрѣчники бываютъ служители тѣхъ государей, а они де сами Статы паче встрѣчъ посылаются къ посламъ по нихъ на дворъ сами“. Этими словами голландцы намекали на особенности республиканскаго устройства и образа правленія своего государства, гдѣ не было двора, какъ въ другихъ странахъ. Предварительныя недоразумѣнія, касающіяся церемоніала аудіенціи, были такимъ образомъ окончательно улажены и русскому посольству осталось теперь только ожидать времени, назначеннаго для его явственнаго пріѣзда, то-есть торжественнаго пріема“.

Аудіенція, къ успокоенію русскихъ пословъ, сошла благополучно, и въ статейномъ спискѣ, конечно, разсказано подробно, какъ пріѣхали во дворецъ Статовъ, какъ были встрѣчены, какъ вошли, какъ начали съ перечисленія царскаго титула и привѣт-

Digitized by Google

ствовали высокомощныхъ господъ и т. д. Послѣ пріема у Статовъ послы обмѣнялись церемоніальными визитами съ иностранными посольствами, а затѣмъ приступили къ самымъ переговорамъ. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что русскіе желали отъ Нидерландовъ помощи въ войнѣ противъ турокъ; Нидерланды отказывались на томъ основаніи, что не могутъ этого сдѣлать, только-что окончивъ войну, и обѣщали только сдѣлать это въ будущемъ, когда поправятся и въ первое состояніе придутъ". Тогда русскіе послы хотѣли получить отъ нихъ по крайней мѣрѣ артиллерійскіе припасы и разныя принадлежности морского дѣла, такъ какъ теперь это не нужно Нидерландамъ съ окончаніемъ войны, и припоминали, что самъ царь никогда не отказывалъ имъ, Нидерландамъ, въ ихъ просьбахъ; но Статы и это нашли неудобнымъ, потому что пушки и другіе морскіе припасы нужны имъ теперь какъ никогда, такъ какъ прочность мира сомнительна, а кромѣ того имъ очень нужно желѣзо, которое они должны были покупать дорогою цѣною. Тогда послы просили объ отпускѣ и въ концѣ октября происходила прощальная аудіенція такимъ же поведеніемъ, какъ и первая. Президентъ Статовъ въ прощальной рѣчи высказалъ пожеланіе „великому государю многолѣтняго здравія и дабы Господь Богъ покорилъ подъ ноги его бусурмановъ, салтана Турскаго и хана Крымскаго и, дай де, Боже, храбрость его государская всюду врагамъ страшна была". Затѣмъ, прося передать царю поклонъ отъ Штатовъ и предложивъ ему всегдашнюю ихъ покорность и услужливость, президентъ подалъ обернутую въ тафту отпускную грамоту, которая тотчасъ же пошла по рукамъ русскихъ, отъ Лефорта къ Головину, отъ Головина къ Возницыну, отъ послѣдняго къ дворянину посольства Петру Лефорту, который и сохранилъ ее у себя.

Такимъ образомъ дѣла были окончены. Послы переѣхали въ Амстердамъ; съ окончаніемъ оффиціальнаго дѣла прекращалось для Нидерландовъ и обязательство содержать посольство на счетъ государства, предполагая, что посольство отправится домой. Но послы прожили въ Голландіи еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Статамъ все-таки пришлось оплачивать ихъ квартиру, а въ посольствѣ считалось до двухсотъ человѣкъ.

Мы упоминали выше, что кромѣ ближайшихъ дипломатическихъ вопросовъ съ Голландіей, посольство занималось и другими дѣлами. Во время пребыванія въ Гагѣ произошла между прочимъ любопытная отправка одного изъ посольскихъ дворянъ, Островскаго, съ порученіемъ въ „Шклявонскую" землю: проѣз-

Digitized by Google

жій листъ былъ Островскому помѣченъ еще марта 1697 года, въ Москвѣ, и выданъ для науки морского дѣла. Инструкція, которую получилъ Островскій, очень характерна, какъ свидѣтельство того, въ какомъ туманѣ представлялась тогда эта Шклявонская земля. „Цѣль этой командировки,—какъ передаетъ г. Веневитиновъ,—заключалась въ собраніи предварительныхъ справокъ въ виду предстоящаго впослѣдствіи продолженія пути посольства въ Австрію и Венецію. Островскій былъ снабженъ инструкціей, состоявшей изъ семи пунктовъ, которою ему приказывалось: 1) ѣхать кратчайшей дорогой „до Словенской или до Словацкой и до Шклявонской земли", собирать свѣдѣнія о попутныхъ государствахъ и городахъ, ихъ взаимныхъ разстояніяхъ, о состояніи путей и довольствѣ въ подводахъ, кормахъ; 2) узнать, кому принадлежитъ Шклявонская земля, много ль въ ней городовъ и многолюдная ли, какіе въ ней люди и есть ли въ ней служащіе въ военномъ, галерномъ и купеческомъ флотахъ, и какіе люди; 3) сравнить состояніе дѣла въ этой странѣ съ венеціанскою и собрать свѣдѣнія о главныхъ морскихъ начальникахъ; 4) провѣдать, какимъ языкомъ тамъ говорятъ, понимаютъ ли тамъ по-русски, и нанять и привезти оттуда съ собою въ Амстердамъ человѣка для изученія его нарѣчію русскихъ; 5) много ли тамъ народа служитъ на морѣ или больше на землѣ; 6) далеко ли оттуда до Венеціи и какая къ ней ведетъ дорога отъ Славенской земли; 7) если тамошній языкъ не понятенъ русскимъ, то ѣхать въ Венецію, подыскать тамъ начальныхъ людей морского дѣла, которые бы знали по-славянски, и сговориться съ ними относительно найма ихъ на русскую службу". Островскій исполнилъ порученіе только отчасти и вернулся еще до отъѣзда русскаго посольства изъ Амстердама.

Когда съ переѣздомъ въ Амстердамъ кончились оффиціальныя сношенія съ нидерландскимъ правительствомъ, послы отступаютъ на второй планъ; главнымъ дѣломъ являются планы самого Петра, который все еще продолжаетъ скрываться подъ псевдонимомъ Петра Михайлова. „Распоряженія посольства,—говоритъ г. Веневитиновъ,—за все это время касаются лишь исполненія намѣреній и порученій самого царя, закупокъ разныхъ предметовъ и припасовъ, найма мастеровъ, облегченія ихъ доставки въ Россію, посылки волонтеровъ въ морскую науку и, наконецъ, соблюденія мѣръ и формальностей относительно выѣзда посольства изъ Голландіи и его дальнѣйшаго маршрута. Кромѣ того, послы не прекращали своихъ дипломатическихъ дѣлъ и текущей по нимъ переписки съ окрестными и другими союзными

Digitized by Google

государствами, но только уже не съ Нидерландами". Въ ноябрѣ послы получили извѣстіе изъ Лондона, что англійскій король желаетъ подарить Петру корабль и ждетъ указанія, какъ доставить его въ Голландію. Петръ очень обрадовался этому извѣстію и хотѣлъ тотчасъ послать одного изъ членовъ посольства для осмотра корабля, но потомъ найдено было неблаговиднымъ осматривать не полученный еще подарокъ, и кстати явился случай послать въ Англію маіора Вейде, какъ будто по совсѣмъ другому поводу. Въ это самое время пришли письма изъ Москвы о новыхъ побѣдахъ царскихъ войскъ надъ турками и татарами въ устьяхъ Днѣпра у крѣпости Тавани. По этому случаю послы въ концѣ ноября устроили въ Амстердамѣ „*тріумфъ*, на которомъ были многіе начальные люди и амстрадамскіе бурмистры, и по обѣдѣ пусканы многія художественныя огнестрѣльныя гранаты, и верховыя и водяныя ракеты, и была музыка". Поэтому маіору Вейде поручено было ѣхать къ королю Вильгельму приватнымъ обычаемъ и объявить о Таванской побѣдѣ, затѣмъ, „буде можно", посмотрѣть корабль, разузнать, отъ кого собственно онъ будетъ подаренъ, отъ короля или отъ парламента, „да ему жъ будучи въ англійской землѣ, развѣдать о всякомъ тамошнемъ состояніи".

Въ концѣ декабря вернулся изъ Англіи Вейде, и тогда же вернулся упомянутый Островскій: послѣдній „возвратился безъ дѣла", въ „Шклявонію" не ѣздилъ и только вывезъ изъ Венеціи двухъ капитановъ „греческой вѣры"; а Вейде сообщилъ, что англійскій король прислалъ съ нимъ нѣсколько кораблей „подъ валентеровъ", т.-е. волонтеровъ, которыхъ предполагалось послать въ Англію. Тотчасъ велѣно было волонтерамъ „для той посылки дѣлать новое платье", самъ Петръ отправился также въ Англію, а потомъ велѣлъ побывать тамъ и посламъ.

Въ статейномъ спискѣ занятія посольства въ Амстердамѣ были, конечно, прописаны: „по его великаго государя указу жили великіе и полномочные послы въ Амстрадамѣ за приговоромъ (т.-е. приглашеніемъ, уговоромъ) и за наймомъ въ службу начальныхъ людей, и матросовъ, и всякихъ чиновъ людей къ черноморскому флоту, и за готовостію (т.-е. приготовленіемъ) и приговорами ружья и корабельныхъ припасовъ, и за отпусками тѣхъ иноземцевъ"... Всего за это время нанято было моряковъ и матросовъ до тысячи человѣкъ.

Въ статейномъ спискѣ помѣщена и запись купленныхъ вещей. „Про его царское величество на обиходъ: 260 ящиковъ съ ружьями, 48 кипъ паруснаго полотна, 8 кипъ бумаги картуз-

Digitized by Google

ной, 1 кипа рыбьихъ усовъ, 1 ящикъ съ пилами желѣзными, 2 ящика, а въ нихъ компасы, 2 ящика, а въ нихъ пистолеты, 2 ящика, а въ нихъ роги и всякая корабельная мелочь, 6 ящиковъ, а въ нихъ гарусы, 14 бочекъ разной всякой мелочи, 8 сундуковъ съ плотничьими инструментами, 6 ящиковъ съ кругами, которые въ блоки кладутъ, 2 ящика, а въ нихъ каркадилъ и рыба свертъ фишъ (Schwertfisch), 2000 фунтовъ корки, 2577 блоковъ разныхъ, 3 якоря большихъ, 5 штукъ дерева покъ-гоута, 200 штукъ дерева есейнаго, 13 ящиковъ съ разной рухлядью, 7 ящиковъ со всякой мелочью, 800 мраморныхъ камней. Подъ клеймомъ П. М." (т.-е. Петра Михайлова). Вещи пословъ были подъ ихъ клеймами. Для перевозки всѣхъ этихъ вещей нанято было нѣсколько кораблей, которые должны были доставить ихъ въ Архангельскъ или въ Нарву.

Наконецъ, пора было оставить Голландію. Посольству предстояло ѣхать черезъ Германію и Польшу въ Вѣну. На прощанье вышли, однако, большія неудовольствія, которымъ, впрочемъ, не было дано оффиціальнаго хода. Передъ отъѣздомъ пословъ изъ Амстердама, къ нимъ являлся съ прощальнымъ визитомъ Николай Витсенъ съ тремя другими бургомистрами, и при благожеланіяхъ представилъ письменную просьбу о предоставленіи льготъ голландской торговлѣ въ Россіи; послы обѣщали дать объ этомъ отвѣтъ впослѣдствіи, а затѣмъ попросили бургомистровъ присѣсть и въ длинной рѣчи стали упрекать „Статы" и англійскаго короля за тайное посредничество въ заключеніи мира между цесаремъ и турецкимъ султаномъ; въ доказательство они привели документы, доставленные имъ отъ русскаго резидента въ Польшѣ, а между прочимъ копію съ грамоты самого цезаря къ Петру, посланной изъ Вѣны въ Москву. Русскіе послы указали, что нидерландское правительство послало свою грамоту къ цесарю въ то самое время, когда Статы увѣряли пословъ, что желаютъ царю всякаго добра и въ войнѣ съ турками „всякую услужность чинити будутъ"; а на дѣлѣ показали явное недоброхотство; а теперь послы не хотѣли больше „съ ними бурмистрами въ вящее дѣло вступать". „Бурмистры" еще разъ увѣряли, что это дѣло учинено безъ нихъ. Послы остались недовольны на выѣздѣ и голландскимъ приставомъ, который плохо ихъ кормилъ, и, переѣхавъ границу, написали объ этомъ по почтѣ Витсену: „пишемъ для того, чтобъ тотъ безумный человѣкъ, написавъ множественные расходы на насъ, самъ не покралъ, что обыкъ уже чинити"...

Въ заключительной главѣ книги г. Веневитиновъ останавли-

Digitized by Google

вается вообще на характерѣ дипломатическихъ пріемовъ и обычаевъ стариннаго посольскаго приказа, въ которыхъ выразилась между прочимъ и великая разница склада московскаго государства съ общественнымъ строемъ Европы. Первые начатки русской дипломатіи относятся къ тѣмъ вѣкамъ, когда московскіе князья собирали русское государство и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивали его отъ враговъ: это была первая школа международныхъ отношеній. Школа была крайне грубая и тяжелая. Это были отношенія къ татарамъ, крымцамъ, Литвѣ. „Сосѣдство съ востокомъ, — вѣрно замѣчаетъ авторъ, — отразилось и на характерѣ дипломатіи: для достиженія желаемаго, съ дикими народами приходилось или употреблять грубую силу, или хитрить, клянчить, унижаться; предвидѣніе выгодъ въ будущемъ заставляло временно забывать свое достоинство; для полученія большаго слѣдовало жертвовать мѣньшимъ; страхъ передъ могуществомъ враговъ пріучалъ къ скрытности передъ ними, а ихъ корыстолюбіе и алчность облегчали подкупы и развивали ихъ въ постоянное и несомнѣнное для достиженія цѣлей средство". Когда первая цѣль московской политики была достигнута, московское княженіе пріобрѣло независимость и готовилось стать царствомъ, пріемы русской дипломатіи освѣтились новою византійскою струею, „но струя эта была также полу-восточнаго происхожденія". Въ византійскихъ преданіяхъ жила память о славномъ прошедшемъ, и эта память отразилась надеждами на третій Римъ въ Москвѣ. Когда, особливо съ половины XVI вѣка, возникали болѣе или менѣе постоянныя дипломатическія отношенія съ западными государствами и учрежденъ былъ посольскій приказъ, дѣятельность его опредѣлялась сама собою положеніемъ вещей. Россія, побѣдоносная на востокѣ, должна бы занять подобающее мѣсто и въ своихъ отношеніяхъ къ западнымъ государствамъ, съ которыми связывали ее расширявшіеся политическіе интересы. „Первоначальный характеръ этихъ сношеній, — говоритъ г. Веневитиновъ, — нѣсколько напоминаетъ собою способъ насильственнаго вторженія непрошенныхъ гостей въ чужую среду, которая привыкла считать Русь какою-то невѣдомою, хотя и могущественною страною". Авторъ напоминаетъ тѣ странныя представленія, какія имѣли въ Европѣ еще въ XVI вѣкѣ о Московіи, которую смѣшивали съ азіатскими странами. Прибавимъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ западныхъ европейцевъ также влекло въ эти маловѣдомыя страны, потому что здѣсь искали путей для сѣверной и восточной торговли, искали союзника противъ Турціи, католицизмъ надѣялся на пропаганду. Съ другой стороны, русскимъ важно было сбли-

Digitized by Google

женіе съ Европой не только для крупныхъ политическихъ интересовъ, но и для всякихъ культурныхъ потребностей, которыя стали все расширяться въ возрастающемъ государствѣ и въ частности при дворѣ, уже искавшемъ царственнаго великолѣпія. Въ этихъ отношеніяхъ къ европейскому западу, прежде всего политическихъ, съ половины XVI вѣка игралъ важную роль посольскій приказъ; онъ именно работалъ надъ тѣмъ, чтобы установить внѣшнее политическое положеніе московскаго государства. „Главнѣйшую свою заботу и прямую задачу,—говоритъ г. Веневитиновъ,—посольскій приказъ видѣлъ въ установленіи за границею правильныхъ понятій о могуществѣ и значеніи Руси въ лицѣ ея единственнаго и полнѣйшаго представителя. Государская честь, государское именованіе не должны были подвергаться ни въ какомъ случаѣ ни умаленію, ни ущербу. Основныя правила русскихъ дипломатовъ опредѣлялись афоризмами въ родѣ слѣдующихъ: „Самое большое дѣло государскую честь остерегать; за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть; прежде всего нужно оберегать государское именованіе; начальное и главное дѣло государей чести остерегать". Малѣйшее посягательство на эту честь, на это именованіе требовало твердаго и немедленнаго отпора" (стр. 143). Авторъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ того, какъ посольскій приказъ въ Москвѣ и русскіе послы за границей, при иностранныхъ дворахъ, дѣйствительно всѣми силами, упорно, оберегали государеву честь въ точномъ соблюденіи царскаго титула и во всѣхъ подробностяхъ выработаннаго приказомъ этикета въ пріемѣ пословъ и т. п. Въ иностранныхъ государствахъ былъ, конечно, и свой этикетъ; тамъ не всегда намѣрены были исполнять московскія требованія, на первое время даже не признавали московскаго царя такой политической силой, какую предполагали настойчивыя притязанія московскихъ пословъ, —но здѣсь именно не хотѣли ничего уступить московскіе дипломаты, до такой степени, что прерывали важныя политическія дѣла изъ-за несоблюденія титула или иной церемоніи. Алексѣй Михайловичъ даже оправдывалъ этимъ мотивомъ такія дѣла, какъ занятіе Кіева: „Кіевъ задержанъ за многія и несчетныя съ вашей (польской) стороны намъ безчестья и досады въ *прописках*ъ нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ", и т. д. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что обереганье государевой чести становилось для посла дѣломъ первостепенной важности, между прочимъ потому, что въ случаѣ какой-нибудь прорухи ему грозило въ Москвѣ строгое наказаніе. Особенно это бывало страшно во времена Грознаго; домашній страхъ къ царю

Digitized by Google

послы переносили и на иностранныхъ властителей—напр., не рѣшались надѣвать при нихъ шляпы, когда всѣ были въ шляпахъ; такъ русскій посолъ не рѣшился надѣть шапки передъ англійскимъ королемъ Яковомъ I, въ 1613: „великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ и намъ, холопамъ, въ такое время какъ на себя шапки надѣть?“ Если въ данномъ случаѣ слова и поступки русскаго посла могли показаться только странностью московскихъ обычаевъ, то въ другихъ случаяхъ послы производили прямо неблагопріятное впечатлѣніе. Авторъ замѣчаетъ, что „насколько цѣль обереганія государской чести и царскаго титула достигалась посредствомъ однихъ и тѣхъ же пріемовъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, настолько же достоинство Россіи страдало отъ образа частной жизни русскихъ дипломатовъ за границею... Русскіе нравы были такъ же грубы въ половинѣ XVI вѣка, какъ и въ концѣ XVII. Вырвавшись изъ-подъ ближайшаго надзора своего непосредственнаго, не только строгаго, но подчасъ и грознаго начальства, русскіе позволяли себѣ за границею доказывать могущество Россіи и силу своего повелителя такими пріемами, которые у себя дома имѣли бы послѣдствіемъ жестокую казнь, чтобы другимъ не повадно было такъ же поступать. Но въ чужой странѣ, вдали отъ грозныхъ очей царя, подъ покровомъ посольскаго званія, можно было не стѣсняться и не ждать отъ иностранцевъ наказанія, которое могло быть объясняемо какъ покушеніе на государскую честь. Не только достоинство Россіи, но и терпѣніе гостепріимныхъ хозяевъ западной Европы весьма часто подвергались горькимъ испытаніямъ отъ поведенія русскихъ за границей, отъ ихъ необразованности, неопрятности, грубости и дикости ихъ нравовъ“ (стр. 155). Авторъ опять приводитъ историческіе примѣры безобразнаго поведенія пословъ за границей. Дѣло въ томъ, однако, что здѣсь именно проявлялись грубые нравы *частной* жизни, которые дома вовсе не навлекли бы на себя „жестокой казни“, потому что бывали дѣломъ довольно обыкновеннымъ: подобные нравы, въ видѣ необузданнаго разгула и самодурства, въ извѣстныхъ кругахъ не перевелись и до сихъ поръ... Отсюда упомянутыя выше предостереженія посламъ въ наказахъ посольскаго приказа относительно пьяницъ и бражниковъ: повидимому, однако, дѣло было такъ обыкновенно, что посольскому приказу не приходило въ голову, что можно было бы просто не принимать такихъ дѣятелей въ самый составъ посольства.

Къ этимъ нравамъ принадлежала и другая черта посольскихъ обычаевъ. „Привыкнувъ издавна,—говоритъ г. Веневитиновъ,—

Digitized by Google

склоняться передъ грубою татарскою силою, хитрить и заискивать передъ нею подарками и взятками, московское правительство пользовалось тѣми же средствами и въ области своихъ сношеній съ Западною Европою. Оно избѣгало открыто объявлять о своихъ желаніяхъ, не довѣряло иностранцамъ, скрытничало передъ ними, хитрило и примѣняло въ переговорахъ начало раздѣленія труда. Главные послы должны были спеціально поддерживать государскую честь, вести себя на конференціяхъ важно, недоступно, заносчиво, а низшему персоналу посольства въ то же время приказывалось соблюдать выгоды царя и, намекая на возможность уступокъ, поддерживать въ иностранцахъ надежды на заключеніе трактатовъ" (стр. 158). Такъ, напримѣръ, было во время Поляновскаго съѣзда въ 1634. Посольскій приказъ давалъ такое наставленіе: „главные послы, бояринъ и окольничій, должны говорить *сердито*, а остальные унимать и покрывать *гладостью* и *разговоромъ*, чтобы договора не разорвать и безславными не быть же". Вѣроятно это бывало иногда довольно простодушно, потому что и на другой сторонѣ также были люди смѣтливые.

Устройство великаго посольства 1697 — 1698 годовъ было, по замѣчанію автора, послѣднею уступкою старинѣ въ дѣлѣ дипломатіи. Вскорѣ по возвращеніи Петра изъ-за границы, пословъ замѣняютъ рѣзиденты и министры, а потомъ самый посольскій приказъ превращается въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но уже въ этомъ посольствѣ была новизна, прежде совсѣмъ невозможная и въ которой отзывалась реформа: это—присутствіе въ посольствѣ самого царя подъ „покрышкою". „Инкогнито,— говоритъ г. Веневитиновъ, — выходило изъ круга понятій прежнихъ царей, не могло вмѣщаться въ ихъ міросозерцаніи; условіе покрышки должно было связываться, какъ съ неминуемымъ послѣдствіемъ, съ представленіемъ объ умаленіи государской чести и имени, о несоблюденіи полноты титула, а потому и царскаго достоинства". Ни самъ Алексѣй Михайловичъ, ни оба старшіе сыновья его „никогда не рѣшились бы посягнуть на малѣйшую іоту своего высокаго пресвѣтлаго имени и замѣнить его формою именованія, присвоеннаго лишь царскимъ холопамъ, которые обозначались одними именами по крещенію и по отцу. Такое имя относится къ области самыхъ заурядныхъ, низшихъ слоевъ общества, можетъ принадлежать только простымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, рядовымъ стрѣльцамъ или солдатамъ". Но въ этомъ-то забвеніи себя ради другихъ и благомъ употребленіи произвола на пользу отечества авторъ и указываетъ первый шагъ на пути реформъ и отступленіе отъ традицій не только посольскаго

Digitized by Google

приказа, но и цѣлаго московскаго быта. „Предки заботились о чести своего имени, преобразователь думаетъ о благѣ подданныхъ. Цари стремились къ личнымъ эгоистическимъ цѣлямъ, будущій императоръ руководствуется побужденіями высшаго государственнаго порядка. Въ прошломъ преданія влачатъ свое существованіе въ мертвящей косности и отзываются неподвижностью востока, въ будущемъ грезятся мечты о бьющей ключомъ жизни и о сліяніи судьбы государства съ судьбою цѣлаго міра“ (стр. 163).

Дальше авторъ дѣлаетъ подробное исчисленіе стоимости посольства, которая была весьма значительна по тогдашнему состоянію русскихъ финансовъ; онъ вычисляетъ, что 200.000 рублей, которыхъ стоило путешествіе, составляли приблизительно десятую часть всего тогдашняго бюджета Россіи, такъ что тогдашніе противники Петра имѣли нѣкоторое основаніе говорить, что царь за границу „тащитъ казну многую“. Не входя въ подробности, отмѣтимъ два-три примѣра расходовъ, какіе между прочимъ приходилось дѣлать посольству. „Дано иноземцу, амстрадамскому курантарю, который въ Амстрадамѣ печатаетъ куранты, Симону Штейгуту, отъ печатанія курантовъ, чтобы онъ напечаталъ о побѣгѣ вора и измѣнника Якушка Яковлева, чтобъ его съ сносными животами (т.-е. снесеннымъ, украденнымъ, имуществомъ) поймать, а кто поймаетъ, тому дается 20 рублей; и за то курантово печатанье дано два ефимка, да жидовскому рабиновому клику полъефимка, чтобъ онъ въ жидовскихъ синагогахъ о поимкѣ того вора во время жидовскаго сонмища прокликалъ“... „Дано толмачу Андрею Гемсу въ приказъ 20 ефимковъ за то, что онъ провожалъ матрозовъ на корабль и изъ шинковъ выгонялъ“... „Апрѣля 24-го въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія дано за провозъ солдатъ пяти человѣкъ, которые посланы были съ капитаномъ Памбуркомъ для высилки матрозовъ на два корабля и для уйму ихъ отъ своевольства, 6 ефимковъ“.

Въ заключеніе, указавъ, что старые пріемы московской дипломатіи уже не удовлетворяли гораздо болѣе сложнымъ потребностямъ новой международной политики, авторъ находитъ однако, что въ нѣкоторыхъ основныхъ отношеніяхъ старый посольскій приказъ строже охранялъ интересы государства. „Старыя традиціи отличались въ международныхъ сношеніяхъ настойчивымъ упорствомъ въ сознаніи и преслѣдованіи желаемаго, народностью въ политикѣ; новые пріемы русской дипломатіи уклонились отъ древней дисциплины и нерѣдко вмѣсто выгодъ Россіи принуждены были служить интересамъ Европы, и вмѣсто соблюденія чести и достоинства русскаго царя позволяли себѣ жертвовать

Digitized by Google

внѣшнему блеску его имени самыми вопіющими нуждами его государства. Послѣдовательность политики, упорство движенія по ясно и твердо намѣченному пути уступили мѣсто колебаніямъ, участію въ международныхъ интригахъ, шаткости союзовъ и случайности вражды. Стали возможны примѣры сосредоточенія нитей русской политики въ рукахъ не природныхъ русскихъ, хорошо знающихъ свое отечество и его нужды, а заѣзжихъ иностранцевъ, руководившихся или личными выгодами, или обманчивымъ блескомъ безпочвеннаго космополитизма. Подобныя явленія ознаменовали собою почти весь XVIII вѣкъ и начало текущаго столѣтія. Теперь времена перемѣнились, русская дипломатія начинаетъ возвращаться къ лучшимъ кореннымъ традиціямъ Посольскаго Приказа". „При всей наивной косности и отталкивающей грубости этихъ древнихъ традицій,—продолжаетъ г. Веневитиновъ, —въ основѣ ихъ, какъ руководящую красную нить, мы встрѣчаемъ черты, достойныя безусловнаго подражанія и заключающіяся въ строгомъ соблюденіи чести и достоинства Россіи среди ближайшихъ ея сосѣдей, въ неуклонномъ преслѣдованіи прямыхъ и ясныхъ цѣлей и въ стремленіи внушить къ русскому народу то уваженіе, котораго онъ заслуживаетъ, какъ равноправный съ прочими народами Европы участникъ во благахъ всемірнаго просвѣщенія. До конца XVII-го вѣка Посольскій Приказъ руководствовался задачами политики Москвы, имя которой олицетворяло понятіе о всей подвластной странѣ; Петръ Великій расширилъ это понятіе до предѣловъ государства; преемники его въ новой, перенесенной на берега Невы, столицѣ нарушили исконную связь съ народомъ и лишили свою политику ея коренныхъ элементовъ. 1812 годъ указалъ намъ ошибки XVIII-го вѣка и послужилъ поводомъ къ первымъ шагамъ на пути возвращенія государства къ своимъ народнымъ основамъ" (стр. 192). Авторъ замѣчаетъ здѣсь же, что такъ называемый имъ космополитическій періодъ русской дипломатіи былъ плодомъ непонятыхъ стремленій Петра Великаго. Что эти стремленія дѣйствительно не были поняты, едва ли подлежитъ сомнѣнію и не только въ XVIII вѣкѣ, но и позднѣе; вопросъ однако былъ не въ однѣхъ традиціяхъ посольскаго приказа: реформа, какъ бы ни была она понята преемниками Петра, заключала въ себѣ источникъ глубокихъ измѣненій во всемъ складѣ стараго быта и въ ряду ея результатовъ само „космополитическое" направленіе имѣло если не оправданіе, то свои естественныя причины; а затѣмъ космополитическая дипломатія во многихъ случаяхъ только послѣдовательно продолжала

Digitized by Google

дѣло Петра,—таковы были, напримѣръ, турецкія войны прошлаго вѣка, присоединеніе Крыма и т. п.

Въ книгѣ помѣщено много рисунковъ, которые служатъ иллюстраціями къ разсказу о великомъ русскомъ посольствѣ. Это—портреты русскихъ пословъ, короля Вильгельма, бургомистра Витсена, виды Амстердама и Гаги, между прочимъ тѣхъ самыхъ зданій, которыя заняты были посольствомъ, и т. д. Рисунки заимствованы изъ современныхъ отдѣльныхъ гравюръ, находящихся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и частію указанныхъ Д. А. Ровинскимъ, и также изъ стараго голландскаго описанія Гаги. Эти рисунки, или прямо современные, или близкіе ко времени путешествія русскаго посольства, тѣмъ болѣе интересны, что являются иллюстраціями документальными.

А. П.

Digitized by Google

ПО ИСПОЛНЕНІЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
НА 1896 ГОДЪ.

По предварительнымъ, еще „не окончательно провѣреннымъ въ контрольномъ порядкѣ" свѣдѣніямъ министерства финансовъ объ исполненіи государственной росписи 1896 года [1]), результаты этого исполненія должны быть сочтены выдающимися даже въ ряду вообще блестящихъ государственныхъ бюджетовъ послѣднихъ лѣтъ. По основной части росписи—обыкновенному бюджету—избытокъ доходовъ надъ расходами, составлявшій въ 1893 году 35 м. р., въ 1894 году—100 м. р., въ 1895 году—около 115 м. р.,—въ 1896 году, по предварительнымъ свѣдѣніямъ, опредѣленъ въ 130½ м. р. Въ дѣйствительности, при *окончательномъ* сведеніи росписи, по отчету государственнаго контроля онъ долженъ оказаться больше, во-первыхъ, потому, что назначенные на 1896 годъ расходные кредиты не будутъ израсходованы въ полной суммѣ; во-вторыхъ, потому, что къ доходамъ 1896 года, по принятому порядку, будутъ причислены окончательно закрытые въ томъ году долгосрочные кредиты прежнихъ лѣтъ. Обѣ эти суммы могутъ составить отъ 10 до 15 м. р., а можетъ быть и больше. Но и безъ нихъ, выяснившійся избытокъ долженъ быть признанъ болѣе чѣмъ достаточнымъ, особенно въ виду того, что по росписи превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ такими же расходами было выведено всего лишь въ 8½ м. р., а именно: доходовъ было исчислено 1.239½ м. р., а расходовъ 1.231 м. р.

Точная сумма дѣйствительно произведенныхъ расходовъ пока, до

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", 1897 г., № 12.

Digitized by Google

истеченія установленнаго для нихъ льготнаго срока, опредѣлена быть не можетъ. Но ни въ какомъ случаѣ она не можетъ превышать цифры отпущенныхъ въ теченіе года кредитовъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ. Послѣднихъ, въ счетъ росписи 1896 года, по свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ", было отпущено около 7 м. р.: $5^1/_2$ м. р. на пособіе крестьянскому поземельному банку и около $1^1/_2$ м. р. на другія надобности. Такимъ образомъ, наибольшая сумма обыкновенныхъ расходовъ не превыситъ 1.238 м. р. Но обыкновенныхъ доходовъ, счетъ которыхъ законченъ и можетъ оказаться неточнымъ лишь на нѣсколько милліоновъ рублей, поступило не $1.239^1/_2$ м. р., а $1.368^1/_2$ м. р.,—болѣе на 129 м. р., что и дастъ наименьшій излишекъ въ доходахъ, сравнительно съ расходами, на $130^1/_2$ м. р.

„Вѣстникъ Финансовъ", почтивъ въ одномъ изъ нумеровъ (№ 8, 1897 г., стр. 443) небольшою замѣткою статью „Вѣстника Европы": „Государственная роспись на 1897 годъ" [1]), упрекаетъ насъ въ постоянныхъ „рутинныхъ" пріемахъ нашей критики росписей. Не могъ ли бы почтенный органъ министерства финансовъ хотя отчасти нашу „рутину" объяснить *постоянствомъ* финансовыхъ пріемовъ у насъ въ составленіи государственной росписи въ частяхъ ея, находящихся въ вѣдѣніи самого министерства. Дѣйствительно, по росписямъ послѣднихъ десяти лѣтъ, мы постоянно и „рутинно" говорили, напримѣръ, объ исчисленіи обыкновенныхъ доходовъ въ недостаточномъ размѣрѣ и приводили при этомъ приблизительно наименьшую цифру усматриваемаго нами недочета, а потомъ, когда появлялись свѣдѣнія объ исполненіи данной росписи, мы девять разъ въ теченіе десяти лѣтъ имѣли возможность подтвердить, что не только оправдалось наше указаніе на недостаточность размѣра въ исчисленіи обыкновенныхъ доходовъ, но цифры такой недостаточности превосходили иногда наши предположенія.

Такъ, при обозрѣніи росписи на 1896 годъ, мы высказали предположеніе, что поступленіе обыкновенныхъ доходовъ должно превзойти роспись на 60 м. р. Въ дѣйствительности же превышеніе оказалось слишкомъ въ двойной цифрѣ (129 м. р.). Только нѣкоторая часть его, впрочемъ довольно крупная, не могла быть предусмотрѣна въ росписи, а именно: 35 м. р. дохода желѣзныхъ дорогъ за прежнее, до 1896 г., время, остававшихся, за неоконченными счетами, въ депозитахъ и лишь въ 1896 г. перечисленныхъ въ доходъ казны, и около $10^1/_2$ м. р. излишка противъ росписи монетнаго дохода.

Излишекъ монетнаго дохода заслуживаетъ вниманія. По объясненію „Вѣстника Финансовъ", получился онъ отъ чеканки серебряной полноцѣнной монеты изъ серебра, пріобрѣтеннаго въ 1895 и 1896 го-

[1]) Въ февральской книгѣ, стр. 792 и слѣд.

Digitized by Google

дахъ. Серебра куплено 26½ милл. унцій стандардъ за 32.062.000 м. р. (очевидно, кредитныхъ), а изготовлено изъ нея монеты номинальной стоимости на 42.465.000 рублей,—въ результатѣ около 10½ м. р. дохода. Но такой способъ получать доходы можетъ возбуждать вопросъ—дѣйствительно ли это доходъ?

Во-первыхъ, необходимо опредѣлить дѣйствительную стоимость серебрянаго рубля относительно золотого. Изъ приведеннаго разсчета видно, что за 3 р. кред. можно пріобрѣсти серебра, достаточнаго для 4 серебряныхъ полноцѣнныхъ рублей, т.-е. 900-й пробы на тысячу частей. Въ то же время за 3 кред. рубля можно получить 2 рубля золотыхъ. Такимъ образомъ, серебряный полноцѣнный рубль равенъ 75 коп. кредитнымъ и 50 коп. золотымъ. Далѣе, если, отчеканивъ серебряныхъ рублей на 40 милл., можно пріобрѣсти излишняго государственнаго дохода 10 м. р., то выпускомъ серебряной монеты на 400 м. р. получится лишняго дохода 100 милл. рублей. Наконецъ, доходъ удвоится, если вмѣсто полноцѣнной монеты (900-й пробы) чеканить размѣнную (500-й пробы). Нужно замѣтить, что размѣнная монета чеканилась ежегодно, но въ небольшихъ размѣрахъ, и доставляемый этимъ доходъ, происходившій отъ разности стоимости металла и номинальнымъ курсомъ выпущенной монеты, не превышалъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Такъ, въ 1895 году было выпущено размѣнной серебряной монеты на 299.000 р., и отъ этого получилось монетнаго дохода 149.500 рублей. Въ 1893 году, перечеканено изъ старой, потертой, отчасти изъ прежней полноцѣнной монеты и отчеканено вновь всего размѣнной монеты на 2.628.000 р., отъ чего получилось монетнаго дохода 374.460 р. Такой же доходъ, въ сотню, другую тысячу рублей—по той же причинѣ—получается ежегодно отъ выпуска мѣдной монеты. Хотя изъ этихъ сотенъ тысячъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и слагаются милліоны [1]), но этотъ доходъ можетъ считаться малозначащимъ: вновь выпускаемая въ скромномъ относительно размѣрѣ монета возмѣщаетъ утерянную или ушедшую куда-нибудь въ Азію. Другое дѣло—такой крупный выпускъ, какъ въ прошломъ году, доставившій монетнаго дохода вмѣсто предполагавшихся 953.000 м. р. свыше 11½ м. р. Очевидно, они, и во всякомъ случаѣ указанные 10½ м. р., не доходъ, а скорѣе заемъ, сдѣланный казною, равносильный выпуску кредитныхъ билетовъ на сумму, составляющую разность между дѣйствительною и номинальною цѣною монеты. Повтореніе такихъ выпусковъ можетъ внести новое замѣшательство въ проектированную, непосильную для населенія, реформу денежнаго обращенія.

---

[1]) За послѣднія шесть отчетныхъ лѣтъ, 1890—1896, чеканка размѣннаго серебра доставила дохода 1.250.000 р.

Digitized by Google

Но, конечно, значеніе крупныхъ выпусковъ серебряной монеты не ускользнетъ отъ вниманія финансоваго вѣдомства и едва ли будетъ повторяться. Да въ этомъ едва ли и предстоитъ надобность. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1895 года, количество находившейся въ обращеніи серебряной монеты было около 25 м. р. полнопробной (банковой) и около 70 м. р. размѣнной. Съ присоединеніемъ къ нимъ 42½ м. р. полнопробной монеты въ 1896 году и выпускомъ размѣнной въ 1895 и 1896 годахъ около 2 м. р., если не больше, всего серебряной монеты — при чемъ полнопробная имѣетъ все значеніе размѣнной—должно быть около 140 м. р.

Крупное превышеніе въ доходахъ, сравнительно съ росписью, на 43 м. р., оказалось, по обыкновенію, именно по косвеннымъ доходамъ. Превышеніе это, являющееся результатомъ крайней, какъ мы указывали не разъ, осторожности, не можетъ имѣть особеннаго значенія. Сравнительно съ поступленіемъ предшествовавшихъ лѣтъ, это повышеніе очень слабо: въ 1894 году отъ косвенныхъ налоговъ, со включеніемъ таможеннаго, получено 570½ м. р.; въ 1895 году—575½ м. р., и въ 1896 году 582½ м. р. Но увеличеніе оказалось только по таможенному доходу, котораго послѣдовательно въ три послѣдніе года поступало: 173 м. р., 168 м. р. и 182½ м. р. Сумма другихъ косвенныхъ налоговъ остается въ одинаковомъ размѣрѣ; въ 1896 году она даже нѣсколько (на 8 м. р.) понизилась сравнительно съ предшествовавшимъ: пониженіе произошло въ питейномъ и сахарномъ доходахъ при весьма слабомъ повышеніи доходовъ нефтянаго и табачнаго. Въ этой неподвижности налоговъ усматривается обстоятельство, на которое мы неоднократно указывали въ нашихъ обозрѣніяхъ государственныхъ бюджетовъ: совершенно незамѣтное вліяніе на движеніе государственныхъ доходовъ прироста населенія. А это служитъ недобрымъ признакомъ для экономическаго преуспѣянія страны.

Увеличеніе таможеннаго дохода противъ смѣты на 28½ м. р., и противъ поступленія предшествовавшаго года почти на 15 м. р. министерство финансовъ объясняетъ усилившимся въ 1896 году привозомъ нѣкоторыхъ товаровъ: хлопка, чая, а главнымъ образомъ желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ. Увеличеніе же привоза желѣза и стали зависитъ отъ того, что количество ежегодной выставки у насъ чугуна еще не соотвѣтствуетъ возросшей въ послѣднее время потребности въ издѣліяхъ изъ него. Почему не соотвѣтствуетъ—это въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ не объясняется, но объясненіе это легко найти въ печати.

„Уральскіе заводы,—пишетъ въ одну изъ газетъ мѣстный коррес-

Digitized by Google

пондентъ,—обладаютъ такимъ обиліемъ и богатствомъ рудъ, что могли бы смѣло удовлетворять потребность въ желѣзѣ всей Россіи и ужъ во всякомъ случаѣ легко занять первое мѣсто по производству этого продукта на Уралѣ. Залежи рудъ такъ обширны, что ихъ по приблизительному разсчету хватитъ на 1.000 лѣтъ; богатство уральскихъ рудъ 60—70 проц. чугуна: эти богатства представляютъ всѣ данныя для дѣятельной и успѣшной разработки: подъ руками—дешевое горючее (богатыя залежи каменнаго угля и сравнительно большіе запасы древеснаго угля). Но несмотря на всѣ благопріятныя условія, производительность уральскихъ заводовъ не только не развивается, а съ каждымъ годомъ падаетъ; многіе заводы бездѣйствуютъ, продаются съ молотка, и заводовладѣльцы ропщутъ на свое горькое положеніе. Ни покровительственныя пошлины, ни милліонныя субсидіи отъ казны на уральскіе заводы не могутъ поднять производительность нашихъ заводовъ". Далѣе, корреспондентъ объясняетъ, почему это происходитъ. „Управители большинства заводовъ—люди, не имѣющіе спеціальнаго образованія, а сами заводовладѣльцы о своихъ заводахъ знаютъ только, что они существуютъ и должны приносить какъ можно больше барышей. Минеральное топливо на Уралѣ почти не примѣняется, нагрѣтое дутье въ доменномъ производствѣ не вводится, и, вообще, отсталость техники поразительная. Въ то время, какъ въ Англіи, во Франціи, Швеціи, не говоря уже о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, производительность желѣза въ послѣднее десятилѣтіе удвоилась и утроилась, у насъ на Уралѣ осталась въ томъ же положеніи". Результаты національнаго, но неудачнаго заводскаго хозяйства, защищаемаго „прогрессирующимъ" таможеннымъ тарифомъ, не замедлили проявиться. „Западъ,—говоритъ тотъ же корреспондентъ,—продаетъ свои рельсы по 62 коп., сортовое желѣзо по 95 коп. и котельное по 1 руб. 35 коп. за пудъ; цѣна же уральскихъ рельсовъ на мѣстѣ приготовленія 1 р. 65 к. за пудъ, сортового желѣза 1 руб. 60 к. и котельнаго болѣе 3 руб. Цифры настолько краснорѣчивы, что говорятъ сами за себя. Между тѣмъ, стоимость производства на Западѣ почти вдвое дороже, чѣмъ на Уралѣ. Рабочій день, напр., на Западѣ оплачивается отъ 80 к. до 1 руб. 20 к., а у насъ отъ 40 к. до 50 к., стоимость горючаго матеріала также дороже на 20 проц.".

Указываемое въ приведенной корреспонденціи вполнѣ согласно со всесторонними свѣдѣніями о неудовлетворительномъ положеніи нашихъ желѣзныхъ заводовъ и о чрезмѣрныхъ цѣнахъ, взимаемыхъ ими за свои издѣлія и съ казны, и съ частныхъ лицъ. Извѣстно, что даже правительственныя учрежденія неохотно прибѣгаютъ къ ихъ услугамъ и пользуются всякимъ предлогомъ обращаться съ заказами за границу. Этимъ выгадывается не только на качествѣ и надеж-

Digitized by Google

ности издѣлій. но и въ цѣнѣ, несмотря на огромный размѣръ уплачиваемыхъ за нихъ пошлинъ. Такимъ образомъ, блага, ожидаемыя поборниками ультра-охранительной таможенной системы для нашего промышленнаго развитія. пока не осуществились даже по отношенію главнѣйшей изъ отраслей нашей промышленности, имѣющей наиболѣе шансовъ на успѣхъ, не говоря о другихъ отрасляхъ.

Относительно колебаній въ таможенныхъ поступленіяхъ за смежные годы нужно замѣтить, что на основаніи ихъ нельзя дѣлать опредѣленныхъ выводовъ. Колебанія эти зависятъ отъ состоянія запасовъ въ товарахъ, отъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ и другихъ побочныхъ обстоятельствахъ. Такъ, вслѣдствіе повышенія пошлины на хлопокъ на 50 процентовъ до 1 января 1895 года, въ 1894 году его было больше оплачено пошлиною, въ „потребность“ 1895 года. Къ 1896 году эти запасы истощились, и привозъ хлопка снова увеличился. Въ росписи таможеннаго дохода 1896 года было исчислено 154 милл. р.. менѣе дѣйствительнаго поступленія на $28^1/_2$ милл. руб. Эта цифра росписи печатью объяснялась просто недостаточностью исчисленія и пресловутою осторожностью. Мы, при обозрѣніи росписи 1896 года, опредѣляли ее, *при крайней осторожности* въ размѣрѣ поступленія 1894 года, въ 173 м. р. [1]). Наше исчисленіе оказалось слишкомъ осторожнымъ на 9 милл. руб. Но это увеличеніе на 9 м. р., само по себѣ весьма скромное, вовсе не указываетъ на развитіе нашей внѣшней торговли, хотя бы на 5 процентовъ въ два года. или на увеличеніе въ такой же мѣрѣ нашего достатка для покупки привозныхъ товаровъ. Оно составляетъ прямой результатъ повышенія на 50 процентовъ пошлины съ хлопка и лишь отчасти—большей потребности въ заграничномъ желѣзѣ, и то не для населенія, а для усиленной постройки казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. При этомъ снова такой могущественный. хотя и медленно, но непрестанно дѣйствующій факторъ—точно частичная сила расширенія при теплотѣ—какъ приростъ населенія, остается незамѣтенъ.

Питейный доходъ по росписи 1896 года былъ исчисленъ въ размѣрѣ 284 м. р., менѣе поступленія 1894 года на 13 м. р. слишкомъ. Это исчисленіе несомнѣнно было результатомъ или слишкомъ пессимистическаго взгляда составителей смѣты—съ точки зрѣнія экономическаго положенія населенія, или оптимистическаго — съ точки зрѣнія успѣховъ народной трезвости. Не руководясь ни той, ни другою, мы опредѣляли этотъ доходъ въ 297 милл. рублей [2]). Въ дѣйствитель-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1896 годъ, стр. 818.

[2]) „Вѣстн. Европы, февраль 1896 года, стр. 817.

Digitized by Google

ности, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, его поступило 294 м. р., менѣе поступленія предшествовавшаго года на 4 м. р. Можно предположить, что нѣкоторый недоборъ въ этомъ доходѣ произошелъ отъ несвоевременнаго перечисленія въ суммы государственнаго казначейства причитающагося ему акциза съ вина, какъ это случилось (помнится, на 400.000 р.), въ 1895 году, по восточнымъ губерніямъ. Въ 1896 году это еще легче могло случиться по юго-западнымъ и южнымъ губерніямъ, гдѣ казенная продажа введена со второй половины года. Но своевременный взносъ не могъ превосходить одного—двухъ милліоновъ, съ присоединеніемъ которыхъ къ доходу въ 294 мил. р., все-таки получается цифра ниже дохода не только 1895, но и 1894 года. Такимъ образомъ, застой обнаруживался и въ этомъ доходѣ, неизмѣнно въ теченіе тридцати лѣтъ прогрессировавшемъ, хотя иногда и скачками, и въ зависимости отъ повышенія размѣра налога.

Отъ казенной продажи питей, введенной, какъ замѣчено уже, съ половины года въ 9 южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ [1]), поступило около 28 милл. р., менѣе исчисленнаго въ росписи слишкомъ на 3 милл. р. Этотъ недоборъ, обнаружившійся лишь въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, „Вѣстникъ Финансовъ“ объясняетъ большими запасами вина, заготовленнаго винокуренными заводчиками и выпущеннаго въ продажу передъ введеніемъ казенной продажи питей, а также совершенно естественнымъ, на первое время введенія монополіи, уменьшеніемъ потребленія, въ особенности въ чертѣ еврейской осѣдлости. Не остался безъ вліянія и неудовлетворительный въ минувшемъ году сборъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Россіи, какова въ особенности губернія бессарабская.

Мы привели цѣликомъ слова „Вѣстника“, чтобы показать, что и въ нихъ нѣтъ помину о трезвости, хотя, какъ извѣстно, отрезвленіе народа выставлялось главной причиной введенія казенной продажи питей. Еще менѣе, конечно, можетъ идти рѣчь объ успѣхахъ трезвости въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта продажа не введена.

Положеніе и значеніе винной казенной монополіи, все еще привлекая вниманіе общества, время отъ времени подвергается дебатамъ въ общественныхъ собраніяхъ, занимающихся вопросами государственнаго хозяйства. При этомъ большая часть „вольныхъ“ ораторовъ далеко не въ пользу вліянія, оказываемаго монополіей на населеніе. Однимъ изъ послѣднихъ „докладовъ“ о винной монополіи былъ докладъ Д. Н. Бородина въ собраніи экономистовъ. Въ передачѣ хро-

[1]) Бессарабской, волынской, екатеринославской, кіевской, подольской, полтавской, таврической и черниговской.

Digitized by Google

никера одной изъ газетъ [1]) г. Бородинъ положеніе казенной продажи резюмировалъ слѣдующимъ образомъ:

„По оффиціальнымъ даннымъ, потребленіе вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ уменьшилось, а доходъ казны увеличился. Въ самарской губ., напримѣръ, кабаки замѣнились трактирами, но въ послѣднихъ все тоже пьянство, все тѣже буйства, что и въ дореформенномъ кабакѣ, съ тою разницею, что трактирщики взимаютъ за дрянную закуску большія цѣны—своего рода возмѣщеніе небольшихъ доходовъ отъ продажи питей. Вообще, въ новомъ законѣ имѣются нѣкоторыя неясности, дающія возможность парализовать благодѣтельныя цѣли, преслѣдуемыя имъ; сюда относятся: допущеніе продажи вина по вольной цѣнѣ въ разливъ произвольными мѣрами; допущеніе коммиссіонной продажи вина (послѣднее продается теперь даже въ мелочныхъ и фруктовыхъ лавкахъ; такимъ образомъ, число питейныхъ заведеній фактически не только не сокращено, но даже увеличено, а слѣдовательно остается въ полной силѣ прежнее зло, противъ котораго направлена реформа); допущеніе пивныхъ лавокъ, служащихъ такими же притонами, какими раньше были кабаки, тѣмъ болѣе, что раньше онѣ были только въ городахъ, а теперь уже и въ деревнѣ, и въ нихъ продается на коммиссіонныхъ началахъ водка. Особенно вредно отражается на благосостояніи населенія тайное спаиваніе, которое ведется почти въявь. Ко всему этому докладчикъ прибавляетъ открытое пьянство на улицахъ, въ частныхъ домахъ и т. п. Правда, къ борьбѣ съ пьянствомъ было призвано общество въ лицѣ его лучшихъ представителей (попечительства о народной трезвости), но дѣятельность послѣднихъ почти сводится къ нулю (напр., засѣданія оренбургскаго комитета происходятъ очень рѣдко, чайныя не функціонируютъ и т. д.)“.

„Подводя итоги реформѣ, докладчикъ признаетъ положительнымъ результатомъ только улучшеніе качества потребляемаго вина. Уменьшеніе потребленія вина въ 4 восточныхъ губерніяхъ г. Бородинъ называетъ случайнымъ явленіемъ и объясняетъ его бѣдственнымъ положеніемъ населенія, тайнымъ шинкарствомъ, дешевыми остатками дореформеннаго вина. Докладчикъ утверждаетъ, что все дѣло въ правильномъ потребленіи вина, а это есть вопросъ культуры, и предлагаетъ упразднить коммиссіонную продажу вина и закрыть пивныя лавки, распространять здравыя понятія о гигіенѣ въ народѣ, разъяснять послѣднему вредъ пьянства, а главное, стремиться къ всеобщей грамотности“.

Если очеркъ, сдѣланный г. Бородинымъ, вѣренъ, а близость его къ истинѣ подтверждается большею частью мѣстныхъ „независимыхъ“

[1]) „Новости“ № 61 текущаго года.

Digitized by Google

извѣстій, то оказывается, что уже теперь, при существованіи казенной продажи всего лишь въ 13 губерніяхъ, первоначально предположенная цѣль этой продажи упраздняется: вмѣсто казенной продажи питей, является казенная монополія, а казна оказывается монополистомъ-пріобрѣтателемъ; казенная лавка то становится коммиссіонеромъ по продажѣ чужихъ издѣлій, то свои шкалики сдаетъ на коммиссію, обезпечивъ себѣ достаточный барышъ. Единственная заслуга, признаваемая какъ г. Бородинымъ, такъ и многими корреспондентами повременныхъ изданій, за казенной питейной торговлей, это продажа водки лучшаго качества. Но при той регламентаціи, какая всегда существовала для питейной торговли, и безъ казенной продажи такъ же легко можно было установить требованіе опредѣленнаго качества продаваемой водки, какъ установлена ея крѣпость.

О казенной продажѣ питей намъ приходилось говорить нѣсколько разъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о ходѣ ея все болѣе убѣждаютъ въ ея, такъ сказать, трудностяхъ: она какъ будто не по силамъ администраціи и слишкомъ дорога для населенія, а потому равняется крупному дополнительному налогу, вводимому при томъ не общимъ порядкомъ, а по соображеніямъ одного вѣдомства. Продажа эта была введена въ видѣ опыта, а опытъ не въ ея пользу: это видно даже изъ приведеннаго выше отзыва „Вѣстника Финансовъ“ о ходѣ ея въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе производитъ поступленіе выкупныхъ платежей. Хотя ихъ получено всего около 97 милл. руб., менѣе предшествовавшаго года на $4^1/_2$ милл. руб., но это уменьшеніе составляетъ результатъ льготъ, дарованныхъ по внесенію недоимокъ Высочайшими манифестами 7 февраля 1894 г. и 13 мая 1896 г., широко установившими отсрочку и разсрочку недоимокъ по этимъ платежамъ. Поступленіе превышаетъ исчисленія росписи почти на 8 милл. руб. и въ то же время превосходитъ нормальный годовой окладъ. Это свидѣтельствуетъ, что сельское населеніе начинаетъ нѣсколько оправляться отъ недавней голодной невзгоды. На основаніи этого слѣдуетъ ожидать, что и за настоящій годъ поступленіе выкупныхъ платежей много превыситъ $87^1/_2$ милл. руб., назначенныхъ по росписи.

По чрезвычайному бюджету въ роспись было внесено доходовъ-вкладовъ въ государственный банкъ 2.200.000 руб. Расходовъ же было исчислено:

Digitized by Google

на сооруженіе сибирской желѣзной дороги. . . .	82¼	милл. руб.
„ вспомогательныя къ ней предпріятія.	2½	„ „
„ сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ. . . .	45¾	„ „
Всего около . .	130½	милл. руб.

Поступило чрезвычайныхъ доходовъ больше, а именно:

вкладовъ на вѣчное время	6.876.000 руб.
за уступленную новгородскую ж. д. . .	2.250.000 „
облигац. капиталовъ желѣзн. дорогъ, перешедшихъ въ казну и другихъ поступленій	8.537.000 „
	17.663.000 „

Сверхъ того, отъ реализаціи 4% государственной ренты, выпущенной по Высочайшему указу 23 февраля 1896 года, поступило 25.800.000 р. Но эту сумму, полученную отъ такъ-называемыхъ кредитныхъ операцій и не имѣющую бюджетнаго значенія, мы въ счетъ доходовъ не включаемъ.

Приведенные нами чрезвычайные расходы строительные, по правиламъ о строительныхъ расходахъ, вносятся не на одинъ, а на два смѣтные періода и въ расходы отчетнаго года засчитываются полной суммой. По вычетѣ изъ суммы ихъ сумму поступившихъ доходовъ (130½—17½ м. р.), недоборъ доходовъ равняется 113 м. р. А такъ какъ по обыкновенному бюджету, какъ показано выше, предвидится избытокъ доходовъ 130½ м. р., то, по исполненіи всей росписи, долженъ бы оказаться избытокъ доходовъ около 17½ м. р. Сверхъ этого, ежегодно причисляется къ доходамъ отъ 9 до 12 и болѣе милліоновъ рублей остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени. Но независимо отъ нихъ по исполненію росписи 1896 года должно, на основаніи закона 20 декабря 1896 года, причислить къ рессурсамъ государственнаго казначейства неизрасходованные кредиты прежняго времени на уплату процентовъ и капитала по безсрочнымъ займамъ. Такимъ образомъ, избытокъ доходовъ надъ расходами по всей росписи 1896 года могъ бы достигать огромной суммы въ 77—80 милл. рублей. Но только—могъ бы достигать.

Мы уже упоминали [1]) о толкахъ, что сверхъ двухъ бюджетовъ—обыкновеннаго и чрезвычайнаго—у насъ существуетъ еще и третій, особенный,—банковый, поглощающій не только всѣ, весьма большіе, бюджетные остатки, но и истощающій понемногу свободную наличность государственнаго казначейства. Вліяніе этого бюджета весьма невыгодно отзывается на итогѣ исполненія государственной росписи

[1]) „Вѣсти. Европы“, февраль, 1897 г., стр. 803.

Digitized by Google

1896 года. Оказывается цѣлый рядъ взносовъ въ государственный банкъ, не внесенныхъ въ роспись и какъ бы не предвидѣнныхъ, а именно: а) на передачу въ размѣнный фондъ казеннаго золота въ суммѣ 50 м. з., равняющейся 75 м. кред.; б) на уплату банку курсовой разницы за пріобрѣтенное отъ него золото около 26 м. р.; в) на отчисленіе въ особый счетъ суммъ, предназначенныхъ на погашеніе части безпроцентнаго долга, около 17 м. р., и пр.—всего около 123 милл. р. За исключеніемъ изъ нихъ около 21 милл. руб., получившихся отъ реализаціи 4% ренты, остается расходовъ 97 милл. р., которые, балансируя съ выведеннымъ выше избыткомъ въ 77 — 80 м. р., представляютъ окончательный недоборъ по росписи въ суммѣ около 20 милл. рублей, покрываемый изъ свободной наличности государственнаго казначейства, которая поэтому, по счету министерства финансовъ, опредѣляется къ 1 января 1897 года приблизительно въ 250 милліоновъ рублей.

Къ этимъ счетамъ и вообще къ болѣе подробному обозрѣнію исполненія государственной росписи 1896 года намъ придется, конечно, возвратиться уже въ концѣ года, по выходѣ отчета государственнаго контроля. Но мы и тогда останемся при убѣжденіи въ необходимости строгой разграничительной черты между государственнымъ казначействомъ и казенными банками, въ томъ числѣ и государственнымъ. Повидимому, этого можно достигнуть только однимъ путемъ: подчиненіемъ ревизіи государственнаго контроля казенныхъ банковъ во всѣхъ ихъ операціяхъ, со всѣми ихъ портфелями, до личнаго долгового включительно. Когда-то, какъ мы припоминаемъ, это былъ одинъ изъ очередныхъ вопросовъ; по поводу его велась даже переписка, дѣлались представленія;—но, вѣроятно, тѣмъ дѣло и ограничилось...

О.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1897.

Именной Высочайшій указъ 27-го марта.—Высочайшій рескриптъ 13 апрѣля.—Положеніе дворянства въ до-реформенную, реформенную и по-реформенную эпохи.—„Московскія Вѣдомости“ о „возстановленіи государственныхъ полномочій дворянства“.—Ссылка на „мудрые совѣты“ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ.—Что понимать подъ именемъ возвращенія къ прошедшему?—Вопросъ о судѣ присяжныхъ, общемъ и спеціальномъ, въ коммиссіи, пересматривающей судебные уставы.—Столѣтіе удѣльнаго вѣдомства.

27-го минувшаго марта состоялся Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату—слѣдующаго содержанія:

„Прискорбныя смятенія, волновавшія западную окраину въ 1863 году, вызвали, въ числѣ прочихъ правительственныхъ мѣръ, установленіе особаго процентнаго сбора съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія. Въ продолженіе истекшихъ съ тѣхъ поръ тридцати слишкомъ лѣтъ, незыблемо охраняя общія начала, направленныя къ сліянію западныхъ губерній съ прочими мѣстностями Имперіи, въ Бозѣ почившіе Самодержцы Всероссійскіе желали милосердіемъ Своимъ постепенно изглаживать въ памяти народной слѣды преступныхъ заблужденій, вовлекшихъ польское населеніе въ нарушеніе вѣрноподданническаго долга. Слѣдуя завѣтамъ минувшихъ царствованій и неизмѣнно стремясь къ упроченію въ Западномъ краѣ русской государственности, Мы, въ заботахъ о водвореніи милости въ дѣлахъ правленія, признали за благо отмѣнить установленный въ 1863 году процентный сборъ съ имѣній лицъ польскаго происхожденія, уповая, что сей новый знакъ Монаршаго снисхожденія вящше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подъ сѣнью Россійской Державы. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: взимаемый съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ девяти западныхъ губерніяхъ въ доходъ казны особый процентный сборъ отмѣнить съ 1-го января сего 1897 г.“.

Digitized by Google

Этотъ актъ верховной власти производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Обстоятельства, которыми было вызвано установленіе особаго сбора, давно миновали; поколѣніе, противъ котораго оно было направлено, уступило мѣсто другому, не принимавшему никакого участія въ смутѣ шестидесятыхъ годовъ; не было болѣе причины сохранять въ силѣ различіе между землевладѣльцами, основанное исключительно на ихъ происхожденіи. Указъ 27 марта позволяетъ надѣяться, что и въ другихъ отношеніяхъ западная окраина все больше и больше будетъ приближаема къ центральной Россіи. Чрезвычайно важнымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи будетъ введеніе въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій, котораго, повидимому, слѣдуетъ ожидать въ непродолжительномъ времени. Параллельно съ нимъ разрѣшится, быть можетъ, и вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій, которымъ теперь подчинено въ западномъ краѣ пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній лицами польскаго происхожденія.

13-го апрѣля обнародованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій того же числа на имя предсѣдателя комитета министровъ, статсъ-секретаря И. Н. Дурново:

„Переживаемыя помѣстнымъ дворянствомъ затрудненія составляютъ предметъ Моихъ особыхъ заботъ. Въ непреложной увѣренности, что дворянскому сословію для блага Россіи необходимо сохранить занимаемое имъ доселѣ въ ея судьбахъ мѣсто, Я желаю, чтобы были изысканы средства облегчить современное положеніе дворянства, всегда самоотверженно служившаго родинѣ. Поселѣвъ въ сихъ видахъ образовать Особое Совѣщаніе изъ лицъ, довѣріемъ Моимъ къ этому дѣлу призванныхъ, Я возлагаю предсѣдательствованіе въ семъ Совѣщаніи на васъ, по ближайшей извѣстности вамъ потребностей дворянскаго сословія, въ средѣ коего вы нѣкогда съ достоинствомъ исполняли почетную должность предводителя дворянства. Увѣренъ, что въ трудахъ Совѣщанія будутъ всесторонне выяснены нужды помѣстнаго дворянства и соображены мѣры, коими могли бы быть ему обезпечены способы и впредь нести исконновѣрную службу Престолу и Отечеству". Членами совѣщанія назначены министры императорскаго двора и удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи и финансовъ, членъ государственнаго совѣта Абаза, статсъ-секретари Куломзинъ и Плеве и егермейстеры гр. Шереметевъ и Сипягинъ. Предсѣдателю Совѣщанія предоставлено приглашать къ участію въ его занятіяхъ и другихъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ объясненій. Управленіе дѣлами Совѣщанія возложено на товарища государствен-

Digitized by Google

наго секретаря. Заключенія Совѣщанія повелѣно представлять на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, для дальнѣйшаго направленія ихъ согласно Высочайшимъ указаніямъ.

Въ виду новаго фазиса, наступившаго, такимъ образомъ, для дворянскаго вопроса, особенный интересъ представляютъ тѣ намеки на возможное его разрѣшеніе, которые заключаются въ рядѣ газетныхъ статей, ему посвященныхъ [1]). „Дворянская реформа", по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", столь же *важна*, столь же *обширна*, столь же *настоятельно необходима*, „какъ и совершившаяся тридцать-пять лѣтъ тому назадъ великая крестьянская реформа". Что московской газетой допущено здѣсь сильное преувеличеніе—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Преобразованіе, затрогивавшее судьбу милліоновъ людей, оберегавшее Россію отъ неисчислимыхъ бѣдствій, устранявшее главный ея грѣхъ въ прошедшемъ, главный источникъ слабости въ настоящемъ, главное препятствіе къ развитію въ будущемъ,— нельзя подводить подъ одинъ уровень съ рѣшеніемъ вопроса, имѣющаго, при всей своей важности, преимущественно частное, сословное значеніе... „*Возвращеніе* дворянству его государственныхъ полномочій"—вотъ основной мотивъ дворянскихъ пожеланій, въ томъ видѣ, въ какомъ формулируетъ ихъ сочувствующая имъ печать. Во „всеоружіи этихъ полномочій" дворянство находилось еще недавно, въ „періодъ непосредственно предшествовавшій нынѣ переживаемому", т.-е. до освобожденія крестьянъ. „Дворянство" — говорятъ намъ — „имѣло, прежде всего, патримоніальную власть надъ цѣлой половиной сельскаго населенія; дворянству принадлежали уѣздная полиція и судъ; дворянскіе депутаты были единственными представителями сельскаго населенія въ различныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, завѣдывавшихъ мѣстными хозяйственными дѣлами; дворянству принадлежало исключительное сословное право самоуправленія по губерніямъ, и высшій представитель его занималъ второе послѣ начальника губерніи мѣсто въ губернской администраціи". Начало обязанности дворянской службы было „перенесено съ отдѣльнаго лица дворянина на отдѣльныя дворянскія общества"; участіе въ дворянскихъ выборахъ разсматривалось „какъ обязанность, отъ которой никто безъ законной причины не въ правѣ уклоняться". Все наше мѣстное и областное управленіе до крестьянской реформы „можно было назвать вполнѣ *дворянскимъ*".

Фактически эта картина совершенно вѣрна; весь вопросъ въ томъ, какое изъ нея вытекаетъ заключеніе. Не говоря уже о „патримоніальной власти надъ половиной населенія", т.-е. о крѣпостномъ правѣ, что представляло собою „вполнѣ дворянское" управленіе, существо-

[1]) См. Московскія Вѣдомости" №№ 79, 80, 85, 89, 92, 93, 94, 96.

Digitized by Google

вавшее въ Россіи тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ? До-реформенный судъ и до-реформенная полиція были синонимомъ взяточничества и произвола; до-реформенное „мѣстное хозяйство"—гнѣздомъ мертваго формализма и рутины: до-реформенныя дворянскія собранія—очагомъ личныхъ интригъ; до-реформенные дворянскіе выборы—раздачею крупныхъ и мелкихъ кормленій. Уѣздный судья—идущій на помочахъ у секретаря; земскій исправникъ—изъ разорившихся помѣщиковъ или записныхъ „дантистовъ"; предсѣдатель палаты—взвѣшивающій не столько правоту сторонъ, сколько ихъ избирательное вліяніе или общественное положеніе; дворянскій засѣдатель—знающій о дѣлахъ только по наслышкѣ; депутатъ дворянства—удостовѣряющій правильность и законность нечитанныхъ или даже невидѣнныхъ имъ смѣтъ и отчетовъ; крупный избиратель—приводящій съ собою на выборы цѣлую свиту мелкихъ—все это типичныя фигуры, занесенныя въ исторію, увѣковѣченныя литературой. Онѣ знаменуютъ собою эпоху безправія и гнета. „когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа—мысль русская стонала въ полутонъ". Напоминаніе объ этой эпохѣ, въ полемикѣ, вызванной „дворянскимъ вопросомъ", является какъ нельзя болѣе умѣстнымъ—только не съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ московская газета. Вызванная ею тѣнь минувшаго падаетъ на будущее; основываясь на томъ, что было, нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, что можетъ быть, въ случаѣ возвращенія къ старымъ порядкамъ. Отъ неизбѣжной разницы въ деталяхъ не измѣнился бы общій духъ системы, наложившей неизгладимую печать на самыя печальныя страницы нашей исторіи.

Отъ „всеоружія государственныхъ полномочій" дворянство, по словамъ его апологетовъ, прямо было низведено къ безвластію и безсилію, почти къ полной потерѣ „государственнаго значенія". Въ другомъ мѣстѣ эта абсолютная формула подвергается нѣкоторой поправкѣ: вспоминается объ институтѣ мировыхъ посредниковъ, игнорировать который было бы уже черезчуръ странно—но вспоминается съ оговоркой, что онъ оберегалъ интересы помѣщиковъ и крестьянъ только въ первое трехлѣтіе послѣ реформы 19-го февраля, а затѣмъ, введенный „лишь въ видѣ исключительной и временной мѣры", былъ, *къ сожалѣнію*, „заброшенъ, искаженъ и устраненъ". На самомъ дѣлѣ мировые посредники дѣйствовали на основаніяхъ, установленныхъ Положеніемъ 19-го февраля, не три года, а по меньшей мѣрѣ пять лѣтъ (во многихъ губерніяхъ—гораздо дольше), до введенія судебныхъ уставовъ. Потерявъ судебную власть, они сохранили свои административныя функціи до самаго преобразованія крестьянскихъ учрежденій, т.-е. до 1874 г. Не споримъ, мировые посредники позднѣйшаго времени мало напоминали собою мировыхъ посредниковъ перво-

Digitized by Google

начальнаго состава,—но почему?—Именно потому, что эти послѣдніе не пользовались ни расположеніемъ большинства помѣстныхъ дворянъ, требовавшаго отъ нихъ *только* охраны дворянскихъ интересовъ, ни довѣріемъ высшей администраціи, уже съ весны 1861 г. шедшей въ разрѣзъ съ завѣтами редакціонныхъ коммиссій. Отсюда такъ-называемое сокращеніе мировыхъ участковъ, внесшее въ мировой институтъ начала разложенія и упадка. *Теперь* о немъ сожалѣютъ, на словахъ, представители той самой общественной группы, въ которой оно *тогда* вызывало живѣйшую радость,—и преимущество искренности или, по меньшей мѣрѣ, послѣдовательности слѣдуетъ признать не за дѣтьми, а за отцами... Какъ бы то ни было, отъ участія въ крестьянскомъ управленіи дворянство никогда не было устранено безусловно. Непремѣнные члены уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій обязательно были избираемы изъ среды потомственныхъ помѣстныхъ дворянъ: уѣздный предводитель дворянства былъ предсѣдателемъ уѣзднаго, губернскій предводитель—членомъ губернскаго присутствія. Какъ бы несовершенно ни было устройство крестьянскихъ присутствій, оно отнюдь не устраняло возможность плодотворной работы; для этого нужна была только извѣстная степень энергіи и преданности дѣлу. Если на практикѣ дѣятельность крестьянскихъ присутствій слишкомъ часто сводилась къ лучше или хуже замаскированному бездѣйствію, то причину этому слѣдуетъ искать не въ законѣ, а въ его исполнителяхъ. То же самое, впрочемъ, можно сказать и о всемъ мѣстномъ управленіи той эпохи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, *по своему служебному положенію*, предводители дворянства при Александрѣ II стояли гораздо выше, чѣмъ при Николаѣ I. Уѣздный предводитель дворянства, какъ предсѣдатель съѣзда мировыхъ посредниковъ, позже—какъ предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія, уѣзднаго крестьянскаго присутствія, уѣзднаго училищнаго совѣта,—пріобрѣлъ такое значеніе, какого онъ не имѣлъ и не могъ имѣть среди до-реформенной уѣздной администраціи. Если прибавить къ этому, что со всѣми званіями, предоставленными ему закономъ, онъ соединялъ нерѣдко, въ силу избранія, должность предсѣдателя судебно-мирового съѣзда или предсѣдателя уѣздной земской управы, то нетрудно представить себѣ, чѣмъ могъ быть—и дѣйствительно иногда бывалъ — уѣздный предводитель, способный и готовый отнестись серьезно къ своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ обязанностямъ. Первое мѣсто въ уѣздѣ принадлежало ему внѣ всякаго спора; отъ него зависѣло занимать его реально—или фиктивно. *Власть* губернскаго предводителя не могла быть столь же велика, потому что рядомъ съ нимъ и выше его стоялъ губернаторъ; но просторъ для *вліянія* и здѣсь былъ большой—гораздо бо́льшій, чѣмъ въ до-ре-

Digitized by Google

форменное время. Вторымъ лицомъ послѣ начальника губерніи (если не считать высшихъ духовныхъ и военныхъ чиновъ) губ. предводитель продолжалъ быть и послѣ 1861 г.; но въ былое время это выражалось только въ закулисной борьбѣ изъ-за престижа, въ традиціонномъ соперничествѣ представителей администраціи и дворянства—а теперь ничто не мѣшало губернскому предводителю играть активную роль въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ, куда онъ былъ призванъ въ качествѣ члена, и, еще болѣе, въ губернскомъ земскомъ собраніи и губернскомъ училищномъ совѣтѣ, гдѣ ему было ввѣрено предсѣдательство. Совершенно невѣрно, поэтому, представленіе о шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, какъ о времени униженія и обезсиленія дворянства.

Въ области государственной и общественной дѣятельности оно пріобрѣло, въ сущности, больше, чѣмъ потеряло. Не изъ его среды и не имъ самимъ избирались, правда, члены общихъ судовъ и чиновники мѣстной полиціи — но это было не столько умаленіемъ власти, сколько разсѣяніемъ ея миража и освобожденіемъ отъ отвѣтственности, тяжелымъ бременемъ лежавшей на дворянствѣ. Вмѣсто выборныхъ дворянскихъ судей разныхъ наименованій, почти всегда явно неспособныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей и писавшихъ, въ лучшемъ случаѣ, подъ диктовку профессіональныхъ юристовъ [1]), въ худшемъ — подъ диктовку подъячихъ, явились мировые судьи—судьи не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ—мѣстные дворяне. Участіе въ хозяйственныхъ дѣлахъ дворянамъ пришлось раздѣлить съ лицами другихъ сословій, но оно перестало, за то, быть номинальнымъ и сдѣлалось источникомъ вліянія, совершенно немыслимаго въ прежнее время. Вздыхать по до-реформеннымъ порядкамъ, по утраченной полнотѣ „дворянскаго управленія“, значитъ цѣнить форму выше содержанія, привилегіи власти—выше заключающейся въ ней силы, а интересы сословія, понятые узко и мелко—выше интересовъ государства и народа.

Въ нареканіяхъ и сѣтованіяхъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, нѣтъ ничего существенно новаго: это—сто-первая варіація на тему о зловредности „эпохи великихъ реформъ“. Гораздо оригинальнѣе отношеніе московской газеты къ послѣдующему періоду нашей государственной жизни. Ея руководителемъ служитъ здѣсь саратовскій дворянинъ П. А. Кривскій (если мы не ошибаемся — бывшій въ восьмидесятыхъ годахъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и недавно вновь выбранный на эту должность). Его за-

[1]) Товарищи предсѣдателя старыхъ палатъ, отъ которыхъ зависѣло, de facto, рѣшеніе дѣлъ во второй судебной инстанціи, только въ послѣднія десятилѣтія до реформы стали назначаться, бо́льшею частью, изъ людей спеціально-образованныхъ и не зараженныхъ язвой взяточничества.

Digitized by Google

писка, одобренная послѣднимъ саратовскимъ дворянскимъ собраніемъ, представляетъ собою, по словамъ московской газеты, „цѣлый обвинительный актъ противъ той враждебности и равнодушія къ сословному началу вообще и къ дворянству въ особенности, которыми были проникнуты наши правительственныя и общественныя сферы съ самаго освобожденія крестьянъ и *почти вплоть до настоящаго времени*“.

Читая послѣднія слова, не вѣришь своимъ глазамъ. Какъ! *Почти до нашего времени*, т.-е. пятнадцать, десять, пять лѣтъ тому назадъ, въ правительственныхъ сферахъ господствовало теченіе, неблагопріятное для дворянства—господствовало въ 1883, въ 1885, въ 1886, въ 1889, въ 1890 гг., въ моментъ извѣстнаго обращенія къ волостнымъ старшинамъ, въ моментъ учрежденія дворянскаго банка, регламентаціи найма сельскихъ рабочихъ, изданія Положенія о земскихъ начальникахъ и новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ! Да, именно такова мысль г. Кривскаго, раздѣляемая и „Московскими Вѣдомостями“! Къ числу причинъ, способствовавшихъ разоренію помѣщиковъ, г. Кривскій относитъ „стѣснительныя условія и строгія мѣры дворянскаго банка, стѣснительность краткосрочнаго государственнаго кредита подъ землевладѣльческіе соло-векселя, таможенную войну съ Германіей и желѣзнодорожные тарифы на перевозку хлѣба, бѣдственные неурожайные 1891-92 гг., во время которыхъ правительство оказало щедрую помощь крестьянскому сословію и не сдѣлало почти ничего для облегченія положенія хозяевъ-дворянъ“. Все это касается прошлаго царствованія—и притомъ, бо́льшею частью, такихъ его мѣропріятій, которыя, въ свое время, были предметомъ восторженныхъ привѣтствій со стороны дворянскихъ собраній и солидарныхъ съ ними органовъ печати. Это не мѣшаетъ теперь „Московскимъ Вѣдомостямъ“ восклицать, уже прямо отъ своего имени: „въ послѣднія три-четыре десятилѣтія попечительность правительственной власти направлялась *исключительно* въ сторону крестьянства; дворянство же, подъ вліяніемъ повсемѣстнаго распространенія и господства крайнихъ политическихъ ученій, было лишено этой попечительности“. Три-четыре десятилѣтія—это какъ разъ періодъ времени между концомъ пятидесятыхъ и половиной девятидесятыхъ годовъ; слѣдовательно, дворянство, съ 1881 по 1894 г., не пользовалось попечительностью правительства?!....

Какъ бы опасаясь не быть понятою, московская газета еще разъ, въ другой статьѣ, возвращается къ своему новому тезису: признавая, что „и въ пореформенную эпоху судьбы дворянства обращали на себя, *по временамъ*, вниманіе правительства“, она спѣшитъ прибавить, что „*ничего кромѣ робкихъ палліативныхъ полумѣръ*, направленныхъ къ тому, чтобы удовлетворить наиболѣе кричащимъ временнымъ

Digitized by Google

и преходящимъ нуждамъ сословія, *до сихъ поръ предпринимаемо не было*". *Робкія палліативныя полумѣры*—вотъ во что обратился теперь тотъ циклъ нововведеній, круто порывавшихъ съ недавнимъ прошлымъ, который немного лѣтъ тому назадъ этими же самыми лицами провозглашался величайшимъ дѣломъ мудрости! Для насъ знаменательна здѣсь не столько забывчивость или неблагодарность „охранительной" печати, сколько безграничность, безмѣрность ея надеждъ и ожиданій. Если сословное земство, сословная судебно-административная власть, сословный льготный кредитъ—только „робкіе палліативы", то чѣмъ же должны быть рѣшительныя, коренныя преобразованія, въ чемъ должно выразиться окончательное возстановленіе „государственныхъ полномочій" дворянства? Это — вопросъ чрезвычайно любопытный; отвѣтъ на него, далеко, впрочемъ, не вполнѣ точный, можно найти все въ тѣхъ же статьяхъ московской газеты.

Замѣтимъ, прежде всего, способъ постановки вопроса. Всѣ его части провозглашаются неразрывно связанными между собою; разсматривать каждую изъ нихъ отдѣльно, значитъ прибѣгать „къ одному изъ самыхъ грубыхъ софистическихъ пріемовъ, заключающемуся въ томъ, что посредствомъ риторическихъ уловокъ *часть* выдается за *цѣлое*". Другими словами, нельзя говорить особо о задолженности дворянскаго землевладѣнія, особо—о сокращеніи его площади и т. д.; необходимо сразу обсудить *всѣ* причины бѣдственнаго положенія дворянства и *всѣ* средства къ ихъ устраненію. Это требованіе неисполнимо. Мысль не идетъ скачками, не обнимаетъ собою вдругъ массу явленій и предметовъ; она невольно останавливается на одномъ изъ нихъ, переходитъ къ другому, къ третьему, и только въ концѣ концовъ объединяетъ полученные выводы, сличая ихъ, въ случаѣ надобности, между собою. Большой ошибкой было бы ограничиться первымъ изъ этихъ процессовъ, но еще большей—начать прямо со втораго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сказать что-нибудь опредѣленное хотя бы о задолженности дворянскаго землевладѣнія, не разсмотрѣвъ отдѣльно ея причины, ея степень и каждую изъ мѣръ, предлагаемыхъ для ея устраненія или уменьшенія? Не ясно ли, что если эти мѣры, взятыя сами по себѣ, непрактичны и нецѣлесообразны, то онѣ останутся такими и въ связи со всѣми остальными, предпринимаемыми въ видахъ поднятія и укрѣпленія дворянства? Одна категорія мѣръ можетъ, безспорно, *способствовать* успѣху другой, но не можетъ *создать* его; недостижимое не можетъ сдѣлаться достижимымъ только отъ того, что рядомъ съ нимъ достигается нѣчто другое. Къ данному вопросу способъ рѣшенія, предлагаемый „Московскими Вѣдомостями", представляется тѣмъ менѣе примѣнимымъ, что далеко не всѣ мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь, однородны по своему внутреннему

Digitized by Google

свойству. Отъ возможности совмѣстнаго обсужденія всего того, что̀ касается собственно *дворянскаго землевладѣнія*—еслибы она и была доказана,—нельзя, заключать къ возможности разсмотрѣть за-одно и все относящееся къ *служебнымъ привилегіямъ* дворянства. Едва ли кому-нибудь придетъ въ голову утверждать, что право занимать извѣстныя должности должно быть предоставлено однимъ только владѣльцамъ заповѣдныхъ имѣній, или однимъ лишь сильно задолженнымъ помѣщикамъ, съ цѣлью облегчить для нихъ уплату долга, или, наоборотъ, только помѣщикамъ наименѣе обремененнымъ долгами, съ цѣлью вознаградить ихъ умѣлое хозяйничанье и воспользоваться ихъ хозяйскими способностями на государственной службѣ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы считаемъ себя въ правѣ остановиться на одной изъ сторонъ дворянскаго вопроса—именно на той, которая выдвинута на сцену сравнительно недавно и о которой намъ не приходилось еще, поэтому, говорить такъ подробно, какъ о многихъ другихъ (льготы заемщикамъ дворянскаго банка, учрежденіе заповѣдныхъ имѣній, регламентація найма сельскихъ рабочихъ и т. п.). Эта сторона—такъ называемое „возстановленіе государственныхъ полномочій дворянства".

На обязанности тѣхъ, кто выступаетъ съ столь широковѣщательнымъ требованіемъ, лежитъ, прежде всего, точное его формулированіе. Напрасно было бы, однако, искать чего-нибудь подобнаго въ длинномъ рядѣ статей, посвященныхъ „дворянскому вопросу". „Возвращеніе" дворянству его „почвы государственной службы" или его „положенія первенствующаго служилаго, помѣстнаго сословія", передача дворянству „полномочій государственной власти по мѣстному управленію", „возвращеніе государственному дѣлу одного изъ главнѣйшихъ его устоевъ въ лицѣ помѣстнаго дворянства"—такія громкія фразы встрѣчаются на каждомъ шагу, но настоящее ихъ значеніе остается неяснымъ. Кое-какія заключенія можно вывести только изъ ссылки „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 94) на „мудрые совѣты", высказанные, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, губернскими дворянскими комитетами—совѣты, образцы которыхъ и приводятся затѣмъ въ статьѣ г. Велицына, озаглавленной: „Сорокъ лѣтъ тому назадъ". Вятскій комитетъ рекомендовалъ, напримѣръ, сохранить за помѣщикомъ вотчинную полицію и „поставить его въ такія отношенія къ крестьянамъ, чтобы онъ по нравственнымъ своимъ качествамъ успѣлъ заслужить ихъ довѣріе и могъ бы руководить ихъ къ добрымъ цѣлямъ". Подольскій комитетъ считалъ необходимымъ „сохранить и по возможности даже скрѣпить нравственный союзъ помѣщика съ крестьянами, а вотчинную власть, доселѣ патріархальную, превратить въ правильно-организованную правительственную силу". Орловскій комитетъ предлагалъ поручить управ-

Digitized by Google

леніе срочно-обязанными крестьянами „лучшимъ людямъ каждой мѣстности“, но съ тѣмъ, чтобы „формальная сторона службы не оскорбляла ихъ достоинства и чтобы добрыя начинанія ихъ не затруднялись безплодною перепиской съ центральной администраціей“. Этихъ лучшихъ людей комитетъ находилъ справедливымъ „подвергнуть строжайшей отвѣтственности, какой доселѣ никто изъ должностныхъ лицъ не подвергался“, но, съ другой стороны, „предоставить имъ надлежащій просторъ въ дѣйствіяхъ, потому что никакіе кабинетные выводы не могутъ даже и приблизительно указать на тѣ отношенія, которыя со временемъ возникнутъ между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами“. Черта, общая всѣмъ этимъ совѣтамъ—не мудрость, а нѣкоторая наивность, дѣлающая ихъ совершенно непримѣнимыми къ нашему времени. Въ самомъ дѣлѣ, губернскіе комитеты постоянно смѣшиваютъ власть и нравственное вліяніе; они говорятъ о нравственныхъ качествахъ, о нравственномъ союзѣ—а подходящей формой для осуществленія этого союза, для примѣненія этихъ качествъ признаютъ... вотчинную полицію! Они вѣрятъ въ совмѣстимость полнѣйшаго „простора“ въ дѣйствіяхъ съ *строжайшею*, даже небывало-строгою отвѣтственностью, упуская изъ виду, что отвѣтственность прямо пропорціональна закону, а просторъ, т.-е. произволъ, пропорціоналенъ ему *обратно*. Они стоятъ всецѣло на переходной почвѣ, допускающей и переходныя мѣры; ближайшее будущее—для нихъ загадка, и они хотятъ обезпечить за дворянствомъ возможность приспособиться къ различнымъ ея рѣшеніямъ. Совершенно инымъ является положеніе дѣлъ въ настоящее время. Отъ „патріархальныхъ“ отношеній между помѣщиками и крестьянами не осталось и слѣда; обѣ стороны привыкли жить и дѣйствовать, не опираясь другъ на друга, обѣ привыкли опредѣлять свои взаимныя права и обязанности на основаніи закона. „Нравственный союзъ“ между ними, скрѣпленный „нравственными качествами“, въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, возможенъ, но только по доброй волѣ обѣихъ сторонъ, безъ всякой регламентаціи и принудительности. Задача закона исчерпывается созданіемъ почвы, удобной для свободнаго сближенія сословій. Дальше идти нельзя: довѣріе, уваженіе и другія *чувства* возникаютъ сами собою; предписаніями они не вызываются и не поддерживаются. Все это могло быть неясно въ моментъ освобожденія крестьянъ, но совершенно ясно теперь, послѣ тридцати-шестилѣтняго опыта. Еслибы приведенные нами „совѣты“ губернскихъ комитетовъ и были „мудрыми“ въ свое время, то и въ такомъ случаѣ далеко не мудрымъ было бы примѣненіе ихъ къ радикально измѣнившимся условіямъ, къ поколѣніямъ, не знавшимъ крѣпостного права... Послѣдовать этимъ совѣтамъ всецѣло, безъ существенно-важныхъ поправокъ, едва ли согласились бы, впрочемъ, и

Digitized by Google

„Московскія Вѣдомости". Не думаемъ, напримѣръ, чтобы онѣ раздѣляли мнѣніе орловскаго комитета о необходимости такого устройства дворянской службы, при которомъ было бы ограждено „достоинство" служащихъ. Наиболѣе цѣлесообразной, съ этой точки зрѣнія, была первоначальная организація института мировыхъ посредниковъ (т.-е. несмѣняемость ихъ иначе, какъ по опредѣленію сената),—но не на ея сторонѣ, какъ извѣстно, симпатіи московской газеты.

Итакъ, для всѣхъ частей загадки въ мнѣніяхъ губернскихъ комитетовъ ключа найти нельзя; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что „возстановленіе государственныхъ полномочій дворянства" ограничивается устройствомъ вотчинной полиціи. Указаній на остальныя статьи программы остается искать въ ссылкахъ московской газеты на до-реформенные порядки, какъ на золотой вѣкъ, потерянный, но возвратимый. Въ до-реформенную эпоху дворянами и черезъ посредство дворянства замѣщались въ уѣздѣ полицейскія и судебныя должности. Предлагается ли что-нибудь подобное для настоящаго времени? Конечно, ничто не мѣшало бы принять за правило, что уѣздный исправникъ и становые пристава избираются дворянствомъ или назначаются администраціей по соглашенію съ предводителями, губернскимъ и уѣзднымъ (какъ назначаются земскіе начальники); но мы не думаемъ, чтобы такое правило представлялось особенно выгоднымъ для самого дворянства. Въ полицейской службѣ менѣе чѣмъ гдѣ-либо возможна самостоятельность; губернаторъ, какъ главный начальникъ полиціи въ губерніи, едва ли можетъ быть лишенъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію уѣздными полицейскими чинами. едва ли можетъ быть существенно ограниченъ въ своей дисциплинарной надъ ними власти. Теперь никто не можетъ упрекнуть дворянство за дѣйствія полиціи; тогда оно несло бы за нихъ отвѣтственность, въ сущности нисколько на нихъ не вліяя и ихъ не направляя—пріобрѣтеніе, очевидно, болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства. Судебныя должности болѣе авторитетны, чѣмъ полицейскія, допускаютъ большую степень независимости; но онѣ требуютъ соединенія такихъ условій, какими далеко не всегда обладаетъ достаточное число мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ—да и оцѣнку этихъ условій слишкомъ рискованно возложить на дворянское собраніе или на предводителей дворянства. Припомнимъ, что всѣ маловажныя (сравнительно) судебныя дѣла сосредоточены уже теперь въ рукахъ земскихъ начальниковъ; остаются, затѣмъ, только городскіе судьи и уѣздные члены окружного суда (или проектируемые, по слухамъ, участковые судьи), а также судебные слѣдователи. Въ „доброе старое время" никому не казалось страннымъ, что исправникъ или становой, свободный отъ какихъ бы то ни было юридическихъ свѣденій, а иногда и отъ ка-

Digitized by Google

кого бы то ни было образованія, производилъ слѣдствія по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, а разсматривалъ ихъ уѣздный судъ, столь же мало подготовленный къ такой задачѣ; но все это „погребено и не воскреснетъ вновь", уже потому, что надъ уѣздными судебными учрежденіями возвышаются—и никѣмъ, пока, не предназначаются къ отмѣнѣ—другія, нуждающіяся въ прочномъ фундаментѣ. Нельзя же. въ самомъ дѣлѣ, разсматривать съ судомъ присяжныхъ слѣдствіе. произведенное доморощеннымъ юристомъ, или расширять кругъ вѣдомства такого юриста на счетъ подсудности окружного суда. Всякая перемѣна къ лучшему въ области гражданскаго и уголовнаго процесса предполагаетъ повышеніе образовательнаго ценза судей, не имѣющаго, сплошь и рядомъ, ничего общаго съ цензомъ сословнымъ...

Рядомъ съ должностями полицейскими и судебными, въ современномъ уѣздѣ существуетъ не мало такихъ, которыхъ не было въ до-реформенное время; но и онѣ требуютъ, по бо̀льшей части, спеціальной подготовки, спеціальныхъ знаній, и къ нимъ примѣнимо все сказанное нами о мѣстныхъ судьяхъ. Таковы, напримѣръ, должности податного инспектора и инспектора народныхъ училищъ; болѣе чѣмъ странно было бы предлагать замѣщеніе ихъ въ томъ порядкѣ, который установленъ для назначенія земскихъ начальниковъ или для избранія предводителей дворянства... Менѣе всего возстановленіе дореформенныхъ порядковъ мыслимо въ области мѣстнаго хозяйства. Возвратиться къ прежнему, чисто-бумажному участію дворянства въ составленіи земскихъ смѣтъ и отчетовъ едва ли захотѣли бы самые прямолинейные сторонники „реставраціи". Сохранить мѣстное самоуправленіе, но ввѣрить его всецѣло одному дворянству, значило бы сдѣлать „скачокъ въ темноту", создать нѣчто неиспытанное и неизвѣданное, предпринять экспериментъ, менѣе всего оправдываемый опытомъ самихъ дворянскихъ собраній, нанести незаслуженный ударъ горожанамъ и крестьянамъ, такъ много сдѣлавшимъ для земства и выносящимъ на своихъ плечахъ значительную часть земскаго обложенія. Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что именно въ настоящую минуту подготовляется распространеніе земскихъ учрежденій, въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, на окраины Россіи, гдѣ до сихъ поръ дѣйствуетъ—и дѣйствуетъ очень плохо—старая система мѣстнаго хозяйства.

Крайне невѣроятнымъ, почти невозможнымъ является, такимъ образомъ, „возстановленіе государственныхъ полномочій дворянства" путемъ увеличенія числа должностей или видовъ службы, предоставленныхъ однимъ дворянамъ. Остается, затѣмъ, другой путь, идущій не въ ширь, а въ глубь, т.-е. усиливающій положеніе, уже теперь принадлежащее дворянамъ въ сферѣ мѣстнаго управленія. Можно

Digitized by Google

удвоить, утроить число земскихъ начальниковъ, чтобы сдѣлать ихъ власть болѣе чувствительною для крестьянъ и помочь, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще нѣсколькимъ тысячамъ дворянъ, нуждающихся въ общественномъ положеніи и въ средствахъ къ жизни; можно увеличить содержаніе земскихъ начальниковъ и дать содержаніе ихъ кандидатамъ; можно замѣнить почетныхъ мировыхъ судей почетными земскими начальниками, предоставивъ послѣднимъ не только право участія въ уѣздномъ съѣздѣ, но и право наложенія дисциплинарныхъ взысканій, наравнѣ съ участковыми земскими начальниками; можно совершенно изгнать элементъ судейскій какъ изъ уѣзднаго съѣзда, такъ и изъ губернскаго присутствія, съ изъятіемъ губернскихъ присутствій изъ-подъ контроля сената; можно расширить дискреціонную власть земскихъ начальниковъ далеко за предѣлы, установленные ст. 61 Положенія 12 іюля 1889 г.; можно внести дискреціонное начало въ самое рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, подсудныхъ земскому начальнику; можно обратить волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ въ простыхъ агентовъ земскаго начальника, имъ же и назначаемыхъ и удаляемыхъ; можно признать земскихъ начальниковъ непремѣнными членами уѣздныхъ земскихъ собраній, т.-е. освободить ихъ отъ обязанности баллотироваться въ гласные и отъ опасности быть забаллотированными; можно еще болѣе увеличить число гласныхъ отъ дворянъ или уменьшить число гласныхъ отъ другихъ сословій. Все это, повторяемъ, вполнѣ возможно—но много ли выиграло бы отъ этого дворянство? Увеличеніе числа хорошо оплачиваемыхъ мѣстъ, занимаемыхъ только дворянами, было бы безспорнымъ пріобрѣтеніемъ для *отдѣльныхъ членовъ* сословія—но въ положеніе *всего сословія* оно не внесло бы никакой существенной перемѣны. Не улучшилось бы это положеніе и отъ расширенія власти должностныхъ лицъ, назначаемыхъ изъ среды дворянства. Одно изъ двухъ: или пользованіе дискреціонною властью не уклонялось бы существенно отъ нормъ, обезпечивающихъ равенство передъ закономъ—и въ такомъ случаѣ результаты управленія оставались бы, въ главныхъ чертахъ, тѣ же, что и прежде; или дискреціонная власть обратилась бы въ способъ отстаиванья исключительно сословныхъ интересовъ, въ орудіе для осуществленія сословныхъ тенденцій — и въ такомъ случаѣ незавидное торжество въ настоящемъ было бы куплено цѣною окончательнаго дискредитированія въ будущемъ. Мы убѣждены, что значительная часть самого дворянства не желаетъ никакой другой охраны, кромѣ строго законной и для всѣхъ одинаковой... Что касается вотчинной полиціи, то установленію ея препятствуетъ, прежде всего, сравнительно небольшое число дворянъ, постоянно живущихъ у себя въ имѣніяхъ. Пришлось бы либо учреждать ее только тамъ, гдѣ есть на лицо дворянинъ-землевладѣлецъ—и такимъ образомъ со-

Digitized by Google

здавать въ уѣздѣ двѣ категоріи мѣстностей, снабженныхъ и не снабженныхъ вотчинной полиціей,—либо уполномочивать владѣльца на передачу своихъ вотчинно-полицейскихъ правъ другому лицу, напр. управляющему или арендатору, и такимъ образомъ низводить публичное право на степень частнаго, облекать властью лицо, не удовлетворяющее, быть можетъ, ни одному изъ существенныхъ ея условій. Какъ великъ былъ бы, притомъ, кругъ дѣйствій вотчинной полиціи? Обнималъ ли бы онъ собою только данное дворянское имѣніе, или распространялся бы и на сосѣднія, не-дворянскія? Въ первомъ случаѣ получились бы какіе-то полицейскіе островки среди не-полицейскаго моря; во второмъ вотчинно-полицейскія функціи обратились бы изъ привилегіи въ тяжелую обязанность. Далеко не одно и тоже, въ самомъ дѣлѣ, наблюдать за благоустройствомъ и благочиніемъ у себя дома—или у сосѣдей. Отвѣчая за порядокъ въ цѣломъ околоткѣ, тѣмъ болѣе обширномъ, чѣмъ меньше въ данной мѣстности дворянскихъ имѣній, дворянинъ-землевладѣлецъ обратился бы въ какого-то помощника станового пристава —и это едва ли увеличило бы для него прелесть пребыванія въ деревнѣ. Возможная (хотя, конечно, нежелательная) въ моментъ отмѣны крѣпостного права, вотчинная полиція въ настоящее время была бы явнымъ анахронизмомъ, одинаково тягостнымъ и для управляющихъ, и для управляемыхъ.

По мнѣнію московской газеты, у насъ возможны, кромѣ сословнаго, только два типа мѣстнаго управленія: бюрократическій и демократическій. Что она говоритъ о послѣднемъ—это нетрудно себѣ представить; что касается до перваго, то она называетъ его „систематизаціей *средостѣнія*, безнадежно отдѣляющаго верховную власть отъ народа и служащаго переходной ступенью къ демократіи". Мы желали бы знать, къ какому типу относятъ „Московскія Вѣдомости" нынѣ дѣйствующую систему мѣстнаго управленія—къ сословному или бюрократическому? Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она имѣетъ чисто бюрократическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, что служитъ основной чертой, отличительнымъ признакомъ бюрократіи? Строгое проведеніе іерархическаго принципа, выражающееся въ назначеніи и увольненіи низшихъ должностныхъ лицъ — высшими, въ дисциплинарной власти послѣднихъ надъ первыми, въ правѣ начальства руководить дѣйствіями подчиненныхъ, давать имъ обязательныя для нихъ общія инструкціи и частныя предписанія. Всѣмъ этимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ организація земскихъ начальниковъ. Назначеніе ихъ изъ дворянъ и по соглашенію съ предводителями дворянства нисколько не мѣшаетъ имъ входить въ составъ бюрократіи или, говоря языкомъ общежитейскимъ, быть чиновниками, наравнѣ съ другими служащими по разнымъ вѣдомствамъ. Если чиновничество образуетъ изъ себя

Digitized by Google

„средостѣніе“, то частью средостѣнія являются и земскіе начальники. Скажемъ болѣе: они остались бы его частью даже въ такомъ случаѣ, еслибы *избирались* дворянствомъ, но находились бы, по прежнему, въ полной зависимости отъ начальства. Газета, возстающая противъ бюрократическаго строя, не стояла и не стоитъ, впрочемъ, за *избраніе* земскихъ начальниковъ или другихъ должностныхъ лицъ-дворянъ, которымъ она желала бы ввѣрить преобразованное мѣстное управленіе; она ставитъ во главу угла подчиненіе ихъ „государственной власти“, т.-е. высшей администраціи. Во что же обращаются, затѣмъ, всѣ громкія фразы о преимуществѣ *сословнаго* управленія передъ *бюрократическимъ*?

Непосредственнымъ поводомъ къ изданію рескрипта 13 апрѣля послужили „затрудненія, переживаемыя помѣстнымъ дворянствомъ“—т.-е. *недавно* сложившіяся обстоятельства, неблагопріятныя для дворянскаго землевладѣнія (неурожайные годы, паденіе цѣнъ на хлѣбъ и арендной платы, несостоятельность старыхъ хозяйственныхъ системъ, трудность перехода къ новымъ и т. п). Организація управленія здѣсь, очевидно, ни при чемъ, въ особенности послѣ перемѣнъ, уже внесенныхъ въ нее законодательными актами 1889 и 1890 гг. Соображеніе мѣръ, которыми „могли бы быть обезпечены за дворянствомъ способы и впредь нести исконно-вѣрную службу престолу и отечеству“, связано съ „выясненіемъ нуждъ *помѣстнаго* дворянства“; другими словами, матеріальное положеніе дворянъ и землевладѣльцевъ имѣется въ виду улучшить настолько, чтобы они безпрепятственно могли нести государственную и общественную службу и чтобы не уменьшался численный составъ *помѣстнаго* дворянства, за которымъ предполагается *сохранить* мѣсто, занимаемое имъ въ судьбахъ Россіи. Ничто не указываетъ здѣсь на „возстановленіе государственныхъ полномочій“, принадлежавшихъ дворянству въ давно минувшую, до-реформенную эпоху.

Изъ газетъ давно уже было извѣстно, что коммиссія, учрежденная для пересмотра законоположеній по судебной части, высказалась за сохраненіе суда присяжныхъ въ его нынѣшней формѣ. Въ апрѣльской книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ напечатаны in extenso журналы коммиссіи (по первому ея отдѣлу и по общему собранію), относящіеся къ этому вопросу. Принципіальнымъ противникомъ суда присяжныхъ оказался только *одинъ* членъ коммиссіи (изъ двадцати-шести); за соединеніе присяжныхъ и коронныхъ судей въ одну коллегію подали голосъ только *три* члена. Четыре члена коммиссіи высказались *безусловно* противъ института сословныхъ представителей; большинство признало необходимымъ сохранить его для дѣлъ о государственныхъ

Digitized by Google

преступленіяхъ, а остальныя дѣла, теперь ему подсудныя, передать (за исключеніемъ развѣ наименѣе важныхъ) въ вѣденіе суда присяжныхъ особаго состава (т.-е. спеціальнаго суда присяжныхъ). Мотивомъ къ сохраненію суда съ сословными представителями для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ послужила, для большинства, признанная еще въ эпоху изданія судебныхъ уставовъ необходимость, въ дѣлахъ этого рода, „такого устройства суда, при которомъ высокое общественное положеніе судей служило бы ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія". Къ этому прибавлена ссылка на незначительное количество дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, позволяющее „осуществить, безъ всякихъ практическихъ затрудненій, мысль объ образованіи для нихъ такой высокой судебной коллегіи, въ которой, на-ряду съ судьями апелляціонной инстанціи, участвовали бы и высшіе представители сословій". Эти соображенія кажутся намъ далеко не убѣдительными. Аргументомъ въ пользу сохраненія суда съ сословными представителями для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ малочисленность послѣднихъ могла бы служить въ такомъ только случаѣ, еслибы единственнымъ неудобствомъ этой формы суда была ея дороговизна и тяжеловѣсность [1]; но, какъ видно изъ записки перваго отдѣла коммиссіи, отнюдь не менѣе важное значеніе имѣютъ внутренніе ея недостатки—несамостоятельность (въ большинствѣ случаевъ) сословныхъ представителей, подчиненная роль, которую они играютъ по отношенію къ коронным судьямъ, зависимость волостного старшины отъ предводителя дворянства. Одной этой зависимости было бы достаточно, чтобы опровергнуть фикцію о „высокомъ общественномъ положеніи" сословныхъ представителей. Ничего „высокаго" не представляетъ собою не только положеніе волостного старшины (особенно въ настоящее время, послѣ учрежденія земскихъ начальниковъ), но, весьма часто, и положеніе городского головы (если дѣло разсматривается не въ столицѣ) и даже уѣзднаго предводителя дворянства. При изданіи судебныхъ уставовъ форма суда съ сословными представителями была принята для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, очевидно, потому, что предоставить рѣшеніе ихъ суду присяжныхъ признавалось рискованнымъ, одному коронному суду—несовмѣстнымъ съ основными началами новаго процесса, а о спеціальныхъ присяжныхъ или присяжныхъ „особаго состава" тогда не было еще и рѣчи. Не было, наконецъ, и указаній опыта, въ настоящее время болѣе чѣмъ достаточ-

[1]) Подъ именемъ „тяжеловѣсности" мы понимаемъ здѣсь неудобства, сопряженныя съ призывомъ сословныхъ представителей, какъ для нихъ самихъ, такъ и для коронного суда.

Digitized by Google

ныхъ, чтобы осудить самый принципъ суда съ сословными представителями — а форма суда, осужденная въ принципѣ, едва ли можетъ быть признана подходящей къ какой бы то ни было категоріи судебныхъ дѣлъ.

По вопросу объ организаціи суда присяжныхъ *особаго состава* въ коммиссіи произошло разногласіе. Въ первомъ отдѣлѣ пять голосовъ (изъ десяти), въ общемъ собраніи—десять (изъ двадцати-шести) подано за предоставленіе присяжнымъ особаго состава такой же роли въ процессѣ, какая принадлежитъ обыкновеннымъ присяжнымъ, т.-е. за образованіе изъ нихъ отдѣльной коллегіи, рѣшающей, независимо отъ коронныхъ судей, вопросъ о виновности подсудимаго. Остальные члены коммиссіи высказались за соединеніе присяжныхъ особаго состава и коронныхъ судей въ одну коллегію, разрѣшающую какъ вопросъ о виновности, такъ и вопросъ о наказаніи (но не вопросы процессуальнаго характера, разрѣшеніе которыхъ предоставляется однимъ коронным судьямъ, безъ участія присяжныхъ). Другими словами, для суда присяжныхъ особаго состава проектируется именно то устройство, которое гг. Дейтрихъ и Кичинъ (а первоначально—и г. Закревскій) рекомендовали для суда присяжныхъ вообще [1]). Какимъ же образомъ непригодное въ одномъ случаѣ могло оказаться пригоднымъ въ другомъ, не только аналогичномъ, но даже, повидимому, еще менѣе подходящемъ? Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ аргументомъ въ пользу сліянія присяжныхъ и судей въ одну коллегію всегда служила неподготовленность или неспособность присяжныхъ къ самостоятельному отправленію правосудія, измѣнчивость ихъ репрессіи, наклонность ихъ выходить за предѣлы предоставленной имъ власти. Всѣ эти недостатки гораздо легче допустить въ обыкновенныхъ присяжныхъ, чѣмъ въ присяжныхъ особаго состава, съ повышеннымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ. Если особому составу присяжныхъ предполагается предоставить рѣшеніе наиболѣе сложныхъ и трудныхъ дѣлъ, то именно потому, что ему приписывается бо́льшая степень умственнаго развитія, бо́льшая зрѣлость и твердость сужденій, служащая гарантіей и противъ ошибокъ непониманія, и противъ ошибокъ увлеченія; на какомъ же основаніи ставить именно этотъ составъ присяжныхъ подъ ближайшее руководство коронныхъ судей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются, въ запискѣ перваго отдѣла коммиссіи, слѣдующія два соображенія: 1) неудобство возвращенія въ вѣденіе суда присяжныхъ такихъ дѣлъ, которыя восемь лѣтъ тому назадъ были изъ него изъяты, и 2) невозможность—за исключеніемъ наиболѣе крупныхъ центровъ—уста-

[1]) Подробныя возраженія противъ такой организаціи суда присяжныхъ приведены нами во „Внутреннихъ Обозрѣніяхъ“ №№ 3 и 5 „В. Европы“ за 1896 г.

Digitized by Google

новить для лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей спеціальныхъ присяжныхъ засѣдателей, столь высокія требованія образовательнаго и имущественнаго ценза, при которыхъ не представлялось бы сомнѣнія въ достаточной подготовленности ихъ къ правильному, и безъ участія коронныхъ судей, разрѣшенію наиболѣе сложныхъ дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія должностныхъ, банковскихъ, желѣзнодорожныхъ и т. п. Первое соображеніе падаетъ само собою, если припомнить, что въ 1889 г., когда многія группы дѣлъ были изъяты изъ вѣденія суда присяжныхъ, у насъ вовсе не было присяжныхъ особаго состава; если бы они тогда существовали, то вовсе и не понадобилось бы, быть можетъ, расширять кругъ дѣйствій суда съ сословными представителями. Во всякомъ случаѣ, передача этихъ дѣлъ присяжнымъ особаго состава была бы, въ настоящее время, не простымъ возвращеніемъ къ прежнему порядку, а весьма существеннымъ его измѣненіемъ. Что касается до второго соображенія, то ничто не мѣшаетъ сосредоточить разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ присяжнымъ особаго состава, въ такихъ центрахъ, гдѣ не можетъ быть недостатка въ лицахъ, удовлетворяющихъ сравнительно высокимъ требованіямъ образовательнаго и имущественнаго ценза. Къ числу подобныхъ центровъ принадлежатъ, думается намъ, всѣ безъ исключенія губернскіе города и всѣ уѣздные города, гдѣ существуютъ окружные суды, да и немалое число другихъ (назовемъ, для примѣра, Муромъ, Арзамасъ, Козловъ, Моршанскъ, Ливны, Бѣлгородъ, Вольскъ, Царицынъ). Не слѣдуетъ забывать, что даже присяжные обыкновеннаго состава оказывались, сплошь и рядомъ, вполнѣ способными къ рѣшенію весьма сложныхъ и запутанныхъ процессовъ (назовемъ хотя бы дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ): тѣмъ больше надеждъ можно возлагать на присяжныхъ особаго состава. Противорѣчіе, нами указанное, остается, такимъ образомъ, въ полной силѣ... Большимъ шагомъ впередъ будетъ, безъ сомнѣнія, единогласно принятое коммиссіею введеніе суда присяжныхъ особаго состава (для всѣхъ вообще дѣлъ, разрѣшаемыхъ при участіи присяжныхъ) въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не будетъ признано возможнымъ, по соображеніямъ политическимъ, распространить институтъ присяжныхъ общаго состава; но и здѣсь присяжные особаго состава могли бы, безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій, образовать отдѣльную коллегію, не смѣшиваясь съ коронными судьями... Разъ что присяжные особаго состава соединяются въ одну коллегію съ коронными судьями, весьма важно, во-первыхъ, обезпечить за ними значительное большинство, чтобы уравновѣсить хотя такимъ путемъ вліяніе коронныхъ судей, и, во-вторыхъ, сдѣлать число членовъ коллегіи четнымъ, чтобы сохранить, при равенствѣ голосовъ, рѣшеніе вопроса въ

Digitized by Google

смыслѣ благопріятномъ для подсудимаго. И то, и другое принято большинствомъ голосовъ коммиссіи: смѣшанную коллегію предположено образовать изъ двѣнадцати лицъ—*девяти* спеціальныхъ присяжныхъ и *трехъ* коронныхъ судей (меньшинство считало достаточнымъ присоединить къ тому же числу коронныхъ судей *пять* спеціальныхъ присяжныхъ).

Въ истекшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнилось первое столѣтіе Удѣльнаго вѣдомства, подавшее поводъ къ составленію краткой исторической записки [1]), служащей пока какъ бы введеніемъ къ обширному изслѣдованію исторіи этого вѣдомства, по различнымъ отраслямъ его весьма разнообразной дѣятельности. Вѣдомство „удѣловъ", какъ извѣстно, было впервые учреждено, сто лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью выдѣлить въ особый отъ казны источникъ тѣ доходы, которыми исключительно должны покрываться расходы на содержаніе всѣхъ особъ Царствующаго Дома, за исключеніемъ принадлежащихъ непосредственно къ Семьѣ Царствующаго Государя и Наслѣдника престола. Возникнувъ съ годовымъ бюджетомъ въ 2.200.000 асс. съ небольшимъ, удѣлы, за 100 лѣтъ своей дѣятельности, довели общій итогъ доходовъ до 20 милліоновъ сер. Соотвѣтственно такому росту доходовъ росли и расходы: такъ, въ 1810 г., при 5 членахъ Царствующаго Дома, удѣлы расходовали въ годъ около 400 тысячъ р.; въ 1840 г., при 16-ти—1.400 т. р.; въ 1860 г., при 23-хъ—3.300 т. р.; въ 1880 г., при 35-ти, 4.800 т. р., и въ 1896 г., при 46-ти—5.100 т. р., которые всецѣло получаются изъ удѣльнаго вѣдомства, не касаясь государственной казны. Сто лѣтъ тому назадъ, въ завѣдываніе удѣловъ поступило около 460.000 душъ, по тогдашнему выраженію, дворцовыхъ крестьянъ, и 4.150 тыс. десятинъ земли, сверхъ $3^1/_2$ милл. десятинъ—въ общемъ владѣніи съ казною и частными лицами; въ томъ числѣ подъ лѣсомъ было болѣе 2 милл. десятинъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ, число которыхъ въ удѣлахъ достигало къ тому времени 826.000 душъ, пространство удѣльныхъ земель доходило до 10 милл. десятинъ; изъ нихъ $4^1/_2$ милл. дес. отошли въ надѣлъ крестьянамъ (считая вмѣстѣ съ неудобной землей). Въ настоящее время удѣльныя владѣнія занимаютъ 7.900.000 десятинъ земли, въ томъ числѣ болѣе 5.720.000 дес. подъ лѣсомъ. Изъ этого одного видно, какъ значительно и вмѣстѣ какъ должно быть сложно удѣльное хозяйство въ полномъ его объемѣ.

---

[1]) „Столѣтіе Удѣловъ 1797—1897 гг." Спб. 1897. Стр. 96, съ прилож. 6 портретовъ императоровъ, а также и лицъ, стоявшихъ во главѣ вѣдомства въ теченіе всего періода.

Digitized by Google

Еще за два съ половиною года до освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, въ іюнѣ 1858 г., послѣдовалъ именной указъ о дарованіи удѣльнымъ крестьянамъ личныхъ и по имуществу правъ, съ отмѣною ограниченій относительно выхода изъ крестьянства, пріобрѣтенія въ собственность земель и т. п., а въ іюнѣ 1863 г. имъ была предоставлена въ собственность, за извѣстный выкупъ, вся земля, находившаяся въ ихъ фактическомъ владѣніи; при этомъ 826.000 душъ крестьянъ получили въ надѣлъ удобной земли около 4 милл. дес., т.-е. въ среднемъ на душу 4,80 десят. (высшій размѣръ надѣла помѣщичьихъ крестьянъ былъ 3,12 дес.).

„Въ качествѣ крупнѣйшаго въ государствѣ, послѣ казны, землевладѣльца и сельскаго хозяина,—говоритъ историческая записка,—удѣльное вѣдомство всегда имѣло возможность предпринимать дорого стоющія производительныя работы, проводить въ жизнь общеполезныя хозяйственныя начинанія, насаждать въ извѣстныхъ районахъ новыя для нихъ отрасли земледѣльческой промышленности и давать частнымъ хозяйствамъ образцы цѣлесообразныхъ нововведеній“. Эта сторона дѣятельности удѣльнаго вѣдомства представляетъ общій уже интересъ, такъ какъ, особенно въ эпоху крѣпостного права, оно было иниціаторомъ въ различныхъ областяхъ культуры, и притомъ не одной хозяйственной. Такъ, въ эпоху крѣпостного права удѣльному вѣдомству принадлежитъ починъ устройства общественныхъ запашекъ и вспомогательныхъ капиталовъ на общеполезныя учрежденія; на счетъ этихъ капиталовъ, на нынѣшней станціи Удѣльной, было устроено еще въ 1832 г. земледѣльческое училище—разсадникъ для устройства впослѣдствіи образцовыхъ усадьбъ въ различныхъ мѣстностяхъ. На эти же капиталы дѣлались опыты улучшенія обработки земли, крестьянскаго скотоводства и т. д., а также изъ нихъ почерпались средства для устройства народныхъ школъ и больницъ. Но принудительный характеръ общественныхъ запашекъ составлялъ невыгодную сторону этого дѣла, вредя личному хозяйству крестьянъ. Школы не удались по другимъ причинамъ: „заботы о школахъ и о народномъ обученіи,—говорится въ исторической запискѣ,—возложены были на сельское духовенство; обремененное исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей и крайне скудно обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, оно не обладало достаточнымъ досугомъ для того, чтобы удѣлять время на преподаваніе. Въ началѣ 1805 года состоялся указъ объ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ въ селахъ, гдѣ учителямимогли быть мѣстные священники; но 22 года спустя, въ 1827 г., такихъ училищъ насчитывалось только *пять* для всей массы (свыше 500.000 душъ!!) удѣльныхъ крестьянъ“... Вообще, эти церковно-при-

Digitized by Google

ходскія школы,—заключаетъ записка,—„не имѣли успѣха, вслѣдствіе неподготовленности большинства учителей-священниковъ къ дѣлу преподаванія; многія изъ этихъ школъ существовали только номинально, на бумагѣ“ (стр. 50—51).

Въ послѣдній періодъ, по освобожденіи крестьянъ, характеръ дѣятельности удѣльнаго вѣдомства, естественно, долженъ былъ измѣниться самымъ существеннымъ образомъ. Прежній, простой источникъ и вмѣстѣ главнѣйшій, а именно даровой трудъ 800.000 душъ, прекратился, но это обстоятельство, очевидно, не имѣло такого дѣйствія на судьбу удѣльнаго хозяйства, какъ на многія хозяйства помѣщичьи. Удѣлы перешли къ другимъ источникамъ доходовъ, которыми они до того времени пренебрегали—и на первый планъ поставили заботы объ арендныхъ статьяхъ, лѣсахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. О результатахъ новой дѣятельности удѣловъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ началѣ столѣтія, оброчныя статьи давали въ годъ всего 65 тыс. руб., при освобожденіи крестьянъ—около 500.000 руб., а въ настоящее время—до 6 милл. рублей. Земель отдавалось сначала въ аренду менѣе 150 тыс. дес., а нынѣ эта цифра превышаетъ 2 милл. десятинъ. Лѣсная площадь удѣльнаго вѣдомства занимаетъ нынѣ свыше 5.700 тысячъ десятинъ, и лѣсной доходъ составляетъ одну четверть всѣхъ доходовъ удѣльнаго вѣдомства. Болѣе всего труда положено удѣльнымъ вѣдомствомъ второй эпохи, по-реформенной, на винодѣліе. Еще недавно, до 60-хъ годовъ, въ удѣлахъ не было ни одной десятины подъ виноградниками, а теперь удѣлы занимаютъ первое мѣсто въ Россіи по пространству своихъ виноградниковъ и по количеству добываемаго съ нихъ вина. Общая площадь всѣхъ удѣльныхъ виноградниковъ въ настоящее время превышаетъ 700 десятинъ, и вина съ этой площади получается въ годъ болѣе 100.000 ведеръ, около 2 милл. бутылокъ, на сумму до полутора милліона рублей. Всѣ эти денежные итоги не могли быть достигнуты безъ соотвѣтственнаго имъ увеличенія труда удѣльнаго вѣдомства на различныхъ новыхъ поприщахъ, на которыя оно устремилось въ новомъ своемъ положеніи, лишенное прежней даровой силы крѣпостного труда—и потому не испытало на себѣ никакого кризиса. По отношенію къ крупному винодѣльному хозяйству историческая записка обращаетъ вниманіе еще и на то, что „удѣлы не имѣли въ виду исключительно одного расширенія дѣла въ коммерческихъ цѣляхъ; не менѣе того они задавались также введеніемъ возможныхъ усовершенствованій въ культурѣ винограда и въ выдѣлкѣ вина, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи выдвинули на первый планъ остающійся еще для русскаго винодѣлія окончательно неразрѣшеннымъ вопросъ о ти-

Digitized by Google

пахъ русскаго вина". Дѣйствительнно, на винодѣліе до сихъ поръ затрачено удѣльнымъ вѣдомствомъ слишкомъ 10 милл. рублей, и получаемый нынѣ имъ доходъ составляетъ пока не болѣе какъ 5% на основной капиталъ, а съ оборотнымъ—всего $3^1/_2$%. Остается пожелать, чтобы и въ новомъ столѣтіи хозяйственная дѣятельность удѣльнаго вѣдомства продолжала сохранять тотъ же характеръ и, служа своему собственному дѣлу, послужила бы вмѣстѣ и общимъ интересамъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1897 г.

Греко-турецкая война и ея возможныя послѣдствія.—Побѣдоносная Турція и великія державы.— Дипломатическія недоразумѣнія.—Недовольство европейскою дипломатіею въ Франціи и Англіи.—Туркофильство въ нашей печати.—Сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею.

Дѣятельность западно-европейской дипломатіи, направленная къ сохраненію мира на Востокѣ, была не настолько искусна, чтобы не привести къ открытой войнѣ между Турціею и Греціею. Этотъ неожиданный для многихъ результатъ продолжительной дипломатической кампаніи логически вытекалъ впрочемъ изъ всего того, что предпринималось великими державами за послѣдніе мѣсяцы по отношенію къ критскому вопросу. Самый ходъ военныхъ дѣйствій никого уже не могъ удивить: всѣ увѣрены были заранѣе,—кромѣ развѣ греческихъ патріотовъ, — въ неминуемомъ торжествѣ испытанныхъ турецкихъ войскъ надъ слабыми военными силами Греціи.

Война была формально объявлена 18-го (6-го) апрѣля, и черезъ недѣлю, въ первый день Пасхи, турки заняли уже главный городъ Ѳессаліи, Лариссу. Выступивъ изъ Элассоны къ греческой границѣ, турецкая армія завладѣла Малунскимъ проходомъ, оттѣснила грековъ отъ Тырнавоса (или Турнавоса) послѣ жаркихъ битвъ и затѣмъ безпрепятственно спустилась къ равнинѣ, окружающей Лариссу. Греки упорно защищали свои позиціи около Тырнавоса, храбро сражались у прохода Ревени, достигли нѣкоторыхъ успѣховъ у Краньи и Каріи, близъ Олимпа, равно какъ и въ Эпирѣ, но вскорѣ должны были отступить по всей линіи и стянуть свои главныя силы къ Фарсалѣ. Отступленіе превратилось отчасти въ безпорядочное бѣгство, подъ вліяніемъ паники, и турецкія войска, возбужденныя побѣдою, подвигались впередъ по греческой территоріи, внушая обычный ужасъ христіанскому населенію. Турки готовятся занять портъ Воло и разсчитываютъ добраться до Аѳинъ. Мечтанія грековъ о смѣлыхъ подвигахъ на морѣ не осуществились: превосходство греческаго флота нисколько не смягчило тяжести ударовъ, полученныхъ на сушѣ. Бомбардировка Превезы оказалась совершенно безплодною; планъ нападенія на Салоники остался неисполненнымъ. Можно считать дѣло Греціи окончательно проиграннымъ на военномъ полѣ, такъ какъ у нея нѣтъ достаточныхъ свѣжихъ силъ, способныхъ задержать движеніе стотысячной турецкой

Digitized by Google

арміи, предводимой опытнымъ и, повидимому, искуснымъ полководцемъ, Эдхемомъ-пашой.

Туркофилы, пишущіе теперь въ нашихъ, когда-то славянофильскихъ газетахъ, находятъ вполнѣ естественнымъ и справедливымъ суровое наказаніе Греціи турецкимъ оружіемъ за ея легкомысленную непокорность Европѣ. Съ формальной точки зрѣнія они, конечно, правы. Греки не послушались совѣтовъ и угрозъ иностранной дипломатіи, не отозвали отряда полковника Вассоса съ острова Крита, упорствовали въ своихъ воинственно-патріотическихъ порывахъ и стремленіяхъ, не соотвѣтствующихъ ихъ силамъ и средствамъ,—и они понесли за это достойную кару. Дипломаты и государственные люди не могутъ, однако, такъ узко и мелко смотрѣть на событія. Турки побѣдили грековъ не отъ имени Европы и не по ея уполномочію, а на собственный свой счетъ и во имя своихъ собственныхъ интересовъ; они заняли своими войсками Ѳессалію цѣною жертвъ и усилій, которыя не дѣлаются даромъ, и если имъ принадлежитъ по праву роль побѣдителей, то все положеніе дѣлъ на Востокѣ существенно измѣнилось, къ явной невыгодѣ европейской дипломатіи. Быстрые и блестящіе успѣхи стотысячной турецкой арміи оживили воинственный духъ и самоувѣренность Турціи, подняли ея значеніе въ глазахъ мусульманства и должны были вновь внушить Портѣ сознаніе своего могущества и авторитета. Побѣдоносная Турція перестаетъ быть робкою исполнительницею совѣтовъ и указаній великихъ державъ; она можетъ заговорить другимъ тономъ, опираясь на совершившіеся факты, и при всей своей дипломатической сдержанности она по неволѣ должна будетъ считаться съ возбужденнымъ настроеніемъ турецкихъ патріотовъ и съ возродившимися надеждами на поддержаніе величія оттоманской имперіи. Послѣ счастливой войны Турція чувствуетъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде; съ нею трудно будетъ разговаривать такъ, какъ говорили еще недавно, въ тонѣ категорическихъ требованій и ультиматумовъ, — и эта перемѣна неизбѣжно скажется въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ султаномъ и его совѣтниками по неразрѣшеннымъ еще вопросамъ восточной политики. Въ концѣ концовъ державамъ придется или отказаться отъ мысли о дѣйствительномъ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ посредствомъ предположенныхъ реформъ, или прибѣгнуть къ войнѣ противъ Турціи для принужденія ея къ необходимымъ уступкамъ въ пользу христіанскихъ ея подданныхъ. И то, и другое едва-ли желательно кабинетамъ, поставившимъ себѣ задачею возстановленіе прочнаго мира на Востокѣ.

Первый вопросъ, возникающій теперь по поводу военнаго торжества Турціи надъ Грецією, заключается въ томъ, кто и какъ установитъ послѣдствія войны для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Возможно ли

Digitized by Google

надѣяться, что турки, занявъ Ѳессалію какъ бы съ благословенія великихъ державъ, добровольно отдадутъ ее обратно побѣжденнымъ грекамъ и удовлетворятся лишь нравственнымъ сознаніемъ своей побѣды? Разумно ли ожидать отъ Турціи такого великодушнаго самоотреченія, какое рѣдко проявляютъ даже самыя просвѣщенныя и культурныя государства послѣ удачной войны? Что же будетъ съ Ѳессаліею, которую сама же Европа утвердила за Греціею на берлинскомъ конгрессѣ и которая теперь очутилась въ распоряженіи побѣдоносныхъ турецкихъ войскъ? Какимъ образомъ будетъ теперь очищена греческая территорія отъ побѣдителей, если послѣдніе не пожелаютъ удалиться оттуда добровольно? Не подлежитъ сомнѣнію, что Порта предъявитъ свои права на вознагражденіе, и Европа вынуждена будетъ такъ или иначе разрѣшить задачу, крайне щекотливую по существу и связанную со многими серьезными опасностями для общаго мира. Дипломаты и публицисты, разсуждавшіе о способахъ образумить и „проучить“ маленькую Грецію, забыли какъ будто, что источникъ всѣхъ восточныхъ замѣшательствъ находится въ Константинополѣ, а вовсе не въ Аѳинахъ или на островѣ Критѣ. Смотрѣть на Турцію какъ на орудіе Европы для вразумленія непослушныхъ христіанскихъ народностей—значило бы извращать весь смыслъ восточнаго вопроса, и по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что подобное коренное извращеніе допущено было нѣкоторыми державами подъ вліяніемъ односторонней заботы объ обузданіи непокорной Греціи. Чтобы устранить неудобства, проистекавшія изъ греческихъ попытокъ завладѣнія Критомъ, западно-европейскіе кабинеты незамѣтно подвергли опасности судьбу Ѳессаліи и открыли просторъ новымъ, несравненно болѣе важнымъ осложненіямъ въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Критскій пожаръ, охраняемый до тѣхъ поръ иностранными эскадрами отъ дальнѣйшаго распространенія, сразу перенесенъ на территорію, полную горючихъ матеріаловъ, и прежній мѣстный кризисъ смѣнился общимъ, могущимъ въ каждый данный моментъ далеко выйти изъ предѣловъ простой военной борьбы между Турціею и Греціею. Никто не скажетъ, что соединенная Европа,—насколько она существуетъ въ настоящее время,—была не въ силахъ предупредить эту войну своевременнымъ категорическимъ вмѣшательствомъ; отсутствіе же такого вмѣшательства наводитъ на мысль, что европейское согласіе держится прочно только на почвѣ бездѣйствія или второстепенныхъ положительныхъ мѣръ, не сопряженныхъ ни съ какимъ рискомъ. Нельзя допустить, чтобы возможныя послѣдствія турецкихъ побѣдъ въ Ѳессаліи не были предусмотрѣны дипломатіей, а между тѣмъ изъ толковъ такъ называемой оффиціозной европейской печати приходится заключить, что объ этихъ послѣдствіяхъ вовсе не думали политиче-

Digitized by Google

скіе дѣятели, призванные участвовать въ обсужденіи текущихъ событій на Востокѣ.

Великія державы сдѣлали, правда, одинъ дипломатическій шагъ для предупрежденія взрыва: еще въ концѣ марта онѣ обратились къ правительствамъ Турціи и Греціи съ нотою, въ которой заявляли, что, въ случаѣ открытія наступательныхъ дѣйствій на ѳессалійской границѣ съ той или другой стороны, нападающая сторона будетъ признана отвѣтственною за нарушеніе мира и потеряетъ право извлечь изъ своихъ дѣйствій какія бы то ни было выгоды. Но давно уже извѣстно, что отличить нападеніе отъ обороны иногда чрезвычайно трудно, и что нѣтъ ничего легче, какъ навязать противникамъ роль нападающихъ, при помощи систематическихъ вызововъ и придирокъ. Когда враждующіе отряды долго стоятъ лицомъ къ лицу вдоль пограничной черты, то столкновенія становятся неизбѣжными, и нерѣдко сами участники стычекъ не могутъ рѣшить, кто первый началъ схватку. На границѣ Ѳессаліи дѣло еще значительно усложнялось присутствіемъ многочисленныхъ греческихъ добровольцевъ, плохо дисциплинированныхъ и наиболѣе приспособленныхъ къ партизанской войнѣ. Всякія передвиженія добровольческихъ группъ можно было приписать регулярнымъ греческимъ войскамъ, тогда какъ турецкая армія отвѣчала только за свои собственныя дѣйствія. Понятно, что обѣ стороны одинаково не желали брать на себя роль нападающихъ; но положеніе Турціи было въ этомъ случаѣ гораздо болѣе благопріятно, и оно даже заранѣе располагало великія державы въ ея пользу. Греція самовольно вмѣшалась въ критскія дѣла и слѣдовательно первая выступила противъ турокъ; она съ самаго начала была какъ будто нападающею стороною, между тѣмъ какъ Порта, занятая кандіотами, армянами и европейской дипломатіей, относилась вполнѣ пассивно къ грекамъ и довольствовалась только постепеннымъ сосредоточеніемъ внушительныхъ военныхъ силъ на границѣ Ѳессаліи. Иностранные кабинеты, считающіе обыкновенно своею обязанностью заступаться за турецкихъ христіанъ, были на этотъ разъ возстановлены не противъ Турціи, а противъ Греціи. Порта съумѣла воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы оставить за собою выборъ момента для начала военныхъ дѣйствій.

Отряды греческихъ волонтеровъ, въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, перешли границу еще 29 марта (9 апрѣля нов. ст.) и вытѣснили турокъ изъ нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктовъ; они имѣли успѣшныя стычки на турецкой территоріи и завладѣли нѣсколькими фортами, въ которыхъ, впрочемъ, не удержались. Нападеніе сдѣлано было греками, и существовало полное основаніе предполагать, что война фактически началась; но турки были еще не совсѣмъ готовы,

Digitized by Google

и потому Порта на слѣдующій же день разослала своимъ представителямъ за границею циркуляръ съ заявленіемъ, что греческіе отряды, нарушившіе границу, ушли обратно, и что затѣмъ возстановленъ прежній status quo. Когда турецкія приготовленія окончились, главнокомандующій Эдхемъ-паша донесъ правительству, что армія не можетъ оставаться въ неподвижности, что пограничная линія для нея крайне неудобна вслѣдствіе гористаго мѣстоположенія, что снабженіе войскъ съѣстными припасами представляетъ огромныя трудности и что сторожевая служба поглощаетъ слишкомъ много силъ, вызывая въ людяхъ неудовольствіе и нетерпѣніе; поэтому Эдхемъ-паша просилъ разрѣшенія перейти границу и занять болѣе выгодныя позиціи въ равнинѣ предъ Ларисой. Отвѣтъ турецкаго правительства значительно облегчился извѣстіемъ, полученнымъ 17 (5) апрѣля, о серьезномъ столкновеніи между греками и турками около горы Аналипсисъ, близъ Олимпа, на турецкой территоріи, почти у самой границы, въ мѣстности, прилегающей къ Салоникскому заливу. Турки подвинулись впередъ, чтобы утвердиться на возвышенности, которая прежде не была никѣмъ занята; греки воспротивились этой попыткѣ, въ которой усмотрѣли начало наступленія, и имъ удалось дважды оттѣснить турокъ, послѣ горячаго и продолжительнаго боя. Это произошло въ ночь съ пятницы, 16-го, на субботу, 17 (5) апрѣля. По другимъ свѣдѣніямъ, весьма мало вѣроятнымъ, передовые греческіе форпосты перешли съ вечера границу въ одинъ и тотъ же часъ, какъ бы по данному сигналу, и открыли ружейную перестрѣлку по всей линіи, на разстояніи нѣсколькихъ миль; битва продолжалась будто бы цѣлую ночь и не прекращалась въ теченіе слѣдующаго дня.

Какъ бы то ни было, 17-го (5) апрѣля Порта уже имѣла желательный матеріалъ для немедленнаго разрѣшенія вопроса, съ которымъ обращался къ ней Эдхемъ-паша. Совѣтъ министровъ, собравшійся въ тотъ же день во дворцѣ султана, постановилъ, что, благодаря новымъ вторженіямъ грековъ въ Македонію, война должна считаться фактически начавшеюся. Турецкому посланнику въ Аѳинахъ, Ассимъбею, предписано уѣхать оттуда, а греческому представителю въ Константинополѣ, князю Маврокордато, предложено получить свои паспорты. Порта сообщила державамъ, что греческія войска перешли въ наступленіе близъ Краньи и въ другихъ мѣстахъ, и что поэтому вся отвѣтственность за войну падаетъ на Грецію. Одновременно съ этимъ посланъ Эдхему-пашѣ приказъ дѣйствовать наступательно. Греческое правительство съ своей стороны заявило, что за послѣднее время турецкая армія нѣсколько разъ нападала на пограничные греческіе посты и что еще 30-го (18) марта на это было обращено вниманіе Порты въ особой нотѣ, съ просьбою принять мѣры для предупрежде-

Digitized by Google

нія подобныхъ инцидентовъ; тѣмъ не менѣе турецкія военныя власти какъ бы умышленно нарушали границу, и еще наканунѣ объявленія войны турки пытались, близъ Краньи, овладѣть возвышенностью, которая по обоюдному соглашенію признавалась нейтральною. Греческое правительство указывало также на тотъ фактъ, что, еще до формальнаго извѣщенія о перерывѣ дипломатическихъ сношеній между обѣими странами, съ фортовъ Превезы открытъ былъ огонь по греческой позиціи при Акціумѣ и потопленъ корабль „Македонія“ при выходѣ его изъ залива. Грeція не можетъ поэтому признать себя отвѣтственною за послѣдствія такого положенія вещей, созданнаго неправильными дѣйствіями турокъ. Итакъ, каждая изъ воюющихъ сторонъ приписываетъ первое нападеніе противникамъ, но, повидимому, великія державы имѣли основаніе вѣрить больше туркамъ, чѣмъ грекамъ. Противъ Греціи свидѣтельствовало уже то обстоятельство, что послѣдняя стычка произошла все-таки въ турецкихъ предѣлахъ, хотя и у самой границы; притомъ и раньше происходили добровольческіе набѣги, которыхъ не отрицала Грeція и которые давали поводъ туркофиламъ хвалить долготерпѣніе и великодушіе оттоманскаго правительства. Замѣтимъ, что предупрежденіе державъ объ отвѣтственности нападающей стороны касалось исключительно ѳессалійской границы, помимо всякой связи съ событіями на островѣ Критѣ;—Критъ съ его турецкими гарнизонами и греческими отрядами находился уже въ распоряженіи Европы, съ согласія султана, и не принимался больше въ разсчетъ при оцѣнкѣ непосредственныхъ отношеній и столкновеній между Турціею и Греціею. Турецкое заявленіе относительно событій въ Ѳессаліи не было никѣмъ провѣрено; самый вопросъ о томъ, какая изъ сторонъ первая начала военныя дѣйствія, оставленъ безъ разслѣдованія и обсужденія представителями великихъ державъ, хотя ему заранѣе придано дипломатіею рѣшающее значеніе при опредѣленіи послѣдствій греко-турецкой войны.

Если Грeція была нападающею стороною въ Ѳессаліи, то запрещеніе извлечь изъ войны какія-либо выгоды не относится къ Турціи, и, слѣдовательно, оттоманское правительство могло бы присоединить занятую греческую область къ своимъ владѣніямъ, по праву побѣдителя, опираясь на точный смыслъ формальнаго предупрежденія, сдѣланнаго великими державами. Было бы, конечно, гораздо проще и цѣлесообразнѣе заявить обѣимъ сторонамъ, что никакія вообще территоріальныя перемѣны не будутъ допущены въ Ѳессаліи и въ другихъ мѣстахъ въ случаѣ военнаго торжества Турціи или Греціи въ возникшей между ними борьбѣ, и тогда вѣроятно Порта ограничилась бы пассивною обороною и не стала бы для этого собирать стотысячную армію на ѳессалійской границѣ. Но европейская дипломатія не

Digitized by Google

сочла нужнымъ своевременно напомнить о существованіи трактатовъ, безусловно исключающихъ мысль о произвольныхъ территоріальныхъ перемѣнахъ и пріобрѣтеніяхъ въ предѣлахъ земель, обнимаемыхъ такъ-называемымъ восточнымъ вопросомъ; кабинеты въ этомъ случаѣ употребили другую, болѣе эластичную и неопредѣленную формулу, изъ которой сами собой вытекаютъ практическія заключенія, въ высшей степени опасныя для интересовъ общаго мира. Такъ какъ пользованіе правами побѣды устранено только для стороны нападающей, то сторона, подвергшаяся нападенію, не лишается этихъ правъ; Турція же постаралась соблюсти условіе, поставленное державами для извлеченія какихъ-либо выгодъ изъ войны, и слѣдовательно ничто не мѣшаетъ ей поступить съ Ѳессаліею какъ съ законною своею добычею, или потребовать отъ Греціи такого вознагражденія, которое надолго обезсилитъ греческое государство и вновь укрѣпитъ владычество и престижъ оттоманской имперіи на Востокѣ. Такимъ образомъ, дипломатія, по недосмотру или вслѣдствіе скрытаго несогласія между кабинетами, создала для себя затрудненія, изъ которыхъ не легко будетъ найти выходъ. Европѣ остается развѣ надѣяться на великодушіе Порты, которое, однако, наложитъ на державы извѣстныя обязательства, несовмѣстимыя съ заботами о дѣйствительномъ улучшеніи турецкаго режима, угнетающаго не только подвластныя туркамъ христіанскія народности, но и само мусульманское населеніе имперіи. Вообще, восточныя дѣла усложняются до чрезвычайности, благодаря допущенной съ легкимъ сердцемъ греко-турецкой войнѣ, при особомъ отношеніи къ ней нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ.

Замѣчательно, что намеки на отсутствіе прочнаго согласія между великими державами и на умышленное воздержаніе отъ мѣръ, способныхъ предотвратить войну или ослабить ея послѣдствія для Греціи, высказываются одновременно съ разныхъ сторонъ въ западно-европейской печати. Компетентные французскіе органы, какъ, напр., министерскій „Temps“, сходятся въ этомъ отношеніи съ лондонскимъ „Times“, причемъ глухіе упреки по адресу дипломатіи вообще, или „нѣкоторыхъ державъ“, или даже „одной державы“, оставляютъ читателя въ полномъ недоумѣніи насчетъ истиннаго смысла и характера современной восточной политики въ Европѣ. Когда парижскій „Temps“ жестоко упрекаетъ европейскую дипломатію за ея явныя погрѣшности и упущенія и говоритъ о какихъ-то закулисныхъ интригахъ отдѣльныхъ кабинетовъ, то онъ можетъ имѣть въ виду только Англію или Германію; въ свою очередь лондонскій „Times“ обвиняетъ, вѣроятно, государства, принадлежащія къ франко-русской группѣ державъ, а въ заграничныхъ спеціальныхъ телеграммахъ нашихъ газетъ всѣ обвиненія, по принятому разъ шаблону, направляются неизмѣнно противъ

Digitized by Google

„коварныхъ“ англичанъ, которымъ ставится, впрочемъ, въ вину только сочувствіе къ Греціи, а не покровительство туркамъ, составляющее главный предметъ неудовольствія и критики въ общественномъ мнѣніи Франціи и Англіи. Что касается Россіи, то объ искусствѣ и твердой послѣдовательности ея дипломатіи постоянно свидѣтельствуютъ собственныя парижскія депеши наиболѣе распространенной изъ нашихъ газетъ, и всякія сомнѣнія по этому пункту были бы неумѣстны, тѣмъ болѣе, что и за границей никто не говоритъ объ особой русской политикѣ, независимой отъ общаго европейскаго согласія (или „концерта“, какъ упорно переводятъ наши газетные публицисты французское слово „concert“, означающее въ данномъ случаѣ согласіе, соглашеніе). Но очевидно самое европейское согласіе остается только внѣшнимъ и скрываетъ въ себѣ элементы разлада, если оно прямо отрицается въ двухъ главныхъ его центрахъ, въ Парижѣ и Лондонѣ.

„Положеніе въ Ѳессаліи, какъ и на Критѣ,—говорилось въ еженедѣльномъ „Times“, отъ 2-го апрѣля (нов. ст.),—не измѣняется къ лучшему, главнымъ образомъ вслѣдствіе медленности дипломатическаго дѣйствія Европы. Британское правительство предложило державамъ побудить Турцію и Грецію отодвинуть свои войска на нѣкоторое разстояніе отъ границы, чтобы избѣгнуть столкновеній; еще раньше греческій кабинетъ непосредственно обратился къ Портѣ съ предложеніемъ установить такую нейтральную пограничную полосу, но, по совѣту двухъ державъ, Порта оставила это предложеніе безъ вниманія и ускорила свои вооруженія. Между турецкими властями на границѣ проектъ нейтральной полосы былъ встрѣченъ сочувственно, такъ какъ онъ признавался ими единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ для предупрежденія неминуемыхъ стычекъ. Относительно блокады греческихъ береговъ британскій адмиралъ получилъ предписаніе присоединиться къ ней номинально, но не участвовать въ ней своимъ флотомъ. Рѣшеніе британскаго правительства считается чрезвычайно важнымъ въ дипломатическихъ кружкахъ Константинополя; оно разсматривается какъ признакъ поворота въ поведеніи Англіи, въ томъ смыслѣ, что принудительныя мѣры не должны быть употребляемы противъ Греціи, пока онѣ не примѣняются также къ Турціи“. „Times“ ясно даетъ понять, что нѣкоторыя державы спеціально покровительствуютъ туркамъ и что это даже не скрывается по отношенію къ Криту. „Мусульмане изъ Канеи,—сообщаетъ названная газета, отъ 9-го апрѣля,—выступили по направленію къ Акротири и напали на инсургентовъ, но были отбиты послѣ трехчасовой схватки, потерявъ пятнадцать человѣкъ убитыми и многихъ раненыхъ. Замѣтивъ движеніе мусульманъ, адмиралы послали двухъ офицеровъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло; броненосцы готовились къ стрѣльбѣ (въ теченіе

Digitized by Google

трехъ часовъ!), но воздержались при видѣ приближавшихся къ туркамъ офицеровъ, въ сопровожденіи Тевфика-паши. Адмиралы упустили удобный случай показать свое безпристрастіе. Турки были явно нападающими, и нѣсколько выстрѣловъ, намѣренно безвредныхъ, несомнѣнно заставили бы ихъ удалиться, и такимъ способомъ не только было бы предотвращено кровопролитіе, но и наглядно показано было бы, что наступательныя дѣйствія не только со стороны инсургентовъ, но и со стороны мусульманъ не будутъ терпимы... Корреспондентъ агентства Рейтера былъ въ мѣстечкѣ Малакса и видѣлся съ вождями кандіотовъ; они сообщили ему, что ничего не знали о заявленіи адмираловъ, обращенномъ къ инсургентамъ, относительно воздержанія отъ непріязненныхъ дѣйствій". Когда вспыхнула греко-турецкая война, аѳинскій корреспондентъ „Times", далеко не сторонникъ греческихъ притязаній, писалъ въ эту газету, отъ 23-го числа: „Немного болѣе такта и немного болѣе рѣшительности могли бы предотвратить катастрофу. Державы осуждены теперь на роль пассивныхъ свидѣтелей безцѣльной и жестокой борьбы... Что одна великая держава, при видимомъ содѣйствіи другой, рѣшила употребить Турцію какъ орудіе для наказанія Греціи,— это подтверждается людьми, извѣстными своимъ безпристрастіемъ и имѣющими доступъ къ самымъ достовѣрнымъ источникамъ свѣдѣній о текущихъ дѣлахъ. Указанная держава, какъ полагаютъ, вмѣшается лишь тогда, когда этого потребуютъ ея интересы. Какъ бы то ни было, тяжелый ударъ нанесенъ авторитету европейскаго ареопага, представляющаго лучшую гарантію безопасности и независимости небольшихъ государствъ цивилизованнаго міра". Въ томъ же духѣ высказывался и греческій король въ разговорѣ съ однимъ французскимъ корреспондентомъ; онъ заявилъ категорически, что взрывъ войны есть результатъ „интригъ нѣкоторыхъ державъ, а не поведенія Греціи относительно Турціи". Подобнымъ же образомъ, хотя еще болѣе загадочно, выразился въ греческомъ парламентѣ министръ-президентъ Дельянисъ: по его словамъ, пограничный конфликтъ обязанъ своимъ происхожденіемъ „странной политикѣ одной сосѣдней (?) державы". Парижскій „Temps", который долженъ хорошо знать намѣренія Франціи и ея союзниковъ, также сурово осуждаетъ „необъяснимое бездѣйствіе Европы", ея „колебанія, ошибки и заблужденія", недоразумѣнія и промахи, и говоритъ между прочимъ о „припадкѣ паралича, поразившемъ ее (Европу) въ теченіе послѣднихъ недѣль", предшествовавшихъ началу войны („Temps", отъ 23 апрѣля).

„Занятіе Ларисы, — говоритъ парижскій министерскій органъ, — должно было бы вызвать обращеніе къ посредничеству Европы... Вопреки всѣмъ неудачамъ и ошибкамъ, мы убѣждены, что приписывать державамъ намѣреніе смотрѣть сложа руки на воюющихъ, провести

Digitized by Google

вокругъ нихъ черту и присутствовать безстрастно при ихъ кровавой борьбѣ—значило бы клеветать на Европу... Въ концѣ концовъ, Европа не должна забывать, что, благодаря припадку паралича, которому она подверглась за послѣднія недѣли, она сама способствовала возникновенію бѣдствія, которое предстояло ей предупредить. Если другіе непосредственно несутъ кару за рядъ недоразумѣній, промаховъ и ошибокъ, за которые отвѣтственны не они одни, то на Европѣ—во имя особаго высшаго авторитета, приписываемаго ей, и во имя высшихъ интересовъ, охраняемыхъ ею, равно какъ въ виду безспорнаго участія ея въ этой грустной комедіи ошибокъ, происходящей на нашихъ глазахъ,—на Европѣ лежитъ обязанность сдѣлать все, отъ нея зависящее, для прекращенія военныхъ дѣйствій и возстановленія мира".

Разумѣется, „Temps" плохо вѣритъ въ осуществимость своей надежды, ибо никакое оффиціозное краснорѣчіе не сдѣлаетъ Европу другою, чѣмъ она есть. Многіе какъ будто забываютъ, что Европа есть на политическомъ языкѣ условный терминъ, который нельзя понимать самостоятельно, внѣ представленій объ отдѣльныхъ державахъ, входящихъ въ кругъ европейскаго согласія или подрывающихъ это согласіе.—„Было бы безразсудно,—замѣчаетъ „Temps" въ другомъ нумерѣ, отъ 24-го апрѣля,—допустить, благодаря бездѣйствію и систематической пассивности западной (sic) дипломатіи, продолженіе войны, которая грозитъ распространиться и увлечь въ общую свалку сосѣднія государства. Европа въ опасности,—вотъ что̀ нужно говорить и повторять до тѣхъ поръ, пока эта истина не утвердится въ умахъ представителей европейскаго согласія". Относя свои неодобрительные эпитеты къ „западной дипломатіи", газета очевидно желаетъ удостовѣрить, что рѣчь идетъ во всякомъ случаѣ не о Россіи. Сужденія французской газеты тѣмъ болѣе любопытны, что они повторяются почти съ самаго начала обострившагося греко-турецкаго кризиса; такъ, еще въ концѣ марта (нов. ст.) „Temps" настойчиво заявлялъ, что тактика, усвоенная европейскою дипломатіею, можетъ скорѣе разжечь пожаръ, чѣмъ потушить его: „обязанность печати,—говорилъ онъ между прочимъ,—неустанно напоминать западнымъ правительствамъ, что время уходитъ, что они не должны терять болѣе ни минуты, что съ разныхъ сторонъ возникаетъ безпокойство и даже изумленіе, при видѣ этихъ странныхъ періодовъ отдыха или бездѣйствія, которые правильно слѣдуютъ за переговорами и соглашеніями".

Ясно, что французское правительство недовольно ходомъ событій на Востокѣ; недовольна имъ также и Англія, насколько можно судить по отзывамъ руководящихъ англійскихъ газетъ. Гдѣ же то европейское согласіе, о которомъ постоянно разсуждаютъ наши газетные публицисты, выступающіе почему-то въ роли усердныхъ туркофиловъ?

Digitized by Google

Если дѣйствія и упущенія европейской дипломатіи открыто порицаются оффиціозною печатью во Франціи, съ которою мы находимся въ тѣсномъ союзѣ, то почему наши проповѣдники и сторонники франко-русской дружбы находятъ нужнымъ увѣрять, что все идетъ отлично на Востокѣ, согласно опредѣленнымъ и старательно обдуманнымъ планамъ Европы? Наконецъ, откуда и съ какой стати появилось у насъ туркофильство въ тѣхъ самыхъ газетахъ, которыя когда-то съ такимъ жаромъ доказывали необходимость скорѣйшаго уничтоженія турецкаго ига надъ христіанами? Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ, конечно, требовать отдѣльнаго военнаго вмѣшательства той или другой державы въ происходящія на Востокѣ событія; но коллективное дипломатическое вмѣшательство въ пользу христіанскихъ народностей Турціи не должно же вырождаться въ нѣчто прямо противоположное—въ защиту турокъ отъ освободительныхъ движеній христіанъ на островѣ Критѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ желали бы повидимому наши газетные туркофилы. Еслибы въ самомъ дѣлѣ оказалось, что европейское согласіе можетъ установиться только на почвѣ пассивной охраны турецкаго status quo, то оно не заслуживало бы вовсе тѣхъ заботъ и усилій, которыя постоянно употребляются для его достиженія и поддержанія. Нѣкоторые думаютъ даже, что не было бы никакой греко-турецкой войны, безъ неудачныхъ и разнорѣчивыхъ дѣйствій и заявленій западно-европейскихъ кабинетовъ, взявшихъ на себя задачу водворенія мира на Востокѣ.

Что касается самой Греціи, которую считаютъ ближайшею виновницею нынѣшнихъ политическихъ замѣшательствъ, то многое въ ея поведеніи было основано на очевидныхъ иллюзіяхъ, за которыя жестоко расплачивается теперь греческій народъ. Греки сильно повредили себѣ сначала тѣмъ, что вздумали завладѣть Критомъ въ свою пользу, вмѣсто простого оказанія помощи кандіотамъ противъ турокъ; еще сильнѣе испортили они свое положеніе, обнаруживъ честолюбивые виды на Македонію, гдѣ фактически преобладаютъ болгары. Мечты о „возсоединеніи“ съ Македоніею и Эпиромъ при помощи мѣстныхъ народныхъ возстаній громко высказывались греческими патріотами послѣ того какъ успѣшное соперничество болгаръ и отчасти сербовъ совершенно подорвало прежнее вліяніе грековъ въ этихъ областяхъ. Въ Македоніи и Эпирѣ Греція имѣла противъ себя не только Турцію, но и Болгарію, Сербію и Черногорію; она не только не пыталась предварительно достигнуть соглашенія съ послѣдними тремя государствами, но намѣренно игнорировала ихъ, надѣясь собственными силами вырвать у турокъ добычу, на которую есть и другіе, болѣе могущественные претенденты. Еслибы попытка греческаго вторженія въ Македонію увѣнчалась побѣдою надъ турецкими войсками, то въ дѣло вмѣ-

Digitized by Google

шалась бы Болгарія, и греки вынуждены были бы отступить; точно также успѣхи грековъ въ Эпирѣ вызвали бы вмѣшательство Черногоріи и Сербіи, и широкіе греческіе планы, основанные на непонятномъ пренебреженіи къ соперникамъ, потерпѣли бы во всякомъ случаѣ полное и неминуемое крушеніе. Недавнія „братскія“ манифестаціи болгаръ и сербовъ, подкрѣпленныя личными свиданіями правителей обѣихъ странъ и ихъ министровъ, не повліяли, очевидно, на политику Греціи; дѣйствія македонскаго комитета“ въ Софіи были также мало замѣчены въ Аѳинахъ, какъ и всѣ болѣе многочисленныя болгарскія школы въ Македоніи и постепенное вытѣсненіе въ ней греческаго духовенства болгарскимъ. Въ то самое время какъ греки сражались на ѳессалійской границѣ во имя македонскихъ мечтаній, Болгарія предъявила въ Константинополѣ требованіе объ учрежденіи пяти новыхъ болгарскихъ епископствъ въ Македоніи, и это требованіе было, повидимому, удовлетворено. Реальные факты всею своею тяжестью обрушились на грековъ; но политическое самообольщеніе, приведшее къ этимъ горькимъ разочарованіямъ, становится извинительнымъ и естественнымъ, если вспомнить тѣ традиціи великаго прошлаго, которыя окружаютъ грека на каждомъ шагу. Грекамъ приходится стоять лагеремъ близъ Олимпа, выдерживать перестрѣлку при Акціумѣ, готовиться къ битвѣ при Фарсалѣ, и невольно они проникаются мыслью, что исчезнувшее величіе можетъ возродиться вновь. Наклонность къ политическому фантазерству, въ связи съ невниманіемъ къ матеріальнымъ условіямъ культуры и силы, создается и поощряется всею атмосферою, среди которой живутъ и дѣйствуютъ греки. Можно сказать, что нынѣшняя греческая нація является жертвою своего слишкомъ великаго прошлаго.

Первымъ послѣдствіемъ военныхъ неудачъ на границѣ Ѳессаліи было паденіе министерства Дельяниса. Новый кабинетъ образовался 18-го (30) апрѣля, и во главѣ его стоитъ бывшій предводитель оппозиціи, Ралли. Заблужденія и ошибки правительства ясны теперь для каждаго въ Греціи; но недавно еще онѣ прославлялись, какъ доказательства глубокаго патріотизма, политической твердости и послѣдовательности. Военныя силы государства, по даннымъ 1895 года, не превышаютъ 25 тысячъ войска въ мирное время и могутъ быть доведены до 70 тысячъ человѣкъ, съ 180 пушками, во время войны,— и рѣшимость выступить съ такими силами противъ Турціи, вопреки всей Европѣ, ставилась въ заслугу Дельянису, какъ теперь то же самое ставится ему въ вину. Назначеніе наслѣднаго принца, королевича Константина, главнокомандующимъ на ѳессалійской границѣ встрѣчено было съ энтузіазмомъ, а теперь оно составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ короля Георга, такъ

Digitized by Google

какъ для искуснаго командованія арміею нужны, очевидно, еще другія условія, кромѣ молодости и высокаго происхожденія. Новое министерство едва-ли въ состояніи будетъ справиться съ тяжелыми обстоятельствами — не только внѣшними, но и внутренними,—въ какихъ видитъ себя нынѣ Греція.

Въ виду возможныхъ и даже неизбѣжныхъ сомнѣній въ прочности европейскаго согласія, давшаго пока лишь отрицательные результаты въ области восточнаго вопроса, представляется чрезвычайно благопріятнымъ симптомомъ торжественное заявленіе „искренней дружбы" между двумя наиболѣе заинтересованными въ восточныхъ дѣлахъ великими державами—Австро-Венгріею и Россіею. Это заявленіе, сдѣланное предъ лицомъ Европы во время недавняго пребыванія императора Франца-Іосифа въ Петербургѣ (15—17 апрѣля), получаетъ особенную силу уже потому, что оно сопровождалось точнымъ указаніемъ цѣлей и интересовъ, связывающихъ обѣ сосѣднія имперіи. Всѣ приверженцы мира въ Европѣ съ удовольствіемъ узнали, что двѣ державы, долго считавшіяся соперницами на Востокѣ, соединены нынѣ „общими взглядами и принципами, направленными на обезпеченіе благъ мира" для народовъ. Остается пожелать, чтобы состоявшееся сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею отразилось благотворно и на ходѣ современныхъ дѣлъ на Востокѣ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1897.

— Собраніе сочиненій Н. И. Наумова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1897.

Н. И. Наумовъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ изъ такъ-называемыхъ беллетристовъ-народниковъ. Начало его литературной дѣятельности относится къ послѣднимъ пятидесятымъ годамъ, именно къ тому времени, когда народная жизнь вслѣдствіе крестьянской реформы становилась для литературы не отвлеченнымъ, хотя бы и сочувственнымъ, предметомъ этнографическаго изслѣдованія или художественнаго воспроизведенія, а живѣйшимъ предметомъ общественнаго интереса. Въ художественной литературѣ выраженіемъ такого общественнаго интереса явилась именно особая школа, которая еще раньше собственнаго „народничества", составившаго настоящее теоретическое ученіе, могла считаться его приготовленіемъ по своей ревности къ изученію народнаго быта и по совершенно опредѣленнымъ сочувствіямъ къ народу.

Для теоретиковъ, защищающихъ чистое искусство, долженъ былъ бы, между прочимъ, явиться серьезный вопросъ о томъ, какъ быть съ подобными художественными произведеніями, гдѣ къ несомнѣнному (хотя, конечно, въ разной мѣрѣ) присутствію художественнаго элемента присоединяется столь же несомнѣнный, чисто реальный интересъ общественный; гдѣ, при всѣхъ поэтическихъ инстинктахъ, писатели вовсе не находились на высотѣ того чистаго искусства, которое съ такимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ относится ко всякой „тенденціи". Въ этихъ писателяхъ была несомнѣнно тенденція — не въ той грубой формѣ, какъ обыкновенно хотятъ представлять ее теоретики чистаго искусства, полагающіе, что писатель такого рода намѣренно насилуетъ свое воображеніе съ придуманной напередъ цѣлью. но въ томъ смыслѣ, что эта тенденція является цѣлымъ органическимъ свойствомъ писателя, что извѣстная наклонность ума, фантазіи

Digitized by Google

и чувства составляетъ самую его нравственную природу, воспитанную невольно всѣмъ его личнымъ характеромъ и жизнью. Въ обширной народнической беллетристикѣ принимали участіе писатели весьма разнородныхъ общественныхъ положеній, различнаго воспитанія, не говоря о различной степени таланта; но остается фактомъ, что нѣсколько крупныхъ именъ въ этой литературѣ принадлежатъ именно людямъ, которые по всѣмъ обстоятельствамъ жизни были близки къ народу, имѣли возможность сполна изучить его жизнь и пріобрѣсти тѣ горячія сочувствія, которыя могутъ быть даны только самой жизнью, и какихъ не можетъ воспитать никакая эстетика. Нужно ли, чтобы это непосредственное чувство нашло свою долю въ художественномъ произведеніи? Безъ сомнѣнія; потому что искусство не есть холодная фотографія, а живое творчество, въ которомъ участвуетъ и фантазія, и чувство. Нужно ли, чтобы въ область художественнаго изображенія входили тяжелыя нерѣдко картины народнаго быта,—которыя, между прочимъ, сами по себѣ отталкиваютъ чистыхъ эстетиковъ, какъ нѣкогда Людовикъ XIV велѣлъ убрать изъ версальской галереи картины фламандской школы? Опять нѣтъ сомнѣнія, что эта тяжелая и некрасивая дѣйствительность имѣетъ все право занять мѣсто въ искусствѣ, потому что послѣдней цѣлью его должно быть изображеніе жизни, не ограниченное чьими-либо односторонними или избалованными вкусами. Новѣйшая литература въ этомъ отношеніи давно перешла тѣ предѣлы, какіе нѣкогда ставились для искусства; прежнія времена не имѣли, напримѣръ, понятія о необузданномъ натурализмѣ Зола или о болѣзненно-мрачной поэзіи Боделера: если то и другое слишкомъ часто бываетъ преувеличено и теряетъ, наконецъ, художественное значеніе, это не значитъ, чтобы самое стремленіе расширить область поэтическаго изображенія не имѣло своего права. Общественная жизнь новѣйшихъ временъ, безъ сомнѣнія, болѣе возбужденная, чѣмъ бывала прежде, вслѣдствіе множества причинъ, какъ большее развитіе политическихъ интересовъ, какъ необычайные успѣхи знанія, какъ небывалое прежде международное сближеніе, какъ чрезвычайное возбужденіе соціальныхъ требованій и т. д.,—и все это не могло не отразиться въ самой литературѣ. Въ ряду явленій, оказывавшихъ вліяніе на складъ литературы, находится и то, которое въ извѣстной мѣрѣ мы находимъ и въ нашей литературѣ, при всѣхъ ея скромныхъ размѣрахъ: съ развитіемъ общественной жизни, въ литературѣ ищутъ своего мѣста новые классы народа. Какъ нѣкогда въ литературѣ XVIII вѣка псевдоклассическую драму съ ея высокопоставленными героями вытѣснила буржуазная драма съ интересами средняго круга и обыденной жизни, такъ нѣчто подобное совершалось и въ нашей литературѣ, когда въ ней стали все больше распространяться изображенія народнаго быта.

Digitized by Google

Это было совершенно законное явленіе,—и несомнѣнно, что художественный вопросъ стоялъ здѣсь въ прямой зависимости отъ соціальнаго факта.

Беллетристы-народники исполняли, такимъ образомъ, въ разной мѣрѣ сознательно или инстинктивно, законно возникавшую задачу, и въ ея исполненіи имъ несомнѣнно принадлежитъ не малая историческая заслуга. Какъ мы замѣтили, народная жизнь большею частію была имъ близко знакома; многіе изъ нихъ почти выросли въ ея средѣ и, не потерявъ къ ней чувства родственной близости, отдѣлились отъ нея только тѣмъ, что школа освободила ихъ отъ мрака, покрывающаго понятія народной массы, и дала имъ возможность сознательно смотрѣть на окружающее. Наконецъ, въ послѣднее время являются писатели и прямо изъ народной, крестьянской, среды.

Въ ряду беллетристовъ-народниковъ г. Наумовъ, какъ мы сказали, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ народная жизнь особенно близко знакома. Сибирскій уроженецъ, въ небогатой или скорѣе бѣдной семьѣ, онъ очень рано могъ видѣть народную жизнь и ея тягости. Въ автобіографической запискѣ, составленной имъ для г. Скабичевскаго, который воспользовался ею въ своей книгѣ о новѣйшей русской литературѣ, г. Наумовъ разсказываетъ: „Судьбѣ угодно было, чтобы съ самаго ранняго дѣтства я видѣлъ однѣ только печальныя картины человѣческихъ страданій. Домъ нашъ въ г. Омскѣ выходилъ окнами на площадь передъ крѣпостнымъ валомъ. Лѣтомъ обыкновенно въ 11 часовъ утра на этой площади производили ученіе солдатамъ, и тутъ же ихъ сѣкли и розгами, и палками и шомполами отъ ружей. Далеко разносились крики терзаемыхъ жертвъ. На этой же площади гоняли сквозь строй и солдатъ, и преступниковъ. Я и теперь безъ содроганія не могу вспомнить этихъ сценъ. Я плакалъ, забивался въ подушки, что бы не слышать барабаннаго боя и раздирающихъ душу криковъ. По ночамъ со мною часто дѣлался послѣ подобныхъ картинъ жаръ и бредъ, и меня укладывали иногда на нѣсколько дней въ постель. Когда меня отдали въ ученье къ учителю Ксенофонту Трифоновичу (фамиліи его не помню, онъ былъ унтеръ-офицеръ и учитель полубатальона кантонистовъ),—здѣсь я опять видѣлъ тѣ же картины страданій этихъ несчастныхъ дѣтей кантонистовъ, которыхъ сѣкли безчеловѣчно за самые ничтожные проступки, напримѣръ за оторвавшуюся у куртки пуговицу, морили голодомъ и т. п.

„Въ эти ранніе годы я, хотя безсознательно, сталъ уже ненавидѣть всякое насиліе. Много мнѣ способствовалъ къ развитію этой ненависти жившій у насъ въ кучерахъ сосланный въ Сибирь по волѣ помѣщика старикъ Памфилъ. Это былъ добрый, умный и честный кре-

Digitized by Google

стьянинъ тамбовской губерніи. Онъ былъ крѣпостной человѣкъ Тютчева, былъ избранъ въ своемъ селѣ въ старосты. Міръ уполномочилъ его идти къ барину въ Питеръ съ жалобой на злоупотребленія и притѣсненія управляющаго, и за это онъ былъ наказанъ 500 ударами розогъ и сосланъ въ Сибирь. Онъ жилъ у насъ около 20 лѣтъ. Памфилъ былъ мастерской разсказчикъ. Рѣчь его была плавная, образная, пересыпаемая пословицами, остротами, прибаутками. Я заслушивался его разсказами о житьѣ-бытьѣ крестьянъ, о нагломъ насиліи и произволѣ, какіе совершаютъ надъ ними помѣщики, обирая у крестьянъ послѣднее для того, чтобы проживать и проигрывать въ карты. Сцены изъ его разсказовъ, какъ отрывали дѣтей у отца и матери, продавая ихъ другому помѣщику или проигрывая ихъ въ карты, производили на меня потрясающее впечатлѣніе".

Затѣмъ слѣдовало непродолжительное ученье въ одной изъ сибирскихъ гимназій; не имѣвъ возможность кончить курсъ, по тяжелымъ матеріальнымъ условіямъ семьи, г. Наумовъ, чтобы не быть ей въ тягость, поступилъ въ военную службу юнкеромъ, но и здѣсь оставался не долго: желаніе учиться привело его въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время вольнослушателемъ въ университетѣ, и гдѣ началъ свою литературную дѣятельность. Но этотъ трудъ не давалъ средствъ къ существованію и около половины шестидесятыхъ годовъ г. Наумовъ поступилъ на службу въ Сибири. Раннія впечатлѣнія, а затѣмъ и прямыя встрѣчи съ народомъ дали г. Наумову полное знаніе народнаго быта; еще въ годы первой юности онъ увлекался литературой и живо работала фантазія и, наконецъ, тогдашнее настроеніе литературы въ эпоху крестьянской реформы сообщило ему тѣ народныя сочувствія, какія отличали потомъ всю его литературную дѣятельность. Какъ въ ранней юности, такъ и въ зрѣлые годы его поражали мрачныя картины народной жизни и господствовавшее надъ ней безправіе; его наблюденія относятся главнымъ образомъ къ сибирской жизни, которая не знала крѣпостного права, но гдѣ съ первыхъ вѣковъ русскаго господства и колонизаціи и до самыхъ послѣднихъ временъ безпрепятственно развивалось другое зло—съ одной стороны полный произволъ властей отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ (знаменитая ревизія Сперанскаго въ первый разъ указала правительству страшный размѣръ злоупотребленій, которыхъ, впрочемъ, не успѣло искоренить и самое управленіе Сперанскаго), и съ другой стороны экономическая эксплуатація.

Г. Наумовъ не предпринималъ ни одного крупнаго по размѣрамъ произведенія,—какъ и большинство другихъ беллетристовъ-народниковъ: мы находимъ у него только небольшіе разсказы, очерки, сцены, психологическіе этюды. И это весьма понятно: жизнь изображаемыхъ

Digitized by Google

лицъ не представляетъ матеріала для широкихъ художественныхъ замысловъ; ея внѣшнія условія несложны и исчерпываются ближайшей обстановкой; столь же несложна и психологія этой жизни; при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ, эта жизнь можетъ быть исчерпана въ одномъ очеркѣ, потому что не богатъ и ея умственный и нравственный горизонтъ. Поэтому въ трудахъ г. Наумова нельзя указать отдѣльнаго произведенія, которое могло бы служить особенно яркимъ и характернымъ образчикомъ какъ дарованія писателя, такъ и образчикомъ изображаемой имъ среды; но во всей своей сложности произведенія г. Наумова имѣютъ однако свою опредѣленную цѣльность: ихъ предметъ—одна народная жизнь, изображаемая съ полнымъ знаніемъ ея особенностей, съ теплымъ сочувствіемъ къ ея бѣдамъ и нуждамъ, а также и съ умѣньемъ подмѣтить то, что̀ можетъ быть задаткомъ здраваго человѣчнаго существованія. Это знаніе народной жизни между прочимъ придаетъ разсказамъ г. Наумова не малый этнографическій интересъ: онъ близко знаетъ бытовыя подробности и прекрасно владѣетъ народнымъ языкомъ: онъ мало разсказываетъ самъ и всего чаще прямо выводитъ дѣйствующія лица въ ихъ житейскихъ отношеніяхъ, или ведя разсказъ отъ ихъ лица. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда писатель самъ рисуетъ сцену дѣйствія или мѣстный пейзажъ, его разсказъ отличается обыкновенно художественной опредѣленностью, а также и неподдѣльной поэзіей; такою же опредѣленностью отличаются и очерки народныхъ характеровъ. По всѣмъ этимъ качествамъ, произведеніямъ г. Наумова принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ новѣйшей литературѣ о народѣ.

— Гастонъ Мограѝ. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозёнъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи Антуанеты. Переводъ съ французскаго. Спб. 1897.

Гастонъ Мограѝ извѣстенъ своими трудами по исторіи и литературѣ французскаго XVIII вѣка. Въ настоящей книгѣ онъ представилъ біографію герцога Лозёна (duc de Lauzun), позднѣе герцога Бирѝна (1747—1793). Это былъ человѣкъ изъ самаго высшаго круга французской аристократіи, съ юныхъ лѣтъ вращавшійся при дворѣ, другъ принцевъ королевскаго дома, свѣтскій человѣкъ, извѣстный своими многочисленными любовными приключеніями, между прочимъ одно время близкій другъ княгини Чарторыжской, извѣстной пріятельницы князя Репнина, и т. д., наконецъ, военный человѣкъ и дипломатъ; когда шла сѣверо-американская война за независимость, возбуждавшая большія сочувствія во Франціи, онъ, при отрядѣ французскихъ

Digitized by Google

войскъ, принялъ въ этой войнѣ весьма дѣятельное участіе; его бурная и разнообразная жизнь окончилась въ 1793—на эшафотѣ.

Во время реставраціи вышли, въ 1821, записки герцога Лозёна, которыя произвели тогда, какъ говоритъ Мограѝ, „большую сенсацію въ обществѣ, такъ какъ многія изъ упоминавшихся въ нихъ лицъ находились еще въ живыхъ, а факты, приводимые въ Мемуарахъ, не отличались скромностью; изданіе было задержано, и со всѣхъ сторонъ поднялись негодующіе протесты; книга была объявлена поддѣльной". Извѣстная г-жа Жанлисъ, которая была современницей Лозёна, но еще дѣйствовала въ литературѣ двадцатыхъ годовъ, утверждала даже, что она видѣла и читала настоящіе мемуары Лозёна, но что они не имѣютъ никакого отношенія къ „гнусному пасквилю, составленному съ намѣреніемъ опозорить дворянство и прежній дворъ"; Мограѝ замѣчаетъ на это, что г-жа Жанлисъ столько разъ искажала истину, что ей немного стоило нарушить ее и въ этомъ случаѣ. Самъ онъ, напротивъ, убѣжденъ въ подлинности записокъ: за нее говорятъ различныя соображенія и прежде всего то, что ихъ фактическія и хронологическія показанія вполнѣ совпадаютъ съ тѣми данными, какія Мограѝ находилъ при изученіи архивныхъ документовъ; за подлинность ихъ говоритъ и самая небрежность и неровность, какими отличаются записки, набросанныя Лозёномъ для дамы сердца, и эта небрежность едва ли была бы возможна у поддѣльщика, который безъ сомнѣнія пожелалъ бы, напримѣръ, сдѣлать записки сколько можно интересными; наконецъ, записки оканчиваются 1783 годомъ и поддѣльщикъ опять не упустилъ бы случая говорить о послѣднихъ бурныхъ годахъ жизни Лозёна. Такимъ образомъ Мограѝ сполна воспользовался записками Лозёна, обставивъ ихъ и другими свѣдѣніями о той эпохѣ.

Біографія герцога Лозёна въ самомъ дѣлѣ доставляла удобную канву для изображенія французской жизни второй половины XVIII-го вѣка. Жизнь при дворѣ, гдѣ Лозёнъ бывалъ въ интимномъ кружкѣ г-жи Помпадуръ, потомъ въ кружкѣ Маріи Антуанеты; близкія связи съ высшей аристократіей свѣтской и духовной (между архіепископами и кардиналами бывали тѣ же герцоги и маркизы, изъ-за своихъ титуловъ нисколько не измѣнявшіе свѣтскаго образа жизни); дружба съ Шуазёлемъ; многочисленныя любовныя приключенія; пребываніе въ Парижѣ, въ провинціи, путешествія въ Лондонъ, въ Германію, въ Польшу, война въ Америкѣ, служба республикѣ, которую Лозёнъ призналъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ герцогомъ Орлеанскимъ, война въ Вандеѣ, наконецъ тюрьма и казнь, все это давало поводъ къ изображенію самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни французскаго двора и аристократіи второй половины прошлаго вѣка, съ той эпохи, когда они беззаботно наслаждались жизнью въ полной увѣренности, что го-

Digitized by Google

сударство создано только для ихъ удовольствія, до страшной эпохи террора, когда одна часть этой аристократіи бѣжала за границу, а другая встрѣчалась опять въ тюрьмахъ конвента наканунѣ казни. Авторъ книги не отличается особеннымъ талантомъ какъ разсказчикъ, но онъ всегда говоритъ фактами, и самые факты столь характерны, что книга читается съ живѣйшимъ интересомъ, какъ самый сенсаціонный романъ. Здѣсь нѣтъ цѣльныхъ картинъ состоянія общества, характера управленія и т. п., какія были бы обязательны для историка эпохи; но форма біографіи, нерѣдко доходящей до большихъ подробностей, представляетъ другую выгоду: она вводитъ читателя въ самую жизнь съ ея крупными интересами и мелкими чертами быта и нравовъ.

Въ предисловіи авторъ книги говоритъ: „Не желая придавать книгѣ ученый видъ, не соотвѣтствующій ея содержанію, мы старались, насколько возможно, избѣгать выносокъ; поэтому, если не указываемъ всѣхъ нашихъ источниковъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, то сдѣлали это единственно во избѣжаніе испещренія книги цитатами. Мы широко пользовались матеріалами во всѣхъ открытыхъ для публики архивахъ, а также и въ архивахъ частныхъ лицъ". Пріемъ—не совсѣмъ научный: авторъ во всякомъ случаѣ дѣлалъ историческую работу, которая требуетъ доказательствъ своей достовѣрности, — и если онъ не хотѣлъ устрашать своихъ читателей выносками, то могъ очень удобно указать свои главные документы въ концѣ книги.

Еще другое представлялось бы нужнымъ для русскихъ читателей, что́ могъ бы сдѣлать переводчикъ. Французскій читатель, къ которому обращался Мограѝ, такъ знакомъ съ своей исторіей XVIII-го вѣка, что не нуждается въ объясненіи хода событій, съ которыми связана біографія герцога Лозёна. Но вовсе не въ такомъ положеніи обыкновенный русскій читатель,—и для него необходимы были бы по временамъ напоминанія (хотя бы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) о томъ, какъ шли событія,—напр. что́ дѣлалось съ королемъ, какъ мѣнялись правительства, какъ началась эмиграція и европейское вмѣшательство, какъ началась вандейская война, какъ развивалась роль герцога Орлеанскаго и т. д. Безъ этого, именно во второй половинѣ книги, русскому читателю многое будетъ оставаться не совсѣмъ яснымъ въ судьбѣ герцога Лозёна, — развѣ самъ читатель догадается взять для справокъ какую-нибудь книгу по исторіи французской революціи.—Т.

Digitized by Google

— Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Сочиненіе Даніэля Де-Фо. Переводъ съ англійскаго Петра Канчаловскаго. Съ рисунками Пажэ. Второе изданіе. М. 1897.

— Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Переводъ съ испанскаго И. Гливенко, съ предисловіемъ Морель-Фассіо. Спб. 1897.

Въ послѣднее время, въ нашей переводной литературѣ, среди погони за послѣдними новостями беллетристики, представляющими нерѣдко совершенный хламъ, замѣтно выдается серьезное стремленіе передать на русскомъ языкѣ знаменитыя произведенія стараго времени, причисляемыя къ такъ называемой литературѣ всемірной. Мы имѣли случай упоминать, что за послѣднее время появилось нѣсколько подобныхъ переводовъ даже изъ средневѣковой литературы, какъ замѣчательный переводъ Боккаччіо, переводъ Нибелунговъ, Пѣсни о Роландѣ и др. Къ этому разряду переводовъ изъ старой литературы присоединяются теперь двѣ названныя книги: Робинзонъ и менѣе извѣстный Лазарильо. Обѣ были давнымъ давно переведены на русскій языкъ и Робинзонъ не только въ первоначальномъ видѣ, но и въ нѣсколькихъ подражаніяхъ, которыхъ, какъ извѣстно, явилось множество въ европейской литературѣ еще съ XVIII вѣка, и къ которымъ присоединились наконецъ русскія подражанія. Но въ старину у насъ переводили почти исключительно съ французскаго, и съ французскаго были переведены англійскій Робинзонъ и испанскій Лазарильо; впослѣдствіи Робинзонъ былъ, кажется, переведенъ и съ англійскаго, но во всякомъ случаѣ новый переводъ съ подлинника былъ не лишнимъ и второе изданіе книги г. Канчаловскаго показываетъ, что интересъ къ знаменитому произведенію Де-Фо не ослабѣваетъ, какъ и слѣдовало ожидать. Лазарильо былъ переведенъ съ французскаго еще въ 1775 и обновить его въ переводѣ съ подлинника было, безъ сомнѣнія, желательно.

По поводу обоихъ изданій мы сдѣлали бы одно замѣчаніе. Произведенія подобнаго рода имѣютъ двоякій интересъ — не только непосредственно художественный, но также историческій. Литературная эпоха, которая произвела ихъ, давно миновала, какъ миновали и реальныя условія жизни, съ которою онѣ связаны по содержанію; чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ больше подобныя произведенія могутъ нуждаться въ историческомъ комментаріи; въ концѣ концовъ, переводъ стараго произведенія становится не только литературнымъ, но настоящимъ ученымъ трудомъ, потому что новѣйшему читателю нужно объяснить не только давно отжившую форму произведенія, но и бытовыя черты его вѣка. Поэтому передача такихъ произведеній должна необходимо сопровождаться комментаріемъ. Отчасти это и сдѣлано

Digitized by Google

въ обоихъ названныхъ изданіяхъ, но сдѣлано, какъ намъ кажется, не въ достаточной мѣрѣ.

Робинзонъ самъ по себѣ такъ ясенъ, что не нуждается въ истолкованіи; но краткія біографическія свѣдѣнія, упомянутыя въ предисловіи русскаго перевода, не даютъ настоящаго понятія ни о жизни писателя, исполненной всякими треволненіями, ни о характерѣ его ума и многосторонняго дарованія. Несомнѣнно, читатель еще больше оцѣнилъ бы Робинзона, еслибы передъ нимъ выяснилась замѣчательная личность самого писателя. Съ другой стороны самъ „Робинзонъ" Де-Фо имѣлъ свою обширную литературную исторію. Книга съ перваго своего появленія произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе: явилось безконечное число переводовъ и подражаній во всѣхъ европейскихъ литературахъ; этотъ необычайный успѣхъ исходилъ не только изъ психологическаго интереса и внѣшней занимательности приключеній, но и изъ условій общественнаго настроенія съ конца прошлаго вѣка. Для того и другого, для біографіи писателя и для исторіи произведенія, существуетъ въ литературѣ большое обиліе матеріала.

Къ переводу Лазарильо приложено подробное объясненіе произведенія, взятое изъ предисловія къ французскому переводу; но на нашъ взглядъ статья Мореля Фассіо не совсѣмъ достигаетъ цѣли. Написанная очень фразисто, она отчасти не даетъ достаточнаго понятія о предметѣ, отчасти преувеличиваетъ: читателю остается неяснымъ историко-литературное возникновеніе и затѣмъ чрезвычайное распространеніе этого такъ называемаго „плутовского романа"; съ другой стороны, сказать о „Лазарильо", что этотъ романъ — „сама Испанія, Испанія XVI вѣка, великой эпохи заатлантическихъ открытій, европейскихъ войнъ, объединенія всѣхъ національныхъ силъ подъ скипетромъ могущественнаго императора, стремившагося къ всемірному владычеству, и прибавлю еще,—это Испанія со всѣми своими особенностями, со всей ея нищетой, пороками и смѣшными сторонами",—сказать это значитъ черезъ мѣру преувеличить и задачу романа, и дѣйствительное его содержаніе. Съ другой стороны, историческое значеніе романа опредѣлено слишкомъ тѣсно. „Исторія литературы, — говоритъ авторъ,—справедливо видитъ въ нашемъ романѣ прототипъ разсказовъ о плутняхъ: она считаетъ „Лазарильо" отцомъ всѣхъ тѣхъ плутней, которыя въ теченіе почти цѣлаго столѣтія размножались на испанской почвѣ и дали намъ въ Жиль Блазѣ романъ современныхъ нравовъ". Но важность здѣсь не въ однѣхъ „плутняхъ", а въ томъ, что это былъ замѣчательный, предшествовавшій Сервантесу, опытъ реальнаго изображенія жизни, опытъ того направленія, которое мало-по-малу устраняло искусственныя формы и настроенія литературы и въ концѣ концовъ подготовило путь для современнаго реальнаго

Digitized by Google

романа. Эта жизненная свѣжесть сохранила испанскому разсказу XVI вѣка интересъ и до настоящей минуты.

Въ предисловіи замѣчено, что переводъ исполненъ былъ подъ редакціею Ѳ. Д. Батюшкова; это—достаточное ручательство его достоинства.—А. П.

— Генрихъ Сенкевичъ. Quo vadis?... Романъ изъ временъ Нерона. Въ 11 частяхъ, съ эпилогомъ. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Романы Сенкевича имѣютъ большой успѣхъ у русскихъ читателей, начиная съ тѣхъ романовъ, которые изображали войну поляковъ съ казаками въ XVII-мъ столѣтіи, продолжая романомъ „Безъ догмата“ и другими, и кончая романомъ изъ временъ Нерона; нѣкоторые изъ романовъ и повѣстей имѣли даже по нѣсколько переводовъ. Внутреннее достоинство произведеній Сенкевича неровно; но онъ пользуется у своихъ соотечественниковъ славою писателя первостепеннаго, во всякомъ случаѣ представляетъ большую силу, и наша литература должна была усвоить себѣ плоды его разнообразнаго творчества. Почитатели его, которые стараются перенести въ нашу литературу его произведенія, должны, конечно, заботиться о томъ, чтобы сдѣлать это достойнымъ почитаемаго писателя образомъ; да и вообще желательно, чтобы переводъ удовлетворялъ литературнымъ требованіямъ. Къ сожалѣнію, современная переводная литература, которая такъ разростается количественно, этимъ литературнымъ требованіямъ нерѣдко мало удовлетворяетъ. Мы пожалѣли, что такъ случилось и съ романомъ Сенкевича.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Въ предисловіи переводчика мы читаемъ: „Такъ какъ романъ изобилуетъ массой дѣйствующихъ лицъ изъ классическаго міра, а также словами изъ классической древности, то въ виду этого я счелъ необходимымъ отмѣтить все, быть можетъ, непонятное для многихъ, особыми примѣчаніями, которыя и помѣщены въ концѣ книгѣ“... Взглянемъ, какъ переданы въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ эти дѣйствующія лица и слова изъ классической древности.

„...Да наградятъ тебя всѣ боги благополучіемъ, въ особенности *Асклепіадъ* и Киприда“ (стр. 2); „Виницій поручалъ его покровительству *Асклепіада* и Киприды. Но Петроній не вѣрилъ въ *Асклепіада*“ (стр. 3); „кромѣ *Асклепіада* я имѣлъ дѣло и съ *асклепіадами*“ (стр. 4). Такъ въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ читаемъ объясненіе: „*Асклепіадъ*—миѳологическій *богъ* врачеванія, вообще—врачъ. Асклепіады — послѣдователи древняго *врача* Эскулапа“. Неужели такъ и у Сенкевича?

Digitized by Google

Обращаемся къ подлиннику и находимъ имя греческаго бога правильно: Asklepios; зачѣмъ переводчикъ превратилъ его въ Асклепіада, непонятно; для читателя примѣчанія будетъ непонятно и то, почему „асклепіады" вышли послѣдователями „Эскулапа". Переводчикъ не сказалъ, что Асклепій—греческая форма имени, а Эскулапъ—латинская.

„...Если божественный Александръ былъ похожъ на тебя (говорится одному красавцу), то нельзя удивляться его Еленѣ" (стр. 12). Въ примѣчаніи переводчикъ объясняетъ къ этому мѣсту, что это—„Елена, любившая Александра Македонскаго"!! Комментаторъ не понялъ, что это есть та „прекрасная Елена", которая въ древности была знаменита по Иліадѣ, а теперь знаменита по опереткѣ; Александръ—было второе имя троянца Париса.

„Деметрія" (стр. 33), и въ примѣчаніяхъ: и „богиня растительнаго міра" и пр.—не существуетъ. Въ подлинникѣ правильно: Деметра.

„Зенонъ изъ Циты" (стр. 41); въ подлинникѣ правильно: изъ Цитіума.

„Если Ксенофонтъ круглый какъ шаръ (?), то такого божка легко катить передъ собою какъ бочку" (стр. 69). Такъ говоритъ одинъ римскій вольнодумецъ на пиршествѣ у Нерона; смысла нѣтъ; въ подлинникѣ Сенкевича нѣтъ никакого Ксенофонта, а находится: „Sferos" Ксенофана.

Въ текстѣ упоминаются Албанскія горы, близъ Рима; въ примѣчаніяхъ переводчика объясняется: „Албанскія горы. У подошвы *этой горы* (?) находились виллы многихъ римлянъ, изъ которыхъ образовался городъ *Альбанъ*". Такого не существовало.

Калигула, римскій императоръ. Въ примѣчаніяхъ объясняется: ...„свое сумасбродство довелъ до того, что назначилъ свою лошадь консуломъ *съ тою цѣлью*, чтобъ у римлянъ была одна его голова". Совсѣмъ непостижимо!

„...Ко мнѣ былъ милостивъ божественный сынъ Маи" (стр. 152), говоритъ одинъ плутъ. Въ примѣчаніяхъ находимъ объясненіе: „Мая—богиня природы, служеніе которой пріурочено къ маю мѣсяцу",—но совсѣмъ не впопадъ, такъ какъ рѣчь идетъ о греческой Майѣ, которая была матерью Гермеса, или Меркурія, покровителя воровъ и плутовъ. Имена дѣйствующихъ лицъ переданы не всегда правильно; вмѣсто Авлъ, Линнъ, переводчикъ пишетъ: Авлій, Линней, и т. п. Имена восточныхъ царей переданы какъ будто нарицательныя: „вологезы, тирыдаты, тигронезы" (стр. 3), т.-е. Тиридаты, Тиграны. Переводчикъ вообще не обратилъ вниманія на то, что въ польскомъ написаніи сохраняется латинскій *y* (ипсилонъ) и спокойно передаетъ его черезъ другой *у* (ы), и вообще ставитъ этотъ послѣдній иногда тамъ, гдѣ по-русски невозможно.

Digitized by Google

Приводимъ нѣсколько образчиковъ перевода.

„Маркъ... умѣлъ не поддаваться эстетической испорченности“ (стр. 2); въ подлинникѣ: „umiał zachowywać pewną estetyczną miarę w zepsuciu“, т.-е. умѣлъ сохранять въ испорченности извѣстную эстетическую мѣру.

Въ термахъ—невольницы „ожидали момента ваятельной укладки сборокъ на тогахъ своихъ господъ“ (стр. 8); рѣчь идетъ о томъ, чтобы живописно уложить складки тогъ.

Виниційй собирается поставить изваяніе „посереди̇нѣ своихъ *ларей*“ (стр. 12); но рѣчь идетъ не о ларяхъ, а о лàрахъ, домашнихъ божествахъ, какъ и объясняетъ переводчикъ въ примѣчаніи.

Носилки называюся „паланкиномъ“ (стр. 14 и д.); но едва ли китайское слово способствуетъ передачѣ мѣстнаго колорита древняго Рима (у Сенкевича римскій терминъ: лектика).

„Подъ луками базилики“ (стр. 17); польское слово осталось безъ перевода: подъ сводами.

„Египті*а*не; греки *съ* Эллады“ (стр. 18).

„Крыптопортики“ (стр. 19); читай: криптопортики.

„Агрыппина“ (стр. 19); читай: Агриппина.

„Спиты“ (стр. 19); читай: скиѳы.

„Предсказываютъ *рушку* какого-либо большого дома“ (стр. 23).

„Орфей усыплялъ своими пѣснями *дикихъ бестій*“ (стр. 23)!!

„Наши боги съ нѣкотораго времени сдѣлались только реторическими *изваяніями*“ (стр. 25), т.-е. реторическими фигурами.

„Слушаю тебя, мой Аѳеней“ (стр. 33), и въ примѣчаніяхъ читаемъ: „Аѳеней, современникъ Архимеда, ученый“. Въ подлинникѣ: „moja Athene“, т.-е. Аѳина, богиня мудрости.

„Одѣвать парыки“ (стр. 48).

„Псыканіе полевыхъ кобылокъ“ (стр. 457).

И такъ далѣе. Кромѣ этого непониманія миѳологическихъ, бытовыхъ и другихъ подробностей древней римской жизни, кромѣ полонизмовъ, переводъ страдаетъ страннымъ незнаніемъ самыхъ обыкновенныхъ терминовъ (какъ „реторическія изваянія“) и нерѣдкими стилистическими неловкостями, которыя непріятно нарушаютъ тонъ разсказа, передающаго древнюю римскую жизнь. Кромѣ упомянутаго китайскаго „паланкина“ (котораго у Сенкевича нѣтъ), есть еще французская „шевелюра“; Виниційй влетаетъ въ атріумъ „какъ бомба“ (у Сенкевича: jak burza); изящное произведеніе называется словомъ, весьма неупотребительнымъ въ литературномъ языкѣ, „антикъ“ и т. д.

Нельзя не пожалѣть, что роману Сенкевича пришлось появиться передъ русскими читателями въ такой мало удовлетворительной формѣ.—Д.

Digitized by Google

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, В.—Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Спб. 97. Стр. 475. Ц 2 р.

Афанасьевъ, Леонидъ.—Стихотворѣнія. Спб. 96. Стр. 259. Ц. 1 р.

Бантышъ-Каменскій, Н. Н.—Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 годъ. Ч. III: Курляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія. М. 97. Стр. 319. Ц. 2 р.

Баранова, А.—Въ защиту погибшихъ женщинъ. Каз. 97. Стр. 116. Ц. 25 к.

Бекъ, д-ръ, С., и *Бранъ*, д-ръ, М.—Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинал. отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ С. М. Дубновъ. Въ 2-хъ томахъ. Т. II: Западный періодъ отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней. Од. 97. Стр. 473. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Бразоль, Л. Я.—Публичныя лекціи о гомеопатіи. Съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ преній и дополнительныхъ примѣчаній автора. Изд. 3-е. Спб. 96. Стр. 231.

——— Самуилъ Ганеманъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. и 7 рис. Спб. 96. Стр. 91. Ц. 50 к.

Броуновъ, П. И.—Метеорологія, какъ наука о вихревыхъ движеніяхъ атмосферы. Спб. 97. Стр. 33.

Брусиловскій, Е. М., д-ръ. — Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства. Од. 97. Стр. 114. Ц. 75 к.

Бутми.—Развитіе конституцін и политическаго общества въ Англіи. Пер. съ франц. М. Карова. М. 97. Стр. 175. Ц. 60 к.

Васильевъ, М. — Въ лѣсу и въ полѣ. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рис. М. 97. Стр. 63. Ц. 30 к.

——— Изъ дѣтства. Воспоминанія и разсказы для дѣтей. Съ рис. М. 97. Стр. 63. Ц. 30 к.

——— Гурьбой. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ рис. М. 97. Стр. 61. Ц. 30 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XII: Бальзакъ-Барсуковъ. Спб. 97. Стр. 49—96. Ц. 40 к.

Витевскій, В. Н.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. V. Каз. 97. Стр. 198. Ц. 2 р. 50 к.

Вучетичъ, Н. Г.—Нордъ-звѣзда. Разсказъ изъ жизни приволжскихъ охотниковъ. Од. 97. Стр. 56. Ц. 30 к.

Вюльмень.—Біологія растеній. Перев. И. Петровскаго, п. р. проф. К. Тимирязева. М. 97. Стр. 290. Ц. 50 к.

Ганеманъ, Самуилъ.—Опытъ новаго принципа для нахожденія цѣлительныхъ свойствъ лекарственныхъ веществъ. Перев. съ нѣм. д-ра Л. Я. Бразоль. Спб. 96. Стр. 84.

Гинскій, Б.—Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 97. Стр. 106. Ц. 60 к.

Головинъ, К.—Русскій романъ и русское общество. Спб. 97. VIII. Стр. 472. Цѣна 3 р.

Езіоранскій, Іосифъ.—Монетная реформа въ Россіи. Варш. 97. Стр. 34.

Закревскій, Игн. — Уголовная антропологія на Женевскомъ международномъ конгрессѣ. Спб. 97. Стр. 52.

Digitized by Google

——— Отчетъ о занятіяхъ 4-го международнаго уголовно-антропологическаго конгресса. Спб. 97. Стр. 32.

——— Quelques considérations sur le Congrès de Genève (брошюра).

Золотаревъ, Л. А.—Семья и женскій трудъ. М. 97. Стр. 59. Ц. 30 к.

Казанскій, П.—Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Од. 97. Стр. 69 (100 экземпляровъ).

——— Всемірный телеграфный союзъ. Од. 97. Стр. 105 (100 экз.).

——— Международный союзъ для измѣренія земли. Од. 97. Стр. 53.

Карѣевъ, Н.—Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Спб. 97. Стр. 167. Ц. 50 к.

Кацъ, Р., д-ръ.—Очки, ихъ польза и вредъ. Съ 7 рис. Спб. 97. Стр. 64. Цѣна 50 к.

Кернъ, Э.—Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 37 рис. Изд. 3-е. М. 97. Стр. 159. Ц. 75 к.

Красновъ, А. Н.—Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. Культурно-географическіе очерки дальняго Востока. Отчетъ Главному Управленію Удѣловъ. Съ 101 рис. и 2 карт. Вып. I: Японія. Спб. 97. Стр. 244. Ц. 2 р.

Крыловъ, И. А.—Басни, съ прилож. портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Кеневичу и 5 этюдовъ о басняхъ Крылова, П. Смирновскаго. Спб. 97. Стр. 332.

Лансонъ, Гюставъ.—Исторія французской литературы. Переводъ со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ. Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 97. Стр. 788. Ц. 3 р. 50 к.

Леббокъ, сэръ-Джонъ.—Какъ надо жить. Перев. съ англ. Д. А. Коропчевскаго (Библіотека „Дѣтскаго чтенія" для взрослыхъ). Съ портретомъ. М. 97. Стр. 161. Ц. 75 к.

Литвинова, Е. Ѳ.—Правители и Мыслители. Біографич. очерки. Съ 16 портр. Спб. 97. Стр. 302. Ц. 1 р.

Ляховецкій, Л. Д.—Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 97. Стр. 324. Цѣна 2 рубля.

Майковъ, Л.—Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ. Спб. 97. Стр. 19.

Мало, Гекторъ.—Безъ семьи. Перев. съ франц. А. Круковскаго. Спб. 97. Стр. 184. Ц. 50 к.

Малютинъ, Д. П.—Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 97. Стр. 151. Ц. 1 р. 50 к.

Мартыновъ, Д. П.—Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ олонецкой губерніи за 1896 г. Петрозав. 97. Стр. 15.

Масленниковъ, К. И.—За десять лѣтъ. 1886—1895 г. II. Спб. 97. Стр. 186. Цѣна 1 рубль.

Модестовъ, В. И.—Поэзія въ римской исторіи. Спб. 97. Стр. 68.

Нансенъ, Фритіофъ.—Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. III. Стр. 81—112. Цѣна 30 коп.

Небольсинъ, А. Г.—Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Спб. 97. Стр. 29.

Николаевъ, Н. И.—Театрально-критическіе наброски. Кіевъ, 97. Стр. 108. Цѣна 1 рубль.

Одарченко, К. Ф.—Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 97. Стр. 374. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Орловъ, Е. — Сократъ, его жизнь и философская дѣятельность. Спб. 97. Стр. 74. Ц. 25 к.

Осадчій, Т. И.—Крестьянское товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губерніи. Од. 97. Стр. 33. Ц. 25 к.

Оттоленгуи, Родригъ.—Пуговица-камея. Спб. 97. Стр. 205. Ц. 50 к.

Пружанскій, К.—Новый Моисей. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 97. Стр. 281. Ц. 1 р. 25 к.

Прэнсъ, Ад.—Организація свободы и общественный долгъ. Перев. съ фр. п. р. Р. П. Сементковскаго. Спб. 97. Стр. 186. Ц. 80 к.

Р., В.—Очерки Привислянья, М. 97. Стр. 377. Ц. 1 р. 50 к.

Рамасвами-Райю, П. В. — Индійскія басни. Перев. съ инд. Н. В. Максимовича. Харьковъ 97. Стр. 47. Ц. 40 к.

С., И.—Миссіонерское движеніе среди американскихъ и з.-европейскихъ студентовъ. Каз. 97. Стр. 28. Ц. 20 к.

Смирновъ, А. В.—Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. I. Владиміръ, 96. Стр. 241. Ц. 1 р. 25 к.

Спенсеръ, Герб.—Введеніе въ философію. Самара, 97. Стр. 43. Ц. 40 к.

Стороженко, Н. И. — Вольнодумецъ эпохи возрожденія. М. 97. Стр. 40. Цѣна 20 коп.

Соколовъ, А. П.—А. Г. Столѣтовъ. Біограф. очеркъ. Спб. 97. Стр. 50.

Соловьевъ, Владиміръ. — Духовныя основы жизни. Изданіе 3-е. Спб. 97. Стр. 177. Ц. 1 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. — Съ Поволжья. Родныя картинки. Съ рис. М. 97. Стр. 200. Ц. 60 к.

Таганцевъ, Н. С.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Изд. 10-е, дополненное. Спб. 97. Стр. 450. Ц. 2 р.

Тобилевичъ, Ив. (Карпенко-Карый).—Драмы и Комедіи. Т. II. Од. 97. Стр. 450. Цина за обыдва томы 3 р., а кожный по 1 р. 50 к.

Трайль, Г. Д.—Общественная жизнь Англіи. Томъ II. Перев. съ англійск. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Стр. 497. Ц. 2 р. 50 к.

Уордъ, Г.—Давидъ Гривъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу въ жизни. Перев. съ англ. А. Каррикъ. Спб. 97. Стр. 110. Ц. 50 к.

Федченко, Б., и *Флоровъ*, А. — Водяныя растенія средней Россіи. М. 97. Стр. 63. Ц. 40 к.

Фирсовъ, В.—Двѣ сестры. Романъ. Спб. 97. Стр. 367. Ц. 2 р.

Фойницкій, И. Я., заслуженный ордин. профессоръ спб. университета.—Курсъ уголовнаго судопроизводства. Томъ II. Спб. 97. Стр. IV и 400. Ц. 3 р.

Хвольсонъ, О. Д. — Курсъ физики. Томъ I. Съ 377 рисунками въ текстѣ. Спб. 97. Стр. 630. Ц. 5 р.

Чеховъ, Александръ. — I. Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Спб. 97. Стр. 180. Ц. 1 р.

Шохоръ-Троцкій, С. И. — Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ для учащихъ въ народныхъ школахъ. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 114. Ц. 55 к.

Шульце-Геверницъ, Гергардтъ, фонъ, проф. въ Фрейбургѣ.—Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Перев. съ нѣм. Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Спб. 97. Стр. XX+322. Ц. 1 р. 75 к.

Энгельмейеръ, П. К.—Руководство для изобрѣтателей, съ вступительнымъ

Digitized by Google

письмомъ графа Л. Н. Толстого. Изобрѣтенія и привилегіи. М. 97. Стр. 176. Ц. 1 р. 50 к.

Boutmy, Georg. — Zur Währungsfrage. Betrachtungen eines südrussischen Landwirthes. Berlin, 97. Стр. 56.

Krzywicki, L. — Kurs systematyczny Anthropologii. I. Rasy fisyczne. W. 97. Стр. 166.,

Petőfi's ausgewählte Gedichte. Aus dem Ungarischen übers. v. Sponer. Leipz. 97. Стр. 332.

Tarde, S. — L'opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires. Paris, 97. Стр. VIII+450. Ц. 7 фр. 50 сант.

— Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Собраніе статей, п. р. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Введеніе. Спб. 97. Стр. 64.

— Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на движеніе земельной собственности. Спб. 97. Стр. 91 (брошюра).

— Изданіе К. И. Тихомирова: № 150. Самопрялочникъ, разсказъ. № 149. Опытный крупенникъ-толоконникъ, руководство по приготовленію крупы и толокна изъ овса. № 147. Изобрѣтатель береcточныхъ тростей. № 98. Изъ деревни И. Селивановскаго. М. 97. Ц. 40 к.

— Изъ бумагъ П. Я. Чаадаева. Письма князя П. А. Вяземскаго. А. И. Кирпичникова. Спб. 97. Стр. 7.

— Новый американскій стандартъ превосходства, описывающій стати чисто-породныхъ, высшаго достоинства птицъ (куръ, индѣекъ, утокъ и гусей). Перев. съ англ. Спб. 97. Стр. 320. Ц. 1 р.

— Образовательная Библіотека. № 3: Дж. Чемберсъ, Повѣсть о звѣздахъ. Перев. съ англ. А. Николаева. Спб. 97. Стр. 132.

— Письма братьевъ Орловыхъ къ гр. П. А. Румянцову. 1764—1778. Изд. съ предисл. и прим. А. Барсукова. Спб. 97. Стр. 92.

— Письма Н. М. Карамзина къ кн. П. А. Вяземскому. 1810—1826 гг. Изд. съ предисл. и прим. Н. Барсукова. Спб. 97. Стр. 204.

— Разсказы Псковича. Спб. 97. Стр. 183. Ц. 1 р.

— Указатель книгъ, допущенныхъ мин. народ. просвѣщенія для публичныхъ народныхъ чтеній. Вып. 1—2. Од. 97. Ц. по 10 к.

— Харьковскій Календарь на 1897 г. Харьк. 97. Стр. 526+263.

Digitized by Google

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА,

ВНОВЬ ИЗДАННЫЯ.

Недавно вышла первая книга историческаго сборника, издаваемаго при „Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III". Сборникъ называется „Старина и Новизна", и въ предисловіи мы читаемъ: „Самое названіе „Старина и Новизна" уже давно существуетъ въ нашей литературѣ. Еще во времена Екатерины выходилъ подъ такимъ заглавіемъ сборникъ историческаго и литературнаго содержанія, издававшійся В. Г. Рубаномъ. Позже, въ тридцатыхъ годахъ, князь П. А. Вяземскій также задумывалъ изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ и, при дѣятельномъ участіи А. И. Тургенева, успѣлъ уже подобрать для своего сборника значительный запасъ любопытныхъ матеріаловъ въ видѣ записокъ, воспоминаній, писемъ извѣстныхъ лицъ, а также въ видѣ чисто-литературныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, предпріятіе князя П. А. Вяземскаго осталось безъ осуществленія".

Сборникъ заключаетъ два отдѣла. Въ первомъ помѣщены небольшіе отрывки изъ двухъ писемъ имп. Александра III отъ 1877 года; далѣе, стихотворенія А. Н. Майкова и гр. Голенищева-Кутузова. Во второмъ, историческіе матеріалы, а именно, письма Н. М. Карамзина къ кн. П. А Вяземскому отъ 1816—1826 годовъ; письма кн. Вяземскаго къ П. Я. Чаадаеву; письма братьевъ Орловыхъ къ гр. П. А. Румянцову въ 1764 — 1778 годахъ; въ концѣ сборника помѣщена статья Л. Н. Майкова: „Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ".

Наибольшій интересъ въ историческомъ отношеніи представляютъ письма Карамзина, которыя занимаютъ въ книгѣ и наибольшее мѣсто (стр. 1—204). Со времени біографіи Карамзина, составленной Погодинымъ къ столѣтней памяти рожденія Карамзина, въ шестидесятыхъ годахъ, въ нашей исторической литературѣ, къ удивленію, не было сдѣлано попытки новой біографіи Карамзина; мало появлялось и новыхъ матеріаловъ для этой біографіи, — поэтому могутъ представить особенный интересъ изданныя теперь многочисленныя письма, хотя это чисто домашнія письма, занятыя почти исключительно семейными и родственными интересами. Карамзинъ былъ женатъ на сестрѣ кн. П. А. Вяземскаго; въ періодъ переписки кн. Вяземскій былъ еще очень молодой человѣкъ, начинавшій свое служебное, общественное

Digitized by Google

и литературное поприще; жилъ въ Москвѣ, Варшавѣ (на службѣ при Н. Н. Новосильцовѣ), потомъ опять въ Москвѣ, былъ уже человѣкъ семейный; къ письмамъ Карамзина постоянно прибавлялись обширныя приписки его жены, иногда дочерей, приписки всегда на изящномъ французскомъ языкѣ; только разъ или два госпожа Карамзина приписала по нѣскольку строкъ на русскомъ языкѣ, и любопытно, какъ черта времени, что эти строки заключали большое количество орѳографическихъ ошибокъ, когда Карамзинъ являлся преобразователемъ литературнаго языка. Къ такимъ чисто-семейнымъ отношеніямъ принадлежитъ изданная теперь переписка: всего больше рѣчь идетъ о домашнихъ интересахъ, предметы общественные затрогиваются двумя словами, потому что обычныя мнѣнія обѣихъ сторонъ подразумѣваются сами собой, — такъ что въ цѣломъ письма служатъ всего болѣе для изображенія домашней жизни Карамзина за эти годы. Но отъ времени до времени въ нихъ встрѣчаются и подробности общаго интереса, въ двухъ, трехъ словахъ и намекахъ, какихъ достаточно было людямъ близкимъ. Карамзинъ очень любилъ кн. Вяземскаго не только по родству, но и по его уму и дарованіямъ, но часто и спорилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ увлекающимся и неосновательнымъ: должно сказать, что въ тѣ годы кн. Вяземскій былъ большимъ „либералистомъ“, а къ людямъ этихъ мнѣній Карамзинъ относился не дружелюбно.

Въ 1818 году кн. Вяземскій жилъ въ Варшавѣ, гдѣ начиналась тогда конституціонная жизнь царства польскаго; Карамзинъ приготовлялъ изданіе въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ своей Исторіи. Въ началѣ января этого года онъ пишетъ Вяземскому, что книга окончена: „остановка за генеалогическими таблицами и за переплетомъ“; а 28-го января онъ извѣщаетъ: „пріѣздъ Государевъ заставилъ меня выѣхать, чтобы поднести ему 8 томовъ Исторіи; на другой день я у него имѣлъ честь обѣдать и быть въ кабинетѣ; а тамъ опять сидѣлъ дома и теперь еще не совсѣмъ здоровъ. Исторія моя отправилась къ Императрицѣ etc., но еще не вышла изъ переплета, слѣдственно, и въ свѣтъ: надѣюсь, что это будетъ на сихъ дняхъ, и къ вамъ отправится экземпляръ“. Н. П. Барсуковъ, составившій объяснительныя примѣчанія къ этимъ письмамъ Карамзина, припоминаетъ здѣсь изъ сочиненій кн. Вяземскаго, что въ Варшавѣ императоръ Александръ I спросилъ кн. П. А. Вяземскаго: прочелъ ли онъ Исторію Карамзина, которая только-что вышла въ печати. „На мой отвѣтъ, — пишетъ князь Вяземскій, — что еще не успѣлъ я прочесть,—государь съ видомъ какого-то самодовольства сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца“.

Извѣстно, какимъ событіемъ было тогда появленіе Исторіи. Это

Digitized by Google

была едва ли не первая русская книга, которая равно заинтересовала и привлекла всѣ классы общества, между прочимъ и тотъ высшій классъ, который едва подозрѣвалъ существованіе русской литературы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ большое значеніе имѣло, конечно, то обстоятельство, что трудъ Карамзина былъ высоко оцѣненъ императоромъ Александромъ, и вниманіе царской фамиліи сталозакономъ для аристократическаго круга. Другой вопросъ—насколько она была понята въ этомъ кругу читателей; объ этомъ, между прочимъ, даютъ понятіе анекдоты, разсказанные Пушкинымъ. Книга имѣла, конечно, и большой внѣшній успѣхъ. Въ половинѣ февраля Карамзинъ могъ уже написать: „даемъ вамъ добрую вѣсть о своемъ здоровьѣ и продажѣ книги: ея разошлось до сегодня 1.800 экземпляровъ; это не мало".

Князю Вяземскому по его службѣ приходилось въ Варшавѣ переводить правительственные документы, какъ, напримѣръ, рѣчь самого императора Александра, съ французскаго языка. Въ письмахъ заходитъ рѣчь и объ этомъ. Въ письмахъ отъ мая того же года, Карамзинъ дѣлаетъ такія замѣчанія: „переводомъ вашимъ я доволенъ; только нѣкоторыя слова перевелъ бы иначе. Напримѣръ, je tiens—не есть *дорожу* ни въ какомъ смыслѣ... Смѣло переводите régence, régent *правленіе* и *правитель*, a gouvernement *правительство*, administratif *управительный*; но attribution лучше *принадлежность*, нежели *присвоеніе*, которое значитъ другое. Foncière не *поземельная*, а *недвижимая*. Не сказалъ бы я ни *узакониться*, ни *укорениться*: лучше *вступить въ подданство*, *сдѣлаться гражданиномъ* и проч. *Туземецъ* хорошо".

Въ томъ же маѣ, онъ говоритъ уже о приготовленіи второго изданія Исторіи.

Въ письмахъ того же года заходитъ рѣчь и о политическихъ вопросахъ, между прочимъ по поводу г-жи Сталь. Карамзинъ пишетъ: „Соглашаюсь съ вами, что m-me Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ"... „M-me Сталь дѣйствовала на меня не такъ сильно, какъ на васъ. Не удивительно, женщины на молодыхъ людей дѣйствуютъ сильнѣе, а она въ этой книгѣ для меня женщина, хотя и весьма умная. Дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнію Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить

Digitized by Google

иначе. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольности, но и не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность". Если онъ сказалъ не безсмыслицу, то вы должны любить меня, а я васъ. Потомство увидитъ, что̀ лучше, или что̀ было лучше для Россіи. Для меня, старика, пріятнѣе идти въ комедію, нежели въ залу національнаго собранія или въ камеру депутатовъ, хотя я въ душѣ—республиканецъ, и такимъ умру".

Это республиканство Карамзина извѣстно давно, потому что онъ говорилъ объ немъ не однажды. Это была, конечно, только манера выражаться. Въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ онъ былъ совершенно убѣжденный монархистъ и консерваторъ; онъ признавалъ крѣпостное право, противъ котораго начинали возражать отвергаемые имъ „либералисты"; онъ спокойно пользовался всѣми удобствами своего привилегированнаго положенія; онъ видѣлъ въ положеніи общества тѣ или другія ненормальности, но не думалъ дѣлать изъ нихъ вопроса, находилъ причину ихъ только въ личныхъ недостаткахъ исполнителей: ему были непонятны „либералисты", которые именно доискивались источниковъ ненормальнаго положенія общества и находили ихъ въ недостаткахъ учрежденій, въ слабомъ развитіи образованія. Вопросъ былъ крайне сложный и трудный; „либералисты" могли ошибаться, и дѣйствительно ошибались въ своихъ рѣшеніяхъ; но вопросъ, однако, былъ историческій, въ той или другой формѣ онъ постоянно возвращался въ общественномъ сознаніи и имѣлъ всю силу и право волновать умы въ болѣе образованной части общества. Карамзинъ отвергалъ даже и это, и отвѣчалъ на тревожные вопросы „либералистовъ" только консервативнымъ фатализмомъ, который, конечно, не былъ отвѣтомъ, но только уклоненіемъ отъ вопроса. Такимъ уклоненіемъ было и „республиканство въ душѣ": онъ чувствовалъ себя чуждымъ многому, что̀ видѣлъ кругомъ себя, справедливо чувствовалъ свое превосходство надъ окружающей общественной средой, но имѣлъ также и значительную долю высокомѣрія: ему самому вѣроятно искренно думалось, что его настроеніе опредѣляется „республиканствомъ". Замѣчено было, что подобнымъ образомъ самый консерватизмъ его соединялся съ невысокимъ представленіемъ о русскомъ народѣ.

Кн. Вяземскій въ то время также былъ не послѣднимъ „либералистомъ", хотя, впрочемъ, только на словахъ и въ теоріяхъ. Карамзинъ не однажды воздерживаетъ его и между прочимъ даетъ ему совѣтъ и теперь. „Поздравляю васъ съ осторожностію дипломата,—говоритъ онъ въ письмѣ, отъ 11-го сентября 1818 года,—не безпокойтесь: оба письма у насъ, и не были, какъ надѣюсь, въ чужихъ рукахъ. Несмотря на публичную искренность нашего времени, будьте всегда

Digitized by Google

осторожны: это не худо. Мы, старики, можемъ иногда позволить себѣ и *лицензію* благонамѣренную; но вы, молодые люди, держитесь устава. Какъ ни люблю читать вашу душу, но отдамъ свое удовольствіе за ваше, милый другъ, спокойствіе. Однакожъ прошу не злоупотреблять того во зло; есть граница и для скромности: говорите не все, но говорите".

Въ письмѣ, отъ августа 1819, находимъ любопытное дополненіе къ просьбѣ, которая написана была Карамзинымъ для одной просительницы и напечатана была въ его „Неизданныхъ сочиненіяхъ" (1862, стр. 230—235): „1-й департаментъ сената на меня сердитъ за то, что я написалъ и вручилъ Государю жалобу одной бѣдной дворянки, осужденной имъ (сенатомъ) на каторгу беззаконно: Государь разсмотрѣлъ дѣло, уничтожилъ рѣшеніе сената и сдѣлалъ ему выговоръ именнымъ указомъ. Не только сенаторы, но и министръ юстиціи, но и Столыпинъ въ гнѣвѣ на исторіографа. Зато бѣдная дворянка стала здоровѣе, а добрый императоръ сказалъ мнѣ спасибо, позволилъ даже и впредь сказывать ему о несчастныхъ, объ утѣсненныхъ: право любезное, но надежно ли?"

Въ письмѣ, отъ мая 1820, отзывъ о Пушкинѣ: „Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять. Ему дали рублей 1.000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности, но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ!"

О Пушкинѣ упоминается опять дальше, въ письмѣ отъ августа 1824 года, когда онъ съ юга Россіи переселенъ былъ въ псковскую деревню. Карамзинъ пишетъ: „Поэту Пушкину велѣно жить въ деревнѣ отца его—разумѣется, до времени его исцѣленія отъ горячки и бреда. Онъ не сдержалъ слова, мнѣ имъ даннаго въ тотъ часъ, когда мысль о крѣпости ужасала его воображеніе: не переставалъ врать словесно и на бумагѣ, не могъ ужиться даже съ графомъ Воронцовымъ, который совсѣмъ не деспотъ". И еще въ письмѣ отъ декабря того же года: „Вчера маленькій Пушкинъ читалъ намъ *цыганскую* поэмку брата и нѣчто изъ Онѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зрѣло".

Въ письмѣ, отъ февраля 1821, находимъ эпизодъ крѣпостныхъ нравовъ: „Вотъ просьба. Тверской вашъ бурмистръ высѣкъ нашу кормилицу Ѳеклу за то, что она просилась ѣхать къ намъ. Молоко ея воспитало Наташу и Катеньку, вашъ отецъ и вы письменно велѣли

Digitized by Google

сельскому начальству уважать въ ней эту заслугу, а бурмистръ начальствуетъ и сѣчетъ пятидесятилѣтнюю женщину. Потребуйте съ него строгаго отвѣта. Еще убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій другъ, дать повелѣніе, чтобы не отдавать въ рекруты ея старшаго сына до возраста малолѣтнихъ его братьевъ".

Въ письмѣ, отъ августа того же года, онъ пишетъ къ князю Вяземскому: „И намъ готовьте уголокъ (въ Остафьевѣ) къ слѣдующему лѣту, если будемъ живы, и если не будетъ *третьяго* изданія *сочиненія* моей Исторіи. Пишу 10 томъ очень медленно: кончилъ только первую главу". Въ концѣ онъ прибавляетъ: „экономьте, платите долги, а тамъ, если пароксизмъ либерализма пройдетъ, выбирайте службу и мѣсто!" Должно сказать къ этому, что служба князя Вяземскаго въ Варшавѣ передъ тѣмъ кончилась. Самъ онъ разсказываетъ: „съ Тропавскаго конгресса рѣшительно начинается новая эра въ умѣ императора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется, примѣръ его обратилъ многихъ. Я (хотя это мѣстоименіе тутъ и очень неумѣстно) остался такимъ образомъ приверженцемъ мнѣнія уже не торжествующаго, а опальнаго". Когда имп. Александръ проѣзжалъ черезъ Варшаву, великій кн. Константинъ Павловичъ жаловался ему на кн. Вяземскаго, который былъ тогда въ Россіи. „По приказанію государя, Новосильцовъ написалъ мнѣ, что его величество, увѣдомившись, что я держусь принциповъ, несогласныхъ съ видами правительства, и разглашаю ихъ, находитъ нужнымъ воспретить мнѣ возвращеніе къ мѣсту служенія моего въ Варшавѣ". Князь Вяземскій замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то-есть, недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы, но въ то же время велѣлъ онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполнѣ открытою". Въ концѣ концовъ кн. Вяземскій былъ уволенъ изъ канцеляріи Новосильцова и ему нужно было искать другой службы.

Въ томъ же письмѣ находимъ любопытную замѣтку: „старайтесь не скучать: пишите стихами и прозою; издавайте пословицы, старыя наши пѣсни съ замѣчаніями, etc., etc". И затѣмъ въ другомъ письмѣ отъ того же августа Карамзинъ повторяетъ: „обратимся къ важнѣйшему: думаете ли о собраніи русскихъ пословицъ и пѣсенъ?" Г. Барсуковъ напоминаетъ при этомъ слова кн. Павла Петр. Вяземскаго: „Мой отецъ, любившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обработываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными

Digitized by Google

людьми". Такимъ образомъ, сочувствія къ подлинной народной поэзіи находили мѣсто даже среди писателей, сполна принадлежавшихъ литературному періоду, который считался чисто подражательнымъ. Кн. Вяземскій былъ въ сущности даже не приверженецъ нашего романтизма, въ которомъ, по чужимъ образцамъ, была наклонность увлекаться созданіями народной фантазіи,—напротивъ, онъ гораздо больше былъ классикъ по своимъ литературнымъ вкусамъ, и однако у него была, повидимому, дѣйствительно большая любовь къ народной поэзіи, если Карамзинъ такъ положительно говорилъ о собираніи и изданіи пѣсенъ и пословицъ.

Въ одномъ изъ писемъ 1821 г. Карамзинъ давалъ кн. Вяземскому мысль написать эпитафію Наполеону; и въ другомъ письмѣ повторяетъ: „Вы дивитесь задачѣ писать эпитафію Наполеону: я стою въ томъ, что можно безъ ссоры съ цензурою бросить нѣсколько стиховъ на его могилу, блестящихъ мыслями, какъ перлами нетлѣнными. Предметъ высокъ и глубокъ, не въ мѣру цензурѣ, и тѣмъ лучше: она не должна найти въ немъ ничего запрещеннаго; а потомство нашло бы тутъ истину, еще не весьма ясную для современниковъ". Мы упомянемъ дальше, что у самого кн. Вяземскаго было высокое представленіе о значеніи Наполеона, своего рода культъ, весьма впрочемъ распространенный въ то время, хотя, повидимому, поклонники Наполеона едва-ли отдавали себѣ точный отчетъ въ томъ, чему можно было здѣсь поклоняться. Въ письмѣ, отъ декабря 1822 г., любопытны упоминанія Карамзина объ его исторической работѣ: „пишу рѣдко, не столько отъ лѣни, сколько отъ прилежанія къ историческому дѣлу спѣшу, если можно, дойти до конца, пока еще могу писать. Старость на дворѣ: того и смотри, что сгонитъ съ двора охоту писать, а мнѣ хотѣлось бы посадить Романова на тронъ и взглянуть на его потомство до нашего времени, даже произнести имя Екатерины, Павла и Александра съ историческою скромностію. Сижу часовъ пять, а напишу иногда строкъ пять; устану, а тамъ не легко писать—и къ друзьямъ".

Изрѣдка упоминается въ письмахъ объ иностранной политикѣ. Карамзинъ, хотя республиканецъ въ душѣ, не показывалъ этого республиканства не только по отношенію къ русскимъ дѣламъ, но и къ западно-европейскимъ. То было время конгрессовъ и съ другой стороны свободолюбивыхъ волненій въ разныхъ концахъ западной Европы—отголосокъ великаго историческаго движенія, котораго еще недавнимъ бурнымъ эпизодомъ были Наполеоновскія войны. Нѣсколько странно видѣть, что даже умные современники, какъ Карамзинъ, не видѣли этого общаго историческаго основанія тѣхъ политическихъ тревогъ, какія наполняли тогда европейскую жизнь. Ему какъ будто казалось,

Digitized by Google

что онѣ происходятъ только отъ отдѣльныхъ лицъ, легкомысленныхъ, дурно направленныхъ или прямо злонамѣренныхъ; поэтому онъ относился къ тогдашнему европейскому движенію очень часто только съ недружелюбнымъ пренебреженіемъ, не замѣчая, что въ сущности въ цѣлой политической жизни Европы совершался глубокій переворотъ. Онъ пишетъ, напримѣръ, въ августѣ 1819 года: „Раздолье крикунамъ и глупымъ умникамъ; не худо и плутишкамъ, а намъ съ вами что? Не знаю. Смотрю на Англію, на Германію и говорю съ покойнымъ Батонди (это былъ старый итальянецъ, жившій въ домѣ кн. Вяземскаго-отца и забавлявшій общество своими шутками): il y aura quelque chose! За то мы ходимъ въ Россіи какъ сонные и спимъ какъ праведники. Я зритель съ любопытствомъ и наблюденіемъ, но только зритель. Не завидую актерамъ: они не завидны". Но въ октябрѣ 1824 онъ высказываетъ свои сочувствія Карлу X. „Мы, какъ добрые французы, поемъ многая лѣта Карлу X, au roi à cheval, по выраженію Шатобріана. Начало самое благополучное. Никто не восходилъ на престолъ въ шестьдесятъ-четыре года съ такою пріятностію. Это царствованіе можетъ быть весьма важно и для Европы". Извѣстно, какъ мало оправдались эти пріятныя ожиданія. Письма конца 1825 года любопытны выраженіями скорби о кончинѣ императора Александра; частію онѣ были извѣстны еще ранѣе. Въ письмѣ, отъ 30 ноября, Карамзинъ говоритъ: „Вы знали искренность нашей любви къ Государю и чувствуете нашу горесть. Слова не отвѣчаютъ сердцу. Онъ уже не захотѣлъ бы къ намъ возвратиться, если бы и могъ (?), даже и для того, чтобы сдѣлать еще многое, многое для Россіи, какъ ему хотѣлось, по словамъ, слышаннымъ мною передъ его отъѣздомъ. 25 лѣтъ мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему спасибо. Могущество Россіи также при немъ не упало. Въ душѣ его было что-то ангельское. Если онъ какъ человѣкъ не былъ лучше всѣхъ насъ, то и мы всѣ вмѣстѣ не лучше его. Кто умѣлъ такъ прощать и не мстить за личныя оскорбленія? Любя Россію, желаю, чтобы будущіе государи ея уподобились ему въ великодушіи и во многихъ прекрасныхъ свойствахъ. Связь моя съ нимъ кончилась слезами и скорбію, но благодарю за нее Бога. Императрица Марія Ѳедоровна оказываетъ умилительную твердость. 22 ноября Императрица Елизавета была еще жива и тверда чудесно, не отходя отъ тѣла".

Въ письмѣ, отъ 31 декабря, онъ говоритъ: „Душевная лихорадка моя еще не совсѣмъ прошла, то-есть экзальтація, произведенная чрезвычайными обстоятельствами,

„Чего мы, Карамзины, лишились въ Александрѣ, того уже никто не можетъ возвратить намъ. Вы, милый князь, говорите о *привычкѣ*

Digitized by Google

моей: я говорю о *свычкѣ* души съ душою. Не было во мнѣ ослѣпленія, но было много любви, которую столько люблю! Можно ли читать безъ умиленія, что̀ пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрики меня тошнитъ. Я не напишу ни слова: развѣ скажу что-нибудь въ концѣ XII-го тома, или въ обозрѣніи нашей новѣйшей исторіи — черезъ годъ или два, если буду живъ. Иначе поговорю съ самимъ Александромъ въ поляхъ Елисейскихъ. Мы многаго не договорили съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ".

Душевная лихорадка произведена была и другимъ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ — событіями 14-го декабря. Карамзинъ пишетъ: „Сколько горести и безпокойства въ семействахъ. Еще не имѣю точнаго, яснаго понятія объ этомъ и зломъ и безумномъ заговорѣ. Вѣрно то, что общество тайное существовало, и что цѣлію его было ниспроверженіе правительства. Отъ важнаго къ неважному: многіе изъ членовъ удостоивали меня своей ненависти, или по крайней мѣрѣ не любили; а я, кажется, не врагъ ни отечеству, ни человѣчеству. Слышно, что раскаяніе нѣкоторыхъ искренно и полно. Бѣдныя матери, жены, дѣти, младенцы! Не имѣя никакого политическаго вліянія, молюся за Россію. Богъ спасъ насъ 14-го декабря отъ великой бѣды. Это стоило нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы неземного. Опять могу писать свою исторію". Дальше онъ прибавляетъ: „Иногда дѣйствительно думаю о Москвѣ, о Дрезденѣ для воспитанія дѣтей, о берегахъ Рейна; но прежде хотѣлось бы издать дюжинный томъ моей исторической поэмы". Мысль о воспитаніи дѣтей въ Дрезденѣ есть опять любопытная черта времени и въ частности взглядовъ Карамзина на условія русской жизни.

Въ письмѣ, отъ января 1826, Карамзинъ писалъ съ оказіей. Изъ письма видно, что у кн. Вяземскаго было мнѣніе о событіяхъ 14-го декабря, не совсѣмъ согласное со взглядами Карамзина, и послѣдній отвѣчаетъ: „Пишу къ вамъ съ г. Погодинымъ и тѣмъ искреннѣе могу сказать, сколько мы обрадовались, что бурная туча не коснулась до васъ ни краемъ, ни малѣйшимъ движеніемъ воздушнымъ. Только ради Бога и дружбы не вступайтесь въ разговорахъ за несчастныхъ преступниковъ, хотя и не равно виновныхъ, но виновныхъ по всемірному и вѣчному правосудію. Главные изъ нихъ, какъ слышно, сами не дерзаютъ оправдываться. Письма Никиты Муравьева къ женѣ и матери трогательны: онъ во всемъ винитъ свою *слѣпую гордость*, обрекая себя на казнь законную въ мукахъ совѣсти... Можно ли быть тутъ *разныхъ мнѣніямъ*, о которыхъ вы говорите въ послѣднемъ вашемъ письмѣ съ какою-то *значительностію* особенною? Если мы съ женою ошиблись въ смыслѣ и въ примѣненіи, то все сказанное мною

Digitized by Google

само собою уничтожается... Еще повторю отъ глубины души: не радуйте извѣтниковъ ни самою безвиннѣйшею нескромностію! У васъ жена и дѣти, ближніе, друзья, умъ, талантъ, состояніе, хорошее имя: есть что́ беречь. Отвѣта не требую". Впослѣдствіи кн. Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ этихъ дняхъ говорилъ: „Сколь ни прискорбно мнѣ было, какъ русскому и человѣку, торжество невинности моей, купленное цѣною бѣдствія многихъ согражданъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторыхъ моихъ пріятелей, павшихъ жертвами сей эпохи, но по крайней мѣрѣ я могъ, когда отвращалъ вниманіе отъ участія ближнихъ, поздравить себя съ личнымъ очищеніемъ своимъ, совершонным самыми событіями. Мнѣ казалось, что я, въ глазахъ правительства отъявленный крамольникъ, бывшій въ пріятельской связи съ нѣкоторыми изъ обвиненныхъ и оказавшійся совершенно чуждымъ соумышленія съ ними, выигралъ рѣшительно мою тяжбу. Скажу безъ уничиженія и безъ гордости: имя мое, характеръ мой, способности мои могли придать нѣкоторую цѣну моему завербованію въ ряды недовольныхъ, и отсутствіе мое между ними не могло быть дѣломъ случайнымъ, или отъ меня независимымъ. Но, по странному противорѣчію, предубѣжденіе противъ меня не ослабло, и при очевидности истины мнѣ извѣстно слѣдующее заключеніе обо мнѣ: „отсутствіе имени его въ этомъ дѣлѣ доказываетъ только, что онъ былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ". Благодарю за высокое мнѣніе о моемъ умѣ, но не хочу на него промѣнять сердце и честь... Нѣтъ, знающіе меня скажутъ, что ни умъ мой, ни сердце мое не свойства разсчетливаго и промышленнаго; если я былъ бы хотя и сокрытымъ дѣйствующимъ лицомъ въ бѣдственномъ предпріятіи, то вѣрно былъ бы налицо въ сотовариществѣ несчастія... Въ мнѣніяхъ своихъ бывалъ я неумѣренъ и заносчивъ за себя, но вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай, старался всегда умѣрять невоздержность другихъ".

Какъ извѣстно, имп. Николай, по вступленіи на престолъ, оказалъ Карамзину величайшее благоволеніе — единственный примѣръ подобнаго рода въ лѣтописяхъ русской литературы. Здоровье Карамзина ослабѣвало; врачи совѣтовали ему жить въ южномъ климатѣ; имп. Николай, взявъ на себя заботу объ его путешествіи, предоставлялъ въ его распоряженіе фрегатъ, который долженъ былъ доставить его съ семействомъ въ Италію; по смерти Карамзина онъ богато обезпечилъ его семейство.

Въ послѣднихъ письмахъ къ кн. Вяземскому, уже въ 1826 году, Карамзинъ передаетъ свои мечты объ этомъ путешествіи. Въ апрѣлѣ, онъ пишетъ: „Какъ вы далеки отъ истины, думая, что мнѣ трудно сдвинуться съ мѣста! Съ этого мѣста сорвала меня буря или болѣзнь, и я имѣю неописанную жажду къ разительно-новому, къ другимъ ви-

Digitized by Google

дамъ природы, горамъ, лазури италіанской etc. Никакъ не могъ бы я возвратиться къ своимъ прежнимъ занятіямъ, если бы здѣсь и выздоровѣлъ. Мнѣ не вѣрится, что буду на морѣ" etc. И еще въ одномъ письмѣ около того же времени, онъ жаловался на болѣзнь и писалъ: „мысли стремятся во Флоренцію". Но болѣзнь развилась быстрѣе, чѣмъ предполагали и самъ онъ, и его близкіе: 22-го мая 1826 года онъ умеръ.

Въ своей записной книжкѣ кн. Вяземскій въ августѣ 1826 привелъ свое тогдашнее письмо къ Жуковскому. „Чувство, которое имѣли къ Карамзину живому, остается теперь безъ употребленія. Не къ кому изъ земныхъ приложить его. Любимъ, уважаемъ иныхъ, но все нѣтъ той полноты чувства. Онъ былъ какимъ-то животворнымъ, лучезарнымъ средоточіемъ круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона въ современной исторіи, смерть Байрона въ мірѣ поэзіи, смерть Карамзина въ русскомъ быту оставила по себѣ бездну пустоты, которую намъ завалить уже не придется. Странное сличеніе, но для меня истинное и не изысканное! При каждой изъ трехъ смертей у меня какъ будто что-то отпало отъ нравственнаго бытія и какъ-то пустѣе стало въ жизни".

Это сопоставленіе именъ можетъ казаться удивительнымъ, если съ каждымъ изъ нихъ должны были соединяться опредѣленныя сочувствія: общаго между ними было мало. Но первыя два имени представляли для кн. Вяземскаго вѣроятно только очень отвлеченный интересъ; сочувствіе къ Карамзину было, напротивъ, поклоненіемъ, имѣвшимъ и реальное значеніе, литературное и общественное, хотя и здѣсь осталось теперь и послѣ невыясненнымъ отношеніе „либеральныхъ" взглядовъ кн. Вяземскаго къ строго консервативнымъ идеямъ Карамзина. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, кн. Вяземскій потерялъ всякую мѣру къ защитѣ „Исторіи государства россійскаго" противъ Полевого и даже Устрялова.—Т.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Jules Legras. Henri Heine, Poète. Paris, 1897, éd. C. Lévy. Стр. 438.

Прошло болѣе сорока лѣтъ послѣ смерти Гейне, и все еще имя его вызываетъ ожесточенные споры, какъ на его родинѣ, такъ и за ея предѣлами. Когда поднялся вопросъ о постановкѣ ему памятника, протесты противъ „дюссельдорфскаго еврея" оказались столь сильными, что Германія отказалась отъ намѣренія почтить память одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ. Его многосторонній и противорѣчивый талантъ и безпощадный умъ возбуждаютъ до сихъ поръ и преклоненіе, и ожесточенную злобу—и каждая новая книга о Гейне является непремѣнно или пламеннымъ панегирикомъ его таланту, или возмущеннымъ осужденіемъ его нравственныхъ принциповъ и его головной поэзіи.

Книга французскаго критика, Жюля Легра, составляетъ рѣдкое исключеніе въ этомъ отношеніи. Онъ не старается во что бы то ни стало подвести творчество Гейне подъ извѣстную категорію и изучаетъ его внѣ всякихъ литературныхъ школъ. Относительно Гейне это отсутствіе тенденціи особенно важно: въ немъ столько противорѣчивыхъ элементовъ, что, исходя, напр., только изъ формулъ романтизма, какъ это дѣлаютъ многіе критики, нельзя понять все то, что въ немъ антиромантично и, быть можетъ, наиболѣе прекрасно и цѣнно. Ж. Легра не подводитъ итоговъ Гейне, не считаетъ его ни романтикомъ, ни реалистомъ, а только старается разобраться въ составныхъ частяхъ творчества Гейне, отмѣтить всѣ вліянія, которыя отразились на немъ, и всѣ нити, связывающія его съ весьма различными эпохами художественнаго творчества.

Въ своемъ обстоятельномъ анализѣ поэзіи Гейне—Легра ограничивается характеристикой Гейне только какъ поэта; критикъ доставляетъ много интересныхъ данныхъ для открытаго до сихъ поръ вопроса о положеніи Гейне во всемірной литературѣ. Критика расходится главнымъ образомъ въ обсужденіи противорѣчивыхъ элементовъ его таланта, а французскій изслѣдователь открываетъ путь новымъ выводамъ, показывая, изъ какихъ свойствъ натуры Гейне исходятъ всѣ

Digitized by Google

противорѣчія и какъ они своимъ взаимодѣйствіемъ создаютъ особую гармонію, единую идею, проникающую всю поэзію Гейне.

Воспитаніе и жизнь Гейне отличаются необычайнымъ обиліемъ противорѣчивыхъ теченій, положившихъ отпечатокъ на все его творчество. Онъ выросъ въ коммерческой семьѣ, проникнутой матеріальными заботами и стремленіями, и, несмотря на это, съ дѣтства жилъ только интеллектуальными интересами; вся жизнь его прошла почти въ бѣдности, между тѣмъ какъ утонченные вкусы его аристократической натуры требовали роскошныхъ рамокъ жизни. Въ воспитаніи его встрѣтились тоже два различныхъ элемента: еврейскія традиціи его семьи и католическое вліяніе школы, гдѣ онъ воспитывался. Съ дѣтства ему пришлось сравнивать и внутренно оцѣнивать различіе религіозныхъ ученій—главнымъ образомъ, культовъ, и въ этомъ слишкомъ раннемъ столкновеніи съ религіозными разногласіями лежитъ основа его позднѣйшаго скептицизма и ироніи. Внѣшняя жизнь, окружавшая Гейне въ періодъ его первой молодости, тоже способствовала развитію въ немъ противорѣчивыхъ чувствъ. Онъ былъ нѣмцемъ, но когда армія Наполеона овладѣла Рейнскими провинціями и на улицахъ Дюссельдорфа раздались звуки французскаго барабана, Гейне всей душой проникся восторгомъ передъ Наполеономъ, передъ французскими идеями свободы, и, оставаясь горячимъ патріотомъ, онъ сталъ въ то же время приверженцемъ его враговъ.

Вся молодость Гейне и—что гораздо важнѣе—вся натура Гейне построена на контрастахъ, и это опредѣляетъ характеръ его поэзіи. Ж. Легра̀ видитъ игру противорѣчивыхъ вліяній уже въ „книгѣ молодости“ Гейне, въ его „Buch der Lieder“, которая появилась въ 1827 г. и считается самымъ цѣльнымъ произведеніемъ поэта. Гейне самъ старался придать стихотвореніямъ этого сборника единство общаго настроенія и съ этой цѣлью затмѣвалъ фактическую основу отдѣльныхъ стихотвореній. „Buch der Lieder“ сдѣлалась для потомства поэмой разбитой любви, воспѣтой, какъ иронически говоритъ самъ Гейне, „въ высоко-романтическомъ стилѣ“, съ большими качествами, но и съ несомнѣнными слабостями романтической поэзіи. Изучая, однако, очень подробно каждое стихотвореніе сборника, Легра пришелъ къ заключенію, что въ немъ нѣтъ предполагаемаго единства настроенія. Напротивъ того, онъ ясно различаетъ нѣсколько смѣнившихъ одно другое сердечныхъ переживаній, отразившихся въ стихотвореніяхъ, различныхъ по тону и лишь искусственно объединенныхъ самимъ Гейне. „Buch der Lieder“, по мнѣнію Легра̀, сборникъ избранныхъ стихотвореній, въ которомъ „пѣсни обманутой любви“ не единственныя: въ нихъ отражается весь интимный міръ поэта въ годы его молодости, и потому такъ важно разобраться въ біографическихъ

Digitized by Google

данныхъ, послужившихъ основой различныхъ настроеній, и прослѣдить за развитіемъ міросозерцанія поэта, также какъ и за ростомъ его таланта въ произведеніи его юности. Въ немъ Гейне выросъ. „Buch der Lieder"—самый популярный лирическій сборникъ поэта; мелодичность отдѣльныхъ стихотвореній дѣлаетъ ихъ излюбленнымъ текстомъ для композиторовъ, и эта музыкальная пропаганда особенно способствовала популярности Гейневской лирики. Но Легра не поддается гипнозу славы и ясно видитъ недостатки молодой поэзіи Гейне, ставя гораздо выше—его послѣдующія поэмы. „Buch der Lieder" кажется ему, однако, чрезвычайно важнымъ по своимъ составнымъ элементамъ и по тому способу, какимъ Гейне отражалъ жизнь въ искусствѣ.

Въ „Buch der Lieder" Легра различаетъ четыре части, соотвѣтствующія различнымъ эпизодамъ въ жизни поэта: „Junge Leiden", „Lyrisches Intermezzo", „Heim-Kehr" и „Nordsee" объединены общимъ „Leitmotiv'омъ", но критикъ различаетъ въ нихъ два основныхъ мотива, изъ которыхъ первый онъ пріурочиваетъ къ любви Гейне къ его кузинѣ Амаліи, а второй—къ второй любовной драмѣ въ его жизни—героиней на этотъ разъ была младшая сестра Амаліи Гейне, Тереза. Между этими двумя эпизодами прошло семь лѣтъ, и чувства первой поры отличны отъ настроеній второй, но Гейне намѣренно объединилъ ихъ потомъ въ одно цѣлое, въ исторію одной неизмѣнной любви, сгладилъ всѣ реальныя подробности, удалилъ всѣ намеки на рамки, среди которыхъ жило его чувство въ томъ и другомъ случаѣ,—и эта позднѣйшая работа надъ непосредственными впечатлѣніями объясняетъ отсутствіе рисующихъ подробностей въ лирикѣ Гейне. Онъ намѣренно употребляетъ общія выраженія, называетъ свою возлюбленную „Kind", „Holde", „Liebchen", говоритъ о „лиліяхъ и розахъ" лица, о „красотѣ глазъ" и т. д.; чтобы не выдать перемѣны въ своихъ чувствахъ, онъ описываетъ обстановку и природу въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Но самыхъ настроеній онъ этими внѣшними предосторожностями не мѣняетъ, и вотъ почему, несмотря на своего рода клишѐ, которыя портятъ впечатлѣніе, сущность эротической лирики Гейне остается весьма поэтичной, богатой оттѣнками и искренней. Какъ и во всей натурѣ Гейне, въ лирикѣ его господствуютъ контрасты: любовь не кажется ему идеальнымъ единеніемъ душъ; напротивъ того, пробужденіе любви совпадаетъ съ чувствомъ отчаянія—вмѣсто гармоніи, поэтъ способенъ чувствовать только диссонансы. Въ немъ борются постоянно два чувства: вѣра въ жизнь и счастье и врожденный скептицизмъ, а, наряду съ этимъ, его трезвый и насмѣшливый умъ постоянно враждуетъ и стремится покорить болѣзненно чувствительное сердце. Въ произведеніяхъ позднѣйшаго періода эти два элемента обособляются, давая каждый истинно художественныя произведенія; но въ „Buch der

Digitized by Google

Lieder" они слишкомъ смѣшаны, что̀ придаетъ большую оригинальность всему сборнику и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ нерѣдко чувство досады: лирика плохо вяжется съ всеотрицаніемъ, и разсудочность, обрывая настроенія, разрушаетъ ихъ воздѣйствіе на читателя.

Легра̀ согласенъ съ нѣкоторыми критиками Гейне, нападающими на бѣдность описательнаго дара у поэта, и видитъ въ этомъ связь Гейне съ романтизмомъ. Любовь къ природѣ несомнѣнно существовала у романтиковъ, но она не была связана съ изученіемъ и знаніемъ ея; зрѣлища внѣшней природы интересовали романтиковъ главнымъ образомъ своей аналогіей съ жизнью человѣческаго сердца, и Гейне, болѣе чѣмъ кто-либо, вкладывалъ въ природу свои личныя ощущенія. Трагедія его разбитой любви происходитъ въ садахъ, флора и фауна которыхъ весьма смутная и условная. Соловьи, ласточки, голубки, розы, фіалки и лиліи, постоянно мелькающія въ стихахъ Гейне, не описаны ни одной, имъ свойственной, чертой, не живутъ своей внѣчеловѣческой жизнью, но зато всѣ они обладаютъ сложнымъ душевнымъ міромъ и болѣе всего проникнуты излюбленными у Гейне чувствами иронiи и жалости.

Но, какъ справедливо замѣчаетъ Легра, Гейне не всегда оставался условнымъ романтикомъ въ своихъ описаніяхъ: создавая „Buch der Lieder", онъ выросъ до иного отношенія къ природѣ. Гейне началъ съ изученія самого себя и пришелъ изнутри къ пониманію того, что̀ происходитъ извнѣ, т.-е. жизнь внѣшней природы; въ этомъ коренное различіе лирики у Гейне и у Гёте, который началъ съ внѣшняго міра и потомъ сталъ проникать въ глубины человѣческой души, такъ что въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ природа играетъ гораздо мѣньшую роль, чѣмъ въ раннихъ. У Гейне, напротивъ, пониманіе природы созрѣло въ позднѣйшій періодъ. Въ первыхъ сборникахъ „Buch der Lieder" природа сводится къ общимъ мѣстамъ, похожимъ на сценическія декораціи, но уже въ „Nordsee" море не аксессуаръ любовныхъ настроеній, а волнующее поэта зрѣлище красоты, которую онъ воспѣваетъ, не примѣряя къ себѣ. Проникнувшись любовью къ морю, Гейне сталъ однимъ изъ первыхъ пѣвцовъ моря среди нѣмецкихъ поэтовъ. Яркостью красокъ онъ не обладалъ, но вмѣсто того передавалъ съ необычайной силой движеніе и шумъ моря — въ этомъ особенность морскихъ пейзажей Гейне; онъ рисуетъ не эпитетами, т.-е. не прилагательными, а существительными и глаголами.

Легра̀ даетъ въ своей книгѣ очень любопытное сопоставленіе лирики Гейне съ народной пѣснью. Элементъ романтизма отразился въ Гейне условностью сравненій и описаній; народная пѣснь, вліянію которой онъ обязанъ своими лучшими вдохновеніями, положила отпечатокъ на поэтическій стиль его „Buch der Lieder". Языкъ отдѣльныхъ

Digitized by Google

стихотвореній поражаетъ простотой, наивностью и реализмомъ, т.-е. основными свойствами народной поэзіи. По своей простотѣ стихи Гейне кажутся иногда какъ бы нагими, лишенными всякихъ поэтическихъ покрововъ; самыя странныя и смутныя вещи онъ говоритъ простыми словами разговорной рѣчи, и въ этомъ сочетаніи простоты съ глубиной настроенія — все обаяніе такихъ неподражаемо прекрасныхъ легендъ, какъ, напр. „Wallfahrt nach Kevlaar". Гейне тщательно избѣгаетъ употребленія рѣдкихъ, изысканныхъ словъ; гораздо болѣе изысканными оказываются простыя, нѣсколько неуклюжія слова обыденной рѣчи, когда они становятся выразителями сложныхъ чувствъ и настроеній, скептицизма, сочетающагося съ мистическими порывами, насмѣшливаго ума, переживающаго трагедіи чувствъ. Если Гейне прибѣгаетъ иногда къ употребленію старыхъ словъ, то только для того, чтобы еще сильнѣе сохранить связь съ народной пѣснью. И на-ряду съ этимъ наивно-народнымъ тономъ въ лирикѣ Гейне слышатся противоположные звуки восточнаго характера, склонность къ пышнымъ формамъ рѣчи, къ яркости красокъ и затѣйливости узоровъ. Тутъ опять сказываются контрасты, проникающіе все творчество Гейне. Въ замыслахъ и содержаніи его поэзіи скептикъ-философъ борется съ чувствительностью и отзывчивостью художника, а въ языкѣ его поэмъ сочетается восточная живость съ наивностью и простотой германскаго народнаго пѣвца, воспитаннаго на легендахъ старины.

Вторая часть книги Легра посвящена годамъ, проведеннымъ Гейне въ Парижѣ,—годамъ изгнанія, когда Гейне, страстно любившій свою родину, враждовалъ съ нею всѣмъ могуществомъ своихъ безпощадныхъ насмѣшекъ. Легра даетъ краткій очеркъ личныхъ дѣлъ Гейне за это время, его страданій, физическихъ и нравственныхъ, послѣднихъ восьми лѣтъ агоніи, проведенныхъ имъ среди острыхъ мученій въ постели, въ „Matratzengruft", по выраженію самого Гейне. Онъ говоритъ о своей дружбѣ съ принцессой Бельджіозо и о его грустныхъ романтическихъ связяхъ. Жена Гейне, француженка Матильда, не возбуждаетъ въ критикѣ симпатій, и онъ съ участіемъ упоминаетъ о страданіяхъ поэта въ обществѣ совершенно чуждой ему по духу женщины. Вліянію послѣдней онъ приписываетъ много недостойныхъ поступковъ поэта, его распри съ богатымъ кузеномъ, унизительныя просьбы у послѣдняго и т. д.—Въ качествѣ француза, Легра говоритъ съ нѣкоторою осторожностью о пресловутомъ пенсіонѣ, который выплачивался Гейне французскимъ правительствомъ при Тьерѣ. Этотъ пенсіонъ былъ неистощимымъ источникомъ нападокъ на Гейне, и не одинъ Бёрне, его бывшій другъ, обличалъ его въ преступной безхарактерности и отсутствіи гражданской добропорядочности. Легра разсказываетъ только факты, т.-е. говоритъ о нуждѣ Гейне и о вмѣшательствѣ принцессы

Digitized by Google

Бельджіозо, которая выхлопотала черезъ Тьера пенсію въ размѣрѣ приблизительно пяти тысячъ франковъ, причемъ будто бы эти деньги ничуть не стѣснили свободу пера Гейне. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что письма Гейне къ Тьеру и къ принцессѣ носятъ странный для поэта подобострастный характеръ. Послѣднюю любовь умирающаго поэта къ такъ-называемой „Mouche“ (Камилла Сельденъ) критикъ считаетъ единственнымъ отраднымъ и красивымъ эпизодомъ его парижской жизни.

Говоря только о поэзіи Гейне и оставляя въ сторонѣ его „Reisebilder“ и другія его прозаическія произведенія, критикъ имѣетъ возможность лишь вскользь говорить о юморѣ Гейне, т.-е. объ одномъ изъ основныхъ свойствъ его таланта. Онъ разбираетъ двѣ знаменитыя сатиры Гейне: „Атта Троль“, направленную противъ тенденціозныхъ поэтовъ времени Гейне, и „Германію“, сатиру на политическіе нравы тогдашней Германіи; въ первой—Легра осуждаетъ ненужную грубость шутокъ, предпочитая болѣе высокое остроуміе въ „Германіи“. Но вся сила юмора Гейне сосредоточена въ его прозѣ, гдѣ онъ занятъ не своей интимной жизнью, а внѣшней дѣйствительностью, дающей безконечную пищу его насмѣшкамъ. Каждая строчка его „Reisebilder“ заключаетъ какую-нибудь незабвенную формулировку человѣческой мелочности, стадности и глупости, и безпощадно клеймитъ жизнь, высмѣивая ее. Юморъ Гейне—сконцентрированный, какъ острый ликеръ, — иногда утомляетъ читателя своей неустанностью. Это уже не „Witz“, о которомъ говоритъ Легра, какъ о примѣси, портящей лирическія стихотворенія и баллады Гейне; это скорѣе нескончаемый рядъ философскихъ выводовъ, неожиданныхъ, блестящихъ, острыхъ и покоряющихъ своимъ неотразимымъ блескомъ.

Легра сравниваетъ Гейне съ Мюссé и отдаетъ предпочтеніе первому: „Нужно ли еще доказывать французамъ,—говоритъ онъ,—что великій поэтъ „Buch der Lieder“ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ своей распутной жизни, съ прекраснымъ поэтомъ-риторомъ Альфредомъ де-Мюссé. Лирика Гейне вылилась въ геніально простыя формы народной пѣсни, между тѣмъ какъ поэзія Мюссé окружена всѣми прикрасами реторики. Гейне трогаетъ насъ малѣйшимъ стихомъ своимъ, каждымъ словомъ, каждымъ звукомъ, будящимъ то нѣжныя, то мучительныя воспоминанія въ нашихъ сердцахъ, между тѣмъ какъ Мюссé стремится воздѣйствовать на насъ обиліемъ словъ и блескомъ образовъ. Гейне отражаетъ поэтическій трепетъ чувствительной Германіи. между тѣмъ какъ Мюссé воплощаетъ звучность и богатство французскаго краснорѣчія, украшеннаго безконечными гирляндами гармоничныхъ созвучій“.

Чтобы отдать полную справедливость Гейне, нужно однако срав-

Digitized by Google

нивать его не съ риторами чувства, подобными Мюссé, и не съ чистыми лириками. Нужно имѣть въ виду его юморъ, лучшій плодъ его блестящаго ума, и сравнивать его съ Аристофаномъ. Подобно послѣднему, онъ считалъ все подвластнымъ смѣху, даже самого себя и искреннія муки своего сердца. Изъ этого непримиримаго контраста ума и чувства вышли и „Buch der Lieder", и позднѣйшіе сборники „Romanzen", „Zeitgedichte" и т. д., въ которыхъ поэтъ то изливаетъ свою израненную душу, то клеймитъ свое время и свою собственную слабость.—З. В.

II.

Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours, par *A. G. Drandar*. Brux.-Paris, 1896. Стр. 381. Ц. 8 фр.

Политическія событія въ Болгаріи со времени освобожденія ея отъ турецкаго владычества изложены г. Драндаромъ въ обстоятельномъ и живомъ разсказѣ, освѣщающемъ нѣкоторыя неясныя стороны новѣйшей болгарской исторіи. Безпристрастный тонъ историка соединяется у автора съ убѣжденною искренностью публициста, и очень часто послѣдовательное изложеніе фактовъ переходитъ въ показаніе свидѣтеля-очевидца, что̀ придаетъ книгѣ особенный интересъ. Г. Драндаръ принадлежитъ къ числу тѣхъ разумныхъ болгарскихъ патріотовъ, которые прежде всего желаютъ своей родинѣ самостоятельнаго внутренняго развитія и процвѣтанія, не задаваясь никакими смѣлыми и широкими политическими планами; онъ твердо вѣритъ въ необходимость поддерживать близкія отношенія съ державою-освободительницею, рѣзко осуждаетъ политику Стамбулова и его единомышленниковъ, хвалитъ осторожность и тактъ принца Фердинанда Кобургскаго и привѣтствуетъ эру мира и спокойствія, наступившую для Болгаріи съ возстановленіемъ дружескихъ связей съ Россіею. Авторъ не скрываетъ отъ себя недостатковъ національнаго характера болгаръ, но справедливо признаетъ за ними многія драгоцѣнныя качества, обезпечивающія имъ видную роль въ будущей исторіи Балканскаго полуострова. „Трудолюбіе, постоянство, трезвость, скромность, духъ разсчетливости, вкусъ къ умственнымъ интересамъ,—говоритъ онъ,—составляютъ наиболѣе выдающіяся характеристическія черты болгарскаго народа. Но, за исключеніемъ македонянъ, болгаринъ не обладаетъ ни предпріимчивостью, ни способностью къ спекуляціи. Онъ тяжелъ на подъемъ и слишкомъ легко довольствуется тѣмъ немногимъ, что̀ у него есть. Онъ не легко довѣряется иностранцамъ и не обнаруживаетъ госте-

Digitized by Google

пріимства, отличающаго черногорцевъ и сербовъ. Онъ не любитъ поверхностныхъ отношеній и тонкостей цивилизованной жизни. Если это недостатки, то они служатъ въ то же время источникомъ большихъ достоинствъ. Въ противность нѣкоторымъ балканскимъ народностямъ, болгаринъ ненавидитъ лесть, похвальбы, безумныя затѣи, пирушки, пьянство. Его разсчетливость доходитъ до скупости, постоянство — до упрямства, недовѣріе — до суровости". По словамъ автора, эти черты національнаго характера начинаютъ извращаться въ нѣкоторой части болгарскаго общества, усвоившей себѣ внѣшній западно-европейскій лоскъ и принимающей легкость нравовъ за признакъ высшей культуры и прогресса.

Г. Драндаръ относится крайне несочувственно къ грекамъ, въ которыхъ не безъ основанія видитъ прямую противоположность болгарамъ по характеру, наклонностямъ и стремленіямъ. Любопытно, что, говоря о Македоніи, онъ даже почти не упоминаетъ о правахъ и притязаніяхъ греческаго элемента въ этой области; для него Македонія есть страна по преимуществу болгарская, призванная рано или поздно соединиться съ Болгаріею. „Болгары, — замѣчаетъ онъ, — не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ своихъ македонскихъ братьевъ, и македонскій вопросъ заключаетъ въ себѣ горючій матеріалъ, который при первой случайности можетъ распространить огонь по всему полуострову и по всей Европѣ". Г. Драндаръ только мимоходомъ и весьма пренебрежительно отзывается о неудачныхъ попыткахъ Греціи добиться признанія за нею права на Эпиръ и Македонію. Послѣ восточно-румелійскаго переворота 1885 года, греческое правительство пожелало воспользоваться событіями для пріобрѣтенія турецкихъ провинцій, которыя, по убѣжденію грековъ, должны непремѣнно принадлежать Греціи. Войска были тогда собраны у турецкой границы, созваны резервы, устроены внѣшніе займы на сумму свыше 300 милліоновъ, куплены броненосцы, заказаны торпедныя суда, и всѣ эти мѣры должны были, по разсчету греческихъ патріотовъ, испугать Турцію и побудить великія державы отдать Греціи требуемыя ею области въ вознагражденіе за Восточную Румелію, присоединенную къ Болгаріи. Греки ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ; великія державы прислали греческому правительству ультиматумъ, въ которомъ требовали разоруженія въ восьмидневный срокъ и возлагали на Грецію отвѣтственность за послѣдствія отказа или просрочки. Отвѣтъ аѳинскаго кабинета признанъ былъ неудовлетворительнымъ; иностранные представители уѣхали изъ Аѳинъ, возвѣстивъ о предстоящей блокадѣ береговъ Греціи. Тогда министерство, во главѣ котораго стоялъ Дельянисъ, вышло въ отставку и уступило мѣсто Трикупису. Между тѣмъ на границѣ происходили уже столкновенія, которыя грозили перейти въ настоящую войну.

Digitized by Google

„Грецiя,—говоритъ г. Драндаръ,—должна быть признательна великимъ державамъ, ибо безъ ихъ вмѣшательства раздраженная Турцiя могла бы ее уничтожить". Своими постоянными займами греческое правительство совершенно разстроило финансы и довело, наконецъ, страну въ 1893 г. до государственнаго банкротства, погубившаго навсегда кредитъ Греціи. Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ авторъ,—греческiе дипломаты и публицисты не переставали вредить Болгаріи всевозможными способами, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Греки, по словамъ г. Драндара, старались доказать Европѣ, что болгары—варвары, не умѣющiе цѣнить дарованныя имъ права и не заслуживающiе поддержки и покровительства великихъ державъ; за то заслуги и достоинства грековъ превозносятся съ необыкновеннымъ краснорѣчiемъ, причемъ приводятся имена и подвиги классическихъ героевъ и тщательно замалчиваются дѣла и факты болѣе близкой къ намъ эпохи. Замѣтимъ, что г. Драндаръ писалъ это задолго до возникновенiя новѣйшихъ событiй, связанныхъ съ критскимъ вопросомъ, и его рѣзкая оцѣнка греческой политики является лишь выраженiемъ общаго, издавна установившагося взгляда болгаръ на современную Грецiю, которая, очевидно, не только не съумѣла пріобрѣсть симпатiи другихъ балканскихъ народовъ, но дѣлала все, что отъ нея зависѣло, для возбужденiя противъ себя непріязненныхъ чувствъ въ Болгаріи. Результаты этой роковой ошибки сказываются теперь въ полномъ одиночествѣ и отчужденiи Греціи среди государствъ и народовъ Балканскаго полуострова.—Л. С.

Digitized by Google

ОБЫВАТЕЛИ ЛОНДОНА И ИХЪ БЫТЪ.

Письмо изъ Англіи.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ 1886 г., негоціантъ и статистикъ Чарльзъ Бутсъ, котораго у насъ иногда смѣшиваютъ съ Вильямомъ Бутсомъ, „генераломъ арміи спасенія", предпринялъ огромный трудъ изслѣдованія Лондона въ соціально-экономическомъ отношеніи [1]). Какъ живетъ и работаетъ лондонское населеніе, какія у него средства существованія, гдѣ оно ихъ добываетъ и какимъ образомъ—вотъ главные вопросы, на которые рѣшился отвѣтить Бутсъ. Трудъ огромный, казалось бы даже неисполнимый, если принять во вниманіе размѣры Лондона, разнообразіе его жителей и невозможность опрашивать каждаго изъ нихъ; однако, прошло не больше десяти лѣтъ—и задачу, поставленную себѣ Бутсомъ, можно считать вполнѣ рѣшенной. Восьмой томъ его обширнаго изслѣдованія, называющагося „Жизнь и трудъ народа", вышелъ въ концѣ 1896 года и заканчиваетъ собою работу, занимающую исключительное положеніе во всей соціально-экономической литературѣ западно-европейскихъ народовъ. Слѣдующій, 9-й томъ, находящійся теперь въ печати, явится лишь какъ резюме предшествовавшихъ восьми томовъ и наврядъ ли дастъ какія-либо новыя статистическія данныя.

Раскрывая эти книги и знакомясь съ собранными въ нихъ матеріалами, прежде всего поражаешься не столько богатствомъ заключенныхъ въ нихъ данныхъ, сколько способомъ ихъ добыванія. Очевидно, что одинъ человѣкъ и въ сто лѣтъ не могъ бы собрать столько свѣдѣній, столько описательнаго матеріала, столько мелочныхъ подробностей, тѣмъ болѣе, что пользоваться печатными матеріалами можно было лишь въ немногихъ случаяхъ, и все приходилось черпать изъ первоисточниковъ, продѣлать самому и провѣрить на мѣстѣ выводы и результаты. И дѣйствительно, такого рода работу невозможно было, кажется, нигдѣ исполнить, кромѣ Англіи. Только здѣсь оказались всѣ средства, чтобы нарисовать такую колоссальную и вѣрную дѣйствительности картину, какую далъ Бутсъ; только здѣсь оказались учрежденія, такъ близко, такъ интимно связанныя съ народной жизнью, такъ полно отражающія всѣ изгибы ея, всю свѣтотѣнь величайшаго

[1]) Charles Booth, Life and Labour of the People, въ восьми томахъ.

Digitized by Google

въ мірѣ города, что стоило только протянуть къ нимъ руку, чтобы получить все требуемое. И заслуга Бутса состоитъ именно въ томъ, что онъ открылъ эту статистическую Калифорнію, что онъ первый воспользовался данными, которыя до него пропадали безцѣльно для экономическихъ изслѣдователей.

Первое мѣсто между этими учрежденіями занимаютъ школа и попечительство о бѣдныхъ. Школьное правленіе Лондона (London School-Board) имѣетъ особыхъ агентовъ, называющихся „School-Board Visitors", т.-е. „посѣтителями" агентами школьнаго правленія. На обязанности ихъ лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста въ данномъ районѣ посѣщали школу. Такихъ агентовъ содержится школьнымъ правленіемъ около 325. Если ученикъ или ученица не посѣщаютъ аккуратно школы, „посѣтитель" наводитъ справки о причинахъ такой неаккуратности и докладываетъ ихъ комитету школы. Получая свѣдѣнія изъ регистратуры, „посѣтители" знаютъ, у кого сколько дѣтей, какого они возраста и пола. Затѣмъ, они еще дѣлаютъ разныя отмѣтки въ своихъ спискахъ о положеніи родителей по своимъ личнымъ наблюденіямъ: чѣмъ занимаются, какую квартиру занимаютъ и пр. Свѣдѣнія эти служатъ необходимымъ подспорьемъ для школьнаго комитета, когда ему приходится принять какія-либо принудительныя мѣры, или на случай оказанія помощи. Работая долго въ одномъ и томъ же участкѣ, школьный агентъ отлично знаетъ мѣстное населеніе, особенно наиболѣе бѣдное, которымъ онъ собственно и ограничиваетъ свой надзоръ. Списки школьныхъ агентовъ полны поэтому, для всякаго народнаго изслѣдователя, огромнаго интереса. Они изобилуютъ массой примѣчаній, бросающихъ яркій свѣтъ на положеніе обитателей, въ семействахъ которыхъ имѣются школьныя дѣти, и хотя въ нихъ отмѣчаются только семейства, занимающія квартиры не больше чѣмъ о пяти комнатахъ, они довольно полно отражаютъ въ себѣ жизнь всего района.

Попечительства о бѣдныхъ (Board of Guardians) также имѣютъ своихъ агентовъ, близко знающихъ населеніе, среди котораго работаютъ. Агенты эти называются „Relieving Officers" (чиновники, подающіе помощь), и ихъ обязанности состоятъ въ провѣркѣ правъ просителей на помощь и въ немедленной выдачѣ ея въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. „Податели помощи" также ведутъ списки нуждающихся и составляютъ отчеты, весьма цѣнные для статистика и соціолога.

Помимо этихъ двухъ главныхъ источниковъ свѣдѣній о жизни народа, много данныхъ можетъ сообщить и частное благотворительное общество, извѣстное подъ именемъ „Charity organisation Society", цѣль котораго не столько выдача помощи, сколько организація ея и снабженіе

Digitized by Google

необходимыми справками другихъ обществъ и частныхъ благотворителей. Имѣя множество отдѣловъ и превосходно организованныя справочныя бюро, оно обладаетъ данными о жизни огромнаго класса людей. Затѣмъ, конечно, не малыми полезными свѣдѣніями обладаютъ и полиція, и рабочія организаціи, и другія лица, какъ школьнаго, такъ и другихъ вѣдомствъ. Всѣми этими источниками, которые, по совершенно понятнымъ причинамъ, остаются неопубликованными въ своихъ архивахъ, Бутсъ воспользовался для изученія экономическаго и даже нравственнаго состоянія лондонскаго населенія. Но одно открытіе золотыхъ розсыпей еще недостаточно: нужны руки для собиранія и очистки драгоцѣннаго металла, и въ этомъ отношеніи также Бутсъ оказался на высотѣ своей задачи. Будучи очень богатымъ человѣкомъ, онъ не пожалѣлъ денегъ на составленіе замѣчательнаго штата сотрудниковъ, начиная съ простыхъ переписчиковъ и счетчиковъ и кончая выдающимися писателями и изслѣдователями народной жизни. Собравъ такимъ образомъ вокругъ себя армію отборныхъ работниковъ, Бутсъ сталъ во главѣ ея и приступилъ къ работѣ.

На основаніи списковъ школьныхъ „посѣтителей“ онъ выработалъ классификацію обывателей по ихъ средствамъ къ жизни. Все населеніе Лондона онъ разбилъ на восемь классовъ. Самый низшій классъ состоитъ изъ подонковъ всемірнаго города, не склонныхъ къ работѣ и живущихъ случайными крохами, перепадающими за мелкія уличныя услуги, отъ мелкаго уличнаго торга, а иногда и отъ воровства и другихъ преступныхъ промысловъ. Этотъ классъ людей, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ крайне грубую жизнь и терпитъ большія лишенія и страданія. Представители этого класса ѣдятъ мало и плохо, зато пьютъ много. Бутсъ насчиталъ ихъ въ восточной части Лондона, въ главномъ очагѣ нищеты и невѣжества, около 10.000 душъ, что составляетъ $1^1/_4$% всего населенія въ этой части города. Бутсъ считаетъ это очень небольшимъ процентомъ и при томъ все болѣе и болѣе уменьшающимся. „Они позорны для насъ, но не опасны“,—говоритъ онъ о людяхъ этого класса.

Второй классъ состоитъ изъ „очень бѣдныхъ“, которые хоть и работаютъ, но мало. Обыкновенно они занимаются случайной поденной работой, и заработокъ ихъ никогда не поднимается выше 18 шиллинговъ въ недѣлю. Въ восточной части города—Истъ-эндѣ—Бутсъ насчиталъ ихъ около 100.000, т.-е. около $11^1/_4$% всего населенія этой части Лондона. По своему характеру этотъ классъ мало отличается отъ перваго.

Третій и четвертый классы состоятъ изъ чернорабочихъ, мелкихъ служащихъ и торговцевъ. По даннымъ Бутса, ихъ въ Истъ-эндѣ свыше 200.000 человѣкъ. Оба эти класса не терпятъ нужды, но всѣ ихъ

Digitized by Google

старанія, однако, сводятся лишь къ тому, чтобы кое-какъ свести концы съ концами. Третій классъ хоть и получаетъ за свою работу больше, чѣмъ четвертый, все-таки экономически стоитъ ниже его, потому что работа у третьяго класса не такъ постоянна, какъ у четвертаго. Средній заработокъ главы семьи въ одномъ изъ этихъ двухъ классовъ достигаетъ 21 шиллинга въ недѣлю. На эти деньги было бы трудно жить такъ прилично на видъ, какъ живетъ большинство этихъ людей, если бы другіе члены семьи не зарабатывали особо. Перечисленные четыре класса Бутсъ относитъ къ „бѣднымъ“ и „очень бѣднымъ“ (2-й классъ). Остальные четыре класса стоятъ по другую сторону линіи бѣдности.

Пятый классъ состоитъ изъ рабочихъ съ регулярнымъ доходомъ, изъ болѣе обезпеченныхъ уличныхъ торговцевъ, изъ мелкихъ лавочниковъ и др. Это самый многочисленный классъ среди населенія Истъ-энда; онъ составляетъ 42% его, около 377.000 человѣкъ. Заработокъ главы семьи бываетъ отъ 22 шилл. до 30 въ недѣлю. Этотъ классъ представляетъ собою главную почву, на которой выростаютъ всевозможныя рабочія организаціи, какъ трэдъ-юніоны, такъ и кооперативныя общества.

Къ шестому классу Бутсъ относитъ людей съ заработкомъ до 50 шиллинговъ въ недѣлю. Это, по словамъ нашего изслѣдователя, унтеръ-офицеры промышленной арміи: старшіе рабочіе, надсмотрщики, помощники управляющихъ и другіе. Они составляетъ около $13^1/_2$% истъ-эндскаго населенія, приблизительно 121.000 человѣкъ.

Классъ седьмой принадлежитъ къ „среднему“. Онъ состоитъ изъ лавочниковъ, мелкихъ предпринимателей, конторщиковъ и мелкихъ профессіональныхъ сошекъ. Въ лондонскомъ Истъ-эндѣ ихъ всего до 34.000 или около 4%. Восьмой классъ составляетъ верхній слой „средняго класса“ (the ipper middle). Къ нему Бутсъ причисляетъ всѣ семьи, которыя держатъ прислугу. Въ Истъ-эндѣ ихъ всего 5%, и то $^2/_3$ изъ нихъ живутъ въ одномъ участкѣ, въ Гакни.

Само собою разумѣется, что границы между классами не могутъ быть проведены настолько рѣзко, чтобы при нѣкоторой натяжкѣ нельзя было перевести семью изъ одного класса въ другой. Классификація Бутса, какъ онъ самъ сознается, основана больше на субъективномъ чувствѣ, чѣмъ на неоспоримыхъ внѣшнихъ данныхъ. Да и каждый классъ отдѣльно также далеко не представляетъ строгаго однообразія и въ свою очередь можетъ быть раздѣленъ на много разрядовъ. Однако, для тѣхъ цѣлей, которыя себѣ поставилъ Бутсъ, его распредѣленіе населенія вполнѣ пригодно. Придерживаясь его, Бутсъ сдѣлалъ статистическое описаніе всего Лондона и, начавъ съ Истъ-энда, который онъ изучилъ особенно близко, кончилъ богатыми кварталами Вестъ-

Digitized by Google

энда. Это описаніе, которое касается главнымъ образомъ вопроса о процентномъ отношеніи бѣдныхъ и выясненія степени нужды лондонскаго населенія, изложено въ первыхъ двухъ томахъ изслѣдованія и иллюстрированно множествомъ діаграммъ. Насколько статистическіе разсчеты Бутса и выводы его были сдѣланы правильно, видно изъ того, что перепись 1891 года, послѣдовавшая послѣ появленія первыхъ двухъ томовъ, совершенно подтвердила ихъ. Благодаря настояніямъ Бутса, перепись 1891 года внервые включила вопросный пунктъ о числѣ комнатъ, занимаемыхъ отдѣльно каждой семьей, или о числѣ лицъ, занимающихъ одну и ту же комнату. Такъ какъ величина квартиры и число прислуги составляютъ самый характерный признакъ соціальнаго положенія обывателя, то на основаніи данныхъ переписи не трудно было разбить все населеніе Лондона на группы соотвѣтственно ихъ средствамъ и занятіямъ, и оказалось, что численность этихъ группъ замѣчательно близко совпадаетъ съ цифрами, вычисленными Бутсомъ на основаніи списковъ школьныхъ агентовъ и другихъ источниковъ. Кромѣ переписи 1891 года, вычисленія Бутса подтверждаются и статистикой лицъ, пользующихся общественной помощью и живущихъ въ работныхъ домахъ.

Обыкновенно дома въ Лондонѣ, на каждой улицѣ отдѣльно, бываютъ одинаковаго размѣра и по одному и тому же плану; вслѣдствіе этого и обитатели одной и той же улицы бываютъ почти одинаковаго соціальнаго положенія. Такихъ случаевъ, какіе мы нерѣдко наблюдаемъ въ большихъ континентальныхъ городахъ, гдѣ въ одномъ и томъ же домѣ средніе этажи занимаютъ богатые люди, а подвальные и верхніе—бѣдные, въ Лондонѣ совершенно неизвѣстно. Домъ сверху до низу занимается здѣсь или одной семьей, или же нѣсколькими семьями съ одинаковымъ достаткомъ. Населеніе Лондона, по своему соціальному положенію, располагается, такъ сказать, улицами, а не этажами. Это обстоятельство дало возможность Бутсу приложить къ своимъ первымъ двумъ томамъ соціальный атласъ, состоящій изъ пяти картъ, одна изъ которыхъ представляетъ общій планъ Лондона, а остальныя —каждой изъ четырехъ его частей отдѣльно. Лондонскія улицы на этихъ картахъ окрашены въ условные цвѣта, соотвѣтствующіе классу жителей. Достаточно взглянуть на одну изъ этихъ картъ, чтобы передъ вами ясно предстала соціальная картина Лондона. Вотъ вверху всѣ улицы почти окрашены въ ярко-красный цвѣтъ. Это—сѣверныя части города. Здѣсь живетъ все болѣе или менѣе обезпеченный и приличный народъ. Лишь кое-гдѣ рѣзко выдѣляются темно-голубыя линіи, указывающія на очень бѣдное, хронически-нуждающееся населеніе. Есть и улицы съ смѣшаннымъ населеніемъ, окрашенныя въ фіолетовый цвѣтъ, есть и „бѣдныя“—свѣтло-голубыя улицы, населеніе которыхъ

Digitized by Google

не имѣетъ болѣе 18—21 шиллинговъ въ недѣлю. Но все-таки красный цвѣтъ настолько преобладаетъ, что получается впечатлѣніе зажиточности и комфорта. Но вотъ вашъ глазъ скользнулъ немного ниже, и красный цвѣтъ начинаетъ быстро тускнѣть. „Смѣшанныя“ улицы начинаютъ преобладать, а еще ниже, т.-е. ближе къ центру, къ лондонскому Сити, бѣдность и порочность начинаютъ брать верхъ, и черная краска, представляющая самый низшій классъ, выступаетъ все рѣзче и рѣзче. Вы въ Бетналгринѣ, гдѣ ютится самая жалкая часть лондонскаго населенія. Немного пониже тянется Коммершэльская улица, съ прилегающими къ ней черными, темно и свѣтло-голубыми и „смѣшанными“ переулками и закоулками. Это — часть города, извѣстная обыкновенно подъ общимъ неправильнымъ названіемъ Уайтчепеля. Вы, однако, замѣчаете, что даже въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ главныя улицы окаймлены красными полосками. Населеніе ихъ, значитъ, зажиточное. Это торговцы: лавочники, хозяева мастерскихъ и др. Вся бѣдность и необезпеченность тѣснится въ небольшихъ улицахъ, лежащихъ между главными. Если возьмете южную часть Лондона, т.-е. лежащую на южномъ берегу Темзы, то картина мѣняется. Здѣсь верхъ карты, представляющій собою еще отчасти центральныя мѣстности, пестритъ голубыми и темными полосками, а низъ ея болѣе богатъ красными.

Когда Бутсъ составилъ эти карты, онъ ихъ вывѣсилъ въ Тойнбиголлѣ и Оксфордскомъ домѣ (два университетскихъ поселенія Лондона), предоставивъ такимъ образомъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ и другимъ лицамъ, близко знакомымъ съ той или другой частью города, убѣдиться, насколько онѣ правильно сдѣланы. И оказалось, что всѣ нашли ихъ вполнѣ вѣрно воспроизводящими мѣстныя экономическія условія.

Въ третьемъ томѣ Бутсъ касается нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни въ Лондонѣ, особенно въ восточной его части. Онъ подробно описываетъ жилища, даетъ школьную статистику, говоритъ объ иммиграціи и о еврейской общинѣ. Въ 4, 5, 6 и 7 томахъ онъ даетъ описаніе разныхъ промысловъ и занятій народа, говоритъ о докахъ, о сапожномъ, портняжномъ, столярномъ и другихъ ремеслахъ, о спичечномъ, табачномъ, шолковомъ, металлическомъ, писчебумажномъ и прочихъ производствахъ Лондона; описываетъ рабочія организаціи, женскій трудъ, клубы рабочихъ, и вообще старается обнять весь кругъ явленій въ соціально-экономическомъ бытѣ Лондона. Наконецъ, въ недавно вышедшемъ восьмомъ томѣ онъ даетъ описаніе либеральныхъ профессій, муниципальной и государственной службы, домашней прислуги, а также, какъ онъ называетъ это, „картину нищенства“.

Въ настоящую нашу задачу не входитъ подробный обзоръ всего богатаго матеріала, заключеннаго въ лежащихъ предъ нами восьми томахъ. Мы только хотѣли дать понятіе о планѣ этого выдающагося

Digitized by Google

изслѣдованія и затѣмъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ томѣ, который, какъ и предшествовавшіе, по формѣ своей представляетъ рядъ монографій, составленныхъ разными лицами, подъ общей редакціей и при главномъ сотрудничествѣ самого Бутса.

Всего, на основаніи переписи 1891 года, въ Лондонѣ считается 166.224 человѣка на государственной и общественной службѣ и занимающихся либеральными профессіями. Съ членами своихъ семействъ они даютъ свыше 400.000 душъ населенія. Это значитъ, что почти на каждые десять жителей въ Лондонѣ одинъ живетъ службой—общественной или государственной—или либеральной профессіей. Въ число 166.224 входитъ до 15.800 солдатъ, военныхъ матросовъ и офицеровъ, до 12.000 полицейскихъ и около 27.000 учителей и учительницъ. Судя по таблицѣ, въ которой жители работныхъ домовъ, ночлежныхъ пріютовъ и общественныхъ больницъ (т.-е. всѣ живущіе на общественный счетъ) сгруппированы по ихъ прежнимъ занятіямъ, либеральныя профессіи и муниципальная и государственная службы гораздо лучше обезпечены, чѣмъ всѣ другіе занятія и промыслы. Самое трудное житье, самый необезпеченный классъ, представляютъ собою труженики и труженицы бѣлошвейнаго дѣла. Хотя либеральныя профессіи и даютъ лишь ничтожный процентъ нуждающихся въ общественной помощи, но это еще не значитъ, что онѣ самыя доходныя или дающія наиболѣе вѣрный заработокъ занятія. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ адвокатура и медицина, далеко не такъ прибыльны, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, какъ оказывается, но въ большинствѣ случаевъ лица, вступающія въ нихъ, принадлежатъ къ состоятельнымъ семьямъ и мало зависятъ отъ своей профессіи, особенно въ первые годы. Насъ, однако, здѣсь далеко не такъ интересуютъ заработки всѣхъ тѣхъ группъ, которыя описаны въ разсматриваемомъ восьмомъ томѣ, какъ одна изъ тѣхъ бытовыхъ сторонъ, на которыя вообще такъ много обращается вниманіе Бутсомъ. Мы говоримъ о склонности къ организаціи, такъ ярко выступающей въ жизни англичанъ. Оказывается, что даже чиновники англійскіе, которымъ, кажется, и такъ не дурно живется, и тѣ имѣютъ свои организаціи самозащиты, и при томъ прекрасно развитыя и тѣсно сплоченныя. Бутсъ насчиталъ девять обществъ, основанныхъ чиновниками съ исключительной цѣлью охраны своихъ сословныхъ интересовъ. Наиболѣе солидными организаціями обзавелись почтовые чины. Въ 1890 г., они основали общество сортировщиковъ, извѣстное подъ именемъ „Fawcett Association“ и считающее до 3.000 членовъ, изъ которыхъ почти всѣ служатъ въ Лондонѣ. Это общество особенно хорошо извѣстно тѣмъ, что, послѣ сильной борьбы, оно добилось права для всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ принимать дѣятельное участіе въ парламентскихъ выбо-

Digitized by Google

рахъ, и по настоящее время продолжаетъ аккуратно выплачивать своему президенту и секретарю жалованье, которое тѣ раньше получали, какъ сортировщики почтамта, но котораго они лишились вслѣдствіе того, что были уволены отъ службы во время усиленной агитаціи. Въ 1891 году основаны ассоціація почтово-телеграфныхъ клэрковъ, имѣющая теперь около 6.100 членовъ, и федерація почтальоновъ, имѣющая одиннадцать тысячъ и сто членовъ, изъ которыхъ 3.000 находятся въ Лондонѣ. Эти три почтовыя общества имѣютъ каждое свой оффиціальный печатный органъ. Въ 1895 г. основана еще ассоціація почтовыхъ носильщиковъ, съ 500 членами.

Въ 1894 г. въ таможенномъ вѣдомствѣ организована ассоціація таможенныхъ надсмотрщиковъ, считающая до 1.200 человѣкъ, изъ которыхъ около 400 живутъ въ Лондонѣ. Имѣютъ свою организацію и такъ называемые „младшіе клэрки“, нѣчто въ родѣ нашихъ Акакіевъ Акакіевичей, мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ разныхъ вѣдомствахъ. Большую и довольно могущественную федерацію составляютъ также и чернорабочіе и мастера, служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Всѣ вышепоименованныя и другія, здѣсь не упомянутыя, организаціи имѣютъ своей цѣлью не экономическое обезпеченіе, не денежныя пособія или пенсіи, а огражденіе отъ произвола старшихъ и защиту кого-либо изъ „малыхъ сихъ“ противъ слишкомъ властной особы, противъ несправедливости, съ которою одинъ маленькій человѣкъ бороться не въ силахъ. Кромѣ этихъ обществъ, имѣющихъ скорѣе характеръ трэдъ-юніоновъ, существуютъ еще и другія, основанныя съ цѣлью матеріальной помощи, но послѣднія для чиновниковъ особенной роли не могутъ играть, такъ какъ сама государственная или муниципальная служба достаточно обезпечиваетъ пенсіей и другими видами помощи.

Сильную, можетъ быть сильнѣйшую въ Англіи организацію, очень близкую къ трэдъ-юніону, составляютъ собою лондонскіе адвокаты. Хорошо также организована и медицинская профессія. Обѣ эти профессіи, независимыя отъ „хозяевъ“, ограждаютъ себя главнымъ образомъ отъ шарлатановъ и невѣждъ и отъ недобросовѣстности кліентовъ и паціентовъ.

Слабо организованы представители театрально-музыкальной профессіи, но и среди нихъ есть нѣсколько обществъ, какъ, напримѣръ, „оркестровая ассоціація“ (1.100 членовъ), „общество хористовъ“, съ 550 членами, и „общество актеровъ“, съ 1.250 членами. Общества эти имѣютъ своей исключительной задачей доставленіе мѣстъ, судебное заступничество и увеличеніе жалованья. На случай же матеріаль-

Digitized by Google

ной нужды имѣются еще особыя общества взаимопомощи, пенсіонныя и другія кассы.

Литература и журналистика могутъ похвалиться своими дѣйствительно превосходными организаціями, богатыми по средствамъ и чрезвычайно вліятельными по своему положенію въ обществѣ. Первое мѣсто среди этихъ организацій занимаетъ общество журналистовъ, извѣстное подъ названіемъ „Institute of Journalists", считающее до 3.700 членовъ, изъ которыхъ свыше 800 живутъ въ Лондонѣ, около 150 въ колоніяхъ и за границей, а остальные въ провинціи. „Институтъ журналистовъ" не имѣетъ цѣлью матеріальную помощь, но зато зорко слѣдитъ за всѣми интересами сословія и за профессіональнымъ поведеніемъ своихъ членовъ. Общество издаетъ ежемѣсячный журналъ и имѣетъ сиротскій капиталъ. Другая организація—„Фондъ газетной печати", наоборотъ, имѣетъ цѣлью одну матеріальную помощь и напоминаетъ собою нашу кассу взаимопомощи при литературномъ фондѣ.

Женщины-журналистки, сверхъ того, основали еще свое собственное общество. Книжная литература имѣетъ „общество авторовъ", охраняющее издательскіе интересы авторовъ. Затѣмъ имѣется еще „Королевскій литературный фондъ", отвѣчающій, по своему значенію и уставу, петербургскому; „Клубъ печати", съ числомъ членовъ въ 300—400 человѣкъ, и „Газетное общество", состоящее изъ собственниковъ періодическихъ изданій.

Громадную склонность къ организаціи выказываетъ педагогическая профессія. Къ сожалѣнію, она, кажется, уже слишкомъ усердствуетъ, и у нея образовалось столько обществъ, что одно начинаетъ мѣшать другому. Главное общество у педагоговъ, это—„національный союзъ", имѣющій 33.500 членовъ, изъ которыхъ 7.000—въ Лондонѣ. За нимъ слѣдуютъ: „ассоціація учителей, преподающихъ въ школахъ School Board'a", съ 6.100 членами; „гильдія учителей Великобританіи и Ирландіи", съ 1.760 членами; „ассоціація школьныхъ директоровъ"; „ассоціація младшихъ учителей", также „младшихъ учительницъ", и пр. и пр.

Лишь одна полицейская служба лишена трэдъ-юніонской организаціи. Полицейскимъ запрещено организоваться въ общества самозащиты, такъ какъ стачка полиціи могла бы повлечь за собою анархію. И печать, и парламентъ, являются пока единственными и, слѣдуетъ прибавить, самыми могучими защитниками всякаго низшаго полицейскаго чина отъ произвола его старшихъ. Совершенно также не организована домашняя прислуга. Есть, правда, нѣсколько небольшихъ обществъ поваровъ и лакеевъ, но численность ихъ членовъ не превышаетъ сотни-другой, и вліяніе ихъ поэтому ничтожно. Этотъ недостатокъ организаціи объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, тѣмъ,

Digitized by Google

что большинство лицъ, служащихъ въ домашней прислугѣ, составляютъ женщины (на 400.000 приблизительно человѣкъ приходится 339.101 женщина), которыя вообще, во всѣхъ отрасляхъ труда, обнаруживаютъ совершенную неумѣлость и нежеланіе организоваться, и во-вторыхъ, тѣмъ, что большинство женской прислуги смотритъ на свой промыселъ лишь какъ на временное занятіе, какъ на преддверіе къ замужеству, а такой взглядъ не можетъ, конечно, содѣйствовать сословной организаціи, требующей устойчивости и преемственности. Хорошо организованы въ Лондонѣ лишь отельные кельнеры изъ иностранцевъ. У кельнеровъ, оказывается, имѣется своя „интернаціоналка", основанная въ Женевѣ въ 1877 году. Насколько это общество дѣйствительно международно, видно изъ того, что оно имѣетъ до девяноста отдѣленій въ семнадцати разныхъ странахъ. Лондонское отдѣленіе его считаетъ 1.200 членовъ, изъ которыхъ иные занимаютъ очень хорошія мѣста въ здѣшнихъ отеляхъ. Эта организація соединяетъ въ себѣ и клубъ, и общество взаимопомощи, и бюро доставленія мѣстъ. Мѣсячный взносъ въ два шиллинга даетъ члену право на посѣщеніе клуба, на дешевые столъ и комнату, на занятіе и на помощь въ случаѣ болѣзни. Главное правленіе общества мѣняетъ свое мѣстопребываніе каждыя пять лѣтъ, и теперь оно находится въ Дрезденѣ. Для поступленія въ общество требуется удостовѣреніе въ томъ, что кандидатъ прослужилъ два года кельнеромъ, и что обязанности свои исполнялъ добросовѣстно. Кромѣ этого отдѣленія международнаго общества, каждая иностранная національность въ Лондонѣ имѣетъ еще свои особыя организаціи: нѣмецкіе кельнеры имѣютъ свое отдѣльное общество, французскіе—свое, швейцарскіе—свое.

Четвертый отдѣлъ книги, какъ я уже сказалъ, посвященъ статистикѣ лицъ, находящихся на содержаніи общества въ работныхъ домахъ, больницахъ, пріютахъ и тюрьмахъ. Эту статистику Бутсъ дополнилъ „картиной нищеты", т.-е. 12 родословными и описаніями лицъ, пользовавшихся общественной помощью. Онъ даетъ разсказъ о семействѣ Руни, о Гринвудахъ, о г-жѣ Габбардъ и ея дѣтяхъ, о старухѣ Темперли и другихъ. Съ безпристрастіемъ и настойчивостью ученаго и съ обстоятельностью автора „Семейства Ругоновъ", онъ прослѣживалъ жизнь всякаго члена семьи и заносилъ всякій грошъ, каждую каплю лекарства и каждый ночлегъ, которые государство когда-либо предлагало описываемымъ имъ нищимъ семьямъ.

Кромѣ этихъ 12 подробныхъ разсказовъ, Бутсъ даетъ еще 50 короткихъ, имѣющихъ цѣлью иллюстрировать причины нищеты. Свѣдѣнія свои онъ черпаетъ изъ книгъ попечительствъ о бѣдныхъ, въ которыя заносятся всѣ виды помощи. Будучи очень осторожнымъ статистикомъ и отлично сознавая, что очень легко преувеличить значеніе однѣхъ

Digitized by Google

причинъ на счетъ другихъ, Бутсъ избѣгаетъ дѣлать общія заключенія. Онъ самъ говоритъ, что можно, напримѣръ, принять неспособность къ труду и умственную слабость какъ причину порочности, пьянства, лѣности и слѣдовательно — нищеты, и наоборотъ: можно доказать, что недостаточное питаніе, отсутствіе работы или болѣзни кончаются пьянствомъ и полнымъ нравственнымъ паденіемъ. Можно также приписывать нищенство нашей слишкомъ щедрой готовности помогать. Разобраться въ причинахъ нищеты (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ бѣдностью) поэтому крайне трудно, но можно все-таки всегда указать на главныя и непосредственныя причины нищеты. Это-то Бутсъ и попытался сдѣлать въ одной изъ своихъ таблицъ, на основаніи которой онъ и пришелъ къ заключенію, что главною причиною, т.-е. ближайшею, слѣдуетъ считать пьянство, затѣмъ порочную среду и наслѣдственность, неспособность къ труду, болѣзни и старость. Обыкновенно всѣ онѣ концентрируются въ послѣдней, т.-е. въ старости, какъ въ фокусѣ, бросая свой зловѣщій свѣтъ на всю пройденную и „погубленную“ жизнь.

Сравнительный анализъ всѣхъ вышедшихъ восьми томовъ, полное резюме ихъ, а также выводы изъ данныхъ о разнообразныхъ промыслахъ и занятіяхъ Бутсъ обѣщается, какъ мы замѣтили, дать въ слѣдующемъ, IX томѣ, который выйдетъ вскорѣ и закончитъ собою этотъ замѣчательный статистическій трудъ, предпринятый частнымъ человѣкомъ и исполненный имъ однимъ.

С. И. Раппопортъ.

London.—1. III. 1897.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1897.

Ростущая литература по университетскому вопросу.—Статьи „Одного изъ многихъ", кн. С. Н. Трубецкого и А. Ф. Филиппова; брошюра Н. И. Карѣева. — Пріостановка „Луча".—По поводу пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.—Юбилей А. А. Потѣхина. — Письмо въ Редакцію А. А. Поджіо, по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго.

Съ тѣхъ поръ, какъ Б. Н. Чичеринъ и кн. С. Н. Трубецкой, представители двухъ поколѣній — заканчивающаго и начинающаго свою дѣятельность — расширили, своими статьями въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", кругъ обсужденія печальныхъ событій, происходившихъ въ ноябрѣ прошлаго года въ московскомъ университетѣ,—около „университетскаго вопроса" образовалась цѣлая литература. Соединительнымъ ея звеномъ является, по мнѣнію оптимистовъ, отрицательное отношеніе къ университетскому уставу 1884 г. „Вспомнимъ",—говоритъ кн. Трубецкой въ новой статьѣ своей: „Университетъ и студенчество" („Русская Мысль", № 4),—„вспомнимъ, какая борьба велась за уставъ 1863 г.! Теперь мы не видимъ ничего подобнаго: не раздалось ни одного голоса въ защиту дѣйствующаго устава. Ясно, что теперешній строй нашихъ университетовъ не пользуется *ничьей* симпатіей и въ глазахъ *всѣхъ* требуетъ коренного пересмотра и реформы, не удовлетворяя никого и, прежде всего, не удовлетворяя основной цѣли университета". При всемъ желаніи нашемъ вѣрить кн. Трубецкому, заключеніе его кажется намъ нѣсколько рискованнымъ. Молчаніе — не всегда знакъ согласія; если, до сихъ поръ, безмолвствуютъ тѣ, отъ кого всего скорѣе можно было бы ожидать защиты дѣйствующаго устава, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они примирились съ мыслью о коренной его реформѣ. Дѣло объясняется, по всей вѣроятности, гораздо проще: иниціаторы и сторонники устава 1884 г. не ломаютъ за него копій только потому, что не считаютъ его нуждающимся въ охранѣ. Примѣняя къ нему формулу гражданскаго права: beati possidentes, они думаютъ, что онъ достаточно обезпеченъ самымъ фактомъ своего безмятежнаго существованія. Когда возникла борьба изъ-за устава 1863 г., онъ былъ уже официально заподозрѣнъ и оспоренъ; его противники чувствовали и признавали себя солидарными съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Отсюда запальчивость и необузданность нападеній, имѣвшихъ

Digitized by Google

цѣлью устранить послѣднія колебанія, подготовить и ускорить рѣшительный натискъ; отсюда, съ другой стороны, и горячность обороны, напрягавшей всѣ усилія, чтобы предупредить грозящій ударъ. Чѣмъ больше росли опасенія однихъ, надежды другихъ, тѣмъ ожесточеннѣе становился споръ, не сразу умолкшій даже передъ совершившимся фактомъ. Совсѣмъ инымъ представляется положеніе дѣлъ въ настоящее время: о преобразовательныхъ планахъ высшей учебной администраціи ничего не слышно, и въ мобилизаціи добровольцевъ, стоящихъ за неприкосновенность существующихъ порядковъ, не оказывается, покамѣстъ, надобности. Ихъ „полный гордаго довѣрія покой“ будетъ нарушенъ лишь тогда, когда реформа перестанетъ быть *только* желаніемъ „партикулярныхъ людей“. Пускай это желаніе обниметъ все русское общество—въ глазахъ „охранителей“ оно тѣмъ не менѣе останется незаслуживающимъ вниманія, пока не блеснетъ первый лучъ сочувствія къ нему во властныхъ сферахъ... Университетскій уставъ—не одинъ изъ тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые имѣютъ чисто-техническое значеніе и могутъ быть дополняемы, измѣняемы, исправляемы внѣ всякой зависимости отъ общаго теченія государственной жизни. Уставъ 1863 г. не даромъ совпадаетъ съ эпохой великихъ реформъ; уставъ 1884 г. не случайно былъ первымъ по времени, отступленіемъ отъ ея завѣтовъ. Безъ возвращенія къ нимъ, въ той или другой мѣрѣ, едва ли мыслима перемѣна къ лучшему въ положеніи университетовъ—и вотъ дополнительное объясненіе того невозмутимаго спокойствія, съ которымъ „охранительная“ печать относится къ университетскому вопросу.

Если молчатъ, до поры до времени, присяжные защитники дѣйствующаго устава, то въ нейтральныхъ періодическихъ изданіяхъ появляются иногда рядомъ съ убѣдительными рѣчами въ пользу реформы сужденія совсѣмъ иного свойства. Почти одновременно съ статьей кн. Трубецкого въ „Русской Мысли“, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 99) напечатано письмо „Одного изъ многихъ“, не только возстающее противъ возвращенія къ уставу 1863 г., но свидѣтельствующее о совершенномъ непониманіи значенія и назначенія университетовъ. Радикальное средство противъ „нынѣшнихъ золъ“ университетскаго устройства авторъ письма усматриваетъ... въ раздробленіи университетовъ на отдѣльные факультеты, съ размѣщеніемъ послѣднихъ по разнымъ городамъ, подъ названіемъ академій, лицеевъ, институтовъ. Другими словами, съ цѣлью улучшенія *университетовъ* предлагается уничтоженіе *университета*, основной идеей котораго всегда служило единство высшаго (общаго) образованія, живое взаимодѣйствіе различныхъ его сферъ, какъ въ лицѣ учащихъ, такъ и въ лицѣ учащихся. Смѣлому преобразователю неизвѣстно, что неудобство разбро-

Digitized by Google

санности факультетовъ сознано теперь даже во Франціи, гдѣ до сихъ поръ преобладала эта система, сознано и у насъ, благодаря опыту лицеевъ ярославскаго и (бывшаго) нѣжинскаго. Факультеты, въ особенности нѣкоторые (юридическій, медицинскій), безъ того уже слишкомъ приближаются къ типу высшихъ профессіональныхъ школъ; необходимо противодѣйствовать этому приближенію, а не поощрять его искусственно, разрывая общеніе между факультетами, превращая ихъ въ самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга „учебныя заведенія". Для того чтобы университетское образованіе дѣйствительно было *общимъ*, въ высшей степени важно предоставить студентамъ возможность слушать лекціи не по однимъ факультетскимъ предметамъ, имѣть сношенія не съ одной только группой профессоровъ, не съ одними только товарищами по спеціальности. Университетская атмосфера хороша именно тѣмъ, что въ ней скрещиваются различныя теченія, соприкасаются различные научные интересы и не можетъ образоваться та замкнутость мысли, которая ведетъ къ узкости и рутинѣ. И во имя чего предлагается пожертвовать всѣми незамѣнимыми благами университетской организаціи? Во имя лучшаго *наблюденія* за студентами. Развѣ возможенъ—восклицаетъ „Одинъ изъ многихъ"—„развѣ возможенъ внимательный надзоръ, входящій въ душевныя и матеріальныя нужды студентовъ, надзоръ единственно дѣйствительный, въ отношеніи нѣсколькихъ тысячъ? Конечно, нѣтъ. Онъ обращается въ чисто бумажный и формальный". Развѣ возможенъ — спросимъ мы въ свою очередь—всеобъемлющій и во все проникающій надзоръ по отношенію къ нѣсколькимъ сотнямъ студентовъ [1])? Развѣ возможенъ вообще начальственный надзоръ, входящій въ *душевныя нужды* студентовъ? Всякій *надзоръ*, по своему существу, носитъ болѣе или менѣе формальный характеръ, устраняющій дѣйствительную близость между надзирающими и надзираемыми. Не въ надзорѣ начальства, неизбѣжно преслѣдующемъ свои особыя цѣли, нуждаются студенты, не къ нему могутъ отнестись съ довѣріемъ и сочувствіемъ: они нуждаются въ сближеніи съ профессорами, на почвѣ научныхъ занятій и обще-университетскихъ интересовъ—а такое сближеніе одинаково возможно и въ университетѣ, и въ географически изолированномъ факультетѣ, потому что около каждаго профессора, умѣющаго привлечь къ себѣ молодежь, группируются преимущественно его постоянные слушатели. Если между профессорами есть такіе, вліяніе которыхъ распространяется далеко за предѣлы факультета, то въ свободномъ подчиненіи этому вліянію сказывается одна изъ лучшихъ сторонъ университетскаго устройства, объе-

[1]) Число студентовъ на факультетахъ юридическомъ и медицинскомъ часто подходитъ къ тысячѣ или даже ее превышаетъ.

Digitized by Google

диняющаго различныя отрасли преподаванія. Еслибы въ Москвѣ, во времена Грановскаго, былъ одинъ только историко-филологическій факультетъ въ Петербургѣ, Казани, Харьковѣ; во времена Кавелина, Мейера, Каченовскаго—одинъ только юридическій, то сфера дѣйствія этихъ незабвенныхъ учителей молодежи была бы гораздо болѣе тѣсной, и имъ не удалось бы оставить такой глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго общества и русской мысли.

Не менѣе опасной, чѣмъ „разрѣженіе“ университетовъ, была бы другая мѣра, рекомендуемая „Однимъ изъ многихъ“. „При замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ, — такъ гласитъ одинъ изъ пунктовъ его письма, — дѣлаютъ крупную ошибку, не обращая вниманія на нравственную личность кандидата: назначаются ученые безъ идеаловъ, съ расшатанными „убѣжденіями, съ низменными инстинктами“. Конечно, профессоръ „съ низменными инстинктами“ — нежелательное пріобрѣтеніе для университета, даже если онъ человѣкъ безспорно знающій и даровитый; но какъ угадать существованіе такихъ инстинктовъ, какой критерій принять для опредѣленія нравственности? Конечно, если кандидатъ на профессорскую каѳедру *изобличенъ* въ безчестномъ поступкѣ (безчестномъ не въ какомъ-нибудь специфическомъ смыслѣ, а съ точки зрѣнія элементарной морали), доступъ къ каѳедрѣ долженъ быть для него закрытъ навсегда; но вѣдь *доказанный* поступокъ и *предполагаемый* „инстинктъ“—далеко не одно и то же. Еще менѣе надежнымъ мѣриломъ было бы отсутствіе „идеаловъ“ или „расшатанность убѣжденій“. Не говоря уже о томъ, что для освѣщенія идеаловъ и убѣжденій еще не придумано рентгеновскихъ лучей, и предметомъ оффиціальной оцѣнки неминуемо сдѣлалась бы не столько наличность идеаловъ, не столько твердость убѣжденій, сколько ихъ внутреннее содержаніе, и шансы успѣха перешли бы всецѣло на сторону тѣхъ, кто умѣетъ аффишировать свои мнѣнія, предварительно приспособивъ ихъ къ запросамъ данной минуты... Столь же трудно согласиться съ „Однимъ изъ многихъ“ и тогда, когда онъ перечисляетъ поводы къ увольненію профессоровъ. „Не должны быть терпимы, — говоритъ онъ,—люди сплошь и рядомъ пропускающіе лекціи по бездѣлью или по занятію посторонними университету дѣлами, повторяющіе изъ года въ годъ старыя записки, болтающіе съ каѳедры разныя сплетни, заискивающіе популярности слушателей поблажками“. Безспорно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего хорошаго — но какъ установить наличность того или другого изъ приведенныхъ фактовъ, какъ провести демаркаціонную черту между *причиной* и *предлогомъ* къ увольненію? Какъ доказать, напримѣръ, что профессоръ „болтаетъ съ каѳедры разныя сплетни“? Путемъ опроса студентовъ, путемъ разсмотрѣнія ихъ записокъ? Чтобы раскрыть одно злоупотребленіе, не при-

Digitized by Google

дется ли прибѣгнуть къ другому, можетъ быть еще худшему? А „заискиванье популярности“ — не даетъ ли оно готовой формулы, подъ которую можно подвести всякаго профессора, неугоднаго начальству?.. Нѣтъ, подобные совѣты никуда не годятся, и единственнымъ оправданіемъ автора можетъ служить непониманіе имъ самимъ ихъ настоящаго смысла. Иногда это непониманіе доходитъ до комизма. „Общеніе между обществомъ (просвѣщеннымъ классомъ населенія) и студентами,—говоритъ „Одинъ изъ многихъ“, — должно быть всячески поощряемо. Студенты не должны быть предоставлены своему отшельничеству, одностороннему, и потому ложному вліянію своего кружка. Важно, чтобы профессорскій персоналъ и университетское начальство содѣйствовали этому общенію. Желательно, чтобы каждый студентъ могъ быть радушно и съ участіемъ принятъ въ порядочномъ обществѣ“. Противъ посѣщенія студентами „порядочнаго общества“ ничего, конечно, возразить нельзя: но развѣ оно можетъ быть искусственно создано профессорами и начальствомъ? Развѣ для студентовъ можно устраивать, какъ для институтокъ, танцовальные вечера, въ видахъ смягченія ихъ нравовъ и прививки къ нимъ „хорошихъ манеръ“? Существующіе и теперь студенческіе балы имѣютъ большой успѣхъ именно потому, что организуются по иниціативѣ самихъ студентовъ, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, кромѣ благотворительной. Выдвинуть на первый планъ свѣтскую жизнь студентовъ, какъ воспитательную мѣру, какъ гарантію противъ кружковыхъ вліяній, значило бы — и вотъ именно этого не замѣчаетъ, повидимому, „Одинъ изъ многихъ“—затруднить доступъ въ университетъ для молодыхъ людей, принадлежащихъ къ такъ-называемымъ низшимъ, недостаточнымъ слоямъ населенія. Для того, чтобы *каждому студенту* былъ обезпеченъ радушный пріемъ въ „обществѣ“, нужно, чтобы *каждый студентъ* соединялъ въ себѣ извѣстную сумму внѣшнихъ условій (приличный костюмъ, непринужденность обращенія, привычку къ свѣтскимъ разговорамъ), которымъ, въ ранней молодости, удовлетворяютъ, большею частью, только лица привилегированнаго класса. Отъ посылокъ, приведенныхъ нами выше, только одинъ шагъ до заключенія о необходимости ограничить доступъ въ университетъ сословнымъ или имущественнымъ цензомъ, давно составляющимъ pium desiderium нашихъ обскурантовъ.

Если авторъ письма, съ которымъ мы ознакомили нашихъ читателей—дѣйствительно „одинъ изъ многихъ“, то правильное отношеніе къ университетскому вопросу далеко не такъ еще распространено въ нашемъ обществѣ, какъ думаетъ кн. Трубецкой. Тѣмъ полезнѣе статьи въ родѣ той, которую мы назвали въ началѣ хроники. Переходя отъ университета къ студенчеству, кн. Трубецкой показываетъ съ полною

Digitized by Google

ясностью, что даже возвращеніемъ къ уставу 1863 г. далеко не достигалось бы все необходимое для правильнаго хода университетской жизни. Уставъ 1863 г. былъ удовлетворителенъ настолько, насколько онъ касался профессорской корпораціи; но, изданный подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ студенческихъ волненій 1861 г., онъ ничего не сдѣлалъ для организаціи студенчества, ошибочно усматривая въ ней источникъ безпорядковъ, а не средство къ ихъ предупрежденію. Эта ошибка имѣла тѣмъ бо́льшее значеніе, что, по справедливому замѣчанію кн. Трубецкого, совершенно устранить образованіе студенческихъ группъ не представляется никакой возможности: онѣ возникаютъ сами собою, „на почвѣ товарищескаго общенія". Авторъ разсматриваетъ три главныхъ вида студенческихъ организацій: землячества, кружки самообразованія или научныя и студенческія общежитія. Землячество, т.-е. соединеніе въ одно цѣлое пріѣзжихъ изъ одной и той же мѣстности, учившихся въ одномъ и томъ же или въ нѣсколькихъ сосѣднихъ учебныхъ заведеніяхъ—самая естественная форма товарищества; первоначальнымъ соединительнымъ звеномъ, кромѣ общихъ связей и воспоминаній, служитъ здѣсь взаимопомощь. Извращается характеръ землячества только потому, что оно вынуждено дѣйствовать тайкомъ: „естественная товарищеская среда обращается въ какое-то тайное противозаконное общество, которое прячетъ свои деньги, прячетъ свои книги, свои отчеты, скрываетъ свои собранія, а иногда вынуждено прибѣгать къ хитростямъ и уловкамъ, чтобы добывать средства къ существованію. Образуется спертая и нездоровая атмосфера постояннаго обмана, подозрѣнія и агитаціи". Печальные результаты такой обстановки слишкомъ хорошо извѣстны. Необходимо измѣнить ее, создавъ „такую форму студенческаго общенія на почвѣ чисто университетской, которая могла бы удовлетворить всѣмъ лучшимъ и законнымъ потребностямъ студенчества". „Легализація" землячествъ не найдетъ теперь, по мнѣнію кн. Трубецкого, такой благодарной почвы, какую нашла бы нѣсколькими годами раньше; тѣмъ не менѣе она была бы крайне полезна и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Чтобы подтвердить этотъ выводъ кн. Трубецкого, обратимся къ другой статьѣ, написанной въ совершенно иномъ духѣ—къ статьѣ А. Ф. Филиппова: „Московское студенчество" („Русское Обозрѣніе", апрѣль). Приписывая землячествамъ „громадные недостатки", г. Филипповъ не отрицаетъ, однако, что они дѣйствительно выдаютъ въ пособіе своимъ бѣднѣйшимъ членамъ сотни рублей ежегодно, иногда содержатъ стипендіатовъ, часто предохраняютъ отъ „растлѣнія столичной жизни". „Сколько благородныхъ стремленій къ наукѣ и художественной дѣятельности,—восклицаетъ г. Филипповъ,—удовлетворяется, благодаря земляческимъ организа-

Digitized by Google

ціямъ, въ которыхъ завязываются знакомства, дается возможность найти общія точки соприкосновенія"! Этого довольно, чтобы, рѣшить вопросъ въ пользу землячествъ, тѣмъ болѣе, что самые ихъ недостатки легко свести именно къ невозможнымъ условіямъ, среди которыхъ имъ теперь приходится дѣйствовать. Самъ г. Филипповъ упоминаетъ о „стѣсненіяхъ и опасеніяхъ, которыя всегда стоятъ за плечами у основателей и участниковъ землячествъ", значительно сокращая размѣры приносимой ими пользы.

Одними землячествами организація студентовъ не исчерпывается и исчерпываться не можетъ, уже потому, что у членовъ землячествъ, разсѣянныхъ по разнымъ факультетамъ, не одинаковы занятія, не одинаковы научные интересы. Отсюда образованіе кружковъ, съ спеціально-научною или обще-образовательною цѣлью. Первоначальную основу, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Филипповъ, они находятъ въ землячествахъ (и это—новый аргументъ въ пользу послѣднихъ), но очень скоро выходятъ изъ этой рамки. Вполнѣ понятно, что историкъ, напримѣръ, чувствуетъ себя во многомъ болѣе близкимъ къ историкамъ изъ другихъ землячествъ, чѣмъ къ медикамъ или естественникамъ изъ своего собственнаго. Хорошую сторону кружковъ г. Филипповъ подчеркиваетъ еще сильнѣе, чѣмъ хорошую сторону землячествъ; онъ не высказывается прямо за ихъ узаконеніе, но таковъ логическій выводъ изъ всѣхъ его разсужденій. Кн. Трубецкой, разсматривая вопросъ гораздо подробнѣе, указываетъ на то, что весьма близко къ чисто-научнымъ студенческимъ кружкамъ подходятъ существующія и теперь „собесѣдованія" или практическія занятія по разнымъ предметамъ. „Если общеніе между студентами,—говоритъ почтенный профессоръ,—возникаетъ на научной почвѣ, если они составляютъ между собою небольшія, но дружныя общества, группирующіяся вокругъ отдѣльныхъ преподавателей и объединенныя общей научной работой, то мы можемъ желать такимъ обществамъ лишь дальнѣйшаго правильнаго развитія и процвѣтанія. Ихъ оффиціальная санкція могла бы не только содѣйствовать ихъ успѣху, упроченію и расширенію, но имѣть нравственное значеніе для правильной организаціи студенчества и служить педагогическимъ цѣлямъ университета". На ряду съ чисто-научными кружками кн. Трубецкой допускаетъ и такъ называемые кружки самообразованія. Дѣятельность такихъ кружковъ „надо разрѣшить, надо поставить ее въ здоровыя нормальныя условія и дать ей возможность пользоваться компетентнымъ и авторитетнымъ содѣйствіемъ со стороны университета. Нужно, чтобы въ основаніи кружковъ лежало искренне признанное начало академической свободы, чтобы всѣ студенты, безъ различія факультетовъ, допускались къ посѣщенію кружковъ, безъ всякаго стѣсненія въ изученіи и обсужденіи

Digitized by Google

занимающихъ ихъ вопросовъ. Руководство университета, руководство профессоровъ должно служить и здѣсь ручательствомъ правильной, научной постановки дѣла". Находя, согласно съ кн. Трубецкимъ, что легализація студенческихъ кружковъ и тѣсное соединеніе ихъ съ университетомъ—лучшее средство къ разрѣшенію тяжелаго, наболѣвшаго вопроса, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать только одно дополнительное замѣчаніе. Между тѣми кружками, которые кн. Трубецкой называетъ чисто-научными, и „кружками самообразованія" существуетъ довольно существенное различіе. „Научные" кружки—это непосредственное дополненіе къ университетскому преподаванію, это такое же орудіе въ рукахъ профессора, какъ лекціи, семинаріумы, письменныя работы на заданныя темы и вообще такъ называемыя „практическія занятія". Починъ устройства такихъ кружковъ по необходимости принадлежитъ профессору; онъ составляетъ программу занятій и не только руководитъ ими, но и вноситъ въ нихъ главную массу научнаго матеріала, направляя ея разработку къ имъ же намѣченной цѣли. Нѣсколько иной характеръ могутъ и должны имѣть „кружки самообразованія": здѣсь иниціатива, выборъ темъ, распредѣленіе ихъ, пріисканіе оппонентовъ, должны зависѣть отъ самихъ студентовъ, а за профессоромъ должно оставаться лишь общее руководство, какъ въ смыслѣ охраненія порядка и предупрежденія увлеченій, такъ и въ смыслѣ помощи и совѣта участникамъ занятій, насколько они сами о томъ просятъ. Только при соблюденіи этого условія оффиціально разрѣшенные кружки самообразованія могутъ взять верхъ надъ другими и соединить въ себѣ лучшую часть студенчества. Чѣмъ-то подобнымъ было, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, научно-литературное общество при с.-петербургскомъ университетѣ, состоявшее подъ предсѣдательствомъ О. Ѳ. Миллера и закрытое вслѣдствіе несчастной случайности, только по недоразумѣнію поставленной въ вину цѣлому обществу. Участвовавшіе въ обществѣ сохранили о немъ до сихъ поръ самое теплое воспоминаніе; многимъ оно дало не только стимулъ къ умственной работѣ, но и большую нравственную поддержку, сыгравъ для нихъ ту роль, которую Лежневъ, въ Тургеневскомъ „Рудинѣ", приписываетъ Покорскому. Это былъ именно кружокъ для самообразованія, широкій, живой и крѣпко сплоченный вокругъ своего любимаго руководителя. Конечно, такая форма организаціи—не единственная возможная; кружковъ можетъ быть больше или меньше, они могутъ быть болѣе или менѣе многочисленны, группироваться около одного профессора или около многихъ,—но во всякомъ случаѣ они не должны быть смѣшиваемы ни съ нынѣшними семинаріумами или „совѣщательными часами" (выраженіе, принятое въ московскомъ университетѣ для бесѣдъ профессора съ его слушателями), ни съ спеціально-

Digitized by Google

научными кружками, доступными только для студентовъ извѣстнаго факультета или даже извѣстнаго отдѣла.

Третья форма группировки студентовъ—студенческія общежитія—отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что она и въ настоящее время не только не запрещена, но даже поощряется правительствомъ (припомнимъ крупное ассигнованіе на устройство общежитій для студентовъ московскаго университетета, состоявшееся въ прошломъ году по случаю коронованія Государя Императора). Мы узнаёмъ изъ статьи кн. Трубецкого, что общежитія проектируются не для однихъ только стипендіатовъ, или вообще для нуждающихся студентовъ, но и для болѣе достаточныхъ, если у нихъ нѣтъ въ Москвѣ ни семьи, ни близкихъ родственниковъ. Предполагается не одно общежитіе, а нѣсколько, различныхъ типовъ и съ различной обстановкой, приблизительно на тысячу человѣкъ. Спеціально благотворительнаго характера общежитія, такимъ образомъ, имѣть не будутъ. Это прекрасно, но этого мало. Кн. Трубецкой совершенно правъ, доказывая необходимость обращенія общежитій въ „крѣпкую, истинно-академическую организацію", на почвѣ которой могли бы получить должное развитіе всѣ занятія, „не входящія въ рамки оффиціальнаго преподаванія". Въ общежитіяхъ „достижима правильная спеціализація научныхъ занятій, безъ ущерба для образовательныхъ цѣлей факультетскаго преподаванія—и вмѣстѣ правильная организація дѣятельности, направленной къ самообразованію". Живя въ такомъ общежитіи, „студентъ будетъ жить въ университетѣ, дышать его умственною атмосферой, а не атмосферой гостинницы, случайно открытой подъ университетскою фирмой". Задачу, намѣчаемую кн. Трубецкимъ, осуществить нелегко—но она такъ высока, такъ привлекательна, что не хотѣлось бы признать ее неисполнимой. Само собою разумѣется, что прочной почвы для новой постройки нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ дать не въ силахъ—но кое-что можетъ быть сдѣлано или подготовлено и теперь. Сюда относится, напримѣръ, дальнѣйшее развитіе практическихъ занятій, въ расширеніи которыхъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа приватъ-доцентовъ, кн. Трубецкой справедливо видитъ единственную заслугу дѣйствующаго университетскаго устава. Ту же самую мысль приводитъ и профессоръ Карѣевъ, въ новой своей брошюрѣ: „Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса", весьма полезной какъ для будущихъ, такъ и для настоящихъ студентовъ. Нисколько не отрицая недостатковъ существующаго университетскаго устройства, Н. И. Карѣевъ хочетъ показать своимъ читателямъ, чего они могутъ достигнуть въ данное время, при данныхъ условіяхъ. „Я отнюдь не идеализирую дѣйствительности" — говоритъ онъ,—„но стараюсь понять ее идеально и изобразить ее въ духѣ этого

Digitized by Google

пониманія, дабы, передавая другимъ такое пониманіе, тѣмъ самымъ содѣйствовать возвышенію дѣйствительнаго до идеальнаго". Онъ совѣтуетъ студентамъ не замыкаться въ узкую спеціальность, не ограничиваться даже рамками одного факультета, а слушать, по возможности, лекціи и по тѣмъ предметамъ, которые всего больше способствуютъ общему развитію или всего ближе соприкасаются съ главными занятіями слушателя (таковы, напримѣръ, общіе біологическіе курсы—для историковъ и юристовъ, лекціи политической экономіи—для историковъ и естественниковъ, лекціи психологіи и гносеологіи—для естественниковъ и юристовъ). Этимъ путемъ можетъ быть, до нѣкоторой степени, пополненъ пробѣлъ, оставляемый университетомъ въ *общемъ* образованіи студентовъ—тотъ пробѣлъ, о болѣе радикальномъ устраненіи котораго мечталъ когда-то профессоръ Вагнеръ [1]). Что касается до способа работы, то Н. И. Карѣевъ, выясняя несомнѣнную пользу слушанія лекцій, признаетъ его безусловно недостаточнымъ и отводитъ, рядомъ съ нимъ, большое мѣсто чтенію книгъ, практическимъ занятіямъ и, наконецъ, самообразованію, т.-е. самостоятельному знакомству съ областями знанія, наиболѣе важными для общаго развитія.

Подводя, въ январьскомъ обозрѣніи, итоги минувшаго года, мы замѣтили, между прочимъ, что разрѣшеніе нѣсколькихъ новыхъ безцензурныхъ изданій едва ли предвѣщаетъ, само по себѣ, наступленіе лучшихъ временъ для печати. Наше предположеніе очень скоро оправдалось на самомъ дѣлѣ. Изъ числа газетъ, появившихся въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго года, къ 1-му апрѣля „временно пріостановились" уже двѣ—„Гласность" и „Лучъ". Чрезвычайно характерно прощальное слово, съ которымъ обратилась къ своимъ читателямъ газета „Лучъ". Ея издатель былъ увѣренъ, что, „строго сообразуясь въ организаціи, развитіи и веденіи начатаго имъ предпріятія съ существующими на этотъ счетъ законами", онъ въ правѣ считать его „прочно обезпеченнымъ отъ всякихъ случайныхъ внѣшнихъ колебаній и искусственныхъ препятствій". Увѣренность эта была ошибкой: „на опытѣ оказалось, что, при существующихъ условіяхъ положенія печати, газетное дѣло слишкомъ шатко, подвержено разнаго рода случайностямъ, которыхъ нельзя ни предусмотрѣть, ни предупредить". Не ясно ли, что до устраненія этихъ „случайностей" не можетъ быть и рѣчи" о перемѣнѣ къ лучшему въ судьбахъ печати?

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 9 „Вѣстн. Европы" за 1883 г. и № 10 за 1891 г.; въ послѣдней говорится и о попыткахъ практическаго осуществленія мысли Н. П. Вагнера, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ самого г. Вагнера, проф. Введенскій и Карѣевъ.

Digitized by Google

Что́ пользы въ увеличеніи числа періодическихъ изданій, если они всѣ—за исключеніемъ привилегированныхъ—одинаково висятъ на волоскѣ, всегда готовомъ оборваться? Нѣсколько разъ, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, можно было думать, что близокъ желанный пересмотръ законовъ о печати — но вмѣсто того всегда получалось обостреніе строгости. Иногда оно выражалось въ новыхъ „временныхъ" правилахъ, ничѣмъ, по продолжительности дѣйствія, не отличающихся отъ постоянныхъ, иногда — въ новой „практикѣ", создающей новыя случайности. Сюда относится, напримѣръ, разрѣшеніе новыхъ газетъ безъ утвержденія настоящаго, постояннаго редактора, а съ допущеніемъ редактора временнаго, во всякій данный моментъ подлежащаго устраненію, а при отсутствіи редактора газета или журналъ, какъ извѣстно, выходить не можетъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно здѣсь слѣдуетъ искать причину исчезновенія „Луча", равно какъ и пріостановокъ, которымъ раньше подвергались „Лучъ" и „Русь". Такое положеніе дѣлъ нельзя признать вполнѣ нормальнымъ. При той власти, которою облечена администрація по отношенію къ печати, едва ли нужны еще косвенные способы воздѣйствія на нее, къ числу которыхъ принадлежитъ необыкновенная, чрезвычайная разборчивость въ допущеніи редакторовъ. Трудно предположить, чтобы между лицами, представляемыми въ редакторы, не нашлось ни одного, *возможнаго* съ точки зрѣнія администраціи. Вѣдь если утвержденный редакторъ сообщитъ газетѣ такъ-называемое „вредное направленіе" или пойдетъ въ разрѣзъ съ установленными правилами, противъ него и противъ газеты можетъ быть пущенъ въ ходъ цѣлый рядъ мѣръ, цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ оружій; зачѣмъ же предъявлять къ редактору такія требованія, которымъ, какъ оказывается, никто или почти никто не удовлетворяетъ? По смыслу и духу закона, редакторъ вовсе не долженъ быть лицомъ угоднымъ, пріятнымъ администраціи; вполнѣ достаточно, если онъ не принадлежитъ къ числу людей „явно-неблагонадежныхъ", т.-е. признанныхъ неблагонадежными со стороны подлежащаго вѣдомства. Всякое другое толкованіе или примѣненіе закона должно, въ концѣ концовъ, обратить періодическую печать въ коллекцію одноцвѣтныхъ изданій, отличающихся другъ отъ друга развѣ незначительными оттѣнками. Мы знаемъ, что именно таковъ идеалъ „охранительныхъ" газетъ и ультра-благонамѣренныхъ книгъ—но не къ нему, до сихъ поръ, стремилось законодательство о печати, мирившееся, съ 1865 г., и даже раньше, съ разнообразіемъ направленій, какъ съ необходимымъ условіемъ развитія и жизни... Объ исчезновеніи „Луча" можно пожалѣть тѣмъ больше, что, дешевый по цѣнѣ, онъ не имѣлъ, ни по тону, ни по содержанію, ничего общаго съ такъ-называемой „мелкой прессой"—и это не по-

Digitized by Google

мѣшало ему пріобрѣсти обширный кругъ читателей. Съ глубокимъ отвращеніемъ мы прочли, поэтому, слѣдующія строки въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго („Гражданинъ“, № 25): „я спросилъ приказчика магазина Вольфа [1]), „почему пришла кончина *Луча*—потому ли, что въ четыре мѣсяца онъ все сказалъ, что хотѣлъ повѣдать русскому человѣчеству, или потому, что убытки слишкомъ велики? Послѣднее оказалось причиною смерти. Но не разумнѣе ли было бы догадаться объ убыткахъ до начала дѣла? Тогда получился бы чистый барышъ—сбереженныя 30—40 тыс. руб., ухлопанныхъ на газету „Лучъ“. „Гражданину“ не можетъ не быть извѣстно, что убытки отъ изданія „Луча“ получились не вслѣдствіе слабаго спроса на газету, которая, наоборотъ, пошла въ ходъ прекрасно, а вслѣдствіе причинъ, которыхъ нельзя было заранѣе предвидѣть.

Въ маѣ 1898 г. исполнится пятидесятилѣтіе со дня смерти Бѣлинскаго. Директоръ первой пензенской гимназіи, А. Е. Соловьевъ, въ „Пензенск. Губернск. Вѣдом.“ поднимаетъ вопросъ „о возданіи должной чести этому знаменитому уроженцу пензенской губерніи и бывшему воспитаннику пензенской губернской гимназіи“. По словамъ г. Соловьева, педагогическій совѣтъ гимназіи уже положилъ начало дѣлу, пожертвовавъ болѣе ста рублей на устройство торжества. Этого, конечно, недостаточно, чтобы почтить память знаменитаго критика, но г. Соловьевъ надѣется, что бывшіе воспитанники пензенской гимназіи сочувственно отнесутся къ возданію должной чести своему бывшему сокашнику по школѣ, а равно и всѣ просвѣщенные граждане пензенской губерніи. Онъ предлагаетъ поставить въ скверѣ противъ гимназіи чугунную статую В. Г. Бѣлинскаго, съ раскрытою книгой, въ которой золотыми буквами была бы написана слѣдующая выдержка изъ сочиненій критика: „Больше всего постарайтесь развить въ дѣтяхъ чувство безконечнаго; заставьте дѣтей любить Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что̀ есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и, наконецъ, во всякомъ чистомъ движеніи ихъ младенческаго сердца (I, 665)“. Педагогическимъ совѣтомъ гимназіи уже возбуждено ходатайство о разрѣшеніи празднованія.

---

[1]) Книгопродавецъ А. М. Вольфъ былъ *издателемъ* „Луча“, только по необходимости несшимъ на себѣ, въ послѣднее время, званіе временнаго редактора.

Digitized by Google

Мысль г. Соловьева заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія, и въ осуществленіи ея, если оно не встрѣтитъ формальныхъ препятствій, примутъ участіе, безъ сомнѣнія, не одни только пензенскіе почитатели великаго критика. Есть, однако, еще другой способъ чествованія его памяти: снятіе ограниченій, которыми до сихъ поръ обставлено чтеніе его произведеній. Напомнимъ любопытныя свѣдѣнія по этому предмету, недавно появившіяся въ печати. Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ замѣтилъ, что неимѣніе въ ученическихъ библіотекахъ сочиненій Бѣлинскаго или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ихъ томовъ (III, VI, VIII) представляется очень неудобнымъ при изученіи русской литературы. Министерство народнаго просвѣщенія, въ виду этого замѣчанія, снеслось съ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, при чемъ оказалось, что означенные выше томы сочиненій Бѣлинскаго прямо внесены въ программу по русскому языку для кадетскихъ корпусовъ, какъ пособія для внѣкласснаго чтенія. Послѣ этого вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Комитетъ полагалъ, что „такъ какъ сочиненія Бѣлинскаго, по глубинѣ и вѣрности критическихъ замѣчаній, по идеальному благородству мыслей и красотѣ, силѣ и увлекательности ихъ выраженій могутъ *воодушевлять юношей ко всему доброму и прекрасному*, то было бы желательно включить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго“, съ тѣмъ, чтобы одновременно съ ними было включаемо въ эти библіотеки и важное для правильнаго пониманія и оцѣнки ихъ сочиненіе А. Н. Пыпина: „Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго“. Министръ народнаго просвѣщенія не принялъ, однако, заключенія ученаго комитета: не внося ничего въ каталогъ ученическихъ библіотекъ, онъ разрѣшилъ только (13-го октября 1896 г.) выдавать изъ фундаментальныхъ (учительскихъ) библіотекъ III, VI и VIII томы Бѣлинскаго ученикамъ старшихъ классовъ гимназіи и реальныхъ училищъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, разрѣшеніе выдачи трехъ только томовъ неудобно уже потому, что недавно вышло въ свѣтъ новое, дешевое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, съ другимъ числомъ томовъ и другимъ распредѣленіемъ между ними матеріала. Почему министерство относится съ такимъ недовѣріемъ къ сочиненіямъ Бѣлинскаго—это понять нелегко, особенно въ виду вышеприведеннаго отзыва ученаго комитета того же министерства. Сочиненія Бѣлинскаго, особенно теперь, когда появилось дешевое ихъ изданіе, можно найти почти въ каждой сколько-нибудь образованной русской семьѣ, а слѣдовательно — и въ рукахъ весьма и весьма многихъ гимназистовъ и реалистовъ. Не допускать ихъ въ ученическія библіотеки, ограничивать выдачу ихъ изъ библіотекъ фундаментальныхъ, значитъ

Digitized by Google

только возбудить въ молодыхъ головахъ усиленное любопытство и вопросъ о томъ, что же „опаснаго“ и „вреднаго“ могъ сказать писатель, именемъ котораго гордится Россія?..

На дняхъ исполнилось сорокапятилѣтіе литературной дѣятельности Алексѣя Антиповича Потѣхина. Немного найдется писателей, у которыхъ, послѣ долгой и разнообразной работы, было бы столько друзей и такъ мало недоброжелателей. Какъ романистъ и драматургъ, А. А. постоянно былъ вѣренъ тѣмъ чувствамъ и идеямъ, съ которыми онъ вступилъ въ жизнь, подъ эгидой *молодой редакціи* „Москвитянина“. По удачному выраженію П. Д. Боборыкина [1]), онъ относился и относится „къ русскому простому люду какъ художникъ и какъ другъ народа, безъ слащаваго народничества и мрачнаго пессимизма“. Другой ораторъ, С. В. Максимовъ, напомнилъ весьма кстати о тріумфѣ, который А. А. Потѣхинъ доставилъ незабвенному Мартынову, а Мартыновъ—А. А. Потѣхину, въ пьесѣ послѣдняго: „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“. Кто переживалъ конецъ пятидесятыхъ годовъ, тому навсегда останутся памятными представленія этой пьесы. Она показала, вмѣстѣ съ „Холостякомъ“ Тургенева и „Грозой“ Островскаго, какимъ сокровищемъ обладалъ русскій театръ въ лицѣ геніальнаго актера, долго считавшагося только водевильнымъ забавникомъ. И теперь, на старости лѣтъ, А. А. Потѣхину дорогъ и близокъ театръ, которому онъ обязанъ лучшими своими успѣхами. „Избытками сбереженныхъ силъ“, по словамъ С. В. Максимова, „онъ отдаетъ всю прекрасную свою душу на дѣло помощи всему безъ исключенія сословію сценическихъ дѣятелей, до самыхъ малыхъ, забытыхъ и забитыхъ“: Какою любовью платятъ ему за то сценическіе дѣятели—объ этомъ свидѣтельствуютъ овація, привѣтствовавшія его недавно въ Москвѣ, на первомъ театральномъ съѣздѣ...

Въ концѣ марта мѣсяца въ Редакціи было получено изъ села Знаменскаго, торопецкаго уѣзда, псковской губерніи, отъ А. А. Поджіо, нижеслѣдующее письмо, отъ 18-го марта 1897 г.:

„М. г. Въ издаваемомъ вами журналѣ „Вѣстникъ Европы“, въ книжкѣ 11-й, за ноябрь 1896 года, помѣщена статья подъ заглавіемъ „А. В. Поджіо“, въ которой на страницахъ 199—201 высказано, что авторъ этой статьи, г. Бѣлоголовый, былъ въ Шуколовѣ у Александра

[1]) Въ рѣчи на обѣдѣ, данномъ въ честь А. А. Потѣхина, 19-го апрѣля.

Digitized by Google

Викторовича Поджіо въ концѣ марта 1862 года; что затѣмъ черезъ два мѣсяца выѣхалъ за границу, и что вскорѣ послѣ этого въ „Колоколѣ“ имъ помѣщена была статья о томъ, что не одинъ Анненковъ изъ числа декабристовъ не получилъ отъ своихъ родственниковъ своего имущества, которымъ послѣдніе владѣли, но что къ нему слѣдуетъ присоединить и А. В. Поджіо; который не получилъ своей доли отъ моего отца А. О. Поджіо, статья эта будто бы имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что послѣ отъѣзда г. Бѣлоголоваго въ декабрѣ 1862 года въ Сибирь состоялось рѣшеніе третейскаго суда, присудившаго моего отца А. О. Поджіо къ уплатѣ своему дядѣ 15.000 рублей.

„Прилагая при семъ засвидѣтельствованную нотаріальнымъ порядкомъ копію рѣшенія третейскаго суда, отъ 4-го мая 1862 года, а равно № 110 „Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 24-го мая 1862 года, въ которомъ оно опубликовано, покорнѣйше прошу васъ, въ видѣ опроверженія, помѣстить названное рѣшеніе третейскаго суда [1]) дословно въ издаваемомъ вами журналѣ „Вѣстникъ Европы“, а равно и настоящее мое письмо къ вамъ, въ которомъ я не могу не упомянуть, что отецъ мой былъ женатъ не на княжнѣ Гагариной, какъ говоритъ г. Бѣлоголовый, а на В. Н. Муравьевой.

„Предоставляю вамъ самимъ, господинъ редакторъ, судить, насколько правденъ разсказъ г. Бѣлоголоваго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ касается недоразумѣній моего отца съ Александромъ Викторовичемъ Поджіо“.

Дѣйствительно, изъ простого сравненія воспоминаній А. Н. Бѣлоголоваго съ препровожденнымъ намъ документомъ, вполнѣ несомнѣннымъ, слѣдуетъ заключить, что авторъ ихъ сообщилъ, по памяти, „распущенный слухъ“, о которомъ, впрочемъ, упоминается и въ документѣ, и который, слѣдовательно, существовалъ въ то время, а потому и могъ легко ввести въ заблужденіе самого автора воспоминаній. Въ

---

[1]) „1862 года мая 4 дня, мы нижеподписавшіеся Посредники по третейскому суду, тайный совѣтникъ Николай Романовъ Ребиндеръ со стороны дворянина Александра Викторовича Поджіо, и коллежскій совѣтникъ Павелъ Николаевичъ Мясновъ со стороны племянника его, Александра Осиповича Поджіо, разсмотрѣвъ дѣло по предмету будто бы удержанія послѣднимъ части наслѣдства Александра Викторовича Поджіо, пришли къ тому заключенію, что вышесказанный племянникъ Александръ Осиповичъ Поджіо въ отношеніи распущеннаго объ немъ слуха совершенно невиненъ, ибо съ своей стороны дѣлалъ и сдѣлалъ все, что совѣсть на него возлагала. Коллежскій совѣтникъ Павелъ Николаевъ Мясновъ, тайный совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ. Подпись руки господина тайнаго совѣтника Николая Романовича Ребиндера удостовѣряю за экзекутора 8 департамента сената титулярный совѣтникъ Никаноръ Осовецкій 4 мая 1862 года“. (МП)

Digitized by Google

маѣ мѣсяцѣ 1862 г., Бѣлоголовый уѣхалъ за границу, простившись съ А. В. Поджіо еще въ мартѣ того же года, за два мѣсяца предъ отъѣздомъ; о третейскомъ судѣ въ маѣ мѣсяцѣ и о его рѣшеніи онъ могъ и не знать, да, вѣроятно, и не зналъ, такъ какъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о третейскомъ судѣ въ декабрѣ, а не въ маѣ 1862 г. Во всякомъ случаѣ, зная лично и близко покойнаго А. Н. Бѣлоголоваго, мы утверждаемъ только одно, а именно, что онъ могъ въ этомъ случаѣ ошибаться, или быть введеннымъ, какъ мы сказали, въ заблужденіе, но намѣренно покуситься на чью-либо честь — онъ былъ просто неспособенъ...

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

1.— Отъ Совѣта Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ.

„Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ объявляетъ, что изъ капитала, собраннаго присяжными стряпчими С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, въ память пятидесятилѣтія его существованія, въ вѣдѣніи сего Общества, образовано двѣ преміи, по одной тысячи рублей каждая, за лучшія сочиненія „о договорѣ купли-продажи по русскому праву“ и о „товариществѣ по русскому праву“ по нижеизложеннымъ программамъ. Сочиненія, предназначенныя ихъ авторами для соисканія этихъ премій, должны быть изложены на русскомъ языкѣ и представлены не позже 1 января 1900 года въ рукописяхъ или напечатанными (послѣднія въ количествѣ — 10 экземпляровъ) на имя Предсѣдателя Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Рукописныя сочиненія могутъ быть представлены подписанныя авторами или подъ девизомъ. Удостоенное преміи рукописное сочиненіе должно быть напечатано авторомъ въ теченіе одного года со времени выдачи преміи. Каждая изъ премій выдается автору сочиненія, признаннаго наиболѣе того достойнымъ по постановленію коммиссіи, состоящей при Юридическомъ Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдательствующаго въ Гражданскомъ Отдѣленіи этого Общества, изъ профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета по каѳедрамъ гражданскаго и торговаго права, Предсѣдателя С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, одного присяжнаго стряпчаго сего Суда, избраннаго общимъ собраніемъ присяжныхъ стряпчихъ, и двухъ членовъ Юридическаго Общества, избранныхъ Гражданскимъ Отдѣленіемъ онаго. Если же ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ признано достойнымъ преміи или же ни одного сочиненія на данную тему, въ теченіе вышеуказаннаго срока, не будетъ представлено, то назначается новый срокъ и присужденіе преміи производится тѣмъ же порядкомъ“.

ПРОГРАММЫ СОЧИНЕНІЙ:

А) Договоръ купли-продажи по русскому праву.

Въ сочиненіи должны быть подробно обсуждены правила дѣйствующаго права, относящіяся ко всѣмъ видамъ купли-продажи товаровъ, процентныхъ бумагъ и вообще движимаго имущества, за исключеніемъ купли-продажи, относящейся къ литературной, художественной и промышленной собственности, а также купли-продажи процентныхъ бумагъ посредствомъ биржевыхъ сдѣлокъ. Матеріаломъ для сочиненія должны служить не только русское законодательство, русская судебная прак-

Digitized by Google

тика и русское обычное право, но и постановленія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Авторъ долженъ посвятить особое вниманіе: 1) мѣсту, занимаемому куплею-продажею движимости въ системѣ 1-й ч. X т. св. зак.; 2) проводимому дѣйствующимъ правомъ различію между продажею съ одной стороны и запродажею и поставкою съ другой и вопросу о желательности сохраненія этого различія въ будущемъ законодательствѣ; 3) вопросу о томъ,—когда покупщикомъ пріобрѣтается право собственности и когда на него переходитъ рискъ; 4) вопросу о томъ,—охраняются ли дѣйствующими законами интересы добросовѣстнаго покупщика и въ какой мѣрѣ желательна такая охрана. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ изъ ученія о куплѣ-продажѣ авторъ долженъ указать, какія особенности представляетъ купля-продажа торговая, и высказать свое мнѣніе о томъ, желательно ли, чтобы будущее законодательство, въ виду этихъ особенностей, посвятило торговой куплѣ-продажѣ особыя постановленія.

Б) Товарищество по русскому праву.

Авторъ долженъ прежде всего выяснить отличительные признаки всѣхъ отдѣльныхъ видовъ товарищества. При этомъ ему слѣдуетъ имѣть въ виду какъ виды товарищества, предусмотрѣнные дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, такъ и тѣ, которые сему законодательству неизвѣстны, но встрѣчаются въ важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствахъ или въ русскомъ торговомъ и гражданскомъ быту. Далѣе въ сочиненіи должны быть разработаны вопросы о томъ, слѣдуетъ ли въ будущемъ русскомъ законодательствѣ: 1) провести различіе между товариществомъ торговымъ и неторговымъ; 2) опредѣлить правила для товариществъ нынѣ неизвѣстныхъ русскому законодательству. Наконецъ, авторъ обязанъ подробно разработать юридическія отношенія, свойственныя каждому изъ видовъ товарищества, за исключеніемъ акціонернаго общества и артели рабочихъ. Матеріалами для такой разработки должны служить не только русское дѣйствующее законодательство, русская судебная практика и русское обычное право, но и постановленія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ.

II.—Отъ Общества борьбы съ заразными болѣзнями.

Продолжающееся непрерывно и доходящее по временамъ до опустошительныхъ эпидемій, проявленіе остро-заразныхъ болѣзней, какъ дифтерія и тифъ, а также постоянно увеличивающееся число одержимыхъ хроническими, передаваемыми отъ одного къ другому, болѣзнями, какъ бугорчатка и сифилисъ, наводятъ на мысль, что для возможнаго противодѣйствія этому злу недостаточно общихъ, примѣняемыхъ у насъ земствомъ, городами и администраціей, мѣропріятій, но необходимо содѣйствіе всѣхъ просвѣщенныхъ лицъ, которымъ дороги интересы нашего отечества, столь несомнѣнно нуждающагося въ широкомъ поднятіи его санитарнаго благосостоянія.

Въ виду сказаннаго, Ея Императорское Высочество Принцесса

Digitized by Google

Евгенія Максимиліановна Ольденбургская положила начало организаціи особаго общества для борьбы съ заразными болѣзнями, уставъ котораго, составленный подъ руководствомъ Ея Императорскаго Высочества, утвержденъ 5 іюня 1896 года.

Общество состоитъ изъ: а) членовъ почетныхъ, оказавшихъ особыя услуги въ достиженіи преслѣдуемыхъ Обществомъ цѣлей, б) членовъ-учредителей, подписавшихъ протоколъ объ учрежденіи Общества и присоединившихъ свои подписи на протоколѣ, до открытія дѣйствія Общества, в) членовъ-соревнователей, вносящихъ въ кассу Общества не менѣе 100 руб. единовременно или 5 руб. ежегодно, и г) членовъ сотрудниковъ, личнымъ трудомъ принимающихъ участіе въ дѣятельности Общества.

Не могутъ быть членами Общества: лица несовершеннолѣтнія, за исключеніемъ имѣющихъ классные чины, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ нижніе чины, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и подвергшіеся ограниченію правъ по суду.

Лица, желающія быть избранными въ члены-соревнователи или члены-сотрудники Общества, приглашаются заявлять о своемъ желаніи членамъ-учредителямъ, которые снабжены квитанціонными книжками для пріема взносовъ.

Заявленія и взносы могутъ быть направляемы также въ Контору Двора Его Высочества Принца Александра Петровича и Супруги Его Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ: С.-Петербургъ. — Марсово поле, дворецъ Ихъ Высочествъ.

III.—Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ".

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ", при основаніи своемъ, поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особое вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи.

Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти на встрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—„библіотечную коммиссію", возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать, по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммиссія принимаетъ на себя

Digitized by Google

устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммиссіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи" полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ: „въ библіотечную коммиссію", справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера лично и секретаремъ коммиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. К. Скальковскаго. Спб. 1897. Стр. XXIII и 560. Ц. 3 р.

Въ этой книгѣ авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній почти всѣхъ существующихъ государствъ, за исключеніемъ именно Россіи,—и остается не вполнѣ понятно, почему этотъ рядъ очерковъ долженъ считаться введеніемъ въ русскую иностранную политику. Въ предисловіи г. Скальковскій объясняетъ, что цѣлью его было ознакомить публику „съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ всѣхъ державъ и изъ этого положенія вывести, каковы должны быть ихъ отношенія къ Россіи, чтобы затѣмъ, въ свою очередь, изложить взгляды на тѣ отношенія, которыя въ дѣйствительности существуютъ съ нашей стороны къ иностраннымъ государствамъ". Итакъ, авторъ собственно имѣлъ въ виду выяснить не нашу внѣшнюю политику, а политику „всѣхъ державъ" относительно Россіи,—что, конечно, далеко не одно и тоже. Чтобы судить о нашихъ иностранныхъ дѣлахъ, г. Скальковскій долженъ былъ бы, согласно своему собственному принципу, разсмотрѣть наше внутреннее положеніе, войти въ оцѣнку нашихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ и вывести изъ нихъ соотвѣтственныя заключенія о желательной и возможной для насъ внѣшней политикѣ; но безъ того онъ не могъ имѣть мѣрила для опредѣленія разумныхъ цѣлей и способовъ дѣйствія Россіи въ области международныхъ отношеній. Г. Скальковскій высказываетъ, правда, много отдѣльныхъ замѣчаній о нашей внѣшней политикѣ по разнымъ поводамъ и вопросамъ, безъ всякой связи и безъ опредѣленной руководящей мысли; замѣчанія эти разсѣяны въ книгѣ въ достаточномъ изобиліи, но все же они не даютъ матеріала для какихъ-нибудь общихъ выводовъ. Замѣтимъ, авторъ давно уже извѣстенъ, какъ публицистъ, пишущій интересно о самыхъ разнородныхъ предметахъ; благодаря тому, и эта книга его читается съ интересомъ, хотя часто имѣетъ не вполнѣ правильныя понятія о предметѣ (какъ напр., о правѣ захвата частной собственности на морѣ, о каперствѣ и др.). Что касается критическихъ отзывовъ о нашей дипломатіи, то большею частью они сводятся къ осужденію отдѣльныхъ лицъ, безъ указанія тѣхъ причинъ, которыми порождались и поддерживались указываемые авторомъ недостатки ихъ внѣшней политики.

Духовныя основы жизни. Владиміра Соловьева. Изд. 3-е, Спб. 97. Стр. 177. Ц. 1 р.

Этотъ трактатъ принадлежитъ къ числу прежнихъ работъ автора, давно уже вышедшихъ изъ обращенія; признавая его полную переработку трудомъ весьма сложнымъ и требующимъ значительнаго времени, авторъ въ новомъ изданіи ограничился небольшими передѣлками и необходимыми поясненіями. Читатель найдетъ въ этой книгѣ первоначальную форму тѣхъ идей автора о христіанствѣ, о церкви, о христіанскомъ государствѣ и обществѣ, которыя онъ развивалъ позже въ послѣдующихъ своихъ трактатахъ—до недавно появившейся въ печати его книги, посвященной нравственной философіи.

Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Н. Карѣева. Спб. 1897. Стр. 167. Ц. 50 к.

Мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ, когда онъ говоритъ, да иначе онъ и не можетъ говорить, какъ профессоръ,—что „университетъ есть школа не профессіональная, а ученая и *образовательная*", почему, мы и полагаемъ, университетскій факультетъ все-таки существенно отличается отъ всякой хотя бы также высшей, но спеціальной школы, пользующейся даже прерогативами внѣшняго характера предъ факультетомъ, какъ напримѣръ, юридическій факультетъ и училище правовѣдѣнія. Совершенно понятно, что для юноши выборъ между училищемъ правовѣдѣнія, горнымъ институтомъ или институтомъ инженеровъ путей сообщенія, является вопросомъ жизни, но въ университетѣ, который вовсе не является соединеніемъ въ одномъ зданіи высшими спеціальными школами,—вопросъ о выборѣ факультета не долженъ имѣть такого же значенія.

Курсъ физики, О. Д. Хвольсона. Т. I. Съ 377 рис. въ текстѣ. Спб. 97. Стр. 631. Ц. 5 р.

Настоящій томъ составляетъ только одну четверть предпринимаемаго авторомъ изданія и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма видное мѣсто въ научной литературѣ предмета. Содержаніе его составляетъ, кромѣ „Введенія": механика, измѣреніе тѣлъ, силъ, времени, тяжести и средней плотности земли; ученіе о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ. Второй томъ будетъ посвященъ ученію о звукѣ и лучистой энергіи; третій—ученію о теплотѣ, и, наконецъ, четвертый—ученію о магнетизмѣ и электричествѣ.

Самуилъ Ганеманъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Д-ра мед. Л. Е. Брадоля. Спб. 96. Стр. 91. Ц. 50 к.

Поводомъ къ новому очерку жизни знаменитаго медицинскаго профессора Ганемана, родоначальника гомеопатовъ, послужило исполнившееся въ 1896 г. столѣтіе со времени опубликованія его статьи: „Опытъ новаго принципа для отысканія цѣлительныхъ силъ лекарственныхъ веществъ"; съ этого времени новѣйшіе гомеопаты ведутъ, такъ сказать, свое лѣтосчисленіе. Независимо отъ того выдающагося значенія, какое Ганеманъ имѣлъ въ исторіи медицины, его личная судьба, какъ новатора, весьма поучительна, и въ настоящемъ очеркѣ читатель найдетъ много весьма интересныхъ подробностей, касающихся жизни этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности.

Поэмы, Думы и Пѣсни. В. К. Булгакова. Спб. 97. Стр. 392. Ц. 2 р. 50 к.

Въ настоящемъ томѣ, какъ видно изъ его объема, собраны поэтическіе труды автора за много лѣтъ: въ немъ помѣщено до восьми поэмъ и около двухсотъ лирическихъ стихотвореній. Въ нашемъ журналѣ, въ послѣдніе годы, было помѣщено нѣсколько изъ такихъ лирическихъ стихотвореній, по которымъ можно судить объ общемъ ихъ характерѣ, вытекающемъ преимущественно изъ личныхъ, душевныхъ, болѣе или менѣе скорбныхъ настроеній поэта; нѣкоторое однообразіе поэзіи, какъ неизбѣжное послѣдствіе того, искупается отчасти удовлетворительной техникой и мелодичностью стиха.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1897 г.
(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки: въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ пересылкою	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и вторую четверть 1897 г.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невскомъ просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Медье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) при книжн. магаз. П. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Кока; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если имѣется такое учрежденіе въ данномъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Контору журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскою подписчикамъ перемѣна въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, перемѣна въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Деньги* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовой марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-Я.

ІЮНЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1897.

I.—ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПЕЛОПОННЕСА.—XIV. Въ древнемъ царствѣ Атридовъ. — XV. Микенскій акрополь. — XVI. Тиринѳъ — крѣпость циклоповъ.—XVII. Наполи-ди-Романія. — XVIII. Святилище Эскулапа въ Эпидаврѣ.—XIX. Черезъ Коринѳскій перешеекъ.—Окончаніе. — **Евг. Л. Маркова** 457

II.—ВЪ ОГНѢ. — Разсказъ. — **В. Авсѣенко** 502

III.—Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ И ЕГО „ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ".—**В. Д. Спасовича** 520

IV.—ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 691

V.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГГ. А. К. ТОЛСТОГО.—1864-1868 гг. 668

VI.—МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.—Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія 50 лѣтъ.—I. Сороковые и пятидесятые годы.—II. Университетъ съ 1858 г. по 1874 г.—**А. Л—каго.** 641

VII.—ДОЧЬ СВОЕГО ВѢКА.—VII-XV.—Съ англ.—Окончаніе.—**А. Б—г—** . . . 695

VIII.—А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ.—**В. Е. Якушкина.** . . . 719

IX.—ГОСПОДИНЪ КАЛОШКИНЪ.—Разсказъ.—**Влад. Каренина** 750

X.—ХРОНИКА.—Еще о денѣжной реформѣ.—**Л. З. Слонимскаго.** 772

XI.—НОВАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВЪ С.-АМ. СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.—**П. А. Тверского.** 783

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій.—Различіе между основаніемъ изданія и его переходомъ въ другія руки.—Временной характеръ новой мѣры.—Недомолвки въ разсужденіяхъ „охранительной" печати о дворянскомъ вопросѣ. — Мнимая солидарность интересовъ и мнимыя особенности „служилаго" сословія.—„Ограниченный ужъ подданныхъ" въ старой Пруссіи.—Новые законы 831

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Греко-турецкая война и европейская дипломатія.—Странные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на Турцію и на ея побѣды.—Замѣчанія о „курьезномъ" характерѣ военныхъ дѣйствій.—Греки и турки.—Бѣдствія войны и случайныя катастрофы. — Пожаръ въ Парижѣ. — Вильгельмъ II и его восточная политика 841

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сборникъ Т. И. Филиппова. — **Вл. С.**— Новыя книги и брошюры 856

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Fernand Vandérem, Les deux Rives, roman.—II. E. Vigié-Lecocq, La Poésie Contemporaine.—**З. В.** . . . 864

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новыя общества грамотности.—Распоряженія въ области начальной школы.—Вопросъ о народной читальнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Московскій городской голова.—„Пріемъ иронін", употребленный проф. Исаевымъ.—Юбилей А. Г. Небольсина.—М. П. Трубникова и Н. А. Любимовъ †.—P. S. Еще статьи „Моск. Вѣд." о дворянскомъ вопросѣ. 876

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ „Союза взаимопомощи русскихъ писателей" 888

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. — Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Культурно-географическіе очерки дальняго Востока. Проф. А. Н. Краснова. Съ 101 рис. и 2 карт.—Власть и право. Философія объективнаго права. В. Ф. Залѣсскій. — Фритьофъ Нансенъ. В. Г. Бреттера и Н. Гольфсена, съ стихотворнымъ введеніемъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

Digitized by Google

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННАГО

ПЕЛОПОННЕСА

ОКТ 25 1897

Окончаніе.

XIV.—Въ древнемъ царствѣ Атридовъ *).

Мы покинули Триполицу утромъ Троицына дня. Желѣзнодорожный поѣздъ отправлялся въ Аргосъ въ семь часовъ. Едва успѣли перелетѣть черезъ плодоносную равнину Триполицы, какъ желѣзная дорога ударилась въ горы и пошла тѣсными ущельями, карнизами, взрывами скалъ; съ сѣвера отъ насъ—гора св. Иліи, съ юга—Партеніумъ. Поѣздъ вьется между безчисленными поворотами ихъ скалъ и отроговъ, въ хаосѣ свѣже-взорванныхъ красныхъ известняковъ, иногда по такимъ тѣснымъ корридорамъ, что такъ и кажется—сейчасъ зацѣпишься за нихъ. Дико и безплодно кругомъ; горы совсѣмъ голыя; попадаются только кое-гдѣ тощіе хлѣба, да около рѣдко разбросанныхъ селеній скаты ближнихъ холмовъ зеленѣютъ маленькими виноградниками и купами деревьевъ. Проѣхали мы черезъ большое село Версову, опять съ славянскимъ именемъ и, стало быть, съ далекимъ славянскимъ прошлымъ, проѣхали Масклену и Ахалдокампосъ, красиво разбросанный по горѣ въ дубовомъ лѣсу. Отъ Ахалдокампоса начинается почти непрерывный спускъ, искусно извивающійся крутыми пет-

*) См. выше: май, 173 стр.

Digitized by Google

лями и зигзагами вокругъ выступовъ горы св. Иліи, которая все время виситъ надъ нами, то сзади, то сбоку, то спереди, никуда не отпуская насъ отъ себя, точно играя съ нами въ какую-то дѣтскую игру.

Теперь уже не только деревень, но и полей не видно; дорогу нашу защемило тѣсное ущелье, на днѣ котораго ворчитъ среди камней сердитый потокъ; его, однако, едва разглядишь сквозь сплошную заросль облитыхъ цвѣтами олеандровъ. Поѣздъ несется словно въ глубинѣ каменнаго корридора по узенькому карнизу скалы, вырванному порохомъ всего на ширину двухъ рельсовъ. Вотъ, наконецъ, онъ выносится на просторъ изъ своей тѣснины къ селенію Милой (Myloi, по-гречески), опять, конечно, славянской весьма древней памяти.

Передъ нами широкая пустынная равнина, охваченная по сторонамъ голыми горами.

Справа—голубой заливъ моря подходитъ къ самому селенью, прислонившемуся къ скатамъ небольшого холма. На холмѣ—старая круглая башня римскихъ временъ, а нѣсколько дальше, на высокой горѣ—зубчатыя стѣны средневѣковой крѣпости,—своего рода акрополисъ этого мѣстечка, игравшаго роль еще въ глубокой древности по своему удобному береговому положенію въ глубинѣ тихой бухты. Теперешній голый морской берегъ въ эллинскія времена былъ покрытъ тѣнистою рощею платановъ, въ которой устраивались празднества въ честь Деметры, или Цереры, богини земледѣлія, и бога изобилія, Пана. Около этого селенія, ниже старой часовни св. Іоанна, до сихъ поръ бьютъ изъ земли сильные родники, которые весною и во время зимнихъ дождей разливаются по окрестностямъ и обращаютъ ихъ въ непроходимое болото. Это-то и есть то знаменитое Лернейское болото, въ которомъ, по миѳологическимъ сказаніямъ грековъ, Геркулесъ истребилъ съ помощью огненныхъ снадобій Іолая знаменитую лернейскую гидру.

Современные комментаторы древнихъ сказаній не безъ остроумія, но зато и безъ особенныхъ доказательствъ, увѣряютъ, будто подъ этою миѳическою борьбою съ гидрою нужно понимать просто попытки осушенія знаменитаго болота, сопряженныя, разумѣется, съ неимовѣрными трудностями.

Въ исторіи греческаго освобожденія мѣстность эта тоже занимаетъ одну изъ славныхъ страницъ: въ горномъ ущельѣ, которое замыкается селеніемъ Милой, и черезъ которое мы только-что пронеслись, Дмитрій Ипсиланти съ горстью греческихъ по-

Digitized by Google

встанцевъ геройски отразилъ въ 1825 г. отчаянныя атаки египетскихъ войскъ Ибрагима-паши...

Желѣзная дорога поворачиваетъ отъ селенія Милой нѣсколько къ сѣверу, и равнина до того рѣзко измѣняетъ тотчасъ же свой характеръ, что кажется, будто вы попали въ какой-то другой міръ. Кругомъ васъ стелется во всѣ стороны до голубой лазури моря и картинныхъ скалъ Навпліи, до далекихъ горъ, осѣняющихъ Микены,—широкая плодоносная гладь совсѣмъ спѣлыхъ, большею частью уже снятыхъ, хлѣбовъ, буйныхъ виноградниковъ, роскошныхъ южныхъ садовъ.

Аргосъ узнаёшь издали по его удивительно живописному акрополю, древней Ларисѣ; онъ вѣнчаетъ своими отлично сохранившимися романтическими башнями и лентами зубчатыхъ стѣнъ высокую коническую гору, одиноко торчащую среди равнины невдалекѣ отъ залива. Эта неприступная скала, кажется, самою природою поставлена вооруженнымъ стражемъ прелестныхъ морскихъ береговъ, каждый изгибъ которыхъ—безопасная стоянка для судовъ и открытая дверь въ плодоносную равнину, и которые поэтому издревле манили къ себѣ не только предпріимчивыхъ насельниковъ греческихъ острововъ и побережій, но и далекихъ финикійскихъ и египетскихъ мореходовъ. Такое незамѣнимое торговое и военное положеніе древняго Аргоса, въ связи съ кишащими обиліемъ окрестностями его,—и создали ему раньше, чѣмъ какому-либо другому уголку Греціи, его былую силу и славу.

Древній акрополисъ Аргоса уже не существуетъ, а теперешняя крѣпость на верху горы построена на его мѣстѣ и изъ его камней уже въ средніе вѣка, сначала византійцами, потомъ венеціанцами и турками. Она и теперь могла бы служить серьезнымъ боевымъ оплотомъ. Сохранилась она почти вполнѣ; стѣна разрушилась только съ одной стороны и охватываетъ собою всю просторную вершину горы. Даже зубцы и амбразуры почти всѣ цѣлы. Неудивительно поэтому, что въ дни греческой войны за освобожденіе, Дмитрій Ипсиланти могъ храбро отбиваться въ этихъ стѣнахъ отъ турецкихъ полчищъ. Въ кольцѣ этихъ стѣнъ и башенъ, карабкающихся по обрывамъ скалъ, стоитъ по срединѣ, забравшись на самую макушку горы, крѣпкій замокъ-цитадель съ еще болѣе высокими башнями и стѣнами. Его видишь, какъ мы послѣ убѣдились, Богъ знаетъ изъ какой дали, чуть не отъ самаго Коринѳа, а съ моря—и того дальше.

Классическій акрополь Аргоса-Ларисы, нужно думать, мало разнился наружнымъ видомъ отъ этихъ средневѣковыхъ твер-

Digitized by Google

дынь, такъ что фантазія можетъ легко перенестись къ былымъ вѣкамъ и довольно живо представить себѣ картину Аргоса, какимъ онъ былъ, если не въ черезчуръ далекіе дни Діомеда, то, по крайней мѣрѣ, при Поликлетѣ...

Поликлетъ украсилъ тогдашній Аргосъ многими прекрасными статуями своими, но, къ несчастію, до сихъ поръ ихъ не найдено ни одной.

Нынѣшній же Аргосъ уже ничѣмъ не напоминаетъ Поликлета и его славную школу. Это скорѣе огромная деревня въ 10.000 душъ, безконечный базаръ лавчонокъ и грязныхъ хановъ, чѣмъ настоящій городъ.

Издали онъ, впрочемъ, гораздо лучше. Пальмы, тополи, кипарисы—придаютъ ему довольно поэтическій и живописный видъ. А въѣдете въ него—обычныя узенькія улицы, обсыпанныя маленькими краснокрышими домишками, и неугомонная праздная толпа, снующая взадъ и впередъ, галдящая и пьющая въ своихъ безчисленныхъ кабачкахъ и кофейняхъ.

Остатковъ древности въ Аргосѣ очень мало. Въ стѣнахъ Ларисы уцѣлѣлъ обрывокъ архаической стѣны изъ многоугольныхъ камней, да въ скатахъ горы, къ которой прислонился спиною новый городъ, показываютъ вамъ древній театръ и основанія нѣсколькихъ зданій. Всѣ 50 рядовъ сидѣній этого громаднаго амфитеатра, вмѣщавшаго въ себѣ 20.000 зрителей, отлично уцѣлѣли; они не изъ мрамора, а изъ сѣраго известняка, что̀ указываетъ на ихъ большую древность. Три узкія каменныя лѣстницы раздѣляютъ этотъ величественный полукругъ, на верхъ котораго взбираешься, какъ на крутую гору. Боковыя крылья амфитеатра еще не откопаны.

Ипсиланти воспользовался этимъ колизеемъ своего рода, чтобы собрать здѣсь въ 1826 г. первое національное собраніе грековъ, перенесенное впослѣдствіи въ Эпидавръ.

Развалины огромной башни недалеко отъ театра, искусно сложенной изъ тонкихъ кирпичиковъ и бросающейся въ глаза своею живописностью, принадлежатъ уже римской, а не эллинской эпохѣ.

Впрочемъ, на другомъ одинокомъ холмѣ, неподалеку отъ холма Ларисы, гдѣ стоялъ нѣкогда второй акрополисъ богатаго и славнаго Аргоса, и гдѣ теперь сиротливо бѣлѣется неизбѣжная часовенка св. Иліи,—сохранились остатки очень древней лѣстницы, по которой спускались въ городъ,—подземный ходъ циклопической работы и разсыпанные камни верхняго кремля...

При Павзаніѣ въ Аргосѣ стояла трехглазая статуя Зевса,

Digitized by Google

привезенная Сфенеломъ, вождемъ аргивянъ, изъ Трои; по преданію, та самая, у ногъ которой Неоптолемъ закололъ Пріама. Теперь, конечно, нѣтъ и слѣдовъ ея, какъ нѣтъ больше и слѣдовъ того дома, съ крыши котораго гнѣвная аргивянка нѣкогда убила брошенною черепицею Пирра Эпирскаго и такимъ прозаическимъ образомъ прекратила его побѣдоносную карьеру...

Аргосъ, славившійся въ древности своимъ богатствомъ, въ римскія времена, особенно съ Юліана Отступника, впалъ въ такую бѣдность, что не могъ внести наравнѣ съ другими городами Пелопоннеса своей доли денегъ на содержаніе истмійскихъ игръ; а въ средніе вѣка онъ даже попалъ въ частную собственность, доставшись въ наслѣдство одной венеціанской вдовѣ, которая продала его своей республикѣ всего за 200 дукатовъ ежегодной пенсіи и 500 дукатовъ единовременной платы.

Современный Аргосъ начинаетъ понемногу оправляться, и хотя сосѣдство приморской Навпліи, повидимому, навсегда лишило его счастливой торговой будущности, однако уже и теперь въ городѣ встрѣчаются, особенно на окраинахъ его, хорошенькіе новые домики въ эллинскомъ и помпейскомъ стилѣ, съ акротерами, іоническими колоннами и наружными фресками; лучше другихъ въ этомъ отношеніи „демархія“ и гимназія, въ которой можно осмотрѣть, между прочимъ, съ разрѣшенія гимназіархоса и небольшой музей мѣстныхъ древностей, изъ котораго, впрочемъ, лучшія вещи перевезены въ аѳинскій музей.

За 28 драхмъ мы наняли коляску съ двумя лошадьми съѣздить въ Микены, возвратиться оттуда опять въ Аргосъ и затѣмъ черезъ Тиринѳъ—въ Навплію.

Немного отъѣхали мы отъ Аргоса, какъ плодоносная береговая равнина обратилась въ выжженную солнцемъ пустыню. Сады и виноградники съ ихъ веселою зеленью будто провалились куда-то, и жневья снятыхъ хлѣбовъ смотрятъ совсѣмъ по осеннему. Безплодно, каменисто, вездѣ куда ни взглянешь, а кругомъ кольцо такихъ же каменистыхъ и безплодныхъ горъ. Жара страшная, тѣмъ больше, что, вопреки всѣмъ правиламъ и обычаямъ греческихъ путешественниковъ, мы выѣхали почти въ самый полдень, въ 11 часовъ, когда „стрѣлоносный Фебъ“ находится, повидимому, въ наиболѣе гнѣвномъ настроеніи духа. Невольно повѣришь остроумнымъ догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, будто извѣстный миѳъ о Данаидахъ, безнадежно льющихъ воду въ свои бездонныя бочки, есть только иносказательное повѣствованіе о

Digitized by Google

вѣчно сухой равнинѣ, охватывающей Аргосъ, которой пористые известняки пропускаютъ сквозь себя, не задерживая, влагу дождей и весеннія воды, оставаясь сами никогда ненасыщенными, какъ бочки Данаидъ.

Данай, отецъ этихъ злополучныхъ дочерей, былъ первымъ миѳическимъ поселенцемъ равнины Аргоса, почему аллегорія о бочкахъ и пріурочена къ его потомству. Но аргосскія окрестности, вѣроятно, по скатамъ горъ въ древности изобиловали вмѣстѣ съ тѣмъ и пастбищами, потому что Аргосъ постоянно величается у Гомера „многоконнымъ“ и „конями обильнымъ“, а Атрей, его царь, отецъ Агамемнона,—„смирителемъ коней“. Значитъ, въ древнемъ Аргосѣ водились тогда дикія лошади, какъ водились въ сосѣдней Немеѣ и львы, ими питавшіеся.

До Микенъ отъ Аргоса ѣзды полтора часа. Тотчасъ же за Аргосомъ мы переѣхали почти совсѣмъ высохшее русло древняго Инахоса, перекрещеннаго впослѣдствіи славянскими поселенцами Пелопоннеса въ Паницу. Это—имя баснословнаго родоначальника пелазговъ, отца той красавицы Іо, которую владыка Олимпа, громовержецъ Кроніонъ, могъ заключать въ свои объятія только подъ видомъ темной тучи, чтобы избѣгнуть неусыпной ревности своей божественной супруги.

Въ древнія времена за Инахомъ воздвигнутъ былъ монументъ другому миѳическому герою Арголиды—Персею, отрубившему голову ужасной Медузѣ... Но теперь было бы безплодно разыскивать среди камней сухой равнины остатки этого памятника.

Подъѣхали къ албанской деревнѣ Хорвати; безъ сомнѣнія, это—старое славянское имя, можетъ быть указывающее на былое жительство здѣсь этого славянскаго племени, и до сихъ поръ не чуждаго Балканскому полуострову. Вообще албанцы сдѣлались наслѣдниками славянъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Греціи, и до сихъ поръ составляютъ очень важную часть греческаго населенія, сохраняя почти вездѣ свой языкъ и обычаи и сильно повліявъ на искаженіе греческаго языка. Въ Арголидѣ, Коринѳѣ и окрестностяхъ Аѳинъ, ихъ особенно много. Нынѣшній народный греческій нарядъ—фустанелла, безрукавная куртка, рубаха съ широкими рукавами, подвязанная шалью вмѣсто пояса—несомнѣнно заимствованъ у албанцевъ. Было время, когда этихъ албанцевъ, или арнаутовъ, какъ ихъ многіе называютъ, въ Пелопоннесѣ и Аттикѣ было гораздо болѣе, чѣмъ туземныхъ грековъ, и когда они хозяйничали въ Греціи какъ было ихъ душѣ угодно.

Злополучную мысль пригласить этихъ удалыхъ хищниковъ селиться въ Пелопоннесѣ впервые возъимѣлъ, въ половинѣ XIV

Digitized by Google

вѣка, деспотъ Мистры Эммануилъ Кантакузенъ, думавшій съ помощью храбрыхъ албанскихъ наѣздниковъ захватить подъ свою власть остальныя мелкія владѣнія морейскихъ князьковъ и архонтовъ и имѣть надежную защиту отъ своихъ франкскихъ сосѣдей въ Ахайѣ. Мистра, Монемвазія, округи Белигосты, Каритены и Скорта, разоренные и обезлюденные непрерывными нашествіями и войнами, были сплошь заселены тогда поселеньями арнаутовъ.

Наслѣдники Эммануила продолжали, можетъ быть, по необходимости, ту же политику; по словамъ греческихъ писателей, при Ѳеодорѣ Палеологѣ, преемникѣ Кантакузена, слишкомъ 10.000 албанцевъ получили земли въ Пелопоннесѣ, и эти 10.000 привели съ собою не только женъ своихъ и дѣтей, но и все домашнее имущество, и весь скотъ пригнали на новое жительство.

По мнѣнію нѣмецкаго историка Ранке, въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, во всемъ Пелопоннесѣ не осталось и 150.000 туземныхъ жителей; все остальное населеніе составляли албанскіе шкипетары; они-то и оказали болѣе всего сопротивленія туркамъ при завоеваніи Мореи.

Хорвати—совсѣмъ бѣдная, неопрятная деревушка, напоминающая наши цыганскіе поселки южной Россіи.

Передъ нами, скорѣе даже надъ нами,—двѣ голыхъ обрывистыхъ горы, словно два чудовищные титаническіе камня, неприступныя, кажется, ни съ какой стороны и какъ двѣ капли воды похожія другъ на друга. Одна—Агіосъ Эліосъ, другая—Цара. На Эліосъ, на пикѣ головокружительной высоты, конечно, часовня св. Иліи. Не даромъ пророкъ Илія жилъ на неприступныхъ утесахъ горы Кармели и былъ поднятъ на огненной колесницѣ въ выси небесныя... Память народная и благочестивая фантазія народа сдѣлали его своего рода божествомъ высей, хотя онъ въ свое время безпощадно боролся съ языческимъ культомъ высотъ и, какъ разсказываетъ библія, собственноручно перерѣзалъ у потока Кессонскаго цѣлыя сотни жрецовъ высотъ и жрецовъ дубровныхъ...

Какъ ни много церквей встрѣчается у насъ въ деревняхъ и городахъ Великороссіи, онѣ далеко не могутъ сравниться съ числомъ тѣхъ церквочекъ и часовенъ, что вы видите въ Греціи на каждой выдающейся вершинѣ каждой горы, на макушкѣ каждаго замѣтнаго холма, на обрывѣ каждой кручи, сохранившей за собою какое-нибудь историческое преданіе или хотя бы имя.

Digitized by Google

Конечно, все это не наши церкви, а какіе-то жалкіе оголенные сарайчики, безъ самаго необходимаго церковнаго убранства, но тѣмъ не менѣе въ этомъ трогательномъ и поэтическомъ обычаѣ сказывается несомнѣнная религіозная потребность народа, къ сожалѣнію, совсѣмъ не просвѣщённаго въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ такимъ же, какъ онъ самъ, грубымъ и темнымъ духовенствомъ.

Насъ научили отыскать прежде всего въ Хорвати „phylax'a", иначе сказать, сторожа Микенъ, Петроса Христопуло.

Извозчикъ нашъ долго ожесточенно взывалъ среди соннаго царства деревни къ этому хранителю Атридовыхъ сокровищъ, но гласъ его долго оказывался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Наконецъ судьба сжалилась надъ нами, и вмѣсто Петроса явился Георгіосъ, объявившій, что Петросъ въ Навпліи, а что онъ, Георгіосъ, его помощникъ и замѣститель, почему столь же охотно готовъ получить отъ насъ нѣсколько серебряныхъ драхмъ за прогулку нашу по развалинамъ Агамемнонова града...

Теперь, слава Богу, провели изрядную дорогу изъ Хорвати до самой сокровищницы Атрея, что̀ очень облегчаетъ осмотръ Микенъ, особенно въ такую жару. Но все-таки и теперь приходится не мало „утереть по̀ту", какъ говорили встарину, — обходя развалины и карабкаясь на холмы.

Микены — въ сущности самая крупная, самая оригинальная археологическая рѣдкость Греціи. Древнѣе ихъ — въ ней нѣтъ ничего, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень немногія греческія древности сохранились въ такой характерной полнотѣ и цѣльности. Микены любопытнѣе и Олимпіи, и аѳинскаго акрополя, потому что храмы Зевса Олимпійскаго и Аѳины-Паллады все-таки повторены не разъ, хотя и не въ такомъ величественномъ видѣ, другими сохранившимися до насъ храмами Греціи, Италіи, Малой Азіи. Микены же—одни въ цѣломъ свѣтѣ, — „уникумъ" своего рода. Не видать ихъ—значитъ не имѣть представленія о цѣлой древнѣйшей эпохѣ греческаго искусства и греческаго быта. Это уже не произведенія IV, V или даже VI вѣка до Р. Хр., какъ огромное большинство знаменитыхъ памятниковъ Греціи; нѣтъ, это изумительнымъ образомъ дошедшія до насъ въ своемъ нетронутомъ видѣ чуть не циклопическія постройки еще временъ троянской войны, — тѣхъ далекихъ, полумиѳическихъ вѣковъ, когда міръ еще переживалъ ветхозавѣтныя цивилизаціи Вавилона, Ассиріи, Египта и Финикіи, а Греція и въ общественной жизни, и въ искусствѣ, едва начинала свой робкій ученическій лепетъ.

Прежде всего отгоните отъ себя подальше всѣхъ драгома-

Digitized by Google

новъ и „филаксовъ", всѣхъ надоѣдливыхъ проводниковъ и невѣжественныхъ толкователей, и поднимитесь въ одиночку на какой-нибудь пустынный бугоръ, которыхъ тутъ много, чтобы окинуть своимъ собственнымъ взглядомъ этотъ характерный обломокъ тридцативѣковой исторіи и проникнуть его своимъ собственнымъ сердцемъ и мыслью. Сурова до угрюмости черная каменная скала, охваченная съ трехъ сторонъ такими же черными каменными пропастями, на которую недовѣрчиво взобрался со всѣхъ сторонъ ощетинившійся крѣпостными стѣнами вышгородъ Атридовъ.

Скала эта поднимается одинокимъ островомъ у входа въ сѣдловатое ущелье между горою св. Иліи и Царою, такими же безнадежно-неприступными, безплодными и безпріютными, какъ и сама она, защищая ихъ и сама защищаемая ими. Она прислонилась къ нимъ, какъ прислоняется спиною къ безопасной стѣнѣ воинъ на стражѣ, ежечасно ожидающій нападенія...

Черныя голыя стѣны, изъ колоссальныхъ, почти нетесанныхъ камней, торчатъ на этой черной голой скалѣ, почти неразличимо сливаясь съ нею, окружая внутри многочисленныя развалины и сами обваленныя кругомъ своими собственными обломками.

Это—боевое и осадное гнѣздо старыхъ здѣшнихъ властителей, откуда они сторожили свою страну и набѣгали на чужія страны; гдѣ отсиживались отъ врага и куда сносили свою добычу...

Но кругомъ вышгорода, по эту сторону пропастей, его защищающихъ, былъ на-далеко раскинутъ нижній городъ, гдѣ стояли дома мирныхъ жителей, шелъ торгъ, работали мастеровые, хоронились мертвые... Отъ зданій этого города, защищеннаго такими крѣпкими стѣнами и неприступными обрывами, не уцѣлѣло почти ничего, кромѣ разбросанныхъ камней да основаній нѣкоторыхъ домовъ... Но къ счастью для науки уцѣлѣли зато его могилы...

Могилы, можно сказать, облегли цѣлою осадною ратью древній вышгородъ Агамемнона, забравшійся на свою одинокую скалу. Куда ни взглянете—вездѣ огромные древніе курганы приподнимаютъ отъ земли свои унылыя горбушки, словно ихъ силится вышереть изъ темнаго нутра земного на свѣтъ Божій погребенная подъ ними былая жизнь... Раскопаны немногіе изъ этихъ бугровъ, но вездѣ, гдѣ они были раскопаны,—раскрывалась наглядная книга бытописанія своего рода, прочитывалась до яркости вразумительная страница давно протекшихъ вѣковъ... Теперь эти безцѣнныя письмена прошлаго, скелеты умершихъ, ихъ драгоцѣнныя украшенія, священныя реликвіи, сопровождавшія ихъ

Digitized by Google

въ гробъ,—все это собрано въ музеяхъ Аѳинъ, гдѣ мы ихъ потомъ видѣли, и гдѣ ихъ благоговѣйно изучаютъ археологи.

Нужно глубоко сожалѣть, что не было возможности оставить эти безцѣнныя для науки находки на тѣхъ самыхъ мѣстахъ и въ той самой обстановкѣ, въ какихъ онѣ были открыты, какъ стали въ послѣднее время оставлять всѣ найденные при раскопкахъ предметы въ домахъ и на улицахъ Помпеи...

Но оригинальныя могилы древнихъ Микенъ, даже и ограбленныя, лишенныя всего своего былого содержанія, — производятъ глубокое впечатлѣніе; увидѣвъ ихъ разъ, не забудешь ихъ никогда.

Васъ ведутъ сначала въ „сокровищницу Атрея“, отца Агамемнона, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила ему и гробницею. Огромный земляной холмъ передъ вами. Въ него врѣзывается глубокій и узкій корридоръ, по которому вы спускаетесь въ разверстыя нѣдра холма. Громадные черные камни циклопическихъ стѣнъ поднимаются справа и слѣва отъ васъ. Вамъ чудится, что вы входите въ какой-нибудь подземный храмъ Аписа въ Мемфисѣ—до того смотритъ чѣмъ-то древне-египетскимъ эта колоссальная каменная кладка. Широкая черная пасть входа въ гробницу не заслонена теперь ничѣмъ. Надъ входомъ громадный верхнякъ изъ цѣльнаго камня, длиною болѣе двухъ саженъ, аршина полтора въ вышину... Для облегченія тяжести просторная трехугольная продушина продѣлана надъ массивнымъ верхнякомъ. Когда-то по сторонамъ этой колоссальной двери стояли колонны изъ цвѣтного мрамора, и фасадъ былъ украшенъ сверкающими бронзовыми бляхами; основанія колоннъ еще хорошо видны до сихъ поръ.

Но вотъ вы шагнули черезъ порогъ двери и очутились въ темнотѣ, внутри огромнаго коническаго свода... Вамъ опять кажется, что вы въ Египтѣ, а не въ Греціи, въ глубинѣ какой-нибудь оригинальной пирамиды. Это—тѣ же архитектурные идеалы, искусство тѣхъ же самыхъ мастеровъ. Колоссальный подъемный шатеръ, подъ которымъ мы стоимъ, будто искусно сплетенъ изъ огромныхъ камней, ряды которыхъ кольцами охватываютъ его, постепенно съуживаясь кверху и завершаясь наконецъ однимъ круглымъ камнемъ, вѣнчающимъ весь этотъ изумительно-крѣпкій и вмѣстѣ изящный сводъ, невредимо простоявшій въ странѣ частыхъ землетрясеній болѣе 3.000 лѣтъ. Общая форма его напоминаетъ кудуки Тамерлана, въ Голодной степи за Самаркандомъ, а пожалуй, еще ближе—хорошо сложенный стогъ сѣна. Этою каменною кладкою невольно любуешься. Нижній

Digitized by Google

рядъ ея изъ огромныхъ камней, въ слѣдующемъ камни немного поменьше, въ третьемъ—еще меньше, и такъ идетъ все дальше, постепенно уменьшаясь въ размѣрѣ, черезъ всѣ 34 кольца, изъ которыхъ сложенъ сводъ, на высоту 50 футовъ... Несомнѣнно, что такой разумный разсчетъ много способствовалъ и несокрушимости постройки, и ея архитектурной красотѣ. Свѣтъ едва проникаетъ въ этотъ гигантскій каменный куполъ изъ-подъ верхней прикрышки, нѣсколько-приподнятой надъ послѣднимъ кольцомъ камней.

Въ вѣка древности каменныя стѣны сокровищницы были покрыты блестящими бронзовыми украшеньями, остатки которыхъ попадались иногда при раскопкахъ, и которые прикрѣплялись къ камнямъ бронзовыми же гвоздями, оставившими до сихъ поръ свои слѣды на стѣнахъ.

Подъ сводомъ Атреевой гробницы не найдено было ничего. Это впрочемъ и не мудрено, потому что въ теченіе 2.400 лѣтъ, протекшихъ со дня разрушенія Микенъ, было достаточно времени для самаго добросовѣстнаго очищенія славившейся во всей Греціи сокровищницы Атрея.

Хозяйственный турецкій правитель Вели-паша обобралъ въ сокровищницѣ Атрея всѣ ея украшенія и все, что было въ ней. Ничего не нашелъ въ ней и лордъ Эльджинъ, первый изъ европейцевъ раскопавшій входъ въ гробницу и очистившій ее отъ завалившаго ее многовѣкового мусора,—тотъ самый лордъ Эльджинъ, который съ истинно-британскимъ цинизмомъ ограбилъ археологическія сокровища аѳинскаго Парѳенона и разныхъ другихъ памятниковъ Греціи.

Въ глубинѣ конической пирамиды чернѣетъ низенькій входъ въ другое, совсѣмъ уже темное, помѣщеніе. Проводники наши набрали пучки сухой травы и зажгли ее, чтобы освѣтить намъ внутренность подземелья. Оно вырублено въ сырцѣ скалы и много ниже каменнаго свода. По серединѣ разбросано нѣсколько жертвенныхъ камней и видно круглое углубленіе для жертвенника. Археологи думаютъ, что именно въ этомъ склепѣ своего рода похороненъ былъ „коней укротитель Атрей“, а что коническая пирамида была сокровищницею его. Но едва ли древніе цари стали бы строить грандіозныя надгробныя пирамиды, чтобы положить свои кости не подъ ихъ сѣнью, а въ грубой пещерѣ, высѣченной въ дикомъ камнѣ.

Да и вообще нѣтъ твердыхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, чья это была гробница. Павзаній—этотъ обычный и во многихъ случаяхъ единственный источникъ современныхъ свѣдѣній о гре-

Digitized by Google

ческой археологіи,—видѣлъ, во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр., среди развалинъ Микенъ пять гробницъ — Атрея, Агамемнона, Эвримедона, Теледамуса съ Пелопсомъ и Электры. Гробницу Атрея онъ называетъ также и сокровищницею. При этомъ онъ говоритъ, что Клитемнестра и ея сообщникъ въ убійствахъ Эгистъ были похоронены внѣ стѣнъ города. Но какого города—онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. А между тѣмъ и нижній городъ былъ въ древности обнесенъ тремя рядами укрѣпленій, какъ и вышгородъ, гдѣ былъ дворецъ Атридовъ. Поэтому археологи и путешественники до послѣдняго времени считали подземную коническую пирамиду то за сокровищницу и гробницу Атрея, то за гробницу Агамемнона.

А Шлиманъ, — самый авторитетный и самый новѣйшій возстановитель микенскихъ древностей, — основалъ весь планъ своихъ раскопокъ на той мысли, что Павзаній разумѣлъ подъ именемъ города—микенскій акрополь, и что, слѣдовательно, гробницы Агамемнона и его друзей, погибшихъ съ нимъ вмѣстѣ подъ ножомъ Эгиста, нужно отыскивать внутри вышгорода.

Вопросъ этотъ не разъяснился вполнѣ даже и богатѣйшими находками Шлимана при его знаменитыхъ раскопкахъ, о которыхъ я скажу немного ниже.

Несомнѣнно одно, что коническія подземныя пирамиды во всякомъ случаѣ служили гробницами. Это доказали недавнія раскопки шести другихъ такихъ же холмовъ-пирамидъ, въ почвѣ которыхъ были найдены скелеты погребенныхъ тамъ людей.

Холмы съ подземными сводами разбросаны далеко другъ отъ друга, и обойти всѣ ихъ—взяло бы у насъ слишкомъ много времени; къ тому же они въ точности повторяютъ одинъ другого и представляютъ поэтому не много интереса. Помимо сокровищницы Атрея мы ограничились осмотромъ только двухъ, лучше другихъ сохранившихся и болѣе характерныхъ.

Одну изъ нихъ г-жа Шлиманъ, раскопавшая ее уже по смерти мужа своего, назвала безъ особенно убѣдительныхъ основаній гробницею Клитемнестры. Имя другой, кажется, не установлено.

Гробница Клитемнестры довольно далеко отъ Атреевой сокровищницы; нужно было спуститься еще порядочно ниже, на послѣдній обрывъ холма, нѣкогда занятаго Микенами, этимъ „златообильнымъ“, „прекрасно устроеннымъ градомъ“, про который Гомеръ говоритъ устами Менелаевой Елены: „три для меня наипаче любезны ахейскіе града: Аргосъ, холмистая Спарта и градъ многолюдный Микены“.

Тамъ, какъ разъ противъ дороги, ведущей на холмъ акро-

Digitized by Google

поля,—опять земляной курганъ, и въ курганъ этотъ ведетъ глубокая траншея изъ огромныхъ камней; въ глубинѣ траншеи такая же громадная дверь, перевязанная сверху чудовищнымъ монолитомъ, съ такимъ же трехугольнымъ отверстіемъ выше его, съ обломкомъ рубчатой мраморной колонны у входа. Высота свода почти одинакова съ сокровищницею Атрея, но камни не черные; а желтоватые, словно не такіе древніе, и нѣсколько меньше размѣромъ. Они уже расположены не въ такой правильной прогрессіи, постепенно убывающей кверху, а самые крупные камни помѣщены въ серединномъ поясѣ конической пирамиды. Можетъ быть, отъ этого верхъ пирамиды и провалился гораздо раньше, чѣмъ въ болѣе древней гробницѣ Атрея. Вслѣдствіе этого ненадежнаго состоянія стѣнъ, входъ въ гробницу Клитемнестры подпертъ теперь цѣлымъ сооруженіемъ изъ желѣзныхъ брусьевъ.

Въ другой, посѣщенной нами, конической пирамидѣ, спрятанной, какъ и всѣ онѣ, въ утробѣ земляного холма, верхъ тоже провалился, хотя стѣны изъ желтоватаго камня не дали ни малѣйшей трещинки. Въ полу гробницы еще видны три ямы, въ которыхъ г-жа Шлиманъ откопала человѣческіе скелеты и много разныхъ вещей, похороненныхъ вмѣстѣ съ ними.

Найдены были скелеты и въ другихъ такихъ же коническихъ подземныхъ сводахъ.

XV.—Микенскій Акрополь.

Въ нижнемъ городѣ осматривать больше нечего, и теперь можно было подняться въ микенскій акрополь по узкому проходу, въ которомъ еще сохранились остатки древней мостовой. Проходъ и здѣсь между стѣнами изъ громадныхъ камней, ничѣмъ между собою не связанныхъ, а только наложенныхъ другъ на друга, но уже ограненныхъ на четыре угла.

Въ глубинѣ каменнаго горла, образуемаго стѣною и четырехугольною башнею акрополя,—знаменитыя *Львиныя-Ворота*, которыя съ удивленіемъ описывалъ еще Павзаній, и которыя уже давно составляютъ предметъ благоговѣйнаго изученія археологовъ. Громадные продолговатые камни, на-сухо положенные другъ на друга, тутъ тоже обтесаны подъ прямыми углами. Два огромные камня поставлены вмѣсто воротныхъ столбовъ и прикрыты сверху колоссальнымъ верхнякомъ. Въ воротахъ этихъ видны, внизу и вверху, углубленія для пяты, на которой когда-то

Digitized by Google

повертывались не существующія теперь полотнища воротъ, а на мостовой замѣтны даже потертые въ камняхъ слѣды колесъ. Покоящійся на столбахъ верхній камень, немного округленный сверху, имѣетъ не меньше восьми аршинъ длины, четыре ширины и до полутора аршина толщины. Это—цѣлая скала своего рода, а между тѣмъ и она держится столько столѣтій, безъ всякаго цемента, одною своею тяжестью. Трехугольное отверстіе надъ верхнякомъ воротъ продѣлано и тутъ, какъ въ гробницахъ Атрея и Клитемнестры; но здѣсь оно заложено такимъ же трехугольнымъ камнемъ гигантскихъ размѣровъ, на которомъ высѣчены съ удивительною для тѣхъ временъ реальностью и точнымъ знаніемъ мускулатуры животныхъ два льва или, скорѣе, двѣ львицы, давшія историческое имя этимъ воротамъ. Безъ сомнѣнія, это былъ гербъ Атридовъ, гордо высившійся, по азіатскому обычаю, надъ входомъ въ ихъ неприступный замокъ. Львицы и стоятъ на заднихъ ногахъ, приподнявшись передними лапами на пьедесталъ раздѣляющей ихъ колонны, въ позѣ столь обычной для гербовъ.

Археологи видятъ въ этомъ гербѣ несомнѣнное доказательство азіатскаго происхожденія Атридовъ, которымъ и древнія греческія легенды давали въ родоначальники Пелопса, миѳическаго основателя Микенъ, который будто бы пришелъ изъ Лидіи, съ береговъ золотоноснаго Пактола, и оставилъ потомъ имя свое цѣлому Пелопоннесу.

Этотъ скульптурный камень, вдѣланный надъ воротами, даетъ поводъ предположить, что и трехугольныя отверстія надъ входами коническихъ гробницъ были въ древности закрыты такими же каменными геральдическими эмблемами похороненныхъ въ нихъ царей и царицъ. Обѣ львицы въ настоящее время безъ головъ, но, несмотря на это, полны самой жизненной выразительности. Колонна между ними не принадлежитъ ни къ какому изъ извѣстныхъ намъ стилей греческаго искусства; она увѣнчана оригинальною капителью изъ четырехъ, рядомъ лежащихъ, круговъ, прикрытыхъ снизу и сверху двумя простыми плинтусами. Это привело археологовъ къ заключенію, что во время постройки Львиныхъ-Воротъ въ Греціи еще не былъ выработанъ даже древнѣйшій дорическій стиль колонны. Въ циклопической стѣнѣ около воротъ такое же циклоническое окно,—простое отверстіе между раздвинутыми камнями—служившее несомнѣнно бойницею.

Не нужно быть спеціалистомъ-археологомъ, чтобы при первомъ же взглядѣ на эти ворота понять всю ихъ глубочайшую древность и все ихъ неоцѣнимое значеніе для характеристики архаическаго искусства грековъ.

Digitized by Google

Усыпальница Атрея и Львиныя-Ворота—несомнѣнно работа одного и того же вѣка, одного и того же народа. Обѣ эти постройки отзываются первобытными временами, когда человѣку-строителю не было нужды мѣрить и щадить свою ничѣмъ еще не надорванную мускульную силу, когда онъ, подобно титанамъ греческой миѳологіи, Бріареямъ и Титеямъ, не задумываясь, валилъ гору на гору и кидалъ, какъ Полиѳемъ въ Одиссея, каменными утесами въ убѣгающаго врага.

Но среди этого проявленія въ первобытной архитектурѣ животной мощи человѣка уже просвѣчиваютъ яркіе проблески его зачавшейся духовной жизни, потребность образности, правильности линій, пониманіе условій прочности постройки и тѣхъ ея удобствъ, которыя требовались суровымъ характеромъ тогдашняго быта. Египетскіе и финикійскіе художественные идеалы, перенесенные на греческую почву отважными первыми поселенцами ея, разными миѳическими Данаями и Пелопсами, — воспоминались и по неволѣ искажались здѣсь еще вполнѣ тогда невѣжественными туземцами, пока ихъ врожденный геній не помогъ имъ выработать изъ этихъ счужи заносимыхъ отрывочныхъ уроковъ и подражаній—свои собственные характерные архитектурные принципы, увѣковѣчившіе въ исторіи славу греческаго искусства.

Въ этомъ смыслѣ микенскіе памятники представляютъ собою ни съ чѣмъ несравнимый поучительный образецъ.

Львиныя-Ворота запираются въ настоящее время совсѣмъ уже не архаическою желѣзною рѣшеткою. Сейчасъ же за воротами—былая ἀγορά,—площадь, гдѣ собирались для совѣта старѣйшины народа и производился царями всенародный судъ.

Это уже все — открытія Шлимана. До него внутри стѣнъ акрополя были только навалены безпорядочныя груды камней, внушавшія безнадежный ужасъ самымъ предпріимчивымъ археологамъ. Но этотъ удивительный нѣмецъ, не получившій въ дѣтствѣ даже скромнаго научнаго образованія и посвятившій всю свою молодость жадной добычѣ денегъ, этотъ приказчикъ европейскихъ откупщиковъ, наживавшихся спаиваніемъ водкою русскихъ мужичковъ, и самъ замѣшанный въ дѣла по этой части,—разбогатѣвъ и созрѣвъ годами, обратился вдругъ непостижимымъ образомъ въ страстнаго платоническаго дѣятеля науки, ушелъ совсѣмъ съ головою, со всѣми милліонами своими, въ безкорыстнѣйшую и непрактичнѣйшую изъ всѣхъ существующихъ спеціальностей—въ до-историческую археологію, и въ концѣ концовъ

Digitized by Google

открылъ и возсоздалъ намъ Трою Пріама, Микены Агамемнона, Тиринѳъ и Орхоменъ, Итаку и Пилосъ...

Агора, расчищенная Шлиманомъ въ концѣ 1876 года, сохранилась удивительно хорошо. Оригинальный кольцеобразный коридоръ, образуемый двумя рядами стоячихъ каменныхъ плитъ по поясъ человѣку, охватываетъ круглую мощеную площадку, саженей въ 12 ширины. По серединѣ корридоръ этотъ перебивается проходомъ, ведущимъ на площадь, но все-таки входы въ него наглухо закрыты плитами, такъ что проникнуть въ него нельзя. Съ внутренней стороны, то-есть къ площади, кругомъ всего кольца—уступы для сидѣнія, еще прикрытыя во многихъ мѣстахъ плитами.

Несомнѣнно, что это—сѣдалища для старцевъ, съ которыми древніе цари Микенъ думали думу и творили судъ и правду народу своему. Но какое значеніе круглаго прохода среди этихъ сѣдалищъ и какъ проникали въ этотъ, отовсюду замкнутый, проходъ? Я думаю, что никакого прохода тутъ не было, а стоячія плиты, вѣроятно, были прежде прикрыты лежачими и служили такими же сѣдалищами старшинъ, какъ и нижніе уступы, такъ что агора была окружена двухъ-ярусным амфитеатромъ своего рода.

Гомеръ описываетъ очень обстоятельно, какъ старцы усаживались въ кружокъ внутри священныхъ оградъ на гладко отесанныхъ камняхъ, а Эврипидъ въ своей трагедіи „Орестъ“, мѣсто дѣйствія которой происходитъ въ Микенахъ, прямо-таки говоритъ о круглой агорѣ Микенъ.

Наивно-величественные картины и образы Гомеровыхъ поэмъ рисуются совсѣмъ живые, когда ихъ вспоминаешь среди подлинной обстановки воспѣтыхъ имъ событій, словно воскресшей теперь послѣ трехъ-тысячелѣтняго сна подъ прахомъ развалинъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они когда-то происходили, въ которыя теперь вѣришь уже не какъ въ фантастическую сказку поэта, а какъ въ осязаемую дѣйствительность.

То, что Шлиманъ нашелъ въ нѣдрахъ микенской агоры, было еще гораздо важнѣе, интереснѣе, драгоцѣннѣе, чѣмъ появившіяся на свѣтъ Божій сѣдалища ея. По серединѣ площади найдены были девять „*стелъ*“, то-есть каменныхъ скрижалей, которыя греки ставили обыкновенно на могилахъ своихъ знатныхъ людей. Нѣкоторыя изъ нихъ были украшены скульптурою первобытной грубости, которая ясно говорила о до-исторической древности этихъ надгробныхъ плитъ. Шлиманъ вспомнилъ, что древніе греки нерѣдко хоронили своихъ знаменитыхъ покойни-

Digitized by Google

ковъ по серединѣ общественной площади и надъ прахомъ ихъ приносили свои священныя клятвы. Онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ принялся за раскопки, и результатъ ихъ превзошелъ все, чего могъ ожидать самый увлекающійся мечтатель-археологъ. Цѣлый рядъ царственныхъ усыпальницъ, одна за одною, открывали счастливому изслѣдователю свои 30-ти-вѣковыя тайны.

Гробницы были высѣчены въ самой толщѣ скалы на большой глубинѣ. Первая оказалась почти пустою; во второй нашли три скелета, уложенные на слоѣ голышей, головами на востокъ. Еще три гробницы были откопаны внутри священной ограды агоры, и всѣ полныя скелетовъ. Шестую откопали уже впослѣдствіи за сѣдалищемъ агоры, внѣ ея предѣловъ. Въ каждой могилѣ было похоронено по нѣскольку человѣкъ. Всего извлекли изъ нихъ 17 костяковъ, 11 мужскихъ, 3 женскихъ, 3 дѣтскихъ. Безчисленное множество разныхъ драгоцѣнныхъ вещей найдено было около скелетовъ. У многихъ на головахъ были золотыя діадемы, вокругъ стана золотые пояса и перевязи для мечей; по множеству золотыхъ бляхъ, осыпавшихъ кости, видно было, что одежды покойниковъ были тоже покрыты золотомъ; 700 такихъ золотыхъ бляхъ насчитали только въ одной гробницѣ. Оружіе, найденное въ могилахъ, тоже было богато украшено золотомъ. Женскіе скелеты были украшены множествомъ драгоцѣнныхъ ожерелій, колецъ, серегъ, браслетовъ и брошекъ. На нѣкоторыхъ лицахъ оказались даже золотыя маски—портреты.

Кромѣ этихъ богатыхъ уборовъ, въ гробницахъ были найдены золотые, серебряные и всякіе другіе сосуды оригинальныхъ формъ, несомнѣнно, содержавшіе въ себѣ нѣкогда пищу и напитки для покойниковъ, которымъ предстояло совершить далекое подземное странствованіе подъ сводами Аида.

Мы видѣли потомъ въ Шлимановскомъ музеѣ Аѳинъ всѣ эти безцѣнныя микенскія находки.

Люди были похоронены въ микенскихъ могилахъ очень странно: поперекъ, а не по длинѣ могилы, такъ что трупы нужно было втискивать и сгибать. Всѣ найденныя вещи и украшенія совсѣмъ не походили на обычные предметы древняго греческаго искусства, извѣстные археологамъ. Самое обиліе драгоцѣнныхъ предметовъ, положенныхъ въ могилѣ вмѣстѣ съ покойниками, и погребеніе въ одной могилѣ нѣсколькихъ труповъ тоже было не въ нравахъ исторической Греціи, а скорѣе пахло древними обычаями азіатскаго и африканскаго Востока, гдѣ нерѣдко хоронили вмѣстѣ съ господиномъ трупы его любимыхъ женъ и слугъ и

Digitized by Google

отпускали съ нимъ въ міръ тѣней всѣ ему привычныя и дорогія для него вещи.

Въ Иліадѣ Гомера, рисующей намъ первобытную Грецію, еще мало обособившуюся отъ малоазіатскаго Востока, Ахиллъ закалываетъ надъ гробомъ Патрокла плѣнныхъ троянцевъ и хоронитъ ихъ вмѣстѣ съ убитымъ другомъ своимъ, чтобы они служили ему въ загробномъ мірѣ.

Словомъ, все показывало, что Шлиманъ въ своихъ могилахъ микенскаго акрополя докопался до невѣдомыхъ дотолѣ останковъ подлинной первобытной Греціи, еще не успѣвшей освободиться отъ египетскихъ, финикійскихъ и разныхъ другихъ вліяній болѣе древнихъ восточныхъ цивилизацій.

Новѣйшія раскопки на материкѣ и островахъ Греціи, произведенныя по слѣдамъ Шлимана, открыли присутствіе этой первобытной полуазіатской цивилизаціи Греціи, предшествовавшей на нѣсколько вѣковъ вторженію дорянъ въ Пелопоннесъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, нѣкогда захваченномъ эллинскими племенами...

Открытіе такихъ неоцѣненныхъ археологическихъ и вмѣстѣ матеріальныхъ сокровищъ на тѣсной площадкѣ микенскаго акрополя привело Шлимана въ безпредѣльный восторгъ.

Онъ сейчасъ же послалъ греческому королю торжественную телеграмму, въ которой увѣдомлялъ его, словно полководецъ, о великой побѣдѣ, что онъ открылъ гробницы, приписываемыя Павзаніемъ Агамемнону, Кассандрѣ, Эвримедону и ихъ товарищамъ, погибшимъ во время пира отъ руки Эгиста.

„Въ этихъ усыпальницахъ,—прибавлялъ опьяненный счастьемъ археологъ,—я нашелъ огромныя сокровища, могущія одни наполнить большой музей, который будетъ самымъ чуднымъ въ мірѣ и привлечетъ въ Грецію въ теченіе вѣковъ тысячи иностранцевъ".

Аѳинское археологическое общество, пораженное, какъ и весь научный міръ, блестящими открытіями Шлимана, захотѣло и само попытать счастія, и рѣшилось взять въ свои руки дальнѣйшія раскопки микенскихъ развалинъ. Его стараніями раскопано было множество могильниковъ у подножія акропольскаго холма и по скатамъ нижняго города, которые почти всѣ группировались около какой-нибудь изъ коническихъ гробницъ, прикрытыхъ земляными холмами; вездѣ скелеты лежали по нѣскольку въ одной могилѣ, положенные точно такъ же, какъ и въ гробницахъ Агоры, вездѣ было найдено, какъ и тамъ, множество вещей изъ золота,

Digitized by Google

серебра, бронзы, слоновой кости, обломки сосудовъ, камни съ рѣзьбою...

Наконецъ, на самой вершинѣ акрополя, по серединѣ его, обществу посчастливилось откопать, подъ развалинами дорическаго храма нѣсколько позднѣйшей эпохи, основанія дворца тѣхъ же архаическихъ временъ, какъ и гробницы агоры.

Мы добираемся до этого дворца по цѣлому хаосу камней. Обломки колоннъ и грубыхъ каменныхъ сосудовъ для воды валяются подъ ногами; кое-гдѣ видны раскрытыя отверстія цистернъ; основанія разрушенныхъ домовъ съ ихъ комнатными перегородками наполняютъ сѣтью четырехугольныхъ ячеекъ все пространство, охваченное стѣнами акрополя. Эти могучія стѣны двухъ-саженной толщины, сложенныя насухо изъ громадныхъ многоугольныхъ глыбъ, почти вездѣ хорошо уцѣлѣли. Онѣ идутъ подъ лицо со скалою, почти сросшись съ нею, словно изъ нея же выросшія. Иныя опускаются нижнею пятою чуть не на самое дно пропасти, задвигая отвѣсною крутизною своею болѣе доступные обрывы скалы и обращая ихъ въ самые неприступные.

Середина акрополя поднимается отдѣльнымъ холмомъ на холмѣ, будучи когда-то окружена вторымъ кольцомъ стѣнъ, теперь совсѣмъ разрушенныхъ, и вѣнчая вышгородъ развалинами древняго дворца. Отъ первобытнаго зданія уцѣлѣли только фундаменты, дающіе довольно ясный планъ всего строенія, часть сѣверной стѣны, мѣсто домашняго жертвенника да основанія колоннъ. Всего вообще очень немного. Остальное, что болѣе сохранилось, уже достроено въ позднѣйшее время. Остатки дорическаго храма, возникшаго впослѣдствіи надъ развалинами дворца, вѣроятно вслѣдствіе раскопокъ аѳинскаго общества, теперь тоже очень мало замѣтны. Археологи придаютъ, однако, большое значеніе раскопкамъ этого предполагаемаго Агамемнонова дворца, находя въ расположеніи его покоевъ точное подтвержденіе Гомеровыхъ описаній.

„Гомеровы описанія облекаютъ ореоломъ славы эти нѣмыя стѣны“,—выразился Эрнестъ Курцій о развалинахъ Микенъ,—„и наоборотъ, эти стѣны служатъ правдивѣйшими свидѣтелями Гомера; онѣ доказываютъ, что дѣйствительно былъ на свѣтѣ и Агамемнонъ, и многіе другіе храбрые герои раньше его“.

Съ верхушки акрополя мы спустились по узкому спуску сѣверной стороны къ отлично уцѣлѣвшимъ боковымъ или, пожалуй, заднимъ воротцамъ крѣпости. Камни-столбы этихъ воротъ затесаны широкими шипами, на которые насаженъ тяжелый каменный верхнякъ, какъ и въ Львиныхъ-Воротахъ.

Digitized by Google

Нѣсколько ниже и дальше этихъ воротъ—очень интересный потайной ходъ въ скалѣ; сначала онъ идетъ поворотами, потомъ спускается въ одномъ направленіи въ темную глубину подземнаго колодца, когда-то полнаго водою. Павзаній называетъ его „колодцемъ Персея". Теперь этотъ колодецъ высохъ. Мы насчитали въ тайникѣ 80 ступеней, вырубленныхъ въ сырцѣ скалы. Послали на дно колодца проводника своего Георгіоса, приказавъ ему зажечь тамъ внизу охапку сухой травы, чтобы освѣтить это таинственное романтическое подземелье. Но мы были не рады своей глупой выдумкѣ: необозримыя тучи мелкихъ мошекъ, мирно облѣплявшія въ темнотѣ стѣны и своды этой черной трубы, всполошились взбудораженныя огнемъ и дымомъ, залѣпили наши глаза, запылили насъ съ головы до ногъ, такъ что мы поспѣшно бросились спасаться отъ нихъ на свѣтъ Божій, не утѣшенные даже тѣмъ, что удостоились топтать своими грубыми скиѳскими ногами тѣ самые камни, по которымъ нѣкогда ступали эллинскія сандаліи какой-нибудь Ифигеніи или Электры, черпавшихъ отсюда воду въ свои граціозныя амфоры...

Старый русскій барчукъ изъ черноземныхъ полей щигровскаго уѣзда, попирающій гробы Агамемнона, — а можетъ быть, даже самого Пелопса или Даная, окруженный тою самою обстановкою, среди которой происходили сцены Эврипидовыхъ и Софокловыхъ трагедій и поэмъ Гомера,—какъ хотите,—а въ этомъ есть что-то заманчивое для самолюбія туриста!

Гомеръ съумѣлъ нарисовать своими пластическими стихами такой выразительный портретъ „пространнодержавнаго Атрида-Агамемнона, величествомъ дивнаго мужа", что мое юношеское воображеніе и юношеская память унесли съ собою навсегда этотъ маститый образъ, какъ самое полное олицетвореніе эллинскаго величія, разума и мощи, не поблѣднѣвшее даже рядомъ съ могучими и характерными фигурами, подобными Ахиллу и Одиссею, излюбленнымъ героямъ Гомера.

У слѣпца-поэта Агамемнонъ вездѣ не только просто царь, но еще царь царей; онъ у него „пастырь народовъ—Атридъ"; „Атридъ, вождь и владыка народовъ", какъ его величаетъ Одиссей.

„Славный въ Элладѣ какъ мудрый царь и какъ доблестный воинъ".

Первенствующее значеніе въ вѣка героическаго эпоса Греціи Агамемнонъ могъ имѣть не по однимъ только личнымъ своимъ царственнымъ качествамъ, но еще и потому, что его маленькое царство было, по всей очевидности, организующею и цивили-

Digitized by Google

зующею силою всей тогдашней Греціи, тѣмъ первобытнымъ очагомъ только-что пересаженной въ Грецію древней культуры Востока, изъ котораго она постепенно растекалась по всей Греціи.

Недаромъ же весь южно-греческій полуостровъ, со Спартою, Мессеною, Аркадіею, Элидою, Ахайею, получилъ свое имя отъ Пелопса, предка Атридовъ, а греческій народъ, осаждавшій Трою и собравшійся изо всѣхъ странъ Эллады, Ѳессаліи, Пелопоннеса, Іоническихъ и всякихъ другихъ острововъ, въ устахъ троянцевъ и самихъ грековъ слылъ за данайцевъ,—стало быть, за потомковъ другого баснословнаго владыки того же Аргоса и тѣхъ же Микенъ.

Вообще самые древнѣйшіе миѳы Греціи пріурочиваются къ Арголидѣ. Инахъ, миѳическій вождь Пелазговъ, приведшій ихъ въ Грецію, живетъ до сихъ поръ въ Арголидѣ, въ видѣ рѣки Инаха, черезъ которую мы только-что переправлялись по дорогѣ въ Микены. Геркулесъ считается чуть не первымъ строителемъ Тиринѳа, ближайшаго сосѣда Микенъ и Аргоса, а его подвиги съ лернейскою гидрою, съ немейскимъ львомъ, происходили въ ближайшихъ окрестностяхъ Аргоса и Микенъ, которыя мы видѣли своими глазами и попирали стопами своими. Дочери Даная, переселившагося изъ Египта въ Аргосъ, безъ сомнѣнія, наливали свои бездонныя бочки тоже въ сухой аргосской равнинѣ, пористые известняки которой безслѣдно пропускаютъ сквозь себя дождевыя и весеннія воды.

Походъ аргонавтовъ опять-таки имѣлъ центромъ своимъ Арголиду, уже по тому одному, что главный корабль смѣлыхъ авантюристовъ носилъ на себѣ имя Аргоса, окрестившее собою все это геройское предпріятіе, не говоря уже объ участіи въ этомъ походѣ, во-первыхъ, Геркулеса, а во-вторыхъ, Эскулапа, главное святилище которому издревле было въ предѣлахъ той же Арголиды, въ Эпидаврѣ. Въ Аргосѣ же подвизался и Персей.

Все это несомнѣнно убѣждаетъ, что Микены, на развалинахъ которыхъ мы теперь стоимъ, беззаботно любуясь на открывающіеся во всѣ стороны чудные виды моря и горъ, — одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ, а быть можетъ, и самый древнѣйшій историческій уголокъ Греціи, стало быть и всей Европы. Микены сохранили въ такой изумительной цѣлости, въ теченіе 30, а можетъ быть, 35 вѣковъ, свои циклопическія твердыни, гробницы, кости и сокровища своихъ царей, которыми теперь поучается современное человѣчество,—только по особенности своей исторической судьбы и своего географическаго положенія. Всегда соревновавшій съ ними Аргосъ, разбогатѣвъ и усилившись морскою тор-

Digitized by Google

говлею, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы въ конецъ уничтожить старые уважаемые центры мѣстной власти и могущества, каковы были Микены и Тиринѳъ, и одному сдѣлаться безраздѣльнымъ владыкою всей Арголиды.

Въ началѣ V-го вѣка до Р. Хр., послѣ 1.000-лѣтняго славнаго существованія, неприступныя Микены Атридовъ голодомъ вынуждены были сдаться осадившимъ ихъ аргосцамъ и были разрушены съ тѣхъ поръ навсегда. Послѣ того, въ теченіе 24 вѣковъ, никакіе завоеватели Греціи, никакіе владыки Арголиды, ни славяне, ни албанцы, ни турки, не нуждались въ грудѣ развалинъ, покрывавшихъ уединенную скалу, запрятанную въ пазухѣ горъ и окруженную сплошными могилами... Къ тому же никакой городъ не обратилъ Микенъ въ каменоломни для своихъ построекъ, какъ это такъ часто бывало съ другими древними городами.

Это общее забвеніе и послужило спасеніемъ для неоцѣненныхъ памятниковъ древности, сокрытыхъ подъ прахомъ микенскихъ развалинъ, и теперь торжественно воскресшихъ, благодаря предпріимчивому генію германскаго археолога...

XVI.—Тиринѳъ—крѣпость циклоповъ.

Въ Тиринѳъ мы отправились уже изъ Аргоса. До него всего 7—8 верстъ по берегу залива, а отъ Тиринѳа версты 4 и до Навпліи. Вѣточка желѣзной дороги отдѣляется въ Аргосѣ отъ большой линіи Триполица - Коринѳъ - Аѳины, соединяя Навплію съ этою главною артеріею Пелопоннеса, а вмѣстѣ и съ Аргосомъ. Но мы предпочли сдѣлать эту прогулку въ открытой коляскѣ, чтобы останавливаться вездѣ, гдѣ захочется, и безъ всякаго стѣсненія любоваться окрестностями. А любоваться есть чѣмъ. Не знаю, много ли есть на свѣтѣ уголковъ прелестнѣе этого берега. Никакая фантазія живописца не была бы въ силахъ выдумать болѣе картиннаго, болѣе очаровательнаго ландшафта. Это—сказочная декорація изъ какой-то чудной фееріи. Просто не вѣришь самому себѣ, что видишь дѣйствительныя море, горы и острова, а не фантастическое сновидѣніе.

Нѣжная голубизна затихшаго залива и невыразимо чудные тоны уходящихъ вдаль горныхъ береговъ подъ томнымъ дыханіемъ догорающаго южнаго дня кажутся чѣмъ-то неземнымъ, какимъ-то уголкомъ рая, внезапно открывшимся очарованному взору сѣверянина. Капризно вырѣзанныя скалы Паламиди и

Digitized by Google

Навплiи, съ ихъ ярко теперь освѣщенными, словно насквозь проступившими розоватымъ пламенемъ, замками, башнями, домами, храмами, зубчатыми стѣнами, карабкающимися по отвѣснымъ кручамъ, съ неподражаемою живописностью и оригинальностью выступаютъ тамъ впереди въ воды залива, сообщая ему, вмѣстѣ съ раскинутыми по немъ скалистыми островками, поразительно романтическій видъ...

Чудная чаша лазурно-кристальныхъ водъ кажется охваченною со всѣхъ сторонъ бархатистыми, тающими вдали линіями своихъ горныхъ береговъ, — словно это не заливъ, а огромное круглое озеро.

Бѣлые и красноватые паруса кораблей и шлюпокъ рѣютъ какъ распущенныя крылья летящихъ лебедей — среди этой безтѣлесной голубизны водъ, будто нарочно разставленныя здѣсь рукою геніальнаго декоратора, для довершенія вашихъ восторговъ...

Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжаемъ въ своей покойной коляскѣ, — достойны дивнаго вида, которымъ мы любуемся, не отрывая глазъ. Береговая полоса аргосской равнины уже ничѣмъ не напоминаетъ вѣчно сухой бочки дочерей Даная. Это—непрерывная чреда загородныхъ домовъ, фермъ, лимонныхъ и оливковыхъ садовъ, табачныхъ плантацій, огородовъ, засаженныхъ артишоками, лукомъ и всякою южною овощью. Спѣлые лимоны такъ и сверкаютъ на заходящемъ солнцѣ своими золотыми яблоками Гесперидъ. Особенно ихъ много въ Даламанарѣ, на половинѣ дороги къ Тиринѳу, гдѣ пріютился соблазнительный для прохожихъ грековъ кабачокъ.

Среди этой ярко цвѣтущей, зеленѣющей и плодоносящей береговой полосы, окаймляющей своими радостными красками чудную красоту голубого залива, — будто оправа изъ пестраго золота, драгоцѣнный камень чистѣйшей воды,—мрачная продолговатая скала Тиринѳа, довольно низко прилегшая къ землѣ, съ черными камнями его развалившихся стѣнъ, — выдѣляется какимъ-то колоссальнымъ траурнымъ гробомъ. Это и дѣйствительно гробъ своего рода, схоронившій въ себѣ прахъ до-исторической древности...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ развалинъ Тиринѳа—вокзалъ желѣзной дороги, нарочно устроенный для удобства путешественниковъ, желающихъ посѣтить циклопическій городъ. На вокзалѣ живетъ и „филаксъ“, смотритель развалинъ. Тропинка къ развалинамъ идетъ подъ тѣнью громадныхъ орѣховыхъ деревьевъ сельскохозяйственной фермы, которая своимъ роскошнымъ са-

Digitized by Google

домъ апельсинъ, лимоновъ, гранатника и кипарисовъ почти примыкаетъ къ скалѣ Тиринѳа. Здѣсь Каподистрія, первый правитель освобожденной Греціи, думалъ создать образцовое хозяйство для обученія греческаго юношества. При королѣ Оттонѣ, недалеко отъ этой фермы, у самой дороги въ Навплію, устроился было и поселокъ нѣмецкихъ колонистовъ, но они потомъ разбѣжались отсюда, потому что стали умирать отъ лихорадокъ, которыми, говорятъ, сильно страдаетъ эта низменная мѣстность...

Скала Тиринѳа—совсѣмъ не высокая: не больше 4—5 саженъ; она, однако, торчитъ среди равнины продолговатою каменною горбушкою, какъ будто ее принесли сюда откуда-то изъ другого мѣста. Кажется непонятнымъ, почему въ этой горной странѣ, гдѣ столько высокихъ и крутыхъ холмовъ, столько неприступныхъ скалъ,—люди древнихъ вѣковъ, когда жизнь была сплошною непрекращавшеюся войною всякаго противъ всѣхъ,—выбрали себѣ мѣсто защиты на такомъ игрушечномъ возвышеніи, да еще у самаго залива. Но зато этою ненадежностью естественной защиты и этою ежедневною близостью опасности вполнѣ можно объяснить ту колоссальность искусственныхъ укрѣпленій „крѣпкостѣннаго“ Гомерова Тиринѳа, которая изумляла еще древнихъ, и которая вызвала даже крайне сдержаннаго Павзанія къ восторженному восхваленію тиринѳскихъ стѣнъ наравнѣ съ египетскими пирамидами и другими тогдашними чудесами свѣта.

Старикъ-филаксъ, немного напоминавшій своею педантичною серьезностью нѣмецкаго гелертера, съ важнымъ профессорскимъ видомъ повелъ насъ на верхъ. Развалины маститаго, до-историческаго города, оказалось, запираются имъ на ключъ, какъ классы школы. По всѣмъ поворотамъ и изгибамъ кругомъ скалы идутъ стѣны изъ темныхъ необтесанныхъ камней колоссальной величины. Камни эти навалены другъ на друга безъ всякаго цемента, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, искусно прилажены своими изломами, и промежутки между ними засыпаны мелкимъ камнемъ... Нѣкоторыя изъ этихъ глыбъ не меньше полутора и двухъ саженъ въ длину и вѣсятъ до 13.000 килограммъ, такъ что каждый такой камешекъ съ трудомъ стянетъ пара воловъ.

Не удивительно, что древніе отказывались признавать эти стѣны созданіемъ рукъ человѣческихъ, а приписывали ихъ постройку циклопамъ, исполинскимъ сынамъ Земли и Неба, кующимъ въ подземныхъ кузницахъ Вулкана молніи Зевсу. Подъ этимъ преданіемъ о циклопахъ, безъ сомнѣнія, скрывались темныя воспоминанія эллинскаго народа о первобытныхъ обитателяхъ этихъ

Digitized by Google

мѣстъ, скорѣе всего о пелазгахъ, ко времени которыхъ и принадлежатъ въ дѣйствительности эти постройки, почему у позднѣйшихъ писателей Греціи онѣ часто и называются пелазгическими. Другое греческое преданіе считало Тиринѳъ колыбелью Геркулеса, любимаго миѳическаго героя Греціи, хотя несомнѣнно занесеннаго въ греческую миѳологію изъ болѣе древней миѳологіи Финикіи, гдѣ статуи Геркулеса пользовались божескими почестями даже въ историческое время Греціи. Оба эти преданія показываютъ всю глубину древности Тиринѳа.

Во всякомъ случаѣ, стѣны Тиринѳа, кому бы ни принадлежали ихъ постройки, поражаютъ изумленіемъ; изумительна не только ихъ громадность и несокрушимость, но и оригинальный способъ устройства ихъ. Толщина стѣнъ въ верхней крѣпости доходитъ до 20 и 23 аршинъ; высота—и того больше. Самое характерное въ нихъ—это ихъ внутренніе ходы. Каждая стѣна Тиринѳа есть вмѣстѣ съ тѣмъ потайной корридоръ, вьющійся кругомъ крѣпости. Корридоръ этотъ широкій и высокій, такъ что по немъ свободно могло двигаться войско. Островерхій сводъ его очень искусно образуется краями каменныхъ глыбъ, по немногу выступающихъ другъ надъ другомъ и, наконецъ, упирающихся другъ въ друга на самомъ верху. И тутъ ни капли цемента, никакой правильной кладки и притеса камней. Кажется, будто всѣ эти громадные куски скалъ висятъ на воздухѣ и вотъ-вотъ обрушатся и задавятъ васъ. А между тѣмъ, они держатся такъ чуть не четыре тысячи лѣтъ, несмотря на землетрясенія и боевые разгромы. Правда, только часть стѣнъ уцѣлѣла до насъ, остальныя давно лежатъ въ обломкахъ; но и то, что уцѣлѣло, даетъ хорошее понятіе о томъ, какова была эта архаическая твердыня до-историческихъ царей Арголиды. Тайные проходы въ стѣнахъ то поднимаются, то опускаются, слѣдуя за направленіемъ стѣнъ. Для свѣта и воздуха въ нихъ продѣланы наверху хорошо укрытыя отверстія; изъ нѣкоторыхъ проходовъ идутъ каменныя лѣсенки наверхъ, безъ сомнѣнія, въ башни или на парапеты стѣны. Къ другимъ проходамъ примыкаютъ довольно просторныя комнаты, спрятанныя въ толщѣ тѣхъ же стѣнъ, можетъ быть караульни или кладовыя для боевыхъ припасовъ, а можетъ быть и бывшія темницы. Словомъ, тутъ цѣлая система удобныхъ жилищъ и ходовъ, совершенно скрытыхъ отъ взора непріятеля и безопасныхъ отъ нападенія его.

Лучше всего сохранились части восточной стѣны, еще очень внушительно поднимающія надъ вашею головою свои тяжкія громады. Съ этой стороны уцѣлѣли даже и массивныя четырехъ-

Digitized by Google

угольныя башни съ казематами внутри, разрушенныя только сверху; очевидно, онѣ составляли самую важную часть древняго укрѣпленія, защищая его ворота. Изъ воротъ шелъ наверхъ скалы узкій проѣздъ между стѣнъ для повозокъ и колесницъ, въ которомъ горсть людей могла остановить цѣлое войско. Но и этотъ проѣздъ внутри опять замыкался воротами, которыя уже вели во дворъ царскаго замка, отдѣленнаго особыми стѣнами отъ наружныхъ укрѣпленій. Этотъ царскій замокъ, или, пожалуй, дворецъ, стоялъ на самой верхней террасѣ скалы; нѣсколько ниже его, на средней террасѣ, построены были жилища домочадцевъ и защитниковъ дворца, а еще уступомъ ниже, на нижней террасѣ, еще недостаточно теперь раскопанной и изслѣдованной, повидимому помѣщались магазины, конюшни и прочія принадлежности дворцоваго хозяйства. Всѣ эти три, постепенно понижающіяся, террасы плоской скалы, длиною немного болѣе четверти версты, а шириною саженъ въ 45, были охвачены кольцомъ исполинскихъ стѣнъ и башенъ, которыя и составляли собою вышгородъ Тиринѳа; городъ же, безъ сомнѣнія, былъ расположенъ кругомъ по равнинѣ, достигая недалекаго отсюда берега Аргосскаго залива.

Раскопка Шлиманомъ въ 1884 году изъ-подъ хаотическихъ развалинъ Тиринѳа дворца до-исторической древности, совершенно отвѣчавшаго описаніямъ Иліады и Одиссеи, сначала возбудила въ научной Европѣ глубокое недовѣріе. Серьезные англійскіе ученые обвиняли Шлимана въ анти-научной пылкости воображенія и чуть не въ галлюцинаціяхъ.

Самъ же Шлиманъ писалъ въ своихъ восторженныхъ телеграммахъ: „Три раза ура Аѳинѣ-Палладѣ! По истинѣ успѣхъ моихъ здѣшнихъ работъ изумителенъ! Обширный дворецъ съ безчисленными колоннами извлеченъ на свѣтъ Божій. Стѣнная живопись высочайшаго интереса; не менѣе любопытна живопись вазъ, изображающая совершенно первобытнымъ образомъ людей и животныхъ".

Планъ этого чудеснаго до-историческаго дворца можетъ быть снятъ въ точности, и открытіе его, не имѣющее себѣ подобнаго, вызываетъ всеобщее удивленіе.

Чтобы убѣдить сомнѣвавшихся европейскихъ ученыхъ въ подлинности своихъ открытій, Шлиманъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ археологомъ Дёрпфельдомъ, систематически разработавшимъ и дополнившимъ его тиринѳскія находки, нарочно отправились въ 1885 году въ Лондонъ, гдѣ общество изученія эллинскихъ древностей назначило особыя засѣданія для публичнаго обсужденія Шлимановскихъ изслѣдованій. Скептицизмъ археологовъ былъ безъ труда

Digitized by Google

побѣжденъ вполнѣ научными доводами Дёрпфельда, и, какъ нарочно, въ это же самое время, нѣмецкое археологическое общество въ Аѳинахъ обнародовало результаты своихъ раскопокъ микенскаго дворца, построеннаго по тому же плану и тѣми же способами, какъ и тиринѳскій замокъ, такъ что въ рукахъ ученыхъ изслѣдователей древности сразу очутились многочисленные подлинные образцы архитектуры, скульптуры, живописи и предметовъ житейскаго обихода до-историческаго времени, за 13 или 14 вѣковъ до начала христіанской эры.

Но какъ много научнаго значенія ни придаютъ раскопкамъ тиринѳскаго дворца спеціалисты-археологи, для простого смертнаго онѣ далеко не такъ интересны, какъ могучія стѣны Тиринѳа съ ихъ несокрушимыми башнями, казематами и галереями, переносящими воображеніе путешественника въ полумиѳическіе вѣка троянской войны и похода аргонавтовъ, дающія ему еще вполнѣ живое представленіе о томъ, каковы были тогдашнія знаменитыя твердыни, въ родѣ Пріамова Иліона, потребовавшаго десять лѣтъ осады всѣми соединенными силами грековъ.

Остатки тиринѳскаго дворца въ сущности знакомятъ только съ планомъ его, съ расположеніемъ его дворовъ, галерей и комнатъ, съ матеріаломъ, изъ котораго онъ былъ построенъ, да нѣкоторыми образцами его колоннъ и стѣнной живописи. Но самыхъ стѣнъ, хотя бы въ полуразрушенномъ видѣ, совсѣмъ не сохранилось. Мы бродимъ по тщательно расчищеннымъ фундаментамъ дворца, среди которыхъ видны только основанія колоннъ, помосты, ступени, отверстія цистернъ.

Черезъ главныя пропилеи, которыя не трудно узнать по множеству каменныхъ пьедесталовъ, оставшихся отъ поваленныхъ колоннъ, входятъ въ довольно просторный дворикъ, окруженный когда-то жилыми покоями и портиками. Отсюда же идутъ спуски въ подземныя галереи крѣпостной стѣны. Дворикъ отдѣляется „малыми пропилеями“ отъ другого „большого дворца“, саженъ девять въ одну сторону, саженъ семь въ другую; это—самая центральная и самая возвышенная часть дворца. Вокругъ него тоже слѣды галерей и комнатъ. Въ глубинѣ двора — четырехугольный каменный жертвенникъ съ кольцеобразнымъ каналомъ для стока крови. Это обычный алтарь Зевсу. Нужно подняться на двѣ ступени выше, чтобы со двора войти, черезъ сѣни и потомъ черезъ трое дверей, въ цѣлый рядъ залъ. Остатки мощеныхъ половъ еще хорошо видны и во дворѣ, и въ сѣняхъ, рядомъ съ основаніями бывшихъ тутъ когда-то колоннъ.

Самая обширная и, повидимому, самая парадная изъ нихъ—

Digitized by Google

такъ называемая *мегаронъ*, „комната мужей“; потолокъ ея поддерживался по серединѣ четырьмя колоннами, а полъ былъ вымощенъ разноцвѣтною каменною мозаикою, красною, синею и бѣлою, обрывки которой еще уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ. Среди колоннъ помѣщался прежде домашній очагъ, посвященный семейнымъ божествамъ.

Къ этой залѣ примыкаетъ съ разныхъ сторонъ множество другихъ помѣщеній, большею частью очень тѣсныхъ. Археологи болѣе смѣло, чѣмъ убѣдительно, называютъ однѣ изъ этихъ клѣтушекъ „гиникеемъ“, — покоями женщинъ; другія — дѣтскими спальнями, сокровищницами и т. д. Имъ и книги въ руки!

Несомнѣнно только, что въ одномъ изъ этихъ помѣщеній была въ древности баня. Проходъ въ нее былъ и со стороны мужской половины, и особый со стороны гиникея. Полъ бани сдѣланъ изъ одного цѣльнаго колоссальнаго камня, по серединѣ котораго— углубленіе для ванны, откуда вода стекала подземными каналами подъ поломъ дворца.

Баня была одною изъ самыхъ характерныхъ и необходимѣйшихъ принадлежностей дома архаической Греціи. Ей придавали такую важность, что Гомеръ въ своей Одиссеѣ не пропускаетъ ни одного посѣщенія путниками царскаго дома, не упомянувъ прежде всего объ омовеніи ихъ въ банѣ, какъ первомъ долгѣ приличія и гостепріимства. Чуть не въ каждой главѣ его вы непремѣнно прочтете неизмѣнную фразу: „тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня“. Даже хозяйки и дочери дома не считали унизительнымъ для себя омывать въ банѣ своихъ гостей. Такъ, напримѣръ, въ Пилосѣ у Нестора:

„Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшею
Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла, и чистымъ натерла елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ кучезарнымъ подобный“.

Сама прекрасная Елена, будучи женою похитившаго ее Париса, омываетъ въ Троѣ скрывавшагося подъ видомъ нищаго Одиссея; она узнала его, по ея собственнымъ словамъ:

„Когда я, омывши его и натерши елеемъ,
Платье на плеча ему возложила“...

Судя по обломкамъ стѣнъ, видно, что дворецъ былъ построенъ изъ камней известняка, сложенныхъ на цементѣ, а верхнія его части даже изъ кирпича. Снаружи всѣ стѣны были обмазаны глиною и известью. Но кромѣ того, для бо́льшей связности стѣнъ

Digitized by Google

внутри ихъ были положены длинныя бревна, стягивавшія постройку будто цѣпями. Изъ дерева же были, повидимому, притолки дверей, колонны съ ихъ капителями, потолки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ банѣ и въ мегаронѣ, даже внутренняя обшивка стѣнъ.

Въ грудахъ тысячелѣтнихъ обломковъ и мусора Шлиману посчастливилось найти драгоцѣнные образчики былыхъ украшеній тиринѳскаго дворца, составляющія теперь однѣ изъ главныхъ рѣдкостей его аѳинскаго музея, гдѣ мы и осмотрѣли ихъ потомъ; между прочимъ, замѣчательный кусокъ алебастроваго фриза, на которомъ наведена голубая глазурь своего рода, и которымъ была убрана внутренность мегарона. Подобныя же стѣнныя украшенія откопаны были и въ развалинахъ микенскаго дворца. Найдены были въ Тиринѳѣ и обломки стѣнныхъ фресокъ, писанныхъ по извести; живопись ихъ и самыя краски—совершенно первобытныя, дѣтски наивныя, дѣтски неумѣлыя. Большею частью — это простыя широкія полосы, синія, красныя, черныя и желтыя; другихъ, болѣе сложныхъ, красокъ тогдашніе художники, видимо, еще не знали. Попадаются, однако, попытки цвѣтовъ, розетокъ, разныхъ витыхъ линій и даже человѣка и звѣрей. Можно угадать на нѣкоторыхъ обломкахъ фигуры фантастическихъ крылатыхъ чудовищъ, а на одномъ изъ нихъ грубыми чертами нарисованъ быкъ съ человѣкомъ на хребтѣ...

Поразительное сходство архитектуры и украшеній тиринѳскаго замка съ одной стороны съ такими же архаическими памятниками, открытыми въ разное время въ Микенахъ, Орхоменѣ, Мениди и другихъ гнѣздахъ древнѣйшей греческой жизни, съ другой же стороны—съ системою укрѣпленій и устройствомъ древнихъ финикійскихъ городовъ, изслѣдованныхъ европейскими учеными, съ Карѳагеномъ, Папсусомъ, Гадруметомъ, гдѣ также устраивались потайные ходы и помѣщенія въ толщѣ крѣпостныхъ стѣнъ, убѣдили археологовъ, что Тиринѳъ и Микены строились если не финикійскими мастерами, то, по крайней мѣрѣ, прямыми учениками ихъ.

Замѣчательно, что финикійскіе строители, которыхъ тирскій царь Хирамъ прислалъ своему другу Соломону, какъ свидѣтельствуетъ библія, возводили стѣны іерусалимскаго храма изъ камней, смѣшанныхъ съ деревомъ. „Обтесывали же камни работники Соломоновы и работники Хирамовы, и гивлитяне, и приготовляли дерева и камни для строенія дома.

„И обложилъ Соломонъ стѣны храма внутри кедровыми дос-

Digitized by Google

ками; отъ пола храма до потолка внутри обложилъ деревомъ и покрылъ полъ храма кипарисовыми досками.

„И построилъ внутренній дворъ изъ трехъ рядовъ обтесаннаго камня и изъ ряда кедровыхъ брусковъ“,—повѣствуетъ III книга Царствъ.

Точно также Египетъ и Финикія издревле употребляли для украшенія стѣнъ стеклянную глазурь, которую готовили обыкновенно изъ мѣдной соли фабрики Сидона и Тира.

Гомеръ, вѣроятно, подразумѣвалъ эту синюю глазурь стѣнъ (kyanos), когда описывалъ въ Одиссеѣ дворецъ царя ѳеакійскаго Алкиноя, такъ близко напоминающій расположеніемъ своимъ тиринѳскій и микенскій дворцы.

Нижняя терраса тиринѳскаго акрополя завалена черными глыбами развалившихся стѣнъ и изрыта зіяющими ямами начатыхъ раскопокъ, такъ что не представляетъ пока никакого интереса для путешественника.

Побродивъ достаточное время взадъ и впередъ по этимъ до-историческимъ развалинамъ и напитавшись вдоволь ихъ архаическими впечатлѣніями, мы спустились внизъ по узкой и глубокой лѣстницѣ подземнаго сводистаго прохода, продѣланнаго въ толщѣ западной стѣны крѣпости и теперь уже на-половину раскрытаго. Очутиться послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ тысячелѣтнемъ прахѣ этого мертваго города—среди цвѣтущихъ садовъ и зеленѣющихъ плантацій живого современнаго человѣчества, по истинѣ, большое наслажденіе, тѣмъ болѣе, что надвигавшійся вечеръ дышалъ съ затихшаго зеркала голубого залива какою-то бодрящею, обновляющею душу свѣжестью...

Шоссе отъ Тиринѳа до Навпліи обсажено кругомъ тополями исполинской высоты и толщины. Недавняя буря повалила нѣсколько такихъ гигантовъ поперекъ дороги, вырвавъ ихъ съ корнями изъ слабаго грунта, и теперь можно убѣдиться въ неимовѣрности ихъ размѣровъ. Видно, недаромъ Тиринѳъ считался страною циклоповъ и колыбелью Геркулеса. Но кромѣ этихъ одноглазыхъ страшилищъ — здѣсь еще и вѣковѣчное царство „златотронной богини Геры“, „волоокой и лилейно-раменной“ супруги олимпійскаго Громовержца. Ея культу посвящены были въ древности почти всѣ окрестныя святыни. Ее всегда призывали на помощь аргивяне, и она больше всѣхъ радѣла о побѣдѣ ихъ надъ троянцами. Въ Иліадѣ она такъ и величается „Герою Аргивской“.

Въ ближайшей окрестности Тиринѳа, въ саду маленькаго женскаго монастыря, по всей вѣроятности унаслѣдовавшаго древ-

Digitized by Google

ней языческой святынѣ, можно еще видѣть славный въ древности источникъ Канатосъ, въ которомъ богиня, покровительница Арголиды, каждую весну вновь возобновляла на радость божественному супругу свою дѣвичью непорочность и свою поблекшую красоту, хотя, судя по Гомеру, ея постоянныя старанія обворожить Громовержца и воздержать его отъ интимныхъ бесѣдъ съ разными Данаями, Семелами и Европами никогда не кончались удачно.

XVII.—Наполи-ди-Романія.

Навплію итальянцы прозвали въ средніе вѣка романскимъ Неаполемъ—Наполи-ди-Романія, и это имя осталось за нею на европейскихъ картахъ. Но теперешніе греки всячески стараются возвратить своимъ городамъ и провинціямъ древнія классическія имена, стирая гдѣ только возможно обидные для національнаго самолюбія слѣды иноземнаго владычества. А Навплія чаще, чѣмъ какой-нибудь другой городъ Греціи, попадалъ подъ власть чужеземцевъ, такъ какъ всѣ дорожили неприступнымъ положеніемъ и торговыми удобствами этого прелестнаго уголка. Послѣ четвертаго крестоваго похода у византійцевъ тутъ былъ главный центръ мимолетнаго французскаго герцогства „Аргосъ“, потомъ провинція венеціанской республики, потомъ турецкій пашалыкъ, ненадолго отнятый у турокъ смѣлымъ венеціанскимъ вождемъ Морозини, и съ 1715 года опять попавшій подъ владычество Порты Оттоманской, пока греческое возстаніе не освободило его въ 1822 году вмѣстѣ со всѣмъ Пелопоннесомъ. Теперь это главный городъ греческой провинціи Арголиды, мѣстопребываніе архіепископа, всякихъ судовъ и управленій.

Я рѣдко видѣлъ болѣе живописный городъ. На него не насмотришься издали! Художникъ съ самою богатою фантазіею не выдумалъ бы такихъ картинныхъ и своеобразныхъ скалъ, такихъ романтическихъ замковъ, такого чуднаго сочетанія утесистыхъ обрывовъ съ нѣжною гладью голубыхъ водъ, такого разнообразія очертаній и красокъ...

Тутъ и поразительный, какъ фантастическая декорація какой-нибудь фееріи, первый планъ картины, и невыразимая поэзія далей. И весь этотъ оригинальный многоцвѣтный городъ, съ вырѣзающимися на голубомъ небѣ зубцами своихъ стѣнъ, башнями, замками, храмами, высоко поднятый будто на каменномъ пьедесталѣ на своихъ капризно изломанныхъ утесахъ, охваченъ снизу цвѣтущими садами своихъ предмѣстій, зеленою равниною берега, лазурнымъ зеркаломъ морского залива.

Digitized by Google

Собственно городъ расположенъ на плоскомъ темени гористаго мыса, нѣсколько напоминающаго круглый мысъ Монако. Большіе разноцвѣтные дома его набережной глядятъ на насъ очень красиво. За городскими постройками, значительно выше ихъ, на плоскомъ уступѣ горы — крѣпостныя стѣны, башни и огромныя казармы Ичь-Кале; высокая венеціанская каланча, вѣроятно служившая туркамъ минаретомъ, вѣнчаетъ собою, будто воздвигнутый надъ ними стягъ, крѣпость и городъ.

Но надъ этою береговою скалою и надъ этою высоко взобравшеюся крѣпостью поднимается сейчасъ же сзади, отдѣленная отъ нея только глубокимъ крѣпостнымъ рвомъ, другая, гораздо болѣе высокая и гораздо болѣе живописная, скалистая пирамида, съ верхушки до основанія опоясанная лентами крѣпостныхъ стѣнъ и цѣпью могучихъ башенъ, вѣнчающихъ ея пикъ, сбѣгающихъ по ея отвѣснымъ обрывамъ. Это неприступная Паламиди, былой и надежный оплотъ турецкой власти надъ порабощенною Греціею.

Гора-пирамида, по ребрамъ которой карабкаются обширныя укрѣпленія цитадели, до того крута, что снизу видна вся внутренность крѣпости, а стѣны многихъ башенъ ея идутъ почти параллельно скатамъ горы. Большіе каменные корпуса, прежнія казармы турокъ, теперешнія темницы греческихъ преступниковъ, наполняютъ собою середину крѣпостныхъ оградъ. Паламиди весьма остроумно обращена теперь въ общегреческую тюрьму для всѣхъ провинцій королевства.

По заведенному здѣсь прекрасному обычаю, заключенные, какъ передали намъ мѣстные жители, сами работаютъ для себя платье, обувь, одѣяла и всѣ необходимыя для нихъ вещи, значительно облегчая этимъ и безъ того достаточно тяжелую обязанность бѣднаго греческаго государства тратить скудныя лепты трудового народа на содержаніе убійцъ и воровъ.

Со стороны Ичь-Кале и города, за рвомъ, отдѣляющимъ отъ нихъ Паламиди, поднимается на верхъ цитадели гигантскими зигзагами старинная каменная лѣстница. Лѣстница эта, чуть не въ тысячу ступеней, очень удобная для подъема, построена, конечно, венеціанцами, а не лѣнивыми и безпечными османлисами.

Это—сооруженіе, достойное по своей грандіозности древнихъ римлянъ.

Hôtel de Mykènes, гдѣ мы остановились—совсѣмъ приличная гостинница. Избалованные Европою путешественники не могутъ не обрадоваться самымъ искреннимъ образомъ всякому проявленію европейскихъ условій жизни тамъ, гдѣ на нихъ перестаешь

Digitized by Google

разсчитывать. Да и самъ городъ Навплія удивительнымъ образомъ мало похожъ на греческіе города чистотою и приличіемъ. Прекрасные тротуары и мостовыя, благопристойные отели, рестораны, лавки...

Нашъ отель—на городской площади, обстроенной красивыми домами, и съ тѣнистаго балкона нашего номера намъ такъ удобно наблюдать, распивая чай, мѣстную публику, которая кишитъ за многочисленными столиками, покрывающими всю площадь. Чуть не всѣ нижніе этажи домовъ, выходящихъ на эту площадь, заняты кофейнями, и каждая кофейня разставляетъ столы и стулья далеко вокругъ себя, подъ тѣнью маститыхъ южныхъ деревьевъ, живописно осѣняющихъ своими развѣсистыми кронами всякій уголокъ площади.

Какъ разъ передъ нами—памятникъ изъ бѣлаго мрамора знаменитому греческому патріоту, Димитрію Ипсиланти, великодушными подвигами котораго полна исторія греческаго освобожденія. Памятникъ безъ статуи, увѣнчанъ однимъ крестомъ, такой же простоты и скромности, какими отличался этотъ благородный государственный мужъ. Онъ почти первый изъ выдающихся интеллигентныхъ людей Греціи явился въ Пелопоннесъ, чтобы стать во главѣ возставшихъ, какъ авторитетный руководитель ихъ разрозненныхъ и неустроенныхъ силъ. Ему пришлось вытерпѣть много нравственныхъ страданій среди разнузданныхъ самолюбій, властолюбій, корысти и кровожадной жестокости полуварварскихъ капитановъ и племенныхъ старшинъ, воспитанныхъ въ преданіяхъ разбоя и личной мести, безъ которыхъ, однако, онъ былъ совершенно безсиленъ, потому что они-то и изображали собою самую соль и сущность возставшаго греческаго народа.

Особенно трудно было Ипсиланти переносить необузданную заносчивость, грубость и алчную корысть самаго популярнаго изъ тогдашнихъ боевыхъ героевъ, Ѳеодора Колокотрони. Этотъ истинный идеалъ клефта по духу и по наружному виду, надменный своими побѣдами и своею беззавѣтною храбростью, доходилъ до невѣроятнаго своеволія и безцеремонности обращенія. Разъ въ присутствіи высшихъ греческихъ вождей и многихъ иностранцевъ онъ опрокинулъ ногою наземь приготовленный для нихъ обѣденный столъ съ посудою, и крикнулъ имъ презрительно: „истинные паликары должны обѣдать сидя на землѣ; пусть франки предаются этимъ привычкамъ роскоши, а людямъ боевымъ это не пристало“!...

Бѣжавшихъ съ поля битвы Колокотрони обыкновенно привязывалъ голыхъ къ деревьямъ на базарѣ города или деревни, и

Digitized by Google

приказывалъ сѣчь ихъ прутьями до той поры, когда они обращались въ кусокъ кроваваго ростбифа. Кромѣ того имъ вымазывали лица дегтемъ и накладывали раскаленнымъ желѣзомъ клеймо съ позорною надписью, остававшееся на всю жизнь.

Другой греческій капитанъ того же закала, родственникъ Колокотрони, Георгіосъ, братъ извѣстнаго храбреца и честнѣйшаго изъ греческихъ вождей, Никиты Колокотрони, долго осаждавшаго Навплію и убитаго подъ нею въ одной изъ вылазокъ, —за многолюднымъ обѣдомъ, гдѣ присутствовало нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, спокойно схватилъ за волосы уличеннаго въ буйствѣ солдата своего и тутъ же за столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отсѣкъ ему голову однимъ ударомъ ятагана.

„Такъ будетъ всякому, кто осмѣлится вести себя подобно ему"!—хладнокровно объявилъ онъ, показывая, въ видѣ поученія, своимъ собутыльникамъ отрубленную голову.

Съ такимъ-то звѣроподобнымъ народомъ, съ такими дикими взглядами, вкусами и привычками приходилось на каждомъ шагу имѣть дѣло и бороться образованному и гуманному Ипсиланти.

Димитрій Ипсиланти, бывшій верховнымъ коммиссаромъ временнаго греческаго правительства въ самыя тяжкія и опасныя времена возстанія, скромно отодвинулся въ сторону, когда созванное имъ народное собраніе утвердило новую конституцію и главою исполнительной власти избрало Александра Маврокордато. Несмотря на свое званіе предсѣдателя законодательнаго сената, дававшее ему самый естественный поводъ избѣгать боевыхъ трудовъ и опасностей, Ипсиланти бросался именно туда, гдѣ больше всего предвидѣлось этихъ опасностей и этихъ трудовъ.

Когда всѣ греческіе воеводы, осаждавшіе Навплію, защищавшіе Коринѳъ, занимавшіе Аргосъ, разсыпались въ ужасѣ передъ надвигавшимися съ сѣвера свѣжими турецкими силами Магомета Драмали, и всѣ члены правительства малодушно спасались на суда, когда кровожадные и алчные маніоты безъ зазрѣнія совѣсти грабили по дорогамъ своихъ напуганныхъ бѣгущихъ земляковъ,—Ипсиланти съ горстью волонтеровъ засѣлъ въ старомъ венеціанскомъ замкѣ Ларисѣ, акрополѣ Аргоса, и бился тамъ противъ всѣхъ турецкихъ силъ, пока Колокотрони, назначенный лакедемонскою „герузіею" архистратигомъ всѣхъ греческихъ силъ, не отбилъ назадъ у турокъ Аргоса, а Мавромихали, успѣвшій въ это время опять собрать своихъ грабителей-маніотовъ, не занялъ тѣснинъ Мили и не преградилъ этимъ путь турецкому войску въ глубину Пелопоннеса. Послѣ онъ съ такимъ же

Digitized by Google

самоотверженіемъ отправился защищать „великій Дервендъ", своего рода Ѳермопилы Коринѳскаго перешейка...

Вечеромъ мы пошли погулять по очень длинной превосходной набережной, огибающей собою городъ и крѣпость Ичь-Кале, надъ самыми водами залива. Тамъ была масса гуляющихъ, черноволосыя, черноглазыя дамы въ изящныхъ бѣлыхъ нарядахъ, кавалеры, одѣтые по-европейски. Луна свѣтила уже довольно высоко, и при ея фосфорическомъ свѣтѣ, торчавшія высоко надъ нами старыя зубчатыя твердыни смотрѣли какъ-то особенно романтично, а стройная финиковая пальма, замыкавшая бульваръ, еще болѣе переносила воображеніе въ сѣдую даль вѣковъ, когда на этихъ осѣняющихъ насъ скалахъ гнѣздился замокъ какого-нибудь Паламеда, оставившаго свое имя неприступной горѣ, которому народное преданіе издревле приписывало введеніе въ Грецію разныхъ первобытныхъ орудій цивилизаціи, — буквъ азбуки, вѣсовъ, мачтъ для кораблей, маяковъ и пр., всего того, что̀ явно указываетъ на его принадлежность къ предпріимчивой и изобрѣтательной мореходной націи финикіянъ.

Ночью въ 11 часовъ и здѣсь, какъ въ Триполицѣ—неожиданные громы музыки. Мы вышли на балконъ поглядѣть, что̀ такое. Площадь вся залита красноватымъ отблескомъ пламени отъ трехъ огромныхъ факеловъ, водруженныхъ среди нея. Всѣ столики и стулья полны; толпа запрудила площадь, стоя, ходя, сидя. Играетъ хоръ военныхъ музыкантовъ, бойко и дружно, общезнакомыя аріи. До 12 часовъ продолжался этотъ даровой концертъ, устроенный, вѣроятно, по случаю праздника св. Троицы. Наконецъ, послѣ какой-то очень не музыкальной, рѣзавшей уши пьесы,—очевидно, патріотической, туземнаго греческаго издѣлія, потому что толпа привѣтствовала ее восторженными кликами,— бравые воины-артисты отмаршировали себѣ, трубя въ трубы и гремя литаврами, провожаемые всею толпою, на покой въ свои казармы.

Это было какъ нельзя болѣе кстати и для нашего покоя, въ которомъ мы сильно нуждались.

Намъ хотѣлось осмотрѣть послѣ церковь св. Спиридонія, въ которой неукротимые вожди майнотовъ, братья Мавромихали, изъ личной мести поразили на смерть входившаго въ церковь графа Каподистрію, перваго президента греческаго государства, прежде бывшаго русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при императорѣ Александрѣ I. Мы встали для этого въ шесть часовъ. Церковь небольшая, бѣдная; никакихъ вещественныхъ напоминаній о случившемся здѣсь печальномъ событіи. Три старухи сиротливо

Digitized by Google

сидятъ въ заднемъ отдѣленіи церкви. Больше никого не видно, даже сторожа. Спросили, когда обѣдня.

— Обѣдни сегодня не будетъ, попъ не пришелъ...

А между тѣмъ сегодня большой праздникъ, — Духовъ день. Значитъ, вездѣ одинакова греческая религіозность, вездѣ одинаково духовенство греческое. Отправились въ каѳедральный соборъ. Онъ гораздо обширнѣе. Паруса, купола — въ крупныхъ фрескахъ, совсѣмъ впрочемъ полинявшихъ. Вокругъ стѣнъ—сидѣнья въ два ряда. Для архіерея, для царя—особые престолы у стѣны, рядомъ. Царскій покрытъ краснымъ сукномъ, увѣшанъ шолковыми матеріями. Каѳедра для чтенія евангелія, въ видѣ раковины, подвѣшана высоко къ стѣнѣ, съ витою лѣсенкою на нее. Народу и тутъ почти нѣтъ, всего человѣкъ пять стариковъ. На клиросахъ по одному причетнику въ свѣтлой одеждѣ. У нихъ очень удобные вертящіеся пюпитры для книгъ, которые не мѣшало бы перенять и нашимъ церквамъ. Голоса звонкіе, оглушительные, хотя и очень немелодичные. Передъ иконостасомъ, ниже узенькой солеи—два огромные мѣдные подсвѣчника, какъ въ мечетяхъ. Живопись иконостаса совсѣмъ плохая, лубочная, вокругъ иконъ ни позолоты, ни окладовъ, во всемъ храмѣ ничего цѣннаго. Даже евангеліе — простая тонкая книжка въ переплетѣ, нисколько не напоминающая нашихъ величественныхъ сереброкованныхъ евангелій. Священникъ служитъ одинъ, даже безъ діакона, въ бѣлой шерстяной ризѣ безъ крестовъ и позумента. Соборнаго служенія, также какъ и архіерейскаго, въ греческихъ церквахъ, повидимому, не бываетъ, потому что ни въ одномъ городѣ Греціи, ни въ одномъ изъ большихъ двунадесятыхъ праздниковъ, которые мы здѣсь встрѣчали, — мы ни разу не видали такого служенія. Символъ Вѣры и Молитву Господню здѣсь не поютъ, а читаютъ; евангеліе священникъ читаетъ въ царскихъ вратахъ, лицомъ къ народу, какъ мы видѣли и въ другихъ церквахъ Греціи. Апостола читаютъ съ клироса, не выходя на середину церкви. Народъ крестится рѣдко и свѣчей передъ иконами не ставитъ. Но въ концѣ обѣдни каждый непремѣнно обѣгаетъ кругомъ иконостасъ и всѣ стѣны, торопливо прикладываясь по очереди ко всѣмъ безъ исключенія образамъ; чтобы удобнѣе было цѣловать, подъ каждою большою иконою подвѣшанъ маленькій образокъ того же святого, къ которому уже и прикладываются. Служба вообще гораздо короче и скорѣе нашей. Никакихъ молебновъ, акаѳистовъ и особыхъ пѣсней въ честь праздника у грековъ, повидимому, не полагается. Вмѣстѣ съ пустотою храма и скудостью церковной обстановки—это производитъ тяжелое впе-

Digitized by Google

чатлѣніе на каждаго русскаго, привыкшаго у себя совсѣмъ къ другому отношенію и духовенства, и вѣрующихъ къ своему храму и своимъ праздникамъ. Мы съ женою невольно вспомнили поэтическую и радостную картину Троицына дня въ русскихъ церквахъ, гдѣ въ этотъ день все пахнетъ душистымъ сѣномъ и зеленѣетъ молодыми березками, гдѣ вся молящаяся толпа, мужчины, женщины, дѣти—стоятъ съ пучками яркихъ весеннихъ цвѣтовъ и восковыми свѣчами въ рукахъ...

Нельзя было утерпѣть, чтобы еще разъ не забраться въ Ичь-Кале и не побродить по его старинным укрѣпленіямъ. Я люблю эти вѣковѣчныя каменныя лѣстницы, то открытыя, то ныряющія подъ темные своды, взбирающіяся наверхъ выше крышъ домовъ, выше шпилей церквей, эти неожиданные переходцы, завороты, наглухо запертыя дверочки, переносящія воображеніе въ таинственные замки старинныхъ романовъ. Ступени тутъ вездѣ достаточно пологи, входить не трудно, подымаясь изъ яруса въ ярусъ, изъ улицы въ улицу. Дома, трубы, церкви,—все теперь подъ нами. Вотъ огромная турецкая мечеть, обращенная въ тюрьму; рядомъ другой большой домъ, тоже турецкій, съ плоскою крышею,—можетъ быть казарма или конакъ паши,—въ немъ теперь тоже тюрьма. Вездѣ часовые, запоры, замки, желѣзныя двери, черныя пасти угрюмыхъ корридоровъ. Характеръ солидныхъ венеціанскихъ построекъ всюду виднѣется, однако, сквозь турецкія заплатки. Въ стѣнахъ, на воротахъ, то-и-дѣло горделиво высятся каменныя плиты съ высѣченными на нихъ крылатыми и безрылыми львами св. Марка. Ихъ же работы эти безконечные крытые ходы, несокрушенные столѣтіями, эти уступы стѣнъ, искусно спускающіеся до самой пяты утеса, до прибоя морскихъ волнъ. Но въ средневѣковой кладкѣ итальянцевъ и византійцевъ, особенно въ нижнихъ основаніяхъ, вы встрѣчаете и несомнѣнные слѣды глубокой эллинской древности, многоугольные камни тѣхъ же пелазгическихъ стѣнъ, которыми были обнесены нѣкогда акрополи Аргоса и Микенъ. На Ичь-Кале тоже стоялъ, тысячелѣтія тому назадъ, акрополь древней Навпліи. Въ крѣпостныя ворота пропускаютъ свободно. Внутри просторъ и широкій видъ вокругъ. Казарма, госпиталь, пороховой погребъ — незамѣтно теряются среди огромнаго пустыря. Кругомъ стѣнъ—прелестная прогулка надъ обрывами моря. Высокій турецкій минаретъ, призывавшій недавно еще къ молитвѣ Аллаху мусульманскихъ защитниковъ Ичь-Кале,—хотя, впрочемъ, нисколько не турецкаго, а чисто итальянскаго стиля, — теперь обращенъ въ сторожевую каланчу и вмѣстѣ въ маякъ для судовъ. Никого не видно среди

Digitized by Google

заросшаго бурьянами пустыря. Только нѣсколько артиллерійскихъ муловъ и лошадей, съ жестоко-потертыми спинами и съ выраженіемъ покорнаго страданія, уныло жуютъ пыльную траву, бродя вокругъ огромныхъ крытыхъ цистернъ, въ которыхъ прежде собиралась вода для гарнизона на случай осады. Должно быть, и эти основательныя сооруженія—наслѣдіе венеціанцевъ.

Мы забираемся еще выше на горбушку холма, вѣнчающаго мысъ. Оттуда—неописанная красота во всѣ стороны! Морской заливъ охватываетъ утесъ съ трехъ сторонъ и стелется далеко вдаль радостно-сіяющимъ озеромъ невыразимо-нѣжной синевы. Красноватые обрывы далекихъ мысовъ и лилово-розовые хребты уходящихъ за горизонты горъ чудно оттѣняютъ эту живую, дышащую синеву, кое-гдѣ только усѣянную бѣлыми и красными бабочками парусовъ...

Съ одного изъ этихъ мысовъ невольникъ Эгиста сторожилъ, три тысячелѣтія тому назадъ, возвращавшіеся отъ Трои побѣдоносные корабли Агамемнона, которому любовникъ Клитемнестры готовилъ гибель въ его родномъ краю...

Аргосъ съ своею живописною панорамою Ларисы, съ бѣлыми зданіями монастыря св. Иліи, кажется чуть не въ двухъ шагахъ отсюда, охваченный кругомъ своею цвѣтущею и зеленѣющею равниною; а еще ближе его, буквально у нашихъ ногъ, картинно вырѣзается среди лона водъ обветшавшій средневѣковой замокъ съ зубцами и башнями, едва умѣстившійся на своей крошечной голой скалѣ. Это Бурци,—теперь тюрьма для убійцъ, замѣняющая нашу каторгу, а при туркахъ—военный фортъ, изъ котораго греки Никиты Колокотрони смѣло громили когда-то пушками Навплію, несмотря на грозныя батареи Паламиди.

Повернитесь теперь отъ Аргоса и Бурци назадъ и идите къ обрыву скалы, обращенной на Паламиди.

Тамъ тоже заливъ моря. Но вы видите глубоко внизу его густую и бархатистую синеву водъ сквозь цѣлый лѣсъ кактусовъ, сплошь улѣпившихъ отвѣсныя стѣны скалы, перепутавшихся и сцѣпившихся другъ съ другомъ въ непроницаемую чащу. Сверху кажется, будто безчисленная орда какихъ-то уродливыхъ зеленыхъ карликовъ, махающихъ своими мозолистыми и колючими лапами, лѣзетъ на приступъ горы со дна пропасти, давя и перепалзывая другъ черезъ друга...

Паламиди видна отсюда гораздо лучше, чѣмъ изъ города, и кажется все-таки очень высокою, несмотря на высоту Ичь-Кале. Нельзя понять, какъ люди могли проводить цѣлую жизнь на этихъ отвѣсныхъ, голыхъ кручахъ, поднятыхъ къ облакамъ, безъ зелени

Digitized by Google

и безъ всякаго пріюта, всегда открытые припеку солнца, вѣтрамъ и непогодамъ, вынужденные по нѣскольку разъ въ день подниматься и спускаться по этимъ обрывамъ за каждою своею житейскою потребностью. Нельзя понять и того, какъ ухитрялись они строить по этимъ крутизнамъ свои несокрушимыя стѣны и башни, таскать для нихъ наверхъ громадные камни, пробивать подземные ходы и спуски въ крѣпкихъ нѣдрахъ скалъ...

А еще труднѣе понять, съ какой стороны и какимъ способомъ можно было взять приступомъ эту колоссальную голую пирамиду, всю обвитую лентами высокихъ стѣнъ, ощетинившуюся во всѣ стороны зубцами и башнями, какъ булава своими желѣзными шипами, преградившую жерлами своихъ 400 пушекъ малѣйшую ложбинку, по которой въ силахъ былъ бы вскарабкаться человѣкъ.

И однако греки взяли эту неприступную Паламиди въ достопамятный для нихъ день св. Андрея, 30-го ноября 1822 года.

Взяли, впрочемъ, уже тогда, когда всѣми покинутый и издыхавшій отъ голода турецкій гарнизонъ сталъ ѣсть трупы убитыхъ товарищей, когда турецкіе караульные, обезумѣвъ отъ жажды и истощенія, сами сходили внизъ къ своимъ врагамъ, чтобы хотя цѣною жизни глотнуть глотокъ свѣжей воды. Вскарабкавшись на разсвѣтѣ на стѣны Паламиди, греки почти безъ сопротивленія перекололи нѣсколькихъ караульныхъ солдатъ и овладѣли знаменитою цитаделью, въ первый разъ за все время возстанія пощадивъ уцѣлѣвшихъ храбрыхъ защитниковъ ея.

Взятіе Навпліи было рѣшительнымъ торжествомъ греческаго возстанія. За мѣсяцъ передъ этимъ палъ и аѳинскій акрополь, но его взятіе не произвело такого потрясающаго впечатлѣнія на турокъ и на Европу, какъ паденіе Паламиди, этой неприступнѣйшей турецкой крѣпости, защищенной 400 орудіями, выстрѣлы которыхъ слышались, сотрясая почву, не только во всемъ Пелопоннесѣ и Аттикѣ, но и на островахъ архипелага, и даже въ южной Румеліи.

Я смотрѣлъ съ невольною грустью на всѣ эти воинственные изломы крѣпостныхъ стѣнъ и грозныя башни, опоясывающія утесистую пирамиду Паламиди. Райскій уголокъ земли, созданный для наслажденія и счастія человѣка, подъ чуднымъ солнцемъ, на чудномъ морѣ, среди чуднаго пейзажа, въ цвѣтущей тѣни лимонныхъ и гранатовыхъ рощъ, алоэ, пальмъ и кактусовъ, обращенъ безуміемъ и злобою людей въ очагъ вражды и смерти. Сколько тяжелаго труда, денегъ, человѣческихъ жизней уложено здѣсь, чтобы воздвигнуть всѣ эти безконечныя укрѣпленія и бойницы,

Digitized by Google

чтобы на естественныхъ скалахъ, безъ того уже недоступныхъ, нагромоздить еще эти искусственныя отвѣсныя скалы своего рода!

Тьма варварскихъ вѣковъ одѣвала тьмою самыя сердца людей, питая въ нихъ взаимную вражду, недовѣріе, узкое себялюбіе, угоняя брата отъ брата за неприступныя стѣны, на высоту неприступныхъ горъ.

Всѣ эти Паламиди, Ичь-Кале, Ларисы, всѣ эти „крѣпкостѣнные“ акрополи Тиринѳа и Микенъ—наслѣдіе темной враждующей старины, хотя бы они принимали теперь новыя формы и новыя названія, величались Майнцами, Мецами, Бобруйсками, и строились не циклопами и не финикіянами, а Вобанами, Тотлебенами и Бріальмонами.

Новая исторія, новыя христіанскія начала братскаго общенія и дружбы—это вонъ тамъ, внизу, на торговыхъ площадяхъ, на довѣрчиво открытомъ всѣмъ морскомъ берегу, куда смѣло пристаютъ суда всѣхъ странъ свѣта, гдѣ свободно торгуютъ, живутъ, работаютъ люди всѣхъ націй, говорящіе на всевозможныхъ языкахъ, исповѣдующіе всевозможныя вѣры.

Въ этомъ смыслѣ великое и утѣшительное значеніе имѣютъ всѣ эти гостинницы, рестораны, магазины, банки, желѣзныя дороги, пароходы, — одинаково доступные русскому, турку, греку, итальянцу и англичанину, — не спрашивающіе никого, откуда и кто онъ, не мѣшающіе никому, имѣющему образъ человѣческій, пользоваться всѣмъ, чѣмъ пользуются другіе. Общій языкъ, общая монета, общая мода—могучая сила, объединяющая человѣчество, изгоняющая изъ него старые инстинкты вражды и отчужденности... Какъ ни странно видѣть въ какой-нибудь Наполиди-Романія тѣ же вздутые буфами рукава и шляпы-котелки, какъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ или уѣздномъ городѣ Щиграхъ, но и этому слѣдуетъ радоваться, какъ наглядному признаку тѣснаго общенія и единства вкусовъ въ современномъ человѣчествѣ, перестающаго понемногу обособляться въ замкнутыя перегородки враждебныхъ другъ другу народностей, сословій, цеховъ, старавшихся еще недавно отличаться другъ отъ друга даже цвѣтомъ и покроемъ своихъ одеждъ.

Горы съ ихъ замками и крѣпостями съ этой точки зрѣнія—древняя исторія, а море, равнина съ желѣзными дорогами и пароходами—исторія новая. И какъ хорошо, что всѣ эти живописныя и поэтическія башни на пикахъ скалъ остались только для удовольствія туристовъ и живописцевъ, потерявъ въ настоящее время всякое живое значеніе и смыслъ.

Жаль только, что и до сихъ поръ эти Паламиди, Бурци и

Digitized by Google

Ичь-Кале обращаютъ въ сплошную мрачную тюрьму одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ и радостныхъ уголковъ южнаго моря...

XVIII.—Святилище Эскулапа въ Эпидаврѣ.

За 30 драхмъ пара лошадей въ покойномъ ландо взялась доставить насъ въ Эпидавръ и оттуда обратно въ Навплію. Заботливый хозяинъ гостинницы снабдилъ насъ въ счетъ условленнаго пансіона корзиною съ виномъ и съѣстными припасами, которыхъ, разумѣется, нельзя бы было достать въ развалинахъ Гіерона. Окрестности Навпліи—это рядъ прелестнѣйшихъ картинъ. Подъ грандіозною пирамидою Паламиди, съ ея романтическими стѣнами и башнями, раскинуты веселые домики и сады предмѣстья Проніо, съ которымъ нечувствительно сливаются своими садами и дачками другія пригородныя деревеньки. Монастырь Евангелистрія, взобравшійся на высокій холмъ, живописно вѣнчаетъ эту людную и цвѣтущую мѣстность, словно воздвигнутая надъ нею и осѣняющая ее священная хоругвь. Немного дальше и еще выше, въ красивой пазухѣ горы, свѣтится, среди роскошныхъ густыхъ садовъ, другой, красиво обстроенный, монастырь, смахивающій издалека на роскошную виллу какого-нибудь богатаго барина. На каждой вершинѣ холма непремѣнно бѣлѣетъ ярко свѣтящею точкою или „агіосъ“, или старинная башня. Панорама окрестныхъ горъ восхитительна. Горы тутъ вездѣ, со всѣхъ сторонъ, и всѣхъ формъ, какія только можно выдумать: пирамидами, круглыми куполами, обрывистыми скалами, капризно выточенными утесами. А за ними волны и хребты дальнихъ горъ таютъ въ туманахъ утра, голубыя, малиновыя, дымчатыя, совсѣмъ воздушныя, окружая своею волшебною цѣпью и равнину Навпліи, и ея голубой заливъ, уходя къ знойнымъ горизонтамъ мысами и островками...

Ничего нѣтъ удивительнаго, что такой райскій уголокъ привлекъ къ себѣ смѣлыхъ поселенцевъ, Богъ знаетъ, въ какой глубокой древности, и что каждый его холмъ и долинка были нѣкогда посвящены богамъ плодородія, красоты и всякой жизненной радости... Вѣрнѣйшими свидѣтелями этого служатъ многочисленные „агіосы“, усѣявшіе окрестныя вершины,—эти неизмѣнные наслѣдники былыхъ языческихъ святынь,—если бы даже намъ не разсказывали объ этихъ святыняхъ древніе авторы, подобные Павзанію, еще видѣвшіе ихъ своими глазами. Мы проѣхали сначала по чудной аллеѣ колоссальныхъ осокорей, изъ

Digitized by Google

которыхъ нѣкоторые великаны лежали поперекъ шоссе, вывернутые недавнимъ ураганомъ совсѣмъ съ корнями изъ рыхлой илистой почвы. Въ Проніи намъ показали оригинальный монументъ, устроенный въ честь баварскихъ солдатъ, убитыхъ за свободу Греціи: въ темносѣрой скалѣ высѣчена на нѣкоторой высотѣ пещера, и на ея красноватомъ фонѣ отчетливо вырѣзается лежащій внутри ея тоже высѣченный изъ камня левъ, на подобіе знаменитаго Люцернскаго льва Торвальдсена, воздвигнутаго въ честь швейцарцевъ, павшихъ при защитѣ Лувра.

Видѣли мы и древній водопроводъ, каменныя арки котораго опоясываютъ пяту Паламиди, но потомъ насъ охватили аллеи гледичій и кедровъ, сады, виноградники, огороды, оливковыя рощи, которыми было гораздо пріятнѣе любоваться въ этотъ ранній утренній часъ, чѣмъ старыми камнями.

Однако, цвѣтущія окрестности Навпліи тянутся не надалеко. Скоро мы очутились въ скучной и неинтересной мѣстности: безплодныя, необработанныя горы, низкія и однообразныя, охватили насъ со всѣхъ сторонъ. Жаръ и пыль усиливались съ каждой минутой; шоссе, заваленное безпорядочно наколотыми камнями, выбивало душу, несмотря на рессоры. По неволѣ вспомнилось мнѣ, что въ окрестностяхъ Навпліи, именно въ Герміонѣ, которая отстоитъ отсюда всего на нѣсколько часовъ ѣзды, древніе полагали одинъ изъ спусковъ подъ мрачные своды Аида, въ подземное царство Плутона и Прозерпины. Только черезъ нѣсколько часовъ попались намъ два одинокіе хана у фонтановъ съ свѣжею водою. Деревень не видно нигдѣ. Проѣхали разъ мимо торчавшихъ на скалѣ разрушенныхъ камней древней крѣпости,—у народа, разумѣется, Paleocastro.

Деревенька Лигуріо—у самой дороги. Около нея нѣсколько старыхъ византійскихъ церквочекъ характернаго типа, древній колодецъ и нѣсколько античныхъ обломковъ. Отсюда уже недалеко до Эпидавра, и страна начинаетъ мѣняться; горы дѣлаются выше и красивѣе; по холмамъ показываются оливковые сады. Наконецъ, передъ нами распахнулась широкая, мягкая долина, со всѣхъ сторонъ замкнутая кольцомъ зеленыхъ горъ, покрытыхъ оливковыми деревьями. Это и есть Гіеронъ Эпидавра, къ которому мы стремились. Съ одной стороны, его охватываетъ своими объятіями гора Титіонъ, съ другой—Кинортіонъ. Собственно городъ Эпидавръ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, за горами, на самомъ берегу моря, противъ острова Эгины. Онъ славился въ древнія времена своими виноградниками. Иліада такъ характеризуетъ его и сосѣднія съ нимъ города: „въ Аргосѣ

Digitized by Google

жившихъ мужей, населявшихъ Тиринѳъ крѣпкостѣнный, градъ Герміону, Азину,—морскія пристани оба, грады Трезену, Эліонъ, Эпидавръ, виноградомъ обильный"; но теперь въ немъ нѣтъ ничего интереснаго, и путешественники посѣщаютъ Эпидавръ исключительно ради Гіерона.

Коляска наша остановилась въ тѣни деревьевъ у подножія Кинортіона, и мы отправились пѣшкомъ на гору, на скатѣ которой выстроенъ каменный домъ музея. При музеѣ большая комната для ночлега и отдыха туристовъ, особенно, конечно, для археологовъ, изучающихъ любопытныя древности Гіерона. У филакса можно достать кое-что изъ съѣстного, но его на этотъ разъ не случилось дома, а насъ встрѣтилъ его молодой сынъ. Въ заѣзжей комнатѣ сидѣла цѣлая компанія аѳинскихъ студентовъ съ сосѣдняго острова Эгины, Саламина и изъ другихъ ближнихъ мѣстностей. Пользуясь лѣтними каникулами, они наняли въ Эпидаврѣ верховыхъ лошадей, чтобы объѣздить всею своею веселою молодою толпою древности эпидаврскаго Гіерона, Аргоса, Микенъ, Тиринѳа и другихъ. Не захвативъ филакса и ничѣмъ не раздобывшись здѣсь безъ него, они, повидимому, не особенно были довольны этимъ невольнымъ постничествомъ и охотно приняли мое приглашеніе выпить съ нами по стаканчику мантинейскаго вина, такъ кстати появившагося изъ нашей походной корзины.

Позавтракавъ чѣмъ было возможно, мы всѣ вмѣстѣ отправились подъ предводительствомъ расторопнаго сына филакса осматривать развалины эпидаврскаго Гіерона.

Самый поразительный памятникъ его—это колоссальный амфитеатръ по склонамъ горы Кинортіона, въ нѣсколькихъ шагахъ выше музея. Во всей Греціи не сохранилось болѣе обширнаго древняго театра. 54 ряда каменныхъ скамей-ступеней, поднимающихся громадными полукружіями другъ надъ другомъ, охватываютъ собою цѣлую площадь. Амфитеатръ этотъ въ два уступа: въ нижнемъ уступѣ 33 ряда, отдѣленныхъ круговымъ проходомъ отъ верхняго уступа, въ которомъ еще 21 рядъ скамей. Эти многочисленныя каменныя дуги перерѣзаны, словно радіусами, узкими лѣсенками — внизу я насчиталъ 12 такихъ лѣстницъ, вверху—24. Всѣ ступеньки лѣстницъ, всѣ ряды скамей сохранились удивительно хорошо. Амфитеатръ этотъ, построенный въ IV вѣкѣ до Рождества Христова знаменитымъ художникомъ Поликлетомъ младшимъ, производитъ необыкновенно величественное впечатлѣніе и даетъ наглядное понятіе о томъ многолюдствѣ, которое стекалось нѣкогда въ эту глухую теперь долинку. Можно

Digitized by Google

сказать, что цѣлая гора обращена здѣсь въ сидѣнья для зрителей, и подняться снизу на верхній рядъ скамей—трудъ далеко не легкій, особенно въ такой жаркій день, какой пылаетъ теперь кругомъ насъ. Круглая площадка оркестра внизу амфитеатра обнесена мраморною рампою; въ серединѣ ея—обычное круглое отверстіе для жертвенника, вокругъ котораго двигался нѣкогда хоръ, возглашавшій священные припѣвы. За хоромъ—длинный и просторный проходъ поперекъ всего театра, а за нимъ—сцена съ мраморными полуколоннами и низенькими стѣнками. Вѣроятно, это было только основаніе сцены, приподнимавшейся нѣсколько выше хора.

Но театръ Поликлета, при всемъ великолѣпіи и знаменитости своей, въ древнемъ Гіеронѣ Эпидавра игралъ второстепенную роль. Привлекалъ въ него безчисленныя толпы народа со всѣхъ концовъ Греціи не театръ, а святилище сострадательнаго бога Асклепія—врачевателя всяческихъ человѣческихъ недуговъ. Святилище это, или по-гречески Гіеронъ, находилось у подножія окружающихъ горъ, по срединѣ уединенной котловины, заросшей дубами и оливками, куда мы и спускаемся теперь къ его развалинамъ вслѣдъ за бѣгущимъ впереди насъ сыномъ филакса.

Эта тихая зеленая долинка—самое подходящее мѣсто для культа мирнаго цѣлителя людскихъ немощей. Оно, впрочемъ, и выбрано не случайно. Эти пустынныя горы—родина бога Асклепія. Здѣсь, на лѣсистыхъ вершинахъ Титіона, Коронисъ, дочь Флагіоса, въ объятіяхъ Аполлона, лучезарнаго бога солнца и поэтическихъ радостей, родила младенца Асклепія; козы пастуха Аретанаса выпоили его своимъ молокомъ, а собака-овчарка оберегала его. Можетъ быть, въ воспоминаніе этихъ-то первыхъ дней, проведенныхъ въ обществѣ пастушьихъ собакъ, среди змѣй, ползавшихъ по лѣснымъ пастбищамъ,—Асклепія, перекрещеннаго римлянами въ Эскулапа, греки изображали всегда на своихъ статуяхъ и медаляхъ съ змѣею и собакой. Во всякомъ случаѣ въ этомъ непоказномъ, но полезномъ человѣчеству богѣ, какимъ представляли его себѣ древніе, было что-то демократически-простое и всѣмъ доступное, счастливо отличавшее его отъ другихъ грозныхъ аристократическихъ боговъ, въ своемъ безстрастномъ олимпійскомъ величіи мало впечатлительныхъ къ житейскимъ нуждамъ смертныхъ. Среди горделивыхъ dii majores, окруженныхъ орлами, павлинами, ланями и конями, вооруженныхъ пуками молній, копьями и колчанами стрѣлъ, Асклепій съ своею овчаркою, можно сказать, былъ богомъ простонароднымъ, богомъ второй руки, къ которому, не стѣсняясь, прибѣгали самые маленькіе люди съ

Digitized by Google

просьбами о своихъ маленькихъ бѣдахъ... Не мудрено поэтому, что Зевсъ Кроніосъ, ревнивый къ своему владычеству надъ вселенной, терпѣливо сносившій популярность Асклепія среди людей, пока онъ исцѣлялъ только болѣзни ихъ,—сокрушилъ злополучнаго божка-врачевателя стрѣлами олимпійскихъ молній, когда Асклепій осмѣлился воскрешать мертвыхъ, въ явное оскорбленіе Плутона, законнаго владыки подземнаго царства. Популярность Асклепія среди грековъ, пожалуй, объясняется еще тѣмъ, что культъ его возникъ почти въ историческія времена, такъ что его еще понимали и воспѣвали не какъ бога, а какъ обыкновеннаго человѣка, одареннаго цѣлебною мудростію, и обоготвореніе его, такимъ образомъ совершалось на глазахъ людей. Въ Иліадѣ Гомера онъ еще вовсе не богъ. Асклепій, ученикъ Кентавра Хирона, который былъ наставникомъ и Ахиллеса, участвуетъ вмѣстѣ съ Язономъ и Геркулесомъ въ походѣ аргонавтовъ, а сыновья его, Махаонъ и Подалирій, унаслѣдовавшіе отъ отца тайны врачеванія, бьются подъ стѣнами Иліона въ качествѣ военныхъ врачей своего рода, и Махаонъ даже погибаетъ въ битвѣ съ троянцами.

„Опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ,
Зная вырѣзывать стрѣлы и язвы цѣлить врачевствами“...

—говоритъ Идоменей въ Иліадѣ про раненаго Махаона, котораго онъ называетъ „врача превосходнаго сынъ знаменитый“.

Впрочемъ, понятія древняго грека о своихъ богахъ вообще довольно смутно отличались отъ его представленій о скромномъ смертномъ. Его боги дерутся и бранятся, плачутъ, боятся, хохочутъ и радуются, спятъ, кушаютъ и пьютъ, какъ и всѣ мы грѣшные; Арей бьетъ Аѳину копьемъ, Аѳина бьетъ его камнемъ; Гера колотитъ дѣвственницу Артемиду по ушамъ ея же собственнымъ лукомъ. „Наглая муха“, „безстыдная псица!“—вотъ эпитеты, которыми угощаютъ другъ друга постоянно ссорящіеся боги и богини Олимпа. Не уступятъ они намъ и во всемъ прочемъ: ни въ любовныхъ интригахъ, ни въ увлеченіяхъ страстей, ни во лжи, ни въ коварствѣ. Мало того, несмотря на ихъ безсмертіе, смертные могутъ пронзать ихъ тѣло и проливать ихъ кровь, могутъ заключать ихъ въ оковы и наносить разныя другія обиды.

Въ Иліадѣ Діомедъ, „воеватель безстрашный“, предводитель эпидаврянъ, аргосцевъ, трезенцевъ и прочихъ жителей Арголиды, съ неотесанностью варвара пробиваетъ насквозь копьемъ нѣжную руку богини красоты: „заструилась безсмертная кровь Афродиты“,

Digitized by Google

и злополучная „владычица смѣховъ Киприда“ бѣжитъ въ ужасѣ съ поля битвы, стеная отъ страданій.

Аполлону тоже порядочно досталось отъ того же грубаго Діомеда. Когда супругу самого громовержца „въ перси поразилъ трехконечною горькой стрѣлою“ мощный сынъ Амфитріона, то „лютая боль безотрадная Геру богиню терзала“; бога войны, „свирѣпаго Арея“, Эфіальтесъ и Отосъ цѣлыхъ 13 мѣсяцевъ держали въ мѣдной темницѣ закованнаго цѣпью, и еслибы ловкій Гермесъ не ухитрился похитить его оттуда, то, по убѣжденію поэта, „вѣрно бы тамъ и погибнулъ Арей, ненасытимый бранью“.

Немудрено, что при такихъ взглядахъ на своихъ боговъ древнему греку на всякомъ шагу чудились боги; стоило только кому-нибудь поразить его воображеніе своею силою, храбростью, красотою или мудростію, грекъ Гомеровскаго времени сейчасъ же задаетъ себѣ вопросъ: ужъ не богъ ли это въ образѣ смертнаго?

Одиссей, увидѣвъ Навзикаю, не можетъ рѣшить, смертная ли она, или „одна изъ богинь, владычицъ пространнаго неба“? А когда тотъ же Одиссей явился къ Телемаку въ своемъ собственномъ образѣ, „Телемакъ изумленный очи потупилъ: онъ мыслилъ, что видитъ безсмертнаго бога“. „Вѣрно, одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба“;—обращается онъ къ Одиссею, предлагая сейчасъ же принести ему въ жертву богатую гекатомбу,—до того обыкновеннымъ считалось у грековъ появленіе боговъ среди людей, до того было часто вмѣшательство ихъ въ жизнь смертныхъ, и до того было неясно, по понятію грека, различіе смертнаго отъ безсмертныхъ.

Оттого-то у Гомера эпитетъ „божественный“ прилагается чуть не ко всякому греку; Одиссей, у него, божественный, „совѣтами равный Зевесу“; Парисъ—„боговидный“; Телемакъ — „подобный богамъ“, даже свинопасъ Эвмей — „богоравный“.

Миѳологія грека полна поэзіи, жизненности, образности, но вмѣстѣ съ тѣмъ она слишкомъ низменна и ребячески наивна. Объяснить это историческимъ младенчествомъ народа — нельзя, потому что народы еще болѣе дальнихъ и темныхъ вѣковъ, египтяне, индусы, персы, имѣли несравненно болѣе возвышенныя, несравненно болѣе философскія религіозныя системы.

Древній грекъ былъ развитъ гармоничнѣе, разностороннѣе, человѣчнѣе другихъ народовъ древности; но во всей его духовной жизни замѣтна какая-то самодовольная ограниченность, отсутствіе высокихъ и далекихъ идеаловъ. Ему была чужда не только идея цѣлаго человѣчества, но и идея обширнаго государ-

Digitized by Google

ственнаго организма, которая проявилась впервые въ эллинскомъ мірѣ только въ лицѣ македонскаго завоевателя, грека только на половину. Въ архитектурѣ грекъ не пошелъ дальше изящной колоннады, изъ 3—4 десятковъ столбовъ, прикрытой невысокой крышею, хотя народы, предшествовавшіе ему въ исторіи,—уже стремились воздвигать колоссальные многоэтажные дворцы, пирамиды величиною съ гору, грандіозныя пáгоды и подземные храмы.

Точно также и религія его въ своихъ представленіяхъ о божествѣ не отошла далеко отъ знакомаго ему красиваго человѣческаго образа, человѣческой силы мускуловъ, человѣческихъ страстей и человѣческихъ доблестей; только размѣры всего этого у его боговъ были нѣсколько больше; такъ что, напр., когда въ одной изъ пѣсней Иліады Арей упалъ на землю подъ ударомъ Аѳины, то онъ покрылъ своимъ тѣломъ необычное для человѣка пространство, цѣлыхъ семь десятинъ... Когда тотъ же Арей былъ раненъ копьемъ Діомеда, то онъ взревѣлъ, какъ всякій смертный, но только „страшно, какъ будто бы девять иль десять вскрикнули тысячъ сильныхъ мужей“. Такая разница между богами и смертными казалась достаточно внушительною скромному воображенію грека...

Когда мы спустились съ кручей Кинортіона въ долину, насъ охватилъ цѣлый лабиринтъ развалинъ, напомнившій намъ въ маленькомъ видѣ развалины Олимпіи. И тутъ, какъ тамъ, ни одного вполнѣ уцѣлѣвшаго зданія, — одни только нижнія основанія стѣнъ да ряды разбитыхъ колоннъ, торчащіе по всей долинѣ будто могильные камни на кладбищѣ. Мы минуемъ развалины гимназіи и черезъ „Пропилеи Навпліи“ вступаемъ въ предѣлы Асклепіева святилища. Другими пропилеями, эпидаврскими, проходили сюда съ сѣверной стороны, отъ города Эпидавра. Отъ обѣихъ пропилей, разумѣется, остались только слѣды.

Внутри ограды—остатки трехъ храмовъ, Артемиды, Аполлона и Асклепія. Надъ дверью этого главнаго святилища вырѣзана была прежде надпись: „Входъ въ это мѣсто дозволяется только чистымъ душамъ“; но такъ какъ ни двери, ни фронтона храма, украшеннаго знаменитыми фресками, уже не существуетъ, и только въ музеѣ можно любоваться ихъ чудными обломками, то и нечистыя души, и нечистыя ноги въ настоящее время безпрепятственно попираютъ помостъ Эскулапова святилища.

Нижнія половины мраморныхъ колоннъ, однако, продолжаютъ еще стоять на своихъ стилобатахъ, а по срединѣ храма видны остатки жертвенниковъ и подножій статуй.

Ѳразимедъ Парosскій соорудилъ изъ золота и слоновой кости

Digitized by Google

стоявшую здѣсь нѣкогда знаменитую статую Асклепія. Онъ былъ изображенъ сидящимъ на креслѣ съ неизмѣнною своею собакою у ногъ и змѣею, поднимавшеюся къ нему отъ земли.

Эту священную змѣю жрецы Асклепія заботливо содержали внутри его храма, откуда, по временамъ, она величественно выползала совершать свои медленныя прогулки по улицамъ Гіерона, къ искреннему восторгу и умиленію благочестивыхъ поклонниковъ бога врача. Гдѣ бы ни сооружали потомъ древніе греки храмы Асклепію, на Косѣ, въ Аѳинахъ, въ Римѣ, Смирнѣ, — всюду переносили они одну изъ змѣй эпидаврскаго Гіерона, какъ живого представителя бога Асклепія, и вездѣ строили эти храмы по образцу эпидаврскаго, который такимъ образомъ сдѣлался своего рода alma mater всѣхъ многочисленныхъ Асклепіевыхъ святынь Греціи.

Этотъ храмъ Асклепію былъ построенъ архитекторомъ Ѳеодотомъ въ IV вѣкѣ до Рожд. Христова съ необыкновенною роскошью. Матеріалъ для него былъ привезенъ изъ всевозможныхъ мѣстностей: и туфъ изъ Коринѳа, и бѣлый мраморъ изъ пентеликонскихъ ломокъ, и черный мраморовидный известнякъ съ красными прожилками, которымъ была вымощена чуть не вся площадь святилища. Превосходные барельефы фронтоновъ этого знаменитаго храма, изготовленные нѣсколькими художниками, подъ главнымъ наблюденіемъ Тимоѳея Аѳинскаго, мы видѣли въ эпидаврскомъ музеѣ только въ обломкахъ; тамъ обычныя любимыя сцены древнихъ грековъ — битва кентавровъ съ лапитами, какъ и въ храмѣ Зевса Олимпійскаго, — на одномъ фронтонѣ; битва грековъ съ амазонками — на другомъ. Скульптура этого послѣдняго фронтона сохранилась гораздо лучше, чѣмъ перваго, и можетъ дать вполнѣ ясное понятіе о былой красотѣ и художественныхъ богатствахъ древняго храма. Вокругъ храма по всей площади святилища раскинуты колонны, жертвенники, подножія для статуй, экзедры, каѳедры, массивныя сѣдалища изъ бѣлаго мрамора, капители, стеллы, стоячія и лежачія, и всякіе обломки. На колоннахъ и стеклахъ писались имена и болѣзни исцѣлившихся больныхъ, и средства, какими они излечивались. Это была своего рода цѣлая мраморная библіотека скорбныхъ листовъ и врачебныхъ рецептовъ, замѣнявшая въ то малограмотное время лѣтописи врачебной науки. На такихъ-то столбахъ, хотя и другого Эскулапова храма, Гиппократъ, житель острова Коса, изучалъ нѣкогда тайны современной ему медицины и вырабатывалъ свое ученіе о діэтѣ, кризисахъ и темпераментахъ.

Digitized by Google

Вокругъ священной площади тянутся длинные портики съ рядами колоннъ, гдѣ больные, притекавшіе къ помощи Асклепія изо всѣхъ уголковъ Греціи, гуляли, отдыхали, кормились и ночевали, подъ дѣятельнымъ надзоромъ жрецовъ-врачей. Каждому предписывался строгій порядокъ жизни, молитвы и цѣлебныя упражненія. Вода многочисленныхъ цистернъ и источниковъ служила главною основою леченія. Старые ключи, питавшіе Гіеронъ, теперь высохли и малозамѣтны, но цистернъ мы видѣли много и среди развалинъ святилища, и по сосѣдству съ нимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своею глубиною: брошенный камень только черезъ нѣсколько секундъ достигаетъ воды. Нужно думать, что на такой глубинѣ вода была всегда очень холодная, очень чистая и всегда одинаковой температуры. Молитвы и мистическіе обряды благопріятно настраивали нервы больныхъ, внушали заранѣе вѣру въ исцѣленіе, а вода и физическія упражненія дѣлали свое дѣло. Гіеронъ Эпидавра былъ такимъ образомъ отчасти гидропатическимъ заведеніемъ, отчасти и заведеніемъ минеральныхъ водъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасною климатическою станціею, гдѣ больные могли дышать благорастворенным горнымъ воздухомъ и вести тихій, здоровый образъ жизни, возстановлявшій ихъ силы. Жрецамъ, однако, было необходимо убѣдить больныхъ въ чудотворной помощи бога Асклепія и тѣмъ вызывать свою многочисленную публику на щедрыя жертвы ему, а слѣдовательно, и имъ, его смиреннымъ служителямъ. Поэтому больные, послѣ очищенія водою, обязывались прежде всего приносить умилостивительныя жертвы Асклепію и возносить молитвы передъ его алтаремъ; толпы страждущихъ окружали обыкновенно на колѣняхъ не только рѣшетку, за которою стояла въ храмѣ статуя Асклепія, но и самыя стѣны храма его, внутри котораго невозможно было всѣмъ помѣститься; богослуженіе совершалось ночами, въ глубокой тишинѣ, при свѣтѣ факеловъ, что̀ еще болѣе подготовляло вѣрующихъ къ чудесному воздѣйствію на нихъ бога-цѣлителя. Многіе впадали въ религіозный восторгъ и начинали громко взывать къ Асклепію, воздѣвая къ нему руки и повергаясь лицомъ на землю. Обезсиленныхъ этимъ нервнымъ возбужденіемъ уводили потомъ въ общія спальни, гдѣ жрецъ Асклепія внушалъ имъ, чтобы они внимательно прислушивались ночью къ голосу бога, еслибы онъ вздумалъ удостоить ихъ своими откровеніями, и запоминали свои сны, для передачи ихъ утромъ толкователямъ-жрецамъ... Какимъ-то образомъ всегда оказывалось, что больные слышали по ночамъ невѣдомо откуда достигавшія до нихъ божественныя на-

Digitized by Google

ставленія и, возставъ отъ сна, уже твердо знали, что̀ имъ дѣлать, какое лекарство нужно принять, какія совершить религіозныя упражненія, и даже какую слѣдуетъ принести благодарственную жертву за исцѣленіе. Выздоравливавшіе не только молились и совершали возліянія богу - цѣлителю, но и увѣшивали его статую драгоцѣнными подарками, заказывая для этого жившимъ при святилищѣ мастерамъ выливать и вырѣзать изъ серебра, золота и мрамора головы, ноги, руки, носы, уши, глаза, болѣвшія у нихъ и потомъ исцѣленныя милостію Асклепія. Особенно замѣчательныя исцѣленія записывались, какъ я уже говорилъ, на каменныхъ скрижаляхъ, или стеллахъ, которыя ставились на дворѣ святилища на память вѣкамъ грядущимъ и въ ободреніе вѣрующихъ. Вѣроятно, этимъ занимались сами жрецы, потому что на одной и той же стеллѣ вырѣзаны повѣствованія о многихъ исцѣленіяхъ. Къ счастью для науки, въ развалинахъ эпидаврскаго Гіерона найдены между обломками другихъ стеллъ двѣ большія стеллы, уцѣлѣвшія безъ всякаго поврежденія съ IV вѣка до Рожд. Христова; археологи прочли на нихъ исторію 43 чудесныхъ исцѣленій различныхъ болѣзней сострадательнымъ богомъ Асклепіемъ. Исторіи эти уже черезчуръ удивительны, и однако древніе, повидимому, вѣрили въ нихъ, ничто же сумнясь. Самое интересное въ этихъ разсказахъ то, что, судя по нимъ, врачеванія въ эпидаврскомъ Асклепейонѣ происходили главнымъ образомъ во время сна болящихъ, часто безо всякаго примѣненія лекарствъ, однимъ появленіемъ бога-цѣлителя въ сновидѣніи. Асклепій, ученикъ Кентавра, врачъ греческаго воинства, повидимому, и въ званіи олимпійскаго бога оставался тѣмъ же первобытнымъ хирургомъ съ грубыми пріемами костоправа или коновала, какими были на грѣшной землѣ онъ самъ и его сыновья Махаонъ и Подалирій. Онъ безъ дальнихъ церемоній отрываетъ,—конечно, въ сновидѣніи—головы болящихъ, вѣшаетъ ихъ за ноги, чтобы вылить изъ больного тѣла негодную кровь, распарываетъ животы, чтобы вынуть оттуда ему одному вѣдомую причину болѣзни,—и затѣмъ, когда больной просыпается,—все дѣло сдѣлано, болѣзни слѣда не осталось, вставай себѣ и иди, возсылая хвалы мудрому цѣлителю, совсѣмъ такъ, какъ въ нашихъ европейскихъ клиникахъ захлороформированный больной встаетъ изъ-подъ искуснаго ножа какого-нибудь знаменитаго оператора, сохраняя, словно во снѣ, неясную память о чудесно совершенной операціи.

Оригинальныя каменныя лѣтописи Эпидавра разсказываютъ и о слѣпыхъ съ вытекшими глазами, которымъ Асклепій возвра-

Digitized by Google

щалъ зрѣніе, только помазавъ своею мазью пустыя впадины, и о лысомъ старикѣ изъ Митиленъ, у котораго милостью Асклепія въ одну ночь выросли на голомъ черепѣ густые волосы, о хромыхъ и разслабленныхъ, которыхъ на рукахъ укладывали вечеромъ въ постель и которые поутру таскали тяжелые камни.

Понятно, что такія чудеса врачеванія поражали воображеніе наивно вѣровавшихъ людей и привлекали безчисленныя толпы болящихъ, ихъ родныхъ и просто любопытныхъ въ портики спасительнаго Асклепейона, гдѣ и богачъ, и бѣдный, находили радушный пріютъ въ „абатонахъ“—общихъ спальняхъ для больныхъ. Только безнадежные больные, близкіе къ смерти — не только не принимались въ абатоны, но даже безъ всякой жалости изгонялись изъ предѣловъ Асклепейона, чтобы не осквернить святилище смрадомъ смерти и не подрывать репутаціи бога-цѣлителя. Въ этомъ, конечно, сказывалось огромное принципіальное различіе между благотворительными учрежденіями современнаго намъ христіанства и стараго эллинскаго язычества. Особенно женщины во множествѣ стекались и толпились подъ колоннами Асклепіева святилища. Ихъ увлекала вся эта мистическая и поэтическая обстановка Гіерона, эта возбужденная жизнь толпы, настроенной на все чудесное, полная радостныхъ тревогъ, жутвихъ ожиданій, священнаго ужаса, эти общія ночныя моленія при свѣтѣ факеловъ, эти таинственныя интимныя общенія во снѣ съ богомъ-цѣлителемъ. Цѣлыя религіозныя корпораціи возникали подъ сѣнью Асклепейона, и не одинъ восторженный вѣрующій проводилъ свою жизнь въ портикахъ эпидаврскаго святилища, посвящая благодѣтельному богу-врачевателю всѣ свои труды и помыслы. Свѣтскіе медики того времени тоже считали не безвыгоднымъ для своей практики присосѣдиться подъ покровительство популярнаго божества и, сознавая безсиліе тогдашней науки своей, откровенно провозглашали въ своихъ писаніяхъ и словесныхъ наставленіяхъ необходимость божественной помощи Асклепія въ важныхъ случаяхъ, недоступныхъ ихъ человѣческой мудрости. Гиппократъ не знаетъ другого средства противъ эпилепсіи, какъ жертвы и моленія; чтобы избавиться отъ меланхоліи, онъ совѣтуетъ почитать боговъ. Съ другой стороны, самъ Асклепій, помимо своихъ чудесныхъ операцій во снѣ, нерѣдко заставляетъ своихъ кліентовъ прибѣгать и къ реальнымъ средствамъ обыкновеннаго человѣческаго врачеванія. Омовенія, обливанія, холодныя ванны, питье холодной воды изъ священныхъ ключей и колодцевъ, гимнастическія упражненія рекомендуются чаще

Digitized by Google

всего въ рецептахъ бога-врача, хотя имъ не забываются въ извѣстныхъ случаяхъ и соки разныхъ лекарственныхъ травъ...

Выздоровѣвшіе больные расплачивались съ святилищемъ добродѣтельнаго бога кто чѣмъ могъ: своими собственными статуями и портретами, серебряными и золотыми изображеніями тѣхъ частей тѣла, которыя были излечены, одеждою, посудой, драгоцѣнными камнями, деньгами... Иногда Асклепій самъ назначалъ богатымъ паціентамъ въ сновидѣніяхъ, растолкованныхъ мудрыми жрецами, крупныя суммы за излеченіе, и горе было дерзкому, который осмѣлился бы уклониться отъ опредѣленнаго ему оброка. Болѣзнь неминуемо возвращалась къ нему, какъ это и случилось, судя по надписямъ стеллы, съ однимъ слѣпымъ, тотчасъ же вторично ослѣпшимъ, какъ только онъ отказался внести объявленный ему гонораръ. А гонораръ этотъ, какъ видно, доходилъ въ иныхъ случаяхъ до 15 и 20.000 нашихъ рублей.

Зато въ другихъ случаяхъ богъ-цѣлитель великодушно довольствовался одними невещественными выраженіями благодарности, такъ что исцѣлившійся отъ болѣзни поэтъ могъ воспѣть его добродѣтели въ какомъ-нибудь посильномъ ему гимнѣ, не платя ни одной мѣдной лепты. Въ развалинахъ Эпидавра нашли одинъ изъ такихъ гимновъ, вырѣзанный на каменной доскѣ, въ которомъ нѣкто, по имени Изиллосъ, съ благословенія дельфійскаго оракула, воспѣлъ родословную Асклепія и его врачебныя чудеса. Иные изъ этихъ гимновъ трогательны наивною искренностію своей вѣры: „Послушай, что̀ хочетъ сказать тебѣ твой вѣрный Закоръ: О, Асклепій! какъ могу я войти въ твое золотое жилище, блаженный и желанный богъ, возлюбленный глава! какъ могу войти, лишенный тѣхъ ногъ, которыя нѣкогда служили мнѣ, чтобы достигнуть твоего святилища, если ты самъ въ милосердіи своемъ не введешь меня въ него, излечивъ отъ болѣзни, чтобы я могъ созерцать тебя, о, мой богъ, блескъ котораго выше, чѣмъ блескъ земли весною!..“

Самый замѣчательный и лучше другихъ уцѣлѣвшій памятникъ Гіерона — это Толосъ, круглый павильонъ, обставленный двумя рядами мраморныхъ колоннъ и увѣнчанный нѣкогда куполомъ изъ мраморной черепицы,—созданье знаменитаго художника древности, Поликлета. Громадный театръ Эпидавра тоже, какъ мы видѣли, былъ построенъ Поликлетомъ, хотя впослѣдствіи его нѣсколько разъ перестраивали и обновляли по старому плану. Толосъ, судя по уцѣлѣвшей каменной надписи, строился цѣлыхъ 40 лѣтъ, и былъ, повидимому, однимъ изъ главныхъ жертвенниковъ Эпидавра; онъ былъ роскошно украшенъ разноцвѣтными

Digitized by Google

карнизами, статуями и картинами художника Павзіаса. Большая часть его украшеній, къ счастью, отлично сохранилась въ обломкахъ, наполняющихъ музей Эпидавра, вмѣстѣ съ украшеніями Асклепіева храма. Тамъ полюбовались мы множествомъ бѣломраморныхъ капителей, архитравовъ, метоповъ и фризовъ смѣлаго и изящнаго рисунка и чудной рѣзьбы, раскрашенными терракотовыми карнизами, акротеріями, мраморными розетками и львиными рыльцами водосточныхъ трубъ, не говоря уже о прелестныхъ статуяхъ и упомянутыхъ выше интересныхъ стеллахъ съ надписями. Внутри Толоса довольно странный лабиринтъ: три круглыя стѣны концентрическими кольцами охватываютъ одна другую, такъ что достигнуть середины можно, только прокружившись по всѣмъ тремъ узкимъ проходамъ. Въ центрѣ этой каменной улитки—круглая яма для жертвъ. Такое расположеніе внутренности Толоса заставляетъ нѣсколько усомниться въ господствующемъ мнѣніи археологовъ, будто Толосъ былъ жертвенникомъ, а склоняетъ скорѣе къ другому предположенію ученыхъ, что тутъ былъ главный священный колодецъ Гіерона, назначенный для предварительнаго омовенія послѣ длиннаго пути богомольцевъ, притекавшихъ къ богу-цѣлителю. „Вокругъ священнаго колодца богомольцы тѣснились какъ мухи по краямъ чаши съ молокомъ“, сообщаетъ риторъ Аристидъ, одинъ изъ древнихъ авторовъ, описывавшихъ Эпидавръ.

Еще ниже Толоса, въ сторонѣ отъ святилища—очень длинное ристалище, стадіонъ. Онъ сильно углубленъ въ почву, потому что надъ нимъ снято не меньше 6—7 аршинъ наносной земли. Стадіонъ весь вымощенъ каменными плитами, какъ и площадь Гіерона. Тутъ было мѣсто борьбы, метанія дисковъ... Каменный жолобъ для воды обходитъ кругомъ всю арену, чтобы въ минуту усталости борцы могли освѣжить свои силы глоткомъ воды. Рядъ колоннъ, теперь на половину разрушенныхъ, отдѣляетъ стадіонъ отъ бѣга, вокругъ котораго тоже идетъ каменный жолобъ для воды. Побѣдители являлись къ колоннамъ, гдѣ стояли судьи бѣга, а побѣжденные удалялись съ противоположнаго конца, стараясь избѣгнуть взоровъ публики. А публики собиралось въ Эпидавръ очень много. На праздникъ Асклепія, который торжествовался черезъ каждыя пять лѣтъ, греки изо всѣхъ уголковъ тогдашняго міра стекались сюда не только для леченія и молитвъ, но и любопытства ради, поглазѣть на чудеса исцѣленія, на театры, игры, музыкальныя и гимнастическія состязанія, которыми развлекали больныхъ, побродить по шумной ярмаркѣ, всегда собиравшейся вокругъ святилища въ сезонъ ле-

Digitized by Google

ченія, подышать здоровымъ воздухомъ горной долины. Водолечебное заведеніе Эпидавра, какъ видно, соединялось съ полезными для больныхъ гимнастическими упражненіями и пріятными развлеченіями, много содѣйствовавшими выздоровленію, какъ это принято теперь и во всѣхъ нашихъ, хорошо устроенныхъ, водолечебныхъ мѣстностяхъ.

Въ этомъ уже былъ сдѣланъ эллинскою медициною огромный шагъ сравнительно съ тѣми первобытными, почти исключительно хирургическими средствами, какими лечили своихъ выносливыхъ и могучихъ паціентовъ основатели греческаго врачебнаго искусства, Асклепій и его сыновья, и которыхъ очень точное и выразительное описаніе сохранила намъ Гомерова Иліада.

Махаону и Подалирію, сыновьямъ Асклепія, поклонялись въ эпидаврскомъ Гіеронѣ тоже какъ божествамъ. Точно также поклонялись тамъ и женѣ его Эніонѣ, и дочери Гигіи, не говоря уже о божественной теткѣ его, Артемидѣ, сестрѣ его родителя Аполлона, такъ что эпидаврское святилище было своего рода семейнымъ храмомъ Эскулапа.

Всѣ обширныя и дорого стоющія раскопки Эпидавра начаты были всего лѣтъ 15 тому назадъ, на средства аѳинскаго археологическаго общества, поручившаго ихъ извѣстному греческому археологу Каввадіасу, который еще ранѣе сталъ извѣстенъ своими научными открытіями въ аѳинскомъ акрополисѣ. До раскопокъ Каввадіаса на мѣстѣ теперешнихъ многочисленныхъ памятниковъ Эпидавра едва торчала изъ-подъ кургановъ земли кучка камней, заросшихъ кустарниками, да по скату горы Кинортіона обнажались нѣсколько ветхихъ скамеекъ театра. Къ сожалѣнію изученіе этого крайне интереснаго и оригинальнѣйшаго памятника эллинской древности затруднено примѣсью множества позднѣйшихъ построекъ. Цѣлый городокъ римскихъ жилищъ, храмовъ, бань, возникъ впослѣдствіи на мѣстѣ стараго Гіерона и смѣшался съ его памятниками. Императоръ Антонинъ Пій особенно хлопоталъ о возстановленіи этого полезнаго и чуть ли не единственнаго благотворительнаго учрежденія древней Греціи, совершенно разореннаго Суллою, и настроилъ тутъ много новыхъ построекъ, затрудняющихъ теперь на всякомъ шагу розыскъ подлинныхъ эллинскихъ древностей...

Мы закончили свое посѣщеніе Гіерона подробнымъ осмотромъ музея на горѣ Кинортіонѣ, котораго драгоцѣнныя скульптурныя произведенія превосходно дополняли для насъ картину эпидаврскаго святилища, какъ она сохранилась въ развалинахъ древнихъ зданій, извлеченныхъ теперь на свѣтъ Божій изъ своей

Digitized by Google

тысячелѣтней могилы просвѣщенной ревностью греческихъ археологовъ...

XIX.—Черезъ Коринѳскій перешеекъ.

Мы еще провели одну ночь въ Навпліи, „гдѣ предалися покою и сна насладились дарами", а въ 9 часовъ утра сѣли на коринѳскую желѣзную дорогу, чтобы совершить свой послѣдній переѣздъ изъ Пелопоннеса—откуда мы уносили столько незабываемыхъ никогда впечатлѣній — въ невѣдомыя еще равнины Эллады.

Дорога шла сначала знакомыми мѣстами, мимо Тиринѳа и Микенъ; пирамида аргосской Ларисы долго провожала насъ слѣва.

Тотчасъ же за станціей Фихтія—откуда посѣщаютъ обыкновенно Микены — начинается безконечное горное ущелье среди лабиринта совсѣмъ некрасивыхъ, невысокихъ и безплодныхъ горъ Третона, когда-то покрытыхъ сплошными лѣсами, а теперь изрядно голыхъ. Это—мѣстность Немеи, подвиговъ Геркулеса; Немейскій левъ, Лернейская гидра, Стимфалійское озеро, съ его птицами о желѣзныхъ когтяхъ,—всѣ эти полумиѳическія преданія до-исторической жизни Греціи не выходятъ изъ предѣловъ тѣснаго арголидскаго уголка, гдѣ и стѣны Тиринѳа, и самое названіе Аргоса, одинаковое съ названіемъ корабля аргонавтовъ, не перестаетъ напоминать популярнѣйшаго героя-богатыря народныхъ греческихъ легендъ. Здѣсь происходила и жестокая борьба Гераклидовъ, потомковъ божественнаго Геракла, съ Пелопидами, окончившаяся ихъ изгнаніемъ изъ Пелопоннеса, и сюда же впослѣдствіи, позднѣйшіе потомки того же Геракла, доряне, вторгнулись побѣдителями изъ своихъ сѣверныхъ равнинъ и основали свои новыя царства. Нѣмецкіе ученые сочинили очень остроумныя теоріи, которыми стараются доказать, будто подъ легендами о Лернейской гидрѣ и Немейскомъ львѣ нужно понимать иносказательное воспоминаніе греческаго народа объ осушеніи вредоносныхъ болотъ, наполнявшихъ нѣкогда Арголиду, и о защитѣ страны отъ свирѣпыхъ горныхъ потоковъ, низвергавшихся съ горъ черезъ пробитыя ими пещеры и опустошавшихъ окрестность своими разрушительными наводненіями.

Подобныя отвлеченныя аллегоріи уже черезчуръ хитроумны для младенческаго народа и совсѣмъ не вяжутся съ свойствами наивнаго народнаго творчества. А главное, эти произвольныя и черезчуръ уже натянутыя объясненія не вызываются ровно ничѣмъ.

Digitized by Google

Что Арголида могла страдать въ древности отъ множества змѣй, такъ же естественно, какъ и то, что она страдала отъ излишнихъ болотъ; не даромъ же и въ историческія времена Греціи, даже въ вѣка христіанской эры,—змѣи продолжаютъ играть такую роль въ эпидаврскомъ Гіеронѣ. Что львы могли жить и дѣйствительно жили въ древней Греціи—тоже не подлежитъ сомнѣнію. Читайте внимательно Иліаду и Одиссею, и вы убѣдитесь, что обо львѣ древній грекъ говорилъ какъ о животномъ, котораго онъ долженъ былъ видѣть очень часто; иначе ему не могли бы приходить въ голову постоянныя сравненія со львомъ то величественнаго вида, то смѣлыхъ прыжковъ, то сокрушительной силы его героевъ. Львиная шкура, которая спускается на всѣхъ картинахъ и статуяхъ съ плеча Геракла, какъ мы узнаемъ отъ Гомера, точно такъ же одѣвала, подъ стѣнами Трои, и Діомеда, „воеватели безстрашнаго", предводителя аргивянъ, туземца этой самой мѣстности:

„Рекъ Діомедъ, не медля покрывшися львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пятъ доходящей"...

Отъ города Немеи и ея когда-то славныхъ немейскихъ игръ и храмовъ, собиравшихъ къ себѣ цѣлую Грецію, уцѣлѣло всего только три одинокія колонны Зевсова храма да слабые слѣды театра и стадіона; все остальное — груды камней, такъ что при всей близости Немеи отъ желѣзной дороги (одинъ часъ ѣзды) рѣшительно не стоило терять времени на ея посѣщеніе; не видали мы черезъ это и пещеры Караковуни, въ которой, по преданію, жилъ Немейскій левъ, убитый Геркулесомъ. Немея—это высшая точка подъема ущелья Дервенаки, по которому несется нашъ поѣздъ. Отъ Немеи начинается уже спускъ къ коринѳскому побережью.

Ущелье Дервенаки наводитъ на воспоминаніе не объ однихъ подвигахъ Геркулеса, не объ одномъ львѣ Немейской пещеры. Это—мѣсто геройскаго боя одного изъ новѣйшихъ львовъ Греціи, брата Колокотрони, Никиты, съ извѣстнымъ турецкимъ пашою Магометомъ Драмали, котораго войска, отступавшія въ 1822 г. отъ осажденной Навпліи, были здѣсь, можно сказать, прогнаны сквозь строй черезъ узкое ущелье отчаянными греческими повстанцами. Драмали незадолго передъ тѣмъ вторгся въ Пелопоннесъ изъ Ѳессаліи съ тридцатитысячнымъ войскомъ, 60 орудіями, множествомъ лошадей и верблюдовъ. Его появленіе навело такой ужасъ на маленькіе отряды греческихъ повстанцевъ, охранявшихъ при Ѳермопилахъ входъ въ Элладу и ущелье Дервенаки, ведущее на Коринѳскій перешеекъ, что греки поспѣшно бѣжали въ горы,

Digitized by Google

позволивъ турецкому пашѣ безъ выстрѣла пройти всю Элладу и появиться неожиданно у Навплiи и Аргоса. Даже гарнизонъ неприступной крѣпости Акрокоринѳа, главной надежды греческаго воинства, малодушно покинулъ свои твердыни, спасаясь отъ надвинувшагося врага. Командиромъ Акрокоринѳа былъ, какъ нарочно, попъ *Ахилеасъ*, а начальникомъ ѳермопильскаго отряда—*Одиссей*, но, несмотря на эти геройскiя имена Иліады, оба вождя позорно бѣжали, безъ малѣйшей попытки къ защитѣ.

Осада греками Навплiи, конечно, была тотчасъ же снята; Аргосъ уже перешелъ во власть турокъ; центральное временное правительство Грецiи бѣжало, растерянное, на суда, чтобы спасаться на островахъ, и, казалось, все дѣло Грецiи было окончательно проиграно. Но геройская оборона Димитрiемъ Ипсиланти старой аргосской цитадели, о которой я уже говорилъ раньше, и особенно смѣлая рѣшимость Колокотрони запереть турецкое войско подъ стѣнами Навплiи, не пуская его ни внутрь полуострова, ни назадъ въ Коринѳъ,—разомъ перевернули ходъ войны. Сколько ни пытались полки Драмали пробиться у Лерны черезъ ущелье Мили въ Триполицу,—Колокотрони и Мавромихали, съ своими майнотами, пользуясь неприступною мѣстностью, каждый разъ опрокидывали ихъ съ огромными потерями. А между тѣмъ, привезенные пашой припасы были совсѣмъ на исходѣ, подвозъ отовсюду былъ невозможенъ, и войска и гарнизонъ Навплiи могли въ скоромъ времени очутиться безъ всякихъ средствъ пропитанiя. Драмали рѣшился тогда возвратиться назадъ въ Ѳессалiю, и оставивъ часть войскъ на подкрѣпленiе гарнизона Навплiи, съ обычною турецкою безпечностью двинулся съ своимъ восьмитысячнымъ отрядомъ черезъ ущелье Дервенаки къ Коринѳу. Греческая стража пропустила его безъ выстрѣла, но когда колонны турокъ очутились въ серединѣ узкаго ущелья, то вдругъ всѣ горы вокругъ нихъ покрылись греческими стрѣлками. Изъ-за каждаго куста, изъ-за каждаго камня греки били ихъ безъ промаха, на выборъ. Ошеломленные турки спѣшили скорѣе пройти эту смертоносную тѣснину, чтобы выбраться на равнину, гдѣ могла бы дѣйствовать ихъ конница и артиллерiя, но при выходѣ изъ ущелья, въ узкомъ поворотѣ его, ихъ давно поджидалъ самъ Никита съ своими главными силами. Началась неописуемая бойня, въ которой легла едва не половина турецкаго войска.

Драмали успѣлъ пробиться въ Акрокоринѳъ всего съ двумя тысячами солдатъ. Немного больше двухъ тысячъ повернули назадъ въ ущелье и, опрокинувъ преслѣдовавшихъ ихъ майнотовъ, добрались бѣгомъ до Навплiи. Всѣ остальные были изрублены,

Digitized by Google

переколоты, перестрѣлены, весь турецкій обозъ, всѣ ихъ пушки, знамена, лошади, верблюды, множество оружія и добычи всякаго рода достались счастливымъ побѣдителямъ. Никита послѣ этого славнаго боя, радостно прогремѣвшаго по всей Греціи, прозванъ былъ *пожирателемъ турокъ*.

Таковы-то славныя воспоминанія этого безплоднаго, однообразнаго ущелья, по которому такъ надоѣдливо-долго извивается черная стоножка нашего поѣзда.

Пирамида Акрокоринѳа разомъ вдругъ вырѣзалась влѣво отъ дороги, среди охватившей насъ плодородной равнины, покрытой полями и виноградниками. Это естественная гора-крѣпость, живописная и неприступная въ одно и то же время. Съ нашей дороги она кажется продолговатымъ скалистымъ гребнемъ, одиноко поднимающимъ къ облакамъ свои каменныя кручи. Но отъ Коринѳскаго залива и съ береговъ Эллады я видѣлъ потомъ акрокоринѳскую пирамиду не сбоку, а въ лицо, и оттуда она кажется сахарною головою своего рода. Большая и сильная крѣпость вѣнчаетъ эту пирамиду цѣлою зубчатою короною стѣнъ и башенъ. На отдѣльномъ пикѣ, должно быть, отрогѣ той же горы, торчитъ немного дальше, охваченное кругомъ непроходимыми пропастями, другое — старинное укрѣпленіе Пентескуфія. Все это средневѣковыя постройки венеціанцевъ и отчасти турокъ, возведенныя изъ матеріаловъ византійскихъ и древне-эллинскихъ твердынь, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда высились онѣ, защищая доступъ въ Пелопоннесъ отъ вторженій со стороны Эллады. Эффектная и оригинальная пирамида Акрокоринѳа, съ ея романтическими стѣнами, придаетъ всему окрестному пейзажу какой-то глубоко-историческій характеръ и запечатлѣвается неизгладимо въ воспоминаніяхъ путешественника, какъ типическій образчикъ древне-греческаго ландшафта. Съ дѣтства привыкли мы произносить съ благоговѣніемъ тѣ имена и названія, которыя невольно приходятъ здѣсь на умъ на каждомъ шагу. На высотахъ Акрокоринѳа до сихъ поръ звенятъ холодныя струи *ключа Пирены*, который выбилъ изъ земли ударомъ своего копыта Пегасъ—крылатый конь Беллерофона. Сизифъ, загробныя мученія котораго такъ выразительно описаны поэтомъ древности, былъ первымъ создателемъ Акрокоринѳа, и когда глядишь на его гранитный конусъ, то классическая легенда о мучительномъ, вѣчно повторяющемся вкатываніи камня на верхъ крутой горы, дѣлается совершенно понятною, какъ иносказательное воспоминаніе о тѣхъ

Digitized by Google

неодолимыхъ трудностяхъ, которыя потребовались первому строителю этой старой твердыни на пикѣ такой обрывистой и высокой скалы. Кругомъ Акрокоринѳа оставили свои слѣды всѣ славныя имена до-исторической, почти миѳологической Греціи: Тезей и Гераклъ, Язонъ и Медея, Эдипъ-царь... Это одно уже указываетъ на глубочайшую древность этого первобытнаго гнѣзда греческой жизни.

Акрокоринѳъ былъ только вышгородомъ, цитаделью древняго Коринѳа, лежавшаго у его подножія.

А первыя страницы исторіи Коринѳа несомнѣнно убѣждаютъ, что его ранніе насельники были предпріимчивые финикійскіе колонисты, оставившіе въ наслѣдство Коринѳу его страсть къ торговлѣ и мореплаванію, его искусство въ фабрикаціяхъ пурпурныхъ тканей и бронзовыхъ издѣлій, даже его популярный культъ богини любви Афродиты,—той же финикійской Астарты. Море, корабли, торговля, сдѣлались центромъ всей жизни и помысловъ коринѳянъ. Посейдонъ—богъ морскихъ пучинъ, невольно сталъ у нихъ почетнѣе всѣхъ остальныхъ боговъ олимпійскаго Пантеона, и знаменитыя истмійскія игры на Коринѳскомъ перешейкѣ, верстахъ въ восьми отъ древняго города, куда тысячами стекались эллины всѣхъ странъ, праздновались вокругъ храма Посейдона во славу его. Прибыльная торговля заставляла коринѳянъ строить множество купеческихъ кораблей, завести сильный военный флотъ, охранявшій эту торговлю на всѣхъ извѣстныхъ тогда моряхъ, и могуче двинула промышленность Коринѳа, которому казалось недостаточно выгодно торговать только чужими произведеніями. Товары всего свѣта заваливали собою магазины и гавани Коринѳа, какъ разсказываетъ Павзаній, посѣтившій Коринѳъ при императорѣ Адріанѣ, послѣ блестящаго возстановленія его этимъ восторженнымъ почитателемъ античной Греціи. Городъ былъ полонъ тогда мраморныхъ храмовъ, театровъ, гимназій, статуй, картинъ, купцовъ и иностранцевъ, такъ что варварское разрушеніе Муммія, безжалостно ограбившаго и въ прахъ уничтожившаго этотъ славный городъ древности,—совсѣмъ уже не чувствовалось. Древній Коринѳъ имѣлъ двѣ морскія гавани, которыхъ остатки видны и теперь. На берегу Лепантскаго залива, который назывался у эллиновъ моремъ Криссы, былъ у него портъ Лехея, соединенный съ городомъ безопаснымъ проѣздомъ между двухъ высокихъ стѣнъ, а въ Сароническомъ заливѣ—портъ Кенхрея (верстахъ въ 10 отъ города). Въ Лехею свозились товары Сициліи, Италіи, западной Африки, въ Кенхрею—финикійскіе, малоазійскіе, египетскіе, рабы и скотъ изъ Скиѳіи и Фракіи. Для удобства тор-

Digitized by Google

говли между этими двумя гаванями былъ устроенъ особенный мощеный волокъ, по которому, за недостаткомъ канала, перетаскивали суда изъ одного моря въ другое.

Богатство, пріобрѣтенное этою эллинскою Англіею, пріучило мало-по-малу суровыхъ мореплавателей къ роскоши и нѣгѣ и подорвало въ нихъ тѣ мужественныя, патріотическія чувства, безъ которыхъ трудно было въ тѣ грубые вѣка защищать свою самостоятельность.

Сладострастная изнѣженность коринѳянъ дошла до того, что у нихъ публичныя женщины заняли чуть не самое почетное мѣсто въ обществѣ. Онѣ были посвящены популярнѣйшей богинѣ Коринѳа—Афродитѣ, совершали въ ея честь торжественныя процессіи по улицамъ города, воспѣвая священные гимны, а въ минуты государственной опасности граждане прибѣгали къ ихъ молитвамъ. Поэтъ Симонидъ воспѣлъ стихами подвигъ этихъ гетеръ, молитвамъ которыхъ коринѳяне приписывали спасеніе ихъ города отъ нашествія Ксеркса, и стихи Симонида были начертаны, по распоряженію коринѳскихъ властей, подъ картиною, изображавшею патріотическое моленіе Венерѣ ея веселыхъ жрицъ. Всякій, кто хотѣлъ обезпечить себѣ успѣхъ торговаго предпріятія, давалъ обѣтъ Афродитѣ пожертвовать ей нѣсколькихъ жрицъ любви, которыхъ покупали для этого вездѣ, гдѣ было можно. Ихъ считалось поэтому въ Коринѳѣ болѣе тысячи.

Послѣ новаго разрушенія Алариха, Коринѳъ со всѣми своими богатствами и великолѣпными зданіями обратился въ груду развалинъ, и хотя венеціанцы, захватившіе его въ XIII вѣкѣ, возстановили, какъ могли, знаменитый городъ, но нашествіе турокъ при Магометѣ II-мъ въ прахъ уничтожило и венеціанскій Коринѳъ. Черезъ 230 лѣтъ венеціанцы еще разъ отняли его у турокъ, но не могли долго удерживать въ своихъ рукахъ, и въ 1715 году Коринѳъ опять попадаетъ во власть Османовъ. Байронъ въ своей знаменитой поэмѣ: „Осада Коринѳа“, воспѣлъ именно эту послѣднюю трагическую гибель его. Позднѣйшіе путешественники не находили въ немъ даже развалинъ древнихъ памятниковъ. До того основательно стерли его съ лица земли его завоеватели. Фовель, роясь въ кучахъ мусора, едва могъ откопать двѣ капители коринѳскихъ колоннъ, словно нарочно оставленныхъ въ воспоминаніе того роскошнаго стиля построекъ, который былъ изобрѣтенъ коринѳянами, и который получилъ потомъ такое широкое распространеніе въ Греціи и во всемъ образованномъ мірѣ.

Шатобріанъ тоже не могъ увидѣть въ Коринѳѣ ни одного памятника; „что касается до памятниковъ Коринѳа, то они больше

Digitized by Google

не существуютъ", пишетъ онъ. Коринѳъ былъ при немъ уже не городомъ, а небольшою деревнею. Хотя въ настоящее время усиліями археологическихъ обществъ найдены въ старомъ Коринѳѣ остатки очень древняго дорическаго храма, съ немногими уцѣлѣвшими колоннами, и основаніе городскихъ стѣнъ, но эти скудные памятники не настолько интересны, чтобы стоило посвящать имъ и время, и деньги, особенно въ виду ожидавшихъ насъ впереди многочисленныхъ поучительныхъ остатковъ древности Элевзиса, Аѳинъ и проч..

Деревня, занимавшая мѣстность стараго Коринѳа у подножія акрокоринѳской пирамиды, была разрушена, въ 1858 году, страшнымъ землетрясеніемъ, и жители ея перебрались послѣ того на берегъ моря, въ юго-восточную пазуху того Лепантскаго залива, о которомъ Шатобріанъ прекрасно выразился, что „это единственное новое названіе въ Греціи, могущее соперничать красотою съ ея античными именами". Теперь это довольно порядочный городокъ „Новый Коринѳъ", будущность котораго, съ проведеніемъ черезъ перешеекъ Коринѳскаго канала—должна быть блестящая. Западный входъ въ каналъ, съ своимъ маленькимъ портомъ Посейдонія—всего въ двухъ верстахъ отъ новаго города. Кромѣ того, три желѣзнодорожныя линіи, аѳинская, навплійскотриполицкая и патрасская, пересѣкаются какъ въ узлѣ въ Новомъ-Коринѳѣ и дѣлаютъ его естественнымъ средоточіемъ не только морской, но и сухопутной торговли Греціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ королевства. Впрочемъ, пока это торговое и военное значеніе Новаго-Коринѳа очень мало выражается во внѣшности города. Маленькіе домишки его, во множествѣ насыпанные на плоскомъ берегу залива въ перемежку съ кипарисами, не представляютъ собою ничего ни красиваго, ни внушительнаго, и производятъ впечатлѣніе скорѣе большой деревни, чѣмъ города. Ресторанъ на вокзалѣ, къ счастью, оказался порядочнымъ, прислуга даже говоритъ пофранцузски, такъ что мы позавтракали въ немъ съ большимъ аппетитомъ и удобствомъ. Здѣсь мы разстались съ двумя своими веселыми и милыми компаньонами, нѣмцами-студентами изъ Буда-Пешта, съ которыми мы много бесѣдовали и о древней Греціи, и о новой Австріи, и которые должны были изъ Коринѳа повернуть на Патрасъ и посѣтить Олимпію. Покидая Коринѳъ, я невольно вспомнилъ, что въ исторіи древнихъ временъ имя его было связано не съ одною только славою торговли и богатства, не съ однимъ сладострастнымъ культомъ языческой богини любви. Въ то самое время, когда первые цезари Рима заботливо хло-

Digitized by Google

потали о возстановленіи въ новомъ блескѣ разрушенныхъ Мумміемъ языческихъ капищъ и театровъ его, простой іудей изъ отдаленнаго азіатскаго Тарса, прошедшій цѣлый невѣдомыя ему страны, въ товариществѣ двухъ-трехъ такихъ же скромныхъ иноземныхъ странниковъ, создалъ въ тиши самыхъ бѣдныхъ и глухихъ кварталовъ великолѣпнаго Коринѳа одинъ изъ столповъ того нерукотворнаго храма Бога любви, добра и истины, передъ которымъ скоро исчезли со сцены міра, растаяли „какъ воскъ отъ лица огня“, всѣ культы Афродитъ, Нептуновъ и Зевсовъ. Апостолъ Павелъ, въ своей безпредѣльной ревности разносившій слово Божіе по всѣмъ странамъ міра, повидимому, не безъ намѣренія выбиралъ мѣстами своихъ главныхъ стоянокъ большіе торговые и религіозные центры, какъ Эфесъ, Салоники, Аѳины, Римъ, Коринѳъ, куда стекались массы народа изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, и откуда новое ученіе могло удобнѣе всего разноситься по лицу земли. Коринѳъ апостолъ Павелъ посѣтилъ не менѣе трехъ разъ, и въ первый приходъ свой прожилъ въ немъ цѣлыхъ полтора года, устраивая новосозданную церковь Христову и питаясь трудами рукъ своихъ въ домѣ скромной іудейской четы Аквилы и Присциллы, занимавшихся однимъ съ нимъ ремесломъ — шитьемъ палатокъ. Кромѣ Аквилы и Присциллы, которые отплыли въ Азію вмѣстѣ съ Павломъ для того же подвига распространенія вѣры Христовой, первыми собратьями маленькой христіанской общины Коринѳа, насажденной Павломъ, были начальники тамошней синагоги, Криспъ и Сосфенъ, и семья Стефана. Послѣ гимновъ Венерѣ, распѣваемыхъ толпами размалеванныхъ куртизанокъ, совсѣмъ иное ученіе любви раздалось вдругъ на площадяхъ Коринѳа изъ устъ апостола Христова..

„Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій.

„Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы передвигать, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

„Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла; все покрываетъ, всему вѣруетъ, всего надѣется, все переноситъ“...

Такими глубокими, возвышенными и сердечно-трогательными чертами опредѣляетъ или, лучше сказать, воспѣваетъ апостолъ язычниковъ, словно въ какомъ-то вдохновенномъ гимнѣ, настоя-

Digitized by Google

щую христіанскую любовь—въ своемъ „первомъ *посланіи къ Коринѳянамъ*“, написанномъ, какъ онъ самъ говоритъ, „со многими слезами“.

Немудрено, что такое возвышенно-чистое ученіе поражало новизною своихъ нравственныхъ требованій тогдашніе еще болѣе грубые народы, погрязшіе въ матеріальныхъ взглядахъ на жизнь. „Что-то странное ты влагаешь въ уши наши“! — говорили апостолу Павлу эпикурейскіе и стоическіе философы Аѳинъ, приведшіе его въ ареопагъ для изложенія новаго ученія,—какъ передаетъ намъ книга Дѣяній Апостоловъ.

Изъ Коринѳа весь берегъ Аттики виденъ великолѣпно. Мягкія, бархатисто-синія воды Лепантскаго залива удивительно-нѣжно оттѣняютъ розово-лиловыя и знойно-туманные хребты горъ, громоздящіеся на томъ берегу его. Трудно было вообразить, чтобы Эллада представлялась такою недоступною гористою страною. Парнасъ и Геликонъ еще въ снѣговыхъ шапкахъ, которыя, вѣроятно, растаютъ отъ іюльскаго солнца, но въ настоящую минуту они смотрятъ на насъ грозными сѣдыми великанами.

Кругомъ Коринѳа—сплошныя поля коринки. Приморская низина, окруженная горами, какъ теплица своими стѣнками, открытая влажному дыханію двухъ морей, защищенная горами Эллады отъ вѣтровъ и морозовъ сѣвера, славится своимъ плодородіемъ. Но когда поѣздъ нашъ двинулся по плоской каменистой пустынѣ перешейка, то картина измѣнилась сразу. Хотя каналъ всего въ двухъ верстахъ отъ города, но желѣзнодорожный мостъ, по которому его пересѣкаютъ, порядочно отодвинутъ отъ устья канала къ серединѣ перешейка, такъ что мы ѣхали до него довольно долго. Справа отъ насъ голыя горы, тотъ Онейусъ, по тропинкамъ котораго нѣкогда поднимались древніе греки, переходившіе черезъ перешеекъ изъ Пелопоннеса въ Аттику. Шатобріанъ еще перебирался верхомъ по кручамъ Онейуса. Еще нѣсколько раньше Новаго-Коринѳа мы переѣхали Гексамилію, слѣды древней шестимильной стѣны, преграждавшей когда-то путь на перешеекъ и соединявшей съ древнимъ Коринѳомъ его восточный портъ, Кенхрею; а теперь мы опять переѣзжаемъ слѣды другой древней стѣны, устроенной съ тою же цѣлью защиты уже на самомъ перешейкѣ, который въ этомъ мѣстѣ, отъ моря до моря, имѣетъ не болѣе пяти морскихъ миль. У начала этой стѣны, при бухтѣ Сароническаго залива, до сихъ поръ видны, хотя и очень мало сохранившіеся, остатки древней Истміи,

Digitized by Google

гдѣ стоялъ нѣкогда, окруженный сосновою рощею, знаменитый храмъ Нептуна и происходили воспѣтыя Пиндаромъ истмійскія игры. Сосѣдній съ этими развалинами крошечный выходной портъ канала тоже названъ Истміей въ память древняго святилища Греціи.

Старыя легенды Греціи разсказываютъ, будто въ глубокой древности проходъ черезъ перешеекъ былъ очень опасенъ, потому что на узкихъ обрывистыхъ тропинкахъ береговыхъ скалъ, которыхъ невозможно было миновать, гнѣздился непобѣдимый разбойникъ Питіокамптесъ,—„срубатель сосенъ", котораго называли также Сцирономъ, и который безъ церемоніи сбрасывалъ со скалъ въ морскую пучину злополучныхъ путешественниковъ, разумѣется, предварительно обобравъ ихъ до-гола. Тезей, учредитель истмійскихъ игръ, — котораго великодушными подвигами наполнена младенческая эпоха греческой исторіи, и котораго имя особенно тѣсно связано съ Арголидою, Коринѳомъ и сосѣдними имъ мѣстностями, — продѣлалъ съ безчеловѣчнымъ Сцирономъ ту же операцію, которую тотъ продѣлывалъ съ мирными гражданами Греціи, и только съ тѣхъ поръ истмійскій проходъ сталъ всѣмъ доступенъ.

Къ счастью нашему, никакіе Питіокамптесы не въ силахъ теперь остановить несущагося на всѣхъ парахъ поѣзда нашего. Не въ силахъ остановить его даже и волны моря, перерѣзавшія насквозь каменный перешеекъ. Уатты и Стефенсоны замѣнили намъ своими геніальными изобрѣтеніями богатырство древнихъ героевъ и расчистили намъ свободные пути черезъ пучины морскія и пропасти земныя, черезъ пустыни и горы.

Вотъ мы миновали безконечные однообразные валы земли и глины, выброшенные при копкѣ канала и заслоняющіе намъ теперь всякій видъ на море; еще минута, и поѣздъ съ грохотомъ несется по узкому мосту, на высотѣ 70 аршинъ, черезъ Коринѳскій каналъ. Каналъ этотъ прорѣзанъ прямо, какъ стрѣла, и его мутно-голубая вода видна намъ отсюда глубоко, будто на днѣ оврага. Глазъ охватываетъ его сверху почти на всемъ его пространствѣ, вправо и влѣво. Стѣны канала такъ глубоки, отвѣсны и гладки, что кажутся не разрѣзомъ почвы, а искусственно-воздвигнутымъ колоссальнымъ корридоромъ. Желтовато-бѣлый цвѣтъ слоистыхъ формацій этихъ стѣнъ, невольно напоминающій штукатурку, еще болѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Видъ вообще оригинальный и эффектный. Мысль о соединеніи каналомъ двухъ морей, Іоническаго и Эгейскаго, занимала еще римскихъ цезарей, и въ разное время дѣлались ничѣмъ не увѣн-

Digitized by Google

чавшіяся попытки перекопать Коринѳскій перешеекъ. Въ 20-хъ годахъ нашего вѣка, при Шатобріанѣ, здѣсь уже былъ начатъ каналъ со стороны порта Схенуса, имѣвшій, по его словамъ, до 40 футовъ глубины и 60 футовъ ширины. Теперешній каналъ сооружался въ теченіе 12 лѣтъ, и совершенно законченъ въ 1893 году; сначала его строили французы, потомъ сами греки. Онъ длиною 6 верстъ, шириною болѣе 10 саженъ; на протяженіи цѣлыхъ полутора версты его пришлось вырубать въ твердыхъ скалахъ, что̀ особенно замедлило и удорожило работы. Глубина канала не больше $3^1/_2$—4 саженъ. У обоихъ выходовъ канала въ Посейдоніи и Истміи устроены изъ камня искусственныя гавани съ маяками; въ центрѣ перешейка, на самомъ возвышенномъ пунктѣ его поднимается надъ каналомъ башня главнаго маяка, огни котораго могутъ быть далеко видны кораблямъ и изъ Сароническаго, и изъ Лепантскаго заливовъ.

Намъ очень скоро пришлось подробнѣе познакомиться съ каналомъ не только сверху, съ высоты желѣзнодорожнаго моста, но и вблизи, проѣзжая его изъ конца въ конецъ на греческомъ пароходѣ...

Насколько Коринѳскій каналъ важенъ для торговли Греціи, можно видѣть уже изъ того, что Пирей и Аѳины, главные коммерческіе центры королевства, съ помощью канала приблизились къ Адріатическому морю на цѣлыхъ 325 верстъ сравнительно съ круговымъ путемъ мимо мыса Тенара. Іоническіе острова и Патрасъ особенно должны почувствовать выгоду этого новаго пути, поставившаго ихъ въ гораздо болѣе тѣсныя сношенія съ митрополіею.

Евгеній Марковъ.

Digitized by Google

ВЪ ОГНѢ

РАЗСКАЗЪ.

I.

За рѣшеткой, отгораживающей фондовое отдѣленіе одного частнаго петербургскаго банка, вокругъ длиннаго стола, сидѣло нѣсколько лицъ. Между ними бросалась въ глаза высокая, плотная фигура съ лысой головой, посаженной на короткой шеѣ. Этотъ господинъ ничего не дѣлалъ, сидя въ полуоборотъ къ столу, и только пожималъ руки обращавшимся къ нему новымъ посѣтителямъ и повторялъ гортаннымъ голосомъ, подмигивая сѣдоватой щетиной густыхъ бровей:

— Крѣпко... Очень крѣпко...

Этотъ короткій отвѣтъ наводилъ на всѣ лица выраженіе блаженства. Глаза у всѣхъ дѣлались масляными, губы улыбались, кончики усовъ подымались кверху.

За столомъ, между тѣмъ, шла работа. На бланкахъ, любезно предоставленныхъ въ распоряженіе клієнтовъ, писались приказы на покупку и продажу биржевыхъ цѣнностей. Завѣдующій отдѣленіемъ „on call“ помѣчалъ эти приказы какимъ-то таинственнымъ значкомъ, и передавалъ ихъ бухгалтеру. Мальчики приносили иногда то одному, то другому, пачки ассигнацій, быстро исчезавшія въ объемистыхъ бумажникахъ.

— Реализовали?—интересовался кто-нибудь, обращаясь съ сочувственной улыбкой къ сосѣду.

— Да, немножко...—болѣе или менѣе небрежно отвѣчалъ вопрошаемый, и, застегнувъ на всѣ пуговицы сюртукъ, любовно

Digitized by Google

проводилъ ладонью по тому мѣсту, гдѣ предполагались сердце и бумажникъ.

— Кабы знать только, продолжится ли?—слышалось у стола.

— А почему же нѣтъ?—Я увѣренъ, что завтра мы будемъ еще крѣпче.

— Какъ ваше мнѣніе, Ѳедоръ Христофоровичъ?—обращались къ плотному господину съ лысой головой.

Тотъ приглаживалъ пальцемъ щетинистыя брови и произносилъ:

— Крѣпко, очень крѣпко!

— Но весна, вотъ что! Я опасаюсь лѣтняго затишья.

— Какъ знать, что будетъ лѣтомъ? Нынѣшній годъ совсѣмъ исключительный.

— Да, ужъ годъ! Я лѣтъ двадцать-пять не помню ничего подобнаго.

Глаза господина съ лысой головой щурились подъ густыми бровями, и изъ-подъ коротко подстриженныхъ усовъ вылетала фраза, въ которой чувствовалась энергія неутомимаго биржевого бойца:

— Надо пользоваться!

Ѳедоръ Христофоровичъ Маври былъ дѣйствительно неутомимъ, несмотря на свои преклонные годы и пережитыя испытанія. Его называли „королемъ биржи“. Онъ уже два раза дѣлался милліонеромъ, прогоралъ и начиналъ съизнова. Нынѣшнее быстрое повышательное движеніе подняло его на самую вершину биржевого Олимпа. О немъ составилось мнѣніе, что онъ можетъ пустить на биржу какую угодно бумагу, съ какой угодно премiей. Въ періоды затишья онъ обыкновенно бездѣйствовалъ, но зато при первой вспышкѣ бросался въ ажіотажъ, увлекая всѣхъ за собою. Онъ и теперь, сидя въ этой праздной позѣ за рѣшеткою банка, дѣлалъ свое дѣло — подогрѣвалъ температуру кліентели, уже привыкшей обращаться къ нему, какъ къ оракулу.

За спиной его сидѣлъ, нагнувшись надъ тетрадкой бланковъ, господинъ лѣтъ тридцати, довольно тщательно одѣтый въ сшитый у хорошаго портного сюртукъ, изъ-подъ котораго сверкали великолѣпно выглаженные воротнички и манжеты и маленькая бриллiантовая мушка на галстухѣ. Наклоненное надъ столомъ лицо его, съ темными, коротко-остриженными волосами и расчесанной на обѣ стороны бородкой, производило пріятное впечатлѣніе. Господинъ этотъ уже съ четверть часа трудился надъ какимъ-то сложнымъ приказомъ, поминутно справляясь въ записной книжкѣ, но наконецъ кончилъ, всталъ и, обойдя Маври сзади, тихонько дотронулся рукой до его плеча.

Digitized by Google

— Кажется, я глупо сдѣлалъ, продавая сегодня? — сказалъ онъ, пытливо устремляя на „короля биржи“ свои смышленые сѣрые глаза.

Тотъ пожалъ плечами.

— Почему не продать? Вы нажили, пусть и другіе наживаютъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь у васъ, главнымъ образомъ, „всеобщій банкъ“?

— Да. Ужъ очень много было; я сотню вчера спустилъ, да сотни двѣ сегодня.

— У васъ онѣ по какой цѣнѣ были? — полюбопытствовалъ Маври.

— Дешевыя. Въ среднемъ—двѣсти-сорокъ, двѣсти-пятьдесятъ.

— Такъ вы больше ста рублей на штукѣ имѣете?

Молодой человѣкъ улыбнулся, показавъ отличные зубы.

— Въ общемъ, недурно вышло,—отвѣтилъ онъ сдержанно, хотя и въ глазахъ, и въ голосѣ его такъ и прорывалась торжествующая, почти буйная радость.—А скажите пожалуйста, Ѳедоръ Христофоровичъ, —продолжалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ и понижая почти до шопота свой красивый баритонъ:— что теперь вы посовѣтовали бы купить? Какого вы мнѣнія о „европейско-азіатскомъ банкѣ“?

— Очень хорошее дѣло,—отвѣтилъ Маври также шопотомъ.

— Не правда ли? Я немножко уже заинтересовался въ этихъ акціяхъ, но думаю еще прикупить.

— Теперь все можно покупать, и на всемъ можно выиграть,— произнесъ, мигая своими клочковатыми бровями, „король биржи“.

— Удивительное время!—подхватилъ молодой человѣкъ прежнимъ, торжествующимъ и радостнымъ тономъ.

И вся его наружность выражала возбужденіе человѣка, вынувшаго самый счастливый нумеръ въ лотереѣ жизни.

Дѣйствительно, онъ былъ безконечно счастливъ. Попавъ съ очень маленькими деньгами въ биржевое теченіе, онъ въ короткое время оперился настолько, что могъ открыть „спеціальный счетъ“ въ большомъ банкѣ. Тамъ его операціи расширились, а послѣдній оборотъ съ акціями „всеобщаго банка“ далъ ему сразу около двадцати тысячъ прибыли. Еслибы у него было триста акцій, какъ онъ сказалъ въ разговорѣ съ Маври, прибыль составляла бы до сорока тысячъ; но у него не было такой крупной партіи; онъ совралъ, по обычаю всѣхъ биржевиковъ, чтобы придать больше значенія своимъ оборотамъ. Во всякомъ случаѣ, деньги, которыя онъ выигралъ, были для него громадныя деньги. Годъ тому назадъ, онъ и мечтать не смѣлъ о такихъ суммахъ.

Digitized by Google

А теперь эти двадцать тысячъ, старательно выведенныя перомъ бухгалтера, красовались въ большой банковской книгѣ, на озаглавленной его именемъ страницѣ, дополняя собою рядъ меньшихъ цифръ. Это было совершенно такъ же пріятно, какъ держать всѣ эти суммы въ рукахъ. Даже еще пріятнѣе, потому что въ бухгалтерскихъ графахъ всѣ эти суммы, связанныя ариѳметической формулой операціи, походили на побѣдителя, пирующаго на позиціяхъ, и въ нихъ чувствовалось упоеніе борьбы и радость торжества.

II.

Это торжествующее чувство проникало все существо его и озаряло все кругомъ. Потемнѣвшая рѣшетка, полинялое сукно на столѣ, бланки для приказовъ—все представлялось ему такимъ милымъ, роднымъ, точно онъ сразу сросся со всѣми этими предметами. Ему хотѣлось бы продолжать сидѣть тутъ, слушать опытные совѣты Ѳедора Христофоровича, покупать и продавать бумаги, и подсчитывать карандашикомъ ту цифру, которую бухгалтеръ долженъ вывести на его счетѣ. Какъ жаль, что биржа бываетъ только одинъ разъ въ день!

И у него слагалась идея—познакомиться также съ маленькими биржами, дѣйствующими послѣ большой, усилить степень оборотливости своихъ операцій, создать себѣ цѣлый длинный день волненій, риска и—выигрыша.

Но нѣтъ, это не то, это слишкомъ односторонне. Вѣдь вся жизнь есть не что иное, какъ большая и сложная биржа, и нѣтъ смысла сосредоточиваться на однихъ интересахъ котировки. У него есть и другіе интересы...

Онъ простился съ Маври и знакомыми банковскими чиновниками, и схватилъ подмышку маленькій портфѣльчикъ, на которомъ золотыми буквами было вытѣснено: „Николай Сергѣевичъ Покромцевъ“.

На улицѣ его пріятно обдало свѣжимъ апрѣльскимъ воздухомъ, пронизаннымъ солнечнымъ свѣтомъ. Хотя былъ только второй часъ дня, но, благодаря хорошей погодѣ, на панеляхъ и на торцахъ уже замѣчалось движеніе.

Покромцевъ только-что сбирался сѣсть на извозчика, чтобы ѣхать въ правленіе, гдѣ онъ служилъ, какъ вдругъ увидѣлъ знакомую ему чету. Пожилая, но еще явно молодящаяся дама шла съ дѣвушкой лѣтъ двадцати, немного выше средняго роста, стройной, съ красиво обрисованной подъ драповымъ жакетомъ таліей.

Digitized by Google

Продолговатые сѣрые глаза дѣвушки видѣли его еще издали и улыбнулись ему изъ-подъ вуалетки, какъ только онъ обернулся. Онъ быстро подошелъ и поздоровался.

— Гдѣ вы сегодня вечеромъ?—спросилъ онъ.

— Дома,—отвѣтила дѣвушка.

— Позволите заѣхать къ вамъ?

— Пріѣзжайте, очень рады будемъ.

Покромцевъ покосился на мамашу, и замѣтивъ, что та смотритъ въ окно ювелира, нагнулся къ дѣвушкѣ и проговорилъ значительнымъ и немножко взволнованнымъ тономъ:

— У меня будетъ очень, очень важный разговоръ съ вами.

Дѣвушка посмотрѣла на него вопросительно. Чуть смуглыя щеки ея слегка вспыхнули. Мать, между тѣмъ, остановилась, заинтересованная какой-то стрекозой изъ изумрудовъ и бриллiантовъ, и подозвала дочь.

— Посмотри, какая прелесть!—произнесла она съ тѣмъ несдержаннымъ чувствомъ, какое женщины всегда кладутъ въ оцѣнку бриллiантовъ.

— Вамъ нравится?—спросилъ Покромцевъ дѣвушку.

Та, все еще смущенная, отвѣтила равнодушно:

— Я не восхищаюсь тѣмъ, что̀ недоступно мнѣ; что̀ за охота дразнить себя...

— Но вамъ нравится?

— Конечно, нравится, потому что это прелестно.

— И какъ подумаешь, что какая-нибудь старая милліонерша нашпилитъ эту „стрекозу“ себѣ на голову... — проговорила мамаша, почти съ негодующимъ движеніемъ отходя отъ окна магазина.

— А можетъ быть, молодая, очаровательная дѣвушка...— возразилъ Покромцевъ, и опять заглянулъ подъ вуалетку. Большіе сѣрые глаза отвѣтили ему оттуда смѣлымъ, улыбающимся взглядомъ.

— Что̀ съ вами? вы сегодня какой-то особенный...—проговорила молодая дѣвушка.

— Я сегодня изумительно̀ хорошо настроенъ,—отвѣтилъ Покромцевъ.

— Удача въ дѣлахъ?

— Полная; но можетъ быть и больше того.

— Вы все время говорите загадками.

— А вамъ не трудно было бы разгадать ихъ.

— Вы, кажется, сказали, что будете у насъ вечеромъ? Я предпочитаю подождать, чѣмъ ломать голову,—сказала дѣвушка,

Digitized by Google

и такъ какъ они были подлѣ магазина, въ который шли, то она протянула ему руку и кончиками пальцевъ довольно крѣпко отвѣтила на его пожатіе.

Покромцевъ проводилъ дамъ замысловато-улыбающимся взглядомъ, запахнулъ пальто и пошелъ дальше. Блаженное выраженіе блуждало на его лицѣ. Онъ ощущалъ въ себѣ все тотъ же подъемъ нервовъ, вмѣстѣ съ неопредѣленною потребностью воплотить въ чемъ-нибудь это ощущеніе, обнять свое счастье, окунуться въ наслажденіе. Ему хотѣлось найти въ дѣйствительной жизни, въ своемъ личномъ существованіи, ту самую ариѳметическую формулу, которую банковскій бухгалтеръ вывелъ на его счетѣ „on call“. Онъ вѣдь не стяжатель ради стяжанія, не игрокъ ради ощущеній азарта; ему недоступно чистое искусство биржевой поэзіи. Онъ живой человѣкъ, съ кровью и нервами, и его биржа —весь бездонный омутъ жизни, съ ея влекущими цѣлями, борьбой и наслажденіями. Деньги—только средство, а цѣль—свое личное, человѣческое счастье.

„Вечеромъ, вечеромъ все рѣшится“,—мелькало у него въ умѣ, и онъ то продолжалъ улыбаться, то вдругъ хмурился, какъ человѣкъ, чувствующій на своихъ плечахъ очень большую и цѣнную ношу.

III.

Нѣсколько часовъ, проведенные Покромцевымъ въ большомъ частномъ учрежденіи, гдѣ онъ занималъ мѣсто члена правленія, не расхолодили его настроенія. Напротивъ, даже къ этой будничной, ежедневной работѣ онъ отнесся сегодня съ какою-то праздничною легкостью. Ему казалось, что и здѣсь, среди уже привычной обстановки дѣятельности, онъ въ послѣднее время сталъ выдвигаться. Попалъ онъ въ это учрежденіе преимущественно благодаря своей дѣловитости и энергіи; его считали хорошимъ работникомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ личное участіе въ биржевыхъ дѣлахъ, значеніе его замѣтно поднялось. Всѣ здѣсь знали объ его удачахъ и начинали вѣрить въ его звѣзду. Директоръ-распорядитель на-дняхъ шутливо спросилъ, будетъ ли онъ къ концу года въ милліонѣ, и совсѣмъ не шутя посовѣтовался съ нимъ относительно личной операціи съ акціями „всеобщаго банка“. Крупные кліенты учрежденія стали заходить къ нему въ его маленькій отдѣльный кабинетикъ и охотно толковали съ нимъ, какъ съ наиболѣе дѣльнымъ изъ членовъ. Это отражалось и на всемъ остальномъ. Было правдоподобно, что ему

Digitized by Google

предложатъ мѣсто директора еще въ другомъ учрежденіи, съ такимъ же шеститысячнымъ окладомъ и процентнымъ вознагражденіемъ изъ прибылей.

Обѣдалъ Покромцевъ обыкновенно въ ресторанѣ. Какъ только онъ пріѣхалъ туда, ему сообщили, что его просятъ наверхъ, въ кабинетъ. Такъ почти каждый разъ случалось. Въ знакомыхъ кружкахъ его уже привыкали считать человѣкомъ денежнымъ, котораго не стѣснитъ трата нѣсколькихъ лишнихъ десятковъ рублей.

Такая же репутація чрезвычайно быстро распространилась и среди дамъ, посѣщающихъ ресторанные кабинеты. Онѣ едва ли не первыя привѣтствовали въ немъ восходящую звѣзду веселящагося Петербурга. Съ чуткостью женскаго инстинкта онѣ сознавали, что ничто такъ не поднимаетъ нервы, какъ биржевыя удачи, и ничто такъ охотно не разбрасывается, какъ первыя крупныя деньги.

Но Покромцевъ и въ этой средѣ, какъ и вездѣ, держалъ себя нѣсколько серьезно, сохраняя складку человѣка уже опытнаго, котораго не такъ-то легко удивить или взять врасплохъ. Онъ не былъ скупъ, но и не моталъ зря. И отъ этой манеры держать себя его авторитетъ только выросталъ.

Сегодня, впрочемъ, обѣдъ шелъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно. Сошлись все люди, прикосновенные къ биржевому движенію и къ тѣмъ сферамъ, которыми наиболѣе теперь интересовался Покромцевъ. У всѣхъ были крупныя и удачныя дѣла. Про одного, инженера Ластова, говорили, что онъ съ осени наживаетъ уже второй милліонъ. Покромцевъ, каждый разъ, когда встрѣчался съ нимъ, невольно приглядывался къ нему съ какимъ-то особеннымъ, влекущимъ вниманіемъ, точно видѣлъ въ немъ самого себя въ недалекомъ будущемъ, и интересовался каждою подробностью въ его наружности, въ его манерѣ одѣваться, разговаривать о дѣлахъ или шутить съ дамами.

Молодежи не было, и не было ничего похожаго на оргію. Но превосходное расположеніе духа сказывалось и въ рѣчахъ, и въ аппетитѣ, и въ самодовольно-торжествующемъ тонѣ любезностей, обращаемыхъ къ двумъ присутствовавшимъ дамамъ. Такъ должны пировать великодушные побѣдители во дворцѣ взятой съ бою столицы. И Покромцевъ, входя въ общій тонъ, ощущалъ въ себѣ все тотъ же радостный подъемъ нервовъ, которымъ съ утра сопровождался весь этотъ день. Онъ тоже чувствовалъ себя въ числѣ побѣдителей...

Съ обѣими дамами Покромцевъ встрѣчался раньше. Онѣ обѣ

Digitized by Google

ему нравились, въ особенности Зинаида Яковлевна Гицъ, полненькая блондинка, съ круглыми покатыми плечами, голубыми глазами и пухлыми, всегда влажными губами, по угламъ которыхъ природа посадила восхитительныя ямочки. Она имѣла раньше большіе успѣхи въ среднемъ петербургскомъ обществѣ, но въ послѣднее время положеніе ея значительно измѣнилось. Полагали, что она разошлась съ мужемъ; но на самомъ дѣлѣ мужъ ея, инженеръ, просто уѣхалъ въ Сибирь, и почти пересталъ давать о себѣ вѣсти. Она закладывала брилліанты, дѣлала долги, и была въ полномъ недоумѣніи, какъ себя устроить. На ресторанные обѣды она ѣздила частью отъ тоскливой скуки, частью по какому-то овладѣвшему ею чувству безволія: сама не хотѣла ни на что рѣшиться, но вѣдь судьба должна же была какъ-нибудь рѣшить за нее...

Покромцевъ зналъ, что нравится ей, нравится гораздо больше этихъ самоувѣренныхъ, цинически угодливыхъ милліонеровъ, старавшихся завербовать ее въ свой кружокъ. При другихъ обстоятельствахъ онъ вѣроятно принялся бы настойчиво за нею ухаживать. Но теперь у него были совсѣмъ другіе виды, и его обращеніе съ m-me Гицъ отличалось сдержанностью очень равнодушнаго или очень прочно установившагося человѣка...

Другая дама, маленькая, худенькая брюнетка, очень подвижная, даже вертлявая, была женою конторіста въ какомъ-то частномъ банкѣ. Звали ее Софьей Давыдовной Мурловой; она всего два года какъ пріѣхала изъ Одессы. Про нее говорили, что она совсѣмъ не боится мужа, но зато очень боится присутствовавшаго тутъ капиталиста Пущева, извѣстнаго клубнаго игрока и застарѣлаго вивёра.

IV.

— Удивительное время!—произнесъ инженеръ Ластовъ, вытирая салфеткой красныя губы и приготовляясь глотнуть изъ стаканчика клико „England“.—Такъ это вдругъ все зашевелилось у насъ, въ гору пошло... Нѣсколько лѣтъ назадъ даже предвидѣть нельзя было.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ мы считали себя счастливыми, когда какая-нибудь акція въ полгода на пять рублей подымется,— напомнилъ Пущевъ.

Сидѣвшій между ними тучный финансистъ Молокановъ, изъ концессіонеровъ 60-хъ годовъ, повернулся на стулѣ, грозя обломать спинку.

Digitized by Google

— Наша промышленность пошла гигантскими шагами,—произнесъ онъ съ одышкой.

— И все благодаря покровительственной системѣ,—продолжалъ Ластовъ.—Что мы могли бы сдѣлать безъ запретительныхъ пошлинъ? Млинскій заводъ сводилъ бы кое-какъ концы съ концами, и акціи стоили бы восемьдесятъ рублей...

— А теперь онѣ двѣсти-пятнадцать—воскликнулъ Покромцевъ.

— Сколько? двѣсти-двадцать?—переспросила Мурлова.

— Двѣсти-пятнадцать. А у васъ онѣ есть?

Мурлова сдѣлала невинные глаза.

— Нѣтъ, я интересуюсь платонически...

— Выдали себя, выдали! — засмѣялся Покромцевъ.—Но не безпокойтесь, имѣйте терпѣніе, будутъ и двадцать, и двадцать пять.

— Вы думаете?—уже серьезно спросила Софья Давыдовна, близко повернувшись къ нему.

— Поручиться готовъ.

— Что такое двадцать, двадцать-пять!—заговорилъ Ластовъ, обводя всѣхъ блиставшими изъ-подъ свѣтлыхъ рѣсницъ глазами.— Тутъ никто не можетъ сказать, на чемъ остановится повышеніе. Будутъ и триста, и четыреста, и все не перестанутъ ихъ покупать. Мы попали въ такую полосу, что только успѣвай глотать куски... Всѣ сыты будемъ.

Молокановъ подъ столомъ незамѣтнымъ образомъ разстегнулъ нижнія пуговицы жилета.

— До отвалу!—пробурчалъ онъ, и засмѣялся.

— Но неужели... въ самомъ дѣлѣ? Вы говорите — будутъ четыреста?—спросилъ съ вспыхнувшимъ взглядомъ Покромцевъ.

— Что же удивительнаго? И пятьсотъ будутъ,—подтвердилъ Ластовъ.—Вѣдь мы работаемъ при исключительныхъ условіяхъ. Заграничная конкурренція немыслима, а собственныхъ заводовъ не хватаетъ до уровня возрастающихъ потребностей. Какую цѣну ни положимъ, намъ все дадутъ.

— Что это, господа, хоть бы вы научили, какъ намъ сыграть на биржѣ,—сказала съ легкимъ завистливымъ вздохомъ Зинаида Яковлевна Гицъ.—Противно даже слушать эти разговоры.

— Откройте „on call“ въ какомъ-нибудь банкѣ, купите млинскихъ акцій, да и держите, пока онѣ по пятисотъ будутъ, вотъ и наживете,—объяснилъ Пущевъ.

— Да вѣдь для этого деньги нужны, — возразила Зинаида Яковлевна.

Digitized by Google

— А какъ будто у дамъ не бываетъ денегъ,—отозвался Ластовъ.—Мнѣ Ѳедоръ Христофоровичъ говорилъ, есть такія барыни, что на тысячу штукъ „всеобщаго банка“ сразу приказъ даютъ.

Покромцевъ наклонился къ сидѣвшей подлѣ него Софьѣ Давыдовнѣ и сказалъ вполголоса, поведя взглядомъ на Пущева:

— Попросите Ивана Алексѣевича, чтобъ онъ для васъ на свой „on call“ партію „европейско-азіатскихъ“ взялъ; въ мѣсяцъ по сту на штукѣ наживете.

— Серьезно?—спросила Софья Давыдовна.

— По большому секрету вамъ говорю.

Въ глазахъ Мурловой заиграло жадное выраженіе.

— Что это значитъ: взять на свой „on call“?—полюбопытствовала она.

— Значитъ, что вы сдѣлаете хорошенькую операцію, не пуская въ ходъ своихъ денегъ,—объяснилъ Покромцевъ.

— А это можно?

— Если Пущевъ согласится, то очень можно.

Софья Давыдовна бокомъ, кокетливо взглянула на него.

— Вы думаете, что мнѣ очень легко просить его о чемъ-нибудь?—сказала она.

Покромцевъ пожалъ плечами.

— Этого я не знаю,—отозвался онъ.

— Какой вы злой!—тѣмъ же кокетливымъ тономъ выбранила его Мурлова.—Но мнѣ это нравится.

— Дамы, кажется, выпытываютъ у Николая Сергѣевича биржевые секреты!—громко сказалъ Ластовъ, указывая на нихъ всему обществу.

Мурлова не растерялась и отвѣтила бойко:

— О биржевыхъ дѣлахъ я скорѣе съ вами разговаривала бы!

И бросила на Покромцева взглядъ, непріятно затронувшій ревнивую щекотливость Пущева. Немножко покоробило и Ластова, которому втайнѣ очень нравилась хорошенькая одесситка.

Покромцевъ поспѣшно вернулъ разговору прежнее направленіе. Ему вовсе не хотѣлось ставить между собою и своими дѣловыми пріятелями ревнивое или завистливое чувство. Благосклонность обѣихъ этихъ дамъ не увлекала его, а только пріятно щекотала самолюбіе и усиливала ощущеніе какого-то счастливаго опьяненія, въ которомъ онъ находился съ утра.

Ранѣе всѣхъ другихъ онъ собрался уходить.

— Куда же вы торопитесь? Или у васъ какой-нибудь ро-

Digitized by Google

манъ?—остановилъ его Ластовъ, улыбаясь красными губами и блистающими глазами.

— Дѣла дѣлами, но и кромѣ дѣлъ есть еще и другіе интересы въ нашей жизни!—отвѣтилъ нѣсколько таинственно Покромцевъ.

Всѣ мужчины значительно посмотрѣли на него и тоже улыбнулись. Дамы приняли равнодушно-холодный видъ.

Ластовъ, прощаясь, погладилъ ему руку своею пухлой, мягкой ладонью.

— Сочувствую, сочувствую... Но не увлекайтесь, помните, что теперь нельзя терять время,—сказалъ онъ. — Потому что перспективы передъ нами безпредѣльныя!

— Перспективы безпредѣльныя!—повторилъ за нимъ сытымъ голосомъ Молокановъ, и потихоньку разстегнулъ жилетъ еще на одну пуговицу.

V.

У подъѣзда ресторана Покромцева ждала карета, которую онъ держалъ помѣсячно, исключительно для вечернихъ выѣздовъ.

— Въ Моховую!—крикнулъ онъ кучеру.

Когда дверца за нимъ захлопнулась, онъ вдругъ что-то странное почувствовалъ въ себѣ—какъ будто холодкомъ прошло по всему его существу.—„Не слишкомъ ли рискованный шагъ я дѣлаю“?—мелькнуло въ его умѣ, и на минуту лицо его приняло озабоченный, даже удрученный видъ.

Онъ зналъ Казатиновыхъ, къ которымъ теперь ѣхалъ, уже года два, и въ послѣднее время часто бывалъ у нихъ. Отецъ, маленькаго роста генералъ, занималъ какую-то спеціальную должность, не то по статистикѣ, не то по электричеству, и считался въ военномъ смыслѣ ученымъ. Жилъ больше самъ по себѣ, и въ семейныя дѣла, повидимому, не вмѣшивался. Читалъ все какія-то странныя книги, интересовался брошюрами гр. Л. Толстого, но иногда путался, и думалъ, что „Смерть Ильи Ильича“ написалъ Достоевскій. Жена его, женщина лѣтъ сорока съ небольшимъ, рожденная Пахтаева, модничала и аристократничала до изнеможенія. Это было, впрочемъ, модничанье не физическое, а такъ сказать нравственное. Молодить свою наружность она уже перестала, и о романахъ не думала; но всѣ силы ея ума и характера были направлены къ тому, чтобы „домъ“ ея былъ поставленъ на самую модную ногу, и чтобы ея разговоръ отзывался самою сегодняшнею современностью. Она ловила нюхомъ

Digitized by Google

всякія едва обрисовывавшіяся теченія, переносилась отъ мистицизма къ декадентству, отъ медіумизма къ бактеріямъ, и усвоивала себѣ все новое въ этой сферѣ съ такимъ же рабскимъ повиновеніемъ, какъ и модные фасоны рукавовъ и юбокъ. Всѣмъ этимъ она стремилась сколько-нибудь выдвинуться среди общества, блистать въ которомъ ей не позволяли довольно ограниченныя матеріальныя средства. А отказаться отъ этого общества она никакъ не могла: вѣдь она была рожденная Пахтаева!

Покромцевъ ѣздилъ къ Казатиновымъ ради дочери. Лидія Михайловна произвела на него впечатлѣніе съ перваго же раза, когда онъ встрѣтилъ ее у другихъ своихъ знакомыхъ, Ненило-выхъ. Впечатлѣніе это было, вначалѣ, исключительно чувственное. Онъ въ первый же вечеръ не могъ равнодушно смотрѣть, какъ она вставала съ кресла, и ея стройный станъ выпрямлялся, словно потягиваясь, съ едва уловимымъ шуршаніемъ шолка, при чемъ все въ ней, кончая складками чудно-сшитаго платья, отзывалось какою-то лѣнивою эластичностью. Онъ не могъ, безъ страннаго ощущенія въ каждомъ нервѣ, вглядываться въ ея крупно-прорѣзанные, зеленовато-сѣрые глаза, до половины закрытые устало-опускающимися вѣками. Чѣмъ-то необычайнымъ, какимъ-то ядовитымъ и неотразимымъ соблазномъ дышало все ея лицо и вся фигура... Отрава дѣйствовала на Покромцева такъ сильно, что онъ во весь вечеръ не могъ отвести глазъ отъ m-lle Казатиновой, и въ то же время ничѣмъ необъяснимая робость мѣшала ему пересѣсть къ ней ближе и заговорить съ нею. Онъ вернулся домой задумчивый, какъ-то по-новому отвлеченный отъ своихъ обычныхъ заботъ и интересовъ, и это состояніе странной отуманенности не покидало его. Не дождавшись слѣдующаго вечера — Ненило-вы принимали разъ въ недѣлю — онъ поѣхалъ туда днемъ, съ цѣлью разузнать что-нибудь о Казатиновыхъ. M-me Ненилова удовлетворила, какъ могла, его любопытство, но о Лидіи выразилась сдержанно, какъ о дѣвушкѣ, которую нельзя сразу понять.

— Она что-то таитъ въ себѣ,—сказала она.

Это мало объясняло, но совпадало съ собственнымъ впечатлѣніемъ Покромцева.

Въ слѣдующій разъ онъ проговорилъ съ Лидіей Михайловной половину вечера, и замѣтилъ это, только взглянувъ на часы. Ея разговоръ, ея манера немножко опускать вѣки во время паузы и потомъ широко взмахивать ими, ея совсѣмъ не дѣвическій, но чуждый излишней свободы тонъ, и какая-то не встрѣчающаяся у обыкновенныхъ женщинъ изящная матеріальность

Digitized by Google

взглядовъ,—все это опять подѣйствовало на него опьяняющимъ образомъ. Онъ почувствовалъ, что безвозвратно принадлежитъ этой дѣвушкѣ, что она роковымъ образомъ вторглась въ его жизнь, и вытѣснить ее уже нельзя.

Его пригласили „бывать". Первую зиму онъ появлялся тамъ въ пріемные дни, наблюдая, выслѣживая, мучительно волнуясь при мысли, что не сегодня-завтра кто-нибудь изъ бывавшихъ вмѣстѣ съ нимъ можетъ сдѣлаться ея женихомъ. О самомъ себѣ въ этой роли онъ тогда еще не смѣлъ мечтать. Онъ видѣлъ, до какой степени Лидія Михайловна была избалована, и насколько въ нее въѣлись претензіи матери. На ней могъ жениться только человѣкъ съ хорошими средствами.

Злобствуя на самого себя, во вторую зиму онъ сталъ бывать чаще, заходилъ иногда за-просто, показывался у нихъ въ ложѣ. Его не поощряли, но встрѣчали охотно. Лидія Михайловна не кокетничала, да ей и не нужно было: отъ всего существа ея и безъ того вѣяло обольщеніемъ. И когда въ ея присутствіи отрава неотразимаго соблазна истомляла его нервы, онъ задыхался отъ бѣшенства при мысли, что этой дѣвушкой будетъ обладать тотъ, у кого хорошій годовой доходъ...

Теперь обстоятельства измѣнились. У него были деньги. Это не такой капиталъ, который можно обратить въ государственную ренту и довольствоваться купонами; но онъ стоялъ на дорогѣ, его подхватила волна, передъ нимъ открывалось будущее.

„Перспективы безпредѣльны"!.. — звучали у него въ ушахъ слова Ластова.

Онъ вздрогнулъ. Карета остановилась передъ подъѣздомъ большого пяти-этажнаго дома.

VI.

Его впустилъ въ переднюю лакей не очень опрятнаго вида, но во фракѣ.

— Генералъ у себя въ кабинетѣ, а генеральша въ гостиной, — сообщилъ онъ.

„Могли бы они отучить его говорить: „генеральша", — подумалъ Покромцевъ. Ему чванливость m-me Казатиновой вообще не нравилась.

Гостиная была плохо освѣщена одною высокою модною лампою на бронзовой подставкѣ, въ уголкѣ. Но это давало ей интимный видъ. За круглымъ столикомъ у стѣны сидѣли обѣ дамы,

Digitized by Google

мать и дочь. На Лидіи Михайловнѣ былъ мягкій шолковый корсажъ цвѣта „кремъ“, съ широкимъ золотымъ поясомъ и кружевнымъ воротомъ, очень высокимъ сзади. Для дома выходило даже очень парадно. Мать вышивала, безпрестанно поправляя съѣзжавшую съ плеча накидку; дочь читала, близко держа книгу передъ своими красивыми, близоруко-щурившимися глазами. Все вмѣстѣ выходило немножко по-театральному; похоже было, какъ будто приготовились къ его приходу.

Завязался незначительный разговоръ. М-me Казатинова жаловалась, что не могла достать ложу на какой-то бенефисъ, гдѣ всѣ будутъ.

— Я думала, что Нениловы пригласятъ насъ съ собою,— сказала она дочери.

Та чуть примѣтно поморщила брови.

— Мы уже нѣсколько разъ пользовались ихъ ложей; теперь наша очередь пригласить ихъ, — напомнила она.

— Да я такъ бы и сдѣлала; но всѣ билеты разобраны...

— Бенефиціанты сами разсылаютъ билеты; у нихъ есть адреса всѣхъ, кто обыкновенно ѣздитъ на спектакли gala...—возразила Лидія Михайловна.

Покромцевъ предложилъ, чтобы въ слѣдующій разъ обратились къ нему, и онъ достанетъ ложу куда угодно. Дѣвушка поблагодарила его чуть мелькнувшей улыбкой, тогда какъ мать шумно выразила ему свою признательность.

— Мужъ такъ всегда занятъ, ему мы и заикнуться объ этомъ не рѣшаемся,—сказала она. — Но я распоряжусь, чтобъ намъ подали чай.

Она вышла изъ гостиной. Лидія Михайловна положила на столъ книгу, которую еще держала на колѣняхъ, и, откинувшись въ креслѣ, взглянула на Покромцева слегка прищуренными глазами.

— Вы все такъ же великолѣпно настроены, какъ были утромъ? Ничто не испортило вашего дня? — спросила она.

— Рѣшительно ничто. Напротивъ, до сихъ поръ это былъ для меня день удачъ.

— Дѣловыхъ?

— Да, конечно.

— Разскажите, я люблю знать что-нибудь о дѣлахъ,—предложила Лидія Михайловна.

— Очень охотно разскажу, если это можетъ занять васъ,— отвѣтилъ Покромцевъ.—Вамъ немножко извѣстно, что въ нашей

Digitized by Google

прозаической жизни большую роль играетъ тоже крайне прозаическая вещь—деньги...

— Немножко извѣстно, — улыбнулась Лидія Михайловна.

— Такъ вотъ, всѣ мои удачи по этой части. Я мечтаю сдѣлаться относительно богатымъ человѣкомъ.

— Даже богатымъ?—переспросила съ той же улыбкой дѣвушка.

— Почему же нѣтъ? Въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ длиннѣе радіусъ, тѣмъ болѣе широкій кругъ онъ захватываетъ. У насъ есть поговорка: деньги къ деньгамъ идутъ.

Покромцевъ сказалъ: „у насъ", потому что привыкъ уже считать себя принадлежащимъ къ денежнымъ сферамъ, и ему было пріятно отожествлять себя съ Ластовымъ, Молокановымъ, Пущевымъ, Маври, со всѣми этими тузами биржи и промышленности. Вѣдь и они тоже начали съ небольшого, и только съумѣли воспользоваться теченіемъ и подняться на подхватившей ихъ волнѣ.

— Вы счастливо играете на биржѣ?—спросила тономъ сочувствія Лидія Михайловна.

— И даже очень. Но главное—у меня пріобрѣтены связи, отношенія, даже извѣстный авторитетъ; словомъ, я выдвинулся,— объяснилъ Покромцевъ.

— Я очень, очень рада за васъ, — произнесла Лидія Михайловна.

Ея лицо оставалось серьезнымъ, хотя на губахъ продолжала играть чуть примѣтная, поощряющая улыбка, которою она какъ будто хотѣла дать понять Покромцеву, что готова слушать его дальше.

Но въ эту минуту m-me Казатинова вернулась въ гостиную, а вслѣдъ за нею лакей подалъ чай. Разговоръ самъ собою перешелъ на другіе предметы. Появился генералъ съ пахитоской въ зубахъ — ему въ гостиной почему-то позволяли курить только пахитоски—и спросилъ Покромцева, продолжаетъ ли онъ интересоваться вопросомъ о четвертомъ измѣреніи?

— Ахъ, это ужасно старо!—перебила m-me Казатинова.— Кто же нынѣче занимается четвертымъ измѣреніемъ? Теперь думаютъ о нравственныхъ проблемахъ, поставленныхъ новымъ литературнымъ теченіемъ. Меня сводитъ съ ума Ибсенъ.

— А вы читали, что гр. Толстой очень скептически относится къ вашему Ибсену? — вставилъ генералъ.

— Ну, да, это два учителя, два пророка. Они не могутъ сговориться, это само собою понятно. Конечно, „Крейцерова со-

Digitized by Google

ната" — это откровеніе. Но возьмите, съ другой стороны, Ибсена — какая глубина! — продолжала Катерина Петровна Казатинова.

— А у Толстого сколько силищи!—возражалъ генералъ.— Это Илья Муромецъ мысли. У него размахъ русскаго богатыря, который всѣхъ вашихъ скандинавовъ на ладони въ печку посадитъ и испечетъ.

Генералъ немножко позировалъ „русскимъ духомъ", и даже собиралъ матеріалы для какой-то статьи о „самобытности". Въ этомъ отношеніи онъ сразу, и гораздо удачнѣе жены, схватилъ „теченіе".

VII.

Лидія Михайловна нагнулась надъ столикомъ и перебрасывала листки книги, которую раньше читала. Это означало, что разговоръ начиналъ надоѣдать ей.

— Я хотѣла бы знать, какъ это играютъ на биржѣ?—обратилась она къ Покромцеву. — Вы покупаете какія-нибудь акціи и потомъ перепродаете ихъ дороже?

— Да, теоретически; но на дѣлѣ это немножко иначе. Я покупаю не на свои деньги, а на деньги банка, въ которомъ имѣю кредитъ. Самъ же я вношу только нѣкоторое обезпеченіе своего кредита. Затѣмъ, я плачу проценты, а въ мою пользу остается разница между покупной и продажной цѣной,—объяснилъ Покромцевъ.

— Такъ что вы можете купить какихъ-нибудь акцій на гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ вашъ наличный капиталъ? — продолжала интересоваться Лидія Михайловна.

— На гораздо бо́льшую; въ томъ-то и заключается и рискъ, и захватывающая ширина биржевыхъ операцій, — отвѣтилъ Покромцевъ.

Лидія Михайловна бросила книгу, и внимательно взглянула на него сощуренными глазами.

— Это должно увлекать... — сказала она.

— Еще бы!—почти восторженно подхватилъ Покромцевъ.— Вы испытываете какое-то опьяненіе, ваши нервы возбуждаются до крайняго напряженія. Вся сила въ томъ, что во всякой другой игрѣ вы ограничиваете себя опредѣленной ставкой, тогда какъ тутъ... тутъ перспективы безпредѣльны! — невольно повторилъ онъ еще звучавшее въ его ушахъ выраженіе Ластова.—

Digitized by Google

Представьте только себѣ, что въ то время какъ вы заняты чѣмъ-нибудь другимъ, обѣдаете, сидите въ театрѣ, спите—гдѣ-то тамъ, въ неопредѣленномъ пространствѣ, совершается таинственный процессъ, и ваше богатство ростетъ, иногда удвоивается на протяженіи какихъ-нибудь сутокъ...

— Неужели удвоивается?—переспросила съ замѣтнымъ интересомъ Лидія Михайловна.

— Иногда положительно удвоивается. Представьте себѣ, напримѣръ, что у васъ куплена тысяча штукъ какихъ-нибудь мелкихъ акцій. Для нихъ достаточно по двадцати рублей обезпеченія, стало быть, вы вносите на свой счетъ въ банкѣ двадцать тысячъ. Но весьма возможно—и такіе примѣры уже бывали,—что эти акціи въ одну биржу подымаются на двадцать рублей. Если вы ихъ немедленно продаете, то на вашемъ счету оказывается уже не двадцать, а сорокъ тысячъ, то-есть ровно вдвое.

— И въ самомъ дѣлѣ такъ случалось? — спросила Лидія Михайловна.

— Конечно, случалось, даже лично со мною случалось,— подтвердилъ Покромцевъ.—Разумѣется, тутъ необходимы извѣстная выдержка, знаніе; надо умѣть предугадывать моменты... На это вырабатывается извѣстное чутье, достигается какая-то безсознательная виртуозность...

— Знаете, это похоже на сказку... И тутъ даже есть поэзія,—проговорила Лидія Михайловна, и на чуть-смуглыхъ щекахъ ея слабо вспыхнула краска.

— Но вѣдь это, однако, всегда оканчивается крахомъ,— вмѣшался генералъ.

— О, до краха еще очень далеко,—возразилъ Покромцевъ.— Конечно, въ концѣ концовъ, когда-нибудь... Но до тѣхъ поръ все національное богатство страны, до правительственныхъ бумагъ и закладныхъ листовъ включительно, разверстается между героями биржи, и они, конечно, не будутъ такъ наивны, чтобы остаться съ акціями на рукахъ.

— А куда же они ихъ дѣнутъ?—полюбопытствовалъ генералъ.

— Спустятъ въ публику, очень просто.

— Ну, совсѣмъ это не такъ просто. Если бумаги возрастутъ втрое, впятеро противъ первоначальной цѣны, то откуда же взять денежныхъ знаковъ, чтобы реализовать ихъ? Количество денегъ вѣдь не удвоивается отъ вашихъ биржевыхъ махинацій.

— Вы забываете заграничные капиталы...

— Папа́, какъ вы можете спорить объ этихъ вещахъ?—

Digitized by Google

сочла нужнымъ вмѣшаться Лидія Михайловна.—Вѣдь вы никогда не занимались финансовыми вопросами.

— Но ариѳметику-то я знаю, — спокойно отвѣтилъ генералъ;—а тутъ чисто ариѳметическая очевидность.

Покромцевъ усмѣхнулся съ нѣсколько загадочнымъ видомъ.

— Допустимъ,—сказалъ онъ.—Но представьте себѣ, что до поры до времени публика, и даже солидная, капитальная публика, находясь подъ вліяніемъ биржевого гипноза, что ли, не замѣчаетъ этой очевидности?

— Вотъ это другое дѣло, — отвѣтилъ генералъ; — находящихся въ состояніи гипноза не трудно одурачить.

Покромцевъ замѣтилъ, что сдѣлалъ неосторожность, и чтобъ поправиться, сказалъ:

— Я вѣдь только условно допустилъ вашу предполагаемую очевидность, а въ сущности совсѣмъ не признаю ея. И притомъ, игра на биржѣ—анонимная, и я не знаю, дурачу ли я какого-нибудь простака, или отражаю ударъ спекулянта, желающаго меня одурачить.

— Можетъ быть, все это очень можетъ быть,—примирительно произнесъ генералъ, и, допивъ свой чай, удалился въ кабинетъ.

VIII.

Спустя полчаса, Покромцевъ и Лидія Михайловна остались одни въ гостиной. Она окончательно отодвинула лежавшую передъ нею книжку и откинулась на низенькую спинку кресла. Ея изящная головка почти ушла въ высокій кружевной воротъ корсажа. Глаза, съ немного опущенными, по ея обыкновенію, вѣками, смотрѣли на Покромцева какъ будто выжидательно. Она помнила, что поутру, встрѣтившись съ нею на улицѣ, онъ обѣщалъ сообщить что-то очень важное. Она почти догадывалась, почти знала, о чемъ онъ хотѣлъ говорить съ нею. Подъ лѣнивымъ наружнымъ спокойствіемъ она все-таки волновалась, и ея грудь дышала чаще, чѣмъ всегда.

— Итакъ, вы очень довольны вашими дѣлами, Николай Сергѣевичъ?.. — сказала она, замѣчая овладѣвшее имъ сразу смущеніе.

Его очень ободрилъ этотъ вопросъ. Ему тоже показалось, что она понимаетъ его, и не пытается избѣжать ожидаемаго разговора.

— Да, я доволенъ какъ нельзя болѣе,—отвѣтилъ онъ.—Эти

Digitized by Google

удачи могутъ имѣть для меня чрезвычайно серьезное значеніе. Благодаря имъ, мое положеніе измѣнилось. Я матеріально сталъ на ноги.

— Вы считаете, что это такъ прочно?—произнесла она съ маленькимъ оттѣнкомъ сомнѣнія.

— Считаю, и убѣжденъ, что не ошибаюсь. И это даетъ мнѣ возможность совершенно смѣло глядѣть впередъ. Если женщина, которую я полюблю... или которую люблю... согласится быть моей женой, я знаю, что могу окружить ее комфортомъ, даже роскошью...

Онъ пріостановился и съ нѣкоторою робостью взглянулъ на Лидію Михайловну. Она больше прищурилась, и грудь ея еще чаще дышала.

— Когда я съ вами познакомился, два года назадъ, я былъ въ другомъ положеніи,—продолжалъ Покромцевъ.—Тогда я не смѣлъ бы говорить съ вами объ этомъ. Я не позволилъ бы себѣ соединить мечты о своемъ счастіи съ вами, прежде чѣмъ могъ располагать совершенно свободно хорошими денежными средствами.

Онъ опять взглянулъ на нее. Ея молчаніе начинало смущать его.

— Простите, что я начинаю съ дѣловой стороны, но я—человѣкъ практическій даже въ дѣлахъ сердца,—продолжалъ онъ.—Другая сторона, къ тому же, вамъ хорошо извѣстна. Вы не могли не догадываться о моемъ чувствѣ. Вы должны были понять, что съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ, для меня существуетъ только одна цѣль и одно счастье—сдѣлаться вашимъ мужемъ.

Низко опущенныя вѣки Лидіи Михайловны чуть примѣтно дрогнули. Она вытянула на колѣняхъ руку, потомъ положила на нее другую.

— Такъ что это—очень обдуманный шагъ съ вашей стороны?—сказала она.

— Вы сами можете судить!—воскликнулъ Покромцевъ.—Я ждалъ два года, понимая очень хорошо, что вамъ нельзя предложить узенькое существованіе, соединенное съ необходимостью урѣзывать себя, затрудняться въ пустякахъ, переживать унизительныя заботы...

Въ тонѣ этихъ словъ, въ ихъ почти циничесой откровенности, заключалось что-то оскорбительное. Лидія Михайловна чуть примѣтно повела своими красиво выгнутыми бровями.

Digitized by Google

— Вы считаете меня очень избалованной, совсѣмъ матеріалисткой,—сказала она.

Покромцевъ тотчасъ же ее понялъ.

— Нѣтъ, не то,—возразилъ онъ.—Но я очень самолюбивъ, и не перенесъ бы, если бы замѣчалъ, что вы недовольны своими условіями. А притомъ, рама должна всегда соотвѣтствовать картинѣ. Это необходимо для симметріи хорошаго вкуса.

Лидія Михайловна засмѣялась коротенькимъ смѣхомъ.

— Не стану васъ оспаривать, потому что не хочу быть неискренней съ вами,—сказала она.—Чтожъ, не буду отрицать, я очень избалована—избалована воображеніемъ. Вы видите, здѣсь, дома, меня не окружаетъ никакая особенная роскошь. У отца есть средства, а состоянія нѣтъ. Я вѣдь безприданница!

Она снова разсмѣялась—и взмахнула рѣсницами. Покромцева такъ и обдалъ вызывающій взглядъ ея широкихъ, темныхъ зрачковъ, казавшихся еще шире оттого, что она раскрывала ихъ внезапно и рѣдко.

У него немножко дрогнуло сердце. Онъ не ожидалъ, чтобъ Лидія Михайловна была совсѣмъ безприданница. Со своей практической прозорливостью онъ догадывался, что Казатиновы жили съ натяжкой, что большихъ капиталовъ за ними не водится; но все-таки онъ думалъ, что что-нибудь дадутъ за дочерью, и это будетъ неприкосновенный фондъ, тогда какъ всѣ наличныя средства онъ пуститъ въ обороты. Но, во всякомъ случаѣ, теперь поздно было бы отступать.

— Меня это не касается, — проговорилъ онъ съ достоинствомъ.

Теперь Лидія Михайловна прищурилась, потому что хотѣла разглядѣть выраженіе его лица. Затѣмъ, она глубже опрокинулась на спинку кресла.

— Такъ вотъ, видите, мои домашнія условія не могли пріучить меня къ излишней избалованности, но я избаловала себя воображеніемъ,—продолжала она.—Я съ дѣтства дала себѣ волю фантазировать, относиться ко всему съ брезгливой притязательностью богатой женщины. Вѣдь у всякаго есть свои маленькіе недостатки, не правда ли? Что же дѣлать, мнѣ было бы невозможно перевоспитать себя.

— Но это и не нужно,—возразилъ Покромцевъ:—жизнь съ вами я представляю себѣ именно такъ же, какъ вы. Я люблю деньги, много денегъ, но не любовью биржевого игрока или деревяннаго дѣльца: я столько же люблю ихъ тратить, какъ и наживать.

Digitized by Google

Краска чуть замѣтно разлилась по лицу Лидіи Михайловны.

— Правда? Вы понимаете это наслажденіе—тратить деньги? —бросила она съ внезапнымъ оживленіемъ.—Тутъ есть поэзія, есть жизнь... Но не безумно, не безсмысленно тратить, какъ какой-нибудь милліонеръ изъ Замоскворѣчья, а утонченно, съ умѣньемъ извлечь изъ каждой траты все, что она можетъ дать...

— Я только такъ и понимаю возможность пользоваться хорошими средствами,—отвѣтилъ Покромцевъ.

У него отъ этого продолжительнаго объясненія нервы начинали играть. Онъ все болѣе поддавался обаянію этой проникнутой какимъ-то тонкимъ соблазномъ красоты, и такое настроеніе отвѣчало подъему самонадѣяннаго чувства, которое онъ съ утра носилъ въ себѣ. Въ его ушахъ какъ будто опять зазвенѣли слова Ластова: „перспективы безпредѣльны"! Онъ подвинулъ свой стулъ и немножко наклонился къ Лидіи Михайловнѣ.

— Значитъ, вы... не отказываете мнѣ?—спросилъ онъ почти шопотомъ.

Дѣвушка, не отвѣчая, глядѣла на него прищуренными глазами. Что-то блуждало по ея лицу, залегая въ мягкомъ очеркѣ полуоткрытыхъ губъ и въ тонкой, едва примѣтной складкѣ, обозначившейся между бровями.

— Вы согласны быть моей женой?—повторилъ Покромцевъ дрогнувшимъ голосомъ, еще ближе наклоняясь къ ней.

— Вы не боитесь?—спросила она, чуть-чуть подымая вѣки.

Покромцевъ, улыбаясь, отрицательно покачалъ головой.

— Васъ не пугаетъ то, о чемъ я сейчасъ говорила? Вѣдь я была такъ откровенна!

— Нисколько не пугаетъ. Зная васъ, я зналъ и то, что вы объяснили,—отвѣтилъ онъ.

Лидія Михайловна молча протянула ему руку. Онъ припалъ къ ней губами, волнуясь...

IX.

Покромцевъ проснулся на слѣдующій день съ тѣмъ же ощущеніемъ проникавшаго весь организмъ оживленія, съ тѣмъ же чувствомъ самоувѣреннаго, торжествующаго вызова, которое удесятеряло его энергію и влекло къ необузданной дѣятельности. Какъ ни увеличился въ послѣднее время радіусъ этой дѣятельности, ему казалось, что онъ еще стѣсненъ ея узкими рамками. Онъ сознавалъ въ себѣ избытокъ дѣловитости, еще не получившей примѣненія. Все, рѣшительно все складывалось именно такъ,

Digitized by Google

какъ онъ едва смѣлъ раньше намѣчать въ воображеніи. И какъ роскошный плодъ только-что начатой жатвы, какъ соблазнительная премія жизненной борьбы, его возбужденному чувству рисовался обольстительный образъ дѣвушки, связанной съ нимъ двумя годами неотразимаго влеченія. Эта дѣвушка—его невѣста. Онъ купилъ ее реализованными итогами своихъ удачъ и соблазномъ „безпредѣльныхъ перспективъ". Она уже принадлежитъ ему; нужны только нѣсколько недѣль веселыхъ хлопотъ, радостной суеты, и затѣмъ—опьяняющій праздникъ жизни, роскошь удовлетвореннаго чувства, таинственное вкушеніе насыщаемаго и снова алкающаго счастья...

И ему хотѣлось двигаться, дѣйствовать, расточительно пользоваться всею энергіей возбужденныхъ силъ...

Одѣвшись со свойственной ему щеголеватостью, Покромцевъ отправился въ банкъ, гдѣ состоялъ кліентомъ. Ему хотѣлось знать, какое сегодня настроеніе до биржи. Въ залѣ онъ натолкнулся на Маври.

— Крѣпко?—спросилъ онъ.

— Очень крѣпко, — отвѣтилъ тотъ, значительно опустивъ свои густыя брови.

— Торопитесь на биржу?

— Да, пора; дѣла чрезвычайно много. Москва покупаетъ „всеобщій банкъ".

И онъ хлопнулъ по карману, давая тѣмъ понять, что этотъ карманъ набитъ телеграммами съ приказами на покупку.

— А почемъ отдаете?

— Сейчасъ ни по какой цѣнѣ не отдаю. По восьми съ половиною беру.

Покромцевъ только значительно вскинулъ головой и пожалъ руку торопившемуся „королю биржи". Онъ еще не составилъ плана на сегодняшній день, да и остатокъ свободнаго кредита у него былъ невеликъ: вчера, передъ обѣдомъ, онъ далъ по телефону нѣсколько крупныхъ приказовъ. Онъ рѣшилъ обдумать за завтракомъ, какія бумаги продать, чтобы развязать себѣ руки и заняться новыми цѣнностями.

Завтракалъ онъ обыкновенно въ первоклассномъ французскомъ ресторанѣ, гдѣ къ часу дня собиралась наиболѣе крупная биржевая публика. Но туда еще рано. Покромцевъ пошелъ пѣшкомъ по Невскому, завернулъ въ знакомую банкирскую контору и встрѣтилъ тамъ Молоканова. Тотъ тоже подтвердилъ, что „до биржи" очень крѣпко.

Digitized by Google

— А къ концу биржи, пожалуй, ослабѣемъ?—вопросительно отозвался Покромцевъ.

— Не думаю,—отвѣтилъ Молокановъ.—Москва сильно покупаетъ.

— „Всеобщій банкъ"?

— Да, и другія тоже. А вы въ этой конторѣ что-нибудь дѣлаете?

— Такъ, кое-что.

— Тутъ не разсчетъ: серьезничаютъ очень, ссуды даютъ въ самомъ казенномъ размѣрѣ,—продолжалъ Молокановъ.—Посудите сами, подъ „всеобщій банкъ" даютъ всего двѣсти-восемьдесятъ, тогда какъ у Ѳомушкина я бралъ по триста-шестьдесятъ.

— Что вы!—удивился Покромцевъ.

— Фактъ. Тамъ ведутъ дѣло широко. Тридцать рублей на штукѣ обезпеченія находятъ совершенно достаточнымъ, а для знакомаго, или по рекомендаціи, и на пятнадцать согласятся.

Покромцевъ задумался. Если получить ссуду въ такомъ размѣрѣ, чтобы задатокъ не превышалъ двадцати рублей, то онъ могъ бы сейчасъ же купить штукъ пятьсотъ „всеобщаго банка". Могло выйти то самое, о чемъ онъ вчера говорилъ Лидіи Михайловнѣ, то-есть въ теченіе сутокъ можно было удвоить внесенный капиталъ. Маври сейчасъ давалъ восемь съ половиною, т.-е. 328½. На биржѣ уже навѣрное завинтили до 335, а завтра, если настроеніе не измѣнится, взлетятъ на 350.

— А вы могли бы устроить мнѣ такой льготный „on call" у Ѳомушкина?—обратился Покромцевъ къ Молоканову.—Я радъ бы воспользоваться, и былъ бы очень вамъ признателенъ.

— Отчего же, можно,—охотно согласился Молокановъ.—Да вотъ, не заѣдемъ ли сейчасъ туда? Теперь тамъ какъ разъ не должно быть народу, биржа еще не кончилась.

И раскачавъ не безъ нѣкотораго усилія свое грузное туловище, Молокановъ влѣзъ въ коляску и пригласилъ Покромцева занять крошечное мѣстечко, остававшееся подлѣ него.

Въ конторѣ все было сдѣлано въ четверть часа. Покромцеву пообѣщали довольствоваться двадцатью рублями обезпеченія не только для „всеобщаго банка", но почти для всѣхъ бумагъ этой категоріи, а для мелкихъ готовы были чуть не на пять рублей.

— Не рискованно это?—спросилъ, улыбаясь, Покромцевъ.

— Пока все въ гору идетъ, зачѣмъ же стѣснять кліентовъ?—отвѣтилъ управляющій, тоже любезно улыбнувшись.

— Ну, теперь завтракать,—напомнилъ Молокановъ, снова влѣзая въ коляску.

Digitized by Google

X.

Круглый мраморный столъ, весь заваленный шляпами, шапками, военными фуражками, свидѣтельствовалъ, что общая зала ресторана была биткомъ набита. Молокановъ, съ трудомъ волоча свое необъятное туловище, остановился у перваго же столика, и хотя всѣ приборы тамъ были заняты, приказалъ подать себѣ стулъ. Онъ зналъ, что при видѣ его грузной туши—какъ нибудь потѣснятся. Покромцевъ прошелъ дальше, мимо буфета, и тотчасъ наткнулся на группу знакомыхъ. Тутъ были и Ластовъ, и Пущевъ, и одинъ изъ директоровъ „всеобщаго банка", и два члена правленія, гдѣ онъ служилъ, и еще много другихъ, знавшихъ его по биржевымъ дѣламъ и по ресторану. Кто-то изъ нихъ, уже получившій сдачу, уступилъ ему свое мѣсто, а самъ пересѣлъ на диванчикъ, у стѣны.

Въ этой части общей залы въ послѣдніе годы собиралась преимущественно публика, заинтересованная биржею. Въ ожиданіи появленія маклеровъ, разговоры велись разные. Спрашивали другъ друга, кто куда ѣдетъ за границу, спорили, гдѣ лучше: весною въ Монте-Карло, или лѣтомъ въ Aix-les-Bains. Говорили, что Леньяни въ воскресенье сдѣлала двадцать-четыре фуэтэ кряду, и передавали нескромное mot одной французской полуартистки, недовольной таможнею. Сообщали другъ другу подробности мимолетныхъ женскихъ знакомствъ, и показывали билеты на бенефисъ, совѣтуясь, сколько надо послать за нихъ. Иногда, совершенно неожиданно, возникалъ споръ о томъ, просуществуетъ ли французское министерство до каникулъ, причемъ всѣ спорившіе оказывались пріятелями всѣхъ министровъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Часовая стрѣлка показывала три четверти перваго. У входа въ залу появилась сутуловатая фигура Маври. За нимъ двинулся цѣлый рядъ маклеровъ и зайцевъ. На нихъ всѣ накинулись съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: какъ биржа?

— Крѣпко, очень крѣпко,—отвѣчали пріѣхавшіе оттуда.

Разговоры тотчасъ сосредоточились на цѣнахъ бумагъ.

— Какъ „всеобщій банкъ"?

— Тридцать-шесть.

— А европейско-азіатскій"?

— Сорокъ-два беру.

— А „млинскіе"?

— Тридцать-пять.

Digitized by Google

— Да что̀ вы!

— На перронѣ сорокъ давали.

— А „лобовскій свинецъ“?

— Пять, пять съ половиной.

— Стало быть, на перронѣ еще тверже было?

— Очень твердо.

— Однако, это чортъ знаетъ, что̀ такое. Куда же мы идемъ, господа?—воскликнулъ Покромцевъ, ни къ кому въ частности не обращаясь.

— Къ тому, что кто не будетъ зѣвать, тотъ милліонеромъ выйдетъ,—съ короткимъ смѣхомъ отвѣтилъ ему Пущевъ.

— Но вѣдь не можетъ же подобная скачка вѣчно продолжаться?

— Вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ,—разсудительно возразилъ Пущевъ,—но мы вступили въ такую полосу, когда всѣ цѣнности стремятся къ апогею.

Ластовъ, методически очищая свѣже-просольный огурецъ, вскинулъ на Покромцева свѣтившимися какъ хрусталь глазами.

— Я не понимаю, чему тутъ удивляться? Ясно, что банки работаютъ какъ никогда, и дадутъ великолѣпные дивиденды. Промышленныя предпріятія процвѣтаютъ, и долго еще будутъ процвѣтать—до тѣхъ поръ, пока существуютъ запретительныя пошлины. Млинскій заводъ, напримѣръ, отложилъ въ прошломъ году милліонъ въ запасный капиталъ, и имѣетъ заказовъ чуть не на пять лѣтъ впередъ. Я это отъ самихъ директоровъ знаю.

Покромцевъ уже потому соглашался въ душѣ со взглядами Пущева и Ластова, что ему пріятно было раздѣлять ихъ. Онъ не спорилъ, а только для формы уронилъ въ видѣ возраженія:

— Но конкурренція, господа? Вы забываете конкурренцію, которая тоже возрастаетъ.

Ластовъ съ небрежнымъ видомъ потрясъ головой.

— Что̀ такое конкурренція! У насъ вся желѣзно-дорожная сѣть пришла въ ветхость; всѣмъ нужны новые рельсы, вагоны, паровозы, тормазы, мелкія принадлежности. Тутъ десять такихъ заводовъ, какъ млинскій, въ годъ не управились бы.

Покромцевъ не возражалъ. Его лицо сдѣлалось почти краснымъ. Онъ соображалъ, борясь съ возникавшими досадными сомнѣніями и вызывая изъ какихъ-то тайниковъ души энергію, необходимую для крупнаго удара.

Лакей принялъ отъ него тарелку и смахнулъ хлѣбныя крошки.

— Сладкое желаете?—спросилъ онъ.

Покромцевъ не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ на Маври, разго-

Digitized by Google

варивавшаго за другимъ столомъ съ директоромъ банка. Какъ только тотъ простился, онъ всталъ и подошелъ къ „королю биржи“.

— Скажите, Ѳедоръ Христофоровичъ, вы крѣпко настроены относительно „всеобщаго банка“?—спросилъ онъ вполголоса, наклоняясь къ нему.

— Очень крѣпко,—отвѣтилъ тотъ, моргнувъ густыми бровями.

— По тридцать-пять я взялъ бы большую партію, штукъ пятьсотъ, если имѣете.

Маври посмотрѣлъ на него, потомъ въ потолокъ, потомъ опять на него.

— Меньше тридцати-восьми невозможно,—сказалъ онъ.—На перронѣ были сорокъ.

— Ну, что̀ перронъ! Вѣдь партія громадная. Тридцать-пять и куртажъ, хотите?

— Тридцать семь франко, и ни копѣйки меньше.

Покромцевъ поднялъ руку и опустилъ ее на пухлую ладонь Ѳедора Христофоровича.

— Ну, хорошо, пусть по вашему.

— Abgemacht,—заключилъ Маври, и досталъ изъ бокового кармана записную книжку.

— Въ контору Ѳомушкина,—угадалъ его вопросъ Покромцевъ.

XI.

Выйдя изъ ресторана, Покромцевъ отправился къ одному изъ такъ-называемыхъ „мѣнялъ“, съ которымъ имѣлъ дѣла, продалъ тамъ кое-какія бумаги, съ условіемъ принять ихъ завтра же, затѣмъ заѣхалъ въ банкъ, далъ необходимые приказы, и завернулъ оттуда въ контору Ѳомушкина, гдѣ также далъ приказъ на пріемъ пятисотъ штукъ „всеобщаго банка“.

Управляющій, прочитавъ приказъ, взглянулъ на кліента съ нѣсколько враждебнымъ видомъ: ему не понравилось, что такая большая партія была сдѣлана черезъ посторонняго маклера.

— Мы вамъ дешевле достали бы,—сказалъ онъ;—въ котировкѣ всего тридцать-пять.

— Это всегда всѣ говорятъ, что достали бы дешевле, когда дѣло уже сдѣлано,—возразилъ Покромцевъ.—Всѣ крупныя дѣла я постоянно дѣлаю черезъ Маври.

— Мы Ѳедора Христофоровича сами очень уважаемъ, а

Digitized by Google

только рублика по два онъ взялъ лишнихъ,—настаивалъ управляющій.—Я вѣдь, собственно, къ тому говорю, что для насъ тоже невыгодно терять куртажъ, особливо если кліентъ пользуется льготами.

— Хорошо, слѣдующій разъ я попробую черезъ васъ сдѣлать,—пообѣщалъ, чтобъ прекратить разговоръ, Покромцевъ.

Былъ уже третій часъ; онъ торопился въ правленіе. Но тамъ онъ постарался поскорѣе отдѣлаться, и, переговоривъ кое о чемъ съ директоромъ-распорядителемъ, схватилъ шляпу и вышелъ на улицу. Отсюда было два шага до того самаго ювелирнаго магазина, передъ окнами котораго вчера Казатиновы любовались „стрекозой“ изъ изумрудовъ и брилліантовъ. Вещица стояла на томъ же мѣстѣ: въ Петербургѣ, какъ извѣстно, магазинныя выставки обновляются не болѣе двухъ-трехъ разъ въ году.

Покромцевъ вошелъ въ магазинъ и велѣлъ показать „стрекозу“. Вблизи вещь оказалась значительно грубѣе, чѣмъ можно было судить сквозь стекло, но камни были хороши, и очевидно стоили денегъ. На петербургскихъ балахъ, гдѣ вообще больше обращаютъ вниманія на величину брилліантовъ, чѣмъ на рисунокъ или тонкость работы, такая „бездѣлка“ должна была производить эффектъ. Покромцевъ освѣдомился о цѣнѣ. Ему назвали круглую сумму. Онъ предложилъ дешевле.

— А, вы выбираете подарокъ? Для кого это?—вдругъ раздался надъ его ухомъ женскій голосъ.

Это была Зинаида Яковлевна Гицъ. Она вошла въ магазинъ въ то время, какъ Покромцевъ разсматривалъ у окна покупку. Въ своемъ не совсѣмъ уже свѣжемъ, но изящномъ туалетѣ, напоминавшемъ то время, когда она еще не нуждалась въ средствахъ, чуть-чуть загорѣвшая на весеннемъ воздухѣ и раскраснѣвшаяся отъ ходьбы, она была очень интересна.

Покромцевъ нѣсколько смутился—онъ еще не привыкъ къ оффиціальному положенію жениха—и торопливо поздоровался.

— Я васъ поймала на мѣстѣ преступленія!—продолжала Зинаида Яковлевна, и съ жадностью чисто-женскаго любопытства впилась глазами въ „стрекозу“. Она даже еще больше покраснѣла, и лицо ея сдѣлалось серьезно.

— Прелестная вещь. Но для кого? Для какой-нибудь артистки? Или это секретъ?—забросала она вопросами.

— Сегодня это еще секретъ,—отвѣтилъ, улыбаясь, Покромцевъ.—Но я нахожу, что дорого просятъ. Какъ по вашему?

И онъ назвалъ сумму.

Digitized by Google

— Уступятъ, — сказала m-me Гицъ.—Но почему сегодня секретъ? Ужъ не собираетесь ли жениться?—продолжала она допрашивать.

— Можетъ быть...—отозвался Покромцевъ.

— Ну, значитъ, женитесь. Это для невѣсты, очень ясно. Поздравляю и сердечно желаю счастья.

— Благодарю васъ, но... вѣдь я ничего не сказалъ.

И онъ обратился къ приказчику:

— Такъ какъ же? Отдаете за мою цѣну?

Тотъ немножко сбавилъ съ запрошенной суммы.

— Они всегда продаютъ дорого, а сами покупаютъ дешево,—сказала Зинаида Яковлевна.—А я, къ сожалѣнію, пришла предложить имъ купить у меня жемчугъ.

Она опустила руку въ карманъ и достала старинное жемчужное колье.

— Это еще моей матери, — объяснила она, и хорошенькое личико ея разомъ опечалилось.—Вы купите?—обратилась она къ приказчику.

Тотъ взялъ футляръ, долго разсматривалъ, потомъ показалъ другому приказчику, стоявшему за конторкой.

— Изволите видѣть, вещь въ такомъ видѣ не можетъ у насъ остаться, нынче не дѣлаютъ такъ,—объяснилъ онъ наконецъ.—Мы, собственно, ради жемчуга только взяли бы, потому —оттѣнокъ недуренъ, съ розоватостью.

— А сколько бы вы дали?

Ей предложили довольно скромную сумму. У нея даже слезы показались на глазахъ.

— Какъ это можно! Вы хотите даромъ взять! — воскликнула она.

— Разсмотрѣть надо. Полсотенки, можетъ быть, накинемъ,— торговался приказчикъ.

— Нѣтъ, я не отдамъ. Мнѣ въ казенномъ ломбардѣ столько же дадутъ.

Приказчикъ обратился къ Покромцеву.

— Извольте, пятьдесятъ рублей можно еще уступить. До Пасхи не отдали бы.

Покромцевъ рѣшился дать требуемую сумму, и сейчасъ же расплатился. „Стрекозу“ принялись перетирать замшей, записывать въ книгу.

— Не купите ли вы у меня мой жемчугъ?—обратилась къ Покромцеву Зинаида Яковлевна.—Вамъ можетъ понадобиться.

— Если понадобится, то съ удовольствіемъ.

Digitized by Google

— Вы слышали, они сами хвалятъ оттѣнокъ. А передѣлать вы можете какъ захотите. У меня и лучше есть, большія жемчужины. Заѣзжайте какъ-нибудь ко мнѣ посмотрѣть.

— Отлично, я на-дняхъ заѣду,—пообѣщалъ Покромцевъ.— Мнѣ, дѣйствительно, понадобятся такія вещи.

И онъ сунулъ въ карманъ поданный ему футляръ со „стрекозой".

XII.

Отъ ювелира Покромцевъ поѣхалъ прямо къ Казатиновымъ. Лидія Михайловна встрѣтила его на порогѣ прихожей, и пока онъ снималъ пальто, улыбалась ему весело и дружески своими широко-прорѣзанными глазами. Выраженіе этихъ глазъ всегда и смущало, и неотразимо привлекало его: они какъ будто что-то таили, эти глаза — что-то немножко жуткое и полное неизъяснимаго соблазна...

— Вы говорили съ вашими? —спросилъ онъ, здороваясь и отходя вмѣстѣ съ нею въ тотъ самый уютный уголъ гостиной, гдѣ они сидѣли вчера.

— Конечно... Вы можете не дѣлать формальнаго предложенія; къ чему это?—сказала Лидія Михайловна.

Но въ эту минуту въ гостиную вошла m-me Казатинова и прямо протянула Покромцеву обѣ руки, которыя онъ поочередно поцѣловалъ.

— Желаю вамъ обоимъ полнаго, полнаго счастья...—произнесла она, и прижала къ глазамъ платокъ, отъ котораго пронеслась струя крѣпкаго запаха „Jicky".—Ахъ, я вамъ вѣрю, я вѣрю, что Лидочка будетъ счастлива съ вами... Мужа теперь нѣтъ дома, но вѣдь вы обѣдаете съ нами? Онъ хочетъ сегодня же поздравить васъ.

Покромцевъ чувствовалъ, что онъ самъ взволнованъ, и поднялъ глаза на невѣсту, какъ бы ища у нея поддержки. Та протянула ему руку; онъ припалъ къ ней губами.

— Вы разрѣшите? — сказалъ онъ, доставая изъ кармана футляръ съ „стрекозою" и поспѣшно срывая съ него тонкую обертку.

Лидія Михайловна отбросила крышку и воскликнула радостно-спокойнымъ тономъ:

— Ахъ, какая прелесть! Мама, посмотрите, вѣдь это та самая брошь, которой мы вчера любовались въ окнѣ магазина.

Та тоже радостно ахнула.

Digitized by Google

— Но какъ это мило, какъ это мило—такая внимательная предупредительность!—повторяла она.

Лидія Михайловна притянула Покромцева обѣими руками, и, краснѣя, повернула голову къ матери.

— Maman, вѣдь можно?—спросила она не то серьезно, не то шутливо, и не дождавшись отвѣта, быстро поцѣловала жениха въ лобъ.

— Ну, вамъ теперь есть о чемъ поговорить другъ съ другомъ,—снисходительно произнесла Катерина Петровна, и оставила молодыхъ людей вдвоемъ.

Лидія Михайловна прошла маленькими шагами между тѣсно разставленной мебелью, потомъ вернулась къ столику, взяла „стрекозу“ и, подойдя къ зеркалу, посадила ее на волосы.

— Хорошо?—обернулась она къ Покромцеву.

— Я счастливъ, если вамъ нравится, — отвѣтилъ онъ, и глаза его, любуясь ею, разгорѣлись жаднымъ блескомъ.

Молодая дѣвушка постояла передъ зеркаломъ, потомъ сняла „стрекозу“ и уложила ее въ футляръ.

— Какъ женщинамъ нужны всѣ эти глупости! Васъ не смѣшитъ это?—молвила она, опускаясь на низенькое кресло.

— Вамъ, вашей красотѣ, ничего этого не нужно; но у васъ должно быть все то, что есть у другихъ женщинъ, — возразилъ Покромцевъ.

Лидія Михайловна отвѣтила благодарнымъ и по обыкновенію задумчивымъ взглядомъ. На минуту воцарилось молчаніе, какъ всегда бываетъ, когда людямъ надо много сказать другъ другу, и все кажется важнымъ, и все волнуетъ...

— Вы имѣете въ виду продолжительныя приготовленія къ свадьбѣ? Вамъ представляется приблизительно, когда можно назначить день?—спросилъ наконецъ Покромцевъ.

— Я еще не останавливалась на этомъ вопросѣ; мнѣ кажется, это главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ... — отвѣтила дѣвушка.

— Мое самое сильное желаніе вѣнчаться какъ можно скорѣе,—сказалъ Покромцевъ.—Понадобятся, конечно, большія приготовленія съ моей стороны, но я приму всѣ мѣры, чтобы сдѣлать все какъ можно скорѣе. Моя теперешняя квартира настолько велика и удобна, что ее можно удержать. Надо только устроить обстановку, но теперь у обойщиковъ глухое время, они быстро справятся. Экипажи можно найти готовые, лошадей купить не долго. Словомъ, что меня касается, я могъ бы все приготовить въ двѣ-три недѣли.

Digitized by Google

По задумчивому, даже какъ будто встревоженному лицу Лидіи Михайловны можно было подумать, что она не очень сочувствуетъ такой поспѣшности.

— Такъ скоро? — сказала она. — Maman наврядъ ли управится въ такое короткое время. Я поговорю съ ней.

— Но зачѣмъ же тянуть?—возразилъ Покромцевъ. — Развѣ необходимо непремѣнно до свадьбы нашивать всю эту кучу тряпокъ, метаться по магазинамъ?

— Я переговорю съ maman,—повторила молодая дѣвушка.— Двѣ-три недѣли—это ужасно скоро. Мы не успѣемъ привыкнуть другъ къ другу.

— Мы два года знакомы!—возразилъ Покромцевъ. — Я не смѣю и не буду настаивать, но повторяю — всякій выигранный день будетъ лишнимъ днемъ моего счастья. А положеніе жениха, оффиціальнаго жениха—такая стѣснительная вещь!

— Зачѣмъ же положеніе оффиціальнаго жениха? Я предпочла бы даже совсѣмъ не объявлять до поры до времени о нашей помолвкѣ,—сказала Лидія Михайловна.

— Вы думаете? — нѣсколько удивленнымъ тономъ спросилъ Покромцевъ.

— Я предпочла бы. Что за охота обращать на себя повсюду глупое вниманіе?

— Но въ такомъ случаѣ придется постоянно сохранять натянутыя отношенія, оберегать свою тайну...

— Нисколько. Я думаю меньше выѣзжать, меньше принимать у себя, даже совсѣмъ почти не принимать. А вы можете каждый день бывать здѣсь, если... вамъ не покажется скучнымъ.

Она улыбнулась и взглянула на Покромцева такимъ ласкающимъ взглядомъ, что всякое возраженіе застыло на его губахъ.

Было рѣшено, что каждый съ своей стороны займется необходимыми приготовленіями, и когда они приблизятся къ концу, тогда будетъ назначенъ день свадьбы.

— Только дѣлайте все не спѣша и не торопите меня, — заключила Лидія Михайловна, и въ видѣ преміи за предстоявшее терпѣніе, протянула жениху обѣ руки и позволила медленно перецѣловать ихъ.

XIII.

Двѣ недѣли прошли для Покромцева въ непрерывной суетѣ. Возня съ мебельщиками, обойщиками, каретниками, лошадиными барышниками, убѣдила его, что въ Петербургѣ даже съ гото-

Digitized by Google

выми деньгами ничего нельзя сдѣлать скоро. Самый пустой заказъ брались исполнить не раньше какъ черезъ недѣлю, и поспѣвали черезъ двѣ. Обойщики поражали полнѣйшимъ отсутствіемъ изобрѣтательности и вкуса; приходилось самому все придумывать, но и это не всегда помогало. Слушаетъ обойщикъ, слушаетъ, натуживъ жилы на лбу и мучительно сопя, точно ему сто-пудовую тяжесть на голову положили, затѣмъ скажетъ:—„чтожъ, можно и такъ"—и сдѣлаетъ совсѣмъ не такъ, а чортъ знаетъ что̀ такое. Покромцевъ наконецъ прогналъ ихъ всѣхъ и обратился къ французу. Тотъ заломилъ сумасшедшую цѣну, но зато сдѣлалъ какъ слѣдуетъ.

Экипажи и лошади тоже стоили большихъ хлопотъ. Ни у кого изъ хорошихъ каретниковъ ничего готоваго не оказалось. Они даже обижались, что у нихъ спрашиваютъ готовое, точно у рыночниковъ. А чтобы сдѣлать на заказъ карету и коляску, требовали два мѣсяца.

— Да этакъ я скорѣе въ Парижъ или въ Лондонъ съѣзжу и привезу оттуда,—восклицалъ съ отчаяніемъ Покромцевъ.

— Дороже обойдутся, а лучше нашихъ не будутъ, — спокойно возражали ему.

И дѣйствительно, безпокоиться имъ было нечего: пошлина стояла на стражѣ ихъ интересовъ.

Къ счастью, случай помогъ Покромцеву: ему удалось купить почти новые экипажи у одного денежнаго туза, переселявшагося за границу.

Всего труднѣе оказалось обзавестись лошадьми. Барышники явно норовили надуть и нагрѣть, кучера̀ являлись наниматься уже заручившись крупнымъ посуломъ отъ тѣхъ же барышниковъ; шорники и кучерскіе портные словно смѣялись, запрашивая совершенно несообразныя цѣны; домохозяинъ предложилъ сначала сносную конюшню, а потомъ дворникъ ее для кого-то приберегъ и отвелъ другую, гдѣ повернуться негдѣ было, и гдѣ, собственно, хозяйничали лихачи-извозчики, снимавшіе тутъ же за перегородкой десять стойлъ.

Отъ всѣхъ этихъ дрязгъ у Покромцева голова шла кругомъ. Но хуже всего было то, что на ряду съ мелочными заботами его начинала безпокоить биржа. Уже три дня къ ряду цѣны всѣхъ бумагъ замѣтно подавались внизъ, уступая возроставшему предложенію. Пониженіе не имѣло угрожающаго характера, но впечатлѣніе было непріятное. За отсутствіемъ серьезныхъ политическихъ или экономическихъ причинъ, приходилось думать, что ослабѣвшая тенденція указываетъ на приближаю-

Digitized by Google

щійся конецъ биржевой кампаніи. Покромцевъ былъ, въ сущности, новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, и крупныя удачи располагали его къ оптимизму. Онъ считалъ, что движеніе только-что разгорается, что промышленная предпріимчивость только-что просыпается въ странѣ, что новыя предпріятія ростутъ какъ грибы, и что финансовая политика твердо выразила покровительственное отношеніе къ развивающемуся почину. Восклицаніе Ластова о безпредѣльности перспективъ не казалось ему пустымъ звукомъ. Напротивъ, онъ расположенъ былъ думать, что весь успѣхъ въ настоящую минуту зависѣлъ отъ смѣлости и широты размаха.

На четвертый день онъ самъ поѣхалъ на биржу и встрѣтилъ тамъ хаосъ противорѣчій, среди котораго разыгрывалась довольно оживленная схватка между двумя партіями, повышательной и понижательной. Цѣны нѣсколько разъ въ теченіе часа то падали, то поправлялись. Къ концу крикливые голоса бланкистовъ какъ будто одержали верхъ, и биржа закончилась слабо.

На перронѣ понижатели уже совсѣмъ торжествовали. Покромцевъ, видѣвшій ихъ сравнительную слабость, рѣшилъ воспользоваться моментомъ. Завтра, очевидно, биржа начнется слабо, но затѣмъ выступятъ крупно-заинтересованныя лица и учрежденія, и произведутъ рѣшительный подъемъ цѣнъ. Въ особенности „европейско-азіатскій“ банкъ долженъ отмстить за четырехдневное довольно рѣзкое пониженіе, такъ какъ этому пониженію явно способствовали разные темные слухи, вздорность которыхъ уже сегодня обнаружилась.

Руководясь этими соображеніями, Покромцевъ купилъ по пониженной цѣнѣ весьма значительную партію „европейско-азіатскихъ“ акцій. Часть этихъ акцій онъ предполагалъ помѣстить на остатокъ свободнаго кредита въ своемъ банкѣ, а другую, большую часть, продать завтра же по повышенной цѣнѣ, безъ пріемки. Онъ раньше не пускался въ такія операціи, но сегодня увлеченіе борьбы, въ которой онъ какъ бы лично принялъ участіе, сдѣлало его очень смѣлымъ.

XIV.

У Казатиновыхъ Покромцевъ проводилъ почти всѣ вечера. Онъ тамъ отводилъ душу. Лидія Михайловна сдержала свое обѣщаніе: никуда не выѣзжала, и очень рѣдко кого-нибудь принимала. Она точно наложила на себя какой-то искусъ: отдѣленная

Digitized by Google

отъ всего петербургскаго свѣта, встрѣчаясь съ знакомыми только въ магазинахъ и у портнихъ, она всѣ вечера проводила съ глазу на глазъ съ женихомъ, среди нескончаемой болтовни, то вспыхивавшей какъ фейерверкъ, то вдругъ стихавшей, чтобъ неслышно продолжаться въ своевольныхъ думахъ, во взглядахъ, въ трепетѣ ея тонкихъ рукъ, горѣвшихъ подъ его поцѣлуями. Утомленный, озабоченный дневными хлопотами, Покромцевъ тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ отдавался соблазнительной прелести этихъ вечеровъ. Ни генералъ, ни Катерина Петровна, не стѣсняли молодую чету своимъ присутствіемъ. Генералъ даже какъ-то сосредоточеннѣе и суше сталъ держать себя съ женихомъ, словно хотѣлъ устранить этимъ способомъ какой-нибудь неумѣстный разговоръ, касающійся приданаго. Молодые люди оставались почти весь вечеръ одни, въ томъ самомъ уголку гостиной, гдѣ произошло между ними первое объясненіе, и гдѣ высокая модная лампа подъ голубовато-сѣрымъ абажуромъ бросала такой мягкій, слабый, мечтательный свѣтъ. Иногда Лидія Михайловна пересаживалась къ роялю, играла минутъ десять, и, не окончивъ пьесы, оборачивалась на вертящемся табуретѣ къ Покромцеву и кидала какой-нибудь внезапный вопросъ, изъ котораго рождался продолжительный разговоръ.

— Но когда же, наконецъ, наша свадьба? — рѣшился въ одинъ изъ такихъ вечеровъ возобновить рѣчь объ этомъ предметѣ Покромцевъ.—У меня главное уже все готово; черезъ два-три дня обойщики повѣсятъ послѣднія драпировки.

Она сидѣла въ полъ-оборотъ отъ него и не пошевельнулась.

— Вѣдь вы обѣщали не торопить меня,—сказала она.

— Но... — протестовалъ Покромцевъ, и протянулъ руку къ ея рукѣ.

Она быстро повернулась и улыбнулась ему.

— Мнѣ кажется, что вы еще недостаточно любите меня,— отвѣтила она. — А я хотѣла бы, чтобъ еще до свадьбы вы полюбили бы меня совсѣмъ, совсѣмъ, всѣми силами души...

— Но какъ вы можете сомнѣваться!—воскликнулъ Покромцевъ.—Вы знаете, что я давно люблю васъ.

— Да, я знаю, вѣрю... Но я хочу, чтобъ вы не только любили, чтобъ вы влюбились — слышите, до безумія, до потери воли и сознанія!

Покромцевъ напряженно улыбнулся.

— Если вы только этого ждете, то... мы могли бы завтра же вѣнчаться!—сказалъ онъ.

Лидія Михайловна посмотрѣла на него и засмѣялась.

Digitized by Google

— Какія мы глупости говоримъ... А вы забыли, что у васъ еще не всѣ драпировки повѣшены? И мое подвѣнечное платье тоже еще неготово.

— Вы не торопите портниху.

— Я хочу чтобъ сдѣлали не спѣша, какъ слѣдуетъ. Но вотъ что̀ гораздо важнѣе: мы еще не толковали, какъ мы устроимся послѣ свадьбы. Развѣ мы не предпримемъ маленькаго путешествія за границу?

— А вы желали бы? Я не имѣлъ этого въ виду, и потому такъ спѣшилъ съ отдѣлкой квартиры. Притомъ, теперь дѣла непремѣнно требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, гораздо удобнѣе было бы поѣхать за границу черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, на цѣлое лѣто, и такимъ образомъ отдѣлаться отъ петербургской дачи,—сказалъ Покромцевъ.

Онъ старался прочесть на ея лицѣ, какъ она приняла этотъ планъ. Но Лидія Михайловна слушала его почти разсѣянно.

— Для васъ такъ удобнѣе? Мнѣ вѣдь все равно, — сказала она.

Но затѣмъ она быстро взмахнула рѣсницами и обдала его взглядомъ, полнымъ такой затаенной ласки и такого неотразимаго обольщенія, что Покромцевъ конвульсивно потянулъ къ ней руки... Она отшатнулась на спинку кресла.

— Не все ли равно, въ сущности, гдѣ мы будемъ проводить нашъ первый мѣсяцъ?—продолжала она.—Вѣдь мы будемъ другъ для друга больше, чѣмъ все окружающее?

— Скажите, что̀ вы хотите, какъ вы хотите, и у меня не будетъ другихъ желаній, кромѣ вашихъ,—отвѣтилъ Покромцевъ.

Онъ никогда еще такъ не волновался, какъ сегодня; напряженные съ утра нервы и страдали, и плакали, и наслаждались. Это былъ тотъ пароксизмъ совершенно чувственной страсти, который въ самомъ дѣлѣ приводитъ къ потерѣ воли и сознанія.

Она оставалась неподвижна, съ запрокинутой головой, опущенными вѣками и полураскрытыми губами.

— Правда?—тихо спросила она сквозь стиснутые зубы.

— Вы сами знаете,—отвѣтилъ онъ, блѣднѣя.

Она глазами приказала ему, чтобъ онъ сѣлъ.

— Вы говорите, что квартира будетъ готова черезъ нѣсколько дней?—вдругъ спросила она.

— Да, къ воскресенью.

— Въ такомъ случаѣ... знаете что̀? Въ воскресенье я приду посмотрѣть ее...—неожиданно рѣшила она.—Я приду одна, съ мамой скучно.

Digitized by Google

Покромцевъ хотѣлъ упасть къ ея ногамъ; она быстро встала и, улыбаясь, перешла къ большому круглому столу, откуда эта часть гостиной была видна изъ слѣдующихъ комнатъ. Она часто такъ дѣлала, когда хотѣла напомнить Покромцеву, что они не одни въ домѣ.

XV.

Утромъ слѣдующаго дня Покромцевъ поѣхалъ на биржу въ довольно тревожномъ настроеніи. Еще до биржи, въ банкѣ, гдѣ онъ имѣлъ свой счетъ on call, его непріятно озадачили сообщеніемъ, что, въ виду паденія цѣнъ, правленіемъ сдѣлана новая переоцѣнка бумагъ, благодаря чему не только исчезъ его свободный остатокъ кредита, но оказалась еще значительная „недостача“. Эту недостачу банкъ любезно предлагалъ пополнить не торопясь, когда будетъ возможно, но въ пріемѣ новой партіи „европейско-азіатскаго“ банка рѣшительно отказалъ. Такимъ образомъ, все купленное вчера приходилось непремѣнно продать сегодня. А настроеніе предвидѣлось слабое, и Москва, шедшая столько времени на повышеніе, выслала вчера вечеромъ массу приказовъ на продажу.

Дурныя ожиданія оправдались. Биржа имѣла до крайности угнетенный, растерянный видъ. Продавцы каждую минуту спускали цѣны. Два-три спекулянта пробовали воспользоваться дешевизной, но при первомъ покушеніи на покупку они были до такой степени забросаны предложеніями, что должны были тотчасъ же остановиться. Цѣны продолжали валиться, при чемъ солидныя акціи страдали не меньше сомнительныхъ, такъ какъ ихъ все-таки легче было продать, и этимъ спѣшили пользоваться.

„Что же это такое? неужели начало конца“?— мысленно волновался Покромцевъ, подходя то къ одной группѣ, то къ другой. Еслибы онъ продалъ сейчасъ только то, что купилъ вчера, его капиталъ уменьшился бы болѣе чѣмъ на половину. Но онъ не вѣрилъ, чтобы положеніе было такъ безсмысленно-безнадежно. —„Нѣтъ, это не можетъ быть. Никакихъ серьезныхъ поводовъ къ краху не существуетъ. Завтра всѣ бросятся покупать по дешевымъ цѣнамъ, и картина разомъ измѣнится“.

Онъ разыскалъ Маври, который сегодня держался въ уголку, видимо не желая обращать на себя вниманіе.

— Какъ ваше мнѣніе, Ѳедоръ Христофоровичъ? Подождать или продавать?—спросилъ Покромцевъ.

Digitized by Google

„Король биржи", болѣе походившій теперь на свергнутаго узурпатора, поднялъ нахмуренныя брови.

— Разумѣется, надо ждать. Черезъ нѣсколько дней мы будемъ опять крѣпки,—произнесъ онъ.

— Вы думаете?

Маври не отвѣтилъ и обратился къ кому-то другому.

Этотъ разговоръ не успокоилъ, а только раздразнилъ Покромцева. Какая ему польза, если биржа поправится черезъ нѣсколько дней? Будь у него запасный капиталъ, онъ, конечно, рѣшился бы выжидать. Но ему надо было продать массу бумагъ сегодня же, чтобъ не оказаться неисправнымъ, и надо было облегчить свое депо въ банкѣ, чтобъ образовать резервъ. Иначе его бумаги могутъ продать экзекуціоннымъ способомъ, и на биржѣ распространится слухъ о его неисправности.

То блѣднѣя, то разгораясь, онъ ходилъ скорыми шагами по безконечному залу, кусая губы, машинально прислушиваясь къ выкрикиваемымъ цѣнамъ, и не умѣя ни на что рѣшиться. И вдругъ прозвонилъ колокольчикъ. Къ нему подскочили два маклера, черезъ которыхъ онъ вчера покупалъ „европейско-азіатскій" банкъ.

— Скажите пожалуйста, куда прислать? — спросилъ одинъ изъ нихъ, тогда какъ другой впился въ него глазами, ожидая отвѣта.

Покромцевъ постарался принять самоувѣренный видъ.

— Извините, я долженъ просить у васъ одинъ день льготы, —проговорилъ онъ.—У меня вышла путаница въ банкахъ. Пришлите, если возможно, послѣ-завтра. Завтра, здѣсь, я вамъ скажу, куда.

— Послѣ-завтра? Но только пожалуйста не позднѣе, намъ будетъ большая непріятность отъ кліентовъ,—сказалъ одинъ изъ маклеровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не позднѣе,—подтвердилъ Покромцевъ, направляясь къ выходу.

— А скажите пожалуйста, вы завтра навѣрное здѣсь будете? —полюбопытствовалъ, не отставая отъ него, другой маклеръ.

Покромцевъ поблѣднѣлъ. Чѣмъ-то оскорбительнымъ и вмѣстѣ зловѣщимъ прозвучалъ въ его ушахъ этотъ вопросъ.

— Буду, буду!—крикнулъ онъ, ускоряя шаги.

Съ биржи онъ поѣхалъ прямо въ контору Ѳомушкина. Тамъ еще никого не было изъ публики, и самъ управляющій только-что пріѣхалъ.

Digitized by Google

— Мнѣ надо съ вами переговорить, — обратился къ нему Покромцевъ.

Управляющій провелъ его въ маленькій кабинетикъ въ сторонѣ.

— Видите ли,—продолжалъ Покромцевъ,—я хотѣлъ бы расширить свои операціи, и съ этою цѣлью перевести все свое депо изъ банка въ вашу контору. Я, такимъ образомъ, выигралъ бы на разницѣ въ размѣрахъ ссудъ.

— Мы сами понижаемъ размѣры ссудъ,—возразилъ управляющій. — Между прочимъ, и въ вамъ заготовлено письмецо. Довнести по вашему счету слѣдуетъ.

Покромцеву съ трудомъ удалось сохранить спокойный видъ.

— Развѣ вы считаете положеніе дѣлъ такимъ натянутымъ?— спросилъ онъ.

— Цѣны очень упали. Вѣдь на ваши бумаги всего по десяти рублей на штуку обезпеченія осталось. Этакъ и оглянуться не успѣешь,—отвѣтилъ управляющій.

— Но если вы сдѣлаете то, что я предлагаю, у меня освободится болѣе чѣмъ достаточный капиталъ, и я внесу вамъ сколько потребуете.

— А у васъ тамъ какія бумаги?

Покромцевъ сталъ перечислять ихъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и разсчетовъ, управляющій согласился. Оказалось, что на счету въ банкѣ очистилось бы тысячъ пятнадцать, на которыя можно даже принять купленныя вчера „европейско-азіатскія“ акціи.

Покромцевъ успокоился и даже нашелъ свою идею геніальною. Послѣ судорожнаго страха, нагнаннаго на него съ утра, онъ снова почувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Выйдя изъ конторы, онъ думалъ уже не о дѣлахъ, а о томъ, что черезъ два дня будетъ показывать Лидіи Михайловнѣ прелестное гнѣздышко, приготовленное для ихъ любви.

XVI.

Французъ-обойщикъ сдержалъ слово, и въ субботу все было готово. Длинный весенній день (стоялъ конецъ апрѣля) робко глядѣлъ въ окна сквозь новыя драпировки, и въ этомъ мягкомъ свѣтѣ пропадала бившая въ глаза новизна обстановки, и все казалось окутаннымъ ласкающими полутонами.

Покромцевъ нѣсколько разъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія,

Digitized by Google

осмотрѣлъ каждую комнату. Въ гостиной красиво сливались два оттѣнка—свѣтло-голубой и сѣрый. Ихъ прорѣзывала бѣлая эмаль зеркальныхъ рамъ и нѣкоторой мебели. Рядомъ довольно большой будуаръ представлялъ оригинальное сочетаніе трехъ розовыхъ тоновъ — самаго темнаго, средняго и совершенно свѣтлаго. Въ спальной господствовалъ блѣдно-желтый цвѣтъ, дававшій впечатлѣніе дѣвственной свѣжести. Эти три комнаты, посвященныя будущей хозяйкѣ дома, Покромцевъ отдѣлалъ заново до послѣдняго гвоздика. Кабинетъ и столовую онъ сохранилъ въ прежнемъ видѣ, такъ какъ они были обставлены всего два года назадъ, и довольно солидно.

По мѣрѣ того, какъ Покромцевъ переходилъ изъ комнаты въ комнату, странное чувство закрадывалось ему въ душу. Онъ и горѣлъ отъ опьяненія страсти, и ощущалъ какой-то смутный и жуткій страхъ. Минутами, словно холодокъ пробѣгалъ по его нервамъ. Онъ робѣлъ передъ тѣмъ самымъ счастьемъ, которое такъ долго готовилъ, и которое было уже такъ близко. Ему начинало казаться, что онъ, въ сущности, очень мало знаетъ свою невѣсту. Что-то неотразимо влекущее, но и опасное, какъ обольщеніе, проникало ее всю. Какіе задатки семейнаго счастья открывались въ ея что-то таящей натурѣ? Онъ припоминалъ въ особенности послѣдній періодъ ихъ сближенія, эти долгіе вечера вдвоемъ въ уголкѣ плохо освѣщенной гостиной, и сознавалъ только одно—властительный соблазнъ ея дышащей какими-то тайными посулами красоты. И еще онъ сознавалъ, что этотъ соблазнъ дѣйствовалъ на него все раздражительнѣе, и что она чувствовала это, и какъ будто намѣренно стремилась къ этому. Вѣдь она сама сказала, что хочетъ выйти за него тогда, когда онъ будетъ влюбленъ въ нее до безумія, до потери сознанія...

И онъ понималъ, что уже безоруженъ передъ обольщеніемъ...

Ему хотѣлось завтра, здѣсь, гдѣ все оживетъ ея раздражающей красотой, приготовить ей какой-нибудь подарокъ. Онъ вспомнилъ, что m-me Гицъ звала его посмотрѣть ея жемчуга́, и поѣхалъ къ ней.

Ему тамъ очень обрадовались. Зинаида Яковлевна занимала еще все ту же квартиру, какъ при мужѣ, не зная хорошенько, чѣмъ заплатитъ за слѣдующую треть. Квартира была велика для нея одной и дорога; но она считала свое положеніе еще неопредѣлившимся, ждала чего-то, и не умѣла ни на что рѣшиться.

— О мужѣ по прежнему нѣтъ никакихъ извѣстій? — освѣдомился Покромцевъ.

Digitized by Google

— Никакихъ. Скоро годъ уже, и ни писемъ, ни денегъ, ничего!—отвѣтила Зинаида Яковлевна, пожимая круглыми плечами, чуть открытыми широкимъ вырѣзомъ домашняго корсажа.

— Но, можетъ быть, съ нимъ что-нибудь случилось? Можетъ быть, его уже не существуетъ на свѣтѣ?—предположилъ Покромцевъ.—Вы бы справились какъ-нибудь.

— Я справлялась въ министерствѣ, его считаютъ на службѣ. Нѣсколько бумагъ было отъ него получено съ мѣста. А больше мнѣ ничего не могли тамъ сказать.

— Но сами-то вы писали къ нему?

— Конечно, писала. Сто разъ уже. Телеграммы съ уплаченнымъ отвѣтомъ посылала.

— И никакого отклика?

— Никакого!

Покромцевъ участливо взглянулъ на молодую женщину.

— Дѣйствительно, положеніе совсѣмъ невозможное, — сказалъ онъ.—А знаете что: попробуйте телеграфировать, что черезъ три дня выѣзжаете къ нему. Увидите, что онъ сейчасъ отвѣтитъ.

— Я ужъ думала объ этомъ. Но вѣдь отвѣтъ можно предвидѣть заранѣе.

— По крайней мѣрѣ знать будете.

Зинаида Яковлевна сжала обѣими руками виски.

— Ахъ, пусть ужъ лучше я ничего не знаю,—проговорила она капризно.

Настало минутное молчаніе. Покромцевъ попросилъ позволенія курить, досталъ портсигаръ и зажегъ папиросу.

— Вотъ нынѣшніе браки!—заговорила снова Зинаида Яковлевна. — Женится человѣкъ, не зная почему и зачѣмъ, скорѣе всего просто потому, что захотѣлось перемѣны, или барышня очень понравилась, а потомъ черезъ два-три года надоѣло это все, взялъ да и уѣхалъ, и дѣлу конецъ. И словно никогда и не было ничего, словно онъ имѣетъ полное право такъ сдѣлать...

— Но вѣдь и наоборотъ тоже бываетъ,—возразилъ Покромцевъ.—Выйдетъ барышня замужъ неизвѣстно зачѣмъ, просто потому, что нельзя же въ старыхъ дѣвахъ остаться, да и свободы попробовать хочется, а потомъ найдетъ, что мужъ неинтересный человѣкъ и денегъ въ домѣ мало, да и сбѣжитъ съ кѣмъ-нибудь.

— Всѣ хороши, всѣ!—произнесла Зинаида Яковлевна, прижимая руки къ горячимъ глазамъ.—Но мужчина, котораго бросаютъ, по крайней мѣрѣ не остается безъ средствъ, и можетъ утѣшиться, не жертвуя своимъ положеніемъ, своей репутаціей...

Digitized by Google

XVII.

Покромцеву хотѣлось перемѣнить разговоръ. Онъ искренно жалѣлъ Зинаиду Яковлевну, но къ чему было бы растравлять горе, въ которомъ онъ не могъ помочь ей?

— Вы мнѣ говорили о какихъ-то жемчугахъ, которые желали бы сбыть?—напомнилъ онъ.

Зинаида Яковлевна обмахнула лицо платкомъ, вышла въ другую комнату, и черезъ минуту принесла оттуда нѣсколько футляровъ, съ трудомъ придерживая ихъ у груди обѣими руками.

Вещи оказались, дѣйствительно, недурныя. Особенно одна крупная жемчужина, прелестнаго розоватаго отлива, посаженная на узенькій ободокъ, очень понравилась Покромцеву. Такой подарокъ очень кстати было бы поднести завтра Лидіи Михайловнѣ.

— За сколько вы отдаете этотъ портбонёръ?—спросилъ онъ.

— За него было заплачено восемьсотъ, но я охотно отдала бы за пятьсотъ, объявила Зинаида Яковлевна, и на рѣсницахъ ея закруглились слезы, почти такія же крупныя, какъ эта жемчужина.

Покромцевъ тотчасъ согласился и отдалъ деньги. Видъ глянцовитыхъ радужныхъ бумажекъ произвелъ на Зинаиду Яковлевну успокаивающее впечатлѣніе. Она сразу повеселѣла, приказала подать кофе; къ ней вернулась обычная кокетливость молодой, хорошенькой женщины, привыкшей нравиться.

— Ну, такъ вы, серьезно, женитесь? когда свадьба?—спросила она.

— Еще не рѣшено,—отвѣтилъ Покромцевъ.

— Какъ это все тянется у васъ! Я вѣнчалась черезъ недѣлю послѣ помолвки.

„Зато и не надолго“, — подумалъ Покромцевъ, но ничего не сказалъ.

— Разскажите что-нибудь про вашу невѣсту, — продолжала интересоваться Зинаида Яковлевна. — Хорошенькая она? очень?

— По моему, очень.

— Брюнетка, или блондинка?

— Темная „шатенка“.

— Высокая, маленькая?

— Выше средняго роста.

— Но въ какомъ родѣ? какой типъ? на кого она похожа?

— Право, не знаю, какъ вамъ опредѣлить. Тутъ была фран-

Digitized by Google

цузская актриса, Лина Ментъ; но та не молодая и не красивая; а что-то общее между ними есть. Представьте себѣ Лину Ментъ молоденькою и съ правильными чертами лица—вотъ въ такомъ родѣ.

— Это должна быть очень интересная наружность. И вы по-уши влюблены въ нее? Съ ума сходите? — продолжала Зинаида Яковлевна.

— Влюбленъ, конечно.

Молодая женщина взглянула на него какъ будто завидующими глазами, и незамѣтно вздохнула.

— Чтожъ, дай Богъ вамъ долгаго счастья,—произнесла она съ оттѣнкомъ эгоистической печали. — Но скажите, кто же это такая? Или это все еще секретъ?

— Мы еще не объявлены женихомъ и невѣстой, поэтому я никому ничего не говорю,—отвѣтилъ Покромцевъ.—Но многіе уже узнали, и если желаете, я вамъ назову ее. Фамилія ея — Казатинова.

Зинаида Яковлевна быстро повернулась къ нему. Отраженіе внезапнаго удивленія пробѣжало по ея лицу.

— Какъ вы сказали? Казатинова? У нея отецъ генералъ?— переспросила она.

— Да.

Удивленіе смѣшалось въ глазахъ Зинаиды Яковлевны любопытствомъ. Она точно хотѣла хорошенько разсмотрѣть Покромцева.

— Вы женитесь на Лидіи Казатиновой? — еще разъ переспросила она.

— Вы ее знаете? встрѣчали гдѣ-нибудь? — отвѣтилъ вопросами Покромцевъ.

— Нѣтъ, я ее не знаю... Фамилія только мнѣ знакомая. Вѣроятно, когда-нибудь слышала; можетъ быть, кто-нибудь говорилъ о ней...—объяснила Зинаида Яковлевна.

Въ ея тонѣ какъ будто чувствовалось какое-то замѣшательство. Покромцевъ взглянулъ на нее съ невольною подозрительностью.

— Но почему васъ словно удивило, что именно m-lle Казатинова—моя невѣста?—спросилъ онъ.

— Нисколько не удивило; просто — знакомая фамилія. Не припомню теперь, но навѣрное кто-нибудь говорилъ о ней, — отвѣтила m-me Гицъ.

— И не можете припомнить, что̀ именно вамъ говорили о ней?—принудилъ себя спросить Покромцевъ.

Digitized by Google

— О, нѣтъ, гдѣ же это помнить!—произнесла Зинаида Яковлевна, и перемѣнила разговоръ.

Но она продолжала исподтишка, сбоку взглядывать на Покромцева любопытными глазами, какъ будто онъ сталъ особенно интересовать ее съ той минуты, когда объяснилось, что онъ женится на Лидіи Казатиновой.

Покромцевъ вскорѣ вспомнилъ, что у него еще много дѣла, и взялся за шляпу.

— А скажите, вы давно знакомы съ вашей невѣстой?—спросила Зинаида Яковлевна, провожая его.

— Два года уже.

Молодая женщина какъ-то улыбнулась глазами, и ничего не сказала. Она только напомнила, что у нея есть брилліанты въ ломбардѣ, и просила заѣхать къ ней переговорить, если ему что-нибудь такое понадобится.

XVIII.

Въ конторѣ Ѳомушкина, куда Покромцевъ заѣхалъ прямо отъ Зинаиды Яковлевны, его ожидала непріятная новость: биржа снова ослабѣла, а въ послѣ-биржевое время обнаружилось даже что-то въ родѣ переполоха. Какими-то путями проникло извѣстіе, что завтра будетъ оказано компетентное давленіе на повышательную агитацію, и что надо ожидать быстраго паденія цѣнъ. Толпа маклеровъ и мелкихъ спекулянтовъ шныряла по панели, двери конторы поминутно хлопали. Управляющій имѣлъ озабоченный видъ и обращался съ посѣтителями чрезвычайно сухо, даже съ какою-то злобною язвительностью. „А-га, попались, голубчики“!—словно говорило его напряженно-осклаблявшееся лицо.

— Увидимъ-съ, увидимъ-съ, что завтрашній день покажетъ,— отозвался онъ на вопросъ Покромцева. — Обезпеченіе у васъ крайне недостаточное, крайне! Если позволите посовѣтовать, лучше всего было бы сегодня же тысячъ десять довнести... А то вѣдь, сами посудите: какъ повалитъ все, не успѣешь и обернуться.

— Откуда я сегодня возьму вамъ десять тысячъ? Я въ карманѣ не ношу такихъ денегъ, — съ неудовольствіемъ возразилъ Покромцевъ.

— Надо бы, господинъ Покромцевъ, безъ шутокъ надо бы: мы и письмецо къ вамъ заготовили,—продолжалъ управляющій.

— Вы бы постыдились переполохъ подымать; вѣдь вы на

Digitized by Google

руку понижателямъ дѣйствуете! — сь сердцемъ сказалъ Покромцевъ, и вышелъ изъ конторы.

Въ сущности, впрочемъ, онъ былъ мало встревоженъ положеніемъ дѣлъ; онъ уже обтерпѣлся немножко, и видѣлъ, что, при энергіи и находчивости, всегда можно выпутаться изъ затрудненія. Его не смутило даже и то, что встрѣтившійся ему Пущевъ, въ отвѣтъ на его жалобу по поводу притязательности конторы Ѳомушкина, отвѣтилъ совершенно спокойно:

— А вы, дѣйствительно, лучше внесите имъ тысячъ десять или двадцать, а то вѣдь они, разбойники, возьмутъ да и продадутъ ваши бумаги.

Резонно, только откуда же ему взять эти десять-двадцать тысячъ? Но Покромцеву было даже пріятно, что Пущевъ считалъ его капиталистомъ, во всякое время располагающимъ фондами. А продать его бумаги они не посмѣютъ, онъ былъ въ этомъ почти увѣренъ. Съ такими кліентами, какъ онъ, не распоряжаются безцеремонно.

Но главное, онъ былъ совсѣмъ не расположенъ думать сегодня о какихъ бы то ни было дѣлахъ. Онъ былъ весь наполненъ ожиданіемъ завтрашняго посѣщенія Лидіи Михайловны. Это ожиданіе жуткой и блаженной дрожью пробѣгало по его нервамъ, застилая все какимъ-то завораживающимъ туманомъ...

Проходя мимо широкаго зеркальнаго стекла, за которымъ были выставлены великолѣпныя темно-красныя и желтыя розы, сирень и гіацинты, онъ зашелъ въ магазинъ и велѣлъ прислать завтра утромъ невѣроятное количество цвѣтущихъ растеній. Ему хотѣлось, чтобы завтра его квартира походила на уголокъ рая...

И дѣйствительно, когда на другой день всѣ углы, всѣ промежутки между мебелью и стѣнами были густо заставлены зеленью и цвѣтами, Покромцевъ не могъ не подумать, что нельзя было бы принять Лидію Михайловну въ болѣе очаровательной обстановкѣ. Здѣсь все говорило о его безграничномъ вниманіи, заботливости и вкусѣ, и должно было произвести самое выгодное впечатлѣніе.

Въ столовой онъ самъ присмотрѣлъ, какъ все было приготовлено. На бѣлоснѣжной скатерти возвышались вазы съ фруктами, конфектами, бисквитами, красовался tête-à-tête для кофе, блистали серебряные bouloir и кострюлька для шоколада, благоухала клумба гіацинтовъ въ бронзовой корзинкѣ.

День, какъ нарочно, выдался тихій, солнечный; погода не могла помѣшать Лидіи Михайловнѣ.

Digitized by Google

XIX.

Было около двухъ часовъ, когда въ передней раздался звонокъ. Покромцевъ не хотѣлъ отпереть самъ: это походило бы на какое-то секретное свиданіе. Онъ пропустилъ впередъ слугу, и вышелъ встрѣтить Лидію Михайловну, когда она уже сбрасывала съ плечъ свой опушенный перьями колетъ.

Она пришла пѣшкомъ, немножко разгорѣвшаяся отъ ходьбы, съ раскраснѣвшимися губами и чуть примѣтнымъ налетомъ перваго загара. Отъ всего существа ея вѣяло проникающею свѣжестью весенняго воздуха.

— Только скажите мнѣ сейчасъ же, если что-нибудь вамъ не понравится, или если придумаете сдѣлать лучше,—просилъ Покромцевъ, вводя ее въ гостиную.

Но на лицѣ Лидіи Михайловны, напротивъ, отразилось восхищенье. Она видимо не ожидала, чтобъ все было такъ красиво и нарядно.

— Я вижу, что вы хотите сразу избаловать меня...—говорила она, осматриваясь и втягивая тонкими ноздрями раздражающій запахъ розъ.—Это такъ мило, какъ въ волшебной сказкѣ.

Она остановилась предъ широкимъ простѣночнымъ зеркаломъ и, поднявъ руки, принялась медленно откалывать шляпу. Покромцевъ бережно перенесъ эту шляпу на рояль.

— Теперь пойдемте дальше,—предложилъ онъ.—Вотъ вашъ будуаръ. Я рискнулъ сдѣлать его весь розовый, потому что розовый цвѣтъ удивительно идетъ къ вамъ.

— Мегсі, это все прелестно,—благодарила Лидія Михайловна, и наклонившись надъ пышнымъ кустомъ сирени, погрузила лицо въ пахучую блѣдно-лиловую массу только-что распустившихся вѣтокъ.

Покромцевъ сорвалъ одну изъ нихъ и попросилъ позволенія приколоть ее къ корсажу. Пальцы его немножко дрожали, и Лидія Михайловна, слѣдя за его усиліями, должна была такъ низко наклонить голову, что ея волосы касались его лица.

Предъ широкой итальянской портьерой, отдѣлявшей будуаръ отъ спальной, она остановилась въ нерѣшительности.

— Бросьте пожалуйста взглядъ на эту комнату,—попросилъ Покромцевъ, и прошелъ впередъ.

Она подвинулась за нимъ. Глаза ея совсѣмъ сощурились, начинавшія разгораться щеки чуть-чуть поблѣднѣли.

— Какой чудный коверъ!—сказала она, наклонивъ голову

Digitized by Google

и проводя кончикомъ ботинки по пушистому ворсу.—А гдѣ же вашъ кабинетъ?—поспѣшно напомнила она, и повернула назадъ.

Въ кабинетъ надо было проходить черезъ будуаръ и гостиную.

— Вы вѣдь не будете прогонять меня отсюда?—спрашивала, улыбаясь, Лидія Михайловна.—Сколько у васъ тутъ бумагъ! Это все дѣловыя, неинтересныя?

Она подошла къ письменному столу и провела пальчикомъ по кипамъ въ порядкѣ разложенныхъ бланковъ.

— А какіе-нибудь секреты у васъ есть здѣсь?—продолжала она, постучавъ косточками пальцевъ по ящикамъ бюро.—Женскіе портреты? письма? Совѣтую вамъ хорошенько запирать ихъ; я не люблю никакихъ слѣдовъ прошлаго...

— Въ моемъ прошломъ не было ничего серьезнаго,—отвѣтилъ Покромцевъ.

— Да?—недовѣрчиво прищурилась на него Лидія Михайловна.—Все равно, я совѣтую вамъ истребить всякія воспоминанія. Вѣдь когда люди вступаютъ въ бракъ, прошлое не должно существовать для нихъ? Не правда ли?

У нея было такое выраженіе лица, какъ будто она ждала отвѣта.

— Въ новой любви всегда конецъ всему прошлому,—сказалъ Покромцевъ.—Но я могу повторить, что у меня до сихъ поръ никогда не было ничего серьезнаго. Если сохранились какія-нибудь фотографіи, записочки, я сегодня же все это переберу и уничтожу.

— А раньше вы не догадались это сдѣлать?

— Потому что не придавалъ этому никакого значенія.

— Вы не предполагали, что я могу быть ревнива?

— О, только не къ прошлому...

— Вы согласны, что ревновать къ прошлому—безсмысленно?

— Я говорю, что всѣ мои прежніе романы ничего не стоютъ. А у дѣвушки какое же можетъ быть прошлое?

Лидія Михайловна быстро вскинула на него рѣсницами. Неуловимое, загадочное выраженіе налетѣло на ея лицо, и щеки какъ будто опять немножко поблѣднѣли.

— Мы съ вами молоды, и для насъ должно существовать только будущее...—проговорила она тѣмъ волнующимъ, грудным тономъ, который всегда, словно отрава, съ непонятною властью пробѣгалъ по его нервамъ.

Покромцевъ вспомнилъ о приготовленномъ подаркѣ, вынулъ его изъ бюро и подалъ ей.

— Какъ вы догадались, что я больше всего люблю такой

Digitized by Google

жемчугъ?—радостно изумилась Лидія Михайловна.—Mercі, mercі; ничего лучшаго вы не могли бы найти для меня. Надѣньте мнѣ, пожалуйста, сами.

И она протянула ему руку. Покромцеву съ трудомъ удалось защелкнуть замочекъ браслета. Онъ тяжело дышалъ, и когда поднялъ голову, отъ лица Лидіи Михайловны, неподвижнаго, блѣднаго, съ опущенными вѣками, съ медленно вылетавшимъ сквозь стиснутые зубы дыханіемъ, повѣяло на него такимъ неотразимымъ соблазномъ, что онъ почти безсознательно потянулся къ ней и приникъ губами къ ея полу-раскрытымъ губамъ.

Она отдала ему поцѣлуй и тихонько оттолкнула его.

XX.

Обзоръ квартиры закончился столовою. Покромцевъ предложилъ Лидіи Михайловнѣ присѣсть къ столу и хозяйничать.

— Хотите шоколаду, или кофе?—спросилъ онъ.

— Будемте пить кофе,—шоколадъ я не умѣю варить, придется у кого-нибудь поучиться,—отвѣтила она, улыбаясь.

— А знаете,—продолжала она, зажигая спиртовую лампу,—дома не подозрѣваютъ, что я пошла къ вамъ. Я скажу мамѣ, когда вернусь. А объявить раньше я не хотѣла—мама, пожалуй, нашла бы нужнымъ самой пойти со мною.

— Мамашу я буду просить на-дняхъ, если она такъ любезна... А сегодня вы отлично сдѣлали, что не сказали дома,—промолвилъ Покромцевъ.—Впрочемъ, вы должны всегда все отлично дѣлать, потому что вы и умная, и ловкая.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ. Вотъ, вы и кофе превосходно сварили...

Отъ дессерта Лидія Михайловна отказалась. Они перешли въ будуаръ, и Покромцевъ, усадивъ ее въ низенькое кресло, примостился подлѣ нея на табуреткѣ.

Онъ все больше и больше волновался. Ея близость, ея довѣріе, и это безпрестанное обращеніе къ будущему, сулившему такъ много счастья, и этотъ поцѣлуй, оставившій невыдохшуюся отраву въ его крови, кружили ему голову, опьяняли его.

— Лидія...—заговорилъ онъ почти съ трудомъ:—вы видите, у меня все готово. Для чего мы будемъ тянуть? Назначьте наконецъ день свадьбы.

У нея вѣки чуть примѣтно дрогнули, между бровями обозначились двѣ тонкія морщинки.

Digitized by Google

— Мнѣ тяжело ждать; да и зачѣмъ?—добавилъ Покромцевъ.

Она повернулась къ нему.

— Вы помните, почему я просила васъ не торопить меня?—молвила она.

Онъ смотрѣлъ вопросительно.

— Я обѣщала назначить день свадьбы тогда, когда вы будете совсѣмъ, совсѣмъ любить меня, такъ любить, какъ мнѣ нужно...—напомнила она.

— Но развѣ вы еще можете сомнѣваться?—воскликнулъ Покромцевъ.

— Я хочу такой любви,—продолжала она,—для которой не существуетъ ничего невозможнаго, которая не могла бы отступить ни передъ какимъ препятствіемъ...

— Но я и люблю васъ такою любовью,—проговорилъ, тяжело дыша, Покромцевъ, и схватилъ ея руку.

Она посмотрѣла на него раскрытыми, темными глазами, и положила другую руку ему на плечо.

— Вы увѣрены? вы не преувеличиваете своего чувства?

— Боже мой, развѣ мое чувство не ясно вамъ такъ же, какъ и мнѣ?

— Вы увѣрены, что ваша любовь не испугалась бы ни препятствій, ни предразсудковъ? — продолжала Лидія Михайловна, не сводя съ него завораживающаго, гипнотизирующаго взгляда.

— Какія препятствія? какіе предразсудки?—вскричалъ Покромцевъ.—Если вы намекаете на... на такъ называемую денежную сторону дѣла, то вѣдь вы знаете, что мнѣ ничего не надо...

Она вдругъ откинулась на спинку кресла и страдальчески вытянула на колѣняхъ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не объ этомъ препятствіи говорю...—произнесла она поблѣднѣвшими губами.

Покромцевъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Онъ не понималъ происшедшей въ ней перемѣны, но чувствовалъ, что ея волненіе передается ему, и на сердцѣ ощущается какое-то безпричинное страданіе.

— Ради Бога! что вы хотите сказать? Какое препятствіе?—потянулся онъ къ ней.

— Препятствіе—въ моемъ прошломъ!—выговорила она.

— Въ вашемъ прошломъ? вы любили кого-нибудь?—воскликнулъ обрывающимся голосомъ Покромцевъ.

— Ахъ, я не знаю даже. Любила? Да... Нѣтъ, нѣтъ, это не любовь. Я не знаю...—отвѣтила, блѣднѣя, Лидія Михайловна.

Digitized by Google

— Но вѣдь это было... нѣсколько лѣтъ назадъ? Это прошло?

— Прошло? Да, конечно, это прошло...

Она тяжело дышала, глаза ея не глядѣли на него.

Покромцевъ внутренно весь похолодѣлъ, лицо его измѣнилось, въ расширенныхъ зрачкахъ появилось какое-то неподвижно-безпокойное выраженіе.

— Лидія Михайловна, если вы начали... если вы нашли нужнымъ... говорите все!—промолвилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Не заставляйте, не требуйте! Вы поняли!—отвѣтила она, страдальчески стискивая руки.

Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось мертвенно тихо. Они оба какъ будто перестали дышать, и напряженными, помутившимися глазами глядѣли другъ на друга. Минута за минутой уходила, а ни онъ, ни она не прерывали молчанія.

Лидія Михайловна, наконецъ, сдѣлала надъ собой усиліе, выпрямилась, оперлась локтями на низенькіе бока кресла.

— Вы видите, я была права, въ вашей любви нѣтъ силы простить...—проговорила она съ холодной тоской.

XXI.

Покромцевъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру. Грудь его глубоко вздохнула, вобравъ въ себя столько воздуха, сколько могла вмѣстить. Туманъ, какой-то горячій туманъ застилалъ ему голову. Онъ почти не думалъ, у него не было мыслей. Только воображеніе страшно работало, съ неимовѣрною быстротою вызывая мѣняющіяся представленія. И во всѣхъ этихъ отвратительныхъ галлюцинаціяхъ онъ неотступно видѣлъ ее, эту падшую дѣвушку, и чьи-то беззаконныя объятія простирались къ ней, и она то улыбалась въ безсознательномъ опьяненіи страсти, то плакала слезами стыда и жгучей муки...

Онъ, наконецъ, остановился подлѣ нея, машинально опустился на табуретъ, и проговорилъ тихо:

— Разскажите... если можете...

Лидія Михайловна бросила ему почти благодарный взглядъ.

— Хорошо, я разскажу вамъ,—начала она.—Я затѣмъ и пришла сюда, чтобы разсказать. Дома, можетъ быть, я не могла бы. Я вѣдь нарочно тянула время, не хотѣла, чтобъ ваше сватовство сдѣлалось извѣстнымъ. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ за вами сохраняется какой-то призракъ свободы.

Digitized by Google

— Вы тянули, чтобы безвозвратно влюбить меня въ себя!— невольно, почти со злобою, вырвалось у Покромцева.

Лидія Михайловна взглянула на него глазами жертвы, которую хотятъ добить.

— Да, у меня была цѣль испытать, можете ли вы такъ любить меня, чтобы забыть....—проговорила она.

— Забыть!—опять вырвалось тѣмъ же тономъ у Покромцева.

— Что же мнѣ было дѣлать? Я не могла прямо, съ перваго слова отказать вамъ. Вспомните, мы встрѣчались уже два года, я привыкла отличать васъ отъ другихъ. Понемногу, день за днемъ, я дала увлечь себя смутной надеждѣ... на которую, я теперь понимаю, было слишкомъ смѣло разсчитывать...

— Довольно, не будемъ говорить обо мнѣ. Я хочу знать о томъ... о другомъ...—съ чувствомъ разгорающейся злобы прервалъ ее Покромцевъ.

Лидія Михайловна подняла руки и сдавила виски.

— Да, вы узнаете. Вы теперь должны все знать. Боже мой, у меня мысли путаются, я не знаю съ чего начать...—проговорила она.

— Когда это было?—строго спросилъ Покромцевъ.

— Болѣе двухъ лѣтъ назадъ; незадолго до нашего знакомства.

— А-а!—злобно вырвалось изъ его груди.—И кто же это?

— Я не назову его. Его здѣсь нѣтъ, вы никогда о немъ не услышите. Все это произошло такъ быстро, что не было труда сохранить тайну.

— Вы ошибаетесь! Ваша тайна извѣстна!—вскричалъ Покромцевъ.

Онъ вдругъ вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Зинаидой Яковлевной Гицъ, ея изумленіе, ея недосказанные намеки. Теперь ясно, къ чему они относились.

И онъ чувствовалъ, что какой-то мучительной огонь начинаетъ жечь ему сердце.

Лидія Михайловна съ испуганнымъ удивленіемъ взглянула на него.

— Моя тайна извѣстна? Вы о ней слышали?—воскликнула она.

— Да, слышалъ. Но я былъ такъ далекъ отъ подозрѣній, что не понялъ намековъ.

— Но кто, кто могъ намекать вамъ?

— Это все равно. Я прошу васъ продолжать.

Лидія Михайловна обмахнула глаза батистовымъ платкомъ.

— Его здѣсь нѣтъ, и я увѣрена, что никогда не встрѣчусь

Digitized by Google

съ нимъ,—заговорила она опять.—Это уже не молодой человѣкъ, ему лѣтъ сорокъ-пять. Встрѣтясь съ нимъ, я какъ-то разомъ почувствовала его власть надо мною. Чѣмъ это объяснить? Онъ былъ уменъ, дьявольски уменъ, изящно уменъ. Красивъ онъ или нѣтъ, я не знаю, не умѣю сказать—у меня при взглядѣ на него какъ-то исчезали всѣ обыкновенныя представленія о красотѣ. Если изящество, благородное изящество, проникающее все существо человѣка, можетъ считаться красотою, то онъ былъ красивѣе всѣхъ. Онъ сталъ ухаживать за мною, настойчиво, неотступно. Это наполняло меня какимъ-то непонятнымъ блаженствомъ, отнимало волю. Не прошло двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ вырвалъ у меня признаніе. Онъ сдѣлалъ видъ, будто не вѣритъ мнѣ; въ его обращеніи со мною появилась какая-то иронія, раздражавшая меня, сводившая съ ума. Разъ онъ совершенно серьезно предупредилъ меня, что онъ не женихъ, и никогда ни на комъ не женится. Тогда... должно быть, я тогда въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума. Его ироническое предупрежденіе, его недовѣріе, довели меня до безумія. И злость меня душила, какъ онъ смѣетъ думать, будто я ловлю въ немъ жениха, и... я не знаю, что еще я тогда чувствовала. Мнѣ былъ извѣстенъ его адресъ. Я пошла къ нему, застала его дома... Вотъ какъ все случилось.

Лидія Михайловна замолчала. Лицо ея было почти мертвенно, вокругъ горящихъ глазъ обозначились темные круги. А у Покромцева все болѣе, все мучительнѣе жгло на сердцѣ...

— А дальше?—произнесъ онъ глухо.

— Дальше? А дальше, когда все было уже потеряно, вдругъ ко мнѣ вернулась способность управлять собою, вернулась воля,—объяснила Лидія Михайловна.—Онъ сдѣлался почти ненавистенъ мнѣ. Я сказала ему, что больше мы никогда не увидимся. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, далеко отсюда.

XXII.

Покромцевъ не глядѣлъ на нее, его глаза были злобно и тоскливо устремлены на одну точку. Прошло опять нѣсколько минутъ, и никто изъ нихъ не былъ въ силахъ прервать молчаніе. Наконецъ, Покромцевъ сказалъ, не подымая головы, не перемѣняя положенія:

— Онъ долженъ былъ жениться на васъ.

Digitized by Google

— О, никогда. Никогда я не согласилась бы!—воскликнула Лидія Михайловна.

И оба опять замолкли.

Отъ множества цвѣтовъ воздухъ становился удушливымъ. У Покромцева стучало въ вискахъ, а сердце—то вдругъ переставало биться, то судорожно вздрагивало. Ему хотѣлось бѣжать, бѣжать отсюда, и дѣлалось больно при мысли о бѣгствѣ...

— Но то была любовь, безумная и низкая, но любовь...—вдругъ сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на только-что выслушанную исповѣдь.

— Не знаю... Нѣтъ, нѣтъ, любви тутъ не было,—глухо отвѣтила Лидія Михайловна.

Покромцевъ всталъ и принялся опять медленно, тяжело ходить по ковру. Потомъ сѣлъ далеко отъ нея и проговорилъ съ вернувшейся къ нему злобой:

— Какъ вы могли ждать! Какъ вы могли не объясниться раньше!

Лидія Михайловна не отвѣчала. Она словно застыла въ своей неподвижной позѣ; только зрачки ея все темнѣли, и темнѣло какъ будто все лицо... Но затѣмъ она осилила себя, поднялась неспѣшно и спокойно, и не приближаясь къ нему, сказала твердо зазвучавшимъ голосомъ:

— Почему не раньше, а теперь... оставимъ объ этомъ. Я не хотѣла васъ обманывать, и потому открылась вамъ. И мнѣ легче перенести ваше презрѣніе, чѣмъ обмануть.

Она прошла въ гостиную, взяла съ рояля шляпу и стала надѣвать ее передъ зеркаломъ. Покромцеву не было ея видно съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Онъ поднялся и остановился между портьерами, тяжело дыша и слѣдя страннымъ, злобно-разгоравшимся взглядомъ за мѣнявшимися линіями ея поднятыхъ рукъ, за чуть примѣтными движеніями ея медленно колебавшагося стана. А сердце сжималось все съ тою же томительною болью...

Вотъ она воткнула въ шляпу длинную золотую шпильку, поправила вуалетку и повернулась. Еще нѣсколько мгновеній—и этотъ тонкій станъ, это неотразимо влекущее лицо, эта красота, полная непонятнаго обольщенія—исчезнетъ навсегда, навсегда...

Покромцеву хотѣлось броситься на нее... и онъ не зналъ, зачѣмъ: чтобъ задушить ее собственными руками, или сжать въ безумныхъ объятіяхъ страсти...

Лидія Михайловна взглянула на него, не перемѣняя положенія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней.

Digitized by Google

— Что же теперь будетъ? — съ усиліемъ проговорилъ онъ.

Она чуть примѣтно пожала плечами.

— Вы понимаете, что вы совершенно свободны,—отвѣтила она.

Покромцевъ ступилъ еще два шага, и, какъ раздавленный, опустился на стоявшую посреди комнаты кушетку.

— Лидія, я не могу... не могу ничего рѣшить...—проговорилъ онъ, закрывая лицо руками.—Уйдите... добавилъ онъ сейчасъ же.—Дайте мнѣ опомниться, придти въ себя. Мнѣ нужно время. Завтра, послѣ-завтра, я въ состояніи буду рѣшить. Я напишу вамъ.

— Хорошо,—сказала она, и тихо прошла мимо него.

Онъ всталъ, проводилъ ее въ переднюю, подалъ колетъ. Они не глядѣли другъ на друга.

Уже передъ самою дверью, гдѣ было почти темно, она остановилась и протянула ему руку, на которую еще не успѣла надѣть перчатку.

— Итакъ, или прощайте, или до свиданія,—проговорила она, и быстро вышла.

Покромцевъ машинально заперъ дверь и машинально побрелъ черезъ пріемныя комнаты. Въ будуарѣ его опущенные глаза увидѣли на коврѣ забытый ею батистовый платокъ. Онъ поднялъ его; слабый запахъ ея всегдашнихъ духовъ повѣялъ на него. Онъ прижалъ къ лицу этотъ платокъ, и почувствовалъ на немъ слѣды еще невысохшихъ слезъ. И у него тоже выступили на рѣсницахъ слезы, и онъ обмахнулъ ихъ тѣмъ же кусочкомъ батиста...

Въ кабинетѣ ему бросился въ глаза пакетъ съ бланкомъ конторы Ѳомушкина, положенный на письменный столъ въ то время, когда онъ находился съ Лидіей Михайловной въ будуарѣ. Покромцевъ съ трудомъ разорвалъ его дрожавшими пальцами. Въ письмѣ заключалось формальное требованіе внести не позднѣе слѣдующаго дня весьма крупную сумму, съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ бумаги изъ его депо будутъ проданы.

Строки эти тупо втѣснились въ сознаніе Покромцева. Ему въ эти минуты какъ будто все равно было...

XXIII.

Когда на другой день, послѣ мучительной безсонной ночи, Покромцевъ пріѣхалъ на биржу, онъ по одному взгляду на растерянныя, блѣдныя или налившіяся кровью лица посѣтителей

Digitized by Google

могъ догадаться, что происходитъ нѣчто въ родѣ краха. Дѣйствительно, цѣны валились съ быстротою. Покупатели почти исчезли. Никого изъ знакомыхъ капиталистовъ Покромцевъ сегодня не встрѣтилъ; только одинъ Маври появлялся иногда въ той или другой группѣ, и его угрюмое лицо казалось совсѣмъ сѣрымъ.

— Что же это? крахъ?—обратился къ нему Покромцевъ.

— Очень слабо, очень,—отвѣчалъ тотъ, сдвигая пушистыя брови.

Маклеры и „зайцы“ оторопѣло бѣгали, выкрикивая все понижавшіяся цѣны. Кто-то ревѣлъ словно изъ разорванной гортани:

— „Всеобщія“ отдаю пять съ половиной!

А рядомъ ихъ брали по девяти... И когда къ нему обратились, то выяснилось, что у него было только двадцать-пять штукъ.

Покромцевъ бродилъ по залу съ такимъ чувствомъ, какъ будто на него столбнякъ нашелъ. Никогда не испытанная имъ раньше апатія овладѣла имъ, въ головѣ не было ни одной мысли. Что-то такое надо было сдѣлать, обсудить и рѣшить, но онъ ничего не могъ. И все сильнѣе ощущался какой-то странный внутренній холодъ, такъ что онъ даже поёживался.

Онъ оставилъ биржу раньше звонка, и поѣхалъ прямо домой. Сегодня, какъ на смѣхъ, ему въ первый разъ подали собственную коляску, и застоявшіяся лошади мчали его бѣшеной рысью.

„Какъ глупо... какъ все глупо“! — повторялъ онъ безсознательно.

И во весь остатокъ дня его преслѣдовала все та же тупая апатія. Онъ пробовалъ присѣсть къ столу, чтобы подвести, съ карандашомъ въ рукѣ, биржевые итоги, но нѣсколько минутъ работы выяснили ему только, что онъ потерялъ все, рѣшительно все. Можетъ быть даже контора Ѳомушкина потерпитъ убытокъ по его счету. А у него ничего, совсѣмъ ничего, онъ „прогорѣлъ“. И затѣмъ, онъ почувствовалъ такую усталость, что его потянуло прилечь. Понемногу на него нашла дремота, безсвязныя мысли окончательно смѣшались, и онъ пролежалъ неподвижно нѣсколько часовъ.

Обѣдать онъ никуда не поѣхалъ, а велѣлъ только подать себѣ чаю. Лакей поглядывалъ на него подозрительно.

„Надо бы, кажется, послать за докторомъ; должно быть, я сильно простудился“,—думалъ Покромцевъ, ощущая жаръ и тупую ломоту во всемъ тѣлѣ.

Въ кабинетъ доносился изъ другихъ комнатъ одуряющій запахъ цвѣтовъ. За сутки этотъ запахъ такъ усилился, что отъ

Digitized by Google

него кружилась голова. Покромцевъ, наконецъ замѣтилъ это, и позвонилъ.

— Надо убрать все это куда-нибудь въ одно мѣсто,—приказалъ онъ явившемуся на зовъ лакею.

— Что прикажете убрать?—переспросилъ тотъ, не понявъ.

— Зачѣмъ они остались? Они не должны тамъ быть. Я отъ нихъ захворать могу,—подтвердилъ уже явно заплетающимся языкомъ Покромцевъ.

— Цвѣты-съ?—догадался лакей.

— Да, цвѣты. Цвѣтущія дѣвушки... Розы... Ихъ тамъ слишкомъ много... Я не могу по сегодняшней цѣнѣ ихъ отдать... Экій ты, братецъ, какой непонятливый!—объяснялъ Покромцевъ.

Лакей перепугался, бросился въ аптеку, взялъ тамъ нѣсколько адресовъ и пустился разыскивать врача.

Покромцевъ, между тѣмъ, снова прилегъ на диванъ и закрылъ глаза.

Докторъ, наконецъ, явился, и осмотрѣвъ больного, сталъ распоряжаться. Онъ приказалъ вынести изъ спальной цвѣтущія растенія, освѣжить воздухъ и уложить больного въ постель. Затѣмъ написалъ нѣсколько рецептовъ, и объяснивъ лакею, какъ давать лекарство, сказалъ, что необходимо сейчасъ же достать сидѣлку или фельдшерицу.

— Ночью, часовъ въ двѣнадцать, я опять заѣду,—добавилъ онъ, напяливая пальто.—Да нѣтъ ли у твоего барина кого-нибудь изъ родныхъ, или вообще близкихъ лицъ? А то вѣдь онъ, можетъ быть, не скоро въ сознаніе придетъ...

Докторъ не ошибся: у Покромцева открылась нервная горячка. Онъ лежалъ безъ памяти въ своей роскошной спальной новобрачнаго, подъ убранномъ кружевами пологомъ, въ мягкомъ полусвѣтѣ весеннихъ дней и бѣлыхъ ночей, и вокругъ него царила гнетущая тишина какой-то странной полуобитаемости, заброшенности и одиночества...

Въ первые дни къ нему въ квартиру безпрестанно звонили разныя незнакомыя лица, настойчиво добивавшіяся свиданія „по дѣлу“; потомъ заѣхалъ какъ-то Молокановъ, подробно разспросилъ обо всемъ лакея, прошелся, сопя, по гостиной и будуару, попробовалъ рукой, мягко ли обита мебель, заглянулъ въ спальную, сдѣлалъ значительную мину при видѣ ея убранства, посмотрѣлъ равнодушно-любопытнымъ взглядомъ на лежавшаго въ забытьѣ хозяина—и уѣхалъ. Потомъ никто больше не являлся.

Digitized by Google

XXIV.

Стояли уже первые дни мая, когда Покромцевъ пришелъ въ себя. Погода рѣзко перемѣнилась, небо было хмуро, по цѣлымъ часамъ хлесталъ порывистый дождь. Ладожскій ледъ шелъ полнымъ ходомъ.

Наступилъ медленный процессъ выздоровленія.

Когда сознаніе Покромцева настолько прояснилось, что всѣ событія и обстоятельства, предшествовавшія болѣзни, стали отчетливо представляться его уму, онъ съ чувствомъ удивленія и облегченія замѣтилъ, что относится къ нимъ какъ-то равнодушно. Болѣзнь какъ будто притупила ихъ, замѣнивъ нравственный кризисъ тѣлеснымъ.

И кромѣ того, все было рѣшено само собою. Онъ былъ разоренъ, его бумаги были распроданы во время болѣзни съ убыткомъ, поглотившимъ все, что было пріобрѣтено раньше. У него оставалось только жалованье члена правленія, съ неопредѣленной надеждой когда-нибудь начать сначала. При такихъ условіяхъ онъ не могъ жениться на Лидіи Михайловнѣ, еслибъ даже умѣлъ „забыть“. И онъ былъ какъ будто даже доволенъ тѣмъ, что судьба сама поставила рѣшеніе.

Въ первый же день, когда ему позволили встать съ постели, онъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ еще слабой рукой нѣсколько строкъ къ своей бывшей невѣстѣ, въ которыхъ сообщалъ о постигшей его болѣзни и о своемъ полномъ разореніи. „Судьба не хотѣла дать мнѣ то счастье, которое уже казалось такимъ близкимъ“,—писалъ онъ въ заключеніе. „Но отказываясь навсегда отъ этой мечты и прощаясь съ вами, я испытываю искреннѣйшее желаніе, чтобы та же судьба была вдвое благосклоннѣе къ вамъ. Будьте счастливы за насъ обоихъ—вотъ все, что я могу сказать вамъ въ эти горькія для меня минуты“.

Въ тотъ же день онъ получилъ отъ Лидіи Михайловны коротенькій отвѣтъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько незначительныхъ, хотя ласковыхъ словъ, и просьбу принять обратно полученные ею отъ него подарки.

Спустя мѣсяцъ, доктора настоятельно посовѣтовали Покромцеву уѣхать на лѣто за границу, чтобы довершить леченіе и окончательно возстановить свои силы.

Съ тѣхъ поръ прошло уже два года. Въ настоящее время Покромцевъ снова въ Петербургѣ. Онъ вполнѣ оправился, по-

Digitized by Google

прежнему считается дѣльнымъ человѣкомъ, и надѣется съ помощью своихъ друзей и пріятелей захватить еще одно хорошее частное мѣсто. На биржѣ онъ еще ничего не дѣлаетъ, но ждетъ момента, чтобы возобновить маленькія операціи. Онъ считаетъ себя человѣкомъ уже проученнымъ, который не можетъ прогорѣть вторично.

Когда, позапрошлою осенью, онъ вернулся изъ-за границы, его встрѣтили извѣстіемъ, что Лидія Михайловна вышла замужъ за одного еще не стараго генерала. И сватовство, и свадьба, произошли въ Петергофѣ, гдѣ Казатиновы проводили лѣто. Покромцевъ принялъ это извѣстіе съ равнодушіемъ, которое удивило его самого... Потомъ, вскорѣ, онъ увидалъ ее въ театрѣ. Она была очень элегантно одѣта, и къ ней въ ложу поминутно входили очень приличные молодые люди. Генералъ любезно ихъ привѣтствовалъ, и отодвигался все дальше, чтобы дать имъ мѣсто.

Видѣла ли она Покромцева? Ея бинокль скользилъ мимо него, когда направлялся въ его сторону. Но, можетъ быть, это дѣлалось нарочно...

В. Авсѣенко.

Digitized by Google

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

и его

„ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ“

I.

Не всегда можно вѣрить заглавіямъ книгъ; нельзя также вполнѣ полагаться на предисловія. Книга г. Мережковскаго озаглавлена: „Вѣчные Спутники—портреты изъ всемірной литературы“, а уже первая статья въ книгѣ: *Акрополь*—недвижимость, предметъ архитектурный, не могущій никому сопутствовать, и даже не многими лицами посѣщаемый. Въ предисловіи сказано, что вѣчные спутники—это такіе „великіе писатели, которые всюду насъ сопровождаютъ, которые продолжаютъ любить и страдать въ нашихъ сердцахъ, сохраняя кровную связь съ человѣческимъ духомъ; для каждаго времени они современники, и даже болѣе — предвѣстники будущаго“. Спрашиваемъ, можетъ ли быть между ними помѣщенъ, какъ литературный портретъ, извѣстный только по одному своему имени—Longus, авторъ идилліи „Дафнисъ и Хлоя“, неизвѣстно—въ какомъ вѣкѣ написанной: не раньше II-го вѣка (временъ Марка Аврелія), а всего вѣроятнѣе въ IV столѣтіи, въ эпоху императора Юліана Отступника? Авторъ любуется въ этой книгѣ чертами общими и этой повѣсти, и художникамъ ранняго „ренессанса“, напримѣръ особенно модному въ настоящее время Сандро Ботичелли, а также сочетаніями въ ней дѣтски-наивнаго съ крайне соблазнительнымъ, цѣломудреннаго съ весьма порнографическимъ.

Digitized by Google

Поэма „Дафнисъ и Хлоя“—одна изъ милыхъ бездѣлушекъ времени упадка эллинизма, когда уже всѣ знали, что Великій Панъ умеръ. Связь ея съ нашимъ временемъ только та, что, какъ увѣряетъ авторъ (стр. 25), умершій Панъ долженъ немедленно воскреснуть. Между писателями, которыхъ г. Мережковскій завербовалъ въ свой отрядъ „вѣчныхъ спутниковъ“, есть несомнѣнно и второстепенные, напримѣръ Плиній-Младшій. Но что представляетъ собою Плиній-Младшій? Это—типическій представитель высшаго римскаго общества, временъ упадка, бывшій адвокатъ, потомъ высокій сановникъ; его художество — риторика; каждый день онъ возится съ вощеными табличками и стилемъ, придумываетъ, оттачиваетъ и записываетъ фразы для своихъ чтеній и писемъ. Онъ—добрякъ и милосердъ даже по отношенію къ рабамъ, что не помѣшало ему въ Виѳиніи пытать діаконисссъ или посылать на казни не отрекающихся отъ своихъ вѣрованій христіанъ. Отъ него, такъ сказать, разитъ литературнымъ тщеславіемъ и самолюбіемъ, а самъ онъ представляетъ собою образецъ человѣка знатнаго, зажиточнаго и вполнѣ самодовольнаго. Его нельзя обойти, когда изучаешь нравы римлянъ конца I-го вѣка, въ ихъ общественномъ и домашнемъ быту; но онъ ли человѣкъ, имѣющій своеобразную душу? онъ ли предвѣстникъ будущаго? Это—средній человѣкъ, и во многихъ отношеніяхъ ничтожный, а потому и не годится въ „вѣчные спутники“.

Упоминается еще Аполлонъ Майковъ; его присутствіе въ этомъ отрядѣ я объясняю себѣ тѣмъ, что онъ влюбленъ въ греческую и отчасти въ римскую древность; что онъ обожаетъ этотъ міръ за его неподражаемую пластическую красоту, которая имѣетъ надъ г. Мережковскимъ безусловную власть; что по той же причинѣ ему дороги и близки къ сердцу всѣ жрецы этой античной красоты, въ числѣ которыхъ Майковъ занимаетъ видное мѣсто. Изъ трехъ поэтовъ сороковыхъ годовъ — поклонниковъ чистаго искусства—Фета, Я. П. Полонскаго и Майкова,—первые два все-таки мистики; для нихъ міръ есть признакъ и символъ безконечнаго, Майковъ же наиболѣе язычникъ, наиболѣе пластикъ. Г-нъ Мережковскій предпочитаетъ его даже за то, что онъ ограничился однимъ только этимъ родомъ красоты, при чемъ авторъ не споритъ, затѣмъ, что у Майкова совершенство формы переходитъ въ изысканность, и красота формы преобладаетъ надъ менѣе значительнымъ содержаніемъ. Выборъ спутника, конечно, есть прежде всего дѣло личнаго вкуса; мы не стѣсняемъ г. Мережковскаго, но спрашиваемъ, почему онъ предлагаетъ Майкова въ обязательные компаньоны и другимъ лицамъ...

Digitized by Google

Ап. Майковъ, конечно, не чета Гончарову, который несравненно крупнѣе его по таланту; но и относительно выбора Гончарова можно было бы представить нѣкоторыя возраженія. Гончаровъ дорогъ автору, главнымъ образомъ, потому, что ему присуща античная любовь къ будничной сторонѣ жизни,—иными словами, рѣдкая способность преображать однимъ своимъ прикосновеніемъ прозу дѣйствительности въ поэзію и красоту, а эта способность обусловливается въ свою очередь тѣмъ, что Гончаровъ съ головы до ногъ—цѣльный и солидный оптимистъ; что у него въ произведеніяхъ нѣтъ темныхъ угловъ; что каждая его эпопея озарена свѣтомъ разумной любви къ человѣческой жизни; что онъ человѣкъ удивительно-трезвый и передаетъ дѣйствительность, не стѣсняясь ея красотою, какъ Тургеневъ, не проникаясь страданіями людей, какъ Достоевскій, не увлекаясь даже жаждою истины, какъ Левъ Толстой. Въ его произведеніяхъ есть особаго рода трагизмъ, составляющій основаніе каждаго изъ его большихъ романовъ, трагизмъ пошлости будничной, торжествующей надъ чистотойс ердца и идеалами любви. По своему юмору, онъ—прямой продолжатель работы Грибоѣдова и Гоголя.

Такимъ образомъ, изъ тринадцати статей, образующихъ книгу г. Мережковскаго, пять статей не подходятъ къ заглавію книги, одна посвящена не человѣку, а предмету архитектуры, одна—неизвѣстному лицу, три—писателямъ, хотя и даровитымъ, но не первостепеннымъ. Остается восемь человѣкъ безспорно либо весьма талантливыхъ, либо даже геніальныхъ, которыхъ авторъ берется измѣрять, такъ сказать, своимъ аршиномъ, по новому, имъ открытому методу, по способу особенной критики, которую онъ называетъ *субъективною*. Онъ противопоставляетъ эту критику двумъ другимъ общеизвѣстнымъ объективнымъ критикамъ: *научной* и *художественной*. По мнѣнію г. Мережковскаго, у каждой изъ этихъ послѣднихъ критикъ есть свои предѣлы, потому что всякій предметъ можетъ быть исчерпанъ наукою до конца, а когда разъ сдѣлана художественная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ произведенія, то повтореніе такой описи уже не потребуется. Нельзя никакъ согласиться съ этимъ взглядомъ; великія произведенія по содержанію своему, такъ сказать, бездонны, и каждому послѣдующему вѣку приходится сказать о нихъ свое слово. Субъективная критика предлагается г. Мережковскимъ, повидимому, какъ новость. Онъ совѣтуетъ дѣлать слѣдующее: —брать живую душу писателя, своеобразную, никогда не повторяющуюся форму ея бытія, изобразить потомъ дѣйствіе этой души на умъ, сердце и волю, на всю внутреннюю жизнь критика,

Digitized by Google

какъ представителя извѣстнаго поколѣнія, и вникнуть въ то, какъ понимаетъ критикъ личность писателя.

Всякая, достойная своего названія, критика передаетъ читателю произведеніе обдуманное и прочувствованное критикомъ, значитъ—передаетъ читателю эмоцію самого критика, и такимъ образомъ, она не можетъ не быть субъективною. Въ нашъ вѣкъ, при томъ, критика, постепенно совершенствуясь, сдѣлалась въ высокой степени *психологическою*, то-есть, она пытается разгадывать живую душу писателя (sa faculté maitresse, какъ выразился Тэнъ), и пользуется ея созерцаніемъ, какъ ключомъ для уразумѣнія его созданій; при этомъ, однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ такого критицизма являются натура, темпераментъ и образованіе критикующаго. Критика есть функція научная, а наука обязательно служитъ одной только истинѣ. Она должна воспроизводить изслѣдуемаго писателя только такимъ, какимъ онъ извѣстенъ въ дѣйствительности, не прибавляя ничего отъ себя, но и не изъемля, и не откидывая въ сторону ни одной черты, завѣдомо принадлежавшей писателю и подмѣченной предшественниками критикующаго. Только этими условіями: строгою заботливостью объ исторической истинѣ, отсутствіемъ сочинительства, воздержаніемъ отъ произвольнаго фантазированія и намѣреннаго прикрашиванія своего сюжета,—отличается критика, какъ *научная* функція, отъ свободнаго поэтическаго *творчества*. Можно, конечно, заинтересовать и увлечь публику романомъ или драмою, которыхъ героями были бы Дантъ и Шекспиръ, но уже по внѣшней формѣ публика будетъ предупреждена, что она имѣетъ дѣло съ вымысломъ, къ которому нельзя предъявлять строгихъ требованій. Не то бываетъ, когда подъ видомъ критической научной оцѣнки предмета читателямъ предлагаютъ нѣчто, не согласующееся съ достовѣрно-имѣющимися объ извѣстномъ предметѣ данными. Такое произведеніе въ его распространеніи похоже на выпускъ въ обращеніе поддѣльной монеты. Оно будетъ содѣйствовать распространенію ложныхъ понятій о писателѣ въ средѣ публики, въ которой большинство людей вѣритъ напечатанному, не справляясь съ источниками.

Приступая къ вопросу о томъ, какого рода субъективизмъ практикуется г. Мережковскимъ въ его критикѣ, мы становимся передъ слѣдующею дилеммою: либо г. Мережковскій предлагаетъ намъ дѣйствительныхъ писателей, какъ онъ ихъ понялъ и прочувствовалъ, и тогда его субъективная критика именно такая, какой образчикъ мы имѣемъ у величайшаго изъ литературныхъ критиковъ XIX вѣка—Ипполита Тэна; либо, слѣдуя совѣтамъ и ука-

Digitized by Google

заніямъ Оскара Уайльда, онъ измышляетъ писателей и представляетъ ихъ такими, какими онъ бы желалъ ихъ имѣть, не стѣсняясь тѣмъ, какими они были въ дѣйствительности.

Поставивъ, такимъ образомъ, задачу, постараемся ее разрѣшить по отношенію къ тѣмъ восьми великимъ писателямъ, которые остались въ его спискѣ послѣ сдѣланныхъ мною исключеній.

II.

Г-нъ Мережковскій рѣзко отличается отъ своихъ товарищей по критической профессіи тѣмъ, что критики обыкновенно стараются быть систематически-объективными, что они не ставятъ себя на показъ, прячутся за излагаемый ими предметъ, такъ что лишь по прочтеніи всего ими написаннаго можно только догадываться, какое они имѣли направленіе и къ какой принадлежали партіи. Напротивъ того, г. Мережковскій не только не скрываетъ своихъ мнѣній эстетическихъ или этическихъ, религіозныхъ или соціальныхъ, но даже открыто исповѣдуетъ ихъ, негодуетъ или восторгается и волнуется, сильно волнуется, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ читателяхъ, что его критика меньше всего художественная, а преимущественно этическая или соціальная, и что онъ самъ если не дѣломъ, то своими рѣчами принимаетъ живое участіе въ житейской толчеѣ. Такъ какъ онъ откровененъ насчетъ своихъ убѣжденій, то необходимо прежде всего уяснить себѣ, каковы эти убѣжденія, есть ли въ нихъ цѣльность и послѣдовательность, и затѣмъ уже приступить къ разбору того, въ какой степени повліяло все это на изображеніе и характеристику тѣхъ лицъ, изъ которыхъ онъ составилъ дружину вѣчныхъ спутниковъ.

Задача эта не особенно легка: г. Мережковскій—многосторонній человѣкъ, котораго стремленія не уравновѣшены, и понятія его никакъ не приводятся къ одному знаменателю. Въ немъ, можно сказать, сидитъ нѣсколько разныхъ лицъ, нѣсколько противоположныхъ и борющихся наклонностей и направленій, которыя, неизвѣстно какъ, въ немъ совмѣщаются и уживаются, хотя по естественному ходу вещей онѣ казались бы совсѣмъ несовмѣстимыми.

Прежде всего, и это главное, г. Мережковскій есть чистокровный *эстетъ*, притомъ эстетъ античнаго эллинскаго пошиба, язычникъ и анти-галилеянинъ, человѣкъ чающій новаго возрожденія язычества, то-есть одинаково настроенный какъ Ницше,

Digitized by Google

когда этотъ послѣдній писалъ свое красивое юношеское произведеніе „Geburt der Tragödie“. Г-нъ Мережковскій поклоняется Гёте, какъ язычнику, дѣйствующему по правиламъ олимпійской гигіены, способному принимать въ себя изъ жизни одно только свѣжее, свѣтлое, здоровое и красивое. Онъ и Пушкина любитъ за его непрерывную заздравную пѣснь Вакху во славу жизни. Умеръ Великій-Панъ, но мы, люди XIX в., знаемъ, что онъ долженъ скоро воскреснуть: „Если предвозвѣстники будущаго возрожденія не обманываютъ насъ, человѣческій духъ отъ старой плачущей мудрости перейдетъ къ новой мудрости, къ ясности и простотѣ, завѣщаннымъ намъ Гёте и Пушкинымъ“. Г-нъ Мережковскій вѣритъ почему-то, что задатки будущаго языческаго возрожденія кроются въ русскомъ міросозерцаніи, то-есть, точнѣе сказать, у Пушкина. Г-нъ Мережковскій передаетъ намъ, какъ онъ обезумѣлъ отъ восторга, когда очутился на Акрополисѣ предъ Парѳеномъ. Онъ весь проникся радостью, сопровождающею то освобожденіе отъ жизни, которое даетъ красота. Онъ и сказать бы не могъ, что̀ такое красота живая, вѣчная,—само собою разумѣется, эллинская, когда душа и тѣло, идея и форма были нераздѣльное одно, когда художникъ былъ герой и, наоборотъ, герой былъ художникъ, когда оба творили, созидали красоту, когда они были два откровенія одного и того же начала. Но то было и прошло; золотой вѣкъ никогда не вернется, новый Парѳенонъ никогда не будетъ созданъ какимъ-нибудь новымъ эллиномъ, богоподобнымъ человѣкомъ на землѣ; если же современные люди мечтаютъ о возрожденіи, то не въ надеждѣ сдѣлаться такими юношами, какими были древніе греки, а только въ надеждѣ, что они немного освѣжатся и нѣсколько помолодѣютъ, окунувшись опять въ волнахъ эллинизма.

Г-нъ Мережковскій, какъ жаждущій возрожденія язычникъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденный сторонникъ *аристократизма*, въ чемъ онъ не отстаетъ отъ грековъ, отъ Гёте и отъ Ничше. Красота античная была результатомъ весьма утонченной культуры, обусловленной рабствомъ простонародныхъ массъ, на плечахъ которыхъ выстроился маленькій міръ людей свободныхъ, здоровыхъ и досужихъ, во главѣ которыхъ держались и спорили изъ-за власти люди, превосходящіе другихъ по тремъ единственнымъ основаніямъ всякой аристократіи: породѣ, богатству и уму. Крушеніе этой высокой культуры послѣдовало, когда появилась религія рабовъ,—религія христіанская, утвердившая начало равенства, когда поднялась демократическая война, затопившая общественныя вершины; когда утвердилось повсемѣстно господ-

Digitized by Google

ство средняго человѣка, то-есть, массъ, преобладаніе плебса. Никто не прочувствовалъ сильнѣе, чѣмъ Ницше, котораго г. Мережковскій называетъ, однако, безумнымъ язычникомъ, болѣзненнаго извращенія, вслѣдствіе этой перемѣны, всѣхъ понятій и чувствованій, переоцѣнки всѣхъ идеаловъ, постановки на первый планъ того, чѣмъ особенно гнушался древній человѣкъ, а именно боли, страданій, смиренія, самоуничтоженія въ аскетизмѣ, отказа отъ всякаго геройства, преобладанія стадныхъ качествъ, свойственныхъ одомашненнымъ животнымъ. Г-нъ Мережковскій отрекается отъ Ницше, но онъ раздѣляетъ міровоззрѣніе Флобера, а оно таково:—я не христіанинъ; французская революція не удалась потому, что она была въ связи съ религіей жалости; идея равенства, какъ настоящая суть современной демократіи, есть идея христіанская, противорѣчащая началу справедливости. Нынѣ преобладаетъ только милосердіе, чувство—все, право—ничто. Мы гибнемъ отъ избытка чувствительности, отъ нравственной дряблости и т. д. Такъ какъ г. Мережковскій въ душѣ своей такой же язычникъ, какъ Гиббонъ, Гёте или Флоберъ, то его не могло не поражать болѣзненно то, что любовь къ природѣ подавлена была религіозно-аскетическимъ отвращеніемъ къ ней „блѣдныхъ людей въ черныхъ одеждахъ, видящихъ въ этой природѣ только діавольскій соблазнъ“. Во всякомъ случаѣ не могъ онъ не ощущать того, что мы уже второй десятокъ вѣковъ опускаемся въ декадансъ, въ тусклую осень, не свѣтящую и не грѣющую. Г-нъ Мережковскій ни мало не скрываетъ, что онъ ненавидитъ всѣми силами души современную демократію; съ такимъ же полнымъ отвращеніемъ относится онъ къ современной буржуазіи или „мѣщанству“. Онъ смѣшиваетъ ту и другую, говоря о буржуазной и демократической серединѣ, о добродѣтельной буржуазной скукѣ и о демократическихъ будняхъ. Онъ съ полнымъ сочувствіемъ выписываетъ изъ письма Пушкина къ Вяземскому слѣдующія строки: „толпа въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ, не какъ вы,—иначе“. Индивидуализмъ г. Мережковскаго и его анти-общественное направленіе, вытекающее изъ стихійной его ненависти къ преобладанію большинства, къ такъ называемой черни, достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта тамъ, гдѣ онъ, отождествляя поэта съ героемъ („поэтъ есть герой созерцанія, герой есть поэтъ дѣйствія“ и вступаясь за поэта, какъ жреца культа красоты, подымаетъ настоящій бунтъ противъ идеи добра и религіознаго чувства, проводя между ними грань, которую я

Digitized by Google

считаю положительно невозможною. „Не страшно, — пишетъ г. Мережковскій,—когда малые довольны малымъ, но когда великіе жертвуютъ своимъ величіемъ въ угоду малымъ, тогда становится страшно за будущность человѣческаго духа. Когда великій художникъ, во имя какой бы то ни было цѣли—корысти, пользы, *блага земного* или *небеснаго*, во имя какихъ бы ни было идеаловъ, *чуждыхъ искусству: философскихъ, нравственныхъ* или *религіозныхъ*, отрекается отъ безкорыстнаго и свободнаго созерцанія, то тѣмъ самымъ онъ творитъ мерзость во святомъ мѣстѣ, пріобщается духу черни".

Указавъ на то, что г. Мережковскій есть прежде всего созерцатель красоты, эстетъ въ древнемъ духѣ и своего рода аристократъ, я постараюсь доказать, что у него въ душѣ таятся и другіе еще элементы, далеко не согласованные съ вышеуказанными и не подходящіе къ предполагаемому новому возрожденію, а прежде всего, что ему присуще *галилейство*, то-есть порывистое и горячее человѣколюбіе, свойственное въ особенности ранней порѣ христіанства, первымъ его вѣкамъ.

III.

Я не думаю, впрочемъ, отстаивать несовмѣстимость противоположныхъ началъ, напримѣръ язычества и такъ-называемаго галилейства или христіанства. Я полагаю, что они могутъ и должны быть согласованы. Я могъ согласиться съ г. Мережковскимъ въ томъ, что въ нашемъ быту имѣются одновременно два потока или порыва, одинъ—къ сліянію съ Богомъ внѣ границъ нашего сознанія, а другой—къ героическому обожествленію своего „я". Историкъ литературы и критикъ должны ежеминутно справляться съ обоими этими направленіями и міросозерцаніями, переходить отъ Эсхила и Софокла къ библіи и къ весеннимъ золотымъ цвѣточкамъ итальянской поэзіи XIII в., къ „Fioretti" св. Франциска. Понятно также, что г. Мережковскій, какъ знатокъ исторіи, не смѣшиваетъ теперешняго христіанства, уже значительно охладившагося и, такъ сказать, канализованнаго, то-есть текущаго по разъ навсегда устроенному руслу, съ тѣмъ огненнымъ, какъ потокъ лавы, порывистымъ христіанствомъ первыхъ вѣковъ, не считавшимся съ условіями гражданскаго общежитія, вслѣдствіе чего оно было тогда признаваемо анти-общественнымъ и анти-государственнымъ явленіемъ, котораго весьма слабое подобіе имѣется нынѣ въ „непротивленіи злу", въ пассивной оппозиціи—въ духѣ графа

Digitized by Google

Льва Толстого. Съ практической точки зрѣнія можно сказать, что язычество и христіанство существуютъ въ каждомъ изъ насъ, что они почти соприкасаются, такъ что порою трудно различить, гдѣ кончается одно и начинается другое. Для доказательства того, что они часто проникаются взаимно, сошлемся на прекрасно начертанный у г. Мережковскаго портретъ язычника-декадента, императора Марка-Аврелія—великаго стоика, который разсуждалъ такимъ образомъ: „можетъ быть боговъ совсѣмъ нѣтъ, но и безъ нихъ я долженъ исполнять свой долгъ". Этотъ человѣкъ долга исполнялъ его неуклонно, безстрастно, съ отказомъ отъ удовольствій, отъ личнаго счастія, и съ воздержаніемъ отъ желаній. Онъ одолѣлъ смерть своимъ спокойнымъ пессимизмомъ; ему удалось быть безчувственнымъ, подобно камнямъ. Спрашивается, чѣмъ этотъ добрый до мозга костей, почти святой человѣкъ отличается отъ христіанина? Оказывается, по мнѣнію г. Мережковскаго, что только тѣмъ, что полное отреченіе отъ воли, отъ жизни и ея радостей, уничтожало въ немъ самую добродѣтель, что онъ *не жалостливъ*, что онъ неспособенъ любить, иными словами, что онъ *пессимистъ*. Замѣтимъ, что наши чувства не въ нашей волѣ, что пессимистическое настроеніе зависитъ не отъ характера, а отъ темперамента. Справедливо сказалъ г. Брюнетьеръ объ Альфредѣ де-Виньи, что человѣкъ рождается пессимистомъ, но не дѣлается имъ впослѣдствіи. Есть притомъ два разные вида человѣколюбія. У однихъ любовь прямо сердечная, обиліе ея таково, что она истекаетъ, такъ сказать, естественно и неудержимо; такова она у Христа и св. Франциска; такова она была, по описанію А. Ѳ. Кони, у Ѳ. Гааза („Вѣстникъ Европы", 1897, № 1). У другихъ людей та же любовь, но рефлективная, головная; сказалъ себѣ человѣкъ, что надо любить ближнихъ, онъ ихъ и любитъ по долгу совѣсти; такова она у Льва Толстого. Любопытны въ этомъ отношеніи признанія Флобера, чистѣйшаго эстета, который бѣжалъ отъ дѣйствительной жизни въ область искусства, потому что, вникая въ себя, замѣтилъ, что реально онъ неспособенъ кого бы то ни было любить, что онъ сухъ, какъ могильный камень, что видъ чужого горя не трогаетъ его, а только страшно раздражаетъ, и что только погружаясь въ искусство—онъ начинаетъ воображеніемъ любить.

Г. Мережковскій весьма точно опредѣлилъ двоякое значеніе слова „любовь"—у христіанъ и у язычниковъ: „галилеяне утверждали, какъ и язычникъ Лонгусъ (авторъ Дафниса и Хлои), что Богъ есть любовь. Но галилеяне понимали подъ любовью братскую жалость, а Лонгусъ—сочетаніе мужского и женскаго начала

Digitized by Google

во вселенной—то, что̀ мы теперь называемъ *геніемъ рода*". Въ другомъ мѣстѣ Мережковскій повторяетъ за Дантомъ послѣдній стихъ его Божественной Комедіи: „L'amor que muove il sole e l'altre stelle". Эти указанія не полны. Ближайшее объясненіе, какъ понимаетъ г. Мережковскій любовь, можетъ быть получено только тогда, когда мы сопоставимъ двухъ писателей изъ числа „вѣчныхъ спутниковъ", избранныхъ имъ въ руководители именно по этому вопросу о любви: одинъ изъ нихъ, испанецъ XVI вѣка Кальдеронъ, а другой—Ѳедоръ Достоевскій. Собственно его характеристики обоихъ учителей основаны не на совокупности ихъ произведеній, а только на двухъ твореніяхъ, по одному отъ каждаго изъ нихъ: „Поклоненіе Кресту", Кальдерона, и „Преступленіе и Наказаніе", Достоевскаго. По мнѣнію г. Мережковскаго, Кальдеронъ и Достоевскій проповѣдуютъ почти одно и то же; я же постараюсь доказать, что они до того другъ съ другомъ расходятся, что компаньонами ни въ какомъ случаѣ быть по одному пути не могутъ.

Драма Кальдерона: „Devocion de la Cruz" вся построена на идеѣ, породившей столь распространенныя въ средніе вѣка, въ римскомъ католицизмѣ, церковныя индульгенціи, злоупотребленіе которыми послужило главнымъ поводомъ къ тому, что отъ римско-католической церкви отложились протестантскія исповѣданія. — Положимъ, что нѣтъ счета преступленіямъ тяжкаго грѣшника, но онъ былъ усердный поклонникъ Св. Іосифа или Богородицы, нашелъ себѣ въ небесахъ вліятельныхъ заступниковъ и былъ прощенъ. Существовало глубоко укоренившееся представленіе о томъ, что при нѣкоторой долѣ покаянія и при нѣкоторомъ количествѣ такъ называемыхъ добрыхъ дѣлъ, признаваемыхъ таковыми церковью, можно войти въ царство небесное.

Герой драмы Эзебіо покинутъ младенцемъ въ пустынномъ мѣстѣ у подножія креста; у него на груди родимый знакъ въ формѣ креста. Обладая этимъ прирожденнымъ талисманомъ, онъ и въ водѣ не тонетъ, и въ огнѣ не горитъ; разумѣется, что въ душѣ онъ питаетъ безконечное благоговѣніе къ выручающему его отъ всякихъ бѣдъ святому знаку. Онъ влюбляется въ женщину, которая потомъ оказывается его же родною сестрою; убиваетъ въ поединкѣ препятствующаго этой любви ея и своего брата, проникаетъ въ монастырь, въ который ее заключили, соблазняетъ ее, дѣлается атаманомъ шайки разбойниковъ. Въ концѣ концовъ шайка его разбита, и онъ гибнетъ въ сѣчѣ; но такъ какъ онъ былъ поклонникомъ святого креста, то силою этого креста онъ сподобился воскреснуть на одну минуту при прибли-

Digitized by Google

женіи къ нему мимоидущаго монаха, исповѣдаться и получить разрѣшеніе грѣховъ, послѣ чего онъ уже окончательно умираетъ. Таково содержаніе этой quasi-богословской чепухи. Она не имѣетъ ничего общаго со стихомъ Данта: l'amor que muove il sol e l'altre stelle. Богъ не охраняетъ и не спасаетъ тѣхъ, которые его не знаютъ, которые не крещены. Удѣлъ некрещеныхъ таковъ, что они неспособны жить по волѣ божіей, дѣлать какое бы то ни было добро, и не имѣютъ никакой заслуги, хотя бы положили душу за други своя. Само человѣколюбіе не имѣетъ ни цѣны, ни заслуги, если оно не истекаетъ изъ вѣры въ Бога и не скажу—любви къ нему, но поклоненія ему.—Г. Мережковскій отлично понимаетъ, что содержаніе этой драмы способно скорѣе возмутить, а не увлечь современныхъ людей, потому что она выражаетъ собою даже и не язычество, а идолопоклонство въ самой первичной его формѣ, то-есть, грубый фетишизмъ. Онъ и внушаетъ намъ, чтобы мы смаковали ее только эстетически, а не этически: „мы изучаемъ старую темницу,—говоритъ онъ,—потому, что увѣрены, что не возвратимся въ нее никогда; средневѣковой католицизмъ для насъ мертвый врагъ, и мы перестали даже ненавидѣть его". Мнѣ кажется, что нельзя относиться слегка даже къ считаемымъ отжившими религіямъ; онѣ чрезвычайно живучи и, бывъ даже срублены, пускаютъ новые ростки. Кромѣ того, самъ г. Мережковскій признаетъ, что для эстетической оцѣнки красоты отжившихъ догматовъ и мертвыхъ уже религіозныхъ формъ необходимо подъ оболочкою мертвыхъ догматовъ и формъ найти и указать вѣчно живую красоту человѣческаго духа.—Какова же эта красота въ настоящемъ случаѣ?—По мнѣнію г. Мережковскаго, она заключается въ слѣдующемъ: поэтъ поклоняется не дереву креста, а любви, для которой крестъ служитъ только символомъ. — Выкинемъ терминъ *символъ*, которымъ нынѣ злоупотребляютъ безъ мѣры для продѣлыванія всевозможныхъ фокусовъ. Имѣются два языка: одинъ у поэзіи — образный, и другой у знанія—отвлеченный.—Поэзія располагаетъ только конкретными представленіями, въ которыхъ сквозитъ, не выдѣлясь еще изъ нихъ, чистая идея. Такъ какъ поэзія предлагаетъ намъ не самую идею, а только образное ея подобіе, то всякая поэзія бываетъ символическая. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы „Devocion de la Cruz" символизировала любовь къ Богу; она только драма поклоненія Богу и символизирующему его кресту.—Впослѣдствіи, оцѣнивая произведеніе Ибсена, „Гедда Габлеръ", г. Мережковскій выражается такъ: „еслибы Гедда нашла такого Бога, во имя котораго стоило бы жить и умирать, то она сдѣ-

Digitized by Google

лалась бы героиней или мученицей".—Я утверждаю, что такого неправеднаго бога, какъ богъ Кальдерона, нельзя любить, а можно только бояться, и изъ боязни ему повиноваться. Г-нъ Мережковскій утверждаетъ, что любовь оправдываетъ и смываетъ всѣ грѣхи, потому что *сила покаянія безпредѣльна*; но въ чемъ же проявляется покаяніе Эзебіо? Развѣ онъ оплакиваетъ свои грѣхи, развѣ онъ кается и обѣщаетъ, что исправится? Ничуть не бывало; выводъ о силѣ покаянія вложенъ въ драму извнѣ, и Кальдерону онъ напрасно приписанъ г. Мережковскимъ.

Лично для г. Мережковскаго то начало, что сила покаянія безпредѣльна, имѣетъ громадное значеніе. Само начало нельзя не признать галилейскимъ, то-есть, христіанскимъ, присущимъ христіанству съ самыхъ первыхъ его вѣковъ. Оно подобно цѣпочкѣ связуетъ неразрывно г. Мережковскаго съ Достоевскимъ, роману котораго посвящена одна изъ объективнѣйшихъ и красивѣйшихъ статей разбираемой нами книги. Въ Достоевскомъ авторъ находитъ преступныя желанія довольно податливаго на зло и сильно развращеннаго сердца, но передаваемыя съ такою заражающею читателя эмоціею, что ихъ на вѣки не забудешь, ихъ переживешь и выстрадаешь, пока не проникнешь въ самую глубь настроенія героя, пока не перевоплотишься въ него и не достигнешь полнаго съ нимъ сліянія. Отъ книги Достоевскаго нельзя оторваться, потому что въ героѣ Достоевскаго, какой бы онъ ни былъ, гадюка или червякъ, мерцаетъ инстинктъ божественнаго, есть проблески великодушія, значитъ въ концѣ концовъ есть возможность возрожденія, хотя вдругъ сквозь смиреніе мученика промелькнетъ порою неистовая гордыня или сладострастіе дьявола. По заключительному опредѣленію Мережковскаго, Достоевскій есть величайшій реалистъ, измѣрившій бездны человѣческаго страданія и порока, и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій поэтъ *евангельской любви*.

IV.

Г-нъ Мережковскій избралъ себѣ въ спутники Кальдерона и Достоевскаго потому, что въ первомъ онъ полагаетъ, что нашелъ идею, что сила покаянія безпредѣльна, а во второмъ—то положеніе, что и у величайшаго злодѣя на днѣ души есть зернышко подвижничества, — желаніе пострадать и искупить тѣмъ вину. Оба начала, взятыя безусловно, ведутъ несомнѣнно къ пониженію уровня нравственности въ обществѣ, къ значительному ослабле-

Digitized by Google

нію необходимой общественной реакціи противъ преступности. Практически раскаяніе не можетъ быть доказано, степень его не можетъ быть установлена и опредѣлена. Раскаяніе смѣшивается предъ нами ежеминутно или съ сожалѣніемъ злодѣя о неудачѣ, или съ лицемѣрнымъ притворствомъ злодѣя, во избѣжаніе имъ отвѣтственности. Разъ мы установимъ, въ видѣ общаго правила, что раскаяніе во всякомъ случаѣ предполагается, то установится безусловное господство безпричинной, неразборчивой, всепрощающей жалости, которая сотретъ всякія границы добра и зла, введетъ полную терпимость зла и совершенное къ нему равнодушіе. Я полагаю, что къ такому именно настроенію располагаетъ насъ галилейскій элементъ въ субъективизмѣ г. Мережковскаго.

Всякая культура имѣетъ неизбѣжно свои недостатки, угловатости и трещины; она подобна горшку, обвитому разными проволоками, мѣшающими тому, чтобы онъ распался. Установленіе начала всепрощаемости, то-есть ненаказуемости преступленій, отмѣна всякой острастки, не укрѣпятъ горшка, а сдѣлаютъ его еще болѣе хрупкимъ. Повторите то, на что указываетъ авторъ, говоря о дѣятельности Марка-Аврелія: законы сдѣлались мягче, а люди остались тѣми же несчастными, невѣжественными и жестокими, такъ что всѣми чувствовалось съ одной стороны утомленіе жизнью, а съ другой предчувствіе конца міра, точь въ точь, какъ въ настоящую эпоху. Хотя г. Мережковскій собственно эстетъ, но въ сущности онъ къ судьбамъ міра далеко не равнодушенъ, онъ своего рода соціологъ, прорицающій Возрожденіе, воскресеніе Великаго-Пана, будущую гармонизацію двухъ порывовъ, одного языческаго—культъ героевъ, и другого христіанскаго —бѣгство отъ жизни и уничтоженіе себя въ Богѣ. Такъ какъ вопросъ о будущемъ онъ ставитъ повидимому серьезно, то необходимо съ нимъ на этомъ полѣ посчитаться. Какой же будетъ выходъ изъ современныхъ осложненій, страданій и противорѣчій? То, что онъ предлагаетъ, изумительно по своей простотѣ: отречься отъ культуры и возвратиться на лоно первобытной природы. Къ этому выводу авторъ приводитъ читателей обходными путями и послѣ разныхъ приготовленій. Онъ столь же мало объясняетъ, что такое природа, какъ и то, что такое красота. Повидимому, необходимость одичанія открылась ему внезапно, когда онъ очутился предъ Парѳенономъ: „творить согласно съ природою—вотъ основа и вдохновеніе греческой архитектуры; вотъ уже двадцать вѣковъ, какъ мы разучились творить согласно съ природою“. Когда авторъ писалъ это, онъ зналъ

Digitized by Google

конечно, что въ цѣлой природѣ нѣтъ образчика, по которому былъ бы выстроенъ Парѳенонъ, или какой бы то ни было храмъ или портикъ греческій; притомъ онъ зналъ и выписалъ изъ Флобера, что искусство выше жизни (l'oeuvre est tout, l'homme n'est rien). Снаряжаясь въ путь къ первобытному дикарю, г. Мережковскій устранилъ Жанъ-Жака Руссо, котораго онъ сильно недолюбливаетъ, и произвелъ въ „вѣчные спутники" двухъ остроумныхъ насмѣшниковъ, апостоловъ разсудочности и приземистаго здраваго смысла: *Сервантеса* и *Монтэня*. „Донъ-Кихотъ" есть печальнѣйшая, какая только можетъ быть, сатира отходящей въ вѣчность Испаніи, чуждая всякихъ надеждъ и порывовъ въ будущее. Весь міръ состоитъ изъ несчастнѣйшихъ подлецовъ, среди которыхъ есть только два счастливца, одинъ сумасшедшій рыцарь, который все превращаетъ въ мечту и живетъ однѣми иллюзіями, и другой—его оруженосецъ, лѣнивецъ и невѣжда, который все превращаетъ въ шутку и забаву. Но у донъ-Кихота есть одна черта новой культуры: онъ любитъ первобытную жизнь среди природы и относится пренебрежительно къ благамъ цивилизаціи, считая ее зломъ.

Другой писатель, Монтэнь (Montaigne), родившійся скептикомъ и оптимистомъ, не вѣритъ ни въ Бога, ни въ ближнихъ, потому что не любитъ колебаться и сомнѣваться; онъ—матеріалистъ, по принципу эгоистъ, и вполнѣ послушенъ предержащимъ властямъ, но въ душѣ онъ полнѣйшій анархистъ, отрицающій всякій стадный инстинктъ, всякую общественность. Г-нъ Мережковскій подмѣтилъ въ особенности эту послѣднюю черту. Монтэнь,—говоритъ онъ,—угадалъ, что у ученаго и художника больше общаго съ простымъ первобытнымъ человѣкомъ, нежели у ограниченнаго доктринера. Не Ж.-Ж. Руссо, а онъ—родоначальникъ идеализаціи первобытнаго человѣка и драгоцѣннаго правила: самое мудрое—отдаться природѣ въ полной простотѣ.

Допустимъ, что мы бы признали необходимымъ отдаться всецѣло природѣ. Спрашивается: какимъ же образомъ? идейно ли, то-есть, теоретически, или практически, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, Левъ Толстой, „громадная стихійная сила", какъ называетъ его г. Мережковскій, человѣкъ искренній, послѣдовательный и цѣльный. Что же, послѣдовалъ ли г. Мережковскій этому благому примѣру?—Нѣтъ, нисколько; онъ не только не одобрилъ образа дѣйствій Л. Толстого, но полемизируетъ съ нимъ постоянно. Если собрать всѣ мѣста въ книгѣ, въ которыхъ авторъ злословитъ Толстого, и всѣ его нападки, нисколько не эстетическія, а соціологическія,—то составилась бы курьезная, не лишенная противорѣчій характе-

Digitized by Google

ристика Л. Толстого, состоящая изъ признаковъ, за которые авторъ долженъ былъ бы хвалить, а не порицать Л. Толстого, еслибы онъ былъ послѣдователенъ и вѣренъ своей галилейской точкѣ зрѣнія. Онъ мѣтко попалъ въ исходную точку философіи Льва Толстого. Его отреченіе отъ культуры произошло не отъ преизбыточнаго братолюбія и не отъ галилейской жалости (любовь у него чувство рефлективное), а отъ языческой любви къ тѣлесной жизни и наслажденіямъ, значитъ, только отъ страха смерти, которую онъ однако не побѣдилъ, такъ какъ сквозь напускную жалость ощущается только холодъ ужаса и омертвѣніе, отреченіе не только отъ мяса, вина, женщинъ, славы, денегъ, но и отъ искусства, наукъ, отечества, отъ всякаго движенія воли. То у него Толстой—безумный галилеянинъ; то онъ—безсознательный язычникъ—не свѣтлаго, а темнаго, варварскаго типа, слѣпой титанъ. Онъ—анархистъ безъ насилія, поднимающійся на восковыхъ Икаровыхъ крыльяхъ мистическаго анархизма. Онъ употребилъ свою громадную силу на приготовленіе множества разрушительныхъ рычаговъ. Ему, главнымъ образомъ, вмѣняется то, что новѣйшая русская литература, явно проповѣдывающая смиреніе, жалость, непротивленіе злу, втайнѣ однако бываетъ мятежная, полная постоянно возвращающагося бунта противъ культуры.

Приговоръ выходитъ черезчуръ строгій: Толстой въ одно и то же время и язычникъ, и галилеянинъ, и бунтовщикъ, и анархистъ. Такъ ли это? Бываютъ бунтовщики, они же и анархисты,—напримѣръ, динамитчикъ Вальянъ, бросившій бомбу въ парижской палатѣ депутатовъ, но чаще всего эти двѣ характеристики не совмѣщаются въ томъ же лицѣ. Толстой бунтовщикъ, по словамъ Мережковскаго, но онъ дѣйствуетъ безъ насилія и выражаетъ свое отрицаніе культуры хотя и практически, но пассивно. Онъ добровольно опустился, сошедши съ общественныхъ вершинъ, въ ту область, гдѣ царитъ власть тьмы. Онъ пессимистъ, онъ аскетъ до умерщвленія въ себѣ всѣхъ желаній, такой же, какими были Сакія-Муни и Маркъ-Аврелій, но онъ не анархистъ, и никому не приходило въ голову давать ему такую кличку.

Наоборотъ, вполнѣ возможно прямо противоположное явленіе, а именно, анархизмъ въ однѣхъ только идеяхъ, сопряженный съ смакованіемъ всѣхъ сладостей жизни и даже всѣхъ ея пикантныхъ гадостей. Допустимъ, что я поставлю себѣ цѣлью жизни бѣгство отъ культуры къ первобытному человѣку, но, поставивъ такую цѣль, я къ ней не иду, а бездѣйствую. Я вовсе не желаю идти въ народъ, чтобы поднять его въ культурѣ и обла-

Digitized by Google

городить, чтобы освободить его и отъ ига родовитаго аристократизма, и отъ другого ига—капитализма и плутократіи, чтобы содѣйствовать осуществленію трудно достижимаго, но все-таки возможнаго идеала высокообразованной демократіи, въ которой бы во главѣ общества стояли люди талантливые и добродѣтельные, однимъ словомъ, къ установленію третьей аристократіи, чисто интеллектуальной. Оказывается, что всѣ эти замыслы не по моему вкусу; не прельщаясь ими, я ограничусь только тѣмъ, что буду злословить всякую культуру въ полномъ ея объемѣ, однимъ словомъ, буду дѣлать то въ сферѣ идей, что дѣлаетъ современный соціализмъ въ своихъ ученіяхъ. Я буду присоединять свою вязанку дровъ къ массѣ имѣющихся горючихъ матеріаловъ, которые, когда ихъ побольше накопится, произведутъ взрывъ, получше тѣхъ, которые неудачно сошли для Вальяна и 12-го февраля 1894 для Анри. Я буду похожъ на того поэта-декадента Тальяда, пострадавшаго отъ послѣдняго взрыва, но восторгавшагося передъ тѣмъ, что жестъ кидающаго бомбу Вальяна былъ божественно красивъ. Мнѣ кажется, что этотъ Тальядъ долженъ приходиться по сердцу г. Мережковскому и поддерживаться имъ весьма усердно, что можно доказать какъ выдержками изо всей его книги вообще, такъ и спеціальнымъ этюдомъ, посвященнымъ Генриху Ибсену.

V.

Ибсена г. Мережковскій взялъ себѣ не въ спутники, а въ проводники; онъ обвился, такъ сказать, вокругъ Ибсена, какъ плющъ около дуба. Ибсенъ, по его словамъ, переживетъ всѣхъ насъ, онъ завоевываетъ Европу; онъ одинъ изъ славнѣйшихъ подготовителей умственнаго поворота отъ разрушительныхъ теорій къ созидающей якобы философской и художественной работѣ, которую мы переживаемъ. Что онъ разрушитель перваго ранга, это безспорно; но чтобы онъ былъ работникъ поворота къ созиданію, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Онъ выросъ на почвѣ крайняго протестантизма и сдѣлался представителемъ наиболѣе неугомоннаго и разнузданнаго индивидуализма. Онъ—принципіальный антигосударственникъ и антиобщественникъ, ненавидящій всякое дѣйствіе общими силами. Онъ думаетъ, что люди потому несчастны, что приспособились быть только частицами чего-нибудь, а никто изъ нихъ не дерзаетъ быть самимъ собою; что сильный человѣкъ только тотъ, кто одинъ; что единственный идеалъ, которымъ слѣдовало бы человѣку одушевляться, есть идеалъ без-

Digitized by Google

граничной свободы, столь безграничной, что она очевидно невозможна, недостижима. Въ этой недостижимости заключается весь трагизмъ судьбы героевъ, которыхъ онъ изображаетъ.

Ибсенъ несомнѣнно великій талантъ, мрачный, но могучій и весьма ядовитый,—въ особенности, когда онъ раскрываетъ противорѣчія и уродства, кроющіяся въ нашей культурѣ. Крупная ошибка г. Мережковскаго, какъ критика, заключается въ томъ, что онъ производитъ уродовъ Ибсена въ мученики, и ставитъ заслуженную ими ихъ судьбу особою статьею въ обвинительный актъ противъ культуры; что онъ претендуетъ на культуру за то, что они погибли трагически въ переходной эпохѣ, когда старые боги умерли, а новые еще не родились. Кальдерона онъ прославляетъ за его фанатическое „Поклоненіе кресту". Для увлеченія насъ Ибсеномъ, онъ намъ приподноситъ драматическій портретъ, безъ историческаго или соціальнаго фона, *Гедду Габлеръ*, предваряя насъ, что никогда еще Ибсенъ не достигалъ такой силы въ изображеніи внутренней драмы современнаго человѣка. Гедда Габлеръ, дама 30 лѣтъ, съ виду прекрасная по своему ясному, холодному спокойствію, но одержимая безпредѣльною страстью—безплодною любовью къ завѣдомо недостижимой красотѣ (той красотѣ, которой поклоняется и критикъ, то-есть, пластической, античной). Гедда любитъ красоту, но не вѣруетъ въ возможность ея на землѣ, а потому и превращается во что-то въ родѣ Нерона въ юбкѣ. Г-нъ Мережковскій увѣряетъ насъ, что хотя отъ ея жестокой красоты вѣетъ холодомъ смерти и гибнутъ всѣ къ ней прикасавшіеся, но она обаятельно и неотразимо всѣхъ чаруетъ, а между тѣмъ она зла какъ Медея, она не выноситъ возлѣ себя ничьей славы, ничьего счастія или генія. Она дѣйствуетъ по необузданному инстинкту разрушенія, безъ разсчета, дѣлая зло для зла, то-есть или ради наслажденія, которое ей доставляетъ чужая гибель, или ради того, чтобы показать свою власть надъ судьбою человѣка, а потомъ, навредивъ, иронизировать, что доставляетъ ей такое же наслажденіе, какъ и самое зло.

Будучи обречена на жизнь среди міра „мѣщанскаго", пошлаго, эта необузданная душа скучаетъ; отъ скуки она выходитъ замужъ за ничтожнаго, бездарнаго кропателя книжекъ, профессора Тесмана. Ей представлялся случай выйти за геніальнаго ученаго Левборга, но Левборгъ оскорбилъ ее своимъ циническимъ неизяществомъ; а можетъ быть она и предвидѣла, что съ Левборгомъ она не уживется, потому что и она, и онъ—натуры крайне властолюбивыя. Исчезнувшій Левборгъ появляется опять съ рукописью, которая его несомнѣнно прославитъ и убьетъ репутацію Тесмана,

Digitized by Google

такъ что каѳедра исторіи культуры достанется ему, а не Тесману. Не изъ привязанности къ мужу, котораго она презираетъ, и не изъ-за матеріальныхъ интересовъ, а изъ-за властолюбія и воскресающаго въ ней увлеченія Левборгомъ, Гедда вступаетъ съ Левборгомъ въ борьбу, въ которой она его и губитъ. Зная, что Левборгъ легко опохмеляется, она его подпаиваетъ. Опохмѣлѣвъ, онъ обронилъ на улицѣ рукопись, которая должна его прославить и послужить къ уничтоженію Тесмана. Зная, что Левборгъ придетъ въ отчаяніе отъ этой потери и наложитъ на себя руку, Гедда даритъ ему свой револьверъ со слѣдующимъ совѣтомъ: не можетъ ли онъ сдѣлать такъ, чтобы въ *этомъ* (т.-е. въ выстрѣлѣ) была красота. Зная, что Левборгъ убьетъ себя, она съ наслажденіемъ истребляетъ его рукопись, бросая въ огонь листъ ея за листомъ. Г-нъ Мережковскій увѣряетъ насъ, что при этомъ сожиганіи „образъ ея выростаетъ до исполинскихъ размѣровъ, и сердце наше привлекается къ ней ея непонятной красотой", чего мы, какъ ни старались, не могли, однако, въ себѣ ощутить. И въ смерти своей Левборгъ обнаружилъ свою грубую неэстетичность. У кокотки, у которой онъ провелъ ночь, онъ же произвелъ скандалъ, доискиваясь рукописи; потомъ далъ пощечину призванному полицейскому, наконецъ пустилъ себѣ пулю не въ високъ и не въ сердце, а въ животъ, въ кишки. Гедда восклицаетъ: „этого еще недоставало! зачѣмъ смѣшное и пошлое ложится на все, къ чему я прикоснусь"? Она и сама застрѣливается, освобождая такимъ образомъ міръ отъ дальнѣйшихъ своихъ мерзостей. Я понимаю въ искусствѣ демонизмъ, изображеніе чудовищныхъ натуръ, какого-нибудь воплощеннаго дьявола Ричарда III на сценѣ; но ни Шекспиръ не представилъ Ричарда мученикомъ и страдальцемъ, ни Ибсенъ не имѣлъ намѣренія возвести Гедду Габлеръ въ святыя женщины. Апоѳеозъ этотъ—личное дѣло г. Мережковскаго, который, когда видитъ предъ собою мертвую Гедду „въ ея безнадежной, холодной красотѣ", то у него не хватаетъ духу осудить ее за жестокость, за нравственный ея нигилизмъ; онъ плачетъ только надъ тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ она жила, надъ низкимъ уровнемъ буржуазнаго міросозерцанія. Гедда не могла жить не вѣря, а вѣры не откуда было взять. Если бы она нашла Бога, „во имя котораго стоило бы жить и умереть", то она бы его полюбила и сдѣлалась бы героиней или мученицей. Возникаетъ однако вопросъ: могла ли она найти Бога, когда она его вовсе не искала; она вѣдь прирожденная атеистка и эгоистка. Могла ли она вообще любить какое бы то ни было существо, физическое или идеальное, Бога или народъ, идею, когда по

Digitized by Google

своему душевному складу она неспособна любить. Любовь къ завѣдомо недостижимой, значитъ—къ несуществующей красотѣ есть вѣдь только праздная прихоть, чувство безъ содержанія, нѣчто похожее на свободу выбора путей у детерминистовъ по вопросу о свободѣ воли; любовь можетъ быть только къ возможному добру. Красота въ сущности тождественна съ добромъ; въ противномъ случаѣ она—уродство и извращеніе чувства. Любовь чего-то нечеловѣческаго есть просто нелѣпость. Очевидно, что при оцѣнкѣ Гедды Габлеръ г. Мережковскій передѣлалъ Ибсена, вложилъ въ него то, чего у Ибсена нѣтъ. Онъ, очевидно, раздѣляетъ многія воззрѣнія и чувства Ибсена, онъ человѣконенавистникъ и антиобщественникъ, по крайней мѣрѣ онъ радикальный противникъ современной культуры. По его словамъ, природа—дерево жизни, а культура—дерево смерти, „Анчаръ"... Изъ воздуха, отравленнаго ядомъ Анчара, изъ темницы, построенной на *кровавомъ долгѣ*, вѣчный голосъ вѣчнаго узника-человѣка зоветъ его къ первобытной свободѣ.

Одно только нехорошо: — люди не слушаются этого вѣчнаго голоса. Вотъ парочка нѣжныхъ сердецъ: съ одной стороны, Татьяна, съ другой—Онѣгинъ. Правда, Онѣгинъ немного попорченъ ложною культурою, а потому и неспособенъ къ любви, дружбѣ, созерцанію, подвигу. Однако, Татьяна могла бы его навести на путь природы и истины, она могла бы сдѣлаться для Евгенія новою Беатриче. Но она тоже попорчена и говоритъ: „Я васъ люблю, къ чему лукавить,—Но я другому отдана— И буду вѣкъ ему вѣрна". При этихъ словахъ, „отъ нея вѣетъ крещенскимъ холодомъ, между любящими другъ друга сердцами разверзается неприступная, какъ смерть, бездна долга, закона чести, брака, общественнаго мнѣнія", однимъ словомъ, всѣхъ лжей, заглушающихъ голосъ природы. Любящія сердца должны погибнуть потому, что поработили себя человѣческой лжи. Авторъ видимо сожалѣетъ, что они не бросились другъ другу въ объятія. О вкусахъ нельзя спорить, но отъ такой немудреной реализаціи несомнѣнно близкаго и возможнаго счастья ужаснулся бы вѣроятно и отвернулся бы самъ Пушкинъ, потому что, объединяясь такимъ образомъ, оба его героя порядочно бы унизились. Замѣчу только, что по сравненію съ Ибсеномъ г. Мережковскій мало радикаленъ. Ибсенъ написалъ поэму: „Брандъ", проникнутую ненавистью къ патріотизму. Извѣстно также его изреченіе: „Für das Solidarische hab'ich eigentlich niemals ein starkes Gefühl gehabt". Напротивъ того, г. Мережковскій упрекаетъ русскаго пуританина въ мужицкомъ полушубкѣ (гр. Л. Н. Толстого)

Digitized by Google

за то, что, проповѣдуя всемірное братство, то-есть *космополитическую* отвлеченность, онъ отрекся отъ любви къ родинѣ, отъ той ревнивой нѣжности къ своему національному, которая переполняла сердца Пушкина и Петра Великаго. Онъ сожалѣетъ о томъ, что Толстой сливаетъ живые цвѣта радуги (страстныя національныя черты) въ одинъ мертвый бѣлый цвѣтъ. Не сквозитъ ли въ этихъ сожалѣніяхъ родъ политическаго оппортунизма? Въ одномъ мѣстѣ г. Мережковскій утверждаетъ о Кальдеронѣ, что національность ограничиваетъ его геній, и хвалитъ Шекспира за то, что у него господствуетъ уже безграничная свобода. Въ нашъ жестокій вѣкъ, когда подъ вліяніемъ Дарвиновской идеи: борьбы за существованіе—прославлялось въ наукѣ и литературѣ племенное и національное каннибальство во имя патріотизма, достойнѣе было бы радикалисту выдержать свой характеръ до конца. Космополитизмъ Льва Толстого во сто разъ человѣчнѣе того, къ чему съ такою нѣжностью и пощадою относится г. Мережковскій, между тѣмъ какъ онъ, будучи послѣдователемъ Ибсена и полнѣйшимъ индивидуалистомъ, отрекшимся отъ всякаго стаднаго чувства, долженъ былъ бы держаться Ибсеновскаго принципа—быть не частицею цѣлаго, а только самимъ собою.

Разборъ всѣхъ двѣнадцати первыхъ этюдовъ въ книгѣ г. Мережковскаго, за исключеніемъ одного послѣдняго о Пушкинѣ, привелъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Авторъ совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько личностей, и у него не всегда одна съ другими согласна. Онъ—*эстетъ*, обожатель античнаго искусства и сторонникъ *аристократизма;* онъ также нервный, не выносящій вида страданія *галилеянинъ*. Онъ—утопистъ, мечтающій о *дикой волѣ* внѣ границъ цивилизаціи. Онъ, конечно, не бунтовщикъ, но индивидуалистъ и своего рода *анархистъ*, который готовъ радоваться, когда будутъ взрываемы другими людьми общественные устои, на тотъ конецъ только, чтобы ихъ взорвать, а тамъ, потомъ, окажется, что̀ изъ сего произойдетъ; авось какъ-нибудь что-нибудь устроится, можетъ быть и поплоше, но во всякомъ случаѣ иначе, чѣмъ теперь.

VI.

Двѣнадцать первыхъ главъ или этюдовъ въ книгѣ г. Мережковскаго, это только приступы и подходы, только подготовительныя работы; главный же предметъ затѣянной имъ выставки (le clou, какъ выразился бы французъ), это послѣдній этюдъ, памятникъ Пушкину, какого никто еще не воздвигалъ. Ему посвящена пятая

Digitized by Google

часть книги. Она написана красиво и увлекательно, какъ и все вообще, что пишетъ г. Мережковскій; почти цѣлая поэма, которую жаль разрушать, хотя и нельзя ее не сломать послѣ того, какъ вдумаешься въ нее критически. Задача, которую себѣ ставитъ авторъ, такова, что еслибы оправдалось то, что онъ предполагаетъ, то пришлось бы перестроить всю исторію русской литературы въ XIX столѣтіи, то-есть, съ того момента, когда она перестала только подражать. По мнѣнію г. Мережковскаго, Пушкинъ былъ не столько совершитель, сколько начинатель русскаго просвѣщенія. Поэтъ „недовершенныхъ замысловъ", онъ закладывалъ фундаменты во всѣхъ родахъ поэтическаго творчества, рубилъ просѣки, мостилъ дороги и былъ нѣчто въ родѣ литературнаго Петра Великаго. Создатель для своего народа особой, Пушкинской культуры, онъ былъ способенъ поднять русскую поэзію и культуру на „міровую высоту". Онъ—прототипъ такого русскаго человѣка, какимъ этотъ человѣкъ явится только въ будущемъ, чрезъ двѣсти лѣтъ. Къ несчастію для Россіи, онъ преждевременно умеръ, не создавъ ни одного главнаго произведенія, которое бы дало полную мѣру его силъ, каковы): Божественная Комедія, „Фаустъ" или „Гамлетъ". Онъ обладаетъ полнымъ, стройнымъ міросозерцаніемъ, всеобъемлющею мыслью. Сдѣлай этотъ медленно созрѣвающій человѣкъ еще одинъ шагъ впередъ, и онъ былъ бы признанъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности—*единственнымъ* даже среди величайшихъ міровыхъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ, по выдающейся особенности его поэтическаго темперамента—по *простотѣ*. Въ этомъ отношеніи, онъ едва ли не выше Гёте. Пушкинская Россія не съумѣла выдвинуть Пушкина на подобающую ему міровую высоту, не отвоевала ему мѣста на ряду съ Гёте, Шекспиромъ, Данте и Гомеромъ,—мѣста, на которое онъ имѣетъ право по внутреннему содержанію своей поэзіи. Въ похвалахъ дальше идти нельзя; г. Мережковскимъ достигнуты геркулесовы столбы возможнаго. Г-нъ Мережковскій полагаетъ, что несчастіе Пушкина заключалось въ томъ, что онъ очутился среди наступившаго прибоя демократической мутной волны, среди одичанія мысли и вкуса, среди грубаго утилитаризма и народническаго либерализма. Произошла продолжающаяся вездѣ убыль Пушкинскаго духа въ литературѣ, которой г. Мережковскій задумалъ положить конецъ своимъ изображеніемъ Пушкина, въ видѣ второго идейнаго Петра Великаго, скачущаго впередъ на обледенѣвшей глыбѣ финскаго гранита. Кругомъ его бушуютъ волны наводненія, изъ которыхъ каждая зоветъ насъ назадъ, къ материнскому лону русской земли, къ смиренію въ Богѣ, къ простотѣ

Digitized by Google

сердца великаго народа-пахаря, или въ уютную горницу „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, къ затишью „дворянскихъ гнѣздъ“, или къ дикому „обрыву“ надъ Волгою, къ серафической улыбкѣ „идіота“ или къ блаженному недѣланію Ясной-Поляны. Всѣ эти голоса—не что иное, какъ богохульный крикъ возмутившейся черни.

Какъ ни высоко мнѣніе г. Мережковскаго о достоинствахъ его субъективной критики, не стѣсняющейся доказательствами, все-таки онъ понялъ, что для приподнятія Пушкина на необычайную высоту необходимо употребить подходящій рычагъ. Онъ полагаетъ, что онъ нашелъ такую подъемную машину въ запискахъ пріятельницы Пушкина, смуглой, черноокой, живой и остроумной Александры Осиповны Россетъ, въ замужествѣ Смирновой. Ни капли русской крови не было въ этой привлекательной иностранкѣ, за которою ухаживали современные поэты. Отецъ ея былъ французскій эмигрантъ, кавалеръ де-Россетъ, мать—нѣмка Лореръ, изъ офранцузившихся нѣмцевъ; бабка по матери—грузинка изъ рода князей Цицiановыхъ. Анна Осиповна родилась въ 1809 г., вышла изъ екатерининскаго института въ 1826 г., сдѣлана тотчасъ фрейлиною; вышла въ 1831 г. замужъ за бывшаго дипломата, а потомъ губернатора, Смирнова, умерла въ Парижѣ въ 1882 г. Все, что отъ нея осталось, писано на французскомъ языкѣ. Ея бумаги достались ея дочери, тоже литераторшѣ, Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой, отъ которой, за годъ до ея смерти, послѣдовавшей 23 декабря 1893 г., удалось добыть издательницѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ записки матери, для напечатанія въ этомъ журналѣ.

Г-нъ Мережковскій не потрудился разобрать „Записки“, пропустить ихъ чрезъ фильтръ критики, но беретъ цѣликомъ все, что въ нихъ написано, на вѣру, какъ настоящую истину, и упрекаетъ современниковъ, что они замалчиваютъ книгу, которая во всякой другой литературѣ составила бы эпоху, вслѣдствіе чего держится еще и нынѣ то мнѣніе, якобы поэзія Пушкина есть только прелестная, но легковѣсная вакханочка. Современники не рѣшаются признать, что, судя по запискамъ Смирновой, Пушкинъ разсуждалъ о философіи, религіи, судьбахъ Россіи, о прошломъ и будущемъ человѣчества. Въ бесѣдахъ съ друзьями и Смирновой, Пушкинъ бросалъ сѣмена будущей, еще не существующей культуры, давалъ завѣты будущему просвѣщенію. Нерѣдко у Смирновой Пушкинъ излагалъ мысли, которыя сквозятъ и въ оставшихся его отрывкахъ, письмахъ, дневникахъ или черновыхъ его рукописяхъ,—словомъ, онъ является серьезнымъ человѣкомъ и глубокимъ, всеобъемлющимъ мудрецомъ, имѣющимъ своеобразное міросозерцаніе. Такъ какъ г. Мережковскій никакой критикѣ „Запи-

Digitized by Google

сокъ Смирновой" не подвергъ, то намъ приходится остановиться на вопросѣ: какую цѣнность могутъ имѣть эти записки въ смыслѣ историческаго источника? Какую историческую достовѣрность представляетъ то, что̀ въ запискахъ этихъ разсказано? Позволю себѣ привести нѣсколько почерпнутыхъ изъ записокъ образчиковъ, въ которыхъ передаются вещи либо мало вѣроятныя, либо небывалыя и совершенно невозможныя.

Напримѣръ, былъ разговоръ у Смирновыхъ, вѣроятно въ послѣднее время передъ смертью Пушкина, между Пушкинымъ, Жуковскимъ, Соболевскимъ и однимъ изъ Тургеневыхъ. Пушкинъ хотѣлъ показать, что онъ не завидуетъ начинающему собрату Лермонтову, и сказалъ: „надѣюсь, что Лермонтовъ создастъ не мало шедѣвровъ; онъ обладаетъ всѣмъ, что̀ нужно, чтобы сдѣлаться великимъ лирическимъ поэтомъ, у него бываютъ дивные стихи; ему слѣдуетъ читать, размышлять, учиться, сосредоточиваться и не подражать болѣе Байрону, послѣ того какъ онъ подражалъ Шиллеру. Жуковскій—его лучшій руководитель, какъ былъ и моимъ". Все въ этой передачѣ невѣрно. Поэты никогда не встрѣчались; Пушкинъ, по другимъ источникамъ, никогда о Лермонтовѣ не упоминалъ. Самъ Лермонтовъ, въ показаніи при допросѣ въ третьемъ-отдѣленіи, по поводу стиховъ на смерть Пушкина, сказалъ, что до того напечатана была только одна его поэма въ „Библіотекѣ для Чтенія"—„Хаджи-Абрекъ", въ 1855 г. Онъ не могъ добиться представленія на сценѣ своего неизданнаго еще „Маскарада", а его поэма про Грознаго Царя, про Кирибѣевича и купца Калашникова, появилась въ печати только въ 1838 г. Уже по смерти его, при изданіи юношескихъ его произведеній, стало извѣстнымъ, что онъ переводилъ Шиллера и заимствовалъ кое-что изъ его „Разбойниковъ", въ ненапечатанныхъ своихъ драмахъ. Пушкинъ не могъ предлагать въ наставники Лермонтову Жуковскаго; пѣсня Жуковскаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ была уже спѣта. Самъ Пушкинъ не относился къ Жуковскому какъ къ наставнику.

Вотъ еще страницы 281—287 изъ „Записокъ" Смирновой. Былъ у Смирновыхъ одинъ изъ обычныхъ субботнихъ вечеровъ, вѣроятно, осенью 1834 г., такъ какъ Пушкинъ принесъ тогда свои „прелестные стихи" о Мицкевичѣ (стихи безъ заглавія, изданные уже по смерти Пушкина и помѣченные 10 августа 1834 г.; они начинаются такъ: „Онъ между нами жилъ", а кончаются словами: „О, Боже, возврати—Твой миръ въ его *озлобленную* душу". Пушкинъ сказалъ: „его лучшее произведеніе—Панъ Тадеушъ, мнѣ хочется его перевести на старости лѣтъ, когда уже мнѣ болѣе нечего

Digitized by Google

будетъ сказать своего—я нахожу въ Панѣ Тадеушѣ новыя мысли". Онъ говорилъ затѣмъ, что боится кружка, который сплотился около Мицкевича, этихъ эмигрантовъ, въ родѣ *секты Товянскаго*, о которомъ Голынскій сообщалъ разныя подробности Соболевскому. Пушкинъ былъ взволнованъ, такъ какъ онъ считаетъ Мицкевича весьма несчастнымъ, а порою и *озлобленнымъ*. Говоря о поэмѣ на наводненіе, Пушкинъ сказалъ: „Мицкевичъ думалъ, что лошадь ринется въ пропасть и разобьется, но я не такой дурной пророкъ: она удержится на ногахъ. Пропасть насъ поглотитъ лишь въ томъ случаѣ, если мы не совершимъ того, о чемъ я мечтаю съ лицея, не освободимъ крѣпостныхъ, не возвратимъ имъ правъ гражданина и собственности".

Въ этой передачѣ все фальшиво, отъ начала до конца. Послѣдніе стихи „Пана Тадеуша" дописаны въ февралѣ 1834 г.; онъ медленно печатался, и едва ли могъ его читать Пушкинъ въ С.-Петербургѣ въ 1834 г. (это была запрещенная книга); едва ли сюжетъ поэмы могъ его заинтересовать и пріохотить къ переводу.

Писалъ поэму Мицкевичъ въ полномъ одиночествѣ и вдали отъ всѣхъ эмиграціонныхъ партій; женившись, онъ переселился изъза куска хлѣба въ Лозанну, преподавалъ тамъ римскую литературу, и только въ 1841 г. вступилъ на каѳедру Collége de France въ Парижѣ. Только въ концѣ 1841 г. пріѣхалъ въ Парижъ никому во Франціи неизвѣстный литвинъ Андрей Товянскій, который его опуталъ и увлекъ въ религіозный мистицизмъ. Поэма о наводненіи есть отрывокъ „Петербурга", составляющій приложеніе къ третьей части „Дзядовъ"; восторженныя же мечты Пушкина, высказываемыя имъ относительно освобожденія крестьянъ, были вполнѣ чужды Пушкину въ концѣ его жизни. Въ „Мысляхъ на дорогѣ", по направленію противоположному пути Радищевскому, а именно изъ Москвы въ Петербургъ, писанному въ 1834 г., Пушкинъ полемизируетъ съ Радищевымъ, съ его „тогдашнимъ модным красноловіемъ", и мирится съ существующимъ порядкомъ, т.-е. съ крѣпостничествомъ [1]). Я полагаю, что выходки Пушкина противъ крѣпостничества въ „Запискахъ Смирновой" приписаны и вставлены послѣ освобожденія крестьянъ; что въ уста Пушкину вложены слова, обличающія ясныя понятія о томъ, о чемъ никто еще опредѣлительно не помышлялъ, а именно освобожденіе крестьянъ не иначе какъ съ земельнымъ надѣломъ.

[1]) Соч. Пушкина, изданіе Морозова, т. V, стр. 240: „Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства, я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ".

Digitized by Google

На стр. 158 „Записокъ“, въ моментъ, предшествующій помолвкѣ А. О. Россетъ съ Смирновымъ, значитъ—до 1831 г., въ разговорѣ Жуковскаго съ Пушкинымъ Жуковскому приписаны слѣдующія слова: „Мускетеры Дюма (отца)—просто искатели приключеній, но они храбры, великодушны, легкомысленны, глуповаты, всегда съ обнаженной шпагой“. „Три мускетера“ Дюма изданы въ Парижѣ въ 1844 году, а Пушкинъ скончался въ 1837 г.

На стр. 66 „Записокъ“ Смирновой, приведены слова императора Николая Павловича, относящіяся къ бытности его въ Лондонѣ, когда ему было только 18 лѣтъ и когда никто не предвидѣлъ въ немъ будущаго государя: „Мнѣ показали Байрона въ паркѣ; онъ сидѣлъ на скамьѣ. Я прошелъ мимо скамьи, онъ всталъ и поклонился мнѣ“.—Такой поклонъ совсѣмъ не въ англійскихъ нравахъ и невѣроятенъ.

На стр. 154, Пушкину приписаны слова: „Шекспиръ есть величайшій творецъ живыхъ существъ, послѣ Бога“. Эти слова, повидимому, заимствованы почти дословно у Тэна: „le plus grand faiseur d'âmes humaines“.

На стр. 32 „Записокъ“, разсказаны живыя картины, поставленныя въ 1828 году въ домѣ Карамзиныхъ. Пушкинъ нарядился мужикомъ, Климентій Россетъ надѣлъ венгерку; Глинка игралъ на гитарѣ трепака и мазурку; на столѣ поставленъ былъ бронзовый Петръ Великій на конѣ, по Фальконету. Жуковскій подсказалъ Смирновой: „это Пушкинъ и Мицкевичъ передъ статуей Петра Великаго“. Мицкевичъ не былъ знакомъ въ этомъ обществѣ, не бывалъ у Карамзиныхъ; въ 1827 или 1828 г., онъ имѣлъ какой-то разговоръ съ Пушкинымъ о Петрѣ Великомъ, котораго содержаніе осталось тогда же незаписаннымъ и въ настоящее время никому неизвѣстно, но оно послужило основою для написанія Мицкевичемъ впослѣдствіи, въ Дрезденѣ, въ 1832 г., высоко-художественнаго стихотворенія „Памятникъ Петра В.“, вошедшаго въ составъ отрывка „Петербургъ“, приложеннаго къ третьей части „Дзядовъ“. Стихотвореніе Мицкевича есть несомнѣнно поэтическая фикція. Оно передаетъ чувства, будто бы выраженныя Мицкевичу Пушкинымъ, при сопоставленіи имъ памятника, созданнаго Фальконетомъ, съ конною статуею Марка-Аврелія, у подъема въ Капитолій, близъ Ага Coeli въ Римѣ. Ничего подобнаго не могъ высказывать Пушкину Мицкевичъ въ 1828 г., потому что самъ онъ увидѣлъ впервые коннаго Марка-Аврелія въ Римѣ въ 1829 и 1830 годахъ; Пушкина же познакомилъ съ этою статуею Смирновъ, женившійся на А. О. Россетъ въ 1831 г. (Зап. Смирновой, стр. 244).

Digitized by Google

Изъ разсказа о живыхъ картинахъ у Карамзиныхъ слѣдовало бы заключить, что собравшееся у Карамзиныхъ общество было уже настолько знакомо съ содержаніемъ стихотворенія, увѣковѣчившаго ничѣмъ не замѣчательный и не записанный ни однимъ изъ двухъ поэтовъ ихъ разговоръ, что собравшіеся способны были отгадать смыслъ изобразившей эту бесѣду живой картины, чего, конечно, въ дѣйствительности быть не могло.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ домѣ Смирновыхъ поклоненіе Пушкину, пока онъ жилъ, было глубокое, а по его смерти, память о немъ хранилась свято; этотъ культъ Александра Осиповна Смирнова передала и дочери, Ольгѣ Николаевнѣ. Безсознательно и постепенно, въ воспоминанія прошлаго вплеталось и все то, что обѣ Смирновы узнавали о Пушкинѣ, либо вчитываясь въ его произведенія, либо слѣдя за тѣмъ, что было о Пушкинѣ другими писателями печатаемо. Къ несомнѣнно достовѣрному присовокуплялось сказочное изъ наслоившихся постепенно налетовъ. Смѣшенію достовѣрнаго съ легендарнымъ содѣйствовала въ значительной степени безпорядочность записей. Ни одна изъ этихъ записей не имѣетъ числа и года; онѣ перемѣшаны хронологически и позаимствованы изъ альбомовъ, записныхъ книжекъ, клочковъ бумаги, писемъ и бѣглыхъ замѣтокъ. Весь этотъ матеріалъ Смирнова-дочь получила только въ 1886 и 1887 годахъ изъ Лондона и Дрездена. Она не подвергла этихъ записей строгой разборкѣ, не расположила ихъ годами. Сообщая матеріалъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“, она сначала поставила событія 1828 года и послѣдующаго времени, потомъ воспоминанія матери о времени, проведенномъ въ екатерининскомъ институтѣ, и о наводненіи 1824 г., потомъ въ запискахъ замѣтенъ скачокъ съ пропускомъ польскаго мятежа и затѣмъ является внезапно извѣстіе о взятіи Варшавы и разсказываются позднѣйшія происшествія. Подлинныхъ записей матери дочь никому не сообщала, ни въ подлинникахъ, ни въ копіяхъ; она присылала въ журналъ, по словамъ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“, ею же писанные на французскомъ языкѣ сплошные листы, передающіе нанизанныя одно на другое воспоминанія. Листы писаны „болѣзненно-неправильнымъ“ почеркомъ, съ недописанными словами (дочь Смирнова страдала глазами); въ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“ рукописи дочери Смирновой переводились на русскій языкъ. Приготовляя воспоминанія, дочь пользовалась еще и своими собственными замѣтками, такъ какъ, по совѣту матери, она вела дневники, внося въ нихъ „только-что выслушанное“. Собственныя ея замѣтки воспроизводили воспоминанія

Digitized by Google

матери; изъ этихъ выслушанныхъ данныхъ она намѣревалась написать нѣчто особое. Она была сильно раздражена противъ новѣйшей русской литературы и въ особенности противъ журналистики. Редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ присовокупляетъ, что дочь Смирнова (т. I Зап.) обладала „цѣлымъ философскимъ и эстетическимъ міросозерцаніемъ, сложившимся на основаніи огромнаго литературнаго образованія и широкаго знакомства съ разнообразными вопросами исторіи Россіи и другихъ европейскихъ государствъ“. Можно себѣ представить, какъ сильно разлагался каждый лучъ свѣта, исходящій отъ Пушкина, проходя послѣдовательно чрезъ двѣ такія призмы: умъ и сознаніе сначала матери, а потомъ и дочери. Весь матеріалъ былъ перерабатываемъ обѣими, причемъ я обращу вниманіе на странный, употребляемый въ „Запискахъ“, пріемъ—повторять одинъ и тотъ же фактъ нѣсколько разъ, какъ будто бы для того, чтобы сильнѣе водрузить его въ памяти читателя и сдѣлать его чрезъ то болѣе достовѣрнымъ. Такъ, напр., на стр. 13 дочь пишетъ: еще въ 1826 г., въ разговорѣ съ Блудовымъ, Государь назвалъ Пушкина самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи. На стр. 91, мать Смирнова выражается такъ: „я прибавила: Государь сказалъ Блудову въ 1826 г., что вы самый замѣчательный человѣкъ въ Россіи“. На стр. 266: „я отвѣчала (Баранту): Государь сказалъ Блудову въ 1826 г., послѣ своего перваго свиданія съ Пушкинымъ: сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи“. Несмотря на многочисленность повтореній, фактъ остается сомнительнымъ потому, что оцѣнка отнесена не къ поэту и его дарованію, а къ качествамъ ума Пушкина съ государственной точки зрѣнія, которыми Пушкинъ не былъ никогда силенъ, и которыя императоръ Николай не былъ расположенъ въ поэтѣ признавать.

На страницахъ 129, 273 и 296 „Записки“ удостовѣряютъ предчувствіе въ Пушкинѣ ранней его смерти.

Особенно настойчиво въ „Запискахъ“ выражается стараніе писательницы насчетъ устраненія всякаго сомнѣнія въ томъ, что, записывая русскія рѣчи съ моментальнымъ переложеніемъ ихъ на французскій языкъ, А. О. Россетъ воспроизводила ихъ съ полною точностью и дословно. На стр. 150, Пушкинъ ее спрашиваетъ: „Что вы дѣлаете? Рисуете наши каррикатуры“? „Нѣтъ, я записываю ваши слова“. Пушкинъ расхохотался: „протоколъ литературнаго засѣданія“. Стр. 154: „Пушкинъ перечелъ мои записки, поправилъ двѣ-три фразы, которыя я переводила, когда онѣ были сказаны по-русски“... Стр. 163: „Пушкинъ повернулся

Digitized by Google

ко мнѣ, взялъ бумагу, перемѣнилъ одну или двѣ фразы и сказалъ: вы прирожденная стенографистка". Стр. 173: Пушкинъ сказалъ: „какъ вы быстро переводите на французскій языкъ; это очень полезное упражненіе". Стр. 218: „вы по прежнему будете вести свои замѣтки, и когда мы состарѣемся, мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ". Стр. 272: „я просила его пересмотрѣть замѣтки, которыя я набросала. Онъ рѣшилъ: какая страшная у васъ память; я перемѣнилъ только три слова, да и тѣ равнозначащія".

Замѣчательно, что въ „Русскомъ Архивѣ" за 1871 г., № 11, стр. 1882, помѣщены отрывки воспоминаній А. О. Смирновой, изъ которыхъ видно, что еще въ 1832 году Пушкинъ не подозрѣвалъ, чтобы она была не только стенографистка, но даже и писательница. „Въ 1832 году А. С. Пушкинъ приходилъ почти каждый день ко мнѣ и въ день рожденія моего принесъ мнѣ альбомъ и сказалъ: вы такъ хорошо разсказываете, что должны писать свои записки".

VII.

Хотя записки Смирновой настойчиво внушаютъ читателю, что все записанное правда не только по содержанію, но и по формѣ, что Смирнова фиксировала все сказываемое Пушкинымъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было произнесено, но въ дѣйствительности у г-жи Смирновой подъ ея перомъ пропадаетъ весь Пушкинъ, какимъ мы его знаемъ по его письмамъ и по сказаніямъ его друзей и современниковъ. Онъ былъ шутникъ и неистощимый острякъ, насмѣхающійся не злобно, но позволяющій себѣ и тривіальности, приходившія ему на языкъ. Онъ выражался коротенькими фразами, глубоко зарубающимися въ предметъ и неподражаемо мѣткими, а не саженными періодами. Никогда не подтверждалъ онъ своихъ положеній цѣлыми вереницами примѣровъ, какъ то свойственно педантамъ и учителямъ, никогда онъ не наводилъ скуку самымъ изложеніемъ мыслей, которыя у него не текли, а сверкали. Замѣчательный образчикъ такого скучнословія въ якобы Пушкинской бесѣдѣ представляетъ разсказъ объ одномъ вечерѣ у Смирновыхъ при участіи князя Вяземскаго, Пушкина и де-Баранта, занимающій цѣлыя 20 убористыхъ страницъ (246—266). Зашла сначала рѣчь о даровитыхъ женщинахъ-царицахъ. Пушкинъ выкинулъ залпомъ цѣлыхъ 15 именъ такихъ женщинъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Семирамиды, Зиновіи и Клеопатры. Потомъ его заставили

Digitized by Google

импровизировать родъ англійскаго Essay о демократіи и аристократіи, начиная съ Востока, Греціи, Рима и до современнаго общественнаго и государственнаго устройства теперешнихъ европейскихъ государствъ. Весь этотъ публицистическій этюдъ въ видѣ лекціи кончается довольно заурядным и почти безспорнымъ выводомъ, что когда народъ станетъ по своему образованію тѣмъ, чѣмъ былъ tiers-état во Франціи въ 1789 г., то онъ получитъ преобладаніе вслѣдствіе своей цивилизаціи и численности. Образуется тогда *третья* аристократія, умственная, но пока это сбудется, будетъ господствовать послѣ *первой* родовой аристократіи вторая— денежная, которая господствуетъ въ нашемъ обществѣ, сдѣлавшемся буржуазнымъ. По словамъ Пушкина, *демократами* въ широкомъ смыслѣ этого слова бываютъ люди, которые допускаютъ, что таланты и геніи могутъ выдѣляться изъ массы и достигать значенія и власти. Такими демократами были и Петръ В., и даже Христосъ, котораго якобинцы лживо прозываютъ санкюлотомъ-патріотомъ, такъ какъ вдохновенность или святость не составляютъ никогда удѣла одного только класса, однихъ только простолюдиновъ. Отъ этой длинной диссертаціи вѣетъ духомъ второй половины XIX в., то-есть временъ послѣ крымской войны. Сама кличка *демократъ* была чѣмъ-то запретнымъ при Николаѣ Павловичѣ; Пушкинъ самъ себя такъ не называлъ; въ пику придворному дворянству онъ назвалъ себя въ своей „родословной“ только „мѣщаниномъ“, въ душѣ же онъ всегда былъ дворянинъ до мозга костей. И его выходки противъ крѣпостного состоянія, и его взгляды на священное писаніе, за которые, по словамъ Смирновой, онъ удостоился такой похвалы отъ Баранта: „я не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ“,—кажутся мнѣ поддѣльными вставками. Разъ доказаны поддѣлки и сочинительство въ нѣкоторыхъ частяхъ „Записокъ“, то по каждой лично до Пушкина относящейся подробности ставится вопросъ: не поддѣлана ли она? А такъ какъ ни отъ одной изъ нихъ не вѣетъ Пушкинскимъ духомъ, то онѣ становятся сомнительными и должны быть устранены, а въ числѣ ихъ въ особенности такія, которыя умаляютъ значеніе Пушкина и представляютъ его въ жалкомъ или пошломъ видѣ. А. О. Смирнова была свѣтская барыня, фрейлина изъ екатерининскаго института, обожающая все августѣйшее семейство, и въ то же время связанная тѣснѣйшею дружбою, доходящею до культа, съ Пушкинымъ. Къ этимъ двумъ преобладающимъ привязанностямъ слѣдуетъ прибавить общее настроеніе, господствовавшее въ этомъ высшемъ обществѣ, умѣренно-либеральное, весьма буржуазное. Хотя Пушкинъ жилъ въ этой атмосферѣ,—сомнѣваюсь, могъ ли онъ выра-

Digitized by Google

жать слѣдующіе этически-пуританскіе и чопорные взгляды и вкусы. На стр. 132: „Руссо на мой взглядъ есть писатель безнравственный; его хваленая чувствительность только флёръ, прикрывающій проповѣдь доктринъ, недостойныхъ одобренія. Его герои и героини противоположны добродѣтели. Идеализировать запрещенныя страсти безнравственно". Стр. 151: „Жанъ-Жакъ для меня скученъ". Стр. 305: „Онъ унизилъ любовь. У него все фальшиво, даже природа". На стр. 194, Альфредъ де-Виньи отдѣланъ столь же безпощадно, какъ и Руссо, за его Элоа, послужившую первообразомъ Тамарѣ Лермонтовскаго „Демона". Элоа—женскій ангелъ, духъ состраданія, родившійся отъ слезы Христа, пролитой на крестѣ. Чтобы сострадать—надобно прежде полюбить. Элоа пожалѣла Люцифера до того, что отдала ему въ жертву свою чистоту. Пушкинъ у Смирновой возмущенъ не сюжетомъ, который прелестенъ, но ложною идеею. „Развѣ то не софизмъ, что паденіе можетъ быть слѣдствіемъ состраданія"! Пушкинъ задается вопросомъ: вѣрующій ли человѣкъ Виньи, или нѣтъ? Такіе же вопросы онъ ставитъ по отношенію къ Гёте и Шекспиру. Онъ самъ признаетъ себя не только вѣрующимъ, но *правовѣрнымъ* человѣкомъ. Отношу это выраженіе на счетъ неудачнаго перевода слова orthodoxe; надлежало бы сказать: православный. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Пушкинъ, хотя, будучи молодымъ, хвастался, что онъ „аѳей", но въ сущности онъ былъ христіанинъ, чему свидѣтелемъ—его „Галубъ"; но едва ли когда-либо онъ былъ узкимъ христіаниномъ, исключительно православнымъ человѣкомъ. Едва ли онъ могъ мечтать о водвореніи христіанства на Кавказѣ посредствомъ веденія религіозной войны съ горцами (стр. 90), то-есть, о водворенія христіанства на Кавказѣ съ помощью тѣхъ солдатъ въ киверахъ и съ ружьями, которые бы охраняли своимъ покровительствомъ могучимъ—„Того владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ, Христа, предавшаго покорно плоть свою бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію" (стихи на „Распятіе" Брюллова). Само собою разумѣется, что Пушкинъ у Смирновой (стр. 205) сильно порицаетъ Шелли за его „Прометея": „я не признаю, чтобы возмущеніе противъ Бога могло освобождать насъ отъ нашихъ золъ. Это—софизмъ, это архилживо; оно только ожесточаетъ людей".

Всего больше обиженъ однако Пушкинъ въ „Запискахъ" Смирновой тѣмъ, что онъ представленъ какъ кроткій агнецъ, совсѣмъ одомашненный и прирученный, котораго ласкаютъ какъ ребенка и охраняютъ посредствомъ усиленной цензуры отъ послѣдствій, какія могли бы имѣть его шалости со стороны тѣхъ, кого онъ возстановлялъ противъ себя своими колкими эпиграм-

Digitized by Google

мами. Императоръ Николай говоритъ ему (стр. 179): „продолжай излагать твои мысли въ стихахъ и прозѣ; нѣтъ надобности золотить пилюли для меня, но надо дѣлать это для публики (стр. 227). Стихи Пушкина остроумны, ему ихъ не простятъ. Не нападай на нихъ (на Булгарина), они этого не стоютъ".

Умаливъ Пушкина, г-жа Смирнова въ своихъ запискахъ низвела и императора Николая съ его высокаго пьедестала. Онъ намъ не импонируетъ своимъ холоднымъ и суровымъ величіемъ, онъ болѣе похожъ на Марка-Аврелія, тонкаго литератора, художника и философа въ свои свободныя минуты. Онъ любопытствуетъ знать: „правда ли, что у меня голова Юпитера?—Какого же Юпитера: Громовержца, Капитолійскаго или Статора? Вотъ у Гёте была голова Статора; онъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе; я отъ него не слыхалъ банальной фразы" (стр. 85).—Императоръ Николай заходитъ запросто на вечерній чай къ фрейлинамъ, напримѣръ къ А. О. Россетъ (стр. 49). Узнавъ, что у Россетъ бываютъ поэты, онъ сходится съ ними и бесѣдуетъ съ Пушкинымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ, даже съ Гоголемъ. Съ послѣднимъ онъ бесѣдуетъ о гетманахъ, отъ Хмельницкаго до Скоропадскаго, и о дядѣ Гоголя, Трощинскомъ. Онъ возводитъ А. О. Россетъ, не конфиденціально, а открыто предъ всѣми, въ званіе курьера или фельдъегеря по отношенію къ стихамъ Пушкина. Онъ ей поручаетъ стихи Пушкина доставлять къ нему, а отъ него препровождать по принадлежности для отдачи въ обыкновенную цензуру.

Между императоромъ и Пушкинымъ устанавливается постепенно столь тѣсная связь, что Пушкинъ забѣгаетъ къ государю на улицахъ, якобы случайно; что съ разрѣшенія государя онъ является въ Лѣтній садъ во время утреннихъ прогулокъ государя: „но это между нами; скажутъ, что ты хочешь влѣзть ко мнѣ въ довѣріе, ищешь милостей и хочешь интриговать, а это тебѣ повредитъ. Всѣхъ, съ кѣмъ я разговариваю и кого отличаю, считаютъ интриганами" (стр. 72). Сюжеты ихъ разговоровъ—не только поэзія, но также дѣла и люди современные, Аракчеевъ, Сперанскій; государь выражаетъ свои личныя о нихъ сужденія. Онъ интересуется даже снами Пушкина: „скажите ему, что я прошу его видѣть такихъ сновъ побольше, они прекрасны и полезны для русской поэзіи" (стр. 84). Онъ поручаетъ Смирновой передать Пушкину, что Веллингтоновскій „Reformbill" прошелъ въ англійскомъ парламентѣ, а онъ думалъ, что не пройдетъ (стр. 82). А. О. Россетъ сдѣлалась посредницею между государемъ и Пушкинымъ; а такъ какъ ея функція имѣла несомнѣнно литературно-

Digitized by Google

политическое значеніе, то и сама она становилась политическимъ лицомъ. Она исправляла свою должность съ серьезностью департаментскаго регистратора и вела списокъ всего, что̀ проходило чрезъ ея руки. По пріему, часто употребляемому ею въ „Запискахъ", она заставляетъ Пушкина огласить этотъ списокъ. На одинъ изъ послѣднихъ своихъ обѣдовъ у Смирновыхъ (стр. 319) Пушкинъ принесъ записку и сказалъ:—отгадайте? Говорятъ: стихи.— Это—списокъ поэмъ и стихотвореній, которые одна прекрасная особа давала читать государю, прежде чѣмъ ихъ видѣлъ Катонъ (графъ Бенкендорфъ). Тутъ есть: Онѣгинъ, Графъ Нулинъ, Мѣдный Всадникъ, есть Бородино, На взятіе Варшавы и Клеветникамъ Россіи, изъ-за которыхъ мой фельдъегерь даже поссорился съ Вяземскимъ, который сказалъ, что это—„*шинельные стихи*"...

Что касается до „Мѣднаго Всадника", то я сомнѣваюсь, былъ ли онъ подносимъ государю, потому что цензура въ концѣ концовъ его не пропустила, такъ что онъ появился только между посмертными произведеніями Пушкина. Еслибы дѣйствительно государь, какъ то написано въ „Запискахъ" Смирновой, сказалъ въ разговорѣ съ Пушкинымъ: „я радъ, что ты озаглавилъ поэму Мѣдный Всадникъ, это такое русское заглавіе, и оно такъ идетъ къ Петру Великому; то, что̀ Александра Осиповна показывала мнѣ, дивно хорошо",—то, имѣя такую заручку, поэтъ могъ бы пожаловаться государю на цензуру, и поэма бы прошла. Но у Смирновой выходитъ, что государь Николай и его цензура были почти въ такомъ же отношеніи, какъ Филиппъ II и св. инквизиція: что̀ разрѣшилъ король, то инквизиція могла еще запретить.

Относительно „шинельныхъ стиховъ" можно бы, повидимому, съ увѣренностью сказать, что въ этомъ мелкомъ фактѣ замѣчается очевидная маленькая литературная поддѣлка. Уже послѣ взятія Варшавы (7-го сентября 1831 г.), Жуковскій издалъ томикъ своихъ и Пушкинскихъ патріотическихъ стиховъ, въ числѣ которыхъ стихи: „На взятіе Варшавы", были его собственные. Въ IX томѣ соч. кн. П. А. Вяземскаго, напечатанномъ въ 1884 г., воспроизведено содержаніе его старыхъ записныхъ книжекъ. Въ одной изъ нихъ было отмѣчено, что, находясь въ Москвѣ и прочитавъ патріотическій сборникъ своихъ друзей, Вяземскій его не одобрилъ по чувству, внушаемому простѣйшею моралью, что лежачаго не бьютъ. Подъ 14-ое сентября 1831 г., въ книжкѣ Вяземскаго записано, что онъ написалъ письмо къ Пушкину, но только не послалъ. Въ письмѣ было сказано: „охота была Жуковскому (не Пушкину) писать *шинельные* стихи" (стихотворцы, которые ходятъ въ Москвѣ въ шинели по домамъ съ поздрави-

Digitized by Google

тельными одами). Свою остроту едва ли Вяземскій повторилъ потомъ въ С.-Петербургѣ, такъ какъ сборникъ имѣлъ большой успѣхъ у публики, а Вяземскій не пошелъ бы противъ этого уже опредѣлившагося теченія. Слѣдовательно, въ „Запискахъ“ Смирновой имѣются слѣдующія неточности: 1) Пушкину невѣрно приписаны стихи Жуковскаго; 2) Вяземскій никогда не называлъ стиховъ „Клеветникамъ Россіи“ „шинельными стихами“; 3) сама острота: „шинельные стихи“—не была вѣроятно извѣстна, до изданія въ 1884 году IX т. Сочиненій Вяземскаго. Патріотическій сборникъ изданъ Жуковскимъ; очень можетъ быть, что и Пушкинскіе стихи, предназначавшіеся въ этотъ сборникъ, могли попасть въ печать помимо государя. Удостовѣряемый Смирновою фактъ, что „Бородино“ и „Клеветникамъ Россіи“ подносимы были предварительно государю, способенъ умалить до нѣкоторой степени наше уваженіе къ Пушкину, если бы они могли быть объяснены не выраженіемъ патріотическихъ чувствъ русскаго человѣка, но личною услугою Пушкина правительственной политикѣ.

Еслибы было достовѣрно, что императоръ Николай двукратно якобы повторилъ Смирновой (стр. 221), чтобы Пушкинъ передавалъ ему все, что̀ напишетъ („не забудьте, это болѣе чѣмъ разрѣшеніе; я этого хочу“); еслибы императоръ Николай дѣйствительно былъ въ такомъ восхищеніи отъ Пушкинскаго „Пророка“ („стихотвореніе дивно-прекрасно, это настоящій *Пророкъ*“), то Пушкину не зачѣмъ было бы добиваться упорно, но безуспѣшно, разрѣшенія издавать подцензурную газету; онъ бы гораздо больше сдѣлалъ и скорѣе дѣйствовалъ, вліяя на государя непосредственно; онъ бы успѣлъ и доставить облегченіе друзьямъ своимъ декабристамъ, и достигнуть освобожденія крестьянъ. Это освобожденіе звучитъ во всей книгѣ фальшивымъ тономъ въ аккордахъ Смирновой. Были благія по этому предмету пожеланія, но не въ той степени и не во всѣ времена; мѣра и перспектива не соблюдены; настроенія дѣйствующихъ лицъ модернизированы послѣ крестьянской реформы и въ духѣ этой реформы. Не могъ Пушкинъ послѣднихъ его лѣтъ сказать (стр. 288): „я ненавижу придворное дворянство, съ нимъ государю всего труднѣе будетъ справиться въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ“. Не могъ самодержецъ, исполненный сознанія своего политическаго всемогущества, дѣлать такія интимныя сообщенія и высказывать завѣты, касающіеся глубочайшихъ замысловъ политики: „только тогда я буду счастливъ, когда народъ освободится отъ крѣпостной

Digitized by Google

зависимости"; на что Смирнова отвѣтила: „да услышитъ васъ Богъ", а ея мужъ и Пушкинъ сказали: „аминь"! (стр. 225).

Кто бы желалъ удостовѣриться въ малой рѣшительности императора Николая по крѣпостному дѣлу, тому бы мы совѣтовали справиться о томъ въ трудѣ В. И. Семевскаго, во второмъ томѣ его (1882) книги: „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая".

VIII.

Вѣнцомъ несообразностей, которыми пестрѣютъ „Записки" Смирновой, считаю я все то, что въ этихъ запискахъ относится къ „Анчару", причинившему Пушкину бездну непріятностей. Въ 1832 г., цензоръ пропустилъ эту на видъ совсѣмъ невинную, весьма красивую бездѣлушку, навѣянную поэту воспоминаніями о его африканскомъ происхожденіи. Графъ Бенкендорфъ почуялъ въ этомъ произведеніи нѣчто ядовитое и возбудилъ вопросъ, почему оно было напечатано безъ предварительнаго разрѣшенія государя. Дѣло доходило до государя и кое-какъ уладилось. У г-жи Смирновой сочиненъ по поводу „Анчара" цѣлый разсказъ, въ родѣ комментарія. Императоръ прочелъ corpus delicti, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. „За ужиномъ онъ мнѣ сказалъ: то былъ *рабъ*, а у насъ крѣпостные. Я прекрасно поняла, о какомъ деревѣ говоритъ Пушкинъ. Онъ правъ, говоря, что мы должны возвратить русскому мужику его права, его свободу и его собственность (совершенно въ духѣ Положеній 19-го февраля 1861 г.). Я говорю: *мы*, потому что я не могу совершить этого помимо владѣльцевъ крѣпостныхъ, но это будетъ. Еслибы я одинъ сдѣлалъ это, сказали бы, что я деспотъ. Уполномочиваю васъ передать все это Пушкину".

Оставимъ этотъ разговоръ, который, на мой взглядъ, совсѣмъ не въ духѣ императора Николая и былъ бы умѣстенъ и корректенъ только еслибъ его велъ какой-нибудь конституціонный монархъ, а не неограниченный самодержецъ. Остановимся на самомъ *древѣ яда* и вдумаемся въ его внутренній смыслъ. Либо „Анчаръ" есть чистая бездѣлка, взятая изъ какого-нибудь путешествія по Африкѣ, считаемой поэтомъ его дальнею родиною. Я самъ такъ думалъ, когда въ 1891 г. полемизировалъ съ краковскимъ профессоромъ Третякомъ (VIII т. моихъ сочиненій, л. 55), который объяснялъ „Анчара" непримиримою ненавистью къ существующему въ Россіи политическому порядку. Я опровергалъ это мнѣніе, основываясь на Воспоминаніяхъ и Очеркахъ, Анненкова, и

Digitized by Google

доказывалъ, что такое толкованіе не соотвѣтствовало *тогдашнему* настроенію Пушкина, когда „Анчаръ“ писался Пушкинымъ въ Малинникахъ, въ 1828 г., когда онъ еще не былъ женатъ и когда онъ чувствовалъ себя веселымъ, свободнымъ и счастливымъ. Либо „Анчаръ“ имѣлъ мысль сокровенную, гораздо болѣе глубокую, на что наводятъ слова: „Анчаръ, какъ грозный часовой—Стоитъ *одинъ* во всей вселенной... Но человѣка человѣкъ—Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ... И умеръ вѣрный рабъ у ногъ—Непобѣдимаго владыки... И царь тѣмъ ядомъ напиталъ—Свои послушливыя стрѣлы—И съ ними гибель разослалъ—Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы“... Чѣмъ больше я вдумываюсь теперь въ это весьма загадочное произведеніе, тѣмъ болѣе склоняюсь къ тому, что, можетъ быть, Третьякъ до извѣстной степени правъ, и что графъ Бенкендорфъ доказалъ свою проницательность, отнесясь подозрительно къ „Анчару“. Начало тридцатыхъ годовъ еще не было столь тяжело для литературы, какъ во времена послѣ февральской европейской революціи 1848 г., когда началъ дѣйствовать негласный (бутурлинскій) комитетъ 2-го апрѣля, когда русская литература платилась за политическіе безпорядки въ западной Европѣ и когда прекратилось всякое свободное выраженіе мыслей по какимъ бы то ни было общественнымъ вопросамъ. Но и въ тридцатыхъ годахъ уже опредѣлительно обозначилось, въ какомъ направленіи движется Россія и къ какому умственному омертвѣнію она должна придти. Это настроеніе эпохи отражалось всего сильнѣе на Пушкинѣ; не было человѣка болѣе вольнолюбиваго, чѣмъ онъ, но его не отпускали; онъ чувствовалъ себя по рукамъ и по ногамъ связаннымъ и юридически, и нравственно, по чувству благодарности за непривлеченіе къ отвѣтственности, по связямъ съ декабристами, за монаршія милости и щедроты. Онъ былъ какъ птичка въ клѣткѣ, и когда могъ, пытался упорхнуть, просился въ 1828 г. на турецкую войну, но его не пустили; онъ сбѣжалъ безъ спроса въ Эрзерумъ, но фельдмаршалъ Паскевичъ, по словамъ г-жи Смирновой, выпроводилъ его въ Тифлисъ. Ему не позволили печатать даже хвалебныхъ для правительства стихотвореній, напримѣръ „Друзьямъ“: „Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю хвалу свободную слагаю“ (мартъ, 1828). На него находила порою хандра. Въ одну изъ такихъ минутъ, въ Малинникахъ, въ 1828 г., онъ имѣлъ поэтическое видѣніе: ему представились въ поэтическомъ образѣ тѣ тяжелыя для мысли, для свободнаго творчества, условія, въ которыхъ приходилось и ему, и цѣлому обществу, жить; кругомъ—омертвѣніе, пустыня, ужасающее однообразіе; надъ отдѣльными

Digitized by Google

людьми-особями высится всемогущая власть, передъ которою все преклоняется, которая всему міру грозна и посылаетъ послушныя стрѣлы во владѣнія сосѣдей. Я готовъ допустить, что въ „Анчарѣ“ можно найти ключъ не ко всей дѣятельности Пушкина во второмъ Николаевскомъ періодѣ его жизни, но къ нѣкоторымъ, возвращавшимся къ нему чаще и чаще, ощущеніямъ, далеко не жизнерадостнымъ, а сильно пессимистическимъ. Въ такіе моменты А. О. Смирнова, которой не былъ въ подробности извѣстенъ его Александровскій періодъ, не могла его наблюдать; съ этой стороны онъ ей совсѣмъ не показывался, но такія вспышки чувства горести и сильной боли у него бывали и сохранились, какъ, напримѣръ, слѣдующія. Въ письмѣ 1835 (VII, 239): „Chère madame Osipow, la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui la rend dégoutante et c'est un vilain lac de boue que ce monde“. Письмо 1836 г. (VII, 401): „русская журналистика все равно что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ г-жа Безобразова. Очищать русскую литературу, значитъ чистить нужникъ и зависѣть отъ полиціи. Чортъ ихъ побери, у меня кровь въ желчь превращается“. Письмо къ женѣ 1834 (VII, 353): „Зависимость изъ честолюбія или изъ нужды унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать какъ угодно“. Письмо 1834 (VII, 355): „Кабы Заводы были мои, меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Живя въ нужникѣ, поневолѣ привыкаешь къ г...., и вонь его не будетъ тебѣ противна, даромъ что gentleman. Письмо 1834 г. женѣ (VII, 351): „Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ, что мнѣ весело въ немъ жить, между пасквилями и доносами“.—Письмо (1834) женѣ, (VII, 349): „Дай Богъ плюнуть на Петербургъ, подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость, особенно когда лѣтъ двадцать человѣкъ былъ независимъ“. Письмо 1834 (VII, 366): „Не хочу чтобы папеньку (моихъ дѣтей) хоронили какъ шута, а ихъ маменька ужасъ какъ хороша была на Аничковскихъ балахъ“. Письмо 1836 (VII, 404): „Душа въ пятки уходитъ, какъ вспомнишь, что я журналистъ. Будучи *еще* порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: vous avez trompé. Что теперь со мною будетъ?.. Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ душою и талантомъ! весело, нечего сказать“!

Эти—не жалобы и не выраженія скорби, а просто крики сильной душевной боли, издаваемые человѣкомъ, который вовсе не расположенъ былъ по своей натурѣ ныть и хныкать, не

Digitized by Google

соотвѣтствуютъ ни портрету, написанному А. О. Смирновою, ни идеальному представленію о Пушкинѣ, сочиненному подъ впечатлѣніемъ ея „Записокъ“ г. Мережковскимъ. Въ „Запискахъ“ Смирновой Пушкинъ—любимецъ государя, такой же исправный и приличный царедворецъ, какъ и она сама, человѣкъ, понимающій и соблюдающій всѣ условности тогдашняго общежитія (всѣ conventionelle Lügen, какъ выражается Max Nordau). У г. Мережковскаго Пушкинъ—неизмѣнно лучезарный, не затемняемый никогда никакими тучами богъ Аполлонъ, расточающій кругомъ только жизнерадостность и веселье. Если съ этими двумя, доброжелательно льстящими Пушкину изображеніями, сопоставить настоящаго Пушкина, каковъ онъ представляется не по нѣкоторымъ, но по всѣмъ безъ исключенія своимъ произведеніямъ и письмамъ, то окажется, что сочиненный Пушкинъ не только неправдивъ, но даже и гораздо менѣе красивъ, нежели настоящій, у котораго по временамъ отъ нестерпимой боли искажались черты лица. Въ нестрадающемъ Пушкинѣ Мережковскаго пропадаетъ весь трагизмъ положенія великаго поэта, который намъ по этимъ страданіямъ становится особенно дорогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется еще и то, не имѣющее никакой, указанной у Мережковскаго, разумной причины обстоятельство, что съ тридцатыхъ годовъ Пушкинскій духъ сталъ убывать въ русской литературѣ и что только въ настоящее время становится онъ сильнѣе и ощутительнѣе.

Въ 1826 году, Пушкинъ былъ обезоруженъ и нравственно подавленъ оказаннымъ ему, неожидаемымъ имъ, монаршимъ великодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ существенно ограниченъ въ величайшемъ для него благѣ, въ пользованіи полной интеллектуальной свободою. Онъ лишился въ значительной части своихъ крыльевъ, или лучше сказать, источниковъ своего творчества.

За малѣйшую вольнодумственную поэтическую выходку, за колкую остроту, онъ могъ не только поплатиться юридически, но и быть заклейменъ, какъ неблагодарный человѣкъ и нарушитель своего честнаго слова. Своимъ камеръ-юнкерствомъ онъ тяготился, находя, что оно ему не по лѣтамъ. Его облагодѣтельствовали и денежно. Женился онъ весьма неудачно, входилъ въ долги. Болѣе характерный человѣкъ ограничилъ бы себя, уѣхалъ бы въ деревню, стушевался бы, и если бы писалъ, то не распространяя писаннаго, ничего не печатая. Пушкинъ этого не сдѣлалъ. Его писанія по вопросамъ политики и даже его патріотическіе стихи были такого рода, что его недоброжелатели,—а такихъ было много,—могли ихъ толковать какъ небезкорыстныя

Digitized by Google

услуги правительству, отъ котораго онъ столь непосредственно зависѣлъ. Однажды, уже послѣ изданія „Исторіи Пугачевскаго бунта“, въ минуту досады, Пушкинъ подалъ черезъ графа Бенкендорфа прошеніе объ отставкѣ, на которое послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Тяжело читать, въ какихъ выраженіяхъ онъ проситъ графа не давать дальнѣйшаго хода этому прошенію (VII, 360 — 362: „j'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent, que d'être ingrat“)...

IX.

А. О. Смирнова знала Пушкина только во второмъ періодѣ его жизни (Николаевская эпоха) и знала его исключительно съ внѣшней, свѣтской стороны его дѣятельности, какъ знаменитаго писателя и придворнаго. Темная, домашняя и трагическая сторона этой жизни ускользала отъ ея наблюденія. Въ настоящее время изданныя въ 1895 г. „Записки“ А. О. Смирновой, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ обработала дочь ея, Ольга Николаевна Смирнова, совсѣмъ не годятся для употребленія въ качествѣ историческаго источника, по многочисленности прибавокъ, несомнѣнно поддѣльныхъ, позднѣйшаго происхожденія, и по невозможности опредѣлить, безъ тщательнаго изслѣдованія рукописей, что занесено А. О. Смирновою въ ея записныя книжки на свѣжую память день за днемъ при жизни Пушкина, что было прибавлено ею съ 1837 г. по годъ ея кончины, 1882 г.; наконецъ, что присовокуплено къ ея запискамъ дочерью Смирновой, Ольгою Николаевною. Рукописи А. О. Смирновой находятся нынѣ, какъ слышно, во владѣніи другой ея дочери. Еслибы произошла основательная критическая очистка первоначальныхъ записей въ воспоминаніяхъ А. О. Смирновой отъ всякихъ позднѣйшихъ налетовъ, то пришлось бы заключить, что А. О. Смирнова, познакомившаяся съ Пушкинымъ только въ позднѣйшемъ періодѣ его жизни, въ Николаевскую эпоху, настоящаго Пушкина за всю его жизнь представить не могла. Такъ какъ г. Мережковскій избралъ ее, однако, своимъ главнымъ проводникомъ, то по ея указаніямъ онъ написалъ портретъ завѣдомо невѣрный, съ полнымъ смѣшеніемъ эпохъ Александровской и Николаевской, съ подведеніемъ обѣихъ эпохъ подъ одинъ знаменатель и безъ всякаго соображенія съ радикально измѣнившейся общественной обстановкою своего сюжета. Его этюдъ писанъ, такъ сказать, на китайскій манеръ, безъ всякой перспективы. Онъ вообразилъ себѣ Пуш-

Digitized by Google

кина, какъ человѣка, не мѣнявшагося въ убѣжденіяхъ и вкусахъ и имѣвшаго во всю жизнь одно цѣльное міросозерцаніе, котораго только онъ не успѣлъ, по недостатку времени, вполнѣ достаточно выразить, но которое выводитъ самъ критикъ по преданіямъ А. О. Смирновой. Г-нъ Мережковскій строитъ міросозерцаніе Пушкина, какъ на краеугольномъ камнѣ, на стихахъ *VI изъ Пиндемонте*, навѣянныхъ будто бы воспоминаніями романтическихъ скитаній по Бессарабіи, Кавказу и Тавридѣ (456), между тѣмъ какъ они соотвѣтствуютъ пониженному тону самаго конца его поэтической дѣятельности (1836 г.). Хотя на видъ они какъ будто бы игривы, но насквозь проникнуты печалью. Поэтъ постоянно иронизируетъ: „Я не ропщу о томъ, что отказали боги—Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги". Онъ притворяется, что равнодушенъ къ самой цензурѣ, которую онъ искреннѣйшимъ образомъ ненавидѣлъ: „И мало горя мнѣ, свободна ли печать—Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура—Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура"? Въ виду сознаваемаго имъ полнѣйшаго своего безсилія, онъ рѣшаетъ: „Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—Не все ли намъ равно"?—хотя безспорно, что онъ предпочелъ бы не зависѣть ни отъ властей, ни отъ народа. Ища убѣжища, онъ залѣзаетъ въ уголокъ маленькій, тѣсный, эгоистическій: ...„никому—Отчета не давать; себѣ лишь самому—Служить и угождать...—Дивясь божественнымъ природы красотамъ—И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья—Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья"... Бѣдный Пушкинъ! онъ опасается даже признать своимъ стихотвореніе, надѣваетъ маску, прячется и подписываетъ сначала: „изъ Alfred Musset", а потомъ: „изъ Pindemonte".

Самыя крупныя произведенія Пушкина суть несомнѣнно: „Цыганы", „Онѣгинъ" и „Борисъ Годуновъ"; всѣ они писаны въ Александровскую эпоху. Къ Николаевскому періоду принадлежатъ хотя и артистически превосходныя, мастерскія, но такія, къ которымъ публика стала постепенно охладѣвать, не давая себѣ въ томъ отчета. Перенесеніе на весь Александровскій періодъ настроеній, свойственныхъ только Николаевскому, даетъ оцѣнкѣ Пушкина у г. Мережковскаго произвольное и совершенно ложное освѣщеніе, причемъ критикъ исключаетъ всѣ неподходящія къ его изображенію направленія въ Пушкинѣ, которыя являлись для него неразрѣшимыми противорѣчіями; онъ сочиняетъ своего Пушкина по своему вкусу, по своему подобію, и выдвигаетъ тѣ подмѣченные имъ признаки, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ его собственной психической организаціи. Въ психической организаціи г. Мережковскаго я подмѣтилъ четыре элемента: онъ

Digitized by Google

прежде всего жизнерадостный язычникъ, съ оттѣнкомъ гордаго аристократизма; онъ притомъ нервный, чувствительный галилеянинъ. У него есть сильный порывъ къ дикой свободѣ, къ первобытному человѣку. Онъ готовъ идейно, не на дѣлѣ, радоваться, когда вся современная цивилизація будетъ цѣликомъ взорвана на воздухъ. Ему и на мысль не пришло приписать Пушкину такой идейный анархизмъ. Онъ вѣрно намѣтилъ въ Пушкинѣ, какъ преобладающую черту, его веселость, его неумолкающую заздравную пѣснь Вакху и его дивную, не всегда достигаемую даже величайшими міровыми поэтами, простоту. Пушкинъ ясенъ какъ эллинъ. Мережковскій прекрасно изображаетъ его внѣшность, красивую только по выраженію лица и въ особенности глазъ, которые, когда онъ вдохновлялся, изъ голубыхъ дѣлались почти черными и искрящимися, а вдохновлялся онъ просто, безъ всякаго паѳоса и реторики, безъ малѣйшаго восторга.

Я вполнѣ согласенъ съ г. Мережковскимъ, что въ Пушкинѣ язычникъ сочетался гармонически съ христіаниномъ, хотя перевѣсъ имѣлъ все-таки язычникъ. Какъ правдиво и могуче прочувствовано было христіанство Пушкинымъ, доказываютъ писавшійся въ 1829 г., недоконченный „Галубъ“, стихотворенія 1836: „Когда великое свершалось торжество“; молитва: „Отцы пустынники и дѣвы непорочны“. Я бы подчеркнулъ только, что это—своего рода христіанство, не такое какъ у всѣхъ, бодрое, готовое къ подвигу; что въ немъ нѣтъ ничего подобнаго жалостливости, нетерпимости вида малѣйшаго страданія или боли, хотя бы они были вполнѣ заслуженныя, хотя бы страдающій былъ нераскаянный послѣдняго разбора злодѣй или подлецъ; что онъ христіанинъ вслѣдствіе того, что христіанинъ долженъ быть нервенъ и слабъ до невыношенія никакого выраженія или оказательства страданія.

Г-нъ Мережковскій дѣлаетъ громадныя усилія, чтобы объединить въ Пушкинѣ язычника съ христіаниномъ, но цѣли своей не достигъ, что и доказываютъ стр. 499—504 его книги, исполненныя противорѣчій. Выводъ его состоитъ въ слѣдующемъ.

Пушкинъ, какъ галилеянинъ, противополагаетъ первобытнаго человѣка (т.-е. дикаря) современной культурѣ, основанной на власти черни, на демократіи, на равенствѣ людей и большинствѣ голосовъ, то-есть на такъ называемыхъ гражданскихъ мотивахъ. Замѣтимъ, что сама постановка вопроса—совсѣмъ невѣрная; христіанство противопоставило гражданскимъ мотивамъ язычества не первобытнаго человѣка, но отвлеченнаго, будущаго,—человѣка.

Digitized by Google

какимъ онъ долженъ быть въ своемъ совершенствѣ, то-есть душу человѣческую, проникнутую Богомъ и съ Богомъ сливающуюся.

Такъ-то, по мнѣнію г. Мережковскаго, дѣйствовалъ Пушкинъ, какъ галилеянинъ; но онъ былъ въ то же время и язычникъ. Какъ язычникъ; онъ противопоставлялъ той же якобы ненавистной ему современной культурѣ, съ ея гражданскими мотивами, совсѣмъ другой объектъ, а именно самовластную волю единаго творца или разрушителя, пророка или героя. Полубогъ и укрощенная имъ стихія — таковъ будто бы другой главный мотивъ Пушкинской поэзіи. Въ этомъ именно отношеніи отличался якобы Пушкинъ отъ поэтовъ-естественныхъ демократовъ, явно подчиненныхъ духу вѣка, каковы: Викторъ Гюго, Шиллеръ, Гейне и даже самъ Байронъ.

Если, по выводу г. Мережковскаго, Пушкинъ противопоставлялъ культурѣ не одинъ, а два предмета, то, спрашивается, оба ли вмѣстѣ, или поочередно, сначала одинъ, а потомъ другой? Оба объекта не тождественны. Пословица гласитъ, что за двумя зайцами за разъ не угоняешься,—ни одного не поймаешь. Для г. Мережковскаго это одно временное бѣганье по двумъ скрещивающимся подъ прямымъ угломъ направленіямъ совершенно возможно и удобопонятно. По его словамъ, аристократизмъ духа столь же тѣсно связанъ съ глубочайшими корнями Пушкинскаго міровоззрѣнія, еще не вполнѣ наукою раскрытаго и несомнѣнно мѣнявшагося, какъ и стремленіе его къ возвращенію къ первобытному человѣку, или иными словами, къ *всепрощающей* природѣ, которая, въ сущности, ничего никому не прощаетъ, такъ какъ для нея, разсматриваемой отдѣльно отъ человѣка, добро и зло совершенно безразличны. По мнѣнію г. Мережковскаго, красота первобытнаго человѣка и красота героя—таковы два міра, два идеала, одинаково отвлекающіе Пушкина отъ современной культуры, ненавистной Мережковскому, буржуазной, съ которою однако Пушкинъ, по „Запискамъ“ Смирновой, совсѣмъ не воевалъ; напротивъ того, въ записанныхъ Смирновою бесѣдахъ онъ буржуазіи отъ аристократизма не отличалъ, онъ ее считалъ тѣмъ же аристократизмомъ, но нѣсколько пожиже.

Задача г. Мережковскаго логически не осмыслена: нельзя одновременно гоняться за двумя противоположными идеалами:—свободою дикарей и поклоненіемъ создателямъ культуры—героямъ. По необходимости, для выхода изъ противорѣчія, придется предположить, что Пушкинъ не былъ вовсе философъ, что у Пушкина не было одного цѣльнаго во всю жизнь міросозерцанія, что убѣжденія его мѣнялись, что они чередовались: одно господствовало

Digitized by Google

до катастрофы, постигшей сердечнѣйшихъ друзей его, декабристовъ, къ которымъ онъ не переставалъ никогда относиться нѣжнѣйшимъ образомъ и любовно; другое его направленіе установилось только послѣ катастрофы.

Остановимся, слѣдуя за г. Мережковскимъ, сначала на стремленіи Пушкина, въ качествѣ якобы галилеянина, бѣжать отъ современной культуры въ некультурное состояніе. По времени оно совпадало съ самымъ кипучимъ гражданскимъ его реформаторствомъ. Съ молодымъ поколѣніемъ онъ былъ душою за-одно, и собирался не разрушать, а строить, когда писалъ въ Одѣ Вольность: „Не слышно тамъ людей стенанье,—Гдѣ крѣпко съ вольностью святой—Законовъ мощныхъ сочетанье". Всякая расположенная къ реформамъ эпоха отличается большимъ усиленіемъ субъективизма, большимъ расположеніемъ къ субъективизму, который, чтобы расшатать неудовлетворительное настоящее, ищетъ точекъ опоры вездѣ, гдѣ можно, слѣдовательно даже и въ прошедшемъ. Переходъ идеала, какъ чего-то искомаго, въ прошедшее совершается посредствомъ извѣстной оптической иллюзіи. Идеалъ этотъ отыскиваемъ былъ русскими славянофилами въ до-Петровской Москвѣ; его можно искать и въ небываломъ золотомъ вѣкѣ доисторическаго быта. Бывали цѣлыя поколѣнія, которыя вмѣстѣ съ Руссо и съ Алеко проклинали „пышную суету наукъ". Пріискивая предшествовавшихъ Пушкину такихъ ретроспектантовъ, г. Мережковскій набралъ въ свою компанію и Сервантеса, и Монтэня; онъ могъ бы пригласить Шекспира, могъ бы поставить въ вѣчные спутники всѣхъ писателей конца XVIII в., серьезно забавлявшихся игрою въ пастораль. То былъ духъ XVIII в., которымъ были насквозь пропитаны и Байронъ, и Пушкинъ. Но Пушкинъ отдѣлался отъ байронизма вполнѣ и радикально, написавъ своихъ „Цыганъ", послѣ чего даже и въ „Запискахъ" Смирновой, которыми руководствуется г. Мережковскій, Пушкинъ является уже рѣшительнымъ антиромантикомъ и антибайронистомъ. Послѣ того пѣсня Алеко надъ колыбелью сына была окончательно спѣта; самъ Пушкинъ не включилъ ее въ свою поэму „Цыганы" и никогда потомъ не обнаружилъ ни малѣйшаго серьезнаго поползновенія слѣдовать завѣтамъ Алеко: „Не знай стѣснительныхъ палатъ —И не мѣняй простыхъ пороковъ—На образованный развратъ"... или будь „*напрасныхъ угрызеній чуждъ*"... Я просто прихожу въ недоумѣніе, читая у г. Мережковскаго на стр. 473 слѣдующее: „Пушкинъ первый съ силою и страстностью выразилъ вѣчную противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка. Эта тэма *должна была сдѣлаться* однимъ изъ *главныхъ* мотивовъ

Digitized by Google

русской литературы". Авторъ очевидно спуталъ неестественный, а потому и фальшивый уходъ утонченнаго культурника къ первобытнымъ дикарямъ, по идеѣ Руссо, съ постепеннымъ опрощеніемъ нравовъ, какъ неизбѣжнымъ поступательнымъ шагомъ впередъ въ культурѣ, который только и можетъ быть совершонъ посредствомъ столь ненавистной автору демократизаціи нравовъ, то-есть, посредствомъ пріобщенія къ культурѣ остававшихся некультурными *классовъ*, всѣхъ низшихъ слоевъ общества.

Намъ предстоитъ еще разобрать другой культъ, который исповѣдывалъ Пушкинъ, якобы какъ язычникъ,—культъ героевъ, а такъ какъ г. Мережковскій отождествляетъ героевъ съ поэтами, то Пушкинскій культъ и героевъ, и поэтовъ. Къ этому культу отнесены стихи и поэмы, посвященные либо Наполеону, либо Петру В., а также стихи Пушкина о пророкахъ и поэтахъ, которыми изобилуетъ второй періодъ его жизни, и въ которыхъ отражается его отрицательное и презрительное отношеніе къ черни. Попробуемъ исключить изъ этой довольно значительной массы одну статью за другою, и прежде всего устранимъ Наполеона. То былъ яркій метеоръ, ослѣпившій и заполонившій всѣхъ поэтовъ первой половины XIX вѣка. Наполеонъ, какъ сюжетъ поэзіи, навязывался силою вещей ихъ воображенію. Этому герою поклонялись почти съ одинаковою симпатіею и преданностью Пушкинъ и Лермонтовъ, Ламартинъ и Гюго, Байронъ и Гейне, и три передовые польскіе поэта: Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій. Стихотворенія, имѣющія сюжетомъ Наполеона, доказываютъ не то, что поэтъ имѣлъ культъ героевъ, но только, что онъ жилъ въ первой половинѣ XIX в. или сочувствовалъ этой эпохѣ. Поклоненіе Петру В. служитъ основаніемъ къ тому, чтобы сказать, что Пушкинъ былъ русскій человѣкъ, но еще не устанавливаетъ на незыблемомъ основаніи, чтобы отношеніе Пушкина къ Петру было всегда любовное и такое, какимъ оно было въ „Полтавѣ" или въ предисловіи къ „Мѣдному Всаднику": „На берегу пустынныхъ волнъ"... За этимъ предисловіемъ, имѣющимъ видъ только декоративнаго портика, написаннаго скорѣе для цензуры, нежели для публики, но не достигшимъ, однако, своей цѣли, такъ какъ цензура „Мѣднаго Всадника", однако, не пропустила, скрывалась основная мысль поэмы, скорѣе враждебная Петру, скорѣе славянофильская. Поэма, по словамъ князя Петра Петровича Вяземскаго, заключала въ себѣ не дошедшій до насъ и, можетъ быть, безвозвратно погибшій монологъ Езерскаго въ тридцать стиховъ, „исполненный ненависти къ европейской цивилизаціи". Положимъ, что это монологъ Езерскаго, но само сочиненіе его Пушкинымъ доказываетъ, что

Digitized by Google

Петръ В. представлялся Пушкину существомъ еще неразгаданнымъ, сѣятелемъ и добра, и зла.

Что касается до призванія и назначенія пророковъ и поэтовъ, и до презрительныхъ, выражаемыхъ ими у Пушкина, взглядовъ на чернь, то всѣ эти выходки въ концѣ его жизни получали постепенно обостряющійся характеръ. Онѣ объясняются не міровоззрѣніемъ Пушкина, а личными его чувствами, измѣнившимся его отношеніемъ къ публикѣ. Эту перемѣну усматриваетъ и г. Мережковскій, когда онъ соболѣзнуетъ о томъ, что поэтъ пошелъ въ разладъ со своимъ варварскимъ обществомъ, со своимъ отечествомъ, что пуля Дантеса только довершила то, къ чему неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность. Съ каждымъ шагомъ онъ отрывался отъ интеллигентнаго общества, становился враждебнымъ среднему русскому человѣку (стр. 453). Не оказалось взаимодѣйствія между народомъ и геніемъ, народъ не возвелъ генія на подобающую ему высоту.

Сѣтованія на заѣдающія генія силы, на народъ его и среду можно бы нынѣ сдать спокойно въ архивъ, вмѣстѣ со всѣмъ гардеробомъ романтизма, со всѣми якобы непризнанными, непонятыми и по сей причинѣ погибшими геніями. Къ Пушкину такой пріемъ возвеличиванія его совсѣмъ непримѣнимъ, потому что съ минуты появленія въ печати „Руслана и Людмилы“ онъ воцарился въ области русской литературы и былъ непререкаемо первымъ и величайшимъ поэтомъ Россіи; но только въ его владычествѣ произошла та разница, что до конца двадцатыхъ годовъ XIX в. онъ былъ полубогомъ, а потомъ публика стала къ нему нѣсколько холоднѣе, хотя даровитости и творчества его никто не смѣлъ оспаривать, такъ какъ художественная геніальность его проявлялась по прежнему во всей своей полнотѣ. Когда наступаетъ такое охлажденіе публики къ возлюбленному ею поэту, то всегда бываетъ виноватъ самъ поэтъ, который не умѣетъ, не можетъ или не желаетъ кормить своими идеями и эмоціями воспріимчивую, пассивную, но имѣющую свои инстинкты и жгучія потребности толпу. Говорятъ: „Пушкинъ—поэтъ преимущественно жизнерадостный“; но всякое такое опредѣленіе есть въ то же время и ограниченіе. Жизнерадостность есть отрицаніе всякой грусти, всякаго пессимизма; а можетъ быть скорбь и горечь были именно въ данную минуту потребны организму, можетъ быть онъ не хотѣлъ сладкаго вина и требовалъ мяса, или даже сильнаго лекарства, въ родѣ хиннаго порошка. Несомнѣнно, что по вопросу объ охлажденіи публики къ поэту Мицкевичъ—вполнѣ компетентный судья; онъ былъ такой же властитель душъ, надо думать, въ своемъ

Digitized by Google

народѣ, какъ Пушкинъ—въ русскомъ. Онъ выразился, что публика стала равнодушнѣе къ Пушкину потому, что чувствовала, что онъ пересталъ быть ея духовнымъ наставникомъ (directeur des consciences). Онъ удалялся въ холодную область чистаго искусства и пріохочивалъ радоваться и плясать, когда надъ Россіею простирались исполинскимъ навѣсомъ густыя вѣтви дерева „Анчара". Поэзія есть функція народнаго творчества въ наивысшей степени соціальная; на это ея качество могутъ не обращать вниманія эстеты, но въ г. Мережковскомъ сидитъ несомнѣнно соціологъ, и онъ-то долженъ быть въ этомъ качествѣ нами судимъ. Коль скоро Пушкинъ способенъ былъ только выдѣлять изъ себя одну жизнерадостность, то понятно, что въ данное время публика могла бы предпочесть ему другой талантъ, даже и менѣе гибкій и разнообразный, что ей могъ бы быть симпатичнѣе даже Лермонтовъ, котораго г. Мережковскій не любитъ за его реторичность. Я полагаю, что Лермонтовъ былъ въ данный моментъ настоящій великій поэтъ Николаевской эпохи, и что его мятежность и могучая мужественная скорбь больше подходили къ тому времени, болѣе помогали обществу переживать тяжелый и жестокій вѣкъ, нежели поэзія Пушкина. Притомъ, замѣтимъ, что настоящее движеніе противъ Пушкина началось не при немъ, а только въ шестидесятыхъ годахъ XIX в., черезъ 25 лѣтъ послѣ его кончины, что оно было явленіе не моментальное и не частичное, а общее и продолжительное. Оно не могло быть безпричинное и имѣло довольно глубокіе мотивы, которые будутъ со временемъ выяснены, когда шестидесятые года найдутъ своихъ историковъ.

Съ г. Мережковскимъ о шестидесятыхъ годахъ я не намѣренъ спорить. Разстаюсь съ его книгою, съ которой я почти ни въ чемъ несогласенъ, но признаю, что она прекрасно написана, что мѣстами она увлекательна и читается легко, наконецъ, что она вызываетъ, располагаетъ къ тому, чтобы о ней думать и много, много спорить. Будемъ надѣяться, что со временемъ г. Мережковскій сосредоточится, сдѣлается послѣдовательнѣе и будетъ представлять изъ себя цѣльное лицо, а не компанію расходящихся въ разныя стороны противниковъ...

В. Спасовичъ.

11 апрѣля 1897.

Digitized by Google

ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ!

I.

Я помню школьные года
И возрастъ отрочества нѣжный:
Моя душа была тогда
Чиста, какъ даль вершины снѣжной.
Въ то время,—ближе къ небесамъ,
Чѣмъ къ той юдоли, гдѣ родился,—
Въ слезахъ я пламенно молился
Безъ словъ, о чемъ—не зная самъ.
Съ насильемъ жизни подневольной
Вседневно шла во мнѣ борьба;
И жутко было мнѣ, и больно,
Что такъ дѣйствительность груба.
Я не хотѣлъ ни игръ, ни смѣха;
Въ часы досуга рѣзвый шумъ
Мнѣ былъ докученъ, какъ помѣха
Для созерцанія и думъ.
Мнѣ чувство грусти сладко было;
Взамѣнъ всѣхъ радостей земныхъ
Душа скорбящая однихъ
Блаженствъ евангельскихъ просила.
И такъ росла молитвы сила
Въ ту пору вѣры и любви,
Что я, паря къ Христову раю,
На мой призывъ:—благослови!
Слыхалъ привѣтъ:—благословляю...

Digitized by Google

II.

Прошли чредою времена...
Давно съ земною жизнью друженъ,
Я съ ней сроднился. Мнѣ она
Покуда все еще нужна,—
Но я ужъ больше ей не нуженъ.
Пора признать утрату силъ
И сильнымъ уступить дорогу...
Я жизни путь уже свершилъ—
И безпозорно, слава Богу—
Я душу уберегъ мою
Средь жизни суетной и ложной;
Но, долгій путь пройдя, стою,
Покрытый пылью придорожной.
Все чаще вспоминаю я
Передъ концомъ о томъ началѣ,
Когда, въ преддверьѣ бытія,
Душа безгрѣшная моя
Святыя вѣдала печали;
Когда свободно къ небесамъ
Она молитвы возносила,
Какъ въ храмѣ Божіемъ кадило
Возноситъ къ сводамъ ѳиміамъ...
Ужъ не вернуть того, что̀ было;
Мнѣ тѣхъ молитвъ не вознести...
И я теперь не ожидаю,
Когда твержу:—прости! прости!—
Чтобъ мнѣ послышалось:—прощаю...

Алексѣй Жемчужниковъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
Гр. А. К. ТОЛСТОГО
1851—1875 гг.

1864 г.

153 *).

Дрезденъ, 7 іюня.

Я провелъ все утро сегодня отъ 9½ до 4 ч. съ m-me Павловой, которая мнѣ прочла 1-ый актъ „Смерти Валленштейна“... Переводъ—верхъ совершенства; мнѣ доставило истинное удовольствіе сравнить его съ оригиналомъ, и все утро прошло въ поправкахъ, которыхъ я потребовалъ отъ нея въ иныхъ мѣстахъ, и которыя она исполнила очень охотно, подчиняясь всему, что я говорилъ...

....Въ самомъ дѣлѣ, великолѣпный переводъ, но вотъ что меня тронуло: какъ только m-me Павлова получила первыя деньги отъ Великой Княгини Елены Павловны, она дала 10 талеровъ Мальхенъ... и купила себѣ часы съ кукушкой, которая кукуетъ всякую ¼ часа. О тебѣ она говоритъ какъ объ ангелѣ...

154.

Карлсбадъ, 27 іюня.

Я читалъ Гончарову „Смерть Іоанна“. Онъ восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что онъ осудилъ и даже сказалъ, что онъ на это *негодуетъ*.—Зачѣмъ сбылось предсказаніе волхвовъ?

*) См. выше: май, 261 стр.

Digitized by Google

Это, молъ, невозможно. И зачѣмъ въ „Серебряномъ“, котораго онъ ставитъ очень высоко, сбывается предсказаніе мельника. Про „Серебрянаго“ онъ говоритъ, что это—подвигъ, и что меня только тогда оцѣнятъ, когда я умру,—а появленія „Смерти Іоанна“ уже ждутъ со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Онъ же говоритъ, что она такъ хороша, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего ей подобнаго, *исключая „Бориса Годунова“*.

Онъ о ней пишетъ Тургеневу и все говоритъ про нее и относится ко мнѣ съ почтеніемъ, а за предсказаніе даже сердится. Онъ очень добрый и скромный...

....Сегодня шла по „Визѣ“ одна женщина и несла корзинку съ кипфелями, а за ней шелъ одинъ очень маленькій мальчикъ, въ грязненькихъ панталонахъ и держался за ея платье; изъ задней панталонной прорѣхи торчала у него очень бѣдная рубашка. Когда женщина остановилась съ кѣмъ-то говорить, онъ тихонько вытащилъ изъ корзинки одинъ кипфель и началъ жадно ѣсть, а мать увидѣла и захотѣла отнять. Тогда онъ поскорѣй запихалъ кипфель за щеки и сталъ бѣжать съ крикомъ. Одинъ перчаточникъ вышелъ изъ лавки и поймалъ его. Тогда мать надавала ему шлепковъ и отняла остатокъ кипфеля, а онъ началъ горько плакать и опять уцѣпился за ея платье и пошелъ за ней маленькими шагами и все смотрѣлъ на корзинку... Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды; все это я сейчасъ выдумалъ, никакой такой даже женщины не было.

155.

Карлсбадъ, 6 іюля.

....Ты мнѣ никогда не вѣришь, а Гончаровъ говоритъ, что я стою совершенно особнякомъ въ русской литературѣ и внесъ въ нее новый элементъ, и ни въ чемъ на другихъ непохожъ, а всѣ, дескать, другіе, и онъ самъ, столпились, дескать, въ одну кучку, и это, дескать, нехорошо.

А графиня *** говоритъ, что надѣется, что со мной встрѣтится *въ жизни*, а я говорю:—какое, говорю, мнѣ дѣло! Я люблю одну, а прочія всѣ трынъ-трава. Учтивость, пожалуй, окажу, но болѣе не требуй никто...

А теперь дождь и холодъ.

А Г. когда ѣстъ, то все жеванное показываетъ и говоритъ жуя, такъ что я не хочу безъ надобности болѣе съ нимъ обѣдать. Что за откровенность?!

....Я сейчасъ былъ у графини ***, чтобы поблагодарить ее за то, что она сказала мнѣ вчера, что хочетъ встрѣтиться со

Digitized by Google

мной *въ жизни*. Пока я ее благодарилъ, доложили, что пришелъ къ ней король прусскій. Это значило, что я долженъ очистить квартиру. Я ее очистилъ.

Внизу встрѣтилъ короля, который сказалъ мнѣ такъ: „Quel temps magnifique"! Иронія, значитъ, потому что холодно и дождь. Но я снялъ шляпу и отвѣчалъ какъ слѣдуетъ: „Magni-perbe, Sire". Вошелъ, то-есть, въ шутку короля, оцѣнилъ иронію...

Всѣмъ бѣднымъ людямъ здѣсь я дѣлаю визиты, а знатнымъ никому, развѣ — если дама. Учтивость оказать могу, а любви и не проси.

А у гр. *** есть дочь.

И вчера въ темнотѣ она мнѣ сказала:—„Видѣли ли вы мою дочь"?

— „О, нѣтъ, madame",—отвѣчалъ я.

— „Я хочу вамъ ее показать, я ею горжусь"!—сказала она.

— „Ну, показывайте",—отвѣчалъ я.

— „Въ другой разъ",—сказала она.

— „Bigre",—сказалъ я.

— „Графъ,—отвѣчала она:—я хотѣла бы васъ встрѣтить не только въ Карлсбадѣ, но и *въ жизни*.

— „Гдѣ это такое, madame"?—спросилъ я.

— „Вездѣ"!—сказала она.

— „Я не премину туда явиться",—сказалъ я.

— „Когда"?—спросила она.

— „Всегда",—отвѣчалъ я.

— „Mercі",—сказала она.

— „Не за что",—отвѣчалъ я.

— „Шалунъ"!—сказала она.

— „Сирена"!—отвѣчалъ я.

156.

8 іюля.

....Мною совсѣмъ завладѣли вѣнценосцы. Сейчасъ иду къ В. Кн. Еленѣ Павловнѣ. Значитъ, она не разсердилась, что я вчера къ ней не пошелъ...

За обѣдомъ я встрѣтилъ графиню ***, которая говоритъ, что завтра уѣзжаетъ въ 11 ч. утра, но проситъ меня придти къ ней.

О чемъ бы это было?

Я ей разскажу исторію про кошку.

Вотъ, я сейчасъ пойду къ Еленѣ Павловнѣ, и какъ вернусь, то скажу тебѣ вкратцѣ, что и какъ...

Тамъ былъ одинъ нѣмецкій актеръ, который разсказывалъ

Digitized by Google

анекдоты. А самой Елены Павловны не было,—нездорова, дескать. А король былъ и графиня ***.

157.

11 іюля.

....Я читаю теперь *Марево*; это чортъ знаетъ что! И талантъ есть, и нѣкоторыя удачныя описанія, и кой-какія хорошія выраженія, рядомъ съ сильнымъ лакействомъ. Романъ написанъ въ припрыжку, такъ что иной разъ и ничего понять нельзя.

Такой-то вышелъ изъ комнаты... даже уѣхалъ,—и тотчасъ опять тутъ, и говоритъ какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ явится какой-нибудь господинъ, о которомъ и рѣчи не было, и продолжаетъ что-нибудь такое, чему никогда не было начала. А начинается оно такъ:—Молодая дѣвушка купается въ пруду. Подходитъ незнакомый ей человѣкъ, графъ Бронскій, и вступаетъ съ ней въ разговоръ.

Она приглашаетъ его обѣдать.

Они садятся въ лодку и плывутъ на хуторъ. Дорогой дѣвушка убиваетъ изъ ружья четыре домашнія утки. Графъ Бронскій прикусываетъ имъ шеи (что дѣвушкѣ не нравится), а она, когда они вошли въ домъ, отдаетъ ихъ повару вмѣстѣ съ живымъ ежомъ, котораго принесла въ платьѣ, при чемъ она говоритъ:—На! Сдери съ него шкуру!—Утокъ ощипываетъ сама; потомъ обѣдаютъ. Она чрезвычайно образована, чувства ея самыя возвышенныя, много начитанности, и всѣ въ нее влюбляются. Потомъ идетъ страшная чепуха съ заговорами, повстанцами, мировыми посредниками, гимназистами и т. д.

Все это вертится на недавнихъ событіяхъ и потому какъ будто представляетъ какой-то интересъ. Авторъ перещеголялъ даже Кохановскую новостью языка. У него безпрестанно:—Здравствуйте! — почесался Николай Иванычъ. — Нѣтъ, этому не бывать!—уѣхалъ Петръ Данилычъ.—Желалъ бы видѣть васъ на моемъ мѣстѣ!—женился Пудъ Савичъ, и т. д.

158.

Carlsbad, 13 іюля.

....„Марево“, которое я читаю, уже не такъ плохо, какъ мнѣ сперва показалось.

Клюшниковъ—человѣкъ съ настоящимъ талантомъ, но онъ имъ орудуетъ какъ акробатъ. Во всякомъ случаѣ интересно...

....Сейчасъ я вернулся отъ Елены Павловны. Тамъ я сцѣпился съ д-ромъ Зегеномъ о томъ, что есть явленія, которыхъ объяснить извѣстными законами нельзя.

Digitized by Google

Зегенъ, разумѣется, доказывалъ противное и говорилъ слово въ слово то, что̀ *Вальтеръ* и *Шлейденъ*. Разговоръ былъ по-нѣмецки, и сперва онъ привлекъ вниманіе Великой Княгини, а потомъ короля, и наконецъ всѣ сгруппировались вокругъ насъ. Когда присутствуетъ при спорѣ публика, которая слушаетъ и обсуждаетъ добросовѣстность противниковъ, меня не пугаетъ никакой противникъ, такъ какъ дѣло не заключается въ томъ, чтобы убѣдить его, но доказать его недобросовѣстность, что̀ мнѣ совершенно и удалось.

Кажется, споръ продолжался около часу, и Зегенъ совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ злобы, но всѣ перешли на мою сторону, такъ какъ я не цитировалъ фактовъ, а только констатировалъ право всякаго феномена быть раньше разсмотрѣннымъ, чѣмъ осужденнымъ.

....Передъ отъѣздомъ отсюда напишу тебѣ по телеграфу.

Я вчера купилъ, на нѣсколько крейцеровъ, маленькую палочку съ краснымъ набалдашникомъ и отнесъ ее маленькому, который сидитъ возлѣ матери въ Puppsche Allée. Я засталъ его подъ столомъ и онъ очень былъ мнѣ радъ. Когда онъ меня видитъ, онъ закрываетъ глаза и идетъ ко мнѣ на встрѣчу перекачиваясь.

159.

Швальбахъ, (12) 24 іюля.

Сегодняшнюю твою депешу получилъ на вечерѣ у Императрицы, и пишу тебѣ въ Hôtel d'Angleterre, не зная навѣрно, застанетъ ли тебя мое письмо. Передъ отъѣздомъ пошлю тебѣ туда депешу, а навѣрно не могу сказать, черезъ сколько дней уѣду; *„но буду норовить“*, чтобы не остаться до именинъ Императрицы.

А она такая добрая, что совѣстно отъ нея уѣзжать.

Она увидѣла, какъ я пріѣхалъ, и позвала меня къ себѣ *сама*, какъ я былъ, съ сумочкой черезъ плечо. И про тебя спрашивала: и гдѣ ты, и какъ лечишься, и что̀ мы дѣлали въ Римѣ? И счастливъ ли я?

Она, право, лучше всѣхъ; такую добрую трудно найти. И ужъ такая неоффиціальная и такъ съ ней легко говорить и легко быть.... Я ее ужасно люблю, и во всѣхъ положеніяхъ любилъ бы.

Мнѣ дали къ ней дипломатическое порученіе, словесное и секретное.

Вотъ тебѣ, чтобы тебя заинтриговать.

А изъ „Ивана“, на другой же день пріѣзда, т.-е., вчера, я ей читалъ три акта; а сегодня читалъ четвертый, а далѣе не могъ, потому что пріѣхала великая герцогиня Веймарская...

Digitized by Google

Ну, кажется, „Иванъ", исключая Павловой, ни на кого еще такого дѣйствія не производилъ! Слушали: Императрица, Тютчева, Мальцева и m-me Friedrichs. Императрица, à la lettre, и краснѣла, и блѣднѣла, и уже такъ хвалила, и во время чтенія, и послѣ, что я былъ очень, очень радъ. Не знаю навѣрно, но кажется мнѣ, что ей хочется, чтобы его дали на русской сценѣ.

Если это случится, то моя репутація сдѣлана, несмотря ни на какіе журналы...

А у дочери Императрицы есть котъ, и у маленькаго Сергѣя Александровича есть котъ...

160.

Швальбахъ, 25 іюля.

Другъ мой, пишу къ тебѣ на удачу въ Hôtel d'Angleterre. Сегодня я кончилъ читать Императрицѣ „Ивана".

Успѣхъ его былъ *удивительный*.

Еще останусь дня три, а потомъ надѣюсь, что можно будетъ ѣхать приличнымъ образомъ, а до того—нельзя.

Завтра пріѣдетъ Ольга Николаевна.

И у Павла Александровича есть котъ. Христосъ съ тобой!

1865 г.

161.

Петербургъ, 19 мая [1]).

Я видѣлъ Государя сегодня. Онъ меня принялъ съ большой добротой—и благодарилъ меня за то, что я пріѣхалъ.

Онъ мнѣ сказалъ: — Могъ ли я подумать, что я его переживу!.. Я благодарю Господа, что Онъ мнѣ дозволилъ его увидать до смерти, но вы можете себѣ вообразить страданія, черезъ которыя я прошелъ во время путешествія.—Потомъ онъ мнѣ показалъ его портретъ, сдѣланный во время болѣзни. Я ему передалъ букетъ фіалокъ (Пустынскихъ) для Императрицы, которая приняла его и сказала, что пришлетъ за мною.

162.

22 мая.

.... Я обѣдалъ у Бобринскихъ и съ ними пошелъ къ Костомарову, который въ большомъ энтузіазмѣ насчетъ моей первой

[1]) Это письмо имѣетъ отношеніе къ кончинѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

Digitized by Google

драмы, и который говоритъ, что ничего подобнаго не знаетъ въ нашей литературѣ. Онъ говоритъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ ее прочелъ съ новымъ восхищеніемъ... Я постараюсь ихъ соединить съ Гончаровымъ и прочесть имъ вмѣстѣ „Ѳеодора". Костомаровъ совершенно допускаетъ анахронизмы въ драмѣ и обращаетъ вниманіе только на правду въ исторически-психологическомъ смыслѣ, которая, онъ увѣряетъ, у меня достигнута съ замѣчательнымъ чутьемъ.

Я тебѣ не сказалъ, что вчера, послѣ чтенія, Б. и М., мнѣ говорили, что они чувствуютъ, что все должно было происходить такъ, какъ я описываю.

Они такъ же, какъ и ты, очень хвалили Ирину.

30-го мая, оба Великіе Князя [1]) пріѣдутъ въ Пустынку, гдѣ Маркевичъ прочтетъ имъ „Смерть Іоанна"...

Сегодня я разговаривалъ съ В. А. довольно долго; онъ любитъ литературу, искусство и науки...

163.

Карлсбадъ, 8 августа.

....Сегодня подошелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и сказалъ:— „Позвольте рекомендоваться, я профессоръ Благовѣщенскій, давно желалъ", и пр. Я притворился, что очень обрадовался, и сказалъ, что я также давно желалъ и много наслышался и пр. Онъ началъ говорить, что читалъ „Серебрянаго" въ Римѣ, въ кругу художниковъ, и что всѣ они восхищены и пр. Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ и пр.

А ты скажи мнѣ теперь, кто такой Благовѣщенскій? Здѣсь не у кого спросить.

....Я сталъ худенькій, какъ пудель, вышедшій изъ воды.

Былъ сейчасъ у меня Благовѣщенскій, и увидѣвъ на столѣ Рётчера, сталъ говорить о нѣмецкой литературѣ, а съ Зегеномъ говорилъ по-нѣмецки очень хорошо.

Ну, кто же онъ?

А я сейчасъ былъ у Sabatier и засталъ его, потому—дождикъ. И я сначала говорилъ съ нимъ долго по-нѣмецки, а потомъ вдругъ сталъ говорить по-французски, ну и онъ говоритъ хорошо!.. гораздо лучше, чѣмъ Rohan. И сказалъ онъ, что Грегоровіусъ въ Германіи, и будто можетъ быть въ Карлсбадѣ, ну и что онъ издалъ V-й томъ своей Исторіи, и что—очень хорошо.

---

[1]) Покойный Государь Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Digitized by Google

....А Благовѣщенскій, какъ я сейчасъ узналъ, не только написалъ „Горацій и его время“, но онъ еще дѣйств. статскій совѣтникъ—и есть у него жена и, кажется, добрая. Я думаю часто о Красномъ-Рогѣ съ Heimweh“, и вижу насъ всѣхъ верхомъ въ лѣсу. Вылечись непремѣнно, чтобы мы могли съ тобой часто гулять и верхомъ, и пѣшкомъ, и въ Пустынкѣ, и въ Красномъ-Рогу и чтобы твоя рыженькая лошадка „Игрушка“ обрадовалась бы тебѣ...

А Петербургъ—это такая с....., что тошно и вспоминать о немъ....

Даже Берлинъ лучше!

164.

Карлсбадъ, 11 августа.

....Я только-что вернулся отъ Барятинскаго (ф.-маршала), которому я прочелъ послѣдніе акты „Донъ-Жуана“. Онъ—*восторженный* почитатель....

Вельегорскій, который уже слышалъ драму, приходилъ два дня сряду вторично ее слушать.

У Барятинскаго даже много драматическаго такта—и онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, очень тонкихъ для фельдмаршала, и за которыя я ему благодаренъ....

Барятинскій не перестаетъ говорить о „Ѳеодорѣ“ и особенно объ Иринѣ, и онъ споритъ со мной и утверждаетъ, что во всемъ, что я ему читалъ, нѣтъ ни одной длинноты и не надо ничего сокращать—*это неправда.*

Онъ говоритъ, что я выказалъ въ этой драмѣ большое знаніе человѣческаго сердца—*это правда.*

Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты съ нимъ познакомилась, онъ очень тебя заинтересовалъ бы...

165.

19 августа.

....Отправивъ тебѣ мое первое письмо, я пошелъ къ Сабатьé. Я еще тебѣ не сказалъ, что онъ—маленькій и жирный, и что у него борода такая же, какъ у Грегоровіуса—въ этомъ-то, вѣроятно, и заключается причина ихъ дружбы. А можетъ быть, что у нихъ на двухъ только одна борода, и что они ее носятъ поочередно. Оттого-то они не показываются никогда вмѣстѣ, и Грегоровіусъ находится теперь въ Тиролѣ.

Какъ бы то ни было, у Сабатье отличное лицо и прекрасный ротъ. Первый разъ, когда я его видѣлъ, онъ немного ломался и

Digitized by Google

принималъ позы, какъ Грегоровіусъ, но теперь совсѣмъ нѣтъ. Мы говорили съ нимъ о кельтическихъ поэмахъ, скандинавскихъ и славянскихъ, и потомъ онъ мнѣ далъ прочесть переводъ „Вильгельма Теля“, по-французски, ямбами....

А у меня есть Рётчеръ—Cyclus dramatischer Characteге—и его же Шекспиръ—in seinen höchsten Character gebildet, и его же Kunstdramatischer Vorstellung—и Letter on Corpulence, by W. Banting. А ты знаешь, Geschichte der Kunst von Shnase—этого у меня нѣтъ.

166.

Карлсбадъ, 22 августа.

....Я сдѣлалъ прогулку съ Благовѣщенскимъ. Чтобы ты имѣла нѣкоторое понятіе о немъ,—вотъ что онъ мнѣ разсказалъ про свою молодость.

Во время вакаціи, когда онъ былъ студентомъ въ Лейпцигѣ, онъ отправился путешествовать пѣшкомъ по берегамъ Рейна, и когда они дошли до долины *Ааръ*, ему показалось это такъ красиво, что онъ совсѣмъ сошелъ съума: онъ сталъ пѣть, потомъ танцовать—и потомъ лишился чувствъ. Женщина, которая несла фрукты, была такъ прекрасно освѣщена солнцемъ, что онъ до сихъ поръ о ней говоритъ съ энтузіазмомъ.

Не правда ли, хорошій человѣкъ? Но теперь онъ бѣлокурый, толстый и сгорбившійся.

Онъ—большой хохотунъ; онъ иногда смѣется до слезъ и говоритъ очень хорошо по-нѣмецки, и цѣнитъ все, что я говорю кельнерамъ, и самъ говоритъ отличные каламбуры по-нѣмецки. Онъ—другъ Костомарова, который много ему говорилъ про насъ и Пустынку.

Не правда ли, нужно когда-нибудь взять его съ собой туда?..

....Ты помнишь, прошлаго года я тебѣ писалъ объ одной женщинѣ, которая продавала пряники въ „Puppsche Allee“, и объ очень маленькомъ мальчикѣ, котораго называли Adolph, и которому я давалъ дудочки и другія игрушки. Ея теперь нѣтъ въ „Puppsche Allee“, и я собралъ о ней справки и узналъ, что она живетъ за городомъ и сдѣлалась прачкой, и я ее отыскалъ, и маленькаго тоже, и она мнѣ очень обрадовалась, а маленькій такой несчастный, весь въ паршѣ, но тотчасъ меня узналъ и игрушки всѣ сохранилъ,—значитъ, нѣмецъ,—и я имъ далъ два гульдена, и она мнѣ сказала, что мальчику надо давать рыбій жиръ.

Вчера былъ концертъ въ пользу погорѣвшаго города и былъ тамъ попурри изъ „Africaine“ съ надлежащими диссонансами и африканскими дудочками и эффектами....

Digitized by Google

....Sabatier очень хорошо читалъ „Malade imaginaire“, а самъ Зегенъ и Чермакъ оба смѣялись весьма добродушно. Признаться, это я попросилъ „Malade imaginaire“, а сначала хотѣли читать „Tartuffe“.

....А я не рѣшился спросить у m-me Sabatier, знавала ли она Бетховена; она еще не такъ стара, и могла бы обидѣться, а я какъ-нибудь наведу разговоръ на это...

....А сегодня у меня былъ новый тріумфъ. Я прочелъ три акта „Іоанна“ двумъ священникамъ и одной попадьѣ, и старый такъ добродушно наслаждался, что я не жалѣю, что читалъ. Онъ главнымъ образомъ оцѣнилъ *сжатость* и живописную правдивость...

И когда я прочелъ сцену съ Гарабурдой, онъ началъ танцовать на стулѣ и хлопать руками...

....Другой священникъ тоже танцовалъ, но меньше...

Они оба малороссы, и старый мнѣ сказалъ:—Это вы мнѣ такое удовольствіе доставили, что на всю жизнь!

Послѣ-завтра я читаю ему остальное.

1866 г.

167.

Гостиница Мирабо. Парижъ, 25 іюля.

....Съ В. Боткинымъ я встрѣтился на улицѣ сегодня вечеромъ, и мы пошли ходить и разговаривать...

....Вышло, что въ Петербургѣ былъ большой энтузіазмъ къ „Смерти Іоанна“, и до сихъ поръ продолжается между людьми всѣхъ цвѣтовъ, какъ онъ говоритъ.

Еще прежде него мнѣ говорили, что актеры читаютъ трагедію между собой, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы ее поставили на сцену, и хотятъ во всемъ подчиниться мнѣ, какъ режиссеру, и ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ. *Если это правда*, то это очень хорошо. Посмотримъ, что завтра скажетъ Гончаровъ?

....Я былъ сегодня съ Новицкимъ въ Jardin d'Acclimatation, и смотрѣлъ тамъ исключительно только однихъ звѣрюшекъ, которыя сидятъ въ aquarium... Какія тамъ есть маленькія рыбки съ четырьмя ножками и съ золотыми, совершенно золотыми глазами. Ихъ зовутъ—сирены. При насъ кормили морскихъ крабовъ говядиной. Тамъ есть тоже раки, совершенно прозрачные, точно изъ воды, и все это въ корридорѣ, въ который свѣтъ падаетъ

Digitized by Google

черезъ воду. Это очень, очень хорошо, и мнѣ такъ жаль, что ты этого не видала.

168.

26 іюля. Hôtel Mirabeau.

....Сейчасъ я обѣдалъ съ Гончаровымъ и съ Боткинымъ. Они немножко поссорились за выборъ кушанья, поспорили, погорячились и успокоились. Ужъ что они оба говорятъ про „Смерть Іоанна“, и про то, какъ ее ожидаютъ на сценѣ, и что я назначенъ сдѣлать перерожденіе сцены, и пр. и пр...

169.

Карлсбадъ, 18 (6) августа.

...Здѣсь очень холодно, и Великая Княгиня топитъ комнаты всякій день... Вотъ что было сегодня. Нѣсколько дней тому назадъ я пилъ кофе у „Элефанта“. Ко мнѣ подошелъ хозяинъ, очень добренькій и старенькій, снялъ бархатную шапочку и пригласилъ меня на козью охоту, назначенную на сегодня. Я поблагодарилъ и принялъ.

Сегодня же, передъ тѣмъ, чтобы мнѣ идти на охоту, вошелъ ко мнѣ Н*** и, узнавъ объ охотѣ, попросился на нее. Я его представилъ этимъ нѣмцамъ, и они пригласили его очень радушно. У насъ же есть правило стрѣлять однихъ козловъ, а козъ пропускать. Въ первый загонъ передъ Н*** пробѣжала коза, и онъ удержался и не выстрѣлилъ, но послѣ загона все сожалѣлъ и говорилъ, что она должна была быть очень *вкусная*. А въ другомъ загонѣ онъ подстрѣлилъ одну женщину, которая собирала валежникъ, въ лицо, но, къ счастью, легко. Ее посадили въ коляску и отправили къ доктору, а послѣ охоты Н*** разсказывалъ на „Визѣ“: „Я сдѣлалъ счастье женщины, такъ какъ я ее немного подстрѣлилъ, и далъ ей золота“.

Оно такъ, только ни одинъ изъ Бобринскихъ такъ бы не поступилъ, и непремѣнно самъ бы отправился съ этой женщиной къ доктору, и десять разъ въ день бѣгалъ бы къ ней. Я ее даже и не видалъ,—это случилось далеко отъ меня. А самъ я ни разу не выстрѣлилъ. А нѣмцы убили одного козла. Разскажи все это Андрейкѣ.

170.

Карлсбадъ, 19 августа

...Я сегодня совсѣмъ здоровый, и ходилъ гулять очень, очень далеко, потому что вчера получилъ твое письмо...

Н*** далъ подстрѣленной женщинѣ 15 луидоровъ и запла-

Digitized by Google

тилъ доктору, а у нея сегодня вынули дробь изъ головы, и никакой опасности нѣтъ.

Н***, сидя со мной у „Элефанта“ и видя разныхъ невзрачныхъ людей, проходящихъ мимо, сказалъ:—Экая здѣсь собачья компанія!

Онъ очень не нравится m-me Rahden. А еще мы разъ сидѣли у „Элефанта“, и мимо проходилъ господинъ, совершенно похожій на лягушку, а я сказалъ Н***:—Посмотри, какая идетъ лягушка!—а онъ отвѣчалъ съ почтеніемъ: — Это очень богатый банкиръ Оппенгеймъ, я у него на-дняхъ обѣдаю...

171.

21 августа.

....Я сегодня обѣдалъ у Велик. Княгини, съ Кошелевымъ—и опять ѣлъ форели... Она очень восхищается Пруссіею—а я ни разу не пошелъ въ этотъ годъ на Friedrich-Wilhelms Höhe—и я избѣгаю этого, потому что ненавижу затылки пруссаковъ и ихъ животы, которыми они такъ гордятся.

Здѣсь находится старый помѣщикъ Ивинскій, большой энтузіастъ „Серебрянаго“. Вообще я пользуюсь большимъ успѣхомъ у старыхъ помѣщиковъ.

...Есть здѣсь одинъ человѣкъ, котораго ты знаешь—музыкантъ Hartmann изъ Дрездена, очень больной и печальный; я выбралъ его, чтобы ходить съ нимъ; онъ насилу ходитъ, но мнѣ съ нимъ легче, чѣмъ съ другими, оттого, что онъ такой печальный, и онъ также ко мнѣ съ удовольствіемъ примыкается, и всѣхъ людей избѣгаетъ, и мы все говоримъ про музыку, про Листа, онъ его ученикъ, и ужасно его любитъ, про Глука и про Моцарта, и про Вагнера. Я сейчасъ его довелъ до его дома, а до того проводилъ въ одну гостинницу, и смотрѣлъ, какъ онъ ѣлъ супъ и компотъ...

172.

Карлсбадъ, 22 августа.

....Здѣсь есть съ Великою Княгиней одинъ очень пріятный человѣкъ, музыкантъ Derfell. Онъ полу-нѣмецъ, полу-итальянецъ, очень хорошая смѣсь, особенно для музыканта. Его спеціальность—Beethoven, но я его еще не слыхалъ; къ нему же пріѣхало „piano“ изъ Лейпцига. И также у него славное лицо, совсѣмъ итальянское. Я его очень полюбилъ; онъ и умный, и наивный, и ротъ у него дѣтскій, и онъ разсказываетъ анекдоты, и самъ помираетъ со смѣху. Ужъ я какъ-нибудь привезу его къ тебѣ въ Пустынку.... Пусть онъ намъ играетъ Бетховена...

Digitized by Google

Я началъ писать съ горя инструкцію актерамъ, но мало-помалу вписался, и выходитъ огромная статья, по мнѣ—очень интересная, которую слѣдуетъ напечатать. Тутъ и исторія, и психологія, и археологія, и физіономика, и декораціонное искусство, и эстетика, и критика. Мнѣ очень любопытно знать, что ты про это скажешь, а актерамъ, мнѣ кажется, оно будетъ полезно не только для моей трагедіи, но и вообще. Для моей же трагедіи это имъ необходимо...

....Сегодня уѣзжаетъ Кошелевъ, и мнѣ это жалко; я къ нему привыкъ, и онъ ко мнѣ. Онъ очень интересный и умный человѣкъ, и никакой въ немъ нѣтъ натяжки, никакого козырянія, хотя онъ немного глухъ, но съ нимъ было очень ловко—и говорить очень пріятно...

Пруссаки наползли сюда со всѣхъ сторонъ, и всѣ въ мундирахъ, съ выпученными брюхами; раздражаютъ воздухъ своими голосами, и портятъ ландшафтъ.

Еслибы австрійцы были умнѣе, они стрѣляли бы въ нихъ не порохомъ, а персидскимъ порошкомъ.

Говорятъ, что изъ этого выйдетъ что-то великое. Они въ Богеміи съѣли всѣхъ дойныхъ коровъ, а въ Моравіи вставили себѣ даромъ фальшивые зубы.

173.

31 августа.

....А пруссакамъ я простилъ. Всѣ солдаты—самые порядочные люди, чрезвычайно скромные и учтивые, и офицеры очень скромные; въ кофейняхъ и гостинницахъ говорятъ не иначе, какъ вполголоса, и съ солдатами обращаются очень учтиво. И у всѣхъ солдатъ и у офицеровъ длинныя бороды. Ихъ даже австрійцы, у которыхъ они стоятъ, очень хвалятъ. Здѣсь есть одинъ огромный маіоръ съ рыжей бородой, von Thiele; онъ съ такимъ радушіемъ показывалъ мнѣ Zündnadelgewehr, который взялъ у проходившаго егеря (тоже очень добраго), что я ему сегодня сдѣлалъ визитъ. Они вовсе непохожи на тѣхъ пруссаковъ, съ которыми мы обѣдали въ Берлинѣ. А все-таки было бы лучше, еслибъ ихъ не было, а вмѣсто ихъ жили бъ возлѣ насъ тосканцы, или испанцы, или шотландцы.

174.

3 сентября.

....Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ воробьиныя ноги, когда онѣ прыгаютъ. Обыкновенно обращаютъ вниманіе на ихъ туловище,

Digitized by Google

которое тоже очень смѣшно, но если смотрѣть на однѣ ноги, то видно, какъ онѣ киваютъ маленькими желтенькими пятками такъ скоро-скоро,—и точно будто дѣлаютъ очень нужное и спѣшное дѣло. Мнѣ сказали, что можно издали узнать, когда я сижу у „Элефанта", по воробьямъ, которые прыгаютъ кругомъ по землѣ.... И бестіи! очень они неблагодарные. Раза два случалось, что иной наѣстся, взлетитъ на дерево, прицѣлится оттуда, и либо на рукавъ, либо около самой чашки.....

А Дерфель наканунѣ разсказывалъ разнымъ мужчинамъ очень неприличный анекдотъ про одного венгерца. Тутъ же были принцъ Виртембергскій, Раухъ, Розенъ и разные другіе. Вчера я у Вел. Кн., въ присутствіи дамъ и тѣхъ же самыхъ людей, и самого Дерфеля, объявилъ, что я хочу разсказать анекдотъ про венгерца, который я слышалъ наканунѣ. И началъ свой анекдотъ тѣми же словами, какъ Дерфель, и до половины было все совершенно то же. Принцъ Виртембергскій и всѣ испугались. Они подумали, что я сошелъ съума, и стали меня перебивать и смотрѣть на меня ужасными глазами. А я продолжалъ разсказывать, и вышло, разумѣется, не то, что они ожидали. Видя ихъ лица, m-lle Rhaden тоже испугалась. А послѣ, когда мы ушли, всѣ дорогой дѣлали мнѣ большіе комплименты...

Вотъ я говорю тебѣ вздоръ, а на сердцѣ кошки скребутъ... Я воротился отъ m-lle Rhaden, и тамъ была княгиня Мірская и дали ей ужинать одну холодную форель, и она мнѣ предложила половину, а можетъ быть думала, что я не возьму, а я взялъ да съѣлъ. И тамъ игралъ Дерфель съ однимъ голландскимъ скрипачемъ Röndgen, и все они, черти, играли Шуберта, а Бетховена не играли. И Дерфель ужасно, мошенникъ, стучитъ, и онъ, пожалуй, разобьетъ наше піано въ Пустынкѣ, а здѣсь всѣ восхищаются, а онъ просто стучитъ пальцами.....

...Давай говорить о Римѣ, и какъ тамъ было хорошо; когда ты отдохнешь, мы опять туда поѣдемъ..... Дай Богъ, чтобы оно было такъ..... И мы поѣдемъ опять по дорогѣ въ *Остію*, и будемъ видѣть свѣтлыхъ букашекъ и большихъ быковъ и хорошихъ мужичковъ въ косматыхъ панталонахъ. И вдали увидимъ горы, которыя не то горы, не то облака, не то музыка, не то запахъ цвѣтовъ. И услышимъ, какъ жаворонки поютъ и какъ кричатъ ослы. И поѣдемъ по улицамъ, и тамъ будетъ скверно пахнуть, а потомъ пріѣдемъ къ какой-нибудь церкви, и насъ впуститъ живописный монахъ, и мы увидимъ мозаики и полъ изъ opus alexandrinum. И въ Колизей пойдемъ пѣшкомъ, потому что ты будешь спокойная и здоровая, и тамъ мы сядемъ и будемъ смо-

Digitized by Google

трѣть въ двери, въ стѣнахъ, и увидимъ черезъ нихъ кипарисы и пиніи. И потомъ придутъ братья милосердія и будутъ молиться... И въ галереи мы станемъ ѣздить... И Соня будетъ списывать картины... и Teano къ намъ будетъ ѣздить, и мы пойдемъ опять ночью бѣгать на Piazza del popolo съ завязанными глазами, а мраморные львы будутъ шумѣть, шумѣть фонтанами, и мѣсяцъ выйдетъ изъ-за Monte Pincio. И будетъ такъ тепло, и будетъ пахнуть померанцами, и на Корсо будутъ освѣщены aquajoli и магазины съ картинками, и мы купимъ себѣ транспаранъ церкви св. Петра. И у меня будетъ такъ легко на сердцѣ, когда я увижу, что ты спокойна! И всѣхъ я тогда буду больше любить.....

175.

Карлсбадъ, 8 сентября.

Анненковъ говоритъ, что у меня стихъ въ народныхъ сценахъ блѣдный и слабый. Видно, что у него братъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ, и критика его написана чухонскимъ языкомъ; на каждомъ шагу ошибки противъ синтаксиса и грамматики, и котурнъ онъ называетъ *котурною*, и что драма возникла изъ поучительныхъ цѣлей. И говоритъ, что я пишу какъ французскій драматическій писатель. И что мнѣ нужно одолѣть собственную свою фантазію, сдѣлаться ея господиномъ и удвоить ея силу и дѣйствіе, подчинивъ строгому воспитанію мысли, опирающейся на законы творчества и на исторію, поясненную народными бытовыми началами. Вотъ какъ!.. Вальтеръ Скоттъ!... Онъ говоритъ, что „Іоаннъ“ у меня совершенно *односторонній* и ростетъ только въ одну сторону. Въ какую же ему сторону еще рости? Ужасно они глупы, эти критики, которымъ самимъ надо бы сильно учиться прежде, чѣмъ начать учить другихъ, а особенно цѣлую публику.

Да еще Анненковъ говоритъ, что схимникъ есть у меня *лукавое подставное лицо*, которое *западныя европейскія* драмы употребляютъ, чтобы пристыжать нелюбимыя ими эпохи, т.-е. что онъ является, чтобы выказать упадокъ Іоанна. Вишь какое открытіе! Какой онъ догадливый! Такъ прямо и догадался и нисколько не *ошибся*. И вообще, говоритъ, пріемы моей постройки драмы суть пріемы *европейскіе*.

176.

Carlsbad, 8 сентября.

Я читалъ критику на „Смерть Ивана Грознаго“. Ее написалъ Анненковъ. Онъ боится и похвалить, и осудить, и все оговари-

Digitized by Google

вается, и ничего не говоритъ. Онъ не знаетъ и азбуки эстетики, и никогда, какъ видно, ничего объ эстетикѣ не читалъ. Даетъ онъ мнѣ такія правила, которыя я знаю лучше его, и укоряетъ въ томъ, противъ чего я рощу съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Напримѣръ, онъ говоритъ, что у меня прежде всего родилась идея *поученія*, и что къ ней я приспособилъ идею драмы, которая пришла уже послѣ. Очень нападаетъ на убіеніе Годуновымъ Іоанна, говоря, что оно не историческое, какъ будто я этого не знаю; наконецъ, что въ архитектуру трагедіи я внесъ иностранныя понятія, но что это мнѣ во многихъ мѣстахъ удалось. Что̀ это за чепуха? Потомъ есть въ критикѣ цѣлыя полустраницы совершенной безсмыслицы, которую понять невозможно. Разбираетъ онъ меня вмѣстѣ съ Чаевымъ (котораго я не знаю, и который, можетъ быть, отличный писатель), и говоритъ, что мы оба достойны стать на ряду съ Островскимъ и Меемъ, и что у меня есть несомнительный талантъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе разборы „Современника“, чѣмъ такія похвалы. Тамъ, по крайней мѣрѣ, просто ругаются, и тотчасъ видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Потомъ Анненковъ приводитъ *курсивомъ* такія слова, которыхъ у меня вовсе нѣтъ, и говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ *съ вѣнцомъ на головѣ*. Это, говорятъ, самая лучшая критика. Каковы же должны быть другія? Одно у него очень вѣрно и очень хорошо сказано. Онъ говоритъ, что всѣ лежатъ во прахѣ передъ моимъ Іоанномъ, а Іоаннъ все думаетъ: „они не хорошо лежатъ; они недостаточно откровенно лежатъ; они по бунтовщичьи лежатъ“. Я наклепалъ на Анненкова; я сейчасъ опять взглянулъ въ книгу: онъ говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ съ вѣнцомъ *на готовѣ*, а не *на головѣ*.

177.

Дрезденъ, 14 сентября.

....Сегодня, между прочимъ, былъ одинъ скульпторъ Kirchhof, котораго я не зналъ, съ просьбою сдѣлать мой профиль для „Illustrirte Zeitung“, какъ извѣстнаго человѣка..... А Анненковъ сказалъ, что я сталъ на котурну и пишу какъ французъ, и что вся трагедія родилась изъ поучительныхъ цѣлей. Я нашелъ здѣсь ein Studium über Shakspear, какого-то Rümelin, который слово въ слово все то говоритъ, что̀ я, и стало быть умный, и я тебя нарочно заставлю его прочесть и укажу на разныя мѣста, чтобы ты видѣла, какъ всѣ комментаторы тащатъ свои истолкованія за волосы и видятъ тамъ красоты, гдѣ просто проглядки, упущенія и ошибки. Такъ откровенно, какъ этотъ Rümelin, еще не го-

Digitized by Google

ворилъ никто, а нѣмецъ—меньше, чѣмъ кто-либо. Мнѣ хотѣлось написать къ нему письмо, какъ къ человѣку, который мнѣ geistesverwandt [1]).

Rümelin написалъ „Shakspearstudien“; онъ точно со мной сговорился и все то говоритъ, что я всегда говорилъ, а ужъ про сцену Ричарда III съ Анной говоритъ, что ее можно только потому простить ему, что она принадлежитъ къ его Jugendwerk'амъ. И вообще онъ очень часто говоритъ слово въ слово то, что я...

1867 г.

178.

Дрезденъ, 12 августа.

....Я вчера пошелъ слушать „Лоэнгрина“ и нашелъ его *великолѣпнымъ*; мнѣ кажется, что Вагнеръ для меня открылся такъ же, какъ Бетховенъ...

Мнѣ стоило громадныхъ усилій, чтобы не расплакаться въ первомъ актѣ, когда Лоэнгринъ появляется на лебедѣ.

Но я не дошелъ до того, чтобы восхищаться всей оперой, и второй актъ, наполненный речитативами, мнѣ показался страшно скучнымъ.

Третій актъ, напротивъ... разговоръ на диванѣ и отъѣздъ Лоэнгрина—меня опять привелъ въ волненіе.

Мое единственное убѣжище—„Ѳедоръ Іоанновичъ“ и переводъ „Магадэвы“ [2])...

А я перевелъ очень хорошо „Der Gott und die Bayadere“, а теперь перевожу: „Die Braut von Corinth“; не знаю, удастся ли оно, но я скажу какъ Glück à Marie Antoinette:—C'est magnifique,—то-есть, нѣкоторыя строфы, которыя я взялъ на удачу и съ конца, и съ середины. Только это я здѣсь и могу писать, потому что можно взять въ карманъ маленькую книжку и карандашъ, и гулять по горамъ.

179.

Карлсбадъ, 31 августа.

....Еслибы я былъ господинъ надъ своими впечатлѣніями, я былъ бы математикомъ и никогда бы не написалъ ни „Іоанна“, ни „Ѳедора“...

---

[1]) Родственъ по душѣ.

[2]) Разумѣется „Богъ и Баядера“, стихотвореніе Гёте, начинающееся словами: Mahadeh, der Gott der Erde...

Digitized by Google

Когда ты получишь это письмо, мнѣ будетъ 50 лѣтъ, и я— старенькій.

180.

8 сентября.

....Сегодня я хочу тебѣ разсказать, гдѣ я былъ. M-me Segen меня пригласила обѣдать въ „Постгофъ“ и потомъ идти вмѣстѣ съ ними на гору Мерзеръ, почти часъ отсюда...

Послѣ обѣда m-me Arnemann присоединилась къ намъ, и мы отправились.

Вся эта гора состоитъ изъ *базальта*, и говорятъ, что въ Европѣ есть только два мѣста, въ которыхъ базальтъ трескается на колонны полигонныя, а именно въ гротѣ Фингала въ Шотландіи и въ другомъ еще гротѣ въ Ирландіи.

Мѣстоположеніе горы очень красивое, и видъ съ нея великолѣпный, и самая вершина горы состоитъ изъ кусковъ базальта, другъ около друга, точно огромный сотъ меда.

Но что̀ больше всего произвело на меня впечатлѣніе и что̀ прошло незамѣтно для общества, кромѣ m-me Arnemann, это процессія, которая несла образъ Божьей Матери, извиваясь по уклонамъ долины; пѣніе псалмовъ долетало до насъ ясно, съ мелодіей и аккордами, солнце садилось, и процессія казалась совсѣмъ, совсѣмъ маленькая.

Сегодня Рождество Богородицы. Возвратясь домой, я нашелъ букетъ, присланный m-me Arnemann; въ немъ были такіе черные анютины глазки, какихъ я никогда не видалъ.

Я посылаю тебѣ образчикъ и письмо m-me Павловой, для альбома С.

Ты увидишь по письму, что моя трагедія принята, и что герцогъ меня зоветъ въ Eisenach.

181.

Карлсбадъ, 30 сентября.

Передъ кѣмъ же мнѣ хвастаться, какъ не передъ тобой. Мнѣ кажется, что я у тебя въ сердцѣ какъ дома, несмотря ни на что.

Я уже перевелъ 16 строфъ изъ „Коринѳской Невѣсты“, и мнѣ кажется, что между ними есть нѣкоторыя отличныя.

Насколько русскій языкъ красивѣе нѣмецкаго! Гораздо музыкальнѣе вышло по-русски: „und es kommt so grauenhaft schön heran“, и по моему, нѣкоторыя строфы вышли лучше по-русски, чѣмъ по-нѣмецки.

Я стараюсь, насколько возможно, быть вѣрнымъ оригиналу, но только тамъ, *гдѣ вѣрность* или точность *не вредитъ художе-*

Digitized by Google

ственному впечатлѣнію, и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь отъ подстрочности, если это можетъ дать на русскомъ языкѣ другое впечатлѣніе, чѣмъ по-нѣмецки.

Я думаю, что не слѣдуетъ переводить *слова*, и даже иногда *смыслъ*, а главное, надо передавать *впечатлѣніе*.

Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы *въ ту же сферу*, въ которой находится читатель оригинала, и чтобы переводъ дѣйствовалъ на *тѣ же нервы*.

И этого, кажется, мнѣ удалось достичь.

Что̀ ужасно трудно—это маленькіе, короткіе два стиха передъ концомъ каждой строфы.

Наши слова всѣ гораздо длиннѣе, чѣмъ нѣмецкія, и противъ воли приходится иногда отказаться отъ перевода маленькихъ подробностей: въ „Коринѳской Невѣстѣ“ довольно большое количество стиховъ, вставленныхъ лишь какъ заклепки, и я эти стихи безъ церемоніи отбрасываю, и русская строфа выигрываетъ и становится лучше нѣмецкой.

Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чѣмъ m-me Павлова съ нѣмецкаго на русскій. Съ русскаго на нѣмецкій я увѣренъ, что она лучше переводитъ. „Богъ и Баядера“ гораздо легче, такъ какъ тамъ нѣтъ этихъ коротенькихъ стиховъ, и вышло по-русски очень гармонично и, мнѣ кажется, переноситъ вполнѣ читателя въ желаемую сферу, тожественную съ оригиналомъ.

....Нѣсколько дней тому назадъ, Крюднеръ баденскій велѣлъ меня спросить, хочу ли я имѣть фотографію Господа Бога? Я ему велѣлъ отвѣчать: конечно, я ее желаю, но только если она сдѣлана съ натуры, такъ какъ я не довѣряю портретамъ. А вотъ вчера я отъ него получаю письмо и три фотографіи, огромныя и ужасныя, снятыя—съ его рисунковъ... и представляющія Богъ-знаетъ что̀ такое...

182.

Карлсбадъ, 12 сентября.

....Я обѣщалъ тебѣ разсказать сегодня утромъ, какое впечатлѣніе произвелъ *Иванъ* въ Веймарѣ.

Вотъ какъ я это узналъ: я сидѣлъ въ „Постгофѣ“ и пилъ кофей и по близости сидѣли *Пахты*, съ нѣсколькими незнакомыми лицами. *Пахта* по-чешски значитъ pâte, pasta—пахтать—pâture—пасти, въ смыслѣ кормить—*пасть*, ротъ, которымъ ѣдятъ.

И тогда старый Пахта отдѣлился отъ своихъ и пришелъ и сѣлъ рядомъ со мной, и немного погодя графиня Пахта подошла къ нему и что-то сказала ему на ухо, и такъ какъ я услышалъ мое имя, я повернулся къ графинѣ съ любезнымъ лицомъ.

Digitized by Google

Въ ту же минуту, другая дама отдѣлилась отъ группы и приблизилась къ намъ и сказала мнѣ, что она желаетъ возобновить со мной знакомство, такъ какъ она со мной играла въ Веймарѣ въ 1827 году, и г-жа Пахта сказала мнѣ, что это—г-жа Бейстъ. Тогда я сдѣлалъ лицо еще любезнѣе и спросилъ ее, какъ ее зовутъ по крещенію. Она сказала, что тогда ее звали *Цецилія Герсдорфъ*, и я вспомнилъ, что тогда была такая *Цецилія Герсдорфъ*, кузина Леонарда Эглофштейнъ и сестры его Анны. И тогда она мнѣ сказала, что мужъ ей написалъ изъ Веймара, что всѣ были въ восторгѣ отъ чтенія „Ивана“, несмотря на то, что m-me Павлова дурно читала и непріятнымъ голосомъ; и сказали, что въ новой нѣмецкой литературѣ ничего нѣтъ, что можно было бы сравнить съ „Іоанномъ“, и что рѣшено, что его будутъ играть, и что роли уже розданы, и г-жа Пахта прибавила, что меня можно только сравнить съ Шекспиромъ.

183.

13 сентября.

....Мнѣ очень трудно, можетъ быть даже невозможно убить въ себѣ совершенно *мое я*... но можно его уменьшить до необходимыхъ размѣровъ, и я хочу надъ этимъ поработать. Я думаю, что чувство своего *я*—есть неизбѣжная изнанка чувства *чести*. Можно имѣть чувство своего *я*, не имѣя чувства *чести*, но мнѣ кажется, что нельзя имѣть чувства *чести* безъ чувства своего *я*. Дѣло въ томъ, чтобы не допускать до того, чтобы оно брало верхъ надъ всѣмъ остальнымъ.

184.

Wartburg-bei Eisenach, 19 Sept

....Если бы ты знала, какъ здѣсь хорошо! Я пріѣхалъ сюда съ Мейендорфомъ, мы обѣдали у Serenissim'уса въ комнатѣ св. Елизаветы, гдѣ она жила, гдѣ находятся ея вещи и мебели въ византійской комнатѣ, но очень грубой и маленькой, съ колонной посреди комнаты, а чай пили у Schlosshauptmann von Arenswald въ дубовой комнатѣ, съ гербами и старинной посудой. И теперь пошли всѣ спать, и я сижу у дубоваго стола, передъ окошкомъ со свинцовыми рамочками, какъ медовые соты, и ничего не видать изъ окошка, потому что темно; а днемъ—удивительный видъ на горы, покрытыя лѣсомъ; большія старыя деревья не достигаютъ до моего окошка, такъ что я вижу ихъ макушки сверху.

Digitized by Google

А черезъ корридоръ отъ меня есть комната, wo es spuckt, и картина во весь ростъ одной Landgräfin von Thüringen, про которую картину мнѣ Arenswald разсказывалъ сейчасъ страшную исторію, съ нимъ случившуюся, вслѣдствіе которой онъ „mehrere Jahre schwermüthig war". И я ходилъ со свѣчкой на нее смотрѣть. И Serenissimus мнѣ сказалъ очень серьезно: „Wenn Sie durchaus einen Spuck haben wollen, brauchen Sie nur in dieses Zimmer zu gehn". И сколько здѣсь корридоровъ и лѣстницъ винтомъ! и кто не знаетъ хорошо этого замка, тотъ непремѣнно заблудится.

Но все дышетъ здѣсь рыцарствомъ и Западомъ, и мнѣ право свободнѣе дышется, и я съ завистью смотрю на всѣ эти фамильные портреты и фамильную посуду, начиная съ XI столѣтія. Serenissimus хочетъ послать за X*** въ Веймаръ, чтобы читать „Ѳеодора", и говоритъ, что много про него слышалъ...

А я опять пошелъ въ страшную комнату и смотрѣлъ на Landgräfin. Она освѣщена мѣсяцемъ; и туда идти было страшно, а быть тамъ не страшно, и ничего не случилось, а въ комнатѣ рядомъ со мной кто-то очень ясно ходитъ, и когда я туда войду со свѣчкой—никого нѣтъ. Мнѣ давно хотѣлось быть въ такомъ замкѣ...

185.

Эгеръ, 19 сентября.

...Я нахожусь въ самой грязной гостинницѣ, какую я когда-либо встрѣчалъ въ Германіи, въ огромной комнатѣ, желтой, мрачной, въ которой стоятъ фортепіано и двѣ кровати, но окна ея выходятъ на площадь, гдѣ дома имѣютъ высокія старинныя крыши, и напротивъ меня домъ, въ которомъ *Валленштейнъ* былъ убитъ.

Я нарочно ночую въ Эгерѣ, чтобы завтра еще разъ посмотрѣть на этотъ домъ и на руины романскаго замка, въ которомъ Илло и Терцки были убиты, и потомъ еще посмотрѣть на подземную часовню—временъ Карла Великаго, самаго чистаго романскаго стиля.

Навѣрно, ни Терцки, ни Илло, ни Валленштейнъ, не интересовались этой часовней.

Передо мной горятъ четыре свѣчки, тонкія, коротенькія, гадкія —въ двухъ очень некрасивыхъ канделябрахъ—горятъ онѣ плохо, и комната темна... И вотъ, вотъ кто-нибудь войдетъ!.. А мнѣ какое горе?! Пусть только войдетъ, я такъ и брошусь на него, и зубы и губы разобью. Право, разобью,—пусть попробуетъ, пусть

Digitized by Google

войдетъ! А чортъ? Я тебя увѣряю, что я и его изувѣчу, если онъ войдетъ. Ты не вѣришь? Совѣстно божиться, а то бы побожился.

Было еще свѣтло, когда я пріѣхалъ—я пошелъ немного погулять передъ домомъ бургомистра, т.-е. не очень далеко отъ дома, и увидалъ мраморную доску съ слѣдующей надписью: „In diesem Hause wohnte Friedrich von Schiller, als er in Eger verweilte behufs seiner Trilogie Wallenstein".

Отъ Карлсбада сюда 6 ч. ѣзды, и я нанялъ себѣ коляску, лично для себя, чтобы быть одному...

Когда я проѣзжалъ чрезъ Фалькенау, который на полдорогѣ, я увидѣлъ старинный замокъ, принадлежащій графу Ностицу, и противъ всѣхъ обычаевъ — замокъ выстроенъ на равнинѣ и окруженъ вѣковыми деревьями, и близко отъ него—темный и тихій прудъ... Все это носитъ характеръ прошлаго вѣка—и я бы желалъ тамъ жить.

Лошади должны были кормиться полчаса, и я хотѣлъ уже выйти погулять, когда старый еврей, элегантный, что-то напѣвая, подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня:

— Вы ѣдете въ Эгеръ?

— Да.

— Хотите меня съ собой взять?

— Если это вамъ очень нужно,—сказалъ я, пожимая плечами и съ непріятнымъ выраженіемъ лица.

— Я *дамъ* кучеру хорошій на чай...

— Какъ хотите,—сказалъ я и ушелъ въ садъ.

Тамъ я встрѣтилъ старушку и спросилъ ее, не она ли привратница замка? И она сказала—да!—И я ей сказалъ:—вы не нѣмка?—и она сказала, что она изъ Праги—тогда я началъ съ ней по-русски говорить.

Не доѣзжая до Фалькенау, я встрѣтилъ кучку цыганъ съ *тремя медвѣдями*.

Они побѣжали за мной, прося милостыню, и они совсѣмъ были похожи на нашихъ цыганъ, на самыхъ дикихъ, и я очень жалѣю, что я не остановился, чтобы посмотрѣть, такія же ли штуки продѣлываютъ медвѣди, какъ наши. А цыгане говорили на неизвѣстномъ языкѣ. А еврей сѣлъ рядомъ со мной и все хотѣлъ вступить со мной въ разговоръ—но я притворился спящимъ, и онъ мнѣ отравилъ все путешествіе своимъ дыханіемъ (пьющаго человѣка).

Нѣмцы (я подозрѣваю, что $^3/_4$ нѣмцевъ—евреи) не могутъ понять, что можно любить—быть одному.

Вчера, отличный нѣмецъ-хозяинъ кофейной „Элефанте", видя

Digitized by Google

съ горестью, что я все одинъ гуляю, очень добродушно предложилъ мнѣ меня сопровождать всякій разъ, какъ я пойду гулять. Онъ очень, очень старый, съ маленькой шапочкой на головѣ.

Онъ меня тронулъ...

186.

Eisenach, 22 сентября.

....Я писалъ тебѣ вчера, что ко мнѣ явился красный гусаръ звать меня сегодня въ Wilhemsthal обѣдать. Вотъ я сегодня тамъ и обѣдалъ, и они такіе радушные, такіе добрые, и такъ хорошо меня приняли и просили переѣхать на нѣсколько дней къ нимъ, и хотѣли даже, чтобы я тамъ сегодня ночевать остался. Я сегодня не остался, но завтра переѣду къ нимъ дня на три или четыре, тѣмъ болѣе, что онъ говоритъ, что ему непремѣнно нужно говорить со мной о постановкѣ трагедіи, которую онъ знаетъ наизусть, т.-е. не слова, а всѣ сцены. И русскую исторію онъ очень порядочно знаетъ, и вообще онъ хорошій человѣкъ—ganz ohne Steifheit.

187.

Вильгемсталь,—часъ ѣзды отъ Эйзенаха, (11) 23 сентября.

....Я думаю—я тебя увижу раньше, чѣмъ думалъ. Трагедія моя принята и одобрена—но это неправда, что роли розданы. Только роль Іоанна—предназначена Іефельду, о которомъ говорятъ, что онъ превосходенъ, и что созданъ для этой роли. Ни декорацій, ни костюмовъ еще нѣтъ.

Дингельштедтъ ушелъ, а преемника ему еще не назначили.

Не думаю, чтобы можно было дать пьесу раньше ноября, и я ее не дождусь здѣсь, но, мнѣ кажется, мнѣ будетъ трудно не остаться къ 8 октября—день ихъ *„серебряной свадьбы“*...

Они всѣ такіе любезные ко мнѣ, что я *долженъ* остаться еще нѣсколько дней съ ними, а потомъ поѣду въ Веймаръ, говорить съ актерами, а потомъ къ тебѣ... Скоро твои именины, и у меня нѣтъ ничего для тебя, но пришлю тебѣ *Богъ и Баядера* —чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

188.

Вильгемсталь, 24 сентября.

....Когда я былъ такой, какъ на портретѣ, который ты смотрѣла, я былъ маленькій и не говорилъ по-нѣмецки, и говорилъ въ Веймарѣ: „der Eier“, вмѣсто: „das Ei“, и мнѣ взяли гувернера, котораго звали Науверкъ, и онъ со мной гулялъ въ веймар-

Digitized by Google

скомъ паркѣ съ Каро, и онъ не позволялъ мнѣ давать Каро нести палку,—онъ говорилъ, что это не годится въ паркѣ герцога. И онъ мнѣ объяснялъ исторію Фауста, и онъ увѣрялъ, что когда Фаустъ возвратился домой съ черной собакой, онъ ей говорилъ:—Пудель, зачѣмъ ты бормочешь? Пудель не бормочи!—и я навострялъ уши и слушалъ. И разъ какъ-то моя мать попросила его зайти за мной къ Герздорфамъ; онъ отвѣчалъ, что онъ взялся смотрѣть за моимъ сердцемъ, а не за моимъ тѣломъ. И онъ нагрубилъ—и его отослали...

189.

Вильгельмсталь, 26 сентября.

....Этотъ мой хозяинъ необыкновенно добрый человѣкъ и я, право, его полюбилъ, и ее тоже; они отличные люди, и съ ними очень ловко быть, только уѣхать я не могъ никакъ; онъ все хочетъ мнѣ самъ показать Wartburg и все откладываетъ. Наконецъ, завтра тамъ даютъ завтракъ; онъ ѣдетъ впередъ, а меня повезетъ она, и онъ насъ приметъ. Сегодня онъ ѣздилъ со мной въ Эйзенахъ. Онъ былъ въ мундирѣ съ желтенькимъ околышкомъ, потому что ѣхалъ смотрѣть какую-то казарму, и выпустилъ меня на дорогѣ въ Elisabethenwerke, съ тѣмъ, чтобы потомъ быть послѣ казармъ у Павловой и говорить втроемъ о постановкѣ „Ивана“.

И такъ я у нея дождался его возвращенія, и никогда я не видалъ подобнаго волненія... Онъ пришелъ статскимъ, и онъ прослушалъ чтеніе, предисловіе, которое она написала въ Пустынкѣ, но которое она порядочно разработала съ тѣхъ поръ. Потомъ онъ говорилъ болѣе часа, что онъ думаетъ, что должно быть сдѣлано для успѣха пьесы, и онъ не только говорилъ съ большимъ участіемъ, но съ большимъ артистическимъ чувствомъ. Видимо, что онъ хочетъ взять это дѣло въ свои руки, но представленіе можетъ быть только въ декабрѣ или январѣ.

Я обѣщалъ постараться къ этому времени пріѣхать въ Веймаръ...

Послѣ того мы пошли съ Павловой посмотрѣть гротъ, гдѣ св. Елисавета раздавала хлѣбъ бѣднымъ . . . . . А онъ такъ восхищенъ рисунками Шварца, что поручилъ мнѣ просить его непремѣнно заѣхать въ Веймаръ, когда онъ будетъ возвращаться изъ Парижа.

....Вчера на охотѣ онъ такъ радушно благодарилъ меня за то, что я пріѣхалъ, что даже тронулъ меня.

Здѣсь, кромѣ того, что необыкновенно красивая мѣстность,

Digitized by Google

на каждомъ шагу историческія воспоминанія и про Лютера, и про св. Елисавету, и про Тангейзера, и про Ludwig der Springer, и Ludwig mit der gebissenen Wange и пр. Когда мы вчера ѣхали на охоту, онъ [1]) мнѣ показывалъ то одну руину, то другую, и все разсказывалъ легенды, относящіяся къ его роду. А когда мы въ лѣсу завтракали, съ нами сидѣли всѣ лѣсничіе, въ сѣрыхъ кафтанахъ и большихъ шляпахъ съ перьями, и старый форстмейстеръ съ сѣдой бородой разсказалъ намъ eine Gespenstergeschichte (исторію о привидѣніяхъ), которой не только онъ, но всѣ присутствующіе вѣрили, и про Wilde Jäger много говорили, и вообще было очень хорошо. А у тебя были рыжики?

190.

Вильгельмсталь, 27 сент.

....Мы были въ Вартбургѣ, тамъ былъ обѣдъ, и было два сына и одна дочь герцога Бернарда Веймарскаго, и одинъ изъ сыновей женатъ на лэди Леноксъ, которая тоже тамъ была, а потому разговоръ былъ по-англійски. И ты можешь себѣ вообразить, какъ я выказался, употребляя лишь самыя утонченныя выраженія. Скажи, пожалуйста, miss Fr. и m-r Fox'у, что ради пущей изящности я говорилъ hath, вмѣсто has, и не soix, а quoth, и не brothers, а brethern... Какъ тамъ на Вартбургѣ хорошо!.. Тамъ даже есть инструменты миннезингеровъ XII вѣка. Какъ бы тебѣ тамъ понравилось и показалось бы уютно. Тамъ много возобновлено, но много осталось и стараго. И какъ у тебя сердце бьется въ азіатскомъ мірѣ, такъ у меня забилось и запрыгало сердце въ рыцарскомъ мірѣ, и я знаю, что прежде къ нему принадлежалъ...

....Биландтъ здѣсь; онъ пріѣхалъ сегодня, и живетъ въ моей гостинницѣ. Завтра мы обѣдаемъ *тамъ* въ мундирѣ. Будетъ король прусскій, и что . . . если онъ теперь, сдѣлавшись могущественнымъ, будетъ мстить мнѣ за исторію про кота? и велитъ запереть въ башню? И здѣшній хозяинъ со слезами запретъ? Онъ, бѣдный, и прусское знамя уже поднялъ, а онъ вѣдь этого короля терпѣть не можетъ; и желтенькіе выпушки отняли уже при мнѣ у его солдатъ, и всѣхъ его офицеровъ взяли въ прусскую службу. А онъ, бѣдный, сдѣлалъ сегодня вечеромъ этому королю встрѣчу съ Fackelzug'омъ, чтобы не все у него отняли. А королеву прусскую я зналъ, когда ей было 16 лѣтъ, и звали ее Prinzessin Augusta...

---

[1]) Великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій.

Digitized by Google

191.

Веймаръ, 4 октября.

....Я только-что пріѣхалъ изъ Іены; я туда поѣхалъ въ 10 ч. утра, а теперь 5 ч. пополудни. Я видѣлъ Куно-Фишера, и онъ ужасно обрадовался мнѣ, и хотѣлъ, чтобы я остался у него жить. И онъ, точно Собакевичъ, не любитъ ни о комъ хорошо отзываться...

Теперь очень поздно; рано завтра я уѣзжаю въ Дрезденъ. Здѣшній хозяинъ даже со слезами на глазахъ со мной простился, и уже такъ обѣщалъ стараться за „*Іоанна*“... Онъ необыкновенно добрый...

192.

Дрезденъ, 11 октября.

...И когда Веймарскій со мной прощался, я ему сказалъ всю правду, что его всѣ любятъ, и что мнѣ это говорили люди, которые даже не знаютъ, что я его знаю; онъ сказалъ очень натурально и просто: „Боже мой, я благодаренъ, но я знаю, что это не ко мнѣ относится. Это—наслѣдство, и я—его хранитель. Я стараюсь какъ можно лучше дѣйствовать, но я знаю, что я—портной, который всѣми силами старается хорошо заштопать старое платье“.

Онъ необыкновенно добрый, и его надо любить. Тебѣ онъ велѣлъ очень кланяться, извиняясь, что кланяется, не зная тебя... А Шедо-Феротти совершенно въ меня влюбился. Въ Веймарѣ онъ приходилъ ко мнѣ съ утра, и сидѣлъ до 6 ч. вечера, и вовсе даже мнѣ не мѣшалъ,—и доказательство тому, что я вдругъ среди самаго серьезнаго и горячаго разговора прерывалъ его, и дѣлалъ каламбуры, и онъ такъ этого боялся, что припадалъ къ землѣ и затыкалъ уши, и кричалъ:—De grâce, épargnez moi!—Онъ со мной пріѣхалъ сюда, но при Мейендорфѣ взялъ съ меня слово, что я дорогой не буду дѣлать каламбуровъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы такъ понималъ la chose publique, и съ которымъ было бы такъ пріятно о ней говорить.

Онъ даже хочетъ мнѣ писать письма, предоставляя мнѣ печатать ихъ, или нѣтъ. У него есть одинъ проектъ, съ которымъ я, не колеблясь, согласился, и предложилъ мои услуги. А Лефельдъ ужъ не зналъ какъ меня честить, и предложилъ мнѣ взять на дорогу его шубу. Это было сказано совершенно отъ сердца. Онъ все повторялъ: „Графъ, совершенно отстраняя вашу многоуважаемую личность, я долженъ вамъ сказать, что я глу-

Digitized by Google

боко потрясенъ красотой вашего творенія. Давно у насъ въ Германіи на сценѣ не было подобнаго произведенія".

А тотъ профессоръ, которому поручены костюмы, мнѣ за глаза нагрубилъ, и Лефельдъ съ негодованіемъ прислалъ мнѣ его письмо, надѣясь, вѣроятно, что я тотчасъ пойду жаловаться вел. герцогу. А я, только-что сюда пріѣхалъ, побѣжалъ въ театръ, гдѣ давали: „Mina von Barnhelm", Лессинга, и признаюсь, скучнѣе и площе ничего еще не видалъ. Это—самая плоская вещь, какая только можетъ быть!..

193.

Дрезденъ, 13 октября.

....Я забылъ тебѣ сказать, что въ Веймарѣ есть бюстъ Гёте, сдѣланный французскимъ скульпторомъ, который никогда его не видалъ, и который его послалъ ему съ письмомъ, говоря, что онъ *воображаетъ* себѣ его такимъ, и бюстъ этотъ недуренъ и довольно похожъ... Это входитъ въ мою теорію насчетъ переводовъ, такъ какъ я увѣряю, что нужно переводить *впечатлѣніе оригинала*, и поэтому нѣкоторые переводы могутъ передать лучше мысль поэта, чѣмъ онъ самъ это сдѣлалъ... Бюстъ Гомера въ Неаполѣ навѣрно болѣе похожъ на него, чѣмъ его собственное лицо, если, какъ я надѣюсь, онъ существовалъ...

Я не знаю, что ты скажешь о моемъ переводѣ „Коринѳской Невѣсты", но я увѣренъ, что я передалъ *впечатлѣніе*, часто не обращая вниманія на подстрочность...

1868 г.

194.

Берлинъ, 24 января.

....Я дорогой все читалъ Parerga и Paralipomena, и не только все понялъ, но даже все это зналъ прежде, чѣмъ прочелъ. Собственнымъ умомъ дошелъ.

Особенно то, гдѣ говорится über eine andere Art von Sein, т.-е., что если и уничтожится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно, какъ еслибы выздоровѣвшій хромой тужилъ о костыляхъ.

Индивидуальность—это только ограниченная Art von Sein. Она даже и не пропадетъ въ томъ смыслѣ какъ 1, 2 и 3 не пропадутъ, если ихъ вставить въ 10. И я написалъ очень хорошій монологъ Бориса Годунова въ разговорѣ съ Ириной...

Digitized by Google

195.

Веймаръ, 27 января.

Сегодня мнѣ такъ много дѣла, что почти не успѣю тебѣ писать.

Поутру вошелъ красный гусаръ, весь въ голубомъ, узнать о моемъ здоровьѣ. Потомъ вошелъ фурьеръ звать обѣдать. Потомъ, по просьбѣ директора, дѣлающаго репетицію въ 4 часа, обѣдъ отложили, и ко мнѣ пришелъ опять гусаръ звать меня къ хозяину въ 11½ час.

Потомъ опять фурьеръ съ извиненьемъ, что обѣдъ отложенъ.

Былъ я у хозяина въ мундирѣ.

Онъ сказалъ: „если вы когда-нибудь придете ко мнѣ въ мундирѣ, я васъ приму въ мантіи съ горностаемъ".

Онъ тотчасъ же спросилъ про тебя, и не пріѣхала ли ты? и какъ твое здоровье?

Онъ необыкновенно любезенъ и горячо хлопочетъ о трагедіи; онъ будетъ самъ на репетиціи, а вечеромъ у Мейендорфовъ.

Потомъ я былъ у директора, который съ энтузіазмомъ относится къ трагедіи и изъ кожи лѣзетъ; у него я сидѣлъ два часа и проходилъ всю трагедію, чтобы видѣть, что можно выкинуть и что—нѣтъ. Многое, что онъ предполагалъ выкинуть, актеры просили оставить...

Директоръ стоитъ за успѣхъ и говоритъ, что во всю его карьеру онъ въ нѣмецкой литературѣ ничего не читалъ, „was Diesem gleich käme".

Однимъ словомъ, я—левъ!

Но я пріѣхалъ во-время, чтобы помѣшать одной глупости. Хотѣли дать роль Ѳеодора женщинѣ, которая очень благоразумно отбивалась отъ нея и руками, и ногами! Она очень красивая, я ее видѣлъ, и она благодарила за то, что я ее избавилъ.

Ей дадутъ Ирину. Хозяинъ меня спросилъ: кто у насъ теперь замѣчательные прозаики? Я назвалъ ихъ и сказалъ, что появился одинъ новый прозаикъ, по имени Маркевичъ, и написалъ отличную вещь: „Типы прошлаго". Онъ тотчасъ записалъ въ бумажникъ названіе романа и автора, и когда я ему сказалъ, что этотъ Маркевичъ хотѣлъ сюда пріѣхать, онъ вскрикнулъ: „Прошу васъ, любезный другъ, телеграфируйте ему немедленно, что я приглашаю его пріѣхать—какъ можно скорѣе, и что я буду очень доволенъ съ нимъ познакомиться. Это сущая правда, я такъ и сдѣлалъ".

Digitized by Google

196.

Веймаръ, 28 января.

Девять часовъ утра, и я долженъ быть въ 10 на репетиціи. Репетируютъ утромъ и вечеромъ, и въ день представленія, 30 нов. ст., будетъ послѣдняя репетиція утромъ. Вчера репетировали три первые акта отъ 4 до 8 час.

Лефельдъ былъ *великолѣпенъ*. Онъ мнѣ сказалъ: „Не судите меня по сегодняшней репетиціи; сегодня я не буду играть".

И несмотря на это, у него были минуты превосходныя, и онъ нѣсколько разъ вызвалъ во мнѣ чувство содроганія. Онъ особенно страшенъ, когда онъ смѣется. Онъ невольно играетъ всѣми своими мускулами. Мнѣ кажется, нѣтъ причинъ его гримировать,—его лицо только бы потеряло. Но онъ—настоящій Іоаннъ IV по характеру. Послѣ репетиціи, по срединѣ улицы, говоря съ Лёномъ, онъ разразился бранью и ругательствами и угрозами по отношенію одного еретика, который себѣ позволилъ нѣсколько замѣчаній насчетъ его игры въ Макбетѣ. Волны существующихъ и вновь импровизированныхъ эпитетовъ лились изъ его устъ, сперва вполголоса, потомъ все громче и громче, доходя до полнаго грома.

Лёнъ не зналъ, какъ его успокоить, и все говорилъ ему: „Но, дорогой Лефельдъ, надъ этимъ надо смѣяться, а не горячиться",— но Лефельдъ все продолжалъ...

Во время репетиціи мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось ему броситься на шею, а одинъ разъ мнѣ захотѣлось его прибить, что̀ доказываетъ мое безпристрастіе. Нужно тебѣ сказать, что онъ продолжаетъ восторгаться пьесой и своею ролью, и не сомнѣвается въ успѣхѣ.

И такъ какъ не стѣсняешься съ тѣми, кого любишь, онъ позволилъ себѣ меня поправлять въ одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ, когда Іоаннъ въ концѣ 4-го акта повторяетъ приказаніе послать пословъ къ королю польскому.

Я долженъ былъ спорить съ нимъ, и только съ помощью Лёна мнѣ удалось его убѣдить.

Онъ просилъ позволенія только разъ замахнуться топоромъ, и сейчасъ его отбросить подальше, говоря, что онъ за себя не отвѣчаетъ, что онъ способенъ вправду раздробить голову Гарабурдѣ...

Актеры посредственные, костюмы ужасные, декораціи невозможныя, но во всемъ много старанія и рвенія и серьезности. Всѣ отлично знаютъ свои роли. Всѣ стольники и слуги—переодѣтыя женщины...

Digitized by Google

197.

Веймаръ, 29 января.

Наканунѣ представленія... Какая отличная сегодня была репетиція! Serenissimus тоже былъ и сказалъ: „Думали ли вы, когда мы были дѣтьми, что мы встрѣтимся здѣсь черезъ 40 лѣтъ, на сценѣ“?

Я сказалъ:—Нѣтъ!—А послѣ ужъ, когда онъ ушелъ, ко мнѣ подошелъ Борисъ Годуновъ (очень хорошій) и сказалъ: „Не принимайте это за лесть; но кромѣ Шекспира я ничего не знаю, что можно было бы сопоставить съ этимъ. Мы всѣ знали, что пьеса прекрасна, но теперь только, при репетиціяхъ, мы видимъ, до какой степени драма эта хороша и сильна, и мы всѣ васъ благодаримъ“.

То же сказалъ мнѣ и режиссеръ, и директоръ, Лёнъ, который на меня дулся за то, что я по просьбѣ всѣхъ актеровъ просилъ Сереніссимуса, чтобы сегодня отмѣнили пьесу, которую должны были давать; онъ подъ конецъ не вытерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Нѣтъ, это такъ великолѣпно, я не ожидалъ,—это самая сильная пьеса, которую я знаю“,—и дамы то же говорили мнѣ за картонными кустами.

А Мейендорфъ хочетъ тебѣ писать и на меня жаловаться, что я ихъ беру за талію! Но это неправда, я только съ ними учтивъ, а Мейендорфъ съ Павловой видѣли только изъ ложи, что я за кустами заставилъ двухъ изъ нихъ поцѣловаться между собою...

Посмотримъ, что завтра будетъ. А Лефельдъ знаетъ наизусть мою инструкцію, которую они перевели на нѣмецкій языкъ и слѣдуютъ ей съ величайшимъ уваженіемъ, и изъ этого выходитъ, что есть такіе эффекты, которыхъ не видали ни у Васильева, ни у Самойлова,—напр., когда Иванъ умираетъ и видитъ скомороховъ и принимаетъ ихъ за чертей! Просто волосы становятся дыбомъ, хотя скоморохи до сихъ поръ толстые, старые, почтенные отцы семейства, кривляющіеся совѣстливо и основательно. Шутъ тоже очень хорошъ! Битяговскій — отличный. Кикинъ—плохъ. Вообще они дѣлаются все лучше и лучше, знаютъ свои роли твердо, а Лефельдъ знаетъ такъ твердо, какъ я—рѣчь Цицерона противъ Катилины, и безпрестанно велитъ суфлеру молчать.

198.

Веймаръ, 30 января.

Утромъ передъ представленіемъ.... Сегодня была генеральная репетиція, но еще безъ костюмовъ. Пріѣхалъ изъ Дрездена

Digitized by Google

Фиркса [1]), чтобы смотрѣть сегодня вечеромъ представленіе и о немъ печатать статью...

....Я сегодня былъ не на сценѣ, а смотрѣлъ изъ креселъ вмѣстѣ съ Мейендорфомъ, Фиркомъ и Павловой...

....Она разъ, обращаясь ко мнѣ, сказала:—Hippolyte!—говоря, что принимаетъ меня за своего сына, на что я, къ великому удовольствію Мейендорфа и Лёна, отвѣчалъ ей:—Et moi, je vous prends pour Phèdre!..

Serenissimus былъ также на репетиціи. Идетъ превосходно, никто изъ участвующихъ не сомнѣвается въ успѣхѣ; говорятъ, что неуспѣхъ невозможенъ. Фиркъ говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ, это—„ein Hunne“. И дѣйствительно, Лефельдъ въ его роли—„ein Hunne“. Онъ среди репетиціи, которая вся была mezza voce, вдругъ разсердился на режиссера, да такъ принялся на него кричать, что тотъ совсѣмъ притихъ. Это уже нѣсколько разъ случалось, и послѣ всегда Лефельду дѣлалось совѣстно, и онъ старался всячески загладить свой крикъ.

Ему нарочно даютъ тупой посохъ, чтобы онъ кого-нибудь не убилъ. Шьютъ на него костюмъ прочнѣе, чѣмъ на другого, потому что онъ ихъ разрываетъ, когда сердится. Смерть его и страхъ чертей—великолѣпны.

Я обѣдаю въ четыре часа у Serenissim'a, въ мундирѣ, по случаю баварскаго посланника, потомъ переодѣваюсь и иду въ театръ, а изъ театра прямо опять къ Сереніссимусу...

Посмотримъ, что будетъ...

У Лефельда были отличныя минуты, но онъ упустилъ не мало оттѣнковъ и сказалъ нѣсколько фразъ совсѣмъ фальшиво, и онъ валялся по полу 3—4 раза безъ всякихъ причинъ. Сцена угрозъ съ „Молчи, холопъ“—вышла отлично. Лефельдъ былъ деморализованъ; онъ въ этотъ самый день былъ съ похмелья. Тщетно его утишали; онъ буйствовалъ за кулисами, и игралъ фальшиво на сценѣ; онъ самъ это чувствовалъ, и его бѣшенство возобновлялось за кулисами.

Годуновъ былъ отличенъ. Говорятъ, что онъ никогда не былъ такъ хорошъ; тутъ открылись въ немъ новыя хорошія стороны.

Григорій Нагой (молодой сербъ—Савичъ) былъ превосходенъ, когда онъ читалъ письмо Курбскаго.

Битяговскій—очень хорошъ.

Кикинъ—отвратителенъ.

Шуйскій—очень плохъ.

---

[1]) Извѣстный публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти.

Digitized by Google

Захарьинъ—хорошъ.

Схимникъ—не дуренъ, но сцена невыносима, хотя ей очень апплодировали.

Царица —.великолѣпна, въ своей красотѣ; и всѣ женскіе костюмы почти что вѣрны.

Лицо Лефельда великолѣпно—настоящее лицо Ивана...

Завтра еще напишу...

199.

Веймаръ, 31 января.

...Ты уже знаешь изъ моей телеграммы—огромный успѣхъ „Ивана“. Публика, дворъ, актеры, всѣ были въ восторгѣ, со всѣхъ сторонъ меня поздравляютъ.

Вчера я сидѣлъ совершенно одинъ въ моей Loge grillée, *совершенно одинъ*; вел. герцогъ и вел. герцогиня посылали мнѣ кого-нибудь между каждымъ актомъ меня поздравлять. Вел. герцогъ самъ зашелъ ко мнѣ послѣ 2-го акта; лица изъ общества также приходили меня поздравлять; директоръ, актеры—тоже. Публика меня вызывала; послѣ представленія вел. герцогиня велѣла меня позвать въ большую среднюю ложу. Вел. герцогъ меня пригласилъ ужинать. Сегодня утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ гостинницу; меня сравниваютъ съ Шекспиромъ и съ Гёте,—однимъ словомъ, фуроръ. А совсѣмъ этимъ, я очень недоволенъ представленіемъ; я этого не говорю, но у меня тяжелое чувство, которое продолжается со вчерашняго дня. Лефельдъ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ на репетиціяхъ, и я былъ въ немъ разочарованъ; я вижу, что онъ не умный актеръ.

200.

Веймаръ, 1 февраля.

Я сейчасъ стоялъ у открытаго окна въ халатѣ и курилъ, и смотрѣлъ на площадь, гдѣ стоитъ много возовъ, пріхавшихъ на рынокъ, и между прочимъ разныя телѣжки, которыя пріѣхали на собакахъ. Собакъ отпрягли, и онѣ сами сѣли въ телѣжки, и оттуда выглядываютъ и смотрятъ изъ одной телѣжки въ другую—враждебно. Снѣгъ весь сошелъ, тепло и пахнетъ весной, а у тебя, бѣдной, было 36°.

Вчера Serenissimus и Serenissima опять горячо благодарили меня за „Ивана“, и такъ настоятельно просили еще остаться нѣсколько дней, что я, право, не могу отказать. Онъ говоритъ, что и ты, вѣроятно, въ этомъ не откажешь.

Digitized by Google

201.

Веймаръ, 3 февраля.

Я только-что вернулся изъ Іены, гдѣ я обѣдалъ у Куно-Фишера съ Мейендорфомъ, и онъ былъ мнѣ очень радъ и удивительно насъ кормилъ, и каждое кушанье было съ лукомъ.

И тебѣ онъ посылаетъ своего „Лейбница“ съ надписью.

Онъ намъ читалъ свою статью о Ричардѣ III, а въ ту минуту, какъ мы вошли, онъ только-что кончилъ сцену Ричарда съ Анной, которую совершенно оправдываетъ и восхваляетъ. Когда онъ кончилъ, я ему сказалъ: „Sie sind ein so beredter Advocat, dass ich Ihnen jetzt glaube, morgen aber werde ich aufhören zu glauben“ [1]).

202.

Веймаръ, 4 февраля.

Легче пріѣхать въ Веймаръ, чѣмъ изъ него уѣхать.

Сегодня Куно-Фишеръ опять позвалъ обѣдать, и когда на его вопросъ я сказалъ, что ѣду завтра, онъ сказалъ: „Дорогой мой, я васъ умоляю, останьтесь еще завтра. Я очень хочу вамъ прочесть одну трагедію Геббеля: „Дмитрій Самозванецъ“; по-моему, это лучше, чѣмъ Шиллеровскій...

....Я думаю, кончится тѣмъ, что я удеру тихонько, какъ Michel Angelo отъ Guilio II...

M-me Lehfeld просила меня зайти къ ней, и сообщила письмо мужа изъ Мейнингена, гдѣ онъ проситъ у меня прощенія за то, что нехорошо игралъ.

....Онъ, говорятъ, съ радости наканунѣ напился, и у него былъ Katzenjammer.

Она говоритъ: „Sie haben uns alle, alle, durch Ihre Persönlichkeit bezaubert“... Не думай, что я зазнался!..

203.

Царское-Село, 29 апрѣля.

...Императрица еще за мной не посылала, но, вѣроятно, буду сегодня вечеромъ читать. Я не привезъ съ собой мундира, а сегодня рожденіе Вел. Кн. Сергѣя Александровича. Я пошелъ къ Государю во фракѣ, но, несмотря на это, онъ очень былъ

[1]) „Вы такой краснорѣчивый адвокатъ, что теперь я вамъ вѣрю, но завтра перестану вѣрить“.

Digitized by Google

добръ и справлялся о тебѣ. Вчера В. К. Сергѣй Александровичъ хотѣлъ, чтобъ принесли ему знакомую кошку; Императрица запретила, а онъ плакалъ и капризничалъ. Я предложилъ его гувернеру Арсеньеву разсказать ему извѣстную исторію о кошкѣ, чтобъ отнять у него всякую охоту ихъ видѣть. Вчера я провелъ весь вечеръ, до 12-ти, у К. Т. Тамъ была m-me Б., и мы сидѣли въ китайской комнатѣ, въ которой когда-то многое происходило между мною и разными дамами и дѣвицами, и все это припоминалось, и мнѣ разсказали, насколько я былъ любимъ. Видишь?—Итакъ, уважай меня.

204.

Берлинъ, гостинница du Nord, 2 іюня.

....А Зубовъ молодецъ, онъ все время молчалъ и только разъ, когда мы остались наединѣ, и я его спросилъ, думаетъ ли онъ, что „Ѳедоръ Іоанновичъ“ выйдетъ хорошо, онъ разгорячился и сказалъ почти со злостью: „Когда я одинъ его читалъ, у меня слезы брызгали изъ глазъ. А выйдетъ ли хорошо на сценѣ, не знаю. И тотъ актеръ, кто его съумѣетъ сыграть, будетъ великій актеръ“. И еще сказалъ: „Вы заставили бы нѣсколькихъ актеровъ, въ томъ числѣ и меня, прочесть эту роль“.

205.

Карлсбадъ, 30 іюня.

....Я тебѣ писалъ, что у меня былъ директоръ лейпцигскаго театра и просилъ *Смерть Ивана*.

Потомъ мнѣ сказали, что ко мнѣ хочетъ придти бывшій директоръ вѣнскаго театра—Laube (очень извѣстный). Его никто не любитъ, и, говорятъ, у него скверный характеръ, но его высоко ставятъ, какъ директора. Я взялъ да пошелъ къ нему: онъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ; я говорю:—я такой-то. Онъ говоритъ:—Очень радъ, давно хотѣлъ, и пр. Потомъ онъ началъ говорить немного покровительственно:—гдѣ получили воспитаніе? и пр.

Я пропустилъ, на все отвѣчалъ скромно, а потомъ сталъ его экзаменовать: гдѣ онъ воспитывался? гдѣ родился? сколько ему лѣтъ? давно ли управляетъ театромъ? и пр.

Онъ умный, и тотчасъ сдѣлался скромнымъ, и мы начали говорить про Шекспира, и оказалось, что онъ то же говоритъ,

Digitized by Google

что и я. Напр., что сцена Ричарда съ Анной ganz unmöglich; и что ее только и терпятъ aus Pietät, и что много есть плохихъ сценъ у Шекспира; и что Gervinus говоритъ вздоръ; и что Rümelin принесъ много пользы, и что Ulrici въ новомъ изданіи своего „Werk“ напечаталъ цѣлую статью: „Ueber die Shwäche Shakspeare's“.

И мы подружились...

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Значеніе университетовъ въ прошлой и современной исторіи русскаго общества невольно заставляетъ обращаться къ изученію ихъ судебъ. Въ русской литературѣ имѣется не мало изслѣдованій объ условіяхъ возникновенія и развитія университетовъ, научнаго движенія въ нихъ и ихъ юридическаго положенія въ разныя эпохи. Къ сожалѣнію, имѣющіяся сводки почти не касаются послѣднихъ десятилѣтій и мало пользуются цифровымъ матеріаломъ, наиболѣе надежнымъ въ данномъ случаѣ. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью хотя бы отчасти пополнить этотъ пробѣлъ и прослѣдить въ развитіи общаго высшаго образованія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ вліяніе важнѣйшихъ событій университетской жизни и разнообразныхъ условій современной эпохи. Затрогивая иногда общеизвѣстные факты, мы пытались дать сравнительную оцѣнку ихъ значенія, пользуясь свѣдѣніями о ростѣ числа слушателей московскаго университета вообще—и его отдѣльныхъ факультетовъ. По поводу избраннаго нами предмета и главнаго пріема изученія—намъ необходимо оговориться.

Московскій университетъ, какъ старѣйшій и наибольшій изъ русскихъ университетовъ, вполнѣ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Однако, при изученіи его исторіи мы не разъ въ состояніи будемъ подмѣтить, что московскій университетъ переживалъ всѣ вліянія, отражавшіяся на прочихъ нашихъ университетахъ. Эти общія вліянія выступаютъ на первый планъ въ его исторіи, тогда какъ событія мѣстнаго значенія сравнительно мало замѣтны. Въ этомъ смыслѣ московскій университетъ является

Digitized by Google

типичнымъ представителемъ русскихъ университетовъ вообще. Такимъ образомъ, по положенію московскаго университета мы до извѣстной степени можемъ судить о положеніи обще-русскаго университетскаго дѣла, о размѣрахъ пользованія благами высшаго образованія въ разные періоды, а также опредѣлить значеніе отдѣльныхъ видовъ его вообще для Россіи.

Что касается избраннаго нами пріема (изученіе движенія числа учащихся), то онъ оказывается совершенно необходимымъ при разбросанности, неоднородности и неполнотѣ имѣющагося матеріала, въ особенности при приближеніи къ современной намъ эпохѣ. Факты возрастанія и уменьшенія числа учащихся по такому большому университету, разсматриваемые въ связи съ подобными фактами по другимъ университетамъ, являются надежнымъ и объективнымъ критеріемъ. Они дадутъ возможность оцѣнить сравнительное значеніе разныхъ событій, укажутъ, въ какомъ направленіи они вліяли, и отмѣтятъ тѣ изъ нихъ, которыя иначе ускользнули бы отъ вниманія изслѣдователя. Ниже мы увидимъ, что они отражаютъ даже такія тонкія перемѣны въ образовательномъ значеніи университетовъ, какъ, напр., измѣненія въ уровнѣ преподаванія.

Главнымъ источникомъ цифрового матеріала послужили намъ отчеты московскаго университета за послѣднія 50 лѣтъ [1]).

I.

Сороковые и пятидесятые годы.

Извѣстно, какая громадная, почти исключительная роль принадлежала правительству въ насажденіи и поддержаніи у насъ высшаго и средняго образованія, тѣсно связанныхъ между собою и по своей исторіи, и по современному положенію [2]). Начиная

[1]) „Отчеты о состояніи и дѣятельности Императорскаго университета“. Эти отчеты надо отличать отъ краткихъ и малосодержательныхъ извлеченій, помѣщаемыхъ въ изданіи: „Рѣчь и отчетъ, читанные на торжественномъ актѣ“... и т. д. (Отмѣтимъ, что отчета московск. у-та за 1864 г. мы вовсе не могли найти въ библіотекѣ названнаго университета). Для другихъ университетовъ мы пользовались соотвѣтственными отчетами ихъ и „Извлеченіями изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра нар. просв.“; послѣднее изданіе, къ сожалѣнію, запаздываетъ (отчетъ за 1892 г. еще не появлялся) и мало доступно.—Источники общелитературные будутъ нами отмѣчены въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Болѣе доступные по изложенію своды свѣдѣній по исторіи высшаго и средняго образованія можно найти въ слѣдующихъ трудахъ: *В. С. Иконниковъ*—„Русскіе

Digitized by Google

съ Петра Великаго, правительство, стремясь удовлетворить потребность въ образованныхъ людяхъ для цѣлей государственной службы, дѣлаетъ рядъ систематическихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Академія наукъ и при ней университетъ съ гимназіей (1726 г.) [1]), университетъ въ Москвѣ и опять при немъ гимназіи (1755), преобразованные корпуса начала Екатерининскаго царствованія (1765),—могутъ быть названы только малоудачными опытами. Организація средняго образованія, по плану Янковича де-Миріево, открытіе въ Петербургѣ учительской семинаріи, дѣятельность „Коммиссіи народныхъ училищъ", открывшей 169 училищъ въ первыя пять лѣтъ своего существованія, и „Уставъ народныхъ училищъ" (1782, -83, -86 гг.), были первымъ серьезнымъ шагомъ въ дѣлѣ общеобразовательной средней школы, а открытіе новыхъ университетовъ и обновленіе стараго при Александрѣ I (1804)—такимъ же шагомъ по отношенію къ высшему образованію. И въ послѣдующее время взгляды правительства имѣли всегда первенствующее вліяніе въ опредѣленіи судебъ нашего образованія; всякая перемѣна въ нихъ тотчасъ же отражалась на положеніи и успѣхахъ русской школы. Въ этомъ отношеніи важны 1828 и 1835 годы (реформа гимназій и университетовъ подъ вліяніемъ взглядовъ, вынесенныхъ изъ начала царствованія имп. Николая I), но еще болѣе важны сороковые годы. На нихъ мы остановимся довольно подробно, такъ какъ со взглядами и мѣрами, проводившимися въ этотъ періодъ, намъ придется встрѣчаться и въ болѣе позднее время [2]).

Историкъ русской культуры [3]) отмѣчаетъ сороковые годы какъ эпоху перелома въ исторіи русскаго просвѣщенія. Причину этого перелома онъ видитъ именно въ перемѣнѣ, происшедшей въ то время во взглядахъ правительства на положеніе образованія въ Россіи. „До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—правительство опасалось только того, что въ Россіи слишкомъ мало учатся, и только съ этого времени оно открыто выражаетъ опасеніе, что

университеты, въ связи съ ходомъ общественнаго образованія" („Вѣстн. Европы" 1876 г., кн. 9, 10 и 11); *П. Н. Милюковъ*—„Введеніе въ курсъ русской исторіи", вып. II (лекціи; выпускъ начатъ печатаніемъ въ „Мірѣ Бож.", 1896 г.). Низшее (народное) образованіе въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ возникло позднѣе, главнымъ образомъ, на средства городовъ, земства и сельскихъ обществъ.

[1]) Этотъ университетъ и гимназія имѣли очень мало слушателей. Въ 1766 г. университетъ закрытъ.

[2]) Послѣдующее изложеніе мѣръ 40-хъ годовъ сдѣлано по вышеуказаннымъ источникамъ.

[3]) П. Н. Милюковъ.

Digitized by Google

въ Россіи учатся слишкомъ много, и начинаетъ принимать мѣры не для увеличенія, а для уменьшенія количества учащихся".

Мотивы новаго направленія нашли выраженіе въ оффиціальныхъ заявленіяхъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова. Въ циркулярѣ 1840 года (31-го декабря) министръ высказалъ убѣжденіе, что „при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній". Прежде всего вниманіе обращено было на гимназіи, между прочимъ, въ виду того, что эти заведенія открываютъ доступъ къ высшему образованію и въ то же время опредѣляютъ, до нѣкоторой степени, направленіе и успѣхи дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Министръ считалъ, „что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства". Поэтому, въ своемъ „предложеніи" 1845 года онъ проектировалъ, въ противовѣсъ такому стремленію юношества къ образованію, повысить плату за ученіе. Мѣра эта встрѣтила одобреніе со стороны государя, который приказалъ повысить плату еще болѣе и, кромѣ того, „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ". Эти способы найдены были въ требованіи отъ поступающихъ въ гимназіи увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ тѣхъ обществъ, къ которымъ поступающіе были приписаны.

Вліяніе политическихъ соображеній отразилось и на составѣ гимназической программы. Циркулярами 17 ноября 1844 года и 9 января 1847 г., гимназія лишена была статистики и логики, послѣднихъ представительницъ общественныхъ и философскихъ наукъ, уцѣлѣвшихъ въ ея программѣ послѣ реформы 1828 года. Въ 1849 году, самый классицизмъ былъ заподозрѣнъ, какъ возможный источникъ революціонныхъ идей, и началось систематическое сокращеніе классической программы. Древніе языки были удержаны лишь для желающихъ продолжать ученіе въ университетѣ; для остальныхъ же, оканчивающихъ свое образованіе въ гимназіи, было усилено преподаваніе математики и введено преподаваніе законовѣдѣнія.

Въ томъ же году Уваровъ былъ уволенъ, и мѣсто его занялъ

Digitized by Google

кн. Ширинскій-Шихматовъ. Смыслъ этой перемѣны виденъ изъ словъ государя, сказанныхъ новому министру при его назначеніи: „религія должна служить единственною твердою основою всякаго полезнаго ученія“. Въ этомъ направленіи и продолжались перемѣны въ учебномъ планѣ. Изученіе древнихъ языческихъ писателей найдено опаснымъ для молодежи: преподаваніе греческаго языка отмѣнено или измѣнено, въ смыслѣ чтенія отцовъ церкви вмѣсто классиковъ. Въ 1851 году, въ противовѣсъ классицизму, въ гимназическую программу введены естественныя науки.

Мѣры, принятыя по отношенію къ средней школѣ, оказали свое вліяніе и на высшую школу. Но кромѣ этихъ косвенныхъ мѣръ, по отношенію къ послѣдней были приняты и другія, съ цѣлью измѣнить порядокъ управленія и преподаванія въ ней и сдѣлать ее менѣе доступною для низшихъ классовъ населенія. Еще въ 1847 и 1848 годахъ послѣдовала передача харьковскаго и кіевскаго учебныхъ округовъ изъ рукъ попечителей въ завѣдываніе генералъ-губернаторовъ. Въ 1849 году университеты были лишены права избранія ректоровъ, а право избранія декановъ было ограничено. Ученая дѣятельность профессоровъ и пополненіе состава ихъ новыми силами были крайне затруднены: въ 1847 году послѣдовало распоряженіе, чтобы лекціи и рѣчи профессоровъ печатались только съ разрѣшенія попечителей; чтеніе публичныхъ лекцій съ 1848 года разрѣшалось уже рѣдко, а печатаніе ученыхъ трудовъ встрѣчало массу препятствій. Въ мартѣ 1848 года воспрещено было отпускать и командировать за границу лицъ, служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; въ 1852 году запрещено приглашать иностранныхъ ученыхъ; около этого же времени было ограничено, несмотря ни заявленіе министра, право университетовъ выписывать изъ-за границы безъ цензуры книги и періодическія изданія. Съ начала 1850 года введенъ былъ систематическій надзоръ за преподаваніемъ, съ цѣлью заключить его въ строго опредѣленныя рамки; въ началѣ курсовъ профессоры должны были представлять точныя программы ихъ, отъ которыхъ не допускалось впослѣдствіи ни малѣйшихъ отступленій; за соблюденіемъ этого условія, на основаніи инструкціи, слѣдили деканы, въ свою очередь находившіеся подъ надзоромъ ректоровъ; высшій контроль надъ преподаваніемъ и программами былъ возложенъ на главное правленіе училищъ. Еще раньше (въ концѣ 1849 года) прекращено было преподаваніе въ университетахъ государственнаго права европейскихъ державъ; та же участь постигла (1850 г.) науки, составляющія каѳедру философіи, за исключеніемъ логики и психологіи, чтеніе

Digitized by Google

которыхъ было поручено профессорамъ богословія; послѣдніе обязаны были преподавать эти предметы по установленнымъ духовнымъ вѣдомствомъ программамъ и (съ 1852 г.) подъ присмотромъ тѣхъ же наблюдателей, которымъ порученъ былъ надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ среднихъ и низшихъ училищахъ. Бывшій этико-политическій факультетъ окончательно превратился въ юридическій [1]), а названіе философскаго факультета вовсе пришлось уничтожить, раздѣливъ этотъ факультетъ на физико-математическій и историко-филологическій. Наконецъ, въ 1854 году въ университетскій курсъ введено преподаваніе артиллеріи и фортификаціи.

Всѣ эти мѣры не могли не отразиться на университетахъ сокращеніемъ числа студентовъ. Но всего дѣйствительнѣе былъ въ этомъ отношеніи рядъ мѣръ, направленныхъ на измѣненіе состава учащихся. Повышеніе платы, требованіе увольнительныхъ свидѣтельствъ и другія мѣры уменьшили число учениковъ въ гимназіяхъ съ 20 тысячъ въ 1847 году до 17.817 въ 1855 г., и, такимъ образомъ, сократился контингентъ лицъ, могущихъ попасть въ университеты. Одновременно съ гимназіями (въ 1845 г.) и по тѣмъ же соображеніямъ, плата за ученіе была повышена и въ университетахъ: до 40 р. въ столицахъ и до 20 р. въ провинціи, тогда какъ раньше она равнялась въ столицахъ 28 р. 57 к. [2]) Въ 1848 году послѣдовало новое повышеніе платы до 50 и 40 руб. Скоро началось непосредственное регулированіе числа слушателей. Въ апрѣлѣ 1849 года ограничено было число своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ: ихъ должно было быть не болѣе 300 человѣкъ, въ среднемъ по 100 человѣкъ на факультетъ, кромѣ медицинскаго, на который желающіе принимались въ неограниченномъ количествѣ (въ Дерптѣ также и на богословскій); исключеніе для медиковъ было сдѣлано „въ виду *крайней потребности* въ нихъ“. При этомъ, студентамъ медицинскаго факультета воспрещено было переходить на другіе факультеты; на послѣдніе вообще пріостановленъ пріемъ студентовъ, пока число ихъ не войдетъ въ положенную норму. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, число студентовъ и слушателей всѣхъ университетовъ, постоянно возраставшее со времени устава 1835 г., въ 1849 году быстро падаетъ [3]). Въ январѣ 1850 года сдѣлано было распоряженіе принимать въ студенты только дѣтей дворянъ.

[1]) Весьма важныя перемѣны въ этомъ смыслѣ внесены были уже уставомъ 1835 года.

[2]) Впервые плата была введена въ 1817 году.

[3]) Какъ увидимъ дальше, уже въ ближайшее за тѣмъ время, число студентовъ снова почти достигаетъ прежняго размѣра, что̀ г. Иконниковъ (вышеуказ. статья „В. Е.“

Digitized by Google

Но наступало время, когда всѣмъ этимъ ограниченіямъ предстояло быть уничтоженными. Уже въ 1854 году, въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ разрѣшено было увеличить комплектъ на 50 человѣкъ, что, вѣроятно, вызвано было военными событіями, такъ какъ тогда же введено было въ университетахъ преподаваніе военныхъ наукъ. На первыхъ же порахъ новаго царствованія (ноябрь 1855 года), въ университеты было допущено неограниченное число студентовъ, а вслѣдъ за этимъ послѣдовала отмѣна всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ прежняго времени. Перемѣны начались, какъ мы увидимъ дальше, съ освобожденія университетовъ изъ-подъ власти генералъ-губернаторовъ и закончились возстановленіемъ закрытыхъ каѳедръ, открытіемъ новыхъ и, наконецъ, уставомъ 1863 года.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію болѣе близкихъ къ намъ эпохъ въ жизни нашихъ университетовъ, обратимся отъ перечня законодательныхъ мѣръ къ вопросу о томъ, какъ онѣ—и въ особенности установленіе комплекта—отразились на числѣ слушателей въ университетахъ. Установленіе весьма низкаго и совершенно искусственнаго предѣла числа студентовъ болѣе сильно должно было отразиться на московскомъ университетѣ, который тогда, какъ и теперь, былъ наибольшимъ въ Россіи. Еще замѣтнѣе это вліяніе должно быть по отношенію къ петербургскому университету; дѣйствительно, тутъ нѣтъ медицинскаго факультета, развитіе котораго, при отсутствіи для него комплекта, могло бы маскировать паденіе числа слушателей на прочихъ факультетахъ. Остальные четыре университета (кіевскій, харьковскій, дерптскій и казанскій) до изданія правилъ о комплектѣ достигали меньшей величины, чѣмъ указанные два, и потому должны были подвергнуться меньшему сокращенію. Дѣйствительность подтверждаетъ сказанное. Если мы сгруппируемъ свѣдѣнія о числѣ студентовъ въ университетахъ къ концу 1848 года,—когда названная мѣра еще не отразилась на этомъ числѣ, и оно достигало высшей точки,—и къ концу 1850 года, когда сокращеніе числа учащихся стало совершившимся фактомъ,—то это дастъ намъ возможность наглядно прослѣдить вліяніе этой мѣры на разные университеты. Тутъ же мы дадимъ свѣдѣнія о числѣ студентовъ къ концу 1860 года, чтобы показать, съ какою быстротою залечивались, при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ, нанесенныя университетамъ раны.

1876 г., кн. II, стр. 102) объясняетъ тѣмъ, что большинство предпочитало даже пойти на медицинскій факультетъ, лишь бы не остаться внѣ университета.

Digitized by Google

	Число студентовъ къ концу года.			Увеличеніе (+) и уменьшеніе (—) числа студентовъ въ %:	
	1848.	1850.	1860.	1848—50.	1850—60.
Петербургскій университетъ . .	731	387	1.278	—47,1	+231,0
Московскій „ . .	1.168	821	1.653	—29,8	+101,0
4 остальные „ . .	2.017	1.810	2.512	—14,5	+ 66,6
Итого . .	4.016	3.018	5.443		

Мы видимъ, что съ конца 1848 года по конецъ 1850 г. число студентовъ упало въ петербургскомъ университетѣ на 47,1%, въ московскомъ — на 29,8% и въ остальныхъ четырехъ—на 14,5% [1]). Далѣе этого уменьшеніе числа учащихся уже не могло идти, а въ послѣдующее десятилѣтіе мы уже видимъ возрастаніе его. При разсмотрѣніи погодныхъ измѣненій числа студентовъ [2]), мы убѣждаемся, что возрастаніе это совершается непрерывно, сначала крайне медленно, а съ установленіемъ болѣе благопріятныхъ условій для высшаго образованія—довольно быстро. Сначала университеты увеличиваются до прежняго уровня, а затѣмъ даже обгоняютъ его. Приведенная выше табличка показываетъ, что увеличеніе университетовъ, въ періодъ съ 1850 по 1860 гг., идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе было раньше искусственное уменьшеніе ихъ. Первымъ по росту идетъ петербургскій университетъ, который за 10 лѣтъ увеличился въ $3^1/_4$ раза на 231%, затѣмъ московскій (возрастаніе вдвое—на 101%), а затѣмъ остальные (въ $1^2/_3$ раза,—на 66,6% [3]). Этотъ порядокъ, въ который располагаются университеты по возрастанію ихъ, подтверждаетъ ту мысль, что наблюдавшееся ранѣе скопленіе учащихся въ столичныхъ университетахъ было вызвано не случайными, а постоянными и вѣскими причинами.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ общаго числа студентовъ измѣняется и ихъ распредѣленіе по факультетамъ, и эти измѣненія еще любопытнѣе. Они наглядно доказываютъ ту—высказанную г. Иконниковымъ—мысль, что мѣра 1848 года не столько даже была направлена на уменьшеніе числа учащихся въ университетахъ, сколько стремилась искусственно и безъ соображенія съ нуж-

[1]) Въ харьковскомъ—на 24,8%, кіевскомъ—на 16,7%, дерптскомъ—на 8,3% и казанскомъ (наименьшемъ)—на 4,9%.

[2]) Таблицу числа студентовъ во всѣхъ университетахъ съ 1836 по 1862 годъ, можно найти въ оффиціальной запискѣ, приложенной къ „Университетскому уставу 1863 года“ (Спб., изданіе 1863 года).

[3]) Если брать во вниманіе не относительныя, а абсолютныя цифры, то какъ уменьшеніе, такъ и возрастаніе числа слушателей въ московскомъ университетѣ, почти равняются измѣненіямъ петербургскаго.

Digitized by Google

дами страны вліять на распредѣленіе студентовъ по факультетамъ, возвышая число изучающихъ однѣ науки и низводя до минимума число изучающихъ другія. Мы останавливаемся здѣсь только на московскомъ университетѣ, выбирая изъ ряда лѣтъ лишь наиболѣе характерные годы, въ виду того, что промежуточные годы совершенно не уклоняются отъ общаго хода въ движеніи числа студентовъ, выразившагося въ числахъ нижеслѣдующей таблицы. Нами особо выдѣлены студенты медицинскаго факультета, для котораго не былъ установленъ комплектъ, а студенты всѣхъ остальныхъ факультетовъ, для которыхъ комплектъ равнялся сначала 300, а съ 1854 года—350 своекоштныхъ студентовъ, соединены вмѣстѣ:

Годы:	Число студентовъ къ концу года: Медиц. фак.	Остальн. фак.	Итого:	Распредѣленіе въ %% къ общей суммѣ: Медиц. фак.	Остальн. фак.
1848	402	758	1.160	34,7	65,3
1850	405	392	797	50,8	49,2
1855	799	390	1.189	67,2	32,8
1857	1.068	657	1.725	61,9	38,1
1862	582	1.162	1.744	33,3	66,7

Такимъ образомъ, медицинскій факультетъ непрерывно увеличивается до 1855 года и даже до 1857 г., когда на числѣ его слушателей продолжалъ отражаться большой наплывъ ихъ, возникшій въ отвѣтъ на требованіе медиковъ для поля военныхъ дѣйствій. Общее число студентовъ на всѣхъ остальныхъ факультетахъ падаетъ (въ 1852 году оно доходило даже до 328) и устанавливается въ 1855 году на цифрѣ вдвое меньше противъ 1848 года. Относительное значеніе этихъ двухъ группъ въ общей массѣ студентовъ радикально перемѣняется: вмѣсто одной трети (34,7%), которая приходилась на медицинскій факультетъ въ 1848 году, въ 1855 году на него приходится уже двѣ трети (67,2%). Но стоило только отмѣнить стѣснительныя мѣры, и сразу увеличивается приливъ учащихся къ тѣмъ отраслямъ науки, доступъ къ которымъ былъ почти запрещенъ, и которыя тѣмъ не менѣе оставались необходимыми для страны. Уже въ 1857 году, несмотря даже на указанное абсолютное возрастаніе медицинскаго факультета, на него приходится только 62% общаго числа студентовъ университета. Еще пять лѣтъ—и число студентовъ на этомъ факультетѣ падаетъ чуть не вдвое, составляя уже лишь 1/3 (33,3%) общаго числа [1]).

[1]) Искусственный приливъ медиковъ-студентовъ въ 1848—57 гг. вызвалъ впослѣдствіи такое же ненормальное уменьшеніе числа ихъ, которое длится до 1866 года. Повидимому, это объясняется уменьшеніемъ спроса на медицинскій трудъ: вы-

Digitized by Google

Обратимся къ распредѣленію студентовъ по курсамъ за то же время. Какъ показано выше, медицинскій факультетъ непомѣрно возрасталъ, и на первые курсы его поступало все большее и большее число слушателей. Благодаря этому, при разсмотрѣніи числа слушателей по курсамъ за 1848 — 1855 гг. замѣчается, что первые два курса были несоразмѣрно велики сравнительно съ остальными. Не то было на прочихъ факультетахъ. Тамъ, наоборотъ, съ установленіемъ комплекта пришлось пріостановить пріемъ студентовъ, такъ какъ факультеты слишкомъ превышали норму въ 300 человѣкъ; результатомъ было то, что первые курсы обезлюдѣли. Когда же, при передвиженіи студентовъ съ курса на курсъ, старшіе курсы оказались со временемъ пустыми,—пришлось несоразмѣрно увеличить пріемъ. Такимъ образомъ, число студентовъ на курсахъ юридическаго, математическаго и филологическаго факультетовъ подвергалось рѣзкимъ колебаніямъ, пока къ 1855 году не пришло нѣсколько въ норму; затѣмъ усиленный естественный наплывъ студентовъ на эти факультеты самъ собою вызвалъ явленіе, подобное тому, которое отмѣчено выше для медицинскаго факультета: первые два курса стали несоразмѣрно велики сравнительно со старшими. Всѣ вышеуказанныя явленія мы можемъ выразить въ цифрахъ, вычисливъ % общей суммы студентовъ даннаго факультета, приходящійся на первые два курса его. При нормальномъ ходѣ вещей этотъ процентъ долженъ приближаться къ 50 (къ 1/2), въ изучаемую же нами эпоху онъ равнялся:

Года:	На мед. фак.	На остальныхъ фак-ахъ.
1848	48,8	62,8
1850	52,1	11,0 [1]
1852	53,1	80,0
1854	62,4	46,5
1856	57,3	67,5

шедшіе на практику медики 50-хъ годовъ, учившіеся иногда при слишкомъ плохихъ условіяхъ, должно быть, заполонили всѣ мѣста, гдѣ тогда требовались врачи, и сократили спросъ на нихъ, хотя условія ученія и подготовка новыхъ врачей неизмѣримо улучшились. Иначе трудно понять послѣдующее непрерывное и значительное уменьшеніе числа студентовъ на медицинскомъ факультетѣ, не обусловленное никакими мѣрами, стѣсняющими доступъ на факультетъ: въ 1866 г. на указанномъ факультетѣ московскаго университета было всего 311 студентовъ.

[1]) Въ 1850 году на первомъ курсѣ этихъ трехъ факультетовъ (юридическаго, филологическаго и физико-математическаго) было всего 21 студентъ, тогда какъ на четвертомъ—183 студента. У юристовъ, которыхъ до этого времени (1849 г.) было больше другихъ, разница еще поразительнѣе: на 1-мъ курсѣ—5, а на 4-мъ—98 студентовъ.

Digitized by Google

Мы остановились такъ долго на этой достопамятной эпохѣ потому, что тутъ съ необычайной ясностью сказывается вліяніе искусственныхъ мѣръ, весь вредъ и ненормальность ихъ. Шло время, и университеты поправлялись отъ полученныхъ ударовъ. Въ московскомъ университетѣ уже въ 1855 году число студентовъ поднялось до уровня, котораго достигало въ 1847 году (1.190), а затѣмъ, къ концу 1858 года, оно быстро поднялось еще до 1.760. Выше уже упоминались тѣ причины, которыя содѣйствовали такому возвышенію; далѣе онѣ будутъ указаны болѣе подробно. Но, достигнувъ значительной величины въ 1858 году, далѣе число студентовъ начинаетъ колебаться. Наступившее пятилѣтіе чрезвычайно интересно. Изученіе его слѣдуетъ соединить съ разсмотрѣніемъ послѣдующаго тридцатилѣтія.

При изученіи жизни университета за это время вплоть до 1895 года, мы по началу будемъ имѣть довольно богатый матеріалъ, получившій въ значительной своей части литературную обработку [1]). Но далѣе, за отсутствіемъ такого матеріала, мы все болѣе и болѣе должны будемъ обращаться къ числу студентовъ въ университетахъ, какъ единственному указателю перемѣнъ въ судьбахъ высшаго образованія. По этому признаку, исторія московскаго университета за послѣднія 37 лѣтъ (1858—1895 годы) сама собою дѣлится на два періода. Первый изъ нихъ—въ 16 лѣтъ (1858—74 гг.)—отмѣченъ неустойчивостью и паденіемъ числа студентовъ; второй—остальные 21 годъ (1874—1895 гг.)—возрастаніемъ этого числа, правда, постепенно замедлявшимся. Въ общемъ, за первый періодъ число студентовъ понизилось съ 1.760 до 1.168 человѣкъ, а во второй — возросло съ 1.168 до 4.147 человѣкъ [2]).

Фактъ паденія числа студентовъ за 60-ые и начало 70-хъ годовъ и возрастанія его съ половины 70-хъ по 1895 годъ—можетъ показаться съ перваго взгляда невѣроятнымъ; кромѣ общаго характера этихъ эпохъ, извѣстно, между прочимъ, что въ продолженіе почти всего перваго періода дѣйствовалъ университетскій уставъ 1863 года и гимназическій 1864 г., которые при-

---

[1]) Укажемъ здѣсь на книгу *Г. Джаншіева*: „Эпоха великихъ реформъ“, вышедшую въ 1895 году 6-мъ изданіемъ (цитаты по 4-му изданію), и статью *В. Д. Спасовича*: „Къ пятидесятилѣтію Спб. университета“, первоначально помѣщенную въ „Вѣстн. Европы“ за 1870 г., кн. 4 и 5, а впослѣдствіи вошедшую въ сборникъ его сочиненій: „За много лѣтъ“, въ IV-томъ томѣ полнаго собранія ихъ (цитаты по послѣднему). Остальныя указанія будутъ сдѣланы въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Разбивая по этому признаку исторію университета на тѣ или другія эпохи мы пользуемся данными, сведенными въ одну таблицу въ концѣ этой статьи.

Digitized by Google

знаются вообще болѣе благопріятными для дѣла образованія, чѣмъ университетскій уставъ 1884 [1]) и гимназическій 1871 года. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эти факты вполнѣ объясняются соотвѣтственными причинами, при чемъ еще ярче выступаетъ отмѣченное значеніе уставовъ 1863 и 1864 гг., съ одной стороны, и 1871 и 1884 гг.—съ другой. Остановимся сначала на первомъ изъ указанныхъ выше періодовъ.

II.

Университетъ съ 1858 по 1874 годъ.

Разсматриваемая теперь нами эпоха по своему историческому значенію не можетъ быть названа однородной. Достаточно указать, что сюда входятъ и годы подготовленія къ реформамъ 60-хъ годовъ, значительно измѣнившимъ русскую жизнь, и годы самыхъ этихъ реформъ, и, наконецъ, время, когда въ противовѣсъ тому, что уже осуществилось, возникла сначала слабая, а потомъ весьма замѣтная реакція. Но что касается университета, все это время, какъ было указано выше, отмѣчено уменьшеніемъ числа студентовъ. Для того, чтобы получить нѣкоторое понятіе объ этомъ процессѣ, вычислимъ среднее число студентовъ московскаго университета за три послѣдовательныя части этой эпохи: въ періодъ съ 1859 по 1863 годъ въ университетѣ было въ среднемъ 1.621 студентъ, въ 1864-71 годахъ—1.530, и въ 1871-74 годахъ— уже только 1.259 студентовъ. Число сторонніхъ слушателей уменьшалось еще быстрѣе; оно послѣдовательно равнялось въ среднемъ: 372, 125 и 42 человѣкамъ.

Однако, въ такомъ видѣ мы имѣемъ лишь самое общее представленіе объ измѣненіи даннаго числа, не позволяющее свести явленіе къ его причинамъ. Чтобы достигнуть послѣдней цѣли, мы должны поближе присмотрѣться къ этимъ измѣненіямъ. Они указаны въ нижеслѣдующей таблицѣ, отдѣльно для студентовъ и для сторонніхъ слушателей, при чемъ числа относятся къ концу соотвѣтствующихъ годовъ. Кромѣ весьма замѣтныхъ въ исторіи университета эпохъ 1863 и 1871 гг., приведены всѣ года, когда происходилъ переломъ въ измѣненіи числа студентовъ и сторонніхъ слушателей, отъ уменьшенія къ увеличенію, или обратно:

[1]) Университ. уставъ 1884 года подготовлялся съ 1873 года.

Digitized by Google

Годы.	Число студентовъ.	Число сторонних слушателей.	Сумма (всего слушателей).	Среднее въ годъ процентное увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) числа: студентовъ		всѣхъ слушат.	
1858	*1.760*	*41*	*1.801*	— 3,8		+ 5,0	
1861	1.560	512	2.072	+ 11,8	— 2,9	+ 8,8	+ 0,4
1862	1.744	511	2.255	— 13,7		— 18,6	
1863	*1.506*	*331*	*1.837*				
1866	1.455	157	1.612	— 1,1		— 4,1	
1868	1.611	68	1.679	+ 5,4	+ 0,1	+ 2,1	— 1,7
1871	*1.522*	*66*	*1.588*	— 1,8		— 1,8	
1872	1.353	44	1.397	— 11,1	— 7,8	— 12,0	— 8,0
1874	*1.168*	*40*	*1.208*	— 6,8		— 6,8	

Мы видимъ, что въ первыя 5 лѣтъ (1859-1863 гг.) число студентовъ отличается крайнею неустойчивостью; за это время наблюдается попеременно то внезапное и значительное возвышеніе его, то такое же паденіе [1]),—однако, въ среднемъ, вліяніе менѣе благопріятныхъ годовъ, въ родѣ 1861 и 1863, перевѣшиваетъ, и для всего періода отмѣчено довольно значительное пониженіе указаннаго числа, равное въ среднемъ 2,9% на каждый годъ. Въ слѣдующія 8 лѣтъ цифры несравненно устойчивѣе; въ срединѣ періода мы имѣемъ два года сравнительно весьма благопріятныхъ, и въ общемъ число студентовъ за это время осталось почти безъ перемѣны. Наконецъ, въ послѣдніе три года пониженіе числа студентовъ дѣлается постояннымъ явленіемъ и достигаетъ въ суммѣ за три года 23,2%. Если мы сопоставимъ теперь наблюденные нами факты съ прочими данными исторіи университетовъ, то довольно близко подойдемъ къ отысканію причинъ этихъ фактовъ.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ отмѣчены по отношенію къ университетамъ крайнею неустойчивостью ихъ положенія. Вообще направленіе внутренней политики за это время опредѣлялось лишь постепенно. Государственные дѣятели прежняго царствованія, довольно долго остававшіеся на своихъ постахъ, съ трудомъ справлялись,—какъ замѣчаетъ г. Джаншіевъ [2]), — даже съ текущими задачами новаго направленія, и нерѣдко сознательно или безсознательно ему противодѣйствовали. По отношенію же къ учебному вѣдомству были и свои особыя причины неопредѣленности положенія: настоятельность реформы чувствовалась въ немъ не менѣе сильно, чѣмъ въ другихъ вѣ-

[1]) Достигнувъ въ 1858 году до 1.760, число студентовъ въ послѣдующее пятилѣтіе (1859-63) погодно равнялось: 1.643, 1.653, 1.560, 1.744 и 1.506.

[2]) „Изъ эпохи великихъ реформъ“, 4 изд. М. 1893 г., стр. 243.

Digitized by Google

домствахъ, но долго во главѣ его не было лица, которое могло бы понять положеніе и сознательно стремиться къ его улучшенію. Поэтому, въ частности, университеты не сразу были поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы нормально развиваться. Правда, мѣры, введенныя въ предъидущее десятилѣтіе, просуществовали не долго, и мало-по-малу были отмѣнены. Уже въ ноябрѣ 1855 года было допущено неограниченное число студентовъ [1]); университетамъ возвращены прежнія права, и они снова поставлены въ зависимость лишь отъ попечителей, благодаря чему кіевскій и харьковскій университеты изъяты изъ вѣдѣнія генералъ-губернаторовъ (дек. 1855 года). Далѣе, возстановлены права ректора и декановъ; инструкція имъ (о надзорѣ за преподаваніемъ) отмѣнена (1861 годъ); въ довольно широкихъ размѣрахъ (съ 1856 года) началась отправка молодыхъ людей за границу, для подготовки къ профессорскому званію; выписываемыя университетами книги освобождены отъ цензуры (1859), возстановлены каѳедры философіи (1860) и государственнаго права (въ петербургскомъ университетѣ въ 1858 г., въ казанскомъ—въ 1860), и даже учреждено нѣсколько новыхъ каѳедръ: всеобщей литературы — въ петербургскомъ унив. (въ 1860 г.), всеобщей географіи—въ московскомъ унив. Постепенно университеты заняли de facto то положеніе, которое имъ принадлежало до 1845 года. Повидимому, университетскія коллегіи пріобрѣтали даже нѣкоторое вліяніе на направленіе университетскихъ дѣлъ. Но, въ сущности, отношенія регулировались тѣмъ принципомъ Уваровскаго устава 1835 года, по которому попечители являются хозяевами университета. Вдобавокъ, распатанный всѣми административными распоряженіями, которыя въ свое время камня на камнѣ не оставили отъ этого устава, онъ ставилъ слишкомъ неопредѣленныя и широкія рамки для административныхъ воздѣйствій. Правда, въ административныхъ сферахъ не было въ это время недостатка въ благихъ намѣреніяхъ и попыткахъ установить для университетовъ сносныя условія существованія и добрыя отношенія къ начальству. Въ петербургскомъ университетѣ, послѣ назначенія попечителемъ кн. Щербатова (1858 г.), смѣнившаго Мусина-Пушкина, установилась свобода преподаванія, аудиторіи были открыты для всѣхъ желающихъ, безъ различія возраста и пола, установилась автономія профессорской коллегіи и даже зачатки студенческой корпо-

[1]) На вліяніе этой мѣры было уже нами указано.

Digitized by Google

раціи [1]). Но, основанныя на личномъ соизволеніи, хорошія отношенія были непрочны и ежеминутно могли рухнуть съ перемѣной лицъ. Такъ и случалось неоднократно. Послѣ сравнительно широкой свободы для самодѣятельности университетовъ, внезапно изобрѣтались и примѣнялись—съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла—узкія и безполезныя мѣры. Такъ, напр., въ петербургскомъ университетѣ введены были матрикулы, съ чѣмъ связаны были формальныя стѣсненія во всѣхъ тѣхъ областяхъ, развитію которыхъ была предоставлена раньше относительная свобода [2]); неожиданно число освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій ограничено было двумя на губернію; также внезапно значеніе университетскаго совѣта сведено было къ нулю [3]). Иногда, несмотря на лучшія намѣренія, одушевлявшія администрацію, она и учащаяся молодежь, — поставленныя уставомъ 1835 года непосредственно лицомъ къ лицу, — совершенно не понимали другъ друга. А между тѣмъ оживленіе, надежды и опасенія всего общества той эпохи отражались въ студенческой средѣ скорѣе въ преувеличенныхъ, чѣмъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Столкновенія сдѣлались неизбѣжными, и въ 1861 году въ Петербургѣ возникли студенческіе безпорядки, отчасти созданные и раздутые неумѣлою дѣятельностью попечителя округа, кавказскаго генерала Филипсона, и министра, адмирала Путятина. Университетъ былъ закрытъ, при чемъ историко-филологическій и юридическій факультеты вновь открылись лишь въ 1863 году. Нѣчто подобное происходило и въ прочихъ университетахъ, на что указываютъ почти повсемѣстныя волненія въ нихъ, но эти послѣднія не нашли такого историка, какимъ явился для петербургскаго университета этого періода В. Д. Спасовичъ [4]). Благо-

[1]) Въ Петербургѣ студенческая корпорація, съ вѣдома попечителя кн. Щербатова, получила нѣкоторую правильную организацію, преслѣдовавшую цѣли образовательныя, благотворительныя и личнаго усовершенствованія (касса, изданіе сборника, корпоративный судъ). См. Джаншіевъ, цит. соч., стр. 243. Также: Спасовичъ, Сочиненія, т. IV, стр. 23 и проч.

[2]) Матрикулы проектированы были тогдашнимъ министромъ нар. пр., графомъ Путятинымъ, который намѣревался изъ университетовъ сдѣлать закрытыя учебныя заведенія, доступныя только богатымъ аристократамъ.

[3]) Ср. факты, разсказанные В. Д. Спасовичемъ (т. IV, стр. 53—61).

[4]) Не разъ цитированная его статья: „Къ пятидесятилѣтію с.-петербургскаго университета“, даетъ сжатую, но яркую характеристику положенія дѣлъ въ петербургскомъ университетѣ въ періодъ 1858-61 гг., при номинальномъ дѣйствіи устава 1835 года, почти цѣликомъ отмѣнявшагося министерскими и попечительскими циркулярами,; тутъ же пересказана и исторія волненій 1861 года. Относительно Москвы есть статья Шестакова въ „Русской Старинѣ“ 1888 года (окт. и ноябрь): „Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 года“, но она не даетъ никакихъ свѣдѣній о поло-

Digitized by Google

даря его обстоятельному пересказу событій, а отчасти размѣру своему и печальнымъ послѣдствіямъ для университета, петербургскія студенческія исторіи пользуются гораздо большей извѣстностью, чѣмъ исторіи прочихъ университетовъ.

Въ цѣломъ и общемъ, указанные факты достаточно объясняютъ неустойчивость за это время количества учащихся по университетамъ, вообще, и, въ частности, колебанія числа учащихся въ московскомъ университетѣ, отмѣченныя выше. Но это еще не даетъ полнаго основанія считать доказаннымъ, что именно факты такого характера были причиною уменьшенія числа студентовъ, и чтобы понять, какимъ образомъ они вліяли на это уменьшеніе, необходимо изучить, въ какихъ формахъ выразилось, ближайшимъ образомъ, уменьшеніе числа студентовъ. По счастію, мы имѣемъ, начиная съ 1860 года [1]), довольно достовѣрныя данныя о факторахъ движенія количества учащихся въ университетѣ, которыя могутъ дать отвѣтъ на поставленный вопросъ. Эти данныя, при сравнительномъ ихъ изученіи, освѣтятъ также и дальнѣйшую эпоху вплоть до 1874 года.

Свѣдѣнія о движеніи числа студентовъ въ университетѣ исчерпываются слѣдующими рядами данныхъ: 1) о числѣ окончившихъ курсъ; 2) о числѣ выбывшихъ до окончанія курса (большею частью уволенныхъ), и 3) о числѣ вновь поступившихъ. Первые два фактора дѣйствуютъ, уменьшая общее число студентовъ въ университетѣ, а послѣдній увеличиваетъ его. Иногда сумма первыхъ (окончившихъ и выбывшихъ) превышаетъ число третьихъ, и тогда общее число студентовъ въ университетѣ уменьшается: иногда бываетъ наоборотъ. Слагаясь такъ или иначе, эти факторы производятъ разныя степени въ уменьшеніи и увеличеніи общаго числа студентовъ. Изслѣдуя ихъ вліяніе по періодамъ, путемъ вычисленія среднихъ величинъ окончившихъ, выбывшихъ

женіи студентовъ и университета съ бытовой и юридической стороны, а описываетъ лишь событія, центромъ которыхъ сдѣлана личность инспектора студентовъ,— автора статьи. Далѣе, см. также статью заслуж. проф. Фирсова въ „Русской Старинѣ“ 1889 года — „Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ 1858-63 гг.“. Что касается оффиціальныхъ университетскихъ отчетовъ, то они даютъ въ этомъ отношеніи очень мало; такъ, напримѣръ, въ 1863 году изъ московскаго университета выбыло до окончанія курса 465 человѣкъ, т.-е. больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было году, раньше или позже, но въ отчетѣ университета за данный годъ нѣтъ никакихъ объясненій къ этой цифрѣ, и лишь устныя преданія гласятъ, что въ этомъ году вынуждено было покинуть университетъ множество поляковъ.

[1]) Свѣдѣнія о движеніи числа студентовъ, до 1859 года включительно, не особенно достовѣрны. Свѣдѣнія за 1864 годъ, по которому мы не имѣли отчета (см. выше), отсутствуютъ въ послѣдующемъ изложеніи.

Digitized by Google

и поступившихъ, и выраженія ихъ процентнаго отношенія къ средней годовой цифрѣ студентовъ за тотъ же періодъ, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Періоды:	Окончившіе курсъ.	Выбывшіе до оконч. курса.	Вновь поступившіе	Увелич. (+) или уменьшеніе (—) числа студентовъ.
1860—63 . . .	—17,5	—14,3	+29,7	—2,1
1865—71 . . .	—16,8	— 8,4	+25,2	+0,0
1872—74 . . .	—21,4	— 6,4	+19,2	—8,6
Итого . . .	—17,9	— 9,8	+25,4	—2,3

Въ среднемъ за разсматриваемое время ежегодно оканчивало курсъ около 18% общаго числа студентовъ и удалялось до окончанія курса до 10%. Въ суммѣ, изъ университета ежегодно уходило 27,7%. Въ то же время, число студентовъ пополнялось ежегодно вновь вступающими, которые составляли 1/4 (25,4%) числа студентовъ, бывшихъ до того въ университетѣ. При такомъ отношеніи между выбывшими и вступившими число студентовъ за время 1860—72 гг. въ среднемъ ежегодно уменьшалось процента на 2.

Приведенныя цифры, въ общемъ, соотвѣтствуютъ нашему представленію о смѣнѣ студенческихъ поколѣній въ университетѣ. Послѣдній имѣетъ четыре курса, и потому составъ студентовъ долженъ обновляться черезъ четыре года; около 1/4 этого состава должно ежегодно уходить; на ихъ мѣсто вступаетъ, при статическомъ состояніи университета, такое же число [1]). Дѣйствительность вноситъ въ это представленіе лишь ту поправку, что каждый изъ факторовъ можетъ временно отклоняться отъ средней величины и содѣйствовать росту или паденію числа учащихся въ университетѣ.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе важными представляются колебанія % выбывшихъ и % вновь поступившихъ; колебанія процента окончившихъ курсъ менѣе значительны, и абсолютно, и относительно, и вліяніе этого послѣдняго фактора на измѣненіе общаго числа студентовъ почти вовсе незамѣтно изъ-за опредѣляющаго вліянія первыхъ двухъ факторовъ. При этомъ наиболѣе выдѣляется большое число выбывшихъ въ эпоху до 1863 года и уменьшеніе числа вновь поступавшихъ послѣ 1871 года, благодаря чему число студентовъ за тотъ и другой періодъ довольно

[1]) Медицинскій факультетъ имѣетъ 5 курсовъ, и это должно замедлять обновленіе состава; пребываніе нѣкоторыхъ студентовъ въ университетѣ болѣе нормальнаго числа годовъ дѣйствуетъ въ томъ же направленіи; но выбытіе другихъ до окончанія курса уравновѣшиваетъ это вліяніе.

Digitized by Google

замѣтно уменьшалось. Время же съ 1865 до 1871 года было болѣе благопріятнымъ для университета, а движеніе числа студентовъ приближалось тогда къ среднимъ величинамъ. Особенности каждой изъ этихъ эпохъ находятъ свое объясненіе въ фактахъ изъ исторіи университетовъ.

Время съ 1865 по 1871 годъ было временемъ совмѣстнаго дѣйствія уставовъ 1863 и 1864 г.. (университетскаго и гимназическаго).

Уставы эти, имѣвшіе въ виду по возможности устранить условія, которыя мѣшали развитію образовательныхъ средствъ Россіи, не могли не отразиться болѣе или менѣе благопріятно на нашихъ университетахъ. И дѣйствительно, благотворное ихъ дѣйствіе отмѣчено не для одного московскаго, но и для другихъ университетовъ. Число учащихся во всѣхъ университетахъ за 1865—71 гг. увеличилось съ 4.992 до 6.779, тогда какъ ранѣе и позже оно понижалось [1]). Условія, созданныя упомянутыми законами, ярко отразились на московскомъ университетѣ въ тотъ небольшой промежутокъ, когда уставы 1863 и 1864 гг. получили наиболѣе полное примѣненіе, когда они успѣли уже войти въ жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ установленные ими порядки не были еще въ существенныхъ чертахъ измѣнены графомъ Д. А. Толстымъ, занявшимъ постъ министра народнаго просвѣщенія. едва лишь уставы университетскій и гимназическій были проведены творцомъ ихъ, А. В. Головнинымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1867 и 1868 гг. число поступающихъ въ университетъ было особенно велико (30,5%), число же уволенныхъ и т. п. было мало (7,0%), такъ что, при благопріятномъ числѣ окончившихъ курсъ (18,2%), университетъ увеличивался ежегодно на 5,3%. Но значеніе уставовъ 1863 и 1864 гг. еще сильнѣе доказывается сравненіемъ эпохи, когда они дѣйствовали, съ предъидущей и послѣдующими эпохами.

Соображенія, которыя были высказаны выше, относительно первой изъ этихъ эпохъ, времени съ 1858 по 1863 годъ, подтверждаются фактами движенія числа студентовъ. Большой процентъ выбывшихъ изъ университета до окончанія курса разъясняетъ, почему въ это время университетъ, по числу своихъ питомцевъ, не только не возрасталъ, но даже регрессировалъ. Характерной чертой этого періода является наслѣдіе предъиду-

[1]) Съ 1859 по 1862 годъ (свѣдѣній за 1863 и 1864 гг. мы не могли достать) число студентовъ во всѣхъ университетахъ понизилось съ 5.555 до 4.909, а съ 1871 по 1873 г. отъ 6.779 до 5.689.

Digitized by Google

щаго времени — неустойчивое отношеніе къ университетамъ и отсутствіе закона, регулирующаго ихъ положеніе. Мы видѣли, что университетская и даже внѣшняя администрація стояла лицомъ къ лицу со студентами и могла распоряжаться университетомъ. Всякое обостреніе ея подозрительности, вызванное иногда непониманіемъ желаній и нуждъ учащейся молодежи, а иногда фактами, совершенно посторонними университету, сопровождалось массовыми исключеніями, увольненіями, вообще удаленіемъ студентовъ изъ университета въ той или иной формѣ. А въ фактахъ такого рода не было недостатка,—вспомнимъ хотя бы польское возстаніе, корни котораго, въ формѣ невидимой „польской интриги", тогда подозрѣвались повсюду и, какъ неуловимый міазмъ, подлежали истребленію сильно дѣйствующими средствами. Результаты польской интриги мерещились и въ университетахъ, благо при ихъ невидимости ихъ можно было предполагать вездѣ, и эти послѣдніе—часто безъ всякой вины съ своей стороны—подвергались послѣдствіямъ того, что гдѣ-то „лѣсъ рубятъ". Сильнѣе всего эта эпоха неустойчиваго положенія университетовъ отразилась на петербургскомъ университетѣ, который былъ временно закрытъ, а число студентовъ въ немъ пало съ 1.278 (1860 г.) до 409 (1862 г.). Московскій университетъ пострадалъ какъ одновременно съ петербургскимъ въ 1861 году, такъ и позднѣе, а именно въ 1863 году, когда число выбывшихъ изъ него до окончанія курса достигало максимальной за изучаемое пятидесятилѣтіе величины (465 чел.) и равнялось 26,7% тогдашняго числа студентовъ. Уменьшеніе кіевскаго университета приходится преимущественно на вторую эпоху (1863 г.), и число студентовъ въ немъ, равное 1,062 для 1862 года, къ 1866 году уже упало до 497. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ фактовъ содѣйствовали болѣе быстрой выработкѣ новаго устава, который (утвержденъ въ 1863 году) и повліялъ благопріятно, въ смыслѣ болѣе устойчиваго положенія университетовъ и уменьшенія числа выбывающихъ до окончанія курса [1]). На такое же благотворное

[1]) Перечислимъ вкратцѣ, въ виду важности этого вопроса, главные факты изъ исторіи осуществленія университетской реформы.

Событія 1861 года въ петербургскомъ университетѣ ясно показали невозможность для университетовъ продолжать существованіе на началахъ устава 1835 года, оказавшаго въ Петербургѣ болѣе гибельное вліяніе лишь потому, что адмиралъ Путятинъ и генералъ Филипсонъ послѣдовательнѣе другихъ проводили его. Послѣ полугодового управленія, министръ нар. просвѣщ. гр. Путятинъ принужденъ былъ выйти въ отставку, и мѣсто его занялъ А. В. Головнинъ. Но еще при первомъ была образована, въ концѣ 1861 года, коммиссія для составленія проекта новаго университетскаго устава, вопросъ о которомъ, возбуждавшійся еще въ 1856 году, до сихъ поръ оста-

Digitized by Google

значеніе этого устава и по сравненію съ послѣдующимъ временемъ мы еще будемъ имѣть случай указывать.

Въ періодъ 1872—74 гг., въ противоположность разсмотрѣнной эпохѣ, причина уменьшенія числа студентовъ лежитъ въ паденіи числа поступающихъ въ университетъ. И то, и другое явленіе выражается въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ.

Уменьшеніе числа студентовъ за это время наблюдается рѣшительно во всѣхъ университетахъ. Общее число студентовъ во всѣхъ университетахъ уменьшилось въ 1872 году на 664, и въ 1873 году—на 426 челов. Относительно 1874 года намъ не удалось собрать цифровыхъ свѣдѣній объ уменьшеніи числа студентовъ по всѣмъ университетамъ, но по четыремъ изъ нихъ (петербургскому, московскому, новороссійскому и варшавскому) оно равнялось 283, для всѣхъ же университетовъ должно быть не меньше 360 чел. Такимъ образомъ, за три года общее число студентовъ опустилось на 1.450 чел.,—съ 6.779 до 5.329,—т.-е. на 21%. Еслибы это явленіе продолжалось и далѣе въ такомъ размѣрѣ, то къ 1885 году во всѣхъ русскихъ университетахъ не осталось бы ни одного студента. Мы видимъ, что при своей всеобщности фактъ уменьшенія числа студентовъ въ 1872—74 гг. можетъ быть объясненъ только мѣрой, общей для всей Россіи. Это было введеніе „классическаго“ устава гимназій и связанныхъ съ нимъ мѣропріятій.

Сдѣлавшійся въ 1866 году министромъ народнаго просвѣщенія (вмѣсто Головнина) гр. Д. А. Толстой поставилъ себѣ задачею, „чтобы изъ гимназій выходили не самонадѣянные верхогляды, все знающіе и ничего не знающіе, но люди скромные и

вался безъ движенія. Проектъ, выработанный этой коммиссіей, былъ опубликованъ и разосланъ во всѣ русскіе университеты и извѣстнѣйшимъ заграничнымъ ученымъ. Поступившія замѣчанія были напечатаны (3 тома) и переданы, по мысли А. В. Головнина, на обсужденіе состоявшаго при министерствѣ ученаго комитета главнаго управленія училищъ для составленія окончательнаго проекта, который былъ подвергнутъ еще разсмотрѣнію особаго „Строгоновскаго комитета“ для обсужденія главныхъ основаній и, наконецъ, внесенъ въ государственный совѣтъ. Такимъ образомъ, уставъ, Высочайше утвержденный 18-го іюня 1863 года, былъ составленъ представителями университетской администраціи, бюрократической и выборной (попечители и ректоры), переизложенъ, на основаніи богатаго собраннаго матеріала, комитетомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ представителей науки и интересовъ профессорской среды, и дважды обсужденъ въ совѣщаніяхъ представителей полицейскихъ („Строгоновскій комитетъ“) и общегосударственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, были выслушаны доводы почти всѣхъ сферъ, касающихся университета. Надо замѣтить, что всѣ перечисленныя коммиссіи имѣли смѣшанный характеръ, и выше нами обозначены лишь преобладающіе элементы. Полное перечисленіе лицъ, участвовавшихъ въ этихъ коммиссіяхъ, см. въ книгѣ г. Джаншіева.

Digitized by Google

солидно образованные". Подготовка, дававшаяся прежними гимназіями, признана была якобы недостаточною; предположено было сдѣлать классическія гимназіи съ двумя языками единственнымъ путемъ въ университетъ, а прежнія реальныя гимназіи замѣнить профессіональными училищами. Внесенный въ мартѣ 1871 года въ государственный совѣтъ проектъ реформы гимназическаго устава 1864 года въ духѣ строгаго классицизма встрѣтилъ тамъ сильное сопротивленіе и былъ отвергнутъ 29 голосами противъ 19. Государь согласился съ меньшинствомъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ въ г. Эмсѣ 19-го іюня 1871 года, проектъ профессіональныхъ училищъ утвержденъ не былъ, реальныя гимназіи повелѣно „оставить на прежнемъ основаніи, впредь до обсужденія государственнымъ совѣтомъ — проекта устава реальныхъ училищъ, но съ однимъ ограниченіемъ: „не допускать окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университета". Относительно классическихъ гимназій, которыя отнынѣ стали именоваться просто гимназіями, министру повелѣно представить на Высоч. утвержденіе сводъ оставленныхъ въ силѣ статей устава 1864 года и тѣхъ статей новаго проекта, которыя были „одобрены" государственнымъ совѣтомъ.

Составленный согласно съ этимъ уставъ гимназій и прогимназій удостоился утвержденія уже 30-го іюля того же (1871) года. „Предложеніемъ" министра попечителямъ о порядкѣ примѣненія новаго устава предписывалось, чтобы всѣ предписанія его относительно учебной части, т.-е., главнымъ образомъ, о числѣ недѣльныхъ уроковъ, были приведены въ исполненіе „съ самаго начала настоящаго 1871—72 учебнаго года", и чтобы уже на ближайшихъ выпускныхъ экзаменахъ была примѣнена особливая требовательность, въ силу измѣнившейся системы обученія.

Такимъ образомъ, нѣкоторая часть гимназій (чисто реальныя) потеряла право выпускать своихъ воспитанниковъ въ университетъ. Большинству же ихъ предстояла радикальная перемѣна курса въ смыслѣ введенія вновь преподаванія греческаго языка (для гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ) и увеличенія числа уроковъ по древнимъ языкамъ съ сокращеніемъ преподаванія по другимъ предметамъ (для гимназій съ двумя языками). Успѣхи учениковъ не могли сравняться съ быстротою введенія новаго устава, они не могли удовлетворять „особливой требовательности" уже въ первомъ выпускномъ классѣ. Число поступившихъ въ университеты въ 1872 году достигло, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, минимальной величины.

Digitized by Google

Примѣненіе новыхъ правилъ о выпускныхъ экзаменахъ, начавшееся съ 1873 года, въ связи съ уменьшеніемъ числа учениковъ въ самихъ гимназіяхъ по разнымъ причинамъ, могло бы вызвать сильнѣйшее запустѣніе университетовъ на нѣкоторое время. И вотъ тотчасъ послѣ того, какъ воспитанники реальныхъ гимназій были признаны неподготовленными для поступленія въ университетъ, въ него былъ открытъ льготный доступъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, завѣдомо неподготовленнымъ къ тому по суровому взгляду тогдашняго министерства [1]). Для нихъ однихъ во всемъ государствѣ было дозволено не подвергаться для вступленія въ университетъ экзаменамъ зрѣлости при гимназіяхъ, обязательнымъ для всѣхъ прочихъ молодыхъ людей, и были сохранены пріемные экзамены въ самихъ университетахъ,—экзамены, въ сущности, не болѣе требовательные, чѣмъ существовавшіе до того времени для всѣхъ поступающихъ въ университеты и признанные недостаточными [2]).

При уменьшеніи числа студентовъ изъ окончившихъ курсъ гимназій, семинаристы начинаютъ составлять по отношенію къ нимъ значительно бо̀льшую величину, чѣмъ раньше. Вступавшіе въ университетъ изъ семинарій нѣсколько замаскировали опустѣніе ихъ. Явленіе это въ другихъ университетахъ, кромѣ московскаго, достигало, повидимому, большихъ размѣровъ; однако, къ концу 1879 года, послѣ котораго число семинаристовъ въ университетахъ уже не возрастало (въ этомъ году имъ закрытъ туда доступъ),—въ 1879 году число студентовъ духовнаго происхожденія, т.-е. большею частью семинаристовъ, доходило и въ московскомъ университетѣ до 22%. Въ слѣдующей таблицѣ мы группируемъ свѣдѣнія о числѣ вступавшихъ въ московскій университетъ изъ разныхъ заведеній. Цифры даны среднія за нижеуказанные періоды:

---

[1]) Благодаря напливу семинаристовъ, по признанію коммиссіи для пересмотра общаго устава россійскихъ университетовъ, болѣе четверти слушателей ихъ „состояло изъ лицъ плохо подготовленныхъ“.

[2]) Странность этого факта еще увеличивается, если мы припомнимъ, что въ то же время продолжали существованіе училище правовѣдѣнія и александровскій лицей, которые при облегченномъ курсѣ ученія давали тѣ же, что и университеты, и даже бо̀льшія права. Истинный смыслъ этихъ фактовъ старалась выяснить наша періодическая печать (см. „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., № 8, и особенно 1876 г., № 4, стр. 808—817).

Digitized by Google

Періоды.	Число вновь вступившихъ въ московскій универс. изъ: гимназій.	семинарій.	университ.	Итого.
1865—71. . . .	249	52 [1])	86	387
1872—74. . . .	139	42	83	264
1875—78. . . .	263	43	102	408
1879—81. . . .	561	—	168	729

Значеніе „классическаго" устава для періода 1872—74 гг. здѣсь выражено наглядно и будетъ для насъ еще знаменательнѣе, если мы укажемъ, что число поступившихъ въ университетъ изъ гимназій въ 1872 году равнялось всего 37 чел. и лишь въ слѣдующіе два года повысилось и достигло въ среднемъ количества 190 чел. въ годъ.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, время съ конца пятидесятыхъ годовъ по 1874 годъ и отмѣтили въ немъ эпоху передъ введеніемъ университетскаго устава 1863 года и эпоху введенія устава гимназій 1871 года, съ кратковременнымъ перерывомъ, когда вполнѣ дѣйствовали уставы 1863 и 1864 гг. Въ совокупности указанныя эпохи значительно сократили число студентовъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1862 году оно достигало цифры 1.744, а къ 1875 г. нало до 1.168, т.-е. на 33%. Еще сильнѣе сократилось за это время число вольнослушателей, понизившееся съ 511 до 40. Мы не имѣемъ достаточно свѣдѣній для того, чтобы судить, какія именно причины повліяли на уменьшеніе числа вольнослушателей, но можемъ засвидѣтельствовать, что оно находилось въ противорѣчіи съ желаніями законодателя. Для поясненія нашей мысли, сдѣлаемъ выписки изъ проекта университетскаго устава [2]), которыя укажутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на значеніе вольнослушателей въ университетахъ. Въ мотивахъ къ § 95 говорится: „Наши университеты съ давняго времени сдѣлались заведеніями не только воспитательными [3]), но и общеобразовательными; ихъ стали посѣщать люди посторонніе, любознательные, находящіе наслажденіе въ трудѣ мысли и посвящающіе ему свободныя отъ занятій минуты. По всеобщему убѣжденію, высказанному въ собранныхъ о проектѣ устава мнѣніяхъ, нельзя устранить изъ университета публику, не причинивъ чрезъ то существеннаго вреда народному просвѣщенію и не повредивъ самимъ университетамъ, какъ его разсадникамъ.

[1]) До 1869 г. сюда заносились, кромѣ семинаристовъ, и учившіеся въ другихъ (среднихъ?) учебныхъ заведеніяхъ. Но число ихъ было ничтожно.

[2]) „Проектъ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ". Спб. 1862, стр. 95.

[3]) Выраженіе неточное, но понятное изъ контекста.

Digitized by Google

Присутствіе публики весьма полезно не только потому, что оно служитъ средствомъ распространенія въ массахъ истинъ, добытыхъ наукою, но и потому, что оно не даетъ преподавателямъ заснуть на лаврахъ, читать одно и то же по тетрадкамъ, разъ навсегда заготовленнымъ, заставляетъ ихъ работать и обновлять свое преподаваніе". Нельзя не пожалѣть поэтому о сильномъ уменьшеніи числа вольнослушателей въ университетахъ за 1862—74 годы,—уменьшеніи, которое не было возмѣщено и въ послѣдующее время.

А. Л—кій.

Digitized by Google

ДОЧЬ СВОЕГО ВѢКА

„A daughter of to-day". A novel, by S. J. Duncan (Ev. Cotes).

Окончаніе.

VII *).

Конечно, Кендалю тѣмъ интереснѣе казалась теперь Эльфрида, что онъ не могъ себѣ ясно представить, какъ это она уживается съ англійскимъ складомъ жизни, при той чрезвычайной подвижности и непринужденности, которыя составляли ея отличительныя и, такъ сказать, національныя черты. Ему не особенно хотѣлось, почему-то, чтобы ею заинтересовались Галифаксы; но съ Кардифами — дѣло другое, онъ не прочь былъ, чтобъ она даже познакомилась, если они сами въ такомъ отъ нея восторгѣ. Ему немножко какъ будто неловко было передъ Жанетой за свои простыя, товарищескія отношенія къ Эльфридѣ.

„А милая, прелестная дѣвушка эта Жанета, во всѣхъ отношеніяхъ!—думалъ онъ.—И, вѣрно, страшно разсердилась бы на меня (продолжалъ онъ, уже улыбаясь), еслибы узнала, что изъ вниманія къ ней я способенъ отказаться отъ интереснаго знакомства"!

Однако, для продолженія этого самаго знакомства надо было знать, по крайней мѣрѣ, хоть гдѣ живетъ Эльфрида; а этого она, сколько помнится, не сказала. Впрочемъ Кендаль могъ бы, конечно, узнать ея адресъ въ редакціи „Вѣка"; но ему пришла въ голову мысль лучше подстеречь ее у дверей редакціи, когда

*) См. выше: май, 211 стр.

Digitized by Google

она будетъ выходить оттуда,—и эта мысль ему особенно понравилась, такъ что онъ на ней и остановился.

Недѣли двѣ спустя, когда за Эльфридой захлопнулась дверь редакціи „Вѣка", Кендаль почувствовалъ особый приливъ удовольствія, догоняя ее въ двухъ шагахъ отъ крыльца, по многолюдному Флитъ-Стриту.

Вспомнивъ старину, онъ предложилъ ей вмѣстѣ пойти пообѣдать.

— Только куда? Говорятъ, у Баліеро чудное земляничное мороженое.

— Ну, нѣтъ; тамъ страшно курятъ!—возразила Эльфрида, и изъ ея тона онъ прямо вывелъ заключеніе, что она возражаетъ именно противъ ресторана, а не противъ его желанія провести вмѣстѣ обѣденное время, какъ это водилось у нихъ въ вольномъ парижскомъ кварталѣ.

— Но есть и другіе, только мнѣ сразу не пришло въ голову...

— Ну, пусть теперь придетъ! — съ прежней шутливостью возразила Эльфрида. — Вотъ, напримѣръ, я знаю, есть такой скромненькій уголокъ, въ родѣ фермы, такой чистенькій, и весь въ зелени! Называется онъ *Гіацинтъ*, и тамъ вполнѣ прилично, даже для семейныхъ дамъ. Если-бъ вы меня туда пригласили, я согласилась бы съ радостью!

— Ну, такъ я приглашаю!—вторилъ ей весело Киндаль, и они повернули по направленію къ *Гіацинту*.

Въ то время, какъ Эльфрида со своимъ обычнымъ величавымъ спокойствіемъ разстегивала перчатки и снимала кофточку у маленькаго уютнаго столика, въ залѣ ресторана, Кендаль попробовалъ заставить ее разговориться о ея работѣ въ редакціи „Вѣка".

— Пожалуйста.... *по-жа-луйста*, не напоминайте мнѣ объ этомъ!.. Это мнѣ... больно! — жалобно прозвучалъ ея голосъ.— И вотъ еще что: я бы просила васъ дать мнѣ слово... Надѣюсь, это во мнѣ говоритъ не одинъ только эгоизмъ!.. дайте мнѣ слово— никогда не читать „Вѣка".

У Кендаля чуть-было не вырвалось признаніе:—Да я и безъ того никогда его не читаю!..—но онъ во-время спохватился.— А почему же?

— Ахъ, да потому же, что вы могли бы узнать мою работу и... и... Увѣряю васъ, что я иногда пишу гораздо... о, гораздо лучше!

— Хорошо, обѣщаю; только съ уговоромъ! Чтобы вы сооб-

Digitized by Google

щили мнѣ, гдѣ можно будетъ найти то, что вы сами признаете *лучшимъ*.

Молодая журналистка серьезно и задумчиво посмотрѣла на него, и Кендалю показалось, что она своими большими глазами заглядываетъ въ самую глубину его ума и души.

— Ну, да, конечно!—согласилась она, поглядывая на него поверхъ своей тарелки съ бульономъ.—Это даже очень мило съ вашей стороны, если вамъ дѣйствительно интересно. Обѣщаю вамъ прислать первую свою *настоящую* статью обведенною синимъ карандашомъ...

— И скоро это будетъ?

— Не знаю... Впрочемъ, я уже купила синій карандашъ!— съ веселою усмѣшкой прибавила она.—Весьма возможно, что это случится скорѣе, нежели вы можете себѣ представить. Я прежде всего добиваюсь дѣлать все хорошо, что только умѣю дѣлать; я преклоняюсь передъ подвигами героизма. Мнѣ въ жизни только то и интересно, что дѣлаютъ другіе люди—худшаго и лучшаго, чѣмъ я.

— Не можете вы развѣ раздѣлять эти разнородныя понятія одно отъ другого?—спросилъ Кендаль.

— Пробовала... да нѣтъ ужъ, не могу! Знаю, что это слабохарактерность—и только, а дѣлать нечего: меня такъ и тянетъ охранять свою индивидуальность—всегда и во всемъ.

— Да это поклоненіе героизму?! И я уже не разъ за вами это подмѣчалъ.

— Да! — не скрываясь, безцеремонно призналась она.—А когда мнѣ иной разъ случается задуматься надъ этимъ, я всегда нахожу, что на мѣстѣ героя я поступила бы такъ точно, какъ онъ самъ. (Дѣвушка, въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, подававшая спаржу, съ такимъ любопытствомъ смотрѣла въ эту минуту на Эльфриду, какого въ ней не пробуждали обычныя посѣтительницы „Гіацинта“.) Или, можетъ быть, мнѣ такъ только кажется, потому что мнѣ лестно сознаніе, что я способна сочувствовать герою?.. О, конечно, съ моей стороны нѣтъ никакой особой заслуги въ томъ, что я сочувствую ему!—и Эльфрида засмѣялась, глядя на Кендаля открыто улыбавшимися глазами.

— Какъ вы чистосердечны!

— Что-жъ такое? Я не считаю ложь благороднымъ дѣломъ,— хотя бы и передъ самой собою.

— „О, жалкій родъ людской“!..—началъ-было Кендаль; но Эльфрида нетерпѣливо его перебила:

— Пожалуйста, замолчите! Ничто не портитъ такъ оживлен-

Digitized by Google

ной бесѣды, какъ цитаты. И, вдобавокъ, это изреченіе ужъ такъ опошлено! Я вамъ кажусь, можетъ быть, слишкомъ недалекой, но, въ сущности, я, право же, скорѣе эгоистка. Но эгоизмъ мой теплится во мнѣ, пылая животворнымъ огонькомъ, который во мнѣ поддерживаютъ мои лучшія чувства и стремленія. И онъ такъ чистъ, такъ ясенъ, что помогаетъ мнѣ видѣть все вполнѣ опредѣленно. Но, увѣряю васъ, я ни за что на свѣтѣ не пожелала бы помѣняться своими свойствами съ кѣмъ-нибудь изъ заурядныхъ, пошловато-простыхъ, благодушествующихъ людей, которыми весь міръ кишитъ!..

Такъ лилась ея рѣчь—полушутливо, полусерьезно, то пересыпанная остротами и мѣткими словечками, то впадающая въ тонъ откровеннаго признанія.

Дорогой, въ сумерки, возвращаясь домой съ Кендалемъ въ каретѣ, Эльфрида повѣряла ему нѣкоторыя свои духовныя воззрѣнія, въ которыхъ отражалось вліяніе Арнольда и Аристотеля, и пожалуй, отчасти, Уистлера; задумчиво слѣдила глазами за вереницами огней, тянувшихся по обѣ стороны кареты и смѣлыми штрихами пыталась обобщить понятіе о чистой красотѣ, о правдѣ, которыя входили въ составъ ея религіозныхъ представленій...

Джонъ Кендаль слушалъ все, не прерывая; только разъ попросилъ разрѣшенія закурить, но не получилъ его. За то, по пріѣздѣ домой, Эльфрида пригласила его къ себѣ, „на вышку“, и сама радушно предложила курить, какъ настоящая гостепріимная хозяйка дома.

Вскорѣ послѣ того Эльфридѣ довелось прочесть „Марія“ Патера, и она съ „жаднымъ и безнадежнымъ“ увлеченіемъ (какъ она выражалась) предалась этому новому для нея наслажденію. Само собою разумѣется, что просвѣщать ее въ исторіи взялся не кто иной, какъ Лоренсъ Кардифъ.

У Кардифовъ она была теперь желанной гостьей, какъ всякая типичная личность, которую Лоренсъ считалъ выразительницей того или другого общаго типа.

— Да нѣтъ же, папа!—возражала горячо Жанета.—Какой же она *типъ*? Она—исключеніе, и даже самаго исключительнаго сорта!

— Если хочешь, могу съ тобою согласиться, что она не совсѣмъ нормальна; но развѣ только съ нашей точки зрѣнія, островитянъ. Тамъ, у нихъ, въ Иллинойсѣ, они, вѣрно, ужъ всѣ такими родятся.

Digitized by Google

Подобныя разсужденія происходили между ними въ первое время ихъ знакомства съ молодой американкой; но затѣмъ вскорѣ дѣвушки уже сблизились настолько, что даже не разставались на короткій промежутокъ между чаемъ и обѣдомъ, когда онѣ, даже подъ дождемъ, бѣгали прогуляться по ближайшему скверу. Такая интимность возникла между ними даже прежде, чѣмъ Эльфрида начала знакомиться съ библіотекой Кардифа, — прежде чѣмъ она начала высказывать свои мнѣнія о прочитанномъ, — мнѣнія смѣлыя и порою даже дерзкія. По мѣрѣ того, какъ дни проходили за днями, Кардифы все менѣе и менѣе свободно обсуждали Эльфриду и ея поступки, — вѣрный признакъ, что она становилась имъ ближе и... дороже. Въ свою очередь, и Эльфридѣ льстила ея побѣда надъ Кардифами, тѣмъ болѣе, что чѣмъ ближе сходилась она съ ними, тѣмъ больше открывала въ нихъ обоихъ,—особенно же въ отцѣ Жанеты,—интересныхъ и привлекательныхъ свойствъ.

Между тѣмъ Галифаксы,—мать и дочь,—встрѣчавшіяся съ Эльфридой у Кардифовъ, считали за лучшее пока воздержаться отъ ближайшаго съ нею знакомства. Онѣ привыкли не особенно довѣрчиво относиться къ восторженнымъ увлеченіямъ Жанеты, да и у нихъ вѣдь собиралось, въ память покойнаго сэра Уильяма, лишь самое изысканное литературное общество. Лэди Галифаксъ даже неуклонно слѣдила за состояніемъ здоровья тѣхъ знаменитостей печати, о которыхъ ежедневно сообщались всѣ эти подробности въ газетѣ „Аѳинянинъ“. Миссъ Галифаксъ тоже читала „Аѳинянинъ“, но ей гораздо больше нравились „Замѣтки объ искусствѣ“. Больнымъ мѣстомъ ея было нежеланіе матери открыть доступъ въ свой салонъ молодымъ художникамъ, — новымъ и оригинальнымъ,—какимъ былъ, напримѣръ, Джонъ Кендаль.

— Помилуй!—возражала дочери лэди Галифаксъ:— у насъ бываютъ самъ президентъ академіи художествъ и еще два-три такихъ же значительныхъ лица въ художественныхъ сферахъ. Чего намъ еще нужно отъ какого-нибудь Джона Кендаля?.. Положимъ, его обхожденіе въ обществѣ безукоризненно,—этого у него нельзя отнять...

И вотъ, на основаніи послѣдняго и состоялось, наконецъ, появленіе Кендаля въ салонѣ почтенной лэди Галифаксъ. Тѣмъ временемъ и молодая американка начала ей казаться нѣсколько менѣе эксцентричной, менѣе смѣлой и свободной въ своихъ манерахъ и сужденіяхъ. Мало того: съ каждымъ разомъ, когда она видала ее въ обществѣ, Эльфрида все больше и больше пора-

Digitized by Google

жала ее своей сдержанностью и строгостью осанки, которую она (какъ истая англичанка) приписывала доброму вліянію строго-нравственныхъ великобританскихъ общественныхъ порядковъ. А Эльфрида, въ сущности, не столько думала о нихъ, сколько о томъ, чтобы не тратить своего остроумія и бойкости передъ тѣми, кто неспособенъ по достоинству ихъ оцѣнить; и единственно по этой причинѣ она перестала оригинальничать на глазахъ у лэди Галифаксъ, которая считала эту сдержанность признакомъ свѣтскаго лоска и приличій.

Какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный вечеръ Эльфрида Белль была приглашена къ Галифаксамъ, и съ особенной тщательностью занялась своимъ туалетомъ.

Платье на ней было бѣлое съ янтарнымъ, оригинально задуманное ею и передѣланное въ Парижѣ (послѣ Спарты) по ея же собственному рисунку. Когда она надѣвала его, на щекахъ ея загорался румянецъ, который придавалъ еще больше привлекательности ея красотѣ, еще больше блеска ея большимъ темнымъ глазамъ. Вдоль вырѣза лифа извивалась вѣтка бѣлыхъ лилій, а темная зелень и трава, которою онѣ были перевиты, особенно выгодно оттѣняли бѣлизну ея груди и шеи. Волосы были причесаны низко и скромно, по-дѣвичьи, и только на лбу задорно были взбиты пушкомъ, который нѣжно оттѣнялъ ея темныя брови. Она немножко волновалась: очень ужъ много говорила ей Жанета про эти *знаменитые* вечера!...

Спускаясь по лѣстницѣ, Эльфрида невольно подумала, что имѣетъ право быть довольна собой, и не могла удержаться отъ чисто дѣтскаго порыва, чтобы не коснуться губами (въ видѣ ласки) своей атласной ручки...

— „Ты просто восторгъ сегодня"!—сказала она сама себѣ.

Дверь въ комнату Голайтли была полуотворена; онъ самъ стоялъ, покуривая сигаретку, въ живописной позѣ, на порогѣ:

— Только на васъ взглянуть мимоходомъ! — пояснилъ онъ.

Эльфрида остановилась и распахнула свою ротонду:

— Ну, какъ вамъ нравится?—спросила она и дала ему время осмотрѣть ея туалетъ.

— Восхитительно!—былъ искренній возгласъ.

Молодая дѣвушка взглянула на него такъ, что могла бы свести съ ума человѣка менѣе привычнаго къ сильнымъ драматическимъ эффектамъ.

— Ну, такъ сбѣгайте мнѣ за кэбомъ!..—проговорила она.

И м-ръ Тиккъ не только сбѣгалъ, но даже самъ усадилъ красавицу въ экипажъ, и Эльфриду не особенно огорчилъ недо-

Digitized by Google

статокъ горячности въ его рукопожатіи: до того ли ей было, чтобы придавать значеніе степени восторга какого-нибудь Голайтли, когда ей предстояло цѣлый вечеръ плѣнять собою самое избранное общество.

Въ залу она вошла вмѣстѣ съ Кардифами, и лэди Галифаксъ тотчасъ же познакомила миссъ Белль съ какимъ-то длиннобородымъ джентльменомъ, котораго она назвала ея соотечественникомъ. Щеки у него были втянуты; глаза оттѣнялись густыми, нависшими бровями.

— Можете обмѣняться своими впечатлѣніями по поводу Гайдъ-Парка или Собора св. Павла,—пошутила любезно лэди Галифаксъ.—Только прошу васъ убѣдительно, не называйте насъ „британцами“! Не подражайте своимъ землякамъ-американцамъ!

Изъ разговора съ длиннобородымъ джентльменомъ Эльфрида вывела заключеніе, что онъ—содержатель и начальникъ колледжа во Флоридѣ и одно время велъ постоянную переписку съ покойнымъ лордомъ Уильямомъ Галифаксомъ.

— Вотъ чему я обязанъ честью быть сегодня въ такомъ блестящемъ обществѣ,—заключилъ онъ; но тотчасъ же пустился расписывать свою болѣзнь (острый катарръ желудка), задержавшую его въ Англіи, куда онъ ради здоровья исключительно и пріѣзжалъ... повидимому, безъ желательныхъ послѣдствій.

— По-моему, мнѣ теперь даже хуже,—прибавилъ онъ.—Ну, что вы скажете, миссъ Белль, напримѣръ, объ обѣдахъ въ королевствѣ ея великобританскаго величества? Мнѣ кажется иной разъ, что весь британскій музей можно отдать за лакомый кусочекъ „Johnny-cake'a“!

Эльфрида уже начинала думать, что не такой бесѣды она могла ожидать, когда подошла къ нимъ хозяйка дома и молодая дѣвушка; она съ любезной улыбкой направилась отъ педагога къ Жанетѣ, которая только-что поздоровалась съ какой-то добродушной дамой-астрологомъ и направлялась дальше.

— Позади этой крупной дамы въ платьѣ „héliotrope“ (это была супруга „Ежедневнаго Курьера“) есть маленькій диванчикъ, —шепнула пріятельницѣ Жанета:—Только бы она не сѣла! Да нѣтъ, не сядетъ: тисненый шолкъ виднѣе на ногахъ... Вотъ, вотъ, идетъ... ушла! Сядемте поскорѣе. Смотрите: бѣдный мой папа попался и надолго! Этотъ господинъ говоритъ ему, что знаетъ его ужъ давно по его сочиненіямъ...

— Ну, разскажите мнѣ хоть что-нибудь и про кого-нибудь,— попросила Эльфрида.

— Гм! Я, какъ нарочно, не вижу сейчасъ никого, кто

Digitized by Google

былъ бы именно „хоть кто-нибудь“,—возразила Жанета.—Ахъ, нѣтъ: вонъ идетъ сэръ Брэдфордъ Баркеръ. Вглядитесь въ него хорошенько, Фрида! Онъ, право, добрый малый!

— „Честный солдатъ“? Ну, у насъ въ концѣ вѣка какъ-то невольно чувствуется, что нельзя особенно восторгаться назначеніемъ убивать людей.

— Даже ничуть, конечно!.. Онъ членъ парламента; пишетъ стихи, и всѣ насмѣшки „Punch'a“ не въ состояніи помѣшать ему ихъ печатать. А тотъ, съ кѣмъ онъ стоитъ — только-что кончилъ „Исторію народовъ семитическаго происхожденія“. Вчера онъ былъ моимъ кавалеромъ за обѣденнымъ столомъ и горячо доказывалъ, что существуетъ пять различныхъ способовъ готовить омара; я допускала только три... Этотъ миніатюрный человѣчекъ, за котораго папа только-что ухватился, сэръ „Такой-то“,—авторъ новѣйшаго сочиненія о „Владыкахъ Индіи“, а мой, родитель, по всей вѣроятности, тщетно пытается поживиться отъ него кой-какими положительными данными. Вѣдь всю эту недѣлю папа занятъ составленіемъ статьи о выборномъ началѣ въ Индіи. Онъ говоритъ, что это—единственный писатель, который можетъ судить безпристрастно, такъ какъ никогда не бывалъ въ той странѣ, о которой пишетъ..

— Ну, все это слишкомъ заурядно,—возразила Эльфрида.— Вы, помнится, говорили, что здѣсь будутъ и образцы литературной доблести?

— Чѣмъ же не образецъ — авторъ „Семитическихъ племенъ“?—смѣясь перебила ее Жанета.—И, наконецъ, что же мнѣ дѣлать, если всѣ наши поэты убрались на тотъ свѣтъ, а романисты разбрелись по колоніальнымъ землямъ?.. Вотъ, кстати, и Кендаль!

Джонъ Кендаль уже подходилъ къ нимъ,—какъ всегда, безукоризненно изящный, съ манерами истаго джентльмена; и тотчасъ же Эльфридѣ показалось, что его присутствіе придало больше значенія ихъ уголку, больше оживленія и остроумія ихъ разговору. Жанета, со своей стороны, ужъ не разъ думала, краснѣя, что онѣ обѣ какъ бы состязаются въ мѣткости и умѣ, когда бесѣдуютъ между собой при немъ, и тѣмъ какъ бы напрашиваются, чтобы одной изъ нихъ онъ отдалъ пальму первенства.

— А вамъ бы лучше сидѣть больше за работой гдѣ-нибудь въ Барбизонѣ или въ другомъ мѣстѣ, — строго замѣтила ему Жанета Кардифъ.—Не всегда будетъ іюнь мѣсяцъ на дворѣ.

— Ахъ, неужели у васъ хватитъ духу присудить его къ

Digitized by Google

изгнанію?—мило воскликнула Эльфрида.—Чѣмъ же вамъ недостаточно напоминаетъ Гайдъ-Паркъ сельскую природу... въ іюнѣ?

Кендаль улыбнулся ей въ отвѣтъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, онъ соединяетъ въ себѣ прелести сельской природы... и городского блеска!—подсказала Эльфрида.

— А папà страстно желаетъ, чтобы вы съѣздили въ Шотландію и тамъ писали разбросанныя по утесамъ сѣренькія деревушки и крохотный клочечекъ небесной лазури—въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ деревенскія лачужки сливаются вдали съ кладбищемъ...

— Какая прелесть!—воскликнула Эльфрида.

— Ахъ, кстати: посмотрите сюда, миссъ Белль! Вонъ стоитъ господинъ, которымъ вы особенно интересуетесь. Видите,—лысый, среднихъ лѣтъ, довольно тучный... онъ идетъ сюда... Это—Джорджъ Джасперъ!

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?!—вскочивъ на ноги, заволновалась Эльфрида:—О, благодарю васъ! Да это самый совершенный изъ художниковъ, рисующихъ человѣческую природу; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. О, какъ я счастлива, что его вижу!..

— Я только несовсѣмъ увѣренъ...—началъ-было Кендаль и вдругъ умолкъ, удивленно и вопросительно глядя на Жанету, какъ бы спрашивая ее, что случилось?

Эльфрида прошла стремительно шаговъ пять-шесть къ серединѣ комнаты, но съ такой аффектированной осанкой, что присутствующіе оглядывались на нее. Глаза ея были широко раскрыты и ярко блестѣли; щеки пылали; голова была слегка наклонена, какъ бы для того, чтобъ ничего больше передъ собою не видѣть, кромѣ своего душевнаго стремленія.

Между тѣмъ, знаменитый авторъ „Чужеземца“, „Нравственной катастрофы“, „Ея ученика“ (и множества другихъ романовъ, которые разжигаютъ корыстныя соображенія издателей)—остановился посреди комнаты, стараясь припомнить, гдѣ онъ могъ раньше видѣть эту хорошенькую дѣвушку, которая, очевидно, хочетъ съ нимъ заговорить.

Эльфрида всего только и сказала:

— Простите, пожалуйста! — и м-ръ Джасперъ тотчасъ же понялъ по ея лицу, что ни о какихъ лишнихъ разговорахъ не могло быть и рѣчи.

Эльфрида протянула ему руку; онъ взялъ ее, поддаваясь мистификаціи...

Молодая дѣвушка поблѣднѣла. На нее уставились еще болѣе

Digitized by Google

жадные взоры; человѣкъ двѣнадцать прислушивались къ каждому ея слову.

— Разрѣшите мнѣ только сказать, что я дерзнула!..—восторженно и робко проговорила она, подгибая одно колѣно и какъ бы намѣреваясь коснуться губами той самой руки, которая написала „Нравственную Катастрофу".

М-ръ Джасперъ отдернулъ свою руку, пожалуй, слишкомъ порывисто въ сравненіи съ его саномъ и положеніемъ, и внутренно проклялъ неловкую миссъ. Наружно онъ казался только сконфуженнымъ, что̀ могло внушить безграничный восторгъ, и старался какъ можно лучше разыграть свою роль жертвы громкой извѣстности среди читающей публики.

— Ну, право же... право, вы черезъ-чуръ добры!.. Я не могу себѣ представить... Скорѣе слѣдовало бы наоборотъ...

Привыкшій къ требованіямъ лондонскихъ салоновъ, Джорджъ Джасперъ счелъ за лучшее запнуться подъискивая слова... вообще выразить полное смущеніе.

Чтобъ еще больше подчеркнуть это, онъ поклонился и вдругъ (нечаянно!) уронилъ азалію, которая красовалась у него въ петлицѣ.

Эльфрида мигомъ наклонилась и подняла ее.

— Ахъ, стебелекъ у нея отломился!—воскликнула она.—Смотрите: вамъ она ужъ больше не годится. Можно мнѣ ее взять на память?

Тишина вокругъ нихъ разросталась. Ни звука, ни шороха...

Только дочь историка „Семитическихъ племенъ" разразилась какимъ-то хихикающимъ смѣхомъ, прячась за свой открытый вѣеръ.

Инстинктивно Жанета посмотрѣла на Кендаля. Лицо его пылало, вся фигура показывала полную безпомощность. Она внутренно разсердилась на себя, зачѣмъ давно не догадалась вмѣшаться, и поспѣшно подошла къ знаменитости въ ту самую минуту, когда хихиканье становилось слышнѣе, а негодованіе на лицѣ Джаспера замѣтнѣе.

— А, миссъ Кардифъ! — облегченно вздохнулъ онъ, завидя ее:—Какъ поживаете? Жарко здѣсь очень и душно... А? Какъ вамъ кажется?

— Я только-что хотѣла, м-ръ Джасперъ, познакомить васъ съ моей Эльф... съ моимъ большимъ другомъ,—миссъ Белль!—поспѣшно продолжала Жанета, когда жужжанье говора опять поднялось вокругъ.

Эльфрида посмотрѣла на нее съ укоризной:

Digitized by Google

— Еслибъ я знала, что вы это сдѣлаете, я, конечно, подождала бы!—проговорила она.—Но могла ли я знать?

Гости лэди Галифаксъ все еще продолжали за ними слѣдить глазами и слухомъ; а предметы ихъ вниманія и любопытства чувствовали себя какъ-то особенно неловко, одиноко... Чувствовалъ это и самъ Джасперъ, почти немедленно удалившійся оттуда, но не спѣша; только по его чуть-приподнятымъ плечамъ Кендаль могъ догадаться, до какой степени онъ раздраженъ всѣмъ происшедшимъ. Въ свою очередь, и Кендаль счелъ за лучшее тихонько ускользнуть, чтобы не прибавлять къ неловкости, которую (онъ зналъ навѣрно!) больно почувствовала теперь и сама Эльфрида.

„И нехорошо все это было, и смѣшно“,—думала Жанета, возвращаясь домой со своимъ отцомъ.—„Съ ея стороны просто безумно было выкинуть такую штуку!.. Но почему непремѣнно понадобилось Кендалю краснѣть... за нее“?!

VIII.

— Да, да!—проговорила миссъ Кимсэй въ отвѣтъ Эльфридѣ.—Да, это такое наслажденіе!.. Такое высокое наслажденіе! Здѣсь у васъ, въ Лондонѣ, все, рѣшительно все, превосходитъ мои ожиданія. Все здѣсь и стариннѣе, и несравненно интереснѣе, нежели я могла себѣ представить. И мы такъ много уже осмотрѣли! Вчера мы были въ Тауэрѣ и видѣли его весь сверху до низу. Но вамъ-то ужъ, конечно, въ немъ каждый камешекъ знакомъ?

— Признаться сказать, я его и не видала,—возразила Эльфрида,—и это непростительно съ моей стороны.

— Какъ? Тауэра не видали?!—ужаснулась миссъ Кимсэй.—Я хоть и пріѣзжая, но наша горсточка туристовъ намѣрена закончить въ каникулярное время весь объѣздъ важнѣйшихъ мѣстностей Европы: мы пробудемъ еще нѣсколько времени въ Лондонѣ, а затѣмъ прокатимся по шотландскимъ озерамъ, заглянемъ въ Парижъ и Швейцарію... Пожалуй, мы и въ самомъ дѣлѣ осмотримъ Лондонъ подробнѣе, чѣмъ вы, миссъ Белль!—заключила она, невольно замѣнивъ свое обычное обращеніе съ Эльфридой болѣе почтительнымъ и оффиціальнымъ. — А вамъ должно бы это нравиться: не даромъ вы художница!

Эльфрида съ трудомъ удержалась отъ улыбки.

— Ну, какая ужъ я художница!.. А разскажите мнѣ лучше

Digitized by Google

про мою мать. Какъ ея здоровье? Она писала, что не очень хорошо.

— Теперь ничего, слава Богу; только мечтаетъ все, какъ бы опять вмѣстѣ жить. Вотъ мѣсто открывается у насъ въ школѣ, и содержаніе хорошее: семьсотъ долларовъ въ годъ...

Эльфрида только повела бровями:

— Да, знаю, знаю! Мама ужъ писала...

— А! Значитъ, вамъ уже извѣстно, что они думаютъ перебраться на житье сюда? Они думаютъ, что здѣсь скорѣе поправятся ихъ обстоятельства, нежели тамъ, въ глуши...

— Какъ? Папа съ мамой хотятъ бросить нашу Спарту?.. И здѣсь жить? Да это вѣдь ужасно! Здѣсь и климатъ вреденъ, и условія жизни...

— Ахъ, пожалуйста, простите! Я, значитъ, сдѣлала неловкость, что сказала. Развѣ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не писали?

— Ну, ровно ничего! Я даже не понимаю, что̀ все это можетъ значить?

— Очень просто: они хотѣли сдѣлать вамъ сюрпризъ...

— Да, да... конечно!.. Ну, а новости у насъ какія?

— Да все самыя обыкновенныя; вотъ развѣ м-ръ Снайдеръ женится, а первой женѣ еще годъ не вышелъ. Невѣста—м-съ Пилей, тоже не изъ молодыхъ; а только вся его семья противъ этого брака; и собственно не столько противъ самого факта женитьбы, сколько противъ всего, что̀ ему предшествуетъ!—наконецъ, договорила конфузливая дѣва.

Эльфрида звонко разсмѣялась:

— Ну, это чудо что такое! Ужъ не хотите ли вы сказать, что эти миленькіе старички прежде слишкомъ горячо ухаживали другъ за другомъ?.. Впрочемъ, это не такъ ужъ важно... Однако, мнѣ пора въ редакцію: хотите, выйдемъ вмѣстѣ?

Вернувшись домой, миссъ Эльфрида Белль окинула привѣтливымъ взглядомъ свою „вышку“, гдѣ она такъ трудилась, и гдѣ впервые испытала ни съ чѣмъ несравнимое чувство успѣха. Ей уже чудилось, что ее увезли изъ этого мирнаго уединенія и поселили въ маленькомъ, тѣсномъ коттеджѣ Гемпстэда или Сербитона. Она предвидѣла, что тутъ уже конецъ ея уединенію, начало долгихъ споровъ и забавныхъ недоразумѣній,—вмѣшательства въ ея личную жизнь и интересы. Вспомнивъ, что ея письмо (она уже переписывалась со своими съ тѣхъ поръ, какъ работала въ „Иллюстрированномъ Вѣкѣ“) еще попадетъ на почту, Эльфрида взялась за перо и мило, какъ всегда, шутя

Digitized by Google

принялась бесѣдовать съ матерью; удивлялась забавной фантазіи миссъ Кимсэй, что они могутъ переселиться въ Лондонъ: наконецъ, съ удовольствіемъ нарисовала картину ихъ общаго счастья, если они (когда она будетъ свободнѣе, конечно!) рѣшатся пріѣхать къ ней, Эльфридѣ, погостить"...

Явившись на вокзалъ, въ день своего отъѣзда, миссъ Кимсэй застала тамъ Эльфриду, которая пришла ее проводить. Выдающееся и весьма картинное явленіе представляла собою молодая дѣвушка—стройная, смѣлая и энергичная лицомъ; въ одной рукѣ у нея былъ небольшой свертокъ, въ другой—пучокъ роскошныхъ азалій.

— Никакъ не ожидала, чтобы вы пришли меня провожать!— говорила миссъ Кимсэй, окруженная грушой своихъ спутниковъ.

Въ отвѣтъ на это, миссъ Белль подала ей свои цвѣты, прибавивъ съ привѣтливой улыбкой:

— Я думала, что онѣ, можетъ быть, доставятъ вамъ удовольствіе въ душномъ вагонѣ! А вотъ для этого небольшого свертка не найдется ли у васъ мѣсто: это кружевная косыночка для мамы. Конечно, можно было бы послать ее по почтѣ; но мнѣ казалось, что мамѣ будетъ пріятнѣе получить ее изъ вашихъ рукъ.

Эта косынка составляла впослѣдствіи гордость матери Эльфриды и фигурировала на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ въ Спартѣ, гдѣ бы ни появлялась миссисъ Белль. И часто, глядя на свое изящное кружево, она думала о томъ, какая у нея добрая дочь, если своихъ трудовыхъ денегъ не пожалѣла для того, чтобы порадовать мать свою дѣйствительно прекраснымъ и дорогимъ подаркомъ.

Между тѣмъ, Джонъ Кендаль не могъ забыть смѣшной сцены, которую разыграла Эльфрида на вечерѣ лэди Галифаксъ. Какихъ-нибудь полгода тому назадъ, онъ пропустилъ бы ее незамѣтно; но теперь, зная Эльфриду больше, онъ даже поддался искушенію и, на память, набросалъ эскизъ подъ громкимъ названіемъ: „Поклоненіе Fin de Siècle".

Вообще говоря, въ мысляхъ Кендаля объ Эльфридѣ чувство играло самую послѣднюю роль, то-есть, по крайней мѣрѣ, то чувство, съ какимъ онъ вспоминалъ про Жанету Кардифъ. У него давно было рѣшено, что въ самой Эльфридѣ не было данныхъ для развитія взаимнаго чувства, или хотя бы чувствительной подкладки въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, въ его памяти нерѣдко воскресали октябрьскія сумерки (передъ его

Digitized by Google

отъѣздомъ въ Парижъ) и блескъ сѣрыхъ глазъ Жанеты,—какой-то новый, но невыразимо милый.

Съ тѣхъ поръ прошло немалое время, и этотъ блескъ словно потускнѣлъ; но Кендаль вспоминалъ съ восторгомъ, какъ ему тогда пріятно было думать, что глазки этой милой дѣвушки могутъ загорѣться нѣжностью... къ нему.

Что бы ни чувствовала въ глубинѣ души Жанета, она, однако, не давала ни малѣйшаго повода это замѣтить; и чѣмъ больше думала она о своемъ старомъ другѣ, тѣмъ строже слѣдила за собой, чтобы не выдать своихъ думъ. Эльфрида Белль, напротивъ, съ малыхъ лѣтъ привыкла смотрѣть прямо въ глаза вопросамъ чувства и вывела изъ нихъ заключенія, которыя заставили ее относиться къ нимъ съ философскимъ равнодушіемъ и сдержанностью. Однако, подобныхъ вопросовъ онѣ съ Жанетой касались нерѣдко въ первое время своего знакомства.

Жанетѣ было больно подумать, что сухія и рѣзкія сужденія слетаютъ съ такихъ устъ, которыя, казалось, должны бы выражать только нѣжность и привѣтъ. Все женственное въ Жанетѣ глубоко возмущалось протестами Эльфриды, которыхъ она не раздѣляла.

— Вы, значитъ, въ самомъ дѣлѣ надѣетесь выйти замужъ?— спросила однажды Эльфрида.

— Конечно; и даже хочу умереть, окруженная множествомъ внучатъ!

— Vraiment?—иронически переспросила Эльфрида и, передернувъ презрительно плечами, прибавила:—Надѣюсь, что ваше желаніе осуществится!

Понятно, было бы въ порядкѣ вещей, еслибъ Жанета принялась уговаривать и убѣждать Эльфриду, что въ ея жизни неизбѣженъ моментъ, когда всѣ ея хладнокровныя умствованія разлетятся въ прахъ.

— И ваша очередь придетъ, погодите! Стоитъ только *ему* появиться; стоитъ *ему* взглянуть на ваши псевдо-философскія мудрствованія, и подъ его взглядомъ, какъ подъ вешнимъ солнцемъ, распадется ихъ ледяная оболочка.

— Положимъ, я готова допустить, что это разнообразитъ жизнь и даже нѣсколько скрашиваетъ ее; но все зависитъ отъ воззрѣній людей и того, и другого пола. Кто выдумалъ бракъ и намѣренъ поощрять его, тотъ, comme de raison, смотритъ на него какъ на нѣчто возможное. Мужчины относятся къ этому вопросу безразлично; а для женщины такой обычай—быть, какъ вещь, собственностью, вещью другого человѣка—просто унизителенъ, ужа-

Digitized by Google

сенъ! Особенно для такихъ женщинъ, какъ, напримѣръ, вы да я, для которыхъ жизнь можетъ имѣть и другой еще смыслъ, кромѣ брачныхъ отношеній. Нѣтъ, вы только себѣ представьте, что за прелесть быть *авторомъ ребятъ*, когда имѣешь возможность быть авторомъ книгъ!.. Ужъ лучше и не пробуйте меня увѣрить, что *вы* предпочли бы первое—второму!! — горячилась Эльфрида.

— Я-то? О, я ужъ вышла изъ этого возраста, — возразила Жанета;—но въ принципѣ я одобряю семейную жизнь.

— А ея обыденность, мелочность? А неизбѣжность вѣчныхъ, неразрывныхъ узъ? А супружескія добродѣтели?.. Да это смерть, сущая смерть для всякой утонченной натуры!—рѣшительно и твердо проговорила Эльфрида.—Нѣтъ! По-моему, людямъ даровитымъ, талантливымъ, въ которыхъ есть хоть что-нибудь достойное развитія, не воспрещается любить, сколько ихъ способности и желанія хватитъ; но они должны безусловно сохранить свою свободу. Да, впрочемъ, такъ и дѣлаютъ уже многіе въ наше время.

— Вы... вы хотите сказать, что они... обходятся безъ церковнаго обряда?

— Да онъ имъ и не нуженъ! Они... не заходятъ такъ далеко.

— А мнѣ казалось, что вы не вѣрите въ платоническую любовь?—нарочно, будто не понимая, замѣтила Жанета.

— Вы знаете прекрасно, что не вѣрю! Какъ не вѣрю въ страстное чувство, которое въ равной мѣрѣ одинаково съ людьми испытываютъ... ну, хоть, напримѣръ, моллюски. Это одно заблужденіе!

На минуту водворилось молчаніе. Эльфрида закинула руки за голову и повернулась лицомъ къ окну, такъ что послѣдній отблескъ сумерокъ весь сосредоточился на немъ. Тяжелымъ бременемъ отразилась на сердцѣ Жанеты красота пластической фигуры и лица Эльфриды, и она попыталась нѣсколько разогнать это бремя словами.

— Фрида! Вы до того хороши сегодня, что можете съума свести! Неужели никто до сихъ поръ не писалъ съ васъ портрета?

Казалось, на этотъ вопросъ отозвались всѣ чуткія струны души Эльфриды. Она вытянулась впередъ и сіяющими глазами смотрѣла на подругу:

— Въ самомъ дѣлѣ, Жанета? Сегодня, именно сегодня? Что-жъ, можетъ быть; ну, а обыкновенно? Меня такъ мучаетъ сомнѣніе! Еслибъ мой носъ былъ капельку получше, я бы еще, по-

Digitized by Google

жалуй, могла быть довольна. Но не могу я заблуждаться насчетъ своего носа!

— Положимъ, онъ у васъ не изъ остроумныхъ!—засмѣялась Жанета.—Но утѣшьтесь, мой другъ: онъ глубокомысленъ!

Эльфрида оперлась головою на ладони и задумчиво спросила:

— Если я хороша сегодня, вы должны меня любить, Жанета? Вѣдь вы любите, дѣйствительно любите меня? Можете вы себѣ представить, чтобы меня полюбилъ кто-нибудь другой?—и она лукаво шевельнула своей хорошенькой головкой.

Жанета крѣпко ухватилась рукою за ручку кресла:

— „Вотъ, вотъ ужъ начинается"!—подумала она, а вслухъ сказала:—Да; я могу себѣ представить.

— И, можетъ быть, даже не одинъ? Можетъ быть, двое или трое заразъ... или цѣлый десятокъ, пожалуй?

— Да, и десятокъ,—улыбнулась Жанета.—Таковъ, вѣроятно, предѣлъ вашихъ вожделѣній?

— Не знаю; мнѣ кажется, это не скоро надоѣстъ: ну, чрезъ три-четыре года, можетъ быть. Но пока... это такъ весело, забавно!

— Что? Играть съ огнемъ?

— Вотъ еще! Я не изъ такихъ, чтобы могла воспламениться. Впрочемъ, въ извѣстной степени я очень вѣдь цѣню то, что у васъ и у поэтовъ принято называть любовью. Такъ пріятно вѣдь имѣть успѣхъ... ну, хоть какой-нибудь! Все-таки, это своего рода успѣхъ, и я буду добиваться его часто-часто! Развѣ того не стоитъ удовольствіе—сидѣть въ двухъ шагахъ отъ человѣка и знать, чувствовать, что онъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только имѣть право прикоснуться къ моей рукѣ, и, молча, безъ словъ, дать ему это право...

— Эльфрида, что вы! Перестаньте!

— Нѣтъ, не перестану! Мало того: мнѣ нравится сознанье, что я могу удержаться отъ всякаго проявленія чувства и безъ словъ—однимъ только взглядомъ, поворотомъ головы, мимолетнымъ движеніемъ, заставить своего поклонника сдержать порывъ готовой вспыхнуть страсти; а въ то же время чувствовать себя вполнѣ спокойной и недосягаемой для всего низменнаго!.. Развѣ, по вашему, все это пустяки?

— Меньше чѣмъ пустяки: ужасъ и отвращеніе!

— А я, наоборотъ, считаю, что только забавно вымещать хоть на немногихъ тѣ обиды, которыя искони наносили и еще наносятъ женщинамъ мужчины! Такъ имъ и надо!..—весело твердила Эльфрида.

Digitized by Google

— Ну, этого удовольствія на вашу долю выпало съ избыткомъ!—воскликнула Жанета.

— Нѣтъ, мало; даже очень мало! Особенно здѣсь, въ Англіи, мужчины влюбляются просто съ математическимъ разсчетомъ. У меня подъ рукой только и есть, что рябой художникъ изъ моего „Вѣка", да м-ръ Тикъ Голайтли, который за послѣднее время совсѣмъ съума сходитъ, да еще Соломонъ... т.-е. м-ръ Раттрей, который предложитъ мнѣ свою руку и сердце на будущей недѣлѣ. Воображаетъ тоже, что я не осмѣлюсь отказать помощнику издателя. Ужъ посмѣюсь же я надъ нимъ! А потомъ, если онъ мнѣ будетъ продолжать надоѣдать, я пригрожу ему, что тисну въ „Иллюстрированномъ Вѣстникѣ" обличительную статейку въ видѣ происшедшаго между нами интервью. Впрочемъ, нѣтъ; лучше не упоминать объ этомъ, а то захочетъ, чего добраго, чтобъ я себя приберегла для „Вѣка". Для своей газеты онъ готовъ на какія угодно личныя жертвы!

— И... всѣ тутъ ваши обожатели? — спросила Жанета, не глядя на нее.

— А! Вы думаете: Кендаль?—воскликнула Эльфрида.—Вотъ это-то и можетъ раздразнить; по вашему, какъ онъ самъ смотритъ на меня? Вы понимаете, Janetta mia, что я этого до сихъ поръ не знаю! Развѣ вы не находите, что онъ... что онъ очень... очень мною... заинтересованъ?

— „Слава Богу, наконецъ, стемнѣло"!—подумала Жанета.

— Я... я такъ рѣдко съ нимъ встрѣчаюсь...—начала она вслухъ, но Эльфрида перебила ее своимъ ровнымъ голосомъ:

— Понятно, я интересна для него больше съ антропологической точки зрѣнія, какъ субъектъ своеобразнаго и выдающагося типа современной дѣвушки; и въ этомъ смыслѣ я для него любопытна, а общество мое для него пріятно. Но это только сначала: подъ конецъ все сводится къ одному и тому же... А! Лоти?—замѣтила она, беря со стола книгу:—тоже своего рода антропологъ!

— Остались бы вы съ нами пообѣдать!—послѣ нѣкотораго колебанія, предложила Жанета.

— Ахъ, что же это я?—спохватилась Эльфрида.—Конечно, вамъ пора идти одѣваться къ обѣду, а мнѣ надо торопиться: меня ждутъ знакомыя дамы, съ которыми я обѣщала ужинать сегодня въ „Альгамбрѣ". Это будетъ премило!.. Ухожу; ухожу сію же минуту!..

На половинѣ лѣстницы шаги Эльфриды, однако, внезапно замолкли и направились вдругъ обратно, наверхъ. Жанета была

Digitized by Google

не въ состояніи сдержать свои слезы и бѣгомъ бросилась къ себѣ въ комнату. Не успѣлъ щелкнуть замокъ, а Эльфрида уже постучалась.

— Я... я, опять къ вамъ... съ просьбой (и въ голосѣ ея, дѣйствительно, слышалась жалобно-молящая нотка).—Скажите, любите ли вы меня? Вы увѣрены, что *дѣйствительно* любите меня?

— Ахъ вы глупая! — стараясь говорить болѣе увѣренно и твердо, возразила Жанета, также изъ-за двери:—Я сама не увѣрена, конечно, и лучше отложу отвѣтъ до завтра.

— Нѣтъ, любите, любите! Я знаю, что да!

И Эльфрида убѣжала, на этотъ разъ уже не повторяя своего визита.

IX.

Надъ Лондономъ нависли знойные, душные іюльскіе дни.

Въ газетахъ говорилось о различныхъ лѣтнихъ резиденціяхъ вельможъ и знаменитостей; говорилось, что Лондонъ опустѣлъ. Но это трудно было замѣтить въ постоянной уличной суматохѣ и грохотѣ; трудно было и для тѣхъ, которые, какъ напримѣръ, Эльфрида, были заняты своей работой.

Скучать ей было некогда, хотя ея знакомыхъ и не было никого въ городѣ: Галифаксы поселились на лѣто въ Брайтонѣ, гдѣ лэди Галифаксъ принимала „на чашку чаю“ съ музыкой, а дочь ея раздавала гостямъ на память морскіе виды, которые она снимала тутъ же, въ видѣ эскизовъ. Кардифы были въ Шотландіи и наслаждались пока прелестями залива, предвкушая удовольствіе лакомиться свѣжей дичью.

Какихъ только убѣжденій не перепробовали они, чтобы Эльфрида пріѣхала къ нимъ гостить; ничто не помогало! Молодая американка была крайне щекотлива въ денежныхъ дѣлахъ, и ничто не могло поколебать ея рѣшенія—оставаться въ городѣ и писать ежедневно по статьѣ для своего „Вѣка“.

Статьи удавались ей хорошо; но пока эта работа была у нея не изъ веселыхъ. Впрочемъ, и съ нею бодро справлялась молодая журналистка, несмотря на сухость матеріала, съ которымъ ей приходилось имѣть дѣло. Раттрей охотно бы ее повысилъ, но это зависѣло не отъ него, и такъ дѣло шло себѣ да шло, до тѣхъ поръ, пока въ самый разгаръ лѣта ея начальство и сослуживецъ (все тотъ же любезный Раттрей) не предложили ей украдкой попробовать на столбцахъ своей газеты выступить съ

Digitized by Google

болѣе выигрышной статьей... но только анонимно. Этотъ первый опытъ сошелъ благополучно, и съ того времени въ газетѣ „Вѣкъ“ стали уже чаще появляться бойкія статейки, особенно замѣтныя по тому тону, который своей пестротой и яркостью рѣзко отличался отъ обычно-сдержанныхъ и сухихъ столбцовъ „Иллюстрированнаго Вѣка“. Эти статейки то являлись въ видѣ интервью съ какой-нибудь знаменитостью или оригиналомъ; то въ видѣ короткаго снимка-портрета съ натуры, или отрывка, полнаго чувства и анализа, или же, наконецъ, въ видѣ сценки, блещущей остроуміемъ и разговорной находчивостью. Самой Эльфридѣ всѣ эти статейки доставляли такое наслажденіе, что она не только писала и перечитывала ихъ съ увлеченіемъ, но даже послѣ вырѣзала изъ газетъ и хранила эти вырѣзки, какъ святыню, въ одномъ ящикѣ съ письмами Нади Палицкой, съ рукописной поэмой какого-то таинственнаго поэта-псевдонима, и т. п. Эльфрида увлекалась работой до того, что даже мало обращала вниманія на свою ѣду, и м-съ Джорданъ иной разъ чувствовала невольно угрызенія совѣсти, подавая ей завѣдомо *„не то чтобъ очень свѣжій“* кусочекъ жаркого.

„А впрочемъ, не все ли равно? Хоть самый дорогой кусокъ вырѣзки ей теперь подай, она все-равно не отличитъ“!— оправдывалась она сама передъ собою.

Но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Эльфрида была одинаково невнимательна къ себѣ. Платье у нея поистрепалось—она его и не думала замѣнить новымъ; м-съ Джорданъ ставила въ счетъ страшно дорого за свѣчи—она платила безпрекословно, а на чаи бѣднякамъ, такимъ, какъ, напримѣръ, дѣвчонка, убиравшая на лѣстницѣ, и мальчишка изъ типографіи—она давала съ царской щедростью. Они оба, дѣвчонка и мальчишка, боготворили ее; послѣдній даже поднесъ ей въ одинъ прекрасный день роскошную бутоньерку изъ двухъ розовыхъ розъ и пунцовой герани и взялъ на свою душу грѣхъ, прибавивъ, что „нашелъ это на улицѣ, на мостовой“...

Жанетѣ она писала, правда, премилыя письма; но не слишкомъ часто и съ большими полями.

Джонъ Кендаль, уѣзжая на лѣтнія каникулы изъ Лондона, возвратилъ Жанетѣ книги, которыя бралъ читать, а въ прилагаемой при этомъ запискѣ, въ Postscriptum'ѣ, значилось: „Если не затруднитъ, прошу васъ передать мой поклонъ миссъ Белль“.

Когда пришла эта записка, Эльфрида какъ-разъ была тамъ, и, читая ей вслухъ эти слова, Жанета не сводила съ нея своего пытливаго взора.

Digitized by Google

Эльфрида только улыбнулась въ отвѣтъ и равнодушно кивнула головою.

„Потому она такъ и равнодушна, что онъ не дорогъ ей ни на іоту“!..—мысленно рѣшила миссъ Кардифъ, и весь тотъ день только и дѣлала, что искренно восторгалась всѣми совершенствами Эльфриды. Никогда еще не казалась она ей такъ очаровательно мила. Впослѣдствіи и къ Эльфридѣ пришло однодва письма изъ Норвегіи (туда уѣхалъ отдыхать Кендаль).

— „Enfin“!..—вырвалось у Эльфриды невольно, когда пришло первое изъ нихъ.

Она съ жадностью принялась его читать и чувствовала, что пульсъ у нея забилъ ускореннымъ темпомъ. Губы ея сложились въ глубокомысленную складку, и она принялась размышлять о томъ, до чего хорошо, изящно и сильно онъ пишетъ.

„Онъ—выдающаяся личность,—думала она,—но вѣрно же и я чего-нибудь да стою, если ко мнѣ *такъ* пишутъ“?

Ей живо представилось, что и съ нимъ для нея должна наступить та неизбѣжная минута объясненій, которая всегда такъ ее забавляла; но съ нимъ—нѣтъ! Съ нимъ она, Эльфрида Белль, будетъ держать себя проще и чистосердечнѣе и отнесется къ происшедшему скорѣе съ тихой грустью, нежели съ насмѣшкой.

Второго письма ей было очень трудно дожидаться, и она даже не рискнула вскрыть при горничной конвертъ, чтобы не выдать своего смущенія.

Нѣсколько дней спустя, она ѣхала мимо того дома, гдѣ была квартира Кендаля, и замѣтила, что тамъ отворены окна.

— Поверните обратно, къ дому № 63!—приказала она и, минуту спустя, уже бѣжала по лѣстницѣ.

Кендаль, въ домашнемъ нарядѣ, стоялъ спиной къ дверямъ и не слыхалъ, какъ вошла въ комнату Эльфрида; онъ наклонился надъ своей замазанной палитрой и разглядывалъ на ней краски, уже успѣвшія засохнуть за тѣ шесть недѣль, которыя онъ былъ въ отсутствіи. Заслышавъ шорохъ, онъ оглянулся и бросилъ палитру, а на лицѣ его отразилось такое удовольствіе, что Эльфрида робко остановилась на порогѣ и не могла сказать ни слова.

— Вы—духъ!.. Какъ вы могли узнать, что я вернулся?—воскликнулъ Кендаль и на одно мгновеніе удержалъ ея руку въ своей, а взглядъ его засвѣтился самой безхитростной радостью.

Смущеніе весьма пристало Эльфридѣ, и она въ этомъ убѣдилась изъ восторженныхъ взглядовъ Кендаля.

— Я и не знала, а просто видѣла, что окна отворены; по-

Digitized by Google

думала, что можетъ быть здѣсь безъ васъ убираютъ и могутъ что-нибудь напортить... И зашла! Она такъ много можетъ натворить бѣды, эта прислуга, если ей что на умъ взбредетъ!.. А вышло, что вы сами дома!

Широко-раскрытыми, счастливыми глазами смотрѣла Эльфрида прямо въ лицо Кендалю, и это въ глубинѣ души порадовало его.

— Какъ это мило съ вашей стороны!—проговорилъ онъ и невольно въ эти заурядныя слова вложилъ нѣкоторое чувство.— Я еще не могу привыкнуть къ тому, что уже вернулся. Мнѣ легко можетъ представиться, что за окномъ не улица, а бурный Скагерракъ.

— А его волны развѣ такъ именно бушуютъ?—и Эльфрида красивымъ, немного театральнымъ движеніемъ наклонила голову, чтобы прислушаться къ уличному гаму. Красоту этого движенія мигомъ оцѣнилъ молодой художникъ, и это было такъ замѣтно, что Эльфрида даже плохо разслышала его отвѣтъ, а онъ продолжалъ:

— Я вѣдь на цѣлый мѣсяцъ вернулся раньше, нежели предполагалъ...

— Что такъ?

— Меня вызвали телеграммой, но я ужъ не засталъ дядю въ живыхъ. Ему было за девяносто лѣтъ. Онъ завѣщалъ мнѣ все имущество и землю, и теперь на мнѣ лежитъ отвѣтственность за нее...

— Придется вамъ хозяйничать, принимать гостей, воспитывать простой народъ и даже, пожалуй, являться представителемъ въ парламентѣ?.. Да?.. Но это вѣдь ужасно! Искусство останется заброшеннымъ въ сторонѣ! Надѣюсь, дядя не надѣлъ на васъ еще ярма въ видѣ... громкаго титула сановника-вельможи? Тогда ужъ смерть искусству!

— Нѣтъ, нѣтъ! Никогда не былъ я вельможей и не буду.

— Ну, это еще слава Богу! Только мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы вы обѣщали мнѣ не бросать своего искусства!

Она умоляющимъ взоромъ посмотрѣла на него и вдругъ прибавила:

— Впрочемъ, съ какой же стати вамъ именно *мнѣ*, а не кому другому давать подобное обѣщаніе?

Кендаль, самъ того не замѣчая, всталъ и подошелъ къ ней совсѣмъ близко.

— Еслибъ я далъ вамъ такое обѣщаніе, оно было бы для меня дѣйствительнѣе всякаго другого: оно было бы для меня свято и ненарушимо!

Digitized by Google

Казалось, Эльфрида должна бы быть довольна такою горячностью, должна бы цѣнить ее; а между тѣмъ, ее испугала и эта самая горячность, и тонъ его голоса, и то, что Кендаль вдругъ очутился такъ близко около нея. И въ то же время она съ трепетомъ спрашивала сама себя: чего же ей бояться?

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она весело, мигомъ очутившись на ногахъ: — вы не мнѣ дадите это обѣщаніе, а цѣлому „верховному совѣту", состоящему изъ вашихъ друзей, но только настоящихъ, искреннихъ друзей! Мы всѣ въ одинъ прекрасный день у васъ сойдемся, и вы намъ принесете торжественную клятву... А что у васъ тамъ новаго?

— Ничего!.. Ну, право, ничего же!—слишкомъ горячо отстаивалъ художникъ свои картины, прислоненныя лицомъ къ стѣнѣ въ самомъ дальнемъ и неказистомъ углу комнаты.

Но увы! было уже поздно: Эльфрида остановилась безмолвно, какъ бы окаменѣлая, передъ полотномъ, съ котораго смотрѣла на нее вся сцена, разыгранная ею въ гостиной лэди Галифаксъ.

— Нѣтъ, есть! — сказала Эльфрида, поворачивая картину ближе къ свѣту.—И даже совершенная новость для меня!

Въ первую минуту она ощутила лишь любопытство и какое-то смутное сознаніе, что надъ нею разразился какой-то ударъ; но это сознаніе постепенно перешло въ обиду.

— А все-таки картина дѣлаетъ вамъ честь,—медленно проговорила Эльфрида.—Она такъ остроумна!

— Простите! Я боюсь, что нѣтъ!—тихонько возразилъ Кендаль;—но я вѣдь не разсчитывалъ, чтобы она когда-нибудь попалась вамъ на глаза.

— Но отчего же? Она такъ прелестна, такъ... такъ правдива! Или вы ее писали себѣ на потѣху? Такъ это черезчуръ эгоистично!—не унималась юная американка.

Въ отвѣтъ на это, Кендаль выдавилъ изъ жестянки на палитру побольше индиго, растеръ его и, набравъ на кисть, безжалостно отряхнулъ на картину. Положимъ, это былъ не Богъ знаетъ какой протестъ, а все-таки протестъ.

— Зачѣмъ же вы это?.. Жалко! — проговорила Эльфрида и ушла, чтобъ только поскорѣй бѣжать подальше отсюда и обдумать спокойно, какое именно значеніе могло имѣть для нея воспроизведеніе этой сцены на полотнѣ.

Трехъ ступенекъ не спустилась она по лѣстницѣ, какъ уже поспѣшила прибѣжать обратно; она застала Кендаля все въ той же ошеломленной позѣ, передъ картиной-наброскомъ, которая красовалась на стойкѣ передъ нимъ.

Digitized by Google

— Я нарочно вернулась поблагодарить васъ: вы мнѣ наглядно показали, какую дуру я тогда изъ себя разыграла!— торопливо проговорила Эльфрида и такъ же торопливо убѣжала.

Послѣ ея ухода, молодой художникъ долго не могъ побороть своего смущенія, и единственнымъ ему утѣшеніемъ была мысль, что онъ, можетъ быть, невольно принесъ пользу Эльфридѣ.

X.

Предложеніе руки и сердца, о которомъ ужъ давно подумывалъ Раттрей, слѣдовало тотчасъ же, какъ у него явилось свободное время, чтобы посвятить его этому важному вопросу. Въ сущности, брачныя узы никогда не казались ему особенно завиднымъ удѣломъ; тѣмъ болѣе гражданскаго мужества выказалъ онъ въ своемъ рѣшеніи посвататься за Эльфриду Белль и тѣмъ больнѣе было для него услышать отъ нея отказъ. Но онъ былъ выраженъ такъ откровенно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ деликатно по отношенію къ высказанному имъ чувству, что впослѣдствіи онъ увѣрялъ себя, будто принялъ его спокойно. Какъ бы то ни было, онъ не только замѣчательно бодро перенесъ свое пораженіе, но даже болѣе восторженно, чѣмъ когда-либо, увлекался „талантомъ“ Эльфриды, какъ журналистки, въ чемъ ему усердно вторилъ ея вѣрный поклонникъ, м-ръ Тикъ Голайтли. Они сходились во мнѣніи, что Эльфридѣ надо *непремѣнно* сдѣлать что-нибудь такое, что выдвинуло бы ее впередъ, обратило бы на нее вниманіе публики.

— Ей нуженъ сразу „кричащій“ успѣхъ! Разблаговѣстить о немъ—ужъ мое дѣло, но надо же сначала, чтобы явилось то, о чемъ будутъ благовѣстить? Надо, чтобъ она сдѣлала что-нибудь дѣйствительно выдающееся! — разсуждалъ Раттрей, раскуривая свою сигару въ комнатѣ Голайтли.

— Путешествія скорѣе бы всего годились,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного и какъ бы собравшись съ мыслями.—Печатный рынокъ открытъ для всего, что только пестро и мало-мальски ново; стоитъ только надѣть нарядъ капуцина или какой-нибудь другой подобный костюмъ и пойти бродить по Испаніи, куда глаза глядятъ.

— Все это хорошо и прекрасно, и даже весьма исполнимо, если у кого есть деньги; но вотъ бѣда-то: ни у кого денегъ нѣтъ!

— Конечно, это очень непріятно, а все-таки, Тикъ, не выдумаешь ли ты чего-нибудь?

Digitized by Google

— Не знаю, право... Сразу сказать такъ трудно!

— Мнѣ кажется, что надо только поискать. Миссъ Белль должна первая сдѣлать что-нибудь такое, чего до нея не дѣлала еще ни одна молодая особа. Къ этому ее обязываетъ ея же профессія.

— Раттрей!—воскликнулъ Голайтли послѣ нѣкотораго молчанія, такъ неожиданно, что журналистъ и его сотрудница даже вздрогнули.—Можетъ миссъ Белль присылать свою обычную работу для „Вѣка“ откуда угодно?

— Конечно, лишь бы не заѣзжать куда-нибудь ужъ черезчуръ далеко.

— Ну, въ такомъ случаѣ...—и его лицо приняло таинственное выраженіе.—Мнѣ кажется, что я нашелъ!..

Дня три спустя послѣ того, записку отъ Жанеты Кардифъ къ Эльфридѣ вернули нераспечатанною, а наверху, на конвертѣ. ярко-лиловыми чернилами красовалась надпись: „Выбыла временно за городъ“.

Жанета была поражена, обижена, даже оскорблена. Уѣхать не простясь! А? Какъ вамъ это покажется?! И уѣхать, когда болѣе. чѣмъ когда-нибудь, эта самая Эльфрида стала ей дорога и необходима, какъ... ну, какъ воздухъ! За отцомъ Жанета стала замѣчать, что и онъ озадаченъ и почти разстроенъ какой-то новой, неожиданной выходкой молодой американки.

На другой день Лоренсъ Кардифъ пошелъ въ редакцію „Вѣка“. обрадовался, увидавъ Раттрея, который съ удовольствіемъ выслушивалъ всеобщіе разспросы объ исчезнувшей Эльфридѣ и, наконецъ, подъ великимъ секретомъ сообщилъ ему обо всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ ея интересное исчезновеніе.

— Да, нелегко было это уладить!—говорилъ онъ:—но ничего, все обошлось благополучно и теперь она готовитъ намъ прелестнѣйшія статейки изъ Чейнмута!

— А-а, да!—разсѣянно поддакнулъ ему Лоренсъ Кардифъ.—Чейнмутъ... да? Вы, кажется, сказали, она пробудетъ тамъ еще дней пять? Благодарю!—и Кардифъ ушелъ. Полчаса спустя, явился Джонъ Кендаль, прямо съ просьбой дать ему адресъ миссъ Э. Белль. Адресъ ему сказали, но отъ дальнѣйшихъ подробностей и вообще отъ болѣе подробныхъ разговоровъ уклонились.

Полтора часа спустя, отецъ Жанеты входилъ уже въ главный отель Чейнмута, гдѣ остановилась труппа „Товарищества артистовъ“, къ которому, какъ оказалось, примкнула Эльфрида, съ цѣлью изучить бытъ артистовъ и дать газетѣ интересный романъ.

Digitized by Google

Всѣ усилія Кардифа уговорить Эльфриду возвратиться домой оказались напрасными, и въ тотъ же день онъ уѣхалъ обратно.

Въ это самое время, въ вагонѣ встрѣчнаго поѣзда, развалясь въ откидномъ креслѣ, ѣхалъ Кендаль, спѣша попасть къ вечеру въ Чейнмутъ.

XI.

— Сегодня все полно!—проговорилъ кассиръ театра въ Чейнмутѣ, когда къ нему подошелъ за билетомъ Кендаль.

— Нѣтъ ли чего-нибудь, быть можетъ, внизу, въ оркестрѣ?

— Тамъ только будетъ тѣсновато! — предупредилъ его кассиръ. — Но Кендаль былъ даже радъ, что народу много и его трудно будетъ замѣтить въ этой тѣсной толпѣ, а все-таки, на всякій случай, онъ нахлобучилъ поплотнѣе шляпу, поднялъ воротникъ и жадно вглядывался въ каждую изъ женщинъ, появлявшихся на сценѣ.

Первое дѣйствіе прошло довольно весело, даже музыка оказалась сносная; но всякія попытки признать знакомое лицо въ этихъ размалеванныхъ, насильственно-улыбающихся маскахъ были тщетны. Эльфриды не было и, можетъ быть, не будетъ!

Но вотъ, почти подъ конецъ представленія, на сцену промаршировалъ цѣлый взводъ гусаровъ-женщинъ, въ нарядныхъ синихъ ментикахъ и плотно-облегающихъ рейтузахъ. Онѣ принялись пѣть и приплясывать подъ музыку, поводя и подмигивая своими сильно-подведенными глазами и мелькая не всегда красивыми, но довольно ловкими ногами. Были между ними довольно приличныя лица, но были и такія, которыя поражали рѣзкимъ контрастомъ своего безобразія и оскорбляющихъ взоръ бѣлилъ и румянъ.

„Никогда бы, право, я не подумалъ, что женщину можетъ обратить въ совершеннаго урода такой нарядъ, который выставляетъ ея формы на показъ!—подумалъ Кендаль.—А вотъ...—и невольно запнулся.—А вотъ этотъ стройный „гусарскій офицеръ“, марширующій по военному сбоку отряда, ничего себѣ, недуренъ“.—Лицо „офицера“ было взволновано, возбуждено и напоминало кого-то знакомаго, изъ женщинъ, конечно... Это она, Эльфрида... Неужели?! Она, повидимому, плохо сознаетъ, что роль ея на сценѣ неказиста, что публика здѣсь требуетъ не чистаго искусства, а показной красоты; она... улыбается даже чистосердечнѣе другихъ!..

— Знаешь, Давидъ! Вѣдь этотъ офицеръ бравый малый!—

Digitized by Google

вдругъ, послѣ *пѣнія* хоромъ,—раздалось въ тишинѣ театральнаго зала.

Юноша-зритель восторженно дернулъ сосѣда за рукавъ, и его громкое замѣчаніе возбудило смѣхъ по сосѣдству.

Но Кендалю было не до смѣха. Его до боли сильно охватило какое-то особое чувство, которому онъ не могъ не повиноваться, и поспѣшно вышелъ изъ театра...

Пять недѣль провела Эльфрида въ „Товариществѣ артистовъ" и вмѣстѣ съ ними побывала „на гастроляхъ" въ провинціи; подъ конецъ, директоръ труппы пожалѣлъ, что она уходитъ, и готовъ былъ ее поддержать на сценическомъ поприщѣ; жаль только, что голоса у нея не хватало для оперетки! Эльфридѣ было пріятно его одобреніе, и, вспоминая о своемъ прощаніи съ труппой, она, уже на пути домой, въ вагонѣ, принялась въ своемъ воображеніи слагать свой романъ въ болѣе опредѣленныя формы.

Въ полудремотѣ, подъ мѣрную качку вагона, Эльфрида могла наблюдать за ходомъ главъ своего романа, и онѣ быстро чередовались передъ ея умственнымъ взоромъ. Ее невольно потянуло тотчасъ же занести на бумагу нѣкоторыя картины, нѣкоторые мѣткіе штрихи, и она открыла свою дорожную сумку. Чего только тамъ не было! Коробочка румянъ и бѣлилъ; три портрета актрисъ на память; ея собственный—въ гусарскомъ мундирѣ; афишка; восторженное письмо какого-то юнаго еврейчика, полное кляксъ и орѳографическихъ ошибокъ; сапфировый браслетъ, и множество листковъ, покрытыхъ сплошь ея мелкимъ, своеобразно-круглымъ почеркомъ. Она внимательно пошарила рукой, перебирая въ мѣшкѣ все, что тамъ лежало, и убѣдилась, что все было цѣло. Вдругъ ей пришла въ голову мысль отмѣчать на бумагѣ свои мысли, и она опустила руку въ карманъ за бумагой и карандашомъ. Вынувъ узенькій, скомканный лоскуточекъ, она быстро и совершенно заполнила его, и должна была разыскивать еще новый. Ничего другого подъ рукой не оказалось, кромѣ денежнаго чека за работу въ газетѣ „Вѣкъ", и Эльфрида подумала, что теперь цѣнность его, конечно, повысилась, если онъ служитъ ей памятной замѣткой для будущаго знаменитаго романа.

Мимо промелькнули огни большой станціи, зазвонилъ звонокъ и поѣздъ остановился. Пассажиры засуетились; мальчишки —продавцы пирожковъ—сновали туда и сюда; газетчики предлагали газеты. Эльфрида не выносила суеты, не любила покупныхъ пирожковъ и терпѣть не могла англійскихъ газетъ; но все-таки, отъ нечего дѣлать, купила пирожковъ и нумеръ „Геор-

Digitized by Google

гіевской газеты", въ которой за послѣднее время появлялись интересныя описанія австралійской жизни... Дверцы вагона захлопнулись. Поѣздъ дрогнулъ и потянулся впередъ, громыхая колесами. Эльфрида съѣла парочку пирожковъ и развернула газету; но увы! ничего „австралійскаго" въ ней не оказалось, и она почувствовала особый приливъ скуки при мысли, что ничего, кромѣ обязательныхъ статей: „Биржа", „Парламентъ", „Новѣйшіи извѣстія", „Хроника" и т. п., тамъ больше не найдется.

„Вотъ развѣ еще библіографическій отдѣлъ просмотрѣть немного", — подумала она, заранѣе предвкушая мелкія блестки критики, которыя могли тамъ встрѣтиться. Цѣлыхъ два столбца были заняты этого рода отчетомъ. Еще минута, и на общемъ фонѣ печатныхъ строкъ ей бросилось въ глаза имя Жанеты Кардифъ. Оно поразило ее, взволновало... она задыхалась!

— Ничего здѣсь не видно, темнота! И печать препротивная! И вагонъ толкается изъ стороны въ сторону!..—Эльфрида встала ногами на скамейку и, держась одной рукой за верхнюю сѣтку, поднесла другой газету ближе къ лампѣ, вдѣланной въ потолокъ.

— „Цѣнный вкладъ въ нашу литературу... Умѣніе обобщить явленія... Тонкій анализъ, мѣткая характеристика... Положительно оригинальное направленіе... Замыселъ слишкомъ простъ, чтобы дать матеріалъ для болѣе обширнаго романа, но зато проведенъ прекрасно; даже въ мелочахъ написанъ живо и чутко"...

Эльфрида неподвижнымъ взоромъ уставилась въ окно вагона, а эти выраженія все еще стояли у нея передъ глазами, наполняя душу ея желчнымъ, раздражительнымъ чувствомъ. Она дрожала, она задыхалась отъ гнѣва.

„Какова?! А еще подруга!.. Она нарочно скрывалась отъ меня и теперь уничтожила меня однимъ ударомъ. Еслибъ я только могла подозрѣвать, что она мнѣ готовитъ, я бы поторопилась, и мой романъ вышелъ бы раньше, или хоть одновременно. Онъ бы не потерялъ даже и тогда... я знаю, я увѣрена! А теперь—все погибло; и ничѣмъ не вернешь успѣха, который былъ бы непремѣнно"!..—думала Эльфрида, и невольно вынуждена была разобраться въ своихъ настоящихъ ощущеніяхъ. Ей стало ясно, что ее терзаетъ гнѣвъ и ревность. Даже не зависть, не простая обида, а именно ревность, безпощадная, злая!

„Никогда и ничѣмъ этого не поправишь"! — думала она, и двѣ крупныя, жгучія слезы скатились у нея внизъ, по холоднымъ щекамъ.

Digitized by Google

Ей бы хотѣлось пристыдить себя, навалить на себя столько тяжкихъ и неопровержимыхъ обвиненій, чтобы окончательно подавить себя своей собственною справедливой строгостью. И въ то же время внутренній голосъ чуть слышно нашептывалъ ей, что она разыгрываетъ роль и притворяется сама передъ собой, будто желаетъ осудить себя.

„Нѣтъ, нѣтъ! Ничто не можетъ послужить мнѣ въ утѣшеніе,—возражала она.—Развѣ еслибы я могла вновь опередить ее! О, тогда я была бы и великодушна, и добра, и безпристрастна“!

И только-что ея волненье начало нѣсколько стихать, какъ подъ ногами у нея очутился ея маленькій ручной мѣшокъ, и еще живѣе напомнилъ ей про ея работу.

Съ мрачной рѣшимостью она вооружилась опять той самой газетой, которую съ досады бросила въ сторону; но и тутъ, словно по лицу, ее ударило объявленіе (крупнѣйшими буквами!) о романѣ Жанеты Кардифъ. Ей эти буквы показались, по меньшей мѣрѣ, съ полъ-аршина величины.

— Вамъ дурно? Нѣтъ? — спросилъ ея единственный спутникъ, маленькій мальчикъ, ѣхавшій куда-то вмѣстѣ съ матерью, которая тихонько сидѣла въ своемъ концѣ отдѣленія вагона.— Эти пирожки — бѣдовые! Я знаю.

Такое проявленіе участія повліяло на Эльфриду совершенно иначе, нежели могъ ожидать ея маленькій дорожный товарищъ. Она чувствовала, что сейчасъ заплачетъ, а вмѣсто того неожиданно залилась нервнымъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Поѣздъ остановился у вокзала; пассажиры, и въ томъ числѣ Эльфрида, вышли на платформу; а она все смѣялась... смѣялась до того заразительно, что вызвала на лицѣ угрюмаго полисмэна сочувственную улыбку.

До поздней ночи увлекалась она чтеніемъ, которое поддерживало въ ней нервное возбужденіе: она читала романъ Жанеты— „Джонъ Кэмберуэлль“, купленный тотчасъ же по пріѣздѣ на вокзалъ.

А дня три спустя, въ „Иллюстрированномъ Вѣкѣ“ появился критическій разборъ „новѣйшаго изъ послѣднихъ романовъ“,— и разборъ настолько лестный для автора, подробный и обстоятельный, съ выдержками, которыя давали вполнѣ ясное представленіе о немъ, что издатели его, „Гг. Лашъ и Блэкъ“, были польщены не менѣе, нежели самъ авторъ.

Какъ пестрые цвѣты, подобранные особенно красиво, чередовались въ замѣткѣ выдержки изъ „Джона „Кэмберуэлля“.

Digitized by Google

а толкованіе его достоинствъ и красотъ ясно говорило о тонкомъ литературномъ чутьѣ и любви критика къ своему дѣлу. Особенно польщена была, конечно, сама Жанета, хоть и считала, что похвалы ея подруги весьма преувеличены, и что она видимо желаетъ ей угодить. Это желаніе сдѣлало Жанету надолго счастливой, и побудило ее въ душѣ простить Эльфридѣ всѣ ея тяжкія прегрѣшенія: внезапный отъѣздъ; долгое отсутствіе изъ ихъ гостиной, возвращеніе въ Лондонъ тайкомъ и суровый приказъ квартирной хозяйкѣ говорить (вотъ уже три дня): — Дома нѣтъ. только-что вышли!..

XII.

Между тѣмъ, Джонъ Кендаль за послѣднее время сталъ чаще писать Жанетѣ, и тэмою его письменной бесѣды были, конечно (какъ это ее ни удивляло!), его работы по хозяйству, въ Девонширѣ; но онъ очень искренно писалъ ей оттуда обо всемъ, что его занимало, или что имѣло въ его глазахъ нѣкоторую цѣну. Жанетѣ даже показалось, что сквозь его шутливо-веселыя строки, которыми онъ обмѣнивался съ нею обыкновенно, просвѣчивало, въ сущности, зарождающееся довольство тѣмъ дѣломъ, которое теперь выпало ему на долю, волею судьбы, унесшей дядю и наградившей его состояніемъ и сельскимъ хозяйствомъ. Ее отчасти заражала эта веселость, когда ей приходило на мысль, что такими практически-дѣловыми интересами, какъ, напримѣръ, полевое хозяйство, онъ могъ забавляться только съ нею, съ Жанетой, но отнюдь не съ Эльфридой, которая неспособна ихъ понять или имъ сочувствовать. Зато и Жанета, у которой и безъ того были свои всепоглощающіе интересы, писала ему такъ же сочувственно, и главное—искренно, по-товарищески; и это новое сближеніе несказанно радовало ее.

Кендалю, въ свою очередь, пріятно было, что первое произведеніе Жанеты имѣетъ такой успѣхъ, — тѣмъ болѣе пріятно, что онъ видѣлъ на страницахъ ея перваго романа какъ бы откровенное развитіе ея личныхъ думъ и чувствъ, о которыхъ никому,—даже ему, своему другу, — она не давала повода заподозрить.

„Все было бы прекрасно,—думала она иной разъ,—еслибы не отсутствіе Эльфриды! Я бы сама къ ней первая пошла; но выйдетъ съ моей стороны неловко: сегодня какъ разъ вышла публикація о новомъ изданіи „Джона Кэмберуэлля“; первое разошлось въ какихъ-нибудь три недѣли“.

Digitized by Google

Дней десять прошло съ тѣхъ поръ, какъ Эльфрида вернулась въ Лондонъ. Жанета была въ библіотекѣ отца, когда служанка, какъ-то странно поглядывая на нее, подала ей карточку съ надписью: „Миссъ Эльфрида Белль“.

— Онѣ сказали, что подождутъ въ гостиной,—прибавила она.

Жанета въ недоумѣніи смотрѣла то на прислугу, то на карточку подруги: невѣроятная, неумѣстная церемонія между такими друзьями! И почему Эльфрида не пришла сама въ третій этажъ, на свою любимую вышку?

Такой странный пріемъ появленія пріятельницы послѣ долгой разлуки значительно охладилъ къ ней Жанету; но она все-таки рѣшила воздержаться отъ упрековъ. И хорошо сдѣлала: она встала и пошла къ Эльфридѣ бодро, весело, — довольная тѣмъ, что она вообще вернулась.

— Чему прикажете приписать честь вашего визита?—спросила она шутливо и, схвативъ за руку Эльфриду, поцѣловала ее въ обѣ щеки прежде, чѣмъ та успѣла отвѣтить.

Эльфрида тихонько отодвинулась отъ нея, и ея легкая улыбка, помимо всякихъ словъ, воздвигла между ними преграду.

— Я пришла, какъ и всѣ другіе, принести къ стопамъ вашимъ мое поклоненіе,—проговорила она.—Надѣюсь, вы не могли ожидать, чтобъ я лишила себя этого удовольствія?

— Не говорите пустяковъ, Фрида! Когда вы вернулись?

— Когда?.. (и Эльфрида пытливо смотрѣла въ лицо своей недавней подруги.) Да, кажется, перваго числа.

— А сегодня десятое!—воскликнула Жанета. — Фрида, вы сущая загадка! Отчего вы не дали мнѣ знать?

— Могла ли я предполагать, что вамъ будетъ интересно знать что бы то ни было, за исключеніемъ того, что говорятъ о васъ въ газетахъ?

Жанета молча посмотрѣла на нее, и ничего не сказала. Подъ взглядомъ подруги лицо Эльфриды измѣнило выраженіе; видимо, она была сильно смущена.

Жанета, какъ старшая изъ двухъ, почувствовала опять тотъ нравственный холодокъ, который пробѣжалъ по ней, когда ей подали карточку Эльфриды, и подумала, что продолжать подобную сцену въ этомъ тонѣ было бы унизительнымъ для нея.

— Если вы такъ дѣйствительно подумали, — сдержанно и серьезно сказала она,—то это весьма любопытно!.. Но я вамъ, все-таки, весьма обязана за одну изъ самыхъ пріятныхъ для меня газетныхъ статей, относившихся ко мнѣ. Весьма любезно... слишкомъ даже любезно съ вашей стороны! Благодарю васъ.

Digitized by Google

Эльфрида вскинула на нее глазами, почти испуганная перемѣной въ ея тонѣ.

— Но... — начала она — ваша книга превосходна! Я была ею очарована не болѣе, чѣмъ это естественно для каждаго, кто ее прочтетъ. И она страшно нашумѣла.

— Да, благодарю. Въ этомъ отношеніи она дѣлаетъ честь издателямъ: они—весьма умѣлые люди.

— Какъ это должно быть отрадно!—вырвалось у Эльфриды прежнимъ тономъ; но ея взглядъ и манеры были какъ у простой знакомой.

Въ сердцѣ Жанеты закипала злоба: просто нестерпимъ такой оборотъ въ ихъ отношеніяхъ!

— Но и въ провинціи вѣдь не избѣгнешь развлеченій,— возразила она.—Меня, напримѣръ, посѣтилъ м-ръ Кардифъ, что было, конечно, весьма пріятно!

— О, да, я слышала объ этомъ,—отвѣчала его дочь, улыбаясь.—Отецъ нашелъ, что вы напрасно лишаете насъ вашего общества и ѣздилъ просить васъ вернуться; хоть я ему и говорила, что это съ его стороны можетъ быть черезчуръ большая вольность. Но вы ужъ его извините... изъ сожалѣнія къ его разочарованію.

Тонкая фарфоровая чашечка въ рукахъ Эльфриды зазвенѣла, и она, молча, поставила ее на столъ. Значитъ, Жанета ничего не подозрѣваетъ? Такъ пусть узнаетъ—въ наказанье за свою холодность!

— Нѣтъ, съ его стороны это не было вовсе вольностью, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ произошло наше свиданіе. М-ръ Кардифъ просилъ меня... быть его женой!

Готово! Дѣло сдѣлано, и — сдѣлано въ достаточной мѣрѣ грубо. Она отомстила,—да; но въ ту же минуту, вмѣстѣ съ чувствомъ удовлетворенія, въ ней проснулось чувство стыда передъ своимъ поступкомъ и желаніе вернуть только-что происшедшее.

А между тѣмъ, Жанета приняла это извѣстіе довольно спокойно, и только чуть дрогнули ея темныя брови. Она наклонила голову и задумчиво посмотрѣла на Эльфриду.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. А могу спросить: вы не для этого ли и вернулись теперь?

— Я... я еще сама не знаю,—пролепетала Эльфрида.—Вы знаете, какъ я смотрю на бракъ... Надо такъ многое взвѣсить и принять во вниманіе...

— Ну, безъ сомнѣнія!—подхватила Жанета, думая въ то же время: „Боже мой, да чего же эта дѣвчонка не уходитъ? Какъ

Digitized by Google

она смѣетъ хоть одну минуту еще оставаться здѣсь? Папа можетъ сейчасъ вернуться, и какъ я тогда выдержу характеръ"?— но вслухъ проговорила:

— Вѣдь и м-ръ Кендаль также ѣздилъ васъ переубѣждать? Это ему, должно быть, было не легко и даже... весьма щекотливо....

Жанета оборвала себя. Эльфрида поблѣднѣла, но глаза ея стали еще лучистѣе и больше.

— Нѣтъ,—возразила она.—Я даже не видала ни разу м-ра Кендаля. Что же это значитъ? Объясните!

— Можетъ быть, я не имѣю права объяснять; только онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ васъ въ Чейнмутѣ.

— Онъ вѣрно былъ въ числѣ зрителей вообще,—чуть слышно пояснила Эльфрида.

— Весьма возможно.

Между ними водворилось молчаніе; но оно прошло незамѣтно и ихъ не тяготило, такъ какъ ихъ занимали въ это время мысли о другомъ.

— Ну, мнѣ пора!..—сказала Эльфрида, поднимаясь.

Въ душѣ ея творилось нѣчто непонятное: сердце билось тревожно и стыдливо, радостно и больно. Ей захотѣлось вдругъ загладить предъ Жанетой свою рѣзкость за эти краткія, но для нея пріятныя и жуткія слова. Тщеславія и зависти въ ней не осталось ни слѣда. Радушнымъ движеніемъ она протянула руку Жанетѣ, и та взяла ее.

— Ну, такъ прощайте же!

— Прощайте! Надѣюсь, вамъ удастся дойти домой до дождя,— отвѣтила Жанета, машинально шевеля уголья въ каминѣ.

— Послушайте, я вамъ хочу кой въ чемъ признаться!—начала Эльфрида.

Подруга обернулась къ ней и съ досадой подумала, что эти вспышки самобичеванья ей хорошо знакомы.

— Я грубое животное, я знаю! Но сладить съ собой не могу. Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала о вашемъ успѣхѣ, онъ мнѣ покою не даетъ; меня терзаетъ ревность... О, нѣтъ! Я ошибиться не могу: это именно *ревность*, а не что другое. Я себя знаю хорошо. Я это чувство презираю, но оно все же есть во мнѣ. На вашей сторонѣ — все, всѣ блага земныя; вамъ все удается! *Вы* ужъ всегда, вездѣ на первомъ планѣ; всегда и отъ всѣхъ вамъ уваженіе и почетъ... И вы еще можете дѣлать видъ, будто бы вы мою работу ставите наравнѣ съ вашей? Да, я-то вѣрю этому, а вы—нѣтъ! О, я васъ знаю вдоль и поперекъ!.. И вообще,

Digitized by Google

я слишкомъ настрадалась; я не могла бороться со своимъ раздраженіемъ, я поддалась ему,—негодная, дурная!.. Но вотъ сію минуту я вдругъ почувствовала, что оно ослабло, и потому...

Она умолкла, глядя на Жанету, которая задумчиво смотрѣла въ каминъ.

— И потому рѣшилась высказаться откровенно! Такъ будетъ лучше... а?

— Конечно, лучше!—согласилась Жанета.

— Я иной разъ просто васъ ненавижу, когда вы душите и подавляете меня своимъ умомъ... но восторгаюсь вами я всегда и неизмѣнно! Итакъ, я думаю, теперь мы можемъ, по-прежнему, быть друзьями?

Молчаніе Жанеты выдало ея колебаніе.

— О, я согласна сдѣлать еще крупный шагъ къ примиренію, лишь бы вернуться вновь къ своей Жанетѣ! Я вамъ скажу секретъ... первый, какой у меня когда-либо былъ! Не бойтесь, дорогая, вашей мачихой я никогда не буду, и потому не принимайтесь заранѣе меня ненавидѣть. Я вѣдь... мнѣ кажется, я влюблена въ Кендаля!

Жанета оглянулась, какъ бы доведенная до крайности.

— А правда ли, что вы намѣрены писать для „Вѣка“ романъ изъ быта „кордебалетныхъ фей“?—иронически спросила она.

— Да, правда. У меня уже три главы готовы! Ну, какъ вамъ кажется? Мысль недурная.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите слышать мое мнѣніе?

— Конечно!..

— Я думаю,—неторопливо начала Жанета, глазъ не сводя съ огня:—что это мысль нелѣпая, пустая, и что весьма некрасиво съ вашей стороны брать на себя такое дѣло!..

— Благодарю!.. А вѣдь мы, женщины, всѣ подъ одну мѣрку скроены, не такъ ли? Только однѣ рѣшаются въ этомъ признаться, а другія—нѣтъ... Но я отъ васъ никакъ не ожидала, чтобы вы были противъ моего откровеннаго признанія въ ревности прежде, чѣмъ она проявится на дѣлѣ?

Усталый вздохъ Жанеты былъ отвѣтомъ.

Взглянувъ въ окно, она сказала:

— Можно вамъ предложить мой зонтикъ? Дождь пошелъ!

— Благодарю васъ, онъ будетъ лишній, — возразила Эльфрида.—Я слышу на лѣстницѣ шаги м-ра Кардифа; онъ меня проводитъ до экипажа... Ну, прощайте!

Digitized by Google

XIII.

— О, нѣтъ! Нѣтъ, другъ мой!—трагически возразила Кардифу Эльфрида.—Поймите вы меня, тутъ никакіе аргументы не помогутъ, и пользоваться ими я не буду. Жанета знаетъ все, что между нами произошло, и вотъ вамъ причина, почему я не могу у васъ бывать. Я сама ей сказала, десять дней тому назадъ... Въ порывѣ злости и я—ей, и она мнѣ—много такого насказали, что я... что между нами все кончено!

— Мнѣ это очень жаль,—проговорилъ онъ грустно.

Врядъ ли когда, въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, пожилой отецъ ставилъ на первый планъ интересы своей взрослой дочери; тѣмъ болѣе въ такую минуту, когда ему надо обдумать свой отвѣтъ.

— Это было постыдно съ моей стороны!—повторяла между тѣмъ Эльфрида.—Я все это продѣлала единственно изъ чувства обманутаго честолюбія. Вы не подумали бы никогда, что я такъ дурна?—и она какъ-то по-дѣтски взглянула на него.

Въ это время ранняя весна ужъ наступила. Кой-гдѣ изъ-подъ старой травы пробивалась новая. Эльфрида шла рядомъ съ Кардифомъ по безлюдной дорожкѣ, гдѣ они могли все свое вниманіе сосредоточить на самихъ себѣ. Поношенная кофточка Эльфриды была разстегнута; рука ея машинально играла въ воздухѣ тросточкой Кардифа. По близости не было ни души, чтобы мѣшать ихъ разговору.

— Вы не подумали бы? нѣтъ?..—настаивала она.

— Я думаю, что всѣ чисто-женственные недостатки вамъ знакомы, за исключеніемъ лишь одного—боязни въ нихъ сознаться! —засмѣялся отецъ Жанеты.

Эльфрида подобрала губки, но въ улыбкѣ видна была нѣкоторая гордость.

— Знаете ли, — начала она конфиденціально: — когда вы мнѣ такія вещи говорите, вы нравитесь мнѣ очень, очень!

— А все-таки, еще не такъ, какъ я бы хотѣлъ. Мнѣ этого мало, Фрида!

Выраженіе ея лица вдругъ измѣнилось.

— Не смѣйте звать меня „Фридой“! — воскликнула она и нахмурила брови.—Это напоминаетъ мнѣ обстоятельства, которыя мнѣ всегда будетъ больно вспоминать. Если приходится въ комъ-нибудь разочароваться, я всячески стараюсь поскорѣй совершенно позабыть о его существованіи! — Какъ ни бодро все

Digitized by Google

это говорилось, Кардифъ все-таки видѣлъ, что въ глазахъ Эльфриды сверкнули слезинки, и въ немъ шевельнулось чувство раздраженія противъ дочери.

— Ну, чѣмъ такимъ она обидѣла Эльфриду, чтобы та не могла простить ей своей же зависти?.. Говорите же! Я требую, я хочу знать!—уже вслухъ заключилъ онъ. Но Эльфрида уже снова улыбалась, нарочно не думая про свои мокрые, покраснѣвшіе глаза.

— Всегда зовите меня полнымъ именемъ: Эльфрида!

— Ну, хорошо, Эльфрида, сядемъ на скамейку! — предложилъ Кардифъ, любуясь ея свѣжимъ, зарумянившимся лицомъ, и наслаждался возможностью смотрѣть на нее и любоваться. Въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ, ясно отражалось это наслажденіе. Эльфрида это видѣла и сознавала, что для нея самой высочайшая отрада—доставлять великое наслажденіе человѣку, который выше ея.

„Все это хорошо и пріятно,—размышляла она;—но вопросъ въ томъ, надолго ли этого хватитъ“?

— Такъ дольше жить нельзя, Эльфрида! — какъ бы вдругъ отвѣчая на ея вопросъ, раздался его голосъ.

— Да почему же? Мнѣ кажется, что и такъ пріятно!

— Если бы вы меня любили, вы поняли бы сами—почему. Но этого нѣтъ, вы вѣдь сами мнѣ это сказали; а все-таки, время придетъ, и вы измѣнитесь, Эльфрида. Я твердо увѣренъ, что со временемъ я уже по праву буду ухаживать за вами.

— Мнѣ очень, очень жалко, но... мы съ вами могли бы быть друзьями; только не мужемъ и женой!

— Вы такъ и не сказали мнѣ, что̀ за причина?..

— Сказать вамъ прямо, откровенно, грубо? Да? Ну, просто потому, что я васъ не люблю, и что мнѣ было бы противно наложить на себя цѣпи, которыя мнѣ ненавистны! Этого, казалось бы, довольно; но нѣтъ, это еще не все! Это еще не самое главное. Дѣло въ томъ, что мы... мы съ вами люди совершенно различнаго свойства. Вы—человѣкъ, который безусловно выше меня и по уму, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вообще. Но и помимо этого найдутся еще какія-нибудь мелочи, которыя все равно подавятъ меня вашимъ превосходствомъ. Вы даже другомъ моимъ можете быть—только не вполнѣ. Сдѣлавшись моимъ мужемъ, вы мучились бы сами и я мучила бы васъ, такъ какъ очутилась бы въ положеніи, которое, все равно, никто и никогда не въ силахъ измѣнить...

Эльфрида умолкла и сосредоточенно серьезно посмотрѣла на

Digitized by Google

него; онъ понялъ, что она въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что говоритъ. Во всякомъ случаѣ, она не разъ уже давала ему понять, что онъ свободно можетъ отъ нея отказаться. Но онъ не хотѣлъ этого понимать и упрямо стоялъ на своемъ.

— А м-ръ Тикъ Голайтли... вашъ настоящій другъ?

— Да, онъ гораздо болѣе мой другъ, чѣмъ то вамъ удастся когда-нибудь! Простите за откровенность!

— Будто мы съ вами такъ уже различны? — продолжалъ Кардифъ.—Вся разница лишь въ томъ, что вы женщина, а я—мужчина, да еще въ томъ, пожалуй, какъ насъ обоихъ воспитали; но вѣдь не можетъ же эта разница вліять на наши отношенія. Я сознаю, конечно, что въ картинахъ ничего не понимаю; но неужели это можетъ помѣшать человѣку быть счастливымъ?

— Мнѣ грустно,—начала она, и немного запнулась:—даже грустнѣе, нежели когда-либо, съ тѣхъ поръ, какъ я себя запомню. Я такъ бы всей душой хотѣла сохранить вашу дружбу, она такъ полна рыцарскихъ чувствъ, и я другой такой не знаю! Но если вы будете настаивать на своемъ, мнѣ придется отъ нея отказаться. Ну, что вы скажете,—не лучше ли намъ навсегда распроститься?.. А это было бы мнѣ, право, очень грустно!

Эльфрида встала, и растерявшійся Кардифъ не находилъ словъ, чтобы удержать ее. Онъ чувствовалъ, что его дѣло проиграно; что рано или поздно онъ долженъ разстаться со своей мечтой. Ея желаніе сохранить, однако, его дружбу, казалось ему жестокою насмѣшкой. Но что же дѣлать? Оставалось только ей повиноваться, не тратя болѣе словъ по пустому. Все равно, не поможешь!..

И онъ страстнымъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея хорошенькой ручкѣ, ища губами того мѣста, гдѣ перчатка расходилась. Эльфрида вздрогнула и отдернула руку съ нѣкоторымъ раздраженіемъ; Кардифъ только молча и жалобно взглянулъ на нее, словно умоляя, чтобы она поборола непріятное ощущеніе и вернулась къ своему прежнему радушію.

— Ну?..—спросила она вторично, ожидая его рѣшенія.

— Уходите! Не могу я съ собой бороться!

— Pauvre ami!—мягко сказала она, повернулась и пошла прочь своей легкою походкой.

Но, постепенно отъ него отдаляясь, она замедлила шаги и пошла неспѣша, какъ человѣкъ, который глубоко задумался. Чуть замѣтная улыбка дрожала въ углахъ ея рта, и въ ней отражалась не то жалость, не то любопытство или торжество. Не

Digitized by Google

успѣла она ее подавить, какъ за нею послышались чьи-то шаги, и голосъ Кардифа проговорилъ смиренно:

— Я не замѣтилъ, что вы унесли съ собою мою тросточку!

Она лукаво поглядѣла на него, какъ бы давая понять, что насквозь видитъ его хитрость; и онъ подъ конецъ прибавилъ болѣе откровенно, но дрожащимъ голосомъ:

— Все равно, ничего не подѣлаешь! Вижу, что мнѣ приходится пойти съ вами на сдѣлку. Это даже весьма любезно съ вашей стороны, Эльфрида, а совершенно васъ лишиться я просто не въ силахъ!

Она взглянула на него и подарила радостной, счастливой улыбкой:

— Ну, а теперь, — зазвучалъ ея голосъ прежнимъ оживленіемъ:—Не поговорить ли намъ о чемъ-нибудь другомъ?

Въ мартѣ вернулся въ столицу Джонъ Кендаль изъ Девоншира.

Онъ вывезъ оттуда три полотна, предназначенныхъ для майской выставки картинъ и, на придачу, полное недовольство ими. Впрочемъ, это недовольство распространялось и на все вообще, что̀ онъ писалъ за послѣдніе полгода, и это его еще больше раздражало.

Онъ принялся усиленно работать, но ничто не помогало, и по неволѣ пришлось серьезно подумать о чемъ-нибудь такомъ, что̀ могло бы отвлечь его отъ непрерывнаго состоянія недовольства и досады. Единственное, что̀ онъ еще хоть сколько-нибудь охотно вспоминалъ, такъ это былъ эскизъ вечера у лэди Галифаксъ...

Естественнымъ сцѣпленіемъ мысли Кендаль додумался до того, что въ одинъ прекрасный день перепортилъ съ полдюжины почтовыхъ листковъ съ торжественнымъ заголовкомъ: „Милѣйшая миссъ Белль“!.. или „Дорогая“, или еще лучше: „Глубокоуважаемая миссъ Белль“!.. и кончилъ тѣмъ, что безъ всякаго обращенія написалъ счетомъ двѣ-три строки, которыя и были отосланы Эльфридѣ:

„Не позволите ли вы мнѣ написать вашъ портретъ для академической выставки? Джонъ Кендаль.

„P. S. Или для какой бы то ни было другой, которую вы бы предпочли“!

Эта послѣдняя строка была, собственно говоря, военной хитростью: онъ зналъ, что она ненавидитъ академію.

Digitized by Google

Отвѣтъ пришелъ даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и вполнѣ благопріятный:

„Зачѣмъ я вамъ нужна, не понимаю! Впрочемъ, если вы непремѣнно такъ хотите, я согласна. А только почему жъ бы и не въ академію, если вы сами расположены оказать мнѣ эту честь“?

Тотчасъ же, ей въ отвѣтъ, полетѣла его благодарность, съ обозначеніемъ дня и часа, когда ей можно придти на сеансъ, а еще день спустя Кендаль съ давно забытымъ оживленіемъ закупалъ итальянскіе пирожки, которыхъ хватило бы накормить съ полдюжины мужчинъ.

Онъ рѣшился отличиться на этомъ сеансѣ, а требовать съ Эльфриды вниманія къ его работѣ на тощій желудокъ было бы жестоко съ его стороны.

„Сначала мы ее накормимъ хорошенько, а тамъ она уже и сама будетъ стараться сидѣть терпѣливо... послѣ чаю“!

Джонъ Кендаль разсудилъ такъ самъ съ собою и зашагалъ по направленію къ Кенсингтонъ-Сквэру, гдѣ жила Жанета Кардифъ.

Онъ рѣшилъ, что ему необходимо сообщить ей свои новые планы.

XIV.

Между тѣмъ и у Кардифовъ было не мало новаго.

Въ одинъ прекрасный день, за столомъ, Лоренсъ Кардифъ обратился къ дочери съ предложеніемъ, которое столько же огорчило, сколько удивило ее:

— А что, Жанета, не хочешь ли прокатиться за море съ лэди Галифаксъ? Она ѣдетъ въ Америку и отправляется уже двадцать-третьяго числа. Онѣ обѣ зовутъ тебя съ собой. Ну, что же, какъ? Согласна?

И Лоренсъ посмотрѣлъ на дочь какимъ-то новымъ, сухимъ взглядомъ, который у него остался отъ его объясненія съ Эльфридой. Дочь чувствовала, что отецъ уже не тотъ, какимъ былъ съ нею всего какую-нибудь недѣлю тому назадъ. Ровности характера, простоты и привѣтливости въ обращеніи съ нею—вдругъ какъ не бывало! Это ей не могло быть пріятно; вдобавокъ, у нея явилось естественное въ каждомъ взрослымъ отвращеніе къ любовнымъ похожденіямъ своихъ родителей. Съ ужасомъ думала она, что нѣсколько дней тому назадъ отецъ не рѣшился

Digitized by Google

бы помыслить предложить дочери разстаться съ нимъ, а теперь... Да онъ ли это?!

— Но ты не могъ бы вѣдь освободиться къ двадцать-третьему числу? — замѣтила та, пробуя показать ему, что она думаетъ, будто онъ непремѣнно самъ поѣдетъ съ нею.

— О, я, напротивъ, и не собираюсь!—возразилъ онъ, закрываясь газетой, которую будто бы читалъ

— Но, папа мой бѣдный! — пытаясь пошутить, возразила Жанета:—что съ тобой тогда будетъ?.. Вы, вѣдь, кажется, намѣревались прокатиться за границу вмѣстѣ съ нами?

— Не безпокойся, и тебѣ нѣтъ никакого повода тревожиться за меня. Я проживу себѣ прекрасно... И наконецъ, чтобы не скучно было, я всегда могу заглянуть къ себѣ въ клубъ. А ты не должна терять такого удобнаго случая...

Жанета промолчала. Отецъ углубился въ свою газету.

Слезы душили бѣдную дѣвушку, и чтобы не дать ихъ замѣтить, она поспѣшила выйти вонъ изъ комнаты, старательно повернувъ лицо въ сторону, чтобы на нее случайно не взглянулъ отецъ.

Но онъ, все-таки, посмотрѣлъ ей вслѣдъ, съ недоумѣніемъ передернулъ плечами и равнодушно заглянулъ—который часъ? Положимъ, можно бы, пожалуй, пойти утѣшить Жанету; чувство неловкости по отношенію къ ней было все-таки непріятное чувство. Однако, онъ ограничился только тѣмъ, что походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, да разсчелъ въ умѣ, есть ли вѣроятіе, что Эльфрида съ нимъ поѣдетъ на оперу „Фаустъ“. На нее вѣдь никогда нельзя навѣрное положиться!

Джонъ Кендаль, тоже, словно позабылъ о Жанетѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибѣжалъ къ ней подѣлиться радостною вѣстью, что будетъ писать портретъ съ Эльфриды Белль. Онъ приглашалъ Жанету заходить, чтобъ той было не такъ тоскливо позировать, пока онъ пишетъ; но не добился ничего, кромѣ натянутой улыбки и холоднаго, упорнаго отказа... А между тѣмъ, какъ ей самой хотѣлось бы возобновить былую дружбу! Какъ она горячо желала (если ужъ это совсѣмъ невозможно) скорѣе свыкнуться съ прискорбнымъ фактомъ ихъ разлада!..

Но вотъ пришелъ и такой день, когда, повидимому, Лоренсъ Кардифъ вернулся къ прежнимъ своимъ чувствамъ и привычкамъ. Онъ прихворнулъ, и его отношенія къ дочери смягчились.

Въ сумерки, онъ лежалъ на длинномъ креслѣ-кушеткѣ, когда Жанета принесла ему книгу, которую онъ спросилъ, и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

Digitized by Google

— Ты, папа, однако, не читай впотемкахъ, — тихо проговорила она, ласково губами касаясь его лба. — Какъ бы ни натрудилъ ты свои старенькіе глазки!

— Ну, ну! не очень-то распространяйтесь насчетъ моей старости, сударыня! — съ улыбкою возразилъ онъ. —Вашъ „папенька“ вовсе ужъ не такъ старъ, какъ вамъ, можетъ быть, кажется. Придите-ка сюда, поговоримъ! Мнѣ надо бы вамъ кое-что сказать.

— Хорошо, папа!—отвѣтила Жанета, но почувствовала, что въ душѣ она становится суровѣе и холоднѣе.

— Я хочу, чтобы вы съ Эльфридой помирились, — продолжалъ онъ:—У меня есть нѣкоторое основаніе предполагать, что она... что она будетъ... моей женой.

Жанетѣ легче было говорить объ этомъ, потому что она уже слыхала это отъ Эльфриды.

— И что же, она... согласилась?

— Не совсѣмъ. Но я надѣюсь, со временемъ согласится. Ну, и тогда, понятно, вамъ слѣдуетъ уже забыть, какъ вы между собой немножко повздорили...

— „Немножко повздорили“?!—подумала съ горечью Жанета.

— Нѣтъ, папа! Нѣтъ, нѣтъ, она не согласится!—вырвалось у нея, и она убѣжала къ себѣ въ комнату на кровать, куда бросилась, какъ избитая, но съ лицомъ, пылавшимъ отъ гнѣва—безъ слезъ, безъ криковъ горя или отчаянія.

Успокоившись понемногу, Жанета постаралась взглянуть на свои поступки объективно; она это умѣла, и во многихъ отношеніяхъ это было ей полезно.

Теперь ей предстояла трудная задача рѣшить, каковы должны быть ея отношенія къ Кендалю и къ Эльфридѣ. Она старалась отнестись къ послѣдней съ полной безпристрастностью, отдавала справедливость ея врожденному уму и великодушію, умѣнью уважать однихъ и нравиться другимъ, деликатности ея личныхъ побужденій, искренности и простотѣ ея отношеній чувствъ къ себѣ самой и ко всему міру...

— „А все-таки нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ“! — возмущался въ ней какой-то внутренній голосъ, и въ то же время какой-то другой нашептывалъ ей, что благоразумнѣе было бы покориться, пойти на уступки и потомъ уже самой предъявлять требованія...

— И просить Эльфриду, чтобъ она оставила отца въ покоѣ, не играла бы съ нимъ больше въ „кошки-мышки“!

Раньше обыкновеннаго простился съ дочерью Лоренсъ Кардифъ на сонъ грядущій.

Digitized by Google

— Ну, какъ ты думаешь? Можешь ли ты забыть? — спросилъ онъ вдругъ, хотя за цѣлый день они больше не поминали про Эльфриду.

Жанета вздрогнула, но по возможности спокойно отвѣчала:

— Мнѣ кажется, могу!—и поспѣшила выйти изъ дому, чтобъ еще въ тотъ же вечеръ переговорить съ подругой.

Эльфрида была дома, и м-съ Джорданъ любезно пригласила миссъ Кардифъ пройти „прямо наверхъ", т.-е. безъ доклада. Съ бьющимся сердцемъ поднялась она и постучала въ дверь.

— Войдите!—послышался голосъ Эльфриды.

Миссъ Кардифъ немного пріотворила дверь.

— Это я, Жанета! Можно?

— Ну, еще бы!—И Эльфрида встала изъ-за цѣлаго вороха бумагъ, наваленныхъ на столѣ, и пошла къ ней на встрѣчу, протягивая руку, съ возбужденной улыбкой на лицѣ.

— Ну, какъ вы поживаете?—слегка удивленно начала она. —Пожалуйста, садитесь; только не въ это кресло: оно не очень-то надежно! Вотъ вамъ другое; кажется, оно покрѣпче.

— Благодарю васъ! Простите, что я къ вамъ такъ поздно,— смущенно пролепетала она, косясь на рукопись и на другія бумаги.

— Ничего, ничего! Я очень рада...

— Но, конечно, я имѣла весьма важныя причины, чтобы не откладывать своего посѣщенія.

— Какія же такія?

— Ну, полноте, Эльфрида!—горячо волновалась Жанета.— Послушайте меня: я пришла для того, чтобы попробовать, не можемъ ли мы все между собой уладить? Пришла просить у васъ прощенія за обидныя слова, которыхъ я вамъ тогда наговорила по поводу вашего романа! Мнѣ это очень, очень жаль!

— Я что-то несовсѣмъ васъ понимаю: вы просите у меня прощенія... но въ чемъ же? Всякій воленъ имѣть свое собственное мнѣніе. Вы его высказали прямо и откровенно... Ну, и прекрасно!

— Однако, оно васъ задѣло, оскорбило? Изъ-за него вѣдь между нами произошелъ разрывъ!..

— Что жъ, можетъ быть; но все-таки не потому, чтобы это задѣло мое самолюбіе; я если и обидѣлась, то совсѣмъ на другое: на то, какое вы составили мнѣніе обо мнѣ...

— А что, если я вамъ скажу, что просто... что я, можетъ быть, не была такъ искренна, какъ вы могли думать, что я тогда не совсѣмъ владѣла собой...

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ?—живо подхватила Эльфрида.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! Въ ту минуту я дѣйствительно ничего такъ пылко не желала, какъ совершенно порвать съ вами, и выбрала для этого самый вѣрный способъ.

— Ну, понятно! (въ голосѣ Эльфриды слышалось волненіе): —я вполнѣ понимаю, что извѣстіе о... о бракѣ м-ра Кардифа было для васъ тяжелымъ ударомъ...

— Мнѣ кажется,—начала, помолчавъ, Жанета (она рѣшилась во что бы то ни стало примириться),—мнѣ кажется, что въ нашей дружбѣ есть нѣчто прочное, несокрушимое, чего мы не властны уничтожить. Единственное, что еще отъ насъ (отчасти!) зависитъ, это радоваться ей или печалиться... Вы развѣ никогда ничего подобнаго не ощущали?

Эльфрида неувѣренно смотрѣла на нее:

— Не знаю!.. Да!.. Пожалуй!..

— А между тѣмъ, молчимъ мы или говоримъ, у насъ всегда есть и будетъ о чемъ говорить... Или ужъ намъ обѣимъ суждено вѣковѣчное молчаніе?

Жанета умолкла и тихо подошла къ столу, гдѣ сидѣла Эльфрида, закрывъ лицо руками и опершись локтями на столъ, на свои рукописи. Послышались сдавленныя, глубокія рыданія... То плакала Эльфрида.

— Итакъ, мы разстаемся! — чуть слышно, но внятно заговорила Жанета, обращаясь куда-то въ пространство, только не къ подругѣ.

Жанета двинулась къ дверямъ. Въ ту же минуту Эльфрида вскочила и, шатаясь, побѣжала вслѣдъ за ней:

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не уйдете въ раздраженіи! Попробуемъ, все, что можно, уладить понемножку.

— Но только не на этомъ основаніи: ни вашей дружбы, ни моей—купить нельзя.

— Ну, полноте! Ужъ это черезчуръ!.. Присядемъ, посидимъ и постараемся вернуть самихъ себя другъ другу...

Эльфрида скрѣпила слова свои улыбкой, и Жанета дала себя усадить въ кресло.

Около полуночи она возвращалась домой и перебирала мысленно все, что между ними говорилось. Разговоръ въ концѣ принялъ прежній пріятельскій оттѣнокъ; обсуждался даже вопросъ о чувствахъ Кардифа къ Эльфридѣ; но больше всего Жанету поразило, что этотъ вопросъ стоялъ у ея подруги, такъ сказать, на второмъ планѣ.

Digitized by Google

— Вы сами теперь добились громкаго успѣха, — замѣтила Эльфрида,—неужели же, послѣ этого, бракъ отца для васъ такъ уже страшно важенъ?

— Смотрите же: сегодня! Вы сами обѣщали! — напомнила Эльфрида Кендалю, послушно принимая обычную свою позу, которую они вмѣстѣ выбирали для портрета.—Я знаю, что немножко запоздала; но вы вѣдь не накажете меня за это?

— Немножко? — переспросилъ онъ и строго взглянулъ на часы, а потомъ на дѣвушку:—цѣлыхъ двадцать минутъ потеряно! А все-таки, надѣюсь, ужъ сегодня можно будетъ чуть-чуть вамъ показать мою работу, если она подвинется хорошенько!

И онъ принялся водить кистью по полотну. Эльфрида, молча и скучая, сидѣла передъ нимъ и выслушивала его отрывистыя замѣчанія:

— Губы у васъ какія-то бездушныя сегодня... Поговорите хоть со мной немножко... Знаете, я кажусь вамъ, можетъ быть, капризнымъ; но съ васъ писать ужасно трудно!..

Эльфрида откинула головку своимъ привычнымъ, но необычайно привлекательнымъ движеніемъ и разсмѣялась:

— Я сама знаю, что я человѣкъ—трудно уловимый; во мнѣ какъ бы слилось нѣсколько разнородныхъ людей: сегодня характеръ у меня таковъ, а завтра онъ совсѣмъ иной. Это, конечно, не особенно для меня лестно; но я предпочитаю откровенно въ этомъ признаться... Понятно, что при такихъ условіяхъ должно быть очень трудно писать мой портретъ!

Кендаль не возражалъ, но за то смѣлыми штрихами покрывалъ натянутое полотно.

— Да, такъ будетъ гораздо лучше!—думалъ онъ вслухъ:—ну, говорите, говорите же еще!

И Эльфрида естественнымъ образомъ исполнила его желаніе, продолжая весьма образно и краснорѣчиво развивать свою мысль:

— Я вѣдь, какъ царица Клеопатра, мѣняю свой нарядъ чуть не поминутно,—сказала она между прочимъ: — но только не буквально, а въ смыслѣ характера...

— Да, вы не разъ уже мнѣ намекали,—поддакнулъ Кендаль.—Только я...—и снова долгое, безконечно долгое молчаніе: Кендаль весь *ушелъ* въ работу, поглядывая на Эльфриду такъ пристально, пытливо, что она чувствовала, какъ заревомъ пылали ея щеки.

— Надѣюсь, однако, что вы для меня выбрали нарядъ, который мнѣ наиболѣе къ лицу!—воскликнула она, какъ настоящая повелительница.—Ну, покажите же скорѣе!

Digitized by Google

Въ одно мгновеніе Эльфрида очутилась передъ своимъ портретомъ и, стоя у станка, ожидала отъ художника поясненій. Онъ чувствовалъ, что между ними происходитъ нѣчто рѣшительное, чего онъ избѣжать не могъ.

Эльфрида отошла на нѣсколько шаговъ, пристально вглядѣлась въ картину, и въ тотъ же мигъ ея лицо просіяло:

— Ахъ, вы невольно прикрасили меня! — тихо промолвила она.—Не можетъ быть, чтобъ я была такъ хороша!..

Видно было, что у Кендаля словно гора съ плечъ свалилась.

— Я радъ, что вы довольны! — коротко замѣтилъ онъ.— Чудеснѣйшая поза!

Главное, что̀ бросалось въ глаза при первомъ же взглядѣ на портретъ, это—крайняя драматичность его красоты. Глаза молодой дѣвушки смотрѣли какъ-то отвлеченно, куда-то вдаль, въ пространство; какая-то особенно плѣнительная черта легла около рта, сомкнутаго съ видомъ не то рѣшимости, не то тихой грусти; очертанія приподнятаго подбородка и груди смягчали нѣсколько грубоватыя линіи остальныхъ частей ея лица. Дружно и вполнѣ искренно сочетала эти крайности кисть художника, освѣтивъ ихъ превосходнымъ подборомъ красокъ и оттѣнковъ.

Эльфрида опустилась въ ближайшее кресло, обхватила руками колѣни и, въ глубокомъ молчаніи, не сводила глазъ съ полотна. Сначала Кендалю казалось, что она хочетъ вникнуть во всѣ подробности портрета; но потомъ онъ убѣдился, что ея мысли заняты, очевидно, чѣмъ-то постороннимъ. Ему только казалось очень страннымъ, что даже во время такой радостной и для него побѣдоносной бесѣды онъ (какъ всегда, впрочемъ, въ ея присутствіи) чувствовалъ нѣкоторую неловкость.

А между тѣмъ, онъ вполнѣ заслужилъ себѣ право быть спокойнымъ и довольнымъ: успѣхъ превзошелъ его ожиданія; о дѣвушкѣ онъ уже больше и не думалъ иначе, какъ о человѣкѣ, который, по счастливой случайности, способствовалъ его успѣху. Онъ поддакивалъ ея выспреннимъ разсужденіямъ, лишь бы она смирно сидѣла, но была оживлена; онъ же выбралъ ей, такъ сказать, „нарядъ“, который былъ дѣйствительно, больше всего къ лицу, но имъ не злоупотреблялъ: онъ изобразилъ свою прелестную „натуру“ правдиво, безъ малѣйшихъ прикрасъ.

Съ полотна на зрителя смотрѣла дѣйствительно настоящая Эльфрида.

— Такъ вотъ какъ вы понимаете меня!—проговорила тихо молодая дѣвушка.—Я еслибъ и хотѣла, такъ не нашла бы повода

Digitized by Google

къ чему-нибудь придраться! Нѣтъ, я увѣрена—вы правы! Да, я, конечно, весьма занята собою; даже больше, чѣмъ бы полагалось. Не думайте, однако, что это побудитъ меня тотчасъ же переродиться: на это я неспособна, говорю откровенно. Только вѣдь я не эгоистка! Нѣтъ! Я думаю, у всякой эгоистки видно, что она—черствый человѣкъ, она—камень безчувственный!

— Если васъ это можетъ успокоить,—тихо началъ Кендаль,—я могу васъ увѣрить: врядъ-ли кто другой въ этомъ портретѣ увидитъ то, что въ немъ видимъ только вы да я!

— Да! И главное—онъ вѣренъ оригиналу: я не боюсь пустить его въ академію,—прибавила она съ улыбкой:—надѣюсь только, что вы-то сами нашли въ немъ хоть что-нибудь хорошее!

— Милѣйшее вы существо! — тихо вырвалось у него:—вы вѣрны себѣ...

— И вамъ! Всегда и вездѣ вѣрна вамъ! Развѣ было между нами когда-либо что-нибудь кромѣ самыхъ честныхъ и чистосердечныхъ дружескихъ отношеній? Дружба—такой неоцѣненный даръ, и такъ мало на свѣтѣ людей, которые могутъ внушать ее къ себѣ!

Эльфрида стояла передъ нимъ, а онъ, смущенный, держалъ ея руку въ своей, чувствуя себя передъ нею виноватымъ: совѣсть подсказывала ему, что онъ не всегда и не во всемъ былъ съ нею чистосердеченъ, не всегда поступалъ единодушно.

— Вы заставляете меня покаяться... признаться, что я скрылъ отъ васъ мое пребываніе въ Чейнмутѣ... Я вѣдь тамъ видѣлъ васъ... на сценѣ!—началъ онъ въ волненіи.

— Знаю; Жанета мнѣ сказала,—улыбнулась ему въ отвѣтъ Эльфрида.—Нечаянно, конечно! я думаю, вы, какъ м-ръ Кардифъ, попали туда потому, что меня осуждали? Ну, такъ отчего же вы не остановили меня тогда же?—Эльфрида говорила нѣжно, задумчиво, а Кендаль слушалъ ее такъ сочувственно, что, судя только по лицу его, она могла ошибочно приписать его вниманіе только той причинѣ, которая въ дѣйствительности была лишь полной иллюзіей. Въ глазахъ ея свѣтилась такая нѣжность, такая довѣрчивость, въ значеніи которой онъ не могъ ошибаться.

— Скажите мнѣ, скажите!—говорила она:—Хотите вы, чтобы я бросила писать мою книгу? Эту книгу, которую я кончаю, въ которой всѣ мои надежды, моя гордость?

Эльфрида была готова съ наслажденіемъ принести ему эту жертву... Тѣмъ труднѣе было Кендалю отъ нея отказаться.

Подъ предлогомъ поднять упавшій ножъ, онъ высвободилъ свою руку и нагнулся къ полу.

Digitized by Google

— На этотъ счетъ я не позволилъ бы себѣ никогда высказывать свое мнѣніе, еслибы вы меня не спросили; но ради васъ самихъ... я бы долженъ вамъ посовѣтовать именно такъ и сдѣлать.

„Ради васъ самихъ!“ — такъ и шумѣло у нея въ ушахъ; казалось, стѣны всѣ вокругъ гудѣли! Голова у нея кружилась; взглядъ блуждалъ безъ выраженія... Инстинктивно, она отшатнулась отъ Кендаля и стала искать свою шляпу; затѣмъ ее надѣла, застегнула перчатки и, не глядя на Кендаля, не владѣя больше собой, ни о чемъ не думая, ничего не соображая, она пошла къ выходу. Про свой портретъ и про сеансъ она забыла совершенно.

— Я пойду, — какимъ-то безцвѣтнымъ голосомъ проговорила она; и Кендаль молча, но любезно распахнулъ передъ нею дверь, съ такимъ жуткимъ чувствомъ въ душѣ, какого онъ никогда еще не испытывалъ за всю свою беззаботную жизнь; и тѣмъ больнѣе оно отзывалось на немъ.

Дверь передъ нею растворилась и захлопнулась; но лишь на первой площадкѣ она остановилась, тяжело дыша:

„Я никогда не измѣнюсь!.. Да: ни-когда!—думала бѣдная дѣвушка въ отчаяніи и, сорвавъ съ руки перчатку, повертѣла на пальцѣ свой персидскій перстенекъ.—Какъ просто и легко... и коротко покончить всѣ разсчеты съ жизнью... но хватитъ ли на это духу? Едва ли!..“

Ея безсиліе во всемъ и всегда представилось ей особенно рельефно и подавляющимъ образомъ подѣйствовало на нее. Ей стало жутко; сердце замерло... она зашаталась, но кое-какъ, не держась на ногахъ, спустилась на улицу и уже не помнила, какъ доѣхала домой.

Часамъ къ десяти вечера она пришла въ себя... но, конечно, лишь настолько, чтобы быть въ состояніи, хоть немного размышлять.

— Нѣтъ, никогда бы не хватило у меня силы воли, еслибъ онъ даже пожелалъ, — отказаться отъ моего труда, моей единственной отрады! Я вѣдь лгала безстыдно, лишь бы вынудить у него признаніе! Я знаю, что онъ мнѣ не такъ дорогъ, какъ дорогъ мой трудъ,—часть души моей! Знаю, что я такъ малодушна,—пройди еще минута-другая, и я безпрепятственно дала бы ему обнимать и цѣловать меня... вѣдь я его люблю! А онъ... Онъ возьметъ себѣ въ жены какую-нибудь дурочку, которая будетъ усердно служить ему для размноженія потомства... *Меня* не манитъ эта перспектива; но любить его я буду весь свой вѣкъ

Digitized by Google

и всей душой! Быть можетъ, придетъ время, когда онъ это оцѣнитъ — и тогда... Но и *тогда* мы не поступимъ какъ невѣжественное большинство... А пока—будемъ молча смотрѣть и улыбаться!

Взявшись машинально за свою корректуру, Эльфрида задумчиво пробѣгала глазами строку за строкой; но обычнаго удовольствія въ этомъ дѣлѣ рукъ своихъ на этотъ разъ она не находила.

XV.

За всю послѣдующую недѣлю отношенія обѣихъ дѣвушекъ все улучшались, и улучшались. Жанета почти ежедневно видѣлась съ Эльфридой и готовилась къ своему отъѣзду съ лэди Галифаксъ. Одинъ только Кендаль ничего про это не зналъ, весь поглощенный своей блестящей картиной и эпизодомъ, который разыгрался у него съ „оригиналомъ“. Два-три дня спустя послѣ этого *эпизода*, онъ вспомнилъ, что для него Эльфрида была такое существо, съ которымъ можно подѣлиться своими мыслями, безъ боязни, что ихъ не поймутъ или искалѣчатъ на свой ладъ. Не даромъ же онъ далъ школьническое прозвище изящной дѣвицѣ, не стѣсняясь называть ее: „дружище!“ или: „старина!“

„Самъ виноватъ, что поддался ея желанію стать на товарищескую ногу!—думалъ онъ; но, кромѣ укоровъ, такъ и не могъ въ данномъ случаѣ ничего болѣе подходящаго для себя придумать. Чтобъ разрѣшить свое сомнѣніе, онъ по обыкновенію отправился къ Жанетѣ, еще полный тревоги о происшедшемъ и восторга, что картина его удалась вполнѣ: въ этомъ онъ съ каждымъ часомъ все больше убѣждался.

— Ну, сообщите свою радостную вѣсть!—вмѣсто привѣтствія сказала Жанета. По лицу его она сразу догадалась, что случилось нѣчто чрезвычайное, и сердце у нея затрепетало.

— А, значитъ, это уже такъ замѣтно?—обрадовался Кендаль еще больше.—Такъ не скажу же! Угадайте!

— Кого касается: вещи или человѣка?

— И того, и другого!..

— Трудно! Не съумѣю!..

— Ну, такъ и быть скажу: миссъ Эльфриды Белль!.. Да что же вы молчите? Вы какая-то надутая сегодня, право, *миссъ* Жанета... Ну, такъ и быть, скажу: портретъ ея вышелъ даже

Digitized by Google

гораздо лучше, нежели я могъ ожидать. Ничего лучшаго я до сихъ поръ не могъ себѣ представить, что напишу когда-либо!

— И все тутъ? Все?!—какъ-то радостно и съ такимъ облегченіемъ вырвалось у нея, что Кендаль въ удивленіи не сразу нашелся отвѣчать.

— Да,—началъ онъ потомъ довольно горячо:—именно *все*! Но погодите... вотъ увидите, и скажете тогда... А въ какой день придете: завтра? послѣ-завтра?

— Завтра никакъ нельзя: закупки, сборы столько времени берутъ!.. Мы уѣзжаемъ вѣдь въ четвергъ.

— Какъ это *мы*? Въ какой четвергъ, и кто?

— Мы съ лэди Галифаксъ ѣдемъ въ Америку и будемъ путешествовать тамъ цѣлый годъ, она и я... ну, и Бетси, дочь ея, конечно!.. Я думала, что это вамъ уже извѣстно. Эльфрида уже десять дней объ этомъ знаетъ. Она вамъ ничего не говорила?.. Какъ это странно!

И Кендадь тоже находилъ, что это странно, но, уходя, уже не думалъ объ Эльфридѣ, и голосъ его дрогнулъ, когда онъ проговорилъ:

— Ну, до свиданія... черезъ годъ!

Жанета удивленно вскинула на него глазами, и онъ въ одно мгновеніе прочелъ въ нихъ ту неожиданную перемѣну, которая произошла въ ея обычныхъ чувствахъ...

Ни тѣни робости, а только счастье охватило ее, когда на волосы, глаза и лобъ ея посыпались горячіе поцѣлуи ея товарища и друга...

— Не уѣзжай, милая, добрая моя! Не уѣзжай!

Въ тотъ же день вечеромъ Эльфрида, сидя у себя дома за работой, получила отъ Лоренса Кардифа краткую записку съ припиской.

„Не знаю, будетъ ли Жанета благодарна, что я хочу забѣжать впередъ и сообщить вамъ нашу новость: они съ Кендалемъ дали другъ другу слово и даже не спросили у меня на это разрѣшенія, а только объявили, что намѣрены вѣнчаться въ іюнѣ. Кендаль только и говоритъ, что о вашемъ портретѣ, и завтра мы пойдемъ на него полюбоваться. Надѣюсь, онъ озаботится устроить такъ, чтобъ мы могли имѣть удовольствіе видѣть *копію* вмѣстѣ съ оригиналомъ“...

Часа въ три на другой день (т.-е. за часъ до прихода Кардифовъ) Джонъ Кендаль быстро поднялся къ себѣ въ мастерскую, чтобъ еще разъ взглянуть до ихъ прихода на свою картину.

Дверь въ комнату стояла настежь, и онъ мысленно выбра-

Digitized by Google

нилъ себя за небрежность. Еще наканунѣ, онъ поставилъ свой станокъ получше къ свѣту, и портретъ Эльфриды былъ весь залитъ яркимъ дневнымъ солнцемъ. Не успѣлъ онъ взглянуть по тому направленію, какъ машинально вернулся и затворилъ за собою дверь. Потомъ—подошелъ поближе—и съ ужасомъ закрылъ глаза.

— Проклятіе!—вырвалось у него.

Ясно—онъ видитъ на яву ужасный и невѣроятный сонъ: портретъ,—лучшая изъ его картинъ,—виситъ въ лохмотьяхъ, которыя болтаются на рамкѣ. Полотно все изрѣзано въ клочки... мѣста живого не осталось!

Ни на минуту онъ не усомнился, кто могъ быть авторомъ этой ужаснѣйшей продѣлки...

„Жанета скажетъ, что я это заслужилъ"!—тотчасъ же подумалъ онъ. И только полчаса спустя, уже нѣсколько очнувшись отъ удара, замѣтилъ на своемъ письменномъ столѣ письмо Эльфриды.

„Я заходила къ вамъ сюда сегодня утромъ (писала она), съ твердымъ рѣшеніемъ уничтожить *его* или себя. Мнѣ нестерпима мысль, чтобы мы оба жили одновременно! Больше я ничего вамъ не скажу; можете только быть увѣрены, что мнѣ пришлось сначала выдержать тяжелую борьбу... пока я, наконецъ, рѣшилась... Я совершила тяжкое преступленіе... но не противъ васъ, а противъ искусства. Можетъ быть, вамъ будетъ все-таки хоть нѣкоторымъ облегченіемъ узнать, что съ этихъ поръ я уже не въ состояніи буду никогда уважать себя (нѣсколько словъ выскоблено)... Поймите, и будьте увѣрены, что я не питаю къ вамъ ни злобы, ни чувства укоризны... Иначе вы и не могли меня изобразить, хотя бы изъ чувства благодарности за сеансы... Все-таки радуюсь сознанію, что хотя я и могу уничтожить самую картину, но не могу въ вашемъ сердцѣ уничтожить свѣтлыхъ воспоминаній о минутахъ истиннаго наслажденія, которое она все-таки вамъ доставила".

Самый фактъ уничтоженія картины былъ ужасенъ; но еще того ужаснѣе показалось Кендалю желаніе какъ-нибудь объяснить или даже, пожалуй, извинить его... Какъ бы то ни было, возмущаться Кендалю было некогда, и онъ поспѣшилъ дать знать своимъ гостямъ, что съ картиной случилась какая-то нежданная задержка, а завтра онъ все самъ придетъ, разскажетъ...

И въ самомъ дѣлѣ, на другой же день Кендаль все откровенно разсказалъ Жанетѣ, которая крайне заволновалась, но совершенно въ иномъ отношеніи, чѣмъ онъ.

Digitized by Google

Не медля ни минуты, она одѣлась и поспѣшила къ подругѣ, не переставая волноваться за нее и прикидывая въ умѣ, что и какъ надо будетъ сказать ей въ успокоеніе.

Дверь къ Эльфридѣ оказалась незапертою, и, войдя, Жанета окликнула подругу; но та не отозвалась. Тогда гостья, испуганная ея молчаніемъ, прошла за ширмочки, гдѣ стояла кровать Эльфриды...

Занавѣсы на окнахъ были спущены; букетъ душистаго жасмина стоялъ въ водѣ, на каминѣ, и всю комнату наполнялъ своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Несмотря на это, въ комнатѣ было жутко при мертвенной тишинѣ, среди которой Жанета подошла къ кровати, почти сплошь закрытой легкимъ бѣлымъ пологомъ, и могла ясно различить подъ одѣяломъ очертанія тѣла Эльфриды... Шатаясь на ногахъ, дрожа, подбѣжала Жанета къ окну и распахнула занавѣски: на полу виднѣлось блѣдное сіяніе, которымъ солнечный лучъ окружилъ простенькое персидское серебряное колечко...

Спустя полгода, у издателей гг. Лашъ и Блэкъ появилась любопытная новинка: „Похожденія въ мірѣ подмостковъ“. Надѣлавъ много шума, эта книга принесла хорошій доходъ предпринимателямъ изданія, такъ какъ встрѣтила полное вниманіе какъ со стороны публики, такъ и въ литературномъ мірѣ. Завѣдывать изданіемъ и пользоваться авторскими правами былъ избранъ г. Раттрэй, котораго м-ръ и миссъ Белль безъ особаго труда убѣдили отчислять въ свою пользу за хлопоты по изданію извѣстный процентъ. Сами же они, какъ только представилась возможность потратиться на проѣздъ въ Европу, явились въ Лондонъ, чтобы увезти съ собой, на родину, прахъ дорогой своей дочери. Тамъ, на мѣстѣ ихъ собственнаго (а также и ея) рожденія, они водрузили большой памятникъ изъ краснаго гранита, подъ которымъ могли еще смѣло помѣститься и сами родители покойной.

На памятникѣ пока красуется лишь та надпись, которую сама Эльфрида выбрала себѣ, въ своемъ (какъ всегда) прелестномъ письмѣ къ родителямъ: „Pas femme—artiste“.

Жанета Кардифъ знаетъ объ этой надписи и надѣется, что покойная и не подозрѣваетъ, какъ можно понять совершенно превратно надпись, которая должна выражать ея завѣтную мечту.

Миссъ Кимсэй имѣетъ столъ и квартиру у супруговъ Белль и они всѣ втроемъ образуютъ свой особый мірокъ, занятый

Digitized by Google

исключительно культомъ безвременно погибшей жертвы наслѣдственности (смерть Эльфриды объясняется тѣмъ, что ея внучатная тетка страдала меланхоліей). М-ръ и миссисъ Кендаль живутъ себѣ „прекрасно“ въ своемъ „прекрасномъ“ имѣніи въ Девонширѣ. Но и среди семейныхъ радостей на нихъ порою налетаетъ тихая грусть и молчаливость.

А. Б—г—

Digitized by Google

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ *)

Свѣдѣнія о судьбѣ Полежаева, одного изъ нашихъ выдающихся поэтовъ 30-хъ годовъ, довольно ограничены. Имѣется нѣсколько документовъ, относящихся къ его многострадальной жизни; до насъ дошли разсказы о немъ лицъ, болѣе или менѣе отрывочные. Лучшимъ дополненіемъ этихъ матеріаловъ являются самыя стихотворенія Полежаева, стоящія въ самой тѣсной связи то съ фактами изъ жизни поэта, то съ тѣмъ его настроеніемъ, которое было создано въ немъ условіями его жизни. Изъ всѣхъ имѣющихся біографій Полежаева—лучшая, написанная П. А. Ефремовымъ и приложенная къ редактированному имъ собранію сочиненій Полежаева, также лучшему и наиболѣе полному.

I.

А. И. Полежаевъ родился въ 1805 г. въ саранскомъ уѣздѣ, пензенской губерніи. Его отецъ, Л. Н. Струйскій, былъ богатымъ помѣщикомъ, а мать—изъ дворовыхъ дѣвушекъ; потомъ она вышла замужъ за саранскаго мѣщанина Ивана Полежаева, по которому сынъ ея получилъ фамилію и такъ былъ записанъ въ мѣщане. О

*) Читано на литературномъ вечерѣ въ Обществѣ Любителей русской словесности, въ Москвѣ.

Digitized by Google

дѣтствѣ Полежаева, проведенномъ въ усадьбѣ родного отца, въ селѣ Покрышкинѣ, мы знаемъ очень мало. Была сдѣлана попытка разсказать намъ о дѣтствѣ и юности Полежаева исключительно на основаніи его поэмы: „Сашка“, но эту попытку нельзя назвать удачной ни по замыслу, ни по исполненію. Извѣстно только, что десятилѣтній мальчикъ былъ отвезенъ въ Москву и отданъ тамъ въ какой-то французскій пансіонъ. Это было въ 1816 г., а въ 1820 г., онъ, 15 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ университетъ по словесному факультету. Въ прошеніи, поданномъ въ университетское правленіе, онъ говорилъ: „Изучившись россійскому, латинскому и французскому языкамъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ, желаю продолжать ученіе мое въ университетѣ“. Къ прошенію было приложено удостовѣреніе объ увольненіи Полежаева изъ саранскаго мѣщанскаго общества. Онъ былъ проэкзаменованъ профессорами и признанъ „способнымъ къ слушанію лекцій въ званіи вольнаго слушателя“.

Не болѣе извѣстно и о пребываніи Полежаева въ университетѣ. Какъ по свидѣтельству его самого, такъ и по разсказамъ другихъ слушателей университета того времени, нравы студентовъ отличались тогда большою распущенностью; между ними преобладали кутежи и попойки, соединенныя съ различными продѣлками. Если свидѣтельство поэмы „Сашка“ нельзя принимать за точный документъ для біографіи Полежаева, то во всякомъ случаѣ по ней можно судить отчасти о томъ, что Полежаевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ участниковъ студенческихъ похожденій.

О занятіяхъ студента Полежаева, его отношеніи къ лекціямъ профессоровъ, мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній. Дошедшіе до насъ отзывы студентовъ того времени вообще рисуютъ въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ педагогическую часть въ московскомъ университетѣ двадцатыхъ годовъ. Если московскій университетъ и меньше другихъ университетовъ пострадалъ въ концѣ второго десятилѣтія текущаго вѣка отъ реакціи, приведшей при Магницкомъ и Руничѣ къ разгрому казанскаго и петербургскаго университетовъ, то все же эта общая реакція стѣснила развитіе и московскаго университета; университетская наука влачила печальное существованіе при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была тогда поставлена. Какъ всегда бываетъ, стѣсненія, которыя налагались тогда на университетское преподаваніе, лишали его силы даже и въ тѣхъ предѣлахъ, которые, казалось бы, не зависѣли отъ господствовавшей реакціи. Не будемъ приводить въ подтвержденіе того, различныхъ свидѣтельствъ; напомнимъ только

Digitized by Google

одинъ изъ рѣзкихъ отзывовъ Пушкина, относящійся къ этому времени. Его „Альманашникъ", признаваясь въ своемъ невѣжествѣ и неспособности къ серьезной работѣ, поясняетъ: „вѣдь я учился въ московскомъ университетѣ"...

Несмотря, однако, на неблагопріятныя условія и внѣ, и внутри университета, послѣдній и въ то время все-таки являлся живымъ образовательнымъ центромъ, имѣлъ вліяніе на общество. Въ аудиторіяхъ его все же говорили о наукѣ и во имя науки, говорили о просвѣщеніи. Слабо было научное значеніе университета, но все же онъ оставался просвѣтительнымъ центромъ въ странѣ, которая такъ нуждалась въ просвѣщеніи. Въ его стѣнахъ собирались сотни молодыхъ людей, и они, несмотря на то, что преподаваніе въ общемъ было очень неудовлетворительно, все-таки проникались научными интересами; помимо преподаванія, самое общеніе молодежи создавало и поддерживало въ ней отвлеченные запросы, стремленіе къ серьзнымъ задачамъ. Такое значеніе университета хорошо отмѣчено и въ воспоминаніяхъ Герцена, который былъ моложе Полежаева на нѣсколько выпусковъ. Авторъ „Былого и Думъ" спрашиваетъ: учились ли чему-нибудь студенты его времени и могли ли научиться?—и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: „Полагаю, что—да. Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло—поставить человѣка, его дѣло возбудить вопросы, научить спрашивать". Среди профессоровъ того времени были такіе, которые именно это-то и дѣлали. „Но больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеніемъ"... Въ другомъ мѣстѣ записокъ говорится: „Университетъ росъ вліяніемъ; въ него, какъ въ общій резервуаръ вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, братались между собою и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея... Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія... Порядочный кругъ студентовъ не понималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ... Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентовъ"...

Digitized by Google

Все сказанное надо имѣть въ виду для того, чтобы понимать личность Полежаева. Его поэтическій талантъ привелъ его еще на студенческой скамьѣ къ литературнымъ занятіямъ, и тогда же Полежаевъ обратился къ чтенію. Въ его произведеніяхъ мы замѣчаемъ уже тогда извѣстную начитанность, извѣстный запасъ знаній. Для Полежаева еще была важнѣе другая сторона вліянія университета; не только кутежами занимался онъ со своими товарищами; нельзя сомнѣваться, что ихъ кружокъ тоже отдавался теоретическимъ интересамъ, тоже не былъ чуждъ общественныхъ стремленій. Мы видимъ и то, и другое, въ произведеніяхъ Полежаева, даже еще студенческихъ, и мы знаемъ, что эти интересы и стремленія поэту не могли дать ни усадьба его отца, ни французскій пансіонъ, ни общество его дяди, у котораго онъ жилъ одно время въ Петербургѣ.

Примѣняя къ Полежаеву слова, сказанныя покойнымъ Тихонравовымъ о Тургеневѣ, мы можемъ сказать, что московскому университету Полежаевъ былъ обязанъ „благородной радостью великихъ ощущеній“... Сложившіяся подъ вліяніемъ университета убѣжденія Полежаева были такъ тверды, что ихъ не сломила ни двѣнадцатилѣтняя служба въ солдатахъ, ни злоупотребленіе виномъ; поэтъ до конца оставался тѣмъ же мыслящимъ человѣкомъ, какимъ, только по окончаніи курса, его захватила неожиданно налетѣвшая гроза.

II.

Полежаевъ еще на университетской скамьѣ сталъ писать стихи; его произведенія пользовались успѣхомъ не только среди студентовъ. Они появлялись въ печати; университетское начальство обратило вниманіе на студента-поэта и поручило ему написать стихотвореніе для университетскаго акта 1826 г. Одно изъ сатирическихъ произведеній Полежаева: „Иванъ-Козелъ“, по свидѣтельству „Московскаго Телеграфа“, надѣлало шуму: поэтъ имѣлъ въ немъ въ виду ходившіе тогда нелѣпѣйшіе слухи объ одномъ священникѣ, въ Москвѣ. Студентомъ еще Полежаевъ написалъ и другое сатирическое произведеніе, свою поэму „Сашка“, въ которой онъ изображалъ студенческія похожденія въ довольно иногда соблазнительныхъ картинахъ и выраженіяхъ. Эта поэма и оказалась причиною несчастія юнаго поэта. Она ходила по рукамъ въ спискахъ, и попалась на глаза начальству, которое дало ходъ дѣлу, и шуточная поэма очутилась въ рукахъ самого императора Николая Павловича, прибывшаго въ то время въ

Digitized by Google

Москву на коронацію. Вотъ разсказъ, со словъ самого Полежаева, о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла.

„Въ одну ночь, часа въ три, ректоръ (Прокоповичъ-Антонскій) будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель (кн. Оболенскій). Осмотрѣвъ, всѣ ли пуговицы на мундирѣ и нѣтъ ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.

„Привезъ его къ министру народнаго просвѣщенія (Шишкову). Министръ сажаетъ Полежаева въ свою карету и везетъ,— на этотъ разъ уже прямо къ государю.

„Шишковъ [1]) оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидались нѣсколько чиновниковъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, несмотря на то, что былъ шестой часъ утра,—и пошелъ во внутреннія комнаты. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился, и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

„Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ Шишковымъ. Онъ бросилъ на вошедшаго испытующій взглядъ, въ рукахъ у него была тетрадь.

— Ты ли,—спросилъ онъ,—сочинилъ эти стихи?

— Я,—отвѣтилъ Полежаевъ.

— Вотъ,—продолжалъ государь:—вотъ я вамъ представляю образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ!—прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.

„Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ государя неподвижно остановился на немъ...

— Я не могу,—сказалъ Полежаевъ.

— Читай!..

„Это возвратило силы Полежаеву, онъ развернулъ тетрадь.— Никогда,—говорилъ онъ,—я не видывалъ „*Сашку*“ такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

„Сначала ему было трудно читать; потомъ, одушевляясь все болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что скажете? спросилъ государь по окончаніи чтенія.— Я положу предѣлъ этому разврату; это все еще *слѣды, послѣдніе остатки*. Я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ ошибочно—кн. Ливенъ.

Digitized by Google

„Министръ, разумѣется, не зналъ, какого онъ поведенія, но въ немъ проснулось человѣческое чувство и онъ сказалъ: „Превосходнѣйшаго, Ваше Величество".

— Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно для примѣра другимъ. Хочешь ли въ военную службу?

„Полежаевъ молчалъ.

— Я тебѣ даю военною службой средство очиститься. Что же, хочешь?

— Я долженъ повиноваться,—отвѣчалъ Полежаевъ.

„Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и, сказавъ: „Отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ *писать*",—и поцѣловалъ его въ лобъ.

„Я десять разъ заставлялъ Полежаева повторять разсказъ о поцѣлуѣ, такъ онъ мнѣ казался невѣроятнымъ. Полежаевъ клялся, что это правда.

„Отъ государя—Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили, онъ вышелъ, зѣвая, и, прочитавъ бумагу,—спросилъ флигель-адъютанта:—Это онъ?—Онъ, ваше сіятельство.

— Что же, доброе дѣло, послужите въ военной, я все въ военной службѣ былъ,—видите, дослужился,—и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ...—Полежаева свезли въ лагерь"...

Въ поэмѣ описанъ былъ разгулъ студенческихъ кутежей, встрѣчается много рѣзкихъ картинъ, неприличныхъ выраженій. Но главное дѣло было въ неуважительныхъ отзывахъ о вопросахъ религіозныхъ и въ указаніи на неудовлетворительность общественныхъ условій Россіи.

Для того, чтобы понять причину наказанія, которому неожиданно подвергся Полежаевъ, надо припомнить, что дѣло было въ 1826 г., вскорѣ послѣ декабрьскихъ событій, когда составилось убѣжденіе, что заговоры и тайныя общества, приведшія къ катастрофѣ, вытекли изъ неправильной постановки дѣла образованія и воспитанія, что зло коренится въ распущенности школы. Насколько сильно самъ императоръ Николай Павловичъ былъ тогда проникнутъ этою мыслью, видно изъ того, что при свиданіи съ Пушкинымъ, возвращеннымъ тогда изъ деревни, онъ тутъ же далъ ему порученіе составить записку о воспитаніи. Когда, при такомъ настроеніи государя, ему попалась въ руки поэма Полежаева, онъ увидалъ въ ней новое доказательство того, что учебныя заведенія даютъ юношамъ развращенное направленіе. И Полежаевъ былъ наказанъ собственно „для примѣра другимъ": изъ словъ государя видно, что онъ не признавалъ за юношей

Digitized by Google

большого преступленія; онъ только считалъ „примѣръ“ необходимымъ. Снисхожденіе къ Полежаеву, какъ бы сожалѣніе объ его судьбѣ, выразилось и въ томъ, что государь поцѣловалъ юношу, подалъ ему надежду, и сдалъ его не солдатомъ, а унтеръ-офицеромъ. При этомъ за Полежаевымъ были признаны его права по образованію.

Но не долго пришлось Полежаеву пользоваться такими льготами; онъ все-таки считалъ свое положеніе невыносимымъ. Желая найти исходъ изъ него, Полежаевъ писалъ нѣсколько просьбъ на имя государя; не получая на нихъ отвѣта, онъ думалъ, что онѣ не доходятъ по назначенію, и тогда рѣшился отправиться самъ въ Петербургъ, безъ всякаго дозволенія. Такая отлучка считалась по военнымъ законамъ бѣгствомъ, и хотя, одумавшись, онъ самъ вернулся въ полкъ, но его судили военнымъ судомъ и приговорили къ прогнанію сквозь строй. Приговоръ восходилъ на Высочайшее утвержденіе и былъ смягченъ: Полежаевъ былъ лишенъ личнаго дворянства (полученнаго вмѣстѣ съ университетскимъ дипломомъ), разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые „безъ выслуги“... Послѣ этого приговора судьба Полежаева сдѣлалась еще тяжелѣе, и для него погибла всякая надежда. Съ этого времени онъ сталъ сильно пить, а при его горячности (Лермонтовъ въ одномъ стихотвореніи назвалъ его „бурнымъ“) у него возникали различныя столкновенія, кончавшіяся для него очень печально; за то, что онъ выбранилъ фельдфебеля, онъ былъ опять подъ судомъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ, въ ужаснѣйшей обстановкѣ, почти цѣлый годъ.

Но, несмотря на всѣ эти несчастія, талантъ не погибалъ въ Полежаевѣ, и поэтъ находилъ въ своемъ творчествѣ отдыхъ отъ окружавшихъ его условій. Онъ писалъ стихи, которые, хотя и не въ цѣломъ видѣ, попадали въ печать. Въ этихъ стихахъ по большей части выливались мученія и тоска, въ жертву которымъ былъ отданъ поэтъ. Напомнимъ нѣсколько примѣровъ:

Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодого пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска...
Я увялъ, я увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

Digitized by Google

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.

Въ пьесѣ „Цѣпи“ поэтъ обращается къ воспоминаніямъ о погибшемъ прошломъ и говоритъ:

Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день!

Стихотвореніе „Ожесточенный“ начинается такъ:

О, для чего судьба меня сгубила,
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня навѣкъ природа исключила
И страшно вживѣ умеръ я?

Въ длинномъ и не вполнѣ еще напечатанномъ стихотвореніи „Арестантъ“ Полежаевъ съ жестокою правдой описываетъ обстановку своего почти годового ареста и то тяжкое состояніе, въ которомъ онъ находился, ожидая въ заключеніи приговора къ шпицрутенамъ, т.-е. къ смертной казни. Поэтъ говоритъ про арестанта:

Онъ не живетъ уже умомъ,
Душа и умъ убиты въ немъ...

Находясь дважды въ ожиданіи приговора, который равнялся смертному, Полежаевъ излилъ свои чувства въ двухъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ. Въ „Пѣснѣ плѣннаго ирокезца“ изображаются думы его передъ казнью. Ирокезецъ восклицаетъ:

Я умру! на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Digitized by Google

Другая пьеса—„Осужденный“,—начинается такъ:

Я осужденъ къ позорной казни—
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни;
Окончу дни мои, какъ жилъ.

Какъ ни былъ твердъ Полежаевъ, готовясь „къ позорной казни“, но, истомленный суровымъ заключеніемъ, онъ не могъ всегда спокойно относиться къ предстоящимъ мученіямъ. На человѣка, цѣлые мѣсяцы томившагося въ тюрьмѣ въ нечеловѣческихъ условіяхъ, не могло не находить отчаяніе. Онъ не могъ не думать о томъ, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ готовящейся пытки. Старикъ-солдатъ, изъ числа его сторожей, полюбилъ его; сочувствуя его положенію и желая помочь ему, онъ передалъ ему штыкъ, сказавъ при этомъ сквозь слезы: „я самъ отточилъ его“. Полежаевъ рѣшился на самоубійство, какъ только состоится окончательный приговоръ. Онъ писалъ:

Вотъ мой удѣлъ!.. Игра страстей!
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
На вѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И, членъ ненужный бытія,
Не оскверню своей природы!
Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть за мигъ ожесточенья
Самоубійцу судитъ Богъ!

Окончательный приговоръ снова избавилъ Полежаева отъ казни, и ему не пришлось воспользоваться штыкомъ...

III.

Въ 1829 г., полкъ, въ которомъ служилъ Полежаевъ, былъ отправленъ на Кавказъ, и Полежаеву пришлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принимать участіе въ борьбѣ съ горцами. Онъ находился въ цѣломъ рядѣ сраженій и стычекъ, какъ видно изъ его формуляра, напечатаннаго П. А. Ефремовымъ; Полежаевъ вездѣ искалъ случая отличиться и тѣмъ найти выходъ изъ своей тяжкой неволи.

Но, несмотря на его храбрость, мечта его не исполнилась.

Digitized by Google

начальство не пожелало обратить на него вниманіе, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны онъ воротился съ Кавказа такимъ же нижнимъ чиномъ „безъ выслуги“, какъ и пошелъ туда.

Новыя условія кавказской жизни, новыя впечатлѣнія военныхъ походовъ, конечно, не могли не отразиться на произведеніяхъ Полежаева. Въ его кавказскихъ стихотвореніяхъ мы находимъ описанія природы, рядъ военныхъ сценъ. Стихотворенія эти тогда же появились въ печати и были встрѣчены полнымъ сочувствіемъ въ публикѣ и въ критикѣ. Въ кавказскихъ пьесахъ Полежаева на ряду съ изображеніемъ войны звучитъ и раздумье объ ея значеніи, сочувствіе къ страждущимъ и побѣжденнымъ, надежда, что не всегда человѣкоубійство будетъ процвѣтать... Таково его прелестное стихотвореніе „Море“, написанное подъ вліяніемъ волнъ черноморскихъ.

Съ Кавказа Полежаевъ возвратился съ разбитыми вновь надеждами, съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Если онъ не получилъ офицерскихъ эполетъ на войнѣ, то какъ онъ могъ ихъ заслужить въ московскихъ казармахъ? Къ тому же самая обстановка Полежаева съ переходомъ въ Москву сильно ухудшилась.

Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что пьеса Полежаева: „Черные глаза“, доказываетъ, какъ чувство любви освѣтило-было—„не вовремя и не въ пору“—его печальную судьбу. Эта догадка критика вполнѣ подтвердилась и разъяснилась, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны воспоминанія г-жи Бибиковой, подробно разсказавшей о своемъ краткомъ знакомствѣ съ Полежаевымъ въ 1834 г. Познакомившись случайно съ отцомъ г-жи Бибиковой, онъ провелъ нѣсколько времени у нихъ въ подмосковной. Авторъ воспоминаній очень живо рисуетъ намъ, какъ еще въ то время, послѣ 8 лѣтъ солдатчины и перенесенныхъ испытаній, личность Полежаева оставалась обаятельной по своей духовной силѣ. Даже маленькій братъ г-жи Бибиковой былъ пораженъ „орлинымъ взглядомъ“ поэта, который вовсе не былъ похожъ на солдата. 16-ти-лѣтняя дѣвушка быстро сдружилась съ Полежаевымъ и произвела на него сильное впечатлѣніе, которое вылилось въ рядѣ стихотвореній (въ томъ числѣ и „Черные глаза“). Но зародившееся чувство должно было прерваться въ самомъ началѣ: между Полежаевымъ и молодой дѣвушкой стояло не только его положеніе, но и бурно проведенная жизнь, его пристрастіе къ вину... Родные г-жи Бибиковой испугались возникавшихъ отношеній и быстро разорвали ихъ. Послѣ наставшаго-было просвѣтленія, подъ вліяніемъ чувства любви, поэтъ опять ринулся въ бездну, его увлекавшую... „На его закатъ печальный“—по

Digitized by Google

выраженію Пушкина—„блеснула любовь улыбкою прощальной“, но именно только блеснула мимолетно, и Полежаевъ остался въ прежней тьмѣ, въ прежнемъ одиночествѣ. Онъ изливалъ въ это время свои чувства въ такихъ стихахъ отчаянія:

О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!
Я понялъ, понялъ жизни адъ,
Мнѣ сердце высосали змѣи!..
Смотрю на жизнь какъ на позоръ—
Пора разстаться съ своенравной
И произнесть ей приговоръ—
Послѣдній, страшный и безславный!
Что въ ней?.. Зачѣмъ я на землѣ
Влачу убійственное бремя?..
Скорѣе въ прахъ!..

IV.

Въ это время въ Москвѣ у Полежаева были нѣкоторыя знакомства, извѣстныя литературныя связи. Онъ былъ очень друженъ съ Лозовскимъ, которому посвятилъ нѣсколько задушевныхъ стихотвореній. Къ этому времени относится и непродолжительное знакомство съ Герценомъ. Полежаевъ встрѣчался также съ Бѣлинскимъ, съ Галаховымъ. Но подневольная жизнь солдата изъ „политическихъ преступниковъ“ мало давала возможности бывать въ знакомыхъ кружкахъ. Потерявъ всякую надежду на измѣненіе своей судьбы, Полежаевъ все болѣе пилъ, для того, чтобы забыться. Герценъ говоритъ про это и прибавляетъ: у него „есть жестокое стихотвореніе его „Къ сивухѣ“. До насъ это стихотвореніе не дошло. Извѣстенъ только одинъ отрывокъ, который, какъ предполагаютъ, относится къ его концу:

Когда ужъ въ вѣчность преселюся,
Иль въ рай, иль въ адъ, мнѣ все равно,
Гдѣ-бъ ни былъ я,—вездѣ напьюся.
Коль въ адѣ жъ выпито вино,—
Зефиры, вы быстрѣй летите
Къ моей отчизнѣ дорогой
И изъ питейныхъ принесите
Мнѣ штофъ съ сивухою простой!

Организмъ Полежаева былъ совершенно расшатанъ. Онъ впалъ въ чахотку, о чемъ и писалъ въ своихъ послѣднихъ предсмертныхъ стихахъ, посвященныхъ Лозовскому:

Digitized by Google

Но горе мнѣ съ другой находкой:
Я ознакомился съ чахоткой,
И въ ней, какъ кажется, сгнію!
Тяжелой мраморною плитой
Со всей анаѳемскою свитой—
Удушьемъ, кашлемъ,—какъ змѣя,
Впилась, проклятая, въ меня;
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ,
И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ...
. . . . . .
...Чахотка роковая
Въ глаза мнѣ пристально глядитъ
И, блѣдный ликъ свой искажая,
Мнѣ, слышу, хрипло говоритъ:
„Мой милый другъ, бутылькымъ звономъ
Ты звалъ давно меня къ себѣ;
Итакъ, являюсь я съ поклономъ,
Дай уголокъ твоей рабѣ!
Мы заживемъ съ тобой не скучно,
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утѣшать“...

Это стихотвореніе писано за нѣсколько дней до смерти. Полежаевъ скончался 16 января 1838 г., въ военномъ госпиталѣ. Между тѣмъ, 27 декабря 1837 г., Полежаевъ былъ произведенъ, наконецъ, въ прапорщики. Пришло освобожденіе, но уже слишкомъ поздно. Если Полежаевъ и узналъ о своемъ производствѣ, то уже незадолго до смерти. Во всякомъ случаѣ, офицерскій мундиръ былъ надѣтъ на него только для похоронъ, а затѣмъ и на его портретѣ, прилагавшемся къ его сочиненіямъ, велѣно было пририсовывать офицерскіе погоны.

V.

Поэтическое достоинство произведеній Полежаева было оцѣнено еще современниками. Еще Полевой писалъ въ своемъ журналѣ („М. Т.“ 1832): „Среди пустыхъ, бездушныхъ произведеній современнаго стихотворства, отрадно встрѣтить цѣлый томъ стихотвореній, внушенныхъ чувствомъ истиннымъ, неподдѣльнымъ, незаимствованнымъ“... Позднѣе, Бѣлинскій далъ полную оцѣнку

Digitized by Google

Полежаева: „Отличительную черту характера и особенность поэзіи Полежаева, — пишетъ Бѣлинскій, — составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта".

Произведенія Полежаева, конечно, очень неровны по своимъ достоинствамъ, что и не могло быть иначе,—вспомнимъ только, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ они писались. Но среди слабыхъ и неясныхъ стиховъ и пьесъ попадаются мѣста и цѣлыя стихотворенія, поражающія энергіей выраженія, поэтической красотой и силой. Въ своихъ стихахъ Полежаевъ изливалъ не одну личную тоску, — онъ наблюдалъ общія явленія, и въ его произведеніяхъ всегда слышится протестъ, чего не могли современные ему читатели особенно цѣнить въ немъ, да и критика того времени, конечно, прямо этого не могла отмѣчать. Несомнѣнно, что судьбу Полежаева быстро могли улучшить какія-нибудь патріотическія посланія или оды,—но онъ не писалъ ихъ. Г-жа Бибикова разсказываетъ, что ея отецъ уговаривалъ поэта къ одному стихотворенію прибавить „что-нибудь въ родѣ просьбы о прощеніи",—но Полежаевъ отказался: „я противъ царя ни въ чемъ не виноватъ, просить прощенія не въ чемъ". Полежаевъ до конца оставался въ своихъ произведеніяхъ—„недвижимъ и смѣлъ".

Говоря о поэзіи Полежаева, Бѣлинскій, правда, не могъ не затронуть и біографіи поэта, и далъ объ его жизни такой отзывъ: „Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ право обвинять въ своей гибели". Быть можетъ, этотъ строгій приговоръ объясняется отчасти посторонними соображеніями. Противъ него возсталъ еще Добролюбовъ, при разборѣ сочиненій Полежаева, изданныхъ въ 1857 г. Въ томъ же смыслѣ высказался Котляревскій, по поводу изданія 1859 г.

Въ недавно появившихся запискахъ С. М. Соловьева скорбное впечатлѣніе производитъ коротенькая фраза о попечительствѣ Голохвастова: онъ „сообразно своему характеру" хотѣлъ „строгостями, отдачею студентовъ въ солдаты", достигнуть исправленія студенческихъ нравовъ, чего гр. Строгоновъ достигъ просто вліяніемъ своей личности... Надо лишь прибавить, что „отдача студентовъ въ солдаты" была согласна не только съ характеромъ Голохвастова, но и съ характеромъ и направленіемъ самой эпохи... Въ то время многимъ пришлось пострадать, „сообразно съ характеромъ" начальниковъ, полно отражавшихъ въ себѣ ха-

Digitized by Google

рактеръ времени. И гибли подобные „исправляемые“, гибли „въ цвѣтѣ надежды и силъ“, дѣлались физическими и нравственными калѣками. Скорбная судьба этихъ неудачниковъ тонула почти безслѣдно во всей обстановкѣ того времени, и только выдающіеся таланты Полежаева или Шевченка передали намъ въ живыхъ стихахъ ихъ „печальную повѣсть“.

В. Е. Якушкинъ.

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ КАЛОШКИНЪ

РАЗСКАЗЪ.

Лѣто 18... года я проводилъ въ городѣ. Я не уѣхалъ во время всеобщаго великаго переселенія народовъ, повторяющагося ежегодно въ половинѣ мая; въ началѣ весны работа помѣшала мнѣ позаботиться заблаговременно о дачѣ, а потомъ, когда всѣ доктора, которые могли бы направить меня куда-нибудь на „теплыя воды", сами всѣ стали разъѣзжаться, не снабдивъ меня ни единымъ адресомъ какой-либо новѣйшей Виѳезды,—а искать дачу по близости было уже поздно,—тогда и мнѣ самому, какъ говорятъ дѣти, „расхотѣлось". Да и почему не провести хоть одно лѣто въ Петербургѣ? Что въ этомъ ужаснаго? Да, слышу неизмѣнныя, у всякаго порядочнаго петербуржца на такой случай заранѣе заготовленныя, фразы о перестройкахъ, мостовыхъ, известкѣ и краскѣ. Слышу также идиллическія восхваленія чистоты деревенскаго или даже новодеревенскаго воздуха; диссертаціи о пользѣ парного молока и благодѣтельныхъ прогулкахъ въ сосновомъ лѣсу... Что можетъ быть хуже общихъ мѣстъ?! Или что можно сказать о чистотѣ и „благорастворенiи воздуховъ" лѣтомъ въ Парижѣ или даже Дрезденѣ? Сомнѣваюсь, однако, чтобъ занятые люди, какъ я, бывали тамъ не лѣтомъ, чтобъ они не испытали хоть разъ прелести прогулокъ по раскисшему отъ жары парижскому асфальту, чтобы имъ показался особенно благоуханнымъ воздухъ дрезденскихъ улицъ въ лѣтніе вечера, или чтобы они не проклинали десятки разъ глупаго лондонскаго *сѝзона*, заставляющаго всѣхъ ихъ „благородныхъ друзей" не только не бѣжать изъ лондонскаго пѣкла въ іюнѣ,

Digitized by Google

но, наоборотъ, почитать за признакъ явнаго мѣщанства или по меньшей мѣрѣ совершенной некорректности даже мимолетную мечту объ удаленіи изъ раскаленныхъ стѣнъ Лондона въ эту пору года. Итакъ, всѣ жарятся — и часто съ величайшимъ удовольствіемъ—въ Парижѣ, Лондонѣ и Дрезденѣ. Я рѣшилъ жариться въ Петербургѣ. И потомъ, вѣдь это же рѣдкость—жара въ Петербургѣ! Какъ не испытать хоть разъ нѣчто необыкновенное, нѣчто столь же краткое и скоро-преходящее, какъ счастье, какъ иллюзіи юности.

Какъ бы то ни было, а лѣто 18... года я проводилъ въ Петербургѣ, а проводя его тутъ, вовсе не почиталъ себя особенно несчастнымъ. Жилъ я тогда въ одной изъ сравнительно тихихъ улицъ, но тѣмъ не менѣе долженъ сознаться, что иногда отворять окна на улицу днемъ было почти невозможно. Я и не позволялъ себѣ ихъ отворять, или развѣ что утромъ, часовъ въ 6—7, когда воздухъ отличается еще нѣкоторой свѣжестью и невинностью. Шторы оставались спущенными почти весь день, и такимъ образомъ я достигалъ того, что температура въ комнатахъ была самая умѣренная,—много умѣреннѣе, чѣмъ на улицѣ. Я даже работалъ иногда весь день безъ особеннаго утомленія, а изъ дому выходилъ лишь послѣ обѣда, отправлялся подышать „озономъ“ на набережной или на Островахъ, причемъ тщательно обходилъ разныя Ливадіи и Аркадіи. По моему, едва ли не первой причиной для бѣгства изъ Петербурга лѣтомъ является почти совершенная невозможность для петербуржца, обреченнаго на сидѣнье въ городѣ, уберечься отъ посѣщенія этихъ неизбѣжныхъ „увеселительныхъ“ мѣстъ. По крайней мѣрѣ, я лично, предпочитаю сидѣть у себя въ четырехъ стѣнахъ и смотрѣть въ окно, какъ дворниковы дѣти играютъ въ бабки на дворѣ, чѣмъ лицезрѣть „игру“ болѣе или менѣе престарѣлыхъ и болѣе или менѣе раздѣтыхъ дщерей Парижа, Нью-Іорка и Кенигсберга.

И такъ очень часто, по вечерамъ, я и сидѣлъ у раскрытаго окна столовой, читалъ газету или просто смотрѣлъ на уличныхъ дѣтей. Иногда дѣти играли въ бабки. Дворникъ Михайло, устроивъ себѣ подъ окнами своей каморки нѣчто въ родѣ маркизы изъ старой простыни на четырехъ шестахъ, распивалъ чай вмѣстѣ со своей почтенной, необыкновенно-добродушной и необыкновенно-дородной супругой Анной Ильинишной. Немногочисленныя кухарки, остававшіяся въ городѣ при квартирахъ, и разныя тусклыя личности, занимавшіяся стороженіемъ квартиръ, гдѣ кухарокъ не было, тоже пользовались вечерней прохладой. Однѣ приходили покалякать съ дворничихой, приносили свои

Digitized by Google

чайники и малиновое варенье, выносили стулья и табуретки и пристраивались около стола Анны Ильинишны. Другія, сидя или лежа на раскрытыхъ окнахъ, принимали участіе въ часто завязывавшихся общихъ бесѣдахъ и выкрикивали свои сентенціи или отдѣльныя замѣчанія. Повидимому, всѣ были знакомы между собою и отлично посвящены во всѣ взаимныя отношенія и особенности характеры каждаго изъ жильцовъ нашего дома, какъ остававшихся въ городѣ, такъ и уѣхавшихъ на дачи. Я вскорѣ тоже узналъ, что кухарку генерала Охросимова, Матрену, всѣ уважаютъ, какъ женщину строгую и солидную, и наоборотъ, надъ моей Ѳеклой всѣ постоянно подсмѣиваются, какъ надъ простоватой, вѣчно безтолково-суетящейся и вѣчно-растерянной бабенкой. Я узналъ, что деньщика полковника Мухина, Алексѣя, всѣ дразнятъ, что онъ засматривается на какую-то Марью Петровну; что у хозяйки находившихся подъ моей квартирой меблированныхъ комнатъ бель-этажа, Софьи Игнатьевны, которую всѣ почему-то называли то „часовщицей“, то „министромъ“,—всѣмъ хозяйствомъ завѣдуетъ бойкая, препротивная чухоночка Густава, весьма сомнительнаго поведенія; вмѣстѣ съ Хильдой, уже совершенно-несомнѣнной особой, она обкрадываетъ свою хозяйку, но та не обращаетъ на это никакого вниманія, а вотъ хозяйка меблированныхъ комнатъ третьяго этажа, какая-то Катерина Ѳедоровна, считаетъ всякую копѣйку и держитъ только одну прислугу—„по бѣдности“, какъ замѣтила Анна Ильинишна.

Эти меблированныя комнаты третьяго этажа приходились какъ разъ противъ моихъ оконъ, и часто по вечерамъ я слышалъ, какъ оттуда неслись звуки музыки, но вовсе не музыки, такъ сказать, приличествующей меблированнымъ комнатамъ, въ родѣ „Конфетки леденистой“ или „Марша Буланже“. Нѣтъ, это была настоящая, хорошая музыка, — все сочиненія тѣхъ авторовъ, что̀ исполняются развѣ что̀ въ симфоническихъ концертахъ, или даже такихъ, что̀ и тамъ, къ сожалѣнію, рѣдко исполняются. Играли тоже превосходно. Игралъ несомнѣнно мужчина. Недолюбливаю я дамскую игру,—ужъ не говорю о любительницахъ, терзающихъ наши уши въ гостиныхъ, но для меня даже всѣ лауреатки и знаменитости, подвизающіяся и въ Дворянскомъ Собраніи, и въ Кредитномъ Обществѣ, кромѣ развѣ двухъ-трехъ, сливаются въ какой-то одинъ общій типъ безцвѣтности, посредственности и подражательности. Музыкантъ, жившій противъ меня, очевидно, не былъ знаменитостью. Но также очевидно и то, что онъ былъ настоящій музыкантъ. Техника была у него поразительная, и трудностей для него, кажется, не существовало. По крайней мѣрѣ до меня доносились

Digitized by Google

отрывки и „Симфоническихъ этюдовъ“ Шумана, и „Feuerzauber“ въ переложеніи Брассена, и труднѣйшихъ вещей Рубинштейна, и Токкатъ Баха. Играли цѣлыми часами, цѣлыми вечерами. Иногда я уставалъ слушать, запиралъ окно и уходилъ спать или вновь писать въ кабинетъ, а музыкантъ все игралъ да игралъ.

— Ишь ты какъ накатываетъ нашъ музыкантщикъ-то!—говорилъ не разъ Михайло, кивая головой на окна третьяго этажа. —Пожарному оркестру не угнаться. Такъ и жаритъ. Поди-жъ, тоже сила нужна.

— А что-жъ вы думаете? въ ёмъ силы мало?—переспросилъ Михайлу Алексѣй, деньщикъ полковника Мухина, молодой, плотный, курносый и черноглазый малый, всегда веселый и въ то же время степенный, видимо выросшій въ достаточной, истовой крестьянской семьѣ. Онъ пользовался уваженіемъ и симпатіями всего двора.—Коли бъ его да вамъ въ подручные,—вамъ и дворниковъ больше не надо—всѣ бы дрова одинъ перетаскалъ.

Всѣ гости Михайлы захохотали.

— И чего это онъ такъ играетъ? Чудно даже. Вѣдь ему никто не платитъ за это. Аль онъ гдѣ за деньги играетъ?—спросила моя Ѳекла.

— Вы думаете, въ родѣ какъ бы въ театрѣ, или въ концертѣ?—спокойно переспросила Анна Ильинишна.—Нѣтъ, они въ министерствѣ служатъ, въ чиновникахъ, бумаги пишутъ. А музыка—это у нихъ какъ бы вотъ у насъ съ вами малина—для удовольствія.

— Вотъ такъ малина! Ловко!—сказалъ Алексѣй. — Иной разъ съ его малины и не заснешь. Такъ вотъ и выстукиваетъ надъ самой головой, и спокою нѣтъ отъ его.

Всѣ опять засмѣялись...

— Кто это у насъ въ домѣ—музыкантъ живетъ, чиновникъ, говорятъ?—спросилъ я на другой день швейцара Аѳанасья, возвращаясь домой.

— Музыкантъ? — повторилъ швейцаръ вопросительно.—Да, это такъ; не совсѣмъ настоящій господинъ, а такъ, въ родѣ какъ бы... Чиновникъ онъ, въ министерствѣ служитъ... Комнаты тутъ у насъ одна вдова содержитъ, Калошкина,—слышали можетъ быть? Такъ онъ ейный сынъ... Такъ себѣ—чиновникъ, просто неособенный. Ну, а ужъ играетъ—это правда, что очень бойко... Ну да и вообще очень бойкій...—Швейцаръ замялся.

— А что?—спросилъ я.

— Такъ-съ, ничего-съ. Очень господинъ куражный, впрочемъ онъ не вполнѣ господинъ, а въ родѣ какъ бы...—повторилъ опять швейцаръ. Онъ видимо не хотѣлъ продолжать разговора на эту

Digitized by Google

тэму и поспѣшилъ перевести его на то, что управляющій безпокоится, какъ быть насчетъ ремонта, „потому какъ вы не изволите на дачу съѣзжать, а начинать ремонтъ—теперь самое время". Я успокоилъ его, обѣщавъ „подумать" и „устроить это какънибудь".

Въ тотъ годъ весна была необыкновенно дружная и ранняя. Весь апрѣль и начало мая стояли жары, и Петербургъ опустѣлъ ранѣе обыкновеннаго. Какъ-то разъ около половины мая я возвращался вечеромъ домой по улицамъ уже опустѣлымъ и затихшимъ, мимо сонныхъ домовъ, у воротъ которыхъ тамъ и сямъ сидѣли дворничихи съ дѣтьми, лавочники и остающіеся при квартирахъ лакеи и кухарки, и всѣ они мирно калякали между собою. Подходя къ своему дому, я увидѣлъ около него цѣлую толпу. Чуть-что не все дворовое населеніе высыпало къ воротамъ и толпилось на троттуарѣ передъ подъѣздомъ. Хозяинъ портерной съ подручнымъ тоже стояли у дверей своего заведенія, принимая видимое участіе въ происходившихъ разговорахъ. Лавочный мальчишка, какъ крышкой накрытый пустой корзиной, поваренокъ изъ сосѣдней кондитерской и разносчикъ съ лоткомъ апельсинъ толкались тутъ же. Очевидно,—что-то случилось, ибо, проталкиваясь къ подъѣзду, я замѣтилъ и блюстителя порядка съ сосѣдняго угла, городового, котораго я зналъ въ лицо.

— Что у васъ тутъ?—спросилъ я швейцара, который какъ-то смущенно бросился отворять мнѣ дверь. Впрочемъ, мнѣ показалось, что и на всѣхъ остальныхъ лицахъ виднѣлось не то смущеніе, не то нерѣшительность.

— Да такъ-съ. Ничего-съ. Не извольте безпокоиться... Необразованность одна...—отвѣтилъ швейцаръ и поспѣшилъ прибавить: —Къ вамъ тамъ письмо есть, я наверхъ снесъ, пожалуйте-съ.

Мнѣ показалось, что онъ точно хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ меня, что называется, сплавить меня. Но я остановился въ подъѣздѣ.

— Но почему тутъ всѣ стоятъ? И городовой тутъ,—сказалъ я.

— Да городовой-то ни при чемъ-съ. Онъ только такъ-съ...

— Вотъ то-то „только такъ-съ"...—послышался негодующій голосъ изъ толпы. Это говорила кухарка Охросимова,—я тотчасъ узналъ ее.—Городовой ни при чемъ! — продолжала она:—а коли *онъ* совсѣмъ ее прикончитъ, вотъ тогда при чемъ будетъ? Тогда небось придетъ протоколъ составлять, анъ поздно будетъ... Тоже, порядки!

Digitized by Google

— Да вы потише, Матрена Павловна, потому какъ я при исполненіи своихъ обязанностей,—вставилъ-было городовой.

— Ну да, обязанности!..—возразила Матрена съ негодованіемъ.—Ужъ коли по правдѣ говорить, такъ всѣ мы тутъ небось обязаны злодѣю этому руки-то скрутить, а вотъ всѣ стоимъ, и никто ни съ мѣста! Да и вы тоже.

— Потому не моги, по закону,—сказалъ портерщикъ, очевидно, хорошо знакомый съ „закономъ“ и полицейскими правилами.—Сказано: „смотрѣть за нарушеніемъ тишины и порядка въ общественныхъ мѣстахъ“. А какое же тутъ нарушеніе, когда въ домашней квартирѣ мужъ жену поучитъ?

— А какъ же не нарушеніе?—бойко спросила Густава:—коли она на весь дворъ кричитъ?

— А вы, мамзель, тоже небось кричите, когда вамъ студентъ за комнату не платитъ; мы на дворѣ слышали, какъ согнать его грозились, а вѣдь васъ за это въ полицію не забирали?—извительно сказалъ портерщикъ.

— Ну, васъ! мужики!—огрызнулась Густава и шмыгнула во дворъ.

— То-то, мужики!—сказалъ портерщикъ.—Кабы вашу сестру не учить, такъ и проку не будетъ.

— Ну нѣтъ, Иванъ Митричъ,—замѣтилъ очень мягко и вѣжливо городовой:—это тоже не модель, коли всѣ своихъ женъ бить зачнутъ. Этого теперь тоже допустить нельзя, потому какъ здѣсь не деревня, а столица... столичный тоже и порядокъ быть долженъ.

— Нечего сказать! Столичный!—подхватилъ Алексѣй:—это только въ томъ столица, что онъ руки себѣ на фортепьянахъ наломаетъ, а потомъ по ей фортепьянить учнетъ. А то вовсе даже по-деревенски! Это и у насъ въ деревнѣ теперь бабъ этакъ не бьютъ.

— Что это онъ говоритъ?—неужто это вашъ чиновникъ жену бьетъ?—съ ужасомъ спросилъ я швейцара.

Наступило всеобщее молчаніе. Потомъ Матрена, собравшаясь было уже уходить, вдругъ протискалась ко мнѣ и съ жаромъ и негодованіемъ заговорила.—Вотъ вы, господинъ, хоть скажите, что-жъ это за порядки, коли онъ ее чуть до смерти не убилъ... Она теперь у Анны Ильинишны лежитъ, а полиція не можетъ вмѣшаться. Я за городовымъ, а городовой—вонъ онъ, у воротъ стоитъ, а къ нему ни-ни! А онъ-то, извергъ, и въ усъ не дуетъ! Знай себѣ на рояли накаливаетъ, точно и не онъ!..

Въ эту минуту я дѣйствительно, къ величайшему своему изум-

Digitized by Google

ленію, услышалъ явственно доносившіеся черезъ весь дворъ, изъ раскрытыхъ оконъ третьяго этажа, торжественные звуки „Венгерскаго марша“.

— Это точно, ваше-скородіе, что я такъ-сказать не могу,— говорилъ мнѣ тѣмъ временемъ городовой:—потому какъ дѣло было въ частной квартирѣ, и жалобы отъ пострадавшей не заявлено...

— Ну куды ей заявлять?!—сказалъ со спокойнымъ укоромъ Михайло-дворникъ.—И не заявитъ никогда. Помретъ, да молчать будетъ.

— Вотъ то-то и есть!—точно оправдываясь, поспѣшилъ подтвердить городовой.—Мы за нимъ наблюденіе имѣть будемъ, а въ квартиру войти не можемъ. А теперь—наше почтеніе, должны къ своему посту идти.—И, повернувшись по военному, онъ служебнымъ шагомъ пошелъ прочь.

— Да вѣдь онъ ее отъ самаго отъ угла волокъ!—крикнулъ ему въ догонку Алексѣй. — Я изъ портерной выхожу,—заговорилъ онъ, обращаясь не то ко мнѣ, не то повторяя всѣмъ то, что очевидно уже не разъ успѣлъ разсказать, такъ какъ говорилъ скороговоркой и почти безъ интонацій:—я изъ портерной выхожу—меня баринъ за пивомъ послалъ,—выхожу, а это они мимо меня вихремъ пробѣгли; онъ это бѣжитъ и ее тащитъ... вихремъ...

— Потому и тащитъ, что жена должна при мужѣ быть, а не по улицамъ гулять,—сказалъ вдругъ подлѣ меня непріятный голосъ, грубый и сиплый, съ акцентомъ, выдававшимъ госпожу, прибывшую, очевидно, изъ западныхъ губерній.—Я обернулся и увидѣлъ довольно высокую, одѣтую съ претензіями на нарядность, женщину съ непріятными темными глазами, отталкивающимъ выраженіемъ поджатаго, несвѣжаго рта, и съ желтымъ злымъ лицомъ, обрамленнымъ взбитою какъ войлокъ грязно-каштановой челкой.

— Порадочная жена дома сидитъ, а не по улицамъ гуляетъ,—повторила эта высокая женщина.

— „Порадочная“,—передразнилъ ее Алексѣй:—тоже сказала! Фью!—онъ даже засвисталъ и пошелъ къ воротамъ, но, дойдя до нихъ вдругъ остановился.—Гдѣ-то ты сама гуляла?!—вдругъ крикнулъ онъ и убѣжалъ.

Въ толпѣ послышалось довольно громкое хихиканье.

— Ахъ ты негодяй, ахъ ты!..—вся зеленѣя, зашипѣла высокая женщина.—Да я твоему барину пожалуюсь... мой мужъ тоже офицеръ былъ, я благородная вдова... ахъ ты песъ этакій!—

Digitized by Google

и она быстро направилась къ своей лѣстницѣ. Недостаточно быстро однако для того, чтобы до нея не донеслось грубо сказанное ей въ догонку Матреной: „Много у те мужей-то, поди, было, министерша-а"!

Всѣ стали расходиться.

— Пойти поглядѣть, что̀ съ той-то,—проговорилъ Михайло и направился къ дворницкой. И опять я увидѣлъ смущенное выраженіе на его лицѣ. Я не утерпѣлъ и пошелъ за нимъ.

— Эта женщина у васъ?—спросилъ я его.

— У Анны Ильинишны,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Что съ ней?

— Да что̀—знамо, реветъ...—неохотно отвѣчалъ онъ и пошелъ.

Сумерки уже сгущались, и въ дворницкой, куда я вошелъ вслѣдъ за Михайлой, была полутьма. Въ первую минуту я не могъ даже разглядѣть находившихся въ комнатѣ, тѣмъ болѣе, что сидѣвшая передъ маленькимъ окошечкомъ толстая Анна Ильинишна окончательно заслонила собою блѣдный свѣтъ, падавшій со двора. Только когда сидѣвшій рядомъ съ Анной у стола человѣкъ всталъ, я догадался по фигурѣ, что это былъ Алексѣй, пробравшійся раньше насъ въ дворницкую.

— Ты бы зажгла огонь: тьма у насъ,—проговорилъ хмуро Михайло.—Вонъ баринъ пришелъ.

— Зажечь, что-ли?—повторила Анна Ильинишна.—Да, вотъ, чтобъ имъ-то не хуже...

Она однако зажгла маленькую лампочку. Тогда я увидѣлъ на сундукѣ около дверей съёжившуюся комочкомъ, забившуюся въ самый уголъ, неподвижную маленькую фигурку. Еслибъ не тяжелое не то дыханіе, не то всхлипыванье, вырывавшееся изъ-подъ рукъ, судорожно зажимавшихъ глаза и уши этой женщины, точно она собиралась нырять, можно было бы подумать, что она умерла. Она была одѣта въ лѣтнее сѣрое полосатое платье и темную кофточку; черная простая шляпка съ крылышками съѣхала на затылокъ, открывая мягкіе бѣлокурые, растрепавшіеся волосы. Лица я разглядѣть не могъ. Несмотря на видимый безпорядокъ ея одежды и прически, во всей этой фигуркѣ было что-то дѣвически-милое и граціозное.

— Марья Петровна, а Марья Петровна!—заговорила дворничиха, подходя къ ней и тихонько трогая ее за плечо.—Полноте убиваться, полноте, голубушка-барыня! Мало ли чего нашей сестрѣ терпѣть приходится... Можетъ, это они любя... Сердце у

Digitized by Google

нихъ такое... Я вамъ чайку заварю... Или водицы выпейте... Что глазки-то себѣ изъ-за ихъ портить! А? Марья Петровна!

Маленькая фигурка оставалась неподвижной, и только всхлипыванье стало слышнѣе.

— Ну, не убивайтесь! Ну, вотъ баринъ пришелъ... который сочинитель... Знаете, я вамъ говорила, что вотъ бы вамъ ихъ къ себѣ въ жильцы взять, пока у нихъ ремонтъ будетъ, и Катеринѣ Ѳедоровнѣ лучше, что комнаты не пустуютъ, и имъ удобнѣе... А можетъ, они и вамъ посовѣтуютъ что... какъ на барина управу найти... Вы бы поговорили съ ними!..

Молодая женщина разомъ вскочила.—Оставьте, оставьте меня въ покоѣ! Никого мнѣ не надо... Не говорите вздора!.. Никакой мнѣ управы не надо... Я испугалась... Да, испугалась, оттого и плакала... На меня собака бросилась, оттого и истерика сдѣлалась... Благодарю васъ, Анна Ильинишна, а только мнѣ ничего не надо!—говорила она, быстро и лихорадочно оправляя волосы, шляпу и кофточку.—Прощайте!—и она быстро вышла въ дверь. Фигура ея была очень стройна, почти черезъ-чуръ тонка, глаза ея—заплаканы, а все лицо—распухшее и покраснѣвшее, такъ что я не могъ разобрать, хороша она или дурна.

— Вишь ты!—не то съ изумленіемъ, не то съ почтеніемъ произнесъ Михайло.—„Собака напугала“... Чего жъ это она такъ? Али его выгородить? Аль передъ бариномъ совѣстно? Вотъ ты тутъ и помогай какъ знаешь!..—Михайло почесалъ затылокъ и сѣлъ на лавку подъ образа.—Ну, Анна, ужинать собирай!—приказалъ онъ коротко.

— Хоть вы заступитесь за нее, баринъ!—сказала мнѣ сердобольная Анна Ильинишна.—Поѣдомъ ее ѣдятъ. И такая она жалкая, такая-то тихая! А и помочь ничѣмъ нельзя.

— Да, и нельзя! И наше дѣло сторона. И нѣчего тебѣ мѣшаться,—промолвилъ сердито Михайло, хотя, очевидно, досада его происходила именно оттого, что никакъ нельзя было помочь Марьѣ Петровнѣ.

— Помочь нельзя, а ровно бы какъ мы всѣ въ отвѣтѣ!—задумчиво произнесъ Алексѣй и, не прощаясь, а лишь приложившись къ фуражкѣ, вышелъ изъ дворницкой.

Мнѣ слѣдовало также уйти, но я начиналъ испытывать то же самое чувство, отраженіе котораго я видѣлъ на всѣхъ лицахъ у подъѣзда и тутъ въ дворницкой: не то виноватости, не то неловкости. Я сознавалъ, что тутъ, подъ бокомъ у меня происходитъ какая-то семейная драма, что-то загадочное и ужасное, а я остаюсь равнодушнымъ, постороннимъ зрителемъ. И изъ потреб-

Digitized by Google

ности стряхнуть съ себя эту безучастность, выйти изъ этого равнодушія, „сдѣлать“ что-нибудь, я сталъ тотчасъ допрашивать Михайлу, кто такая эта Катерина Ѳедоровна, когда можно посмотрѣть у нея комнаты, и т. д., и т. д. Я не зналъ еще, что я буду дѣлать, но у меня, очевидно, уже слагался какой-то безсознательный планъ дѣйствій въ головѣ.

Анна Ильинишна тотчасъ за мужа объяснила мнѣ, что у Катерины Ѳедоровны стоятъ пустыми двѣ комнаты, ибо ея жильцы, офицеры, уѣхали на съёмки, и что мнѣ будетъ „въ самый разъ“ хоть на три недѣли переселиться въ эти комнаты, и что, коли мнѣ угодно, такъ она завтра же сбѣгаетъ и скажетъ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, а послѣ я самъ могу зайти посмотрѣть.

Допросивъ хорошенько Михайлу относительно величины и цѣны комнатъ, сдаваемыхъ Катериной Ѳедоровной, я приказалъ ему завтра же заявить управляющему о томъ, что я на мѣсяцъ освобождаю квартиру, и ушелъ домой. А на другой день, объявивъ своей Ѳеклѣ, что я на мѣсяцъ отпускаю ее въ деревню, о чемъ она меня давно просила, я уже звонилъ часовъ въ 11 утра у дверей, на которыхъ значилось: „Катерина Ѳедоровна Калошкина. Меблированныя комнаты“.

Отворившая мнѣ двери весьма непрезентабельная и растрепанная кухарка ввела меня въ маленькую комнату, вѣроятно гостиную, судя по дивану и круглому столу передъ нимъ, и ушла. Обстановка была самая сѣрая и вульгарная: невзрачная, неуклюжая мебель, обитая коричневатой пеньковой матеріей, вязаныя салфеточки на столахъ, гарусная канарейка на ламповомъ колпачкѣ, преміи „Нивы“ на стѣнахъ, на верхней полкѣ этажерки—безобразное подобіе какого-то букета подъ стекляннымъ колпакомъ. Но тутъ же стоялъ большой Бехштейновскій рояль, прекрасныя растенія у оконъ, и на всемъ лежалъ отпечатокъ щепетильной чистоты и порядка.

Повидимому, дѣвушка не нашла нужнымъ доложить о моемъ приходѣ, или на ея докладъ не обратили вниманія, ибо громкій разговоръ, раздававшійся за стѣной, не смолкъ при моемъ приходѣ, и вскорѣ до моихъ ушей стали доноситься такія выраженія и цѣлыя фразы, что мнѣ слѣдовало изъ деликатности немедленно уйти, или немедленно же дать говорившимъ знать о моемъ присутствіи. Однако никакой, обязательный въ такихъ случаяхъ, кашель или постукиванье по столу, очевидно, не могли быть услышаны говорившими. Впрочемъ, я пришелъ въ эту квартиру не въ качествѣ гостя, а именно и главнымъ образомъ въ

Digitized by Google

качествѣ наблюдателя, вотъ потому, поколебавшись нѣсколько секундъ и пересиливъ значительную и весьма понятную неловкость, я долженъ былъ прислушиваться къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ.

— И не скажу!—громко говорилъ мужской голосъ, очень звучный и скорѣе пріятный:—потому не скажу, что ты дура, и твои куриные мозги все равно ничего не поймутъ!

— Можетъ быть, у меня и куриные мозги,—отвѣчала женскій голосъ очень спокойно.

— Не „можетъ быть", а навѣрное!

— Я говорю—можетъ быть, у меня и куриные мозги...—опять начала она.

— Не „можетъ быть", а навѣрное!

— Ну, хорошо, допустимъ, что у меня куриные мозги, но это еще не причина, чтобъ ты, когда хочешь сидѣть дома и по твоему жарко, заставлялъ и меня никуда не идти.

— Нѣтъ, причина!—Мужской голосъ выкрикивалъ всякое слово съ такой силой, точно находился на далекомъ разстояніи отъ своей собесѣдницы или же она была глуха. Но она продолжала отвѣчать очень спокойно и тихо.

— Какая же причина?

— А вотъ такая!

— Послушай, вѣдь ты вздоръ говоришь.

— Сама ты вздоръ говоришь... идіотка!

— Но что же я сказала?

— А вотъ то и сказала!

— Послушай, но вѣдь такъ маленькія дѣти дразнятся: „ты такой! ты самъ такой"; „что сказалъ? а вотъ то сказалъ". Ты ничего не говоришь толкомъ...

— Сама ты безтолковая. Чортъ тебя возьми совсѣмъ! У-у, бабы! Свяжешься—самъ не радъ!..

Мнѣ надоѣло слушать эту перебранку, и я двинулъ стуломъ довольно энергично.

— Тамъ кто-то пришелъ.

— Ну и пусть пришелъ! Мнѣ какое дѣло?!

— Что-жъ, тебѣ пріятно будетъ, если чужіе услышатъ, какъ ты на меня кричишь?

— А мнѣ плевать на чужихъ! Пусть слушаютъ! Я тебѣ дѣло говорю!..

Я опять двинулъ кресломъ, еще энергичнѣе.

— Постой! — сказала она и, открывъ дверь, вошла въ гостиную.

Digitized by Google

Теперь, при свѣтѣ дня и когда лицо ея не было заплакано, Марья Петровна оказалась просто хорошенькой: нѣжный овалъ лица, изящный профиль съ горбинкой, блѣдное, нервное лицо съ прелестными темно-сѣрыми глазами, золотистые волосы,—все въ ней было необыкновенно привлекательно.

— Что вамъ угодно?—спросила она спокойно и почти сухо.

— Мнѣ сказали, что у васъ комнаты отдаются.

— У насъ комнаты всѣ заняты.

— Мнѣ только на время, на мѣсяцъ, не болѣе. Мнѣ сказали, что у васъ временно есть свободныя комнаты... У меня ремонтъ и...

— Я скажу маменькѣ.

Марья Петровна вышла. Господинъ Калошкинъ не показывался. Вскорѣ Марья Петровна вернулась въ сопровожденіи толстой, низенькой женщины съ безцвѣтно-добродушнымъ лицомъ и темной наколкой на головѣ.

— Вы насчетъ комнатъ? А я только на лѣто могу сдать, не болѣе какъ до августа.

— Мнѣ даже и до августа не надо, мнѣ недѣль на пять, на мѣсяцъ.

— На мѣсяцъ могу. Пожалуйте посмотрѣть.

— Да я и смотрѣть не буду. Я знаю, что комнаты хороши, мнѣ дворникъ говорилъ, да къ тому же мнѣ и все равно. Вѣдь я только изъ-за ремонта моей квартиры,—я живу въ № 5...

— А-а! такъ вы господинъ Каренинъ.

— Да, я.

Катерина Ѳедоровна какъ-то не то подозрительно, не то недружелюбно, посмотрѣла на меня.

— Ну, чтожъ! пожалуй, переходите къ намъ. У насъ вамъ спокойно будетъ, жильцы все тихіе. Вотъ только какъ вы насчетъ музыки? Потому какъ сынъ мой артистъ... Ахъ, у него роскошный талантъ, роскошный! Онъ знаменитостью бы сдѣлался, еслибъ не интриги... Онъ консерваторію кончилъ!—прибавила она, понижая голосъ и такъ необычайно-таинственно, какъ еслибъ сообщала мнѣ, что сынъ ея поступилъ въ заговорщики, или слетѣлъ живымъ съ неба, а не родился, какъ простые смертные.—Да! ему профессоръ рояль подарилъ, вотъ этотъ самый! Онъ очень его поощрялъ, очень поощрялъ. „Изъ васъ, говоритъ, знаменитость выйдетъ, трудитесь, работайте“... Да ужъ гдѣ тутъ!—Катерина Ѳедоровна остановилась и помолчала нѣсколько секундъ!—Такъ вотъ онъ вечеромъ часто играетъ... Ну, можетъ быть, вамъ это непріятно будетъ. Одинъ тутъ жилецъ изъ-за этого

Digitized by Google

съѣхалъ, и комната цѣлый годъ пустовала. Но я лучше разорюсь, а сыну моему мѣшать не буду, потому что онъ артистъ, талантъ...

— Мнѣ музыка не помѣшаетъ. Я даже очень радъ послушать поближе игру вашего сына. Я слышалъ ее издали. Онъ прекрасно играетъ.

— Ахъ, ужъ и не говорите! Одинъ восторгъ! Роскошный талантъ!..

Есть слова, которыя по своей неизгладимой пошлости сразу опошляютъ человѣка, произносящаго ихъ. Слова: „одинъ восторгъ“ и прилагательное „роскошный“, часто употребляемое провинціалами и сѣрыми людьми средней руки въ соединеніи не съ существительными: „волосы“, „растительность“ и т. п., а съ самыми неподходящими названіями предметовъ и лицъ, въ родѣ: „роскошная женщина“, „роскошный талантъ“, — эти слова я просто не переваривaю. Они производятъ на меня то же впечатлѣніе, что запахъ затхлости, отвратительный прѣсный вкусъ или видъ грязно-безвкуснаго костюма. И госпожа Калошкина сразу сдѣлалась мнѣ противна. Однако, отступать было поздно, и я нанялъ комнату у Катерины Ѳедоровны. А къ вечеру слѣдующаго дня, съ помощью Ѳеклы и Михайлы, я и перебрался въ эти комнаты.

Онѣ находились въ концѣ корридора и довольно далеко отъ гостиной, такъ что, къ удивленію, мнѣ меньше была слышна музыка г. Калошкина, чѣмъ въ раскрытыя окна моей прежней квартиры. Вообще комнаты оказались покойными; у хозяевъ, кажется, тоже все было тихо, и я могъ, не нарушая своихъ привычекъ, писать цѣлыми днями, тѣмъ болѣе, что г. Калошкинъ вставалъ, какъ я скоро узналъ, поздно, поздно уходилъ на службу и игралъ почти всегда по вечерамъ. Иногда, отворивъ дверь въ корридоръ, я слушалъ игру г. Калошкина, при чемъ вскорѣ замѣтилъ одну особенность, не замѣченную мною, пока я урывками слушалъ его издалека: онъ почти никогда ни одной пьесы не игралъ съ начала до конца, а вѣчно начиналъ, съ удивительнымъ блескомъ и удивительнымъ терпѣніемъ проигрывалъ разъ 10—20 какой-нибудь труднѣйшій пассажъ, а затѣмъ бросалъ пьесу. Черезъ минуту принимался за другую, опять проигрывалъ пассажъ, и опять пьеса обрывалась, часто даже не начавшись, ибо всего чаще онъ игралъ изъ середины. Съ самимъ г. Калошкинымъ мнѣ въ первые дни не удалось познакомиться.

Марью Петровну я тоже почти не видѣлъ вначалѣ, даже въ корридорѣ я рѣдко встрѣчалъ ее, а въ тѣ рѣдкіе разы, что я

Digitized by Google

сталкивался съ нею, она видимо сторонилась отъ меня и взглядывала на меня сурово и съ видомъ, говорившимъ яснѣе всякихъ словъ: „Не вздумайте навязывать мнѣ своего участія! Я въ немъ не нуждаюсь“. Она всегда куда-то безшумно-спѣшила, то въ лавку, то изъ лавки, то просто хлопотала по дому. И я всякій разъ поражался страннымъ контрастомъ между этими мягкими движеніями, дѣвически-милымъ обликомъ ея—и суровымъ выраженіемъ глазъ, и отрывистой, нелюбезной рѣчью.

Однажды, когда я потребовалъ себѣ вечеромъ самоваръ, вдругъ, къ моему изумленію, его принесла не кухарка Дуняша, а сама Марья Петровна. Я даже вскочилъ съ мѣста.

— Марья Петровна! Что это вы безпокоитесь? Зачѣмъ вы сами?!

— Какое же безпокойство?—спросила она съ удивленіемъ.

— Да какъ же, вы сами самоваръ принесли?

— А что-жъ тутъ удивительнаго? Что я? барыня какая-нибудь важная?

Я смутился и ничего не отвѣтилъ. Дѣйствительно, кто была она такая? Мѣщаночка, невѣстка хозяйки меблированныхъ комнатъ, Катерины Ѳедоровны, говорившей: „роскошный талантъ“ и произносившей слово „профессоръ“ такъ, что слышалось „прохфессоръ“. Но сама Марья Петровна, въ оба короткіе раза, что я видѣлъ ее подольше, производила на меня впечатлѣніе такой „дамы“ или даже „барышни“ изъ порядочнаго круга, что я никакъ не могъ представить ее исполняющею какую-нибудь грубую работу или прислуживающею жильцамъ.

Марья Петровна смотрѣла на меня, улыбаясь, полу-насмѣшливо, полу-печально.

— А что? Развѣ похожа я на барыню?—вновь спросила она.

— Похожи!—съ убѣжденіемъ сказалъ я.

— Вотъ то-то и бѣда! Отъ воронъ отстала, къ павамъ не пристала,—сказала она съ очевидно-дѣланною вульгарностью и вышла изъ комнаты.

— Отчего вы вчера упомянули паву и ворону? — спросилъ я ее на другой день, когда она подала мнѣ присланную изъ редакціи корректуру.

— Оттого, что я ни то, ни сё. Ни барыня, ни мѣщанка, или и то и сё заразъ.—И она пошла-было къ двери.

— Да куда вы все торопитесь? Подождите минутку. Неужто у васъ нѣтъ свободной минутки, чтобъ поговорить?!

— У меня-то есть, но вамъ о чемъ же со мною говорить?

Digitized by Google

Да и мнѣ зачѣмъ? Какіе мы знакомые? Сегодня вы тутъ, завтра—прощайте!

— Отчего вы такъ думаете, Марья Петровна?

— Какъ отчего? Вы жилецъ, а я...—она замялась немного,—а я хозяйскаго сына жена,—докончила она почти иронически.—Вы господинъ важный, я вамъ не компанія.

Въ ея словахъ послышалась такая горечь, что я не выдержалъ и сталъ противорѣчить:

— Ну, что вы, Марья Петровна! Всѣ мы люди одинаковы, всѣ равны.

— Ну, нѣтъ!—сказала она твердо,—равны не всѣ. И если вы, напримѣръ, меня вотъ съ хозяйкой тѣхъ меблированныхъ комнатъ сравнивать будете, съ Софьей Игнатьевной, знаете, съ „часовщицей“,—она вдругъ стыдливо улыбнулась и покраснѣла, отчего сдѣлалась совсѣмъ уже хорошенькой,—тогда я просто обижусь.

— А что же Софья Игнатьевна такое?

— Что? — Марья Петровна смутилась. — Часовщица, министръ, — отвѣтила она и вдругъ засмѣялась лукаво и весело.

— Я все слышу „министръ“ да „часовщица“, а почему ее такъ всѣ называютъ—вѣдь у нея магазина нѣтъ?—не знаю.

— А видите что... только мнѣ неловко это говорить... ну, да все равно!—Марья Петровна заговорила теперь совсѣмъ другимъ тономъ, не такъ, какъ всегда: мягко, просто и довѣрчиво.—Видите, эта Софья такая... ну, продажная, ну и у нея пріятели разные, или, какъ маменька говоритъ,—покровители... И она такъ ловко устраиваетъ, что каждый думаетъ, будто онъ у нея одинъ... и будто она честная... „Я благородная вдова“, — вдругъ передразнила Марья Петровна голосъ и акцентъ этой госпожи, и такъ похоже, что я невольно разсмѣялся.—Ну, вотъ она и устроила такъ... Ужъ что она имъ наговариваетъ, не знаю, но только ни одинъ не бываетъ у нея въ разное время или неожиданно. Ужъ такъ она устроила,что военный генералъ всегда пріѣзжаетъ къ ней днемъ, между тремя и шестью; ужъ какъ три часа, такъ мы его видимъ, что по двору идетъ. А другой, штатскій генералъ—тотъ всегда вечеромъ, и съ нимъ она кататься ѣздитъ. Ну, а въ субботу, въ субботу никогда ни тотъ, ни другой, не бываютъ, а офицеръ одинъ пріѣзжаетъ, такъ этотъ...—Маша смѣшалась. Начала она говорить и говорила все время весело, лукавая улыбка поминутно морщила ея губы; когда она смѣялась, у нея ротъ пресмѣшно кривился на одну сторону, но это, по-моему, ничуть ее не портило, а казалось, наоборотъ, что эта именно кривизна и непра-

Digitized by Google

вильность и придавали особую прелесть ея улыбкѣ. Но теперь, при послѣднихъ словахъ, я увидалъ, что она не только не улыбается, но на лицѣ ея выразилось полнѣйшее отвращеніе, почти гадливость, точно она видитъ передъ собою какое-нибудь отвратительное пресмыкающееся или какую-нибудь гнилую гадость.

— Ну, что же дальше?—попытался подсказать я.

— Нѣтъ, не стоитъ говорить!.. Гадость одна. Ахъ, такая гадость, что я просто и сказать не могу! Знаете, у нея мальчикъ этотъ... Такъ она всякаго увѣряетъ, что это *его* сынъ,—знаете, какъ у Некрасова:

> ... „ко всякому съ словомъ „папаша"
> Обращалось наивно дитя"...

И этотъ старичокъ особенно, души просто въ немъ не чаетъ... подарки привозитъ... а его ли, не его ли, кто знаетъ? Ну, пусть бы она еще деньги съ нихъ тянула, это еще куда ни шло, а то она *этимъ* играетъ, любовью этой... Ахъ!—Маша всплеснула руками и замолчала.

— А вы и Некрасова знаете? — спросилъ я, чтобъ вновь заставить заговорить мою собесѣдницу, все болѣе и болѣе начинавшую интересовать меня.

— Знаю,—отвѣтила она коротко и немного насмѣшливо повела на меня глазами. Потомъ она прибавила совсѣмъ просто:—Я гимназію окончила.

— Здѣсь?

— Здѣсь, на Литейной.

Отчего-то мы оба замолчали, точно коснулись чего-то слишкомъ интимнаго, или, произнеся эти слова, мы какъ бы дошли до такого пункта, послѣ котораго надо говорить или совсѣмъ ужъ задушевно и искренно, или не надо и начинать. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я изъ простыхъ,—сказала вдругъ Маша, прерывая молчаніе.—Мама экономкой жила у господъ однихъ... меня барышни учили съ сестрой своей младшей вмѣстѣ... потомъ съ ней вмѣстѣ насъ и въ гимназію отдали. Я курсъ кончила хорошо, съ серебряной... Потомъ они уѣхали... Они очень хорошіе люди были, вправду хорошіе... Уѣхали жить въ деревню навсегда... Старшія замужъ вышли, ну а младшая, Саша моя...—Маша опять на минуту замолкла, потомъ глухо сказала:—она умерла... Когда онѣ уѣзжали, онѣ насъ съ мамой не бросили: мнѣ урокъ достали, а мамѣ помогли комнаты меблированныя открыть—вотъ тѣ самыя, что теперь у Софьи Игнатьевны, она послѣ маминой

Digitized by Google

смерти ихъ сняла... взяла на свое имя,—поправила Маша свое мѣщанское выраженіе, сорвавшееся у нея невольно, однако она густо покраснѣла.—Ну вотъ...

— А дальше что? — спросилъ я ее, чувствуя, что дальше, очевидно, и начинается то, что меня такъ привлекало къ этому милому существу, что составляло разгадку того противорѣчія, которое чувствовалось между ея внутреннею сущностью и той жизнью, какою она жила.

— Какъ—„дальше“?—переспросила она меня удивленно.

— Ну да, дальше, разскажите, дальше, вашу исторію.

— Развѣ я свою исторію разсказываю? Я только разсказала, какъ я въ гимназію попала.

— Да, а теперь разскажите, какъ вы потомъ жили... и какъ вы замужъ вышли?

— А-а! вотъ что! Я такъ и знала, что вы это какъ-нибудь спросите,—такъ и знала, съ самаго того дня, что вы къ намъ переѣхали. А вотъ вы тоже скажите, вѣдь вы отчасти изъ-за меня переѣхали? Да?

— Д-да,—отвѣтилъ я, немного запинаясь.—Какъ вы чутки. Почему вы это подумали?

— Ну, да ужъ это все равно—почему. А только это такъ. И это меня ужасно сердило. А еще больше меня сердитъ то, что вы, можетъ быть, для вашихъ разныхъ романовъ наблюденія дѣлаете, надѣетесь какія-нибудь исторіи увидѣть. Такъ это напрасно. Ничего интереснаго вы у насъ не найдете.

— Полноте, Марья Петровна. Не думайте обо мнѣ такъ худо. Наблюдать я не намѣренъ. Да къ тому же я и не романы пишу, а историческое сочиненіе, книгу по литературѣ, и „наблюдать“ мнѣ ничего не нужно. Успокойтесь—и не бойтесь меня.

— Я не боюсь никого и ничего, — сказала Маша, и лицо ея приняло вдругъ то самое надменное и суровое выраженіе, которое я уже видѣлъ не разъ.

— Эхъ, какая вы мимоза,—ужъ и свернули свои лепестки. Полноте. Мнѣ такъ хорошо было слушать васъ, говорить съ вами, такая вы милая! А тутъ вдругъ, сразу, точно улитка въ раковинку спрятались.

— Странный вы! — возразила Маша. — Безъ году недѣлю меня знаете, а ужъ такъ говорите.

Лицо ея опять сдѣлалось суровымъ, и какъ я ни старался ее удержать, она не осталась дольше и ушла, и даже не захотѣла пообѣщать вновь придти посидѣть.—„Можетъ быть, можетъ

Digitized by Google

быть"—твердила она не то уклончиво, не то утвердительно, и даже немного кокетливо.

Прошло нѣсколько дней. Она не приходила. Я сталъ подъ разными предлогами почаще выходить въ корридоръ, и даже, какъ бы для того, чтобы послушать вблизи этюдъ Шопена, который разучивалъ г. Калошкинъ, зашелъ разъ въ гостиную. Катерина Ѳедоровна раскладывала пасьянсъ въ сосѣдней комнатѣ, куда двери были настежъ раскрыты. Замѣтивъ меня, матушка г. Калошкина замахала на меня руками и зашикала, вообразивъ, что я пришелъ мѣшать священнодѣйствію, но, увидѣвъ, что я смирнѣхонько усѣлся на кресло около двери, успокоилась, и даже одобрительно кивнула мнѣ головой.

Проигравъ съ необыкновенной бравурностью и разъ двадцать-пять одинъ и тотъ же пассажъ, г. Калошкинъ остановился, оглянулся на меня, вскочилъ и подбѣжалъ ко мнѣ:

— Позвольте рекомендоваться—Калошкинъ, Иванъ Андреичъ.

Онъ былъ не особенно высокъ, но очень широкъ въ плечахъ, мускулистъ, съ немного черезчуръ длинными руками. Лицо у него было самое обыкновенное, но скорѣе пріятное,—сѣрые глаза, небольшая бородка. Волосы носилъ длинные, и безпрестанно отбрасывалъ со лба падавшую ему на лицо прядь, подражая жесту извѣстнаго виртуоза.

— Очень пріятно,—сказалъ я, протягивая ему руку.—Какъ вы прекрасно играете! Это трудный этюдъ.

— Да. Но у кого техника развита...—сказалъ онъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства.—Я по четырнадцати часовъ въ день прежде игралъ, когда въ консерваторіи былъ, такъ немудрено, что всего добился...

— Вы кончили консерваторію?

— Какже-съ, кончилъ, — сказалъ онъ, и сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. — Кончилъ-съ, да что толку мнѣ въ этомъ?! Ходу не дали. Извѣстное дѣло: нужна протекція, реклама. А гдѣ же намъ взять ихъ-съ? Мы не аристократы какіенибудь, критиковъ на журфиксы не приглашаемъ, какъ г. Х. Слыхали вы про Х.?

— Разумѣется. Онъ, кажется, хорошій піанистъ?

— Хорошій?!! У него папенька генералъ, и капиталъ у него хорошій, профессора у него въ гостяхъ бываютъ, вотъ что!.. А я съ грѣхомъ пополамъ на даровую вакансію попалъ, такъ ужъ куда мнѣ за нимъ угнаться. Кто обо мнѣ заботиться будетъ?!

— Ну, а какъ же Слѣпцовъ? Вѣдь еслибъ не Слѣпцовъ, ты бы и въ консерваторію не попалъ. Зачѣмъ же быть неблагодар-

Digitized by Google

нымъ?—сказала Маша, входя въ комнату со стаканомъ чая на подносѣ, который она поставила на столикъ подлѣ фортепіано.

Калошкинъ словно остолбенѣлъ отъ изумленія, развелъ руками и иронически поклонился женѣ.

— Того не хватало! Какая же тутъ особенная благодарность? Еслибъ онъ за меня свои деньги платилъ, или содержалъ бы меня на свой счетъ. А то—экая невидаль, что сказалъ про меня тамъ кому-то слова два, и меня приняли.

— Да вѣдь еслибъ не сказалъ, такъ и не приняли бы, и ты бы до сихъ поръ тапёромъ былъ...

Тутъ ужъ и маменька г. Калошкина не выдержала, бросила свои карты и вошла изъ сосѣдней комнаты.

— Ахъ, скажите пожалуйста, важность какая, что слово замолвилъ! Не онъ, такъ другой бы увидѣлъ, какой Ваничка артистъ настоящій, и что талантъ его погибаетъ. Всякій на мѣстѣ Слѣпцова то же сдѣлалъ бы. И хороша жена, что о мужѣ такъ говоритъ! Стыдилась бы!.. Да, впрочемъ, чего отъ нея и ждать!—прибавила Катерина Ѳедоровна, и даже фыркнула отъ переполнявшаго ее негодованія.

— Да ужъ!..—подтвердилъ и г. Калошкинъ.—Ты бы лучше помнила, сколько мнѣ сахару класть. Сотый разъ говорю тебѣ, что я теперь чай сладко пью, а ты опять два куска только положила. Что тебѣ, жалко что-ли?

— Да, какъ же! пожалѣетъ! Нашелъ тоже! — заворчала матушка.—Ей хоть все пропади-прòпадомъ, не побезпокоится.

Маша не промолвила ни слова и пошла изъ комнаты. Мнѣ было въ высшей степени противно оставаться дольше съ этими людьми, но я пересилилъ себя, и спросилъ г. Калошкина:

— Вы вправду тапёромъ были? Разскажите, пожалуйста, какъ же это васъ Слѣпцовъ услышалъ?

— Да и разсказывать нечего!—быстро затараторила Катерина Ѳедоровна.—Ваничка съ дѣтства игралъ такъ, что просто одинъ восторгъ! Одинъ восторгъ!—повторила она, закрывая глаза и потомъ закатывая ихъ отъ полноты чувствъ. — Выучился у жильца одного, — я уже и тогда комнаты держала, только на Большой Морской, — ну, и игралъ, можно сказать, съ утра до вечера. Ну, тутъ господинъ одинъ и говоритъ мнѣ:—„Вы, говоритъ, женщина небогатая, а у него, можно сказать, талантъ, къ чему же его въ землю зарывать, я, говоритъ, его пристрою“!—Ну, и дѣйствительно помѣстилъ его въ тапёры. Двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ получать сталъ сразу, да еще когда хорошимъ господамъ угождалъ, такъ дарили ему... Очень, можно сказать,

Digitized by Google

хорошо тогда зарабатывалъ... Ну, а потомъ г. Слѣпцовъ его услыхалъ, ну, и говоритъ: — „Вы тутъ пропадаете, говоритъ, у васъ истинный талантъ, вамъ надо поучиться". — Ну, и спору нѣтъ, что онъ правъ былъ. Да только перешелъ онъ въ консерваторію, и сразу же всякаго заработка лишился. Стипендію выхлопотали. Да что намъ-то толку отъ стипендіи,—она тамъ этимъ учителямъ идетъ...

— Профессорамъ,—важно поправилъ г. Калошкинъ.

— Ну, профессорамъ. Это все равно. А намъ-то ничего не доставалось.

Маша вернулась съ сахарницей, и подала ее мужу.

— А сама положить не можешь? Руки отсохнутъ? — спросилъ онъ.

Она опустила ложечкой кусокъ сахару въ чай, и опять такъ же молчаливо пошла изъ комнаты.

— Вы, мамаша, все съ точки зрѣнія денегъ,—сказалъ Калошкинъ презрительно.—Изъ-за васъ я и въ министерство поступилъ. А развѣ мнѣ мѣсто за столомъ тамъ корпѣть да бумаги писать? Только рука деревенѣетъ. Иной разъ, вѣрите ли,—обратился онъ ко мнѣ,—потомъ часа два экзерсисы играю, чтобы пальцы размять! А все изъ-за того, что вотъ мать сокрушается, что не зарабатывалъ ничего, да вотъ *эта* тоже корить вздумала. —Онъ головой показалъ на дверь, куда вышла Маша.—„Нельзя, говоритъ, цѣлый день ничего не дѣлать, а только на фортепьяно играть"! По ея мнѣнію это—ничего не дѣлать—музыка! Да-съ! вотъ какія понятія!

— Ну, тоже, захотѣлъ понятіевъ!—сказала Катерина Ѳедоровна, уходя опять къ своему пасьянсу.

— Ну, вотъ и запрягся въ лямку,—продолжалъ г. Калошкинъ. — Пишу бумаги, числюсь чиновникомъ, а г. Х. изволитъ концерты давать и артистомъ себя почитаетъ!

Очевидно, г. Калошкинъ считалъ себя не только равнымъ, но гораздо бо́льшимъ артистомъ, чѣмъ Х.

— Да-а! хотѣлъ бы я видѣть, какъ онъ сдѣлаетъ, напримѣръ, этотъ пассажъ! и въ такомъ темпѣ!

Калошкинъ сѣлъ къ фортеніано, и рррр!.. прокатилась подъ его пальцами труднѣйшая каденція одной изъ Листовскихъ вещей. Онъ тотчасъ повторилъ ее, потомъ еще и еще. Черезъ минуту онъ уже забылъ о моемъ присутствіи, и весь погрузился въ свою игру. Въ дверяхъ показалась Катерина Ѳедоровна; глазами и головой она показала мнѣ на сына, потомъ, покачавъ головой изъ стороны въ сторону въ знакъ совершеннѣйшаго

Digitized by Google

изумленія передъ его несравненнымъ талантомъ, прищурила глаза, сложила руки на своемъ обширномъ животѣ и благоговѣйно стала слушать.

Я ушелъ къ себѣ.

Съ этого дня я почти ежедневно, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, заходилъ въ гостиную Калошкиныхъ. Когда Калошкинъ былъ дома, онъ курилъ, пилъ чай, ходилъ взадъ и впередъ по гостиной, ругалъ критиковъ, ругалъ товарищей, сѣтовалъ на свою злосчастную судьбу, превосходно проигрывалъ то тотъ, то другой трудный пассажъ изъ какой-нибудь труднѣйшей вещи, никогда не игралъ ни одной вещи цѣликомъ,—Машей онъ все время командовалъ: „Подай то! принеси это! Полей цвѣты, ты ихъ вѣрно засушить хочешь! Ты бы хоть пыль вытерла! Сбѣгай мнѣ за папиросами! Принеси пива! Достань такія-то ноты; куда ты ихъ задѣвала? кажется, могла бы въ порядкѣ держать"! И т. д., и т. д.

Она была у него словно „дѣвочка на побѣгушкахъ" или то, что̀ въ Парижѣ зовется „une bonne à tout faire". Читала ли она, работала ли, стряпала ли въ кухнѣ,—тѣмъ не менѣе она должна была при первомъ его словѣ бросать свое дѣло, вскакивать, подавать ему платокъ, спички, стаканъ воды, бѣжать въ лавочку за папиросами. Такой порядокъ вещей, повидимому, признавался вполнѣ нормальнымъ не только самимъ г. Калошкинымъ и его матушкой, но и Машей, со стороны которой я не слыхалъ ни разу ни слова протеста или отвѣта, а видѣлъ лишь безропотное и немедленное исполненіе всѣхъ этихъ, часто совершенно вздорныхъ, приказаній и замѣчаній. Притомъ, еслибы вѣрить на-слово г. Калошкину, то можно было бы заключить, что Маша цѣлыми днями бьетъ баклуши и не помнитъ ни объ одной изъ своихъ многочисленныхъ обязанностей. Между тѣмъ я вскорѣ замѣтилъ, что кромѣ самой черной работы, исполняемой Дуняшей, и періодическихъ путешествій на Сѣнную за провизіей,—торжественно и съ большими приготовленіями и разговорами совершаемыхъ самой Катериной Ѳедоровной, — рѣшительно вся работа по дому и вся квартира были на рукахъ Маши, и работала она, не покладая рукъ, съ утра до вечера. Катерина Ѳедоровна распоряжалась, бранилась съ дѣвушкой или разносчиками, а Маша исполняла всю работу по дому, стряпала, чистила, мыла, шила, бѣгала въ лавочку, убирала комнаты. Мало того, въ свободное время она работала на машинкѣ на магазинъ или переписывала какія-то бумаги для начальника г. Калошкина, дабы этимъ способомъ увеличить скудные доходы

Digitized by Google

семьи. Она же набивала папиросы своему супругу, и вѣчно была занята мытьемъ и поливкой цвѣтовъ, про которые г. Калошкинъ говорилъ, что они—его „единственная страсть“, но до которыхъ онъ никогда самолично не дотрогивался, ограничиваясь тѣмъ, что покрикивалъ на жену: „Не худо бы и вымыть когда-нибудь алетрисъ!.. Ты, кажется, полагаешь, что пальму поливать не надо? Или ты предпочитаешь, чтобы она засохла?.. Который ужъ это горшокъ ты у насъ погубила“?!..

— Отчего вы сами не занимаетесь цвѣтами, если вы ихъ такъ любите?—спросилъ я его одинъ разъ, когда мнѣ уже слишкомъ надоѣли его окрики и жалобы.

— Ваничкѣ цвѣты поливать?!—спросила съ какимъ-то ужасомъ его матушка.—Ну, ужъ нѣтъ! Пока я жива, этого не будетъ-съ. Нѣ-ѣтъ, по міру пойду, а Ваничкѣ работать не позволю! Да Марья-то на что же?—спросила Катерина Ѳедоровна, и ея голосъ зазвучалъ тривіально, какъ голосъ первой рыночной торговки.—Ужъ если она цвѣтовъ полить не можетъ, такъ на что-жъ она годна? Какое у нея дѣло-то? Ровно никакого! Да еслибъ ей и полы мыть, и то впору... не барыня какая... Кто ея мать-то была? Экономка! Знаемъ мы экономокъ этихъ! просто приживалка изъ горничныхъ, либо изъ кухарокъ!.. Небось какъ не за мужемъ-то была, корки хлѣба сухого не было, горя-то насмотрѣлась, а тутъ въ чистотѣ да въ сытости—ужъ и работа трудна!.. Знаемъ мы васъ, дармоѣдокъ, что на даровые хлѣба рады попасть. Хамово отродье!..

— Да Марья Петровна вѣдь, кажется, не отказывается ни отъ какой работы, — попробовалъ я остановить неудержимымъ потокомъ льющуюся рѣчь разгнѣванной Катерины Ѳедоровны.— Это я самъ отъ себя спросилъ!

— Сами отъ себя! А она, подлая, вѣрно ужъ вамъ нажаловалась.

— Да и не думала никогда! Когда же я и говорю съ Марьей Петровной?!

— Знаю я ее! Въ тихомъ омутѣ... Молчитъ, молчитъ, а про себя злобу таитъ! Иной разъ такъ глазищами поведетъ, точно съѣсть хочетъ. А за что, позвольте спросить? Кажется, могла бы быть благодарной! Этакую бездомную да безприданницу Ваничка за себя взялъ! А могъ бы вѣдь жениться на благородной дѣвицѣ. Съ этакимъ-то талантомъ! Одна генеральская дочка очень даже ему симпатію показывала,—онъ ей уроки давалъ, пюка еще въ консерваторіи былъ, его туда Софья Игнатьевна рекомендовала,— и съ приданымъ хорошимъ. Жили бы при-

Digitized by Google

пѣваючи! А съ этой-то, прости Господи, одно горе!.. Правду Софья Игнатьевна говорила: „Не пара она ему, говоритъ, вотъ ужъ не пара! Ему бы на барышнѣ настоящей жениться впору, на благородной, да съ капиталомъ“... Что̀ правда, то правда...—рѣчь Катерины Ѳедоровны перешла въ окончательную воркотню, а потому я счелъ за благо отретироваться...

— Что̀ это вы за меня заступаться вздумали?—рѣзко спросила меня Маша въ тотъ же вечеръ, входя ко мнѣ со вставленными въ подсвѣчники свѣчами.—Маменька сегодня весь день пилитъ да попрекаетъ. „Заступника нашла! Жаловаться вздумала. Фискальша! Ябедница“... Я, кажется, ни о чемъ васъ не просила?!

— Ахъ, Марья Петровна, я и самъ не радъ, что я давеча это сказалъ. Простите за непріятности. Только, воля ваша, чѣмъ больше я живу у васъ и смотрю, тѣмъ больше съ толку сбиваюсь и не понимаю...

— Чего вы не понимаете-то?

— Да всей вашей жизни и васъ самой. Не кривите душой! Вѣдь вамъ не сладко живется, вѣдь это кабала сущая, и, какъ мнѣ кажется, тутъ какое-то недоразумѣніе генеральное происходитъ. Простите, ради Бога, но вѣдь и супругъ вашъ, и свекровь вами не только помыкаютъ, но очевидно при этомъ еще считаютъ, что они васъ облагодѣтельствовали, и что вы гораздо ниже ихъ.

— Ну, разумѣется!—Въ ея голосѣ зазвучала нескрываемая иронія.—Но только къ чему вы объ этомъ говорите?—спросила она меня сурово.—Кто васъ просилъ въ это дѣло мѣшаться? Ну „кабала“, ну „помыкаютъ“, да вамъ-то что̀? До васъ такъ было, послѣ васъ такъ будетъ. Одни разговоры!

— Ахъ, Господи Боже мой, Марья Петровна, вы говорите такъ, точно я вамъ зла желаю и потому про это разговоръ завелъ. Конечно, это не мое дѣло. Только молчать я не могу. Развѣ эта жизнь для васъ годится? Развѣ можно допускать, чтобы вы терпѣли все, что̀ вы терпите? Нечего мнѣ лукавить! Я все знаю, слышите, *все*! И не понимаю, что̀ васъ заставляетъ терпѣть? Ради чего, ради чего, вы все это выносите? Ну, я понимаю, что изъ-за любви къ мужу, или если мужъ любитъ, но у него тяжелый характеръ, то жена можетъ иногда выносить самую ужасную жизнь,—но это все во имя любви! А тутъ... да въ вашей любви и не нуждается никто! Вы даромъ стараетесь! Даромъ себя губите! Бросьте, бросьте все, уйдите, уѣзжайте

Digitized by Google

куда хотите! Я помогу вамъ, устрою, только бросьте! Уйдите, говорю я вамъ!..

Я волновался и говорилъ горячо и несвязно. При первыхъ моихъ словахъ Маша поблѣднѣла и съ испуганнымъ видомъ протянула ко мнѣ руки, точно она хотѣла остановить меня. Теперь она слушала, опустивъ руки безжизненно и наклонивъ голову.

— Уйти?—сказала она вдругъ.—Развѣ пустятъ? развѣ паспортъ дадутъ?.. Да и куда идти? У меня никого нѣтъ. Никого, никого на всемъ свѣтѣ нѣтъ. Такъ не все ли равно, гдѣ *одной* быть?!

— Зачѣмъ вамъ мучиться? Зачѣмъ жить въ такой кабалѣ? Вы образованы, вы трудолюбивы, лѣни въ васъ ни на грошъ! Вы можете прожить и одна, уроки можете давать...

— Уроки...—повторила она тихо и горько. — Знаю я эти уроки! Натерпѣлась и наголодалась съ ними. Всего натерпѣлась, всего! И голода, и униженія, и стыда... Охъ, и не вспоминайте лучше!

Она сѣла къ столу, оперла голову на сложенныя руки и, прямо глядя на меня озлобленнымъ, горящимъ взглядомъ, заговорила быстро.

— Помните, я вамъ говорила, какъ мы съ мамой-то однѣ остались, когда мои барышни уѣхали? Ну вотъ, стала я уроки давать; дѣвочка хорошая была у меня ученица; да не долго это продолжалось. Взяли швейцарку, она стала и языкамъ за-одно учить, а я хоть и знаю языки, да все произношеніе не то... Ну, еще подвернулся одинъ урокъ: готовила къ экзамену одну неспособную, нашу же бывшую. А потомъ, потомъ и осталась безъ ничего. Я ужъ и къ инспектору нашему ходила, и къ подругамъ обращалась, и въ газетахъ публиковалась. Только деньги извела!.. А тутъ мама заболѣла. Сначала тифъ, а потомъ воспаленіе. Тутъ все, что у насъ было, на докторовъ извели, а потомъ ужъ и въ кассу ссудъ вещи потащили. Мало-по-малу все я туда перетаскала: и цѣнное что было, и мало-цѣнное; просто остался у насъ одинъ комодъ пустой, да стулья, да на кухнѣ кое-что... А тутъ мама умерла и похоронить не на что. Я просто голову потеряла, и горя даже совсѣмъ не чувствую, а только одна мысль: „На что похоронить? на что похоронить? Неужто ее въ клинику свезутъ и студенты рѣзать будутъ“?..

Маша говорила точно въ забытьи и съ такимъ выраженіемъ лица, точно мать ея еще лежитъ въ комнатѣ и точно ей, Машѣ, въ эту самую минуту приходилось рѣшать, какъ и на что похоронить.

Digitized by Google

— Ну, вотъ тогда пришла ко мнѣ эта Софья,—она тогда, какъ мнѣ послѣ сказывали, съ однимъ своимъ пріятелемъ разошлась и безъ денегъ сидѣла, ну и говоритъ: „Уступите, говоритъ, мнѣ всю квартиру, гдѣ вамъ съ ней справиться, вонъ у васъ и платья порядочнаго нѣтъ, и ничего нѣтъ; я, говоритъ, вамъ помогу вещи выкупить, а вы мнѣ передайте квартиру. Я вамъ вашу комнату оставлю и брать за нее пока не буду“... Мнѣ тогда все равно было, я ни о чемъ думать не могла, даже поблагодарить ее не съумѣла, хоть и вправду я безъ нея тогда совсѣмъ пропала бы, потому что ни хозяину платить нечѣмъ, ни о жильцахъ хлопотать не въ силахъ была... „Вещи, говорю, не выкупайте, а мамашу помогите похоронить, а я всѣ деньги, что съ жильцовъ не дополучила, вамъ отдамъ“... Ну, такъ и сдѣлали. Стала она хозяйкой. Мнѣ дала комнату, сперва нашу, а потомъ перевела въ маленькую угловую. Выкупила я машинку и стала на магазинъ работать. А вскорѣ пошли у насъ порядки новые. При мамѣ, пока сама она у насъ комнаты нанимала, она все-таки стѣснялась, а тутъ, на полной своей волѣ, все на новый ладъ устроила... То-есть, комнаты эти самыя сдавала она... какъ бы вамъ сказать, для отвода глазъ, чтобъ приличіе передъ своими разными пріятелями соблюдать: „Я, молъ, не какая-нибудь, а своими средствами живу, комнаты отдаю“. Ну, а на самомъ дѣлѣ, вы знаете, какъ она устроилась... А я у нея какъ бѣльмо на глазу! Завидно ли ей, что я не таковская, какъ она, или жалѣть стала, что комната ей ничего не приноситъ, но только стала она ко мнѣ приставать: „На что это, говоритъ, похоже, что я васъ три мѣсяца даромъ держу. Коли вы себя работой прокормить не можете, такъ вы могли бы какъ-нибудь иначе устроиться; съ вашимъ, говоритъ, лицомъ глупо надъ машинкой корпѣть“... И такую ужимку при этомъ скорчитъ, что просто гадко сдѣлается. Я сначала все притворялась, что не понимаю. Но когда одинъ разъ она ужъ прямо завела рѣчь о какомъ-то „кавалерѣ“, который будто про меня спрашиваетъ, такъ я не выдержала и просто прикрикнула на нее: „Оставьте меня въ покоѣ! Какъ вамъ не стыдно меня на такое наталкивать! Сами бы стыдились своей жизни“. Позеленѣла вся, хлопнула дверью и ушла. Но съ того дня стала она меня пилить, чтобъ я ей или за комнату заплатила, или съѣзжала, потому что, говоритъ, „не могу я васъ даромъ держать; я, говоритъ, тѣмъ и живу, что комнаты сдаю“. А какое тутъ „тѣмъ“! У нея же въ это время такія дѣла пошли, что просто и вспомнить гадко. Прежде она хоть не притворялась, кто она такая, а тутъ пошла

Digitized by Google

ломаться. И чѣмъ больше богатѣетъ, тѣмъ больше ломается: „вдова“ да „вдова, да „благородная“. И чѣмъ больше ломается, тѣмъ лучше ея дѣла идутъ. Чего только не разскажетъ иной разъ! Я тогда дѣвочку ея учить стала, чтобъ не даромъ хлѣбъ ея проклятый ѣсть, такъ иной разъ при мнѣ начнетъ разсказывать свою исторію этому старичку своему, такъ просто покраснѣешь и скорѣе изъ комнаты прочь: вретъ и не запнется! И про папашу-то своего, и какія у нея гувернантки были, и про мужа, какъ съ нимъ въ Вильнѣ жила, въ роскоши. Чего, чего не наговоритъ, а этотъ дуракъ-то и слушаетъ, и съ ней съ уваженіемъ такимъ послѣ говоритъ, точно она и вправду барыня настоящая. А онъ уѣдетъ—она ту же исторію генералу примется разсказывать. Ну, да только этотъ меньше вѣрилъ. „Гм, гм, скажетъ,—полковникъ мужъ-то твой былъ, въ Вильнѣ жили, а скажи, говоритъ, № дивизіи“. Смутится она: „что это вы спрашиваете, я не понимаю“?—„А я спрашиваю, какая цифра у солдатъ на погонахъ стояла“?—„25“, говоритъ. „Врешь, 25 не въ Вильнѣ стоитъ и никогда тамъ не стояла“. „Ну 23“. „И опять врешь. Дивизія куда выше номеромъ“. — Я, говоритъ, забыла“. „То-то, забыла! Ты вотъ лучше вели мнѣ подать еще коньяку, а про полковника-то своего не разсказывай. Эта пѣсня старая, и я ее знаю“. Такъ она разозлится и начнетъ его грубымъ мужикомъ ругать: „не стоитъ, говоритъ, чтобъ я съ вами и разговаривала, я женщина деликатная и съ такими грубіянами говорить не люблю“. А онъ ей на это: „И не говори. Ты мнѣ лучше нравишься, когда молчишь. Во-первыхъ, когда ты злишься, у тебя ротъ косой, и это тебѣ не идетъ. А во-вторыхъ, я люблю женщинъ тихихъ. И не затѣмъ, говоритъ, я пріѣхалъ, чтобъ на твою злую рожу смотрѣть. Я и уѣду, коли такъ“... Ну, она живо и усмирится... Ну, а тотъ старичокъ всему вѣрилъ, все сносилъ терпѣливо и теперь сноситъ, и такъ она имъ помыкаетъ, что просто противно смотрѣть. Вы небось замѣтили? Да Богъ съ ней! А только въ то время я просто чуть съума не сошла. Еще днемъ куда ни шло. А вечеръ настанетъ—такая тоска, что бѣда: въ квартирѣ у насъ гадость, дѣться мнѣ некуда, пойти некуда, потому что и платья у меня приличнаго не было, прежнимъ своимъ знакомымъ и на глаза стыдно показаться. Экономничаю на керосинъ, такъ только тогда лампу зажигаю, когда работа какая спѣшная есть... Сижу это я одна въ темнотѣ и только и думаю о смерти, чтобъ она меня скорѣе прибрала. Сижу, и чаще ничего не думаю, и не плачу, и маму не вспоминаю, потому что стала я точно каменная, въ

Digitized by Google

сотый разъ окна противоположнаго дома пересчитываю или какую-нибудь безсмысленную поговорку бормочу...

Сижу я этакъ разъ, въ августѣ было, окно открыто, тепло, тусклый свѣтъ въ окошко пробирается... И вдругъ слышу—потомъ-то я сообразила, что это на фортепьянѣ играли,—а тогда я, знать, совсѣмъ отъ тоски забылась и не понимала, что и гдѣ я,—такъ слышу я, будто вотъ у самаго окна кто-то поетъ, да такъ отчаянно поетъ, словно вся душа у него истерзана, какъ у меня. Ну, такое отчаяніе, такое горе въ этихъ звукахъ, что я ужъ и не знаю, какъ это его безъ словъ сейчасъ поймешь. У меня точно все задрожало въ груди, точно все сломилось, растаяло. Заплакала я такъ, что со стула на полъ упала; головой объ окно бьюсь, будто вся душа у меня въ слезахъ вырывается... Плачу и плачу, и перестать не могу. Ужъ сколько времени я такъ проплакала, не знаю... Только, какъ очнулась, слышу: все играютъ еще, но только ужъ другое, что-то нѣжное такое, ласковое, точно ласкаетъ меня кто-то. Слушала я, слушала, просто наслушаться не могла! Кончили играть, такъ точно темнѣе вокругъ меня стало, точно я еще одиноче стала... На другой день, чуть проснулась, чуть открыла глаза,—прислушиваюсь, не услышу ли вчерашней музыки. Нѣтъ. Только разносчики на дворѣ кричатъ, да ломовые грохочутъ. Помню я этотъ день какъ сейчасъ. Софья мнѣ утромъ окончательно объявила, что коли я ей къ субботѣ не заплачу, такъ она меня черезъ полицію выселитъ. Я просто и не огорчилась нисколько, будто это она и не мнѣ говоритъ. Только и думаю: услышу или не услышу сегодня мою музыку"? Наступилъ вечеръ, стемнѣло,—и дождалась я! Опять услышала я ту пѣсню отчаянную, опять наплакалась вволю, но ужъ точно радостными слезами, сладкими и легкими. И опять потомъ нѣжную музыку играли, а потомъ и разную другую: и веселую, торжественную, печальную и бойкую. Съ того дня я просто только и жила, что въ ожиданіи этой вечерней музыки. И все мнѣ стало нипочемъ! Вижу я, какъ Софья своего старичка надуваетъ, слышу ли ея вранье, да окрики на прислугу, да подзатыльники дѣтямъ,—точно все это сонъ и точно до меня не касается. А прежде всякое слово возмущало, оскорбляло меня; сколько разъ я была готова старичку все сказать, сказать ему: „Не будьте же такъ слѣпы, васъ обманываютъ на каждомъ шагу". Теперь мнѣ хоть трава не расти! Была бы моя музыка вечеромъ, а что я днемъ дѣлаю и что вокругъ меня дѣлается—все равно!.. Ну, такъ шло долго, можетъ быть, цѣлый годъ прошелъ. Вечеръ настанетъ, холодно ли, тепло ли,—я

Digitized by Google

окошко открою, да такъ до свѣту и сижу, потому что онъ ночи напролетъ тогда игралъ. Ужъ небо посвѣтлѣетъ, и каланча напротивъ розовая станетъ отъ зари,—тогда музыка кончается, тогда и я спать пойду. И такая я счастливая, точно весь міръ мой!

Зима прошла, такъ я чуть не захворала съ тоски, чуть не простудилась, простаивая цѣлыми часами у форточки;—да развѣ услышишь что-нибудь сквозь двойныя стекла? Тогда я отправилась на черную лѣстницу, хоть изъ-за дверей послушать; но дворникъ меня чуть въ полицію не стащилъ, подозрительно ему показалось, что я цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ неподвижно простояла,—заподозрилъ, не воровка ли я. Пришла весна, и вернулось мое счастье... Ужъ я знала, гдѣ играли, въ какомъ окнѣ; ужъ я на него весь день гляжу, бывало, чуть не молюсь, какъ на образъ... Вскорѣ узнала—и кто играетъ. Сижу и караулю, не выглянетъ ли. Потому что часто онъ поиграетъ-поиграетъ, да и сядетъ на окно покурить, или просто такъ, воздухомъ подышать... Ну, вѣрно, и онъ замѣтилъ меня, что я вѣчно у окна или на окнѣ. Стали кланяться... Ну, а потомъ и познакомились. Господи Боже мой, что это за время было! Я какъ теперь помню тотъ вечеръ, что я къ нимъ въ первый разъ пришла, а онъ мнѣ и говоритъ: „Что прикажете для васъ сыграть“? Это, значитъ, *моя-то музыка* и собственно для меня въ тотъ вечеръ была!.. Да... И еслибъ онъ тогда захотѣлъ, я бы на все для него пошла. То-есть, не то, чтобъ я это тогда думала, а теперь вотъ я такъ понимаю, что я какъ во снѣ тогда была, отъ счастья себя не помнила, и еслибъ ему что въ голову пришло, такъ я была бы какъ игрушка въ его рукахъ... Да только, слава Богу, онъ все-таки честный человѣкъ... Ну, однимъ словомъ, женились мы въ тотъ же годъ... Софья Игнатьевна-то моя засмѣялась, когда изъ Друскеникъ вернулась, и мы ей сказали: „Глупы всегда были, говоритъ, и теперь глупость дѣлаете; ни у него ни гроша, ни у васъ; ему бы вмѣсто васъ жениться хотя на дочери пристава, что напротивъ живетъ, такъ у той хоть приданое есть, а вы бы могли шикарно пристроиться. Глупо, говоритъ, очень все это глупо“...

....Ну, глупо оно было или нѣтъ, а только счастья того, какое было, когда я на своемъ окошкѣ сиживала и издали къ его игрѣ прислушивалась, такого ужъ не было! Онъ меня недолго и любилъ по настоящему, самое только первое время, такъ тогда будто все та же музыка у меня въ душѣ пѣла, и такая я была счастливая, точно это и не я, точно я не одна на свѣтѣ... За то, какъ онъ первый разъ на меня крикнулъ,—

Digitized by Google

разсердился онъ тогда на то, что я Софьѣ сама чаю не подала, когда она къ намъ пришла, а Дуняшѣ приказала, потому что не хочу я продажной твари служить и заставить меня не могутъ...

И опять я увидалъ сурово-надменное выраженіе на лицѣ Маши.

— ...Какъ крикнулъ онъ на меня тогда въ первый разъ, такъ, вѣрите ли, я чуть съ ума не сошла. Просто потерялась,— не вѣрится мнѣ, что это онъ, онъ самый. Будто сразу чужимъ сталъ. Маменька-то, положимъ, съ самаго начала со мной не очень нѣжно обходилась и попрекала, что въ одномъ платьѣ взяли, да что карьеру я ему испортила, ну и сразу домъ весь на меня навалила. Да я на это не только не жаловалась, а счастлива была, что о *немъ*-то заботиться могу, что все это *для него*. На нее я и не огорчалась нисколько, потому что она была для меня, какъ всѣ, далекая, чужая. Такъ кричитъ ли, не кричитъ ли, не все ли мнѣ равно?.. А вотъ онъ! Вѣдь онъ былъ особенный, ни на кого непохожій, вѣдь какъ онъ играть-то могъ! Иной разъ мнѣ взгрустнется, а онъ заиграетъ—ну точно все угадалъ, что у меня въ душѣ дѣлается, точно своей игрой все разскажетъ безъ словъ. Такъ какъ же послѣ этого понять, что *онъ* вдругъ на меня закричалъ?! Да... въ первый разъ я просто онѣмѣла, съ мѣста не могу двинуться; послѣ мнѣ Дуняша сказывала, что и глаза-то у меня остановились. А онъ мнѣ и кричитъ: „Чего, говоритъ, буркалы уставила? Сумасшедшую-то не корчи“!.. Это *онъ—мнѣ*—и „буркалы“!! Такъ и сказалъ. Вѣрите ли, видно я и вправду тогда съ ума сошла, потому что цѣлую недѣлю забыть не могла, все слышу этотъ его крикъ, а слова: „сумасшедшую не корчи“, „буркалы“—такъ у меня въ ушахъ и стоятъ!.. Ну, а потомъ и второй разъ закричалъ, ужъ изъ-за папиросъ, а потомъ и пошло, и пошло, что дальше, то чаще, потомъ ужъ и вещами сталъ въ меня швырять, потомъ и...

Голосъ Маши оборвался, и она не договорила, но я понялъ. Она легла совсѣмъ головой на столъ. Я не могъ разглядѣть, плакала она или нѣтъ. Я молчалъ, чувствуя, что такъ лучше. Долго, долго мы сидѣли безъ движенія, въ мертвомъ молчаніи. На дворѣ весело кричали ребятишки, изъ оконъ „благородной вдовы“ неслись звуки фортепіано, кто-то немилосердно фальшиво наигрывалъ маршъ изъ „Аиды“ и потомъ перешелъ въ „Какъ я люблю клико“. А въ мои открытыя окна глядѣло безцвѣтное вечернее іюньское небо, и нѣжный вѣтерокъ доносилъ откуда-то издалека слабый ароматъ липъ.

Вдругъ въ корридорѣ раздался громкій голосъ: „Маша! Марья!

Digitized by Google

Куда ты запропастилась? Чортъ тебя возьми совсѣмъ! Или мы сегодня чаю пить, что-ли, не будемъ? Чортъ тебя дери"!—Г. Калошкинъ оралъ такъ, точно находился на Царицыномъ-лугу, а не въ маленькомъ корридорчикѣ, гдѣ съ одного конца на другой можно было переговариваться шопотомъ.

Маша вскочила, лицо ея было сухо, хотя она еще вся тряслась отъ рыданій. Не оборачиваясь, она пошла къ дверямъ. Потомъ вдругъ разомъ повернулась, подбѣжала ко мнѣ, поцѣловала мою руку и съ рыданіемъ выбѣжала изъ комнаты.

Съ этого вечера она ежедневно, то утромъ, то вечеромъ, то днемъ, подъ разными предлогами, или безъ предлога, заходила ко мнѣ. Часто она приносила работу и тихонько шила подлѣ меня, пока я писалъ, умоляя, чтобъ я не прерывалъ работы изъ-за нея. Иногда она брала книжку журнала и читала. Но это ей рѣдко удавалось, такъ какъ почти всегда приходилось тотчасъ бросать книгу и бѣжать къ себѣ, услышавъ, что Катерина Ѳедоровна зоветъ, или мужъ вернулся со службы. Катерина Ѳедоровна, разумѣется, вскорѣ обратила вниманіе на наши разговоры и не замедлила начать попрекать Машу въ глаза. Да и за глаза, какъ мнѣ удалось случайно услышать, проходя изъ передней къ себѣ, она весьма грубо и недвусмысленно выразилась въ разговорѣ съ „благородной вдовой" о томъ, что у „Марьи Петровны завелись шашни".

Я предупредилъ Машу.

— Эхъ! пусть ее говоритъ, что̀ угодно! Хуже не будетъ. Вотъ развѣ что онъ разозлится. Такъ и то все равно. Вѣдь ему до меня дѣла нѣтъ. Кричать—закричитъ. А за что̀ закричитъ, не все ли равно? Прежде мнѣ отъ всякой мелочи, отъ всякаго окрика больно было, не могла никакъ привыкнуть, не могла никакъ повѣрить!.. А теперь я стала каменная. Теперь онъ мнѣ чужой. Теперь я привыкла, обтерпѣлась, мнѣ все трынъ-трава, все, все равно!.. Только вотъ горе мое, что и музыку я точно потеряла, пропала она...

— Какъ пропала?

— Да такъ,—точно ея нѣтъ. До того наслушалась, что вотъ теперь, напримѣръ, *онъ* играетъ, а я точно и не слышу. То-есть, слышу одними ушами, какъ шумъ какой-нибудь. Иной разъ даже просто противны эти самыя фортепьяны, самый звукъ ихъ. Бѣжала бы отъ нихъ куда глаза глядятъ. Иногда маменьки дома нѣтъ, онъ примется играть,—казалось бы, чего лучше, хоть почитать можно, посидѣть одной спокойно. Такъ нѣтъ! Гудитъ этотъ рояль въ самыя уши, гудитъ, гудитъ, брянчитъ... Ну, просто, въ

Digitized by Google

голову ничего не идетъ, читать не могу... и такъ тошно станетъ, что хоть изъ окна броситься, и то впору. Экая назойливая штука эти фортепьяны! А *музыки моей* точно и не бывало! Не разберу даже, что̀ онъ и играетъ; и знакомыя даже вещи мимо ушей идутъ; слушаешь безо всякаго вниманія, въ родѣ какъ еслибъ вслухъ кто-нибудь таблицу умноженія повторялъ, или *Вѣрую* училъ... Только развѣ когда иной разъ заиграетъ что-нибудь старинное, прежнее, что̀ игрывалъ, какъ еще женихомъ былъ... Вотъ Шумана одна такая есть вещь... трудная... „Крейслеріана“, что-ли, ужъ не знаю! Такъ какъ онъ на дняхъ заигралъ ее, такъ у меня въ душѣ что-то задрожало. Боже мой, вотъ она, музыка-то моя! Всякая нота мнѣ въ сердце такъ и пошла, всю душу измучила... Тутъ ужъ я выплакала всѣ слезы, что̀ еще у меня есть... Сравнивала я себя въ тотъ вечеръ съ *собой прежней*, съ той, что, какъ бабочка на огонь, свою жизнь за музыку отдала... А потомъ, потомъ опять все пропало, опять одинъ шумъ остался... Да что̀ это я вамъ разжаловалась,—вѣдь скучно и слушать. Простите!

— Да полно вамъ! Что̀ вы все извиняетесь. Вамъ легче, ну и говорите.

— Да и говорить больше нечего. Только и есть всего, что тошно, и скучно, и тяжко. Терпишь, терпишь, стараешься и лаской, и кротостью — ничего не помогаетъ! То чуть съ кулаками не лѣзетъ, а черезъ полчаса и забылъ все, идетъ цѣловаться, какъ ни въ чемъ не бывало. Иной разъ отвернешься, а онъ: „Чего, говоритъ, морду воротишь да дуешься? Мнѣ, говоритъ, скучно на такую анаѳемскую рожу глядѣть. Я все, говоритъ, побросаю и изъ дому сбѣгу“... Ну, тутъ ужъ и маменька примется пилить: „Вотъ, говоритъ, до чего довела! А онъ артистъ, ему спокойствіе надо“... Ну и опять терпишь, и опять онъ, ни съ того, ни съ сего, въ дикое бѣшенство приходитъ. На той недѣлѣ было каминными щипцами въ меня бросилъ,—въ плечо, славу Богу, попалъ. Эхъ, да еще слава ли Богу?! Ужъ лучше бы въ голову, да и конецъ!

— Марья Петровна! Да что̀ вы? Что̀ вы говорите!?

— Да то и говорю, что̀ думаю.

— Да вы молоды... — началъ я, но не смогъ продолжать этихъ банальныхъ утѣшеній. Что̀ я могъ бы ей въ самомъ дѣлѣ сказать утѣшительнаго?

— А главное то,—сказала Маша вдругъ сурово: — что не слѣдовало мнѣ и вообще всего этого вамъ говорить. Гадко, гадко! Какой ни на есть, а мужъ, а я вамъ, чужому человѣку, жа-

Digitized by Google

луюсь. Да вотъ не справилась съ собою, не вытерпѣла! — Она замолчала и глубоко задумалась.—Все одна, все одна... никого-то у меня нѣтъ... — вновь сказала она наконецъ, но такимъ голосомъ, что мнѣ стало жутко. И съ этими словами она вышла.

Черезъ недѣлю моя квартира была готова, и я вернулся въ нее. Сознаюсь, что мнѣ было грустно и страшно какъ-то оставлять Машу одну. Я смѣло говорю: „одну", ибо ясно было, что при мнѣ ей все-таки лучше жилось, при мнѣ церемонились и стѣснялись, и она не подвергалась хотя бы грубымъ униженіямъ и побоямъ. Воспользовавшись той минутой, когда Катерина Ѳедоровна, распоряжавшаяся перенесеніемъ моихъ вещей, вышла вмѣстѣ съ Михайлой изъ комнаты, я попросилъ Машу заходить ко мнѣ.

— Да что вы?—сказала она съ испугомъ.—Да развѣ можно? Вѣдь меня за это со свѣту сживутъ.

— Ну ужъ и сживутъ! Я человѣкъ ужъ старый. Про васъ никто слова худого не посмѣетъ сказать. А то намъ и поговорить никогда нельзя.

— Да что и говорить-то,—возразила она хмуро.—Все переговорено.

Однако, не прошло и двухъ дней, какъ часовъ въ двѣнадцать въ передней раздался звонокъ, и моя Ѳекла со своимъ всегдашнимъ глупо-нерѣшительнымъ и таинственнымъ видомъ сообщила, что пришла „квартирной хозяйки невѣстушка". И въ ту же минуту Маша вошла въ мой кабинетъ.

— Маменька на Сѣнную уѣхала... а онъ началъ учить 13-ую рапсодію... на службу сегодня не идетъ, потому что очень жарко... до завтрака проучитъ... Я просила Дуняшу не сказывать и за супомъ посмотрѣть,—проговорила Маша, запыхавшись отъ быстраго подъема по лѣстницѣ.

На улицѣ парило. Надвигалась гроза. Тяжелыя облака ползли по небу, а жаркій вѣтеръ, налетая порывами, гонялъ по улицѣ столбы пыли.

— Вотъ я и не обѣщала, а пришла. Скучно слишкомъ. Такъ скучно безъ васъ!.. Вы не подумайте, что я вамъ какія-нибудь такія сладости говорю. Избави Богъ! Да и не до сладостей мнѣ, въ сердцѣ-то и помину нѣтъ ни о чемъ объ этомъ! А только какъ это ни странно, а одинъ вы во всемъ свѣтѣ обо мнѣ пожалѣете.—Она оглянулась на мои бумаги.—Вы пишете? Я опять помѣшала? Пишите! Я посижу тихонько. У васъ такъ хорошо, тихо, отдохнуть можно.

— Вы мнѣ ничуть не помѣшали. Я очень радъ съ вами

Digitized by Google

поговорить. Ну, что? Какъ дома у васъ послѣ моего переселенія? Тихо?

— Тихо.

— И все благополучно?

— Все благополучно.—Она даже улыбнулась своей слабой, доброй улыбкой.—Вы точно сторожъ мой!

— И вправду—сторожъ. Знаете, Марья Петровна, у меня такое чувство, точно я обязанъ васъ беречь и стеречь, точно мнѣ въ руки досталось случайно что-то хрупкое, нѣжное, что можетъ легко разбиться. Вотъ и надо беречь.

— „Можетъ легко разбиться"...—повторила она въ раздумьи.—Ну, тоже, сказали! точно я сокровище!

— И вправду—сокровище.

— Это я-то?

— Да, вы.

— Ну, полноте вздоръ говорить. — Она разсмѣялась. И тутъ же вдругъ она, къ моему ужасу, истерически зарыдала.—Сокровище... сокровище!..—повторяла она среди не то рыданій, не то дикаго хохота.—Нечего сказать, нашли сокровище, что и цѣны ему нѣтъ... А и цѣна то три гроша... бабьё... идіотка... куриные мозги...—Она, очевидно, повторяла выраженія изъ лексикона господина Калошкина.

Я далъ ей воды, но и на этотъ разъ не пытался успокоить, а далъ ей выплакаться, и даже ушелъ въ сосѣднюю комнату.

Вдругъ въ передней позвонили. Инстинктивно, не давая времени Ѳеклѣ отворить, я бросился въ переднюю и самъ открылъ дверь. Передо мною стояла Софья Игнатьевна.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я ее сухо.

— Ахъ, извините пожалуйста,—начала она своимъ противнымъ сиплымъ голосомъ:—не у васъ ли дворникъ?

— Никакого дворника у меня нѣтъ. Если нужно дворника, ступайте въ дворницкую! — сказалъ я ей грубо и захлопнулъ дверь.

Мнѣ послышалось, что она злобно хихикнула.

— Послушайте,—сказалъ я, возвращаясь къ Машѣ:—„благородная вдова" сейчасъ неизвѣстно зачѣмъ приходила сюда. Очевидно, она злится и хочетъ сдѣлать вамъ какую-нибудь пакость, неизвѣстно почему, вѣрнѣе всего потому, что ей надоѣло, какъ тому греку, про котораго вы вѣрно учили въ гимназіи, что васъ „всѣ называютъ честной". Эти твари органически не переваривaютъ честныхъ женщинъ, и ихъ вѣчный конекъ—утвержденіе, что „всѣ" такія же, какъ онѣ, а потому ни одна изъ

Digitized by Google

нихъ никогда не упуститъ случая, чтобъ доказать мнимое легкомысліе и безнравственность порядочныхъ женщинъ. Эта госпожа, разумѣется, постарается представить наши съ вами разговоры въ видѣ какихъ-то любовныхъ свиданій, или т. п. Смотрите, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ она вамъ какой-нибудь каши не заварила. Вѣдь ваша свекровь очень съ ней ладитъ, кажется?

— Да, у маменьки черезъ три слова „Софья Игнатьевна“ да „Софья Игнатьевна“. Она для нея предметъ восхищенія и поклоненія.

— Ну, вотъ то-то и есть! Будьте осторожны. А теперь вотъ что мы сдѣлаемъ: я пойду прямо къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, мнѣ, кстати, нужно и расплатиться съ ней окончательно. А вы ступайте въ лавочку, купите что-нибудь, а оттуда ужъ и идите домой. Я убѣжденъ, что „вдова“ теперь ужъ у васъ сидитъ, и хочу непремѣнно ее тамъ застать.

Такъ оно и оказалось. Еще изъ передней Калошкиныхъ я услышалъ хриплый голосъ Софьи и ея ненатурально-приподнятую рѣчь, съ переходами отъ театральнаго шопота къ театральнымъ же выкрикамъ, съ невѣрными удареніями на словахъ и твердымъ произношеніемъ мягкихъ слоговъ „рю, ря, ре“. Въ гостиной у фортепіано сидѣлъ Калошкинъ, а подлѣ него на креслѣ—„вдова“. Они оживленно разговаривали, но при моемъ появленіи разомъ замолчали и съ явнымъ замѣшательствомъ поздоровались со мной.

— Я и не слышалъ, какъ вы позвонили! — сказалъ г. Калошкинъ смущенно, а его видъ заставлялъ понять эту фразу такъ: „чего добраго, вы нашъ разговоръ подслушали“?

— Я и не звонилъ,—отвѣтилъ я:—я въ дверяхъ столкнулся съ Марьей Петровной, она шла въ лавочку и...

— Ахъ! она шла въ лавочку!—сказала Софья и поблѣднѣла отъ злости.

— А я думалъ, что она уже давно не дома, — прибавилъ г. Калошкинъ.

— Этого я не знаю. Но какъ бы то ни было, я не звонилъ, — сказалъ я пренебрежительно: — а пришелъ я для того, чтобы заплатить Катеринѣ Ѳедоровнѣ. Можно ее видѣть?

— Маменьки нѣтъ дома, — отвѣтилъ Калошкинъ, который все еще не могъ стряхнуть съ себя своего замѣшательства.— Если угодно, я могу за нее получить.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я не буду мѣшать вашимъ дѣламъ, — сказала Софья и встала.

Digitized by Google

Въ эту минуту вошла Маша съ фунтомъ въ рукахъ.

— Ахъ, какая хозяйка хорошая!—слащавымъ голосомъ заговорила Софья.—Все сама, все сама! Развѣ вы не довѣряете Дуняшѣ?

— Дуняша полъ моетъ, — коротко отвѣтила Маша и, не взглянувъ даже на „вдову", прошла въ кухню.

Помедливъ немного, чтобъ дать время уйти Софьѣ, я расплатился съ Калошкинымъ и потомъ вернулся домой. Нѣсколько дней я не видѣлъ Маши. И всѣ эти дни меня тяготило сознаніе, что я точно оставилъ ее, безпомощную, во власти недруговъ. Мало того, я былъ причиною, что ко всѣмъ ея непріятностямъ и мученіямъ присоединились новыя. Желая помочь ей, поддержать ее, я сдѣлалъ жизнь ея еще невыносимѣе. Я не могъ даже узнать, какъ эта новая исторія обошлась для нея, ибо ясно, что я не долженъ былъ ни писать ей, ни заходить къ ней. Наконецъ, я не выдержалъ. И, подкарауливъ однажды тотъ моментъ, когда Маша, съ пустой корзиной на рукѣ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Алексѣемъ, который повстрѣчался ей во дворѣ, вышла въ ворота, я поспѣшно схватилъ шляпу и палку и тоже вышелъ на улицу. Черезъ нѣсколько шаговъ я нагналъ Машу.

— Марья Петровна, здравствуйте!—сказалъ я, и невольно, какъ влюбленный, оглянулся, не слѣдитъ ли за нами кто-нибудь. Но залитой солнцемъ тротуаръ былъ совершенно пустъ, и за нами, и впереди насъ, и кромѣ нашихъ двухъ длинныхъ тѣней, бѣжавшихъ по стѣнамъ, ничто не темнило раскаленной бѣлизны улицы.

— Ну, что у васъ? какъ?—спросилъ я тревожно.

Маша холодно посмотрѣла на меня.

— Какъ? Да никакъ! Все такъ же.

— Что вы ничего не говорите? Не притѣсняли васъ? Софья не напакостила чего-нибудь?

Маша злобно засмѣялась.

— Какъ не говорить! Разумѣется, говорили...

— Ну и что же? Что?

— Что?—Что вы мой любовникъ. Что я собираюсь вмѣстѣ съ вами сбѣжать, и, кажется, уже вы взяли заграничный паспортъ... — Маша говорила своимъ прежнимъ, рѣзкимъ тономъ, отъ котораго я уже отвыкъ за послѣднее время.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ я. — Ну, какъ помочь этому? Какъ ихъ разубѣдить? Вѣдь только этого не хватало, чтобъ изъ-за меня вамъ еще хуже жилось!

Digitized by Google

— Э! все равно!—сказала Маша съ отвращеніемъ.—Изъза васъ ли, не изъ-за васъ ли,—все одно. Ваша хата съ краю.

— Марья Петровна, милая, не говорите такъ. Мы недавно знакомы, но вѣдь мы друзья. Не правда ли, мы друзья? Какъ же вы говорите, что моя хата съ краю? Да вѣдь я только оттого и переѣзжалъ къ вамъ, что помочь вамъ хотѣлъ. А вышло еще хуже!

— Ну, разумѣется, хуже. Да и все вообще хуже... И чего вы, право, впутались во все это? И безъ васъ тошно было, а теперь и еще...

Она не договорила и вдругъ пошла такъ быстро, что я сразу отсталъ.

Я нагналъ ее.

— Куда вы такъ торопитесь? Марья Петровна! Не могу я васъ такъ оставить. Подумаемъ, сговоримся, какъ горю помочь, какъ намъ увидѣться, какъ поговорить?

— Ахъ, и отстаньте вы съ вашими разговорами! — злобно крикнула Маша и остановилась на тротуарѣ, глядя мнѣ прямо въ лицо. — Вотъ гдѣ мнѣ ваши разговоры, вотъ гдѣ!—она показала на шею.—Прощайте, некогда мнѣ съ вами болтать, да и не о чемъ! Что канитель разводить! Все равно, не поможете! Да и не просилъ васъ никто помогать!

Она опять пошла впередъ.

— Марья Петровна! Марья Петровна, ради Бога, успокойтесь, выслушайте меня! Я не на вѣтеръ такъ говорю. Я въ самомъ дѣлѣ хочу...

— Ну, что „въ самомъ дѣлѣ хочу“?—злобно передразнила она меня.—Хотите сколько угодно, а толку отъ этого никакого.

— Послушайте, ну, хоть давайте мнѣ о себѣ вѣсточки... чтобъ я зналъ, какъ у васъ и что... Вѣдь я просто извелся отъ безпокойства о васъ.

— Это что же?—переспросила она меня съ насмѣшкой.— Записочки вамъ писать?

— Ну, да! пишите хоть по городской почтѣ, или попросите Алексѣя, знаете, Мухинскаго деньщика; онъ славный малый и, кажется, вамъ симпатизируетъ, онъ мнѣ передастъ.

— Экій вздоръ!—сказала Марья Петровна коротко и остановилась у двери зеленной. — Ну, прощайте! Идите себѣ своей дорогой. Да и неприлично такому господину съ „куфаркой“ по улицамъ ходить,—замѣтила она съ дѣланною вульгарностью.—Наше вамъ почтеніе...—и она вошла въ дверь лавочки.

А я, растерянный, разстроенный, съ щемящимъ чувствомъ

Digitized by Google

безсилія и безпомощности передъ этой, подлѣ меня происходящей, невидимой и страшной по своей обыденности, трагедіей, остался одинъ на бѣлой отъ солнца, пустынной улицѣ и уныло побрелъ домой, мимо раскаленныхъ стѣнъ домовъ, погруженныхъ въ мертвенное молчаніе лѣтняго петербургскаго утра.

Лѣто стояло невѣроятно-жаркое. Дворники выбивались изъ силъ, цѣлыми днями перетаскивая съ мѣста на мѣсто тяжелые резиновые рукава, и все-таки не могли спасти насъ отъ столбовъ удушливой пыли, поднимавшейся при всякомъ порывѣ жаркаго, сухого вѣтра. Страшная засуха была всеобщей тэмой разговоровъ, какъ газетныхъ, такъ и частныхъ. О ней говорили не только любители викторіи, которымъ приходилось платить втридорога и получать очень плохія, вялыя ягоды. Пріѣзжіе съ дачъ и по финляндской и по николаевской желѣзной дорогѣ привозили печальныя извѣстія о томъ, что у пригородныхъ и болѣе далекихъ крестьянъ сѣна почти не будетъ; хлѣбъ, уродившійся съ весны очень хорошо, вездѣ погораетъ; что вездѣ начались лѣсные пожары, горятъ торфяныя болота; что крестьяне вездѣ служатъ молебны. Вскорѣ и въ городѣ сталъ слышаться запахъ гари, и солнце садилось въ какое-то мрачное, буро-багровое облако не то тумана, не то густого дыма.

Я начиналъ-было малодушно раскаяваться, что остался въ городѣ, сталъ подумывать о томъ, куда бы удрать хоть на время изъ удушливой бани, въ которую превратился нашъ сѣрый и холодный Петербургъ, и очень обрадовался, когда одна милая и гостепріимная новгородская помѣщица, жена моего стараго пріятеля, Сергѣя Николаевича Леонтьева, написала мнѣ, прося пріѣхать къ нимъ на 5-ое іюля—день именинъ ея мужа. „Послѣ петербургской духоты даже наше скромное имѣніе покажется вамъ раемъ, и я надѣюсь, что вы прогостите у насъ нѣсколько дней“,—прибавляла она въ концѣ письма. Я такъ и сдѣлалъ, и, долженъ сознаться, съ большимъ удовольствіемъ въ теченіе трехъ дней вдыхалъ хоть и жаркій, но все же чистый воздухъ надволховскихъ рощъ и полей. А когда прошли эти три дня, я безъ особаго восторга простился съ гостепріимными хозяевами и влѣзъ въ душный вагонъ П-го класса невѣроятно грязнаго и медленнаго поѣзда, который долженъ былъ привезти меня въ Петербургъ лишь поздно ночью. Духота въ вагонѣ усугублялась еще тѣмъ, что приходилось закрывать окна отъ ѣдкаго, густого дыма, окутавшаго весь рельсовый путь и почти застилавшаго придорожные кусты и деревья. Кое-гдѣ по низамъ пробѣгали огненныя змѣйки, или, когда невидимый огонь добирался до сухой

Digitized by Google

елочки или можжевеловаго куста, онъ вдругъ смѣло взвивался, и на мгновеніе деревцо пылало яркимъ бѣлымъ пламенемъ. Ближе къ Колпину стали видны по сторонамъ дороги черныя фигуры копавшихъ канавы саперныхъ солдатъ, вызванныхъ изъ ижорскаго лагеря для борьбы съ лѣсными пожарами. Поѣздъ тащился необычайно скучно, съ безчисленными остановками на какихъ-то Богомъ забытыхъ полустанкахъ и платформахъ. Пассажиры дремали или угрюмо смотрѣли въ окна. Я тоже отъ нечего дѣлать всматривался въ полумракъ іюльской ночи, въ безцвѣтно зеленоватое небо, съ багрово-лиловой тяжелой полосой, залегшей съ востока на западъ. Направо небо начинало уже розовѣть, и вскорѣ мимо оконъ вагона побѣжали явственнѣе темные силуэты деревьевъ, бѣлыя отъ росы низинки, печальныя, сѣрыя, забытыя деревушки и блѣдныя ленты пыльныхъ дорогъ.

На николаевскомъ вокзалѣ почти не было встрѣчающихъ, и носильщиковъ тоже было мало: нашъ поѣздъ, видимо, былъ ни для кого не интересенъ. Я вышелъ изъ вокзала и остановился пораженный. Въ городѣ было такъ же дымно, какъ и по дорогѣ. Вся Знаменская площадь и всѣ выходящія на нее улицы были затянуты грязно-сѣрой пеленой дыма и пыли. Все было тускло, мертво, сѣро, душно. Электрическіе фонари Невскаго казались тусклыми и красными среди удушливаго облака, спустившагося на городъ. И все же на Невскомъ было лучше. А когда я въѣхалъ въ одну изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ не горѣлъ ни одинъ фонарь (ибо, какъ извѣстно, петербургскіе фонари зажигались по календарю), тамъ было совсѣмъ мрачно, и дымный туманъ казался здѣсь еще удушливѣе и тяжелѣе. Изрѣдка изъ мглы выплывала темная тѣнь запоздалаго пѣшехода и вновь пропадала. Мнѣ стало какъ-то жутко и такъ тоскливо, точно я ѣхалъ не къ себѣ, въ свою покойную и тихую квартиру, а куда-то въ чужое мѣсто, гдѣ меня ждали несчастья и непріятности. Казалось, дымный туманъ не только щекоталъ мнѣ горло, но проникалъ и все мое существо, прогналъ всякую ясную мысль изъ головы, всякое душевное равновѣсіе. Все во мнѣ было такъ же смутно и тоскливо, какъ вокругъ меня. И вдругъ я обратилъ вниманіе, что уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ за мной слышится дребезжащій звукъ другихъ дрожекъ, неотступно слѣдовавшихъ за моими. Мнѣ показалось, что кто-то преслѣдуетъ меня, гонится за мной, кто-то таинственный, какой-нибудь неизвѣстный врагъ, кто готовитъ мнѣ сейчасъ непріятную встрѣчу, нанесетъ оскорбленіе, можетъ быть убьетъ меня. Нервы у меня,

Digitized by Google

очевидно, были не въ порядкѣ, ибо, не доѣзжая до моей улицы, преслѣдовавшій меня незнакомецъ, вѣроятно, такой же мирный обыватель, какъ я, ѣхавшій въ ту же сторону, что̀ и я, преспокойно свернулъ налѣво, а я благополучно добрался до дому. Тѣмъ не менѣе, я съ необыкновеннымъ облегченіемъ увидѣлъ свой подъѣздъ и стоявшую у воротъ на привычномъ мѣстѣ элегантную колясочку генерала Громова. Швейцаръ не тотчасъ отворилъ мнѣ. Я позвонилъ вторично и энергичнѣе. Опять ничего. Я нетерпѣливо сталъ трезвонить, не отнимая руки отъ кнопки звонка, однако швейцаръ все-таки не отворялъ.

Тогда я прошелъ къ воротамъ и принялся изо всей силы дергать веревку звонка. Къ моему удивленію, калитка открылась тотчасъ, безъ того, чтобы ее отперли ключомъ.

— Чего трезвоните-то?—непривычно грубо сказалъ Михайло, оказавшійся за воротами вмѣсто подручнаго, котораго я уже собрался-было „разносить“.—Видите, что открыто...

— Да чортъ васъ знаетъ, гдѣ у васъ открыто! Гдѣ швейцаръ? Я звонилъ у подъѣзда чуть не полчаса...

— Не до васъ тутъ!—опять такъ же грубо проворчалъ Михайло и, не запирая калитки, пошелъ передо мною во дворъ.

Во дворѣ не было тихо и мертво, какъ на улицѣ и какъ слѣдовало ожидать въ этотъ поздній часъ. Напротивъ, отовсюду слышались голоса, мелькали огоньки. Очевидно, случилось что-то. У меня защемило сердце. Я не сомнѣвался ни секунды, что что-нибудь ужасное случилось съ Машей, и пошелъ прямо на толпившуюся въ дымномъ сумракѣ кучку людей и тотчасъ наткнулся на деньщика Алексѣя. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и едва держалъ въ рукахъ принесенную изъ кухни маленькую жестяную лампочку, которую онъ несъ назадъ въ квартиру.

— Что̀ тутъ такое, Алексѣй?—окликнулъ я его.

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности, внезапно увидѣвъ меня передъ собой.

— Такъ что, ваше-скородіе...—началъ онъ дрожащимъ голосомъ — эта самая, значитъ...—онъ замялся, остановился, и вдругъ, махнувъ рукой, бросился отъ меня въ сторону и побѣжалъ къ черной лѣстницѣ.

Я подошелъ къ людямъ, столпившимся посреди двора.

— Осторожнѣй, дьяволы! Развѣ такъ можно! Тише!

— Господи, Господи Владыко...

— Съ той стороны заходи!..

— Крови-то, крови сколько!

Digitized by Google

— Возьми фонарь-то!

Кучера, дворники, растрепанныя, въ какихъ-то платкахъ на головахъ, женщины, и тутъ же исполинская, украшенная перьями и цвѣтами, шляпка „благородной вдовы“, очевидно, только-что вернувшейся съ Острововъ со своимъ генераломъ, потому что и его красный околышъ виднѣлся въ сторонѣ, около какой-то форменной фуражки, близъ которой столпились фонари и лампочки.

— Вотъ теперь, небось, „потише“! черти! а какъ жива-то была, такъ „мы вмѣшиваться не можемъ“. Говорила я тогда, что поздно будетъ.

— А ты молчи, не то я тебя привлеку за оскорбленіе во время исполненія служебныхъ обязанностей.

— Да и привлекай. Сдѣлай милость! Я и сама приду; я свидѣтельницей желаю быть, да ихъ, изверговъ, къ суду притянуть за тиранство, да въ Сибирь...

— За что же ихъ-то въ Сибирь?—спросилъ слабый женскій голосъ, по которому я узналъ свою Ѳеклу,—коли она сама себя рѣшила?

— „Сама себя“!—передразнила ее Матрена, которая, судя по голосу, находилась въ крайней степени раздраженія и озлобленія.

— Эхъ ты фефела, какъ есть фефела!—сказалъ и Михайло. —Кто жъ этого не пойметъ! Съ чего бы это ей, значитъ, себя рѣшать, коли бы не жизнь каторжная!

— Да ужъ это что и говорить!—согласилась Ѳекла.—Каторжная какъ есть!

— Вотъ то-то и есть.

— Пойдемте, Николай Сергѣичъ, что вы тутъ стоите? Худо жила, худо и умерла. Это Богъ ее наказалъ...

— Вотъ *эта* небось не рѣшится, часовщица-то наша!..

— Посвѣти доктору-то!

— Неужто рѣзать ее будутъ?

— А то какъ же? Безъ этого нельзя, потому для опредѣленія причины смерти...

— Опредѣленіе причины?! Да на коего-жъ ляду тутъ еще причины, коли мѣста на ей живого нѣту!!..

— А потому, значитъ, кто виновникъ въ смерти, сама, али, можетъ, кто толкнулъ.

— Ахъ ты!.. ну и какой же ты послѣ этого городовой?! Тебѣ блины съ Ѳеклой вмѣстѣ печь, дурья голова! Я тебѣ толкомъ говорю, по-русски... Ну, какъ это, по вашему, баринъ, понять?—вдругъ обратилась Матрена ко мнѣ, когда я протискался

Digitized by Google

впередъ и очутился совсѣмъ подлѣ нея.—Я была на лѣстницѣ, уже спать совсѣмъ ложилась, да жарко больно... вышла на лѣстницу и сѣла на подоконникъ воздухомъ подышать. Да вдругъ бѣжитъ кто-то мимо меня, наверхъ по лѣстницѣ... Гляжу, сама-то она голубушка, Марья Петровна. Я ей говорю: „Вы куда это, Марья Петровна?“ А она и не оглянулась. Бѣжитъ да и шепчетъ, либо бормочетъ про себя... „Нѣтъ, говоритъ, довольно, довольно! Конецъ, конецъ! Силъ моихъ больше нѣтъ! Не стоите вы того“!.. Да еще что-то такое скоро такъ, скоро: „Освобождусь, говоритъ, освобождусь“... Господи, думаю я, что жъ это такое? Да вдругъ слышу: стукнула рама какъ разъ надъ моей головой, въ четвертомъ... Ахти, что-жъ это она задумала! Да не успѣла я и шагу сдѣлать, какъ мимо меня-то ш-ш-ш... словно птица, ш-ш-ш!

— О, Господи! — простоналъ кто-то подлѣ меня.—Прости ей, Господи!

— Посвѣти приставу-то и доктору! Что-жъ, ваше-скородіе, нести прикажете?

— Несите.

— Докторъ! Одну минуту! Скажите, ради Бога, неужто она жива? Скажите!—спросилъ я, бросаясь къ молодому человѣку въ форменномъ пальто, угрюмо и стороной пробиравшагося къ воротамъ вслѣдъ за приставомъ, слѣдователемъ и Михайлой, который свѣтилъ имъ, хотя на дворѣ стало уже совсѣмъ свѣтло. И я остановилъ доктора за рукавъ.—Скажите!

— На мѣстѣ!—односложно отвѣтилъ докторъ, высвобождая свой рукавъ, и, не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ.

Я не пошелъ на другой день поглядѣть на Машу, какъ ни уговаривала меня Ѳекла:

— Сходите, баринъ, посмотрѣть. Чудеса да и только: личико-то и не задѣло ничѣмъ, а, говорятъ, вся какъ есть разбита. Ну, словно ангелъ лежитъ, бѣлёшенькая, спокойная и будто улыбается. Ну, вѣрите ли, будто и не такой смертью умерла. Прости ей, Господи!

Я и на похороны не пошелъ,—не былъ въ состояніи увидѣть г. Калошкина и его матушку. Такъ я болѣе и не увидѣлъ Маши. Ее похоронили на Смоленскомъ. Я поѣхалъ туда недѣли черезъ три и, хоть это можетъ быть и глупо, свезъ туда цѣлый ворохъ свѣжихъ розъ. Но на что были онѣ ей теперь! Могилка уже поросла травой, и даже выросъ на ней маленькій лиловый колокольчикъ.

Digitized by Google

А еще недѣли черезъ двѣ я услышалъ—и, сознаюсь, безъ всякаго удивленія—звуки фортепіано въ раскрытую форточку:—г. Калошкинъ съ необыкновеннымъ бріо игралъ этюды Листа.

А еще говорятъ, что музыка смягчаетъ нравы!

Влад. Каренинъ.

Digitized by Google

ЕЩЕ О ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМѢ

Цѣлая литература возникла у насъ за послѣднее время по денежному вопросу; но—странно сказать,—самыя существенныя стороны денежной реформы обратили на себя наименьшее вниманіе и остались столь же неясными, какъ и прежде. Переходъ къ золотой валютѣ почти не обсуждается защитниками оффиціальнаго проекта и принимается большинствомъ его противниковъ, какъ нѣчто неизбѣжное и естественное, не требующее вовсе особаго разсмотрѣнія. Мало того,—многіе думаютъ и утверждаютъ, что этотъ переходъ совершился или долженъ былъ совершиться самъ собою, въ силу обстоятельствъ мірового рынка, и что, слѣдовательно, у насъ не было даже повода къ самостоятельному обсужденію вопроса о валютѣ, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства. Другіе доказывали, что предлагаемая у насъ перемѣна монетной системы есть не перемѣна, а только законное истолкованіе и примѣненіе обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ относительно кредитныхъ билетовъ.

Чтобы представить наглядную характеристику современнаго положенія у насъ вопроса о денежной реформѣ, достаточно привести и разобрать нѣкоторые любопытные факты, едва затронутые критикою. Въ отчетахъ государственнаго банка неизмѣнно значится въ активѣ „безпроцентный долгъ государственнаго казначейства за кредитные билеты", не обезпеченные золотомъ; другими словами, казна признаетъ себя должною государственному банку всю номинальную металлическую стоимость обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ и притомъ именно въ золотой валютѣ. Спрашивается: почему кредиторомъ является здѣсь государственный банкъ? Если уже разсуждать юридически, по буквѣ закона, то кредиторами въ данномъ случаѣ могутъ быть только владѣльцы кредитныхъ билетовъ, т.-е. всѣ вообще обыватели, которые пользуются бумажными деньгами и не полу-

Digitized by Google

чаютъ за нихъ обѣщаннаго эквивалента въ звонкой монетѣ. Государственный банкъ есть не кредиторъ, а напротивъ, должникъ, ибо на немъ лежитъ обязанность „безостановочнаго во всякое время размѣна“ кредитныхъ билетовъ на металлъ по нарицательной цѣнѣ. Однако, банкъ отвѣчаетъ не самостоятельно, а отъ имени государства, что̀ ясно выражено въ условной формулѣ объ обезпеченіи цѣнности бумажныхъ денегъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что государственный банкъ фигурируетъ въ роли кредитора казны по кредитнымъ билетамъ. И государство серьезно заняло положеніе озабоченнаго должника по отношенію къ одному изъ исполнительныхъ органовъ своей собственной финансовой администраціи; для уплаты фиктивнаго безпроцентнаго долга дѣлаются весьма реальные процентные займы, отдаются собранныя съ населенія средства въ видѣ свободныхъ запасовъ государственнаго казначейства, и обыватели должны сами съ большими усиліями уплачивать долгъ, по которому они же состоятъ въ сущности единственными кредиторами. Долгъ платится должнику, государственному банку, превращенному какимъ-то образомъ въ кредитора по своимъ собственнымъ обязательствамъ,—а настоящіе кредиторы исполняютъ функцію должниковъ и плательщиковъ черезъ посредство государственнаго казначейства!..

Очевидно, эта своеобразная бухгалтерія построена на слѣдующей фикціи: кредитные билеты суть долговые документы государственнаго банка, обезпеченные поручительствомъ государства,—почему общая сумма ихъ и значится въ пассивѣ банка; банкъ номинально отвѣтственъ по нимъ передъ владѣльцами, а передъ банкомъ отвѣтственно казначейство, которое обязано снабжать его надлежащимъ количествомъ металла для обмѣна билетовъ на звонкую монету. Будучи должникомъ передъ обладателями бумажныхъ денегъ, банкъ въ свою очередь пользуется правами кредитора относительно государства, какъ поручителя и дѣйствительнаго, какъ бы замаскированнаго должника. Но эта цѣпь фиктивныхъ долговыхъ отношеній не имѣетъ подъ собою реальной почвы и оказывается только неудачнымъ заимствованіемъ. Наши „*государственные* кредитные билеты“, имѣвшіе съ самаго начала характеръ общеобязательныхъ бумажныхъ денегъ и поступавшіе въ обращеніе по мѣрѣ надобностей государственнаго казначейства, ошибочно приравнены къ банковымъ билетамъ, которые выпускаются западно-европейскими центральными банками исключительно для коммерческихъ операцій, въ зависимости отъ потребностей торговаго оборота. Когда акціонерный центральный банкъ, въ родѣ англійскаго или французскаго, выдаетъ свои билеты при учетѣ векселей, при пріемѣ въ залогъ процентныхъ бумагъ или металла, то эти билеты суть дѣй-

Digitized by Google

ствительно долговые документы, замѣняющіе уплату наличностью, вслѣдствіе присвоеннаго имъ всеобщаго довѣрія; билеты переходятъ изъ рукъ въ руки въ качествѣ удобныхъ орудій платежа, и въ концѣ концовъ возвращаются въ банкъ для обмѣна на звонкую монету, послѣ чего подлежатъ уничтоженію. При наступленіи критическихъ обстоятельствъ, государство можетъ прибѣгать къ содѣйствію такого привилегированнаго банка для устройства своихъ финансовыхъ дѣлъ, и тогда банкъ становится кредиторомъ казначейства, которое съ теченіемъ времени погашаетъ свой долгъ; въ исключительныхъ случаяхъ государственная власть сообщаетъ банковымъ билетамъ принудительный курсъ, съ временною пріостановкою размѣна. Ничего подобнаго не представляютъ условія выпусковъ нашихъ бумажныхъ денегъ. Кредитные билеты были выпущены прямо по распоряженію государственной власти, взамѣнъ государственныхъ же ассигнацій, причемъ мотивы принятыхъ мѣръ указаны въ особыхъ манифестахъ. Позднѣйшіе выпуски дѣлались такъ же точно государствомъ, и вся роль учрежденнаго въ 1860 году государственнаго банка ограничивалась въ этомъ отношеніи точнымъ и пассивнымъ исполненіемъ указаній министерства финансовъ. Наши кредитные билеты остаются понынѣ государственными, а не банковыми билетами, хотя выпускъ и предполагаемый размѣнъ ихъ на звонкую монету поручены были банку, какъ исполнительному казенному учрежденію. Никакого долга, даже номинальнаго и фиктивнаго, не могло поэтому возникнуть со стороны казначейства по отношенію къ государственному банку.

Предположимъ однако, что признаніе несуществующаго долга государственному банку, въ размѣрѣ общей цифры обращающихся въ странѣ кредитныхъ билетовъ, выражало лишь опредѣленный взглядъ на бумажныя деньги, какъ на долгъ, подлежащій погашенію соотвѣтственнымъ количествомъ звонкой монеты. Въ этомъ смыслѣ можетъ показаться безразличнымъ, кто и почему считается кредиторомъ, и если разсчетами по кредитнымъ билетамъ завѣдуетъ извѣстное правительственное учрежденіе, то пусть оно играетъ условную роль требовательнаго вѣрителя относительно казны. Но часто фикція принимается за дѣйствительность, и это именно происходитъ въ данномъ случаѣ. Разъ признанъ долгъ, надо его уплатить сполна, безъ остатка, и правительство, съ присущею ему щепетильною добросовѣстностью въ денежныхъ дѣлахъ, старается постепенно довести сумму своихъ металлическихъ взносовъ въ государственный банкъ до полнаго покрытія существующихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, въ количествѣ 1.083.781.634 рублей. Предполагается, что долгъ будетъ уплоченъ окончательно лишь тогда, когда металлическій фондъ достигнетъ этой колоссальной цифры, и когда не останется уже ни одного

Digitized by Google

бумажнаго рубля, не покрытаго металломъ,—подобно тому, какъ вексель или заемное обязательство считаются погашенными лишь послѣ уплаты всей обозначенной въ нихъ суммы. Здѣсь уже чувствуются важныя практическія слѣдствія того смѣшенія понятій, которое съ перваго взгляда кажется совершенно невиннымъ. Если кредитные билеты суть долговые документы, подлежащіе погашенію, то послѣ уплаты по нимъ долга государственнымъ казначействомъ они должны быть уничтожены и не могутъ болѣе оставаться въ обращеніи,—точно такъ же какъ уничтожается вексель или заемное письмо послѣ произведеннаго по нимъ разсчета. Но кредитные билеты не будутъ вполнѣ извлечены изъ обращенія, и никто не думаетъ замѣнить ихъ всѣ безъ изъятія металломъ; притомъ, лишь незначительная часть ихъ попадаетъ въ кассы государственнаго банка, и послѣдній, не будучи владѣльцемъ огромной массы ихъ, обращающейся въ странѣ, и не имѣя въ виду ихъ полнаго обмѣна на металлъ, напрасно получалъ бы по нимъ платежъ отъ казначейства. Банкъ оказывается, какъ будто, въ положеніи подставного или самозваннаго кредитора, получающаго уплату по документамъ, которые ему вовсе не принадлежатъ, и которыхъ онъ не намѣренъ выкупать. Государственное казначейство съ своей стороны собираетъ въ видѣ податей и налоговъ тѣ самыя бумажки, по которымъ оно уплатило банку металломъ; оно должно разсматривать ихъ какъ цѣнности, подлежащія расходованію, и слѣдовательно оно очутилось какъ бы въ роли должника, принимающаго вновь въ платежи уже оплаченныя имъ обязательства. Ясно, что свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ имѣетъ мало общаго съ погашеніемъ долговъ, и если для уплаты долга нужно внести всю его номинальную стоимость, то для обезпеченія размѣна необходимъ гораздо меньшій металлическій фондъ, въ размѣрѣ возможнаго спроса на металлъ со стороны владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ. Для регулированія денежной системы нѣтъ надобности создавать себѣ искусственнаго кредитора въ лицѣ государственнаго банка и разоряться на его удовлетвореніе; устройство денежнаго металлическаго обращенія на прочныхъ началахъ требуетъ совсѣмъ другихъ условій, при которыхъ оно можетъ и должно обойтись несравненно дешевле, безъ излишнихъ тягостей для забытыхъ настоящихъ кредиторовъ, дающихъ государству средства, между прочимъ, на расплату по своимъ собственнымъ бумажнымъ деньгамъ. Допустимъ однако, что избытокъ металлическихъ запасовъ, собираемыхъ подъ вліяніемъ ложной идеи о долгѣ государственному банку, составляетъ болѣе вѣрную гарантію ихъ постояннаго безостановочнаго размѣна, и что съ этой точки зрѣнія можно помириться съ излишествами затратъ на достиженіе твердой устойчивости курса бумажныхъ денегъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ но-

Digitized by Google

вымъ обстоятельствомъ, имѣющимъ характеръ едва ли разрѣшимой загадки.

У насъ много писали и говорили о невозможности держаться серебряной валюты, утратившей свою прежнюю цѣнность, и о великихъ преимуществахъ золота, какъ единственной надежной основы денежнаго металлическаго обращенія; указанія на примѣръ Франціи съ ея образцовыми денежными порядками, построенными на фактическомъ господствѣ полноцѣннаго серебра въ повседневныхъ сдѣлкахъ и оборотахъ, упорно замалчивались или вызывали шаблонныя насмѣшливыя фразы о биметаллизмѣ. Мысль о введеніи у насъ болѣе строгаго и полнаго владычества золота въ монетной системѣ, чѣмъ во Франціи и даже въ Германіи,—представляется намъ разорительною, ненужною и неосуществимою мечтою, при общей бѣдности нашего народа и скудости его достатковъ и обычныхъ денежныхъ дѣлъ. Но какъ бы то ни было, идея золотой валюты пущена въ ходъ и пользуется, повидимому, успѣхомъ въ банковыхъ и промышленныхъ сферахъ, равно какъ и въ солидарной съ ними части общества. Одно несомнѣнно: дѣло идетъ о *переходѣ* отъ существующей законной серебряной монетной единицы къ новой, золотой. Еще въ 1895 году, при обсужденіи закона о сдѣлкахъ на золото, заявлялось оффиціально, что предлагаемая мѣра „ни въ чемъ не затрогиваетъ коренныхъ основаній нашей денежной системы и не предрѣшаетъ ни въ какомъ случаѣ вопроса о *переходѣ* къ золотой валютѣ и о томъ или другомъ способѣ ликвидаціи обязательствъ, лежащихъ на правительствѣ по отношенію къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ". Очевидно, до этого предполагаемаго перехода не было у насъ даже и номинальной золотой валюты, ибо тогда можно было бы говорить только о возстановленіи ея, согласно законамъ, а не о переходѣ къ ней, вслѣдствіе упадка цѣнности серебра и въ виду разныхъ другихъ соображеній. Между тѣмъ, по отчетамъ государственнаго банка, безпроцентный долгъ казначейства за кредитные билеты опредѣленъ цѣликомъ въ золотой валютѣ, по нарицательной цѣнѣ, какъ будто единая золотая валюта давно уже существуетъ по нашимъ законамъ и никакого перехода къ ней не требуется.

Всего два года тому назадъ министерство финансовъ не предрѣшало вопроса о золотой валютѣ, и до сихъ поръ онъ еще не разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ; а въ счетахъ съ государственнымъ банкомъ по безпроцентному долгу казначейства то же министерство финансовъ не только признаетъ золотую валюту уже законно существующею и единственно обязательною, но прямо кладетъ ее въ основу разсчета по нынѣшнимъ кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ безспорно на серебряные

Digitized by Google

рубли [1]). Такъ какъ въ обращеніи находится 1.083.781.634 кредитныхъ рубля, то казначейство обязано будто бы передать въ размѣнный фондъ государственнаго банка столько же рублей золотомъ *по нарицательной цѣнѣ*,—хотя эта нарицательная цѣна уже отвергнута закономъ и замѣнена другою, въ размѣрѣ одного рубля золотомъ за полтора рубля кредитными. Внесено уже въ банкъ 575 милліоновъ. золотомъ, въ томъ числѣ 75 милл. по указу 8 іюля 1896 года и 37 1/2 милл. за временно-выпущенные кредитные билеты,—все это по нарицательной цѣнѣ; остается непогашеннымъ долгъ на сумму 583.781.634 кр. р., которая также должна быть покрыта золотомъ по нарицательной цѣнѣ. На чемъ основанъ этотъ оригинальный разсчетъ? Если для государственнаго банка не обязательны старые, понынѣ не отмѣненные законы, повторяемые и теперь на каждомъ кредитномъ билетѣ—о „хожденіи" бумажныхъ рублей наравнѣ съ серебряными, то во всякомъ случаѣ банкъ не можетъ и не вправѣ игнорировать новые законы, точно опредѣляющіе цѣнность кредитныхъ билетовъ въ золотой монетѣ. Принявъ золотую валюту прежде утвержденія ея законодательною властью, государственный банкъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ держаться установленной закономъ нормы при оцѣнкѣ металлической стоимости кредитныхъ билетовъ, за которые ему слѣдуетъ будто бы получить уплату золотомъ. Увеличивая мнимый долгъ въ полтора раза, банкъ налагаетъ на казначейство тяжелую для народа обязанность собрать въ полтора раза больше золота, чѣмъ сколько нужно было бы для полнаго выкупа всѣхъ кредитныхъ билетовъ безъ остатка. Въ дѣйствительности, при правильномъ разсчетѣ, окажется, что казначейство оплатило уже законную стоимость не 575, а 862 1/2 милліоновъ кредитныхъ рублей, и что такъ-называемаго долга осталось не 583.781.684, а 221.281.634 р. кредитными. Для погашенія этого остатка металломъ, потребуется всего 147.621.089 рублей съ копѣйками въ золотѣ по нарицательной цѣнѣ, тогда какъ по системѣ, принятой банкомъ, предстояло бы еще внести 583.781.684 р. золотомъ или, въ переводѣ на кредитные рубли, болѣе 875 1/2 милліоновъ рублей. Разница довольно внушительная,—болѣе чѣмъ на 654 милл. рублей кредитными!

Конечно, можно сказать, что это только бухгалтерскія недоразумѣнія или условные формальные счеты, въ которыхъ отлично разбе-

[1]) Впрочемъ, у насъ есть не мало лицъ,—въ томъ числѣ, къ удивленію, и юристовъ,—сомнѣвающихся въ самомъ существованіи законовъ о серебряномъ рублѣ, какъ основной „государственной россійской монетной единицѣ" и главной „законной мѣрѣ обращающихся въ государствѣ денегъ"; для такихъ скептиковъ очень полезенъ изданный недавно г-номъ Г. Бутми „Краткій сборникъ законовъ, опредѣляющихъ денежную систему въ Россіи" (Одесса, 1897).

Digitized by Google

рутся всѣ заинтересованныя лица и вѣдомства; никто не сомнѣвается, что министерство финансовъ и самъ государственный банкъ всегда имѣютъ въ виду фиктивность опредѣленія цѣны бумажныхъ денегъ въ золотѣ по нарицательной цѣнѣ,—но эти грандіозныя, страшно преувеличенныя цифры, невольно пугающія воображеніе публики, свидѣтельствуютъ о странномъ желаніи перенести въ область нашего бумажно-денежнаго обращенія господство золотой валюты въ такой формѣ, въ какой она не предлагается и для будущаго. Въ этомъ смыслѣ приведенные бухгалтерскіе пріемы весьма характерны. Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить настоящую цифру „безпроцентнаго долга" государственному банку въ золотѣ, если уже золоту заранѣе приписывается значеніе исключительной основы нашей монетной системы,—значеніе, котораго оно пока еще не имѣетъ по закону. Тутъ есть однако другая сторона, еще болѣе важная.

Для оправданія болѣе дорогого способа расплаты по кредитнымъ билетамъ дѣлаются ссылки на необходимость возможно болѣе полнаго удовлетворенія кредиторовъ, согласно ихъ желаніямъ (предполагая, что владѣльцы бумажныхъ денегъ могутъ требовать размѣна именно на золото и притомъ не по курсу, а по нарицательной цѣнѣ, вопреки ясной надписи о томъ, что „кредитнымъ билетамъ присвоется хожденіе во всей имперіи наравнѣ съ *серебряной* монетою"); при этомъ забывается только, что единственные кредиторы суть россійскіе обыватели, вовсе не обнаруживающіе желанія получать золото вмѣсто серебра. Выходитъ нѣчто крайне оригинальное: должникъ заставляетъ кредиторовъ вѣрить, что онъ имъ долженъ гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ, и затѣмъ предлагаетъ имъ невыгодную для себя сдѣлку съ „девальваціею", т.-е. съ частичнымъ банкротствомъ, между тѣмъ какъ дѣйствительный долгъ могъ бы быть уплаченъ сполна безъ всякаго вычета и даже съ прибавкою, къ большой выгодѣ для обѣихъ сторонъ. Эта трогательная и несомнѣнно похвальная заботливость объ интересахъ россійскихъ обывателей, какъ кредиторовъ государства, существуетъ въ принципѣ, въ теоріи; а на практикѣ она проявляется въ отягченіи тѣхъ же обывателей, какъ должниковъ, и въ полномъ невниманіи къ большинству ихъ, какъ кредиторовъ по кредитнымъ билетамъ.

Министерство финансовъ, при его общепризнанной щепетильности въ разсчетахъ даже съ фиктивными кредиторами, включило въ свой проектъ, если не ошибаемся, обязательство „окончательнаго погашенія сего долга (государственному банку) по мѣрѣ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства". Итакъ, вся сумма кредитныхъ билетовъ будетъ покрыта металломъ, и они могли бы быть сполна обмѣнены на золото новаго чекана. Постоянный размѣнъ бумажныхъ

Digitized by Google

денегъ, повидимому, болѣе чѣмъ обезпеченъ. Но значительная часть кредитныхъ билетовъ фактически исключается изъ этого размѣна уже тѣмъ, что наименьшая золотая монета превышаетъ цѣнность пяти рублей; а такихъ билетовъ низшаго достоинства—рублевыхъ, трехрублевыхъ и пятирублевыхъ—обращается въ странѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, приблизительно на 420 милліоновъ рублей [1]). Слѣдовательно, въ размѣнномъ фондѣ накоплено завѣдомо лишняго золота на 420 милліоновъ, даже при предположеніи окончательнаго торжества золотой валюты, и свободный размѣнъ огромнаго количества кредитныхъ билетовъ совсѣмъ какъ бы не предусмотрѣнъ проектомъ введенія у насъ металлическаго денежнаго обращенія. Для чего же понадобилось собрать избыточные запасы золота, цѣною многихъ усилій и отчасти при помощи процентныхъ займовъ? Почему металлическое денежное обращеніе, признаваемое вообще нормальнымъ и въ высшей степени желательнымъ, должно оставаться гдѣ-то въ сторонѣ отъ главной народной массы, пользующейся преимущественно кредитными билетами мелкихъ наименованій? Монетная система получаетъ при этомъ какой-то неподходящій аристократическій характеръ: для простого народа—прежнія бумажки, замѣняемыя, по усмотрѣнію, серебромъ, а для высшихъ и среднихъ классовъ—обязательный, безостановочный размѣнъ на золото. Эта двойственность тѣмъ болѣе несправедлива, что отъ бумажныхъ денегъ—если не считать колебаній курса—особенно страдаютъ низшіе классы, теряющіе часто свои сбереженія по стихійнымъ причинамъ, дѣйствію которыхъ не подвержены металлы; кромѣ того, періодически часть бумажныхъ капиталовъ темнаго безграмотнаго люда просто уничтожается произвольными и—по нашему твердому убѣжденію—малозаконными распоряженіями и публикаціями государственнаго банка послѣ каждой перемѣны образцовъ кредитныхъ билетовъ, тогда какъ къ металлическимъ рублямъ неприменимы подобныя конфискаціонныя мѣры. По здравому смыслу, дѣйствительный обмѣнъ на полноцѣнную монету всего нужнѣе для мелкихъ кредитныхъ билетовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ легче всего осуществимъ и наиболѣе цѣлесообразенъ, въ интересахъ дѣйствительнаго и прочнаго водворенія металла въ народномъ денежномъ оборотѣ. Во всякомъ случаѣ, часть размѣннаго золотого фонда, соотвѣтствующая 420 милліонамъ рублей въ кредитныхъ билетахъ низшаго достоинства, не имѣетъ никакого raison d'être, и мотивы, вызывающіе заботу о накопленіи этого мертваго капитала, нуждаются еще въ авторитетномъ разъясненіи; въ то же время потребность въ окончательной ликвидаціи бумажно-денежнаго обращенія остается неудовле-

[1]) А. Гурьевъ, Реформа денежнаго обращенія, Спб., 1896, ч. II, вып. III, стр. 557.

Digitized by Google

творенной и какъ бы сознательно игнорируется по отношенію къ народной массѣ. Кредитные билеты на болѣе крупныя суммы, начиная съ 25 рублей, будутъ рѣдко предъявляемы къ размѣну и большею частью останутся въ рукахъ публики, такъ какъ гораздо удобнѣе держать въ карманѣ бумажки, чѣмъ золотыя монеты, при болѣе значительныхъ суммахъ; а для билетовъ цѣнностью ниже десяти рублей размѣнъ на золото недоступенъ, и въ концѣ концовъ весь громадный металлическій фондъ, собранный съ такими усиліями, осужденъ на безплодіе съ точки зрѣнія прочнаго устройства нашей денежной системы.

Природа вещей оказывается сильнѣе искусственныхъ комбинацій и предвзятыхъ теорій: вопросъ о серебрѣ, пренебрежительно устраненный въ принципѣ, выступаетъ вновь на сцену, и серебряный рубль, объявленный устарѣлымъ и негоднымъ, врывается самъ собою въ пустое пространство, создаваемое золотою валютою въ нашемъ бумажно-металлическомъ денежномъ обращеніи. Серебряные рубли появились у насъ въ замѣтномъ изобиліи, между тѣмъ какъ золото упорно избѣгаетъ популярности и не можетъ достигнуть распространенія, вопреки всѣмъ принимаемымъ мѣрамъ. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1897 годъ г. министръ финансовъ удостовѣрилъ, что „монета эта (серебряный рубль) охотно принимается населеніемъ и въ качествѣ подсобныхъ денегъ для производства мелкихъ платежей имѣетъ важное значеніе, освобождая изъ оборота кредитные билеты низшихъ достоинствъ“; поэтому, „сверхъ купленнаго въ 1895 году серебра на 3 слишкомъ милліона фунтовъ стерлинговъ, пріобрѣтено въ 1896 году этого металла еще болѣе, чѣмъ на 4 милл. фунт. стерл.; изъ этого запаса—43 милл. рублей обращено въ монету, а изъ остальной части можетъ быть еще отчеканено до 57 милліоновъ серебряныхъ рублей“. Этого слѣдовало ожидать, ибо ничѣмъ другимъ, кромѣ серебра, нельзя замѣнить рублевыя и трехрублевыя бумажки, а серебряный рубль хорошо знакомъ народу по традиціи. Полноцѣнная серебряная монета, признаваемая еще по дѣйствующему монетному уставу основною монетною единицею въ Россійской имперіи, низведена, правда, въ оффиціальномъ заявленіи на степень „подсобныхъ денегъ“, но все-таки она признается полезною и необходимою. Законная роль ея при новыхъ денежныхъ порядкахъ не можетъ считаться ясною и опредѣленною; серебряный рубль вводится въ обращеніе какъ бы косвенно, безъ прямой связи съ остальными элементами предпринятой денежной реформы и даже въ противность ея основнымъ началамъ. Пониженный въ цѣнѣ на половину относительно золота, онъ выпускается теперь на равныхъ правахъ съ кредитнымъ билетомъ, который цѣнится на золото значительно дороже; монета

Digitized by Google

охотно принимается населеніемъ, по авторитетному свидѣтельству министерства финансовъ, но правильно ли было оффиціально оцѣнивать серебряный рубль въ 50 коп. золотомъ, а кредитный—въ 66²/₃ коп., чтобы затѣмъ предлагать ихъ публикѣ въ качествѣ вполнѣ равноправныхъ рублей? Серебряный рубль „освобождаетъ изъ оборота кредитные билеты низшихъ достоинствъ"; но какимъ образомъ цѣнность въ 50 коп. можетъ извлекать изъ оборота 66²/₃ коп., если дѣло идетъ о простомъ обмѣнѣ?

Эта очевидная несообразность настоятельно требуетъ исправленія, которое можетъ заключаться только въ откровенномъ признаніи законной функціи полноцѣнной серебряной монеты, на ряду съ золотомъ, подобно тому, какъ это существуетъ во Франціи. Тогда можно было бы сдѣлать большую экономію (въ 70 милл. р.!) въ металлическомъ фондѣ, освободивъ 420 милліоновъ излишняго золота и отчеканивъ взамѣнъ серебряные рубли для извлеченія изъ оборота всѣхъ кредитныхъ билетовъ низшаго достоинства. Этотъ неизбѣжный практическій выводъ отчасти распуталъ бы ту сложную цѣпь внутреннихъ противорѣчій и недоразумѣній, въ которую съ самаго начала попалъ вопросъ о денежной реформѣ.

Надо сказать, что разросшаяся у насъ за послѣднее время спеціальная литература по денежному вопросу мало помогала надлежащему выясненію реальныхъ условій и задачъ реформы. Это объясняется, между прочимъ, особенностями оффиціальнаго подготовленія и обсужденія министерскаго проекта.

Наше финансовое вѣдомство, вообще столь внимательное къ общественному мнѣнію и такъ широко пользующееся работами и отзывами компетентныхъ лицъ по различнымъ предметамъ государственнаго хозяйства, отступило отъ этой хорошей практики въ дѣлѣ преобразованія денежной системы. Многіе важные вопросы разработывались и обсуждались особыми коммиссіями, по назначенію министерства финансовъ, при дѣятельномъ участіи экспертовъ-практиковъ и ученыхъ спеціалистовъ; въ газетахъ сообщались отчеты о засѣданіяхъ этихъ коммиссій, и всѣ интересующіеся предметомъ могли слѣдить за ходомъ дѣла и своевременно высказываться о немъ въ печати. Выработанные проекты обыкновенно печатались, съ объяснительными записками, и дѣлались доступными всесторонней критикѣ, прежде чѣмъ вносились на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ установленій въ законодательномъ порядкѣ. Такая система, единственно разумная и цѣлесообразная, принята теперь повсюду и особенно прочно установилась, кажется, въ трехъ министерствахъ—юстиціи, земледѣлія и

Digitized by Google

финансовъ. Министерство финансовъ имѣетъ еще одну крупную спеціальную заслугу: оно постоянно обогащаетъ нашу хозяйственно-статистическую литературу обширными и цѣнными изданіями, научными изслѣдованіями и работами, которыя не могли бы быть предприняты на частныя средства (укажемъ, напр., на извѣстные труды и отчеты проф. И. И. Янжула, на замѣчательный во многихъ отношеніяхъ сборникъ проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова и др.).

Совершенно непонятно, почему въ наиболѣе важномъ и затрогивающемъ всѣхъ и каждаго вопросѣ о денежной реформѣ поступлено было какъ разъ наоборотъ, и до сихъ поръ не обнародованъ даже оффиціальный текстъ проекта, съ обычными разъясненіями и мотивами. Нѣтъ этого подлиннаго текста и въ книгѣ г. А. Гурьева, секретаря ученаго комитета министерства финансовъ; изъ его книги мы узнаемъ о существованіи „особыхъ записокъ", представленныхъ разными авторитетными учеными и практическими дѣятелями по данному вопросу, и нѣкоторыя извлеченія изъ этихъ записокъ (напр., покойнаго Н. Неклюдова и др.) приводятся на ряду съ выдержками изъ книгъ и статей различныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ. Само собою разумѣется, что гораздо интереснѣе было бы видѣть эти записки цѣликомъ въ печати, вмѣстѣ съ оффиціальнымъ изложеніемъ существенныхъ началъ и особенностей предпринятой реформы. Не имѣя предъ собою положительнаго матеріала, относящагося къ выработанному проекту, и не зная даже точной сущности его и всѣхъ его подробностей, критика должна по неволѣ довольствоваться случайными извѣстіями, быть можетъ ошибочными, и вдаваться въ область предположеній и догадокъ, не всегда основательныхъ и справедливыхъ. Оттого и происходитъ какая-то разбросанность высказанныхъ въ печати мнѣній о денежной реформѣ, неопредѣленность и обиліе предметовъ спора, преобладаніе побочныхъ принципіальныхъ пререканій о бумажныхъ деньгахъ вообще, объ экономической политикѣ, о торговомъ балансѣ и о тому подобныхъ вещахъ, имѣющихъ лишь отдаленную связь съ потребностью въ прочномъ регулированіи денежнаго обращенія. Полное обнародованіе проекта съ надлежащими приложеніями и комментаріями устранило бы, вѣроятно, многія недоразумѣнія и неясности; оно поставило бы обсужденіе на реальную почву и вообще было бы въ высшей степени желательно для пользы дѣла.

Л. Слонимскій.

Digitized by Google

НОВАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ

ВЪ

С.-Ам. СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.

Прошло всего какихъ-нибудь полгода съ тѣхъ поръ, какъ, 3-го ноября 1896 года, американскій народъ произнесъ свой вердиктъ въ пользу республиканской партіи и ея національной „платформы". Въ свое время [1]) я далъ краткое описаніе и вызвавшей этотъ вердиктъ политической кампаніи, и тѣхъ существенныхъ принциповъ, которые были положены въ ея основаніе. Только 4-го марта побѣдившая въ этой достопамятной кампаніи партія фактически вступила въ управленіе страной, но вліяніе этихъ выборовъ и перемѣны режима уже сказалось гораздо раньше, какъ въ замѣтномъ оживленіи промышленности и торговли и въ серьезномъ, хотя и медленномъ возстановленіи дѣлового кредита, такъ и, главнымъ образомъ, въ разныхъ предварительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ и вновь избраннымъ президентомъ, и новымъ конгрессомъ, еще до фактическаго вступленія ихъ въ должность. Случилось такъ, что главные вожаки республиканской партіи въ этомъ послѣднемъ были поголовно переизбраны, такъ что получилась возможность уже въ теченіе прошлой сессіи выработать не только основанія, но и детали ожидаемаго новаго законодательства, особенно по двумъ главнымъ вопросамъ—денежному и тарифному. Общее положеніе дѣлъ въ странѣ было такъ натянуто, что возможное ускореніе необходимыхъ реформъ являлось крайне существеннымъ и желательнымъ; народъ не хотѣлъ ждать обычнаго медленнаго хода фе-

---

[1]) См. статью: „Президентская кампанія въ С.-Ам. С.-Штатахъ", „Вѣстникъ Европы", январь 1897.

Digitized by Google

деральныхъ дѣлъ въ Союзѣ, и теперь нельзя уже не признать, что вновь избранныя власти, и исполнительная въ лицѣ президента Макъ-Кинлэя и его кабинета, и законодательная—въ лицѣ 55 конгресса, дѣйствительно не потеряли ни одной минуты, и, въ теченіе промежутка только въ четыре мѣсяца между выборами и вступленіемъ въ должность—3-го ноября 1896 г.—4-ое марта 1897 г.,—успѣли сдѣлать изумительную массу работы, лучше всякихъ другихъ доказательствъ свидѣтельствующую и о ихъ энергіи, и о ихъ способности къ созиданію. Исторія Союза еще не представляетъ случая, когда бы новая администрація вступила въ отправленіе своихъ обязанностей такъ тщательно и всесторонне приготовленною; обычныя такимъ перемѣнамъ проволочки и остановки текущихъ дѣлъ совершенно отсутствовали въ данномъ случаѣ, и дѣло созиданія новой государственной политики почти по всѣмъ отраслямъ управленія началось сразу и безъ малѣйшей задержки. Въ настоящій моментъ уже не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ главныя реформы будутъ проведены немедленно, и что къ первому іюля государственная жизнь страны уже будетъ течь въ новыхъ берегахъ.

Самымъ острымъ, самымъ щекотливымъ вопросомъ минуты, само собой разумѣется, былъ, особенно въ началѣ, вопросъ денежный, вопросъ о возстановленіи серебра какъ монеты. Огромные запасы этого металла въ слиткахъ, постоянно увеличивающіеся, дѣлаются все больше и больше совершенно невыносимымъ бременемъ для ихъ владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ предсказанія, что, въ случаѣ побѣды золота на выборахъ, цѣнность серебра, какъ драгоцѣннаго металла, окончательно уничтожится, не осуществились, напротивъ,—паденіе цѣнъ, продолжавшееся безостановочно въ теченіе всей кампаніи, круто остановилось именно со дня выборовъ—колебанія съ тѣхъ поръ не только прекратились, но и замѣчается нѣкоторое улучшеніе, хотя и незначительное; оказалось, что серебро обладаетъ своими собственными, неотъемлемыми достоинствами, не поддающимися чисто политическимъ вѣяніямъ, и что, чего добраго, свирѣпая, односторонняя агитація въ его пользу не только не помогала ему, но и, напротивъ, оказывала вредное, удручающее вліяніе на состояніе международнаго рынка вообще и положеніе на немъ серебра въ особенности. Не берусь судить, насколько вѣрно это послѣднее предположеніе, и насколько приложима и къ настоящему случаю поговорка,—что услужливый дуракъ опаснѣе врага,—но не подлежитъ сомнѣнію, что мысль эта въ значительной степени овладѣла умами многихъ, даже самыхъ непримиримыхъ нашихъ сереброманіаковъ, и что въ ихъ средѣ появились самыя серьезныя сомнѣнія относительно цѣлесообразности всей ихъ предшествовавшей политики. Въ Америкѣ логика фактовъ всегда и вездѣ

Digitized by Google

имѣетъ первенствующее значеніе и безусловно предпочитается теоретическимъ умозаключеніямъ; а грандіозный коллапсъ „серебрянаго сумасшествія“,—silver craze—такъ несомнѣнно потрясъ всѣ его хитросплетенныя основанія, что перемѣна тактики со стороны нашихъ сильверитовъ сдѣлалась совершенно неизбѣжной и помимо этихъ теоретическихъ сомнѣній. Перемѣна эта сказалась сама собой немедленно послѣ выборовъ, сначала даже какъ будто безъ вѣдома и противъ желанія самихъ сильверитовъ, просто въ силу радикальнаго переворота въ общественномъ мнѣніи массъ,—они были вынуждены къ ней силой событій. Массы эти, временно ими увлеченныя, перестали имъ вѣрить, грандіозность пораженія не могла не повліять на нихъ самымъ отрезвляющимъ образомъ. Недовольство настоящимъ положеніемъ осталось и даже возросло, но предлагавшіяся сильверитами лекарства были безвозвратно забракованы выборами, и сами лекаря дискредитованы. Особенно подѣйствовалъ въ этомъ случаѣ личный коллапсъ Брайяна, бывшаго кандидата сильверитовъ въ президенты. Еще никогда доселѣ кандидатъ въ президенты одной изъ великихъ политическихъ партій—а въ данномъ случаѣ даже обширнаго ихъ слія-нія—не падалъ такъ быстро, такъ безнадежно въ общественномъ мнѣніи страны. Немедленно послѣ выборовъ онъ объявилъ торжественно и всенародно, что посвятитъ все свое время въ теченіе будущаго четырехлѣтія на агитацію серебрянаго вопроса; конечно, сейчасъ же нашлись спекуляторы-антрепренеры, которые законтрактовали его какъ публичнаго лектора на цѣлую серію лекцій во всѣхъ большихъ городахъ страны. Газеты сообщили, что была условлена плата въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ за первыя двадцать лекцій, былъ составленъ маршрутъ, расклеены громадныя объявленія, наняты помѣщенія, и т. д. Вездѣ дѣлались приготовленія на десятки тысячъ слушателей; желѣзныя дороги объявляли пониженныя цѣны на проѣздъ изъ окрестностей на эти лекціи; газеты трубили во всю мочь по всему Союзу; никогда еще лекторскій туръ не открывался съ такимъ шумомъ, съ такимъ обиліемъ повсемѣстной даровой рекламы. Первая лекція была назначена въ городѣ Атлантѣ, столицѣ штата Джорджіи и самомъ большомъ, самомъ оживленномъ городѣ всего юга—но увы! На нее собралось такъ мало публики, такая незначительная, сравнительно, кучка исключительно отъявленныхъ энтузіастовъ, что лекція эта оказалась первой и единственной. Убытки антрепренеровъ были такъ велики, что они не рѣшились повторить ее гдѣ-нибудь. Было ясно, что Брайянъ надоѣлъ народу: все, что онъ могъ сказать, было повторено имъ несчетное число разъ во время президентской кампаніи, и никто не захотѣлъ слушать его далѣе. Онъ вынужденъ былъ окончательно стушеваться, исчезнуть не только съ

Digitized by Google

политическаго, но и съ общественнаго горизонта страны, какъ выдохнувшійся, забракованный актеръ, никому болѣе неинтересный и ненужный. Его карьера навсегда и безвозвратно окончена, а съ нимъ сдана въ архивъ и silver craze въ формѣ свободной чеканки въ отношеніи 1 къ 16 [1]). Практическимъ же результатомъ явилось постепенное закрытіе почти всѣхъ исключительно серебряныхъ рудниковъ въ Союзѣ; тѣмъ не менѣе перепроизводство серебра все еще не остановилось, такъ какъ съ усиленной погоней за золотомъ и съ улучшенными методами отдѣленія драгоцѣнныхъ металловъ отъ руды, серебра все-таки добывается гораздо больше, чѣмъ бы это было желательно для интересовъ сильверитовъ, и изъ тѣхъ только рудниковъ, которые разрабатываются, теперь только для добычи золота, и въ которыхъ серебро является только добавочнымъ, второстепеннымъ продуктомъ. Въ Америкѣ, за исключеніемъ рѣчныхъ розсыпей, почти повсемѣстно совершенно истощенныхъ, съ золотомъ почти вездѣ соединено и серебро въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ.

Въ денежномъ пунктѣ своей національной платформы республиканская партія обязалась стремиться къ достиженію биметаллизма посредствомъ международнаго соглашенія.

Въ теченіе всей президентской кампаніи сильвериты особенно страстно нападали на этотъ пунктъ, упрекая своихъ противниковъ въ томъ, что обязательство это было неискренно, что люди, высказавшіеся за золотую валюту, были по самому своему существу противниками биметаллизма, и что обязательство это было просто ширмой, желаніемъ пустить пыль въ глаза народу безъ дѣйствительнаго намѣренія когда-либо привести его въ исполненіе. Но еще задолго до 4-го марта они были вынуждены взять это обвиненіе обратно. Подъ негласнымъ давленіемъ республиканской партіи, и въ особенности самого Мак-Кинлэя, засѣдавшій конгрессъ провелъ въ обѣихъ палатахъ особый билль, ассигнующій необходимыя средства и уполномочивающій президента назначить спеціальную коммиссію для участія въ международной конференціи, если таковая будетъ созвана однимъ изъ европейскихъ государствъ, или же самому созвать такую конференцію, если почему-либо она окажется неудобной для Европы. Въ то же время, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, сенаторъ въ федеральномъ сенатѣ отъ штата Колорадо, Волькотъ (Edward O. Wolcott), поѣхалъ въ Европу съ неоффиціальной миссіей получить согласіе главныхъ европейскихъ націй на созваніе международной конференціи въ наискорѣйшемъ, по возможности, времени. Волькотъ — человѣкъ еще сравнительно молодой, но

[1]) Кстати, Японія только-что перешла на золотую валюту, но удержала чеканку серебра въ отношеніи 1 къ 32.

Digitized by Google

уже давно успѣвшій составить себѣ завидную національную репутацію, какъ блестящій, серьезный ораторъ и всесторонне образованный, энергичный, съ широкими взглядами, государственный дѣятель самаго крупнаго калибра. Несмотря на то, что онъ является въ сенатѣ коллегой Теллера и представителемъ самаго страстнаго, самаго непримиримаго сильверитскаго штата, Колорадо, онъ остался въ рядахъ республиканской партіи и высказался твердо противъ свободной чеканки и за биметаллизмъ при посредствѣ международнаго соглашенія, т.-е. за единственный практическій способъ дѣйствительнаго разрѣшенія этого спорнаго и сложнаго вопроса. Выборъ Волькота, какъ неоффиціальнаго, предварительнаго, такъ сказать, посла, былъ несомнѣнно крайне удаченъ. Само собой разумѣется, что такъ какъ Макъ-Кинлэй при отъѣздѣ Волькота и во все время его путешествія, занявшаго слишкомъ два мѣсяца, былъ только частнымъ человѣкомъ, вся эта заграничная миссія была въ глазахъ оффиціальнаго міра по обѣ стороны океана совершенно частнымъ дѣломъ,—зато онъ обладалъ полной свободой дѣйствія, и, трактуя съ государственными людьми Лондона, Парижа и Берлина, въ то же время вступилъ въ самыя живыя сношенія съ частными биметаллическими лигами и со всѣми вліятельными защитниками серебра въ Европѣ и заручился ихъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Судя по проскальзывавшимъ время отъ времени газетнымъ извѣстіямъ, Волькоту удалось согласиться съ ними относительно болѣе или менѣе однообразныхъ методовъ будущей работы по обѣ стороны Атлантическаго океана. Агитація общественнаго мнѣнія въ извѣстномъ направленіи, разъ она энергична, послѣдовательна и не вдается въ крайности, не можетъ не оказаться однимъ изъ самыхъ существенныхъ рычаговъ къ достиженію цѣли, если она ведется людьми науки и знанія, а не патентованными политиканами, гонящимися за общественнымъ „пирогомъ“.

Нельзя отрицать трудностей возможности международнаго соглашенія, и дѣйствительные биметаллисты Союза, его республиканская партія съ Макъ-Кинлэемъ во главѣ, несомнѣнно отлично сознаютъ эту трудность; тѣмъ не менѣе все, что можно сдѣлать при настоящемъ положеніи дѣла, уже сдѣлано, и сдѣлано добросовѣстно и обстоятельно. Дѣло за Европой, и до тѣхъ поръ, пока Старый-Свѣтъ не пойдетъ на сдѣлку, Новому остается только запастись терпѣніемъ и ждать у моря погоды.

Прежде чѣтъ я перейду къ изложенію того, что уже сдѣлано и предполагается сдѣлать по вопросу тарифному, на мой взглядъ въ настоящій моментъ безусловно самому важному и существенному, я не могу не указать на удивительную перемѣну общественнаго мнѣнія

Digitized by Google

и въ этомъ отношеніи,—перемѣну, послѣдовавшую и въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, и въ особенности за самое послѣднее время, уже послѣ выборовъ. Какъ извѣстно, и сами демократы подъ-конецъ признали полную непригодность тарифа Вильсона-Гормана, и давно уже тщательно избѣгали касаться какъ-либо тарифнаго вопроса вообще, а въ теченіе президентской кампаніи упорно отказывались даже упоминать о немъ; ихъ любимой каррикатурой на республиканскую партію за послѣдній годъ была фигура Макъ-Кинлэя въ наполеоновской шляпѣ и въ костюмѣ ирландки-кухарки, въ потѣ лица стремящагося остановить измызганной метлой съ надписью: „тарифъ", заливающее его со всѣхъ сторонъ море серебряныхъ долларовъ. Но на выборахъ метла эта одолѣла и теперь настоятельно требуетъ своей очереди.

Въ моихъ предшествовавшихъ статьяхъ мнѣ много разъ приходилось упоминать, между прочимъ, о протекціонизмѣ и свободѣ торговли, но я всегда тщательно избѣгалъ касаться ихъ сущности, указывая только на ихъ практическое значеніе въ политикѣ нашихъ партій. Теперь по всѣмъ видимостямъ, какъ читатель увидитъ и самъ изъ того, что́ я ему сообщу ниже, настало время, когда вопросы эти, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, будутъ сдѣланы не партизанскими и, по возможности, перестанутъ быть односторонними. Поэтому, краткій обзоръ какъ ихъ исторіи у насъ, такъ и разныхъ теоретическихъ и практическихъ соображеній, будетъ особенно умѣстенъ, тѣмъ болѣе, что они-то несомнѣнно и повліяли всего болѣе на ту перемѣну общественнаго мнѣнія, о которой я говорилъ выше.

Слишкомъ сто лѣтъ боролись изъ-за нихъ наши политическія партіи, сначала виги и тори, затѣмъ современные намъ демократы и республиканцы. Побѣждали то протекціонизмъ, то свобода торговли, и процвѣтаніе земледѣлія, промышленности и торговли, а съ ними и народное благосостояніе, шли впередъ не постепенно и равномѣрно, а судорожными толчками и порывами, то задерживаясь самымъ губительнымъ образомъ, то расширяясь и усиливаясь. Само собой разумѣется, что партизаны приписывали эти періодическія расцвѣтанія и застои именно успѣху или неуспѣху ихъ партизанской политики, всегда ссылаясь на исторію Союза въ подтвержденіе своихъ мнѣній. Требуя противоположныхъ одно другому законодательствъ, они въ то же время ссылались на одни и тѣ же факты, только объясняя ихъ различно, съ своей точки зрѣнія каждый. Безпристрастному человѣку, не заинтересованному такъ или иначе непосредственно, оставалось только обратиться самому къ изученію этой исторіи—партизанская литература предмета только сбивала его съ толку. Первымъ серьезнымъ шагомъ къ широкому ознакомленію публики съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей былъ замѣчательный трудъ федеральнаго коммиссара труда

Digitized by Google

Карроля Райта, вышедшій еще въ 1886 году подъ заглавіемъ: „Промышленные застои“ [1]), разошедшійся по всей странѣ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и дающій какъ очеркъ промышленныхъ застоевъ въ Европѣ, такъ и обстоятельную, безпристрастную исторію того же вопроса и въ Союзѣ, особенно поучительную и полную за періодъ 1836—1886. Съ тѣхъ поръ вышло не мало спеціальныхъ изслѣдованій по тому же предмету—и, благодаря этимъ работамъ, чисто-научнымъ, вопросъ болѣе или менѣе уясненъ и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ страны; односторонніе партизанскіе объясненія перестали не только удовлетворять, но и обращать на себя вниманіе нашихъ народныхъ массъ. Успѣли уже твердо установиться извѣстные тезисы, спорить противъ которыхъ можетъ теперь только или невѣжество, или очевидно пристрастное партизанство. Никто больше не сомнѣвается, что промышленные застои въ прошломъ Союза слѣдовали, почти безъ всякихъ исключеній, за побѣдами принципа свободы торговли, но что на ихъ появленіе и, главное, продолжительность и интенсивность всегда имѣли вліяніе и другіе факторы, какъ перепроизводство, спекуляція, колебанія заработной платы, техническія изобрѣтенія, и т. д., съ теченіемъ времени дѣлавшіеся все болѣе и болѣе существенными. Правильное опредѣленіе относительнаго значенія всѣхъ этихъ, иногда очень многочисленныхъ, факторовъ едва-ли вполнѣ доступно при современномъ состояніи соціальной и политико-экономической науки, но не подлежитъ уже сомнѣнію, что тарифное законодательство, не можетъ и никогда не будетъ имѣть значенія всеобщей панацеи отъ всѣхъ золъ и напастей, хотя увлеченія имъ въ ту или другую сторону не только способны серьезно подрывать народное благосостояніе, но и могутъ вызывать самые тяжелые кризисы. Покуда тарифный вопросъ остается партизанскимъ, безусловная побѣда той или другой партіи неизбѣжно ведетъ къ острой, рѣзкой, односторонней перемѣнѣ политики, потрясающей самыя основы торгово-промышленной жизни страны и всегда ведущей къ вреднымъ крайностямъ и увлеченіямъ побѣдившей стороны. Увлеченія эти особенно чувствительны въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ уже по одному тому, что ввозныя пошлины всегда составляли главную, основную статью его государственнаго бюджета, такъ какъ доставляли въ разные періоды его исторіи отъ 60 до 85 процентовъ всего дохода, и рѣзкія перемѣны въ этомъ процентномъ отношеніи всегда требовали усиленія разныхъ внутреннихъ налоговъ, которые, какъ бы сравнительно незначительны они ни были, дѣйствуютъ крайне раздражи-

[1]) The first annual report of the commissioner of labor. Industrial Depressions. By Carroll D. Wright. Washington, 1886.

Digitized by Google

тельнымъ образомъ на наши массы. Съ самаго основанія Союза народъ привыкъ полагаться на ввозныя пошлины, какъ на источникъ для пополненія государственныхъ расходовъ, и до сихъ поръ не можетъ примириться съ внутренними пошлинами даже на табакъ и спиртъ. Вѣроятно, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого множества выкуриваемаго тайно вина, какъ здѣсь, особенно на югѣ, гдѣ все сельское населеніе почти поголовно занимается этимъ, и акцизнымъ чиновникамъ нерѣдко приходится давать moonshiner'амъ [1]) правильныя сраженія съ убитыми и ранеными.

Провозглашенный демократами, въ 1892 году, принципъ свободы торговли въ ихъ исполненіи, какъ извѣстно, оказался совершеннымъ мифомъ, главнымъ результатомъ котораго явилось трехсотъ-милліонное увеличеніе процентнаго государственнаго долга и продолжительный, обратившійся по всѣмъ видимостямъ въ хроническій, застой промышленности и торговли; какую роль сыгралъ въ этомъ послѣднемъ бюджетный дефицитъ, дѣтище новаго тарифа, и какую серебряная агитація—сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что именно они и были главными факторами, и что устраненіе обоихъ и является нашей злобой дня и задачею минуты. Серебряная агитація убита и погребена выборами 3-го ноября; эти же выборы отдали и исполнительную, и законодательную власть Союза въ руки республиканской партіи, которая вводитъ въ тарифный вопросъ,—помимо требованія, чтобъ онъ разрѣшалъ удовлетворительно потребности государственнаго бюджета,—и принципъ протекціонизма, т.-е. искусственнаго поощренія отечественной промышленности посредствомъ соотвѣтственной манипуляціи ввозныхъ пошлинъ и помимо прямыхъ нуждъ государственнаго казначейства. Такъ какъ, благодаря грустному опыту прошлаго четырехлѣтія, было очевидно для всѣхъ, что не только дѣйствительная свобода торговли, но и даже такая пародія на нее, какую высидѣли демократы въ 1893 году въ формѣ тарифа Вильсона-Гормана, невозможна безъ радикальнаго измѣненія всѣхъ основаній государственнаго бюджета, къ чему американскій народъ совсѣмъ неготовъ и на что онъ безусловно несогласенъ,—то, въ своей національной платформѣ 1896 года, сами демократы должны были отказаться

[1]) Moonshiner, въ буквальномъ переводѣ—ночной рабочій, рабочій при свѣтѣ луны,—явленіе настолько обычное и широко распространенное на югѣ, что даже въ нашей беллетристикѣ имѣется цѣлый циклъ романовъ, повѣстей и разсказовъ изъ жизни этой среды, составляющей въ нѣсколькихъ штатахъ, особенно Кентуки, Теннесси, Джорджіи, Алабамѣ, безспорное большинство всего населенія, вѣчно враждующее съ закономъ и глубоко убѣжденное въ своей правотѣ. Налогъ на спиртъ считается имъ самымъ беззаконнымъ посягательствомъ на личную свободу гражданина, и жизнь федеральнаго акцизнаго чиновника во всемъ этомъ районѣ всегда въ опасности, а самъ онъ всегда остается соціальнымъ паріей.

Digitized by Google

отъ принципа свободы торговли, такъ смѣло и открыто ими выставленнаго только четыре года тому назадъ, и хотя они требуютъ сохраненія настоящаго тарифа, но съ такими измѣненіями, которыя бы дали государству достаточный доходъ, т.-е. круто вернулись къ своему традиціонному принципу—tariff for revenue only. Такимъ образомъ, въ настоящій моментъ, обѣ главныя партіи, т.-е., въ сущности, весь народъ, согласны въ томъ, что свобода торговли недостижима при настоящихъ условіяхъ, и что тарифъ во всякомъ случаѣ прежде всего долженъ давать достаточно денегъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Само собой разумѣется, что и такое согласіе составляетъ громадный шагъ впередъ сравнительно съ положеніемъ дѣлъ только четыре года тому назадъ; всѣ согласны, что тарифъ необходимъ и даже долженъ быть повышенъ, и вопросъ заключается только въ томъ, насколько въ этомъ повышеніи будетъ играть роль принципъ протекціонизма, и не увлечется ли за предѣлы благоразумія и въ ущербъ дѣйствительнымъ государственнымъ интересамъ, и не ударится ли также въ крайности стоящая за него и безраздѣльно у власти республиканская партія?

Всякій тарифъ, всякая пошлина, несомнѣнно прежде всего составляютъ серьезное ограниченіе свободы человѣческихъ сношеній, а въ международномъ дѣлѣ—самый существенный барьеръ къ общенію и взаимному воздѣйствію разныхъ національностей между собою. Заставы, пограничная стража и все, что съ ними связано, всегда были, есть и будутъ однимъ изъ самыхъ главныхъ противниковъ цивилизаціи и прогресса. Въ принципѣ противъ этого едва-ли можно сдѣлать хоть какое-нибудь возраженіе, и потому, вѣроятно, не можетъ не показаться страннымъ, что такой несомнѣнный представитель и носитель человѣческой свободы, какъ Сѣверо-Американскій Союзъ, можетъ открыто высказываться, безъ краски на лицѣ, не только за удержаніе, но и за повышеніе тарифовъ. Въ теченіе моей поѣздки въ Россію прошлымъ лѣтомъ, и пріятели, и печать не разъ нападали на меня за одну кажущуюся несообразность въ моихъ личныхъ мнѣніяхъ. Каюсь, шестнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Америку завзятымъ фритредеромъ, и въ идеально-принципіальномъ смыслѣ остался таковымъ и доселѣ. Но, въ то же время, многіе въ Америкѣ, а съ ними и я, полагаемъ, что, какъ временная мѣра, высокій, сравнительно, тарифъ необходимъ для нашего благосостоянія, и будетъ необходимъ до тѣхъ поръ, пока не сгладится та громадная разница въ жизненныхъ условіяхъ, которая отличаетъ Новый-Свѣтъ отъ Стараго. Эта разница, особенно въ отношеніи размѣровъ заработной платы и потребностей человѣка, признаваемыхъ необходимыми и законными, такъ велика и такъ вліяетъ на весь

Digitized by Google

строй нашей государственной и общественной жизни, что ея уничтоженіе несомнѣнно подорветъ самыя его основанія, а такое уничтоженіе будетъ неизбѣжнымъ результатомъ свободы торговли и потери нашего домашняго рынка для нашихъ собственныхъ произведеній. Мы въ Америкѣ одни, конечно, не въ состояніи будемъ поднять всей старой Европы, даже всего цивилизованнаго міра до нашего настоящаго уровня въ этихъ отношеніяхъ, а напротивъ, должны будемъ сами опуститься до нихъ и утратить наши главныя отличительныя черты—бо́льшую равномѣрность матеріальнаго благосостоянія, образованія, нравственности, счастія. Дѣло сводится не къ отвлеченной истинѣ принципа, а къ его своевременности, къ его цѣлесообразности именно при настоящихъ условіяхъ. Слѣдуетъ ли рисковать настоящимъ благосостояніемъ для будущихъ благъ? И если даже слѣдуетъ, то до какой степени и въ какихъ размѣрахъ? Не принесетъ ли разрубленіе Гордіева узла больше вреда въ настоящемъ, чѣмъ пользы въ будущемъ? И не окажется ли выжидательная, постепенная политика болѣе полезной и той, и другой сторонѣ? Не поможетъ ли она избѣжать остраго кризиса, который иначе неизбѣженъ и неизвѣстно, на чемъ остановится? Если эти сомнѣнія и отзываются до извѣстной степени государственнымъ эгоизмомъ, то, по моему крайнему разумѣнію, въ виду громадности и серьезности затрогиваемыхъ ими интересовъ, въ виду неопредѣленности и опасности могущихъ воспослѣдовать результатовъ, къ нимъ нельзя не относиться крайне снисходительно. Европа гораздо старше, гораздо сильнѣе, неизмѣримо опытнѣе насъ, ея правительства всегда были такъ себялюбивы и узки во всемъ, что́ касалось интересовъ Новаго-Свѣта, она обладаетъ такимъ несравненно бо́льшимъ запасомъ знанія и культуры, чѣмъ Америка, ея населеніе въ шесть разъ превышаетъ наше, ея учрежденія, какъ государственныя, такъ и общественныя, установились давно и заражены крайнимъ консерватизмомъ—мы и мечтать не можемъ о томъ, чтобы переработать ее по-своему, а, напротивъ, должны постоянно опасаться, чтобы не поддаться ея вліяніямъ. Мы еще недостаточно сильны, чтобы успѣшно бороться съ Европой—мы должны покуда ограждать наши учрежденія и жизненныя условія, всячески предохранять ихъ, пока они не выросли и не укрѣпились настолько, чтобы сдѣлаться безопасными отъ возврата къ тому, отъ чего они только-что ушли и избавились. Новому порядку вещей еще нужна охрана, нужно еще покровительство. Установить свободу торговли въ Америкѣ—значитъ открыть настежъ ворота европейскимъ вліяніямъ и всему, что́ за ними неизбѣжно слѣдуетъ и съ ними неразрывно связано. Мы понимаемъ, что этотъ барьеръ дѣйствуетъ вредно во многихъ отношеніяхъ, но думаемъ, что онъ составляетъ только временное зло, необходимое, къ сожалѣнію,

Digitized by Google

для того, чтобы оградить другіе, гораздо болѣе покуда существенные интересы. Уничтожить наши таможни—значитъ слить насъ съ Европой и Азіей, такъ какъ для торговли океанъ не преграда, а самая широкая торная дорога,—и дешевле, и удобнѣе перевезти товаръ изъ любой европейской или азіатской гавани въ Америку, чѣмъ изъ Вѣны въ Парижъ или Берлинъ. Условія для успѣшной конкурренціи будутъ для насъ слишкомъ невыгодны, въ большинствѣ случаевъ просто невыносимы; только въ тѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, гдѣ можетъ проявиться такъ или иначе наша исключительная техническая ловкость и изобрѣтательность, будемъ мы въ состояніи помѣряться съ Европой—во всемъ остальномъ она безнадежно задавитъ насъ своими массами, своимъ дешевымъ и нетребовательнымъ chair à canon, почти совершеннаго уничтоженія котораго у насъ самихъ мы добились такими долгими, тяжелыми усиліями, такой радикальной переработкой всего историческаго общественнаго строя. Опытъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ далъ поразительные факты, дающіе яркую картину быстроты и радикальности вызываемыхъ свободой торговли перемѣнъ. Тарифъ Вильсона-Гормана открылъ свободный доступъ въ Союзъ, между прочимъ, рогатому скоту, шерсти, шерстянымъ издѣліямъ, тесу. Въ какіе-нибудь три года скотоводство упало на цѣлую треть, овцеводство въ большинствѣ штатовъ было окончательно убито, 60% всѣхъ шерстяныхъ фабрикъ закрылись, половина лѣсопильныхъ заводовъ стоитъ безъ дѣла, и цѣлый милліонъ рабочихъ остался безъ работы. Громадное центральное плато, выращивавшее ежегодно милліоны мясного скота, обезлюдѣло и опустѣло, стада были перегнаны за границу въ Мексику, гдѣ рабочая плата въ пять и больше разъ ниже нашей, приплодъ безпошлинно ввозится въ Союзъ по мѣрѣ надобности, мясо нисколько не подешевѣло, а нѣсколько десятковъ тысячъ cowboys—пастуховъ—остались безъ дѣла и пополнили собою ряды безработныхъ и бродягъ. Особенно пострадало овцеводство въ центральныхъ штатахъ—въ штатѣ Охайо изъ 13 милліоновъ овецъ въ 1892 году къ 1897 осталось всего полтора милліона; въ штатахъ Индіанѣ и Нью-Іоркѣ эта убыль оказалась еще значительнѣе.

Даже въ Калифорніи, гдѣ овечьи пастбища въ сущности безграничны—и почти ничего не стоютъ, овецъ не стоитъ стричь такъ дешева теперь шерсть, и ихъ стада уничтожаются одно за другимъ. Закрытіе шерстяныхъ фабрикъ оставило безъ работы слишкомъ сто тысячъ человѣкъ. Нѣсколько значительныхъ городовъ въ штатахъ Новой-Англіи почти совсѣмъ обезлюдѣли вслѣдствіе этого закрытія, вдругъ уничтоживъ всякую цѣнность разнаго имущества на десятки милліоновъ долларовъ. Но всего больше, всего существеннѣе отозвался

Digitized by Google

на народномъ благосостояніи безпошлинный ввозъ тёса. Тогда какъ нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ въ Союзѣ остались безъ хлѣба, Канада рубитъ и пилитъ свои безконечные лѣса и везетъ къ намъ несмѣтное количество теса, увозитъ взамѣнъ наше золото и тихонько посмѣивается въ кулакъ надъ нашими неудачными экспериментами. Цѣлыя поселенія перебрались въ Канаду, и ея лѣсныя пограничныя съ Союзомъ провинціи никогда еще не росли такъ быстро. А цѣна на тесъ на Востокѣ и въ Центрѣ осталась та же—импортеры-капиталисты живо столковались между собою и захватили оптовый рынокъ въ свои руки. Оказалось, что всѣ убытки на нашей сторонѣ—что хотя свобода торговли при современныхъ условіяхъ и представляетъ изъ себя палку о двухъ концахъ, оба они въ данномъ случаѣ направлены противъ насъ, и что мы покуда безсильны предотвратить это. Въ то же время, въ теченіе того же короткаго періода, выяснилось съ недопускающею никакихъ сомнѣній опредѣленностью, что разъ извѣстное производство укрѣпилось и развилось,—то, во-первыхъ. ни штрафъ, ни какія бы то ни было другія законодательныя мѣры не могутъ регулировать цѣнъ; во-вторыхъ—что даже гидра монополіи становится безсильной. Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ высокихъ тарифовъ является то положеніе, что они всегда покровительствуютъ монополіямъ и сосредоточенію извѣстныхъ производствъ въ однѣхъ рукахъ, дающему возможность консолидаціи капитала грабить публику. Аргументъ этотъ, имѣющій фактическое основаніе для извѣстныхъ стадій извѣстнаго производства, въ общемъ все-таки не выдерживаетъ критики, и послѣднее четырехлѣтіе дало намъ, одинъ за другимъ, три самые осязательные примѣра его несостоятельности. Примѣры эти дали производство и цѣны на стальные рельсы, жесть и сахаръ,—три предмета, играющіе огромную роль въ нашемъ благосостояніи. Тарифы послѣднихъ тридцати лѣтъ всегда имъ усиленно покровительствовали, и главныя нареканія на тарифъ Макъ-Кинлэя шли именно изъ этого источника, такъ какъ имъ была введена пошлина въ $ 17^{00} на тонну стальныхъ рельсовъ, около 5$^{1}/_{2}$ центовъ на фунтъ жести, и установлена была правительственная субсидія въ 2 цента на каждый фунтъ произведеннаго въ предѣлахъ Союза сахара. Необходимо замѣтить, что до 1889 года, когда былъ введенъ тарифъ Макъ-Кинлэя, Союзъ, хотя въ немъ и были богатѣйшія залежи жести, во многихъ штатахъ, особенно же въ Калифорніи и обѣихъ Дакотахъ, ввозилъ ее всю почти цѣликомъ изъ Англіи, и что въ то же время только $^{1}/_{10}$ потреблявшагося въ немъ сахара производилась въ его предѣлахъ. Прошло меньше десяти лѣтъ—и цѣна на стальные рельсы, несмотря на такую, казалось, безобразную пошлину, удержанную, впрочемъ, и тарифомъ Вильсона-Гормана, упала теперь до $ 17^{00} за тонну

Digitized by Google

съ доставкой въ Чикаго или приатлантическіе порты, и, въ теченіе прошлаго 1896 года, въ первый разъ со времени введенія стальныхъ рельсъ въ употребленіе, около ста тысячъ тоннъ было продано въ Англію, когда-то главный конкурренть нашихъ рельсовыхъ заводчиковъ и противъ которой и направлялся тарифъ! Несмотря на то, что потребленіе жести удвоилось за послѣднее десятилѣтіе, благодаря все большему и большему распространенію консервовъ,—за тотъ же 1896 г. ея не было ввезено почти ни одного фунта, и цѣна на нее въ оптовой продажѣ упала до $3^1/_2$ центовъ за фунтъ; въ настоящій моментъ тарифъ на оба эти предмета утратилъ всякое практическое значеніе и является мертвой буквой. Наконецъ, цѣна на сахаръ упала съ 13 центовъ за фунтъ до $4^1/_2$ въ розничной продажѣ, и лучшій рафинированный сахаръ стоитъ теперь у насъ на русскія деньги 8 копѣекъ за русскій фунтъ; кромѣ того, свекло-сахарное производство, совсѣмъ не существовавшее десять лѣтъ тому назадъ, развилось до такихъ предѣловъ, что разсчитываютъ, что черезъ пять лѣтъ Союзъ самъ будетъ производить весь нужный ему сахаръ, и производить его дешевле, чѣмъ его можно купить за границей.

Факты эти, извѣстные въ Америкѣ всѣмъ и каждому и по личному опыту, и по тому, что печать неумолчно говоритъ о нихъ,—не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, *разумное* приложеніе принципа протекціонизма оказывается не только чрезвычайно благодѣтельнымъ стимуломъ въ дѣлѣ развитія земледѣльческой и мануфактурной промышленности, но и явно способствуетъ развитію народнаго благосостоянія вообще. Становится ясно, что, во-первыхъ, покровительственный тарифъ нерѣдко не только не способствуетъ возвышенію цѣнъ, а и прямо приводитъ къ ихъ пониженію; во-вторыхъ, что безпошлинный ввозъ иностраннаго сырья и мануфактуръ, убивая иногда почти совершенно мѣстную промышленность, въ то же время далеко не всегда понижаетъ розничныя цѣны,—что современныя условія международной торговли такъ сложны и такъ способны подчиняться манипуляціямъ капитала, что несвоевременное и незрѣлое тарифное законодательство въ направленіи полной свободы торговли можетъ достигать совершенно противоположныхъ первоначальнымъ цѣлямъ результатовъ—помощи капиталу въ ущербъ мѣстному труду. Абнормально, казалось, высокій тарифъ на стальные рельсы и жесть не помѣшалъ цѣнѣ на эти продукты, когда ихъ производство развилось и укрѣпилось, спуститься ниже самого тарифа,—тогда какъ безпошлинный ввозъ теса, шерсти и шерстяныхъ издѣлій, нанося почти смертельный ударъ и лѣсопильному дѣлу, и овцеводству, и шерстяной фабричной промышленности, и оставивъ не у дѣлъ сотни милліоновъ капитала и милліонъ рабочихъ, не понизилъ совсѣмъ цѣнъ на эти продукты на роз-

Digitized by Google

ничномъ рынкѣ, т.-е. тамъ, гдѣ массы населенія въ нихъ непосредственно заинтересованы. Да и, наконецъ, было бы сомнительно,—еслибъ даже цѣны эти понизились, на что такъ разсчитывали наши фритредеры,—вознаградило ли бы страну вообще такое пониженіе за тѣ несомнѣнные убытки, которые она безспорно понесла отъ сокращенія этихъ производствъ въ ея предѣлахъ,—сокращеній, губительно повліявшихъ не только на самыя производства, но и на всѣ связанныя съ ними другія отрасли человѣческой дѣятельности. Убытки и очевидны, и крайне чувствительны, тогда какъ ожидавшіеся барыши и не осуществились, и оспаривались бы не безъ серьезныхъ основаній даже въ случаѣ осуществленія. Особенно пострадали пути сообщенія въ малонаселенныхъ штатахъ центральнаго плато, гдѣ, во многихъ случаяхъ, многомильныя желѣзнодорожныя системы держались исключительно мѣстнымъ овцеводствомъ, скотоводствомъ или серебряными рудниками. Безпошлинный ввозъ шерсти или теса отозвался такъ или иначе чуть ли не повсюду, производя во многихъ случаяхъ самую существенную перетасовку самыхъ разнообразныхъ интересовъ—цѣлую революцію въ давно установившемся строѣ экономическихъ отношеній.

Само собой разумѣется, что на всѣ эти отдѣльные факты непосредственно вліяло и множество другихъ факторовъ, и что, по всей вѣроятности, тарифный вопросъ не всегда игралъ въ нихъ главную роль. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціалисты дѣла пытаются дать цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ объясненій—но непосредственной цѣлью моей настоящей статьи составляетъ не абстрактное изслѣдованіе корней каждаго отдѣльнаго факта, а констатированіе совокупности тѣхъ впечатлѣній, которыя они произвели на наше общественное мнѣніе.

Не знаю, извѣстна ли читателю произведшая года два тому назадъ большое впечатлѣніе въ Европѣ и особенно у насъ, въ Америкѣ, каррикатура, или, вѣрнѣе, цѣлая аллегорическая картина, исполненная однимъ изъ извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ художниковъ по мысли и указаніямъ германскаго императора Вильгельма. На картинѣ этой архангелъ указываетъ блистающимъ мечемъ столпившимся около него семи прекраснымъ женщинамъ, во всеоружіи полу-миѳологическихъ, полусредневѣковыхъ фантастически-воинственныхъ костюмовъ, на направляющагося къ воротамъ Азіи въ Европу, къ Босфору, безобразнаго восточнаго дракона въ сопровожденіи цѣлаго сонма языческихъ ордъ. Женщины изображаютъ собой главныя націи Европы; драконъ и его свита—безчисленные милліоны Китая, Японіи, Индо-Китая и вообще всю желтую расу. Картина исполнена превосходно—у меня есть нѣсколько очень хорошихъ гравюръ съ нея, и ея цѣль—указать совре-

Digitized by Google

меннымъ цивилизованнымъ народамъ на ту опасность, которая грозитъ имъ въ виду пробужденія азіатскаго Востока. Если картина эта—не бредъ безпокойнаго ума, то для Америки, ближайшей сосѣдки этого Востока, она, конечно, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ для Европы. Океанъ, какъ я уже имѣлъ случай высказать выше, является не преградой, а, напротивъ, наилучшимъ средствомъ сближенія. Если до сихъ поръ наши ввозные тарифы имѣли въ виду Европу, теперь они должны быть направлены и противъ Азіи. Внимательные, безпристрастные изслѣдователи и наблюдатели единогласно утверждаютъ, что за послѣднюю четверть столѣтія, а въ особенности послѣ своей побѣдоносной войны съ Китаемъ, Японія вступила въ замѣчательную эпоху умственнаго и промышленнаго возрожденія, по своей быстротѣ, ширинѣ и глубинѣ представляющее собою нѣчто дѣйствительно феноменальное и неожиданное. Сорокъ милліоновъ воспріимчиваго, ловкаго и искуснаго народа, сплоченныхъ на крайне ограниченномъ пространствѣ нѣсколькихъ сравнительно небольшихъ острововъ, какъ бы внезапно проснулись и вдругъ начали стремиться къ лучшимъ условіямъ жизни. Они полѣзли вонъ во всѣхъ направленіяхъ, уже заполонили собой и своими произведеніями Сандвичевы острова и Формозу; съ ними не знаютъ что̀ дѣлать въ Австраліи, Новой Зеландіи и на всѣхъ многочисленныхъ архипелагахъ Тихаго Океана, а въ настоящій моментъ серьезно грозятся заполонить и наше Тихо-Океанское побережье. Только-что опубликованныя тщательныя донесенія министерству иностранныхъ дѣлъ американскаго генеральнаго консула въ Японіи, Макъ-Айвора, указываютъ, что заработная плата тамъ крайне низка—лучшіе, наиболѣе искусные ремесленники получаютъ всего отъ 17 до 30 центовъ за шестнадцатичасовой рабочій день, чернорабочіе мужчины—$ 1.44, женщины—96 центовъ въ мѣсяцъ. Въ то же время во всей странѣ идетъ съ лихорадочной поспѣшностью постройка многочисленныхъ желѣзныхъ дорогъ, и во всѣ отрасли фабричной промышленности вводятся самыя послѣднія, самыя совершенныя современныя машины.

Я приведу въ примѣръ только одно производство, совершенно новое и у насъ, именно—производство велосипедовъ. Японія предлагаетъ ихъ нашему оптовому рынку по восьми долларовъ за штуку, т.-е. вчетверо дешевле, чѣмъ стоитъ у насъ одна работа,—и знатоки дѣла утверждаютъ, что они нисколько не уступаютъ нашимъ, какъ по прочности, такъ и по изяществу отдѣлки. Въ Соединенныхъ-Штатахъ въ 1896 году продано около милліона велосипедовъ, на сумму около пятидесяти милліоновъ долларовъ; никакое нововведеніе за послѣднюю четверть столѣтія не привилось у насъ такъ быстро и такъ прочно, какъ именно велосипедъ, и ни одно не произвело такихъ об-

Digitized by Google

ширныхъ и серьезныхъ пертурбацій, какъ оно же: доходы городскихъ уличныхъ желѣзныхъ дорогъ упали на половину, цѣнность лошади тоже, множество фабрикъ легкихъ экипажей и сбруи должны были закрыться, масса рабочихъ самыхъ разнообразныхъ ремеслъ осталась безъ дѣла,—а если и самое производство велисипедовъ, возникшее взамѣнъ всего того, что они вытѣснили, и хоть отчасти вознаградившее потерпѣвшихъ, перейдетъ въ иностранныя руки, то изобрѣтеніе велосипеда можетъ въ концѣ концовъ оказаться настоящей чумой для дѣйствительныхъ интересовъ страны. Девять-десятыхъ стоимости хорошаго велосипеда заключаются въ работѣ—матеріалъ стоитъ сравнительно пустяковъ, и если работа эта окажется въ десять и болѣе разъ дешевле въ Японіи, и нѣтъ ввозной пошлины, очевидно, кто будетъ снабжать нашъ оптовый рынокъ, и возможна ли для американскихъ фабрикантовъ хоть какая-нибудь конкурренція. Выходовъ только три: либо закрыть фабрики, либо убавить заработную плату, либо установить такую ввозную пошлину, которая сравняла бы существующую на нее въ обѣихъ странахъ разницу. Въ этомъ новомъ „велосипедномъ“ вопросѣ, хотя такъ внезапно и недавно возникшемъ, но уже затрогивающемъ столь существенно самые разнообразные и, въ общемъ, громадные интересы,—боязнь монополій и несообразныхъ мануфактурныхъ барышей до очевидности не имѣетъ никакого основанія; вопросъ сводится прямо къ размѣрамъ заработной платы нашего рабочаго. Здѣсь будетъ вполнѣ у мѣста привести одинъ изъ самыхъ ходячихъ аргументовъ нашихъ протекціонистовъ,—аргументъ, относительнаго значенія котораго нельзя не признать. Они утверждаютъ, что, допуская даже, что въ извѣстныхъ случаяхъ, далеко не всегда, регулированіе ввознаго тарифа можетъ имѣть вліяніе на повышеніе и пониженіе розничныхъ цѣнъ, подлежитъ еще бо́льшему сомнѣнію, окажется ли такое пониженіе благодѣтельнымъ для массъ самихъ потребителей [1]). Если гражданинъ будетъ въ состояніи покупать все, что́ ему нужно, безъ всякихъ стѣсненій тамъ, гдѣ оно всего дешевле, т.-е. на любомъ иностранномъ рынкѣ, не взимающемъ вывозныхъ пошлинъ, велосипедъ въ

[1]) Если бы японскіе велосипеды и были допущены на нашъ оптовый рынокъ по восьми долларовъ за штуку, т.-е. впятеро дѣшевле того, что́ они стоютъ нашему фабриканту, изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что и розничная цѣна на нихъ непремѣнно бы соотвѣтственно опустилась,—напротивъ, если принять во вниманіе опыты прошлаго, нужно опасаться, что импортеры съумѣли бы удержать ту же или почти ту же розничную цѣну, и въ результатѣ бы оказалось, что страна потеряла ихъ производство, а потребитель вынужденъ платить то же самое; по крайней мѣрѣ это именно то, что́ произошло на нашихъ глазахъ съ шерстяными издѣліями и тесомъ. Одно уничтоженіе тарифа совсѣмъ недостаточно для пониженія цѣнъ предмета въ розницу—обыкновенно на нихъ вліяютъ и другіе факторы, не поддающіеся обыкновеннымъ законодательнымъ мѣрамъ и часто болѣе могущественные, чѣмъ самый тарифъ.

Digitized by Google

Японіи, шляпу въ Англіи, платье въ Германіи, башмаки во Франціи, мясо въ Мексикѣ и т. д.,—какую же цѣну онъ можетъ разсчитывать получить за тотъ продуктъ, который онъ самъ производитъ, гдѣ онъ его будетъ продавать, и какую заработную плату онъ будетъ получать при этомъ самъ? Если онъ, покупая японскій велосипедъ за восемь долларовъ, согласенъ, чтобы вся та масса рабочихъ, которые такъ или иначе заинтересованы по всей странѣ въ производствѣ этихъ велосипедовъ, получала мѣньшую въ десять разъ противъ настоящей заработную плату,—не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ серьезно разсчитывать, чтобы эти рабочіе согласны были платить ту же самую цѣну за производимый ими самими продуктъ, и чтобъ онъ самъ продолжалъ получать все ту же высокую настоящую плату. Цѣнность всего должна понизиться, или, вѣрнѣе, всякая заработная плата должна понизиться, хотя капиталъ и съумѣетъ поддержать розничную цѣну по крайней мѣрѣ на нѣкоторые предметы, что онъ всегда успѣвалъ дѣлать и что дѣлаетъ и теперь. Не выгоднѣе ли не пускать японскаго велосипеда, заплатить за машину домашней фабрикаціи пять, десять долларовъ или ея нынѣшнюю цѣну, и остаться при той же заработной платѣ, которая даетъ нашему рабочему возможность жить по-человѣчески, а не по-японски, на хлѣбѣ и водѣ и ходя полунагимъ, или по-ирландски, т.-е. на одномъ картофелѣ, и то въ недостаточномъ количествѣ и зачастую безъ соли? Словомъ, не о двухъ ли концахъ эта палка, и если желательно покупать все за безцѣнокъ, то не придется ли и работать почти задаромъ?

Само собой разумѣется, что аргументъ этотъ чисто діалектическій, такъ сказать, и не можетъ быть подкрѣпленъ научно-статистическими систематическими теоріями — тѣмъ не менѣе, онъ удивительно какъ дѣйствуетъ на horse sense, т.-е. житейскую логику нашихъ массъ, и потому я счелъ нелишнимъ упомянуть и о немъ.

Въ странахъ, гдѣ народнымъ благосостояніемъ распоряжаются опредѣленные правящіе классы, и гдѣ народныя массы не имѣютъ возможности высказываться и вліять непосредственно на государственную политику, такіе факты и соображенія, конечно, пережевывались бы разными инстанціями и учрежденіями долгое время, пока были бы достигнуты практическіе результаты въ ту или другую сторону—но въ Америкѣ эти жизненные уроки даютъ себя знать и отзываются немедленно. Можетъ быть, наши массы не всегда вполнѣ правильно оцѣниваютъ извѣстныя событія — но эта оцѣнка, какова бы она ни была, сейчасъ же сказывается на ходѣ нашей государственной жизни, и потому ее нельзя не принимать въ соображеніе. Хотя государствен-

Digitized by Google

ныя мѣры, принимаемыя благодаря этой разницѣ въ положеніи, этому непосредственному вліянію составляемой общественнымъ мнѣніемъ оцѣнки событій, вѣроятно и не отличаются той же тщательностью, разносторонностью и тонкостью обработки, какъ въ Европѣ,—тѣмъ не менѣе ихъ своевременность и отзывчивость жгучимъ потребностямъ минуты во всякомъ случаѣ уравновѣшиваютъ могущія попадать въ нихъ, благодаря быстротѣ, недостатки, и соотвѣтственная перестройка достигается гораздо скорѣе и легче. Опытъ послѣдняго четырехлѣтія уже вызвалъ радикальный народный вердиктъ 3-го ноября, и требованія измѣненнаго общественнаго мнѣнія уже успѣли кристаллизоваться и оформиться весьма опредѣленно. Отъ новой администраціи уже весь народъ требуетъ прежде всего такого тарифа, который бы покрывалъ необходимые государственные расходы и не допускалъ бы дефицитовъ въ бюджетѣ,—дефицитовъ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ дѣйствующихъ вредно на народную жизнь. Всѣ партіи согласны въ томъ, что экономическія потрясенія, вызванныя экспериментальной дѣятельностью прошлой администраціи, не должны повторяться. Но для прочности положенія одного этого недостаточно. Необходимо, кромѣ того, чтобы не было пристрастныхъ увлеченій и въ другую сторону, лихорадочныхъ перемѣнъ, которыя могли бы вредно отозваться на общенародныхъ интересахъ. Основанія тарифа должны быть сдѣланы недоступными партизанской односторонности; на нихъ не должны отзываться остро побѣды той или другой политической партіи. Необходимо выдѣлить ихъ изъ области политиканства, вырвать ихъ изъ рукъ тѣхъ сферъ, знаменемъ которыхъ служитъ motto: to the victors belong the spoils! Партизанская политика всегда страстна, всегда увлекается, всегда способна нарушить дѣйствительные государственные интересы — увлеченія протекціонизмомъ могутъ быть такъ же опасны, какъ и увлеченія свободой торговли, и тарифныя основанія сдѣлаются недоступными имъ только въ томъ случаѣ, если попадутъ въ руки безпристрастнаго, хладнокровнаго, знающаго дѣло всесторонне судьи. Выборный, мѣняющій каждые два года свой составъ, конгрессъ, очевидно, не можетъ быть таковымъ. Его дѣло—направлять общую политику страны, а не разрабатывать детали; въ тарифномъ же вопросѣ эти-то детали и составляютъ сущность дѣла. Конгрессъ никогда не обладалъ, и не можетъ обладать, необходимыми для этого безпристрастіемъ и, главное, знаніями. Кромѣ того, экономическая жизнь страны течетъ такъ быстро, новыя изобрѣтенія и радикальныя перемѣны въ промышленныхъ и торговыхъ условіяхъ разныхъ отраслей слѣдуютъ одни за другими такъ безостановочно, что для того, чтобы постоянно соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ, тарифъ долженъ быть живымъ, постоянно измѣняющимся дѣломъ: онъ

Digitized by Google

не долженъ застывать періодически, не долженъ быть въ зависимости отъ чрезвычайно сложнаго, медленнаго, неповоротливаго процесса федеральнаго законодательства. Онъ долженъ постоянно перерабатываться, постоянно измѣняться, долженъ жить, а не періодически умирать и воскресать. Вполнѣ когда-то раціональныя методы не годятся болѣе для лихорадочной поспѣшности современной жизни. Конгрессъ уже долженъ былъ отказаться отъ непосредственнаго руководства желѣзно-дорожной жизнью страны — уже десять лѣтъ тому назадъ онъ долженъ былъ организовать Interstate Commerce Commission, спеціальное непартизанское учрежденіе, для ея руководства, такъ какъ очевидно не могъ самъ непосредственно успѣшно заниматься имъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что настало время сдѣлать то же самое и съ тарифной жизнью страны — и президенту Макъ-Кинлэю безспорно принадлежитъ честь и перваго признанія этого чрезвычайно важнаго, совершенно новаго для Америки принципа, и перваго шага къ его практическому осуществленію. Извѣстно, что партизанская пресса давно провозгласила Макъ-Кинлэя „отцомъ протекціонизма", другими словами, крайнимъ экстремистомъ покровительственной политики. Въ свое время свирѣпыя нападки демократовъ на такъ называемый тарифъ Макъ-Кинлэя были, въ сущности, безпредѣльны—но онъ самъ всегда хранилъ глубокое молчаніе, предоставивъ времени и событіямъ говорить за себя. Поэтому читатель самъ можетъ себѣ представить то впечатлѣніе, которое произвело во всей странѣ, и въ особенности въ лагерѣ его политическихъ противниковъ, его заявленіе, появившееся въ печати спустя нѣсколько дней послѣ выборовъ, что онъ безусловно въ пользу передачи тарифа, въ будущемъ, въ завѣдываніе постоянной спеціальной „непартизанской" тарифной коммиссіи, которая бы имѣла возможность поставить его на безпристрастную почву, соображаясь не съ требованіями политическихъ партій, а исключительно съ дѣйствительными государственными потребностями. Въ этомъ же заявленіи онъ высказалъ и свою рѣшимость, немедленно по вступленіи въ должность, сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы привести эту идею въ исполненіе. Судя по тому, какъ заявленіе это было принято печатью и вожаками всѣхъ партій, нужно думать, что хотя его исполненіе и связано съ значительными трудностями, оно тѣмъ не менѣе встрѣтитъ общее сочувствіе и осуществится такъ или иначе въ самомъ близкомъ будущемъ. Можетъ быть, не лишнимъ будетъ пояснить, что непартизанскими, unpartizan, у насъ называются такія коллегіальныя учрежденія, коммиссіи, комитеты и совѣты, въ составъ которыхъ входитъ равное представительство отъ политическихъ партій, такъ что ни одна изъ нихъ не имѣетъ численнаго перевѣса, и такимъ образомъ рѣшеніе разсматриваемыхъ ими дѣлъ зависитъ не отъ политиче-

Digitized by Google

ской принадлежности ихъ членовъ, а отъ ихъ личныхъ на нихъ взглядовъ. Такихъ учрежденій у насъ очень много, и съ каждымъ годомъ дѣлается все больше и больше, такъ какъ на практикѣ они оказываются наилучше достигающими цѣли.

Такая существенная реформа, конечно, потребуетъ для своего практическаго осуществленія тщательной обработки и крайне осторожной, всесторонне неуязвимой обстановки, а странѣ необходимо сейчасъ же остановить ежемѣсячные дефициты, и потому немедленное введеніе новаго тарифа не можетъ быть задержано, пока не будетъ организована предполагаемая новая тарифная коммиссія. Личный составъ комитета прошлой палаты конгресса для опредѣленія доходовъ, называемый Ways and Means, былъ цѣликомъ выбранъ и въ настоящую; спикеромъ обѣихъ, назначающимъ всѣ комитеты, былъ и выбранъ опять тотъ же Ридъ, и потому явилась возможность заняться разработкой и подготовленіемъ новаго тарифа въ теченіе только-что закончившейся сессіи прошлаго 54-го конгресса; экстренная сессія новаго, 55-го, съ спеціальной и единственной цѣлью введенія этого тарифа, созвана особой прокламаціей президента уже на 15-е марта. И если, какъ имѣется всякое основаніе предполагать, законодательство это не встрѣтитъ опять препятствій въ новомъ сенатѣ, то уже къ слѣдующему новому бюджетному году, начинающемуся 1-го іюля, новый тарифъ будетъ введенъ въ исполненіе.

Хотя, по всѣмъ видимостямъ, республиканское большинство въ новомъ составѣ сената и обезпечено,—въ немъ 45 республиканцевъ, 33 демократа, 10 популистовъ и сильверитовъ и двѣ вакансіи, такъ что—въ худшемъ случаѣ абсолютной „фузіи“ по тарифному вопросу всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ вмѣстѣ—рѣшающій голосъ будетъ принадлежать предсѣдателю, вице-президенту сената, республиканцу Гобарту; тѣмъ не менѣе организація и отправленія этого единственнаго въ мірѣ по своей своеобразности представительнаго собранія такъ сложны и такъ подвержены разнымъ политическимъ комбинаціямъ и случайностямъ, что его рѣшенія иногда очень трудно предугадать. Федеральные сенаторы—представители не народа, а отдѣльныхъ государствъ; шесть милліоновъ жителей штата Нью-Іорка имѣютъ въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ то же представительство, что́ и сорокъ тысячъ штата Невады, и шестьдесятъ—штатовъ Айдахо и Вайоминга. Шесть главныхъ серебро производящихъ штатовъ, съ народонаселеніемъ во всѣхъ ихъ около милліона, посылаютъ въ федеральный сенатъ двѣнадцать голосовъ, т.-е. то же число, что́ и шесть первыхъ по населенію восточныхъ центральныхъ штатовъ, съ населеніемъ въ двадцать-пять милліоновъ душъ. Тогда какъ сенаторъ штата Нью-Іорка представляетъ собою интересъ трехъ милліоновъ, сенаторъ штата Не-

Digitized by Google

вады имѣетъ за собой всего двадцать тысячъ — и у обоихъ одинаковый голосъ въ дѣлахъ всей націи. Благодаря такому порядку вещей, сильвериты въ сенатѣ имѣютъ несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ бы имъ по всей справедливости подобало, и такъ какъ до сихъ поръ ихъ единственнымъ motto было—серебро прежде всего и во что бы то ни стало, то и понятно что если они не перемѣнятъ своей политики,—что́, впрочемъ, въ виду всего того, что́ я сказалъ выше о настоящемъ положеніи серебрянаго вопроса, едва-ли вѣроятно, то, при малѣйшемъ колебаніи хотя бы одного изъ республиканскихъ сенаторовъ, они могутъ захватить въ свои руки балансы силы въ сенатѣ и остановить всякое положительное законодательство,—что́ они уже не разъ и дѣлали съ успѣхомъ.

Въ настоящій моментъ новый проектъ тарифа уже окончательно выработанъ, но онъ можетъ, конечно, подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ во время преній, и потому я не буду на немъ останавливаться; но прежде чѣмъ перейти къ другимъ вопросамъ, напомню читателю, что все то, что́ я говорилъ о тарифѣ, представляетъ собою не мое личное представленіе объ этомъ вопросѣ, а только по возможности точное изложеніе главныхъ обще-распространенныхъ и общепринятыхъ взглядовъ и соображеній современнаго нашего общественнаго мнѣнія, и потому я нахожу необходимымъ оговориться, что, упоминая выше о традиціонной привычкѣ американскаго народа разсчитывать, что именно тарифъ долженъ покрывать бо́льшую часть его государственныхъ расходовъ, я лично былъ далекъ отъ мысли, что привычка эта законна и правильна, и что не слѣдуетъ стремиться къ ея искорененію; я только констатировалъ извѣстный фактъ, не подлежащій сомнѣнію, имѣя въ виду настоящую оговорку. Государственный доходъ отъ ввознаго тарифа, по моему крайнему разумѣнію, явленіе въ лучшемъ случаѣ временное, ненормальное и нежелательное въ принципѣ, имѣющее неизбѣжно исчезнуть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, смотря по большей или меньшей быстротѣ прогресса человѣчества вообще. Съ постепеннымъ измѣненіемъ современныхъ политико-экономическихъ жизненныхъ условій, съ постоянно усиливающейся консолидаціей капитала, безъ радикальнаго измѣненія современныхъ, крайне устарѣвшихъ понятій о собственности,—прогрессивный подоходный налогъ, само собой разумѣется, является и крайне симпатичнымъ въ принципѣ, и, по всѣмъ видимостямъ, единственно справедливымъ; будемъ надѣяться, что именно онъ и явится со временемъ на смѣну настоящихъ тарифовъ. Изъ моихъ предъидущихъ статей читатель знаетъ, что наша демократическая партія и пыта-

Digitized by Google

лась уже пристегнуть такой налогъ на практикѣ къ тарифу Вильсона-Гормана, и высказалась весьма рѣшительно въ его пользу въ своей національной платформѣ прошлой президентской кампаніи. Изъ того, что республиканская партія до сихъ поръ обходила этотъ крайне существенный вопросъ молчаніемъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ, какъ политическая партія, она была въ антагонизмѣ съ самимъ принципомъ, и противилась бы его практическому примѣненію въ той или другой формѣ. Такой взглядъ былъ бы безусловно ошибоченъ, такъ какъ почти всѣ вожаки этой партіи такъ или иначе не разъ высказывались въ его пользу, и активное ему сопротивленіе было отнюдь не сильнѣе въ рядахъ республиканцевъ, чѣмъ въ рядахъ самихъ демократовъ. Массы народа — внѣ всякаго сомнѣнія, громадное большинство — открыто стоятъ на сторонѣ желательности, справедливости и цѣлесообразности введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, и вопросъ заключается вовсе не въ несогласіи съ принципомъ, а въ томъ, что онъ несомнѣнно противуконституціоненъ. И помимо безвозвратнаго рѣшенія суда въ томъ же смыслѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для всякаго, умѣющаго читать и понимать по-англійски, и никакіе софизмы тутъ не помогутъ. Съ того самаго момента, какъ демократическая партія подняла съ такимъ шумомъ этотъ вопросъ, было открытымъ секретомъ, что и сами составители проекта о подоходномъ налогѣ въ конгрессѣ 1893 года сознавали его противоконституціонность, и не вѣрили, что онъ будетъ пропущенъ верховнымъ судомъ. Теперь уже для всѣхъ очевидно, что вся эта исторія была поднята изъ-за политическихъ эффектовъ, изъ-за стремленія позировать на сторонѣ реформы, какъ бы непрактична она ни оказалась въ концѣ концовъ. Словомъ, предлагая этотъ налогъ, демократы лицемѣрили, такъ какъ и сами не вѣрили въ возможность его осуществленія при настоящихъ условіяхъ. Конституція наша, конечно, устарѣла, какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ: тѣмъ не менѣе, пока она составляетъ основанія государственной жизни страны, которыя признаетъ и которыми руководствуется весь народъ во всемъ остальномъ, нельзя не видѣть, что принятый демократами путь и непрактиченъ, и неполиченъ, и не можетъ привести къ успѣху, и что и сами они не могли этого не предвидѣть и не знать. Конституція эта вообще крайне растяжима, и только въ очень немногихъ пунктахъ можетъ препятствовать самодѣятельности и всего народа, и отдѣльныхъ штатовъ; но именно въ этомъ отношеніи она такъ ясна и опредѣленна, такъ соотвѣтствуетъ духу того времени, когда она была составлена, что всякій споръ просто невозможенъ. Государственный документъ, положившій начало и основаніе жизни теперь громадной націи, совершившій это при такихъ отличныхъ отъ

Digitized by Google

современныхъ жизненныхъ условіяхъ и просуществовавшій безъ всякихъ измѣненій слишкомъ сто-двадцать лѣтъ, конечно, не могъ не устарѣть, и нѣтъ никакой практической возможности согласовать съ нимъ совершенно новую, современную идею прогрессивнаго подоходнаго обложенія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что и самая идея безнадежна и неосуществима — слѣдуетъ только, что для ея примѣненія нужны иные пути. Нужно или измѣнить легальнымъ путемъ конституцію, или произвести фактическую революцію. Національная платформа демократовъ послѣдней кампаніи, требуя насильственной реконструкціи верховнаго суда, съ цѣлью заставить его признать конституціонность принципа прогрессивнаго подоходнаго налога посредствомъ насилія, въ сущности открыто рекомендуетъ такимъ требованіемъ этотъ послѣдній способъ, и вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, насколько онъ практиченъ въ данномъ случаѣ. Извѣстно, что для того, чтобы, не касаясь ни одной запятой въ самой конституціи, а только для того, чтобы внести въ нее три добавленія объ освобожденіи рабовъ, одной революціи оказалось недостаточно, — потребовалась свирѣпая четырехлѣтняя междоусобная война; какъ отнесется американскій народъ къ существеннымъ измѣненіямъ въ самой конституціи, и по этому именно вопросу,—нельзя, конечно, сказать ничего опредѣленнаго; но несомнѣнно то, что, при окончательномъ голосованіи, безъ самой серьезной и обстоятельной предварительной подготовки, окажется масса людей, которые, вполнѣ одобряя идею прогрессивнаго подоходнаго налога, въ то же время не рѣшатся изъ-за нея начать передѣлку самой конституціи,—передѣлку, которая, конечно, не можетъ остановиться на этомъ одномъ вопросѣ. Въ виду этого, хотя и исключительнаго, но тѣмъ не менѣе крайне существеннаго въ данномъ случаѣ осложненія, практичность осуществленія идеи о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ крайне проблематична вообще и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе отдаленна. Активная дѣятельность въ этомъ направленіи должна покуда ограничиться одной агитаціей вопроса, и необдуманное предложеніе революціонныхъ способовъ, такъ противныхъ всему духу американскихъ учрежденій, не только не помогаетъ ему, но и конечно откладываетъ его осуществленіе. И въ данномъ случаѣ, какъ и въ серебряномъ вопросѣ, услужливый дуракъ оказывается опаснѣе врага. Наиболѣе проницательные европейскіе наблюдатели едва-ли сознаютъ вполнѣ всю консервативность американскихъ массъ во всемъ томъ, что касается ихъ конституціи и основныхъ учрежденій; и хотя въ наше время политико-экономическія движенія вездѣ заслоняютъ собою чисто-политическія, тѣмъ не менѣе было бы крайне опрометчиво прилагать современную европейскую мѣрку въ этомъ отношеніи и къ Новому-Свѣту.

Digitized by Google

Въ виду промышленно-торговаго застоя, финансовой неурядицы и общаго небывало натянутаго положенія внутреннихъ дѣлъ, казалось бы, что всѣ помышленія американскаго народа въ настоящее время должны бы были быть направлены именно на нихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, въ самое послѣднее время иностранная политика несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто и въ печати, и въ умахъ массъ населенія,—и новой администраціи на первыхъ же порахъ пришлось взяться за нѣсколько самыхъ сложныхъ, самыхъ непріятныхъ иностранныхъ вопросовъ, непріятныхъ особенно потому, что ей придется такъ или иначе платиться за разбитые администраціей Кливеланда „горшки". Какъ ни неудачны были результаты дѣятельности этой послѣдней во внутреннихъ дѣлахъ страны, но наслѣдство, которое досталось отъ нея Макъ-Кинлею въ дѣлахъ иностранныхъ, еще хуже, еще запутаннѣе, даже еще опаснѣе. Если въ первыхъ Кливеландъ можетъ до извѣстной степени оправдать свои неудачи тѣмъ фактомъ, что онъ былъ только исполнителемъ политики своей партіи, которая несомнѣнно дѣйствовала во многихъ случаяхъ чисто диктаторскимъ образомъ,—въ послѣднихъ онъ, конечно, былъ вполнѣ самостоятеленъ, и на немъ одномъ лежитъ за нихъ вся отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что, по конституціи, въ дѣлахъ иностранной политики президентъ Соединенныхъ-Штатовъ въ сущности гораздо независимѣе любого конституціоннаго европейскаго монарха. Онъ назначаетъ кабинетъ, и наши министры, въ томъ числѣ и премьеръ и ex officio министръ иностранныхъ дѣлъ—Secretary of State—отвѣтственны только передъ нимъ. Онъ же заключаетъ трактаты, и, согласно почти единогласному мнѣнію всѣхъ нашихъ наиболѣе выдающихся спеціалистовъ по вопросамъ конституціоннымъ и международнаго права, ему же принадлежитъ и право объявленія войны и заключенія мира съ другими народами. Конечно, сенатъ можетъ не утвердить трактата и потребовать его измѣненія, а палата отказать въ средствахъ на военные расходы—но, во-первыхъ, конгрессъ засѣдаетъ ежегодно, но значительно меньше полугода времени, а во-вторыхъ, сила права, и главное—событій, такъ велика, что эти ограниченія могутъ имѣть на практикѣ только весьма относительное значеніе. Въ 1861 году Линкольнъ лично издалъ знаменитую прокламацію о призывѣ милиціи и волонтеровъ, и междоусобная война была уже въ полномъ разгарѣ, прежде чѣмъ собралась экстренная сессія конгресса, которому, volens nolens, оставалось только ратификовать совершившійся фактъ. Исторія Союза полна примѣрами совершенно того же характера. Поэтому иностранная политика Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ всегда была и находится и теперь въ прямой зависимости отъ личности президента—и, можетъ быть, никогда прежде этотъ фактъ не

Digitized by Google

обрисовывался такъ рельефно, какъ именно въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія, особенно же со времени начала, три года тому назадъ, кубанскаго возстанія. Исторія почти всего текущаго столѣтія полна кровавой борьбой Испаніи съ ея отпадающими въ разныхъ концахъ земного шара колоніями. Уроки прошлаго на нее не дѣйствуютъ, какъ подѣйствовало на Великобританію отпаденіе ея американскихъ колоній; она все еще держится въ этой борьбѣ исключительно политики насилія, и потому она и доселѣ полна неслыханными жестокостями и самыми безобразными подробностями. Ужасенъ турокъ, когда онъ своими иррегулярными ордами „водворяетъ порядокъ“ въ Арменіи или на островѣ Критѣ; но испанецъ, на мой взглядъ, еще хуже, еще безсердечнѣе—у него нѣтъ даже формальнаго оправданія въ религіозномъ фанатизмѣ народа, и все-таки онъ, по всѣмъ видимостямъ, въ своихъ сношеніяхъ съ своими несчастными колоніями никакъ не можетъ обходиться безъ средневѣковыхъ инквизиціонныхъ средствъ; въ концѣ концовъ онъ зарѣжетъ свою жертву, также какъ и турокъ, но не преминетъ предварительно всячески измучить, изнасиловать и даже искалѣчить ее. Жестоки были прежніе генералъ-капитаны Кубы, но нынѣшній, „мясникъ“ Вейлеръ—наша печать, безъ различія партій, иначе не называетъ его—несомнѣнно далеко перещеголялъ ихъ всѣхъ, и за послѣдній годъ не только жжетъ и рѣжетъ самихъ кубанцевъ всякаго возраста и пола, безъ малѣйшаго разбора и какихъ бы то ни было формальностей, но и не разъ уже крайне безцеремонно обходился и съ мирными иностранцами. Когда-то изумительно богатый, цвѣтущій островъ окончательно разоренъ; населеніе въ большинствѣ округовъ давно голодаетъ, и безусловно достовѣрные корреспонденты американскихъ газетъ ежедневно даютъ самыя яркія описанія ужасныхъ страданій населенія, находящагося постоянно между двумя огнями и въ безпрерывной смертельной опасности. За исключеніемъ нѣсколькихъ главныхъ городовъ и приморскихъ портовъ, весь островъ давно находится въ рукахъ возставшихъ,—они не разъ проникали даже внутрь городской черты самой Гаванны и давно разрушили ея водопроводы,—но Вейлеръ посылаетъ періодически значительные отряды въ разныя стороны, по всѣмъ видимостямъ, исключительно съ цѣлью „устрашенія“, и эти отряды не только выжгли и разорили до тла плантаціи многихъ американскихъ гражданъ, но и захватили нѣсколькихъ изъ нихъ самихъ въ плѣнъ—и, вопреки прямому смыслу трактатовъ съ Союзомъ по этому поводу, держатъ ихъ въ самыхъ ужасныхъ тюрьмахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ безъ суда и слѣдствія. Было нѣсколько особенно безтактныхъ, особенно жестокихъ случаевъ, о которыхъ мнѣ придется подробно говорить ниже, и общественное мнѣніе Союза, его печать и конгрессъ,

Digitized by Google

въ теченіе послѣдняго времени не разъ воспламенялись до точки кипѣнія—но всегда разбивались объ упорную, летаргическую, можно сказать, апатію Кливелэнда. Сенатъ много разъ почти единогласно требовалъ объявленія возставшихъ воюющей стороной, и однажды, въ концѣ прошлаго декабря, послѣ измѣнническаго убійства испанскими властями одного изъ главныхъ вождей возстанія, особенно популярнаго генерала Мацео, даже открыто высказался за прямое объявленіе войны Испаніи—но президентъ оставался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ этимъ демонстраціямъ. Даже когда, прошлой осенью, послѣ нѣсколькихъ особенно удачныхъ флибустьерскихъ экспедицій изъ Нью-Іорка въ Кубу, толпа разнесла американскій консулатъ въ Барселонѣ, и вся полиція города Мадрида и масса регулярнаго войска только съ величайшимъ трудомъ отстояла зданіе американскаго посольства, когда по всей Испаніи топтали и жгли на площадяхъ и улицахъ звѣздный флагъ, Кливелэндъ хранилъ упорное молчаніе и даже въ своемъ годичномъ посланіи конгрессу не счелъ нужнымъ упомянуть объ этихъ прискорбныхъ происшествіяхъ. Всегда было извѣстно, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ непреклонныхъ сторонниковъ абсолютнаго невмѣшательства въ какія бы то ни было иностранныя столкновенія, но въ данномъ случаѣ самые горячіе его приверженцы сомнѣвались, не заходитъ ли онъ слишкомъ далеко, и не должны ли имѣть какъ звѣздный флагъ, такъ и американскіе граждане за границей, извѣстныя неотъемлемыя права, помимо всякихъ другихъ политическихъ соображеній, и не повлечетъ ли за собой покровительство этимъ правамъ столкновеніе съ кѣмъ бы то ни было, или нѣтъ. Миръ во что бы то ни стало—очень почтенное motto, но едва ли большинство американскаго народа согласно и готово признать его открытымъ девизомъ своей государственной политики. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что большинство это заражено излишнимъ шовинизмомъ; оно вѣроятно, въ общемъ, очень консервативно, но въ данномъ случаѣ между нимъ и Кливелэндомъ, конечно, существуетъ серьезное недоразумѣніе по поводу предѣловъ. Хотя Кливелэндъ никогда публично не высказывался по этому предмету, тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе страны увѣрено, что и по поводу кубанскаго возстанія онъ держался той же политики, что̀ и относительно Сандвичевыхъ острововъ въ самомъ началѣ его срока; онъ, какъ, впрочемъ, и очень многіе другіе государственные люди Союза и прежде, и теперь, больше всего боятся опасностей присоединенія къ нему новыхъ территорій, особенно населенныхъ смѣшанными расами. Извѣстно, какую плачевную политическую жизнь ведутъ всѣ безъ исключенія латинско-испанскія республики центральной и южной Америки—тѣ же самые элементы преобладаютъ и на Кубѣ, а потому присоединеніе этого острова, въ случаѣ завое-

Digitized by Google

ванія имъ независимости, можетъ въ самомъ близкомъ будущемъ сдѣлаться настоятельной необходимостью для Союза въ видахъ самосохраненія и неизбѣжно имѣющихъ возникнуть политическихъ осложненій. При настоящей государственной организаціи Союза, такое присоединеніе не только не можетъ быть желательнымъ, но и по всѣмъ вѣроятностямъ сдѣлается источникомъ самыхъ серьезныхъ затрудненій. Куба давно густо заселена; на ней слишкомъ полтора милліона населенія, почти исключительно креоловъ и метисовъ въ разныхъ степеняхъ; климатъ бо́льшую часть года непригодный для бѣлыхъ и, въ лучшемъ случаѣ, разслабляющій и быстро измѣняющій сѣверную натуру; амальгамація населенія, его объамериканиванье, если и возможны,—въ чемъ многіе сомнѣваются,—то во всякомъ случаѣ крайне затруднительны, и островъ этотъ, при какой бы то ни было государственной организаціи, надолго, если не навсегда, останется чуждымъ духу коренныхъ американскихъ учрежденій, и потому весьма легко можетъ сдѣлаться постояннымъ очагомъ всяческихъ раздоровъ и очень опаснымъ терніемъ въ крайне чувствительномъ государственномъ тѣлѣ Союза. Примѣры успѣшности присоединенія сначала Техаса, потомъ Тихо-Океанскаго побережья, отхваченныхъ въ сущности отъ той же Испаніи, въ данномъ случаѣ ничего не доказываютъ, такъ какъ, во-первыхъ, климатъ въ нихъ совсѣмъ другой, а во-вторыхъ, обширные районы эти были въ то время совершенной пустыней, всего съ нѣсколькими десятками тысячъ разбросаннаго по громадному пространству полудикаго населенія, по самой своей малочисленности и отсутствію установившихся учрежденій не могшаго играть никакой роли.

Возвращаясь къ изложенію положенія настоящей минуты, упомяну, что особенную бурю подняли дѣла́ нѣкоего Рюиза, по донесеніямъ американскаго генеральнаго консула въ Гаваннѣ, генерала Ли, замученнаго испанцами въ тюрьмѣ до смерти; доктора Сангвилли, очень богатаго человѣка, имѣющаго массу вліятельныхъ друзей въ Нью-Іоркѣ, и трехъ американскихъ дѣвушекъ, высланныхъ изъ Гаванны полиціей и обысканныхъ ею самымъ оскорбительнымъ образомъ, когда онѣ уже были въ каютѣ американскаго купеческаго парохода, но еще въ гавани города. По газетнымъ извѣстіямъ, обыкновенно въ этихъ случаяхъ очень точнымъ, Ли—человѣкъ очень популярный и извѣстный по всему Союзу—требовалъ немедленной присылки военныхъ кораблей, но былъ оставленъ вашингтонскимъ правительствомъ безъ всякаго отвѣта въ теченіе четырехъ дней, затѣмъ подалъ въ отставку, и только съ большимъ трудомъ былъ уговоренъ Кливелэндомъ остаться на своемъ постѣ до конца его срока. Сангвилли испанскія власти продержали въ тюрьмѣ почти два года безъ суда и слѣдствія, несмотря на безпрерывныя хлопоты его друзей и протесты консульства; уже 27 фев-

Digitized by Google

раля, т.-е. всего за пять дней до перемѣны президентовъ, федеральный сенатъ, выведенный окончательно изъ терпѣнія, рѣшилъ оставить въ сторонѣ все очередное дѣлопроизводство, всѣ денежныя ассигновки на будущій бюджетный годъ, и оставаться въ безпрерывномъ засѣданіи, пока Сангвилли не будетъ освобожденъ. Испанское министерство струсило, и королева по кабелю *простила* Сангвилли, съ тѣмъ однако условіемъ, что онъ не будетъ искать убытковъ.

Только необыкновенное, изъ ряду вонъ выходящее упорство Кливелэнда, нѣсколько разъ доходившее до прямыхъ уступокъ въ ущербъ національной чести и престижу, какъ думаетъ большинство, и удержало до сихъ поръ Сѣверо-Американскіе Штаты отъ открытаго разрыва съ Испаніей. Его государственный эгоизмъ выдержалъ напоръ импульсовъ человѣколюбія и естественнаго стремленія свободнаго народа идти открыто на помощь угнетеннымъ безчеловѣчной метрополіей кубанцамъ. Онъ сдержалъ эти порывы и избѣжалъ войны — но наше общественное мнѣніе несомнѣнно порицаетъ его за это. Въ то же время Испанія знаетъ, что безъ тайной частной поддержки американскихъ гражданъ кубанское возстаніе никакъ не могло бы продержаться такъ долго, такъ какъ всѣ деньги, всѣ волонтеры, все оружіе и всѣ боевые припасы могутъ получаться имъ только изъ Союза, а общественное мнѣніе этого послѣдняго увѣрено, что при настоящихъ условіяхъ Испанія безсильна подавить возстаніе, и что упорство ея правительства происходитъ не отъ того, что оно надѣется подавить его обыкновенными средствами,—какъ оно много разъ публично утверждало, не разъ ставя даже теперь давно уже прошедшіе сроки,— а оттого, что оно разсчитываетъ на какую-нибудь счастливую случайность въ свою пользу, въ родѣ смерти вождей возстанія, подкупа, измѣны и т. д. Американскій народъ думаетъ, что съ судьбой настоящаго кубанскаго возстанія, седьмого, кажется, по счету въ теченіе XIX столѣтія, связано не только существованіе теперешняго правительства Испаніи, но и судьба въ ней самой монархіи, или, по крайней мѣрѣ, династіи.

Какъ бы то ни было, въ виду господствующаго настроенія какъ въ штатахъ, такъ и въ Испаніи, настоящее положеніе кубанскаго вопроса такъ остро, такъ неопредѣленно, такъ несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ незначительныхъ, неожиданныхъ случайностей, что онъ является самымъ тяжелымъ, самымъ непріятнымъ наслѣдствомъ новой нашей администраціи, и я лично нисколько не буду удивленъ, если прежде даже, чѣмъ эти строки появятся въ печати, читатель уже будетъ знать изъ газетныхъ телеграммъ, что кризисъ наступилъ такъ или иначе.

Digitized by Google

Другимъ такимъ же мельничнымъ жерновомъ на шеѣ Макъ-Кинлэя остался неоконченный трактатъ объ арбитраціи недоразумѣній съ Англіей. Читателю, конечно, извѣстна сущность дипломатическаго столкновенія Союза съ Великобританіей въ декабрѣ 1895 года по поводу границъ Венецуэлы и британской Гвіаны,—столкновенія, выдвинувшаго такъ рельефно доктрину Монро и окончившагося само по себѣ ея безмолвнымъ торжествомъ и, казалось, безусловнымъ пораженіемъ лорда Солсбёри. Но этотъ серьезный и дѣйствительно искусный и многосторонній дипломатъ не надолго остался въ долгу у бывшаго премьера Кливелэнда, Ольнэя, и отплатилъ ему и весьма скоро, и даже, такъ сказать, съ лихвенными процентами. Пораженіе Солсбёри по венецуэльскому вопросу было результатомъ того, что общественное мнѣніе не только Америки, но и самой Англіи, было противъ принятаго имъ въ началѣ положенія; онъ уступилъ этому давленію, но суъмѣлъ, при окончательномъ его разрѣшеніи, удовлетворившемъ всѣ три стороны — и Англію, и Америку, и Венецуэлу — прицѣпить къ частному трактату и особое общее соглашеніе, заключаемое на пять лѣтъ и обязывающее обѣ стороны въ теченіе этого срока подчинять всѣ могущія встрѣтиться недоразумѣнія окончательнымъ рѣшеніямъ особаго, заранѣе установленнаго, арбитраціоннаго трибунала. Когда первыя извѣстія о переговорахъ о такомъ соглашеніи проникли въ печать обѣихъ странъ, они были встрѣчены единогласнымъ хоромъ одобренія всѣхъ партій и всѣхъ фракцій; въ немъ видѣли залогъ мира, первый шагъ къ избѣжанію въ будущемъ войны, какъ рѣшителя международныхъ столкновеній,—заговорили о возможности уничтоженія постоянныхъ армій, о приближеніи дѣйствительнаго золотого вѣка; словомъ, надеждамъ и благимъ пожеланіямъ не было конца. Переговоры тянулись довольно долго; но когда оба трактата, и спеціальный венецуэльскій, и общій арбитраціонный, были наконецъ, уже въ началѣ текущаго года, представлены на утвержденіе нашего сената, оказалось, что хотя въ первомъ изъ нихъ Ольнэй и добился всего, или почти всего, чего онъ требовалъ съ самаго начала, во второмъ—Солсбёри совершенно обошелъ его, и трактатъ этотъ не только совсѣмъ не соотвѣтствуетъ возникшимъ по его поводу ожиданіямъ общественнаго мнѣнія, но и представляется несомнѣнно крайне односторонниимъ и даже опаснымъ. Сенатъ провозился съ нимъ около двухъ мѣсяцевъ, но не рѣшился утвердить его, и, при окончаніи сессіи, въ полдень 4-го марта, онъ такъ и остался „unfinished business“, т.-е. неоконченнымъ разсмотрѣніемъ, и, по закону, не составляетъ законнаго документа и долженъ подвергнуться вновь разсмотрѣнію будущаго сената въ его первой регулярной сессіи, начинающейся только въ слѣдующемъ декабрѣ, и то только въ такомъ случаѣ, если новая адми-

Digitized by Google

нистрація найдетъ нужнымъ опять внести его. Въ виду громадной принципіальной важности вопроса вообще и возбужденнаго трактатомъ всеобщаго, почти лихорадочнаго къ нему интереса публики, сенатъ, въ первый разъ въ теченіе своей исторіи, отступилъ отъ своихъ традицій и разсматривалъ его все время при открытыхъ дверяхъ, такъ что всѣ детали преній, всѣ мотивы дѣлались мгновенно публичнымъ достояніемъ и обсуждались своевременно всей страной. Разными сенаторами оспаривались цѣлесообразность и выгодность почти всѣхъ его отдѣльныхъ статей, и были предложены многочисленныя поправки; трудно сказать, какъ разрѣшились бы эти несогласія при общихъ голосованіяхъ, такъ какъ пренія не дошли до нихъ, но несомнѣнно то, что сенатъ почти единогласно не призналъ бы главнаго пункта, именно назначеніе на всѣ пять лѣтъ впередъ верховнаго арбитратора, шведскаго короля Оскара.

Въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ преній даже самые ярые противники трактата, какъ, напримѣръ, маститый сенаторъ отъ штата Алабамы, Морганъ, ни прямо, ни косвенно, не коснулись его личности, не намекнули даже на возможность опасности какого-либо пристрастія—они формулировали свое сопротивленіе исключительно тѣми соображеніями, что никакъ нельзя опредѣлить заранѣе, на опредѣленный періодъ времени, характеръ тѣхъ недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть между республикой и монархіей, и что поводомъ къ такимъ недоразумѣніямъ, какъ не разъ случалось и прежде, можетъ быть именно разница въ основаніяхъ государственнаго устройства обѣихъ странъ, и что въ такомъ случаѣ европейскій монархъ, какъ бы безукоризненна и высока ни была его личность, по самой силѣ вещей не можетъ быть безпристрастнымъ судьей. Такъ какъ сущность всякаго арбитраціоннаго соглашенія состоитъ именно въ достиженіи согласія обѣихъ сторонъ на личность арбитратора, то и очевидно, что настоящій трактатъ безнадежно побитъ—но дѣло на этомъ далеко не кончается. Общественное мнѣніе обѣихъ странъ такъ возбуждено по этому вопросу и такъ настроено въ пользу его практическаго осуществленія, что новой администраціи Мэкъ-Кинлея невозможно будетъ, за неутвержденіемъ трактата сенатомъ, просто сдать его въ архивъ—она вынуждена будетъ добиваться отъ сентъ-джемскаго кабинета соотвѣтствующихъ въ немъ измѣненій, но уже при совершенно отличномъ отъ прежняго положеніи вещей. Благопріятный моментъ упущенъ; теперь лордъ Сольсбёри имѣетъ общественное мнѣніе на своей сторонѣ, и правительству Мэкъ-Кинлэя предстоитъ крайне трудная неблагопріятная задача исправлять поспѣшность и промахи Кливелэнда и Ольнэя уже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Digitized by Google

Еще болѣе настоятельнымъ, еще болѣе назрѣвшимъ является вопросъ гавайскій. Его настоящее положеніе еще больше, чѣмъ положеніе арбитраціоннаго трактата съ Англіей, доказываетъ какъ важность своевременности извѣстныхъ мѣръ въ современныхъ международныхъ дѣлахъ, такъ и опасность даже незначительнаго, повидимому, промедленія. Какъ разъ четыре года тому назадъ, первымъ правительственнымъ актомъ того же Кливелэнда было отозваніе обратно обсуждавшагося сенатомъ заключеннаго Гаррисономъ съ временнымъ правительствомъ Сандвичевыхъ острововъ трактата о ихъ присоединеніи къ Союзу. Онъ сдалъ этотъ трактатъ въ архивъ безъ всякихъ объясненій съ своей стороны, и послѣ того, какъ его безтактная попытка возстановить на тронѣ королеву Лиліукалани окончилась самымъ постыднымъ фіаско, оставался непреклонно глухъ и нѣмъ ко всему, что происходило съ тѣхъ поръ на этихъ островахъ. Въ наше время событія не ждутъ, пока государственные люди сознаютъ свои ошибки—они идутъ своимъ чередомъ, вопреки имъ, и народамъ приходится жестоко расплачиваться за эти ошибки. То же случилось и въ данномъ случаѣ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ сорокъ тысячъ китайцевъ и, преимущественно, японцевъ заполонили эти острова—бѣлыхъ на нихъ только немного больше двухъ тысячъ душъ обоего пола и всякаго возраста; временное правительство оказалось и безсильнымъ остановить этотъ наплывъ, и недостаточно предусмотрительнымъ, а потому въ настоящее время Японія самымъ настоятельнымъ образомъ требуетъ признанія республикой правъ гражданства за своими сынами и дарованія имъ права голоса—и даже грозитъ подкрѣпить это требованіе своимъ военнымъ флотомъ. Исполненіе такого требованія очевидно равносильно фактическому присоединенію острововъ къ Японіи. Президентъ республики, Доль, и его правительство въ теченіе всего послѣдняго года изворачивались всяческими правдами и неправдами, чтобы отсрочить какъ-нибудь окончательное рѣшеніе, грозящее всѣмъ имъ вѣрной политической смертью, и едва-ли они въ состояніи долго поддерживать эту ненадежную политику. Трансваальское положеніе вещей прошлаго года, хотя и въ нѣсколько другой формѣ, повторяется и здѣсь, и та же Англія съ нетерпѣніемъ ждетъ кризиса и своей очереди заявить претензіи на присоединеніе. Маленькія независимыя государства, въ родѣ Сандвичевыхъ острововъ, этого перла всего Тихаго океана, почему-либо представляющіе собою лакомые куски для крупныхъ націй, повидимому, обладаютъ особой способностью создавать разныя острыя политическія осложненія, и долговѣчность ихъ самостоятельности обыкновенно крайне ненадежна — крупные сосѣди нерѣдко вынуждены на присоединеніе ихъ, иногда даже вопреки непосредственнымъ своимъ выгодамъ и стремленіямъ, а только

Digitized by Google

потому что иначе кто-нибудь другой захватитъ ихъ, и они такимъ образомъ могутъ во всякій моментъ оказаться самой существенной занозой на ихъ пути. Въ данномъ случаѣ, и безъ внезапнаго обострѣнія въ формѣ японскаго возрожденія, не нужно было обладать особой политической проницательностью, чтобы видѣть, что, какъ ни противенъ принципъ присоединенія чуждыхъ территорій традиціонной иностранной политикѣ Союза, онъ все-таки, въ концѣ концовъ, вынужденъ будетъ присоединить Сандвичевы острова, чтобы они не достались Англіи или даже Японіи, и не лишили бы такимъ образомъ Америки ея главной и самой важной и торговой, и военной морской станціи на Тихомъ океанѣ. Четыре года непростительнаго замедленія замѣчательно осложнили вопросъ. Тогда какъ въ началѣ 1893 года на островахъ было всего около десяти тысячъ всельниковъ, и не помышлявшихъ ни о какихъ правахъ, такъ что доступъ имъ въ предѣлы Союза могъ быть легко закрытъ особой статьей въ трактатѣ присоединенія, теперь ихъ тамъ цѣлыхъ пятьдесятъ тысячъ, и положеніе таково, что, повидимому, нѣтъ никакой возможности, въ случаѣ присоединенія, заградить имъ этотъ доступъ; а такъ какъ цѣны на трудъ тамъ вдвое ниже нашихъ, то, само собою разумѣется, первымъ результатомъ присоединенія въ настоящій моментъ будетъ массовое передвиженіе этой арміи на Тихо-Океанское побережье, которое теперь, какъ, впрочемъ, и весь остальной Союзъ, и само не знаетъ, что ему дѣлать съ его собственными безработными. Благодаря всему этому, проблема присоединенія Гавайскаго архипелага къ Союзу крайне затруднена—но вся страна съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ея разрѣшенія; новой администраціи приходится взяться за нее немедленно, такъ какъ неизвѣстно, что̀ можетъ принести даже завтрашній день со стороны главнаго настоящаго фактора—Японіи, совсѣмъ не существовавшаго четыре года тому назадъ.

Наконецъ, едва-ли менѣе существеннымъ какъ для самого Союза, такъ, и главное, для всего остального цивилизованнаго міра, является вопросъ о Никорагвскомъ каналѣ. Дважды, въ 1885 и 1893 годахъ, вопросъ этотъ былъ, казалось, окончательно разрѣшенъ, и дважды тотъ же Кливелэндъ и откладывалъ его своею властью, и совершенно затормазилъ его въ теченіе обоихъ сроковъ своего президентства. Онъ никогда не объяснялъ публикѣ своихъ мотивовъ непріязни къ этому великому предпріятію, а публика объясняетъ ихъ — и, по всей вѣроятности, совершенно вѣрно — его традиціонной боязнью всяческихъ международныхъ компликацій вообще. Благодаря его активному и пассивному противодѣйствію, работы на каналѣ были оставлены и

Digitized by Google

милліоны уже затраченнаго на нихъ капитала связаны до болѣе благопріятнаго времени. Тогда какъ первая остановка была только непріятнымъ, убыточнымъ замедленіемъ, вторая, къ сожалѣнію, обѣщаетъ ввести самыя существенныя осложненія и въ это дѣло, какъ это уже случилось съ вопросомъ о происоединеніи Сандвичевыхъ острововъ. Во-первыхъ, возобновлены работы на давно заброшенномъ Панамскомъ каналѣ; хотя утверждаемая американскими инженерами топографическая его неосуществимость осталась, конечно, въ томъ же положеніи, тѣмъ не менѣе задача собранія капитала не на единственное, а на могущее имѣть конкурренцію предпріятіе, само собой разумѣется, сдѣлалась гораздо труднѣе. Во-вторыхъ, республика Никарагва въ сущности перестала быть самостоятельнымъ государствомъ; она принадлежитъ теперь къ федераціи республикъ центральной Америки, въ которую вошли Гондурасъ и Коста-Рика, и дипломатическій видъ всего дѣла существенно измѣнился: интересы Панамскаго канала, вмѣсто конкуррирующихъ, сдѣлались болѣе общими и для Никарагвы. Въ-третьихъ, вліяніе Англіи, никогда не отступавшей отъ стремленія контролировать какой-либо каналъ черезъ Панамскій перешеекъ и устроить на его берегахъ другой Гибралтаръ или Суэцъ, значительно усилилось, и активная политика министерства Солсбёри въ теченіе прошлаго четырехлѣтія не осталась безъ серьезныхъ результатовъ; осуществленіе Никарагвскаго канала исключительно американскими средствами встрѣтитъ теперь гораздо большее сопротивленіе съ ея стороны, чѣмъ это было возможно двѣнадцать или четыре года тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, національная платформа республиканской партіи требуетъ немедленной постройки этого канала, и администраціи Макъ-Кинлэя придется въ самомъ ближайшемъ будущемъ взяться такъ или иначе и за этотъ вопросъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ главныхъ задачъ новой администраціи, я закончу настоящую статью ея личной характеристикой. Я не могу что-либо прибавить къ характеристикѣ самого президента Макъ-Кинлэя, уже сдѣланной мною въ вышеупомянутой мною статьѣ: „Президентская кампанія въ С.-Ам. С.-Штатахъ"; но его кабинетъ, и, въ особенности, нѣкоторые его члены, заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ ихъ назначенія Макъ-Кинлэй самымъ рѣшительнымъ образомъ отступилъ отъ старыхъ традиціонныхъ требованій въ этомъ отношеніи. Это, въ сущности, первый американскій кабинетъ, при назначеніи котораго ни политиканы, ни территоріальныя требованія, ни издавна установленный политическій этикетъ, не были приняты въ соображеніе: совѣтники Макъ-Кинлэя не навязаны ему партизанскими

Digitized by Google

требованіями или политическими личными услугами, а выбраны имъ самимъ по личному усмотрѣнію, помимо всѣхъ другихъ традиціонныхъ соображеній. Онъ, конечно, выказалъ въ этомъ случаѣ удивительную твердость характера, не поддавшись ни въ одномъ изъ этихъ назначеній самымъ тяжелымъ, самымъ настойчивымъ давленіямъ, и, въ то же время, не поссорившись ни съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся вожаковъ своей партіи. Помимо твердости, для этого былъ необходимъ и особенный политическій тактъ; достигнутые уже результаты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что новый американскій президентъ обладаетъ обоими этими неоцѣненными у насъ во всякомъ крупномъ политическомъ дѣятелѣ качествами въ самой значительной степени. Онъ зналъ, что ему придется бороться съ необычными иностранными осложненіями и самымъ серьезнымъ внутреннимъ разстройствомъ; но, отступая отъ обычныхъ традицій, онъ не побоялся взять на себя своимъ самостоятельнымъ образомъ дѣйствія полную отвѣтственность за результаты, и, благодаря этому, еще до вступленія своего въ должность съумѣлъ вызвать общее довѣріе и искреннюю поддержку. Больше чѣмъ какой-либо другой новый президентъ Союза послѣдняго времени, Макъ-Кинлэй опирается не на однѣ силы своей партіи, а на общественное довѣріе всей націи. Даже страстные партизаны оппозиціи оставили въ данномъ случаѣ свои обычные партизанскіе пріемы, и всѣ понимаютъ, что дѣла страны дѣйствительно въ крайне неблагопріятномъ положеніи, что настало время стать выше интересовъ отдѣльныхъ партій и приложить общія усилія къ достиженію скорѣйшаго успѣшнаго выхода.

Кабинетъ президента Соединенныхъ-Штатовъ состоитъ изъ восьми министровъ: иностранныхъ дѣлъ (Secretary of State), финансовъ (Secretary of the Treasury), военнаго (Secretary of Mar), морского (Secretary of the Navy), юстиціи (Attorney General), внутреннихъ дѣлъ (Secretary of the Interior), почтъ (Postmaster General) и земледѣлія (Secretary of Agriculture). Давно уже агитируется организація и девятаго министерства коммерціи и мануфактуръ (Secretary of Commerce and Manufactures), и, по всей вѣроятности, оно будетъ образовано еще въ текущемъ году. Всѣ эти министерства, за исключеніемъ внутреннихъ дѣлъ, имѣютъ то же значеніе, что и въ Россіи, а это послѣднее завѣдуетъ исключительно дѣлами территорій, государственными землями и индѣйцами, безъ какихъ бы то ни было полицейскихъ функцій. Ни федеральной, ни штатной полиціи въ Союзѣ совсѣмъ нѣтъ; она является дѣломъ чисто мѣстнымъ и находится въ завѣдываніи отдѣльныхъ графствъ и городовъ.

Въ виду настоящаго положенія дѣлъ, особенное значеніе получаютъ министры иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, и въ обоихъ этихъ са-

Digitized by Google

мыхъ главныхъ назначеніяхъ Макъ-Кинлэй совершенно пренебрегъ всѣми прецедентами. Принципъ возможной равномѣрности распредѣленія важнѣйшихъ государственныхъ постовъ между штатами и районами до сихъ поръ всегда исключалъ тотъ штатъ, изъ котораго выбирался самъ президентъ, отъ участія въ его кабинетѣ, а политическій этикетъ, освѣщенный столѣтнимъ обычаемъ, требовалъ назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ того лица, которое на національной конвенціи, назначившей президента въ кандитаты партіи, получило наибольшее послѣ него самого число голосовъ,—въ данномъ случаѣ, спикера федеральной нижней палаты Рида. А Макъ-Кинлэй назначилъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Джона Шермана (John Sherman) изъ того же штата Охайо, изъ котораго онъ происходитъ и самъ, и совсѣмъ не бывшаго кандидатомъ передъ національной конвенціей. Тѣмъ не менѣе выборъ этотъ заслужилъ всеобщее шумное одобреніе. Между государственными людьми всего послѣдняго полустолѣтія, какъ уже сошедшими со сцены, такъ и живущими, за исключеніемъ покойныхъ Линкольна и Блэна, Шерманъ безспорно занимаетъ первое мѣсто, и по своей замѣчательной политической карьерѣ, и по своему вліянію на всю исторію Союза за этотъ полный великими событіями періодъ, и по своей популярности и личному престижу. Шерману 74 года—но онъ все еще и статенъ, и силенъ, какъ юноша, и энергиченъ, находчивъ и остроуменъ, какъ въ самую блестящую пору своей долгой государственной дѣятельности. Уже въ 1848 году онъ былъ делегатомъ на національной конвенціи виговъ этого года; въ 1855 году—предсѣдателемъ первой національной конвенціи республиканской партіи; четыре раза подъ-рядъ выбирался въ федеральную палату представителей, и съ марта 1861 года засѣдаетъ въ федеральномъ сенатѣ сенаторомъ отъ штата Охайо, покинувъ его только временно однажды въ 1877—1881 годахъ, для того, чтобы сдѣлаться министромъ финансовъ въ кабинетѣ президента Гейса. Исключительно ему принадлежитъ и иниціатива, и приведеніе въ исполненіе мысли о возвратѣ Союза въ 1879 году къ платежамъ звонкой монетой; финансовый міръ того времени по обѣимъ сторонамъ океана считалъ такой шагъ безумно смѣлымъ, въ виду сильнаго разстройства федеральныхъ финансовъ послѣ войны—но Шерманъ такъ энергично и такъ увѣренно взялся за эту трудную задачу, такъ повліялъ своей твердостью и рѣшимостью и на Wall-street и всѣ финансовыя сферы, и на общественное мнѣніе, что переходъ совершился безъ всякихъ пертурбацій и съ замѣчательной легкостью. Съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ былъ временно президентомъ сената и почти безпрерывно предсѣдателемъ комитета иностранныхъ дѣлъ сената—комитета, de facto рѣшающаго судьбу всѣхъ иностранныхъ на-

Digitized by Google

значеній президента и всѣхъ иностранныхъ трактатовъ и соглашеній всякаго рода. Въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ онъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ выдающихся кандидатовъ республиканской партіи въ президенты Союза, но ни разу не успѣлъ получить назначенія, именно благодаря интенсивности и недостаточной гибкости своего личнаго характера. Въ исторіи Союза его имя будетъ стоять рядомъ съ именами Вебстера, Клэя и Кальхуна—ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ Бѣлый домъ, но ихъ историческое значеніе и вліяніе на дѣла страны, конечно, ставитъ ихъ гораздо выше многихъ президентовъ, теперь уже позабытыхъ.

Совершенно инымъ типомъ представляется новый министръ финансовъ, Лейманъ Гэджъ (Lyman J. Gage). Шерманъ получилъ всестороннее университетское образованіе и происходитъ изъ достаточнаго, извѣстнаго, даже историческаго семейства. Гэджъ, напротивъ, началъ свою жизнь босоногимъ, уличнымъ мальчишкой, получилъ только самое элементарное образованіе, и никогда прежде не былъ ни на какой государственной или общественной службѣ. Начавъ свою карьеру клэркомъ въ деревенской почтовой конторѣ, онъ мало-по-малу поднялся до президентства въ одномъ изъ самыхъ большихъ національныхъ банковъ въ городѣ Чикаго, и въ то же время, успѣлъ пріобрѣсти замѣчательную популярность въ этомъ современномъ Вавилонѣ, —дѣло очень нелегкое вообще, а въ банкирскомъ званіи въ особенности. Сдѣлавшись съ теченіемъ времени не только очень богатымъ человѣкомъ, но и мѣстнымъ celebrity, въ обыденной жизни онъ остался такъ же простъ и безпритязателенъ, какъ послѣдній изъ его клэрковъ, ходилъ всегда пѣшкомъ, завтракалъ въ дешевомъ ресторанѣ, и все свое свободное время употреблялъ на оффиціальное содѣйствіе разнымъ общеполезнымъ предпріятіямъ и дѣламъ. Городъ Чикаго—безспорный современный центръ американской предпріимчивости, американскихъ методовъ, американской закваски, а Лейманъ Гэджъ—одинъ изъ самыхъ типичныхъ представителей всего этого. Онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ; когда, пять лѣтъ тому назадъ, депутаты города въ конгрессѣ усомнились въ своей способности собрать потребованные конгрессомъ десять милліоновъ долларовъ въ пользу всемірной выставки, Гэджъ подалъ сигналъ, и въ 24 часа вся эта сумма была подписана. Никто, кромѣ него, не могъ бы сдѣлать этого.

Гэджъ никогда не принималъ никакого участія въ политикѣ, и, до своего назначенія, не былъ лично знакомъ съ Макъ-Кинлэемъ; онъ только дѣловой человѣкъ, и его назначеніе на одинъ изъ самыхъ важныхъ государственныхъ постовъ всего лучше доказываетъ, какъ свободенъ Макъ-Кинлэй отъ всякихъ обязательствъ, и какъ мало онъ

Digitized by Google

поддается вліяніямъ денежныхъ и политическихъ тузовъ страны. На мѣсто министра финансовъ всегда, а въ данномъ случаѣ въ особенности, бываютъ десятки кандидатовъ, и хотя назначеніе Гэджа и встрѣтило всеобщее одобреніе, тѣмъ не менѣе оно было крайне неожиданнымъ, особенно для политикановъ.

Вновь нарождающейся „умственной" молодой Америкѣ, все чаще и чаще мѣряющейся силами съ чисто дѣловыми ея элементами, сдѣлана серьезная уступка назначеніемъ морскимъ министромъ эксъ-губернатора штата Массачузетса, Джона Лонга. Это—совсѣмъ новый американскій типъ: успѣшный государственный дѣятель, законодатель и администраторъ, и въ то же время недюжинный поэтъ, пѣвецъ и художникъ. Его стихотворенія, подъ заглавіемъ „Bites of a Cherry", выдержали нѣсколько отдѣльныхъ изданій, а переводъ „Энеиды" Виргилія считается у насъ классическимъ. Лонгъ—человѣкъ не только выдающагося ума и всесторонняго, основательнаго образованія, но и несомнѣнно талантливый—по профессіи онъ адвокатъ, но съ большими склонностями къ жизни богемы, и его блестящіе успѣхи и въ области адвокатуры, и на государственномъ поприщѣ, нисколько не мѣшаютъ ему оставаться истиннымъ художникомъ въ душѣ. Морское министерство въ Союзѣ всегда было особымъ прибѣжищемъ талантливыхъ и, по американскимъ шаблоннымъ понятіямъ, болѣе или менѣе эксцентричныхъ людей; оно играетъ у насъ почти ту же роль, которую играло въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ то же министерство въ Россіи, и назначеніе Лонга является, въ сущности, не только признаніемъ за нимъ этихъ особенностей, но и ихъ сознательнымъ поощреніемъ.

Военнымъ министромъ назначенъ генералъ Альжеръ (Russell A. Alger), старикъ-филантропъ изъ штата Мичигана, одинъ изъ очень немногихъ оставшихся въ живыхъ сподвижниковъ знаменитаго кавалерійскаго генерала междоусобной войны—Шеридана. Военное министерство въ послѣднее время было въ большомъ забросѣ—министромъ Кливелэнда былъ нѣкто Ламонтъ, бывшій его частнымъ секретаремъ во время его перваго срока въ Бѣломъ домѣ, человѣкъ очень ловкій и проворный, но безъ какихъ бы то ни было знаній въ военномъ дѣлѣ. Въ свое время его назначеніе—единственнымъ основаніемъ къ которому было желаніе Кливелэнда отблагодарить его достойнымъ образомъ за серьезныя личныя услуги—было встрѣчено всеобщимъ изумленіемъ и неодобреніемъ, но демократическій сенатъ утвердилъ его въ должности, и онъ занималъ ее четыре года, не безъ ущерба для дѣла, конечно. Главнокомандующій арміею, генералъ Майльсъ, былъ на ножахъ и съ нимъ, и съ президентомъ, и Альжеру пред-

Digitized by Google

стоитъ нелегкая задача привести военное министерство опять въ порядокъ.

Изъ остальныхъ министровъ упомяну только о министрѣ земледѣлія, Вильсонѣ (James Wilson). Онъ—настоящій западный фермеръ изъ штата Эйоуэ, земледѣлецъ-практикъ, въ то же время довольно широко извѣстный по всему Союзу своими научными работами по земледѣлію, и серьезный государственный человѣкъ, не разъ посылавшійся своимъ округомъ въ конгрессъ. Министръ Кливелэнда, Мортонъ, былъ очень непопуляренъ—его единственнымъ конькомъ была грошовая экономія, часто въ ущербъ дѣлу.

За исключеніемъ Шермана и отчасти Лонга и Альжера, который былъ губернаторомъ штата Мичигана, всѣ остальные министры—люди совершенно новые на общественномъ поприщѣ, выдавшіеся не своими политическими успѣхами, а дѣловитостью и популярностью. Это кабинетъ чисто дѣловой, именно—то, что́ нужно странѣ въ ея настоящемъ безотрадномъ положеніи; но онъ не можетъ полагаться на особо усердную партизанскую поддержку, и долженъ будетъ разсчитывать почти исключительно на свои собственныя силы—look up to its own intrinsic value, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ американцы.

Большой афронтъ получили партизаны оппозиціи тѣмъ фактомъ, что предсѣдатель исполнительнаго комитета республиканской партіи, особенно имъ ненавистный Маркъ Ганна, съ такимъ необычайнымъ успѣхомъ выигравшій президентскую кампанію, не вошелъ въ составъ кабинета. И въ теченіе всей кампаніи, и уже послѣ выборовъ, они стращали страну тѣмъ, что Ганна будетъ непремѣнно назначенъ или министромъ иностранныхъ дѣлъ, или финансовъ, и такимъ образомъ получитъ плату за свои услуги. Они оказались плохими пророками—Ганна сдержалъ свое слово и не принялъ никакого поста отъ Макъ-Кинлэя, а народъ штата Охайо послалъ его въ федеральный сенатъ на мѣсто Шермана.

П. А. Тверской.

Калифорнія, мартъ 1897 г.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1897.

Измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій.—Различіе между основаніемъ изданія и его переходомъ въ другія руки.—Временной характеръ новой мѣры.—Недомолвки въ разсужденіяхъ „охранительной“ печати о дворянскомъ вопросѣ.—Мнимая солидарность интересовъ и мнимыя особенности „служилаго“ сословія.—„Ограниченный умъ подданныхъ“ въ старой Пруссіи.—Новые законы.

28-го марта Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ, установляющее въ видѣ „временной мѣры“, впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ правилъ о печати, что передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому должна происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, согласно ст. 117—119 уст. ценз. Этимъ постановленіемъ отмѣнена ст. 122 устава о цензурѣ и печати, на основаніи которой право собственности на періодическое изданіе переходило отъ одного лица къ другому безъ предварительнаго согласія администраціи; требовалось только своевременное увѣдомленіе о томъ главнаго управленія по дѣламъ печати, за подписью обоихъ издателей, прежняго и новаго. Лѣтъ 20—30 тому назадъ такое измѣненіе въ положеніи печати едва ли могло бы вызвать открытое одобреніе въ ея же собственной средѣ; привѣтствовать его едва ли рѣшились бы даже тѣ привилегированныя изданія, „хата“ которыхъ всегда „стоитъ съ краю“,—въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было репрессивныхъ и рестриктивныхъ мѣръ. Теперь не то: „откровенность“ въ газетномъ и журнальномъ мірѣ сдѣлала большіе успѣхи, чувство приличія потеряло свою сдерживающую силу. „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили выступить съ апологіей или, лучше сказать, съ непрошеннымъ панегирикомъ временному постановленію, исправляющему „недостатокъ“, устраняющему „противорѣчіе“ дѣйствующаго закона. Указавъ на то, что основать *новое* періодическое изданіе можно не иначе,

Digitized by Google

какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, и что къ прошенію о разрѣшеніи должны быть приложены документы о личности какъ редактора, такъ и *издателя*, московская газета приходитъ къ заключенію, что, по мысли законодателя, не только редактировать, но и издавать журналъ или газету можетъ лишь лицо, облеченное извѣстнымъ довѣріемъ правительства. Въ разрѣзъ съ этою мыслью идетъ, будто бы, существовавшее до сихъ поръ право издателя передать изданіе всякому, кому заблагоразсудится. Лицо, которому навѣрное не было бы разрѣшено *основать* изданіе, могло *пріобрѣсти*, безъ всякой санкціи правительства, изданіе, разрѣшенное другому; для этого достаточно было простой гражданской сдѣлки. Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было бы—либо отмѣнить первоначальное разрѣшеніе изданія, сохранивъ только утвержденіе редактора, либо установить административную санкцію для всякаго дальнѣйшаго перехода издательскаго права. Первое невозможно: оставалось, затѣмъ, только второе. Періодическая печать „въ современной жизни играетъ слишкомъ большую и важную роль, слишкомъ вліяетъ на общество, чтобы государство могло относиться безразлично къ тому, въ сторону ли добра или въ сторону зла направлено это вліяніе. А между тѣмъ вліяніе издателя на направленіе изданія сильнѣе, чѣмъ вліяніе редактора, такъ какъ издатель есть хозяинъ дѣла, редакторъ же—нерѣдко не болѣе какъ его довѣренное лицо. Подставной редакторъ, служащій ширмами для издателя—явленіе давно уже извѣстное нашей журналистикѣ, тогда какъ издателями бываютъ лишь лица дѣйствительно заинтересованныя въ дѣлѣ. Поэтому, съ точки зрѣнія надзора для правительства гораздо болѣе значенія имѣетъ право разрѣшенія передачи изданій, чѣмъ право утвержденія ихъ редакторовъ".

Такова аргументація „Московскихъ Вѣдомостей", вся съ начала до конца сотканная изъ софизмовъ и служащая однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ нравственнаго упадка, до котораго дошла въ послѣднее время извѣстнаго рода пресса. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ законъ 1865 г., столь осторожный и строгій, вкралось „противорѣчіе", выгодное для печати? Возможно ли, чтобы оно оставалось незамѣченнымъ и неустраненнымъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, несмотря на постоянно возраставшее недовѣріе къ газетамъ и журналамъ? Не проще ли предположить, что никакого противорѣчія не было, а различіе между порядкомъ разрѣшенія изданія и порядкомъ перехода его изъ однѣхъ рукъ въ другія было установлено вполнѣ сознательно, на основаніи вѣскихъ соображеній? Угадать эти соображенія нетрудно; они очевидны для всякаго непредубѣжденнаго глаза. Разрѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ ст. 117 и послѣд., имѣетъ предметомъ не предоставленіе извѣстному лицу званія издателя, а

Digitized by Google

основаніе новаго изданія. Разсмотрѣнію министерства подлежатъ, при этомъ, сроки выхода изданія, его подписная цѣна, его заглавіе, его программа, а также вопросъ о томъ, будетъ ли оно выходить подъ цензурой или безъ цензуры. Конечно, все это можно было бы заранѣе регулировать закономъ; можно было бы принять за правило, что всѣ періодическія изданія (или, по меньшей мѣрѣ, извѣстныя ихъ категоріи) выходятъ въ свѣтъ безъ цензуры, по программамъ, ими самими установленнымъ (или по одной изъ нѣсколькихъ программъ, разъ навсегда утвержденныхъ), въ сроки, ими самими выбранные, по цѣнѣ, ими самими опредѣленной (или соотвѣтствующей размѣрамъ изданія). При такомъ положеніи дѣлъ, безъ сомнѣнія—самомъ нормальномъ (и отнюдь не обезоруживающемъ администрацію), основаніе новаго изданія сводилось бы къ регистраціи его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но пока существуетъ порядокъ концессіонный, процедура, установленная ст. 117, представляется неизбѣжной, какъ моментъ установленія условій, при которыхъ будетъ дѣйствовать вновь основываемое изданіе. Личность издателя вовсе не принадлежитъ къ числу этихъ условій. Конечно, она должна быть *извѣстна* администраціи, которой предстоитъ цѣлый рядъ сношеній съ издателемъ (напр., относительно залога); но отсюда еще не слѣдуетъ, что первоначальный издатель, по смыслу дѣйствовавшаго до сихъ поръ закона, долженъ былъ быть непремѣнно persona grata для администраціи. Единственный доводъ, приводимый „Московскими Вѣдомостями“ въ подтвержденіе этого мнѣнія, заключается въ томъ, что къ прошенію о разрѣшеніи изданія должны быть, за силою ст. 119, приложены документы о личности какъ редактора, такъ и издателя; но вѣдь это требованіе чисто формальное, отнюдь не свидѣтельствующее о томъ, что оцѣнкѣ администраціи подлежали *личныя свойства* издателя. „Документъ о личности“ никакихъ свѣденій о „личныхъ свойствахъ“ не даетъ и дать не можетъ: онъ удостовѣряетъ только тождество лица и его общественное положеніе. „Подъ именемъ *документа о личности*—читаемъ мы въ примѣчаніи къ ст. 119, сдѣланномъ въ оффиціозномъ изданіи г. Мсеріанца (старшаго инспектора типографіи и книжной торговли), — разумѣется, собственно, видъ на жительство, въ чемъ бы онъ ни заключался, въ паспортѣ или другомъ соотвѣтствующемъ документѣ; но *всего лучше* представлять документъ, свидѣтельствующій объ образованіи просителя, *особенно редактора*“. Не только изъ *паспорта*, но и изъ аттестата, диплома, послужного списка и т. п., никакихъ выводовъ о благонадежности его предъявителя сдѣлать, очевидно, нельзя. Не даромъ, наконецъ, г. Мсеріанцъ различаетъ, въ своемъ примѣчаніи, редактора отъ издателя; если представленіе документа, указывающаго на степень образованія

Digitized by Google

просителя, признавалось желательнымъ *особенно* по отношенію къ редактору, то это значитъ, что по отношенію къ издателю даже такой внѣшній, легко удостовѣряемый признакъ, какъ образованіе, считался сравнительно неважнымъ. Точныя справки наводились только о редакторѣ—и это вполнѣ понятно, разъ что мѣсто первоначальнаго издателя въ каждую данную минуту могло занять другое лицо, помимо разрѣшенія администраціи.

Между моментомъ основанія изданія и моментомъ перехода его въ другія руки существуетъ еще другое различіе, гораздо болѣе важное. Когда подается просьба о разрѣшеніи новаго изданія, оно не служитъ еще объектомъ права, не представляетъ собою опредѣленной цѣнности, входящей въ составъ гражданскаго оборота. Никакихъ затратъ на него еще не сдѣлано, ничьи матеріальные интересы съ нимъ конкретно еще не связаны. Отказъ въ разрѣшеніи можетъ быть чрезвычайно тягостенъ для просителя, въ особенности если онъ относился къ задуманному предпріятію не съ одной только коммерческой точки зрѣнія—но это его не разоряетъ, не наноситъ ему прямого имущественнаго ущерба. Совсѣмъ другое дѣло—переходъ изданія уже существующаго. Выходя въ свѣтъ, газета или журналъ становится такимъ же имуществомъ, какъ и всякое другое—имуществомъ, подходящимъ подъ дѣйствіе общихъ началъ гражданскаго права. Издатель является его собственникомъ—а право собственности обнимаетъ собою, кромѣ права владѣнія и пользованія, право распоряженія, существенно необходимое для его полноты и для его дѣйствительности. Представляя собою, по меньшей мѣрѣ, сумму сдѣланныхъ на него затратъ, изданіе постоянно требуетъ новыхъ расходовъ, производительность которыхъ зависитъ, между прочимъ, отъ степени вниманія, которое издатель можетъ удѣлять изданію. Недостатокъ наличныхъ средствъ, болѣзнь издателя, семейное его горе, постороннія неотложныя дѣла, мѣшающія ему заниматься изданіемъ, вынужденный отъѣздъ его изъ города, гдѣ оно выходитъ—всѣ эти обстоятельства и многія другія могутъ поставить издателя въ такое положеніе, изъ котораго нормальный выходъ только одинъ: продажа изданія. Это, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду законодатель, допустивъ переходъ изданія изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ „простой гражданской сдѣлки“, безъ соблюденія правилъ, установленныхъ для разрѣшенія новаго изданія. „Простая гражданская сдѣлка“ была признана достаточной именно потому, что къ ней и сводится, въ сущности, переходъ права на изданіе. Обусловливать этотъ переходъ согласіемъ администраціи, значитъ до крайности затруднять, а иногда совершенно парализовать осуществленіе безспорнаго гражданскаго права. Представимъ себѣ, что покупать дома было бы разрѣшено только лицамъ, получившимъ на то административное разрѣшеніе. Не-

Digitized by Google

избѣжнымъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы обезцѣненіе домовъ, вслѣдствіе ограниченія спроса—обезцѣненіе тѣмъ бо́льшее, чѣмъ строже проводилось бы ограниченіе. Чѣмъ меньше было бы привилегированныхъ покупщиковъ, тѣмъ больше зависѣли бы отъ нихъ продавцы, тѣмъ произвольнѣе опредѣлялись бы покупныя цѣны, тѣмъ шире былъ бы просторъ для злоупотребленій при выдачѣ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Во многихъ случаяхъ продажа дома встрѣчала бы непреодолимыя препятствія; изъ числа желающихъ купить его никто не получалъ бы административной аппробаціи—а изъ числа лицъ, могущихъ получить ее, никто не желалъ бы пріобрѣсти домъ, предлагаемый къ продажѣ. Къ періодическимъ изданіямъ все это примѣнимо еще въ бо́льшей степени, чѣмъ къ домамъ. Охотниковъ купить домъ найти несравненно легче, чѣмъ охотниковъ купить изданіе: первая покупка гораздо менѣе рискована, чѣмъ вторая; завѣдывать домомъ гораздо проще, чѣмъ издавать журналъ или газету. Административный отказъ покупщику, съ величайшимъ трудомъ пріисканному издателемъ, часто будетъ равносиленъ невозможности продать изданіе—а невозможность продать изданіе равносильна, при извѣстныхъ условіяхъ, его прекращенію... Пояснимъ нашу мысль еще однимъ примѣромъ. Если желающему приступить къ постройкѣ дома предъявляютъ требованія, которымъ долженъ удовлетворять фасадъ дома, въ этомъ еще нѣтъ явнаго нарушенія его правъ: онъ еще ничего не затратилъ на постройку и можетъ, если условія кажутся ему невыгодными, отъ нея отказаться. Другое дѣло, если требованія предъявлены ему при окончаніи постройки; затраты имъ уже сдѣланы; бросить постройку онъ, безъ полнаго разоренія, не можетъ—но разорительны и передѣлки или новыя работы, къ которымъ его понуждаютъ. Положеніе лица, намѣревающагося основать новое изданіе, аналогично съ положеніемъ лица, затѣвающаго постройку дома; положеніе издателя, дѣло котораго находится въ полномъ ходу, аналогично съ положеніемъ домовладѣльца, заканчивающаго или закончившаго постройку... Нужны ли еще какія-либо доказательства тому, что законъ 6-го апрѣля 1865 г., установивъ для *перехода* изданій другой порядокъ, чѣмъ для *первоначальнаго ихъ разрѣшенія*, отнюдь не впалъ въ *противорѣчіе* съ самимъ собою? Повторяемъ еще разъ, мы конечно не стоимъ за предварительное разрѣшеніе изданій: мы хотимъ только показать, что и при его существованіи нѣтъ никакой непослѣдовательности въ свободномъ переходѣ изданій, однажды разрѣшенныхъ.

Въ дѣйствовавшемъ до сихъ поръ законѣ московская газета усматриваетъ, кромѣ „противорѣчія“ и „непослѣдовательности“, *недостатокъ*, заключающійся въ томъ, что не было принято мѣръ противъ зловреднаго вліянія издателей. На сцену выдвигаются, такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, соображенія общественной безопасности и общественной пользы, передъ которыми, въ случаѣ конфликта, отступаютъ на второй планъ соображенія гражданскаго права и личнаго, хотя бы и законнаго интереса. Есть ли, однако, въ занимающемъ насъ вопросѣ дѣйствительный поводъ для подобнаго конфликта? Такъ ли слабо вооружена у насъ административная власть по дѣламъ печати, чтобы нельзя было обойтись безъ усиленія ея воздѣйствія на издателей? Судьба нашихъ періодическихъ изданій находится всецѣло въ рукахъ администраціи. Она располагаетъ по отношенію къ нимъ не только косвенными мѣрами понужденія и обузданія (въ родѣ запрещенія розничной продажи), но и прямыми (предостереженіе, пріостановка, прекращеніе изданія). Отъ нея зависитъ утвержденіе редактора, не только при самомъ основаніи изданія, но и при всякой дальнѣйшей перемѣнѣ редакціи. Она можетъ, наконецъ, обратиться къ содѣйствію прокуратуры и суда—и если па практикѣ это средство давно уже остается безъ примѣненія, то именно потому, что въ немъ не оказывается надобности, въ виду множества другихъ, болѣе надежныхъ. Въ сравненіи съ такимъ могуществомъ, близкимъ къ всемогуществу, вліяніе издателя является величиной едва замѣтной—за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оно останавливаетъ, умѣряетъ, смягчаетъ, т.-е. дѣйствуетъ за-одно съ вліяніемъ административнымъ. Издатели безъ того уже слишкомъ часто принимаютъ на себя роль цензоровъ-добровольцевъ, иногда болѣе строгихъ, чѣмъ цензора оффиціальные; искусственно поощрять ихъ къ тому едва ли предстоитъ надобность. Интересъ издателя состоитъ въ томъ, чтобы предохранить изданіе отъ „случайностей“, угрожающихъ его распространенію или даже самому его существованію. Этотъ интересъ гораздо сильнѣе, чѣмъ добавочное побужденіе, могущее явиться результатомъ новаго закона—побужденіе ладить съ администраціей, чтобы не встрѣтить съ ея стороны препятствій къ передачѣ изданія въ другія руки. Вѣдь при такой передачѣ вниманіе администраціи будетъ обращено не столько на издателя-продавца, сколько на издателя-покупщика; благонадежность перваго, какъ бы она ни была велика, не заставитъ смотрѣть сквозь пальцы на соотвѣтствующія свойства второго. Въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, расположеніе администраціи къ издателю можетъ даже затруднить переходъ изданія въ другія руки; кому же охота мѣнять вѣрное на невѣрное, испытаннаго союзника на возможнаго противника?.. Въ исторіи нашей печати можно найти не мало случаевъ, когда издатель, безупречный, съ административной точки зрѣнія, въ моментъ основанія изданія, оказывался совершенно инымъ нѣсколько лѣтъ спустя, потому ли, что онъ измѣнялся самъ, потому ли, что измѣнялись обстоятельства. Вполнѣ возможна такая перемѣна и въ из-

Digitized by Google

дателѣ, допущенномъ администраціею къ пріобрѣтенію изданія уже существующаго. Прочной гарантіей благонадежности издателя административное согласіе на передачу изданія считать, такимъ образомъ, нельзя; крайне обременительное для частныхъ лицъ, оно не представляетъ несомнѣнныхъ удобствъ и для административной власти... Намъ говорятъ о „подставныхъ“ редакторахъ; но развѣ невозможны подставные издатели? Однородныя причины влекутъ за собою однородныя послѣдствія; если ничѣмъ не ограниченное право отказа въ утвержденіи редактора вызываетъ иногда обходъ закона, то къ тому же результату можетъ привести и ничѣмъ не ограниченное право отказа въ передачѣ изданія. Вся разница будетъ въ томъ, что, при значительности матеріальныхъ интересовъ, сопряженныхъ съ издательскимъ правомъ, подставной издатель будетъ обходиться гораздо дороже, чѣмъ подставной редакторъ, и рискъ со стороны настоящаго издателя будетъ гораздо больше... Фальшивое положеніе всегда служитъ источникомъ деморализаціи, и она не замедлитъ усилиться въ области печати, какъ только увеличится здѣсь число подставныхъ лицъ; а увеличится это число неизбѣжно, подобно тому, какъ при запрещеніи извѣстнымъ категоріямъ лицъ покупать и арендовать недвижимыя имѣнія возрастаетъ число подставныхъ покупщиковъ и арендаторовъ. „Издателями,—говоритъ московская газета,—бываютъ у насъ только лица дѣйствительно заинтересованныя въ дѣлѣ“. До сихъ поръ это было такъ; но почему? Именно потому, что для передачи изданія не было надобности въ административномъ разрѣшеніи.

Изъ того, что постановленіе 28-го марта имѣетъ характеръ временной, „Московскія Вѣдомости“ выводятъ совершенно непредвидѣнное заключеніе. „Сообразно этому своему характеру,—читаемъ мы въ концѣ статьи,—новый законъ не разрѣшаетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ перехода изданій отъ одного лица къ другому. Такъ напримѣръ, онъ не касается случаевъ перехода изданій по наслѣдству, случаевъ принудительной продажи изданій на покрытіе судебныхъ взысканій и т. д. Надо думать, что при обѣщанномъ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о печати будутъ предусмотрѣны и всѣ эти вопросы, такъ какъ оставленіе, напримѣръ, права принудительной продажи изданій по судебнымъ взысканіямъ дастъ весьма легкій способъ къ обходу закона 28-го марта“. Итакъ, измѣненіе дѣйствующихъ правилъ о печати должно принести съ собою новое ухудшеніе положенія печати [1])? Не того ожидали и ожидаютъ обыкновенно отъ пе-

[1]) Называя такое измѣненіе *объщанным*, „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, этимъ самымъ, желательность, съ ихъ точки зрѣнія, дальнѣйшихъ стѣсненій для печати. Конечно, изданіямъ извѣстнаго типа не страшно даже самое строгое законо-

Digitized by Google

ресмотра, въ законодательномъ порядкѣ, устава о цензурѣ и печати. Непосильная тягость, возлагаемая имъ на печать, объясняется, по крайней мѣрѣ отчасти, именно тѣмъ, что онъ составился изъ цѣлаго ряда случайныхъ наслоеній, механически присоединявшихся одно къ другому. Многія изъ нихъ имѣли тотъ же характеръ, какъ и постановленіе 28-го марта—характеръ временныхъ мѣръ. Отсюда, съ одной стороны, изданіе ихъ внѣ законодательнаго порядка, помимо государственнаго совѣта, съ другой стороны—обостренность ихъ содержанія, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, при которыхъ или подъ вліяніемъ которыхъ они издавались. На самомъ дѣлѣ „временныя“ мѣры дѣйствуютъ неизмѣнно и непрерывно цѣлые годы, цѣлые десятки лѣтъ, дѣйствуютъ и послѣ того, какъ исчезли вызвавшія ихъ условія. Единственный выходъ изъ этого положенія, вреднаго не для одной только печати—систематическая переработка законодательства, давно утратившаго цѣльность и единство, и притомъ переработка съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій, установленныхъ нашими основными законами. Въ постановленіи 28-го марта говорится именно о *такой* переработкѣ, *обѣщающей* совсѣмъ не то, на что разсчитываютъ „Московскія Вѣдомости“. Не можетъ быть, напримѣръ, чтобы новый *законъ* о печати—законъ въ истинномъ смыслѣ этого слова—подчинилъ административному разрѣшенію передачу изданій по *наслѣдству*. Наслѣдникъ (особенно наслѣдникъ въ прямой линіи) является какъ бы продолжателемъ личности наслѣдодателя; имущественныя права, принадлежавшія послѣднему, переходятъ къ первому въ томъ же видѣ, въ томъ же объемѣ. Всякое отступленіе отъ этого начала отозвалось бы весьма замѣтно на всей системѣ нашихъ гражданскихъ законовъ. Правда, при существованіи крѣпостныхъ отношеній населенное имѣніе, переходившее по наслѣдству къ не-дворянину, подлежало продажѣ въ опредѣленный срокъ; но вѣдь законнымъ наслѣдникомъ дворянина недворянинъ могъ быть только въ боковой линіи или въ женскомъ колѣнѣ, и слѣдовательно на сыновей наслѣдодателя упомянутое нами правило никогда не распространялось. Весьма существенно, притомъ, различіе между имѣніемъ и періодическимъ изданіемъ. Въ охотникахъ купить имѣніе почти никогда не можетъ быть недостатка (и, тѣмъ болѣе, не могло быть во времена крѣпостного права); конкурренція между ними въ большинствѣ случаевъ достаточно велика, чтобы обезпечить продажу имѣнія по дѣйствительной его стоимости; въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, имѣніе можетъ быть пріобрѣтено казною. Совершенно

дательство; но для органовъ печати, уважающихъ ея призваніе, дорога какъ своя свобода, такъ и чужая. Есть интересы, въ охраненіи которыхъ можетъ и должна быть солидарна вся печать. Отсутствіе такой солидарности — одна изъ самыхъ печальныхъ особенностей нашего времени.

Digitized by Google

инымъ является положеніе періодическаго изданія; понудительная его продажа въ опредѣленный срокъ всегда сопряжена съ большими затрудненіями—а при допущеніи къ покупкѣ только лицъ, получившихъ на то административное разрѣшеніе, переходъ изданія окажется, сплошь и рядомъ, совершенно невозможнымъ или возможнымъ только по цѣнѣ несоразмѣрно низкой. Представимъ себѣ такой случай: періодическое изданіе, въ рукахъ опытнаго издателя, идетъ какъ нельзя лучше, даетъ большой доходъ, составляетъ значительную цѣнность; семья издателя, состоящая изъ малолѣтнихъ дѣтей, живетъ въ довольствѣ. Внезапно издатель умираетъ; опекунъ его дѣтей, назначенный по завѣщанію, признается администраціей не имѣющимъ качествъ, необходимыхъ для издателя; приходится или приступить къ ликвидаціи дѣла, или искать покупщика, угоднаго администраціи; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ наслѣдникамъ издателя достаются жалкія крохи, и недавно еще обезпеченная семья лишается почти всякихъ средствъ къ существованію. Вѣдь это—своего рода конфискація имущества, безъ всякой вины со стороны владѣльца! Прибавимъ къ этому, что каждое періодическое изданіе даетъ работу множеству лицъ, для которыхъ внезапное его прекращеніе или понудительный переходъ въ другія руки является настоящей катастрофой. Наслѣдники издателя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оставили бы все и всѣхъ въ томъ положеніи, какое установилось при его жизни: случайный пріобрѣтатель изданія не оставитъ въ немъ, быть можетъ, камня на камнѣ. Изъ-за чего же всѣ эти правонарушенія, всѣ эти рѣзкіе перевороты въ существованіи десятковъ или сотенъ людей? Неужели столь опасенъ безпрепятственный переходъ изданія къ наслѣднику (или вообще правопреемнику) издателя, разъ что за администраціей остаются тысяча-и-одно средство „воздѣйствія“ на изданіе?.. Наравнѣ съ переходомъ изданія по наслѣдству, московская газета предлагаетъ подчинить административному разрѣшенію и переходъ изданія путемъ продажи съ публичнаго торга, за долги издателя. Это повело бы, съ одной стороны, къ вздорожанію кредита подъ періодическія изданія, соразмѣрному съ увеличеніемъ риска, съ другой стороны—къ разоренію кредиторовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа изданія не могла бы состояться за недостаткомъ покупщиковъ, одобренныхъ администраціей. „Московскія Вѣдомости“ спѣшатъ замѣтить, что нераспространеніе на принудительную продажу ограниченій, установленныхъ для добровольнаго перехода изданій, можетъ или даже должно повлечь за собою обходъ закона. Мы этого не отрицаемъ—но чѣмъ стѣснительнѣе законъ, тѣмъ неизбѣжнѣе попытки ускользнуть изъ-подъ его дѣйствія. Лучшее средство обезпечить точное примѣненіе закона—уничтоженіе стѣсненій, не оправдываемыхъ крайнею необходимостью.

Digitized by Google

Нужно надѣяться, что именно этимъ путемъ, а не тѣмъ, который рекомендуютъ „Московскія Вѣдомости“, и будетъ разрѣшенъ, при общемъ пересмотрѣ законодательства о печати, вопросъ о порядкѣ передачи издательскаго права. Къ тому времени разсѣются, быть можетъ, ошибочныя представленія о печати, столь усердно проводимыя съ нѣкоторыхъ поръ и въ періодическихъ изданіяхъ, и въ такъ называемыхъ серьезныхъ книгахъ. Связь между этими представленіями и репрессивными мѣрами противъ печати, общими и частными, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Пока печать—за исключеніемъ привилегированной—разсматривается какъ противообщественная сила, вызывающая только недовѣріе и заслуживающая только обузданія, пока ей приписывается „власть“, несовмѣстная съ государственнымъ порядкомъ и общественнымъ благоустройствомъ, пока для дѣятельности въ печати считаются нужными особыя „полномочія“, пока отвѣтственность, даже доведенная до крайности, провозглашается „безотвѣтственностью“—до тѣхъ поръ ничего хорошаго нельзя ожидать и отъ общаго пересмотра законовъ о печати; но до тѣхъ поръ онъ едва ли и понадобится, потому что арсеналъ репрессивныхъ мѣръ, и теперь чрезвычайно богатый, всегда можетъ быть обогащенъ тѣмъ или другимъ „временнымъ“ правиломъ. Новое, стройное законодательство о печати сдѣлается необходимымъ только тогда, когда она перестанетъ служить только „объектомъ мѣропріятій“ и казаться неизбѣжнымъ зломъ, подлежащимъ возможно бо́льшему сокращенію.

Распространяется ли положеніе 28-го марта на всѣ періодическія изданія, или только на тѣ, которыя разрѣшены и будутъ разрѣшены послѣ его обнародованія? Съ перваго раза можетъ показаться, что это—вопросъ безспорный: никакой оговорки въ текстѣ постановленія не сдѣлано и, слѣдовательно, оно обнимаетъ собою всѣ случаи перехода изданій, независимо отъ времени ихъ основанія. На самомъ дѣлѣ, однако, это едва ли такъ. Предпринимая изданіе при дѣйствіи прежняго закона, издатель могъ считать себя полнымъ собственникомъ его, ничѣмъ не стѣсненнымъ въ распоряженіи своею собственностью. Отсюда исходили всѣ его разсчеты, всѣ его затраты. Весьма можетъ быть, что онъ никогда не рѣшился бы обратить свои средства на изданіе, еслибы зналъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предстоитъ существенное ограниченіе издательскаго права. Простая осторожность помѣшала бы ему, если онъ отецъ семейства, рискнуть будущностью своихъ дѣтей, оставивъ имъ наслѣдство, цѣнность котораго зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія администраціи. Подведеніе существующихъ изданій подъ дѣйствіе постановленія 28-го марта было бы, такимъ образомъ—если не по буквѣ, то по внутреннему смыслу—нарушеніемъ основного начала, по которому законъ не дол-

Digitized by Google

женъ имѣть обратной силы... Къ постановленію 28-го марта вполнѣ примѣнимо еще одно замѣчаніе, подробно развитое нами года два тому назадъ, по поводу аналогичнаго случая [1]). Заключая въ себѣ отмѣну закона, новое правило подлежало разсмотрѣнію въ порядкѣ, установленномъ для изданія законовъ (ср. ст. 73 и 50 Зак. Основн.), т.-е должно было пройти черезъ государственный совѣтъ. *Временной* характеръ постановленія ничего въ этомъ отношеніи не измѣняетъ, какъ потому, что дѣйствіе его не ограничено никакимъ опредѣленнымъ срокомъ, такъ и потому, что временныя мѣры вовсе не отнесены всецѣло къ предметамъ вѣдомства комитета министровъ. Въ ст. 26 учрежд. ком. мин., перечисляющей эти предметы, нѣтъ ни одного указанія, подъ которое могла бы подойти отмѣна закона, хотя бы и на время. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что порядокъ перехода періодическихъ изданій разсматривался какъ „дѣло, относящееся до общаго спокойствія и безопасности“ (ст. 26 пун. 1)—а остальными девятнадцатью пунктами ст. 26-й предусматриваются частные случаи, не имѣющіе рѣшительно ничего общаго съ вопросомъ о предѣлахъ издательскаго права.

Варіаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ на тему о дворянскомъ вопросѣ продолжаютъ слѣдовать одна за другою въ утомительномъ изобиліи [2])—и все-таки сущность ихъ пожеланій и предложеній остается до сихъ поръ неопредѣленной. Эта неопредѣленность оказывается не случайною; московская газета хочетъ сначала втолковать своимъ противникамъ „идею государственнаго значенія дворянства, какъ *сословія*“, а потомъ уже выступить съ проектомъ осуществленія этой идеи. Нужно, по ея мнѣнію, „прояснить умы“, чтобы сдѣлать ихъ способными внимать великимъ истинамъ—и вотъ, эту задачу предполагается исполнить съ помощью оглушительнаго треска передовыхъ и всякихъ другихъ статей, вертящихся, какъ бѣлка въ колесѣ, около одной и той же точки. Второй мотивъ, которымъ московская газета объясняетъ и оправдываетъ свои недомолвки, заключается въ томъ, что пріисканіе мѣръ къ поднятію дворянства—дѣло особаго совѣщанія, учрежденнаго Высочайшимъ рескриптомъ 13 апрѣля, а призваніе печати—подготовка общественнаго мнѣнія къ уразумѣнію грядущихъ мѣропріятій. Почему же, однако, въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ реакціонная пресса не ожидаетъ окончанія работы, идущей въ оффиціальныхъ сферахъ? Почему, напримѣръ, она очень охотно излагала свои взгляды

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г., стр. 376—380.

[2]) См. №№ 102, 103, 104, 109, 111, 112, 115, 120, 121, 122, 123, 127, 128, 129.

Digitized by Google

на устройство мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, когда составлялись первые проекты положенія о земскихъ начальникахъ? Русской печати давно уже дана возможность разбирать законодательные вопросы не только въ общихъ чертахъ, но и въ деталяхъ—и меньше всего, конечно, встрѣчаетъ при этомъ препятствій та группа періодическихъ изданій, къ которой принадлежатъ „Московскія Вѣдомости". Поставить точки надъ *і* возможно, слѣдовательно, и теперь—а поставить ихъ тѣмъ болѣе необходимо, что именно къ нимъ сводится въ настоящую минуту наиболѣе реальная сторона спора. Что въ пользу дворянства будутъ приняты тѣ или другія мѣры—это предрѣшено рескриптомъ 13 апрѣля; на очереди стоитъ *содержаніе* мѣръ—а его-то и избѣгаетъ касаться московская газета. Только въ одной ея статьѣ мы находимъ нѣсколько болѣе точное указаніе, какъ бы случайно соскользнувшее съ пера и подтверждающее догадку, высказанную нами въ предыдущемъ обозрѣніи. „Въ мѣстномъ сельскомъ управленіи—читаемъ мы въ № 104—помѣстное дворянство доселѣ какъ бы ждетъ лишь призыва власти, чтобы стать на своемъ историческомъ посту... Дворянскія усадьбы разбросаны среди крестьянскаго населенія, какъ бы нарочно созданные административные пункты, такъ что дворянство и по мѣсту своего жительства, и по образу своей жизни, можетъ и должно находиться именно въ тѣхъ условіяхъ, которыя требуются для цѣлей управленія; въ помѣстномъ дворянствѣ имѣется у насъ такой классъ, который, еслибъ его не было, пришлось бы создавать нарочно для дѣла внутренняго управленія на началахъ нашего государственнаго строя". Итакъ, уголокъ завѣсы приподнятъ, и изъ-за него виднѣются довольно ясно... тѣ „сто-тысячъ полиціймейстеровъ", о которыхъ говорилъ когда-то императоръ Павелъ. Дворянскія усадьбы и ихъ обладатели должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были до отмѣны крѣпостного права—центрами и носителями полицейско-административной власти. Это еще не значитъ, конечно, чтобы имѣлось въ виду возстановленіе крѣпостныхъ отношеній, во всей ихъ прелести и полнотѣ. Проектируется не смѣлый, головоломный скачокъ отъ настоящаго къ прошедшему, а постройка между ними нѣкоего моста, по которому будетъ осторожно перенесено кое-что старое, выкрашенное въ новый цвѣтъ или одѣтое въ новую одежду. На чемъ держалось въ былыя времена благосостояніе помѣщиковъ? На трудѣ крестьянъ, въ свою очередь проистекавшемъ изъ ихъ повиновенія помѣщику—а повиновеніе обезпечивалось помѣщичьею властью, вооруженною достаточными понудительными средствами. Эта власть принадлежала помѣщику, какъ собственнику или владѣльцу крѣпостныхъ крестьянъ. Но вѣдь основаніе власти можетъ быть и другое: она можетъ быть дана помѣщику—или, по новой терминологіи, дворянину-землевла-

Digitized by Google

дѣльцу,—какъ представителю и уполномоченному государства. Облеченный властью—и, какъ ея принадлежностью, правомъ понужденія и взысканія,—помѣщикъ опять можетъ разсчитывать на повиновеніе крестьянъ, а слѣдовательно и на ихъ трудъ, не безграничный и не безвозмездный, какъ прежде, но довольно-таки экстенсивный и интенсивный, да и сравнительно недорогой. Что̀ отсюда произойдетъ для крестьянъ — это, съ ультра-барской точки зрѣнія, неважно, а дворянство, по крайней мѣрѣ на первое время, несомнѣнно останется въ большихъ барышахъ. Какъ у Адуева въ „Обыкновенной Исторіи“, у него явится сразу „и каррьера, и фортуна“: *каррьера*—въ смыслѣ перехода отъ безвластія къ власти, *фортуна*—въ видѣ дешевой рабочей силы... Какъ ни привлекательна, съ извѣстной точки зрѣнія, эта перспектива, весьма понятно, что „Московскія Вѣдомости“ не очень-то спѣшатъ выдвинуть ее на первый планъ. Нелегко предложить прямо и открыто, тридцать шесть лѣтъ спустя послѣ 19 февраля, обращеніе народа въ полу-зависимое состояніе, отличающееся отъ крѣпостного не столько свойствомъ, сколько степенью. До 1861 г., вдобавокъ, полицейской власти помѣщиковъ была подчинена только половина (приблизительно) крестьянскаго населенія, а полицейской власти дворянъ-землевладѣльцевъ подлежали бы теперь *всѣ* крестьяне (за исключеніемъ, конечно, губерній не-дворянскихъ и западныхъ), такъ что потерянное въ глубину оказалось бы выигранным въ ширину. Въ виду всего этого, газетные защитники „реформы“ (!) не хотятъ, до поры до времени, идти дальше общихъ мѣстъ, выжидая, для раскрытія картъ, другой, болѣе удобной минуты. Чѣмъ упорнѣе, однако, проводится эта выжидательная политика, тѣмъ настойчивѣе слѣдуетъ обращаться къ ней съ восклицаніемъ: à bas les masques! Пускай „Московскія Вѣдомости“ объяснятъ, безъ умолчаній и реторическихъ фигуръ, что̀ именно онѣ разумѣютъ подъ „возвращеніемъ дворянству его государственныхъ полномочій“. Пока это не сдѣлано, мы въ правѣ предполагать, что за неопредѣленными словами скрывается слишкомъ опредѣленная мысль, преждевременное оглашеніе которой считается опаснымъ для успѣха кампаніи...

За неизвѣстностью „программы“, присмотримся поближе къ „идеѣ“ лежащей въ ея основаніи. Подобно сенсаціоннымъ афишамъ, расписывающимъ въ яркихъ краскахъ предстоящее представленіе, московская газета старается увѣрить своихъ читателей въ необыкновенной, чрезвычайной, поразительной важности дворянскаго вопроса. Съ этою цѣлью пускается въ ходъ сопоставленіе вопроса дворянскаго съ крестьянскимъ. Совершенно невѣрно утверждая, что крестьянскій вопросъ выдвинулся, въ первые годы царствованія Александра II-го, лишь въ видѣ изысканія способовъ къ *улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ*

Digitized by Google

(извѣстно, что это выраженіе было не чѣмъ инымъ, какъ эвфемизмомъ, прикрывавшимъ страшное для непривычнаго слуха слово: *освобожденіе*) и получилъ болѣе широкіе размѣры только тогда, когда обнаружилась невозможность разрѣшить его безъ установленія нормальныхъ отношеній между крестьянами и государствомъ,—московская газета усматриваетъ нѣчто подобное и въ настоящее время: *улучшеніе* быта дворянскаго сословія кажется ей невозможнымъ безъ пересмотра отношеній его къ государству, въ смыслѣ возстановленія его государственнаго значенія. Этого мало: даже *улучшеніе быта крестьянъ* она считаетъ достигнутымъ въ 1861 г. далеко не вполнѣ, вслѣдствіе „потрясеннаго и разстроеннаго положенія помѣстнаго дворянства". Оба тезиса московской газеты—тяжкіе грѣхи противъ исторіи и здраваго смысла. Освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, значило, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушить преграду, существовавшую между ними и государственною властью, поставить ихъ лицомъ къ лицу съ правительствомъ, до тѣхъ поръ дѣйствовавшимъ на нихъ лишь черезъ посредство помѣщиковъ. Это не были двѣ отдѣльныя мѣры, изъ которыхъ одна могла быть принята независимо отъ другой; это были, если можно такъ выразиться, двѣ стороны медали, предполагающія одна другую. Прочное, реальное улучшеніе быта крестьянъ было немыслимо безъ ихъ освобожденія; освобожденіе ихъ было немыслимо безъ измѣненія отношеній ихъ къ государству. Россія переживала въ то время одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, которые напоминаютъ сказочнаго рыцаря на перепутьѣ: она должна была или погружаться все дальше и дальше въ ту бездну, которую освѣтила восточная война, или порвать съ своимъ прошлымъ, всецѣло построеннымъ на крѣпостномъ правѣ. Никакой аналогіи съ этимъ моментомъ настоящая минута не представляетъ. Какъ бы затруднительно ни было положеніе помѣстнаго дворянства, это не мѣшаетъ Россіи развивать свои матеріальныя и духовныя силы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ не было перемѣны къ лучшему, поперекъ которой бы не стояло крѣпостное право; теперь нѣтъ перемѣны къ лучшему, которая могла бы встрѣтить препятствіе въ недостаточности дворянскихъ правъ и привилегій. Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ нашемъ мѣстномъ управленіи царствуютъ хаосъ и смута, которымъ можетъ положить конецъ только дискреціонная власть, ввѣренная поголовно каждому дворянину? Слабыхъ сторонъ въ нашемъ мѣстномъ устройствѣ немало—но онѣ коренятся скорѣе въ избыткѣ власти, чѣмъ въ ея недостаткѣ, и распространять еще дальше господство усмотрѣнія, значило бы слѣдовать уже слишкомъ слѣпо Ганнемановскому принципу: similia similibus curantur... Что улучшенію быта крестьянъ помѣшало, въ свое время, ухудшеніе быта дворянъ—

Digitized by Google

это одно изъ самыхъ „смѣлыхъ“ положеній, какія намъ когда-либо случалось встрѣчать въ нашей публицистикѣ. Въ основаніи его лежитъ, прежде всего, явное извращеніе фактовъ, на которое мы уже указали въ предыдущемъ обозрѣніи. Сколько бы разъ ни утверждала московская газета, что „освобожденіе крестьянъ было произведено съ единственною цѣлью возможно полнѣе охранить интересы бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, *безъ всякой заботы о соблюденіи интересовъ бывшихъ помѣщиковъ*“ (курсивъ въ подлинникѣ), это останется вопіющей неправдой, изобличаемой каждою страницей исторіи крестьянской реформы. Освобожденіемъ крестьянъ „быть дворянскаго сословія“ былъ ухудшенъ—если только здѣсь можетъ идти рѣчь объ ухудшеніи, лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было неизбѣжно для улучшенія—быта крестьянъ; всякое еще бо̀льшее наклоненіе вѣсовъ въ сторону помѣщиковъ было бы очевидною несправедливостью по отношенію къ крестьянамъ. Гораздо сильнѣе, чѣмъ самая эмансипація, повредило помѣщикамъ неумѣнье приспособиться къ новымъ условіямъ, къ новымъ требованіямъ жизни. Что касается до крестьянъ, то улучшеніе ихъ быта дѣйствительно было достигнуто не вполнѣ—но причину этому слѣдуетъ искать, конечно, не въ „потрясенномъ и разстроенномъ положеніи помѣстнаго дворянства“, а въ обременительности выкупныхъ платежей, въ недостаточности надѣловъ (и то, и другое—обстоятельства выгодныя для бывшихъ помѣщиковъ), въ тяжести налоговъ, въ быстромъ исчезновеніи мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ недостаткахъ крестьянскаго управленія и крестьянскаго суда, въ равнодушіи къ крестьянскому вопросу, бывшемъ à l'ordre du jour въ семидесятыхъ годахъ, въ поворотѣ назадъ, ознаменовавшемъ собою вторую половину минувшаго десятилѣтія. Сообразно съ этимъ и въ настоящее время интересъ крестьянства состоитъ вовсе не въ возстановленіи опеки, никогда не приносившей ему ничего, кромѣ вреда, а въ сближеніи его съ другими общественными классами, въ уничтоженіи всего того, что̀ еще уцѣлѣло изъ недавно рухнувшаго зданія „податныхъ сословій“... Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что вся аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“, въ разсмотрѣнной нами до сихъ поръ ея части, цѣликомъ построена на пескѣ, достаточно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Предоставить помѣстному дворянству, въ видахъ возстановленія его „государственнаго значенія“, властное завѣдываніе мѣстнымъ населеніемъ московская газета признаетъ, безъ сомнѣнія, возможнымъ только тамъ, гдѣ есть на лицо, въ достаточномъ числѣ, дворяне-землевладѣльцы *русскаго происхожденія*. Въ губерніяхъ, не подходящихъ подъ это условіе—а ихъ немало—не можетъ быть и рѣчи о дворянскомъ управленіи: между тѣмъ, самые ревностные „сословники“ едва ли рѣшатся утверждать, что это губерніи несчастныя, оби-

Digitized by Google

женныя судьбою, обреченныя, сравнительно съ дворянской полосой, на жалкое прозябаніе, пока и въ нихъ, черезъ нѣсколько столѣтій, не усилится въ надлежащей мѣрѣ русскій дворянскій элементъ. Если западнымъ и восточнымъ окраинамъ Россіи остается желать еще многаго, если въ нихъ далеко не все обстоитъ благополучно, то это зависитъ, конечно, не отъ отсутствія тамъ русскихъ дворянъ, а отъ причинъ совершенно другого рода. Что же это за панацея, безъ которой отлично можетъ обойтись цѣлая треть государства? Что это за путь ко спасенію, который открытъ однимъ, закрытъ другимъ, безъ всякаго ущерба для послѣднихъ? Развѣ могла быть рѣчь, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, объ освобожденіи крестьянъ въ одной части Россіи и оставленіи ихъ крѣпостными—въ другой?.. Административный строй, рисующійся въ воображеніи московской газеты, ненормаленъ уже потому, что онъ примѣнимъ не ко всему государству. Неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ была бы двойственность административной системы, не временная, а постоянная—двойственность совершенно ненужная, ничѣмъ не вызываемая. Безъ вотчинной полиціи и всего съ ней связаннаго тульскій или харьковскій крестьянинъ можетъ прожить столь же хорошо, какъ пермскій или виленскій.

Параллельно съ отчаянными попытками доказать солидарность спеціально-дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ идетъ развитіе другой, не менѣе безнадежной темы. Насъ хотятъ увѣрить, что дворянству, какъ служилому сословію, свойственна особенная, наслѣдственная способность къ государственной службѣ, выражающаяся, между прочимъ, въ умѣньѣ дѣйствовать *самостоятельно*, не дѣйствуя *самовольно*. Для другихъ, „не-служилыхъ“ сословій „традиціонная выработка такой способности излишня и недостижима, потому что имъ приходится изощрять свои дарованія на другихъ поприщахъ, а не на постоянной государственной службѣ престолу и отечеству“, которую дворянство всегда разсматривало „какъ *долгъ*, а не какъ *привилегію*“... „Безъ довоспитывающаго и облагораживающаго вліянія дворянской“ среды — читаемъ мы въ другой статьѣ,—„выскочки службы и удачливые карьеристы могутъ становиться не только вредными, но и опасными. Эти случайные люди, какъ показываетъ намъ исторія Россіи, могутъ обладать блестящими способностями, могутъ отличаться тонкимъ знаніемъ своего дѣла, неутомимымъ трудолюбіемъ; но слабую ихъ сторону составляютъ неустойчивость *политическихъ принциповъ*, смутное пониманіе чувства долга и отсутствіе *безграничной* преданности Монарху“ (курсивъ въ подлинникѣ)... Перенесемся мысленно въ ту сферу, гдѣ всего лучше обрисовывались особенности спеціально-дворянской службы—въ сферу до-

Digitized by Google

реформенныхъ дворянскихъ выборовъ,—и спросимъ себя, отличалась ли она сознаніемъ долга? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Систематическое уклоненіе болѣе зажиточныхъ и независимыхъ людей отъ службы по выборамъ, предоставленіе судейскихъ и полицейскихъ должностей завѣдомымъ взяточникамъ или ни къ чему неспособнымъ „Митрофанушкамъ", полнѣйшее равнодушіе избирателей и избираемыхъ къ нуждамъ населенія — все это слишкомъ хорошо извѣстно. Немногимъ больше чувство долга было развито и въ другихъ областяхъ государственной службы, когда она была преимущественно достояніемъ дворянства—а „привилегію" дворяне въ ней видѣли и не могли не видѣть, потому что она дѣйствительно служила средствомъ обезпеченія (а иногда—и обогащенія) для множества дворянскихъ семействъ. „Самостоятельность", въ тѣ времена, признавалась строптивостью и была столь же рѣдкой, какъ и безкорыстная преданность служебному дѣлу; „самоволіе", наоборотъ, встрѣчалось на каждомъ шагу, составляя—особенно вдали отъ большихъ центровъ—движущую пружину служебной дѣятельности. Между дворянствомъ и другими служилыми классами (издавна раздѣлявшими съ дворянствомъ ношу государственной службы) никогда не было, съ этой точки зрѣнія, существенной разницы, и говорить о какомъ-то воспитательномъ дѣйствіи дворянской среды—значитъ идти въ разрѣзъ со всѣми фактами прошлаго. Когда въ служебную область стали проникать, съ крайней медленностью и среди преградъ всякаго рода, болѣе правильныя понятія о долгѣ, они не были пріурочены ни къ какому сословію и развивались помимо сословныхъ вліяній. Больше, быть можетъ, чѣмъ кто-либо другой сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Сперанскій, котораго московская газета относитъ, вѣроятно, къ разряду „выскочекъ службы и удачливыхъ карьеристовъ". Граница, отдѣляющая этотъ разрядъ отъ немногочисленной группы государственныхъ людей, работавшихъ не изъ-за карьеры, а для общей пользы, не совпадала и не совпадаетъ съ границей между сословіями; она обусловливалась и обусловливается не происхожденіемъ, а личными качествами. „Безъ лести преданный" Аракчеевъ былъ дворянинъ; между тѣмъ онъ съ такимъ же правомъ можетъ быть названъ злымъ духомъ царствованія Александра I, какъ „поповичъ" Сперанскій—его добрымъ геніемъ. Если Сперанскихъ было мало, если, въ общей сложности, на долю дворянства придется больше государственно-служебныхъ заслугъ, чѣмъ на долю остальныхъ сословій, то вѣдь нельзя же забывать, какъ легко, сравнительно, дворяне могли достигать высшихъ ступеней служебной іерархіи — единственныхъ, гдѣ открывается возможность широкой творческой работы.

Не маловажную роль въ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей" играетъ, какъ и слѣдовало ожидать, элементъ заподозриванья и запу-

Digitized by Google

гиванья. Редакціею московской газеты получено частное письмо, авторы котораго, „называющіе себя православными и вѣрноподданными", упрекаютъ ее въ желаніи воскресить крѣпостное право и въ излишней заботливости объ интересахъ дворянства. Отвѣчая на это письмо, газета выражается такъ: „мнѣніе, видящее въ заботахъ о дворянствѣ нѣчто *убыточное* для остальныхъ сословій, крайне узко и ложно. Оно подсказано *эгалитаристами*, отрицающими не только сословія, *но и самодержавіе, и даже всякую религію*". Каковъ скачокъ, каковъ размахъ мысли! Какъ близко вновь пущенное въ оборотъ словечко: *эгалитаристы* подходитъ къ стариннымъ кличкамъ, которыми пользовались когда-то, по примѣру еще болѣе стариннаго „слова и дѣла", дѣды и прадѣды нашихъ теперешнихъ „охранителей"!.. Въ другой статьѣ провозглашается, съ паѳосомъ и шумомъ, что „безсословность—необходимая переходная ступень къ демократической реформѣ правленія", какъ будто бы рѣчь идетъ въ настоящую минуту объ уничтоженіи сословій, а не о надѣленіи одного изъ нихъ новыми привилегіями. Болѣе безобидны, но за то крайне забавны сравненія, которыми московская газета иллюстрируетъ, въ той же статьѣ, преимущества строго-сословнаго строя. „Что бы слѣдовало сказать о главнокомандующемъ"—таково сравненіе № 1,—„который, имѣя подъ своимъ начальствомъ многочисленные отряды пѣхоты, конницы и артиллеріи, объявилъ бы себя сторонникомъ всеобщаго равенства и приказалъ бы всей своей арміи смѣшаться въ одну общую братскую массу, безо всякихъ перегородокъ"? Здѣсь упущена изъ виду сущая бездѣлица: каждый родъ оружія объединенъ *способомъ дѣйствій* и отдѣленъ отъ другихъ *различіемъ знаній и умѣній*—а о сословіяхъ, въ современномъ ихъ видѣ, нельзя сказать ни того, ни другого. Государственную службу несутъ не одни дворяне, землей владѣютъ не они одни, торгуютъ не одни купцы, землю пашутъ не одни крестьяне, промыслами занимаются не одни ремесленники. Въ средѣ дворянъ чиновники по меньшей мѣрѣ столь же отличны отъ людей свободныхъ профессій, а тѣ и другіе—отъ сельскихъ хозяевъ, сколько пѣхотинцы—отъ кавалеристовъ или артиллеристовъ. Сравненіе было бы подходящимъ развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы кто-нибудь предложилъ смѣшеніе профессій и занятій — нѣчто въ родѣ тачанья сапоговъ пирожниками и печенья пироговъ сапожниками... „Что сдѣлаетъ капельмейстеръ"—гласитъ сравненіе № 2,—„если замѣтитъ, что въ его оркестрѣ первыя скрипки разстроены? Неужели онъ ихъ за негодностью выброситъ изъ оркестра и будетъ играть свою симфонію безъ первыхъ скрипокъ"? И здѣсь опять является на сцену классификація функцій, существенно отличная отъ классификаціи привилегій. Если первыя скрипки въ оркестрѣ — это служилый классъ въ государствѣ, то вѣдь онъ давно

Digitized by Google

состоитъ не изъ однихъ дворянъ, и его „разстройство“ (допустивъ, что оно существуетъ) можно устранить только организаціей, лучше гарантирующей правильное отправленіе служебныхъ обязанностей.

Послѣдняя—въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки—статья „Московскихъ Вѣдомостей“ о дворянскомъ вопросѣ (№ 129) можетъ быть названа, съ специфически-дворянской точки зрѣнія, „неожиданнымъ репримандомъ“ или, пожалуй, медвѣжьей услугой. До свѣденія газеты дошло, что между представителями дворянства, приглашенными въ Петербургъ для участія въ совѣщаніяхъ по дворянскому вопросу, обнаруживается большое разногласіе: „одни настаиваютъ на привилегіяхъ и правахъ политическихъ и административныхъ, другіе полагаютъ ограничиться мѣрами исключительно финансовыми и экономическими; одни просятъ многаго, другіе не желаютъ ничего“. Противники дворянства, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, спѣшатъ вывести отсюда заключеніе объ абсолютной негодности сословія, неспособнаго даже опредѣлить сущность своихъ потребностей и пожеланій. Принимая на себя защиту дворянства отъ этихъ обвиненій, московская газета разсуждаетъ такъ: еслибы дворянскій вопросъ былъ узко-сословный, онъ могъ бы быть разрѣшенъ весьма успѣшно самими дворянами; но онъ имѣетъ первостепенное общегосударственное значеніе, и вслѣдствіе этого „дворяне одни никоимъ образомъ не могутъ разрѣшить его въ полномъ его объемѣ. Разъ имъ точно и опредѣленно будетъ указанъ тотъ кругъ обязанностей, который полагаетъ возложить на нихъ правительство, разъ имъ ясно будетъ очерчена сфера ихъ дѣятельности въ общемъ строѣ и теченіи государственной жизни, дворяне будутъ въ состояніи опредѣлить, что̀ имъ нужно для того, чтобы возможно лучше и успѣшнѣе выполнить возложенныя на это сословіе обязанности. Разъ же они ихъ не знаютъ, дворяне—совершенно естественно—не могутъ опредѣлить и того, что̀ собственно имъ нужно въ настоящее время; они вдаются въ обсужденіе вопросовъ о своемъ значеніи въ государствѣ, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ—словомъ, такихъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены только правительствомъ“. Рознь во взглядахъ и сужденіяхъ отдѣльныхъ дворянъ по дворянскому вопросу указываетъ только на то, что, „вмѣсто обсужденія *средствъ и способовъ*, собравшіеся въ Петербургѣ дворяне вдались въ область совершенно неподлежащаго имъ вопроса о *цѣляхъ* и о *назначеніи* дворянства въ Россіи“. Что̀ это такое, какъ не примѣненіе къ русскому дворянству знаменитой формулы объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“ (beschränkter Unterthanenverstand), пущенной въ оборотъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, однимъ изъ прусскихъ министровъ? Первому сословію имперіи предлагается не разсуждать о своемъ назначеніи, о своей роли въ государствѣ, о своихъ отноше-

Digitized by Google

ніяхъ къ другимъ общественнымъ классамъ, какъ о предметахъ, которые „не его ума дѣло"! Конечно, здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, послѣднее, рѣшающее слово принадлежитъ одному правительству, такъ какъ оно одно облечено властью—но понимать вопросъ, интересоваться имъ, *предлагать* то или другое его рѣшеніе—можетъ каждый образованный человѣкъ, и болѣе чѣмъ странно отказывать въ этой способности представителямъ сословія, о которомъ, въ данномъ случаѣ, непосредственно идетъ дѣло. Говорятъ же о „назначеніи" дворянства, весьма подробно и весьма авторитетнымъ тономъ, „Московскія Вѣдомости"; почему же не смѣютъ говорить о немъ сами дворяне, собравшіеся въ Петербургѣ?.. Одно изъ двухъ: или московская газета выдаетъ дворянству такое testimonium paupertatis, которое даже противники дворянскихъ притязаній не могутъ признать заслуженнымъ,—или она не довѣряетъ избранникамъ дворянства, опасаясь, что они далеко не всѣ согласятся стать подъ развернутое ею знамя. Болѣе вѣроятно послѣднее предположеніе; оно подтверждается тѣмъ, что нѣкоторые изъ дворянъ, вызванныхъ въ Петербургъ, „ничего не просятъ и не желаютъ", т.-е. позволяютъ себѣ идти прямо въ разрѣзъ съ инструкціями московскихъ „охранителей". Какъ бы то ни было, приглашеніе молчать о сущности вопроса и говорить только о его деталяхъ—остается весьма характеристичнымъ. Дворянство едва ли забудетъ, что его мнимые друзья пытались отрицать его право „имѣть свое сужденье" о „матерьяхъ важныхъ", оставляя за нимъ только пріисканіе „средствъ и способовъ" къ достиженію не имъ избранныхъ цѣлей...

Послѣ длиннаго ряда лѣтъ, заключавшихся значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, но оставлявшихъ безъ облегченія податное бремя, лежащее на массѣ народа, нынѣшній годъ принесъ съ собою, наконецъ, нѣкоторое уменьшеніе этого бремени. Высочайше утвержденнымъ 7-го апрѣля мнѣніемъ государственнаго совѣта отмѣнены, за немногими исключеніями, сборы, взимавшіеся въ пользу казны съ видовъ на жительство и составлявшіе, въ послѣднее пятилѣтіе, около $4^1/_2$ милл. руб. въ годъ. Для крестьянскаго населенія это — существенная перемѣна къ лучшему; не слѣдуетъ только преувеличивать ея значеніе, сравнивая ее, напримѣръ, съ отмѣной подушной подати. Безспорно, тяжесть паспортнаго сбора увеличивалась, на практикѣ, разными накладными расходами; но эти расходы обусловливались не столько взиманіемъ сбора, сколько обязательною перемѣною паспорта, остающеюся въ силѣ и послѣ закона 7-го апрѣля. Пока требуется срочный паспортъ, до тѣхъ поръ неизбѣжны злоупотребленія при его выдачѣ. Льгота, создаваемая новымъ закономъ, выражается, такимъ

Digitized by Google

образомъ, только въ цифрѣ самаго паспортнаго сбора, какъ она была опредѣлена дѣйствовавшими до сихъ поръ правилами.

Несомнѣнно полезнымъ и цѣлесообразнымъ является и другой новый законъ—Высочайше утвержденное 10-го марта положеніе о сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ. Эти мастерскія имѣютъ цѣлью подготовлять для сельскаго хозяйства рабочихъ, опытныхъ въ уходѣ за земледѣльческими машинами и орудіями, въ ремонтѣ ихъ и въ изготовленіи заново орудій и несложныхъ частей земледѣльческихъ машинъ, а также другихъ предметовъ сельскаго обихода. Мастерскія состоятъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, учреждаются въ селеніяхъ или при сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ и заведеніяхъ для изготовленія сельско-хозяйственныхъ машинъ и содержатся или на счетъ казны, или на счетъ земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, или же на совмѣстныя средства, получаемыя изъ этихъ источниковъ. Предметы преподаванія—ремесла плотнично-столярное и кузнечно-слесарное, черченіе и рисованіе. Обученіе безплатно; допускаются къ нему подростки (не моложе четырнадцати лѣтъ) всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, преимущественно обладающіе познаніями въ объемѣ курса начальныхъ училищъ и, во всякомъ случаѣ, обученные грамотѣ и счисленію. Окончившіе курсъ ученики, два года или пять лѣтъ усердно и успѣшно прослужившіе въ сельско-хозяйственной экономіи, получаютъ званіе сельскаго подмастерья или сельскаго мастера. Намъ кажется, что окончаніе курса (или выдержаніе экзамена) въ начальномъ училищѣ нормальнаго типа (т.-е., министерскомъ, земскомъ или церковно-приходскомъ) слѣдовало бы признать *непремѣннымъ* условіемъ вступленія въ учебную мастерскую. Быть обученнымъ грамотѣ и счисленію—значитъ пройти только черезъ школу грамоты, не дающую, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, той степени развитія, которой требуетъ учебная мастерская. Кое-какъ умѣть читать и считать—это недостаточная подкладка для осмысленной ремесленной работы. Конечно, большого искусства въ своемъ мастерствѣ достигаютъ иногда и совершенно неграмотные рабочіе; но это исключенія, на которыя нельзя разсчитывать. Начальныхъ училищъ, правильно организованныхъ, уже теперь такъ много и число ихъ ростетъ такъ быстро, что едва ли можетъ встрѣтиться затрудненіе въ пополненіи изъ ихъ среды комплекта учебныхъ мастерскихъ. Скажемъ болѣе: было бы весьма желательно, чтобы въ самой мастерской хоть одинъ часъ ежедневно былъ посвящаемъ на занятія чтеніемъ, письмомъ и ариѳметикой, съ цѣлью упрочить и нѣсколько расширить знанія, пріобрѣтенныя въ начальной школѣ. Для этого не понадобилось бы особаго учителя: управляющимъ мастерскою можетъ быть, по закону, только лицо, окончившее курсъ по меньшей мѣрѣ въ низшемъ техническомъ или

Digitized by Google

ремесленномъ училищѣ, т.-е. имѣющее достаточно свѣденій для руководства, въ вышеозначенныхъ предѣлахъ, умственными занятіями учениковъ. Не вполнѣ понятно для насъ, далѣе, то правило новаго закона, въ силу котораго званіе сельскаго подмастерья или сельскаго мастера пріобрѣтается *только* занятіями въ сельско-хозяйственной экономіи, т.-е. у помѣщика. Почему оно не можетъ быть пріобрѣтено работой, напримѣръ, въ заведеніи для изготовленія сельско-хозяйственныхъ машинъ или у мастера-кустаря, изготовляющаго сельско-хозяйственныя орудія? Вѣдь подобная работа заслуживаетъ поощренія отнюдь не меньше, чѣмъ служба въ сельско-хозяйственной экономіи... Съ теченіемъ времени къ учебнымъ мастерскимъ, учрежденнымъ въ силу положенія 10-го марта, присоединятся, вѣроятно, и другія, приспособленныя не къ одному лишь ремонту и изготовленію машинъ и орудій, а къ различнымъ отраслямъ сельской промышленности, въ особенности кустарной. Для начала задача выбрана совершенно правильно, такъ какъ недостатокъ рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ земледѣльческими машинами и усовершенствованными сельско-хозяйственными орудіями, тѣмъ болѣе—чинить ихъ и возстановлять испорченное или потерянное, составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ развитію нашего сельскаго хозяйства. Законъ 10-го марта — именно одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ улучшить положеніе помѣстнаго дворянства не только безъ вреда, но съ выгодой для массы населенія.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1897 г.

Греко-турецкая война и европейская дипломатія. — Странные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на Турцію и на ея побѣды.—Замѣчанія о „курьезномъ“ характерѣ военныхъ дѣйствій. — Греки и турки. — Бѣдствія войны и случайныя катастрофы. — Пожаръ въ Парижѣ.—Вильгельмъ II и его восточная политика.

Греко-турецкая война привела, какъ можно было предвидѣть заранѣе, къ полной побѣдѣ Турціи и значительному подъему воинственно-патріотическаго духа въ мусульманскомъ мірѣ. Греческія войска, предводимыя неопытнымъ молодымъ полководцемъ, королевичемъ Константиномъ, быстро перешли отъ наступательныхъ плановъ къ постепенному систематическому бѣгству, съ остановками для безполезныхъ битвъ, которыя происходили какъ будто только для того, чтобы усилить значеніе турецкихъ успѣховъ.

Разбитая при границѣ Ѳессаліи, греческая армія поспѣшно очистила Ларису и сосредоточилась подъ Фарсаломъ, чтобы занять тамъ сильную позицію и задержать наступленіе побѣдителей; но растерянность войскъ и ихъ начальниковъ, оставленіе въ рукахъ турокъ большихъ запасовъ оружія и продовольствія, отсутствіе всякой заботы о судьбѣ покинутыхъ мѣстностей и самая стремительность отступленія—не давали уже серьезной надежды на поворотъ счастья въ сторону Греціи. Греческіе полководцы утѣшали армію и аѳинское правительство указаніемъ на Фарсалу, гдѣ они разсчитывали поправить дѣло; но послѣ нерѣшительной битвы 5-го мая (нов. ст.) они ночью бросили этотъ пунктъ и торопливо двинулись дальше къ югу — къ большому удивленію турокъ, которые готовились еще къ настоящимъ дѣйствіямъ на другой день.

Въ Домокосѣ королевичъ Константинъ обратился къ войскамъ съ прокламаціею, въ которой заявлялъ, что „армія отступила къ Домокосу потому, что позиціи при Фарсалѣ были недостаточно сильны и непріятель значительно превосходилъ грековъ численностью; здѣсь же занимаемыя позиціи таковы, что армія можетъ считаться непобѣдимою, и можно быть увѣреннымъ, что она не только съ успѣхомъ окажетъ отпоръ аттакѣ непріятеля, даже превосходящаго ее числомъ, но въ скоромъ времени будетъ въ состояніи перейти въ наступленіе и заставить его покинуть греческую территорію“.

Никто уже однако не раздѣлялъ иллюзій относительно „непобѣ-

Digitized by Google

димости" грековъ, и аѳинское правительство находило даже излишнимъ ожидать дальнѣйшихъ кровавыхъ проявленій численнаго превосходства турокъ. Грецiя сообщила державамъ, что полковникъ Вассосъ отозванъ съ острова Крита, и что весь его отрядъ скоро возвратится на родину; такимъ образомъ, было исполнено условіе, безъ котораго нельзя было надѣяться на заступничество Европы. Вслѣдъ затѣмъ, дипломатія предложила свое посредничество для заключенія перемирія и окончанія войны. Представители великихъ державъ въ Константинополѣ вручили 12 мая турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Тевфику-пашѣ, коллективную ноту съ извѣщеніемъ о своемъ посредничествѣ и съ просьбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Дипломаты придали дѣлу такой видъ, что нѣтъ уже повода продолжать войну послѣ того, какъ цѣль ея достигнута и Грецiя подчинилась рѣшеніямъ державъ насчетъ Крита. Порта отвѣтила не тотчасъ, но черезъ три дня выставила свои опредѣленныя требованія, которыя должны вполнѣ разочаровать дипломатію. Такая дипломатическая наивность не подѣйствовала на Турцію и не заставила ее отказаться отъ фактическихъ преимуществъ побѣдителей изъ уваженія къ Европѣ. Турки желали воспользоваться плодами своихъ военныхъ усилій и успѣховъ, подобно тому, какъ это принято и между самыми просвѣщенными культурными націями. Порта соглашалась на перемиріе, если побѣжденная Грецiя предварительно приметъ ея условія,—обязательство уплаты десяти милліоновъ турецкихъ фунтовъ стерлинговъ, присоединеніе Ѳессалiи къ Турціи, пересмотръ трактатовъ, предоставляющихъ грекамъ извѣстныя привилегіи въ турецкихъ предѣлахъ, и заключеніе договора о выдачѣ преступниковъ. Европейская дипломатія была, повидимому, озадачена; она почему-то не имѣла въ виду обычнаго примѣненія правилъ войны къ развязкѣ греко-турецкаго вооруженнаго спора. Послы въ Константинополѣ предупредили Порту, что она вызоветъ большія затрудненія своими преувеличенными требованіями; они вновь настаивали на прекращеніи военныхъ дѣйствій и давали понять, что державы не допустятъ полнаго разгрома Греціи;—объ условіяхъ мира они не высказывались прямо, ссылаясь на недостатокъ инструкцій.

Между тѣмъ, при Домокосѣ завязалось сраженіе, 17-го мая, — самое крупное и упорное за все время войны; болѣе двухсотъ орудій направлено было со стороны турокъ противъ греческихъ позицій. Тридцатитысячная греческая армія держалась до поздняго вечера, а ночью, по обыкновенію, отступила, такъ какъ ея начальники боялись обходныхъ движеній непріятеля. Королевичъ Константинъ нашелъ, что и при Домокосѣ занятыя греками позиціи недостаточно еще надежны, и что армія сдѣлается еще болѣе непобѣдимою, когда уйдетъ

Digitized by Google

подальше отъ турокъ. Войска опять двинулись въ путь, къ горѣ Отрисъ, и остановились на старой пограничной линіи, когда-то отдѣлявшей Грецію отъ Ѳессаліи; но турки преслѣдовали ихъ по пятамъ и оттѣснили къ Ѳермопиламъ — къ классическому легендарному прибѣжищу героевъ. Больше стойкости выказалъ отрядъ, занимавшій Велестино и Альмиро, подъ начальствомъ полковника Смоленицы (или Смоленскаго, какъ пишутъ англійскія газеты); имя этого офицера — единственное, пріобрѣвшее популярность въ этой войнѣ. Полковникъ Смоленица отличался уже тѣмъ, что отступалъ лишь послѣ энергической обороны и не терялся при первомъ натискѣ врага. Отступленіе было общимъ правиломъ для грековъ, и всякая серьезная попытка обороны или отпора возводилась уже на степень замѣчательнаго подвига. Греческій флотъ бездѣйствовалъ или обреченъ былъ на безсиліе, такъ какъ не встрѣчалъ поддержки со стороны сухопутныхъ войскъ; таинственныя движенія эскадръ и отдѣльныхъ судовъ, направляемыхъ куда-то по приказамъ въ запечатанныхъ пакетахъ, возбуждали на первыхъ порахъ лихорадочныя ожиданія и въ концѣ концовъ оказывались какимъ-то непонятнымъ пуфомъ. Въ Эпирѣ греки имѣли за собою численное превосходство и могли бы легко вытѣснить слабые турецкіе отряды, но воздерживались отъ смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій; только при извѣстіи о заключеніи перемирія въ Ѳессаліи, командовавшій войсками въ Эпирѣ полковникъ Маносъ рѣшился наверстать потерянное время и затѣялъ битву, которая ни къ чему не привела, — если не считать смѣщенія и ареста самого Маноса, по обвиненію въ преждевременномъ бѣгствѣ съ поля битвы. Послѣ очищенія Домокоса не помогли бы, конечно, и Ѳермопилы; греческія войска переходили бы отъ одной позиціи къ другой, пока не очутились бы предъ Аѳинами, въ сопровожденіи турецкихъ побѣдителей. Положеніе становилось опаснымъ для Греціи, и дальнѣйшія дипломатическія проволочки въ переговорахъ о перемиріи не могли уже быть допущены. Депеша Государя Императора къ турецкому султану поставила вопросъ на почву непосредственныхъ дружественныхъ отношеній между двумя имперіями, — отношеній, которыми привыкли дорожить въ Константинополѣ въ послѣдніе годы. Султанъ не могъ не исполнить прямого желанія Россіи, выраженнаго въ такой формѣ, и немедленно былъ посланъ приказъ прекратить военныя дѣйствія. Перемиріе заключено въ Ѳессаліи и затѣмъ въ Эпирѣ.

Греція фактически лишена цѣлой области, занятой и опустошенной турецкими войсками, и ждетъ рѣшенія своей судьбы отъ европейской дипломатіи, поставленной лицомъ къ лицу съ побѣдителями. Критъ освобожденъ отъ полковника Вассоса и его отряда, греческія притязанія устранены, и автономія можетъ быть введена на островѣ

Digitized by Google

въ томъ видѣ, какъ рѣшили великія державы, если только не раздумаетъ Турція и не возьметъ назадъ своихъ обѣщаній. Тяжело раненная, почти раздавленная Грецію искупаетъ теперь свои грѣхи передъ Европою; но и послѣдняя едва ли можетъ чувствовать себя хорошо при подобномъ зрѣлищѣ. Греки не будутъ больше мѣшать устройству критской автономіи подъ опекою западно-европейскихъ кабинетовъ; но не слишкомъ ли дорогою цѣною куплено это отстраненіе Греціи отъ заботъ о близкой и родственной ей Кандіи? Внутренняя слабость Греціи, ея военное и политическое безсиліе, ея неспособность играть на Востокѣ ту роль, которая приписывается ей увлекающимися греческими патріотами,—все это выяснилось наглядно передъ всѣми; за то, съ другой стороны, обнаружилась военная живучесть Турціи, крѣпость ея организаціи и дисциплины въ борьбѣ, и этотъ результатъ, какъ мы замѣтили уже въ прошломъ обозрѣніи, долженъ неизбѣжно отразиться на общемъ ходѣ восточныхъ дѣлъ. Эффектъ турецкихъ побѣдъ невольно поднимаетъ Порту въ общественномъ мнѣніи и не позволяетъ уже доводить опеку надъ нею до обсужденія принудительныхъ мѣръ, о которыхъ говорилось осенью прошлаго года. Турція имѣетъ новаго полководца, на мѣсто устарѣвшаго героя Плевны, и послѣ блестящаго опыта съ греками она можетъ иначе смотрѣть на принудительныя мѣры, чѣмъ прежде. Европа не останется довольною неожиданными плодами своей политики въ критскомъ вопросѣ;—это несомнѣнно.

Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ были, повидимому, серьезно убѣждены, что турецкія войска сражаются съ греками и побѣждаютъ ихъ исключительно для того, чтобы угодить Европѣ. Эти газеты ужасно удивились, когда узнали о требованіяхъ Порты, основанныхъ на простомъ и грубомъ фактѣ побѣды. Одинъ изъ органовъ нашей печати, обыкновенно разсуждающій о политикѣ въ тонѣ посвященнаго во всякія тайны дипломата, пробовалъ даже отрицать достовѣрность перваго телеграфнаго извѣстія о турецкихъ условіяхъ мира. „Полученную сегодня телеграмму,—говорила газета,—мы положительно отказываемся считать достовѣрною, несмотря на кажущуюся обстоятельность свѣдѣній, сообщаемыхъ ею... Нельзя себѣ представить дѣйствительно, чтобы турецкое правительство, какъ нельзя лучше освѣдомленное о намѣреніяхъ державъ, могло требовать и т. д. Такія требованія столь чудовищно преувеличены, что державы, конечно, не согласятся и начинать переговоровъ на ихъ основаніи. Греціи не откуда взять громадной суммы, о которой идетъ рѣчь въ телеграммѣ, а что касается до Ѳессаліи, то обладаніе этою областью обезпечено ей волею Европы и международными договорами. Надо совершенно особое умопомраченіе, чтобы обращаться къ великимъ державамъ съ такими условіями, и мы не можемъ впредь до доказательства противнаго допустить,

Digitized by Google

чтобы они могли быть серьезно заявлены Портою". Корреспондентъ „или сдѣлался жертвою чьей-то мистификаціи, или телеграфъ что-нибудь перепуталъ въ посланномъ имъ сообщеніи". Еслибы Порта въ самомъ дѣлѣ предъявила подобныя условія, то это могло бы немедленно вызвать „новыя инструкціи европейскимъ эскадрамъ, находящимся въ турецкихъ и въ греческихъ водахъ". Въ заключеніе, газета грозитъ туркамъ войною отъ имени всей Европы, въ случаѣ такого посягательства на цѣлость Греціи, о чемъ будто бы предупреждено турецкое правительство. „Оно знаетъ, что въ случаѣ неудачи посредничества по винѣ Турціи вся Европа приметъ сторону Греціи и найдетъ возможнымъ облегчить эллинскому народу возобновленіе борьбы, которая станетъ для него въ такомъ случаѣ борьбою не только за неприкосновенность его территоріи, но и за самое его существованіе, какъ самостоятельнаго и независимаго члена семьи европейскихъ народовъ. Подобной ошибки Порта не сдѣлаетъ уже потому, что ей нѣтъ разсчета сокращать собственнымъ починомъ срокъ существованія Турціи какъ европейскаго государства". Другими словами, всѣ великія державы выступятъ съ своими войсками противъ Турціи и положатъ конецъ ея существованію, чтобы предохранить грековъ отъ потери Ѳессаліи и отъ уплаты непосильной военной контрибуціи. И это говоритъ та самая газета, которая находила вполнѣ естественнымъ и справедливымъ допущеніе турецкой расправы съ Греціею. Однако, вслѣдъ за приведенною статьею помѣщена другая, въ которой военное торжество Турціи надъ греками по прежнему выставляется какъ торжество Европы и ея интересовъ общаго мира. Греческія пораженія были будто бы неудобны для одной лишь Англіи; всѣ другія державы должны были радоваться каждому успѣху турецкаго оружія. „Греко-турецкая война, — по словамъ газеты, — не оправдала англійскихъ надеждъ. Еслибы она затянулась на болѣе долгій срокъ и ознаменовалась хотя бы однимъ крупнымъ успѣхомъ грековъ, то, конечно, осложненія были бы возможны; но туркамъ удалось такъ быстро пріобрѣсти рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, что политическій горизонтъ не успѣлъ омрачиться". Трудно понять, почему греческій народъ, разбиваемый турками, оказывается „непріятелемъ" съ точки зрѣнія русской газеты, а политическій горизонтъ объявляется безоблачнымъ, пока турецкія войска рѣшительно расправляются съ Греціею; но если это такъ, то и послѣдствія турецкихъ побѣдъ должны быть желательны, и возражать противъ нихъ нелѣпо съ указанной точки зрѣнія.

Восхваляемый газетою быстрый и рѣшительный перевѣсъ Турціи долженъ былъ неминуемо привести къ умаленію и обезсиленію „непріятеля", т.-е. Греціи; а когда это случилось, и турки начинаютъ

Digitized by Google

извлекать практическіе выводы изъ своего рѣшительнаго перевѣса, согласно общепринятому праву войны, то газета не вѣритъ, удивляется, грозитъ отъ имени всей Европы и предвидитъ страшное „омраченіе политическаго горизонта“ отъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя только-что признавались гарантіями общаго мира и благополучія. Гдѣ тутъ послѣдовательность? Гдѣ здравый смыслъ? Неужели газета представляла себѣ войну въ видѣ особаго способа дипломатической полемики, имѣющаго цѣлью убѣдить противника въ чемъ-либо и затѣмъ, убѣдивши, оставить его въ покоѣ? Если туркамъ удалось занять своими войсками Ѳессалію, при видимомъ одобреніи и сочувствіи западно-европейской дипломатіи, то съ какой стати отдадутъ они взятую область обратно, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія? Поздно ссылаться на волю Европы и на международные договоры относительно Ѳессаліи послѣ того, какъ допущено было фактическое завоеваніе этой территоріи войсками. Давно уже извѣстно, что сила оружія упраздняетъ законы и права—inter arma silent leges. На требованіе возвратить занятую территорію побѣжденнымъ грекамъ турки могутъ отвѣтить: придите и возьмите! Они имѣютъ за себя принципъ „счастливаго обладанія“, и съ точки зрѣнія международной военной практики они будутъ безусловно правы. Что касается неизбѣжныхъ будто бы репрессалій со стороны „всей Европы“, то странно встрѣчать такія наивности въ серьезномъ органѣ политической печати. Какъ до сихъ поръ Европа не могла сговориться даже относительно самыхъ скромныхъ мѣръ для реальной защиты армянъ и для обезпеченія участи Крита, такъ и теперь она не въ состояніи будетъ предпринять что-нибудь для дѣйствительнаго отобранія Ѳессаліи у турокъ, если Порта не пожелаетъ добровольно отказаться отъ этой добычи. Во всякомъ случаѣ, Турція давно уже не находилась въ такомъ благопріятномъ положеніи относительно великихъ державъ, какъ нынѣ: она впервые за многіе годы можетъ предъявлять свои требованія, опираясь на совершившіеся факты, и дипломатія по неволѣ обязана считаться съ послѣдними, чтобы добиться какихъ-нибудь уступокъ. Порта едва ли заинтересована въ удержаніи за собою всей греческой Ѳессаліи, но сохранить значительную ея часть она можетъ вполнѣ безнаказанно, и никакіе громы не обрушатся за это на турокъ. Нужно было какое-то особое ослѣпленіе, чтобы не предвидѣть естественныхъ результатовъ побѣдоносной турецкой войны противъ Греціи, и насколько можно судить по отзывамъ газетъ, такое ослѣпленіе существовало у многихъ до первыхъ извѣстій о перемиріи.

Греко-турецкая война была однимъ изъ печальнѣйшихъ эпизодовъ восточной политики великихъ державъ за послѣдніе годы. Нѣкоторые склонны были у насъ относиться къ ней шутливо, какъ къ чему-то

Digitized by Google

забавному, недостойному серьезнаго вниманія. „Такой войны,—читаемъ въ одной изъ большихъ политическихъ газетъ,—еще никогда не бывало. Несмотря на кровь и жертвы, въ ней было что-то ребяческое и наивное. Русское общество смотрѣло на эти событія именно какъ на нѣчто странное, курьезное, и своего сочувствія никому не давало, ни туркамъ, ни грекамъ. Если событія войны и интересовали его, то такъ, какъ интересуетъ какой-нибудь курьезный процессъ, въ которомъ никому не сочувствуешь, но все-таки любопытно, какъ онъ кончится. Шутили, острили надъ итальянскими волонтерами, передавали анекдоты, выискивали все то, что̀ выдавалось своею странностью, своею курьезностью, и замѣчали, что въ извѣстіяхъ объ этой войнѣ всего чаще встрѣчалось слово „паника“, и т. д.—Публика, повидимому, дѣйствительно такъ относилась къ войнѣ, и не только у насъ, но и на Западѣ, за исключеніемъ одной только Англіи. Невѣрно только, что „такой войны еще никогда не бывало“. Бывали еще болѣе „странныя“ войны, которая, однако, никому не казались курьезными и ребяческими. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1876 году, маленькое сербское княжество объявило войну могущественной еще тогда Оттоманской имперіи, чтобы помочь освобожденію родственныхъ славянскихъ народностей отъ турецкаго ига. Турецкой арміи не стоило бы большого труда раздавить тогдашнюю Сербію съ ея русскими добровольцами, но турки дѣйствовали крайне медленно и осторожно, для избѣжанія вмѣшательства Россіи; они разбили сербовъ при Дьюнишѣ и остановились, по категорическому требованію русской дипломатіи. Европа еще сильнѣе осуждала и высмѣивала тогда Сербію съ ея добровольцами, чѣмъ теперь Грецію съ ея итальянскими волонтерами. Заступничество сербскаго княжества за христіанскихъ подданныхъ Турціи было гораздо болѣе комично, чѣмъ попытка Греціи разъ навсегда устроить судьбу острова Крита послѣ многихъ безплодныхъ усилій европейской дипломатіи съ шестидесятыхъ годовъ. Притомъ экспедиція полковника Вассоса увѣнчалась практическимъ успѣхомъ, и еслибы не противодѣйствіе великихъ державъ, то, разумѣется, Критъ остался бы въ греческихъ рукахъ, и никакой войны Турція изъ-за этого не объявляла бы Греціи, при обычномъ и разумномъ отношеніи Европы къ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова. Война была странная прежде всего потому, что ее не имѣли въ виду сами зачинщики, устроители смѣлой экспедиціи на островъ Критъ, привыкшіе считать невозможными турецкія нападенія на сушѣ въ балканскихъ земляхъ безъ прямого согласія великихъ державъ; а предполагать, что дипломатія сознательно отдастъ грековъ на расправу туркамъ, было мудрено. Греки думали воевать съ турками только въ предѣлахъ Кандіи и окружающихъ ее водъ; они вели, такъ сказать, негласную

Digitized by Google

оффиціозную войну, главнымъ образомъ при помощи волонтеровъ, подобно тому, какъ мы негласно участвовали въ сербской войнѣ 1876 года. Греки ошиблись насчетъ настроенія великихъ христіанскихъ націй и втянуты были въ одиночную борьбу съ Турціею на материкѣ; но ошибка Греціи по существу столь же извинительна, какъ увлеченіе сербовъ въ эпоху „болгарскихъ звѣрствъ". Всякое безсиліе, выступающее предъ нами въ наглядныхъ фактахъ, кажется жалкимъ и смѣшнымъ, хотя бы въ немъ было несравненно больше человѣчности, чѣмъ въ торжествующей надъ нимъ силѣ; а сила, хотя бы самая грубая, быстро пріобрѣтаетъ общее уваженіе. Турки теперь „вошли въ почетъ", какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же публицистъ, отзывъ котораго мы привели выше; этому почету не помѣшали всевозможныя турецкія звѣрства, періодически волнующія Европу, и всѣ роковые, неустранимые недуги такъ называемаго турецкаго управленія. Такова ужъ человѣческая психологія: забавнаго и курьезнаго въ ней нѣтъ ничего. Мы не въ состояніи себѣ представить, какъ можно вообще сравнивать даже самую маленькую войну съ чѣмъ-нибудь курьезнымъ, дающимъ матеріалъ для невинныхъ шутокъ. Еслибы устроена была гдѣ-либо колоссальная грызня собакъ и окровавленные мелкіе мопсы тщетно убѣгали бы отъ напущенныхъ на нихъ крупныхъ пуделей, то никто не назвалъ бы этого зрѣлища курьезнымъ и ребяческимъ; напротивъ, всѣ просвѣщенные люди возмущались бы безцѣльною жестокостью и требовали бы немедленнаго ея прекращенія. Когда же сотни и тысячи человѣческихъ существъ сталкиваются въ одномъ мѣстѣ для взаимнаго истребленія и болѣе слабые бѣгутъ въ паническомъ страхѣ, ежеминутно ожидая своей гибели отъ ударовъ непріятельской конницы или отъ свистящихъ пуль и ядеръ, то сравнивать подобныя событія съ интереснымъ судебнымъ процессомъ, за которымъ мы слѣдимъ вполнѣ равнодушно, изъ одного любопытства,—просто немыслимо. Частые случаи „паники" въ этой войнѣ послѣ первыхъ неудачъ объясняются традиціями страха предъ турецкими побѣдителями, которые все опустошали предъ собою огнемъ и мечомъ; при одномъ возгласѣ: „турки идутъ!" ярко рисуется побѣжденному греку не только его собственная мучительная смерть, но и смерть всѣхъ его близкихъ и родныхъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей,—не говоря уже о разореніи жилищъ и имуществъ. Стихійный, чисто животный ужасъ охватываетъ тогда людей, чувствующихъ за собой присутствіе безпощадныхъ враговъ; и эта паника появляется именно послѣ того, какъ утрачена вѣра въ возможность побѣды. Греки потеряли вѣру послѣ первыхъ же пограничныхъ битвъ, и опять собраться съ духомъ имъ уже не удалось; поэтому они такъ легко поддавались паникѣ, несмотря на то, что преслѣдовавшія ихъ

Digitized by Google

войска не обнаруживали свирѣпыхъ инстинктовъ и оказались лучше своей репутаціи. Поведеніе турецкой арміи сдерживалось, конечно, иностраннымъ контролемъ и понятными заботами Порты объ устраненіи поводовъ къ протестамъ и неудовольствіямъ Европы; но со стороны побѣждаемыхъ грековъ случаи паники вызывались вполнѣ естественными чувствами, въ которыхъ нѣтъ абсолютно ничего смѣшного. Никакой паники не возникло бы, еслибы греки имѣли противъ себя армію какой-либо изъ культурныхъ европейскихъ державъ; тогда военныя наступательныя движенія непріятелей не означали бы опустошительнаго погрома, отъ котораго обязано спасаться бѣгствомъ все мирное населеніе; войска болѣе спокойно исполняли бы свой долгъ, не смущаясь перспективою отрѣзанныхъ головъ, и тогда легче и справедливѣе было бы судить о качествахъ греческаго солдата. Неумѣлость и безтолковость военныхъ распоряженій, пустое самомнѣніе патріотовъ, отсутствіе плана и выдержки въ военныхъ операціяхъ, легкомысліе и неискренность политическихъ дѣятелей,—все это бросалось въ глаза во время послѣдней греческой войны противъ турокъ; тутъ было дѣйствительно много нелѣпаго и комичнаго, но греческая армія и греческій народъ, брошенные въ этотъ омутъ событій, заслуживали только искренняго сожалѣнія.

Какъ условны понятія о забавномъ и трагическомъ, можно видѣть изъ сопоставленія газетныхъ отзывовъ о греческой паникѣ, подъ ударами турокъ, и отчетовъ о недавней парижской катастрофѣ въ улицѣ Жанъ-Гужонъ. Та же газета, которая съ легкимъ сердцемъ шутливо говоритъ о курьезной войнѣ, истребляющей и калѣчащей многія сотни людей и возбуждающей часто панику въ массѣ участниковъ,—принимаетъ совсѣмъ другой тонъ, когда дѣло идетъ о страшномъ пожарѣ, погубившемъ значительное число лицъ. Никому не придетъ въ голову называть курьезною и забавною эту картину внезапнаго возбужденія первобытныхъ инстинктовъ страха въ этой толпѣ приличныхъ и хорошо воспитанныхъ людей, подвергшихся вдругъ опасности; всякій понимаетъ естественность паники при такихъ условіяхъ, и извѣстія о невинныхъ жертвахъ катастрофы вызываютъ въ насъ только чувство скорби и состраданія. Между тѣмъ не трудно было бы и здѣсь найти матеріалъ для пренебрежительныхъ замѣчаній о жалкой растерянности и трусости взрослыхъ мужчинъ, очутившихся лицомъ къ лицу съ стихійнымъ бѣдствіемъ, даже если эти мужчины не проявляютъ своего ужаса въ звѣриной борьбѣ за существованіе и спасеніе. Но мысль о гибели не прикрывается тутъ ничѣмъ постороннимъ и общимъ, тогда какъ для военныхъ ударовъ и несчастій мы имѣемъ готовое понятіе войны. Грекамъ полагалось погибать отъ турецкихъ рукъ, ибо они пошли на войну; а жертвы пожара гибнутъ неожиданно и случайно,

Digitized by Google

по волѣ слѣпой судьбы. Въ сущности безсмысленная гибель человѣческихъ существъ всегда одинаково трагична, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ она не должна бы вызывать соображенія о курьезахъ. Сознательное, массовое истребленіе людей, индивидуальности которыхъ даже мало кому извѣстны, какъ это бываетъ на войнѣ, представляетъ собою въ сущности нѣчто гораздо болѣе ужасное, чѣмъ бѣдствіе отъ пожара, возникшее помимо воли человѣка; но привычныя понятія и слова ослабляютъ нашу чувствительность къ явленіямъ и позволяютъ намъ иногда шутливо относиться къ тому, что при болѣе реальномъ взглядѣ на вещи волновало бы насъ сильнѣе случайныхъ и вполнѣ предотвратимыхъ бѣдствій.

Военныя опустошенія имѣютъ еще то особое свойство, что практическія послѣдствія ихъ далеко не ограничиваются гибелью и погребеніемъ ихъ многочисленныхъ жертвъ. Погибшіе въ огнѣ благотворительнаго базара въ Парижѣ оплаканы родными и знакомыми, и найденные обгорѣлые останки торжественно похоронены; общественныя власти, какъ и частныя лица, должны теперь позаботиться, чтобы повтореніе подобныхъ несчастій сдѣлалось немыслимымъ на будущее время, и чтобы соблюдались по крайней мѣрѣ элементарныя предосторожности отъ пожара при устройствѣ временныхъ или постоянныхъ помѣщеній для публики. Дальнѣйшихъ результатовъ такое событіе обыкновенно не имѣетъ. Не то видимъ мы при военномъ пожарѣ. Даже самая маленькая война, независимо отъ непосредственныхъ человѣческихъ жертвъ, создаетъ продолжительныя и важныя перемѣны въ судьбѣ цѣлыхъ территорій и ихъ обитателей,—если только война кончается рѣшительнымъ торжествомъ одной стороны надъ другою. Такъ и въ данномъ случаѣ: кромѣ гибели многихъ тысячъ людей, измѣнилось кореннымъ образомъ положеніе Ѳессаліи и ея населенія. Страна разорена надолго, и даже временное владычество въ ней турокъ поставитъ ее въ крайне тягостныя условія. Турецкая оккупація Ѳессаліи до уплаты военной контрибуціи допускается и великими державами; а она можетъ длиться многіе годы, такъ какъ Греція не скоро соберется съ силами для исполненія возложенныхъ на нее денежныхъ обязательствъ. Такимъ образомъ, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ газетныхъ туркофиловъ, рѣшительный перевѣсъ Турціи есть обстоятельство въ высшей степени неблагопріятное для интересовъ общаго мира и культуры. Затрудненія только еще начинаются для дипломатіи, и потребуется большое искусство, чтобы справиться съ ними какъ слѣдуетъ. А что касается предупрежденія будущихъ военно-политическихъ вспышекъ въ предѣлахъ земель, подвластныхъ султану, то надежды довольно слабы по этой части: недавнее прошлое служитъ плохимъ ручательствомъ для будущаго.

Digitized by Google

Пожаръ на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ возбудилъ также дѣятельность дипломатіи и косвенно получилъ политическое значеніе, но въ болѣе достойномъ культурной Европы смыслѣ, чѣмъ кровавый греко-турецкій эпизодъ на Востокѣ. Такія общественныя несчастія, какъ парижское, сразу сближаютъ людей и народы на почвѣ простой, присущей всѣмъ человѣчности; каждый живо представляетъ себѣ возможность очутиться внезапно въ горящемъ зданіи, которое за минуту до того привлекало публику спокойнымъ изяществомъ своего убранства и внутренней обстановки. Базаръ былъ устроенъ аристократіею и служилъ сборнымъ пунктомъ для лицъ такъ-называемаго высшаго общества; въ числѣ многихъ пострадавшихъ оказалась и одна высокопоставленная особа,—родная сестра австрійской императрицы Елисаветы, герцогиня Алансонская, урожденная баварская принцесса. Изъ разныхъ европейскихъ столицъ получались заявленія соболѣзнованія и сочувствія; всѣ правительства приняли участіе въ постигшемъ французовъ горѣ, черезъ посредство своихъ посланниковъ. Однимъ изъ первыхъ высказался съ особенною искренностью императоръ Вильгельмъ II, который всегда въ подобныхъ случаяхъ обнаруживаетъ замѣчательную отзывчивость и тактичность; его порывы сочувствія къ французскимъ бѣдствіямъ суть въ то же время—быть можетъ, ненамѣренно—политическіе акты, которыми исподволь подготовляется внутреннее примиреніе и сближеніе двухъ великихъ націй. Французская печать была очевидно тронута вниманіемъ Вильгельма II, и нѣкоторые органы заговорили о немъ уже въ слишкомъ хорошемъ тонѣ, чѣмъ возбудили противъ себя протесты горячихъ патріотовъ.

Конечно, наибольшее впечатлѣніе произвела во Франціи телеграмма Государя Императора, подлинный текстъ которой, въ виду ея важности, мы приводимъ со словъ „Journal de St.-Pétersbourg“:

„Tsarskoé-Sélo, le 7 mai.

„Monsieur le président,

„très cher et grand ami,

„L'Impératrice se joint à moi pour vous exprimer la vive émotion que nous a fait éprouver la catastrophe effroyable du bazar de bienfaisance à Paris. Vous connaissez trop nos sentiments à l'égard de la France pour ne pas être assuré de la part profonde et sincère que nous prenons au malheur qui vient de répandre tant de deuils navrants et de cruelle douleur dans Paris. Nous associant de tout cœur à ce que vous devez personnellement ressentir en présence d'une pareille épreuve, nous tenons à vous faire parvenir l'écho de toute notre sympathie, ainsi que de celle de la Russie entière. Laissez-moi vous

Digitized by Google

renouveler en même temps, monsieur le président, très cher et grand ami, l'assurance de mon invariable et sincère amitié.

(Signé): „NICOLAS".

Германія не скрывала своей непріязни къ Греціи со времени ея вмѣшательства въ критскія дѣла; она первая предложила блокаду греческаго побережья, совѣтовала предоставить Портѣ обуздать грековъ путемъ войны, возражала противъ заступничества великихъ державъ до формальной просьбы о томъ самой Греціи и ранѣе дѣйствительнаго отозванія отряда полковника Вассоса,—и наконецъ потребовала, чтобы греческое правительство оффиціально одобрило автономію Крита, т.-е. чтобы оно прямо отреклось отъ мысли о присоединеніи острова къ греческимъ владѣніямъ. Великія державы большею частью соглашались съ Германіею, чтобы не нарушать европейскаго согласія.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что это направленіе берлинской дипломатіи исходитъ лично отъ Вильгельма II. Германскій императоръ связанъ родствомъ съ греческою королевскою фамиліею: его сестра, принцесса Софія—будущая королева Греціи. Но фамильныя династическія связи не играютъ уже никакой роли въ политикѣ современной Европы; національные, государственные интересы не смѣшиваются съ родственными чувствами и отношеніями, и въ этомъ заключается великое преимущество новѣйшей международно-политической жизни и дѣятельности предъ недавними еще временами. Вильгельмъ II сурово относится къ Греціи, какъ говорятъ, за то, что она поступила нечестно съ своими кредиторами по внѣшнимъ займамъ; а въ этихъ займахъ заинтересованы нѣмцы на сумму до 250 милліоновъ марокъ. Произвольное сокращеніе процентныхъ платежей состоялось въ 1894 году, при министерствѣ Трикуписа, подъ предлогомъ разстройства государственныхъ финансовъ; съ тѣхъ поръ страною управляли два Дельяниса —младшій, Николай, и старшій, Теодоръ, увлекшій Грецію на путь военной предпріимчивости,—и финансы запутались сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Съ нѣмецкой точки зрѣнія государство, не умѣющее устраивать свои внутреннія хозяйственныя дѣла и неспособное уплачивать свои долги, лишается права на уваженіе и довѣріе.

Но это строгое и разумное правило нуждается въ небольшой поправкѣ или, вѣрнѣе, прибавкѣ: надо сказать, что для крупныхъ государствъ, какъ, напр., для Турціи, устанавливается одна мѣрка, а для малыхъ и слабыхъ—другая. Германская дипломатія весьма снисходительно относится къ Портѣ и къ султану, хотя турецкое хозяйничанье было всегда и остается понынѣ идеаломъ безпорядка, произвола и беззаконія. Единственная область, въ которой турки сохраняютъ искусство организаціи и управленія, и гдѣ они обнаруживаютъ также

Digitized by Google

свои дѣльныя качества и дарованія,—это область военная; но армія турецкая хороша только во время войны, а въ мирное время часть ея занимается грабительствомъ и періодическими нападеніями на христіанъ, такъ какъ служащіе въ войскѣ, подобно и чинамъ администраціи, рѣдко получаютъ жалованье изъ казначейства. Можно и слѣдуетъ осуждать правителей Греціи за ея внутренніе непорядки; но нельзя же отдавать предъ нею преимущество Турціи, гдѣ всякія неурядицы и безчинства лежатъ какъ бы въ основѣ самаго существованія государства. Турки „вошли въ почетъ", потому что побили грековъ: соотвѣтствуетъ ли такой мотивъ „почета" современному культурному состоянію передовыхъ народовъ Европы?

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1897.

— Сборникъ Т. Филиппова. Спб. 1896.

Этотъ интересный сборникъ, какъ объяснено въ предисловіи, есть дополненіе къ другому, изданному въ 1882 г., подъ заглавіемъ: „Современные церковные вопросы". Статьи того перваго сборника относились къ двумъ расколамъ, удручающимъ восточное православіе — греко-болгарскому и русскому старообрядческому; теперь почтенный Т. И. Филипповъ собралъ все остальное, что было имъ напечатано за сорокъ слишкомъ лѣтъ (1854—1895). Единство всей этой пестрой по содержанію книгѣ дается только личностью автора и нераздѣльнымъ съ этою личностью прекраснымъ русскимъ языкомъ. Нѣкоторая архаичность отдѣльныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, доходящихъ иногда до вычурности, есть неотъемлемая особенность стиля, которую мы не поставимъ въ упрекъ почтенному автору, какъ мы не порицаемъ „Василія Блаженнаго" за сложные завитки его куполовъ.

Умственные интересы автора, отразившіеся въ его писаніяхъ, весьма разнообразны. Независимо отъ церковныхъ вопросовъ, занимающихъ видное мѣсто и въ настоящемъ сборникѣ, почтенный государственный дѣятель выступаетъ здѣсь какъ педагогъ (статьи „о началахъ русскаго воспитанія" и „о преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ"); какъ литературный критикъ и моралистъ (статья о комедіи Островскаго); какъ изслѣдователь славяно-русскаго корнесловія (разборъ книги Ѳ. И. Буслаева и „грамматическая замѣтка"); какъ ревнитель народнаго образованія („записка о народныхъ училищахъ"); наконецъ, какъ любитель и знатокъ народныхъ пѣсенъ (предисловіе къ сборнику пѣсенъ). Едва ли найдутся читатели, для которыхъ всѣ эти предметы одинаково занимательны, но, конечно, всякій образованный русскій читатель найдетъ для себя что-нибудь интересное или поучительное въ книгѣ Т. И. Фи-

Digitized by Google

липпова. Многосторонность автора какъ бы олицетворяется при концѣ книги въ трехъ весьма симпатичныхъ, но весьма между собою далекихъ покойникахъ, которымъ посвящены три одинаково-прочувствованные и прекрасные некролога. Эти лица—многоученый и святой по жизни протоіерей А. В. Горскій, талантливый эротическій поэтъ въ античномъ родѣ и язвительный эпиграмматистъ Н. Ѳ. Щербина и знаменитый разсказчикъ бытовыхъ сценъ И. Ѳ. Горбуновъ.

Въ общемъ книга производитъ впечатлѣніе почтеннаго историческаго памятника недавней старины. Для цѣльности и невозмутимости этого впечатлѣнія, желательно было бы исключеніе одной статьи, именно записки о народныхъ училищахъ, составленной въ 1862 г. Мы желали бы этого исключенія, конечно, не по несогласію съ основною мыслью автора о необходимости религіознаго основанія для народной школы. Въ этомъ пунктѣ, кажется, всѣ у насъ согласны. По крайней мѣрѣ въ русской печати не приходилось встрѣчать противоположнаго мнѣнія. Но какая можетъ быть связь между безспорною необходимостью религіознаго образованія и вопросомъ о передачѣ народныхъ школъ въ то или другое бюрократическое вѣдомство, напримѣръ въ „духовное вѣдомство православнаго исповѣданія“? При всемъ къ нему уваженіи, развѣ есть какое-нибудь основаніе предполагать, что чиновники этого вѣдомства отличаются особенною способностью къ воспитанію вообще и къ религіозному воспитанію въ частности? Что касается до священныхъ лицъ духовнаго званія, по самой профессіи своей связанныхъ съ религіей, хотя, конечно, и не всегда въ полной мѣрѣ оправдывающихъ эту связь,—то вѣдь ихъ участіе одинаково обязательно у насъ для школъ всѣхъ вѣдомствъ, да и программы по закону Божію во всѣхъ народныхъ школахъ одинаковы [1]). Впрочемъ, главное наше возраженіе противъ названной статьи относится не къ этому слишкомъ распространенному смѣшенію религіи съ извѣстнымъ вѣдомствомъ, а къ совершенно непонятному на первый взглядъ фактическому недоразумѣнію, жертвою котораго сдѣлался почтенный сочинитель. На стр. 139 и слѣд. читаемъ: „Если до послѣдняго времени [2]) учительная дѣятельность русскаго духовенства не произвела плодовъ, которыми бы могла гордиться исторія нашего просвѣщенія, то причины тому скрываются во множествѣ различныхъ обстоятельствъ нашей общественной жизни: въ жалкомъ состояніи нашего про-

[1]) Превосходное и никакихъ сомнѣній не оставляющее разъясненіе этого вопроса дано московскимъ земскимъ дѣятелемъ Ѳ. Д. Самаринымъ въ обширной и замѣчательной запискѣ, напечатанной, къ сожалѣнію, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. См. также компетентныя сужденія извѣстнаго педагога Н. М. Горбова въ „Православномъ Обозрѣніи“ и въ „Вѣстникѣ Европы“.

[2]) Относится, какъ сказано, къ 1862 г.

Digitized by Google

свѣщенія вообще, въ стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи духовенства, у котораго отняты были средства даже къ собственному образованію, и наконецъ въ крѣпостной зависимости цѣлой половины народа, державшей его во мракѣ и вредно дѣйствовавшей на общій строй русской жизни.

„Но лишь только человѣколюбіе Царя изрекло слово народнаго освобожденія и лишь только освобожденный народъ съ неимовѣрною, всѣхъ изумившею жаждою, столь противуположной его прежнему равнодушію, устремился къ ученію, русское духовенство явило не менѣе изумительную готовность и способность послужить впервые возникшей и съ каждымъ днемъ усиливающейся потребности народа. Въ теченіе 2—3 лѣтъ оно успѣло учредить по всему необъятному пространству русской земли такое количество народныхъ школъ, которое могло бы показаться невѣроятнымъ, еслибы не было вполнѣ достовѣрнымъ и несомнѣнно засвидѣтельствованнымъ. Общее число ихъ въ настоящее время простирается до 18.229, что̀ составляетъ ³/₄ числа приходскихъ сельскихъ церквей въ Россіи“...

„Развѣ есть,—читаемъ далѣе,—какая-нибудь и для кого бы то ни было (для лицъ, корпорацій, учрежденій и т. д.) возможность въ теченіе 2—3 лѣтъ завести около 20.000 училищъ? Но между тѣмъ это повидимому невозможное и невообразимое явленіе есть совершившееся и никакому сомнѣнію не подлежащее событіе; совершитель этого событія есть русское духовенство. Можно этому радоваться или этимъ огорчаться, видѣть въ этомъ средство къ спасенію народа, или къ утвержденію въ немъ суевѣрія,—это зависитъ отъ личныхъ расположеній и взглядовъ каждаго; но никто не можетъ отвергнуть того, что ³/₄ всѣхъ сельскихъ церквей въ Россіи имѣютъ при себѣ народныя училища, благодаря усердію и жертвамъ нищаго русскаго духовенства“.

Смѣемъ увѣрить почтеннаго сочинителя, что, вмѣсто: „никто не можетъ отвергнуть“, на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы поставить: „никто не можетъ *не отвергнуть*“,—до тѣхъ поръ во всякомъ случаѣ, пока не будетъ удовлетворительно отвѣчено на слѣдующіе вопросы:

1) Какимъ образомъ между 1861 годомъ, когда у *освобожденнаго* народа явилась жажда образованія, впервые побудившая духовенство къ дѣятельному созиданію школъ, и 1862 годомъ, когда составлена записка о результатахъ этой дѣятельности, могутъ помѣститься тѣ *два* или *три* года, о которыхъ говорится въ запискѣ?

2) Откуда взята, чѣмъ и какъ удостовѣрена цифра 18.229?

3) Куда дѣвались всѣ эти якобы дѣйствительно учрежденныя и существовавшія школы?

Безъ отвѣта на эти вопросы, кромѣ чуда внезапнаго возникнове-

Digitized by Google

нія толикаго множества училищъ, приходится принять еще чудо ихъ внезапнаго исчезновенія, а для нѣкотораго, хотя и недостаточнаго объясненія перваго чуда, допустить третье, еще болѣе противное чину естества—чудо двухлѣтняго, или трехлѣтняго промежутка между извѣстнымъ годомъ и непосредственно за нимъ слѣдующимъ. Прежде, чѣмъ подчиниться столь тяжкимъ для ума требованіямъ, мы желали бы во всякомъ случаѣ знать что-нибудь о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ мы должны это сдѣлать и относительно которыхъ почтенный авторъ оставляетъ насъ въ полной неизвѣстности.

Загадочны, конечно, не тѣ чудеса, о которыхъ сообщаетъ намъ записка (они просто невозможны), а лишь увѣренность почтеннаго автора въ этихъ чудесахъ и въ нашей готовности принять ихъ на слово. Ни о какихъ сомнѣніяхъ въ добросовѣстности этихъ увѣреній не можетъ быть рѣчи; ибо кромѣ почтеннаго имени, удаляющаго всякую тѣнь подозрѣнія, легко понять, что для намѣреннаго введенія въ заблужденіе нужно было бы что-нибудь болѣе правдоподобное, чѣмъ тѣ мнимые факты, о которыхъ сообщается въ запискѣ. Итакъ, здѣсь есть дѣйствительная загадка, единственнымъ разрѣшеніемъ которой представляется намъ слѣдующее.

Тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, когда составлялась записка о народныхъ училищахъ, ея почтенный авторъ еще не успѣлъ къ пріобрѣтенному въ московскихъ кружкахъ идеализму присовокупить ту бюрократическую опытность, которая по общему признанію нынѣ его украшаетъ. Чей-нибудь досужій *проектъ* церковно-приходскихъ школъ съ исчисленіемъ предполагаемаго ихъ количества былъ принятъ москвичемъ-идеалистомъ, неофитомъ петербургскихъ канцелярій, за *отчетъ* о дѣйствительномъ положеніи дѣла и послужилъ основаніемъ для восторженной записки. А въ настоящій сборникъ эта записка попала, вѣроятно, по недосмотру, который насъ даже не слишкомъ удивляетъ, ибо мы знаемъ, что подобныя, хотя и меньшія несчастія, случались и съ другими авторами, почтенными во многихъ отношеніяхъ, но имѣвшими слабость видѣть нѣкоторую неприкосновенную святыню во всѣхъ произведеніяхъ своего пера. Настоящій случай доказываетъ, что это естественное чувство имѣетъ свои опасности, и что нужно съ осмотрительностью примѣнять къ изданію своихъ писаній знаменитое правило: *еже писахъ, писахъ!* Какъ бы то ни было, прискорбный недосмотръ легко можетъ быть исправленъ при второмъ изданіи, котораго мы отъ души желаемъ этой почтенной книгѣ.

Въ тѣхъ же видахъ укажемъ и на нѣсколько строкъ въ предисловіи, которыя требуютъ оговорки, или поясненія. Авторъ съ негодованіемъ возстаетъ противъ „усвоенной нами злой и безстыдной привычки чернить клиръ единовѣрныхъ намъ церквей“—и въ особенности

Digitized by Google

церкви константинопольской, „союзомъ съ которою, вмѣстѣ съ другими патріаршими престолами, охраняется и *опредѣляется* наша вѣрность православному исповѣданію“. Слово „опредѣляется“, подчеркнутое самимъ авторомъ, вызываетъ недоумѣніе. Мы всегда полагали, что вѣрность православному исповѣданію опредѣляется лишь внутреннимъ союзомъ человѣка съ Христомъ и съ Духомъ Истины въ Немъ, а что внѣшній союзъ съ извѣстными религіозными учрежденіями можетъ быть лишь слѣдствіемъ общей вѣрности—ихъ и нашей—Христу и духу Его, а никакъ не опредѣляющимъ *основаніемъ* такой вѣрности. Т. И. Филипповъ можетъ держаться другого мнѣнія, но можно ли ставить кому-либо въ вину извѣстное отношеніе къ греческой іерархіи только потому, что это отношеніе несогласно съ чьимъ-либо личнымъ мнѣніемъ о значеніи этой іерархіи. Вѣдь православные противники константинопольскаго клира дозволяютъ себѣ такое къ нему отношеніе именно потому, что не принимаютъ союзъ съ этимъ клиромъ за опредѣляющее основаніе православной вѣры; и прежде, чѣмъ обвинять ихъ за это въ злодѣйствѣ, слѣдовало бы принципіально опровергнуть ихъ мнѣніе на безспорной и для нихъ почвѣ Св. Писанія и вселенскаго преданія.

Въ концѣ предисловія Т. И. Филипповъ, заявивъ, что предстоитъ передъ читателемъ „какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго“, считаетъ однако нужнымъ оговориться: „Есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ.—„Ни! но и худшій пса“,—сказалъ бы я такому охранителю, который своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣданіе“. Хотя мы рѣшительно не догадываемся, какіе опричники и какіе охранители, худшіе пса, могутъ здѣсь разумѣться, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу досточтимому автору это указаніе, что и охранительное направленіе можетъ быть одобряемо лишь въ извѣстныхъ нравственныхъ предѣлахъ.

На этомъ признаніи мы и закончимъ нашъ краткій отзывъ, еще разъ рекомендуя вниманію читателей интересную книгу почтеннаго государственнаго дѣятеля.

Вл. С.

Digitized by Google

Въ маѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андресъ, Е. А.—Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Физіологія рѣчи, гигіена рѣчи, курсы для заикающихся. Опытъ руководства для родителей и воспитателей. Съ рис. Кронштадтъ. 97. Стр. 182. Ц. 1 р. 75 коп.

Барджій, А. Э.—Невмѣненіе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. Кіевъ. 97. Стр. 125. Ц. 80 к.

Будкевичъ, Ф. П.—Новая система гражданскаго права (брошюра). Варш. 97. Стр. 23.

Веберъ, К.—Сыровареніе. Руководство къ производству швейцарскаго сыра, приготовленію бакштейна и маслодѣлію. Съ 87 рис. Спб. 97. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 коп.

Венеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XIII: Барсуковъ-Башуцкій. Спб. 97. Стр. 144.

Верекундовъ, С. П.—Вліяніе городского фильтра на брюшной тифъ въ С.-Петербургѣ. Диссертація на степень д-ра медицины. Спб. 97. Стр. 78.

Водовозовъ, Н.—Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. М. 97. Стр. 218. Ц. 2 р.

Волкова, М. М., ж.-вр.—О вліяніи велосипеда на здоровье женщины. Двѣ лекціи. Спб. 97. Ц. 75.

Гексли, Т.—О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Перев. съ англ. Н. Березина. Спб. 97. Стр. 146. Ц. 60 к.

Гёте.—Фаустъ, траг. Перев. А. И. Мамонтова. М. 97. Стр. 345. Ц. 1 р. 25 коп.

Гретъ, В.—Изъ хроники одного города. Повѣсть. Белебей, 97. Стр. 156.

Гуревичъ, Л. Я.—Плоскогорье. Ром. въ 5 ч. Спб. 97. Стр. 359. Ц. 1 р. 25 коп.

Дарвинъ, Г.—Происхожденіе видовъ въ изложеніи Анны Трачевской. Спб. 97. Стр. 337. Ц. 50 к.

Демковъ, М. И.—Исторія русской педагогіи. Ч. II: Новая русская педагогія (XVIII в.). Спб. 97. Стр. 691. Ц. 4 р.

Езерская, Л. О.—Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Харьк. 97. Стр. 56.

Желиховская, В. П.—Наши родичи. Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ. Очерки и разсказы. Спб. 97. Стр. 187. Ц. 50 к.

Жукъ, В. Н.—Ребенокъ. Общедоступная гигіена. Од. 97. Стр. 268. Ц. 1 р.

Заболотный, В.—Философскій эскизъ на почвѣ субъективности, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастіе? Варш. 97. Стр. 88. Ц. 80 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).—Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 399. Ц. 1 р.

Зелинскій, В.—Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. М. 97. Стр. 233. Ц. 1 р.

Кадеръ, С.—Винная регалія и монопольная система. Ист.-эконом. очеркъ. Витебскъ, 97. Стр. 93. Ц. 1 р.

Каракашъ, Н. И.—Мѣловыя отложенія сѣвернаго склона главнаго кавказскаго хребта и ихъ фауна. Спб. 97. Стр. 205.

Digitized by Google

Карновичъ, Е.—Русскіе чиновники въ былое и въ настоящее время. Спб. 97. Стр. 128. Ц. 50 к.

Карышевъ, Н.—Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. Спб. 97. Стр. 600.

Клейнъ, Г.—Астрономическіе вечера. М. 97. Стр. 507. Ц. 2 р.

Кнаппъ, І. Ф.—Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 97. Стр. 67. Ц. 50 к.

Короленко, Влад.—Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изд. 3-е. Спб. 97. Стр. 362. Ц. 1 р.

Котовичъ, И. Ѳ.—Х-лучи Рентгена и значеніе ихъ для медицины вообще и военной хирургіи въ особенности. М. 97. Стр. 36.

Крюковъ, Н. А.—Опытъ описанія землепользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амурской и Приморской областей. М. 96. Стр. 214.

——— Нѣкоторыя данныя о положеніи рыболовства въ Приамурскомъ краѣ. Спб. 94. Стр. 86.

Лашковъ, Ѳ.—Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Симферопол. 97. Стр. 310.

Лансонъ, Г.—Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Перев. съ франц. п. р. П. Морозова. Спб. 97. Ц. 1 р.

Ледневъ, П.—Кристаллы духа и отношеніе духа и матеріи. Трудъ въ двухъ частяхъ, съ 40 табл. разноцвѣтныхъ чертежей. М. 97. Стр. 205. Ц. 1 р. 75 к.

Лункевичъ, В. В.—Популярная біологія. Съ 208 рис. Спб. 97. Стр. 449. Ц. 2 р.

Льдовъ, К.—Лирическія стихотворенія. Спб. 97. Стр. 191. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Дикое счастье. Романъ. М. 97. Стр. 264. Ц. 1 р

Миллъ, Д. С.—Система логики силлогистической и индивидуальной. Изложеніе принциповъ очевидности въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англ. п. р. В. Н. Ивановскаго. Ч. I. М. 97. Стр. 119. Подписная ц. 3 р.

Мискорсвъ, протоіер. А. А.—Краткій историко-статистическій очеркъ. Томскъ 97. Стр. 76.

Москвичъ, Григ.—Иллюстрированный практическій путеводитель по Кавказу. Од. 97. Стр. 632. Ц. 1 р. 50 коп.

——— Практическій путеводитель по Крыму. Од. 97. Стр. 510. Ц. 1 р.

Неймайеръ, М., проф.—Исторія земли. Вып. 3 и 4. Перев. п. р. проф. А. А. Иностранцева. Всего 30 вып. (2 больш. тома). Около 1.000 рис. Ц. за 30 вып. по подп. 11 р. Отдѣльные вып. по 50 коп. Спб. 97. Стр. 89—184.

Новичъ, Н.—Мадьярскіе поэты. Спб. 97. Стр. 131. Ц. 45 к.

Осиповъ, Н.—Пособіе для устройства промышленныхъ артелей съ проектомъ ихъ образцоваго устава и съ приложеніемъ утвержд. уставовъ 22 артелей. Спб. 97. Стр. 181. Ц. 1 р.

Поллокъ, Ф.—Исторія политическихъ ученій. Перев. съ англ. А. М. Гердъ. Спб. 97. Стр. 128. Ц. 50 к.

Поповъ, Б. Н.—Стихотворенія. Т. II. Харьк. 97. Стр. 323. Ц. 1 р. 50 к.

Ратнеръ, Е. А.—О вліяніи натуральной и газированной бутылочной Ессентукской воды № 17 на усвоеніе и обмѣнъ азота смѣшанной пищи у здоровыхъ людей. Спб. 97. Стр. 53.

Руссель, Дж.—Народные университеты въ Англіи и Америкѣ. Перев. съ англ. Л. С. Зака. Од. 97. Стр. 129. Ц. 50 коп.

Святловскій, В. В.—Путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ

Digitized by Google

Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки, Кисловодскъ. Съ 4 фот. и 22 цинкограф. Пятигорскъ, 97. Стр. 307. Ц. 50 коп.

Сенкевичъ, Г.—На свѣтломъ берегу. Повѣсть и разсказы. Спб. 97. Стр. 316. Ц. 1 р. 25 к.

Спенсеръ. Герб.—Классификація наукъ. Перев. Н. Н. Спиридонова. М. 97. Стр. 133. Ц. 50 коп.

Тенишевъ, В. Н.—Дѣятельность человѣка. Спб. 97. Стр. 189. Ц. 1 р.

Толмачевъ. И. Н.—Юго-западный край. Статистическое обозрѣніе. Т. I: Восточное Полѣсье. Кіевъ, 97. Стр. 480. Ц. 3 р. 50 к.

Трубецкой, кн. Евгеній.—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI-мъ вѣкѣ. Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ, его современниковъ. Вып. 2. Кіевъ, 97. Стр. 367—511. Ц. за 2 вып. 2 р. 50 к.

Тулубъ, П. А.—Изъ замѣтокъ и наблюденій мирового судьи. Спб. 97. Стр. 66.

Фругъ, С. Г.—Стихотворенія. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 97. Стр. 318. Ц. 1 р. 75 к.

Циммерманъ, Эд.—Очерки американскаго сельскаго хозяйства. М 97. Стр. 120. Ц. 80 к.

Чаннингъ, Э.—Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ. Перев. съ англ. Е. И. Бошнякъ. Съ прилож. 3 картъ. М. 97. Стр. 424. Ц. 1 р.

Шабанова, д-ръ А. Н.—О подаяніи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Спб. 97. Стр. 89. Ц. 75 к.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Вып. XIX. Спб. 97. Стр. 401—448. Подп. цѣна 7 руб.

Шершеневичъ, Г.—Очерки по исторіи кодификаціи гражданскаго права. I. Франція. Каз. 97. Стр. 61. Ц. 50 коп.

Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Т. I. Спб. 97. Стр. 436.

Шиппель, М.—Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. съ нѣм. п. р. П. Струве. Спб. 97. Стр. 102. Ц. 50 к

Штальберъ, В.—Гуманность въ исторіи человѣчества. Перев. съ нѣм. Н. Леонтьевой. Спб. 97. Стр. 294. Ц. 80 к.

Этаръ—Новѣйшія химическія теоріи. Перев. съ франц. Б. Билингъ, съ 58 рис. Спб. 97. Стр. 138. Ц. 75 к.

— Архивъ князя Воронцова. Кн. VII. М. 95. Стр. 188. Ц. 2 р.

— Изданія И. Жиркова: Для школъ и грамотнаго народа. № 17: Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. Герои долга. М. 96. Стр. 38. Ц. 5 к. № 18, С. Т. Семеновъ: Дичокъ. М. 96. Стр. 30. Ц. 3 к.

— Изданія Историческаго Общества при Имп. Москов. Университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. Годъ I. М. 96. Стр. 217. Ц. 1 р. 50 к.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1896 г. М. 97. Стр. 29.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Fernand Vanderem. Les Deux Rives. Roman. Paris, 1897. Стр. 397.

Фернандъ Вандеремъ—молодой романистъ, обратившій на себя вниманіе уже нѣсколькими романами, чисто психологическаго характера. Если среди молодыхъ французскихъ писателей чувствуется стремленіе создавать новые мотивы въ искусствѣ, попытка ввести въ художественныя произведенія философскія и эстетическія идеи, волнующія современность, то это не мѣшаетъ всѣмъ установившимся литературнымъ формамъ развиваться своимъ путемъ. Въ особенности это можно сказать о такъ-называемомъ „романѣ парижскихъ нравовъ". Критика нерѣдко нападала на условность романовъ этого рода, рисующихъ въ большинствѣ случаевъ одну среду — праздное, скучающее свѣтское общество, употребляющее свои досуги для культа утонченной психологіи; она указывала на отсутствіе внутренняго смысла въ изображаемыхъ трагикомедіяхъ—изъ жизни спортсменовъ и свѣтскихъ куколъ. Но богатство матеріала психологическаго и бытописательнаго продолжаетъ приковывать вниманіе романистовъ все къ той же свободной въ своемъ бездѣйствіи средѣ, и каждый новый романистъ старается внести свою ноту, то скорбную и нравоучительную, то равнодушно-насмѣшливую, въ изображеніе все тѣхъ же сюжетовъ и тѣхъ же рамокъ: женъ, обманывающихъ мужей, то съ однимъ, то съ двумя, то съ тремя друзьями (число возлюбленныхъ обыкновенно составляетъ различіе между романами), равнодушіе или усталость героевъ, — или отчаяніе, если они молоды; затѣмъ вся серія зрѣлищъ, на которыя собирается весь Парижъ: прогулки въ Булонскомъ лѣсу, concours hippique, „вторники" въ Théâtre Français, вечера, пріемные дни въ отеляхъ Елисейскихъ-Полей и парка Монсо, и т. д. Все это можно встрѣтить въ каждомъ новомъ романѣ, вмѣстѣ съ описаніемъ салоновъ моднаго дамскаго портного. Такая же мода существуетъ и на окраску все тѣхъ же безсодержательныхъ сердечныхъ приключеній, отождествляющихъ парижанокъ свѣта и полусвѣта въ ихъ общей охотѣ за развлеченіями и роскошью. Буржé рисовалъ и рисуетъ „порчу нравовъ" психологически, т.-е. интересуясь только анализомъ всякаго душевнаго дви-

Digitized by Google

женія своихъ героевъ, даже въ то время, когда они заняты самыми не-психологичными мелочами жизни. Онъ только любопытствуетъ и умножаетъ подробности и оттѣнки. За нимъ то же самое продѣлывается и его послѣдователями,—и въ результатѣ получается безотрадная картина пустоты и ненужности всѣхъ этихъ одинаковыхъ людей и событій. При всемъ талантѣ нѣкоторыхъ представителей психологическаго романа, какъ, напр., Бурже, читатель неизбѣжно чувствуетъ плоскость самаго жанра, замѣняющаго изученіе человѣческой души, въ ея серьезныхъ проявленіяхъ, самодовольнымъ изображеніемъ внѣшней элегантности и суетливости, представляющей какъ бы суррогатъ истинной психологіи. Другой романистъ, Марсель Превò, внесъ новую ноту въ „романъ парижскихъ нравовъ“: онъ обличаетъ свѣтъ, судитъ его во имя морали и чистоты, и съ спокойной совѣстью моралиста развертываетъ до послѣднихъ подробностей всю закулисную грязь изящныхъ парижскихъ салоновъ.

Фернандъ Вандеремъ принадлежитъ скорѣе всего къ школѣ Прево, —въ его романахъ тоже сквозитъ проповѣдь чистоты и отрицательное отношеніе къ свѣтской средѣ, которую онъ описываетъ. Среди другихъ романистовъ этого направленія онъ выдѣляется большей искренностью. Онъ не ищетъ искусственнаго примиренія, избѣгаетъ слащавыхъ развязокъ, къ которымъ склонны французскіе романисты подъ вліяніемъ чуждыхъ имъ по природѣ „толстовскихъ“ идей. Ф. Вандеремъ исходитъ изъ нравственнаго идеала, и это придаетъ его пессимизму благородный, идейный оттѣнокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не извращаетъ дѣйствительности и показываетъ естественный результатъ данныхъ условій, безъ внезапныхъ нравственныхъ метаморфозъ, которыми такъ богаты французскіе романы послѣдняго времени. Романы Вандерема кончаются печально, — развращенность и пустота жизни ведутъ къ нравственной смерти и къ торжеству буржуазныхъ началъ.

Такова идея одного изъ его романовъ—„La Cendre“. Герой его принадлежитъ къ обычному типу; это—свѣтскій человѣкъ, художникъ-дилеттантъ, занятый главнымъ образомъ своими сложными романтическими приключеніями. Одну изъ своихъ возлюбленныхъ онъ любитъ „большой любовью“ — amour-passion, и въ этомъ его несчастье. Она не только обманываетъ мужа ради него,—это онъ ей вполнѣ прощаетъ,— но и его самого ради другихъ сердечныхъ капризовъ. Когда онъ окончательно разрываетъ сношенія съ ней, прежде всего онъ—въ ужасѣ отъ мысли, что больше не придется писать писемъ, ждать отвѣтовъ, выдумывать всякія хитрости, чтобы уличить вѣроломную и все-таки любимую красавицу, и т. д. Въ этотъ моментъ банкротство души, изъѣденной не чувствомъ, а капризами чувственности и слабой воли, безпощадно сказывается и толкаетъ молодого художника на игру стра-

Digitized by Google

стей, еще болѣе безсодержательныхъ. Онъ мститъ той, которая предала его, заставляя страдать другихъ женщинъ. Конечный ударъ наноситъ ему его первая возлюбленная, которую онъ встрѣчаетъ случайно послѣ очень долгой разлуки, и которой онъ предлагаетъ нѣчто весьма оригинальное: обмануть своего новаго друга, на свиданіе съ которымъ она, очевидно, направляется, и провести день съ старымъ, т.-е. съ нимъ самимъ. Ея уставшее воображеніе радо новой комбинаціи, и она принимаетъ предложеніе художника. Въ бесѣдѣ съ нимъ она потомъ сознается, что любила его—шесть недѣль. Мысль о томъ, что эти шесть недѣль ея любви опустошили его душу навсегда, вызываетъ въ немъ ярость ко всему его прошлому. Въ немъ умираетъ единственное нѣжное чувство къ женщинѣ, отнявшей у него своимъ признаніемъ даже радость воспоминаній. Онъ чувствуетъ себя отнынѣ мертвымъ—и черезъ нѣсколько недѣль его знакомые получаютъ извѣщеніе о бракѣ его съ молодой дѣвушкой „изъ лучшаго общества".

Новый романъ г. Вандерема, „Les Deux Rives", обнаруживаетъ въ авторѣ не столько психолога, сколько трезваго наблюдателя внѣшней жизни Парижа, той совокупности внѣшнихъ вліяній и условій, которая замѣняетъ у среднихъ людей индивидуальность душевнаго міра. Психологическій романъ выродился, какъ мы видимъ, въ современной французской беллетристикѣ въ рядъ клишѐ — въ изображеніе всегда одной и той же праздной женщины въ ея сношеніяхъ со столь же однообразно скучающими свѣтскими фатами. Поэтому если писатель оставляетъ на время изученіе „нюансовъ чувствъ" и ищетъ на поверхности широкой столичной жизни новыхъ типовъ, онъ несомнѣнно возбудитъ вниманіе читающей публики. Психологія интересна—лишь когда она открываетъ глубокое, затаенное въ человѣческой душѣ, а не мелочи сердечной суеты. Если же писатель стремится возсоздать дѣйствительность и черпать изъ нея уроки жизни, онъ этого можетъ достигнуть гораздо вѣрнѣе изображеніемъ какъ можно болѣе разнообразныхъ типовъ и явленій. Романъ Вандерема встрѣтилъ большое сочувствіе въ критикѣ именно благодаря обогащенію обычной темы романовъ новыми элементами. Въ центрѣ романа „Les Deux Rives" есть неминуемая свѣтская кокетка. Авторъ даже намѣренно не уклоняется отъ общепринятаго типа героинь—она нужна ему какъ воплощеніе одной изъ сторонъ парижской жизни, и онъ не прибавляетъ ни одной новой черты къ условной фигурѣ обманывающей и въ свою очередь обманываемой женщины свѣта. Но г. Вандеремъ видитъ въ ней и въ окружающихъ ее людяхъ чисто бытовое явленіе, и это обусловливаетъ замыселъ романа. Отъ лица одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа г. Вандеремъ создаетъ теорію дѣленія Парижа на два совершенно противоположныхъ міра; на лѣвомъ берегу Сены разстилается

Digitized by Google

правовѣрный Сіонъ, на правомъ—грѣшная Гоморра. Въ Сіонѣ, т.-е. въ Латинскомъ кварталѣ и въ окрестностяхъ Académie Française — родина добродѣтели, науки и вѣры. Тамъ скромные и работящіе люди хранятъ традиціи честности и правды. Гоморра—правый берегъ Сены—царство порока, распущенности и безчестія. Въ ней ютится разнузданная космополитическая толпа, объединенная общей жаждой золота; биржевая спекуляція является основнымъ принципомъ жизни, женщины равны мужчинамъ, мошенничество и развратъ идутъ рука объ руку. Цѣлые кварталы Парижа заполонены этимъ пагубнымъ населеніемъ, эксплуатирующимъ всю страну для удовлетворенія своей жажды удовольствій. Правый берегъ — городъ, на которомъ тяготѣетъ проклятіе Божіе.

Эта теорія представлена намѣренно рѣзкой. Она создана однимъ озлобленнымъ неудачникомъ, который утѣшается только сознаніемъ своей неиспорченности. Но за преувеличенными нападками и проклятіями эльзасскаго еврея Шлейфмана и его друга, отставного полковника, чувствуется намѣреніе автора показать, какъ въ самомъ Парижѣ, „столицѣ изъ столицъ“, сохранились нетронутые нравы; какъ спокойно течетъ жизнь цѣлыхъ поколѣній ученыхъ, не подозрѣвающихъ тѣхъ крайнихъ выводовъ идей и теорій, которыя зрѣютъ въ тишинѣ старыхъ кварталовъ, въ тѣни старинныхъ церквей и вѣковыхъ деревьевъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ строительной лихорадки спекуляторовъ. Идея противопоставить двѣ стороны культурной жизни—крайне любопытна: съ одной стороны, происходитъ незамѣтная, глухая, идейная метаморфоза,—подъ вліяніемъ научныхъ открытій и философскихъ спекуляцій мѣняется міросозерцаніе, отживаютъ культурные принципы цѣлыхъ поколѣній, мѣняется оцѣнка чувствъ и поступковъ. Но настоящіе виновники этихъ культурныхъ переворотовъ слишкомъ близки къ самимъ источникамъ, чтобы послѣдніе выводы ихъ же ученій отозвались на ихъ жизни. Создавая будущее въ мірѣ идей, они продолжаютъ жить устарѣлыми формами жизни, ихъ нравы настолько же просты, насколько сложна культура, расцвѣтающая подъ ихъ вліяніемъ, но далеко отъ ихъ непосредственнаго поля дѣйствія. Тамъ — на другомъ берегу—знаютъ лишь выводы и легкомысленно извлекаютъ изъ нихъ только то, что непосредственно можетъ служить жизни и оправдать лихорадочную погоню за радостями жизни. Нравы извѣстной культурной эпохи—въ тѣсной зависимости отъ философскихъ и научныхъ идей, но, существуя параллельно, они не могутъ слиться, и даже если случай заставляетъ придти въ соприкосновеніе представителей той и другой стороны одной и той же эпохи, — одного и другого берега — то послѣ взаимныхъ разочарованій каждый неизмѣнно вернется къ себѣ, въ свою сторону жизни—исполнять свое назначеніе.

Digitized by Google

Общеніе двухъ различныхъ элементовъ, безсознательно совершающихъ одно и то же историческое дѣло, невозможно.

Этотъ философскій, или, вѣрнѣе, историко-культурной смыслъ романа замаскированъ чисто-иравоописательной стороной его. Ф. Вандеремъ изображаетъ не только противоположные элементы культурной жизни вообще, но въ частности нравы и типы различныхъ слоевъ парижскаго общества. Ученый міръ представленъ въ лицѣ академика Рендаля и его семьи. Рендаль занятъ своими книгами, кротко переноситъ ханжество своей жены и работаетъ совмѣстно со своей дочерью, служащей ему секретаремъ. Мирное теченіе жизни ученаго нарушается иногда вечерами у его коллегъ по академіи. Рендаль, чтобы выдать замужъ свою дочь, не отказывается отъ свѣтскихъ пріемовъ, хотя вечера и общеніе съ посѣтителями салоновъ нарушаютъ его привычки кабинетнаго ученаго. На одномъ изъ такихъ вечеровъ происходитъ сближеніе міра научнаго, представленнаго Рендалемъ, съ чисто-свѣтскимъ обществомъ. Почтенный ученый привлекъ вниманіе профановъ своей работой изъ исторіи Египта; предметъ его работы—Клеопатра и общество ея эпохи. Одной изъ легкомысленнѣйшихъ красавицъ „праваго берега“, m-me Шамбанъ, приходитъ въ голову мысль приручить ученаго профессора и сдѣлать этимъ непріятность своему невѣрному поклоннику. Для нея, конечно, заигрываніе съ Рендалемъ—простая шутка, которую она обрываетъ, какъ только къ ней возвращается вѣроломный Жеральдъ; но Рендаль, проживши всю жизнь въ пыльной атмосферѣ книгъ, поддается чуждому ему обаянію красоты и счастья и отдается всей душой неожиданно нахлынувшему на него чувству. Тѣмъ мучительнѣе для него разочарованіе въ тотъ моментъ, какъ оно наступаетъ. Самый романъ Рендаля и m-me Шамбанъ даетъ автору случай изобразить въ нѣсколько сатирическомъ тонѣ общество того и другого изъ героевъ, т.-е. академическіе салоны, гдѣ избирательная политика ведется съ такимъ же усердіемъ, какъ въ политическихъ кругахъ, и свѣтское общество, готовое преклоняться предъ героемъ моды—будь то ученый или герой недавняго скандала—и съ той же безпечностью забывать его въ слѣдующую минуту. Жизнь m-me Шамбанъ и приглашенныхъ ею гостей въ ея помѣстьѣ изображена очень удачно въ нѣсколькихъ сценахъ. Попавшій туда Рендаль оказывается единственно искреннимъ человѣкомъ, и тѣмъ самымъ становится жертвой окружающей лжи. Онъ дорого платится за свое минутное увлеченіе, за то, что, покинувъ тихій берегъ идейной жизни, онъ пріобщился чуждой ему суеты. Романъ оканчивается разрывомъ непримиримыхъ элементовъ столичной жизни. На похоронахъ брата Рендаля присутствуетъ семья профессора, испытавшая много горя за время его увлеченія свѣтской жизнью; присутствуетъ и m-me Шамбанъ съ

Digitized by Google

своимъ мужемъ и вернувшимся къ ней поклонникомъ. Послѣ похоронъ обѣ семьи садятся каждая въ свою карету. „Лошади тронули одновременно, и обѣ кареты повернули каждая въ противоположную сторону: одна быстро понеслась въ элегантные кварталы праваго берега, другая медленно пробиралась въ глубь лѣваго берега".

Интересны въ романѣ двѣ фигуры „философовъ въ жизни"—полковника Рендаля, грознаго обличителя столичныхъ страстей, и Шлейфмана, созидателя теоріи о „двухъ берегахъ". Конечно и тотъ, и другой испытываютъ на себѣ страсти, ими же обличаемыя; Рендаль громитъ биржу и умираетъ, проигравъ всѣ свои сбереженія. Шлейфманъ болѣе послѣдователенъ; всѣ его увлеченія и нравственныя паденія—въ прошломъ, и тѣмъ страстнѣе его безпощадныя обвиненія, его страсть „выводить на свѣжую воду" суетныхъ аристократовъ и дѣльцовъ.

II.

E. Vigié-Lecocq. La Poésie Contemporaine. Paris. 1897. Стр. 288.

Въ критической литературѣ современной Франціи рѣдко появляются за послѣднее время книги общаго, синтезирующаго характера. Вліяніе журналистики сказалось въ области критики, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ. Каждое новое художественное произведеніе, каждый обратившій на себя вниманіе авторъ обсуждается въ газетныхъ и журнальныхъ замѣткахъ и статьяхъ, и затѣмъ тѣ же статьи, послѣ извѣстнаго промежутка времени, переносятся въ литературные сборники; въ большинствѣ случаевъ только индивидуальность автора объединяетъ его критическіе очерки, отражающіе текущую литературную жизнь, почти изо дня въ день. Если личность самого критика интересна, т.-е. если о литературныхъ вопросахъ дня говорятъ Жюль Леметръ, Фагѣ, Анатоль Франсъ и другіе столь же талантливые писатели, книги ихъ представляютъ непосредственно художественный интересъ; но общей оцѣнки литературной жизни Франціи нельзя искать въ разрозненныхъ очеркахъ случайныхъ литературныхъ явленій. Когда писатель не вноситъ обобщающей идеи въ оцѣнку литературы своего времени, и одинаково разсматриваетъ всѣ явленія, не выбирая изъ нихъ только характерныя и типичныя,—онъ измѣняетъ одному изъ существенныхъ принциповъ критики и перестаетъ быть идейнымъ руководителемъ общества. Даже въ самыхъ выдающихся французскихъ критикахъ чувствуется отсутствіе цѣльнаго міросозерцанія, придающаго идейную глубину чисто литературнымъ оцѣнкамъ. Не даромъ насмѣшливый Барбэ д'Оревильи называлъ Сентъ-Бёва „femme des lettres", указывая

Digitized by Google

на отсутствіе философскаго критерія въ его литературныхъ портретахъ. Еще болѣе замѣтна случайность сужденій въ новѣйшихъ критикахъ,—многіе изъ нихъ возводятъ даже безпринципность, такъ сказать, въ принципъ эстетической критики и дѣлаютъ изъ своего скептицизма символъ вѣры. Вкусъ замѣняетъ у нихъ убѣжденія, и тѣмъ самымъ критика объединяется со всѣми проявленіями духовной жизни страны. Всякому серьезному наблюдателю Франціи нашихъ дней бросается въ глаза виртуозность, крайнее совершенство формы, утонченность зрѣлищъ въ жизни и въ искусствѣ. Но форма все исчерпываетъ и ничего за собой не скрываетъ. Въ искусствѣ и литературѣ царствуетъ очень тонкій, проницательный умъ и очень утонченные нервы, воспріимчивые къ неуловимымъ оттѣнкамъ ощущеній. Конечно, это царство ума и нервовъ возвышеннѣе преобладанія плоти, и современное французское искусство имѣетъ совершенно особое обаяніе высокой культуры. Но въ немъ постоянно чувствуется отсутствіе того, что составляетъ душу красоты—внутреннее идейное содержаніе.

Среди критической литературы, о которой мы говоримъ, книга Вижье-Лекока составляетъ исключеніе. Она не представляетъ законченной характеристики современной французской поэзіи, но является попыткой нѣкотораго синтеза. Авторъ не занимается оцѣнкой отдѣльныхъ поэтовъ разныхъ литературныхъ группъ, а разбирается въ общихъ свойствахъ современной поэзіи и указываетъ на развитіе отдѣльныхъ мотивовъ поэзіи у новѣйшихъ ея представителей. Показывая, какую окраску приняли у современныхъ поэтовъ чувство природы, любовь, религіозное чувство и т. д., онъ воспроизводитъ всѣ элементы новѣйшаго міросозерцанія и отражающей его эстетики. Изъ книги его мы не вынесемъ литературныхъ сужденій о талантѣ разныхъ поэтовъ, но узнаемъ нѣчто столь же, если не болѣе существенное, т.-е. идейную жизнь литературной эпохи и связанныя съ общимъ міросозерцаніемъ формы поэтическаго творчества.

Вижье-Лекокъ говоритъ о современной поэзіи, не дѣля ее на отдѣльныя школы, и протестуетъ противъ обычнаго дѣленія французской лирики нашего вѣка на три смѣнившія одно другое теченія: романтизмъ, парнасскую поэзію и символизмъ. Среди романтиковъ, провозглашавшихъ на весь міръ свои страданія и свои радости, было много чисто эпическихъ талантовъ, много поэтовъ, у которыхъ совершенство стиха связано съ холодностью души, какъ, напр., у Теофиля Готье, автора „Emaux et Camées“. Готье—одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ романтиковъ: онъ былъ паладиномъ Виктора Гюго во время бурныхъ представленій „Эрнани“, и его знаменитый красный жилетъ пріобрѣлъ историческую славу въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Но тотъ же Готье—учитель поэтовъ парнасской школы, созидавшихъ „непогрѣшимыя

Digitized by Google

формы" и стремившихся быть безмятежными какъ статуи. И наконецъ, тому же Готье, „чародѣю французскаго стиха", посвящены „Fleurs de Mal" Бодлэра, родоначальника новой поэзіи.

Такимъ образомъ, рѣзкія грани, устанавливаемыя критикой между нѣсколькими поколѣніями поэтовъ, исчезаютъ передъ духовнымъ родствомъ смѣняющихся поколѣній. Вижье-Лекокъ наблюдаетъ это въ особенности въ новѣйшихъ поэтахъ, близкихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ романтикамъ, и въ то же время наслѣдникахъ парнасской школы съ ея стремленіями къ техническому совершенству. Въ новой французской лирикѣ совершилась эволюція, вызванная общимъ идейнымъ движеніемъ, но нѣтъ въ ней намѣреннаго протеста противъ всего прежняго, какъ это утверждаютъ нѣкоторые критики. Разсматривая новыхъ поэтовъ въ связи съ унаслѣдованными ими отъ прежнихъ поколѣній формами и настроеніями, Вижье-Лекокъ даетъ представленіе о современной поэзіи, какъ о нормальномъ развитіи художественныхъ элементовъ цѣлаго вѣка.

Основныя черты современной поэзіи—индивидуализмъ и лиризмъ—онъ находитъ въ Ламартинѣ и другихъ романтикахъ, а склонность новыхъ поэтовъ жить общими настроеніями съ природой онъ видитъ уже вполнѣ отраженной въ пантеистической поэзіи Гёте. Давая общее опредѣленіе современной поэзіи, Вижье-Лекокъ видитъ въ ней исполненіе формулы Гёте. „Бо́льшая часть современныхъ поэтовъ,—говоритъ критикъ,—понимаютъ поэзію, какъ понималъ Гёте: тамъ, гдѣ кончается жизнь, начинается искусство. Современная поэзія человѣчна, потому что выражаетъ только то, что́ заключено въ человѣкѣ, но она создаетъ красоту, воплощая мечты, т.-е. продолженіе жизни въ безконечномъ, магическую фантазію человѣка, его неопредѣлимыя желанія,—весь смутный пантеизмъ, который смѣшиваетъ душу съ природой, придавая послѣдней достаточно сознательной жизни для того, чтобы она могла погрузить насъ въ волшебный сонъ".

Говоря о выразителяхъ этихъ общихъ стремленій, Вижье-Лекокъ выказываетъ много оптимизма, полагая, что конецъ XIX вѣка можно сопоставить съ началомъ его по количеству поэтическихъ талантовъ. Онъ приводитъ имена Анри Реньé, Роденбаха, Варгерена (Varhaeren), Реттэ и др. изъ новѣйшихъ, рядомъ съ поколѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ Бодлэра и съ цѣлой серіею молодыхъ поэтовъ, талантъ которыхъ еще не вполнѣ опредѣлился. Но не въ этихъ краткихъ оцѣнкахъ отдѣльныхъ поэтовъ—интересъ книги Вижье-Лекока, а въ той общей психологіи современности, которую онъ даетъ. Матеріалъ у него обширный,—онъ имѣетъ въ виду поэтовъ всѣхъ направленій, и тѣмъ яснѣе выступаетъ въ его изложеніи эволюція основныхъ темъ поэзіи у современныхъ ея представителей.

Digitized by Google

Наиболѣе цѣнное пріобрѣтеніе современной лирики—это крайнее развитіе чувства природы. Можно сказать, что она проникла въ поэзію только съ началомъ нашего вѣка. Описаній природы было достаточно въ прежніе вѣка, но они, за немногими исключеніями, не отражали соотношеній человѣка и природы, а давали только мертвыя рамки. Въ XVIII в., во Франціи пользовался необычайной славой аббатъ Деллиль своими учеными описаніями въ стихахъ, а между тѣмъ онъ былъ безконечно далекъ отъ знанія и пониманія природы,—онъ изучалъ природу въ „салонахъ", по выраженію его же современника. Романтизмъ сразу поставилъ рѣзкую грань между собой и минувшимъ вѣкомъ, ожививъ природу для искусства; идя по намѣченному романтиками пути, французская лирика пришла къ теперешнему полному расцвѣту, къ тому проникновенію каждымъ оттѣнкомъ жизни въ природѣ, дальше котораго почти нельзя идти. Въ этомъ связь конца вѣка съ его началомъ, романтизма съ поэтами, которыхъ иногда называютъ нео-романтиками. Многое измѣнилось въ общемъ характерѣ двухъ литературныхъ эпохъ, отдѣленныхъ цѣлымъ вѣкомъ національной и идейной жизни; но лирика, исходящая изъ чувства природы, еще близка теперь къ своему романтическому источнику, несмотря на различіе окраски этого чувства у новѣйшихъ лириковъ. Критикъ сравниваетъ отношеніе къ природѣ у представителей смѣнявшихъ одно другое теченій въ поэзіи. „Для романтиковъ,—говоритъ онъ,—пейзажъ представлялъ симпатичныя или безразличныя рамки меланхоличной души, волновалъ воспоминаніями о происходившихъ среди нихъ душевныхъ событіяхъ. Иногда самыя рамки затемняли своимъ блескомъ идеи и чувства, изображенныя въ нихъ, какъ, напр., у Виктора Гюго. Иногда, напротивъ того, пейзажъ сливался съ настроеніями, какъ, напр., у Ламартина, уже столь близкаго къ символизму". Для „парнасцевъ", любившихъ всего болѣе пластическую красоту, природа заполняетъ всю картину; идея паритъ гдѣ-то внѣ, далекая, холодная, и настроеніе скрывается за внѣшнимъ обликомъ предметовъ.

Въ поэзіи нашихъ дней уже нѣтъ точныхъ, подробныхъ и блестящихъ описаній, замѣняющихъ собой все другое; нѣтъ привязанности къ мѣстамъ, освященнымъ воспоминаніями; нѣтъ остроумно придуманныхъ соотношеній человѣка къ внѣшней природѣ. Все это смѣнилось какимъ-то болѣе полнымъ слияніемъ съ природой: природа живетъ сама по себѣ, внѣ тѣхъ идей, которыя воплощаются въ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ ней полно, для человѣка, особаго внутренняго значенія, которое онъ воспринимаетъ въ красотѣ внѣшнихъ формъ.

Самое пониманіе природы измѣнилось въ новой французской лирикѣ подъ двойнымъ вліяніемъ итальянскаго юга и сѣвера. Музыка и драмы Вагнера, флорентійское искусство и вліяніе русскихъ художни-

Digitized by Google

ковъ и англійскихъ поэтовъ и живописцевъ,—все это породило у новыхъ поэтовъ любовь къ сѣверу, къ его стертымъ и грустнымъ краскамъ. Критикъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ этого исканія въ природѣ то туманной, то золотистой атмосферы, которою французскіе лирики охотнѣе всего облекаютъ свои мечты. Въ описаніяхъ Роденбаха особенно богата гамма сѣрыхъ, осеннихъ тоновъ: онъ говоритъ о „сѣрости сѣвернаго неба, оставшейся въ душѣ его“ (Le gris des ciels du Nord dans mon âme est resté), „какъ видимый цвѣтъ молчанія“ (Il était la couleur sensible du Silence). Варгеренъ, заканчивая грустную тихую сцену, прибавляетъ: „Это было въ какой-то старинной сѣверной странѣ—не знаю гдѣ. Это было въ старинномъ сѣверномъ сердцѣ — въ моемъ“ (C'est quelque part en un très vieux pays du Nord—le sais je?—Mais c'est vraiment dans un vieux coeur du Nord—en moi). Ренье постоянно говоритъ въ своихъ стихахъ о „блѣдныхъ долинахъ“, „усталомъ розовомъ цвѣтѣ“ сѣверныхъ закатовъ, „мертвой осени“, и т. д.

Въ общемъ, любовь къ природѣ, порожденная романтиками, развилась въ поэзіи нашихъ дней въ болѣе тѣсное единеніе съ внѣшнимъ міромъ, и тѣмъ самымъ создала богатство настроеній, незнакомыхъ первымъ пѣвцамъ природы, какъ Ламартинъ, де-Виньи и др.

Другой изъ вѣчныхъ элементовъ поэзіи — любовь. Вижье-Лекокъ видитъ въ пониманіи этого чувства современными поэтами продолженіе романтическихъ идеаловъ, т.-е. развитіе крайняго индивидуализма, исканіе самого себя въ чувствахъ, поднимающихъ интенсивность душевной жизни. Философское пониманіе любви у современныхъ поэтовъ чуждо бурныхъ страстей романтической эпохи; но въ немъ есть чисто-романтическое стремленіе вернуться къ простотѣ первобытныхъ, наивныхъ чувствъ. Анри де-Ренье видитъ въ любви возвратъ къ инстинктивной жизни, временное исцѣленіе отъ мученій слишкомъ развитой мысли. То же отношеніе къ любви сказывается у Мориса Барреса, у котораго желаніе опроститься и слиться съ жизнью природы доходитъ до крайнихъ предѣловъ.

Но на ряду съ подобнымъ пониманіемъ любви, во французской лирикѣ сказывается еще иной, болѣзненный элементъ, внесенный Бодлэромъ,—исканіе контрастовъ, сближеніе любви и смерти, дерзновенное презрѣніе къ природѣ и простымъ чувствамъ, и т. д. Послѣ Бодлэра созданныя имъ направленія утвердились во французской лирикѣ, придавая особую напряженность и остроту поэзіи чувствъ. Говоря о нихъ, Вижье-Лекокъ говоритъ о мистицизмѣ новой поэзіи, при чемъ опять-таки считаетъ этотъ мистицизмъ унаслѣдованнымъ отъ прежнихъ поколѣній.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Альтруизмъ“, Вижье-Лекокъ разсма-

Digitized by Google

триваетъ нѣсколько поэмъ, вдохновленныхъ мечтами освободить людей отъ тяготѣющихъ на нихъ страданій. Наиболѣе типичными въ этомъ отношеніи кажутся ему поэмы Реттэ: „Similitudes“ и „Forêt Bruissante“. Въ первой изъ нихъ представленъ человѣкъ, вѣчно побѣждаемый въ борьбѣ противъ общества; во-второй воспѣвается побѣда человѣка надъ связывавшими его предразсудками и шествіе въ новую Аркадію, свободную и счастливую. Объ поэмы по формѣ своей —символическія, и, разбирая ихъ, критикъ показываетъ эволюцію гуманитарныхъ чувствъ въ поэзіи. Прежнія жалобы о людскихъ несчастіяхъ смѣнились воспѣваніемъ анархическихъ идеаловъ, исканіемъ свободы, какъ единственнаго, кажущагося несомнѣннымъ, источника счастія для каждаго человѣка.

Такимъ образомъ, разсматривая отдѣльные мотивы современной поэзіи, Вижье Лекокъ видитъ въ нихъ прежде всего тѣсную связь съ предъидущими литературными эпохами. Онъ отрицаетъ у новыхъ поэтовъ ту крайнюю оригинальность, которую нѣкоторые критики имъ ставятъ въ заслугу, а очень многіе—въ упрекъ. Но почти во всѣхъ областяхъ лирической поэзіи онъ видитъ развитіе намѣченныхъ ранѣе мотивовъ. Лирическое чувство какъ бы расширилось, сдѣлалось болѣе утонченнымъ и болѣе внимательнымъ къ природѣ, болѣе углубленнымъ по отношенію къ событіямъ внутренней жизни, болѣе смѣлымъ и дерзновеннымъ въ своемъ идеализмѣ и мистицизмѣ. Только въ этомъ общемъ смыслѣ Вижье Лекокъ и говоритъ о современномъ ростѣ лирики во Франціи. Онъ не даетъ оцѣнки отдѣльныхъ поэтовъ и не показываетъ, насколько современнымъ французскимъ поэтамъ удалось воплотить свои намѣренія и свои идеалистическіе порывы.—З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1897.

Новыя общества грамотности.—Распоряженія въ области начальной школы.—Вопросъ о народной читальнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Московскій городской голова.—„Пріемъ ироніи", употребленный проф. Исаевымъ.—Юбилей А. Г. Небольсина. — М. В. Трубникова и Н. А. Любимовъ †.—P. S. Еще статьи „Москов. Вѣдомостей" о дворянскомъ вопросѣ.

Полтора года тому назадъ въ Россіи не было болѣе дѣятельныхъ частныхъ обществъ, чѣмъ оба комитета грамотности, петербургскій и московскій. Изданія ихъ быстро слѣдовали одно за другимъ, снабжая народъ хорошо избраннымъ, общедоступнымъ и по содержанію, и по цѣнѣ, матеріаломъ для чтенія, угрожая подорвать господство лубочной литературы; одна за другою возникали, по почину комитетовъ и отчасти на собранныя ими средства, народныя читальни и библіотеки; предпринимались широкія изслѣдованія, имѣвшія цѣлью привести въ ясность современное положеніе начальной школы и осуществимость перехода къ всеобщему обученію; совѣтамъ комитетовъ помогали безвозмездно десятки, сотни молодыхъ тружениковъ. Закрытіе комитетовъ и замѣна ихъ обществами грамотности, устроенными на совершенно иныхъ началахъ [1]), сразу остановило всю эту плодотворную работу. Ходъ дѣла, въ Петербургѣ и Москвѣ, былъ не совсѣмъ одинаковъ, но результаты и тамъ, и тутъ вполнѣ аналогичны. Въ Петербургѣ всѣ члены совѣта и значительная часть членовъ комитета сложили съ себя свои званія; тѣ немногіе члены комитета, которые, перейдя въ общество грамотности, явились въ общее его собраніе (въ апрѣлѣ 1896 г.), не нашли возможнымъ приступить къ избранію правленія, пока не будетъ пересмотрѣнъ уставъ общества; съ тѣхъ поръ о дѣятельности общества ничего не слышно, хотя предсѣдателемъ его давно уже назначено министерствомъ сначала одно, потомъ (за отъѣздомъ его изъ Петербурга) другое лицо,—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что правленіе общества до сихъ поръ еще не избрано. Въ Москвѣ общество грамотности организовалось довольно скоро, но вслѣдъ затѣмъ въ немъ произошелъ расколъ: часть членовъ вышла изъ его состава, вслѣдствіе несогласія большинства возбудить ходатайство объ измѣненіи устава общества. Въ дѣятельности московскаго

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1896 г.

Digitized by Google

общества затишье, повидимому, еще не прекратилось. Чрезвычайно велика потеря, причиненная и причиняемая всѣмъ этимъ дѣлу народнаго образованія. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, частная инициатива, частная самодѣятельность — нѣчто хрупкое, требующее бережнаго ухода. Далеко не всегда ей удается сложиться, окрѣпнуть, преодолѣть препятствія, которыя она на каждомъ шагу встрѣчаетъ; тѣмъ болѣе цѣнно сохраненіе за нею однажды пріобрѣтенной силы—силы, ростущей прямо пропорціонально продолжительности и прочности ея существованія. Остановить ея работу воздѣйствіемъ извнѣ чрезвычайно легко—но до крайности трудно возобновить прерванное дѣло, особенно при условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прежними. Задача народнаго образованія такъ безконечно велика, что цѣлесообразнымъ можетъ быть признано здѣсь только увеличеніе числа рабочихъ силъ, а отнюдь не замѣна однѣхъ другими. Поставленное *рядомъ* съ комитетомъ грамотности, полубюрократическое общество грамотности могло бы принести свою долю пользы; поставленное *на мѣсто* комитета, оно безсильно пополнить пробѣлъ, оставленный послѣднимъ. Исчезаетъ, безслѣдно и безплодно, вся та громадная сумма энергіи, которая была накоплена комитетами грамотности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что открытія новыхъ путей въ сферѣ внѣшкольнаго образованія народа въ настоящую минуту можно ожидать скорѣе отъ провинціальныхъ обществъ грамотности, сохранившихъ характеръ частныхъ учрежденій, чѣмъ отъ столичныхъ, обращенныхъ какъ бы въ отдѣленія департаментовъ министерства народнаго просвѣщенія.

Говоря о потерѣ, причиненной дѣлу народнаго образованія упраздненіемъ комитетовъ грамотности, мы исходили, конечно, изъ того предположенія, что для народа желательна не одна только грамотность, въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, а наравнѣ съ школьнымъ обученіемъ въ высшей степени важно и внѣ-школьное, расширяющее и укрѣпляющее свѣденія, пріобрѣтенныя въ школѣ. Оказывается, однако, что существуетъ и противоположный взглядъ, и существуетъ, притомъ, въ такимъ сферахъ, гдѣ для него, повидимому, всего менѣе должно быть мѣста. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ инспекторъ народныхъ училищъ московскаго уѣзда, г. Кноблахъ, разослалъ во всѣ воскресныя школы своего района циркулярное предписаніе, слѣдующимъ образомъ опредѣляющее „конечную цѣль“ обученія въ воскресныхъ школахъ: „Надлежитъ научить учащихся сознательно молиться Богу, *механически* (*безсознательно?*) *читать* по книгамъ гражданской и церковно-славянской печати, *мало-мальски писать* и считать по возможности до 1000“. За неисполненіе этого предписанія учащимъ грозитъ „строгая отвѣтственность“! Итакъ, если ученикъ

Digitized by Google

попроситъ у учителя разъясненія встрѣченныхъ имъ при чтеніи непонятныхъ словъ и выраженій, учитель, подъ опасеніемъ „строгой отвѣтственности“, обязанъ отвѣчать ему: „это не твоего ума дѣло, читай безъ разсужденій“! Не только свѣтскія—даже церковныя книги взрослый крестьянинъ долженъ читать, ничего въ нихъ не понимая! Къ чему же, въ такомъ случаѣ, обучать его чтенію, къ чему плодить гоголевскихъ Петрушекъ? Вѣдь даже Фамусовъ требовалъ отъ своего Петрушки, чтобы онъ читалъ съ „чувствомъ, толкомъ“! Безсознательное, механическое чтеніе являлось до сихъ поръ фактическимъ, весьма печальнымъ результатомъ плохого обученія въ школѣ грамоты, или у какого-нибудь самоучки-грамотея—но оно никогда, сколько намъ извѣстно, не провозглашалось какъ принципъ, не возводилось на степень требованія. Если изъ какой-нибудь школы грамоты, благодаря счастливой случайности, ученики выносятъ умѣнье сознательно относиться къ прочитанному, учитель, вѣроятно, обращаетъ на себя вниманіе экзаменатора и удостоивается похвалы или награды—а учителю школы высшаго типа угрожаетъ за это наказаніе! Циркуляръ г. Кноблаха—это, въ одно и то же время, насмѣшка надъ народнымъ образованіемъ и выраженіе глубокой вражды къ нему. Возставать противъ сознательнаго чтенія, значитъ стоять за народное невѣжество, въ худшей его формѣ. Кто пріобрѣлъ въ школѣ одно лишь механическое умѣнье читать, тотъ не только скоро его потеряетъ, за отсутствіемъ интереса къ его поддержкѣ, но и проникнется отвращеніемъ къ ученью, совершенно правильно усматривая въ немъ напрасную трату времени и труда. Насколько школа, соотвѣтствующая своему призванію, развиваетъ въ народѣ уваженіе къ знанію, пониманіе его пользы и, слѣдовательно, желаніе учить подростающее поколѣніе, настолько школа, обучающая механическому чтенію и не смѣющая сдѣлать ни шагу дальше, подрываетъ либо охоту учить и учиться, либо довѣріе къ учащимъ. Тамъ, гдѣ школъ мало и онѣ существуютъ недавно, вѣроятнѣе первое; тамъ, гдѣ онѣ вошли въ народный обиходъ — вѣроятнѣе второе. Въ московскомъ уѣздѣ воскресныя школы, устроенныя согласно съ предписаніемъ г. Кноблаха, едва ли убѣдятъ народъ въ безполезности ученья; онѣ заставятъ его только задуматься надъ вопросомъ, почему въ нихъ учатъ такъ плохо и такъ мало?.. Намъ не вѣрится, впрочемъ, чтобы распоряженіе г. Кноблаха могло остаться неотмѣненнымъ — а еслибы, паче чаянія, оно сохранило свою силу, то намъ не вѣрится въ дальнѣйшее существованіе воскресныхъ школъ въ московскомъ уѣздѣ.

Въ менѣе рѣзкой формѣ основная мысль, внушившая циркуляръ г. инспектора народныхъ училищъ московскаго уѣзда, слышится и въ циркулярѣ попечителя московскаго учебнаго округа, о которомъ со-

Digitized by Google

общаютъ изъ Торжка „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ (№ 107). Этимъ послѣднимъ циркуляромъ *строго* воспрещено преподаваніе въ земскихъ начальныхъ школахъ географіи и исторіи по учебникамъ Рождественскаго, Острогорскаго, Пуцыковича, Меча, и велѣно ограничиваться тѣми только свѣденіями по этимъ предметамъ, которыя находятся въ классныхъ книгахъ для чтенія, одобренныхъ для употребленія въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ учебниковъ и учебныхъ пособій. Такъ какъ правильное, систематическое *преподаваніе* въ начальныхъ школахъ исторіи и географіи невозможно уже вслѣдствіе краткости учебнаго курса и обусловливаемаго ею недостатка времени, то циркуляръ г. попечителя можетъ быть понимаемъ только въ смыслѣ запрещенія *читать въ классѣ* вышеупомянутые учебники, запрещенія трудно объяснимаго, такъ какъ бо̀льшая ихъ часть входитъ въ число книгъ, допущенныхъ въ *ученическія* библіотеки начальныхъ училищъ. Другими словами, читать внѣ класса хотя бы учебникъ Рождественскаго (состоявшаго директоромъ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи) ученикъ начальной школы можетъ, а читать его въ классѣ вмѣстѣ съ учителемъ не можетъ. Почему? Не потому ли, что въ большинствѣ случаевъ книга нѣсколько трудная для пониманія вовсе не будетъ читаться учениками, если ихъ не ознакомитъ съ нею учитель? Не потому ли, что существуетъ стремленіе уменьшить запасъ знаній, выносимый ученикомъ изъ начальной школы, и противодѣйствовать развитію привычки къ серьезному чтенію? Какой и для кого могъ бы произойти вредъ, еслибы способный и опытный учитель, исчерпавъ, скорѣе обыкновеннаго, скудное содержаніе „классныхъ книгъ для чтенія“, перешелъ, хотя бы съ частью учениковъ, къ болѣе труднымъ, но зато и болѣе интереснымъ книгамъ школьной библіотеки? Допущеніе ихъ въ составъ библіотеки гарантируетъ ихъ безукоризненность съ цензурной точки зрѣнія; если, несмотря на это, знакомство съ ними признается нежелательнымъ, то не обнаруживается ли здѣсь какого-то противорѣчія между показными и настоящими задачами школы? Не берется ли назадъ одною рукой—данное другою? Одно изъ двухъ: или „простому народу“ не подобаетъ пріобрѣтать историческія и географическія свѣденія—въ такомъ случаѣ для сочиненій по этой части не должно быть мѣста въ школьныхъ и народныхъ библіотекахъ; или нѣтъ причины скрывать отъ народа прошлое и настоящее земли—а въ такомъ случаѣ нѣтъ причины сводить къ минимуму или къ нулю историко-географическій матеріалъ для класснаго чтенія въ начальной школѣ.

Чѣмъ меньше даетъ народу начальная школа, тѣмъ важнѣе для него возможность внѣ-школьныхъ занятій, въ особенности чтенія. Далеко не вездѣ, къ сожалѣнію, дѣлается въ этомъ отношеніи

Digitized by Google

даже то немногое, что̀ допускается дѣйствующими правилами. Въ такомъ городѣ, напримѣръ, какъ Нижній-Новгородъ, до сихъ поръ нѣтъ городской общественной читальни. Въ 1895 г., одинъ изъ гласныхъ нижегородской думы (В. М. Волковъ) предложилъ открыть на городской счетъ народную читальню, и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ повторялъ это предложеніе—но дума, подъ предлогомъ недостатка средствъ, все еще не рѣшается удовлетворить одну изъ самыхъ вопіющихъ потребностей населенія. Говоримъ: *подъ предлогомъ*, потому, что въ то же самое время у города находятся средства на расходы гораздо менѣе настоятельные—на электрическое освѣщеніе, на асфальтовые тротуары, на постройку городского театра. Правда, Нижній-Новгородъ тратитъ очень много на обязательные расходы, тяжело ложащіеся на городскіе финансы: городская полиція обходится ему въ 55 тыс. руб. ежегодно, полиція рѣчная—въ 9 тыс. руб., содержаніе разныхъ правительственныхъ учрежденій—въ 19 тыс. руб., между тѣмъ какъ именно въ Нижнемъ, вслѣдствіе особенностей его положенія, значительная часть этихъ затратъ имѣетъ характеръ не городской, а обще-государственный. Но вотъ что̀ странно: когда тотъ же гласный Волковъ предложилъ думѣ возбудить ходатайство о принятіи нѣкоторыхъ изъ числа обязательныхъ расходовъ на счетъ казны, дума оставила его предложеніе безъ обсужденія. Что̀ могло помѣшать ей высказаться за мѣру, успѣхъ которой создалъ бы совершенно новыя, въ высшей степени благопріятныя условія для городского хозяйства? Многія губернскія земства (въ томъ числѣ одно изъ осторожнѣйшихъ—с.-петербургское) возбудили въ продолженіе послѣдней сессіи ходатайства о сложеніи съ нихъ тѣхъ или другихъ обязательныхъ расходовъ; ихъ примѣру послѣдовали, если мы не ошибаемся, и нѣкоторыя городскія думы. Исходъ ходатайствъ зависитъ, конечно, отъ правительственной власти, но неужели у органовъ самоуправленія могутъ быть какія-либо сомнѣнія относительно ненормальности порядка, низводящаго ихъ по нѣкоторымъ отраслямъ хозяйства на степень простыхъ сборщиковъ налога, расходуемаго безъ всякаго ихъ участія и притомъ не на надобности мѣстнаго населенія?

Въ области городского самоуправленія, со времени изданія Городового Положенія 1892 г., совершается вообще мало утѣшительнаго. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить здѣсь такой фактъ, какъ отказъ новаго московскаго городского головы, кн. В. М. Голицына, отъ добавочной суммы въ 18 тыс. руб., назначенной думою въ дополненіе къ прежнему содержанію городского головы (12 тыс. руб.). Оставляя въ сторонѣ слухи и толки о причинахъ, вызвавшихъ это назначеніе, достаточно замѣтить, что для увеличенія въ $2^1/_2$ раза содержанія городского головы не было никакихъ разумныхъ основаній, а съ состояніемъ москов-

Digitized by Google

скихъ городскихъ финансовъ, далеко не удовлетворительнымъ, оно не гармонировало вовсе. Правда, московскому городскому головѣ приходится иногда дѣлать экстра-ординарныя затраты, но онѣ могутъ быть покрываемы экстра-ординарными кредитами, на что совершенно вѣрно и указалъ кн. Голицынъ. „Престижъ", покупаемый деньгами, городскому головѣ совсѣмъ ненуженъ; городъ ожидаетъ отъ него не показной роскоши, а серьезной работы. Кн. Голицынъ остался вѣренъ самому себѣ; какъ гласный, онъ подалъ голосъ противъ добавочнаго содержанія; какъ голова онъ не захотѣлъ принять его. Это хорошее предзнаменованіе для новаго періода московской городской жизни; но для того, чтобы онъ былъ дѣйствительно новымъ, необходимо, чтобы въ городской думѣ перестали господствовать теченія, сдѣлавшія возможнымъ непомѣрное возвышеніе содержанія городского головы.

—

Съ мѣсяцъ тому назадъ въ нашей журналистикѣ произошелъ печальный инцидентъ, о которомъ, какъ намъ кажется, не въ правѣ умолчать ни одинъ изъ органовъ печати. Въ редакцію „Новаго Времени" было прислано, отъ имени проф. В. Г. Яроцкаго, сообщеніе о томъ, что онъ работаетъ надъ обширнымъ трудомъ: „Дешевый хлѣбъ есть источникъ благополучія для всей русской экономической жизни". Оказалось, что проф. Яроцкій подобной книги не пишетъ и писать не думалъ, а слѣдовательно и сообщенія о ней въ „Новое Время" не посылалъ. Нѣсколько позже былъ обнаруженъ и „авторъ" сообщенія— проф. А. А. Исаевъ. Признавая, что сообщеніе написано и послано имъ, г. Исаевъ въ письмѣ, адресованномъ въ „Новое Время", объяснилъ, что это было съ его стороны способомъ борьбы противъ извѣстной книги о „Вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ" [1]), защитникомъ которой выступилъ въ Вольномъ экономическомъ обществѣ проф. Яроцкій. Исходя изъ убѣжденія, что коллективная работа, исполненная подъ руководствомъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова, внушаетъ слишкомъ оптимистическое отношеніе къ русскому экономическому быту и оправдываетъ вредныя для народа мѣропріятія, г. Исаевъ рѣшилъ, что ее нельзя оцѣнивать только какъ научно-обработанный статистическій матеріалъ, какъ „предметъ спокойныхъ академическихъ преній", а нужно бороться съ нею, какъ съ книгой, „практическое вліяніе которой крайне нежелательно". Отсюда рѣзкость открытыхъ нападеній его на редакторовъ сборника, отсюда же и „пріемъ ироніи", допущенный имъ по отношенію къ В. Г. Яроцкому... Съ нашей точки зрѣнія, въ объясненіи г. Исаева невѣрно все, съ начала до конца.

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

Невѣрно, прежде всего, чтобы книга о „Вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ“ была явленіемъ вреднымъ, требовавшимъ усиленнаго, экстраординарнаго отпора со стороны той общественной группы, къ которой принадлежитъ по своимъ взглядамъ г. Исаевъ. Невѣрно, чтобы въ полемикѣ съ авторами и редакторами этого труда, тѣмъ болѣе съ его защитниками въ ученыхъ обществахъ или въ печати нельзя было соблюсти „спокойствіе академическихъ преній“. По этимъ двумъ вопросамъ возможно, впрочемъ, различіе мнѣній, и мы не поставили бы въ вину г. Исаеву ни приподнятость тона, ни даже нѣкоторую несдержанность выраженій, лишь бы только она не доходила до *заподозриванія намѣреній*, для котораго не было ни малѣйшаго повода ни въ содержаніи книги, ни въ прошедшемъ ея редакторовъ и сотрудниковъ. Удержать г. Исаева отъ обвиненій, по меньшей мѣрѣ легкомысленныхъ, должно было уже то явное недоброжелательство, съ которымъ отнеслась къ книгѣ о „Вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ“ реакціонная печать,—уже это одно должно было показать ему, что въ „оптимизмѣ“ книги нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ интересами народа. Глубоко несправедливыя, ни для чего ненужныя, ни въ чемъ не колеблющія внутреннюю силу оспариваемыхъ взглядовъ, выходки г. Исаева противъ гг. Чупрова и Посникова имѣли, однако, одно отрицательное достоинство: онѣ шли *прямо* отъ его имени, онѣ были высказаны открыто и допускали опроверженіе, по крайней мѣрѣ настолько, насколько оно вообще въ подобныхъ случаяхъ возможно. Прецедентовъ полемики, переносящей общій вопросъ на личную почву, исторія нашей литературы представляетъ, къ сожалѣнію, не мало, но едва ли въ ней когда-либо встрѣчался „пріемъ ироніи“, допущенный г. Исаевымъ по отношенію къ г. Яроцкому. Самая форма этого пріема—замаскированность, употребленіе чужого имени—дѣлаетъ его настолько же несовмѣстнымъ съ нормальными литературными обычаями и нравами, насколько анонимныя письма несовмѣстны съ нормальными условіями общежитія. Правда, сообщеніе, появившееся въ „Новомъ Времени“, не было „оскорбительно для добраго имени проф. Яроцкаго“, но оно содержало въ себѣ завѣдомую неправду, и этого вполнѣ достаточно для его осужденія. Прибѣгая къ такому оружію, никогда нельзя знать заранѣе, какія раны оно нанесетъ, кого и какъ задѣнетъ: въ данномъ случаѣ, напримѣръ, обнаруженіе мистификаціи, пока не былъ раскрытъ ея виновникъ (а между обоими фактами прошло болѣе двухъ недѣль) навлекло совершенно неосновательно подозрѣніе на университетскихъ конкуррентовъ г. Яроцкаго. Еслибы авторъ письма остался неизвѣстенъ, а это, вѣроятно, входило въ его разсчеты, подозрѣніе осталось бы неснятымъ, нашлись бы и такіе скептики, которые не повѣрили бы опроверженію г. Яроцкаго и продолжали бы думать, что

Digitized by Google

онъ хотѣлъ написать книгу на тему о всеобщемъ благополучіи, доставляемомъ дешевизною хлѣба... Аргументація г. Исаева никого, повидимому, не убѣдила; открыто, по крайней мѣрѣ, никто не сталъ на его сторону. Этому нельзя не порадоваться: нежелательныхъ полемическихъ пріемовъ въ нашей печати безъ того не мало, и присоединеніе къ нимъ еще „пріема іроніи“ было бы слишкомъ прискорбно.

Поступокъ г. Исаева сдѣлался предметомъ эксплуатаціи со стороны „охранительной“ печати. „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили предсказать, что г. Исаеву „все простится, потому что онъ принадлежитъ къ либеральной партіи“. Этого мало: онѣ попробовали связать образъ дѣйствій г. Исаева съ „обычными либеральными пріемами борьбы“, въ числѣ которыхъ „наиболѣе дѣйствительными считаются ложь и клевета“. Предсказаніе, какъ извѣстно, не сбылось, а несбывшіяся предсказанія всегда обрушиваются на голову лже-пророковъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ огульныхъ обвиненіяхъ, о попыткахъ отождествить „вредный“ образъ мыслей съ отрицаніемъ элементарныхъ нравственныхъ началъ, благонадежность—съ добродѣтелью. Оправдывать „обычные пріемы борьбы“, употребляемые „либеральною партіею“, мы, разумѣется, не станемъ, какъ не станемъ говорить *вообще* и о полемическихъ пріемахъ, допускаемыхъ нашими противниками; остановимся только на томъ, что́ даетъ намъ настоящій случай. Въ той самой замѣткѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, о которой мы только-что упомянули, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующая фраза: „либеральный катехизисъ требуетъ, чтобы въ политической, экономической и т. д. жизни Россіи все изображалось не иначе какъ мрачными красками; между тѣмъ, гг. Посниковъ и Чупровъ нашли нужнымъ, *по особымъ извѣстнымъ имъ причинамъ*, отступить на этотъ разъ отъ либеральнаго катехизиза“. Какъ назвать подчеркнутыя нами слова, какъ квалифицировать эту попытку набросить тѣнь на *побужденія* гг. Посникова и Чупрова? Что́ можно противопоставить инсинуаціи, ничего опредѣленно не утверждающей, но тѣмъ больше оставляющей простора для „благосклонныхъ“ предположеній? Положимъ, что она разобьется о безупречное имя гг. Чупрова, Посникова и ихъ сотрудниковъ, но вѣдь мы говоримъ не о ея послѣдствіяхъ, а о настроеніи, въ ней выразившемся. И за ея безвредность, впрочемъ, нельзя ручаться безусловно, въ виду извѣстной формулы: calomniez, il en restera toujours quelque chose.

Какую цѣнность имѣетъ, затѣмъ, проповѣдь морали, перемѣшанная съ инсинуаціями—это не требуетъ объясненій... Въ другой замѣткѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, фальсификація науки, допущенная, будто бы, гг. Посниковымъ и Чупровымъ, является уже какъ бы

Digitized by Google

чѣмъ-то несомнѣннымъ, не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ; редакторы „Вліянія хлѣбныхъ цѣнъ“ ставятся на одну доску съ г. Исаевымъ, какъ авторомъ извѣстнаго письма, съ другимъ ученымъ, на котораго передъ тѣмъ было взведено обвиненіе въ плагіатѣ [1]). Озлобленіе, доведенное до такой степени, перестаетъ быть опаснымъ для тѣхъ, противъ кого оно направлено; доза яда такъ велика, что вовсе не требуетъ противоядія. До крайности смѣшны, при этомъ, громкія фразы о „полномъ пораженіи“ гг. Посникова и Чупрова. „Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ“ провозглашается, будто бы со словъ „серьезной научной критики“, „тенденціозною компиляціей, исполненною противорѣчій и неимѣющею ничего общаго съ наукой“; пускается въ ходъ увѣреніе, что „противъ приведенныхъ уликъ (!?) проф. Чупровъ и Посниковъ въ концѣ концовъ ничего не нашли возразить“. И это говорится послѣ длиннаго ряда вѣскихъ возраженій, напечатанныхъ гг. Чупровымъ, Посниковымъ и ихъ сотрудниками въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. На самомъ дѣлѣ, научный споръ о „Вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ“ остается рѣшеннымъ не вполнѣ: чтобы закончить его, нужно нѣчто бо́льшее, чѣмъ смѣлость и безцеремонность.

Вслѣдствіе совокупности обстоятельствъ, о которыхъ можно судить, отчасти, по сказанному въ началѣ настоящей хроники, наиболѣе плодотворная работа на пользу образованія народа совершается у насъ, сплошь и рядомъ, благодаря общественной иниціативѣ. Ею созданы, между прочимъ, школы техническаго общества, главнаго руководителя которыхъ, А. Г. Неболсина, чествовали недавно многочисленные его почитатели, въ день двадцатипятилѣтія его дѣятельности, какъ члена, товарища предсѣдателя и предсѣдателя постоянной коммиссіи по техническому образованію. Школы техническаго общества не только увеличиваютъ средства, которыми располагаетъ начальное обученіе въ Петербургѣ, но, заботясь объ образованіи *взрослыхъ* рабочихъ, пополняютъ, до извѣстной степени, важный пробѣлъ въ области учебнаго дѣла. Мы узнаемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, что въ половинѣ 70-хъ годовъ, когда А. Г. Неболсинъ былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя коммиссіи, она имѣла 4 вечернихъ школы для рабочихъ, 4 школы для дѣтей рабочихъ и 1 спеціальную школу по строительному дѣлу: теперь въ вѣденіи ея состоятъ 17 школъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ рабочихъ, 12 школъ для дѣтей рабочихъ и 8 спеціальныхъ школъ—всего 37 учебныхъ заведеній (вмѣсто 9). Сумма ежегодныхъ расхо-

[1]) Мы не называемъ этого ученаго, потому что не знаемъ, въ какой степени справедливо обвиненіе, на него взведенное.

Digitized by Google

довъ на школы возросла, въ тотъ же періодъ времени, съ 11½ до 101 тыс. руб. Та же газета напоминаетъ, весьма кстати, о широкой программѣ просвѣтительныхъ мѣръ, предложенной А. Г. Неболсинымъ на прошлогоднемъ нижегородскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ. Основная мысль этой программы—расширеніе самодѣятельности общественныхъ учрежденій, отъ которыхъ А. Г. Неболсинъ совершенно правильно ожидаетъ наиболѣе творческой иниціативы и наиболѣе плодотворныхъ усилій въ области народнаго просвѣщенія.

28-го апрѣля скончалась М. В. Трубникова—одна изъ тѣхъ самоотверженныхъ и неутомимыхъ работницъ на общую пользу, которыхъ выдвинули шестидесятые годы и наиболѣе типичной представительницей которыхъ служила Н. В. Стасова. Вмѣстѣ съ послѣдней, М. В. Трубникова преподавала въ воскресныхъ школахъ, устраивала артель переводчицъ, участвовала въ первыхъ попыткахъ организаціи высшаго женскаго образованія. Тяжкая болѣзнь давно уже положила конецъ ея трудамъ, но она успѣла сдѣлать достаточно, чтобы не быть забытой; ея имя навсегда останется связаннымъ съ исторіей петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.—Въ началѣ мая скончался Н. А. Любимовъ, ближайшій сотрудникъ Каткова и Леонтьева по изданію „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, болѣе чѣмъ кто-либо способствовавшій замѣнѣ университетскаго устава 1863 г. уставомъ 1884 года. Понятно, что о значеніи его дѣятельности возможны самыя противоположныя мнѣнія, сравнительный разборъ которыхъ былъ бы неумѣстенъ въ виду только-что закрывшейся его могилы.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже въ печати, когда мы прочли новыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ по дворянскому вопросу (№№ 130 и 132). Особенно характеристична изъ нихъ та, которая озаглавлена: „По поводу дворянскихъ съѣздовъ“. Еще яснѣе, чѣмъ прежде, становится здѣсь истинное отношеніе газеты къ дворянству: покровительственно благосклонное, пока идетъ рѣчь объ экономическихъ льготахъ для самихъ дворянъ и объ административно-полицейской ихъ власти надъ массой—недовѣрчивое къ самостоятельной дѣятельности дворянства и даже къ самостоятельному обсужденію имъ обще-государственныхъ вопросовъ. Мы узнаемъ изъ названной нами статьи, что въ одномъ изъ губернскихъ дворянскихъ собраній „высказано было пожеланіе предоставленія дворянству права съѣзжаться въ общіе всероссійскіе дворянскіе съѣзды и обсуждать интересы всего дворянства“. Такіе съѣзды московская газета провозгла-

Digitized by Google

шаетъ „еще менѣе понятными", чѣмъ съѣзды предсѣдателей земскихъ управъ и городскихъ головъ „для принятія общихъ мѣръ относительно земскаго и городского хозяйства"—съѣзды, которые были бы „равносильны упраздненію министерства внутреннихъ дѣлъ" (!). Сословные интересы дворянства пріурочены, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", исключительно къ губерніи., „Обще-имперское дворянство не имѣетъ своихъ особыхъ, отдѣльныхъ отъ правительства интересовъ; дворяне, какъ служилое сословіе, составляютъ часть правительства, а потому всякій дворянскій вопросъ, выходящій изъ предѣловъ губерніи, есть вопросъ правительственный, и въ рѣшеніи его равнымъ образомъ заинтересовано правительство и дворянство". Допустимъ, на минуту, правильность этихъ посылокъ, хотя противъ нихъ можно было бы возразить весьма многое: какое же изъ нихъ вытекаетъ заключеніе? Не ясно ли, что по вопросамъ, въ которыхъ *равнымъ образомъ* заинтересованы правительство и дворянство, совершенно естественно было бы выслушивать мнѣніе дворянства? Нѣтъ; у „Московскихъ Вѣдомостей" своя особая логика. Дворянству, съ ихъ точки зрѣнія, не подобаетъ обсуждать вопросы, по которымъ оно столь же заинтересовано, какъ и правительство. „Предоставленіе дворянству роли, вполнѣ схожей съ ролью дѣйствующаго правительства (вовсе не вполнѣ схожей: *совѣщаніе* далеко не тождественно съ *рѣшеніемъ*), но исполняемой не отъ имени послѣдняго, а отдѣльно, самостоятельно, чревато послѣдствіями, внушающими опасеніе: съ одной стороны, произойдетъ умаленіе правительства, съ другой—возникнетъ зависть и неудовольствіе другихъ сословій". Взамѣнъ осуждаемыхъ ею, такимъ образомъ, общедворянскихъ съѣздовъ, московская газета предлагаетъ... учрежденіе, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особаго департамента, подъ именемъ „Дворянскаго Отдѣла"! Вотъ ужъ, по истинѣ, предложеніе „камня вмѣсто хлѣба"! Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что *такимъ* дружескимъ услугамъ значительная часть дворянства предпочла бы самыя рѣзкія нападенія...

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ „Союза взаимопомощи русскихъ писателей".

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей со времени своего открытія—24 января настоящаго года—имѣлъ пять Общихъ Собраній.

На первыхъ двухъ — учредительскихъ — произведены выборы въ члены Комитета, Суда Чести и Ревизіонной Коммиссіи, всего въ числѣ 32 человѣкъ.

На послѣдующихъ трехъ Собраніяхъ было разсмотрѣно семь докладовъ, представленныхъ Комитетомъ, и произведены выборы 15 членовъ Юридической Коммиссіи и 109 новыхъ членовъ Союза, общее число коихъ вмѣстѣ съ учредителями нынѣ составляетъ 250 человѣкъ, изъ коихъ иногородныхъ—48.

Комитетъ Союза имѣлъ 14 засѣданій, посвященныхъ, независимо отъ разрѣшенія текущихъ распорядительныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, разсмотрѣнію заявленій 130-ти кандидатовъ въ члены Союза и предварительной ихъ баллотировкѣ, разработкѣ Положеній о Юридической Коммиссіи, Бюро Справокъ и Врачебной помощи при Союзѣ и составленію Инструкцій Ревизіонной Коммиссіи и Филіальнымъ Отдѣленіямъ временной Смѣты и Правилъ для Библіотеки.

Судъ Чести имѣлъ шесть засѣданій.

По одному дѣлу состоявшееся постановленіе уже опубликовано. Другое дѣло находится въ производствѣ.

Юридическая Коммиссія имѣла два засѣданія совмѣстно съ Комитетомъ, въ которыхъ выработала программу своихъ занятій и избрала двѣ Подкоммиссіи по спеціальнымъ вопросамъ.

Бюро Справокъ открыло свои дѣйствія и приступаетъ къ еженедѣльному опубликованію поступающихъ къ нему запросовъ и предложеній литературнаго труда.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

МАЙ — ІЮНЬ 1897.

Книга пятая.—Май.

Николай Христіановичъ Бунге. — Біографическій очеркъ. — 1823-1825 гг.— ЕВГ. Э. КАРТАВЦОВА . . . . . стр. 5

Изъ Лонгфелло.—Голоса Ночи. — Перев. А. М. ѲЕДОРОВА 40

Переселенческое дѣло.—VIII. Отношеніе новоселовъ къ старожиламъ.—IX. Переселенческій вопросъ въ будущемъ.—Окончаніе.—Ѳ. Г. ТЕРНЕРА. . . 53

Начало конца.—Повѣсть.—ВЛ. ТИХОНОВА. 86

Павелъ I и Густавъ IV. — 1796-1800 гг.—По документамъ стокгольмскаго архива.—IV-VII.—Окончаніе.—А. БРИКНЕРА 147

Изъ М. Гюйо.—I. Моменты вѣры.—II. Спиноза.—Перев. И. ТХОРЖЕВСКАГО. 171

Очерки современнаго Пелопоннеса. — XI. По Лакедемоніи. — XII. Спарта средневѣковая и Спарта классическая. — XIII. Триполица. — ЕВГ. Л. МАРКОВА 173

Дочь своего вѣка. — I-VI.—Перев. съ англ. — А. Б—г— 211

Изъ переписки гр. А. К. Толстого.—1856-1863 гг. 261

Петръ Великій за границей, въ 1697-1698 гг. — А. П. 298

Хроника.—По исполненію государственной росписи на 1896 годъ.—О. 324

Внутреннее Обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 27-го марта.—Высочайшій рескриптъ 13-го апрѣля. — Положеніе дворянства въ до-реформенную, реформенную и по-реформенную эпохи. — „Московскія Вѣдомости“ о „возстановленіи государственныхъ полномочій дворянства“.—Ссылка на „мудрые совѣты“ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ.—Что понимать подъ именемъ возвращенія къ прошедшему? — Вопросъ о судѣ присяжныхъ, общемъ и спеціальномъ, въ коммиссіи, пересматривающей судебные уставы.—Столѣтіе Удѣльнаго вѣдомства 335

Иностранное Обозрѣніе.—Греко-турецкая война и ея возможныя послѣдствія.—Побѣдоносная Турція и великія державы.—Дипломатическія недоразумѣнія. — Недовольство европейскою дипломатіею во Франціи и Англіи.—Туркофильство въ нашей печати. — Сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею 357

Литературное Обозрѣніе.—Собраніе сочиненій Н. И. Наумова.—Г. Могра. Послѣдніе дни одного общества.—Т.—Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, соч. Де-Фо. Лазарильо изъ Тормесъ, и его удачи и неудачи.—А. П.—Г. Сенкевичъ. Quo vadis, ром. изъ временъ Нерона.—Д. — Новыя книги и брошюры 370

Письма Н. М. Карамзина, вновь изданныя. — Т. 386

Новости Иностранной Литературы.—I. J. Legras, Henri Heine, Poète.—З. В.—II. Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours, par A. Drandar. — Л. С. 397

Обыватели Лондона и ихъ бытъ.—Ch. Booth, Life and Labour of the People, V-VIII t. Письмо изъ Англіи. — С. И. РАППОПОРТА 406

Изъ Общественной Хроники.—Ростущая литература по университетскому вопросу. — Статьи „Одного изъ многихъ“, кн. С. Н. Трубецкого и А. Ф. Филиппова; брошюра Н. Карѣева.—Пріостановка „Луча“. — По поводу 50-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.—Юбилей А. А. Потѣхина.—Письмо въ Редакцію А. А. Поджіо, по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго. 417

Извѣщенія.—I. Отъ Совѣта Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ.—II. Отъ Общества борьбы съ заразными болѣзнями.—III. Отъ Спб. Общества: „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“ 433

Библіографическій Листокъ.—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ, К. Скальковскаго.—Духовныя основы жизни, Владиміра Соловьева. Изд. 3-е. — Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса, Н. Карѣева, — Курсъ физики, О. Д. Хвольсона. Т. I.—Самуилъ Ганеманъ. Очерки его жизни и дѣятельности. Д-ра мед. Л. Е. Бразоля.—Поэмы, Думы и Пѣсни. В. К. Булгакова.

Объявленія. — I-XVI стр.

Digitized by Google

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Очерки современнаго Пелопоннеса. — XIV. Въ древнемъ царствѣ Атридовъ.— XV. Микенскій акрополь.—XVI. Тиринѳъ—крѣпость циклоповъ.—XVII. Наполи-ди-Романіа.—XVIII. Святилище Эскулапа въ Эпидаврѣ. — XIX. Черезъ Коринѳскій перешеекъ.—Окончаніе.—ЕВГ. Л. МАРКОВА . . 437
Въ огнѣ.—Разсказъ.—В. АВСѢЕНКО 502
Д. С. Мережковскій и его „Вѣчные спутники".—В. Д. СПАСОВИЧА. . . . 559
Прежде и теперь.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 604
Изъ переписки гр. А. К. Толстого.—1864-1868 гг. 606
Московскій университетъ. — Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія 50 лѣтъ.—I. Сороковые и пятидесятые годы.—II. Университетъ съ 1858 г. по 1874 г.—А. Л—КАГО 641
Дочь своего вѣка.—VII-XV.—Перев. съ англ.—Окончаніе.—А. Б—г— . . . 665
А. И. Полежаевъ, его жизнь и поэзія.—В. Е. ЯКУШКИНА 716
Господинъ Калошкинъ.—Разсказъ.—ВЛАД. КАРЕНИНА 730
Хроника.—Еще о денежной реформѣ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 772
Новая администрація въ С.-Ам. Соединенныхъ-Штатахъ.—П. А. ТВЕРСКОГО. 783
Внутреннее Обозрѣніе.—Измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій.— Различіе между основаніемъ изданія и его переходомъ въ другія руки.— Временной характеръ новой мѣры.—Недомолвки въ разсужденіяхъ „охранительной" печати о дворянскомъ вопросѣ.—Мнимая солидарность интересовъ и мнимыя особенности „служилаго" сословія. — „Ограниченный умъ подданныхъ" въ старой Пруссіи.—Новые законы 821
Иностранное Обозрѣніе. — Греко-турецкая война и европейская дипломатія. — Странные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на Турцію и на ея побѣды.—Замѣчанія о „курьезномъ" характерѣ военныхъ дѣйствій.—Греки и турки.— Бѣдствія войны и случайныя катастрофы.—Пожаръ въ Парижѣ.—Вильгельмъ II и его восточная политика 843
Литературное Обозрѣніе.—Сборникъ Т. И. Филиппова.—В.І. С.—Новыя книги и брошюры 856
Новости Иностранной Литературы.—I. Fernand Vanderem, Les deux Rives, roman.—II. E. Vigié-Lecocq, La Poésie Contemporaine.—З. В. 864
Изъ Общественной Хроники.—Новыя общества грамотности.—Распоряженія въ области начальной школы.—Вопросъ о народной читальнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Московскій городской голова. — „Пріемъ ироніи", употребленный проф. Исаевымъ.— Юбилей А. Г. Неболсина. — М. В. Трубникова и Н. А. Любимовъ †.—P. S. Еще статьи „Москов. Вѣдомостей" о дворянскомъ вопросѣ 875
Извѣщенія. — Отъ „Союза взаимопомощи русскихъ писателей" 886
Библіографическій Листокъ.—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. — Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Культуръ-географическіе очерки дальняго Востока. Проф. А. Н. Краснова. Съ 101 рис. и 2 карт. — Власть и право. Философія объективнаго права. В. Ф. Залѣсскій. — Фритьофъ Нансенъ. В. Г. Бреггера и Н. Рольфсена, съ стихотворнымъ введеніемъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ.
Объявленія—I-XVI стр.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Т. I (1777-1801 г.). Спб. 1897. Стр. 486. Ц. за 4 тома 30 руб.

Настоящій трудъ и по избранному почтеннымъ авторомъ періоду отечественной исторіи—первой четверти истекающаго нынѣ XIX-го вѣка, и по богатству матеріаловъ, которые легли въ основаніе его обширнаго изслѣдованія,—многіе изъ нихъ до настоящаго времени не пользовались общедоступностью—справедливо обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и представляется выдающимся явленіемъ нашей исторической литературы за все послѣднее время. Хотя появившійся нынѣ первый томъ, по своему главному предмету—эпохѣ Александра I—находится, такъ сказать, еще внѣ предѣловъ существенной задачи автора, а именно, оканчивается какъ разъ наканунѣ самаго дня воцаренія имп. Александра I, и служитъ такимъ образомъ обширнымъ введеніемъ къ исторіи новой эпохи,—но, какъ видно изъ заявленія издателя, и остальные три тома уже окончены авторомъ, такъ какъ къ концу этого же года весь трудъ пойдетъ въ печати сполна. Дѣтство, отрочество и первые годы юности В. К. Александра Павловича, проведенные имъ до двадцатилѣтняго возраста подъ руководствомъ и покровомъ бабки, императрицы Екатерины II, и послѣдовавшіе затѣмъ четыре тяжкихъ года превратной судьбы юнаго наслѣдника престола въ кратковременное царствованіе имп. Павла I—составляютъ содержаніе перваго тома, богатаго новыми подробностями и фактами, приведшими, неожиданно для современниковъ, къ воцаренію Александра I. Болѣе половины тома посвящено примѣчаніямъ, приложеніямъ и обширному собранію матеріаловъ, относящихся спеціально къ исторіи имп. Павла I.

Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Культурно-географическіе очерки дальняго Востока. Проф. А. Н. Краснова. Съ 101 рис. и 2 карт. Вып. I: Японія. Спб. 97. Стр. 244. Ц. 2 р.

Этотъ интересный и весьма богатый сообщеніями трудъ служитъ вмѣстѣ и дѣловымъ отчетомъ автора Главному Управленію Удѣловъ, имѣющему въ виду перенести къ намъ, въ Закавказье, разведеніе, главнымъ образомъ, чая, именно въ Батумской области. Съ этою цѣлью оно снарядило экспедицію, въ которую былъ приглашенъ и проф. ботаники А. Н. Красновъ. Онъ посѣтилъ Цейлонъ, Китай и Японію, гдѣ процвѣтаетъ чайная культура, причемъ, не ограничиваясь чисто сельско-хозяйственными наблюденіями, авторъ далъ полную картину не только природныхъ условій, въ какія поставлена тамъ культура чая, но и особенностей быта и строя жизни той части населенія, которая живетъ чайною культурою. Въ особой главѣ авторъ дѣлаетъ сравненіе всѣхъ тѣхъ условій, которыхъ эта культура требуетъ на Востокѣ, съ условіями нашего черноморскаго побережья, и даетъ заключеніе, что его природа очень сходна съ природою чайныхъ округовъ на дальнемъ Востокѣ, и только по нашей винѣ это побережье по воспользовалось до сихъ поръ тѣмъ, что могло бы легко быть перенесено туда изъ сокровищъ богатой флоры субтропическихъ областей Азіи. Изданіе выполнено весьма изящно и снабжено многочисленными иллюстраціями.

Власть и право. Философія объективнаго права. В. Ф. Залѣсскій. Казань, 97. Стр. 297 + XXII. Ц. 2 р.

Предметъ разсужденія г. Залѣсскаго былъ бы чрезвычайно интересенъ, еслибы „власть и право" былъ въ самомъ дѣлѣ изслѣдованы авторомъ на основаніи какихъ-нибудь фактическихъ и научныхъ свѣдѣній; но, къ сожалѣнію, книга написана, какъ будто, только для того, чтобы показать знакомство автора съ массою сочиненій, посвященныхъ разнымъ наукамъ и вопросамъ, къ тому числѣ и отвлеченно-юридическимъ. Множество имена, заглавій и цитатъ, приводимыхъ г. Залѣсскимъ, должно окончательно убѣдить читателей въ его начитанности; однако, вопросъ о власти и правѣ мало разъясняется всѣмъ этимъ ученымъ матеріаломъ. Поговоривъ объ утилитарной философіи Бентама и Милля, объ эволюціонной теоріи Спенсера и Дарвина, объ ученіяхъ ихъ противниковъ и приверженцевъ, о кѣточкахъ и протоплазмахъ, авторъ переходитъ къ исторической и реалистической школамъ въ области права, подробно останавливается на трудахъ Іеринга, которымъ приписываетъ великое значеніе, и наконецъ въ небольшой заключительной части пытается выяснить свои собственные взгляды, имѣющіе впрочемъ мало общаго съ какою бы то ни было наукою или философіею. Г-нъ Залѣсскій находитъ, что вся функція образованія и формулированія права „сосредоточивается въ рукахъ государства (т.-е. государственной власти), а обычное право дѣйствуетъ лишь тамъ и по столько, гдѣ и по сколько это допускается государствомъ. Въ этомъ смыслѣ,—заключаетъ онъ,—мы можемъ сказать, что право создается и должно создаваться исключительно государственною властью; что государство есть единственный творецъ и носитель права; въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать—*право создается властью*" (стр. 266). Для такого незамысловатаго вывода, основаннаго на неопредѣленности понятій о государствѣ, власти и правѣ, не стоило, конечно, трогать 305 сочиненій, цитируемыхъ въ книгѣ и перечисленныхъ въ концѣ въ особомъ указателѣ.

Фритьофъ Нансенъ. В. Г. Бреггера и Н. Рольфсена, съ стихотворнымъ введеніемъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсона. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Спб., 1896. Стр. VIII и 363. Ц. 2 р. 50 коп.

Книга даетъ подробнѣйшую біографію Нансена, вмѣстѣ съ обстоятельными свѣдѣніями объ его научныхъ занятіяхъ, путешествіяхъ и работахъ; это, какъ выражаются переводчики въ предисловіи, „настоящая героическая сага, повѣствующая о юности, трудахъ, служеніи наукѣ и подвигахъ современнаго викинга". Текстъ украшенъ многочисленными рисунками; въ концѣ приложены три географическія карты.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1897 Г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 6 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и третью четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и жительства и съ назначеніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google